(Годъ сороковой).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1902

5.

Стр.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1902.

В. З. Завитневичъ Алексѣй Степановичъ Хомяковъ. Кіевъ, 1902. Бол. 8-ка. Томъ первый, въ двухъ книгахъ: (I, Молодые годы, общественная и научно-литературная дѣятельность Хомякова; II, Труды Хомякова, въ области богословія). Въ обѣихъ книгахъ 1422 стр. съ эпиграфомъ: „Только пасынки Россіи не поклонятся тебѣ. *Ѳ. Глинка*".

Профессоръ Кіевской Духовной Академіи, ученикъ Кояловича, В. З. Завитневичъ вноситъ обширнымъ трудомъ своимъ о Хомяковѣ цѣнный вкладъ въ сокровищницу Русскаго самосознанія. Эти двѣ книги являются въ самую пору, т. е. за выходомъ въ свѣтъ восьми томовъ полнаго собранія сочиненій Хомякова.

*

І. Мандельштамъ. О характерѣ Гоголевскаго стиля. Глава изъ исторіи Русскаго литературнаго языка. С.Пб. и Гельсингфорсъ. 1902. 8-ка. X и 406 стр.

Нѣтъ болѣе неопредѣленной науки, какъ „исторія литературы". Въ былое время подъ этимъ названіемъ разумѣли просто рядъ жизнеописаній почему-либо прославившихся писателей. Съ жизнеописаніями соединялся разборъ ихъ произведеній, часто состоявшій исключительно въ томъ, что историкъ выписывалъ отрывки и хвалилъ или бранилъ ихъ безъ всякихъ доказательствъ. Подобнаго рода „исторіи литературы" появляются иногда и въ наши дни. Позднѣе стали разсматривать словесность, какъ явленіе, особенно полно отражающее жизнь общества и слѣдовательно дающее возможность изучить эту жизнь. Съ этой точки зрѣнія въ художественномъ произведеніи признавалось важнымъ не то, что составляетъ его сущность, къ чему именно и стремился его создатель, а нѣчто болѣе или менѣе случайное, попавшее въ него иногда безъ воли автора. Вопросъ о художественности отступалъ на второе мѣсто; какія-нибудь, въ художественномъ отношеніи ничтожныя, средневѣковыя сказки оказывались важнѣе для историка, чѣмъ Божественная Комедія. Еще позднѣе хотѣли отнять у словесности и это скромное значеніе — наиболѣе полнаго выраженія общественной жизни. Такъ какъ всю историческую жизнь начали ставить въ зависимость отъ состоянія народного хозяйства, то и въ словесности старались усмотрѣть только отдаленнѣйшіе отзвуки „экономической борьбы" отдѣльныхъ круговъ (классовъ) общества. Этотъ взглядъ уже прямо отрицалъ возможность исторіи словесности, какъ отдѣльной науки. Только за самое послѣднее время явились попытки поставить исторію словесности на совершенно новыя основанія. Вмѣсто того, чтобы разсматривать общіе взгляды (идеи) писателей и ихъ связь со взглядами (идеями) современниковъ, (что весьма трудно поддается разбору), новѣйшіе изслѣдователи взяли иную единицу мѣры: художественный образъ. Отъ самаго общаго они обратились къ самому частному, и то, что прежде считалось послѣднимъ въ изученіи художественнаго творчества, *языкъ* произведенія, приняли за исходную точку.

Книга І. Мандельштама (профессора Гельсингфорскаго университета) составляетъ одну изъ первыхъ попытокъ въ этомъ направленіи. Г. Мандельштамъ разсматриваетъ творчество Гоголя не съ птичьяго полета, откуда оно всѣмъ наблюдателямъ кажется равнымъ, но подходитъ къ нему въ его мельчайшихъ составныхъ частяхъ, въ его элементахъ, гдѣ путемъ сравненій и подсчетовъ дается возможность прійти къ заключеніямъ дѣйствительно научнымъ, то есть неоспоримымъ и общеобязательнымъ. Въ первой, меньшей части своей книги, онъ указываетъ связь стиля Гоголя съ языкомъ народа, со стилемъ писателей, ему современныхъ, и съ общепоэтическимъ стилемъ. Во второй, большей, онъ выясняетъ отличіе Гоголевскаго языка отъ языка другихъ писателей и тѣ пріемы, какими Гоголь достигалъ изобразительности и силы, при чемъ значительное мѣсто отведено Гоголевскому юмору.

Изъ выводовъ г. Мандельштама отмѣтимъ его наблюденіе, что нѣко-

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ СОРОКОВОЙ.

1902.

2.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

О, вспомни твой удѣлъ высокій,
Былое въ сердцѣ воскреси!..

Хомяковъ.

1902.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1902.

ОХЪ ФРАНЦУЗЫ!

Наборная повѣсть изъ былей,

по-русски писанная*).

Авторъ этой повѣсти—*графъ Ѳедоръ Васильевичъ Растопчинъ*—одно изъ самыхъ замѣчательныхъ историческихъ лицъ въ народной войнѣ 1812 года. Шестнадцать лѣтъ прошло съ кончины его, и до-сихъ-поръ еще мы не имѣемъ полной его біографіи. А между тѣмъ, графъ Растопчинъ вполнѣ заслуживаетъ почетное мѣсто въ ряду героевъ незабвенной эпохи. Современники помнятъ, какое живое участіе принималъ онъ въ освобожденіи Москвы и какъ могущественно дѣйствовалъ вліяніемъ своимъ на народъ, вооружая его противъ враговъ иноплеменныхъ. Въ виду самыхъ непріятелей, онъ хладнокровно распоряжался ввѣренною ему столицею. Наполеонъ былъ уже на Поклонной Горѣ, а въ многолюдной Москвѣ царствовали тишина и безопасность, стрегомыя ея градоначальникомъ. Растопчинъ ободрялъ дворянство, наблюдалъ за чернью, посѣщалъ раненыхъ, пекся о спокойствіи каждаго и о безопасности всѣхъ. Неутомимая дѣятельность и истинно-русская сметливость Растопчина тотчасъ были замѣчены Благословеннымъ вождемъ священной брани. Императоръ Александръ, довольный мѣрами, принятыми Растопчинымъ къ поддержанію порядка и вполнѣ полагаясь на твердость его въ столь смутное время, пожаловалъ ему эполеты съ своимъ шифромъ, сказавъ: „Я самъ теперь у тебя на плечахъ“. И дѣйствительно, твердость, опытность и благоразуміе Растопчина спасли Москву не только отъ мятежа, во время сдачи ея, но и отъ малѣйшаго безпорядка. Во все время пребыванія Наполеона въ Москвѣ, Растопчинъ всячески затруднялъ продовольствіе войскъ Французскихъ, отрѣзывая имъ подвозъ провіанта. Обладая необыкновеннымъ даромъ говорить всякому языкомъ наиболѣе понятнымъ, онъ особенно умѣлъ объясняться съ Русскими мужичками; печатныя афиши его, написанныя языкомъ простымъ, но сильнымъ, убѣдительнымъ, приводили въ сильное движеніе подмосковныхъ крестьянъ, которые прятали женъ, дѣтей и имущество свое въ глубины лѣсовъ и зарывали въ землю, а сами, вооружась какъ могли и чѣмъ-ни-попало, убивали всюду не только мародёровъ, но даже цѣлые непріятельскіе отряды. По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ извѣстно, что около 30,000 Французовъ было побито въ самой Москвѣ и въ окрестностяхъ ея въ теченіе шести недѣль одними поселянами и обывателями, которые возбуждены были противъ враговъ прокламаціями Растопчина. Этого мало: подкрѣпляя убѣжденія примѣромъ, Растопчинъ самъ зажегъ великолѣпный домъ свой въ

---

*) Изъ „Отечественныхъ Записокъ“ 1842, книжка 9-я. Не вошло въ Смирдинское собраніе сочиненій графа Растопчина. Предисловіе, надо полагать, написано А. Я. Булгаковымъ. П Б.

селѣ Вороновѣ, который Наполеономъ былъ избранъ для главной квартиры. Извѣстна Французская надпись, прибитая имъ къ воротамъ, когда онъ выѣхалъ изъ объятаго пламенемъ дома: „Восемь лѣтъ украшалъ я это село; восемь лѣтъ въ нѣдрахъ семейства моего жилъ я счастливо подъ покровомъ отеческаго правленія Императора Александра. Поселяне этой деревни удаляются отъ васъ, а я зажигаю мой домъ, чтобы онъ не осквернился вашимъ присутствіемъ. Въ Москвѣ оставилъ я вамъ въ добычу два дома съ имуществомъ въ нихъ на полмилліона; здѣсь найдете вы одинъ пепелъ!“ Надпись эта переведена была на всѣ языки и въ цѣлой Европѣ читалась тогда съ восхищеніемъ. Наконецъ, самый пожаръ Москвы,—теперь можно уже говорить объ этомъ не съ боязнію стыда, но съ гордостію,—самый пожаръ Москвы, въ которомъ погасла звѣзда Наполеонова, былъ безсмертнымъ дѣломъ Растопчина. Конечно, будучи въ Парижѣ, графъ Растопчинъ издалъ брошюру подъ заглавіемъ: „La vérité sur l'incendie de Moscou“, въ которой онъ уклоняется отъ славы, будто бы имъ незаслуженной, приписывая пожаръ Москвы Французамъ. Не станемъ разыскивать истины, но на такое отреченіе можно сказать только, что во время изданія брошюры еще не зажили раны, нанесенныя Москвѣ этимъ достославнымъ пожаромъ, и что если мужественная рѣшимость въ бѣдственныхъ обстоятельствахъ можетъ доставить славу, то еще славнѣе уклоняться отъ похвалъ.—Пожаръ Московскій положилъ начало освобожденію Москвы и Россіи. Растопчинъ, тотчасъ по выступленіи непріятелей изъ столицы, явился въ подорванномъ Кремлѣ и, окруженный еще дымящимися развалинами, принялся за возстановленіе Москвы. Въ короткое время все приняло въ ней совершенно другой видъ: церкви вновь освятились, погорѣлые получили пристанища, бѣдные пищу, раненые надзоръ, больные пользованіе; городъ очистился отъ безчисленнаго множества мертвыхъ тѣлъ и лошадей, наполнявшихъ улицы, подвалы и колодези присутственныя мѣста, почты и всѣ части государственнаго управленія приведены въ прежнее устройство; отовсюду стекались обозы со всѣми жизненными потребностями; словомъ, Москва быстро начала возникать изъ своего пепла... Въ 1814-мъ году Растопчинъ дожилъ до счастія—получить вѣсть о вступленіи Русскихъ въ Парижъ и праздновалъ это событіе торжествомъ великолѣпнымъ и оригинальнымъ. Въ 1815 году, по разстроенному здоровью, онъ вышелъ въ отставку и, осыпанный милостями Императора Александра, уѣхалъ въ чужіе края, гдѣ имя его давно уже было громко. Пріемы, сдѣланные ему королями Прусскимъ и Англійскимъ, доказывали то уваженіе, которымъ онъ пользовался у союзниковъ своего Монарха. Пробывъ восемь лѣтъ за границею, онъ, въ 1823 году, возвратился въ Москву и умеръ тамъ 18 Января 1826 года, на 61-мъ году своей жизни, не проживъ и двухъ мѣсяцевъ по кончинѣ своего Государя и благодѣтеля.

Графъ Растопчинъ, коротко знакомый съ произведеніями литературъ Англійской, Итальянской, Нѣмецкой, и преимущественно, Французской, принадлежитъ къ числу образованнѣйшихъ людей своего времени. Онъ самъ писалъ очень много и преимущественно комедіи, исполненныя, говорятъ, остротъ, юмора и оригинальности; но, по прочтеніи этихъ комедій въ небольшомъ избранномъ своемъ обществѣ, онъ тотчасъ сжигалъ ихъ; одна комедія „Живой Мертвецъ“ была представлена на театрѣ. Въ печати извѣстны только его „Мысли вслухъ на Красномъ Крыльцѣ“, афиши 1812 года и „Правда о пожарѣ Московскомъ“. Послѣ него осталось нѣсколько рукописей, и между прочими разныя „Записки“, касающіяся до него лично, или до другихъ важныхъ происшествій, которыхъ онъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ. Эти записки, разумѣется, не могутъ еще быть переданы печати.

Предлагаемая здѣсь повѣсть, нигдѣ доселѣ ненапечатанная, найдена также между бумагами графа Ѳ. В. Растопчина и доставлена намъ его наслѣдникомъ. Она вся писана рукою покойнаго графа, но неизвѣстно гдѣ—въ Россіи, или во время пребыванія его за границею. Повѣсть эта отъ начала до конца проникнута оригнальнымъ характеромъ ея славнаго автора. Каждая страница запечатлѣна тѣмъ же умомъ тонкимъ, острымъ, опытнымъ; вездѣ тотъ же язвительный сарказмъ, дышащій ненавистью къ Французамъ,—плодомъ глубокаго убѣжденія, что мы были бы лучше и не навлекли бы на себя бѣды, если бъ болѣе чуждались всего иноземнаго: убѣжденіе, понятное въ человѣкѣ, видѣвшемъ своими глазами бѣдствія, наносимыя игомъ иноплеменнымъ и долженствовавшемъ, по благородному патріотическому увлеченію. бороться съ утѣснителями; наконецъ, тотъ же неподражаемый, своеобразный, но въ высшей степени выразительный языкъ, которымъ умѣлъ такъ сильно владѣть только Растопчинъ,—все тоже въ этой повѣсти, что́ восхищало современниковъ и въ „Мысляхъ вслухъ на Красномъ Крыльцѣ“, и въ незабвенныхъ „афишахъ“.

Время, исцѣляющее раны, потушаетъ и ненависть народную. Тридцать лѣтъ уже прошло съ той эпохи, когда мы видѣли въ иноземцахъ только губителей нашей свободы и спокойствія и за этимъ образомъ не хотѣли видѣть ничего болѣе. Тридцать лѣтъ мира и тишины перемѣнили отношенія. сблизили новыя поколѣнія въ интересахъ науки, искусства, блага общественнаго, заставивъ позабыть старинную вражду и причиненныя ею бѣдствія. Мы уже не тѣ, что́ были въ 1812 году. Мы уже видѣли могилу того, кого такъ ненавидѣли въ то время; мы уже вѣруемъ съ поэтомъ, что надъ этой „великолѣпной могилой горитъ лучъ безсмертія“ и признаёмъ въ немъ великаго исполнителя судебъ Божіихъ; мы позабыли непріязнь и къ народу его, теперь намъ дружественному, тогда столь враждебному... Все измѣнилось,—но тѣмъ не менѣе мы съ особеннымъ любопытствомъ читаемъ эту повѣсть, такъ рѣзко запечатлѣнную духомъ той великой эпохи. Это голосъ Россіи 1812 года, звучащій намъ въ устахъ одного изъ знаменитѣйшихъ ея представителей.

*

Глава I. — Поднесеніе.

Сочинитель просто одѣтый, съ кроткимъ видомъ, съ книжкою въ рукѣ, подходитъ къ лицу или къ особѣ, и говоритъ: «Позвольте, ваше сіятельство,—или ваше превосходительство, или просто сударь, или сударыня,—поднести вамъ мое сочиненіе. Вы Русскіе, я Русскій. Многіе лекаря лечатъ не учась отъ всѣхъ болѣзней. Ну, и я сдѣлался главнымъ лекаремъ. Хочу снимать катаракты, и если не вылечу, то по крайней мѣрѣ не ослѣплю никого». За симъ привѣтствіемъ, сочинитель два поклона, потомъ изъ одной горницы въ другую, изъ передней въ сѣни, изъ сѣней на улицу, да и былъ таковъ. Кто онъ?—Никто не знаетъ. Гдѣ живетъ?—Господь вѣдаетъ. Ну, чортъ съ нимъ!

Глава II. — Возраженіе.

Зачѣмъ сочинителю таскаться по домамъ и подносить всѣмъ безъ разбора книгу, которую не всѣ читать будутъ, отъ которой пользы мало, за которую станутъ ругать, которая больше брань, чѣмъ поученіе, и о которой вотъ что заговорятъ:

—Какой вздоръ написанъ!—Дурное подражаніе Тристрама Шанди.—Авторъ, видно, стряпчій за бороды.—Какой-нибудь бродяга.—Либо голодный студентъ.—Кто-жъ его послушаетъ?—Вѣрно сердитъ за то, что самъ не ученъ по-французски.—Либо не на что нанять учителя.—Выскочка! Плетью обуха не перебьешь.—Собака лаетъ, вѣтеръ носитъ.—C'est un fou!—Un enragé!—Un démoniaque!—Un barbare!—Un pédant ridicule!—Un homme à jeter par les fenêtres!

Ну, да если послѣ всѣхъ этихъ восклицаній, брани, пословицъ, Французскихъ пустыхъ словъ, послѣ того, что меня въ иномъ домѣ не пустятъ, въ другомъ насмѣются, въ третьемъ обидятъ холопы, въ четвертомъ обольютъ горячимъ, въ пятомъ потравятъ собаками, въ шестомъ, въ седьмомъ сочтутъ за сумасшедшаго,—ну, да если наконецъ хоть одинъ отецъ, хоть одна мать, сберегутъ дѣтей отъ разврата: то я и доволенъ, и счастливъ. Сяду въ кресла, посмотрю съ удовольствіемъ на свою чернильницу, потру лобъ, и скажу: «Доброе дѣло! Велика милость Господня!»

Глава III.—Кому подносится книга?

Всѣмъ отцамъ, матерямъ, вдовымъ и вдовамъ, коихъ Богъ благословилъ дѣтьми.

Всѣмъ женатымъ и замужемъ безъ дѣтей, не старѣ сорока лѣтъ.

Всѣмъ холостымъ мужчинамъ до пятидесяти пяти лѣтъ.

Всѣмъ дѣвушкамъ до тридцати лѣтъ. Разумѣется, благороднымъ, по той причинѣ, что сіе почтенное сословіе есть подпора престола, защита отечества и должно предпочтительно быть предохранено. Купцы же и крестьяне, хотя подвержены всѣмъ извѣстнымъ болѣзнямъ, кромѣ нервовъ и меланхоліи, но еще отъ иноземства кой-какъ отбиваются, и сія летучая зараза къ нимъ не пристаетъ. Они и до сихъ поръ Французовъ называютъ Нѣмцами, вино ихъ церковнымъ.

Одинъ ученый и умный духовный, разговаривая со мною о богатствѣ и силѣ Россійскаго слова, сказалъ: «Нашъ языкъ такъ изобиленъ и столь краснорѣчивъ, что мало его хорошо знаютъ и отъ сего мало хорошо говорятъ, а еще меньше хорошо пишутъ».

Сущая истина! А все-таки пишутъ да пишутъ, говорятъ да говорятъ: всякъ пляшетъ, да не какъ скоморохъ, и я пляшу, и мы пляшемъ, и они пляшутъ.

Глава IV.—Что за названіе?

Да вѣдь надобно какъ-нибудь назвать книгу! Если кто ее читать станетъ со вниманіемъ, тотъ вѣрно до конца нѣсколько разъ вздохнувъ скажетъ: охъ Французы! А кто пробѣжитъ наскоро, тотъ на концѣ увидитъ: охъ Французы! И моя книга съ головы до ногъ одинакова.

Но если вамъ хочется правильнаго доказательства по грамматикѣ,—извольте! Вотъ задача. Склоняйте Французовъ.

Именительный. Французы—много зла надѣлали.

Родительный. Отъ Французовъ—много зла вышло.

Дательный. Французамъ—ничего святаго нѣтъ.

Винительный. Французы—на все готовы.

Восклицательный. Охъ Французы!

Вотъ и названіе книги! Оно, право, не меньше прилично, чѣмъ минутное заблужденіе, тысяча и одна глупость, несчастное ослѣпленіе, пагубный предразсудокъ, и проч. Если жъ названіе моей книги все-таки вамъ не нравится, я перемѣню. Только прочтите ее и подумайте, пожалуйста.

Глава V.—Откуда берется?

Когда стали перебирать Французовъ и думали, что ихъ вышлютъ всѣхъ за границу, тогда я у одного богатаго Русскаго купца въ бородѣ, который держитъ всѣ посты, ходитъ по Суботамъ въ торговую баню и выпиваетъ по три самовара въ день чаю, боится смертнаго часа, бывъ истиннымъ христіаниномъ, спросилъ: радъ ли, что Французы выѣзжаютъ? А онъ отвѣчалъ: Да какъ не радоваться? И клопы иное мѣсто одолѣютъ, такъ не знаешь что̀ дѣлать, не только что Французы.

Глава VI.—Не взыщите!

Можетъ быть, въ этой книжѣ кто-нибудь изъ читателей и найдетъ что-нибудь на себя похожее, или приключеніе, или имя, или рѣчь, съ натуры списанное, то я при началѣ всѣхъ прошу на свой счетъ ничего не принимать и увѣряю честнымъ словомъ, что я не живописецъ, не ругатель, не вѣстовщикъ, не трещотка и сору изъ угловъ не выношу, хотя до чистоты охотникъ. Но мало ли чего похожаго на свѣтѣ? Кажется, всѣ люди на одинъ покрой; но сила не въ томъ, что носъ покороче или подлиннѣй, ростомъ выше или ниже, тяжеле или легче. Это наружность, а внутренность, кажется, у всѣхъ одна: сердце на лѣвомъ боку, легкое на правомъ, желудокъ по середкѣ, и хоть кажется все на мѣстѣ, и все въ порядкѣ,—ну, а какъ станетъ мозгъ дѣйствовать, то и толку не найдешь! Великъ ли человѣкъ, а что̀ въ немъ помѣщается? Невѣроятно! Полкъ страстей, корпусъ слабостей, армія вздора, и мѣста нѣтъ добродѣтелямъ. Сидятъ голубушки въ уголку, да стонутъ, совсѣмъ въ загонѣ; дѣла не дѣлаютъ, а отъ дѣла не бѣгаютъ, точно какъ при герольдіи.

Глава VII.—Лѣнь.

Вотъ ужъ десть бумаги измаралъ, а исторіи еще начала нѣтъ. Знаю, что писать надобно, и время есть, и фасада, и расположеніе, и входы, и выходы, и проходы, все готово. Что жъ не начинаю? Охъ, батюшки, матушки! Вить я человѣкъ,—лѣнь. Пожалуйста, не браните; ей-Богу напишу исторію. Хороша ли будетъ или нѣтъ, самъ не знаю—это ваше дѣло судить. Но въ моей исторіи все есть: изобиліе и богатство рѣдкое, людей куча, и Москва, и Петербургъ, вся почти Европа, и крестины, слѣдственно и родины. Приключенія, диковинки, свадьбы, побѣги, похищенія, смерти; только нѣтъ погребеній. Но если кто изъ охотниковъ потребуетъ, то я тотчасъ черный листъ привяжу

къ книгѣ. Пусть самъ распоряжаетъ церемоніей. Трудно на землѣ управляться съ живыми людьми, а въ землю ихъ прятать бездѣлица. Чѣмъ знатнѣй, тѣмъ скорѣй. Порядокъ одинъ: напереди пѣвчіе поютъ, тамъ духовенство идетъ, потомъ тѣло везутъ, за нимъ родня въ маскахъ, постарѣе пѣшкàми, помоложе въ каретахъ; холопи, пьяные въ слезахъ, трезвые только что не пляшутъ, а наконецъ, народъ; сперва клапяется покойнику, потомъ говоритъ «смотрѣть нечего», а тамъ бранитъ, а все смотритъ: на то глаза!

Но рѣдко кто, видя мертваго, о смерти своей самъ подумаетъ и хоть старѣе и слабѣе тащимаго покойника, но мнитъ, что самъ безсмертный, оттого что умереть никому не хочется. Скольвихъ захватила смерть безъ покаянія, въ развратѣ, въ тяжкихъ грѣхахъ, и тутъ, вмѣсто того, чтобъ употребить послѣдніе дни, часы, минуты на полезное, подумать о душѣ, о ближнихъ, всѣ мы почти сѣтуемъ, всѣ говоримъ: ахъ, кабы зналъ! можно ли было ожидать? батюшки, попа! отцы мои, доктора! голубчики, бумаги! сударики, спасите! пустите кровь! пропустите шалфейцу! припустите піявокъ! впустите ромашки! трите бокъ! виски! ноги! ай! ай! ай! плохо! ой! ой! ой! бѣда. . . . . ! . . . . . ! . . . . . ? . . . . . ? . . . . . ?

Но, часъ ударитъ, смерть махнетъ,—и всему конецъ.

Иной умираетъ безъ исповѣди, другой въ долгу, третій въ ссорѣ, четвертый въ развратѣ. Рѣдкій заслужилъ живой хорошее имя, едва изъ тысячи одинъ оставитъ добрую память...

Страшно!

Умереть не хочется, а книгу писать надобно.

Такъ и быть!

Глава VIII.—Необходимо.

Всегда, когда разсказываютъ въ обществѣ примѣчательное о комънибудь, то мы, если тотъ, о комъ рѣчь, намъ неизвѣстенъ, разспрашиваемъ обыкновенно меньше о нравственности, о дарованіяхъ и о дѣлахъ его, чѣмъ о примѣтахъ, и такъ подробно, какъ-будто-бы въ полиціи заявить надобно о побѣгѣ: великъ ли ростомъ? каковъ лицомъ? какое платье? И, по мѣрѣ красоты, лѣтъ и росту, усиливается или ослабѣваетъ участіе, радость, вниманіе и сожалѣніе. Бѣда старикамъ и старухамъ, хромымъ, кривымъ, горбатымъ, заикамъ или безобразнымъ! Пропали они! ужъ никто не пожалѣетъ. А у всѣхъ на языкѣ: туда ему и дорога. Всему есть время и предѣлъ; но добродѣтель, великія дѣла, отличныя дарованія и важныя заслуги должны бы по справедливости оставлять память вѣчную. Да память-то на доброе у людей коротка, и большая часть, зная, что объ нихъ самихъ помнить нечего, не хотятъ и сами помнить о тѣхъ, кои переживаютъ смерть, доставъ себѣ мѣсто въ исторіи, въ почтенномъ кругу, въ честной семьѣ; для этого-то я и опишу подробно своихъ актеровъ, изъ коихъ два человѣка рѣдкіе, нѣсколько изрядныхъ, а прочіе дрянь; однакожъ, они въ дѣйствіи. Иначе нельзя. Пороки для добродѣтелей столько же нужны, какъ тѣнь для живописи, или черная фольга для брильянта. Если бъ дурныхъ людей не было, то бы не замѣчали и

хорошихъ; однихъ больше, другихъ меньше. Ну, да и свѣтъ великъ, всѣмъ есть мѣсто, и дѣло. Вездѣ люди, и на землѣ, и въ землѣ, и на водахъ, даже и по воздуху летаютъ... Вотъ куда залетѣлъ! попросту—заврался.

Не въ первый разъ и не въ послѣдній, было бы извѣстно.

Глава IX.—Позвольте представить: это Лука Андреичъ Кремневъ.

Сей почтеный человѣкъ, отецъ, мужъ, Россіянинъ рѣдкій, родился въ 1739 году, въ одной изъ тѣхъ изобильныхъ губерній, гдѣ круглый годъ никто ни въ чемъ не знаетъ нужды. Родители его, старинные дворяне, были люди богатые и въ большомъ уваженіи. Воспитаніе дали дѣтямъ хорошее, укрѣпили тѣло, поселили въ душѣ страхъ Божій, любовь къ отечеству, почтеніе къ Государю, уваженіе къ начальству и состраданіе къ ближнему. Отецъ Луки Андреича, Андрей Богдановичъ, жилъ 82 года и умеръ горячкою, простудясь зимою на пожарѣ въ чужой деревнѣ. Его тутъ уговаривали, чтобъ себя поберегъ, но онъ отвѣчалъ: «чего себя беречь, когда люди погибаютъ?»

Глава X.—Приказанія отца при смерти.

Когда Андрей Богданычъ почувствовалъ, что трудно боленъ, то исполнилъ долгъ христіанскій, съ смиреннымъ сердцемъ, съ добрымъ духомъ, въ чистой памяти и съ незазренною совѣстію. Лѣкарства принимать не хотѣлъ, говоря: «умирать время, а лечиться поздно». Призвалъ сыновей и говорилъ большому: «Слушай, другъ мой Николай! Тебѣ двадцать-шесть лѣтъ, и ты своимъ умомъ жить можешь, а братъ еще молодъ; мать ваша не долго съ вами останется: она за мной въ гробъ пойдетъ,—такъ будь ты брату отцомъ, поставь его на ноги, правь имѣніемъ и не плошай. Я вамъ оставляю имя честное и кусокъ хлѣба. Что̀ мнѣ больше вамъ приказывать? Молитесь Богу и наблюдайте заповѣди Его. Жизнь ваша будетъ честна и конецъ христіанскій». Потомъ благословилъ дѣтей, каждаго образомъ, обнялъ вздохнувъ жену, простился съ людьми, попросилъ священника, чтобъ читалъ отходную, и отошелъ къ Подателю всѣхъ благъ. Домъ, село наполнились воплемъ, и слышны были одни слова: «Не стало отца нашего Андрея Богданыча». Вотъ его надгробная!

Глава XI.—Настасья Матвѣевна.

Сія достойная жена предостойнаго мужа жила съ нимъ въ союзѣ, то-есть въ счастьѣ, пятьдесятъ-два года. Любила мужа, дѣтей и молилась за нихъ Богу. Она была барыня, мать, жена, другъ, совѣтникъ, наставникъ, хозяйка, няня, мама и сущая христіанка. Видя опасность мужа, испугалась, упала духомъ и, истощивъ силы, не давая себѣ ни днемъ, ни ночью покоя, должна была лечь, и легла, въ одной горницѣ съ умирающимъ мужемъ. Когда же онъ скончался, то она приказала снять съ него золотой крестъ съ мощами, надѣла на себя и стала

сама готовиться къ смерти. Ни слезы дѣтей, ни родныхъ, ни людей, ни увѣщанія умнаго и почтеннаго священника, ничто не могло влить каплю отрады въ душу ея, погруженную въ тяжкую печаль. Она не вздыхала, не стонала и не плакала, но гасла три дни; занималась дѣтьми, учила ихъ доброму, приказывала чтить память отца и, отдавъ большому сыну обручальное свое кольцо, сказала: «Когда Богъ сочетаетъ васъ, вотъ мое кольцо на счастье, да будетъ благословеніе мое надъ вами и надъ дѣтьми вашими. Простите. Богъ съ вами. Онъ милосердіе свое являетъ надо мною грѣшною и не оставляетъ меня одну въ мірѣ». За симъ, она посмотрѣла нѣжно на сыновей своихъ, положила имъ руку на голову, взвела взглядъ къ небу, произнесла «Вѣрую во Единаго»; но силъ не стало, свѣтъ помутился въ глазахъ ея, и она заснула вѣчнымъ сномъ. Дѣти стояли на колѣняхъ подъ рукою матери, наконецъ взглянули и увидѣли, что они сироты.

Чрезъ два дня, однѣ дроги отвезли оба гроба въ церковь; въ одно время погребены мужъ и жена единодушные; одна могила сокрыла тѣла ихъ. Вѣчная вамъ память, благословенная чета!

Глава XII.—Николай Андреичъ,

по завѣщанію отца, заступилъ его мѣсто и хранилъ свято волю его. Недреманнымъ окомъ смотрѣлъ за братомъ и за имѣніемъ, записалъ его въ службу, снабжалъ всѣмъ, и когда, послѣ полученной раны, братъ принужденъ былъ оставить службу, то онъ уговаривалъ его жениться; имѣнія дѣлить не хотѣлъ, говоря: «Я нездоровъ, умру холостымъ, все достанется тебѣ или дѣтямъ твоимъ. У насъ все общее, а ты управителя лучше и честнѣй меня не найдешь». Для сего, послѣ кончины родителей, пошелъ въ отставку. Но случась на Волгѣ въ своихъ деревняхъ, во время разбоевъ Пугачева, остановился въ одномъ маленькомъ городкѣ, гдѣ не было начальника и все было въ тревогѣ. Онъ пришелъ на площадь и сказалъ народу: «Злодѣй идетъ васъ грабить и губить. У васъ и ружья, и порохъ, и руки есть, а нѣтъ командира. Я майоръ, радъ служить и умереть съ вами».—Намъ то и надо! закричала чернь. Николай Андреичъ, сколько могъ и успѣлъ, учредилъ все. Чрезъ два дня пришелъ Пугачевъ, сталъ брать городъ. Защищать нѣкому. Смѣлые бросились въ окопъ съ храбрымъ начальникомъ, разстрѣляли весь порохъ, большая часть легла на мѣстѣ, остальные сдались, а Николая Андреича смертельно раненаго привели къ злодѣю. Онъ ему предложилъ присягу или смерть, и вотъ какой получилъ отвѣтъ отъ достойнаго сына Андрея Богданыча: «Я дворянинъ Кремневъ, майоръ и присягалъ въ вѣрности Великой Екатеринѣ. Ка́къ ты злодѣй смѣешь думать, чтобъ я осрамилъ себя и весь родъ мой измѣною? Конецъ—минута, позоръ—вѣчность. Спѣши казнить, или я умру своею смертію». Злодѣй и толпа, его окружающая, разъяренная сею рѣчью, кою они постигать не могли, но слышали, бросились на него и изрубили его въ мелкія части. Палъ герой! Злодѣй пролилъ кровь драгоцѣнную, но она подъ нимъ текла рѣками *).

*) Невольно вспоминается Пушкинская „Капитанская дочка". П. Б.

Глава XIII.—Смѣшной вопросъ.

Полно правда ли? Не-ужь-ли въ-самомъ-дѣлѣ былъ майоръ Кремневъ съ такимъ большимъ духомъ?

Вотъ тутъ меня и бросить въ жаръ: одна щека покраснѣетъ, другая поблѣднѣетъ, губы затрясутся, глаза заморгаютъ, руки сведетъ въ кулаки, и я, заикаясь, стану проповѣдывать.

Развѣ я виноватъ, что вы ничего не знаете и знать о своей землѣ не хотите, что̀ говорятъ о ней, того не слышите, а что̀ услышите, то забудете? Стыдно! Непростительно! Да вы въ состояніи иные и тому дивиться, что Николай Андреичъ такъ говорилъ и такъ умеръ. А что̀ онъ былъ? Дворянинъ, майоръ и сынъ Андрея Богданыча. Отцы ваши, дѣды и прадѣды этому бы не дивились; отцы бы сказали «спасибо», дѣды: «не диковина», прадѣды: «нашего поля ягода».

А вы говорите: «полно правда ли?» Да полно, слыхали ли вы, что сдѣлалъ.... *) при Дмитріи Самозванцѣ. Исповѣдался, причастился и пришелъ ему доказывать при всѣхъ, что онъ не царь, а Гришка-разстрига. Тутъ его и изрубили. А бомбардиръ, который попался къ Пугачеву и, нарочно приведя разбойниковъ ночью на батарею, закричалъ своимъ: «стрѣляйте, ребята, вотъ измѣнники!» и былъ убитъ съ ними? Знайте, что геройству, вѣрности Государю и отечеству, великодушію и безкорыстію Русскихъ нѣтъ конца, и для того прежде симъ никто не хвасталъ, что было не въ диковину. Гдѣ были Пожарскій,召Мининъ и Еропкинъ?

Еще вотъ новая бѣда: тѣ, кои мало знаютъ или вовсе не знаютъ знаменитыхъ своихъ соотчичей, а наизустъ вытвердили анекдоты Французской монархіи отъ Фарамонда до Людовика XVI-го, тѣ вѣрно всѣ помнятъ исторію сержанта Жилета и капитана д'Ассаса, для того, что они Французы, что учители про нихъ твердили и что ихъ портреты вездѣ. Жилетовъ и я, помню, видѣлъ въ Зимогорьѣ и въ Кременчугѣ въ трактирахъ. Цѣна имъ, я думаю, 10 копеекъ, да и дѣло бездѣльное. Жилетъ, инвалидный сержантъ, шелъ подлѣ лѣсу, кричатъ разбой, онъ на шумъ—видитъ двухъ воровъ, дѣвку привязанную къ дереву. Жилетъ одного вора ранилъ, другой ушелъ, дѣвку отвязалъ, отвелъ домой, исторію огласили, портретъ списали, награвировали, собрали денегъ, въ театрѣ надѣли лавровый вѣнокъ и, вмѣсто Жилета просто, стали звать—храбрый Жилетъ. А д'Ассасъ, въ Семилѣтнюю войну, пошолъ ночью дозоромъ по лѣсу, шолъ впереди. Его остановили Прусскіе гренадеры и сказали: «Молчи или смерть!» Д'Ассасъ вскрикнулъ: «Ко мнѣ, Овернскіе! Вотъ непріятели!» (à moi d'Auvergne! Voilà les ennemis!), и д'Ассаса награвировали; но онъ до́рогъ, и въ трактирахъ его нѣтъ, а находится въ домахъ, гдѣ жалуютъ эстампы.

Къ стыду общему, у насъ, можетъ быть, есть и не одинъ такой, который, смотря на д'Ассаса и на Жилета, воспламеняется духомъ, завидуетъ Французамъ и не въ первый разъ жалѣетъ, что и самъ не

*) Пропускъ въ рукописи графа Ѳ. В. Растопчина.

Французъ. Закричи: «A moi, mes amis!» онъ радъ въ окно выпрыгнуть. Зареви: «Нашихъ бьютъ!» онъ спроситъ: «Чьихъ?» Отецъ ихъ не отворачивайся, мать не прячь лица. Я дождусь, какъ выйдутъ дѣти и скажу вамъ: «Жаль васъ, жаль время, жаль дѣтей; васъ—что вамъ въ старости не будетъ утѣшенья, время—что напрасно пропало; дѣтей—что они ни то, ни се, ни рыба, ни мясо».

Глава XIV.—Артельщикъ.

Шелъ я, гуляя, по Фонтанкѣ, въ Ноябрѣ, въ то самое время, какъ рѣка только лишь стала; увидѣлъ толпу людей и посреди дѣвку въ дурномъ платьѣ, которая хотѣла было утопиться; видъ у ней былъ и странный и развратный. Всѣ ее бранили, всѣ упрекали и давали не вб время поученія. Я спросилъ, кто ее вытащилъ, и одинъ изъ толпы сказалъ: «А вонъ въ синемъ-то». Тогда, подошедъ къ этому человѣку, который, дрожа отъ холоду, выжималъ кулаки, я началъ съ нимъ слѣдующій разговоръ:

Я.—Ты, братъ, вытащилъ дѣвку-то изъ воды?

Синій.—Я-съ; мнѣ Богъ помогъ.

Я.—Да отъ чего это она хотѣла утопиться?

Синій.—А Господь ее знаетъ; видно, блажь нашла. Я вотъ шолъ отъ хозяина съ письмомъ,—иду, а она, дурища, прибѣжала на ту сторону, посмотрѣла, знашь, черезъ перила-то, да и бултыхъ; а я перекрестился, да туда же за ней.

Я.—И не раздѣвшись?

Синій.—Куда раздѣваться! Ужъ тутъ нечего кафтана жалѣть; какъ-нибудь бы да душу-то спасти.

Я.—И скоро ты ее схватилъ?

Синій.—Схватилъ-то скоро, да долго бился. Знашь, ледъ; онъ, правда, хоть и тонокъ, да плыть-то несподручно, а подсобить не кому, вотъ што! Она же меня схватила за руку, да и замерла, видно отъ испуга; такая пострѣлъ, топиться-то топилась, а на дно не хочется.

Я.—Вѣдь и ты могъ бы съ нею утонуть? А ужъ ей безъ тебя не быть бы въ живыхъ.

Синій.—А почему-жъ такъ? Народу много ходить; ну, не я, такъ другой бы вытащилъ. Пожалуй, не диковинка; ну, да Богъ вишь спасъ обѣхъ.

Я.—Доброе дѣло ты сдѣлалъ; вѣдь не смотрѣть на нее. Вотъ, братъ, тебѣ двадцать пять рублей; ты прозябъ; выпей да согрѣйся.

Синій.—Да я-съ и вина-то сроду не пью, а озябать намъ не привыкать. Деньги-то лучше, баринъ, дай этой дѣвкѣ; не диви, она отъ бѣдности и руки-то на себя наложила.

Я.—Скажи же, другъ сердечный, откуда ты?

Синій.—А вотъ недалеко, отъ Вологды; я артельщикъ, служу на конторѣ. Прощайте, баринъ; доброе вамъ здоровье. Пойти выпить сбитню съ перечкомъ.

Сказавъ сіе, синій другъ человѣчества пошелъ по Фонтанкѣ такъ, какъ бы онъ не дѣлалъ славнаго дѣла, не подвергалъ жизнь свою

опасности, и пристыдилъ меня отказомъ. Я вошелъ опять въ толпу; дѣвку узнали, что она Чухонка, не знала говорить. Чему дивить, и утонуть-то не умѣла! Я отъ ней хотѣлъ узнать, что̀ ее принудило къ самоубійству; но она ни говорить, ни смотрѣть не хотѣла. «Вишь кака рыжая! Эка чертовка!» Народъ разошелся, дѣвку взяли на съѣзжую сушить, спрашивать и увѣщевать; а у меня остался навсегда въ памяти артельщикъ. Я его какъ теперь вижу: мужикъ лѣтъ тридцати, невеликъ, бородка черная и взглядъ свой, то-есть честный. Онъ, вѣрно, тотчасъ забудетъ, что спасъ человѣка, и вспомнитъ развѣ иногда зимою, когда прозябнетъ.

Вотъ вы слышали о Чухонкѣ и о синемъ кафтанѣ; прошу сказать, каковъ Вологодскій мужикъ? Взглянулъ, увидѣлъ опасность, забылъ себя, спасъ человѣка, встряхнулся и пошелъ!.. Вотъ д'Ассасъ! Вотъ Жилетъ! Вотъ работа для живописца, для стихотворца; вотъ пища для сердца и души, но не для всякой...

Глава XV.—Рожденіе и крестины Луки Андреича.

Лука Андреичъ родился въ селѣ у отца, 1-го Октября, то-есть въ самый Покровъ, и въ память сего происшествія обрадованные его родители, по обѣщанію, обложили мѣстный образъ въ богатую кованную ризу. Радость ихъ была отъ того велика, что Настасья Матвѣвна (матушка Луки Андреича) шестнадцать лѣтъ не рожала послѣ родинъ перваго сына, такъ что Андрей Богданычъ ужъ отчаявался имѣть еще дѣтей. Иногда, сидя съ женою, говаривали они такъ:

Мужъ.—Настасья Матвѣвна, надобно бъ еще дѣтей!

Жена.—Гдѣ-жь взять, другъ мой? Богъ не даетъ, что̀ дѣлать!

Мужъ.—Ну, какъ что дѣлать? Молиться Богу. Николай малой хоть куда, да что-то слабъ; воля твоя, а не худо бы еще намъ ребеночка другого.

Жена.—Что жъ? мы люди не совсѣмъ старые; можетъ быть, Богъ въ немочи намъ и поможетъ...

Мужъ.—Вотъ ты тутъ всегда немочь-то и примѣшаешь. Эхъ, съ тобой о дѣлѣ говорить нельзя!

Жена —Ну, какъ тебѣ угодно; да съ тобой все невпопадъ.

Андрей Богданычъ, послѣ этихъ разговоровъ, бывалъ иногда сердитъ по нѣскольку часовъ, отговаривался въ сердцахъ верхомъ садиться и на лѣстницу идти, повторялъ, придираясь ко всему: «Да гдѣ мнѣ? Я ужъ изъ силъ выбился. Гдѣ мнѣ силы взять? Мы люди старые, не наше дѣло; только смѣху надѣлаешь». И когда тутъ случалась жена, то она ему говаривала: «Вотъ ты, мой другъ, ко всему придерешься; у тебя всякое лыко въ строку». Андрей Богданычъ будто не ей, всегда, бывало, сквозь слезы проворчитъ: «Да коли нѣтъ ремешка, такъ и лычку обрадуешься».

Послѣ родинъ второго сына, когда разговоръ обращался на старость, слабость, и проч., тогда Андрей Богданычъ болѣе уже не серживался, а вмѣсто отвѣта всегда засвиститъ и велитъ малому сказать мамѣ, чтобъ принесла или привела Лукашу, и, приласкавъ дитя, по-

смотритъ лукаво на жену и всегда, бывало, ей скажетъ: «Настасья Матвѣвна, это не наше дѣло», а она ему:—И, мой другъ, что за шутка? Пожалуйста, полно.—А онъ ей: «Что дѣлать, матушка! Люблю мѣшать дѣло съ бездѣльемъ».

И такъ родился Лука Андреичъ; а когда точно, это можно отыскать въ метрическихъ книгахъ и въ святцахъ (если цѣлы) Андрея Богданыча, въ которыхъ онъ своею рукою записалъ: «1739 года 1 Октября, по власти Божіей, родился у насъ сынъ Лука, коего крестилъ воевода Сидоръ Евстафьевичъ Поборовъ съ Пульхеріей Евстигнеевной Кастиловой». Чему жь вѣрить, какъ не этому?

Глава XVI.—Примѣта.

Мы думаемъ, что все знаемъ, а выходитъ ничего или очень мало. Иной заявляетъ, что ничему не вѣритъ, а ни въ чемъ не сомнѣвается; другой надъ всѣмъ смѣется, а все уважаетъ; третій ничего не боится, а отъ всего дрожитъ. Разсудокъ запрещаетъ вѣрить снамъ, предчувствіямъ, примѣтамъ; но многіе примѣры заставляютъ колебаться въ отверженіи существа многихъ вещей, совсѣмъ уму человѣческому непонятныхъ. Сны больше всего занимаютъ, радуютъ и печалятъ многихъ людей. Доктора доказываютъ, что сонъ есть произведеніе обремененнаго слабаго желудка, раздраженныхъ нервовъ, паровъ, кои, поднимаясь въ голову, тѣснятъ мозгъ, приводятъ въ дѣйствіе воображеніе и разстроиваютъ сонъ, опредѣленный всякому животному, для возстановленія истощенныхъ бдѣніемъ силъ. Все это хорошо; однакожь, это все пустословіе, потому-что до сихъ поръ ни одинъ докторъ не знаетъ причины дѣйствія нервовъ, отъ того, что анатомятъ тѣла мертвыя, въ коихъ жизненнаго движенія уже нѣтъ. Три вѣка анатомія была главный предметъ медицинской науки и служила ей фундаментомъ; думали всѣ, что она доведена до совершенства; но вдругъ какой-то Галлъ открылъ первый, что мозгъ въ черепѣ сложенъ какъ салфетка, и что его можно развертывать. Слѣдственно, судить по неодушевленному тѣлу о дѣйствіи моральномъ живого человѣка все равно, что узнавать людей по домамъ, въ которыхъ они нѣкогда живали; но за то вареніе желудка въ точности доказано, надобно думать отъ того, что безъ воображенія, безъ дѣятельности, безъ пылкости и безъ ума жить легко можно, а безъ ѣды никакъ; да она же главный предметъ эскулаповъ въ практикѣ: отъ ней они сыты сами, и отъ нихъ аптекари, столяры, каменщики, рѣзчики, даже и мелкіе стихотворцы, потому что стихи на смерть знатнаго или богатаго столь же по благопристойности необходимы, какъ плёрезы, черная фланель, мавзолей и вызовъ должниковъ.

Наканунѣ рожденія Луки Андреевича, отецъ его видѣлъ во снѣ, будто пришелъ къ нему въ домъ человѣкъ маленькій, сухой, блѣдный и убилъ сына; что онъ бросился на него, но маленькій человѣкъ обратился въ вѣтеръ и исчезъ, сказавъ: «не перваго и не послѣдняго». Андрей Богдановичъ проснулся, перекрестился, плюнулъ, перевернулся на другой бокъ и заснулъ; а на другой день въ шутку разсказывалъ сосѣдямъ свой сонъ, заключая: «Вѣрь, пожалуй, снамъ! Такой вздоръ иногда лѣзетъ въ глаза, что и не сообразишь».

Послѣ родинъ, бабушка повивальная хотѣла ребенку впустить въ ротъ капельку бѣлаго вина, но ошибкой ей подали Французской водки, и дитя чуть не захлебнулся, по счастію не проглотилъ. Кормилицѣ сдѣлали изъ Французскаго штофа тѣлогрѣю; но ребенокъ, когда она въ праздничные дни бывала въ нарядѣ, ни подъ какимъ видомъ не бралъ груди, до тѣхъ поръ, пока кормилица переодѣнется.

Изъ всего этого Андрей Богданычъ и сдѣлалъ заключеніе, что сынъ его новорожденный Французовъ любить не будетъ. «Смотри-ка» говаривалъ онъ Настасьѣ Матвѣевнѣ. «Вѣдь это не даромъ Лукаша-то штофной тѣлогрѣи не любитъ; видно, водкой-то его такъ отбаловали, что душа его ничего Французскаго не принимаетъ».

Настасья Матвѣвна: И, другъ мой, захотѣлъ ты ума отъ ребенка! Онъ блажитъ такъ; будто онъ знаетъ, что̀ такое водка и штофъ Французскій! Да за что̀ ему Французовъ не любить?

Андрей Богданычъ: Ну, да и любить-то не за что; народъ пустой и люди сумасбродные, все гаеры. Я хоть мало ихъ видѣлъ, да довольно съ меня: они мнѣ совсѣмъ не по натурѣ.

Настасья Матвѣвна: Да они, сказываютъ, такіе люди учтивые.

Андрей Богданычъ: Я этого-то и не люблю. Коли человѣкъ все кланяется: либо нищій, либо плутъ,—право такъ!

Настасья Матвѣвна: Вотъ ты и готовъ бранить.

Андрей Богданычъ: Да хоть и побить.

Настасья Матвѣвна: Помилуй! За что же?

Андрей Богданычъ: Да такъ. Все-таки лучше дать острастку.

Прошу не забыть сонъ отцовъ, водку бабушки и тѣлогрѣю кормилицы. Слѣдствіе покажетъ, что это все не даромъ.

Глава XVII.—Воспитаніе.

Кормилицу выбралъ самъ Андрей Богданычъ, молодую и здоровую бабу, разспросивъ подробно и провѣдавъ всячески о ея нравственности и поведеніи. Много при семъ случаѣ было искательства и происковъ: о иной бабѣ просилъ приказчикъ, о другой ловчій, о третьей казначей; но просьбы остались втунѣ, и до родинъ баринъ отговаривался однимъ словомъ: «посмотримъ»; а какъ родился дитя, то послалъ за назначенной имъ бабой, и она была приведена, объявлена кормилицей новорожденнаго и введена безъ присяги въ должность, получа слѣдующее поученіе отъ господина: «Смотри жь, Анисья! Береги ребенка, какъ глаза, твое счастіе въ томъ; коли выкормишь порядочно, то тебѣ 20 рублей, и мужъ и ты въ отставку; а коли не то, такъ въ зашеи прогоню, да и на глаза ко мнѣ не показывайся. Слышишь? Было бъ тебѣ сказано».

Анисья поклонилась въ поясъ и отвѣчала: «вѣстимо дѣло», и обратилась въ Холмогорскую корову. Въ тоже время опредѣлена къ ребенку и мама. Она хаживала нѣкогда за барыней, а послѣ за ключами, была умная и честная женщина. Андрей Богданычъ за то ее любилъ, что мужъ ея утонулъ въ Окѣ, бросившись спасать его въ одно время, какъ онъ, переѣзжая весною, провалился на льду, и ко-

гда рѣчь доходила до опасности, до вѣрности и до хорошихъ слугъ, то Андрей Богданычъ всегда со вздохомъ говаривалъ: «Много людей, а другого Филиппа врядъ ли нажить. Сердечный! Вѣчная ему память!»

Эта мама была при дитяти до 9-ти лѣтъ, спала въ одной съ нимъ горницѣ и поселила по своему въ него страхъ Божій и любовь къ родителямъ, пріучила къ чистотѣ и опрятности, и столь умѣла довести ребенка себя любить и почитать, что когда она умерла, то онъ съ недѣлю былъ неутѣшенъ.

Физическое воспитаніе, надобно думать, было хорошо, потому что Лукаша 10-ти мѣсяцевъ сталъ ходить; въ три года Герасимовна (имя мамы) не могла его догонять; въ шесть лѣтъ уже онъ хаживалъ верстъ за пять въ поле ловить перепеловъ, а въ 9-ть могъ по цѣлому утру ѣздить на иноходцѣ съ собаками.

По-русски его училъ священникъ, ариѳметикѣ самъ отецъ, а послѣ смерти его—по-нѣмецки, геометріи и на скрипкѣ играть Іоганъ Христофоровичъ фон-Бутергаузенъ, отставной инженерный штык-юнкеръ. И не мудрено! Онъ не зналъ простуды и неваренія желудка, пилъ и ѣлъ чего сколько душа хотѣла, по Суботамъ хаживалъ въ геенну, т. е. въ баню, спалъ равно на сквозномъ вѣтрѣ и на лежанкѣ; въ горницѣ сиживалъ въ тулупѣ, а на дворѣ въ морозъ бѣгивалъ въ халатѣ, квасъ пилъ на молоко, чай на рѣпу, познакомился съ 3-хъ лѣтъ съ лѣнивыми щами, съ ботвиньемъ, съ няней, съ рубцами, съ блинами, съ киселями, кашами, чинеными желудками; и когда спѣшилъ ѣсть, то отецъ улыбаясь говаривалъ: «Э, какъ Лукаша уписываетъ! За ушми пищитъ....»

Глава XVIII.—Няня.

Помѣстя въ числѣ кушаньевъ няню, намѣренъ тѣмъ, кои не знаютъ, что̀ это за блюдо, его описать. Няня составляется изъ телячьей головы, изъ гречневыхъ крупъ и свѣжаго коровьяго масла; все кладется въ горшокъ, замазывается тѣстомъ и становится на сутки въ печь; потомъ изъ горшка выходитъ кушанье, въ коемъ мудрено рѣшить что̀ вкуснѣй—каша или мясо? Почему же такое смѣшное названіе? А почему же оно смѣшнѣе котлетовъ въ бумажкахъ (en papillotes), котлетовъ съ жабами (à la crapeaudine), и ста другихъ блюдъ, имѣющихъ смѣшныя и незначащія названія? Что̀ нужды до имени, когда знаешь вещь; желудку надобна пища, а не слова; няня же, ей Богу, здоровѣй, питательнѣй и вкуснѣй, чѣмъ бир-супъ, габер-супъ, клецки, луковый супъ (soupe à la l'oignon), макарони и пуддинги съ изюмомъ.

Можетъ быть, я напрасно выдаю эту главу; но хотѣлъ остеречь тѣхъ, кои, плохо зная Русское, могутъ подумать, что дитя былъ людоѣдъ и кушалъ нянюшку; слѣдственно, это просто объясненіе въ непросвѣщеніи, да и куда мнѣ учить ученыхъ! Я не философъ, а Русскій, живу по-русски, думаю по-русски, и если бъ не родился Русскимъ, то сокрушался бы, что не Русскій.

Глава XIX.—Должно бы—

найдти другое слово для означенія воспитанія нравственнаго, потому что слово «воспитаніе» больше относится къ тѣлесному, происходя отъ глагола питать, выкармливать. Въ старину въ этомъ нужды не было, потому что нравственность и наука заключались въ наученіи закону Божію и въ присягѣ; но тогда молодые люди, по примѣру родителей, знали Священное Писаніе наизусть, и лучъ святой истины въ юномъ еще возрастѣ проникалъ въ глубину души и просвѣщалъ умы, неподверженные умствованіямъ и незараженные вольнодумствомъ. Люби Бога, Государя, отечество, честь; стой и умирай за нихъ, — вотъ поученія, приказанія отцовъ и матерей... Они тогда умѣли любить, умѣли и наказывать дѣтей. Тогда косой взглядъ отца или матери былъ поразителенъ, даже для сѣдаго сына или дочери. Почтеніе и повиновеніе столько же тогда были свойственны дѣтямъ, какъ нынче вѣтренность и неуваженіе.

Такъ какъ старики были люди умные, то они и знали всю цѣну здоровью: безъ него нѣтъ счастія, нѣтъ пользы, нѣтъ утѣхи... Мнѣ возразятъ: много было и есть людей съ слабымъ здоровьемъ, но съ отличными дарованіями. Я не спорю; но и со мной спорить не можно въ томъ, что эти же самые люди, съ крѣпкимъ сложеніемъ, имѣли бы еще гораздо больше и ума и знаній, и, занимаясь меньше сохраненіемъ слабаго здоровья, больше бъ могли быть полезны. Какъ сильно работать головою и быть дѣятельну, когда нѣтъ надежды довести къ концу начатое, когда должно дѣлить время между болѣзнями и докторами? Какъ думать свободно о чемъ-нибудь, когда должно поминутно быть заняту собою... пять мѣсяцовъ бояться воздуха, а семь—сидѣть въ заперти?.. Повѣрьте, что безъ хорошаго желудка человѣкъ и себѣ и другимъ въ тягость. Всѣ тѣ, которые произвели великія дѣла, были крѣпкаго сложенія и варили пищу хорошо. Посмотрите, что̀ произошло отъ дурныхъ желудковъ. Сколько прибавилось докторовъ, аптекарей, карликовъ, дураковъ и проч... Праотцы наши съ трудомъ наѣдались, а мы всего объѣдаемся; доказательство тому, что почиталось за обиду, когда почетный гость откажетъ кушанье или вино; уговаривали словомъ: «За что же такая немилость? Не обидьте насъ»... Ну, да если желудки испортились, на что же ѣздить по званымъ обѣдамъ? А гдѣ жъ почваниться, какъ не у подчиненнаго, у челобитчика, у купца, у приверженнаго? Они зовутъ изъ чина, изъ дѣла, изъ подряда, изъ хвастовства, чтобъ сказать: «его сіятельство, или высокопревосходительство, изволилъ, по милости своей, у насъ кушать», — и спасибо за такой обѣденный столъ никто не скажетъ хозяину; изъ пяти четыре, объѣвшись, его же бранятъ, приговаривая: «Окормилъ, чортъ его побери». Чортъ у людей всегда въ чести и главный повѣренный во всѣхъ дѣлахъ.

Глава XX.—Мамы.

Хоть мамы эти, кои хаживали за дѣтьми, и были простыя барскія-барыни, безъ просвѣщенія, въ набойчатыхъ или ситцевыхъ кофтахъ, съ повязаннымъ на головѣ платкомъ; но онѣ отнюдь у дѣтей ни умовъ,

ни сердецъ не портили; хотя и пугали ихъ волками, мертвецами и смертью-курноской, но не говаривали, что отецъ дуракъ, мать зла, что все послѣ дѣтямъ достанется. И чѣмъ жены Англійскаго конюха, Швейцарскаго пастуха и Нѣмецкаго солдата должны быть лучше, умнѣй и добронравнѣй женъ нашихъ прикащиковъ, дворецкихъ и конюшихъ? Но это мамы, а тѣ bonnes—все для того, чтобъ ребенокъ первыя нужныя слова, которыя послѣ и забудетъ, выговаривалъ не по-русски. Однакожъ изъ него сдѣлаютъ не сѣраго попугая, скворца, сороку. Эти говорятъ: «Veux tu déjeûner, Jacquot?», «попъ у воротъ», «сорокѣ каши», а дѣти: «Bonjour, papa», тенкъ ю (thank you)», «гутъ моргенъ (gut Morgen)». Тутъ мнѣ скажутъ: да какъ нынче маму выпустить? Сынъ мой не Митрофанушка. Ну, берите иноземокъ!.. Да и барскихъ барынь ныньче ужъ мало, а все дѣвушки, которыя днемъ и вечеромъ подъ окномъ, днемъ въ домѣ, а ночью на улицѣ, и онѣ больше знаютъ Воспитательный Домъ, чѣмъ приходскую церковь.

Глава XXI.—Послужный списокъ Луки Андреевича.

Въ 1755 году записанъ въ Преображенскій полкъ солдатомъ и въ томъ же году пожалованъ капраломъ. Въ 1758 выпущенъ по именному указу въ поручики, бывъ въ Царскомъ Селѣ на ординарцахъ при полученіи извѣстія о побѣдѣ надъ Пруссаками, и опредѣленъ въ Санктпетербургскій полкъ. Въ 1759 пожалованъ въ капитаны за взятіе въ плѣнъ роты съ офицерами. Въ 1760, за отличіе, въ секунд.-майоры, отбивъ у непріятеля 8 пушекъ. Въ 1762, при производствѣ по арміи, произведенъ въ премьер-майоры. Въ 1766, въ подполковники, въ 1771 въ полковники, за храбрость, при взятіи штурмомъ Бендеръ. Въ 1773 раненъ и отпущенъ до излѣченія, пожалованъ кавалеромъ военнаго ордена. Въ 1774 отставленъ бригадиромъ. Въ 1776 женился.

Глава XXII.—Помилуй, батюшка!

Зачѣмъ изволилъ помѣстить женитьбу въ послужной списокъ? Это, право, ни къ селу, ни къ городу. Извольте выслушать, а тамъ подведите подъ военный артикулъ. Благословенъ и многосчастливъ тотъ человѣкъ, котораго Богъ надѣлитъ женой честной, умной, благонравной и великодушной. Въ ней супругъ имѣетъ любовницу, жену, друга, совѣтника для себя, наставника, попечителя и примѣръ для дѣтей. Ею удвоется счастіе самого благополучнаго человѣка, умножаются забавы, спокойствіе, утѣшеніе и отрада въ жизни. Разставаясь со свѣтомъ, мужъ сей жены сокрушается больше о ней, чѣмъ о самомъ себѣ. Полвѣка счастія кажется ему минутою; онъ не видитъ въ предстоящемъ ни разврата, ни невѣжества, ни напастей для дѣтей своихъ, представляя ихъ въ глазахъ и подъ покровомъ добродѣтельной матери, и умирая, проситъ у Бога единой милости — чтобъ продлилъ жизнь жены его... Вотъ союзъ, гдѣ всѣ дни ознаменованы взаимнымъ счастіемъ, единодушною молитвою благодарности къ Творцу міра... Союзъ завидный, примѣрный, но рѣдкій, и очень рѣдкій; однакожъ,

у насъ есть,—и я его описалъ, не выходя изъ своего дома. А тамъ далѣе—обыкновенно по тому, чтò мы знаемъ, чтò видимъ, чтò слышимъ, счастіе часто, кажется, будто женится на любви, или дружба на добродѣтели,—ничего не бывало: бѣда на проказѣ, или скука на дурнотѣ... Отъ чего же это? Отъ того, что женятся большая часть по страсти слишкомъ молоды; тутъ ни разсудка, ни глазъ, ни ушей быть не можетъ; а тамъ и найдутъ причины, и вотъ въ какомъ порядкѣ: 1) страсть, 2) богатство, 3) знатность, 4) чины, 5) покровительство, 6) подлость, 7) скука, 8) огорченіе, 9) странность, 10) свычка, 11) скотство, 12) страхъ, 13) такъ. Какъ же, вынувъ изъ этой лотереи два нумера, то есть, мужичка съ бабочкой, не найти картину военной службы въ неудачной женитьбѣ: сперва служба легкой кавалеріи и конной артилеріи, потомъ тяжелой кавалеріи, осадной артилеріи, гарнизонная, инвалидная... Мужъ съ женой въ войнѣ, рѣдко въ перемиріи, ошибки частыя, жена въ разъѣздахъ, мужъ на часахъ ходитъ дозоромъ, всѣхъ окликаетъ, ловитъ курьеровъ, шпіоновъ, языковъ. Жена, какъ открытый городъ, или крѣпость съ проломомъ, сдается—кто ни подступитъ, и берутъ ее подкопомъ, переговоромъ или обманомъ, изнуренную форсированными маршами и трудами, приведя все въ безпорядокъ и затопя окрестности. Когда мужъ появляется, непріятель отступаетъ, а онъ исправляетъ все испорченное, осушаетъ залитое, засыпаетъ ворота. Часть гарнизона гоняетъ шпицрутенами, нѣсколькихъ, для страшнаго примѣра, отсылаетъ въ каторжную работу и сидитъ вооруженный у подъемнаго моста, увѣщеваетъ, напоминаетъ любовь, законъ, присягу; но только лишь вонъ изъ крытаго пути и вышелъ въ форштатъ, то другой непріятель, или тотъ же опять, занимаетъ его мѣсто, и крѣпостца, по превратности вещей въ мірѣ семъ, ежедневно переходитъ изъ рукъ въ руки; нѣтъ въ ней ни дня ни ночи покою, только и видно, что и свои и чужіе взадъ и впередъ входятъ и выходятъ. Теперь, прошу сказать, можно или нѣтъ помѣстить въ послужный списокъ ту женитьбу, въ которой мужъ попадаетъ въ крѣпость? Можно и должно!!!...

Глава XXIII.—Дополненіе къ Русскимъ мамамъ.

Спорилъ, одинъ разъ, я до слезъ съ пріятелемъ, который, пріуча себя терпѣть Французовъ, читавъ много ихъ книги, проводя много время въ ихъ землѣ, сдѣлался нѣсколько къ нимъ пристрастенъ и несправедливъ на счетъ своей земли. Онъ нападалъ слегка на многіе Русскіе обычаи, охуляя ихъ, а я защищалъ все грудью, приводя примѣръ подобный или похожій на наши въ чужихъ краяхъ. Главное преніе было о воспитаніи, и онъ ополчился крѣпко противъ мамъ и нянь Русскихъ. «Чтò это за дрянь!» кричалъ онъ: «Чему отъ дуръ научиться? Онѣ прививаютъ глупость дѣтямъ, продолжаютъ ихъ невѣжество, населяютъ въ нихъ предразсудки, удаляютъ просвѣщеніе и закаливаютъ ихъ головы.» А Французскія няни, или, по вашему bonnes (добрыя), не врутъ при дѣтяхъ?—«Совсѣмъ нѣтъ, или меньше; онѣ сказываютъ басенки, исторійки, поютъ пѣсенки, и во всемъ есть что-

нибудь поучительное, занимательное и нравственное». — Поздравляю! Прошу выслушать: я видалъ много и Русскихъ мамъ и нянь и чужестранныхъ; вспомню, что̀ тѣ и другія говорятъ и станемъ сравнивать. До четырехъ лѣтъ дѣтей забавляютъ, унимаютъ отъ слезъ или мѣшаютъ плакать; обыкновенно держитъ няня ребенка на рукахъ или на колѣняхъ и сказываетъ ему, что̀ знаетъ, а все одно.

Англичанки говорятъ:

See, saw,
Margeru Daw
Lord her bed
And laid upon straw.
Was not she
A nasty slut
To sell her bed
And lay in the dirt?

Переводъ:

Си са
Маржери Да
Продала постелю
И легла на солому.
Не была ли она
Замараная потаскушка,
Что̀ постелю продала
И въ грязь легла?

*

To market goes the gentleman
So do we, so do we.
There goes a lady
An amble, an amble;
There goes a Mylord
A trot, a trot.
There goes a footman
A galop, a galop.

Ѣдетъ на торгъ господинъ,
Такъ и мы, такъ и мы;
Тамъ ѣдетъ барыня,
Иноходью, иноходью;
Тамъ ѣдетъ милордъ,
Въ рысь, въ рысь.
Тамъ ѣдетъ лакей,
Въ скокъ, въ скокъ.

Француженки:

Oeil oeillet
Joue brûlée
Joue rôtie,
Menton bis,
Bouche d'argent,
Nez cancan,
Craque, Margotte!

Переводъ:

Глаза гвоздика,
Жжоная щека,
Жареная щека,
Черный подбородокъ,
Серебряный ротъ,
Прямой носъ,
Хватай, Маргота!

Русскія:

Сорока, сорока,
Кашу варила,
На порогъ поскакивала,
Гостей посматривала.
Вотъ этому дала
И этому дала.
А этому не дала,
Онъ оплошалъ.
Тутъ пень,
Тутъ колодезь,
Тутъ тепленькая водица.

И въ эту минуту сперва щекотятъ ребенка на ладонѣ, тамъ на сгибѣ рукъ, а наконецъ подъ мышкой—какъ смѣется! А отъ 4 до 7 лѣтъ обыкновенная исторія по-французски:

De la Barbe Bleu,	Синяя борода,
Du petit Poucet	Мальчикъ съ пальчикъ,
Du prince Riquet.	Принцъ Рикетъ.

Пѣсни:

Compère dors-tu?	—Кумъ! Спишь ты?
Et si je ne dormais pas que me veux tu?	—А если не сплю, что тебѣ надо?
Prêtes-moi ton âne pour aller à Peron.	—Ссуди своимъ осломъ съѣздить въ городъ.
Ah! compère, je dors.	—Ахъ, кумъ, я сплю.

Что за поученіе—обманывать? Притвориться соннымъ и отказать грубымъ и глупымъ голосомъ осла куму?...

J'ai du bon tabac dans ma tabatière,	У меня есть славный табакъ въ табакеркѣ,
J'ai du bon tabac, tu n'en auras pas.	У меня есть славный табакъ да не для тебя.
J'en ai du fin	Есть хорошій
Et du rappé,	И стертый,
Mais ce n'est pas pour ton vilain nez.	Но не для свернаго твоего носа.

Что тутъ хорошаго: дразнить табакомъ и упрекать свернымъ носомъ?...

Давно ужъ я примѣтилъ, какъ пріятно быть горбатымъ.

Это что за непристойность? И какъ пріучать ребенка насмѣхаться надъ безобразіемъ, отъ коего не въ нашей волѣ избавиться?... Наши сказки о Бовѣ Королевичѣ, о Евдонѣ и Берьфѣ, о Еруcланѣ Лазаревичѣ, о Ильѣ Муромцѣ, заключаютъ нѣчто рыцарское, и ничего неблагопристойнаго въ нихъ нѣтъ.

Глава XXIV.—Поведеніе.

Когда Луку Андреича братъ записалъ въ гвардію, то оставилъ жить въ домѣ у капитана той роты, который былъ внучатный дядя недорослю, человѣкъ старый, расположенный умереть въ гвардіи, отказавъ полковничій чинъ въ арміи; онъ жилъ дома по старинѣ, былъ хлѣбосолъ, командиръ и наставникъ добрый. При Лукѣ Андреичѣ оставленъ былъ его дядька Анисимычъ, у коего и деньги были на рукахъ, и онъ, неохотно ихъ давая молодому своему барину, пріучалъ его нечувствительно къ бережливости, а чтобъ лучше отдѣлаться въ случаѣ требованій, имѣлъ всегда готовый отвѣтъ: «деньги не мои; пожалуй, извольте брать, да вѣдь я братцу отдамъ отчетъ, тогда не мнѣ стыдно будетъ, хоть я за васъ и дурное слово пріиму»... Да, въ тогдашнее время и слуги подобные бывали и присмотръ другой. Недовольно родные, да и знакомые, или сослуживцы старикамъ заступали ихъ мѣсто у дѣтей. Трактировъ не знали; и если не можно никакъ было помѣстить у себя въ домѣ, то заставляли молодыхъ людей жить по близости себя, чтобъ имѣть всегда подъ глазами. Бѣда, когда день не побываетъ, залѣнился на службу или замотался: тотчасъ поученіе и наказаніе. Отъ этого самаго молодые люди сохраняли нравственность, здоровье, честь, почтеніе къ старикамъ и уваженіе къ начальству. Долгъ этотъ обращался въ привычку; имъ въ голову не приходило,

чтобъ должность ихъ, законами предписанная, и старый или заслуженный человѣкъ могли быть смѣшны; и, проводя молодость въ семъ честномъ житіи, въ совершенныхъ лѣтахъ они сами содѣлывались примѣрами, а въ старости наставниками, возвращали внучатамъ правила, переданныя имъ дѣдами,—и вотъ этотъ-то долгъ красенъ былъ платежомъ. И такъ Лука Андреичъ ходилъ до смерти по стопамъ добродѣтели, молодымъ былъ замѣченъ по службѣ исправностію, поведеніемъ, ревностію и отличной храбростію начальниками, былъ учтивъ, но не искателенъ, съ подчиненными ласковъ, строгъ, всю жизнь веселъ, шутливъ, хлѣбосолъ, защитникъ притѣсненныхъ, благодѣтель бѣдныхъ, утѣшитель несчастныхъ. Офицеры, солдаты, слуги его и крестьяне называли отцемъ; и онъ точно былъ нѣжный отецъ для всѣхъ тѣхъ, кои отъ него зависѣли. Что же счастливѣе могло быть? Подождите, онъ еще живъ.

Глава XXV.—Портретъ.

Росту онъ былъ 2 арш. 10 вершковъ съ четвертью, широкоплечъ, прямъ, по-русски богатырь, по-заморски Геркулесъ, черноглазъ и черноволосъ. Хотя черты его лица были нѣсколько и грубы; но глаза, въ коихъ была его душа, имѣли силу привлекательную; взглядъ его подзывалъ всѣхъ, никому не говорилъ: «не подходи». Сила была чрезвычайная, и онъ съ Прусской войны заклялся никого изъ своихъ рукъ не бить, ударивъ разъ по щекѣ Жида, укравшаго артельныя деньги; но Евреи живущи, и плутъ Исаакъ, полежавъ замертво часовъ съ шесть, въ госпиталѣ съ мѣсяцъ и поплевавъ кровью съ годъ, оправился и пересталъ красть, что̀ почти невѣроятно. Послѣ раны Лука Андреичъ потерялъ съ силою часть здоровья и подъ старость имѣлъ препочтенный видъ; сохранилъ до конца жизни волосы и зубы, и всегда и вездѣ въ немъ виденъ былъ воинъ, баринъ и молодецъ. Одѣвался по лѣтамъ безъ всякой странности и всегда въ Георгіевскомъ крестѣ, говоря: «это мой грудной атестатъ и паспортъ». Потретовъ его не осталось, хотя два раза писали: одинъ не полюбился за то, что живописецъ, желая дать ему видъ геройскій, далъ видъ злой; а другой написалъ его съ книжкою, и онъ говорилъ: «мнѣ въ портретахъ неудача; на одномъ представили мизантропомъ, а на другомъ философомъ съ адресъ-календаремъ».

Глава XXVI.—Анекдоты.

Когда онъ былъ раненъ, то вылѣчившему его фельдмаршалову доктору офицеры подарили, собравъ между собою, 1000 рублей. Подъ Хотинымъ сказали въ лагерѣ, что Лука Андреичъ убитъ, весь полкъ прибѣжалъ въ отчаяніи; увидя его невредима, солдаты стали креститься и, узнавъ, что убитъ майоръ фонъ Газенхиронъ, иные сказали: «ну, туда и дорога!» Лука Андреичъ ихъ за это сталъ было бранить; но гренадеры отвѣчали: «майоровъ много, можно и нажаловать, а тебя, отца нашего, Богъ одного создалъ». Во время мирнаго торжества, когда онъ былъ съ почтеніемъ у Кагульскаго побѣдителя, то сей ему сказалъ: «Знаете? Мнѣ жаль васъ видѣть въ отставкѣ, служба

объ васъ всегда жалѣть будетъ; вѣдь я вамъ говорю это истину; я съ вами служилъ и васъ знаю, да кто же васъ и не знаетъ?»..

Когда сынъ его представленъ въ арміи былъ непобѣдимому Суворову, то сей герой, спрося и узнавъ, что онъ сынъ Луки Андреича, сказалъ: «Батюшка твой отличный человѣкъ, храбрый офицеръ, христіанинъ, патріотъ; коли ты въ него, то далеко пойдешь, помилуй Богъ; пожалуйста, будь въ отца, лучше быть нельзя; попы запоютъ «Тебе Бога хвалимъ»». Во всей губерніи при спорахъ всѣ говаривали: да, я правъ, хоть сейчасъ на судъ къ Лукѣ Андреичу. Въ домѣ, когда онъ спалъ, то ни одинъ человѣкъ громко не говаривалъ, и всѣ ходили на цыпочкахъ, передавая другъ другу: «баринъ изволитъ почивать; ему покой дать надо; не шумите, братцы». Если въ разговорахъ кто въ привѣтствіе или въ похвалу напоминалъ объ этихъ лестныхъ случаяхъ и просилъ подтвержденія у самого Луки Андреича, то онъ изъ скромности перебивалъ разговоръ двумя рѣчьми: «мало ли чего было, не все припомнишь!» Какъ хочется обнять Луку Андреича! А я бъ у него и руку поцаловалъ...

Глава XXVII.—Свой языкъ.

Лука Андреичъ любилъ пошутить, но никогда въ обиду; многимъ вещамъ у него были собственныя названія, коимъ здѣсь прилагается списокъ:

Англоманъ—клеперкъ.
Французоманъ—стригунъ.
Нѣмцоманъ—моренкопфъ.
Щеголь—Леандръ.
Романическая женщина—лунатикъ.
Гордецъ—волынка.
Игрокъ банкиръ—лихой Татаринъ.
Банкъ или фараонъ—застѣнокъ.
Игрокъ-понтёръ—малолѣтный.
„ коммерческій—сидень.
Влюбленный—астрономъ.
Путешественникъ—микроскопъ.
Человѣкъ совершенный—фениксъ.
„ дурной—прописной.
„ плутъ—уголовный.
Болтунъ—мельникъ.
Привѣтственникъ—холмогоръ.
Потакатель—віолончель.
Грубіянъ—дубинка.
Лгунъ—газетчикъ.
Женщина маленькая—капелька.
Красавица—жемчужина.
Дурная лицомъ—держи право.
Распутная—лоханка.
Худая—лучинка.
Жирная—маканая.
Ханжа—земляная.

Человѣкъ гибкій—поклонный.
Пьяница—кубикъ.
Попрошайка—насосъ.
Красавица—душа.
Горбунъ—киса.
Хромой—кавылюкъ.
Справедливый человѣкъ—солнечные часы.
Смерть—конфискація.
Заика—скрипунъ.
Ученый—кладовая.
Философъ—землекопъ.
Скучный—могильный.
Вольнодумецъ—Римскій шутъ.
Добродѣтельная жена—даръ Божій.
Винокуръ—полугарный.
Знатный баринъ—Юпитеръ.
Дама-сплетница—кружевница.
„ модная—шармантъ.
Модный молодой человѣкъ—дезертиръ.

Глава XXVIII.—Готовится.

Лука Андреичъ, раненый бригадиръ въ отставкѣ, прекрасный мужчина, извѣстный богачъ—если бы и не хотѣлъ жениться, то бъ на немъ женились. Привыкнувъ съ малолѣтства заниматься службою, принимать или давать приказанія, онъ почувствовалъ въ одиночествѣ скуку и часто бывалъ задумчивъ. Объѣхалъ свои деревни, но не могъ въ нихъ долго остаться. Въ Елецкихъ не было дома, въ Саратовскихъ кончина брата сильно дѣйствовала надъ его чувствами. Въ Рязани, гдѣ было отцовское пребываніе, картина малолѣтства его, вмѣсто пріятныхъ и живыхъ напоминовеній, представляла всегда любовь и кончину почтенныхъ родителей; тамъ все было дѣло рукъ и трудовъ ихъ: палаты, церковь, садъ, заведенія. Хотя прошло 25 лѣтъ послѣ смерти, но благодѣянія ихъ живы еще были въ памяти у всѣхъ, и въ селѣ старый и малый, проходя мимо кладбища, кланялись праху благотворительныхъ господъ. Многопочтительный сынъ пролилъ слезы надъ родительскою могилою и, неутѣшно оплакивая потерю ихъ, утѣшался тѣмъ, что походилъ на нихъ сердцемъ и душою. Поѣхалъ въ Москву и нечувствительно рѣшился посягнуть на бракъ, о чемъ слѣдуютъ пункты.

Глава XXIX.—Невѣста.

Княжна Глафира Юрьевна Мишурская осталась десяти лѣтъ послѣ своихъ родителей; отецъ ея былъ человѣкъ простой, но надутый своимъ родомъ; не умѣя ни служить, ни жить порядочно, женился на прекрасной избалованной дѣвушкѣ, потянулся за богатствомъ—и лопнулъ. Имѣнія часть описали въ казну, другую продали съ публичнаго торга, и мужъ съ женой, упрекая взаимно другъ друга въ разореніи, не имѣли ни довольно твердости, ни закону, чтобъ перенесть великодушно бѣдность, и отъ раскаянія, а больше отъ стыда, оставили міръ

сей, въ коемъ будто отжили благородно по глупости и по вольности дворянства. Дочь взяла къ себѣ тетка, старая дѣвушка, и сберегла ей 200 душъ подъ Москвою, записавъ за себя по закладной. Деревня эта оброчная была мерзкая, мужики бѣдные отъ пьянства, стриженый сухой садъ, прудъ сердцемъ, съ карасями, и домъ безъ половъ, безъ оконъ и съ течью; а какъ тетка была сама довольно богата и жила въ Москвѣ, то и дала, что̀ называется, отличное воспитаніе племянницѣ, т. е. выучила болтать по-французски, по-итальянски, пѣть и танцовать. Хотя она читала всякій вздоръ и жила единственно для забавъ и похвалы, но веселье и разсѣянность не развратили ея сердца: оно съ природы было доброе, и сѣмя добродѣтели въ немъ не завядало. Лицомъ она была очень хороша, стройна, умна и правила удивительно парою прекрасныхъ глазъ. Жениховъ за нее много сваталось, но ни одинъ ей не нравился, и она просила тетку ее не неволить. Старушка ей все одно твердила: «Мнѣ хочется твоего счастія, чтобъ при себѣ пристроить къ мѣсту; тебѣ ужъ 20 лѣтъ, ждать нечего, лучше не будешь; чтобъ не заѣсть молодости». Племянница жъ, въ удовольствіе тетки, замѣчала, что она и сама не была замужемъ, а жила счастливо, и получала въ отвѣтъ: «Да вѣдь мало ли что кажется?.. Я конечно ужъ свой вѣкъ отживаю, да что̀ за жизнь? Все одна, да одна, а Богъ не на то человѣка создалъ». Племянница нѣсколько разъ принималась думать, отъ чего тетка такъ скучала, бывъ старою дѣвушкою, и нашла, что она не любила молодыхъ мужчинъ, дѣтей, свадебныхъ баловъ, весны и проч., но отгадать загадки не могла—и это дѣлаетъ обѣимъ честь: племянницѣ, что не все знала, а теткѣ, что не хотѣла узнать.

Глава XXX.—Отхолкали.

Въ псовой охотѣ, всякъ тотъ, кто затравитъ русака или зайца, долженъ дать о семъ знать голосомъ, котораго на ноту никакъ положить нельзя, а онъ походитъ на ржаніе лошади, и это называется по охотничьи: отхо́лкать. Ужъ близъ года какъ травятъ Луку Андреича, но онъ силенъ, отъ всѣхъ отдѣлывается и отъ псовыхъ, и отъ хортыхъ, и отъ тѣхъ, что̀ въ завиткахъ. Иногда угонятъ вкрутѣ, но онъ ушелъ назадъ, или завидитъ—и былъ таковъ; но не все увиливать, звѣрь бѣжитъ на ловца—отхолкаютъ!

Глава XXXI.—Начало.

Лука Андреичъ увидѣлъ Глафиру Юрьевну въ одной изъ тѣхъ церквей, куда, подъ предлогомъ пѣвчихъ, съѣзжаются изо всего города къ обѣднѣ и, вмѣсто молитвы о старыхъ грѣхахъ, запасаются свѣжими. Видъ дѣвушки привлекъ его вниманіе, голосъ ея тронулъ, а взглядъ поразилъ. Онъ разспросилъ на паперти, кто и что̀ она. Черезъ три дня съѣхался съ нею на улицѣ, игралъ съ теткою въ ломберъ, а племянница, сидя подлѣ нея, въ продолженіе игры вмѣшалась въ разговоръ, а подъ конецъ разсуждала съ Лукою Андреичемъ, помѣщая кстати пустыя рѣчи, составляющія часть занятій хорошаго

общества, то есть: «Вы бъ могли вскрыть», «просить позволенія», «напрасно не козыряли», «тетушка, какъ вамъ пассовать?» Лука Андреичъ изъ всѣхъ силъ любезничалъ съ Леандромъ рѣзвился, нарочно проигрался, но остался въ выигрышѣ тѣмъ, что видѣлъ княжну и почти влюбился; а она и тетка въ каретѣ объ одной матеріи лишь разговаривали, то есть о Лукѣ Андреичѣ. Тетка говорила: «Вотъ человѣкъ-то! И молодецъ, и богатъ, и съ репутаціей, когда бъ да посватался»... А племянница свое говорила: Что жъ! не просить его, спѣшить нечего, надобно покороче узнать; да онъ можетъ быть обо мнѣ и не думаетъ». Но тетка и племянница шептали про себя: «Дай Богъ». Не знаю, икалъ или нѣтъ Лука Андреичъ, но про него было разговору часа два. Ужинали они на Воронцовскомъ полѣ, а жили на Остоженкѣ, и отъ тягости кареты, старости лошадей и лишняго пьянства кучера, едва къ подъѣзду притащились и стали на якорь во второмъ часу. Ихъ выгрузили благополучно. Племянница пошла спать, а тетка стала на молитву и часто повторяла со вздохомъ: «О Господи, утѣшь меня хоть на старости», что̀ слыша дѣвка Машка сказала: «Живой о живомъ и думаетъ».

Глава XXXII.—Продолженіе.

Тетка съ племянницей искали Луку Андреича, а онъ ихъ. Слѣдственно, часто и сходились вмѣстѣ. Онъ и княжна старались всякими благопристойными способами понравиться другъ другу; а какъ у нихъ на умѣ было одно, то они скоро другъ друга безъ объясненія поняли. Лука Андреичъ для гулянья пѣшкомъ и верхомъ и въ каретѣ лучше улицы не находилъ Остоженки, и нѣсколько разъ жизнь его была въ опасности отъ кареты, дрожекъ и скотины: всякая лошадь и человѣкъ могли его толкать и въ грудь и въ спину. Занятой княжною, онъ спѣшилъ или ее видѣть или опять на нее взглянуть. Рѣшился открыть свою любовь при первомъ свиданіи; но языкъ не говорилъ, и онъ до того ужъ влюбился, что даже помѣшался и сталъ всего бояться. Племянница сдѣлалась ангеломъ, а тетка чортомъ, и онъ, забывъ себя, не смѣлъ уже и думать, что можетъ успѣть въ женитьбѣ. По ночамъ сбирался скрывать отъ всѣхъ свою несчастную страсть. Но городъ весь былъ въ тайнѣ. Большая часть матерей, тетокъ и дѣвушекъ занялись разбивать свадьбу и отнять у Глафиры Юрьевны завиднаго жениха. Стали шептать, кричать, клеветать, ругать и хоть безъ успѣха, но до дня свадьбы у зависти и сплетней надежда не исчезала; барыни и барышни, бывшія въ заговорѣ противъ княжны, одобряли себя словами: «Мы на своемъ поставимъ».

Стали смѣяться надъ княжною и злословить ее Лукѣ Андреичу; описывая дурной нравъ, кокетство, сплетая тысячу преглупыхъ исторій, и съ видомъ кротости, добродушія, живого участія и жалости, помѣщали и кстати и некстати слѣдующее: «Остерегайтесь, Лука Андреичъ. Вы человѣкъ здѣсь новый, чтобъ послѣ не тужить; ужъ будетъ поздно: поразвѣдайте, когда мнѣ не вѣрите. Что̀ за находка? Кокетка ли счастье? Много она бѣдняжка съ свой вѣкъ терпѣла отъ мужчинъ;

пора ей отдохнуть, гонявшись за всѣми! Вѣдь я знаю давно: похвалить не за что, и писать мастерица; переписочекъ десять ужъ и побольше. Никто ея въ публикѣ терпѣть не можетъ; жениться на ней всякому можно, а жить съ ней — не знаю; эта штука хоть куда загадка, коза-рара». Это говорили Лукѣ Андреичу о теткѣ и княжнѣ. Не погубите, матушка, Глафиру Юрьевну: онъ мотъ; самый вѣрный человѣкъ меня увѣрялъ, что пьетъ по ночамъ. Сказываютъ, что женатъ на Молдаванкѣ: ужъ она и просьбу подала. Домъ у него настоящій сераль Турецкій; варваръ съ людьми; долгъ неоплатный, едва ли и вылѣчится, чтобъ не идти по-міру; заѣстъ вѣкъ ни за что, ни про что; головорѣзъ».

А вотъ дѣйствіе, какое производили всѣ эти злыя сплетни: Лука Андреичъ, по твердости духа, здравому разсудку, презиралъ все, что ему ни говорили про княжну. Любовь и добродѣтель его были ея ходатаи.

Тетка стояла упорно въ своемъ мнѣніи, и только лишь все время качала головой, приговаривая: «Мудренъ свѣтъ. Кто на него угодитъ? Когда бъ я и сама меньше вздору въ молодости слышала, то бъ понапрасну не сохла». Племянница все слушала, но ничему не вѣрила. Она умѣла разобрать всѣ достоинства Луки Андреича, отгадала качества души его и заключила въ ней свое благополучіе; надѣялась, что злость останется безъ успѣха. Но боялась дѣйствія клеветы, и неудача свадьбы была бы ей приговоръ смертный.

Желающіе же Луки Андреича въ зятья, племянники, мужья, мерзкія гончія собаки, разбойницы союзовъ, видя дурной успѣхъ клеветы, не прежде, какъ въ день свадьбы опредѣлили между собой, что женихъ дуракъ, невѣста дура, тетка дурища, и онѣ сами дуры, что хотѣли имъ добра.

Глава XXXIII.—Уголовное преступленіе.

Законы и государи наказываютъ всѣ преступленія и вины, нарушающія спокойствіе общее, благосостояніе каждаго. Для всякой вины есть соразмѣрное наказаніе, и строгость закона укрощается лишь властію царствующаго, которому отъ Бога вручены съ судьбою подданныхъ и вѣсы правосудія, и даръ отирать слезы несчастныхъ милостію, надеждою, великодушіемъ.

Но сколь много жизнь, собственность и права людей покровительствуемы правленіями, столь мало и слабо защищена и ограждена честь. И это первое украшеніе рода человѣческаго, пріобрѣтаемое трудною и непорочною жизнію, угнетаемо повсюду злостію, завистію, корыстью, клеветою и коварствами. Наука вреда отъ времени до времени и употребленія дошла до совершенства. Нападая вездѣ на добродѣтель, гонитъ до крайности, и упорствомъ въ своихъ предпріятіяхъ часто доводитъ драгоцѣнную честь до униженія—просить себѣ у порока помилованія отъ гоненій и спасенія отъ позора.

Сколько великихъ и достойныхъ, честныхъ и добродѣтельныхъ людей обоего пола стали несчастною жертвою вооруженной противъ

нихъ толпы скаредовъ, одушевленныхъ однѣми лишь гнусными страстями! Законъ требуетъ доказательствъ; но какія можетъ представить оклеветанный тысячами людей, изъ которыхъ всѣ виноваты тѣмъ, что пересказывали и утверждали выдуманное однимъ? Къ стыду общества, клевета въ немъ принята съ большимъ удовольствіемъ. Слова ея ловятся на подхватъ, передаются съ прибавленіями и съ поспѣшностію, и когда новая ложь замѣнитъ другую, тогда эта помѣщается въ памяти въ статью неоспоримой истины.

Но пусть у мужчины есть много способовъ перемѣнить сбитое съ пути мнѣніе, защитить свою честь, изобличить, опозорить посягнувшихъ на нее; но что̀ можетъ наградить и утѣшить оклеветанную, тихую, скромную и добродѣтельную женщину? Преступленія ея въ глазахъ порока суть дары небесные: цѣломудріе, нравственность, содрогательное сердце, благородная душа, дарованія, красота. Уваженіе общества, любовь родни, мужа, исканія жениховъ вооружаютъ противъ нея зависть, злобу и мщеніе. Они кидаютъ ядъ на добродѣтель, помрачаютъ блескъ ея, отравливаютъ бытіе и наконецъ, преобразя невинность въ порокъ, для безразсудной и повторяющей толпы не престаютъ гнать до тѣхъ поръ, пока грусть, скука и страданіе вырѣжутъ, вычертятъ на лицѣ глубокіе слѣды свои, или смерть дастъ убѣжище во гробѣ. О, зависть, сколь ты гнусна, опасна и вредна! Свѣтъ тебя старѣе 129 лишь годами. Ты оросила землю первою человѣческою кровью, ты подняла руку Каинову на брата. Неразлучная съ огорченіемъ, злобою и негодованіемъ, ты вселяешься въ сердце человѣческое, убиваешь чувства, оглушаешь состраданіе, человѣколюбіе и раскаяніе, рождаешь ненависть къ ближнему, дышешь злобою на все живущее, ищешь гибели добродѣтели и посягаешь на благоденствіе, тишину и успѣхи каждаго.

Ликургъ, въ наказаніе клеветникамъ, прокалывалъ имъ языкъ; Солонъ предавалъ ихъ народному поруганію. Въ Англіи сажаютъ на площади въ клѣтку, у насъ берутъ съ нихъ по чину безчестіе. Но клевету должно бы помѣстить въ числѣ преступленій надъ смертоубійствомъ, и имена виновниковъ оглася всемѣстно, ихъ самихъ ссылать въ монастыри на покаяніе и позволять имъ употреблять дары слова единственно на исповѣди.

Легковѣріе, дерзость, наклонность къ дурному, презрѣніе къ людямъ, желаніе смѣшить, занимать общество, дѣлаютъ насъ неразборчивыми насчетъ разговоровъ. Злословіе, которые любезные Французы называютъ душою бесѣды, есть предшественникъ клеветы. Нѣтъ вздора, глупости, нелѣпости и мерзости, которыя бы не были приняты съ жадностію. Чѣмъ выдуманное невѣроятнѣй, вреднѣй, и предметъ злости уваженія достойнѣй или извѣстнѣй, тѣмъ скорѣй ложь утверждается, находитъ подтвердителей, защитниковъ, свидѣтелей, ревностныхъ рабовъ, громкихъ трубачей и неутомимыхъ гонцовъ: въ самомъ большомъ городѣ чрезъ сутки всѣ повторяютъ слышанное, вѣрятъ чему угодно. Новость столь же легко пустить въ свѣтъ, какъ сигналъ въ лагерѣ: пріймись бранить—тотчасъ сойдутся, зачни хвалить—всѣ по мѣстамъ или перебьютъ рѣчь. Всѣ злословятъ больше или меньше, но

никто не думаетъ, что трогаетъ честь, губитъ человѣка; иные злословятъ по привычкѣ, другія аккомпанируютъ, третьи—чтобъ не сочли ихъ нѣмыми; но никто не подумаетъ, что, употребляя орудіе клеветы, подвергается самъ ея ударамъ. Всѣ мы хотимъ занимать другихъ собою и отличаться въ мгновенную жизнь нашу. Но и Эростратъ и Робеспьеръ спасали свое имя отъ забвенія. Если бъ Діогенъ вздумалъ искать въ нашихъ обществахъ подобныхъ сему сумасшедшему зажигателю, то бъ начадилъ всѣ комнаты, задувая поминутно въ фонарѣ свѣчу.

Глава XXXIV.—Не въ силахъ.

Лука Андреичъ очень познакомился съ тетушкою и племянницей. Старая дѣвушка уже давала ему нѣкоторыя препорученія, допускала сводить себя съ лѣстницъ, шутила надъ его нерѣшимостію жениться, просила, если, паче чаянія, когда вздумается, чтобъ ей препоручилъ его сватать. Всѣ эти старыя внушенія препровождаемы были увѣреніями о его изящныхъ качествахъ, о счастіи будущей жены, о благодарности ея и пр. Чего же бы лучше, какъ при этомъ случаѣ Лукѣ Андреичу объясниться безъ затѣй и сказать тетушкѣ, что душа желаетъ племянницы? Но нѣтъ; онъ до третьяго часа ходя у себя по горницѣ, говорилъ въ изступленіи: «Какая я скотина! Люблю и не смѣю сказать; ищу счастія и боюсь отказа; былъ молодецъ, теперь сталъ баба. Ходилъ на штурмъ, билъ Прусаковъ, Турокъ, Поляковъ, заслужилъ Георгіевскій крестъ. Если бъ не было во мнѣ страха Божія и почтенія къ родителямъ, то бы наложилъ на себя руки». Полно, Лука Андреичъ; ложись-ка, батюшка, спать; утро вечера мудренѣй, возьмешь и эту крѣпость. Впередъ, да впередъ; коли́ и кричи «ура»!

Желаніе нравиться довело княжну даже до угожденія. Примѣтя, что Лука Андреичъ не охотникъ до танцованья и до румянъ, перестала почти совсѣмъ танцовать и румяниться; удѣляла большую часть утра на чтеніе исторіи, географіи и познаніе Россіи. Она всегда боролась съ любовью, скромностью и надеждой, и слыша одинъ разъ, что ея возлюбленный намѣревался чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ объѣзжать родину по деревнямъ, не могла преодолѣть дѣйствія пораженнаго воображенія, и изъ обоихъ глазъ покатились ручьи слезъ. Лука Андреичъ взглянулъ, увидѣлъ и поблѣднѣлъ, не зная, что̀ думать и что̀ дѣлать. Тетка, отъ навычки и опытности, тотчасъ, нашлась и стала будто бы съ сердцемъ выговаривать племянницѣ, что она не бережется и не лѣчитъ насморка. Лука Андреичъ съ радостію сему повѣрилъ и присталъ тутъ же пенять княжнѣ въ большомъ замѣшательствѣ, что она не бережетъ своего здоровья, не думаетъ о здоровьѣ и хочетъ быть нездоровой. Княжна принуждена была остальное время утирать поминутно носикъ, закрывать ротикъ платкомъ, будто отъ простуды ви уѣхать, для лучшаго успѣха ъ обманѣ, ранѣе обыкновеннаго, домой. Въ каретѣ начались не во время упреки, увѣщанія, утѣшенія, поученія. Тетка бранила и ворчала, племянница плакала и рыдала. Наконецъ, подъѣзжая къ дому, тетка сказала: «Да полно, сударыня, плакать-то; уймись; вѣдь всѣ люди узнаютъ, что плакала». Отвѣтъ

былъ: «Какая мнѣ нужда! Я вижу, что я погибаю, что мое счастье въ смерти!» Вышли изъ кареты и простились сухо; тетка не поцаловала и не перекрестила племянницы, а та не чмокнула въ костяныя руки. Жалѣя о княжнѣ, но не хотя по старости сама себѣ признаться, что она всему была причиной, повторяла часто, лежа на спинѣ: «Господи, ужли я на то создана, чтобъ все хотѣть безъ успѣха? Увижу ли я когда-нибудь конецъ? Мало ли страдала за себя и теперь еще больна за другихъ». Долго она не могла заснуть отъ неизвѣстности, жалости, старости, духоты въ комнатѣ, мухъ, блохъ и клоповъ.

Племянница не могла затворить глазъ отъ любви, отчаянія и сильнаго воображенія.

На другой день обѣ явились—одна въ видѣ флюса, другая рожи, и не хотя признаться въ настоящей причинѣ безсонницы, обвиняли другъ передъ другомъ, племянница—гнѣвъ тетушкинъ, а старуха—лишнее ядѣніе разварной малины.

Глава XXXV.—Счастье отъ кареты.

Насморкъ прошелъ, но ничто еще не рѣшено: влюбленные все въ прежнемъ положеніи, то-есть въ любви, въ безпокойствѣ и въ отчаяніи. Лука Андреичъ чрезмѣрно хотѣлъ ѣздить въ домъ къ теткѣ, но не умѣлъ этого сдѣлать, думалъ, думалъ и ничего не придумалъ; наконецъ рѣшилъ его судьбу дикій камень, называемый голышъ, выбитый изъ мостовой, котораго съ недѣлю всѣ бранили, проклинали, но оставляли посреди улицы. Это странно, но точно правда. Всѣ знаютъ, читали и слыхали, что отъ малыхъ причинъ рождаются большія происшествія. Камень родилъ толчокъ, а отъ толчка и вычислить нельзя что̀ произойти можетъ.

Подъ Донскимъ было гулянье и достаточный поводъ городу ѣхать туда, ѣздить взадъ и впередъ, людей смотрѣть, себя показать, ломать у лошадей ноги, у каретъ колеса и глотать пыль, которая ничѣмъ не хуже Парижской грязи. Лука Андреичъ, въ прекрасномъ визави, на сѣромъ кургузомъ цугѣ, съ страшнымъ усатымъ кучеромъ, съ скороходомъ, егеремъ и лакеемъ богато одѣтыми, проѣхавъ раза два и не видя той, для которой онъ ходилъ, ѣздилъ и жилъ, приказалъ везти себя на Остоженку, перешелъ Москву-рѣку на Крымскомъ броду, слышитъ «стой»!, смотритъ и видитъ толпу народа, запрудившую всю улицу; посылаетъ спроситъ, что̀ такое, и получаетъ въ отвѣтъ, что сломалась карета.—«Кто въ ней»?—«Тетка и племянница». Выскакиваетъ изъ визави, бѣжитъ какъ сумасшедшій, кричитъ: «Ахъ, Боже мой! Владыко мой!», толкаетъ встрѣчнаго и поперечнаго; все валится, все раздается, и княжна у ногъ его, и точно у ногъ—вотъ какъ.

Карета тетушки была на пассахъ, наѣхала на вышеозначенный камень, толкнулась, пассы обрушились, и кузовъ палъ на мостовую; тетка, племянница, Калмычка, моська, брюнетка и болонская собака венерка, остались на своихъ мѣстахъ, ничѣмъ невредимы, но выйти на свѣтъ никакъ не могли, потому что кузовъ спустился между дрогъ и сталъ на пути недвижимъ, презирая всѣ силы рода человѣческаго.

Лука Андреичъ занялся изведеніемъ заключенныхъ въ сей темницѣ, давалъ деньги, помогалъ самъ, но все напрасно. Народъ прибавлялся: иной подсоблялъ, другой мѣшалъ, нѣкоторая часть зѣвала сложа руки, а большая насмѣхалась, говоря громко между собою: «Смотри-ка, какая бѣда! Не диво, что тутъ ночуютъ! Вѣдь экой рыдванъ! Да что въ него и напихали-то! Словно какъ ковчегъ. Нѣтъ, ужь некуда ѣхать; тутъ и сиди! Небось, лошади-то рады, что ей конецъ. Словно какъ въ садкѣ! И собаки-то тутъ... Вишь, вишь, вонъ Калмычка. Ужъ куда господа-то охотники до всего! Ужъ затѣйливы-то, затѣйливы! Посидятъ, посидятъ, да и голодъ пройметъ. Жаль, что барышня-то тутъ попалась, сердечная! Безъ вины виновата. Смотри, чтобъ собаки-то ихъ еще не съѣли. Чево добраго, пожалуй! Да и Калмычка-то пособитъ: вѣдь они охотники до сырова мяса».—«Вотъ, дурачина, захотѣлъ мяса у старухи; видишь, кожа да кости».

Эта шутка полюбилась; смѣхъ сдѣлался электрическимъ, и во всю улицу нѣсколько тысячъ человѣкъ принялись хохотать, не зная чему, и спрашивая: «Что̀ такое, что̀ такое»?

Луку Андреича это взбѣсило; да какъ и вытерпѣть, чтобъ кто могъ смѣяться надъ кузовомъ, гдѣ княжна? Тутъ подоспѣлъ полицейскій офицеръ и, въ силу своей инструкціи, по коей сборище черни нетерпимо, погналъ бездѣльниковъ прочь. Народъ потекъ, какъ вода, съ неудовольствіемъ говоря про себя: «Вѣдь мы худаго не дѣлаемъ; вѣдь карета не наша! Пожалуй, гнать не диковина, на это у всякаго ума станетъ. Все бѣда нашему брату; смѣяться не даютъ, а бьютъ, плакать не велятъ. Да вѣдь и завсегда такъ бывало; намъ не привыкать стать». Но тетка, племянница и находящіеся при нихъ, всѣ сидятъ въ кузовѣ, теряютъ терпѣніе и надежду. Тетка сердится, княжна стыдится, Калмычка плачетъ, моська рычитъ, Венерка лаетъ, а Лука Андреичъ бѣсится, не зная, что̀ дѣлать. Наконецъ, выходитъ изъ воротъ въ синемъ камзолѣ и въ кушакѣ человѣкъ въ-полпьяна, подходитъ и говоритъ: «Баринъ, что же? Вѣдь матушкѣ-то вашей, да сестрицѣ не жить на улицѣ. Дѣло къ ночи; развѣ караулъ къ нимъ приставить, чтобъ, помилуй Богъ, чего не сдѣлалось? Всяко бываетъ! Объ каретѣ ужъ думать нечего,—провались она; да ей ужъ и конецъ, она свой терминъ отъѣздила; вѣдь людьми ее не осилить, только сердечушки надрываются. Коли прикажете распилить дроги, такъ вотъ будетъ и порядокъ, спасибо скажете. Этой манерой все съ маху въ резонъ приведу. Я каретникъ, не хуже Нѣмца иного. Мое дѣло сторона»... Голосъ его принятъ, тотчасъ дано приказаніе; камзолъ явился съ пилой, принялся за работу, завелъ было споръ съ сбитенщикомъ, что дроги буковыя, а не дубовыя, хотѣлъ доказывать, но окрикомъ Луки Андреича сталъ паки дѣйствовать. Дроги затрещали, задокъ отдернули, и осужденныя вѣчно на кузовное заточеніе получили свободу. Онѣ сѣли въ карету, а вышли изъ портшеза.

Лука Андреичъ говорилъ: Боже мой, какъ я радъ!

Тетка.—Я въ вѣкъ этого одолженія не забуду.

Княжна.—Какое счастье, что вы тутъ случились!

Полицейскій офицеръ:—Имѣю честь поздравить; не прикажете ли, матушка, дрожки: до квартиры доѣхать?

Каретникъ:—Ужъ я охулки на руку не положу; кабы дали, я и кузовъ-то на мелкія части расколю: намъ не учиться...

Лука Андреичъ предложилъ теткѣ свой экипажъ, который и принятъ; самъ взялся проводить Калмычку и псовую охоту, отдавъ ее на руки скороходу. Каретнику выдано достаточно жить мѣсяцъ, и тѣмъ кончилось достопамятное разрушеніе пассовъ и паденіе кузова.

Княжна въ каретѣ сказала теткѣ: «Ужьли, тетушка, вы Луку Андреича не позовете къ себѣ?» Отвѣтъ былъ: «Пожалуйста, Глафирушка, не учи; я, право, тебя не глупѣй. Я изъ деликатности это сдѣлаю». И вслѣдъ за симъ, только лишь появился у дома влюбленный нашъ герой съ собаками, то къ нему вышелъ теткинъ человѣкъ и сказалъ: «Степанида Кузьминишна приказала васъ просить; ужьли вы, дескать, батюшка, не зайдете къ намъ, выпить чашку горячева?»

Лука Андреичъ нашъ влетѣлъ и поселился. Рѣчь была о происшествіи, и черезъ часъ весь домъ наполнился однолѣтками хозяйки, которыя изъ благопристойности, узнавъ чрезъ разосланныхъ отъ племянницы, пріѣхали навѣстить убіенныхъ и привезли съ собою всѣ болѣзни, удручающія страждущее человѣчество въ старости; пошли толки о пассахъ, о каретахъ, о подобныхъ приключеніяхъ, похвала Лукѣ Андреичу, удивленіе о присутствіи ума каретника въ синемъ камзолѣ, брань полиціи за мостовую, а потомъ доказательства, что въ старину все было лучше. Но ни одна старуха не замѣтила, что вѣчнаго ничего нѣтъ, что карета была однихъ съ ними лѣтъ, и что и ей должно было кончить когда-нибудь свое трясучее бытіе.

Сѣли играть въ карты: тетка съ тремя подругами въ кадриль, племянница съ Лукою Андреичемъ и съ глухою старою бабушкою въ ломберъ. Влюбленные занимались собою и смотрѣли больше другъ на друга, чѣмъ на карты, а бабка между тѣмъ стирала свои ремизы, писала лишнее на нихъ, прикупала по два раза, брала вдвое за игры, крала матадоры, фишки, и имѣла безстыдство хвастаться счастьемъ. Княжна напомнила Лукѣ Андреичу, что каретникъ принялъ ее за его сестру; любовникъ неосторожно вскрикнулъ: «О, помилуй Богъ»! и оба покраснѣли—княжна, отгадавъ мысль, а онъ, проговорясь. Но игра все успокоила; влюбленный сказалъ «позвольте», влюбленная: «я вскрою», и бабка: «Сампрандеръ». Пока играли, то всѣ домашнія дѣвушки и женщины, растворя немного дверь, смотрѣли на Луку Андреича, и всѣ въ одинъ голосъ говорили: «То-то молодецъ! То-то красавецъ! Дай Богъ княжнѣ быть за нимъ! Ужъ этотъ за себя постоитъ».

Дѣвки знали отъ людей, а люди отъ себя, что барыня, барышня и Лука Андреичъ затѣяли свадьбу. Отъ людей у господъ не можетъ быть тайны: нѣтъ барина, который бы утаился отъ ближняго человѣка, и нѣтъ слуги, который бы не проникнулъ господина. Узнаетъ одинъ—узнаютъ и всѣ, и для этого нѣтъ никогда тайны на свѣтѣ.

Наконецъ, день кончился, всѣ разъѣхались; влюбленный приглашенъ ѣздить когда ему угодно, и уѣхалъ доволенъ своею судьбою и

тѣмъ, что проговорился; но къ успѣху у него ничего не прибавлялось, а у тетки убавилась карета.

Глава́ XXXVI.—Жизнь покойной кареты.

Карета сдѣлаетъ въ жизни Луки Андреича столько же важное происшествіе, какъ въ древней исторіи похищеніе златаго руна, Троянскій конь и походы Александра-Македонскаго. Она имѣла на свѣтѣ семъ подобную участь общихъ красавицъ, которыя въ молодости даютъ въ мірѣ законы и моды, въ совершенныхъ лѣтахъ идутъ на миръ, а въ старости ходятъ по-міру. Она произведена была на свѣтъ въ 1725 году, въ городѣ Брисселѣ, славнымъ каретникомъ Симономъ, на заказъ одному духовному курфирсту, по случаю коронаціи Римскаго императора во Франкфуртѣ. Тамъ была въ употребленіи у его свѣтлости; сынъ каретника передъ отпускомъ ее объѣздилъ и умялъ; потомъ переходить стала изъ рукъ въ руки къ оберъ-гофмаршалу, къ шталмейстеру, къ президенту, къ профессору, къ тремъ Нѣмецкимъ баронамъ, къ содержателю наемныхъ каретъ, къ Прусскому майору, къ Саксонскому камергеру, къ Бременскому сенатору, къ Гамбургскому бургомистру, къ Любекскому синдику, къ Калмыцкому князьку, къ Русскому воеводѣ, къ архимандриту, къ Степанидѣ Кузьминишнѣ, и, наконецъ, къ каретнику въ синемъ камзолѣ, который, вынувъ изъ нея все годное, ободравъ до чиста, опредѣлилъ ей быть садкомъ для куръ-насѣдокъ.

Впослѣдствіи сихъ переходовъ, удивительно покажется лишь то, какъ она попала въ руки къ Калмыцкому князьку; но сіе объясняется занятіемъ въ 1759 году нашими войсками Берлина, при чемъ были и Калмыки. Нѣтъ нужды сказывать, что сія дѣйствительно изъясненная карета множество разъ была передѣлана и въ починкѣ, сколько разъ ее перекрашивали, лакировали снаружи, набивали, обивали внутри, оковывали, перемѣняли ходъ, дышла, мазь, и первые ея хозяева тысячу разъ ее бъ увидѣли, но никакъ не могли бъ подумать, что и они сами въ ней ѣзжали.

Сравняйте съ каретою одну изъ тѣхъ красавицъ, кои изъ прелестей своихъ дѣлаютъ открытый домъ и подвижной магазейнъ, и согласитесь, что съ каретою много сходства: она переходитъ также изъ рукъ въ руки, перекрашивается, чинется, клеится и продается за новую; только не къ чему примѣнить дышла и мази,—можно бъ да не должно: охотники до вольныхъ художествъ отгадаютъ.

Глава XXXVII.—Непріятное донесеніе.

Сколь мы быть должны благодарны Провидѣнію, что оно сокрыло отъ насъ предстоящее! Забывая легко прошедшее, мы спѣшимъ жить въ настоящемъ, нимало не думаемъ, чтò съ нами случиться можетъ чрезъ минуту; а если когда попущенное воображеніе покушается проникнуть въ будущее, найти въ немъ, сходственно съ желаніемъ, бѣды или утѣхи, тогда неизвѣстность останавливаетъ человѣка въ его забытьи, принуждая признаться, что онъ перешелъ предѣлы дарованныхъ

ему чувствъ. Тотъ смѣется за минуту жестокой напасти; другой хвастается счастьемъ предъ совершенною гибелью; третій полонъ затѣй и предпріятій на 50 лѣтъ, а чрезъ пять минутъ не будетъ въ живыхъ. Всѣ думаютъ, придумываютъ, обдумываютъ, но не вздумаютъ о косѣ смертной, коей удары съ большою точностью и вѣрностью размѣрены и распредѣлены, какъ зубцы на колесахъ у самыхъ лучшихъ Брегетовскихъ часовъ. Но если бъ мы знали часъ смертный такъ, какъ день рожденія, то бъ, вмѣсто чтобъ наслаждаться жизнію, занимались бы единственно и безпрестанно концомъ ея; тогда бъ суеты суетъ обратились въ печаль печали.

На другой день послѣ паденія кареты, тетка и племянница все утро занимались пріятнымъ разговоромъ о надеждѣ, что общее желаніе ихъ увѣнчано скоро будетъ успѣхомъ. Устроивали ходъ сватанья, сговора, свадьбы и счастливой потомъ жизни; говоря о всемъ утвердительно, довели себя до того, что совершенно увѣрились въ непремѣнномъ исполненіи своего намѣренія. Тетка уже уговорила, чтобъ Лука Андреичъ заплатилъ за нее небольшой долгъ, а племянница обѣщала. Но это восхитительное расположеніе было въ горницѣ; а что̀ стояло за дверью и явилось—чудо!

У Степаниды Кузминишны правилъ домомъ и назывался дворецкимъ крѣпостной ея человѣкъ, Сафронъ Феклистовъ, коего она, для отличія, называла Феклистычемъ. Онъ былъ нѣкогда женскимъ портнымъ, спился было до того, что кричалъ на барыню: «слово и дѣло», но послѣ какъ-то установился и, бывъ женатъ на любезной сѣнной дѣвушкѣ, долгою жизнію схороня всѣхъ получше себя людей, дошелъ до высшей степени почестей въ дворянскомъ домѣ, то-есть, до дворецкихъ. Онъ мужикъ былъ толстый, и глупый, и грубый, и хотя изъ зависти и изъ мести много разъ были на него доносы въ воровствѣ и въ упущеніи господскаго интереса, но онъ во всемъ себя очистилъ и получилъ полное удовольствіе приказаніемъ наказать на тѣлѣ доносчиковъ. На улицѣ его всѣ знали, да какъ и не знать, увидя одинъ разъ? Лучшее его упражненіе было сидѣть въ колпакѣ и въ халатѣ на лавочкѣ у воротъ и заставлять мальчиковъ, для своей забавы, играть въ бабки. Но теперь,—въ синемъ застегнутомъ предлинномъ сюртукѣ, въ башмакахъ, на шеѣ черная тафтяная веревка, недѣлю не бритая борода и съ кудрявою, хохлатою головою, въ коей отъ сѣдины не виденъ былъ пухъ, Феклистычъ входитъ и начинаетъ съ барынею разговоръ.

Барыня.—Что̀, батюшка, зачѣмъ? Вѣрно денегъ просить? Или Абашку на съѣзжую опять взяли?

Феклистычъ. — Нѣтъ, сударыня, деньги еще не всѣ вышли, а Абашку я изъ стула не выпущалъ. Я пришелъ милости вашей доложить, неравно вздумаете со двора ѣхать, такъ кареты вѣдь нѣтъ.

Барыня.—Что̀ ты мнѣ это сказываешь? Вѣдь ты дуракъ, а я, благодаря Бога, съ ума не сошла. Развѣ ты продалъ или украли жолтую и мордарѐ карету?

Феклистычъ.—Нѣтъ, сударыня. Пропажи въ вашемъ домѣ нѣтъ,— что жъ, грѣхъ сказать! А кареты эти двѣ хотя и стоятъ въ сараѣ,

да въ нихъ ѣздить опасно очейно: того и смотри, что разсыпются; а мнѣ вѣдь ваше здоровье пуще всего на свѣтѣ. Долгія вамъ лѣта; а послѣ васъ куда мы годимся!

Барыня.—Да развѣ я тебѣ, старый чортъ, не приказывала еще на первой недѣлѣ починить Мордарееву-то карету? Ты забылъ? Былъ глупъ, а теперь еще глупѣе сталъ.

Феклистычъ. — Воля ваша, сударыня, въ мои лѣта люди не глупѣютъ. Я все въ одной порѣ. Да эти кареты и чинить нечего: до нихъ дотронуться нельзя. Вотъ я и пытался отдавать, да никто не берется. Здѣшній же каретникъ, Обросимъ, причитаетъ на васъ 13 рублей съ полтиной прежнихъ. Что жъ мнѣ дѣлать? Вѣдь не связать ево.

Барыня.—Тебя слушать, такъ и конца не будетъ. Вотъ вчерашнюю-то карету если бъ ты осмотрѣлъ, такъ бы сраму не было со мною на улицѣ.

Феклистычъ.—Матушка, да ужъ ее чинили-чинили, да и въ пень стали, и рукъ-то марать никому не хочется; а на лѣчёной кобылкѣ не долго ѣздить.

Барыня. — Врешь, дуракъ, врешь. Вотъ я пошлю Крисанѳовну осмотрѣть.

Феклистычъ.—Да хоть сами изволите пойти, а все тоже будетъ. Я вамъ точно докладываю.

Барыня тотчасъ закричала дѣвку. Дѣвка вошла, вышла, и явилась потомъ Крисанѳовна, которой барыня приказала такъ: «Поди, пожалуйста, голубушка, въ каретный сарай; посмотри, что̀ тамъ съ каретами дѣлается. Этотъ старый чортъ все у меня поломалъ и ни за чѣмъ не смотритъ». Барская барыня, сказавъ: «слушаю, матушка, сей же часъ вамъ обо всемъ представлю», отправилась съ симъ важнымъ препорученіемъ и съ полною довѣренностію. Не прошло десяти минутъ, какъ раздался крикъ, вопль, и влетѣла въ комнату стремлавъ Крисанѳовна простоволосая, безъ косынки и съ разодранной юбкой, отъ чего сдѣлался у ней шлейфъ. За нею, по пятамъ, всѣ дѣвки, люди. «Что̀ такое, что̀ съ тобой? Опомнись, перекрестись!» Но едва чрезъ полчаса могли получить отвѣтъ и реляцію отъ Крисанѳовны.

«Охъ, мать моя! Охъ, государыня ты наша, сударыня, Степанида Кузьминишна! Ахъ злодѣй, что̀ онъ со мною сдѣлалъ! Обругалъ, проклятый! Это дьявольское навожденіе. Охъ, матушка, прикажи дать испить; языкъ во рту не воротится. Ну, дошла было до року! Околѣть бы безъ покаянія! Полно бы вамъ служить!»

Тутъ дали ей выпить стаканъ кислыхъ щей. Дѣвки оправили на ней, смѣючись и отворачиваясь, косынку и платокъ; и Крисанѳовна, держа свой шлейфъ въ рукѣ, начала сарайную повѣсть, охая вездѣ, гдѣ запятая.

«Вотъ, матушка, какъ вы мнѣ изволили приказать сдѣлать осмотръ каретамъ-то, я и пошла прямо въ сарай; пришла, а онъ заперть. Я вызвала Петра, рыжева кучера, говорю ему: «Петръ, отопри сарай!» Онъ мнѣ:—да тебѣ какое, де-скать, дѣло? «Отопри», я говорю: «Воръ! Барыня изволила приказать». Онъ и отперъ,—точно такъ было, хоть сейчасъ съ мѣста не сойти, и говоритъ: Ну, Крисанѳовна, поди же

ты сама смотри, чтобъ послѣ не кричать караулъ. Я его тутъ выбранила, что жъ! согрѣшила, нечего сказать,—да и въ сарай; подошла къ жолтой каретѣ, отворила дверцы,—какъ запрыгаютъ крысы, и видимо-невидимо! Одна вскочила подъ платье, а я за хвостъ да объ земь, вѣдь я человѣкъ не робкій! Да что и за крысы: иная съ кошку, такія крупныя. Какъ я заглянула въ карету-то, и тамъ живаго мѣста нѣтъ; все съѣдено, все источено, а гдѣ сидень-то, тамъ гнѣзда съ крысятами, и духъ такой, что способу нѣтъ; а въ шишкахъ-то на верху воробьи гнѣзда натаскали. Ну, хорошъ присмотръ! ужъ есть за что сказать спасибо Феклистычу! Да все это ничево, все бъ дѣло плёвое. Я, ни думая, ни гадая, только чтобъ вамъ, матушка, сдѣлать угодное, осмотря жолтенькую-то карету, да и пошла къ малиновой; только лишь я за дверцы, — вотъ не лгу, Богъ свидѣтель! — анъ какъ выскочитъ, какъ вопьется въ меня, что же, сударыня? Собачища съ медвѣдя: хамъ-хамъ, да и на меня. Тутъ я ужъ свѣту не взвидѣла, такъ и бухнула на землю; а собака-то и ну меня, то туда, то сюда, облапила да и сидитъ. Я ни жива ни мертва, кричу во все горло, а она пуще серчаетъ, то тутъ рванетъ, то въ другомъ мѣстѣ; ужъ какъ глаза уцѣ-цѣли, диковинка! Ну ужъ я кое-какъ выкарабкалась да бѣжать; а собачища схватила за юбку, да и ну драть! Охъ, матушка, видѣла страху, благодаря Феклистычу! Счастливъ онъ, воръ, что не попался мнѣ, а то бы я его не хуже собаки-то приняла. Вотъ онъ, матушка, какъ вамъ служитъ вѣрой и правдой, тавлинецъ проклятый! Небось, вы не изволите знать, что̀ и въ той каретѣ, что сломать-то изволили, дѣлалось по ночамъ... Да при княжнѣ говорить-то будто непригоже».

Должно знать, что Феклистычъ и эта Крисанѳовна были злодѣи непримиримые, и вражда между ими столько же была сильна, какъ въ родѣ Атридовъ, Монтеки и Капулетовъ, Турковъ и Христіанъ. Крисанѳовна въ молодости желала за Феклистыча замужъ, а онъ желалъ выйти изъ сомнѣнія на счетъ ея добродѣтели, какъ-то слишкомъ повѣрялъ и слишкомъ углубился въ открытія, а вышло ничего, и онъ женился на другой. У нихъ частыя бывали сшибки, и Феклитычъ два раза ее невинно подвелъ подъ гнѣвъ: онъ разъ сказалъ, будто она на салопѣ прожгла утюгомъ дыру, а въ другой взвелъ, будто она разбила банку медоваго варенья, отпуская повару на сладкій слоево̀й пирогъ.

Тетка запылала справедливымъ и законнымъ гнѣвомъ на глупаго раба своего. «Позови Феклистыча сюда, подай его сюда! Вотъ я его бестію! Нѣтъ, ужъ терпѣнія не достаетъ!»

Дворецкій встрѣченъ былъ бранью и вопросомъ: «Затѣмъ развѣ я тебя, шельму, пою и кормлю, чтобъ ты травилъ крысами и собаками Крисанѳовну и перегноилъ мои кареты?»

Феклистычъ:—Помилуйте, сударыня, да чѣмъ я тутъ виноватъ? вѣдь крысы меня не послушаютъ; ужъ мы не знаемъ, какъ отъ нихъ отбиться: на погребѣ держать ничего нельзя, то и дѣло битую живность кидаемъ въ сосѣдскій колодезь. Вонъ на святой, у лакея Зиновья пукли прочь такъ и отъѣли, не успѣлъ прилечь, сердечушка, отдохнуть на лавку. Денегъ на мышьякъ не жалуете. Что жъ мнѣ дѣ-

лать? Вѣдь въ каретѣ этой ѣздить нельзя; что жъ ей понапрасну пустой стоять?

Барыня.—О, скотина, о, лошадь безмозглая! А въ другой каретѣ-то зачѣмъ зашла собака? Что это, псарня, что ли?

Феклистычъ.—Да извольте прежде спросить, что̀ за собака; это дворникова нашего дворная сука. Время пришло, вскочила въ карету да и ощенилась. Ее и чортъ оттуда не выживетъ, ништо сама выйдетъ.

Барыня.—Хорошо. Ты было меня отправилъ самоё въ каретный-то сарай! Ну, да если бы я пошла, а собака-то на меня бросилась, вѣдь я бы умерла отъ страху.

Феклистычъ.—Съ вами бъ этого, сударыня, не случилось: всѣ собаки знаютъ. Какъ она смѣетъ?.. А что Крисанѳовна говоритъ про ту карету, что сломалась, такъ вѣдь это ея дѣло за дѣвками смотрѣть. На мнѣ, сами изволите знать, весь домъ лежитъ. День великъ, умаешься. Радъ какъ бы довалиться; уже ничто на умъ не идетъ. Только смеркнется, дѣвки и пошли ерзать, словно какъ чортъ на нихъ поѣдетъ,—сущій содомъ! Воля ваша съ ними, а что имъ потачка большая!

За симъ словомъ съ великимъ сердцемъ, но слабою рукою Степанида Кузьминишна влѣпила Феклистычу двѣ пощечины, выгнала вонъ и запретила являться дондеже не проститъ.

Племянница, стыдясь за тетку, давала ей чувствовать, что драться непристойно, и получила нравственный отвѣтъ: «Да ты, сударыня, рада за нихъ стоять! Поживи-ка съ мое, такъ и узнаешь, каково домомъ править. Дай имъ хоть немного воли, да они верхомъ поѣдутъ. Ужъ что я выношу! Не понимаю, какъ уцѣлѣла. Вѣдь съ ними одинъ манеръ: что̀ побьешь, то свѣтъ и увидишь». — Изорванной въ клочки Крисанѳовнѣ приказала укушенныя мѣста натереть Рижскимъ бальзамомъ, отъ чего ехидная старуха на стѣны лѣзла.

А Феклистычъ пришелъ домой, разбудилъ всегда спящую свою жену и бранилъ: «А тебѣ все равно, хоть свѣту будь преставленье, ты все дрыхнешь, старая хрычовка, смерти на тебя нѣтъ!» Жена, зѣвая и потягиваясь, спросила перекрестясь: «Аль на тебя барыня изволила гнѣваться?»

— То-то гнѣвалась, да и задѣла въ барышахъ. А тебѣ все разсказывай! Ты рада слушать! Меньше знаешь, больше спишь. Дай халатъ да колпакъ.

Одѣлся въ обыкновенное свое дезабилье и пошолъ на улицу сидѣть на лавкѣ, пока позовутъ на ѣду.

Сидя, что жъ онъ дѣлалъ? Размышлялъ или думалъ? Нѣтъ, онъ думать не умѣлъ и съ роду не размышлялъ, а сидѣлъ и смотрѣлъ. И гусь, и кротъ, и сова, и свинья не думаютъ, а живутъ: и Феклистычъ также жилъ, и многіе люди такъ живутъ.

Оно покойно, нехлопотно, здорово и никому невредно.

Глава XXXVIII. Непростительный поступокъ.

Хотя послѣ всѣхъ сихъ важныхъ происшествій на другой день другого слѣда не было, какъ на грѣшномъ тѣлѣ Крисанѳовны, и все

осталось попрежнему, то есть Феклистычъ дворецкимъ, крысы въ жолтой каретѣ, сука съ дѣтьми въ мордаре, а барыня дома. Но она сбила людей съ ногъ въ одинъ день, посылая къ своимъ знакомымъ съ письмами, и хотя и употребляла все ласковыя слова для состава убѣдительнаго слога, повторяя «жизнь моя, милая, душа, голубчикъ, сударчикъ, одолжи, не откажи» и проч., но по-напрасну: всѣ тѣ, у коихъ она просила на нѣсколько дней кареты, ей отказали справедливыми, а больше ложными отговорками; да и просьба была основана на лжи: тетка, не хотя написать изъ чванства и отъ стыда, что ѣздить не въ чемъ и кареты купить не на что, припутала тутъ каретниковъ, мастеровыхъ, и составила изо всѣхъ цеховъ одинъ цехъ—обманщиковъ для ея одной.

Княжна очень бы желала сидѣть дома, бывъ увѣрена видѣть всякій день Луку Андреича и разговаривать съ нимъ безъ всѣхъ помѣшательствъ, кои неизбѣжны въ многочисленной бесѣдѣ; но теткѣ жить дома было невозможно: она любила людскость, карты, ѣду, горячее, и новости, кои она, точно какъ на Кяхтѣ товаръ, размѣнивала съ прочими городскими вѣстовщицами. Дома же ей сидѣть одной за большимъ пасьянсомъ, съ меледой и проч. Къ ней никто почти не ѣзжалъ отъ того, что кушанье у ней было дурное, и все почти изъ годового домашняго запаса; чай и кофе жидкіе, молоко за-урядъ со сливками; питье: горькія кислыя щи и клюковный морсъ съ увѣреніемъ, что очень здоровъ, а ко всему этому кресла и стулья часто подламывались и подвергали явной опасности сѣдоковъ.

Что же дѣлать, какъ быть? Денегъ нѣтъ, въ займы никто не даетъ.

Но нужда рождаетъ умъ. Онъ явился и внушилъ теткѣ дурную мысль.

Обо-дворъ съ ней жилъ Сидоръ Абрамычъ Оплотовъ, который неотмѣнно всякій годъ уѣзжалъ изъ Москвы на саняхъ, по грязи на пятой недѣлѣ великаго поста въ Медынскую деревню, откуда пріѣзжалъ въ Филиповки обратно для переписки закладныхъ и векселей, и продажи хлѣба и мясовъ. Въ отсутствіе его, домишка препоручался въ смотрѣніе дворнику съ женой; а въ немъ ничего не оставалось, кромѣ въ сараѣ кареты, а въ кладовой оловяннаго сервиза и двухъ людскихъ винчуръ. За всѣ сіи сокровища отвѣчала дворничиха; мужъ ея дѣлилъ время между полицейской должности и табаку, который теръ безпрестанно въ горшкѣ оглоблею, сидя у будки, мѣшая золы на-половикъ и отпуская на деньги мѣрочкой не свыше копейки и не ниже полушки. Расходъ былъ великъ, потому что Маську Губана (имя будочника), всѣ знали: онъ балагуръ и кричалъ какъ соловей съ раскатами

Чокъ чокъ!
Табачокъ—
Ахтырскій,
Богатырскій,
Изъ рожка,
Съ соколка,
Въ натриску,
На закуску,
Красичокъ,

Каблучокъ,
Пучокъ,
Сморчокъ,
Лѣзь въ горшокъ,
Ахъ, табачокъ!..

Степанида Кузьминишна, преодолѣвъ безъ большого насилія отвращеніе къ непозволительному, отправила того же Феклистыча къ сосѣду на дворъ, и онъ въ одну конференцію заключилъ съ дворничихой слѣдующій свободный трактатъ:

1) Степанида Кузьминишна обязуется платить дворничихѣ по 50 коп., за всякій разъ, что возьметъ карету.

2) Дворничиха обязуется давать Степанидѣ Кузьминишнѣ карету всякій разъ, какъ она потребуетъ.

3) Деньги платить всякій разъ напередъ и отдавать въ руки.

4) Починку всякую дѣлать Степанидѣ Кузьминишнѣ на свой счетъ не отговариваясь.

5) Если карета сгоритъ въ ѣздѣ или утонетъ, или развалится, то Степанидѣ Кузьминишнѣ дворничиху защитить, чтобъ ей не пострадать отъ барина.

6) Степанида Кузьминишна выдаетъ для разныхъ потребностей, чтобъ пустить карету въ ходъ, дворничихѣ денегъ впередъ 2 рубля, кои послѣ и зачтутся.

А какъ никогда трактатовъ не бываетъ безъ сепаратныхъ и секретныхъ артикуловъ, то и въ этомъ прибавленъ одинъ такого содержанія:

А дабы Степанидѣ Кузьминишнѣ не быть безъ кареты, а дворничихѣ безъ пропитанія, то онѣ взаимно обѣщаются наблюдать свято и ненарушимо, дабы днемъ въ вышеозначенной г-на Оплотова каретѣ по городу не ѣздить, а ѣздить ночной порой, до вторыхъ пѣтуховъ.

Вотъ дѣло и съ концомъ безъ ратификацій: Степанида Кузьминишна съ каретой, а дворничиха съ деньгами. Я знаю напередъ, что многіе мелочные и привязанные къ формамъ и посѣдѣлые въ истолкованіи смысла каждаго слова дипломаты, профессоры логики и метафизики найдутъ упущенія, ошибки и вредныя быть могущія слѣдствія въ семъ договорѣ. Но къ чему придраться нельзя? Я и самъ вижу, что много есть тутъ непредвидѣннаго, темнаго, необъясненнаго и ненужнаго, напр.: въ 1-мъ артикулѣ сказано, что Степанида Кузьминишна платить будетъ по 50 коп. за всякій разъ, что̀ возьметъ карету; могло бы случиться, что она, взявъ карету, не разсудила бы ѣхать, и изъ сего долженъ выйти споръ, чего бъ не случилось, если бъ сказано было «возьметъ карету и поѣдетъ въ ней», или «возьметъ карету, хоть поѣдетъ, хоть не поѣдетъ въ ней».

2-й арт. основанъ совершенно на взаимной доброй вѣрѣ.

3-й арт. объясненъ совершенно и основанъ на познаніи сердца человѣческаго такъ, что нѣтъ мѣста ни спору, ни лишнему требованію, ни сомнѣнію.

4-й арт. немного вѣтрено написанъ и могъ бы родить тьму затрудненій отъ того, что не означены поименно и порознь всѣ части,

составляющія повозку подъ именемъ кареты, подверженной во всѣхъ частяхъ равно поврежденію.

5-й арт. съ начала до конца вопреки здравому смыслу, чести и закону. Карета могла бъ сгорѣть и утонуть съ сидящею въ ней Степанидою Кузьминишною: тогда кто очистилъ бы статью сію? А оставшись въ живыхъ по истребленіи кареты стихіями, какъ защищать измѣнницу, не боясь себя и ея соучастниковъ? Лучше бъ написать: «Въ такомъ случаѣ дворничиха получитъ отъ Степаниды Кузьминишны такое-то число денегъ, чѣмъ откупится отъ слѣдуемаго наказанія», или «Степанида Кузьминишна дастъ дворничихѣ убѣжище и приличное содержаніе по смерть, или на такое-то время».

6-й арт. основанъ на предосторожности, хотя не въ пользу Степаниды Кузьминишны, потому что при расчетѣ дворничиха могла бъ и утаить эти два рубля.

Сепаратный артикулъ весь во вредъ дворничихи, и Степанида Кузьминишна могла бы всякій разъ до свѣту держать карету, виня въ ошибкѣ времени пѣтуховъ, сонъ или глухоту людей. Притомъ всѣмъ извѣстно, что пѣтухи въ теплое время и въ дурную погоду поютъ ранѣе обыкновеннаго, а для сохраненія кареты, тайны измѣны и наблюденія времени, можно бы написать тако: «А дабы Степанида Кузьминишна во время выѣзжала и возвращалась домой, то вышеупомянутой дворничихѣ быть за всегда при ней и совѣтамъ ея слѣдовать безпрекословно, согласуясь съ обстоятельствами и съ мѣстнымъ положеніемъ».

Вотъ теперь всякій и увидитъ, что нѣтъ вздорнаго дѣла, которое бы лучше не можно было сдѣлать; но скорость, нетерпѣніе и самолюбіе суть большія препоны усовершенствованія. Со всѣми упущеніями и погрѣшностями и неосторожностію трактатъ состоялся до конца, и безъ спора: видно, въ добрый часъ заключенъ.

Княжна, въ первый разъ какъ поѣхала въ подкупной каретѣ, выговаривала теткѣ съ жаромъ, чувствуя всю гнусность подобнаго поступка. Но тетка отдѣлалась словомъ: «А кто жъ узнаетъ?» Послѣ этого и говорить нечего, не только выговаривать.

Это слово «а кто жъ узнаетъ?»—сынъ гордаго ослѣпленія, точно такъ, какъ слово «живетъ»—сынъ лѣни. Отъ сего выходятъ недодѣланная и дурная работа, а отъ «кто жъ узнаетъ?» большая часть мерзостей въ обществѣ, и дурные люди думаютъ себя закрыть и оправдать однимъ «не я!», а тамъ какъ выйдетъ дѣло ихъ головы, рукъ, языка, то всѣ прибѣгаютъ къ запирательству, къ обвиненію другихъ, и къ безстыдству, кое до того простирается, что извѣстные многіе воры, плуты кричатъ: «На меня воры и плуты нападаютъ». Но этихъ слушать не надобно, а схватя за что попало, тащить къ суду. Можетъ быть, судья и хорошо посудитъ, узнать нельзя: правосудіе вѣдь съ закрытыми глазами; да жаль, что много портитъ ощупью.

Глава XXXIX.—Кстати.

Разрушеніе кареты, ставя важною эпохою въ жизни Луки Андреича, я стану считать впредь отъ нея, точно такъ, какъ Магометане считаютъ отъ эгиры, или побѣга Магометова. И такъ, въ седьмый день

посѣтя тетку, она нашла случай, будто къ рѣчи, завести разговоръ о каретахъ, выхваляя всѣ, въ коихъ ѣздилъ Лука Андреичъ, обратила вниманіе на себя, описывая затрудненіе сыскать въ Москвѣ и хорошую и крѣпкую и недорогую и годъ съ починкою карету; боялась, что ее обманутъ, да гдѣ ей ѣхать, да кто для ней поѣдетъ,—и говорила бы до упаду, если бъ Лука Андреичъ не предложилъ ей избавить его отъ четверомѣстной кареты, въ которой онъ разъ только ѣздилъ и будто не могъ терпѣть за то, что на ней вердепомовый цвѣтъ, и что онъ ее отдаетъ съ уступкою за 250 рублей. Тетка безъ обиняковъ приняла щедрое предложеніе влюбленнаго въ княжну и попросила подождать до Покрова денегъ, бывъ рѣшительно намѣрена въ душѣ никогда ему ихъ не платить. Княжна блѣднѣла и краснѣла за тетку; но та будто не примѣчала и располагалась забирать по возможности и впредъ. Она ужъ стоила рублей съ 300 жениху бездѣлицами и плодами. Но въ такихъ случаяхъ угожденье есть первый предметъ въ любви. Лука Андреичъ тотчасъ прислалъ карету, и Степанида Кузьминишна такъ сей находкѣ обрадовалась, что сѣла въ нее на дворѣ и обратила въ присутственное мѣсто, разбирая просьбу мужиковъ на старосту, и кушая, будто отвѣдывая, яблоки и коврижки Вяземскія, принесенныя въ кулькѣ ей на поклонъ; наконецъ изволила выйти и устанавливала карету въ сарай, забывъ всѣ случившіяся странныя происшествія съ Крисанѳовной во время войны съ крысами и собакою. Пришедъ въ комнату, расцаловала княжну, и не въ силахъ даже была хвалить Луку Андреича, а только повторяла съ мокрыми отъ радости глазами: «Вотъ человѣкъ, вотъ то-то человѣкъ, ну ужъ человѣкъ!»

Княжна, бывъ сердита, сказала: «Я право, не знаю, что̀ онъ о васъ продумаетъ послѣ этой кареты?»—И, другъ мой! Въ мои лѣта не осудитъ: что̀ на мнѣ взыскать? Я его люблю какъ душу, и все пріиму. Вотъ онъ мнѣ подарилъ въ чемъ ѣздить, а ты послѣ свадьбы— на чемъ: эти сѣрыя лошади показались мнѣ бѣшены; помилуй Богъ, что̀ съ тобою сдѣлается! Княжна, вышедъ изъ терпѣнія, сказала, что еще не замужемъ. «Да если бы это и случилось, то какое право имѣю дарить лошадей? И если онѣ для меня бѣшены, то для васъ и еще опаснѣе». Затѣмъ она пошла къ себѣ, а тетка вслѣдъ говорила: «Да меня хоть убьютъ, такъ ничего; мнѣ и безъ того не долго на свѣтѣ биться; а ты, плутовка, все выпросишь, только проси: въ своей семьѣ какой расчетъ!» Вотъ до чего набожная и цѣломудренная Степанида Кузьминишна забылась и говорила племянницѣ неприличное, а все отъ-того, что много ѣла коврижекъ, въ которыя много кладутъ гвоздики, корицы, инбирю; взяла даромъ карету, захотѣла и цугъ сѣрыхъ жеребцовъ... Трудно желаніе удовольствовать, и она тѣмъ была виновнѣе, что у всѣхъ просила, а у ней никто ничего: такъ къ сему привыкла, что это сдѣлалось второй ея натурой.

Глава XL.—Нельзя не поворожить.

Въ продолженіе нерѣшимости Луки Андреича, тетка, погруженная въ тяжкое сомнѣніе, соблазнилась словами короткой своей знакомой, Маремьяны Бобровны Набатовой, которая вѣровала въ одну слав-

ную кофейницу, точно какъ древнія въ Сибиллъ или оракула Аполлона Дельфійскаго, превозносила до небесъ Чухонскую колдунью и, тысячью примѣрами поколебавъ духъ Степаниды Кузьминишны, взялась привести кофейницу, и хотя увѣряла, что та для нея все сдѣлаетъ, бывъ ея задушевнымъ другомъ, но не прежде трехъ дней по обѣщанію могла съ нею явиться: такъ много было охотницъ открывать въ гущѣ судьбу.

Кофейница была родомъ изъ Выборга и получила въ наслѣдство отъ матери даръ брать пошлину съ легковѣрія и глупости; въ Ригѣ и Ревелѣ она едва могла достать нужное пропитаніе и извѣстна тамъ была подъ именемъ *медхенъ Минхенъ*, то-есть дѣвка Мина; но пріѣхавъ въ Москву изъ Риги съ обозомъ сельдей, анчоусовъ и прочей гнили, которую, за негодностію, изъ портовъ отправляютъ въ Москву ежегодно, принялась за свою профессію, чрезъ мѣсяцъ перестала ѣздить на дрожкахъ, а въ присылаемыхъ каретахъ; чрезъ два же года купила на Моросейкѣ домикъ и зажила своимъ домомъ. Содержаніе ей ничего не стоило, потому что у насъ съѣстное для людей и скота ни за что считаютъ; за колдовство брала у-себя по 5 р., на сторонѣ по 10 р. Гардеробъ ея ежедневно умножался и хотя былъ не самый модный и не новый, но весь почти шелковый. И скверная эта Чухонка ѣздитъ въ каретѣ, живетъ въ своемъ домѣ, изъ Минхенъ превращается въ Мину Карловну мадамъ Шнапгельдъ, упивается на ночь Англійскимъ пивомъ, утѣшаетъ, огорчаетъ по своей волѣ въ Москвѣ.

Обида вамъ, ворожеи, Цыганки, колдуньи! Но вы сами виноваты: зачѣмъ вы родились на Руси, говорите по-Русски, шатаетесь пѣшкомъ по подоконью и по кабакамъ въ замаранномъ платьѣ. Дѣлать нечего, видно такъ вамъ на роду написано; а ужъ этой записки никто не переправитъ и не подскоблитъ. Наука Мины Карловны состояла, смотря въ чашку выполосканную кофеемъ, врать вздоръ, описывая будто видимое. Говоря полчаса обо всемъ томъ, что̀ въ жизни каждаго легко случиться можетъ, должно что-нибудь непремѣнно и сбыться. Деньги, чины, почести, любовь, дружба, отъѣздъ, пріѣздъ, печальныя и пріятныя вѣсти, мужъ, женихъ, обожатель, смерть, родины, ссора, миръ—вотъ загадка и отгадка науки Мины Карловны, начинка жизни нашей.

Мина Карловна, за недѣлю увидя въ чашкѣ, что одна знатная барыня 76 лѣтъ должна долго-долго еще жить, получила въ подарокъ за прибавленіе къ долголѣтію желтый гарнитуровый робронды, шитый дома въ пяльцахъ разводами. Барыня умерла чрезъ два дня отъ паралича, а роброндъ остался, и это въ порядкѣ вещей. Въ семъ-то нарядѣ съ Маремьяною Бобровной удостоила посѣщеніемъ тетушку Выборгская волшебница. Отъ короткости въ домахъ, чрезъ разспросы дѣвокъ и людей, чрезъ свою догадку она знала почти напередъ, что̀ могло быть пріятно въ тѣмъ домахъ, гдѣ она хозяевъ дурачила, и исторія Луки Андреича давно дошла до ея обширнаго свѣдѣнія.

Должно при семъ случаѣ отдать справедливость княжнѣ, что она не хотѣла быть свидѣтельницею ворожбы и просидѣла все время въ своей комнатѣ.

Кофе поданъ, поставленъ на столѣ, люди высланы, двери затворены, и Мина Карловна, при слабомъ свѣтѣ двухъ сальныхъ коптившихся вологодскихъ свѣчъ, завладѣвъ вниманіемъ Степаниды Кузьминишны и Маремьяны Бобровны, начала съ разстановкою во всѣхъ мѣстахъ рѣчи, гдѣ ставятся знаки правописанія.

«Много, сударыня, тутъ хорошаго. Вотъ тутъ прекрасная дѣвица что-то сидитъ задумавшись. Она думаетъ о кавалерѣ, и этотъ кавалеръ большого роста и большой баринъ; онъ самъ очень, очень влюбленъ, но не знаю, что-то ему мѣшаетъ открыться, какія-то дамы и нѣсколько кавалеровъ. Вотъ эта дѣвушка будто и плачетъ; а одна дама, такая почтенная, уговариваетъ ее и обнимаетъ, а она все плачетъ; да и кавалеръ этотъ неспокоенъ: онъ все ходитъ будто въ отчаяніи; не знаю, тутъ что-то карета сдѣлала. Вотъ всѣ благодарятъ, а ужъ кавалеръ-отъ такъ и подлетаетъ, такъ и таетъ. Много тутъ еще будетъ препятствій и слёзокъ. Посмотримъ, что̀ въ другой чашкѣ».

Поболтала другую чашку и продолжала:

«Постойте, постойте! Вотъ, кажется, и конецъ. Церковь; идетъ священникъ; поздравляю: вотъ и свадьба. Женихъ какъ герой. Дѣвушка очень довольна, но ей тошно,—дурнота; вотъ ей даютъ въ руки скляночку. Ахъ мейнъ готъ! Какое богатство въ домѣ-то! Все золото да позументы; ну, нечего сказать, все какъ во дворцѣ. Какой веселый балъ! А вотъ тутъ эта другая сидитъ дама: какъ важна, какіе ей подарки, и всѣ ее такъ благодарятъ! Ну, ужъ теперь нечего больше сказать; все, кажется, благополучно и какъ быть должно».

Въ продолженіе этого пустословія, Набатова была въ восхищеніи, такъ какъ ступающій по долговременномъ отсутствіи странникъ на землю родины, другъ узнавающій что его другъ живъ, нѣжный мужъ, обрѣтающій жену и дѣтей, или отецъ, видящій при рекрутскомъ наборѣ, что сынъ его не входитъ въ мѣру. И при всякомъ открытіи восклицала «каково? каково?» А Степанида Кузьминишна, обратясь вся во вниманіе, не смѣла и дыхнуть, чтобъ не прервать нить счастливой своей судьбы въ устахъ Чухонской Парки, изъясняла выразительно свое изступленіе обоими глазами, изъ коихъ одинъ говорилъ «удивительно!», а другой кричалъ «непонятно!», смотрѣла сама въ чашки; но такъ какъ и Мина Карловна ничего въ нихъ не видала, уваженіе къ кофейницѣ преобразилось въ глубочайшее почтеніе: она не знала, гдѣ ее посадить, какъ угостить и чѣмъ возблагодарить за радость, которой она ее облила съ ногъ до головы.

— Жаль! сказала лукаво Набатова, что княжны здѣсь не было; ее бы кофей-то занялъ. Да гдѣ она, мать моя?

— Все утро жаловалась головою: вѣдь у ней мигрень очень часто бываетъ. Пойду ее бѣдняжку посмотрю.

Тетка вбѣжала къ племянницѣ точно такъ же скоро, какъ Крисанѳова изъ сарая, и бросилась цаловать и въ щеки, и въ губы, и въ лобъ. «Ну, Глафирушка, благодари Бога! Знаешь ли, Мина Карловна все узнала, все отгадала, и—свадьба, мой другъ, свадьба. Подъ вѣнецъ дурочку! Скажешь мнѣ спасибо. Велика милость Господня!» Княжна объявленіе приняла съ насмѣшкою; потомъ, желая будто узнать,

чтò врала кофейница, выслушала все со вниманіемъ и отъ-того не объяснила своихъ мыслей, что вдругъ хотѣлось сказать «не бывать» и «будетъ». Тетка предложила ей подарить что-нибудь Чухонкѣ; племянница отвѣчала, «я право не знаю, посмотрю», посмотрѣла—нашла, и послала прекрасное платье, на коемъ одно лишь было пятнышко.

Не вините, пожалуйста, сей добронравной княжны; вы знаете, что она влюблена, а кто изъ влюбленныхъ пользуется разсудкомъ? Онъ всегда въ отпуску, пока бродить голова и болтаютъ чувства, а является въ то время, какъ все устоится и любовь отсядетъ на дно.

Тетка хотѣла-было сохранить чашки, замѣтя номерами, какъ дѣлаютъ въ кровопусканіи; но не знаю, что-то помѣшало, и я сего изслѣдовать не могъ.

Глава XLI.—Два случая.

Докторъ осуждаетъ подъ шниперъ больнаго и предписываетъ лекарство облегчить его выпускомъ нѣсколькихъ фунтовъ чистой крови.

Приговоръ чрезъ нѣсколько часовъ исполняется безъ отсрочки по той причинѣ, что эти сентенціи всегда конфирмуетъ смерть. Больнаго сажаютъ на стулъ, не велятъ смотрѣть, колютъ, рѣжутъ ноги, руки и достаютъ крови сколько лекарю угодно, и для занятія и чтобъ скорѣй она бѣжала фонтаномъ, а не ручьемъ, даютъ въ руки блѣдному страдальцу трость, а больше щотку и велятъ ее шевелить, и если въ семъ трогательномъ положеніи застигаетъ обморокъ, то оживляютъ спиртомъ или уксусомъ четырехъ разбойниковъ, кромѣ лекаря.

А съ простымъ народомъ меньше затѣй: кровь ему не пускаютъ, а кидаютъ до обморока: это мѣра, и неоспоримымъ доказательствомъ сему служатъ всѣ вывѣски на цирюльняхъ, гдѣ обоего пола особы пишутся съ свислою головою и въ обморокѣ: въ руки имъ даютъ кочергу или помело, оживляютъ спрыскомъ холодной воды, и вездѣ видно, что человѣкъ обезьяна и перенимаетъ у людей. Операція таже, но цѣны разныя: лекарю у господъ обыкновенно въ чашки кладутъ бумажки съ нумерами по мѣрѣ какъ онѣ наполняются, и если докторъ охотникъ до крови и уваженъ лекаремъ, или лекарь умничаетъ, или о другомъ думаетъ, то нумеровъ выходитъ до 10. Чашки берегутъ до пріѣзда доктора, который ихъ осматриваетъ, изъявляетъ свое мнѣніе разстройкою лица, качаніемъ головы или чмоканьемъ языка, предписывая или опять наполненіе чашекъ остальною кровью, или даетъ покой—часто вѣчный.

Не мнѣ судить должно, такъ или нѣтъ. Къ-чему это инспекторскій смотръ чашекъ? Но вотъ что со мной случилось.

Мнѣ было 19 лѣтъ; я занемогъ жабою, впалъ въ бредъ и опомнился безъ шести чашекъ крови, кои стояли вокругъ меня, какъ трофеи вокругъ славнаго полководца. Докторъ пріѣхалъ, осмотрѣлъ, хвалилъ мою кровь и сказалъ: «Теперь довольно; увидимъ, чтò далѣ», и всѣ увидѣли меня здороваго чрезъ четыре дня. Но вѣдь кровь онъ смотрѣлъ не мою, и никто не знаетъ чью: слуга, который выносилъ чашки, упалъ съ подносомъ и все пролилъ; но чтобъ исправить, взялъ шесть чашекъ, побѣжалъ напротивъ дома въ цирюльню и за пять

копеекъ нацѣдилъ крови изъ перваго человѣка, который явился къ фельдшеру подъ шниперъ. Сію то смотрѣлъ докторъ, по ней судилъ обо мнѣ, и ею спасена моя жизнь: а дѣло сіе вышло послѣ чрезъ упреки двухъ людей: они побранились, подрались и пришли доказывать другъ на друга всякаго рода мерзости за три года.

Глава XLII.—Закусилъ.

Когда г. Вейсманъ посланъ былъ для поиску Турокъ, найдя визиря съ большою арміею, разбилъ его и овладѣлъ цѣлымъ лагеремъ, тогда лучшая лошадь съ богатымъ приборомъ подарена была отъ начальника Лукѣ Андреичу; не знаю Арабской или Барбарской породы былъ этотъ жеребецъ, но статей удивительныхъ, вороной какъ уголь, роста большого, огненный какъ Везувій, легокъ, какъ пухъ, быстръ какъ вихрь, гибокъ, какъ змѣя, проворенъ, какъ Жидъ, гордъ, какъ временщикъ, поспѣшливъ, какъ лягавая собака; имя ему было Визирь, —и на семъ-то дивномъ конѣ Лука Андреичъ въ шитомъ мундирѣ, окруженный друзьями и пріятелями, впослѣдствіи толпы своихъ людей на прекрасныхъ лошадяхъ, явился на Прѣснѣ въ день гулянья на Трехъ-Горахъ. Онъ былъ ѣздокъ и хватъ; Визирь горячился, вертѣлся какъ бѣсъ, успѣвалъ всякому себя показывать спереди, справа и слѣва, леталъ, какъ ласточка, прыгалъ, какъ блоха, изъ ноздрей искры металъ, какъ изъ трубы, а изо рта пѣну, какъ изъ моря. Въ окнахъ всѣ дивились, народъ останавливался и одно говорилъ: «Ахъ, лошадь! Ахъ, молодецъ! Ну ужъ нечего сказать! Эна! Эна»! Лука Андреичъ, знавъ домъ, въ которомъ тетка съ княжною сидѣли подъ окошкомъ, подъѣзжая, прибралъ поводья и захотѣлъ себя показать во всей верховой славѣ; но Визирь, отъ того ли, что долго былъ неѣзженъ, или былъ слишкомъ разгорячонъ, въ одно мгновеніе ока сдѣлалъ два престрашные скачка, закусилъ, полетѣлъ и исчезъ. Все это произошло въ глазахъ княжны; она смотрѣла на приближеніе Луки Андреича со страхомъ, съ самолюбіемъ и съ восторгомъ; но какъ лошадь его понесла, то она оцѣпенѣла, закрыла глаза и, услыша «бьетъ! бьетъ!», обмерла и упала съ окна на полъ полумертвая.

Ее вынесли въ другую комнату, стали разснуровывать, тереть, прыскать, заставлять чихать, и едва чрезъ часъ довели до того, что она открыла глаза и, не опомнясь еще совсѣмъ, залилась слезами, спрашивая довольно громко: «Гдѣ онъ? Боже мой, что̀ со мною будетъ!» Дали ей выпить стаканъ простой воды съ Колонскою, нанесли всякихъ сильныхъ снадобьевъ, всѣ углы платковъ завязали узлами и отправили съ тетушкою домой. Вотъ и гулянье.

Луку Андреича Визирь несъ и билъ версты три, но не сбилъ, и нашъ Александръ Македонскій укротилъ своего Буцефала, но ѣхать далѣе не могъ, разодравъ сапоги и оцарапавъ ногу о каретное колесо; поскакалъ къ себѣ переодѣться, но, узнавъ, что княжну больную привезли домой, въ первомъ движеніи бросился было самъ провѣдывать, но отъ застѣнчивости отправилъ скорохода спросить о здоровьѣ и сказать, что̀ съ нимъ случилось, и все это было не кстати.

Пока лошадь била Луку Андреича, то на улицѣ сдѣлалась суматоха престрашная; въ домахъ кричали: «Ахъ! Ахъ! Что̀ такое? Кто такой?»; а народъ дѣйствительно съ усердіемъ вопилъ «Держи! Держи! Ахъ Мати Божія! Вѣдь это бѣда! Убьетъ сердечушку! А молодецъ-отъ, молодецъ!» И изъ сего можно заключить, что красота дѣйствуетъ сильно надъ чувствами: народъ принимаетъ живое участіе въ опасности Луки Андреича, отъ того, что онъ великъ, строенъ, молодецъ, и лошадь подъ нимъ богатырская; но выпустите сквернаго парнишку, или важнаго карлика, или спѣсиваго горбунка,—пусть его понесетъ по улицѣ и при народѣ клеперокъ съ стриженою гривою, или сухой кургузой Англійскій пострѣлъ, то другого не услышите, какъ хохотъ и «Смотри, смотри, какъ треплетъ! Экой срамъ! Ну, комедія! И бить-то нечего, и охъ сказать не по чемъ. Ужъ штука, братъ! Ахъ, ты уродина! Туда жъ за людьми. Ну, спрашивай ума!» А если кто остановитъ и спасетъ этого горбуна или человѣчка, того пріймутся бранить: «Что тебѣ жаль его что ль стало? Ну, туда и дорога; не ѣзди; зачѣмъ, дурачина, останавливалъ. Да этакой потѣхи и не нажить!»

Глава XLIII.—Ядовитыя змѣи.

Въ томъ домѣ, гдѣ сидѣла подъ окномъ княгиня Глафира Юрьевна, много было гостей, и всѣ барыни подъ видомъ сожалѣнія пошли ее оттирать, слѣдственно слышали слова: «Гдѣ онъ, Боже мой, что̀ со мною будетъ!», и какъ скоро она съ теткою уѣхала, то и пошли толки: «Жаль княжны бѣдненькой. Она что-то не по себѣ и пріѣхала». «Этого однакожъ не примѣтно было». «Да она ужъ давно какъ въ воду опущена». «Какъ не испугаться,—есть отъ чего!» «И конечно на это равнодушно смотрѣть нельзя, особливо ей. Ужъ право, дай Богъ поскорѣе конецъ».

—Да-съ, эта свадьба что-то идетъ въ длинный ящикъ.

—Непростительно Лукѣ Андреичу ѣздить на такой лошади; она же, сказываютъ, и Турецкая.

—Матушки, какой страхъ! Всѣхъ перепугала до смерти.

—Да вѣдь онъ и о себѣ не думаетъ, не токмо что о другихъ. Это видно по его поведенію съ княжною.

—Ну, въ этомъ больше тетка виновата: она Богу дастъ отчетъ.

—Мудрено разобрать, кто причиною, а и княжну похвалить грѣшно. Да что̀ она такое въ немъ нашла? Мужикъ съ гайдука; я право его боюсь: того и смотри, что убьетъ.

—Да у гайдука-то, матушка, 5000 душъ, и все хлѣбныя деревни, одна другой лучше; ну да и бригадиръ: цугомъ-то поравняется со всякимъ.

—Вотъ то-то, все до случая; кабы не запрыгала лошадка, такъ бы княжна не облабетилась.

—Да она не помнила, что̀ говорила; такъ безъ памяти.

—Ахъ, мать моя! Да у ней памяти никто не отбивалъ.

—Да Лука-то Андреичъ ее убилъ.

—А мнѣ такъ тетушка-то мила: точно какъ сушеный черный грибъ; готовитъ племянницу заступить свое мѣсто. Хорошее дѣло—

воспитаніе! Ахъ, избави Богъ дѣтямъ оставаться безъ отцовъ и матерей, пропадшія бѣдняжки.

—Да, сударыня, примѣръ этотъ мы сейчасъ видимъ. Чтобъ княжна-то не умерла отъ испугу. Долго ли до бѣды! Что же? Дѣвичій отъ нея не далеко; тамъ мѣста еще много.

—И, полно, матушка; все пройдетъ, изволите увидѣть. Что за болѣзнь! Тошнота маленькая.

—Можетъ быть разстроенъ желудокъ.

—Да, можетъ быть; я такъ не то думаю.

—А что же такое? Неужели?.. И, нѣтъ! Ужъ этому никакъ не повѣрю, воля твоя.

— Ну, не вѣрь, мать моя; Богъ дастъ доживемъ увидимъ, либо услышимъ: вѣдь девять мѣсяцевъ не вѣкъ...

—Вообразите! Ахъ, Боже мой! Вотъ до чего дожили!

—Я надѣюсь, что съ ней это будетъ въ послѣдній.

—И, полно, матушка! Развѣ тебѣ жизнь надоѣла, хочешь свѣту преставленія!

—И дай Богъ ему здоровья; мы-то чѣмъ же виноваты?

—Ну, натурально!

И пошло тутъ толкованье, шептанье, сообщенія, замѣчанія, лжи, клеветы, и изъ сего дома въ полночь выѣхало фурій съ дюжину, навьюченныхъ ядомъ клеветы, которая въ сутки поднялась, разрослась и разнеслась, какъ въ одно лѣто башня: кочанъ капусты и прахъ земной.

Проклятыя злодѣйки, чортовы посланники, адскіе почтальйоны, звѣри ехидные! Достойно бы вамъ родиться слѣпыми, глухими и нѣмыми. Что предъ вами убійца? Того законы отдаляютъ навсегда отъ общества людей, а вы настоящіе душегубцы. О, какъ жаль, что на васъ не привязываютъ почтовыхъ колокольчиковъ! Тогда бы звукъ ихъ при первомъ движеніи вашемъ предохранялъ родъ человѣческій отъ остраго жала вашего, такъ какъ шумящій хвостъ змѣи съ колокольчиками извѣщаетъ людей о приближеніи сей ядовитой пресмыкающей.

Глава XLIV.—Посольство.

Двоюродный дядя по матери Луки Андреича, человѣкъ стараго вѣка, честныхъ правилъ и при грубой наружности внутренно чувствительный, узналъ на другой день приключеніе племянника на улицѣ и княжны въ домѣ. Навѣстивъ разстроеннаго любовію Луку Андреича, разсказалъ ему все происшедшее, представилъ всѣ пагубныя слѣдствія, молву городскую и, разсердясь, заключилъ вопросомъ: «Что жъ ты думаешь, жениться или нѣтъ? Если хочешь, такъ напрасно откладывать. Ступай перекрестясь; у тебя люди, лошади и кареты, благодаря Бога, есть, не занимать-стать; не давай на поруганіе будущей своей жены, не губи честной дѣвушки. Если не хочешь жениться, такъ запрягай лошадей, да убирайся куда глаза глядятъ. Полно срамиться! Зачѣмъ лѣзъ какъ сомъ въ вершу? Подумай, братъ племянникъ; вѣдь это дѣло не шутка. Да, нынче все не такъ, какъ въ наше время;

тогда была смерть копейка, а нынче честь полушка. Ужели надѣешься на то, что сирота тебѣ досталась? Ты думаешь, что не знаю всѣхъ твоихъ шашней. Нѣтъ, братъ Лука, я самъ у себя. Подойди-ка къ зеркалу, да посмотрись: вѣдь краше въ гробъ кладутъ; а она, моя милая, была какъ розовый цвѣтъ, а теперь въ чемъ душа держится. Только и разговору, чтò о ней, да о тебѣ; куда ни завернешь, вездѣ въ набатъ бьютъ. Ну, чтò это такое? Если бъ съ моею дочерью этакъ кто пошутилъ, да я бъ ему, собачьему сыну, и руки и ноги переломалъ—воля государева со мною. Я отецъ, дѣтей въ обиду не дамъ ни подъ какимъ видомъ. Нѣтъ, ты не въ батюшку. И изволь знать, если ты не поѣдешь свататься, то тебя прошу ко мнѣ въ домъ не ѣздить. Хоть и родной племянникъ и сынъ сестры, моей благодѣтельницы, но я тебѣ въ вѣкъ этого не прощу».

Хотя Лукѣ Андреичу было 36 лѣтъ, но дядя точно такъ ему говорилъ, потому что права были его родственныя и честныя; онъ его не обидилъ словами, а растрогалъ упрекомъ памяти отцовской. Племянникъ обнялъ дядю и расцаловалъ у него руки, разсказалъ исторію своей страсти, настоящаго положенія, желаніе и страхъ, что откажутъ. Дядя опять заговорилъ. «Ну, да если ты онѣмѣлъ и поглупѣлъ, такъ чего тебѣ лучше: изволь, я ѣду; скажи только слово. Тетка мнѣ человѣкъ знакомый: она въ чуму у меня въ карантинѣ въ Королевцѣ сидѣла и до сихъ поръ хлѣбъ-соль помнитъ. Мы съ ней въ трехъ словахъ дѣло сладимъ—и по рукамъ; а вы тамъ остальное сами додѣлывайте».

Опять принялся племянникъ дядю цѣловать и упрашивать, чтобъ ѣхалъ тотчасъ; но дядя отговорился, что ему надо идти домой, что у него званые гости, что надо соснуть, одѣться, и заключилъ пословицей «поспѣшимъ да людей насмѣшимъ».

И въ самомъ дѣлѣ, ему надобно было прибраться: онъ ходилъ пѣшкомъ къ обѣднѣ, а оттуда къ Троицѣ подъ Гору; его забрызгали грязью; онъ былъ въ сюртукѣ и безъ камзола, во уваженіе жаркаго время.

Глава XLV.—Сватанье.

Лукѣ Андреичу показалось, будто княжна съ нимъ перемѣнилась отъ того, что она отъ любви, отъ неизвѣстности и отъ разглашеній на ея счетъ по городу съѣдаема была печалью и лишилась своего веселаго нрава; а отъ сей мечты продозрѣніе, ревность и гнѣвъ стали постоемъ въ душѣ его, и если бъ Визирь не закусилъ удилъ на Прѣснѣ, то бъ нельзя и предвидѣть, чѣмъ бы кончилось это любовное похожденіе. Но нѣтъ худа безъ добра; иногда все идетъ къ лучшему, иногда къ худшему, и это слѣдствіе общаго движенія въ мірѣ.

Дядя, наѣвшись, напившись досыта, прилегъ на старое канапе и всхрапнулъ ровно часъ съ четвертью; сна его ничто тревожить не могло: шумъ—отъ того, что человѣкъ надъ нимъ читалъ третій томъ «Тысячи Одной Ночи»; мухи—ихъ сгонялъ мальчикъ полотенцемъ.

Проснулся, засвисталъ, выпилъ пять чашекъ чаю, съѣлъ дыню, напудрилъ бѣлую голову, надѣлъ кирасирскій мундиръ, сырсаковый

камзолъ, препоясалъ мечъ и отправился говорить за племянника къ Степанидѣ Кузьминишнѣ.

Онъ ее засталъ дома; княжна, еще не совсѣмъ здоровая, сидѣла тутъ же въ комнатѣ. Посла приняли со всею надлежащею почестію, посадили въ большое мѣсто. Тетка спросила, каковъ Лука Андреичъ; а дядя отвѣчалъ: «все охаетъ, да крѣпкую думу думаетъ», спросилъ самъ у княжны: «А ваше сіятельство что̀ такъ печальны? Въ ваши бъ лѣта и грустить не объ чемъ! Право такъ». За отвѣтомъ: «я не очень здорова и не могу избавиться отъ боли въ головѣ», почувствовала, что слезы хотѣли бѣжать изъ глазъ, успѣла встать и пошла къ себѣ въ комнату.

Лишь она за двери, то посолъ и приступилъ къ трактованію о союзѣ.

— Послушай, матушка Степанида Кузьминишна; мы съ тобой люди немолодые, давно уже въ свѣтѣ толкаемся. Что̀ пустяки понапрасну калякать? Изволь-ка милостиво выслушать. У тебя племянница невѣста, а у меня есть женихъ; ты его знаешь довольно; мнѣ хвалить его не годится, ибо онъ мнѣ родной племянникъ; отъ роду ему тридцать шесть лѣтъ, бригадиръ и кавалеръ; имя его Лука, по отчеству Андреичъ, а фамилія Кремневъ; имѣнія за нимъ пять тысячъ душъ, ума палата, сущій христіанинъ и человѣкъ много - честный. Такого молодца поискать со свѣчкою. Чего же думать? Помолимся Богу, да и по рукамъ: намъ же будетъ любо на нихъ смотрѣть; право такъ!

Хотя душа и сердце Степаниды Кузьминишны готовы были повергнуть тѣло ея къ личнымъ сапогамъ свата, но умъ сохранилъ равновѣсіе, далъ видъ важный, съ прибавкою спѣси, и внушилъ слѣдующій отвѣтъ:

— Я, конечно, благодарна вамъ за сдѣланную честь моей племянницѣ, что желаете ее имѣть въ своемъ семействѣ, и знаю достоинства Луки Андреича, слышавъ много объ немъ добраго. Но она еще молода. Я хоть увѣрена, что она изъ воли моей не выйдетъ, но принуждать ее не намѣрена, и выборъ жениха предоставляю собственному ея расположенію. Итакъ, вы не обидьтесь отсрочкою и позвольте мнѣ подумать хорошенько и узнать мысли племянницы. Я же вамъ чистосердечно признаюсь, что съ моей стороны желала бы очень, чтобъ расположеніе ея могло быть согласно съ вашей пропозиціей. Бракъ есть вещь столь важная, что... немудрено... если я... и она... вы знаете...

Отвѣта она не кончила отъ радости, отъ непривычки говорить рѣчи и отъ нетерпѣнія сообщить сіе неожиданное извѣстіе княжнѣ; а посолъ, подхватя послѣднее слово, продолжалъ:

— Да я знаю, что княжна непрочь отъ моего племянника. Что̀ тутъ за церемоніи? А для соблюденія канцелярскаго порядка, отправляйся, любезная сватья, къ невѣстѣ, да пришли ко мнѣ записочку; изволишь ли слышать? Что̀ мучить понапрасну молодежь? Я теперь пойду къ моему, а ты пробирайся къ своей. Прощай, милая; дай ручку. Вотъ такъ.

Засимъ онъ поѣхалъ прямо къ племяннику, разсказалъ слово-до-слова все и описаніемъ отвѣта и удаленія княжны изъ комнаты конференціи привелъ его сперва въ задумчивость, потомъ въ отчаяніе. Тщетно добрый старикъ принимался утѣшать жениха, доказывая, что княжнѣ неприлично было тутъ оставаться; но онъ, ходя по комнатѣ какъ сумасшедшій, то билъ, то теръ лобъ и говорилъ съ перерывкой: «Такъ... Вотъ хорошо... Я это зналъ... Ахъ, Боже мой!.. Съ чего я вздумалъ?.. Вотъ чего боялся!.. Отказъ и смерть»...

Пока дядя пошелъ, а племянникъ бѣсновался, тетка полетѣлъ въ горницу къ племянницѣ и, обнимая ее со слезами при каждомъ словѣ, едва могла пересказать разговоръ съ дядею Луки Андреича. Княжна перекрестилась, протянула руки къ теткѣ, произнесла: «что жъ мнѣ дѣлать?» и упала въ обморокъ. Опять пошло оттиранье, бѣганье, нюханье. На этотъ разъ, обморокъ скоро прошелъ, такъ какъ и радость проходитъ,—а она была его причиною; тетка же, смотря на племянницу, думала: Куда-какъ молодые люди нынѣ хилы! Все въ нихъ слабости: лошадь убьетъ—обморокъ, не сватается—обморокъ, сватается—обморокъ. А я, бывало, бьюсь часъ объ стѣну, а все въ памяти; да вѣдь за меня и никто не сватался. Богъ не далъ этой утѣхи за то, что я, грѣшная, очень замужъ хотѣла. Что правда, то правда!

По возвращеніи чувствъ, княжна, воображая отчаяніе Луки Андреича и судя по себѣ, просила тетку убѣдительно, чтобъ она отправила къ дядѣ письмо, или записочку собственной ея руки, писанную безъ правописанія, кривыми строками и буквами, сложенную на уголокъ и запечатанную рѣзной печатью. Вотъ содержаніе сего посланія:

«Батюшка Ѳома Егорычъ! Мне кажется что племянница неимѣетъ отвращенія. Благодаря Бога, по мне хотя и зговоръ когда разсудите. Глафирушка слаба; пажалуйте зафтря, аба всемъ переговоримъ и паложимъ. Милава Луку Андреича съ племянницею желаю видить щасливыхъ. А я погробъ ваша гатовая къ слугамъ Сте. Позвонкова».

Письмо вручено дядѣ, передано имъ племяннику и произвело перерожденіе. Горесть исчезла и явилась радость: онъ бросился въ слезахъ передъ образомъ на колѣни, потомъ къ ногамъ дяди, и они, обнимаясь, съ восторгомъ повторяли: «ахъ, дядюшка!», «ахъ, другъ мой!»

Разведемъ всѣхъ ихъ по кроватямъ: надобно отдохнуть и собраться съ силами. Много успѣли сдѣлать, но дѣло еще все впереди.

Глава XLVI.—Печатка,

та, которой Степанида Кузьминишна печатала всѣ свои письма, была у нея лѣтъ двадцать: она ее вымѣняла на бирюзу у Французской мадамы, которая образовала воспитаніе дѣвицъ въ одномъ благородномъ домѣ. Печать была оправлена въ золотѣ и вырѣзана на яшмѣ; но отъ времени и частаго тисненія нижняя часть стерлась, остался одинъ пѣтухъ, и такъ, что нельзя было видѣть, на чемъ онъ сидитъ; внизу подпись *Gratis*; ее только два раза и толковали Французъ и Италья-

нецъ; но такъ какъ они были не сильны въ натуральной исторіи, еще меньше въ художествахъ, то и не могли проникнуть и утвердительно положить, чтò подъ пѣтухомъ было, и подпись истолкована двояко: Французъ утверждалъ, что *Gratis*, то есть «даромъ», значило, что пѣтухъ можетъ ѣсть безъ заплаты, и потому вѣроятно, что онъ сидѣлъ на мѣшкѣ или кулькѣ; а Итальянецъ, принимая литеру *e* за *i*, доказывалъ, что надпись значитъ *Grates*, то есть «скребетъ» и, по его мнѣнію, подъ пѣтухомъ должна была быть ямка *intaglio*.

Глава XLVII.—Сговоръ.

Собралась родня; священникъ прочелъ молитвы и, обруча влюбленную чету, вручилъ ей вмѣстѣ съ кольцами блаженство, утѣхи и надежду всего міра. Начались поздравленія, поѣхали во всѣ заставы по почтѣ извѣстительныя и препоручительныя письма ко всей роднѣ до пятаго колѣна; сговоренные не наговаривались, не насматривались другъ на друга; свѣтъ весь заключался въ томъ углу, гдѣ они сидѣли; весь родъ человѣческій въ нихъ самихъ, верхъ счастія въ каждомъ словѣ, взглядѣ, усмѣшкѣ; но каждый однакожъ, съ своей стороны, заботился о свадьбѣ, и главная причина сему была грусть разлуки, ибо хотя они съ утра и до вечера были вмѣстѣ и совершенно при людяхъ и безъ людей одни, но хотя поздно, а должно было всякій день жениху ѣхать, а невѣстѣ идти спать. Это главная непріятность въ сговорномъ положеніи.

Сговоръ для свадьбы то, чтò введеніе для исторіи, паперть для храма, сѣни для палатъ и рожденіе для жизни.

Глава XLVIII.—Влюбленные—

точно какъ дѣти, коихъ еще водятъ на помочахъ: всего просятъ, всего хотятъ, радуются, когда выпрашиваютъ, плачутъ, когда имъ отказываютъ. Точно какъ сумасшедшіе, на одномъ пунктѣ приходятъ иногда въ память, но скоро опять впадаютъ въ безумство; со всѣмъ тѣмъ всѣ почти выздоравливаютъ и возвращаются въ первобытное состояніе. Точно какъ нищіе, слѣпая братія, просятъ милостыню Христа ради; но поводырь ихъ съ завязанными глазами и заводитъ самъ не знаетъ куда.

Отъ	15	до	25	лѣтъ	влюбленные	жалки,
»	25	»	30	»	»	терпимы,
»	30	»	35	»	»	сносны,
»	35	»	40	»	»	смѣшны,
»	40	»	50	»	»	странны,
»	50	»	60	»	»	отвратительны,
»	60	»	смерти		»	гадки.

Глава XLIX.—Неблагопристойность.

Между многими странностями въ нашей землѣ должно помѣстить въ заглавіе сговоренныхъ: они кидаются въ глаза, колятъ ихъ и заставляютъ часто закрывать.

Что на свѣтѣ боязливѣе влюбленнаго? Что скромнѣе влюбленной? Какой предметъ для мужчины почтеннѣе женщины, въ коей онъ полагаетъ найти дружбу, любовь и счастіе, дѣлить печали и утѣхи цѣлой жизни, и которая, преисполненная нѣжною страстію, жертвуетъ настоящимъ благоденствіемъ неизвѣстному, надѣясь его найти въ томъ, съ коимъ она соединяетъ судьбу свою навѣкъ, преображаясь добровольно изъ властителя въ невольницу? Но сколь влюбленные тихи, робки и почтительны во все время исканія, столь напротивъ дѣлаются смѣлы, дерзки и предпріимчивы въ минуту сговора: женихъ тотчасъ хочетъ пользоваться многими правами мужа, а молодая, прекрасная и часто невинная невѣста, ободряясь присутствіемъ своихъ ближнихъ, снисходитъ на вольности будущаго своего супруга, не находитъ въ страсти своей причины, а въ любви силы къ отказу, сперва не хотя огорчать его, а потомъ себя пріучаетъ дѣлить съ нимъ упоеніе чувствъ, и, вмѣсто зрѣлища счастія, женихъ и невѣста выставляютъ часто картины неблагопристойности.

Понимаю, что влюбленные могутъ забываться: они всегда, какъ Адамъ и Ева, въ раю; но мудрено, какъ матери и отцы терпятъ подобныя вольности. При нихъ, при большомъ обществѣ, при собраніи цѣлаго города, сговоренные обнимаются, цалуются, вздыхаютъ, губами раздуваютъ другъ въ другѣ жаръ, раждаютъ въ зрителяхъ или зависть, или отвращеніе, и сею страстною горячкой отнимаютъ заранѣе всю силу у любви, у воображенія, освобождаются сими задатками изъ плѣну, и опускаются ко дню свадьбы на точку замерзанія.

Я хотѣлъ бы, если уже нельзя перемѣнить сего безпорядка вещей и нетерпѣнія, чтобъ сговоренные при людяхъ не показывались, чтобъ ихъ заставляли ширмами, или завѣшивали покрывалами, а всего лучше, чтобъ надѣвали на нихъ маски съ длинными носами.

Возраженіе идетъ на молодыхъ и взаимно влюбленныхъ, коихъ страсть подводитъ подъ вѣнецъ брачный; но отнюдь не касается до тѣхъ сговоренныхъ, кои другъ въ другѣ видятъ большую дорогу, лобное мѣсто, духовную, деньги, и кои, вмѣсто легкой цѣпи цвѣтовъ, сплетенной рукою счастія и любви, попадаютъ въ желѣза и на канатъ преступниковъ.

А и эти цалуются, но точно такъ, какъ на святой недѣлѣ со всѣми и на похоронахъ съ покойникомъ. Вообще, большая часть влюбленныхъ цалуются, цалуются,—а потомъ кусаются.

Глава L.—Мѣрка.

Только сговорятъ, и явится барская-барыня безъ рѣчи, точно какъ нѣмой изъ сераля, съ тесемкою смѣрить діаметръ шеи жениховой.

Это для шитья сорочекъ, — будто онъ ходилъ прежде нагой; но такъ должно.

Прежде сего шивали бѣлье по домамъ Русскія швеи, и тогда полотна не жалѣли, даже и Голандскаго; а нынче подрядомъ берутъ шить магазейныя мадамы и, вмѣсто рубашекъ, будто ошибясь мѣркой, дѣлаютъ жилеты съ рукавами. Иноземцы сперва намъ обрѣзали бороды, потомъ волосы, тамъ укоротили чувства, раздѣли; а нынче

принимаются драть кожу; но все это такъ нѣжно, легко и мило, что мы радуемся и утѣшаемся тѣмъ, что можемъ благодарить ихъ на ихъ языкѣ.

Глава LI.—Свадьба.

Наконецъ, насталъ день, въ который бракъ соединилъ два сердца въ одно, двѣ души въ одну, два рока въ одинъ. Домъ былъ снова весь прибранъ, люди богато одѣты, въ окнахъ пирамиды, на улицѣ плошки, столъ удивительный, музыка огромная и, въ одно слово, и дворянство и народъ согласились, что свадьба Луки Андреича Богатырева *) была свадьба великолѣпная и знатная. Въ восемь часовъ пополудни въ приходской церкви обвѣнчались два истинно-влюбленные. Они молились Богу отъ чистаго сердца о взаимномъ благополучіи каждаго и просили Его, чтобъ умереть прежде другого. Въ девять часовъ возвратились домой—Лука Андреичъ мужемъ, а княжна Глафира Юрьевна женой. Въ десять, обрядъ и нетерпѣніе освободили новобрачныхъ отъ свидѣтелей и предали ихъ будто сну. Но Морфей, сдавъ ихъ съ рукъ на руки сыну Паѳосской богини, удалился, пожелавъ доброй ночи.

А въ десять часовъ съ четвертью у Глафиры Юрьевны осталось лишь право писать на гербовой бумагѣ и на визитныхъ билетахъ: «Урожденная княжна Мишурская».

Ничего, Глафира Юрьевна!

Славно, Лука Андреичъ!

Глава LII.—Напрасно.

На что церемонія въ день свадьбы? Не лучше ли имѣть свидѣтелями оной съ обѣихъ сторонъ самую лишь ближнюю родню, обвѣнчаться утромъ, отобѣдать въ домѣ, откуда невѣста; потомъ кончить день у новобрачнаго и избѣжать тысячу непріятностей, безпокойствъ тягостей въ самый важный, единственный и рѣшительный день жизни нашей.

Но какъ не выставить приданаго, изъ котораго три части никуда послѣ не годится, отъ перемѣнъ въ модѣ и отъ сырости кладовой?

Какъ его не везти по улицамъ на чужихъ лошадяхъ и какъ не занять цѣлыя дроги и осанистаго цугу перевозомъ между прочимъ необходимой утвари, изъ коей, кромѣ дурного запаха, ничего выйти не можетъ.

А-ай! Я слышу старухъ, кои въ одинъ голосъ всѣ крикнули: «Ахъ, злодѣй! Чего хочетъ! Прилично ли молодой бѣгать на низъ и на дворъ? Ей сидѣть должно!»

Извольте. Честь ей и мѣсто.

Глава LIII.—Курицу яицы учатъ.

Тревожить духъ, приводить въ трепетъ юность, преобращать милаго человѣка въ злодѣя, заставлять краснѣть цѣломудріе, отравлять самую счастливую минуту любовной жизни и обращать неизвѣстность

*) Вѣроятно, Кремнева? *Ред.*

и стыдъ въ страхъ и въ любопытство, а иногда въ нетерпѣніе и обиду,—вотъ что дѣлается. Какая нужда учить той одной наукѣ, въ коей ученики превосходятъ учителей?

Но это обычай.

А обычаи почитать должно; однако не запрещено надъ ними и смѣяться; а смѣшная вещь можетъ иногда выйти наконецъ изъ употребленія.

Желаю, чтобъ всѣ смѣялись со мною,—кромѣ молодыхъ дѣвушекъ.

Глава LIV.—Дядя.

Тотъ самый Ѳома Егорычъ, который ѣздилъ къ Степанидѣ Кузьминишнѣ сватомъ, былъ у Луки Андреича, въ качествѣ родного дяди, посаженымъ отцомъ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ вольныхъ словъ, непристойныхъ шутокъ и двусмысленныхъ привѣтствій по случаю свадебнаго пира, велъ себя очень хорошо до тѣхъ самыхъ поръ, какъ всѣ разъѣхались, молодые пошли спать, а онъ, приглася своихъ короткихъ, истребовалъ Шампанскаго вина и, выдумывая разныя здоровья, но не по примѣру Англичанъ, такъ упился, что люди племянника, опасаясь положить его въ карету, положили на канапе, гдѣ онъ сномъ и временемъ пересталъ быть пьянымъ и проснулся опять трезвымъ. Тутъ въ пьянствѣ онъ доказалъ, что пословица «языкъ мой врагъ мой» справедлива; хотя онъ и любилъ чистосердечно племянника и безъ памяти радъ былъ его свадьбѣ, приписывая оную своему краснорѣчію и искусству, но, пивъ здравіе новобрачныхъ, примолвилъ: «Дай Богъ и впредъ у племянника на свадьбѣ повеселиться». Ахъ, закричитъ всякой:—экой негодяй! Хорошъ дядюшка! Не успѣлъ племянникъ обвѣнчаться и ужъ женѣ его желаетъ смерти!

Извините Ѳому Егорыча: онъ самъ не помнилъ, что̀ говорилъ; онъ былъ пьянъ, совралъ ненарочно; сколько и трезвыхъ врутъ—и какъ долго, иной пока живъ; а если хорошенько разобрать, то умные еще больше врутъ, чѣмъ дураки, отъ того, что на этихъ надѣются—и правду сказать, есть на кого.

Глава LV.—Тетка.

Сколь ни довольна она была предстоящимъ счастіемъ племянницы, сколь много ни видала она пріятностей и выгодъ для себя самой, но минута разлуки съ ней была тяжела—не отъ любви, не отъ привязанности, не отъ чувствительности, а просто отъ привычки и отъ любви къ себѣ. Она выражала сіе двумя рѣчьми: «Она со мною жила 9 лѣтъ; съ кѣмъ я останусь?» Но посреди слезъ, вздоховъ, уксусовъ и спиртовъ, должна была отпустить племянницу въ церковь вѣнчаться. Она ей сдѣлала пристойное наставленіе касательно обязанностей жены, госпожи, матери, и заставила наединѣ выслушать на первый разъ сокращенный курсъ, который преподала одна коротко-знакомая тетка, бывшая три раза замужемъ и два раза у разбойниковъ на Волгѣ.

Тетка, благословя образомъ племянницу, просила ее неотступно, чтобы она ступила прежде жениха на подножіе. Но должно отдать

справедливость княжнѣ, что она презрѣла сей совѣтъ, и хорошо сдѣлала, а дурно то, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ разговорѣ сказала о семъ мужу.

Этотъ предразсудокъ происходитъ вѣрно отъ принятаго правила, что все зависитъ отъ перваго шага; но спотыкаются послѣ. А всего лучше, чтобъ мужъ и жена ходили въ одну ногу.

Глава LVI.—Бѣлая горячка.

Что за вздоръ, что за чудо! На другой день свадьбы, въ новой каретѣ везутъ замкнутую шкатулку, и она для родни невѣсты сущій ящикъ Пандоры, въ коемъ оставалась единая надежда.

Что̀ это?

Тюника Юлія Кесаря, коей Маркъ-Антоній хотѣлъ вооружить чернь Римскую и подвигнуть ее на отомщеніе убитаго, который былъ слишкомъ затѣйливъ?

О, честь, честь! Вездѣ ты сокрыта, закрыта и притѣснена! Одно мгновеніе ока тебя истребляетъ на вѣки; подобная ночнымъ птицамъ, ты убѣгаешь свѣта дневнаго и прячешься отъ глазъ людскихъ, обыкшихъ въ тѣсномъ мѣстѣ твоего скрытаго пребыванія находить иногда, вмѣсто тебя, слѣды гнуснаго порока!

Глава LVII.—Продолженіе бреда.

Зачѣмъ, выведя обвѣнчанную, представить ее опять предъ лицемъ всѣхъ созванныхъ въ легкомъ ночномъ платьѣ,—допустить, чтобы всѣ съ нею прощались и большая часть говорила глупыя привѣтствія, завсегда обидныя или непонятныя истинной добродѣтели?

Отъ нихъ краснѣетъ невинность отъ стыда и замѣшательства, а порокъ отъ нетерпѣнія и сладострастія.

Все сіе происходитъ у подножія брачнаго ложа...

Глава LVIII.—Колпаки.

Высокіе и смѣшные колпаки надѣваютъ на домашнихъ, на дураковъ, на лѣнивыхъ учениковъ и на обветшалыхъ жениховъ.

Лука Андреичъ отъ колпака не ушелъ: надѣли на него. Но онъ не будетъ домашнимъ дуракомъ; онъ не ученикъ и не лѣнивъ. Какая жъ нужда представлять супругѣ супруга, въ первый день брака, въ смѣшномъ видѣ Испанскаго дона Лимнордаса, Италіянскаго опернаго шута или Нѣмецкаго профессора?

Глава LIX.—Просьба.

Помилуйте, отцы мои, матушки! Сжальтесь надъ сиротою, дайте духъ перевесть. Я измучился, на человѣка не похожу. Мало ли трудовъ было? Родителей и брата Луки Андреича погребъ, его воспиталъ, записалъ въ службу, вывелъ въ люди, въ отставкѣ женилъ и спать положилъ. Сколько хвалилъ, сколько бранилъ... Ну, позвольте и мнѣ отдохнуть.

Если узнаю, что хоть одинъ глазъ прослезился, и одинъ ротъ разсмѣялся, то опять примусь за перо; зачну чертить новыя исторіи. Если же несчастный книгопродавецъ сей книги пойдетъ по міру, то не взыщите, я уже тогда самъ заплачу и засмѣюсь: заплачу—что погубилъ человѣка, засмѣюсь—что вздумалъ быть цензоромъ Катономъ, и писать ужъ больше не буду, какъ къ своимъ роднымъ и къ прикащикамъ. Сколько сберегу бумаги, перьевъ зрѣнія и покоя!... Но судьба Луки Андреича, дѣтей его и моя въ вашихъ рукахъ. Нѣсколько васъ, составляющихъ общество, нѣсколько обществъ публику, а публика—вещь безсмертная, премудрая, вѣтренная, орденская дума, уголовная палата, Титъ, Неронъ, мать и мачиха.... Впрочемъ, имѣю честь пребыть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію,

Милостивая государыня публика, вашъ покорнѣйшій слуга.

Графъ Ѳедоръ Растопчинъ.

*

Вопреки заключительнымъ словамъ своей повѣсти, графъ Растопчинъ не предалъ ея тисненію, потому можетъ быть, что самое ея названіе не оправдывается содержаніемъ ея. Это, очевидно, только набросокъ. Время написанія отчасти опредѣляется тѣмъ, что онъ смѣшалъ имена Кремнева и Богатырева (стр. 55), т. е. между 1807 и 1812 годами Графъ Растопчинъ не только государственный дѣятель, но и писатель, а въ этомъ произведеніи своемъ - нравоописатель. П. Б.

САМОЗВАНЕЦЪ РЯБОВЪ.

Объявленіе отъ генералъ-поручика, лейбъ-гвардіи преміеръ-маіора, Сибирскаго губернатора и кавалера Чичерина.

Появившійся въ Астраханской губерніи преступникъ и злодѣй, *бѣжавшій изъ Нерчинска съ каторги, бывшій разбойничій атаманъ*, пойманный посланною изъ Тобольска военною командою въ *Верхотурьѣ*, *Григорій Рябовъ*, злодѣйскій ядъ свой распространяя въ тѣхъ мѣстахъ, *наименовалъ себя императоромъ Петромъ Третьимъ*, началъ собирать партію таковыхъ же злодѣевъ; однако жъ тамо вѣрноподданными Ея Императорскаго Величества, не имѣя никакихъ военныхъ командъ къ тому во употребленіе, собственно сами собою крестьяне, какъ того злодѣя, такъ и сообщниковъ его поймавъ, представили по командѣ, за что они отъ меня высочайшею милостью Ея Императорскаго Величества и награждены. Изъ означенныхъ выше злодѣевъ *Рябовъ отправленъ въ Москву*; *а сообщники его разстрига Никифоръ Григорьевъ* [1]), *Донскіе казаки Степанъ Пѣвчевъ* [2]) *и Иванъ Серединкинъ*, [3]), которые хотя и заслужили за ихъ преступленіе смертную казнь, но Ея Императорское Величество, изъ Высочайшаго своего матерняго милосердія, изволила отъ того ихъ освободить, уповая, что они прійдутъ въ раскаяніе; однако они: Григорьевъ, Пѣвчевъ и Серединкинъ не только въ раскаяніе не пришли, а услышавъ, будучи ведены уже, что вмѣсто ихъ самозванца Рябова, явился въ Оренбургской губерніи таковой же зло-

---

[1]) Попъ Григорьевъ, такъ же какъ и Пѣвчевъ и Серединкинъ, былъ сосланъ въ Сибирь за соучастіе съ самозванцемъ Ѳедоромъ Богомоловымъ, крестьяниномъ графа Р. Л. Воронцова, бѣжавшимъ отъ своего помѣщика изъ села Спасскаго Саранскаго уѣзда въ 1771 г. и объявившимъ себя въ станицѣ Иловлинской Волжскаго войска императоромъ Петромъ III-мъ. Богомоловъ былъ предтечей по самозванству Рябова и Пугачева.

[2]) Правильнѣе Пѣвчій (онъ же Сигинъ) собственно не былъ Донскимъ казакомъ, а Малороссіяниномъ, временно приписаннымъ къ Пятиизбянской станицѣ Донскаго войска.

[3]) Правильнѣе Серединцевъ—казакъ Трехъ-Островинской станицы Донского войска, одинъ изъ главныхъ сообщниковъ самозванца Богомолова, былъ схваченъ въ Царицинѣ высланнымъ изъ Новочеркасска казачьимъ отрядомъ Донскаго старшины Аѳросима Луковкина и сосланъ вмѣстѣ съ Пѣвчимъ и Григорьевымъ.

дѣй, бывшій Донской казакъ Емельянъ Пугачевъ, который также, какъ и прежній, называя себя Петромъ Третьимъ, началъ собирать измѣнническую злодѣйскую партію, то и сіи прежніе измѣнники разстрига Григорьевъ, Пѣвчевъ и Серединкинъ, не взирая на Высочайшіе Ея Императорскаго Величества къ нимъ милосердіе и пожалованіе животомъ, *отважились не только дорогою всѣхъ жителей увѣрять объ означенномъ самозванцѣ, но и здѣсь въ Тобольскѣ о томъ разглашать.*

Бѣглый съ линіи [1]), сосланный туда за преступленія, съ наказаніемъ, Малороссіянинъ *Василій Гноенко* [2]) отважился здѣсь [3]) всякаго народа людей, однакожъ самыхъ подлыхъ, каторжныхъ, содержащихся въ острогѣ и въ работахъ, въ сію злодѣйскую измѣнническую партію подговаривать *и въ Сибирской губерніи сдѣлать* возмущеніе, увѣряя также о семъ самозванцѣ, къ которому и пристали *бывшіе солдаты: Ѳедоръ Сорокинъ, Данило Долотовъ,* которые и прежде за таковыя жъ преступленія присланы въ ссылку сюда были. Всѣмъ онымъ опредѣлено учинить слѣдующее наказаніе: *начавъ съ острога и по всѣмъ переулкамъ* [4]), *сѣчь кнутомъ и, вырѣзавъ онымъ ноздри, сослать въ Нерчинскъ вѣчно въ ссылку, съ такимъ при томъ повелѣніемъ, чтобы во всякомъ отъ Тобольска городѣ чинить имъ наказаніе кнутомъ же* [5]).

Я не сомнѣваюсь, что вѣрноподданые Ея Императорскаго Величества въ Сибирской губерніи всякаго званія люди ясно увидятъ, что сіе злодѣйское собраніе все состоитъ единственно изъ каторжныхъ злодѣевъ. Слѣдовательно ни одинъ честный человѣкъ не только пристать, но и повѣрить тому не можетъ; а напротивъ, всякій, по своей присяжной должности, не оставитъ стараться о такихъ зловредныхъ разглашеніяхъ развѣдывать и сихъ злодѣевъ или поймать или объявить, такъ какъ вѣрная присяга каждаго требуетъ, за что и ожидать Высочайшей Ея Императорскаго Величества милости. Ноября 1 дня 1773 года. Тобольскъ. Денисъ Чичеринъ.

(*Сообщилъ Николай Путинцевъ*).

---

[1]) Съ Ишимской—изъ крѣпости Полуденной, нынѣ поселокъ Сибирскаго казачьяго войска.

[2]) Гноенко былъ тоже Малороссіянинъ, записанный въ Сибирскіе казаки Ишимской линіи и бѣжавшій оттуда въ Тобольскъ осенью 1773 года изъ боязни преслѣдованія за убійство и ограбленіе двухъ Киргизовъ близъ Полуденной крѣпости.

[3]) Въ гор. Тобольскѣ, гдѣ онъ и былъ схваченъ вооруженнымъ.

[4]) Города Тобольска.

[5]) Первое наказаніе кнутомъ было произведено въ самомъ Тобольскѣ 1-го Ноября 1773 года.

КЪ БІОГРАФІИ ХУДОЖНИКА В. Л. БОРОВИКОВСКАГО *).

I.

Завѣщаніе В. Л. Боровиковскаго

(Изъ нотаріальнаго Архива С.-Петербургскаго Окружного Суда).

Во имя Святыя Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа, аминь. Приближаясь къ старости лѣтъ моихъ и воображая о смерти могущей послѣдовать и нечаянно, прошу короткихъ мнѣ въ знакомствѣ пріятелей и друзей 5-го класса Петра Ивановича Русановскаго и надворныхъ совѣтниковъ Павла Степановича Филиппова и Якова Алексѣевича Ильина быть при концѣ жизни моей распорядителями бренному моему тѣлу по обряду Греко-Россійской церкви и моему исповѣданію погребенія, безъ излишнихъ церемоній, такъ и въ оставшагося по смерти моей всего движимаго имѣнія, состоящаго въ нѣсколькихъ картинахъ, небольшомъ числѣ книгъ, деньгахъ, сколько по смерти моей оныхъ останется и въ прочихъ домашнихъ вещахъ, препоручая все оное въ полное ихъ завѣдываніе и распоряженіе безъ исключенія, продать ли оное разсудятъ они и вырученныя деньги употребить для бѣдныхъ и на поминовеніе по церквамъ или роздать отъ меня кому имъ лично будетъ мною сказано или расписано, и вообще чтобы они друзья мои по благоусмотрѣнію своему и довѣренности моей къ нимъ ни учинили, отвѣтовъ въ томъ давать никому не обязаны. А родственникамъ моимъ по наслѣдію до вышепоименованнаго движимаго моего имѣнія и до распоряженія онымъ дѣла нѣтъ, и отнюдь ни во что не вступаться и ничего себѣ не требовать, ибо все оное имѣніе есть моя собственность, самимъ мною подъ благословеніемъ Божіимъ нажитое трудами рукъ своихъ, и въ полномъ смыслѣ есть благопріобрѣтенное, которымъ я по законамъ располагать воленъ какъ заблагоразсужу.

Ежелибъ случилось, то по смерти моей изъ вышеозначенныхъ къ распоряженію по сему завѣщанію душеприкащиковъ котораго не было въ Петербургѣ, то прошу и довѣряю во всемъ на лицо изъ нихъ находящимся, хотябъ и одному, принять на себя весь трудъ исполнить волю мою въ семъ завѣщаніи изъясненную. Сіе распоряженіе мое долженствуетъ имѣть дѣйствительную и совершенную силу духовнаго завѣщанія по смерти моей, которое и предоставляю явить послѣ меня въ надлежащемъ судебномъ мѣстѣ, ежели сіе нужно будетъ. Учинено мною по собственному моему разсужденію и произволенію въ полномъ умѣ

*) Сличи статью о Боровиковскомъ В. П. Горленка въ „Русскомъ Архивѣ“ 1891 года. II, 257. П. Б.

и совершенной памяти и подписано собственною моею рукою Августа 29 дня 1819 года въ Петербургѣ. Къ сему духовному завѣщанію моему своеручно подписуюсь, Академіи Художествъ совѣтникъ Владиміръ Лукинъ сынъ Боровиковскій.

Что сія духовная учреждена совѣтникомъ Академіи Художествъ Владиміромъ Лукичемъ Боровиковскимъ въ полномъ умѣ и памяти и собственною его рукою подписано, въ томъ утверждаю духовный завѣщателя отецъ придворной Спаса Нерукотвореннаго образа церкви священникъ Петръ Георгіевъ. Въ томъ же свидѣтельствую чиновникъ 5-го класса Петръ Ивановъ сынъ Русиновскій. Въ томъ же свидѣтельствую надворный совѣтникъ Яковъ Алексѣевъ сынъ Ильинъ.

1825 года Апрѣля 7 дня по смерти завѣщателя сей духовной оная въ бумагахъ его найдена, и что точно оная подписана рукою его завѣщателя Владиміра Боровиковскаго, въ томъ свидѣтельствую титулярный совѣтникъ академикъ Алексѣй Гавриловъ сынъ Венеціановъ; въ томъ же свидѣтельствую и спору никакого не имѣю родной племянникъ его завѣщателя Боровиковскаго, отставной артилеріи полковникъ Антонъ Яковлевъ сынъ Горновскій; въ томъ же свидѣтельствую и спору не имѣю коллежскій совѣтникъ Петръ Ивановъ сынъ Бровкинъ; въ томъ же свидѣтельствую и спору не имѣю свойственникъ завѣщателя Боровиковскаго, надворный совѣтникъ Мартынъ Степановъ сынъ Пилецкій-Урбановичъ. Что точно оная подписана рукою его завѣщателя Владиміра Боровиковскаго, въ томъ свидѣтельствую титулярный совѣтникъ академикъ Иванъ Васильевъ сынъ Бугаевскій благодарный.

Надпись 1825 года Октября 20 дня. По указу Его Императорскаго Величества С.-Петербургской Палаты гражданскаго суда 2-й департаментъ по выслушаніи дѣла по прошенію чиновника 5-го класса Петра Ивановича Русановскаго, колежскихъ совѣтниковъ Павла Степановича Филиппова и Якова Алексѣевича Ильина, о засвидѣтельствованіи сего духовнаго завѣщанія опредѣленіемъ заключилъ. Поелику волю завѣщателя Академіи Художествъ совѣтника Боровиковскаго, въ вышезначущемся духовномъ завѣщаніи изображенную, подписавшіеся подъ нимъ свидѣтели посредствомъ отобранныхъ отъ ихъ допросовъ утвердили въ своей силѣ, противу онаго ни отъ кого въ сей департаментъ не предъявлено: то на основаніи указа 1704 г. Марта 1-го записавъ сказанное завѣщаніе въ книгу духовныхъ актовъ и учинивъ на немъ о явкѣ его и подтвержденіи допросами надлежащее засвидѣтельствованіе, выдать обратно предъявителямъ съ роспискою въ книгѣ. А какъ имѣніе Боровиковскаго завѣщано бѣднымъ людямъ и на церкви, съ коихъ по силѣ высочайше утвержденнаго въ 21 день Августа 1818 года мнѣнія Государственнаго Совѣта пошлинъ взыскивать не слѣдуетъ, то за симъ, согласно указу 1808 г. Октября 28 взыскать токмо за росписку 10 и р. на основаніи высочайшаго манифест асостоявшагося въ 24 день Ноября 1821 года соотвѣтственно объявленной всему вообще имѣнію цѣны на сумму 4000 за гербовый актъ для написанія сего завѣщанія, долженствовавшій употребиться 10, да за употребленную на производство дѣла въ мѣсто гербовой простую 3 листа бумагу

3 р., а всего 23 рубля, кои взысканы и въ приходъ записаны Ноября 5 дня 1825 года. Подписалъ совѣтникъ Мясоѣдовъ, скрѣпилъ Секретарь Петрижицкій, справилъ титулярный совѣтникъ Околовъ - Кулакъ. У той надписи печать, за записку 10, за бумагу 13 руб., а всего 23 р. принялъ казначей Скосыревъ. Подлинное завѣщаніе получилъ коллежскій совѣтникъ и кавалеръ Павелъ Филиповъ. Чиновникъ 5-го класса Петръ Русновскій.

II.

О пожертвованномъ покойнымъ совѣтникомъ Боровиковскимъ иконостасѣ въ старую церковь Св. Архистратига Михаила (что на Смоленскомъ кладбищѣ). 10 Іюля 1825 г. По канцеляріи президентства.

(Изъ Архива Императорской Академіи Художествъ. Дѣло № 66, 1825).

10 Іюля 1825 г.

Его превосходительству, Императорской Академіи Художествъ господину президенту, тайному совѣтнику и кавалеру Алексѣю Николаевичу Оленину, чиновника 5 класса Русановскаго и коллежскихъ совѣтниковъ Филипова и Ильина покорнѣйшее прошеніе. Покойный совѣтникъ Академіи, Владимиръ Лукичъ Боровиковскій, духовнымъ своимъ завѣщаніемъ, утвержденнымъ С.-Петербургской Палаты Гражданскаго Суда 2-мъ департаментомъ, поручилъ намъ по смерти своей принять въ распоряженіе движимое его имѣніе. Мы, принявъ оное, чтобы совершенно исполнить покойнаго волю, прибѣгаемъ къ вашему превосходительству съ покорнѣйшею просьбою.

Покойникъ имѣлъ благое намѣреніе пожертвовать трудами своими въ иконостасъ Смоленской Божіей Матери (что на кладбищѣ), въ старую деревянную церковь Св. Архистратига Михаила, имѣющую быть возобновленною, но не успѣлъ совершенно всѣхъ иконъ окончить. Впрочемъ онѣ таковыя, что могутъ и такъ какъ есть теперь, служить украшеніемъ храму. Но храмъ сей столько потерпѣлъ отъ наводненія, что, можетъ быть, иконы сіи черезъ годъ или два могутъ быть тамъ поставлены; до того же время образовъ сихъ оставить въ храненіи гдѣ либо у себя, какъ люди смертные, не можемъ, а полагаемъ, что приличнѣе онымъ находиться до совершеннаго устроенія церкви и въ оной иконостаса въ Академіи Художествъ; по устроеніи же оной, покорнѣйше просимъ ваше превосходительство приказать иконы сіи отдать въ упоминаемую Св. Архистратига Михаила церковь.

Такимъ образомъ, бывъ вспомоществуемы милостивымъ уваженіемъ вашего превосходительства сей покорнѣйше нашей просьбы, надѣемся исполнить въ точности единственное желаніе покойнаго совѣтника Боровиковскаго, чтобы иконы трудовъ его поставлены были въ назначенную имъ церковь, въ которую и вся рѣзная работа въ иконостасъ иждивеніемъ покойнаго окончена. Упоминаемыя же иконы съ описаніемъ оныхъ при семъ честь имѣемъ представить.

Подписали: Чиновникъ 5 класса Петръ Ивановичъ сынъ Русановскій. Коллежскій совѣтникъ и кавалеръ Павелъ Филиповъ. Колежскій совѣтникъ Яковъ Ильинъ. Іюня   дня 1825 года.

III.

Описаніе иконъ живописи Академіи совѣтника Боровиковскаго въ иконостасъ деревянной церкви Св. Архистратига Михаила что на Смоленскомъ кладбищѣ.

На двухъ доскахъ въ царскія двери Благовѣщеніе Архангела Гавріила Пресвятой Дѣвѣ Маріи во весь ихъ ростъ.

Двѣ иконы въ 3 аршина, представляющія: на одной Христа Спасителя въ прославленномъ тѣлѣ на небесѣхъ и херувимѣхъ сѣдящаго, а на другой Божію Матерь Царицею небесныхъ силъ, на лунѣ колѣнами одесную предстоящую.

Двѣ доски, имѣющія быть сѣверными и южными дверьми: на одной пророка Аввакума, несомаго ангеломъ съ пищею къ Даніилу во рвѣ сѣдящему; а на другой младаго Товіа, держащаго рыбу и съ ангеломъ разговаривающаго. Обѣ вышиною въ 3 ½ аршина.

Двѣ иконы съ изображеніемъ на одной Св. Архистратига Михаила, храмоваго праздника, а на другой Филиппа Апостола, ангеломъ несомаго къ эвнуху царицы Кандакіи, путешествующему. Обѣ вышиною въ 2½ аршина. Всего 8 иконъ. Къ онымъ рѣзные изъ дерева херувимы съ облаками и сіяніями. А именно:

По иконостасу вмѣсто карниза большія облака, состоящія изъ четырехъ штукъ. На оныхъ облакахъ по сторонамъ царскихъ вратъ девять херувимовъ.

На карнизныхъ же облакахъ надъ мѣстными образами два овальныхъ сіянія, въ которые и доски для написанія образовъ Рождества Христова и Воскресенія.

Царскіе врата съ лучами и верхній брусокъ покрытъ облаками.

Двѣ штуки облаковъ съ мѣстами для лампъ къ царскимъ вратамъ.

Одно большое сіяніе что̀ надъ царскими вратами, состоящее изъ 18 штукъ и подъ оное столярной работы кругъ для прикрѣпленія лучей.

Принадлежащія же къ оному сіянію еще три небольшія сіянія, для наложенія на большое: одно съ крестомъ, другое съ трехъ-угольникомъ, состоящее изъ 9 штукъ, и третіе безъ всего.

На четырехъ пилястрахъ у мѣстныхъ образовъ поддерживающіе большія карнизныя облака, большихъ шестикрылатыхъ серафимовъ четыре штуки.

На другихъ узкихъ пилястрахъ тожъ поддерживаютъ карнизные облака серафимовъ четырехъ крылатыхъ по менѣе четыре штуки.

Подъ мѣстными образами двѣ штуки облаковъ съ мѣстами для лампъ, на каждой по одному херувиму.

(Сообщено С. П. Дягилевымъ).

КЪ ИСТОРІИ ВИЛЕНСКИХЪ ЕВРЕЕВЪ.

Акты, издаваемые Виленскою комиссіею для разбора древнихъ актовъ. Томъ XXVIII. Акты о Евреяхъ. Вильна, 1901.

Драгоцѣнный матеріалъ, собранный Виленской комиссіею и напечатанный въ количествѣ 332 №№, обнимаетъ собою болѣе, чѣмъ полуторавѣковую дѣятельность (большею частію преступную) сыновъ Израиля, разселившихся въ гостепріимномъ западномъ краѣ. Въ предисловіи къ актамъ И. Я. Спрогисъ не только сдѣлалъ обзоръ большинства актовъ, но сумѣлъ въ этомъ обзорѣ такъ заинтересовать читателей, что они, намъ думается, невольно должны будутъ познакомиться и съ книгою.

Типъ Евреевъ юго-западнаго края, говоритъ И. Я. Спрогисъ, противоположенъ библейскому типу древнихъ Евреевъ, какъ онъ изображается въ боговдохновенныхъ книгахъ ихъ пророковъ и другихъ прославленныхъ мужей Божіихъ. У Евреевъ, разсѣянныхъ по землѣ, (частью вслѣдствіе продолжительной, тяжкой скитальческой жизни и гоненій, которымъ они безпрерывно подвергались среди окружающихъ ихъ народовъ, частью по другимъ причинамъ) выработался и утвердился другой типъ жизни, основанный весь на почвѣ торговли и промышленной предпріимчивости. Юркость и деньги открыли имъ доступъ къ королямъ Польскимъ и князьямъ Литовскимъ. Отъ нихъ они получили множество привиллегій. Уклоняясь отъ земледѣльческаго труда, Евреи стали покупать въ городахъ дома и арендовать помѣщичьи имѣнія; изъ нихъ они выжимали всѣ соки, не заботясь о правильномъ хозяйствѣ. Шляхетство въ „Рѣчи-Посполитой" зачалось и развилось въ ущербъ другихъ сословій, и къ нему-то особенно тяготѣло Еврейство: оно знало, что отъ шляхетскаго сословія зависѣло ихъ благосостояніе и счастье будущаго; въ подражаніе ему Евреи стремились создать среди себя свое собственное „Еврейское шляхетство", также обставленное привиллегіями и вольностями. Не покажется послѣ этого удивительнымъ, говоритъ И. Я. Спрогисъ, что весь строй общественной и частной жизни шляхетства Рѣчи-Посполитой, шляхетскіе пороки, произволъ и безправіе, частые наѣзды и нападенія другъ на друга, побои, смертоубійства и многія другія нестроенія, сдѣлались естественною принадлежностью и Евреевъ.

Коренное населеніе встрѣтило Евреевъ не дружелюбно, и кличка „невѣрный Жидъ" „infidelis Iudes" не только перешла безъ всякаго смягченія въ древніе акты, но продержалась до послѣдняго времени.

Евреи много давали поводовъ населенію къ недовѣрію, къ ропоту, ненависти, къ побоямъ и нерѣдко — къ смертоубійствамъ. Одно изъ такихъ нападеній на Евреевъ было 6 Марта 1635 года. Происшествіе это въ актахъ обрисовывается такъ. Въ 1630 году Евреи тайно добыли отъ короля Владислава IV-го декретъ на производство торговли всякими товарами. Въ одномъ пунктѣ этого декрета говорилось, чтобы Виленскій магистратъ или продалъ или сдалъ имъ въ аренду пустой городской съ развалинами плацъ, лежащій на углу Жидовской и Нѣмецкой улицъ; это мѣсто являлось удобнымъ пунктомъ для частыхъ и опасныхъ сборищъ всякаго рода своевольныхъ людей въ городѣ. При этомъ Евреи испросили у короля и заручный листъ къ Виленскому магистрату, предостерегающій противъ всякихъ возмущеній, предпринимаемыхъ праздношатающимися людьми противъ Евреевъ. Какъ этотъ декретъ, такъ и заручный листъ Евреи предъявили магистрату 24 Марта 1634 г., изложили поводъ испрошенія ими этихъ документовъ и свои опасенія за свое будущее, и просили магистратъ быть ихъ оградою, дать имъ отвѣтъ и возвратить эти документы. Магистратъ обѣщалъ дать свой отвѣтъ 3 Апрѣля. И дѣйствительно, этого числа магистратъ, въ полномъ своемъ собраніи, въ присутствіи Еврейскихъ старшинъ и многихъ другихъ почетныхъ лицъ, далъ Евреямъ совершенно откровенный и правдивый отвѣтъ: онъ выставилъ имъ прежде всего на видъ, что они обратились съ своимъ ходатайствомъ къ королю безъ соотвѣтственныхъ причинъ, „безъ жалобъ на магистратъ, безъ повода и разслѣдованія дѣла", что въ документахъ своихъ они высказали ему великую угрозу о громадномъ денежномъ взысканіи, что они „имѣютъ желаніе голыми словами насъ (Христіанъ) вытиснуть изъ своего собственнаго отеческаго гнѣзда (города Вильны) и привести къ безславію, къ потерѣ своихъ правъ, свободъ и вольностей". Магистратъ обѣщалъ исполнить изложенныя въ королевскомъ декретѣ и заручномъ листѣ требованія, „лишь бы сами Евреи остались вѣрными относительно торговли, описанной въ этомъ декретѣ, не содержали при себѣ больше товаровъ, сколько на самомъ дѣлѣ выставляютъ, и не пускали въ продажу гнилыхъ, ничего не стоющихъ товаровъ, дѣлающихъ безславіе городу". На этотъ отвѣтъ Евреи сдѣлали свое возраженіе: они заявили, что магистратъ не исполнилъ прописаннаго въ королевскомъ декретѣ пункта относительно передачи имъ пустопорожняго плаца, что въ отвѣтѣ своемъ онъ включилъ обидныя для нихъ колкости, приказавъ прочитать его во всеуслышаніе предъ многими лицами городского общества.

Вся эта исторія, скрытыя дѣйствія Евреевъ, направленныя противъ магистрата и открытое заявленіе магистрата о Еврейской фальшивой торговлѣ вызвали сильное возбужденіе во всемъ христіанскомъ населеніи города. Въ тотъ же день, 3 Апрѣля 1634 г., во время совершенія Евреями похоронной процессіи, изъ Жидовской улицы по Виленской, черезъ Зеленый мостъ, за р. Вилію, гдѣ въ ту пору, въ огородѣ, находилось Еврейское кладбище, куда процессія уже достигла, огромная толпа всякаго народа—христіанъ неожиданно напала на это кладбище и участвовавшихъ въ процессіи

лицъ и произвела тамъ первый Еврейскій погромъ. Надмогильные памятники, въ видѣ деревянныхъ и каменныхъ гробовъ надъ могилами, надписи на нихъ и украшенія, все подвергнулось разрушенію и поруганію; присутствовавшіе Евреи были избиты, поранены; платье ихъ, головные уборы, колпаки разорваны; деньги и цѣнныя вещи, какія у кого изъ нихъ оказались при себѣ, были отняты и расхищены.

На другой день, 4-го Апрѣля, позванный „возный" освидѣтельствовалъ 25 пораненныхъ Евреевъ. При этомъ выяснилось, что побои и раны были нанесены палками и камнями; тутъ же перечислено вознымъ, сколько у каждаго изъ пораженныхъ Евреевъ пропало денегъ (а ихъ Евреи носили при себѣ всегда значительное количество), драгоцѣнныхъ вещей, перстней, печатей и проч. По этому поводу Евреи тотчасъ же, 8 Апрѣля, поспѣшили занести свою жалобу на Виленскихъ мѣщанъ за ихъ нападеніе на кладбище и высказанную ими угрозу „ихъ самыхъ Жидовъ бить, забить, силою нападать на ихъ дома, лавки и жилища, въ г. Вильнѣ, также на ихъ Еврейскую школу (синагогу), разрушить ее, помянутый огородъ (кладбище) уничтожить совсѣмъ". Въ этой же жалобѣ Евреи настаиваютъ, чтобы магистратъ принялъ мѣры противъ возникающихъ возмущеній (тумультовъ), защитилъ ихъ, возвратилъ имъ королевскій декретъ и заручный листъ и, наконецъ, уступилъ имъ пустопорожній плацъ, Топницу.

Но этотъ малый, первый погромъ Еврейскаго кладбища оказался только началомъ того великаго погрома, который былъ произведенъ въ Еврейской (нынѣ „старой") каменной синагогѣ, находящейся на Жидовской улицѣ, 6 Марта 1635 г. За два дня предъ этимъ погромомъ, 4 Марта, возный производилъ посвидѣтельствованіе ранъ, нанесенныхъ двумъ старшинамъ Евреямъ челядью и подпасками Виленскаго городского писаря Варѳоломея Гавловицкаго. Погромъ на этотъ разъ былъ произведенъ огромною толпою христіанъ, состоявшею изъ различныхъ слоевъ общества, мѣщанъ, купеческихъ рабочихъ, цеховыхъ подмастерьевъ, студентовъ Виленскаго Іезуитскаго коллегіума, но больше всего изъ городскихъ праздношатающихся, буйныхъ людей; число нападающихъ доходило до нѣсколькихъ сотенъ человѣкъ. Дѣйствія этого погрома были страшны... Вслѣдъ за погромомъ приглашенные возные посвидѣтельствовали, что все, что находилось въ синагогѣ, подверглось страшному разрушенію и расхищенію. Ничего не было пощажено. Многочисленные цѣнные предметы священной утвари въ синагогѣ были поломаны, посѣчены, растоптаны и разбросаны по землѣ и во всѣ стороны, или, наконецъ, совсѣмъ унесены. Не былъ пощаженъ и самый священный предметъ Еврейскаго молитвеннаго дома—свитокъ съ десятью заповѣдями; онъ былъ разрубленъ на мелкіе куски, разбросанъ по полу и растоптанъ ногами. Синагога эта въ ту пору считалась самою богатою; въ ней, кромѣ множества священныхъ предметовъ и украшеній, рукописныхъ и печатныхъ Еврейскихъ книгъ, стоячихъ и висячихъ подсвѣчниковъ, разныхъ таблицъ съ надписями и проч., хранилось множество сундуковъ и скрынь съ деньгами и драгоцѣнными вещами, какъ самихъ старшинъ и начальниковъ синагоги,

такъ и съ многими предметами залога отъ разныхъ посторонннхъ лицъ (и даже христіанъ): мѣсто для храненія всѣхъ этихъ драгоцѣнныхъ вещей и предметовъ здѣсь было самое безопасное. И все это исчезло, какъ бы во время страшнаго непріятельскаго нашествія. Евреи свидѣтельствовали передъ возными, что этотъ погромъ произведенъ надъ ними по наущенію и допущенію самого Виленскаго магистрата. Въ документѣ приведенъ весьма подробный и въ высшей степени интересный реестръ многочисленныхъ предметовъ, по преимуществу священной утвари, находившихся въ то время въ разсматриваемой синагогѣ. Евреи насчитали отъ этого погрома себѣ убытковъ и потерь на 100,000 золотыхъ Польскихъ.

Но съ своей стороны и Евреи наносили немало обидъ населенію и вообще не оставались въ долгу передъ христіанами. Чуждаясь слитія съ массою христіанскаго населенія и прилагая всѣ заботы объ образованіи своего собственнаго, единаго, національнаго общества, „государства въ государствѣ", Евреи въ тоже время воспользовались всѣми средствами, чтобы обратить въ свою пользу и общіе законы государства и заручиться покровительствомъ сильныхъ и богатыхъ его представителей. Дѣло, съ перваго начала, было поставлено Евреями такъ, чтобы общіе законы государства, обязательные для всего прочаго его населенія, для нихъ были смягчены, либо совсѣмъ отмѣнены; объ этомъ, съ далекою Еврейскою предусмотрительностію, было занесено въ добытыя ими отъ королей привиллегіи. Разселившись по мѣстечкамъ и городамъ, Евреи, въ качествѣ общихъ „подданныхъ" частныхъ ли владѣльцевъ (помѣщиковъ или временныхъ посессоровъ королевскихъ имѣній), старостъ, подскарбіевъ и др., пріобрѣли себѣ общія, широкія права на ихъ покровительство и защиту во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ своей жизни, особенно при столкновеніи съ „подданными" другого подобнаго же владѣльца. Сила Еврейскаго вліянія росла, ширилась и укрѣплялась отъ того, что важнѣйшія статьи государственной жизни и доходности, именно торговля и промышленность, благодаря странному закону о достоинствѣ и чести дворянина Литовскаго государства, что „шляхтичу низко и стыдно заниматься этого рода дѣлами", во всѣхъ крупнѣйшихъ случаяхъ, гдѣ требовалось много денегъ, перешла въ Еврейскія руки. Неудивительно послѣ этого, что Евреи не только перестали бояться и стѣсняться предъ туземнымъ христіанскимъ населеніемъ государства, но почувствовали сами себя „панами", не хуже, чѣмъ гоноровые, но весьма часто голодные, „паны-шляхта". Вотъ почему при крупныхъ личныхъ столкновеніяхъ не только съ лицами низшихъ сословій (мѣщанами и крестьянами) но и съ „панами-шляхтою", Евреи весьма часто и безбоязненно прибѣгали къ силѣ и мѣрамъ насилія, т. е. давали себѣ волю для физическихъ нападеній, нанесенія побоевъ и ранъ своимъ намѣченнымъ противникамъ, при чемъ въ случаяхъ этого насилія проявлялись нерѣдко особенная Еврейская жестокость, безжалостность, тонкость, которую пострадавшіе или ближайшіе свидѣтели часто именуютъ „прирожденнымъ Еврею ненавистничествомъ къ христіанамъ и жаждою ихъ крови". Приведемъ здѣсь содержаніе нѣкоторыхъ наиболѣе характерныхъ документовъ этой группы.

Въ 1644 года 29 Іюля Русскій священникъ и писарь Брестской капитулы Іоаннъ Троцевичъ, находясь по дѣламъ своимъ въ Брестѣ, увидѣлъ избитаго и окровавленнаго человѣка, котораго вела толпа Евреевъ. якобы бѣглаго изъ тюрьмы, и, при замѣчаніи нѣкоторыхъ изъ христіанъ. что „такъ Еврейскій народъ издѣвается надъ христіаниномъ", съ своей стороны прибавилъ: „Жаль человѣка, чтобы такъ его бить и истязать, безъ изслѣдованія дѣла закономъ". На эти невинныя слова и не къ Евреямъ обращенныя, подскочилъ къ нему изъ толпы Брестскій Еврей скорнякъ Шимха и обругалъ его самыми унизительными и оскорбительными для его сана словами за вмѣшательство въ это дѣло. Когда, оставивъ свою повозку, священникъ хотѣлъ отправиться къ Брестскому намѣстнику съ жалобою, тотъ же Еврей Шимха, нагнавъ его въ переулкѣ, вновь накинулся на него, „ударилъ его разъ рукою по лицу, а во второй разъ нанесъ ему ударъ въ грудь, и толкнулъ его ногою; при этомъ онъ крикнулъ своимъ соучастникамъ: „Бей, убей этого поганца хама; если бы пришлось его даже на фунты взвѣшивать— заплатимъ!" И соучастники-Евреи жестоко избили и изранили этого христіанскаго пастыря [1]).

Въ 1646 г. 18 Февраля Пинскій мѣщанинъ Еврей Яковъ Лейзеровичъ Симшичъ, арендаторъ имѣнія Погоста, въ Пинскомъ повѣтѣ, какъ важный панъ, устроилъ въ Погостской пущѣ охоту на самую широкую ногу. Онъ приказалъ, для облавы, собрать всю Погостскую волость; и дѣйствительно, въ условленное время собрались на мѣсто всѣ крестьяне; виднѣлись между ними и бояре, и земяне. Но на эту охотничью потѣху запоздалъ явиться въ свой часъ Погостскій мѣщанинъ Остапъ Скляръ. Арендаторъ Еврей Симшичъ отъ такого упущенія и своеволія пришелъ въ великій гнѣвъ и палкою такъ ударилъ его въ лѣвый бокъ, что Скляръ отъ этого удара заболѣлъ и, прохворавъ нѣкоторое время, умеръ. Пошла народная молва, что мѣщанинъ этотъ убитъ арендаторомъ Евреемъ Симшичемъ. Послѣдняго предостерегли, что изъ этого случая могутъ родиться дурныя для него послѣдствія. Тогда, надо думать, по особому старанію арендатора, пошли возраженія и опроверженія противъ этой молвы, со стороны тѣхъ самыхъ лицъ, которыя участвовали въ облавѣ описываемой охоты, что Остапъ Скляръ умеръ „не отъ нанесеннаго ему легкаго и поучительнаго удара, а своею собственною смертью, по волѣ Божіей" [2]).

Въ 1652 г. 7 Августа Мотольскій священникъ Преображенской церкви Николай Барановичъ обратился къ Мотольскимъ арендаторамъ-Евреямъ Мошелю Лейбѣ Гиршовичу и зятю его Мовшѣ Исаковичу съ просьбою, чтобы они въ дни воскресные и другіе христіанскіе „урочистые" праздники не заставляли крестьянъ производить имъ работы. За это Евреи накинулись на священника прежде всего съ грубою бранью, а затѣмъ въ самой оградѣ Мотольской церкви палками избили и изранили его до полусмерти, издѣваясь

---

[1]) Стр. XXXV.
[2]) Стр. XXXIX.

надъ нимъ, какъ хотѣли, и если бы его не спасли три мѣщанина-христіанина, то совсѣмъ бы убили. При этомъ они произнесли угрозу: „Теперь ты ушелъ изъ нашихъ рукъ живой и если ты отъ этого битья останешься живъ, то навѣрно убьемъ тебя потомъ" *).

Изъ многихъ документовъ видно, что арендаторы-Евреи разоряли имѣнія, и И. Я. Спрогисъ ставитъ живой вопросъ: чѣмъ можно объяснить такое, по первому же взгляду, поистинѣ странное явленіе, что на Литвѣ богатые землевладѣльцы-помѣщики, видя на опытѣ, какъ разоряются и опустошаются поголовно Евреями-арендаторами ихъ родовыя имѣнія, и не питая къ этимъ пришельцамъ никакого душевнаго расположенія, тѣмъ не менѣе, безостановочно продолжали выпускать свои имѣнія имъ въ аренду? По нашему убѣжденію, объясненіе тутъ единственное: помѣщики, особенно богатые, издавна привыкли жить на широкую ногу, гоняясь за роскошью, а на это нужны были деньги, которыя у нихъ быстро уходили. Откуда взять ихъ?

Свое предисловіе талантливый редакторъ заключаетъ обзоромъ документа —подъ № 318—большой важности объ измышленномъ ритуальномъ убійствѣ Евреями христіанскаго ребенка въ мѣстечкѣ Войнѣ въ Брестскомъ воеводствѣ. Документъ этотъ воочію свидѣтельствуетъ о сильномъ возбужденіи христіанъ противъ Евреевъ за многія ихъ неправды въ томъ родѣ и направленіи, какъ это изложено нами выше; ибо только это возбужденіе могло вызвать у христіанъ мѣстечка Войни попытку изыскать случай, чтобы по бездоказательности, обвинить тамошнихъ Евреевъ этого города въ страшномъ преступленіи — въ ритуальномъ убійствѣ, послѣдствія признанія котораго могли быть для Евреевъ страшны. Въ виду исключительной важности этого документа, приводимъ его здѣсь въ Русскомъ переводѣ съ Польскаго языка. Онъ гласитъ такъ: „Нынѣшняго тысяча шестьсотъ шестьдесятъ третьяго года, мѣсяца Іюня двадцать седмого дня, я Семенъ Свенцкій и я Григорій Ярошевичъ Лясковскій, генералы (возные) его королевской милости Брестскаго воеводства, съ стороннею шляхтою Андреемъ Зарецкимъ, Яномъ Гродицкимъ, Адамомъ Коморовскимъ и Николаемъ Лясковскимъ, были приглашены всѣми Евреями, живущими въ городѣ Войнѣ, для обсужденія дѣла объ утонувшемъ ребенкѣ. Этого ребенка, по имени Демьяна, его мать Марина Янова Литвинянка, крестьянка князя Радзивила (конюшаго вел. кн. Литовскаго) изъ Лидскаго повѣта, деревни Мяновтовичъ (какъ сама заявила и свидѣтельствовали тамошніе мѣщане), вернувшись съ работы, искала съ большою озабоченностію и съ плачемъ. Утромъ шестнадцатаго Іюня она нашла этого ребенка утонувшимъ въ болотномъ прудкѣ, гдѣ мало было воды. Когда она, вынувъ ребенка изъ пруда, обмыла его на травѣ и, оставивъ его лежащимъ на часокъ времени, стала отмывать отъ грязи его рубашку, подошли тамошніе мѣщане, близкіе ея сосѣди, по имени Веремко Масловскій и Миско Пращанъ, крестный отецъ утонувшаго ребенка. Послѣдній сказалъ: „Сжалься, Господи Боже мой, надъ невиннымъ ребенкомъ! Не твоя ли это

*) Стр. XLII-XLIII.

работа?“ „Не съ твоего ли умысла сталось это?“ И смотрѣли около горла, не задавили ли его; но никакого знака на тѣльцѣ не было. Предъ судомъ на разбирательствѣ, именно предъ Станиславомъ Претоцкимъ, королевскимъ дворяниномъ, Ломазскимъ войтомъ, приглашеннымъ на этотъ судъ, предъ Юріемъ Гречиною, двоюроднымъ братомъ Войнинскаго войта, предъ паномъ Сказаневскимъ и многою шляхтою, засѣдавшими и званными на это дѣло, та женщина Марина такъ показала. Обмывъ моего ребенка, принесла его цѣлымъ въ избу, гдѣ жила, положила его на лавку въ избѣ, и въ это время съ плачемъ пошла на рынокъ къ ландвойту, чтобы ей, какъ бѣдной, позволилъ похоронить этого ребенка. Возвратившись назадъ, неся съ собой лопату для копанья ямы, увидѣла возлѣ избушки, въ которой лежалъ ребенокъ, мечника Юрія Ломскаго, живущаго въ сосѣдствѣ, и не нашла ребенка уже на томъ мѣстѣ, но возлѣ порога на землѣ, и сразу сказала мечнику: „Твоя это работа, что сбросилъ его съ лавки!“ А онъ, схвативши ее за шею, отправилъ въ тюрьму, заявляя: „Это ты сама утопила ребенка“. И пока она сидѣла въ тюрьмѣ, мечникъ тотъ съ своимъ слугою принесли ребенка къ ландвойту, уже поколотаго, съ семью уколами, два на брюшкѣ и пять на плечикахъ. Затѣмъ ландвойтъ приказалъ положить того ребенка на погостѣ предъ костеломъ и привести изъ тюрьмы женщину Марину. И собралось немало людей, смотрѣли на такую неслыханную жалостную вещь и спрашивали ее; а она, тотчасъ, падши крестомъ, произнесла слѣдующія слова: „Я своего милаго ребенка положила цѣлымъ, безъ всякихъ несчастныхъ знаковъ“. И сказала мечнику: „Не иного это работа, только твоя; потому что ты давно меня преслѣдовалъ, не знаю за что, и выгонялъ меня изъ этой избушки, переругиваясь, не знаю о чемъ, съ Евреями, и доказывая, что это плацъ „твоей жены“, вслѣдствіе какого-то долга. Онъ ударилъ меня въ лицо, такъ что я упала на землю, а ландвойтъ, по имени Адамъ Голямовскій, не судивъ меня, приказалъ выставить меня у висѣлицы на рынкѣ, на четыре часа, и били меня розгами, такъ что я обомлѣла, и истязавъ меня, не добились отъ меня ничего и, такъ какъ я на Евреевъ ничего не показала, снова приказалъ засадить меня въ тюрьму. Когда я провела ночь въ тюрьмѣ, онъ приказалъ выгнать меня изъ города. И когда я, израненная, лежала въ полѣ, тамошніе мѣщане, отыскавши меня и вернувши въ городъ, и засадивъ въ тюрьму, терзали меня немилосерднымъ заключеніемъ и ночью присылали ко мнѣ Васька кузнеца и мечника, чтобы я показала на Евреевъ, говоря мнѣ такими словами: „Не бойся, тебѣ ничего не будетъ, потому что изъ-за этихъ Евреевъ и намъ христіанамъ житья нѣтъ; Войня—ихъ городъ, а не нашъ“. Я было подумала это сдѣлать, потому что помутился у меня разумъ. Нѣкоторые изъ господъ шляхты на судѣ уже подъ присягою показали“.

„Евреи, извѣстившись, что на нихъ невинно хотятъ взвести обвиненіе, запросили возныхъ, 24 дня Іюня, чтобы они съ ландвойтомъ, бурмистрами и лавниками отправились въ тюрьму, гдѣ сидѣла Марина. Въ тюрьмѣ она такъ заявила: „Во все это время я не имѣла покоя отъ мечника и отъ кузнеца, точно также и отъ другихъ мѣщанъ; все натравливали меня на Евре-

евъ, чтобы ихъ обвинила". По прочтеніи всего разслѣдованія Ломазскій войтъ и ландвойтъ съ бурмистрами, лавниками и райцами, приказали, въ торговый день, на рынкѣ, публично, троекратно провозглашать такимъ образомъ: „Кто что̀ по этому дѣлу видѣлъ или слышалъ?" Когда возные явились, войтъ послалъ ихъ съ стороннею шляхтою, съ лавниками и съ тою женщиною Мариною на то мѣсто, гдѣ она положила дитя, осмотрѣть, нѣтъ ли крови и на лавкѣ и въ избѣ. Тогда ихъ, согласно судьи суда и присяги, произвели осмотръ и никакой крови на лавкѣ и въ избѣ не могли найти. А потомъ, выслушавъ ихъ донесеніе, войтъ и бурмистры съ райцами допытывали все народное собраніе: „Не Еврейская ли это работа, такъ какъ у насъ въ Ломазахъ увѣряютъ, что это сдѣлали Евреи?" Не окончивъ разбора этого дѣла въ этотъ день, возныхъ и лавниковъ приставили, чтобы они находились при пыткахъ (туртурахъ), когда Марину будетъ мучить мастеръ (палачъ). Они, согласно закона, присутствовали, когда ее въ первый разъ немилосердно потянули на дыбу, не дѣлая для нея ни въ чемъ смягченія; потому что за палачомъ досматривали господа мѣщане, чтобы онъ не оказывалъ ей милосердія, и онъ тирански пыталъ ее три раза по часу, а затѣмъ палилъ ее огнемъ, допытываясь, не Еврейская ли это работа? А она такъ отвѣчала: „Ужъ на родного отца показала бы, не только на Евреевъ". А мѣщане и то при пыткѣ свидѣтельствовали, будто бы Евреи посылали ей въ тюрьму какой-то напитокъ. Но на это показалъ лавникъ, что „въ тюрьмѣ нѣтъ окошка, а ключъ у меня; безвинно это наговариваютъ на Евреевъ". Не послушавъ лавника, велѣли ее особенно сильно потянуть на дыбу и палить огнемъ, за то, что она ни къ чему не признавалась и не обвинила Евреевъ. Сначала она просила о милосердіи въ виду того, что она беременна: „Окажите уваженіе, потому что я не вынесу; загубите мою душу и то, что̀ ношу въ себѣ". Все на судъ Божій взывала, что терпитъ такія тяжкія и невыносимыя муки, и Господь Богъ вѣдаетъ, останется ли жива. Двадцать восьмого дня того же года и мѣсяца, когда судьи дѣлали донесеніе о пыткахъ, все общество, сошедшись въ судовую избу, также объявило предъ Ломазскимъ войтомъ, Юріемъ Гречиною, дядею Войненскаго войта, и ландвойтомъ, бурмистрами, райцами, лавниками и сказали, что „мы на Евреевъ не показывали и не обвиняли и обвинять ихъ не хотимъ, потому, что у насъ нѣтъ никакого доказательства и ни отъ кого мы объ этомъ не слыхали". А господинъ Янъ Перепеча, какъ королевскій инстигаторъ (блюститель) Брестской экономіи, будучи вызванъ отъ Войненскихъ Евреевъ, свидѣтельствовалъ (объ ихъ невинности) и протестовалъ, и далъ записать въ протокольныя книги. А потомъ приказано приступить къ составленію декрета, а въ это время послали за Мариною, чтобы изъ тюрьмы пришла на судъ; и когда лавники съ возными ходили за нею и когда она вслѣдствіе такихъ тяжкихъ пытокъ не могла (прійти), тогда судъ послалъ за нею, чтобы приготовлялась къ смерти и чтобы отыскали для нея священника. На это она такъ отвѣчала: „Я готова на смерть; предпочитаю лучше умереть, чѣмъ терпѣть такія боли отъ столь жестокаго мученія, и какъ я, будучи терзаема

въ рукахъ палача безъ всякой причины, никого не обвиняла, такъ и теперь никого не обвиняю, и съ тѣмъ готова идти на тотъ свѣтъ, потому что уже невозможно, чтобы я могла жить". А возные, привлеченные къ этому дѣлу, задержаны были для вынутія и выслушанія декрета, для чего пришелъ и инстигаторъ Брестской экономіи, и декретъ тотъ состоялся въ томъ смыслѣ, что дѣло это совсѣмъ отсылается къ его королевскому величеству. Перваго Іюля возные были въ томъ королевскомъ городѣ Войнѣ и вмѣстѣ съ господиномъ инстигаторомъ просили, чтобы декретъ былъ выданъ господину Перепечѣ; судьи объявили, что „мы вмѣстѣ съ вашими милостями ѣдемъ въ Ломазъ и тамъ мы готовы выдать декретъ при насъ возныхъ и сторонней шляхтѣ. А та Марина Янова Литвинянка отъ тѣхъ невыносимыхъ мукъ отдала Господу Богу душу въ тюрьмѣ. Что мы генералы (возные) видѣли и слышали, присутствуя при настоящемъ дѣлѣ, на то даемъ сей реляцiйный квитъ, съ подписью нашихъ рукъ и за печатью сторонней шляхты, при насъ находящейся, и подаемъ его для записи въ Брестскія городскія книги".

*

Вопросъ объ употребленіи Евреями христіанской крови породилъ цѣлую литературу. Въ настоящее время, конечно, существованіе этого ритуала трудно допустить, также какъ и относительно причащенія нѣкоторыхъ Русскихъ сектантовъ кровью младенцевъ, о чемъ свидѣтельствуютъ обличители раскола XVIII вѣка.

Одно изъ такихъ свидѣтельствъ приводитъ Святитель Димитрій въ своемъ „Розыскѣ". Онъ пишетъ, что въ сосѣдней съ Ярославской, Вологодской губерніи, въ его время (1702—1709) жилъ одинъ раскольникъ-сектантъ, почитаемый за святого. Однажды къ нему пришли два человѣка и сказали, что у нихъ дѣвица родила мальчика. „Той же окаянный мнимый святой рече: Егда та дѣвица родитъ отроча, абіе у новорожденнаго младенца, ножемъ поднявъ груди, измите сердце да принесите на блюдѣ ко мнѣ; идите убо и сотворите, яко же рекъ вамъ. Они же абіе отшедше, по маломъ часѣ принесоша на блюдѣ древянномъ онаго новорожденнаго младенца сердце, еще живо суще и движущееся, и вдаша ему. Онъ же,59 вземъ ножъ, своими руками разрѣза е на четыре части и рече имъ: „Пріимите сіе, въ пещи изсушивъ, истолките". Скверные же тіи слуги окаяннаго онаго Хлыста, шедше сотвориша повелѣнное имъ и паки принесоша къ нему истолченое въ муку младенческое сердце. Хлыстъ же, вземъ листъ писчія бумаги и на малыя бумажки раздробивъ, вложи по малой части истолченнаго сердца въ тѣ бумажки и, призвавъ нѣкіе послушники свои, рече имъ: „Возмите бумажки сіи со святынею". Ѳеофилактъ Лопатинскій упоминаетъ о подобныхъ дѣтоубійствахъ въ своемъ сочиненіи „Обличеніе неправды раскольнической" (1745). Рязанскій епископъ Сумонъ Лаговъ говоритъ какъ „о вящшеемъ злочестіи, заколая младенцевъ, вынимать изъ нихъ сердце и, истолкши его, очаровывать для привлеченія другихъ къ своему единомыслію" *). Кро-

*) Наставленіе правильно состязаться съ раскольниками. М. 1815 г., стр. 338.

мѣ другихъ подобнаго рода свидѣтельствъ, еще болѣе возмутительныхъ и описанныхъ барономъ Гакстгаузеномъ, путешествовавшимъ по Россіи въ началѣ сороковыхъ годовъ [1]), извѣстно дѣло по поводу захвата въ Пензенской губерніи сектантовъ, жившихъ въ лѣсахъ, которые закалывали незаконно-рожденныхъ младенцевъ и спуская младенческую кровь въ бураки, употребляли ее въ просфорахъ, которыми причащались въ своихъ моленіяхъ [2]).

Въ Польшѣ и западномъ краѣ въ XVIII в. также было немало случаевъ, гдѣ народная молва приписывала Евреямъ ритуальныя убійства на подкладкѣ Виленскаго акта 1663 г. Близкія отношенія Русскихъ къ этому краю въ царствованіе Екатерины II, знакомство съ населеніемъ, преувеличенные слухи о ненависти Евреевъ къ христіанамъ породили не только множество разсказовъ, не только письменную литературу, но даже и печатную. Въ 1787 г. въ С.-Петербургѣ вышла книга „Обряды Жидовскіе, въ каждомъ мѣсяцѣ производимые“ [3]). Эта книга въ настоящее время сдѣлалась большою рѣдкостью. Въ ней сказано, что Евреи:

„2-го Апрѣля должны по преданіямъ своимъ мучить отрока христіанскаго и начать мѣсяцъ сей пролитіемъ крови его. Они всемѣрно стараются сокрывать дѣло это и даже смѣются, если кто услышитъ объ ономъ; но всякъ удобно можетъ удостовѣриться въ дѣйствительности онаго, взявъ токмо Талмудъ и прочтя изъ него пятую главу книги Зихфелефъ, въ коей обстоятельно и ясно о семъ писано. Причины же, ради коихъ кровь христіанская для Евреевъ почитается полезною и нужною, показаны слѣдующія: 1. Начарованіе христіанъ, для пріобрѣтенія у нихъ благоволенія и добраго успѣха во всѣхъ дѣлахъ, кои они съ ними имѣть будутъ. 2. Для употребленія при бракахъ, дабы вступившіе въ супружественное состояніе, употребя во снѣдь поднесенное имъ отъ раввина яйцо съ кровію сею смѣшанною, были благонадежны въ снисканіи себѣ счастія у христіанъ. 3. Ради Евреевъ на смертномъ одрѣ лежащихъ, коихъ раввинъ, во время исхода, помазывать имѣетъ кровію сею, смѣшанной съ яичнымъ бѣлкомъ 4. Ради опрѣсноковъ, именуемыхъ у нихъ эвикоменъ, коимъ надлежитъ быть смѣшаннымъ съ кровію христіанскою. 5. Для праздника Амана, въ который раввины должны посылать паствѣ своей брашна, смѣшанныя съ кровію же христіанскою. О семъ писано пространно въ Талмудѣ, какъ въ вышепомянутой книгѣ, такъ и въ двухъ другихъ, Хохмесъ и Наискабесъ именуемыхъ и значащихъ на нашемъ языкѣ: таинственное ученіе. 14-го Апрѣля должны они весьма рано собираться въ сонмище свое и проводить весь день до самаго вечера безъ пищи и питья. Тогда же предписано имъ продавать всякія вещи Христіанамъ и при продажѣ оныхъ говорить: Энніоне Селвиги Бешкаемъ, то есть да поможетъ мнѣ Богъ обижать тебя поганина чрезъ цѣлый годъ въ сей день. Въ томъ же мѣсяцѣ творятъ умершимъ поминовеніе, называемое у

---

[1]) Православный Собесѣдникъ 1858 г., № 7, стр. 404.

[2]) Сборникъ постановленій по части раскола, кн. I, стр. 495.

[3]) Это изданіе было потомъ въ 1800 г. перепечатано въ Смоленскѣ (Сопиковъ, №№ 6979 и 6980).

нихъ сминацаресъ, и въ сей день не проклинаютъ христіанъ по той причинѣ, что тогда не имѣютъ, какъ говорятъ, до живыхъ дѣла, а мертваго никого клясти имъ не должно; и тогда же пріемлются письменныя свидѣтельства отъ раввиновъ, что всѣ свои обряды точно и надлежащимъ образомъ исполнили. Наконецъ возвращаются въ домы, отославъ къ приверженнымъ себѣ пріязнію христіанамъ, а особливо господамъ своимъ разныя вкусныя брашна, смѣшанныя съ вышереченнымъ эвикоменомъ".

И Польша не отставала въ это время отъ печатанія книгъ, направленныхъ противъ Евреевъ. Въ рукописяхъ изслѣдователя раскола П. И. Мельникова, поступившихъ къ нему отъ Липранди, есть переводъ съ очень рѣдкой книги, напечатанной на Польскомъ языкѣ, „Тайны злонравія Жидовъ и любопытные ихъ обряды" *). Тамъ съ 19 страницы идетъ цѣлая глава, носящая названіе „О злобѣ Жидовъ". „Если злоба Жидовъ, которую они питаютъ въ сердцахъ своихъ къ христіанамъ, доказана уже примѣрами, то оная яснѣе подтверждается тѣмъ, что они, и даже болѣе образованные изъ нихъ, явно ее обнаруживаютъ.

Быть можетъ, что кто-либо, читая нелѣпости Талмудовы, не видя самаго Талмуда, сочтетъ оныя выдумкою Христіанъ, желающихъ привести Жидовъ въ омерзѣніе; но какъ извѣстно, что Жиды сами другъ друга въ томъ упрекаютъ, то и нѣтъ сомнѣнія въ существованіи тѣхъ нелѣпостей. Итакъ да будетъ извѣстно и въ особенности защитникамъ Жидовъ, что около ста лѣтъ стала усиливаться въ Турецкихъ владѣніяхъ секта Евреевъ, которые отвергли Талмудъ, раввинами написанный, потому что въ немъ содержатся очевидныя басни и наука злобы, унижающія Бога и истребляющія любовь къ ближнему, которая согласно 10 заповѣдямъ Божіимъ должна распространяться и на всѣ народы другихъ религій; сверхъ того они прибавили и еще нѣкоторые догматы своей вѣры, равно замѣчанія и разсужденія изъ Св. Писанія, близкія къ закону христіанскому и истинамъ Евангелія.

Когда сіе стало извѣстно и много въ Каменецъ-Подольской и Волынской губерніяхъ явилось Евреевъ, называемыхъ Сіапеціасвинцами или Контро-Талмудистами, то Жиды начали ихъ угнетать, обвинять, ловить, а тѣ, желая оправдаться, составили въ консисторіи Каменецъ-Подольской манифестъ и приономъ объявили слѣдующіе пункты:

1. Мы вѣримъ тому, чтó Богъ въ Ветхомъ Завѣтѣ заповѣдалъ и научилъ.

2. Священнаго Писанія разумъ человѣческій постигнуть съ пользою можетъ не иначе, какъ только по особенному откровенію Божію.

3. Талмудъ наполненъ неслыханнымъ богохуленіемъ и потому долженъ быть отвергнутъ.

4. Одинъ есть Богъ, и Онъ всѣхъ твореній Создатель.

5. Сей Богъ въ трехъ лицахъ по естеству недѣлимый.

6. Богу возможно принять на себя плоть человѣческую и быть подвержену всѣмъ страстямъ, но не грѣху.

7. Городъ Іерусалимъ не будетъ возобновленъ по предсказанію пророковъ.

8. Мессія, обѣщанный въ Св. Писаніи, уже не пріидетъ.

9. Самъ Богъ проклятіе, лежащее на праотцахъ нашихъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и на всемъ родѣ человѣческомъ, уничтожитъ.

---

*) Рукопись моего собранія № 2360.

Контро-Талмудисты послѣ обвиненія, поданнаго Жидами-фарисеями, совершенно оправданы свидѣтелями.

Въ 1760 году въ Львовѣ была напечатана на Польскомъ языкѣ книга „Злость Евреевъ противъ христіанъ“. X-я глава этой книги носитъ названіе „Объ обрядахъ Еврейскихъ“ и излагаетъ всѣ нелѣпыя измышленія раввина Раваше и др. Въ бумагахъ Липранди *) есть еще такого рода списокъ: „Переводъ съ Нѣмецкаго языка. Симеонъ, усопшій въ Тріентѣ младенецъ, въ 21 день Марта 1475 года во время страстной недѣли былъ убитъ Жидами въ городѣ Тріентѣ и сдѣлался святымъ мученикомъ. Когда Жиды, пребывающіе въ томъ городѣ, торжествовали по ихъ обряду пасху, и когда не достало имъ христіанской крови для употребленія въ ихъ опрѣсноки или мацу, то они украдкою заманили означеннаго младенца въ домъ Жида Самуила такимъ образомъ. За три дня передъ Свѣтлымъ Воскресеніемъ младенецъ сей сидѣлъ около вечерни передъ домомъ отца своего въ отсутствіи родителей. Тобій, Жидовскій предатель, приблизившись къ сему ребенку, которому не было еще тридцати мѣсяцевъ, приласкавъ его и уговоривъ ласковыми словами, принесъ его въ домъ Самуила. Когда настала ночь, то Евреи Самуилъ, Тобіазъ, Виталисъ, Моисей, Израиль и Майеръ радовались предъ синагогою о пролитіи христіанской крови; потомъ, раздѣвши дитя, наложили около шеи снурокъ, чтобы не слышно было его крику, растянули ему рўки, отрѣзали мужской его членъ, изъ правой щеки вырѣзали кусочекъ и кололи его по всему тѣлу острыми колкими иглами, державши одинъ рўки, а другой нóги. Потомъ какъ они жестокимъ образомъ собрали его кровь, начали воспѣвать хвалу Богу и привѣтствовать младенца насмѣшками и угрозами: пріими, распятый Іисусъ! Такимъ же образомъ поступили съ тобою наши предки, да будетъ такъ сдѣлано со всѣми христіанами въ небесахъ, на землѣ и на моряхъ. А между тѣмъ невинный ребенокъ скончался мученическою смертію. Жиды поспѣшили къ ужину и ѣли опрѣсноки, смѣшанные съ кровью, въ поруганіе нашего Христа Спасителя, а потомъ бросили трупъ въ воду недалеко отъ ихъ дома и торжествовали свою пасху съ радостію. Огорченные родители искали пропавшаго младенца и нашли его, спустя три дня, въ рѣкѣ. Когда сіе донесено было Іоансену Салискому, благоразумному гражданину, Бриксену, доктору государственныхъ правъ, тогдашнему верховному попечителю, то онъ велѣлъ поймать означенныхъ Жидовъ и пыткою до тѣхъ поръ мучить, пока они по порядку признались, какимъ образомъ учинили сіе злодѣяніе, кои потомъ претерпѣли заслуженное ими наказаніе. Когда по приказанію Іоансена Гиндербарха бискупа похоронили тѣло младенца, то въ томъ мѣстѣ скоро началъ онъ творить чудеса, и стали приходить со всѣхъ сторонъ ко гробу младенца такимъ образомъ, что городъ отъ того имѣлъ большія выгоды, а граждане воздвигли младенцу прекрасную церковь.

---

*) Рукопись, № 2360. л. 20 об.

Происшествіе сіе со всею подробностію описано въ книгѣ „Житіе Святыхъ“, печатанной на Польскомъ языкѣ въ Вильно въ 1747 году“.

Въ Люблинѣ въ 1753 году на Польскомъ языкѣ была издана книга „Трактатъ раввина Самуила“, доказывающій Еврейскія заблужденія относительно ожидаемаго ими пришествія Мессіи. Мы приведемъ изъ этой книги лишь XII-й пунктъ прибавленія къ трактату [1]).

Покупаютъ ли Евреи дѣтей христіанскихъ и умерщвляютъ ли оныхъ?

Отвѣчаю, что сіе дѣйствительно существуетъ: то окажется изъ нижеписанныхъ происшествій. 1534 года въ Англійскомъ городѣ Нордвичѣ Евреи, похитивъ младенца христіанскаго, питали его цѣлый годъ, приготавливая къ убіенію предъ наступленіемъ Св. Пасхи; но сіе злодѣйственное ихъ намѣреніе, открытое прежде совершенія, не исполнилось: изобличенные же въ ономъ Евреи были наказаны. О семъ повѣствуетъ въ лѣтописяхъ церковныхъ ксендзъ Квяткевичъ 1234 года подъ № 10.

Сей же писатель подъ 1255 годомъ № 18 повѣствуетъ, что въ Англійскомъ городѣ Линкольнѣ Евреи, похитивъ осьмилѣтняго младенца, сѣкли его бичами и, увѣнчавъ сплетеннымъ изъ тернія вѣнцомъ, распяли его на крестѣ. Послѣ исторгнувъ изъ него внутренности на разныя чарованія, тѣло дважды закапывали въ землю, но дважды земля извергала оное наверхъ. Наконецъ, Евреи бросили тѣло въ колодезь. Но мать убіеннаго младенца, нашедши тамъ оное, объявила судьѣ. Хозяинъ сего дома пойманъ и, сознавшись въ преступленіи, растерзанъ лошадьми, девяносто же Евреевъ отведены въ Лондонъ для совершенія надъ ними смертной казни.

Наконецъ, въ тѣхъ же бумагахъ Липранди любопытный документъ, дополняющій акты Виленской комиссіи [2]) „Декретъ Люблинскаго трибунала 1598 года, послѣдовавшій по случаю умерщвленія четырехлѣтняго младенца, по имени Альберта, Евреями Громкомъ, Маркомъ съ Шаховичъ, отцомъ Громка, арендатора корчемъ и мельницъ возницкихъ, также Гайчикомъ и Іоакимомъ, Евреями изъ города Мендзыржеца, принадлежащаго канцлеру великаго княжества Литовскаго Льву Сапѣгѣ“.

Умерщвленный младенецъ найденъ въ болотѣ при деревнѣ Возники исколотый и изрѣзанный. Изобличенные Евреи въ смертоубійствѣ не сознались добровольно. Судъ приказалъ произвести надъ ними пытки, послѣ коихъ каждый изъ нихъ предъ судомъ показалъ слѣдующее.

Показаніе Еврея Яхима: по обыкновенію Евреевъ посылать недостаточныхъ къ имѣющимъ хорошее состояніе, для прокормленія, я былъ посланъ къ Маркѣ въ деревню Возницы на пасху, и какъ я ничѣмъ не былъ занятъ, то онъ Марко приказалъ мнѣ самому ходить въ его горницу за пищею, когда въ оной буду имѣть нужду. Вошедъ туда въ Четвертокъ передъ Еврейскою пасхою, увидѣлъ я подъ дѣтскою кроватью красивый, новый гор-

---

[1]) Стр. 419.

[2]) Рукопись № 2360, л. 26 об.

шокъ, покрытый бѣлымъ фартукомъ, и полагая, что въ ономъ былъ медъ, хотѣлъ оный употребить съ хлѣбомъ, но отвѣдавъ пальцемъ, замѣтилъ, что то былъ не медъ, а что-то красное. Вышедъ изъ горницы въ избу, гдѣ находилась одна хозяйка, жена Марки, спросилъ я у нея, чтó такое было въ горшкѣ подъ кроватью? На что она мнѣ отвѣчавши, что то была кровь христіанскаго младенца, приказала не сказывать никому. Послѣ же сказаннаго горшка я болѣе не видалъ и куда онъ дѣвался, не знаю. Когда мы были уже пойманы и всѣ вмѣстѣ заключены, то онъ Марко убѣждалъ насъ, дабы, имѣя надежду на Бога, хотя бы насъ предали мученію, не сознавались. Онъ сіе убѣжденіе повторялъ и здѣсь въ Люблинѣ, когда насъ предполагаемо было предать мученію, и когда одинъ былъ взятъ на оное, то онъ остальныхъ насъ убѣждалъ, дабы мы ни въ чемъ не сознавались. Онъ также показалъ, что Настасья, имѣющая свою хижину неподалеку отъ корчмы, въ которой живетъ Марко, сказала, что когда она предъ Еврейскою пасхою приходила брать пиво изъ погреба Еврейскаго, для продажи, то видѣла сего умерщвленнаго младенца подъ бочками. Онъ сознался и въ томъ, что слышалъ отъ другихъ Евреевъ объ употребленіи во время пасхи крови христіанской, но для чего, не знаетъ.

Послѣ доложено было суду, что невѣрный Еврей Аронъ желаетъ объявить всю истину сего дѣла, и когда въ судъ былъ приведенъ, показалъ добровольно, что въ довольно нарочитое время, прежде Еврейской пасхи, просилъ его Зельманъ изъ Мендзержицы о доставленіи христіанскаго младенца. Послѣ сего, когда онъ, отвезши солодъ, изъ Лосицы возвращался домой вмѣстѣ съ Исаакомъ повстрѣчали младенца, сидящаго возлѣ дороги. Исаакъ сказалъ мнѣ: „вѣдь ты знаешь, о чемъ тебя просилъ Зельманъ?“ И приказалъ мнѣ взять того младенца; я же, взявъ его, посадилъ на возъ, и такимъ образомъ привезли мы его оба къ отцу моему Маркѣ въ Возницы, гдѣ его скрывали нѣсколько недѣль, котораго потомъ Исаакъ и Зельманъ, прибывшіе по увѣдомленію, изъ Мендзыржеца, зарѣзали и наняли Настасью вынести младенца изъ дому. Показалъ также, что слышалъ отъ Евреевъ, что тѣ, которые могутъ достать кровь христіанскую, употребляютъ оную въ винѣ, но для чего, не знаетъ.

Все сіе повторилъ онъ добровольно, по собственному желанію въ присутствіи невѣрныхъ Евреевъ Люблинскихъ Мовши Докторовича, Соломона Школьника и Соломона доктора медицины, также и при старѣйшинахъ Люблинскихъ, добавивъ, что знаетъ обстоятельно, что при рѣзаніи младенца присутствовалъ Исаакъ.

Напослѣдокъ приведенный предъ судъ невѣрный Исаакъ Гайчинъ сознался въ слѣдующемъ: что сего младенца Аронъ Громекъ, взявши посадилъ въ погребъ; показалъ также, чтó Мошко Зельманъ пріѣхалъ изъ Мендзержица, когда былъ пойманъ младенецъ и когда въ погребѣ скучалъ онъ, то Настасья ходила туда утѣшать его. Послѣ Мошко съ Зельманомъ, взявъ младенца, перенесли черезъ горницу, и Исаакъ, взявъ ножъ, которымъ рѣ-

жутъ скотину, пошелъ за нимъ, гдѣ рѣзали онаго младенца слѣдующимъ образомъ: Мошко рѣзалъ или лучше кололъ съ Зельманомъ около груди, а онъ, то есть Исаакъ, рѣзалъ руки, послѣ кровь испустили въ горшокъ, и большую часть оной взяли съ собою въ Мендзыржицъ, оставивъ нѣсколько Исааку, который сказываетъ, что жена смѣшала оную съ тѣстомъ. Хлѣбъ сей зовутъ по-еврейски эвикоменъ, что̀ значитъ: да поможетъ Господь Богъ. Сію кровь льютъ и въ вино, кто имѣетъ оной много: но здѣсь, за недостаткомъ, употребляютъ ее только въ калачи. Кажется, что Зельманъ употреблялъ оную и прежде, ибо меня тому научилъ. Сіе показалъ и бывшій съ нимъ изъ Мендзыржеца Мошко. Когда же спрошенъ былъ, почему умерщвляемыхъ ими толь часто младенцевъ не хоронятъ въ землю, отвѣчалъ, что мы не должны невѣрнымъ оказывать милосердія и, похоронивши ихъ, мы бы согрѣшили.

А какъ Аронъ объявилъ желаніе воспріять Св. крещеніе, то судъ командировалъ изъ среды себя четырехъ членовъ для узнанія истинной причины сего его желанія, то-есть, справедливо ли оно, или только принято для освобожденія. Командированные для изслѣдованія члены, приказавъ его привести, спрашивали: „Послушай, Еврей, мы слышали, что ты хочешь быть христіаниномъ: пріятно намъ это, но ты, кажется, дѣлаешь сіе для освобожденія себя; однакожъ сіе тебя не спасетъ, ты долженъ умереть". Онъ имъ отвѣчалъ: „Хочу быть христіаниномъ, господа, хочу креститься". На вопросъ же: „Желаешь ли умереть христіаниномъ?" сказалъ: „Желаю". Послѣ сего сказано ему: ты думаешь, что здѣсь говорятъ о смерти натуральной; но знай, что за столь омерзительный поступокъ лишишься головы, и потому спрашиваемъ только, какъ желаешь умереть, Евреемъ ли или христіаниномъ? Воспріятіе Св. крещенія не можетъ тебя спасти отъ наказанія, священное правосудіе лишитъ тебя головы. На сіи слова смущенный Еврей молчалъ, и примѣтенъ былъ на немъ страхъ близкой смерти, но послѣ сказалъ, что когда ужъ немилость ваша, господа, и я долженъ лишиться головы, то желаю лучше умереть Евреемъ. Спрашивали послѣ, все ли то правда, что сказалъ на пыткахъ и свободно предъ судомъ, то-есть, что взялъ младенца и что Мошко, Зельманъ и Исаакъ изъ Мендзыржеца зарѣзали его? Созналъ, что правда. Показалъ также, что кровь христіанскую употребляютъ по возможности во время пасхи въ винѣ, и что также оную употребляютъ въ сладкомъ хлѣбѣ, опрѣснокн.

Настасья, которую, во-первыхъ Яхимъ, а послѣ Марко и Аронъ сами вспомнили на пыткахъ, прежде подверженія ея онымъ, добровольно показала предъ судомъ, что когда съ Еврейкою несла тѣло умерщвленнаго младенца въ болото, Еврейка ей сказала: ежели бы мы сего мальчика похоронили, всѣ бы погибли. Послѣ на вопросъ Настасьи Еврейка сказала, что когда бы наши на великую недѣлю крови христіанской не достали, не былъ бы у насъ великъ день, т. е. пасха. Сіе же самое она и на пыткахъ повторила. Преступники, по приговору сего декрета, были наказаны смертною казнію.

Кромѣ этихъ выписокъ изъ рукописи Липранди до половины XIX вѣка существовало немало дѣлъ, хотя большею частію очень сомнительныхъ. Одинъ изъ самыхъ любопытныхъ процессовъ былъ безъ сомнѣнія Велижскій въ 1823 г., окончившійся въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта, а другой — Кавказскихъ Евреевъ мѣстечка Сурама (около Тифлиса), обвинявшихся въ убійствѣ трехлѣтняго Грузинскаго христіанскаго ребенка. По этому обвиненію была переписка между намѣстникомъ Кавказскимъ княземъ Воронцовымъ и извѣстнымъ филантропомъ Монтефіори. Въ „Русскомъ Архивѣ“ по этому дѣлу есть характерное письмо князя Воронцова къ сенатору М. П. Щербинину отъ 13-го Декабря 1855 года *), изъ котораго видно, что князь Воронцовъ „удостовѣрился въ дѣйствительности убійства Евреями“. Библіографическій списокъ всѣхъ извѣстныхъ въ печати такого рода дѣлъ былъ бы очень длиненъ и не входитъ въ нашу задачу. Въ данномъ случаѣ сектанты, фанатики, и Русскіе Хлысты и Еврейскіе Хасиды основываютъ свои ритуалы на ложномъ толкованіи священныхъ книгъ. Первые —на Евангеліи (Луки глава 2—ст. 21.), вторые—на Библіи (книга Числъ, глава 23, ст. 24), и нужно немало Талмудической изворотливости, чтобы изъ словъ „Се людіе яко львичища возстанутъ, и яко левъ вознесется: не уснетъ, дондеже снѣсть ловъ и кровь посѣченыхъ испіетъ“,—чтобы изъ этихъ словъ сдѣлать такое ужасное примѣненіе.

Огонь и кровь съ самыхъ первыхъ проблесковъ человѣческой исторіи были предметомъ поклоненія. Остается это поклоненіе до нашихъ дней, и думается, что будетъ существовать оно на землѣ во все время бытія человѣческаго.

1902. Февраль 14.

А. Титовъ.

---

*) Рус. Архивъ 1870 г., стр. 2221.

ПИСЬМО ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА

къ великой княгинѣ Аннѣ Ѳеодоровнѣ [1]).

Считая себя потерпѣвшею неудачу въ выборѣ обѣихъ своихъ невѣстокъ, Екатерина Великая, на склонѣ лѣтъ своихъ, въ постоянномъ попеченіи о будущности Россіи, озаботилась супружествомъ двухъ старшихъ своихъ внуковъ, изъ которыхъ перваго воспитывала она себѣ въ преемника, а второму тоже готовила положеніе царственное; и выборъ ея, уже не внушенный злымъ сосѣдомъ (она звала его въ письмахъ къ Гримму Старымъ Иродомъ), оказался вполнѣ благопріятнымъ. Въ Русской исторіографіи со временемъ заблещетъ имя императрицы Елисаветы Алексѣевны, одаренной высокими качествами ума и сердца, воспѣтой Карамзинымъ и Пушкинымъ. Добрую оставила по себѣ память по отношенію къ Россіи и принцесса Саксенкобургская Юлія, вступившая въ бракъ съ Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ въ Февралѣ 1796 года и, по словамъ ея брата, Бельгійскаго короля Леопольда, охотно прощавшая ему странности и гнѣвныя вспышки за доброту сердца и образованность. Дѣтей у нихъ не было. Въ автобіографической запискѣ своей король Леопольдъ свидѣтельствуетъ, что сестра его не разошлась бы съ своимъ супругомъ, не будь вмѣшательства чужаго. Родившись 23 Сентября 1781 г., она прожила въ Россіи всего лѣтъ шесть, но имя великой княгини Анны Ѳеодоровны въ теченіе почти четверти вѣка поминалось у насъ за каждымъ богослуженіемъ. Не знаемъ, успѣла ли она хорошо выучиться по-русски, но осталась вѣрна нашему закону, а братъ ея Леопольдъ, много лѣтъ служившій въ Русской гвардіи, до конца дней своихъ не разучился Русскому языку и подъ старость даже намѣревался устроить православную церковь въ своемъ замкѣ Лакенѣ близъ Брюсселя. Анна Ѳеодоровна сочувственно отзывалась на то, что̀ происходило въ Россіи. Она переписывалась и съ княземъ П. А. Вяземскимъ. Жила она долго въ Женевѣ, гдѣ у нея была православная домовая церковь, а скончалась въ Эльфенау, близъ Берна, 15 Мая 1860 г. П. Б.

*

S-t Pétersbourg, le 6 Janvier 1820.

Fidèle à la promesse que je vous ai faite, chère amie, lors de notre dernière entrevue, je prends la plume pour vous dire, que le projet de divorce n'a été ajourné par mon frère, il y a un an, qu'à cause de la mort de ma soeur[2]). Cette intention ne l'a jamais abandonné. Il vient de faire un très court séjour à Pétersbourg pour remettre sur le tapis cette

---

[1]) Извлечено изъ „Сборника старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина" (ч. X, стр. 175), гдѣ находится и собственноручный подлинникъ этого доселѣ неизвѣстнаго и достопамятнаго письма. П. Б.

[2] Королевы Виртембергской Екатерины Павловны.

affaire et a présenté une lettre en forme pour demander son divorce, écrite avec la plus grande franchise. Il ne cite pour toute raison que l'éloignement dans lequel vous vous trouvez depuis 19 ans de lui pour cause de santé, ainsi que la déclaration que vous lui avez faite en Suisse l'année 1814, de ne plus vouloir jamais revenir en Russie pour la même cause. Cette lettre, à sa demande, a du être envoyée au Synode, qui, après l'avoir examiné avec attention, a trouvé qu'une union conjugale, dont les époux se trouvent séparés depuis plus de 18 ans, sans nul espoir de jamais se réunir, ne pouvoit plus être regardée, d'après les règles de notre Église, comme une union existante, et conséquemment d'après cela, que la demande en séparation devoit être admise et accordée.

Je me hâte donc, chère amie, de vous faire connaître ces faits, pour que vous preniez vos mesures relativement à vos parents d'après ce que nous sommes convenus avec vous, c'est-à-dire, que vous les prépariez à la chose, en leur disant que vous-même, de votre côté, vous avez désiré la chose et que vous m'en avez *parlé* et *écrit* dans ce sens. Vous aurez tout le tems de vous occuper de ce soin, car avant que les actes soyènt dressés, sanctionnés, signés et surtout rendus publics etc., il se passera bien trois semaines, ou peut-être même au-de-là.

Quand à la rédaction de ces pièces, vous pouvez vous *fier à moi*. Il y sera question *comme de raison* aussi des 19 années d'absence, dans laquelle vous deux vous vous trouvez à cause de votre santé. Votre liste vous reste, et à cette occasion je soignerai ce que nous sommes convenus, quand aux fonds que vous touchez de Russie. De cette façon, puisque la chose n'a pû s'éviter, du moins je crois qu'elle sera faite de la meilleure manière possible et avec tous les égards convenables. L'empêcher n'étoit pas faisable: mon frère étoit trop désireux de sa liberté, et les 19 années d'absence, avec votre résolution de ne plus revenir en Russie, lui donnent des droits trop incontestables pour que la chose aye pu lui être refusée. En réfléchissant bien à tout ce que je viens de vous dire, je suis sûr que vous en conviendrez vous-même et que vous trouverez qu'au fond votre position ne change pas de beaucoup, surtout si vous aurez le bon esprit de répondre, dans toutes les occasions qui pourront se présenter, la vérité: que vous avez désiré la chose vous-même. Quand à moi, chere amie, vous pouvez compter qu'à tout jamais, soit mon amitié pour vous, soit mes rélations avec vous resteront éternellement les mêmes.

J'envoye la présente par un courrier exprès; mais pour n'y pas donner d'apparance, il remettra ma lettre à monsieur de Ckanicoff *), qui

*) Ханыковъ былъ нашимъ посланникомъ въ Дрезденѣ.

vous l'enverra par une occasion sûre, et le courrier continuera sa route pour la Haye et Londres. Quand tout sera terminé dans trois semaines ou un mois d'ici, je vous adresserai un courrier directement avec l'acte en question et j'ose croire que vous le trouverez dans un sens convenable.

Adieu, chère amie, conservez moi votre ancienne amitié et croyez à toute la sincérité de l'attachement que je vous ai voué. Mille hommages à la duchesse votre mère, à Sophie, à votre belle-soeur, ainsi que mes amitiés à votre frère. A.

P. S. Toute cette affaire à été conduite secrétement et restera ignorée jusqu'à la confection définitive de l'acte.

Переводъ. Петербургъ, 6 Января 1820.

Оставаясь вѣрнымъ обѣщанію, которое я далъ вамъ, мой дорогой другъ, въ наше послѣднее свиданіе, беру перо, чтобы сказать вамъ, что братъ мой годъ тому назадъ отсрочилъ разводъ только по поводу смерти моей сестры, намѣренія же своего онъ не оставлялъ никогда. Онъ пріѣзжалъ на очень короткое время въ Петербургъ, чтобы возобновить это дѣло, и представилъ офиціальное письмо съ просьбой о разводѣ. Оно написано съ полной искренностью. Въ видѣ причины развода, мой братъ выставляетъ единственно ваше удаленіе отъ него, въ которомъ, по состоянію вашего здоровья, вы живете вотъ уже 19 лѣтъ, а также заявленіе, вами сдѣланное ему въ Швейцаріи, въ 1814 году, что, по тѣмъ же обстоятельствамъ, вы болѣе никогда не намѣрены возвращаться въ Россію. Согласно его желанію, письмо это должно было передать въ Синодъ, который, внимательно разсмотрѣвъ дѣло, нашелъ, что, по правиламъ нашей Церкви, нельзя признавать существующимъ такой брачный союзъ, при которомъ супруги болѣе 18 лѣтъ находятся въ разлукѣ, безо всякой надежды когда-либо соединиться. Изъ этого слѣдовало, что просьбу о разлученіи должно было принять и удовлетворить.

Я спѣшу, дорогой другъ, извѣстить васъ объ этомъ, чтобы вы приняли свои мѣры по отношенію къ вашимъ родителямъ, въ томъ смыслѣ, какъ мы съ вами условились, то есть вы должны приготовить ихъ къ событію, сказавъ имъ, что, съ своей стороны, также его желали и что вы *говорили* и *писали* мнѣ въ этомъ духѣ. У васъ будетъ достаточно времени озаботиться этимъ, ибо до того какъ постановленія будутъ выработаны, утверждены, подписаны, а тѣмъ болѣе обнародованы, навѣрное пройдетъ недѣли три, а можетъ быть и болѣе того.

Что касается до изложенія этихъ постановленій, вы можете *положиться на меня.* Само собой разумѣется, въ нихъ будетъ говориться о 19-ти лѣтнемъ разлученіи, въ которомъ вы находитесь по причинѣ вашего здоровья. Ваши доходы останутся неизмѣнными, и я устрою при этомъ случаѣ все, что касается вашихъ денежныхъ дѣлъ въ Россіи такъ, какъ мы съ вами условливались. Такъ какъ самаго событія нельзя было отвратить, то по крайней мѣрѣ оно произойдетъ наилучшимъ изъ возможныхъ способовъ, со всѣми необходимыми предосторожностями. Воспрепятствовать ему было

немыслимо; братъ мой слишкомъ желалъ своей свободы, а ваше 19-ти лѣтнее отсутствіе въ связи съ вашимъ рѣшеніемъ не возвращаться въ Россію давало ему слишкомъ неоспоримыя правà, чтобы можно было отвергнуть его прошеніе. Я увѣренъ, что, поразмысливъ хорошенько обо всемъ, что̀ я вамъ сейчасъ сказалъ, вы сами съ этимъ согласитесь. Вы найдете также, что въ сущности ваше положеніе мало измѣняется и особенно если вы будете во всѣхъ случаяхъ, которые вамъ могутъ представиться, отвѣчать правду: то есть, что вы сами желали развода. Что̀ касается меня, дорогой другъ, то вы можете быть увѣренною, что рѣшительно всегда и моя дружба и мои отношенія къ вамъ останутся вѣчно неизмѣнными.

Настоящее письмо я посылаю съ нарочнымъ курьеромъ; но, чтобы это не было слишкомъ явно, онъ передастъ его г. Ханыкову, который и перешлетъ его вамъ при вѣрномъ случаѣ, а курьеръ отправится далѣе въ Гаагу и Лондонъ. Когда недѣли черезъ три отъ сего дня или черезъ мѣсяцъ все будетъ окончено, я отправлю курьера непосредственно къ вамъ съ оффиціальнымъ постановленіемъ. Я смѣю надѣяться, что вы найдете его составленнымъ въ желанномъ духѣ.

Прощайте, дорогой другъ, сохраните ко мнѣ вашу давнюю дружбу и вѣрьте въ искреннюю привязанность къ вамъ. Тысячу разъ выражаю уваженіе вашей матушкѣ герцогинѣ, Софьѣ и вашей невѣсткѣ, такъ же какъ и мою дружбу вашему брату. А.

P. S. Все дѣло велось въ тайнѣ и никому не будетъ извѣстно до окончательнаго утвержденія его.

*

Разводъ великаго князя Константина Павловича, его женитьба на Полькѣ Грудзинской, отрѣченіе отъ наслѣдованія престола въ Россіи, полное обольщеніе Поляками имѣли большое значеніе въ судьбахъ Царства Польскаго и въ исторіи Россіи. Этимъ разводомъ отчасти подготовленъ мятежъ 1830—1831 годовъ, когда

Въ крови до пятъ мы бились съ мертвецами,
Встававшими для новыхъ похоронъ. П. Б.

ФОРМУЛЯРНЫЙ СПИСОКЪ О СЛУЖБѢ

ординарнаго академика Императорской Академіи Наукъ, тайнаго совѣтника Василія Андреевича Жуковскаго.

Составленъ Іюля 1850 г.

Тайный совѣтникъ Василій Андреевичъ Жуковскій, ординарный академикъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, 67 лѣтъ. Вѣроисповѣданія православнаго. Орденовъ: Бѣлаго Орла, св. Владимира 2-й степени, св. Анны и св. Станислава 1-й степени кавалеръ, имѣетъ знакъ отличія безпорочной службы за XXV лѣтъ. Содержанія по Академіи не получаетъ.

Родовое—не имѣетъ.

Благопріобрѣтенное — имѣетъ въ Лифляндіи помѣстье въ 120 душъ крестьянъ.

Во время служенія въ Московскомъ ополченіи, съ 10 Августа 1812 по 1814 годъ Декабря 20, былъ въ походахъ при князѣ Кутузовѣ Смоленскомъ и въ дѣйствительныхъ сраженіяхъ Августа 26 при селѣ Бородинѣ и 6 Ноября при городѣ Красномъ.

Въ отставкѣ: Былъ въ 1789 Ноября 8, съ 1800 Февраля 15, съ 1802 Апрѣля 30 по 1812 Апрѣля 10, и съ 1814 Декабря 20 по 1818 Февраля 3, безъ награжденія чиномъ.

Женатъ.

Въ службу вступилъ въ Астраханскій гусарскій полкъ сержантомъ 1785 г

Произведенъ въ прапорщики и принятъ въ штатъ генералъ-поручика Кречетникова младшимъ адъютантомъ. 1789 г. Іюля 9.

По прошенію уволенъ безъ награжденія чиномъ. 1789 г. Ноября 8.

Опредѣленъ въ Главную Соляную Контору съ переименованіемъ въ городовые секретари. 1800 г. Февраля 15.

Произведенъ въ губернскіе секретари. 1800 г. Октября 18.

По имянному высочайшему указу произведенъ въ титулярные совѣтники. 1801 г. Октября 14.

По прошенію изъ Главной Соляной Конторы уволенъ для опредѣленія къ другимъ дѣламъ. 1802 г. Апрѣля 30.

По обнародованіи высочайшаго манифеста въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1812 года о составленіи военной силы, принятъ въ Московское ополченіе поручикомъ. 1812 г. Августа 10.

За отличіе въ сраженіяхъ награжденъ чиномъ штабсъ-капитана и орденомъ св. Анны 2 класса. 1812 г. Ноября 6.

Сверхъ того въ продолженіе всей кампаніи 1812 года находился и ревностно исполнялъ возлагаемыя на него обязанности при дежурствѣ главнокомандующаго арміями князя Кутузова Смоленскаго. Имѣетъ серебряную медаль въ память 1812 г. По случаю роспуска ополченія, отъ службы Московской военной силы уволенъ. 1814 г. Декабря 20.

Философическимъ факультетомъ Императорскаго Дерптскаго Университета удостоенъ званія доктора философіи. 1816 г. Апрѣля 8.

За представленныя на высочайшее усмотрѣніе стихотворенія свои всемилостивѣйше пожалованъ брилліантовымъ перстнемъ, съ вензелевымъ именемъ Его Величества. 1816 г. Декабря 16.

По высочайшему имянному указу за отличныя въ Россійской словесности произведенія пожалованъ пенсіономъ по 4000 р. въ годъ. 1816 г. Декабря 30.

Назначенъ въ должность наставника въ Россійскомъ языкѣ при Ея Императорскомъ Высочествѣ Государынѣ Великой Княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ высочайше повелѣно состоять по министерству духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Всемилостивѣйше пожалованъ въ члены Россійской Академіи. 1818 г. Октября 5.

Въ коллежскіе ассесоры. 1818 г. Марта 23.

Въ надворные совѣтники. 1823 г. Января 5.

По высочайшему повелѣнію, за исправленіе должности по преподаванію Россійскаго языка Ея Императорскому Высочеству Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, выдано ему изъ кабинета Его Величества вмѣсто жалованья 5000 рублей. 1824 г. Февраля 5.

Имяннымъ высочайшимъ указомъ, за усердную службу всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена св. Анны 2-й степени съ алмазными украшеніямя. 1824 г. Апрѣля 6.

Будучи назначенъ наставникомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Николаевича, именнымъ высочайшимъ указомъ за ревностную службу всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена св. Владимира 3-й степени. 1825 г. Іюля 12.

Всемилостивѣйше пожалованъ:

Въ коллежскіе совѣтники. 1826 г. Августа 22.

Въ статскіе совѣтники съ старшинствомъ съ 1828 г. Августа 30.

Пожалованъ кавалеромъ Прусскаго ордена Краснаго Орла 2-ой степени. 1829 г. Августа 30.

Всемилостивѣйше пожалованъ:

Въ дѣйствительные статскіе совѣтники. 1830 г. Августа 30.

Арендою по чину. 1831 г. Мая 29.

Кавалеромъ ордена св. Станислава 1-ой степени. 1833 г. Августа 30.

Пожизненною арендою по 3000 р. сер. въ годъ. 1834 г. Апрѣля 20.

Знакомъ отличія безпорочной службы за XX лѣтъ. Имѣетъ грамоту на оный за № 167. 1835 г. Августа 22.

Кавалеромъ ордена св. Анны 1-ой степени. 1835 г. Августа 22.

Отъ Ея Величества Государыни Императрицы, табакеркою съ портретомъ, осыпанною бриллiантами. 1838 г. Января 1.

Награжденъ орденами:

Шведской Полярной звѣзды 1-ой степени. 1838 г. Января 1.

Датскаго Данеброха 1-ой степени. 1838 г. Iюля 11.

Ганноверскаго Гвельфовъ 1-ой степени. 1838 г. Iюля 11.

Прусскаго Краснаго Орла 2-ой степени со звѣздою. 1838 г. Iюля 11.

Австрiйскаго желѣзной Короны 1-ой степени. 1839 г. Марта 12.

Виртемберскаго Фридриха 1-ой степени. 1839 г. Марта 21.

Баденскаго Циренгенскаго Льва 1-ой степени. 1839 г. Марта 24.

Нидерландскаго Льва 2-ой степени. 1839 г. Мая 3.

Всемилостивѣйше пожалованъ:

Кавалеромъ ордена св. Владимира 2-ой степени. 1839 г. Iюля 1.

Табакеркою, украшенною бриллiантами. 1839 г. Iюля 1.

Знакомъ отличія безпорочной службы за XXV лѣтъ, на который и имѣетъ грамоту. 1839 г. Августа 22.

Награжденъ орденами:

Саксонскимъ за заслуги 1-ой степени. 1840 г. Апрѣля 1.

Веймарскимъ Бѣлаго Сокола. 1840 г. Апрѣля 8.

Получилъ отъ его величества короля Прусскаго бриллiантами осыпанную звѣзду Прусскаго ордена Краснаго Орла 2-ой степени. 1840 г. Iюля 1.

Всемилостивѣйше пожалованъ въ тайные совѣтники. 1841 г. Апрѣля 16.

Съ высочайшаго соизволенія назначенъ ординарнымъ Академикомъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. 1841 г. Октября 19.

Его величествомъ королемъ Прусскимъ пожалованъ орденомъ Pour le mérite за мирныя заслуги. 1842 г. Мая 31.

Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена Бѣлаго Орла. 1849 г. Августа 30.

(*Сообщено К. Я. Гротомъ*).

П. А. ПЛЕТНЕВЪ О ЖУКОВСКОМЪ.

Изъ того что̀ писано о Жуковскомъ, какъ о поэтѣ и человѣкѣ, о его дѣятельности и жизни, статьи П. А. Плетнева занимаютъ одно изъ выдающихся мѣстъ, принадлежа къ числу лучшихъ его критическихъ и біографическихъ работъ. Достоинство ихъ, какъ основанное на особенно любовномъ и глубокомъ изученіи твореній поэта и проникнутыхъ теплымъ сердечнымъ сочувствіемъ, связаны и съ личными отношеніями Плетнева къ Жуковскому, къ которому онъ питалъ не только преданную, нѣжную дружбу, но и восторженное благоговѣніе. Въ натурѣ, душевномъ складѣ и настроеніи обоихъ было много общаго; взаимное сочувствіе ихъ обнаружилось при первомъ же сближеніи и впослѣдствіи только крѣпло и развивалось. Неудивительно поэтому, что Жуковскій нашелъ въ своемъ младшемъ другѣ-критикѣ одного изъ лучшихъ, по чуткости и тонкому пониманію, истолкователей и цѣнителей своихъ твореній и своихъ литературныхъ заслугъ. Много отдѣльныхъ отзывовъ и разборовъ посвящено было Плетневымъ произведеніямъ Василія Андреевича [1]). Но главная и существенная оцѣнка поэта, его дѣятельности и жизни сдѣлана имъ въ двухъ большихъ статьяхъ, признанныхъ образцовыми въ томъ литературномъ родѣ, къ которому онѣ принадлежатъ. Одна, начатая еще при жизни В. А. по поводу новаго изданія его сочиненій и оконченная уже по полученіи извѣстія о его кончинѣ, представляетъ характеристику поэзіи Жуковскаго съ развитіемъ нѣкоторыхъ общихъ взглядовъ на предметъ. Эта статья, напечатанная сперва подъ заглавіемъ: „Чтеніе о В. А. Жуковскомъ“ въ I томѣ „Извѣстій Втор. Отд. Акад. Наукъ“, вышла отдѣльно подъ заглавіемъ: „О стихотвореніяхъ Василія Андреевича Жуковскаго“, а въ сочиненіяхъ и перепискѣ П. А. Плетнева (т. III) носитъ заглавіе: „В. А. Жуковскій“. Другая, еще болѣе обширная статья „О жизни и сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго“ [2]) была написана уже по смерти поэта и посвящена главнымъ образомъ его біографіи. При мастерскомъ изложеніи, она изобиловала новыми, драгоцѣнными данными, исходившими отъ лица, столь близкаго къ поэту, и потому не могла не привлечь къ себѣ всеобщаго вниманія и не получить первенствующаго значенія въ тогдашней да и позднѣйшей литературѣ о Жуковскомъ.

Нынѣ мы имѣемъ возможность подѣлиться съ читателями еще новой небольшой статьей Плетнева или, вѣрнѣе, началомъ неизвѣстной донынѣ и

---

[1]) Немало замѣтокъ о немъ разбросано въ изданной нами „Перепискѣ Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ“ (Спб. 1896).

[2]) Напечатана въ „Живописномъ Сборникѣ“ 1853 г., т. III, и отдѣльно, съ политипажами.

оставшейся неоконченной критической статьи его о Жуковскомъ. Она не вошла въ первые три тома академическаго изданія сочиненій Плетнева.

Рукопись этой начатой статьи не имѣетъ даты; но по всѣмъ признакамъ, не оставляющимъ сомнѣній, она писана лѣтомъ 1848 года, въ эпоху смутныхъ политическихъ событій на Западѣ, какъ можно заключить и по началу статьи, и еще по одному упоминанію.

Она была вызвана напечатанными тогда двумя томами „Новыхъ Стихотвореній" (куда вошли „Рустемъ и Зорабъ", первая часть „Одиссеи" etc.), а отчасти и исполнившимся въ 1847 году 50-тилѣтнимъ юбилеемъ поэтическаго творчества Жуковскаго, празднованіе котораго, не смотря на всѣ хлопоты Плетнева, по разнымъ причинамъ, не могло тогда состояться [1]. Помянутые два тома „Новыхъ Стихотвореній" вышли въ свѣтъ собственно лишь въ самомъ концѣ 1848 или даже въ началѣ 1849 года, но напечатанные въ Карлсруэ и заблаговременно присланные поэтомъ въ Россію, они уже лѣтомъ 1848 г. были въ рукахъ Плетнева. 30 Іюня П. А. писалъ своему другу Я. К. Гроту въ Гельсингфорсъ: „Отъ Жуковскаго получены два тома новаго изданія стихотвореній его, именно тѣ, гдѣ Одиссея и Рустемъ. Первая посвящена Великому Князю Константину Николаевичу, а послѣдній Вяземскому и мнѣ вмѣстѣ. Изданіе очень красиво, но довольно осталось недосмотровъ въ буквахъ" [2]. Въ той же перепискѣ, въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ Плетнева мы находимъ и вполнѣ ясное указаніе на задержанную статью, начало которой сохранилось и здѣсь впервыя печатается. Изъ одного упоминанія въ ней (о Шатобріанѣ) видно, что, возымѣвъ однажды мысль писать, Плетневъ очень скоро приступилъ къ ея выполненію. 10-го Іюля онъ пишетъ къ тому же другу: „Мнѣ приходитъ желаніе сказать нѣсколько словъ о двухъ новыхъ томахъ стихотвореній Жуковскаго. Если я возмусь за это, то непремѣнно выброшу туда хоть одну фразу въ воспоминаніе Шатобріана. Написать о немъ что-нибудь достойное его я не сознаю въ себѣ силъ; но умолчать о немъ совершенно, когда есть случай произнести слово, за грѣхъ почитаю" [3].

Дѣйствительно, въ найденномъ отрывкѣ мы находимъ упоминаніе о Шатобріанѣ (незадолго передъ тѣмъ умершемъ) и сопоставленіе его съ Жуковскимъ. Плетневъ былъ большимъ почитателемъ этого писателя и дѣятеля.

Мы не знаемъ, что̀ помѣшало Плетневу окончить начатую работу. Лишь черезъ три года онъ принялся опять за Жуковскаго и написалъ новую замѣчательную статью о его поэзіи, оконченную имъ уже по смерти Василія Андреевича (12 Апр. 1852). А начатая раньше, такъ и осталась подъ спудомъ: онъ какъ будто забылъ о ней. Но и этотъ небольшой отрывокъ не долженъ пропасть и быть оставленъ безъ вниманія.

К. Гротъ.

[1]) Оно было устроено уже позже, въ началѣ 1849 г., княземъ П. А. Вяземскимъ въ его домѣ и въ его кругу.

[2]) См. Письма Плетнева къ Жуковскому. „Сочин. и пер. П.", т. III, стр. 609, 601.

[3]) Тамъ же, т. III, стр. 272 и 277.

О новыхъ стихотвореніяхъ В. А. Жуковскаго.

Не только въ бѣдственную эпоху, въ какую теперь суждено жить намъ, но и во всякое время отрадно встрѣтить явленіе, отъ котораго душа согрѣвается и успокоивается. Особенно благотворно дѣйствуетъ въ нашъ вѣкъ трудъ писателя, одареннаго истиннымъ талантомъ, который посвящаетъ онъ общему благу, изображенію высокихъ, доблестныхъ силъ безсмертной души человѣка и распространенію святыхъ истинъ религіи, гражданственности и чистыхъ обо всемъ понятій. Образованность, повсемѣстно распространяющаяся, возвела нынѣ писателя на степень всеобщаго собесѣдника, желаннаго друга и исключительнаго наставника: съ нимъ отдыхаютъ, съ нимъ совѣтуются и съ непонятнымъ предубѣжденіемъ ему вѣрятъ; гласность его мыслей и убѣжденій придаетъ имъ часто сверхъестественную силу. Но еще властительнѣе, еще неотразимѣе бываетъ увлеченіе, когда авторъ въ счастливомъ одушевленіи свободно разрѣшаетъ труднѣйшіе вопросы жизни. Еслибы люди, природою призванные на авторское поприще, ежеминутно мыслили о своемъ вліяніи на общество и особенно на его молодое поколѣніе, слѣпо и жадно воспринимающее каждый намекъ, каждое звучное слово, еслибы они ясно и вполнѣ обнимали важность послѣдствій новой мысли, блестящей, но превратной: вѣрно не съ пустымъ удовольствіемъ принимались бы они за перо, но съ нѣкоторымъ страхомъ и глубоко обдумывая свои выраженія. Нельзя не сказать, что въ наше время часто попадаются легкомысленныя сочиненія, можетъ быть, издаваемыя безъ дурного намѣренія, изъ жалкаго подражанія модѣ, тѣмъ не менѣе однакоже заслуживающія порицанія.

Господствующая ошибка сочиненій этого рода заключается въ томъ, что общество, жизнь и человѣкъ изображаются въ нихъ ложно, безъ необходимыхъ естественныхъ опоръ, безъ достоинства и безъ тѣхъ нравственныхъ силъ, которыя вездѣ и всегда въ нихъ выказываются, какъ свидѣтельство благости и премудрости Провидѣнія. Есть писатели, которые стараются увѣрить насъ, что общество въ правильномъ состояніи своемъ представляетъ безцвѣтную поверхность всѣхъ частей своихъ, ровную ихъ недвижимость и повсемѣстное отсутствіе малѣйшаго напряженія. Жизнь, по ихъ мнѣнію, должна быть бездѣйственнымъ воспріятіемъ всего необходимаго для ея поддержанія и спокойнымъ удовлетвореніемъ сопровождающихъ ее потребностей. На основаніи такого ученія человѣкъ безпрестанно является игрушкою слѣпого случая, въ зависимости отъ обстоятельствъ, безъ самосознанія, безъ самостоятельности. Неспособный къ владычеству надъ окружаю-

щими его внѣшними силами, къ преодолѣнію препятствій, къ развитію какихъ-либо успѣховъ, онъ только на все жалуется и страдаетъ.

Это ложное ученіе, подъ разными видами, въ разныхъ краскахъ, развивается въ романахъ и повѣстяхъ, проглядываетъ въ театральныхъ пьесахъ, выступаетъ иногда въ важной исторіи и даже закрадывается въ глубокомысленныя философскія сочиненія. Для опроверженія его, конечно, достаточно было бы указать на то, что̀ содержится въ основаніяхъ религіи, законодательства всѣхъ народовъ и въ опытахъ всѣхъ вѣковъ. Но не менѣе внятно и громко, въ защиту святой истины, говорятъ намъ явленія самой природы, насъ окружающей. Все, что̀ получила жизнь, уже поставлено въ положеніе этой дѣятельности, которая знаменуется, съ одной стороны, присутствіемъ и готовностію силъ, а съ другой потрясающимъ ихъ движеніемъ и часто враждебнымъ напоромъ. Въ царствѣ природы органической и даже неорганической нѣтъ ни одного предмета, которому бы не суждено было отстаивать и вырабатывать своего постепеннаго совершенствованія. Борющіяся вокругъ стихіи, вѣчныя перемѣны временъ года, таинственное вліяніе небесныхъ свѣтилъ и собственныя отношенія произведеній природы одного къ другому безпрерывно вызываютъ ихъ къ напряженію данныхъ имъ силъ, которыя этимъ только и укрѣпляются, воспитывая и переводя изъ образа въ образъ цѣлость созданія. Неисчислимо разновидны, неисчислимо разнохарактерны и повсюду до безконечности несходны между собой даже однородныя изъ этихъ созданій; но каждому изъ нихъ открытъ путь, указаны средства и предуготована прекрасная цѣль неотклонимыхъ подвиговъ самосовершенствованія. Такова дѣйствительная идея жизни вообще, какъ постигаетъ ее здравый, прямой умъ. Общество есть только поприще, выгоднѣе устроенное, удобнѣе приноровленное, заботливѣе поддерживаемое для полнаго развитія дѣятельности жизни, нежели поприще единичнаго пребыванія. Въ обществѣ есть законное и просторное мѣсто каждой силѣ матеріальной и умственной. Самый тонкій стебель, который одинъ нагнулся бы къ землѣ при появленіи своемъ, безопасно держитъ на нивѣ свой колосъ. Зрѣющая жатва волнуется, но не падаетъ, потому что напоръ стихій еще вдали ослабленъ шумящимъ лѣсомъ. Многозначительно зрѣлище этой разновидности и единства, съ какимъ развивается жизнь. Отъ песчинки до человѣка включительно въ природѣ все подчинено одному закону. Каждой единицѣ удѣлена необходимая ей сила, чтобы она отстояла свое призваніе, чтобы она достигла своего назначенія и полнымъ развитіемъ цвѣтка жизни своей совершила бы волю Про-

видѣнія. Въ этомъ и заключается тайна чудесъ природы, глубокій смыслъ явленій ея, неизобразимая красота единства ея и разнообразія.

Въ гражданскомъ обществѣ еще разновиднѣе, еще стройнѣе, еще прекраснѣе зрѣлище жизни. Она вырабатывается существомъ, котораго вещественность, сравнительно со всѣми произведеніями природы, будучи самой утонченной и самой усовершенствованной, освящена духовностью, мышленіемъ и волею. Всѣ разновидности сродства, организаціи и инстинкта являются чѣмъ-то однобразнымъ и безжизненнымъ передъ этимъ могуществомъ, передъ этой многообъятностью, передъ этой неистощимостью силъ души человѣческой. Оттого и поприще ея, т. е. гражданское общество, нисколько не отступая отъ правильнаго своего состоянія, естественно должно выказывать болѣе оттѣнковъ во всемъ, въ устроеніи общности, въ видѣ частей, въ состояніи недѣлимыхъ.

Возсоздать картину человѣка, его жизни и поприща дѣятельности его предоставлено изящному искусству, котораго верховная область называется поэзіею, а въ смыслѣ болѣе обширномъ и общемъ —литературою. Полное совершенство литературы опредѣлено самою природою. Ея строгіе законы, ея многообразіе, ея сила и красота, ея вѣчная истина составляютъ неизмѣнную принадлежность, основу и цѣль изящнаго искусства. Безъ потери успѣха въ этомъ дѣлѣ нельзя ничего ни вознести надъ силами природы, ни унизить сравнительно съ ними. Какъ свидѣтели этой непреложной истины, остаются въ наслѣдство и въ поученіе вѣкамъ творенія литературы, общимъ голосомъ повсюду и всегда признаваемыя за образцы, за чтеніе назидательное, за собственное каждаго достояніе. Все производимое литературою на ошибочныхъ началахъ, съ другой цѣлью, при мелкихъ, случайныхъ побужденіяхъ, все немедленно предается забвенію. Временный успѣхъ, самый соблазнительный, еще болѣе оправдываетъ незыблемость истины. Можетъ быть, никогда не являлось въ такомъ количествѣ и съ такой гласностью превознесенныхъ сочиненій, какъ въ нашемъ столѣтіи. И что же? Самыя счастливыя изъ нихъ едва десятилѣтіе переживали.

Ровно пятьдесятъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ у насъ на поприщѣ литературы явился В. А. Жуковскій. Поэтъ по призванію, онъ его выполняетъ со всѣмъ достоинствомъ, съ честью, съ неизмѣнною чистотою, а потому и съ несомнѣнною славою. Всю жизнь онъ посвятилъ совершенствованію искусства въ благородномъ, высокомъ его значеніи. Какъ бы откровеніемъ постигнувъ тайну всей жизни, онъ съ отрочества до старости не уклонился отъ прямого пути, из-

браннаго имъ въ литературѣ. Подобный образецъ прекрасной мысли, прекрасной жизни и прекрасной дѣятельности мы видѣли въ Карамзинѣ.

Другой человѣкъ, столь-же высокаго достоинства по всѣмъ отношеніямъ, кончилъ на дняхъ земное свое странствованіе. По своему гражданскому отечеству онъ былъ для насъ чужеземцемъ; но кто, какъ человѣкъ, не считалъ Шатобріана самымъ близкимъ къ себѣ? Посреди гибельныхъ волненій отечества своего и превратныхъ понятій, омрачающихъ умы его соотечественниковъ и товарищей по занятіямъ, онъ восемьдесятъ лѣтъ стоялъ непоколебимо, защищая и проповѣдуя вѣру, законъ и истину. Между нимъ и поэтомъ, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, есть много общаго. Главное заключается въ сходномъ направленіи ученія ихъ и въ краснорѣчіи языка, одушевленнаго, картиннаго и столь свѣжаго, какъ будто ими онъ и созданъ. Ни во Франціи, ни въ Россіи такъ называемая свѣтская литература не возносила человѣка съ такою силою на высоту духовно-религіозную, какъ это почувствовали всѣ, тамъ и здѣсь, съ ихъ появленія. Источникъ могущества и очарованіе поэзіи Жуковскаго заключаются въ его душѣ, поэтически чистой, благоговѣйной и впечатлительной безпримѣрно. Все, что̀ въ нее входитъ, получаетъ тамъ этотъ ароматъ, которымъ дышетъ каждый стихъ поэта. Самая свѣжесть, сила и музыкальность его языка не что иное, какъ принадлежности души его. Но всего разительнѣе въ поэзіи Жуковскаго это присутствіе неба, ощущеніе неземного таинства, святыни, которая сіяетъ передъ нами за прозрачнымъ покровомъ словъ его. Какой бы ни выбралъ онъ предметъ для стихотворенія, сердце ваше непремѣнно встрѣтитъ въ немъ обаяніе нравственной граціи и проникается теплотою религіознаго чувства. Это всѣмъ намъ понятно изъ «Пѣвца въ станѣ Русскихъ воиновъ».

Есть люди, не понимающіе, какъ можно называть великимъ поэтомъ писателя, который большую часть стихотвореній своихъ перевелъ съ иностранныхъ языковъ. Такое недоразумѣніе происходитъ отъ того, что немногимъ ясна истинная идея поэзіи. Содержаніе какого-нибудь стихотворенія, основа его, или такъ сказать зерно, не представляетъ еще поэтическаго созданія, въ которомъ обнаруживается творческій геній. Всѣ мы окружены подобными матеріалами. Исторія, народныя преданія, современныя событія, собственныя впечатлѣнія каждаго съ избыткомъ окружаютъ насъ тѣмъ, изъ чего образуется содержаніе стихоторенія. Основу лучшихъ своихъ пьесъ Шекспиръ нашелъ въ старинныхъ повѣстяхъ. Готовая поэма или драма на другомъ языкѣ не болѣе доставляетъ поэту-переводчику, какъ простую

основу. Если же онъ ограничится только близкимъ переложеніемъ этого содержанія, даже не опустивъ ни одной мысли, ни одного слова—трудъ его лишенъ будетъ поэзіи, т. е. того творчества, которое обнаруживается жизнью, дыханіемъ, теплотою каждой части. Переводчиковъ, въ обыкновенномъ значеніи этого слова, много было и у насъ и въ другихъ странахъ, особенно въ Германіи; но Жуковскій, въ своемъ родѣ, пока еще одинъ. Самый вѣрный, даже буквальный переводъ Іоанны д'Аркъ Шиллера не могъ бы обратиться въ лучшее достояніе Русской поэзіи, еслибы Жуковскій своимъ талантомъ, своею душою, своимъ языкомъ не воспроизвелъ ея въ самобытное для насъ твореніе, въ которомъ отъ перваго до послѣдняго стиха мы чувствуемъ силу и характеръ собственнаго его генія, участвующаго въ каждой чертѣ и проникнутаго ощущеніемъ ко всякому положенію. Изъ Ундины Ламотъ-Фуке, сказки, написанной прозою, онъ создалъ на Русскомъ языкѣ поэму неизобразимой прелести. У истиннаго поэта есть врожденное стремленіе въ извѣстную сферу идей, къ его любимымъ образамъ, которые являются, при всемъ разнообразіи ихъ жизни, въ любимыхъ поэтомъ движеніяхъ, въ красотахъ, усвоенныхъ искусству его вкусомъ и воображеніемъ, съ характерами и направленіемъ, гармонически возникающими изъ души художника. Преимущественно это поражаетъ насъ въ поэтахъ лирическихъ, или, говоря технически, субъективныхъ, какимъ всегда является Жуковскій. Понятно изъ этого, отъ чего онъ переводитъ всегда только то, что̀ содержитъ какъ бы родственныя семейныя начала съ его собственною поэзіей. Переводчикъ обыкновенный ищетъ и подлинника знаменитаго, или блестящаго, или прославляемаго современною критикою; Жуковскій, какъ поэтъ самостоятельный, покорный только внутреннему голосу таланта своего, предпочитаетъ трудъ, въ которомъ не можетъ не принять сердечнаго участія вся его личная поэтическая дѣятельность.

ПИСЬМА А. О. СМИРНОВОЙ КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ [1]).

Дочь Грузинки и Француза, Александра Осиповна Смирнова останется вѣчно-памятною въ исторіи Русскаго просвѣщенія. Немногія лица такъ, какъ она, понимали Пушкина и Гоголя, и за нихъ обоихъ была она предстательницею передъ строгимъ и пылкимъ Государемъ, считавшимъ себя въ правѣ относиться подозрительно къ писателямъ (уже въ 1832 году, онъ сказалъ Жуковскому, который ручался ему въ политической благонадежности И. В. Киреевскаго: „А за тебѣ-то кто поручится?") Очень можетъ быть, что въ 1828 г. она и Жуковскій спасли Пушкина отъ ссылки въ Сибирь по дѣлу, начатому митрополитомъ Серафимомъ. (См. V-ю книгу „Старины и Новизны"). „Черноокая Россети", фрейлина обѣихъ Императрицъ, внушила младшей изъ нихъ любовь къ стиху Пушкина. Она воспитывалась въ Екатерининскомъ Институтѣ, гдѣ преподавалъ Русскую словесность П. А. Плетневъ, и ему-то, какъ впослѣдствіи мы отъ нея слышали, она обязана была тѣмъ, что Русскій языкъ „побѣжалъ ей въ душу". Съ Жуковскимъ, который находился въ должностяхъ при обоихъ дворахъ и называлъ ее Дѣвушкой-чернавушкой (изъ Русскихъ сказокъ), она могла видѣться часто. У него мелькала даже мысль жениться на ней, но это было мимолетное мечтанье. Въ 1871 году, по нашей просьбѣ, А. О. Смирнова написала для „Русскаго Архива" свои краткія, но полныя содержаніемъ воспоминанія о Жуковскомъ и напечатала его къ ней письма. Позднѣе дочь А. О. Смирновой, Ольга Николаевна помѣстила въ „Русскомъ Архивѣ" (1883, I, 335—346) еще нѣсколько писемъ Жуковскаго къ ея матери. Къ тѣмъ и другимъ отсылаемъ читателей.

П. Б.

1.

О великодушный Жуковскій, Бельальма Дженероза! Приходите ко мнѣ, когда вамъ заблагоразсудится, *безъ докладу*, и тогда я вамъ изъясню причины своего гнѣва, ибо я лучше владѣю языкомъ, чѣмъ перомъ. Я отъ васъ не ожидала такого великодушія и собиралась на васъ дуться по крайней мѣрѣ три дня и вчера на васъ сосѣдкѣ Любѣ [2]) жаловалась, которая на это проповѣдь читала.

2.

Василій Андреевичъ, у меня есть 300 рублей для Козлова отъ графа Орлова, послѣ покойной Лопухиной; только вы прежде должны мнѣ доставить нѣсколько денежекъ отъ Наслѣдника для одной бѣдной

---

[1]) Съ подлинниковъ, сообщенныхъ въ „Русскій Архивъ" сыномъ поэта П. В. Жуковскимъ и покойною дочерью А. О. Смирновой, Надеждою Николаевной Сорень. П. Б.

[2]) Фрейлинѣ Ярцовой, вышедшей потомъ за князя А. А. Суворова.

невѣсты. Безъ отговорокъ, Васька, давай не менѣе 50-ти рублевъ.

А. Смирнова.

3.

Mon cher monsieur Joucoffsky. Je viens de recevoir une lettre de Sophie [1]), et voici un long article qui vous concerne et que je vous transcris mot pour mot: «Arendt [2]) est persuadé que le traitement homéopatique lui sera funeste, puisqu'il l'empêche d'en employer un efficace encore à tems. Il dit que Reval lui eût été inutile, puisque ce ne sont pas les bains de mer, mais les *eaux*, qu'il doit prendre; qu'il devrait partir tout de suite pour Ems, ou du moins, qu'il ferait bien d'aller à Moscou pour y prendre les eaux factices, qui lui seraient toujours salutaires. Maman le conjure au nom de l'amitié de laisser là un moment son obstination, de ne point mépriser absolument l'expérience des siecles, de faire venir Arendt chez lui (chose bien facile, puisque nous allons en ville) et de causer une demie-heure avec lui sur son état». Elle me dit d'obtenir cela de votre opiniâtreté au nom de tous ceux, qui vous aiment et qui en sont profondement affligés. Je joins donc ma voix suppliante à celle de tous vos amis et j'espère, mon cher monsieur Joucoffsky, que vous suivrez nos bons conseils. Donnez moi cette douce conviction avant mon départ pour Elaguine[3]) et tranquillisez moi un peu, car cette lettre de Sophie m'a fait la peur la plus vive. Nous partons à deux heures. Les Karamsine partent aujourd'hui, très décidement, malgré tout ce que j'ai fait pour obtenir un jour de délai.

A. Rossetti [4]).

4.

Жуковскій Быкъ! Мой «Рославлевъ» [5]) пропалъ, а я одной прелестной дамѣ обѣщала; сія прелестница скоро читаетъ и требуетъ его сію минуту, хоть первую часть. Такъ достаньте же мнѣ его у В. К., да скорѣй. А. Смирнова.

Berlin[6]), le 15 Mai (1836).

Mon cher monsieur Joucoffsky. J'avais commencé par me servir de la voie de Wiasemsky pour vous remercier de tout l'intérêt, que vous m'avez témoigné, les derniers temps; mais l'aiguillon de la réconnaissance et le désir de causer un peu avec vous m'engagent à vous écrire.

---

[1]) Отъ Софьи Николаевны Карамзиной.

[2]) Извѣстный врачъ.

[3]) Т. е. на Елагинъ островъ подъ Петербургомъ.

[4]) Слѣд. письмо это писано до Іюля 1831 года, когда Александра Осиповна стала невѣстою Н. М. Смирнова.

[5]) Извѣстный романъ М. Н. Загоскина, вышедшій въ свѣтъ въ 1832 году.

[6]) Это была первая изъ многократныхъ поѣздокъ А. О. Смирновой въ чужіе края.

D'ailleurs, vous n'êtes pas le seul, que je dois remercier dans toute cette affaire, et je viens vous donner encore la commission de me mettre aux pieds de Sa Majesté l'Impératrice et de la remercier de ma part de l'intérêt et de la bonté qu'elle a voulu bien mettre dans tout cela[1]). Mon coeur me porterait à lui adresser par écrit mes sentiments, mais je n'ose le faire de crainte de l'ennuyer et de la fatiguer par là. Soyez donc mon interprête auprès d'elle, et vous saurez deviner tout ce que j'aurais pu lui dire.

Que vous dire de ma santé morale ou intellectuelle? Un jour je suis bien, je me crois complèctement guérie, et le lendemain, sans savoir pourquoi ou comment, je suis abattue, triste, je vois tout à travers le prisme obscurci, et je finis par pleurer et m'attendrir sur moi-même. Ma grossesse me fatigue et me donne des insomnies et me prive de la consolation d' oublier ainsi mes chagrins imaginaires ou réels, nommez les comme vous le voulez, vous, qui avez été sous l'influence de vos nerfs. Au milieu de tout cela je tâche de me distraire, je lis l'Allemand, l'Anglais, je vais dans les ateliers, j'achète des aquarelles pour mon album, je suis moi-même peintre sous les yeux de Lory, qui suit, à ce qu'on dit, une fausse route, mais qui fait vite avancer. Je suis avec cela au courant des nouvelles. Mais je ne sens plus cette ardeur d'autrefois, et tout cela me prouve que ma tête ou mon imagination ne sont point dans leur état normal. Mon mari, malgré ses yeux souffrants, vous a aussi écrit pour vous remercier et vous parler des artistes Berlinois, qui font notre grande occupation[2]). Courir les ateliers est une des grandes jouissances de Berlin, que nous nous procurons tant que nous pouvons [3]). Dans ce moment, cependant l'attention publique s'est portée sur les deux princes Français, dont j'ai parlé à Cathérine [4]) pour l'amuser un peu par des commérages exotiques. Ma lettre vour sera rémise de la part de la belle madame de Krudener, dont l'apparition brillante fera tout autant parler Pétersbourg que celle des Orléans. Je vous envoye une nouveauté littéraire Allemande, dont je ne réponds pas, mais qu'on m'a recommandée. Sur ce je vous quitte pous songer à ma toilette: il est sept heures, et nous sommes invités à

---

[1]) Вѣроятно относится къ исходатайствованію позволенія продлить пребываніе за границей и съѣздить въ Парижъ, на что Николай Павловичъ неохотно соглашался, находясь въ остудѣ съ королемъ Людовикомъ-Филипомъ.

[2]) См. письма Н. М. Смирнова къ В. А. Жуковскому въ „Р. Архивѣ" 1899, I, 623.

[3]) Смирновы собрали довольно большую картинную галлерею, которою мы любовались въ домѣ ихъ на Большой Молчановкѣ (нынѣ княженъ Оболенскихъ). По кончинѣ Н. М. Смирнова, картины были проданы въ чужіе края.

[4]) Это фрейлина гр. Екатерина Өедоровна Тизенгаузенъ; къ ней, говорили, былъ неравнодушенъ наслѣдный принцъ Прусскій (впослѣдствіи императоръ Вильгельмъ 1-й).

7½ chez le prince Guillaume - frère à un énorme bal. Je vous écris sous l'influence d'une température si désagréable, qu'elle attaque la tête et les nerfs; quant à mon coeur, il vous reste toujours dévoué.

A. Smirnoff.

5.

Парижъ, 24-го Апрѣля 1837.

Любезный Василій Андреевичъ, ужъ не поблагодарить ли мнѣ васъ собственной ручкой за вашу прелестную Ундину, и еще болѣе за милый сердечный эпиграфъ, написанный вашей собственной ручкой на заглавномъ листѣ? Ваша посылка меня застала въ какомъ-то неизъяснимо-грустномъ положеніи. Смерть одной изъ моихъ двоень [1]) и физическое вліяніе весны меня разстроили не на шутку. Тоска и старинные недуги возобновились; но омеопатія все поправила. Слава Богу, теперь лучше. Въ нервно-плаксивомъ расположеніи моемъ, повторяю еще разъ, ваши слова меня растрогали и облегчили душу; я поплакала, перенеслась въ нашъ сѣрый, мрачный Петербургъ, который для меня озарился воспоминаньемъ милыхъ сердцу моему друзей. Я перенеслась къ вамъ, съ живымъ желаньемъ и надеждой васъ всѣхъ увидѣть. Братья, Карамзины, Вяземскій, вы: тутъ все слилось въ одно чувство дружбы и преданности. Одно мѣсто въ нашемъ кругу пусто, и никогда никто его не замѣнитъ. Потеря Пушкина будетъ еще чувствительнѣе со временемъ; вѣроятно талантъ его и самъ онъ развились бы съ новою силою черезъ нѣсколько лѣтъ. Мы хотя съ вами очень дружно жили въ Петербургѣ, но кромѣ чепухи ничего не писывали. Жалѣю, что нѣкоторыя хорошія и высокія впечатлѣнія мои не были переданы вамъ. Я говорю о Швейцаріи и Германіи, потому что Парижъ оставилъ какое-то грустное чувство въ душѣ моей; но притомъ есть въ Парижѣ что-то неудовлетворительное, и чтобъ говорить, надо вернуться непремѣнно въ этотъ вавилонъ. Одна вещь неотъемлемая, *a facilité de la vie*, вотъ чтò меня поразило и чтò дѣлаетъ изъ Парижа городъ единственный pour certains gens. Отсюда ѣдемъ въ Бельгію, Голландію, навѣстимъ въ Дюссельдорфѣ Рейтерна[2]), потомъ въ прелестный Баденъ, а въ Сентябрѣ Александра Іосифовна у васъ будетъ болтать и врать, а глаза ея будутъ бродить по Италіи и другимъ незнакомымъ и желаннымъ краямъ. Вяземскій меня опечалилъ своимъ послѣднимъ письмомъ; онъ, какъ говорятъ, découragé, не въ куражѣ; пора мнѣ съ нимъ свидѣться и преобразить его. Я послала ему много

---

[1]) Обѣ дѣвочки. Оставшаяся въ живыхъ — Ольга Николаевна, приготовившая къ печати Записки своей матери.

[2]) А. О. Смирнова узнала тогда будущую супругу Жуковскаго, еще отроковицу, прекрасный портретъ которой того времени на выставкѣ въ Историческомъ Музеѣ.

вербальныхъ нѣжностей чрезъ Киселева[1]), который меня довольно часто видѣлъ и разскажетъ обо мнѣ и вамъ и ему. C'est le seul chrétien de l'ambassade, à mon avis, entre nous.—Прощайте, любезный Быкъ, до свиданья въ Августѣ или началѣ Сентября. Я писала Императрицѣ, но прошу васъ еще разъ поцѣловать ея милую ручку отъ меня.

А. Смирнова.

Convenez, que c'est intempestif[2]) de vous avoir écrit; mais je ne fais jamais que ce que le coeur, la tête ou la fantaisie me dictent.

6.

(1840).

Portez, je vous prie, de ma part, mon cher et bon monsieur Joucoffsky, ce petit souvenir à mademoiselle Élise, que j'ai aimé depuis longtemps d'une sympathie instinctive et que j'aime maintenant d'une amitié réconnaissante pour le bonheur, qu'elle vous a assuré dans la nouvelle existence, que vous avez choisie. Je ne fais pas de voeux pour vous ni par écrit, ni en paroles; on en fait tant pour ceux même qu'on n'aime pas; mais je m'associe de coeur et d'âme et de pensée à vous depuis que vous avez décidé de votre avenir, et je partage votre confiance en Dieu et en celle à qui Il vous confie. J'aime le toit de l'Allemagne, si simple et si calme, sous lequel vous vous êtes abrité pour les premiers momens et, sans faire de la sentimentalité, j'ai toujours pensé que ce qu'on appelle le bonheur y était plus possible que partout ailleurs: *тамъ есть всему отголосокъ, всему прекрасному и возвышенному въ простотѣ.* Voici un petit souvenir pour vous, c'est un portcigarre avec le moyen de l'allumer le plustôt possible; ceci vous rappellera que nous avons souvent jasé et fumé ensemble. Ci-joint le fameux schawl, que l'on doit vous remettre en main propre et que je vous apporterai moi-même ce soir du *vide-marché* [3]), si le porteur de ce billet ne vous trouve pas. Au revoir ici ou en Allemagne, je l'espère et le désire.

Faites vous peindre pour vos amis et pour la postérité Russe; vous en aurez le temps et le moyen à vos ordres. А Смирнова.

7.

Петербургъ, 12 Апрѣля (1840).

Весьма мило изволили вы выразиться на мой счетъ въ письмѣ вашемъ къ Вяземскому, любезный William или даже Willy Goat. Слово желвакъ мнѣ теперь очень пристало и сидитъ у меня надъ самымъ носомъ, всякій день все подымаясь выше, до той благодатной минуты,

---

[1]) Николая Дмитріевича. Это товарищъ Н. М. Языкова по Дерптскому университету.

[2]) Правительство наше въ ту пору смотрѣло косо на всякія сношенія Русскихъ съ Парижемъ.

[3]) Пустой рынокъ въ Петербургѣ.

въ которую онъ вдругъ исчезнетъ. Шутки въ сторону, благодарю васъ за вашу дружбу и участіе и никогда не забуду ваши ласки. Il y a de ces momens, où l'oeil d'un ami vous donne du courage; il semble que ses bons regards vous porteront bonheur. Vous me l'avez donné, j'en suis sûre, de bon coeur, car ma petite s'est remise miraculeusement après votre départ, et l'amélioration de son état a eu aussi une heureuse influence pour moi, car j'ai commencé à sortir à pied et en voiture. Néanmoins je tousse et m'ennuie encore dans mes mauvais jours. Et nous voici aux plus mauvais jours de la saison, car la Néva charie, et l'air est froid; néanmoins j'ai rencontré l'Impératrice en voiture ouverte, ce qui me paraît bien imprudent, après la toux assez obstinée qu'elle a eue en dernier lieu. Fasse le Ciel que cette cure d'Ems, sur la quelle elle compte beaucoup elle-même, lui fasse le bien que tout le monde lui désire de si bon coeur; et fasse le Ciel qu'elle soit mieux soignée et plus prudente! La jeune et auguste Maman[1]) se porte en revanche à merveille, ainsi que sa petite qu'on dit très bien formée, very well shaped. Les rapports de la famille sont toujours très touchants, et dans ce moment là encore l'Empereur s'est montré comme le père et le mari le plus touchant. Désirons que cela continue, car c'est nécessaire pour leur bonheur et le nôtre. Перехожу теперь къ интересному семейству Карамзиныхъ. Оно по несчастію нынѣшнее лѣто расклеивается. Андрей ѣдетъ за ремонтомъ; а вы не упускайте изъ виду вами начатое дѣло: это его спасетъ отъ многихъ бѣдъ въ жизни или, что̀ еще лучше, спасетъ отъ вялой жизни, общей по несчастію всѣмъ военнымъ во фронтѣ. Ceci entre nous. Мещерскіе ѣдутъ вслѣдствіе уступки Латошина[2]) князю Василію въ Москву покупать имѣніе. Катерина Андреевна съ Софи и Лизой ѣдетъ въ Ревель. Меня это очень разстроило на счетъ моего бытія въ Царскомъ, гдѣ уже кромѣ Валуевыхъ не будетъ никого. Впрочемъ тамъ уже буду доживать свой желвакъ и въ Августѣ оставлю les délices de Capoue pour une nouvelle maison, où je ferai mes couches[3]). Иванъ Петровичъ Мятлевъ, продолжая свое литературное поприще, написалъ для меня стихи при семъ прилагаемые и весьма пріятные. Знаете ли вы, что Лермонтовъ сидитъ подъ арестомъ за свою дурацкую болтовню и неосторожность? Надо надѣяться, что въ день Пасхи или имянинъ[4]) судьба его рѣшится благопріятно; а до сихъ

---

[1]) Великая княгиня Марія Александровна.

[2]) Тверское имѣніе, о которомъ см. Воспоминанія князя А. В. Мещерскаго въ „Русскомъ Архивѣ" 1900 года.

[3]) Третьею дочерью Надеждою Николаевной, которая въ 1840 г. родилась въ Царскомъ Селѣ.

[4]) Императрицы Александры Θеодоровны, 23 Апрѣля.

поръ еще дѣла его плохи. Онъ дрался на дуэли съ *Barante*; это бы ничего, si par des imprudences impardonnables il n'avait pas aggravé son premier délit. Мнѣніе сперва было въ его пользу, но теперь очень ему не благопріятствуетъ. Только сожалѣніе, la compassion seule amoindrit le blâme. Софья Николаевна за него горой и до слезъ, разумѣется. Опочининъ, говорятъ, женится на Скобелевой; она богата и хороша. Дмитрій Волконскій наконецъ на Кикиной. Григорій Волконскій ѣдетъ помощникомъ куратора въ Варшаву. Вотъ вамъ новости моего круга; о придворныхъ вы, вѣрно, болѣе моего знаете. Наболтавъ довольно, прощаюсь съ вами, мой любезный и добрый William, и цѣлую васъ въ обѣ ваши щеки, которымъ нечего гордиться, потому что я уже стара и дурна. А. Смирнова.

8.

Берлинъ, 2-го Октября 1842.

Я въ Берлинѣ, любезный Василій Андреевичъ, близко къ вамъ; а къ вамъ не попаду, потому что ѣду на Югъ, въ Италію, въ Римъ, въ Неаполь. Собралась я вдругъ, со всѣми дѣтьми и съ братомъ Аркадіемъ, потому что мужу надо деньги добывать. Ѣду на годъ, можетъ быть на два, если нужно для здоровья. Во всякомъ случаѣ мы увидимся лѣтомъ въ 43-мъ году; куда вы меня вытребуете, туда и пріѣду любоваться вашимъ счастьемъ. Письмо ваше къ Карамзинымъ я не читала; они были въ Ревелѣ, а я въ городѣ, гдѣ меня задержала скарлатина у дѣтей; но объ этомъ письмѣ говорила мнѣ графиня Растопчина, которая у нихъ гостила недѣлю, изъ Гельзингфорса, и за чайнымъ столомъ читалось ваше милое письмо. Растопчину я видѣла въ смутную минуту: она получила извѣстіе, что мужъ ея умираетъ въ деревнѣ, и поѣхала въ Воронежъ со своими малютками; съ тѣхъ поръ ничего объ ней не знаю, потому что сама выѣхала вскорѣ за границу. Передъ отъѣздомъ я была нѣсколько разъ въ Царскомъ Селѣ, видѣла всѣхъ, кромѣ счастливой молодой четы. Наслѣдникъ внѣ себя отъ радости, безвыѣздно у жены и также за ней ухаживаетъ, какъ нѣкогда Царь за своей женой; ее всѣ любятъ очень нѣжно, а съ Императрицей она въ сестринскихъ отношеніяхъ и съ полной откровенностью. Государь въ тотъ день, когда я прощалась, уѣхалъ въ разныя губерніи, Марья Николаевна въ Италію, и бѣдная Императрица очень плакала и грустила и очень долго со мной говорила объ Ольгѣ Николаевнѣ, съ большой заботливостью насчетъ ея будущности. Жениховъ нѣтъ такихъ, какихъ требуется, а время давно уже пришло, и Ольга Н. поблѣднѣла передъ Александрой, которая похорошѣла удивительно и притомъ жива, умна и весела, какъ птичка беззаботная.

Сама Императрица была въ началѣ Августа нездорова и еще похудѣла. Я всегда смотрю на нее съ чувствомъ сожалѣнія и удивленія къ ея кротости, милой неизмѣнности ея расположенія и, признаюсь, не понимаю ея: болѣзненное ли это расположеніе или высокая преданность? Все, чтò насъ огорчаетъ, продолжается съ такимъ же дѣтскимъ легкомысліемъ и безпрестанно въ ея глазахъ, но ея нисколько не смущаетъ. Въ городѣ и почти можно сказать въ Россіи одинъ голосъ, всѣ за нее . . . . . уже не вполголоса, á громко. Les mariages manqués font aussi grogner le public. Вотъ вамъ маленькій очеркъ Петербурга; потомъ все попрежнему: все дворъ, и все отъ двора. При свиданіи многое бы вамъ пересказала, но писать я не охотница и не мастерица, наипаче по-русски; писать же къ вамъ по-французски стыдно мнѣ, Фонъ-Визиншѣ. Вяземскій съ княгиней провелъ двѣ недѣли въ Ревелѣ, и я съ нимъ не простилась; впрочемъ мы въ довольно свѣжихъ отношеніяхъ съ тѣхъ поръ, что не сносимся. Онъ немного относился къ Пушкиной, но не попрежнему, а какъ-то по стариковски. Тетка Загряжская умерла и ничего ей не оставила; но мнѣ говорила Жюльетка Строгонова, что графиня Мейстеръ ей даетъ 500 душъ подъ Москвой. И то слава Богу! При семъ письмо къ вамъ отъ Козловыхъ, которое мнѣ поручили женѣ вашей нѣжный поклонъ и вамъ тысячу нѣжностей. Перовскій отъ нея въ восхищеніи или, лучше сказать, отъ вашего счастія; онъ писалъ къ Софьѣ Бобринской. Прощайте; если вздумаете писать зимой или весной, то въ Римъ, à Torlonia; лѣтомъ буду гдѣ нибудь въ Германіи. А. Смирнова.

9.

Парижъ, 27-го Мая (1844).

Любезный Василій Андреевичъ, я готовлю для Императрицы альбомъ; мнѣ нужно знать гербъ котеджа*); пожалуйста нарисуйте мнѣ его и *devise* его, если есть. Я не хорошо его помню, а вы его вѣрно хорошо знаете. Пришлите это поскорѣе; я здѣсь еще остаюсь 10-ть дней, вашъ отвѣтъ какъ разъ подоспѣетъ. Нѣжный поклонъ вашей милой Élisabeth. Васъ цѣлую въ прекрасный лобъ, по старой привычкѣ. Мнѣ пора отсюда, хотя здѣсь и хорошо, т. е. такъ хорошо, что не объ чемъ и позадуматься, потому что времени нѣтъ. Долго такъ жить нельзя: послѣднее душевное вывѣтрится въ такомъ вихрѣ. Тург. въ деревнѣ, не знаю ничего объ немъ. Адресуйте къ Турейзену вашъ

*) Cotedge—маленькій дворецъ въ Петергофѣ, выстроенный Николаемъ Павловичемъ для его супруги. Въ отвѣтѣ Жуковскаго (неизданномъ) на это письмо Смирновой читаемъ: „Вотъ вамъ гербъ котеджа: шпага съ вѣнкомъ бѣлыхъ розъ. Помню его потому, что сочинялъ и рисовалъ его я самъ. Девиза же не помню; кажется Dieu et l'honneur; но никакъ не поручусь за это; слѣдовательно, не надобно вамъ девиза".

отвѣтъ. Нынче ѣдетъ курьеръ. Я Вяземскому послала Мицкевича курсы. Какой поэтъ Мицкевичъ! Прощайте, любезный Василекъ. Ваша отъ души А. Смирнова.

10.

Пирмонтъ, 5-го Августа (1844).

Любезнѣйшій Василій Андреевичъ, ваше милое, неожиданное письмо меня обрадовало и встревожило; желанье исполнить вашу просьбу и совершить съ вами путешествіе по Рейну и невозможность исполнить эти планы меня огорчаютъ; хотя я уже каталась по готическому Рейну и видѣла башню эпископа Гаттона, такъ *поэтически* и *невѣрно* вами описанную, хотя мы жили во Франкфуртѣ и въ Шлангенбадъ завозили мою belle-soeur*), я для васъ согласилась бы съ радостью туда воротиться; но мѣста наши уже заняты на пароходѣ, и завтра мы ожидаемъ нашу сопутницу *belle-soeur* со всѣмъ ея багажомъ, и врядъ ли она согласится на этотъ новый переворотъ, а невозможно ее оставить одну. Посему отложимъ попеченіе о семъ предметѣ; будьте увѣрены, что мнѣ очень грустно и больно васъ не видать, когда вы такъ близко отъ насъ. А не пріѣдете ли въ Гамбургъ и не отправимся ли мы на одномъ пароходѣ? Я надѣюсь, что вамъ, послѣ Швейцаріи и особенно Неаполя, никакихъ водъ не нужно. Чтò Тургеневъ подѣлываетъ въ виду Везувія и Неаполитанскихъ красавицъ? При сей вѣрной оказіи посылаю вамъ послѣднее письмо Вяземскаго. Писалъ ли онъ вамъ о смерти Николиньки Карамзина, который давно уже страдалъ чахоткой? Катерина Андреевна, слава Богу, здорова и перенесла это несчастье съ большею твердостью. Примите сердечный и нѣжный нашъ поклонъ, любезнѣйшій Василій Андреевичъ, et songez que je fais un sacrifice à la raison, en ne courant pas vous voir. A. Smirnoff.

Пріѣзжайте въ Гамбургъ поскорѣе; у насъ здѣсь графиня Кимпошъ-Эги, урожд. Штейнъ, и мы о васъ говоримъ.

11.

Парижъ, 3-го Іюня 1844 года.

Благодарствуйте, любезный Василекъ, за ваше письмо и рисунокъ, который мнѣ вручила Марченкова. Благодарю также васъ за дружескіе выговоры. Я къ вамъ не писала, потому что писать я только умѣю по дѣлу или по постоянной перепискѣ. Вы лѣнивы, и я тоже; за чѣмъ же намъ было другъ друга тревожить и испортить мыслью, что мы въ долгу? Гоголь мною управляетъ, и я ему дѣлала запросы: мы писали о своихъ дѣлахъ. И теперь дѣло въ томъ, что Царь въ Лондонѣ, и что здѣсь это произвело большое впечатлѣніе. Король и его

*) Сестра Н. М. Смирнова, Софья Михаиловна. оставшаяся незамужнею.

сеиды Гизо и пр. на это смотрятъ косо. Въ салонѣ княгини Ливенъ объ этомъ судятъ и рядятъ; ко мнѣ доходитъ это стороной, потому что я мало къ ней ѣзжу. Въ Парижѣ надобно столько же быть au courant политической интриги, сколько у насъ придворной. Какъ глупы были похороны Лафита! Провезли это тѣло по бульварамъ, толпа, войска его сопровождали, народу бездна, и глубокое молчаніе. Чего боялись одни, и чего хотѣли другіе? Мнѣ кажется теперь еще на два года пойдетъ спокойно; но все кишитъ, движенье и разноголосица во всѣхъ углахъ. Іезуиты, комюнисты, фурьеристы, Славяне, да и Славяне! Все это толкуетъ, кричитъ, споритъ и сбиваетъ другъ друга съ толку. Бѣдный Тургеневъ *) кряхтитъ и бредитъ. Когда онъ былъ живъ, толки эти казались серьезными иногда, а теперь это совершенный невнятный бредъ. Съ вами я уже не увижусь въ Германіи: отсюда ѣду на дняхъ въ Брюссель, посмотрю Бельгію и Голландію, а въ Ротердамѣ сяду на пароходъ до Гамбурга и такъ далѣе до благословеннаго Петрограда. Меня туда ничто не влечетъ; напротивъ, тоска забираетъ, когда подумаешь, что точно надобно вернуться. Никто болѣе меня въ сію минуту не оправдываетъ словъ Кюстина. Хотя бы ктонибудь шепнулъ на ухо, *не ѣзди*: вотъ чего бы мнѣ хотѣлось. Какая дрянь иногда жизнь, и какъ на нее ни гляди, не знаешь, что̀ съ ней дѣлать. Мы конечно сами ее портимъ; но когда она уже испорчена, не всегда мы властны ее исправить. Затѣмъ прощайте; я въ хандрѣ, и лучше молчать кое о чемъ, чѣмъ лишнее говорить. Вашей милой женѣ мой нѣжнѣйшій поклонъ, а Сашу поцѣлуйте за меня и отъ моихъ дѣтей. Ваша отъ души А. Смирнова.

12.

P.-bourg, 22 Août 1844.

Mon cher Василій Андреевичъ. Wiasemsky m'ordonne de vous écrire; je l'aurais d'ailleurs fait sans cette injonction. En arrivant ici ma première pensée a été pour vous, cher, excellent: tant de douleurs doivent trouver un écho dans votre coeur. C'est en abordant, le 10, à Kronstadt qui j'ai appris cette nouvelle par la sentinelle du port. «Скончалась, похоронили, и даже дитя увезли», me dit-il. Voilà les détails que j'ai appris plus tard de m-me Frédériks. La nuit du 30, ayant été très mauvaise et quelques symptômes de fausse couche s'étant manifestés, Markus a proposé à la G.-D. elle-même de communier, et comme elle objectait que ses douleurs l'avaient empêchée de se préparer par la prière, Баженовъ a paru avec le calice en mains. A 8 heures du matin elle s'est confessée avec toute sa tête. Après avoir communié, elle a pressé les lèv-

*) Т. е. Александръ Ивановичъ, умершій въ слѣдующемъ году, въ Москвѣ.

res avec ardeur contre le calice en joignant les mains. A 9 heures sans aucune douleur elle est accouchée d'un fils qui a vécu. L'Impératrice et l'Empereur sont accourus au premier cri de cet enfant, qui n'avait que 6½ mois. La G.-D. ne cessait de demander, si c'était une fausse couche et s'inquiétait beaucoup. Elle demandait à le voir pour se rassurer. «Mon enfant, mon enfant!» disait-elle. Cette consolation ne lui a pas été accordée, de le voir: il était si petit, qu'on craignait de le lui montrer. A 9½ il était mort, elle ne l'a pas su; on l'a ondoyé d'après le rite protestant. Après les couches elle a éprouvé un grand bien-être, elle a demandé à déjeuner; à une heure elle fit un second déjeuner avec appetit et se fit préparer à dîner à 4 heures. A trois heures, la famille était toute réunie dans sa chambre; on causait, on se taisait, on épiait ses gestes, sa respiration. Elle eut froid et se fit frotter les genoux par l'Empereur; elle le pria de lui arranger ses coussins. «Теперь я спать хочу, dit-elle, прощайте, прощайте!» En leurs faisant des baisers, elle posa sa tête sur les coussins, soupira, et tout fut fini pour cet Ange. Tout le monde la croyait endormie, et ce n'est que quand la garde vint lui fermer les yeux au bout de quelques minutes, qu'ils se mirent à genoux autour de son lit pour prier. Quels sanglots, quelles larmes retentirent autour de ce lit de douleur, ai-je besoin de vous le dire? Elle est morte dans le grand cabinet de l'Imp., à l'endroit où se trouvait jadis le poële.

Après les cérémonies d'usages elle a été exposée dans la grande chambre à coucher, entourée de fleurs. Pendant ces trois jours, toute la famille s'y tenait constamment; l'Imp. arrangeait elle-même fleurs, l'embrassait, lui baisait les mains; on s'y réunissait, on parlait d'elle comme d'une vivante, on se rappelait les moindres choses depuis son enfance. Que c'est touchant et déchirant! Le 4-me jour, à minuit, on plaça son cercueil dans un landeau découvert; elle était précédée par les prêtres aussi en voitures. L'Emp., les Grands-Ducs suivaient à cheval au pas, sans verges et sans torches *). L'Imp. sortit encore sur le perron pour bénir les restes mortels qu'on lui enlevait. Mon frère, présent à cette cérémonie, m'a dit que les soldats sous les armes pleuraient. On n'avait donné aucun ordre pour le peuple, et cependant depuis la barrière jusqu'a la forteresse une foule immense et silencieuse garnissait les rues; l'ordre le plus parfait et le plus touchant, le plus respectueux a

*) Покойный Николай Николаевичъ Вельяминовъ, молодымъ человѣкомъ участвовавшій въ этомъ погребальномъ шествіи, разсказывалъ, что у всѣхъ на виду опустился на гробъ Великой Княгини лебедь и тутъ же испустилъ духъ. Это былъ одинъ изъ Царскосельскихъ лебедей съ островка, куда въ лодкѣ ѣзжала покойница кормить ихъ. П. Б.

régné parmi cette foule sans police. Le lendemain et le surlendemain il est venu des milliers saluer son corps. Le jour de l'enterrement le Prince[1]) est parti, en emportant le corps de son enfant. Je suis venue 10 jours après l'enterrement; son cerceuil était couvert de fleurs fraîches, entouré de monde, on disait des messes pour elle. Les prêtres, les chantres ont pleuré à la панихида. Tout le monde raconte des choses charmantes d'elle. Sans parler des charités qu'elle faisait, il faut admirer sa délicatesse, ses soins pour tout le monde. Elle avait destiné des petits cadeaux pour tout le monde dans l'idée d'aller à Copenhagen; entre autre un bracelet pour m-me Nesselrode, pour la quelle elle s'etait prise d'une grande amitié. Elle envoyait des bonbons aux petits chanteurs même; les domestiques, les femmes sont inconsolables. Dans tout le cours de sa maladie elle n'a eu que 15 jours de caprice. Elle s'en désolait elle-même, en demandait pardon, en pleurant à son Anglaise[2]) et à son valet de chambre; elle s'inquiétait que ces caprices n'influent aussi sur le caractère de son enfant. Tous ses soins étaient tendres et si peu personnels. L'Anglaise, Василій Петровичъ, le камердинеръ et Макушина, sa femme de chambre, étaient auprès d'elle constamment. Ils lui prenaient des faiblesses, si grandes parfois, qu'elle n'a jamais voulu que les siens la vîssent dans cet état. Voilà, cher Joukoffsky, de tristes détails, tristes et touchants. D'ailleurs tout ce que j'ai vu et entendu là-dessus est beau et touchant. L'Imp. a eu la bonté de me recevoir, elle a recommencé à faire sa correspondance. Voilà ce qu'elle m'a dit après m'avoir si affectueusement embrassée, que j'ai du fondre en larmes: «J'écris et je pleure encore beaucoup; c'est si inutile de pleurer; cela me fait tant de mal, et cependant si naturel, qu'on doit me pardonner cette faiblesse». Elle n'a parlé que d'elle, de mille petits détails, comme d'une vivante; il semble qu'elle a de la peine à se persuader de l'affreuse réalité; elle la fait revivre par le souvenir. Sa santé est assez bonne; chose étrange: dans le courant de ces deux mois d'angoisses et de si pénible certitude depuis 22 jours, elle n'a eu qu'une fois un léger battement de coeur. Avant le danger, elle les avait très fréquents et très prolongés. L'Emp. a vieilli, beaucoup vieilli. Grâce à Dieu, il est plus gefasst que je ne l'aurais cru; il est plus triste qu'abattu. D'abord il m'a fait signe de ne pas lui parler de cet événement; cependant il a fini par en parler lui-même. «C'est une plaie saignante pour la vie, m'a-t-il dit; nous ne pouvons et ne devons oublier jamais Adini». Depuis qu'il a commencé les eaux de Kissingen, sa santé va mieux; il se

---

[1]) Принцъ Гессенкассельскій, сестра котораго сдѣлалась королевою Датскою.
[2]) Гиттенботомъ, родственница адмирала Ѳ. П. Литке.

sent comme débarassé d'un corps étranger dans l'estomac. Fasse le Ciel qu'il se soutienne physiquement et moralement! *)

Чѣмъ же мнѣ васъ порадовать, В. Андр.? Есть однако и утѣшительное слово. L'Héritier commande la garde, et à l'unanimité la plus absolue, soldats, officiers et généraux s'accordent à rendre justice à sa douceur, sa bonté, sa politesse. Il est très aimé, très apprécié. Je m'empresse de vous le communiquer: ce sera une grande douceur pour vous. Je pense que vous ferez bien de lui dire que ces louanges vous sont parvenues, afin qu'il sache que l'opinion publique est juste, équitable. Ces jours-ci j'ai vu un prêtre, ami de Баженовъ, qui m'a donnée les détails les plus touchants sur la Grande-Duchesse. Баженовъ dit qu'elle était toute préparée à la mort, les fréquentes conversations qu'il a eu avec elle encore avant sa maladie lui on révélé bien des choses intimes, que ses parens ignoraient. Elle a écrit encore avant Noël, comme promise, dans un petit livre ses réflexions; elle se considérait déjà alors comme n'appartement plus à la terre. Баженовъ n'a pas voulu faire lire ce journal à l'Imp. avant le 15 Août, jour, où elle a communié; il le lui a remis. La communion lui a fait beaucoup de bien; l'Emp. a aussi causé avec Баженовъ, qui est aussi satisfait qu'heureux des sentiments de l'Emp. Beaucoup de soumission et de douceur dans sa douleur, voilà ce qu'il dit. И горестно, и радостно это слушать. Tout cela fait faire de salutaires et graves méditations; on voudrait rester, toujours rester sous ces impressions. On s'en veut de la légéreté, qui vous détourne de ces idées. Si on se plaçait plus souvent vis-à-vis de la mort, combien on serait meilleur, comme toutes les mesquines réalités de la vie disparaissent devant ce mot!

Il paraît qu'il n'y a pas de projets de voyage: on reste aussi longtemps que possible à Péterhoff, et puis l'on passe à Gatchina jusqu'au 12 Novembre, comme toujours. La Duchesse de Leuchtemberg est toujours souffrante, on la dit fort maigrie. Au moins est-elle heureuse? me demanderez vous. Oui, très heureuse; le Duc est excellent pour elle, pour toute la famille, très aimé dans le monde, on ne peut mieux se placer, qu'il ne l'a fait. Touts les jours on se convient de la supériorité de l'âme sur l'esprit; son coeur l'a guidé, car il n'est certainement pas un grand esprit. La Grande-Duchesse Olga se sent aussi triste, qu'isolée; depuis la mort d'Adini, elle ne quitte presque plus l'Impératrice; elle

---

*) Это письмо Смирновой служило отвѣтомъ на слова Жуковскаго, который писалъ ей 11 Авг. 1844 изъ Франкфурта: „Я желаю имѣть всѣ подробности, всякая мелочь будетъ мнѣ дорога. Здѣсь ничего не слышу; что слышу, то невѣрно. Въ офиціальныхъ извѣстіяхъ мало проку, а вы дайте мнѣ живыхъ вѣстей“. (См. „Р. Архивъ“ 1883, I, 340).

est toujours belle, comme un Ange. Je n'ai pas vu le couple héritier, ni le G.-D. Constantin. Les deux petits sont devenus deux superbes garçons, grands, élancés, bons, doux et studieux, liés comme deux tourtereaux; je les ai rencontré avec une bèche en main: ils allaient travailler dans leur potagier.

Je ne vous dis rien de la ville, pour moi elle se résume d'ailleurs en madame Nesselrode et Wiasemsky; je les aime tous deux; je n'ai pas vu Péroffsky, il est toujours chez Schouvaloff à Вартемяги*); son fils va bien.

На душѣ остается еще много вамъ сказать, но времени нѣтъ. Я все хлопочу по дому и по деревнямъ; мужъ мой въ Нижнемъ Новгородѣ по комиссіи. Mes enfants se portent bien, grâce à Dieu; leurs portraits sont délicieux, Sofa a parfaitement bien réussi. Il m'a dit qu'il n'était pas sûr du prix: ce sera entre 150 et 200 fréderiks d'or, 200 me paraît beaucoup, 150 est le prix, car cela promet de devenir délicieux. Ne lui dites rien de cela: les Allemands sont si consciencieux, que s'il veut 200 f., c'est que réellement cela les vaudra. Je vous remercie de m'avoir recommandée à lui; vous verrez ces portraits à Francfort. Sohn voulait les envoyer à l'exposition. Chargez vous de me rappeler au souvenir de m-eur et m-me Reutern, d'embrasser Mia, Lotti, Gousti, Aneta, Vaia, Giatta, enfin tous. Quant à votre cher et angélique femme, dites lui que je lui demande comme une grâce, qu'elle m'écrive quelques mots en Allemand pour me donner de ses nouvelles et de celles de votre petit ange. Душка Саша, я ее все вижу съ большими голубыми глазами, quand elle dit *lappen*, *lappen*. Adieu, cher excellence, pardonnez moi le négligé de ma lettre, je suis pressée, fatiguée et j'ai mal à la tête. Répondez moi à P.-bourg, maison Smirnoff, Pont Bleu. Toute à vous A. Smirnoff.

Гдѣ Гоголь?

Со временемъ напишу я о Петроградѣ, о томъ что̀ здѣсь чувствуютъ и говорятъ, но послѣ, когда обгляжусь. Андрей Карамзинъ здоровъ, на Кавказѣ, у нихъ было славное дѣло, онъ отличился, въ аулъ ворвался съ 8-ми солдатами. Они всѣ у Мещерскихъ здоровы.

13.

Pétersbourg, 31 Janvier 1845.

Liebe, gute und schöne Elisabeth, wie gern hätte ich Ihnen meinen herzlichen Gruss und meine Wünsche auf deutsch gesagt; aber bei die-

*) Дача графа Шувалова подъ Петербургомъ. Говорится про Василья Алексѣевича Перовскаго и его сына отъ какой-то баронессы.

sen ersten Worte bleibe ich zu kurz und bitte um Erlaubniss französisch zu schreiben. Je ne saurais vous dire la joie que j'ai éprouvée en récevant d'abord la nouvelle de votre délivrance par Wiasemsky; la joie était si grande, que j'oubliais de me fâcher du silence de Joukofsky à cette occasion, car sa lettre m'est parvenue fort tard, comme toujours toutes celles qui ne sont pas adressées directement. Grâce à Dieu, voilà bien des inquiétudes et des angoisses de moins pour notre cher ami. Toute la confiance qu'il avait en Dieu vient d'être encore une fois comme raffermie. Pavel Wasilitch est une réponse du Ciel et pour des âmes comme les vôtres un moyen nouveau d'aimer, de remercier et de glorifier la Providence[1]). Fasse le Ciel que votre état de nourrice ne soye pas au préjudice de votre constitution. S'il est vrai de dire que la nature a impérieusement indiqué le devoir à une mère, il est vrai aussi que beaucoup ne peuvent pas le remplir; mais pour vous j'ai comme le pressentiment, que cela vous convient: sage et réglée comme vous êtes dans tout ce que vous faites, vous réglerez aussi les appetits de Pavel Wasiliitch. Je n'ose pas donner de petit nom à ce jeune homme, parce que monsieur son père parle de lui avec tout le respect possible et ne le nomme que par son nom et prénom. Chargez vous, chère, de mes amitiés aussi tendres que respectueuses pour vos parens et de mille choses pour Mia et Lotti. Mes enfants parlent encore de la jolie Gousty et des deux charmants petits. Je n'oublie pas non plus Vaia; son appetit me touchait après une bonne journée d'études. Malgré toutes les peines que je me suis données pour voir vôtre frère Alexandre, je n'y suis pas parvenu. Écrivez lui de venir tout bonnement chez moi. Sophie Sollogoub doit être grosse, cependant on ne l'avoue pas encore, n'en parlez donc pas; elle est plus ravissante que jamais, très en beauté, de cette beauté qui vient de l'âme, et la sienne s'embellit tous les jours. Puisque vous avez témoigné de l'intérêt à mes trois Grâces[2]), je vous annonce qu'elles se portent bien à présent, après avoir subi une coqueluche de six semaines. Je vous embrasse tendrement et vous prie de donner mille baisers à votre ravissante Sacha, dont je vois toujours les beaux yeux bleux, si pleins de réflexions (разума). Que fait la charmante comtesse Voss, dont je conserve un si joli souvenir? A Smirnoff.

Любезный Василекъ, послушная влеченію сердца, начала я письмомъ къ вашей милой, доброй и умной женкѣ. Спасибо ей отъ всѣхъ насъ, васъ любящихъ, что она такъ хорошо окончила свой подвигъ;

[1]) Единственный сынъ Жуковскаго, Павелъ Васильевичъ, родился 1 Января 1845 года, во Франкфуртѣ на Майнѣ.

[2]) Дочери Смирновой: Ольга, Софья (кн. Трубецкая) и Надежда (Соренъ).

а Богу благодарность, что Онъ ее сберегъ, тѣмъ и васъ намъ бережетъ. Вы конечно уже болѣе ею живете, чѣмъ собственною жизнью. Христосъ съ вами всѣми. Вотъ и Сашкѣ явился отъ Бога другъ, а пока она еще смотритъ на него, какъ на игрушку, подчасъ и царапнетъ, можетъ быть, Павла Васильевича; но это въ своемъ порядкѣ. Я бы посмотрѣла, какъ она своими голубыми глазами на него смотритъ.

У насъ не только новый трауръ, но и новое горе: смерть Е. М.[1]) возобновила столько воспоминаній, да притомъ такъ разительна по сближеніямъ, что должна была сильно подѣйствовать на всѣхъ. В. К. очень трогательно огорченъ, съ большою преданностью къ волѣ Божіей. Онъ всегда былъ набоженъ, а въ послѣдніе мои разговоры съ нимъ меня очень поразило расположеніе его души: всѣ слова его отзывались глубокимъ размышленіемъ релизіознымъ. Императрицу я болѣе мѣсяца не видала: у меня былъ коклюшъ, который присталъ отъ дѣтей и произвелъ лихорадку и разные недуги въ моемъ дряхленькомъ тѣлѣ. Она очень страдала біеніемъ сердца, но, говорятъ, что теперь ей лучше. Государь тоже поправился послѣ послѣдняго нездоровья. Въ городѣ скучно, но не уныло; всѣ полны надеждъ назначеніемъ графа Воронцова и почти только объ этомъ и толкуютъ. Нашъ Андрей Карамзинъ вернулся героемъ, съ подвязанной рукой и въ скуфейкѣ; дурно то, что онъ очень страдаетъ головой, впрочемъ это всегда бываетъ отъ контузіи; вѣроятно придется ѣхать на воды. Для Е. А.[2]) всякая разлука трудна и съ каждымъ днемъ труднѣе, она и порадоваться имъ не успѣла послѣ ужасныхъ своихъ безпокойствъ, а разлука опять грозитъ. Мы ее какъ ни уговариваемъ, она все-таки не пересилитъ своего сердца. La plupart est ainsi fait; on ne sent bien vivement, que pour souffrir, et les courtes joies se noyent dans les souffrances; ce n'est que n'en tenir compte à Dieu.

При семъ письмо волтижёру Гоголю. Неужели же не будетъ воскресу его Мертвымъ Душамъ? Пора бы однакожъ. Я ужъ давно говорила Марьѣ Николаевнѣ о его состояніи; она одна можетъ это устроить, это сладится со временемъ безъ сомнѣнія. Полетика вамъ кланяется, онъ проситъ экземпляръ Наль и Дамаянти, въ знакъ памяти и дружбы. Купить могу да не хочу, вотъ его слова. Не затеряйте мое письмо

---

[1]) Это дочь великаго князя Михаила Павловича (который къ А. О. Смирновой былъ дружественно расположенъ), Елисавета Михаиловна, герцогиня Нассауская, надъ прахомъ которой супругомъ ея воздвигнута въ Висбаденѣ, на горѣ Нерона, прекрасная наша церковь. Подобно своему прадѣду, императору Павлу, она страдала нервнымъ разстройствомъ и умерла въ родахъ.

[2]) Т. е. для матери Карамзина, Екатерины Андреевны.

къ Гоголю, тамъ есть вексель; перешлите, если онъ велѣлъ, въ Парижъ. Простите, милый добрый Бык; я недавно перечитывала ваши старыя галиматьи, очень васъ люблю и за старую, милую дружбу и за теперешнее доброе расположеніе. Ваша отъ души А. Смирнова.

14.

Петербургъ, 16-го Марта 1846 года.

Любезный, добрый и прекрасный Василекъ, или по старому Бычекъ, я пишу вамъ по поводу Гоголя и начинаю просьбою, чтобы онъ ничего не зналъ о нашихъ работахъ на его счетъ. Мѣсяца два тому назадъ, я говорила съ великой княгиней Марьей Николаевной, которая которая очень охотно взялась доложить о немъ Государю и приказала приготовить записку. Съ помощью Плетнева, я составила довольно казенную штуку и подала ее ея высочеству. Великая княгиня безпрестанно хворала и теперь еще лежитъ въ постели, и дѣло казалось забытымъ. Однажды въ собраніи (двухперсонномъ) Государь былъ очень со мной милостивъ, и я не пропустила случая ему сказать нѣсколько словъ о Гоголѣ, упираясь на ваши слова, и просила постояннаго пособія въ видѣ пенсіона. Единовременное, да, былъ отвѣтъ, но не пенсію: онъ еще ничего не сдѣлалъ такого, что̀ заслуживаетъ пенсію. Вы понимаете, что тутъ явился вопросъ о его пребываніи за границею, и я описала положеніе его здоровья въ самыхъ черныхъ краскахъ, не подозрѣвая, что нашъ бѣдный Гоголекъ такъ скоро и горестно подтвердитъ мои слова. Вчера явилась ко мнѣ ваша милая и премилая Александра Воейкова[1]) и сказала, что Марья Николаевна отдала Государю третьяго дня мою записку, вслѣдствіе разговора обо мнѣ, въ которомъ онъ, т. е. Царь, весьма лестно изъяснился насчетъ моей персоны. Вечеромъ вчера же былъ во дворцѣ концертъ, первый большой вечеръ послѣ шестимѣсячнаго заключенія. Ко мнѣ подошелъ Орловъ, нельзя сказать, чтобы съ пріятнымъ обхожденіемъ и весьма безъ улыбки и сказалъ: Жуковскій вамъ писалъ о Гоголѣ, надобно подать мнѣ записку; вѣдь онъ молодъ и ничего такого не сдѣлалъ...[2]) Вы понимаете, что я на это ничего не отвѣчала, а только просила убѣдительно, выставляя разстроенное здоровье и невозможность вылѣчиться и заняться дѣломъ безъ этой помощи. Я не авторитетъ для этихъ господъ, а вы une cloue consacrée en littérature, дѣйствительный тайный совѣтникъ въ литературѣ, вамъ и покойный Государь далъ право на безсмертіе и на пенсію; потому я и прибѣгаю къ вамъ, чтобы довершить начатое дѣло во имя ваше. Какъ вы думаете? Не написать

[1]) Дочь Свѣтланы, внучатная племянница В. А. Жуковскаго.

[2]) Точки въ подлинномъ письмѣ.

ли вамъ Орлову коротенькое письмо? Онъ, я думаю, читать не охотникъ, да и заваленъ дѣломъ; такъ пишите ему коротко и ясно, изложите свое мнѣніе насчетъ, по моему, неоспоримыхъ правъ Гоголя. Пожалуйста, ему, Гоголю, ничего не говорите; я какъ-то разъ съ нимъ въ Ниццѣ сказала нѣсколько словъ, и онъ отвергнулъ именно этими словами: «Я теперь еще не имѣю никакого права, а можетъ быть впередъ сдѣлаю что-нибудь, которое мнѣ его доставитъ». Послѣднее его письмо меня очень огорчило: кромѣ разстроеннаго состоянія проглядываетъ какъ бы еще душевное предчувствіе, что онъ свое дѣло не окончитъ.

Послѣднее ваше письмо къ Сонюшкѣ Карамзиной насъ успокоило насчетъ вашего, намъ драгоцѣннаго, здоровья, вдвойнѣ драгоцѣннаго для тѣхъ, которые наслаждались вашимъ семейнымъ счастьемъ. Дай Богъ, чтобы вы совсѣмъ, совсѣмъ поправились, такъ какъ бы вы побывали въ Верне. Рейтернъ же у васъ подъ рукою, и вся милая его семья молится за васъ горячо и усердно. Чистый и прекрасный вашъ ангелъ Élisabeth упроситъ также Бога о вашемъ сохраненіи, о сохраненіи вашихъ силъ для работы, которую вы намъ готовите.

Скажу вамъ нѣсколько словъ объ Императрицѣ. Біеніе сердца у нея продолжается, но не такъ сильно, и вмѣстѣ съ тѣмъ она какъ будто подкрѣпилась въ силахъ: всякій вечеръ принимаетъ, бываетъ у Наслѣдницы, всякій день у Марьи Николаевны, а по вечерамъ довольно весела и говоритъ не задыхаясь, какъ бывало до Новаго года. Говорятъ, что у Государя открылся г. . . . ., и что отъ этого ему лучше, но онъ часто страдаетъ головой и такъ сильно, что принужденъ ходить четыре раза въ день, иногда даже лежать, когда доходитъ боль донельзя. Слава Богу, счастливыя роды Наслѣдницы *) освѣжили ихъ страждущія сердца; но теперь ихъ безпокоитъ в. к. Марья Николаевна. У нея нѣсколько дней сряду были фальшивыя боли по ночамъ, движенье ребенка слабо, и Шольцъ безпокоенъ. Теперь почти недѣля, какъ она лежитъ; но что̀ хуже всего, у нея нервы очень разстроены, elle a l'esprit frappé. Въ городѣ говорятъ, что она написала духовную и будто-бы безпрестанно говоритъ о своей смерти. Elle-dit qu'elle en a une conviction calme et intime, mais qu'elle ne craint pas ses couches. Конечно отъ Императрицы многое скрываютъ, но она сама мнѣ говорила: «Mery a surtout l'esprit frappé». Какъ нарочно нынѣшній годъ много молодыхъ дамъ умерло отъ родовъ, нѣкоторыя въ высшемъ кругѣ. Умерла Вревская, урожд. Ланская, при смерти Гагарина, племян-

---

*) Рожденіе императора Александра Александровича, 26 Февраля 1845 года.

ница Салтыковой, Гагарина урожд. Гурьева. Все это и особенно смерть Е. М. Нассауской ее очень поразило. Роды Марьи Николаевны ждутъ въ первыхъ числахъ Апрѣля. Въ городѣ все попрежнему: концерты, вистъ, вистъ и концерты. Мои всѣ здоровы, учатся и растутъ, а наши Вяземскіе, Карамзины занимаются по прежнему болтовней съ комеражемъ по ночамъ. Обнимаю васъ обоихъ и Сашку и новую штучку. А. Смирнова.

15.

(С.П.Б. Мартъ 1845 года.

Я писала вамъ по оказіи чрезъ М. М. Вьельгорскаго; не знаю, переслалъ ли онъ вамъ мое письмо. Дѣло шло о Гоголѣ. Я просила васъ писать къ графу Орлову по этому случаю. Мнѣ нѣкто, очень вѣрный человѣкъ, котораго вы любите и который васъ любитъ, совѣтовалъ вамъ обратиться прямо къ Великому Князю Наслѣднику. Вотъ что! Прощайте, любезный, добрый и милый Василій Андреевичъ. Сердечный поклонъ Élisabeth и всѣмъ вашимъ. Съ радостью скажу вамъ, что Императрицѣ гораздо лучше, она примѣтно крѣпче въ силахъ. В. К. Марьѣ Николаевнѣ также лучше: черезъ двѣ недѣли ждутъ разрѣшенія, она однакоже въ постели. Ваша отъ души А. Смирнова.

16.

Петербургъ, 27-го Марта 1845 года.

Времени нѣтъ вамъ писать много, любезный Василій Андреевичъ. Соболѣзную живо и нѣжно ко всѣмъ страданіямъ вашимъ; но догадываюсь по словамъ вашимъ, что въ состояніи вашей жены нѣтъ рѣшительно ничего опаснаго. Женскія болѣзни этого рода продолжительны и вылѣчиваются, можно сказать, механически. Покой, горизонтальное положеніе и средства почти локальныя и самыя простыя, вотъ что возстановляетъ совершенно. Легко понимаю, какъ не легко вамъ смотрѣть на это медленное поправленіе, на это долгое страданіе.

Ваши письма настоящая благодать для меня. Если душа ваша не принимаетъ еще, какъ гостя, Богомъ созданнаго, всѣ тревоги и безпокойства, которыя такъ тѣсно связаны здѣсь съ лучшими чувствами, съ любовью особенно, то это точно такъ, какъ и Спаситель нашъ сказалъ: «Да мимо идетъ чаша сія; обаче не якоже Азъ хощу, но яко же Ты». Такъ и вы, повторяйте эти послѣднія слова и вспоминайте, что и Его душа была прискорбна до смерти. Увѣряя себя въ этой покорности къ волѣ Божіей, какъ-то вливаются въ душу миръ и тишина. Конечно, малѣйшая вещь ее возмущаетъ, потому что мы слабы, какъ дѣти; но вы, имѣя полное сознаніе себя и созерцая мыслію душу свою, уже стоите при ней какъ сторожъ и не допустите ея до

унынія. Не смотря на ваши слова, я благодарю Бога за благодатное состояніе, въ которомъ вы находитесь; благодарю васъ и за искренность вашу ко мнѣ. Такія письма перечитываются часто и со слезами. Какъ странно, что чѣмъ болѣе мы любимъ здѣсь, тѣмъ болѣе и сильнѣе рождается и связывается съ этимъ чувствомъ мысль о утратѣ. И какъ трудно примириться съ мыслью, что это милое, желанное, наконецъ усвоенное, не наше. Грустно; но оно такъ, и да будетъ воля Его! Я увѣрена, что приближеніе весны будетъ имѣть самое благодѣтельное вліяніе на вашу жену; надѣюсь даже, что не будетъ нужно никакихъ водъ. Я какъ-то очень боюсь всѣхъ этихъ водъ; пожалуйста не ѣздите въ Пирмонтъ, если бы даже ее туда и посылали; вспомните, что ей Швальбахъ не сдѣлалъ пользы. Вмѣсто всего этого съѣздите въ Италію зимой и убѣдитесь, что одинъ климатъ ее возстановитъ. Вяземскій напугалъ было насъ; у него разболѣлся здоровый глазъ, но теперь совершенно все прошло; онъ кажется спокоенъ и веселъ.

Дѣло о Гоголѣ приняло самый счастливый оборотъ: Государь говорилъ съ Уваровымъ, который по словамъ Плетнева былъ очень милъ въ этомъ случаѣ, и ему назначили на три года по 1000 рубл. с. въ годъ. Скажите вы это ему и научите, что̀ дѣлать. Деньги будутъ получаться въ казначействѣ, за годъ впередъ; вѣроятно на дняхъ мы ихъ вышлемъ. Пусть онъ знаетъ, что все это сдѣлано именемъ вашимъ, а не моимъ. При этомъ письмо къ нему отъ брата Аркадія, который вамъ свидѣтельствуетъ свое почтеніе. Что̀ говоритъ Саша о своемъ братцѣ, и какъ думаетъ и размышляетъ о семъ новомъ явленіи? Великая княгиня Марья Николаевна, слава Богу, поправилась. Императрица себя уходила частыми посѣщеніями двухъ родильницъ, лежитъ въ постели сегодня, но вообще ея здоровье поправилось, и кажется отложили всѣ намѣренія на путешествіе. Признаюсь, этому всѣ радуются. Не забудьте меня, когда сберутся всѣ Рейтерны къ вамъ; скажите имъ, что я помню ихъ доброе расположеніе ко мнѣ съ благодарностью. Въ первый разъ, когда увижу Импер., не забуду разсказать всѣ ваши дѣла. Въ Россіи васъ ждутъ, когда Господь подкрѣпитъ васъ обоихъ; на такой климатъ надобно силы: вчера было 13 градусовъ, сегодня мятель, и снѣгъ валитъ хлопьями. Прощайте.

А. Смирнова.

Вчера вечеромъ принесъ ко мнѣ Плетневъ слѣдующее при семъ письмо къ Гоголю отъ Уварова, т. е. официальное извѣщеніе милостей Государя. Я нечаянно его распечатала. Заставьте пожалуйста Гоголя написать Уварову, или сдѣлать то, что̀ слѣдуетъ, по вашему мнѣнію.

Вчера вечеромъ я была у Императрицы, она лежала и страдала ужасно головой; я ей передала ваши слова и просила при случаѣ сказать Государю, что здоровье вашей жены не позволяетъ вамъ прежде году вернуться въ Россію. «Au nom du Ciel, a-t-elle-dit, dites lui de ne rentrer, que quand elle sera tout-à-fait rémise; nous comprenons donc tout cela». Вчера нельзя было безъ жалости смотрѣть на ея худое и страждущее лицо; при всѣхъ страданіяхъ все таже кротость и терпѣніе. Государь боится старыхъ нервныхъ головныхъ болей; до сихъ поръ похоже болѣе на простуду, потому что и зубы болятъ.

Послѣ собранія, я была у Вяземскаго, насъ сзывали на графиню Нессельродъ. Вяземскій высидѣлъ до 2-хъ часовъ и казался веселъ; кажется, у него и по службѣ есть непріятности. У всякаго своя чаша. Блудовъ былъ такъ милъ, что чудо, разливанное море, разсказовъ, ситацій, память удивительная; и память умная, ловкая, которая водитъ его какъ за руку отъ одного предмета къ другому. C'est le causeur le plus actuel et un causeur Russe. Avec cela il n'a pas d'emprunt dans sa manière. L'hôtel Rambouillet faisait de l'esprit, la régence et Louis XV de la galanterie parlée, la révolution des discours pathétiques que la France actuelle prolonge encore, car on ne parle que pathétique dans les salons français. Chez nous on a imité tout cela, on a fini par perdre la conversation. Je soutiens que Bloudoff est le seul causeur en Russie [1]). Я въ него вчера влюбилась, и съ этимъ чувствомъ любви къ этому сократическому лицу и импровизаторскому таланту остаюсь вамъ много преданная А. С.

17.

Павлино [2]), 19-го Августа 1845 года.

Вотъ какая оказія, любезный Василій Андреевичъ. Императрица ѣдетъ на зиму въ Италію, 21 числа этого мѣсяца, т. е. по вашему 2-го Сентября. Она выѣзжаетъ на пароходѣ въ Штетинъ; въ Берлинѣ она будетъ 5 или 6-го и вѣроятно тамъ отдохнетъ дня три или четыре. Только вчера рѣшили день отъѣзда. Не говорю уже о сердечномъ желаніи вашемъ увидѣть нашу добрую и милую Императрицу, но полагаю еще, что и приличіе требуетъ вамъ туда явиться, въ Берлинъ. Dites après cela, que je ne suis pas l'amie de mes amis: je suis probablement la seule qui aye pensé à vous prévenir de ce voyage. L'Impé-

*) Осторожный и чрезъ мѣру оглядливый въ своихъ писаніяхъ и дѣловыхъ бумагахъ графъ Д. Н. Блудовъ былъ отмѣнно словоохотливъ въ бесѣдѣ и напоминалъ собою слова Пушкина про А. Гумбольта (на котораго тотъ и лицомъ нѣсколько походилъ): рѣчи лились изъ него съ обѣихъ сторонъ лица, какъ изъ каменныхъ львовъ на фонтанахъ.

ratrice a beaucoup désiré partir, malgré la chagrin qu'elle en éprouve, et la peine affreuse que cela cause à l'Emp., qui est très sombre depuis la décision, au dire de ceux, qui l'ont vu. C'est à Palerme, dans la villa Butéra, qu'elle passera l'hiver. Fasse le Ciel que le voyage par terre et quand l'on dirigera par les lignes de fer jusqu'au Brenner, ne la fatigue pas trop. Elle se reposera quelques jours à Como, et de là on la conduit à Gènes, où l'attendra la «Kamtchatka», qui doit la faire voguer sur les ondes de la Méditerrannée j'usqu'au séjour enchanteur de Palerme. J'espère que ces ondes bleux et perfides lui seront propices; je n'aime pas cette mer où j'ai essuyé une tempête au mois de Mai. L'Empereur part quelques jours après elle pour le Midi de la Russie avec Monseigneur l'Héritier. La Grande-Duchesse Olga accompagne sa mère. La suite est composée de Chouvaloff, Aprakcine, des dames Tiesenhausen, Nélidoff et Oconloff. On a écrit encore à la p-sse Bariatinsky pour lui proposer de l'accompager aussi. Je regrette extrêmement qu'on n'aye pas pris le c-te Michel Wielhorsky; c'eut été une grande ressource. Chouvaloff est un excellent maréchal de la cour, et voilà tout. On ne dit pas encore si Mandt l'accompagne. Ce voyage attriste tout le monde; il y aura quelque chose de si désorganisé dans les habitudes de l'Empereur, mais on espère, que cet être si nécéssaire, cette adorable Impératrice y reprendra des forces, si ce n'est la santé. Грустненько и мнѣ, Василій Андреевичъ: она всегда была такъ равно милостива и благосклонна ко мнѣ.

Мужъ мой губернаторомъ въ Калугѣ, и я туда отправлюсь на зиму, на годъ, не знаю на сколько времени. Грустненько и отъ того, что улетѣла молодость, которая все самое тяжкое и горькое облекаетъ въ радужные цвѣты какой-то безотчетной надежды на лучшее. Теперь передо мной только трудъ и забота, а радостей еще нѣтъ, пока выростутъ дѣти. Я страшно отжила и увяла, если не душою, то мыслію. Съ отъѣзжающими напишу вамъ длинное письмо, нѣкоторымъ образомъ очеркъ общества en grand *). Не гнѣвайтесь, если будетъ смѣсь Французскаго съ Нижегородскимъ. A présent, adieu, cher et bien excellent Joukoffsky; mille amitiés à votre charmante Élisabeth; dites lui que je n'ai plus aucune prétention à recevoir de son écriture, quoiqu'elle pourrait le faire en Allemand. J'ai retrouvé une petite lettre de son écriture en Francais, quand je l'ai connue encore à Dusseldorff. Mes amitiés, toujours reconnaissantes, à la famille Reutern, Mia, Lotti. Bonjour. Je pense à elles comme à des fleurs charmantes.

*) Этого письма, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ. П. Б.

Le baron Boudberg a écrit à ses parents, que son âme n'est nulle part aussi à l'aise que parmi vous et les vôtres. Il faut que je connaisse ce jeune homme qui a su vous apprécier; этотъ не изъ дюжинныхъ долженъ быть*). Бѣдному Гоголю все не лучше. Прощайте. Пишите иногда и въ Калугу, куда ѣду въ Октябрѣ. Ваша отъ души. Вьельгорскіе здоровы, ждутъ Софьиныхъ родовъ. Надя очень мила. А. Смирнова.

18.

Петербургъ 20 Сентября (1845).

Вы, говорятъ, сидѣли въ Нюренбергѣ и переписывались на досугѣ съ Сѣверинымъ; на васъ похожи такія переписки, а мнѣ такъ вы никакъ не сберетесь накарабскать цѣлое лѣто. А я между тѣмъ въ хандрѣ, какой избави Боже кого нибудь изъ моихъ друзей и даже недруговъ. Не знаю, получили ли вы письмо, въ которомъ я васъ увѣдомляла о выѣздѣ Императрицы. Хорошо вы сдѣлали, что выѣхали къ ней навстрѣчу. Дюваль, по моему щучьему велѣнью, выслалъ на ваше имя письмо съ векселемъ для Гоголя; перешлите этотъ вексель скорѣе въ Римъ въ посольство, любезный Василій Андреевичъ; онъ теперь очень въ короткихъ и тонкихъ обстоятельствахъ. Знаете ли вы, что я ѣду въ Калугу губернаторствовать. Какъ всякій Русскій человѣкъ, и мы немного профофлындались, какъ говоритъ Полетика, такъ что Калуга пришлась очень кстати. Моя же душа такъ грустна, такъ наболѣла со всѣхъ сторонъ, что я не въ состояніи жалѣть П.бурга, гдѣ я никому не нужна и гдѣ не могла ничего дѣлать добраго за неимѣніемъ способовъ. Въ Калугѣ мнѣ хоть будетъ скучно, но все таки я на что нибудь пригожусь. Слишкомъ трудная жизнь достается нѣкоторымъ на долю, и долго, долго носишь ея бремя, или съ безотчетнымъ равнодушіемъ, или съ смиреніемъ; но когда изнеможеніе духовное преодолѣваетъ, тутъ является и ропотъ, и лукавое сомнѣніе, грызущее сердце. Знаю, что все въ рукахъ Божіихъ; видимо признаю, что рука Его вела меня во всѣхъ путяхъ моей жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ отчаянно грустна и безнадежна. Въ душѣ моей давно уже томилось это чувство грусти, а теперь оно развилось такъ сильно, что трудно это вамъ пересказать. Если вы соберетесь ко мнѣ писать, то адресуйте ваше письмо прямо въ Калугу уже, потому что я туда отправлюсь въ первыхъ числахъ Октября, а пока я живу у Карамзиныхъ въ домѣ.

---

*) Говорится о баронѣ Будбергѣ (впослѣдствіи нашемъ посланникѣ въ Парижѣ) Онъ написалъ біографію Фердинанда Кристина, напечатанную предисловіемъ къ перепискѣ сего послѣдняго съ княжною Туркестановой (см. „Русскій Архивъ“ 1882 года).

Не могу отъ васъ скрыть, что одно изъ вашихъ писемъ я нашла въ углу на столикѣ: вотъ съ какимъ непочтеніемъ обращается Софья Николаевна [1]) съ вашими однакоже извѣстными даже въ исторіи Россійской литературы рукописями. Вѣдь ваше письмо не то что̀ наше какое нибудь, и даже жандармы оказывали вамъ всякія почести въ уѣздныхъ городахъ, когда охраняли вашу драгоцѣнную жизнь. Вѣдь Софья Николаевна должна бы все это знать и прибирать ваши автографы. У меня всѣ они собраны, сложены и перевязаны ленточкой, и со временемъ ими будутъ даже торговать.

Въ Павлинѣ [2]) мы прочитали ваше письмо къ Сологубу, по случаю Тарантаса. У него конечно есть талантъ, но признаюсь, вотъ имя-то Тарантасъ не что иное какъ слабый отпечатокъ Мертвыхъ Душъ: тоже направленіе, таже смѣшная сторона, даже и *de la vulgarité*; но нѣтъ той силы, той оконченности, которая у Гоголя такъ живо рисуетъ лицо и тѣмъ самымъ искупила многіе недостатки. При этомъ отстутствіе сильнаго убѣжденія, и только намеки и улики въ отсутствіи горячаго чувства между классомъ мыслящимъ. Въ домѣ Віельгорскаго нельзя это сказать конечно, но таково мое мнѣніе о Тарантасѣ. Ваше письмо восхитило милую Софью Михайловну, которая еще милѣе и умнѣе сдѣлалась. Всѣ они ангельски добры и меня пригрѣли нынѣшнее лѣто, какъ родные. Братъ мой Аркадій свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе. И такъ прощайте, прекрасный и добрѣйшій Василій Андреевичъ, да сохранитъ васъ всѣхъ Господь! Не забывайте сказать всѣмъ Рейтернамъ мой дружескій поклонъ. Жену вашу разцѣлуйте. А. Смирнова.

19.

Kalouga, 21-го Février 1846.

Mon cher Joukousky, je réponds à votre second appel, quoique je ne devrais pas dutout le faire, vu que je suis abominablement malade depuis six semaines à peu près. Une maladie de nerfs est tout ce qu'il y a de plus stupéfiant et de plus humiliant pour l'espèce humaine, et c'est dans cet agréable état que je me trouve. Sans forces aucunes pour lutter contre des peurs, des angoisses, des idées bizarres, je souffre beaucoup. Je me traite, j'essaye des distractions possibles à Kalouga; mais cela ne va pas beaucoup mieux, et je commence à craindre qu'il me faudra faire un voyage. Or, je ne crains rien comme les voyages, sources de dépenses et de faux frais. D'ailleurs, mon mari a réellement

---

[1]) Дочь Карамзина отъ перваго брака его. Говорятъ, у нея было много писемъ Лермонтова. Сохранены ли они?

[2]) Дача графа Віельгорскаго подъ Петербургомъ.

besoin de notre présence, et moi je ne saurais me séparer de mes enfants, de sorte que je suis dans une pénible perplexité. Plus on vit, plus on voudrait simplifier la vie, et au contraire elle se complique toujours de devoirs et d'exigences nouvelles. Pour être parfaitement tranquille, il me faudrait une dose d'égoïsme, que je ne trouve plus dans ma conscience éveillée, et si je me décidais à partir avec mes enfants, je suis sûre, que je serais très tourmentée de l'idée de laisser mon mari seul au milieu de ce désert, accablé d'affaires et abreuvé de dégoût. Je suis persuadée qu'une partie de mes souffrances a été causée par l'initiation toute nouvelle à un genre de désordre de l'humanité, que j'ignorais à P-bourg et dont rien ne me distrayait ici; car au délà du cercle d'idées purement gouvernemantales il n'y a pas d'autre intérêts pour la pensée. L'Europe, P-bourg même, la musique, la peinture, le commérage en grand, tout cela n'existe pas pour la province, et le commérage provincial est si mesquin, si abject qu'on s'en détourne avec dégoût. Figurez vous donc ma personne, entourée de tchinovniki, déroulant chacun leur chapelet de misères sociales, et cela depuis le matin jusqu'au soir, et rien que cela, jamais autre chose. Avec cela rien que des figures étrangères et qui me resteront éternellement étrangères, car nous sommes séparés par caste, non pas administrativement, mais moralement et intellectuellement, et la sphère des idées abstraites et générales, celle qui fait que le baron Allemand comprend le commis-voyageur et vice-versa, cette sphère-là est toute différente pour moi et pour mon *предсѣдатель*. La province est pénible et fâcheuse dans certaines conditions morales, quoique bien plus curieuse à étudier, qu'on ne le pense. Je ne puis assigner à aucune époque historique de l'Occident le phénomène de l'anomalie sociale, qui se produit chez nous et qui réagit si vivement sur l'individu. C'est triste et curieux, et cela agit sur moi maladivement; mais n'en parlons plus et tâchons d'aimer beaucoup, ce qui est si grand et si vigoureux encore en soi-même.

Revenez nous, vous aussi, cher et bien aimé Joukovsky; je vous dirai avec un vif plaisir que vous êtes très populaire en province, et plus par vous-même, que par vos oeuvres. On vous a trouvé très Russe dans vos voyages avec Monseigneur l'Héritier, très intéressé à tout ce qui est Russe, et la province aime beaucoup cela. Le Grand-Duc a laissé aussi à Kalouga une impression très douce; son affabilité et sa politesse lui ont attiré tous les coeurs, et vous pensez bien que j'entretiens autant que possible ces favorables dispositions. Dans les circonstrances actuelles nous ne saurions assez être monarchiques et conservateurs, pour me servir du mot que la France démonétise tous les jours par ses clameurs et dont le sens est si profond pour nous.

J'obéis à votre injenction en vous écrivant en français, mais j'espère que cette obéissance me vaudra aussi quelques lignes de la part de votre chère et belle Élisabeth, que j'aime de tout mon coeur. Il faut bien qu'elle se décide à m'écrire une fois en Allemand pour me donner des nouvelles de Sacha et Павелъ Васильевичъ; je tiens beaucoup à savoir comment ces deux petits individus se dévéloppent et comment ils se comprennent, comment madьmoiselle Sacha gourmande monsieur son frère. Je lis si bien les romans de ma cher Frédérike Bremer, que je comprendrai très bien les lettres d'Élisabeth. Rappelez moi ou souvenir de tous les vôtres, je les aime tous, tous et Mia et Lotti; que font-elles ces chères et charmantes créatures? N'oubliez pas de dire à tout le monde mes tendres amitiés.

Enfin voilà donc notre belle Grande-Duchesse Olga qui fait un beau parti. La Russie est très satisfaite. La première chose qu'on m'a demandée ici c'est si elle sera reine. Ce mouvement d'orgueil esţ bien naturel pour un pays convaincu qu'une princesse de Russie est le premier parti de l'Europe. Jusqu'à présent, il n'y a cependant pas eu d'annonce officielle.

Savez vous que j'ai une grande prétention, mes chers amis. Il faut que vous sachiez que je possède les portraits de plusieurs personnes agréables à mes souvenirs, et Jocousini figure aussi sur une armoire qui contient mes livres favoris et les écrits de son excellence entr'autres. Par le même cas je me prends à le plaindre de sa solitude et à désirer vivement qu'un portrait de sa femme vienne lui tenir compagnie. Ne pourrait-on pas me faire une petite copie du grand portrait de Sohn? Pensez y et pensez à tout le plaisir qu'il me fera. Sur ce je vous quitte, en vous rémerciant pour l'épopée de votre vogage, qui m'a fait le plus grand plaisir. Je l'ai déjà recu à Kalouga, où je suis arrivée en Novembre par des chemins bien autrement tragiques que vos montagnes. Michel Narichkine, le Sibérien, a passé deux jours chez nous. Vous savez que nous sommes un peu parens par sa femme [1]). C'est un être charmant, doux et bon; elle m'a beaucoup parlé de vous avec une tendre réconnaissance et me charge de mille amitiés pour vous. Mon frère Clément est venu me voir, ainsi que ma soeur, qui s'est mariée à un prince Obolensky, neveu d'Alexandre Петровичъ, que vous avez connu. Тимирязевъ[2]) demeure ici dans le gouvernement, et je l'ai fait venir, car

---

[1]) Елисавета Петровна ур. графиня Коновницына.

[2]) Иванъ Семеновичъ Тимирязевъ, оклеветанный въ злоупотребленіяхъ по управленію Астраханскимъ краемъ потомъ вполнѣ оправданный. См. въ „Русскомъ Архивѣ“ 1884 (I). „Страницы прошлаго“ (воспоминанія его сына, Өедора Ивановича).

il est très abattu de tout ce qui lui est arrivé, mais pas aigri du reste et ne s'occuppant que de l'éducation de son fils, autant que lui permettent ses moyens, très minimes. Cela prouve au moins qu'il a été intègre à Astrakhan, et l'intégrité est chose rare. Adieu! Mon écriture trahit la fatigue et l'état nerveux, où je suis. Adieu, que Dieu vous protège tous, mes chers et bons amis. A. Smirnoff.

Mon mari vous présente ses respects, les enfants se portent bien.

20.

Калуга, 15-го Іюня (1846).

Милое и дружеское въ полномъ смыслѣ письмо ваше я получила съ недѣлю, любезный Василій Андреевичъ. Собираю всѣ свои силёнки, чтобы вамъ отвѣтить. Я больна тѣломъ и душею, т. е. у меня нервная болѣзнь; душу свою я ничѣмъ не въ состояніи лѣчить, какъ только терпѣливымъ ожиданіемъ или повиновеніемъ волѣ Божіей. Читать я совсѣмъ не могу, у меня голова слаба; иногда могу слушать, какъ мнѣ читаютъ. Я лѣчилась два мѣсяца въ Москвѣ водою. Перемѣна жизни и безпрестанное развлеченіе, хотя впрочемъ чисто матеріальное, дѣйствовали благопріятно; вернувшись сюда, пока стояла у насъ погода холодная, я поддерживалась; но съ тѣхъ поръ, какъ начались жары, мнѣ опять хуже и гораздо хуже. Слабость невыразима; при всемъ этомъ, я хожу цѣлыми часами. Что̀ будетъ впередъ, не знаю; докторъ увѣряетъ, что хуже быть не можетъ, и то спасибо. Прошу только у Бога терпѣнія и примиренія съ болѣзнью. Книгу вашу буду читать, когда слабость мыслей позволитъ, теперь же не понимаю ничего. Мнѣ жаль себя самой; ваша черненькая другиня расклеилась и поглупѣла. Видно, такъ Богу угодно, и въ этомъ да будетъ Его святая воля. Развлеченій нѣтъ никакихъ въ Калугѣ, да впрочемъ и мало что меня развлекаетъ. У меня живутъ братья и жду еще Клементія изъ Кіева. На дѣтей мнѣ грустно смотрѣть, вы это поймете. Женѣ вашей дружескій поклонъ и поцѣлуй. Да сохранитъ васъ Господь всѣхъ. Помолитесь и о мнѣ. Гоголю не пишу, и онъ мнѣ не пишетъ.

А. Смирнова.

21.

Калуга, 27-го Іюня (1846).

Вотъ и сама къ вамъ пишу, любезный и добрѣйшій Василій Андреевичъ, хотя еще чувствую слабость послѣ родовъ *). До сихъ

*) Въ Калугѣ родился единственный сынъ А. О. Смирновой, Михаилъ Николаевичъ, нынѣ тоже покойникъ.

поръ все благополучно, и сегодня наступила пятая недѣля. Дай Богъ медъ пить и вашей милой женѣ и мнѣ, устами Коппа. Дай Богъ, чтобы ей помогъ Интерлакенъ, а мнѣ моя закорючка. Я помню, что въ первый разъ, когда я страдала нервами, мнѣ было хорошо въ Швейцаріи, не смотря на скуку, которую наводитъ эта гористая губернія. Ваша жена несомнѣнно поправится, потому что въ ея лѣта нервные недуги преходящи. Рецидивъ, о которомъ вы пишете, не долженъ васъ пугать: онъ не будетъ ни столько силенъ, ни столько продолжителенъ; но безъ рецидива дѣло не обходится въ этихъ болѣзняхъ, которыя чистое испытаніе, посылаемое Богомъ. Никогда не читала я съ такимъ усердіемъ и благодарностью молитву Ефрема Сирина, какъ во время сильныхъ припадковъ болѣзненныхъ. Впрочемъ довольно, о болѣзни не хочу и думать; Господь Богъ одинъ властенъ отнять ее совершенно; онъ внушитъ и Коппу, и Максу Беккеру способы насъ излѣчить. У меня теперь братья Клементій, Аркадій, а на дняхъ жду Александра *) съ молодой женой изъ Орла. Я ему здѣсь пріискала эту женушку, небогатую, не красавицу, но прекрасную сердцемъ, душою и умомъ; она напоминаетъ нашу милую Софью Сологубъ, воспитана прекрасно, говоритъ по французски и даже по нѣмецки, такъ какъ наши первыя дамы Петербургскія. Однимъ словомъ, рѣдкое явленіе въ губерніи.

16-го Іюля я выѣзжаю въ Ревель, гдѣ покупаюсь въ морѣ, останусь Сентябрь, чтобы посмотрѣть на Императрицу, повидаться съ знакомыми и потомъ опять въ свою Калугу на зиму. Дѣтей нельзя болѣе отрывать отъ уроковъ: Оленькѣ 14-й годъ. Одной жить нельзя въ Петербургѣ, а мужа одного невозможно оставить на съѣденіе скуки въ Калугѣ. Все это надобно принять въ соображеніе; вдобавокъ же всего я управляю имѣніемъ. И такъ, гдѣ и какъ увидимся, любезный Василекъ, неизвѣстно. Если, Богъ дастъ, жена ваша поправится, можетъ быть вы завернете въ Россію, и тогда я къ вамъ выѣду въ Питеръ или въ Москву, а можетъ быть и вы въ Бѣлевъ проберетесь: тогда вамъ не миновать нашей префектуры. Прощайте, устала, да благословитъ васъ Богъ и улучшитъ ваше житье-бытье. Нѣжно поцѣлуйте милую страдалицу, которая теперь, можетъ быть, бодра и весела духомъ. А чтò Сашка и Павелъ Васильевичъ? Мой Мишуточка здоровъ, слава Богу, а дѣвчонки подрастаютъ въ невѣсты. Ваша отъ души съ благодарностью за милую и сердечную заботливость. А. С.

Николай Михаиловичъ и всѣ братья свидѣтельствуютъ глубочайшее почтеніе.

---

*) Женатаго на Офросимовой. Этотъ единоутробный братъ А. О. Смирновой Александръ (его звали и Карломъ) одинъ былъ женатъ и оставилъ потомство.

22.

Kalouga, 3 Octobre.

Il y a quelque temps que j'ai reçu votre lettre, mon cher et excellent monsieur Joukoffsky. Si je n'ai pas répondu de suite ce que j'étais trop faible. Пишу по французски по вашему шучьему велѣнію. J'espère qu'a l'heure qu'il est Lotti est remise et toute la chère famille réunie et rassurée. Comment Lotti, la fraîcheur et la santé même, a fait pour gagner une fièvre nerveuse, une maladie si terrible? Je vous prie de faire part à Reutern de l'intérêt bien sincère et bien vif que j'ai pris à leurs inquiétudes. Votre lettre m'a vivement touché, mais malheureusement les plans que vous formez pour moi ne sont pas réalisables. Nos affaires ne me permettent pas de voyager; ma maladie ayant duré près d'un an, m'a empêchée de m'en occuper, et mon mari a peine à réussir avec les affaires du gouvernement. D'ailleurs je crois que ce que l'on appelle communnement les distractions ne peut agir que sur une très jeune personne, qui ne s'est pas abusée jusqu'a satièté des plaisirs du monde, des voyages et de la conversation. A mon âge, avec la faculté que je possède de me blaser de tout fort vite, faculté malheureuse, il n'y a qu'un moyen de distraire les pensées: c'est de prier, constamment prier, lire des livres de piété et s'occupper de ses propres affaires, c. a. d. de son ménage et de ses biens. D'ailleurs je ne suis pas sans ressource à Kalouga: mon frère Clement est chez nous depuis trois mois, mon frère Leon Arnoldi sert ici à la régie, Ioseph est continuellement entre Kalouga et Orel, où il va épouser une charmante demoiselle et passer l'hiver avec sa femme chez nous. Voilà de quoi se distraire. Excepté cela nous avons eu beaucoup d'oiseaux de passage pour 5, 6 et 8 jours l'un après l'autre, de sorte que je n'ai eu que trop de distractions. Тимирязевъ va s'établir ici avec sa famille, car vous savez que renvoyé d'Astrahan il s'est établi dans sa terre de Лихвинъ. Vous avez oublié l'intérieur de la Russie, que vous aimez tant; savez vous qu'il y a beaucoup plus de ressource, qu'on ne le pense. Maintenant je connais mon gouvernement sur les bouts des doigts et je n'ai qu'à mettre le pied hors de la ville pour trouver partout des gens civilisés, agréables et qui vous font cet acceuil d'une hospitalité qui n'a pas son pareil en Allemagne. J'ai été à Таруса, c'est à dire à Лопатино, chez Авдотья Ивановна Нарышкина, où nous avons beaucoup parlé de vous avec elle et le *Moreau*; ils me chargent de mille amitiés pour vous. J'ai du raconter tout ce que vous faites et comment est votre femme, et la bonne et angélique m-elle Narichkine ne faisait que répeter: Пошли имъ Богъ

свое благословеніе, продли имъ Богъ счастье и жизнь! Elle est d'une piété, d'une douceur et d'une charité, dont l'aspect était tout nouveau pour moi. Вообразите, что у нея сидятъ и становая, и жена исправника, и судья Тарусскій, и князь Голицынъ, и Бахметьевы племянники, и Лопухины, и все какъ-то у нея ладится и не знаешь, кого она болѣе любитъ и уважаетъ. Крестьяне и дворовые у ней блаженствуютъ, долги она выплачиваетъ, а между тѣмъ въ *викторіальные* дни 70 персонъ садятся за столъ. Ее обожаютъ въ Тарусскомъ уѣздѣ*). Здѣсь за мной ухаживаютъ три старыя барышни Бахметевы, очень умныя и благочестивыя дѣвушки; мы съ ними читаемъ, много ходимъ по приказанію доктора, а вечеромъ ѣздимъ въ гости къ Нелединскимъ, т. е. къ сыну Юрія Александровича, который женатъ на Теличеевой. Онъ, послѣ бурной и безнравственной жизни, весь обратился къ Богу, добръ, простъ и милъ. Однимъ словомъ, если Богъ пошлетъ мнѣ здоровье, жизнь моя будетъ самая пріятная. Il y a beaucoup de pauvres à sécourir, en province on est plus près d'eux, j'ai une petite école, fondée par l'ex-gouvernante Joukoffsky, d'une manière très sage. Nous y élevons 20 bourgeoises, qu'on habitue à faire la cuisine, la lessive, à coudre et broder et qui doivent savoir le catéchisme et l'histoire sainte. Nous avons deux ou trois prêtres très distingués, de bons chantres à la cathédrale, enfin la vie s'écoule doucement et gaiement. A l'heure qu'il est je suis encore très faible, ce qui au reste plait beaucoup à mon médecin qui a vaincu les insomnies, l'agitation extrême. Pendant deux mois je n'ai pas fermé l'oeil, pas avalé un morceau de pain, et néanmoins je marchais toute la journée, sans pouvoir me calmer pour une seconde. Чтò не придумалось и не перечувствовалось въ эти два мѣсяца, и какъ тутъ не смиряться передъ Богомъ и передъ ближнимъ, когда чувствуешь свое совершенное безсиліе. Теперь еще все это безсиліе и неувѣренность продолжаются, но выдаются минуты хорошія. И такъ, другъ любезный, благодарю за дружеское предложеніе, за голосъ сердца вашего, всегда любящаго. Останусь здѣсь съ упованіемъ на Божію милость. Докторъ мой хорошъ, онъ здѣсь 15 лѣтъ и помогъ такимъ же больнымъ, какъ и я, которые меня сами въ этомъ увѣряютъ. Господь ему и внушитъ, какъ меня лѣчить. Дѣти мои, слава Богу, здоровы; старшія очень безпокоились, особенно поразило ихъ, когда мы подымали образъ Калужской Божіей Матери. Тутъ были такія слезы, что я ихъ ввѣкъ не забуду. А Надя меня по своему жалѣла, говорила: «C'est qu'il faut te distraire, joue au loto avec moi, et quand tu auras un quaterne, tu seras bien». Mille choses à tout le monde chez vous. Adieu,

*) См. объ этой достопамятной женщинѣ въ Воспоминаніяхъ графа М. Д. Бутурлина („Русскій Архивъ" 1898).

cher et bien excellent ami, que Dieu vous conserve tous en bonne santé; le reste ira bien. Je suis fatiguée. J'embrasse Élisabeth, Mia, Lotti, Sacha, Павлуша et vous aussi. Vive l'Odyssée! Quand paraît - elle? Гоголю скоро напишу. А. Смирнова.

23.

Калуга, 7-го Апрѣля (1847).

Письмо ваше, любезный и добрый Василій Андреевичъ, лежитъ двѣ недѣли безотвѣтно, вопреки моему желанію. Что же дѣлать, если я до сихъ поръ въ строгой подчиненности у своихъ нервъ. Никто лучше не понимаетъ, никто болѣе не соболѣзнуетъ страданіямъ вашей бѣдной жены, какъ я. Вся разница въ томъ, что ея опасенія за жизнь, а мои за разсудокъ, что страдаешь невыразимо! Это мученія адскія, и невольно изъ глубины страждущей души вырывается непокорный запросъ: Господи, за что такъ тяжко меня наказываешь или испытываешь? И я два года страдаю, иногда сносно, иногда тяжко, но свободныхъ минутъ не имѣю. Однако между мною и женой вашей большая разница лѣтъ; она непремѣнно поправится и совершенно, я знаю это по опыту, потому что, десять лѣтъ тому назадъ, была больна и поправилась скоро. Если бы я знала осенью, что она больна, дала бы вамъ совѣтъ ѣхать въ Италію, развлечь ее непремѣнно. Развлеченіе едва ли не одно изъ лучшихъ средствъ въ болѣзняхъ нервныхъ, когда страждетъ воображеніе. Пожалуйста не возите ее ни на какія желѣзныя воды, они раздражаютъ нервы, а не укрѣпляютъ ихъ, реакція слишкомъ сильна, и нервная система ея не выноситъ. Доктора, совѣтуя ихъ употреблять, забываютъ, что, въ теченіе пятидесяти послѣднихъ лѣтъ, произошла перемѣна въ болѣзняхъ, что ни одна горячка не проходитъ безъ нервныхъ припадковъ и все отъ раздраженія, болѣе чѣмъ разслабленія. Надѣюсь, что весна и лѣто благотворно подѣйствуютъ на вашу жену, на меня же эти два сезона дѣйствуютъ очень неблаготворно: находитъ тоска еще сильнѣе, и теперь я уже вступила въ этотъ періодъ. Да, жизнь не поэтическій сонъ, а строгое испытаніе, и горе тому, кто испытываетъ слова ап.: молить, чтобы искушенія не были сверхъ силъ человѣческихъ. Поминаются и эти слова ап.: что мы въ тѣлѣ своемъ сочетаваемъ то что̀ недоставало страсти Христовой, и плотію распинаемся съ Нимъ. Если же Онъ скорбѣлъ и плакалъ, что же намъ послѣ этого, намъ слабымъ людямъ дѣлать и какъ не плакать и не роптать иногда? Надобно имѣть вѣру непоколебимую, чтобы вынести такія страданія; иначе какъ вмѣстить въ себѣ безпрестанно зарождающійся запросъ: зачѣмъ именно я такъ страдаю, когда возлѣ меня порокъ, безнравственность, грубое безчеловѣчіе награждаются всѣми силами ума и всѣми удовольствіями жизни? Женѣ вашей мой нѣж-

ный поклонъ и живое участіе въ теперешнемъ ея положеніи. Я увѣрена, что смерть сестры имѣла сильное вліяніе на ея здоровье, хотя вѣроятно менѣе огорчила, чѣмъ могла огорчить въ здоровомъ состояніи. Надѣюсь впрочемъ, что письмо мое застанетъ васъ обоихъ уже въ другомъ расположеніи духа. Дай вамъ Богъ насладиться прежнимъ спокойствіемъ. Рейтернамъ мое глубокое почтеніе и благодарность за воспоминаніе. Неизъяснимо трогательно объявленіе этой смерти; какъ сравнить это сь нашими billets de faire part, въ которыхъ нѣтъ никакого смысла. Знаете ли вы, что Вяземскій былъ очень боленъ, но совершенно оправился послѣ нервной горячки? Читали ли вы книгу Гоголя и знаете ли вы какіе толки пошли о немъ. Въ Москвѣ его сочли совсѣмъ за сумасшедшаго и объявили это во всеуслышаніе, разумѣется *его друзья*. Онъ много страдалъ, и всѣ ошибки его въ томъ, что онъ всѣхъ полагалъ такими же страдающими; а дѣло въ томъ, что большая часть живетъ въ ладу съ своими пороками: въ этомъ мнѣ порукой цѣлый городъ Калуга, преспокойно почивающій на лаврахъ своего разврата и безнравственности. Боже, Боже, что̀ за ералашъ во внутренности Россіи, что̀ за разладъ между внѣшними требованіями ложнаго нашего просвѣщенія и настоящимъ понятіемъ о просвѣщеніи. Здѣсь не существуетъ идея, идеалъ, типъ того, что̀ называютъ честнымъ человѣкомъ, а напротивъ того, составили себѣ какое-то чучело, которое называютъ Русскимъ честнымъ человѣкомъ, хорошимъ семьяниномъ и проч. Съ неизъяснимымъ отвращеніемъ я слышу отзывы о честности у насъ, и просто мерзавецъ для меня лучше. Какъ и зачѣмъ все это завелось на Руси? Господи, Ты одинъ вѣдаешь, что̀ изъ этого будетъ. При больныхъ нервахъ, il n'est pas bon de tâter cela du doigt, c'est une plaie qui pue. Хочется иногда отдохнуть душѣ, но видно еще не пришло время отдыха тѣлу и христіанскаго равнодушія душѣ. Пожелавъ вамъ отъ нѣжно васъ любящаго сердца лучшихъ дней въ скоромъ времени, обнимаю обѣихъ и цѣлую Сашу и Павла Васильевича.

А. Смирнова.

24.

С.-Петербургъ, 16 Марта 1852.

Любезный и добрѣйшій Василій Андреевичъ, давно собиралась къ вамъ написатъ; но я болѣю, безпрестанно болѣю; поправилась было повидимому, и тогда поднялись житейскія заботы, всякія непріятности служебныя, вслѣдствіе которыхъ разболѣлась еще болѣе. Но не о себѣ теперь. Плетневъ сообщилъ мнѣ ваше любезное письмо. И вы и мы всѣ грустимъ о добромъ, миломъ, много миломъ Гоголѣ. Какая потеря для всѣхъ, каждому въ его мѣру, въ его потребность! Странно, отъ чего онъ сдѣлался такъ нуженъ всѣмъ своимъ друзьямъ; ста-

ло быть, велики были залоги въ этой душѣ, истинно и глубоко христіанской. Лѣтомъ, онъ былъ у насъ въ деревнѣ *) и провелъ двѣ недѣли къ ряду, вставалъ очень рано, бродилъ по рощѣ; я уже была больна, онъ меня ободрялъ, но видимо самъ страдалъ и жаловался на лѣность желудочныхъ отправленій. Купался ежедневно, это его освѣжало, а по утрамъ я заставала его за работой; онъ, казалось, торопился окончаніемъ второго тома Мертвыхъ Душъ. Въ Октябрѣ я съ нимъ простилась въ Москвѣ; онъ казался разстроенъ и прекратилъ прощаніе пожатіемъ руки, ушелъ скорымъ шагомъ, и кто могъ подумать, что это было наше послѣднее свиданіе! Къ Новому году онъ еще писалъ ко мнѣ нѣсколько словъ; но я не могла отвѣчать, а 21-го Февраля его не стало. Какая трогательная смерть! Такъ скончался недавно Макарій въ Болховскомъ монастырѣ настоятель, такъ же и Георгій, Задонскій затворникъ. Въ Москвитянинѣ есть статья Погодина, прекрасно написанная, гдѣ всѣ подробности, узнанныя отъ графа Толстого. Все сожжено, за исключеніемъ маленькаго портфеля, который онъ самъ отдалъ Шевыреву, да еще запечатанъ его шкафъ; надѣются, что тамъ найдется кое-что. Толстой слегъ въ постель; въ его комнаткѣ читаютъ сорокоустъ, исполняется съ покорностью обрядъ нашъ Православный. Покойный такъ любилъ, понималъ и цѣнилъ премудрость нашихъ церковныхъ постановленій. Его жалѣютъ много и многіе; но пишутъ мало, что̀ весьма хорошо: съ горяча написали бы лишнее, пристрастное, и пошла бы журнальная перепалка. Хоронилъ его Университетъ. Назимовъ поступилъ благородно и съ чувствомъ: самъ опустилъ его въ могилу въ Даниловомъ монастырѣ, возлѣ Языкова, его друга. Графъ Закревскій былъ на похоронахъ, колесница ѣхала пустая, а студенты и профессора несли на плечахъ отъ церкви до кладбища. Все это утѣшительно. Пишу эти подробности; вамъ дорого все, что̀ у насъ дѣлается хорошаго. Вышли два его портрета, одинъ въ гробу хорошъ, а другой въ профиль, Мамонова, неудаченъ. Женѣ вашей дружескій поклонъ, много писать не могу. Если Богъ дастъ силы, буду писать чаще; забудьте, что не писала. Вы знаете, что я васъ люблю и давно, и хорошо. Да какъ васъ не любить, нашего старца? Да подкрѣпитъ васъ Господь и сохранитъ еще на долго для вашего милаго семейства. Что̀ Сашка и Павелъ Васильевичъ? Віельгорскихъ видѣла мало, а теперь и совсѣмъ не вижу, потому что у моего сынишки корь была. О Гоголѣ они мнѣ даже не написали ни полсловечка. Бѣдный Вяземскій о немъ взгруснетъ: они очень сблизились въ послѣднее время. Прощайте, добрѣйшій и старый другъ. Ваша отъ души А. Смирнова. Гугерту поклонъ.

*) Въ селѣ Спасскомъ, Бронницкаго уѣзда, на Москвѣ-рѣкѣ, нынѣ принадлежащемъ графу Орлову-Давыдову.

КЪ БІОГРАФІИ В. А. ЖУКОВСКАГО.

Выдержки изъ его бумагъ.

Жуковскій съ самаго своего рожденія окруженъ былъ любовью. Супруга его отца (†1792), Марья Григорьевна Бунина, ур. Безобразова (†1811) писала ему, когда онъ еще учился въ Университетскомъ Благородномъ пансіонѣ, и потомъ, когда предстояло ему выбрать родъ жизни:

«Другъ мой Василій Андреевичъ! Посылаю деньги за половину пансіона и хочу тебя успокоить. Ну, мой другъ, отпиши, есть ли надежда, что обѣщали твои милостивцы. Рѣдко пишешь. Хоть строчку да почаще. Ты знаешь, что я очень тебя люблю и хочу знать о тебѣ. Я только требую отъ тебя, чтобы ты написалъ: я здоровъ. Ну прости. Люби ту, которая тебя любитъ. Марія Бунина».

«Никто въ свѣтѣ больше не можетъ тебѣ желать добра, мой милый Василій Андреичъ, какъ другъ твой; столько же можно, а больше я никому не дамъ преимущества. И такъ, мой другъ, мнѣ не кажется выгоднымъ мѣсто, которое тебѣ предлагаютъ; не по твоему характеру, ни по твоимъ занятіямъ; ты совсѣмъ будешь лишенъ свободы, да и служба эта почти партикулярная. Быть въ канцеляріи Везмитинова, это почти тоже что домовой секретарь. Или я не такъ понимаю? Погоди, мой милый другъ, послужи на своемъ мѣстѣ. Богъ вѣрно тебѣ дастъ все хорошее, давши тебѣ такой прекрасный нравъ и ты будешь утѣшеніемъ твоихъ друзей и Е. Д.»

«Ты пишешь про военную и Вязмитинова, то мнѣ - такъ кажется, подождать: еще старшинство не уйдетъ. А тутъ покойно, и ты живешь какъ хочешь, а тамъ какъ въ лѣсу, и содержанье тоже, а и Вязмятиновъ человѣкъ такой. Подумай самъ и отпиши. Ну прости. Другъ твой М. Б.»

Votre maman ne veut pas que vous alliez à Pétersbourg.

Спросись у Николая Ивановича *), другъ мой Basile, и пріѣзжай къ намъ совсѣмъ. Тебѣ, кажется, не зачѣмъ жить: прежде двухъ мѣсяцевъ разрѣшеніе не будетъ изъ банка, а тогда уже съ матушкой поѣдешь. Кафтанъ непремѣнно сшей. Прощай. Мочи нѣтъ писать больше. Карандаши привези.

---

*) Н. И. Вельяминовъ, старшій зять М. Г. Буниной, служившій въ Москвѣ въ Главной Соляной Конторѣ, куда поступилъ чиновникомъ Жуковскій.

Изъ Бѣлева 1808. Апрѣля 21 дня Марья Григорьевна пишетъ о томъ, что ее безпокоитъ Офросимовъ, не рѣшающійся сдѣлать предложеніе ея внучкѣ, Марьѣ Петровнѣ Юшковой. Отецъ сей послѣдней, Петръ Николаевичъ Юшковъ (бывшій въ перепискѣ съ Лафатеромъ) пишетъ Жуковскому.

Je vous félicite, mon cher Василій Андреевичъ, avec le nouvel an, en vous souhaitant tout le bonheur possible. Bien de remercîments pour vos vers. Они очень хороши. Продолжай, мой другъ, счастливо каріеру стихотворства; да нѣтъ ли чего хорошенькаго новаго сочиненія въ книгахъ и прочемъ? Да не забудь о словарѣ, на которой я имѣю отъ Ридигера билетъ и двѣ части уже получилъ. Dites moi aussi, mon cher ami, quelque chose de monsieur Divoff. Je suis à jamais votre vrai ami

P. de Youchkoff.

Въ письмѣ отъ 15 Августа 1800 изъ Мишенскаго онъ проситъ купить ему книгъ. «У насъ теперь Филатъ Гавриловичъ [1]), которой тебѣ кланяется; онъ поѣхалъ на праздникъ къ Киреевскому обѣдать. Сочиняетъ поэму, вѣрно. Ты, мой другъ, что̀ сочинишь, пришли ко мнѣ, хотя бы это были и отрывки».

*

Жуковскій родился 29 Генваря 1783 года. Ему шелъ четвертый отъ роду годъ, когда (18 Марта 1786 года) выданъ былъ его матери, по заявленію надворнаго совѣтника Аѳанасія Ивановича Бунина, изъ Московскаго Губернскаго Правленія (за № 7414) „въ свободному въ Россіи жительству" указъ, въ которомъ между прочимъ значится, что „Турчанка Салха, въ 1770 году, взята была при взятіи города Бендеръ съ прочими таковыми же въ полонъ и досталась маіору Муфелю, и того же году онымъ маіоромъ по выѣздѣ въ Россію отдана ему Бунину на воспитаніе, и по изученіи Россійскаго языка приведена была въ вѣру Греческаго исповѣданія, при чемъ воспріемниками были жена Бунина Марья Григорьевна и иностранецъ, воспріявшій же вѣру Греческаго исповѣданія Дементій Голембевскій, и при томъ крещеніи дано ей имя Елисавета, по крестному отцу Дементьева дочь. Примѣтами она: росту средняго, волосы на головѣ черныя, лицемъ смугл глаза каріе, отъ роду ей 32 года". Итакъ она, еще до рожденія Жуковскаго, прожила у Буниныхъ свыше 12 лѣтъ. По семейному преданію, которое мы слышали отъ А. П. Зонтагъ (внучки Буниныхъ), мужъ ея магометанинъ былъ убитъ при взятіи Бендеръ, и отъ А. И. Бунина она имѣла дѣтей до Жуковскаго, которые умирали въ младенчествѣ. А. П. Зонтагъ и братъ ея Александръ Петровичъ Петерсонъ помнили прекрасные задумчивые глаза Елисаветы Дементьевны и кроткое выраженіе лица ея. Она скончалась на 58 году жизни въ Москвѣ, въ 1811 г., и похоронена въ Дѣвичьемъ монастырѣ.

*

Дочь Буниныхъ, Екатерина Аѳанасьевна Протасова пишетъ изъ Бѣлева 1808 Мая 5 дня: Я живу теперь очень весело. Дуняша [2]) у меня съ обѣими дѣтьми. Ванюша отмѣнно милъ, уменъ и послуш-

[1]) Покровскій. См. о немъ ниже, стр. 141.

[2]) Т. е. Авдотья Петровна, ур. Юшкова (вторая внучка М. Г. Буниной), тогда Киреевская, съ 1817 года Елагина.

ливъ. Работаемъ, читаемъ, гуляемъ всѣ вмѣстѣ. Маша переводитъ Vase Prussien, Дуняша поправляетъ и помогаетъ; надѣюсь, что это будетъ и хорошо, и скоро кончено. Что ты пишешь о Лоранѣ, мой другъ, что̀ на эти деньги покупать, то мнѣ кажется ты забылъ, что на 75 р. прислалъ Нѣмецкихъ книгъ; она еще долго тебѣ своими переводами будетъ должна. Постарайся для Анны Андревны достать переводъ. Нельзя изъяснить, какъ Маша утѣшилась твоимъ письмомъ и ларчикомъ съ красками. Она даже вышла изъ своего карактеру и при гостяхъ прыгала и визжала отъ радости. Но право c'est trop beau pour elle.—Скажи ты мнѣ пожалоста, какъ ты это вздумалъ эдакую даль ѣхать: Оренбургъ 1512½ верстъ отъ Москвы. Это ужасно далеко*)».

Изъ писемъ старшей дочери Юшкова, Анны Петровны

(впослѣдствіи Зонтагъ).

5 Генв.

Послѣднее ваше письмо очень насъ утѣшило, особливо Тургенева, которое мы и возвращаемъ. Судя по его чувствамъ къ вамъ, онъ долженъ быть прекраснымъ человѣкомъ, и я его очень люблю. Узнайте обстоятельно, какое мѣсто онъ вамъ предлагаетъ; есть ли оно не будетъ мѣшать вамъ заниматься, то я бы совѣтовала вамъ туда отправиться. — Посылаю вамъ двѣ главы моего перевода, что-то вы о немъ скажете; боюсь, что не понравится. Что-то ваше посланіе ко мнѣ, а мои восторги хорошо идутъ, я прекрасно играю Штейбейлетову Бурю — Матушка ваша очень утѣшена вашимъ письмомъ и Тургенева предложеніемъ и оставляетъ на вашу волю, согласиться ли на него или нѣтъ; она всегда будетъ довольна всѣмъ, что́ вы ни сдѣлаете, потому что всегда все прекрасно творите. Она здорова, любитъ васъ всѣмъ сердцемъ, читаетъ Фенелона и посылаетъ вамъ свое благословеніе. И такъ, mon cher cousin, вы отправляетесь путешествовать, смотрѣть на Волгу и горы Уральскія. Часъ доброй! Привозите намъ оттуда хорошенькой журналъ и прекрасные стихи; а больше всего не забудьте выполнить непремѣнно обѣщаніе свое быть лѣтомъ у насъ.

4 Мая.

Какъ грустно, мой доброй В. А., что вы такъ больно убились. Описаніе паденія вашего такъ меня напугало, что и теперь еще морозъ по кожѣ подираетъ, когда о немъ вспомню. Ѳедоръ Александровичъ Кашкинъ поручилъ мнѣ сказать вамъ, что это паденіе можетъ быть для васъ полезно, если научитъ васъ *не соваться въ воду, не спросясь броду*. Ахъ! думала я, слушая нашего добраго почтмейстера,

*) Эти и слѣдующія двѣ выдержки изъ писемъ относятся къ поѣздкѣ Жуковскаго съ Д. Н. Блудовымъ въ Казанскую деревню.

сколько разъ уже нашъ Жуковской испытывалъ бродъ, и хотя находилъ его глубокимъ, но все таки продолжаетъ соваться въ воду. Напримѣръ подъ Лихвиномъ онъ втюрился по уши въ Оку, въ другой разъ полетѣлъ было въ Вырку съ мосту, въ третій разъ, хотѣлъ взбѣжать на крутой берегъ, чуть не умеръ отъ усталости. Теперь еще разъ захотѣлъ поглядѣть на смерть....... Соковнины очень смѣшно шутятъ надъ вашимъ паденіемъ. Напр., Кат. Мих. пишетъ, говоря объ васъ:

Проклявъ себя, судьбу, дорогу,
Не мѣшкавъ ни часа, назадъ онъ повернулъ,
Тащa свое крыло и волочивши ногу,
Полмертвой, полхромой,
И прибылъ, наконецъ, калѣкою домой!

Bien de remercîmens pour les bonnes nouvelles que vous me donnez de m-r Bloudoff; je suis charmé d'apprendre qu'il se porte bien, pour vous et pour lui; parce que ce jeune homme promet beaucoup, à ce qu'on dit.

От 9 Марта 1806 г. изъ Москвы.

Хоть я и увѣрена, что вашъ досугъ никогда вамъ не будетъ въ тягость, однакоже мнѣ очень жаль, что вы теперь совершенно одни. Уединеніе прекрасное дѣло, но только не такое совершенное уединеніе, каково теперь ваше. Утѣшаюсь тѣмъ, что любезный нашъ баронъ *) вѣрно возвратился и что есть теперь хоть одинъ человѣкъ, съ которымъ вамъ можно поболтать; а то, право, страшно бы было, чтобы вы не забыли говорить и чтобъ изъ милаго Базиля и въ самомъ дѣлѣ не вышелъ самой хорошенькой медвѣдь. Не ѣздите въ чужіе краи, милой Базиль!

Москва, 16 Апрѣля 1806 г.

Посылаю вамъ Théâtre de Sophocle par Rochefort. Слава Богу, что хоть это могла найти. Филоктета Лагарпова нигдѣ не сыскала, равно какъ «Frauenspiele» von Sophocles, Штольбергова переводу. У Горна есть Софокловы трагедіи, другой переводъ, котораго я не смѣла купить. Мнѣ очень грустно думать, что вы все одни, что вамъ совсѣмъ не съ кѣмъ раздѣлить времени; очень боюсь, чтобы *досугъ вашъ не былъ вамъ въ тягость*. Я говорила Попову о книгахъ; онъ промолчалъ. Это, кажется, не очень хорошій знакъ. Однакоже присылайте сюда Вендрикова переводъ; можетъ быть, и удастся продать его.

Бѣлевъ, 4 Декабря 1806 г въ Москву.

Матушка ваша, слава Богу здорова и очень довольна книгою, (Фенелона), которую вы ей прислали. Съ тѣхъ поръ какъ она ее чи-

*) Сосѣдъ по селу Мишенскому, баронъ Иванъ Петровичъ Черкасовъ, владѣлецъ села Володькова.

таетъ, она стала гораздо покойнѣе и веселѣе. У насъ былъ Растопчинъ и будетъ опять скоро. Онъ читалъ всѣ ваши басни и хвалилъ ихъ очень, а Элегію вашу чрезвычайно хвалитъ. Спрашивалъ васъ и называлъ васъ прелюбезнымъ молодымъ человѣкомъ; а этого уже и много, потому что онъ рѣдкаго похвалитъ.

Надѣюсь, что вы доставите мнѣ окончаніе Барда; вы знаете, что я хотя и мало толку знаю въ литературѣ, но больше всѣхъ радуюсь вашими сочиненіями. Жаль, что вы продешевили ихъ! Не мудрено, что Каченовскій такъ охотно беретъ ваши сочиненія: они могутъ украсить всякой журналъ! Кланяйтесь отъ меня Попову; да скажите, переводить ли мнѣ Lettres Athéniennes. Растопчинъ еще разъ былъ у тетушки и въ восхищеніи отъ Барда!!

Nous avons reçu une lettre de Саковнинъ, où elles nous parlent beaucoup de vous et nous disent que votre Barde a fait beaucoup de bruit à Pétersbourg и что вы тамъ совсѣмъ прославились.

Я очень сердита на Каченовскаго и очень жалѣю, что не могу дать ему почувствовать всей тяжести моего гнѣва. Нельзя ли вамъ какъ-нибудь оправдаться предъ свѣтомъ и обратить вину на Каченовскаго? Эдакой мерзавецъ! Въ то время, когда вы ему показали большую довѣренность, помѣстить такія статьи въ вашъ Вѣстникъ! Je suis outrée! Марья Ивановна мнѣ сказала: Жуковскій далъ купчую на домъ, а самъ, не взявъ векселя, уѣхалъ. Хорошъ бы онъ былъ, еслибъ я была мошенница!

Въ этомъ же письмѣ сестра Анны Петровны (позднѣе Азбукина) Екатерина Петровна приписываетъ: «Хотя Воейкова критика и очень смѣшна, но все мнѣ очень жаль, что она въ вашемъ Вѣстникѣ; cela vous causera des désagréments».

15 Sept. Michensky.

Écoutez, mon cher m-r Basile, cela ne vaut rien: pourquoi croire que vous êtes seul au monde, tandis que vous avez des amis, qui vous aiment de tout leur coeur et qui partagent sincèrement tout ce que vous arrive, tandis que vous avez une mère, qui vous chérit au dela de l'expression? Je vois cela mieux que vous, parce que, quand vous êtes avec elle, elle vous gronde et sitôt que vous tournez le dos, elle pleure de regrets de vous avoir grondée et avoue la première qu'elle avait tort. L'autre jour, elle pleurait quand je lui remis votre lettre, elle pleurait encore quand nous la lui lûmes. Le lendemain j'entrais dans sa chambre et je vis qu'elle lisait votre lettre; elle me dit qu'elle ne pouvait s'accoutumer à votre écriture, qu'elle la déchiffrait mal, et me pria de lui dire ce que c'était que ce mot; ce mot était très lisible pourtant; je vis que ce n'était qu'un prétexte pour lire votre lettre, et

je l'a lu toute entière. Nous parlâmes de vous assez longtems, et ensuite je passais dans la chambre de ma soeur. Je vis Douniacha, qui entrait chez elle. C'était la même histoire; elle lui fit lire votre lettre encore une fois et à chaque nouvelle lecture elle pleurait. Aujourd'hui elle ne vous écrit pas, parce qu'elle est allée à Béléw. Votre maison avance, dit-on; il n'y a pourtant pas encore des doubles fenêtres dans l'étage d'en bas.—Je vous remercie pour votre exactitude au sujet de Поповъ, elle aura je crois des suites assez lucratives, car nous avons commencée à traduire Les Nouveaux Tableaux de Famille, et nous faisons de notre mieux; si vous le voyez encore, recommandez le lui, je vous prie.

Здѣшніе всѣ, увидя, что въ журналѣ вашемъ нѣтъ политики, отказываются отъ Вѣстника и берутъ Сѣверную Почту; боюсь, чтобъ она не подорвала Вѣстника; не для того, чтобъ она была лучше, но для того, что новѣе. Когда-то я напишу къ вамъ:

Ужъ ѣдемъ мы въ Москву; увидишь скоро насъ!
Опять намъ вмѣстѣ пить и чай, и пуншъ, и квасъ!
Ужъ дождикъ пересталъ, замерзнули ужъ рѣки,
Одѣлись въ теплыя кирѣйки человѣки.
И снѣгъ къ намъ съ облаковъ уже свалился,
И пьяный нашъ Семенъ теперь ужъ протрезвился.
Съ шестеркою коней увидишь ты возокъ,
Ужъ ѣдемъ мы въ Москву (а не въ Моздокъ).
За нами вслѣдъ и радость къ вамъ примчится,
Екимушка при насъ на бѣлой свѣтъ явится.
Опять съ тобою стану я играть въ пикетъ,
И съ кашей фрикадонъ украситъ нашъ обѣдъ.

Письмо Жуковскаго о сынѣ его крестнаго отца.

Милостивый государь мой Иванъ Өедоровичъ!

Мой короткій пріятель Дмитрій Александровичъ Кавелинъ вручитъ вамъ это письмо. Извините, что отвѣчаю вамъ поздно. Ваше письмо, писанное 24 Генваря, пролежало въ Петербургѣ до 14 Февраля, и я получилъ его третьяго дня, то есть Февраля 16-го. Итакъ я не виноватъ. Письмо ваше было для меня и пріятно, и печально. Радуюсь, что имѣю случай познакомиться съ своимъ родственникомъ. Но это письмо есть первое извѣстіе, какое имѣю въ теченіе 10 лѣтъ о почтенномъ Андреѣ Григорьевичѣ, и къ несчастію извѣстіе о его смерти. Онъ былъ для меня человѣкъ весьма любезный и былъ добрымъ другомъ моей покойной матери. Я радуюсь случаю быть полезнымъ его сыну и готовъ отъ всего сердца воспользоваться этимъ случаемъ. Вы хотите записать малютку въ Кадетскій корпусъ. Признаюсь вамъ, мнѣ бы весьма этого не хотѣлось. Я знаю, каково содержаніе въ кад. корпусѣ и каково тамъ ученье. Изъ него выйдетъ офицеръ, умѣющій

только командовать фрунтомъ; а мнѣ бы хотѣлось, чтобы изъ него вышелъ человѣкъ, способный во всѣхъ положеніяхъ жизни быть счастливымъ; этому въ Кадетскомъ корпусѣ не научатъ. Вотъ мое предложеніе: привезите его ко мнѣ въ Дерптъ; я отдамъ его на руки къ такому человѣку, на котораго положиться можно. Издержки за ученье и содержаніе беру на себя. Когда выучится, тогда будетъ имѣть способъ жить и доставать себѣ все нужное пропитаніе. Тогда же будемъ имѣть время подумать и о доставленіи ему нужныхъ способовъ для жизни. Теперь главное: воспитаніе. Здѣсь онъ его получитъ лучше нежели гдѣ нибудь. Увѣряю васъ, что онъ оставленъ не будетъ. И такъ прошу васъ его мнѣ повѣрить. Что же касается до вашей просьбы о доставленіи вамъ мѣста управляющаго экономіею, то къ сожалѣнію, въ этомъ случаѣ, помочь вамъ не могу. Здѣсь въ Лифляндіи такого мѣста не скоро сыщешь. Поговорите съ Дмитріемъ Александровичемъ Кавелинымъ; будучи въ Петербургѣ, онъ удобнѣе найдетъ случай помочь вамъ. Я объ этомъ его просилъ. Если вы рѣшитесь привезть сюда въ Дерптъ своего малютку, то на первой случай постарайтесь, чтобы у него все необходимое было, то есть нужное бѣлье и платье. Послѣ уже объ этомъ вамъ заботиться будетъ не нужно. Здѣсь онъ будетъ отданъ въ хорошія руки, и вы можете остаться на его счетъ спокойны. Прошу васъ отвѣчать мнѣ безъ замедленія. Адресуйте ваше письмо прямо на мое имя въ Дерптъ. Увѣдомьте, прошу васъ, гдѣ находится жена покойнаго Андрея Григорьевича. Здорова ли она? Въ какомъ положеніи? Когда будете къ ней писать, скажите ей мое усердное почтеніе. Еще разъ рекомендую себя въ вашу дружбу и честь имѣю быть съ совершеннымъ почтеніемъ, милостивый государь, вашимъ покорнымъ слугою Василій Жуковскій. 1817 Февраля 18. Дерптъ.

ИЗЪ ПИСЕМЪ В. А. ЖУКОВСКАГО КЪ А. А. ПРОКОПОВИЧУ-АНТОНСКОМУ.

1.

30 Марта (1814).

Христосъ воскресе, почтеннѣйшій мой благодѣтель Антонъ Антоновичъ! Здоровы ли вы? Еще не имѣлъ я отъ васъ отвѣта на мое письмо, писанное изъ Орла, но самъ подмѣтилъ, что вы простили *своего* Жуковскаго, который почитаетъ васъ душевно и во всю жизнь почитать не перестанетъ. Это письмо пишу для того, чтобы представить вашему покровительству молодого человѣка, желающаго быть моимъ потомкомъ, то есть воспитанникомъ вашего Пансіона; представляю вамъ новаго кандидата для полученія вашихъ благодѣяній и для пла-

тежа за нихъ благодарностію и привязанностію. Прошу васъ принять его. Онъ не имѣетъ ни отца, ни матери. Его единственная покровительница—молодая, двадцатилѣтняя сестра, которая одна, безпокоится и за самое себя и еще должна пристроивать своихъ братьевъ. Ваше къ ней благорасположеніе мнѣ будетъ милостію, а сиротѣ благотвореніемъ. Не откажите. Подательница этого письма есть самая дѣвица Голостеева; будьте къ просьбѣ ея благосклонны. Честь имѣю быть вашимъ вѣчно преданнымъ. Жуковскій.

2.

(1814).

Я получилъ ваше письмо, почтеннѣйшій Антонъ Антоновичъ. Нельзя сказать, чтобы оно меня порадовало. Вы, вмѣсто того, чтобы меня бранить, на меня сердитесь и какъ будто расположены были сердиться. Знаете ли, что это не богоугодно? Нѣтъ, будьте по старому и забудьте старое, настоящее и, вѣроятно, будущее, то есть мою лѣнь писать письма. Любить васъ, быть всегда вамъ благодарнымъ и признавать это передъ цѣлымъ свѣтомъ я никогда не перестану. Много же мнѣ вамъ о себѣ и писать нечего, хорошаго мало; все старое — тоже и тоже и всегда тоже.

Посылаю при семъ 1000 рублей, которые я вамъ долженъ и проценты за 1812 и 1813. Прошедшія смутныя обстоятельства сдѣлали меня неаккуратнымъ; надѣюсь, что они и извинятъ меня передъ вами. Благодарю васъ за помощь въ нужномъ случаѣ. Если опять когда-нибудь она будетъ для меня необходима, то мимо васъ не пойду никуда и надѣюсь, что мой добрый покровитель сочтетъ за удовольствіе ее мнѣ сдѣлать.

Простите, любезнѣйшій Антонъ Антоновичъ. Увѣдомьте меня о себѣ. Обрадуйте чѣмъ нибудь веселымъ.

Поздравляю васъ съ великими дѣлами Русскаго Государя. Теперь и вы, при всей вашей старинной взыскательности, при всей охотѣ все предвидѣть слишкомъ издали, должны быть довольны политическими происшествіями. Но кто бы это предсказалъ въ половинѣ 1812 года? Провидѣніе за насъ чудеснымъ образомъ обнаружилось.

3.

20 Мая (1815) С.-Петербургъ.

Я дней десять какъ въ Петербургѣ, почтеннѣйшій Антонъ Антоновичъ. Простите, что по отъѣздѣ изъ Москвы не писалъ къ вамъ ни слова; о Дерптскихъ моихъ похожденіяхъ писать было нечего, а здѣсь я слишкомъ закружился. Это обыкновенно бываетъ со всѣми, кто пріѣзжаетъ въ Петербургъ. Со мною, однако, это круженіе не про-

должится: прошу за меня не трепетать. Скоро начну вести порядочную, авторскую жизнь. Весьма вѣроятно, что я здѣсь останусь; но какъ останусь, объ этомъ ничего не умѣю сказать. Если не повезетъ, то бросивъ все уѣду опять въ свою Бѣлевскую берлогу и навѣки посвящу себя перу. И здѣсь другого ничего не имѣю въ предметѣ, кромѣ пера. Но говорятъ опытные люди: надо подумать о фортунѣ. Но если фортуна сама не подумаетъ обо мнѣ, то я не намѣренъ ей жертвовать своимъ думаніемъ. Однимъ словомъ, жду у моря погоды и мало забочусь о томъ, дождусь ли ея. Здѣсь мнѣ весело тѣмъ, что встрѣтилъ многихъ старыхъ своихъ друзей. Между первыми Тургеневъ, Блудовъ, Кавелинъ и Дашковъ. Дней пять тому назадъ былъ я представленъ Ея Величеству вдовствующей императрицѣ и великимъ князьямъ, и они приняли меня весьма милостиво. Сдѣлалъ нѣкоторыя новыя знакомства. — Теперь о важнѣйшемъ. При отъѣздѣ моемъ изъ Москвы, вы говорили мнѣ о вашихъ прожектахъ на Лицей. Мѣсто желаемое вами не занято [1]). Прикажете ли здѣсь о немъ хлопотать? Дайте мнѣ надлежащее наставленіе, дабы можно было дѣйствовать сообразно съ вашими мнѣніями. Тургеневъ обѣщаетъ употребить всѣ свои старанія, а я съ своей стороны буду дѣйствовать частыми *напоминаніями*. Прошу васъ скорѣе на это отвѣчать. Мой адресъ на имя Тургенева, противъ Михайловскаго замка въ домѣ кн. А. Н. Голицына [2]). Простите, почтеннѣйшій Антонъ Антоновичъ. Любите и помните вашего Жуковскаго.

4.

(1815).

Здравствуйте, почтеннѣйшій Антонъ Антоновичъ. Я давно не получалъ отъ васъ писемъ. Здоровы ли вы? И что дѣлаете? Въ послѣднемъ письмѣ моемъ къ вамъ я говорилъ о томъ, что̀ здѣсь сдѣлано по общему нашему дѣлу касательно Лицея. То-есть, я говорилъ съ Мартыновымъ и говорилъ съ Уваровымъ. Первый требовалъ, чтобы я послѣдняго заставилъ сдѣлать объ васъ предложеніе министру, и Разумовскій отвѣчалъ, что онъ самъ согласенъ, что нѣтъ въ Россіи чело-

---

[1]) По кончинѣ перваго директора Царскосельскаго Лицея В. Ѳ. Малиновскаго мѣсто это занялъ Энгельгардъ (вѣроятно по желанію императрицы-матери).

[2]) Это—Фонтанка, д. 20-й, нынѣ домъ министра императорскаго двора. А. И. Тургеневъ и братъ его Николай жили въ третьемъ этажѣ этого дома, въ помѣщеніи, которое занималъ въ наши дни графъ А. В. Адлербергъ, окнами на

„Грозный, спящій средь тумана,
Пустынный памятникъ тирана,
Забвенью преданный дворецъ“....

Есть извѣстіе, что Пушкинъ написалъ свою Оду, изъ которой приведены эти три стиха, въ этой квартирѣ Тургенева лежа на столѣ.

вѣка, которому бы можно было лучше васъ поручить Лицей, но что это именно его и останавливаетъ: вы нужны Пансіону, который безъ васъ погибнетъ. Лицей уже устроенъ, а Пансіонъ долженъ быть приведенъ въ устройство. Признаюсь, это и меня самого поразило. Что же будетъ съ Пансіономъ, если вы отклоните отъ него свою руку? И едва ли когда-нибудь Лицей будетъ для Россіи то, что̀ Пансіонъ Университетской. Мѣсто болѣе видно, не спорю; но гдѣ вамъ можно было бы быть полезнѣе, тамъ или здѣсь? Безъ сомнѣнія въ Пансіонѣ. Къ тому же едва ли и вамъ самимъ не будетъ безпокойнѣе. Ожидаю на этотъ счетъ вашего разрѣшенія, прикажете ли мнѣ продолжать хлопотать съ Мартыновымъ? Ему нужно было, чтобы кто-нибудь прежде него поговорилъ съ министромъ. Уваровъ это сдѣлалъ. Теперь ему самому говорить будетъ удобнѣе. По возвращеніи моемъ изъ Дерпта въ Петербургъ (я опять въ Дерптѣ) опять буду говорить съ Мартыновымъ, если только вы прикажете. Но прошу васъ объ этомъ предварительно меня увѣдомить, также и о томъ, что̀ нужно для Виктора Антоновича. Я буду въ Дерптѣ въ началѣ Октября, тогда же приступлю и къ печатанію своихъ стиховъ.

18 Іюня.

P. S. Прошу васъ адресовать письма свои: въ С.-Пбургъ на имя его выс. Романа Гавриловича Соколовича въ почтамтъ для дост. В. А. Ж.

5.

(1815).

Я къ вамъ съ просьбою. Наконецъ приступаю къ печатанію сочиненій моихъ. Вотъ вамъ и программа: не можете ли подать помощь въ разсужденіи подписки? Куда адресовать деньги, это найдете въ самой программѣ—надобно только, чтобы непремѣнно доставлены были *адресы* подписчиковъ. Такъ же прошу васъ приказать напечатать эту программу въ Московскихъ газетахъ и поскорѣе, и не одинъ разъ. Издержки за это возьмите на себя; мы можемъ счесться послѣ.

О себѣ скажу вамъ, что я до сихъ поръ все ѣздилъ изъ Дерпта сюда, отсюда въ Дерптъ. Теперь остаюсь на мѣстѣ и принимаюсь за работу. Былъ разъ въ Павловскѣ и разъ въ Гатчинѣ по приказанію Государыни, которая очень милостиво обошлась со мною. Что же касается до дальнихъ плановъ моихъ, то—хмурьтесь или нѣтъ, а въ концѣ будущей зимы я отсюда уѣду и переселюсь на свою родину. Успѣю ли что-нибудь для себя состряпать или нѣтъ, это во власти судьбы; но уѣду, это вѣрно. Мнѣ всего дороже уединеніе и свобода. Сюда можно пріѣзжать на три зимнихъ мѣсяца, а вѣчно здѣсь жить нимало не забавно. Простите, почтенный Антонъ Антоновичъ

прошу васъ помнить своего питомца, который всегда съ одинакимъ чувствомъ благодарности о васъ думаетъ и которому всегда дорого называться вашимъ Жуковскимъ.

15 Октября 1815. С.-Пбургъ.

6.

Наконецъ я получилъ отъ васъ письмецо, почтеннѣйшій Антонъ Антоновичъ. Благодарю за вашу безцѣнную дружбу и за такія ея выраженія. Вы ждете отъ меня посланія. Дайте мнѣ уѣхать въ свою сторону — оттуда буду писать посланія съ вольнымъ духомъ. Здѣсь какъ-то Муза моя оледенѣла. Давно нѣтъ отъ нея никакого слуха. Молчитъ весьма упрямо. Посылаю вамъ единственный плодъ ея, стихи, сдѣланные по заказу, хоть пѣтые на праздникѣ Семеновскаго полку и написанные по просьбѣ офицеровъ. Писать было пріятно; но написанное худо, потому что не было времени. Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.

Печатаніе моихъ стиховъ продолжается и, кажется, что изданіе будетъ хорошее. Для васъ экземпляръ завѣтный. Мнѣ чрезвычайно весело будетъ его вамъ доставить. Простите, почтеннѣйшій Антонъ Антоновичъ, не забывайте меня. Въ началѣ будущаго года надѣюсь васъ увидѣть.

7.

Я еще не получилъ отъ васъ отвѣта на письмо мое, почтеннѣйшій Антонъ Антоновичъ. Заключаю изъ этого, что вамъ не хочется рѣшительно отказать мнѣ, но что просьба моя для васъ обременительна. Чтобы избавить васъ отъ всѣхъ скучныхъ хлопотъ, я адресовалъ всѣ экземпляры, назначенные для продажи въ Москвѣ, на имя почтдиректора Рушковскаго, который передастъ ихъ Вяземскому, а Вяземскій уже ихъ отдастъ прямо въ лавку на комиссію. Прошу васъ только объ одномъ: позаботиться о моихъ книгахъ на случай отлучекъ Вяземскаго. Забота будетъ состоять въ томъ, чтобы требовать денегъ съ книгопродавца за распроданные экземпляры. Не можетъ ли сдѣлать мнѣ этого одолженія И. И. Давыдовъ? Вмѣсто просьбы посылаю ему экземпляръ моей книги, пускай онъ самъ за себя хлопочетъ. Послалъ еще одинъ экземпляръ А. Ѳ. Мерзлякову. Хотя знаю, что онъ на лекціяхъ приводилъ стихи мои въ примѣръ галиматьи, но это не мѣшаетъ мнѣ подарить ему ихъ на память о прежней, искренней нашей дружбѣ. Этотъ же подарокъ избавитъ его отъ труда искать экземпляра, нужнаго для доказательства того, въ чемъ онъ обличаетъ мою Музу. Хотѣлъ было и М. Т. Каченовскому, по старой привычкѣ, послать экземпляръ, но остановился. Онъ издатель журнала, въ которомъ объявили мнѣ войну: можетъ подумать, что хочу его задобрить.

Я былъ бы ему благодаренъ за его замѣчанія критическія, когда бы тонъ ихъ былъ нѣсколько приличнѣе и ему и мнѣ. Въ послѣднемъ его разборѣ моего перевода изъ Энеиды есть и справедливое; но его правда, весьма непріятная, не потому, что она правда, но потому, что она иногда сказана грубо, иногда язвительно; повторяю, такой тонъ приличенъ только дѣтямъ. Я же, кажется, никогда не подалъ ему повода къ личностямъ, и теперь не дамъ: онъ не оскорбитъ меня и не разсердитъ. Скажу только одно: неужели учтивость перестаетъ быть должностью, коль скоро говоришь предъ публикою и съ перомъ въ рукахъ? Я же, кажется, могъ ожидать отъ него не только учтивости, но и доброжелательства.

8.

Вы скажете, почтеннѣйшій Антонъ Антоновичъ, что я только тогда и пишу къ вамъ, когда у меня до васъ нужда. Это почти и правда. Но это значитъ только то, что я боленъ неизлѣчимою лѣнью, благодаря которой не веду никакой переписки. Въ болѣзни не извиняются. Но моя болѣзнь не коснулась моей къ вамъ привязанности: люблю васъ и почитаю по старому, а при нуждѣ и пишу къ вамъ. Какая жъ теперешняя нужда? Вотъ какая. Мое новое полное изданіе, на сихъ дняхъ совсѣмъ будетъ отпечатано. Оно на мой счетъ и стоитъ мнѣ довольно дорого. Надобно послать экземпляровъ 500 въ Москву. Но я не имѣю сношеній съ Московскими книгопродавцами. Могу ли прислать эти экземпляры къ вамъ, а вы можете ли сдѣлать мнѣ милость взять на себя негоціацію съ книгопродавцами? У васъ въ Пансіонѣ, вѣроятно, найдется мѣсто, въ которомъ можно будетъ сложить всю кипу присланныхъ экземпляровъ. Или если это затруднительно для васъ, то не возмется ли за это почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ Давыдовъ? Прошу васъ взять на себя трудъ спросить его объ этомъ отъ моего имени. Не откажитесь помочь вашему питомцу. Если отдать экземпляры всѣ на комиссію въ лавки, то это будетъ сдѣлаться рабомъ книгопродавцевъ, которые возмутъ за комиссію дорого, а денегъ не заплатятъ или заплатятъ поздно. Если же будетъ мѣсто, гдѣ сложить экземпляры, то можно будетъ продавать книгопродавцамъ, не бывши отъ нихъ въ зависимости, на чистыя деньги съ уступкою, смотря по числу взятыхъ экземпляровъ. И я на первый случай прошу у васъ только *пріюта* для моего товара. Увѣдомьте, можете ли сдѣлать для меня это одолженіе. Объ остальномъ буду имѣть честь писать къ вамъ, получивъ вашъ отзывъ и при отправленіи экземпляровъ. Я былъ бы очень радъ, когда бы Иванъ Ивановичъ не отказался мнѣ пособить; онъ человѣкъ аккуратный и это дѣло знаетъ.

Я поручилъ князю Вяземскому доставить вамъ экземпляръ гравированныхъ видовъ Павловска: оригиналъ ихъ у васъ уже есть. Эти же виды изданы мною въ пользу одного несчастнаго семейства. Хорошо бы, когда бы и вы взяли нѣсколько экземпляровъ для Пансіона. Эти виды можно бы раздавать вмѣсто награжденія на публичныхъ актахъ. Они прекрасно выгравированы. Если вамъ понадобится экземпляръ, то потребуйте отъ Вяземскаго. Я послалъ къ нему 50. Онъ вѣроятно скоро раздастъ ихъ. Всѣ деньги будутъ отданы мнѣ, извѣстному бѣдняку. Это предпріятіе довольно было удачно.

Генваря 31.

9.

Не думайте, почтеннѣйшій Антонъ Антонычъ, чтобы я на васъ жаловался; я увѣренъ въ вашемъ добромъ ко мнѣ расположеніи и не прежде перестану быть въ немъ увѣреннымъ какъ тогда, когда вы сами захотите меня разувѣрить. И теперь, пользуясь имъ, прошу васъ не отказать въ своемъ покровительствѣ моимъ экземплярамъ, посланнымъ на имя к. П. А. Вяземскаго. Онъ хочетъ ихъ отдать на комиссію Ширяеву, который беретъ *за комиссію* по 15 процентовъ. Прошу и васъ взять на себя трудъ, на случай отъѣзда Вяземскаго изъ Москвы, позаботиться объ расчетѣ съ книгопродавцемъ. Я желалъ бы, чтобы вы переговорили объ этомъ съ Вяземскимъ. Очень хлопотливо печатать книги на свой счетъ: надобно быть самому книгопродавцемъ, чтобы ихъ сбыть съ рукъ; а продавать книгопродавцамъ убыточно: они все хотятъ имѣть даромъ. Если можете, помогите какъ-нибудь расходу моихъ экземпляровъ. Ихъ послано всего на все 270 къ Вяземскому. Кажется, для Москвы немного. Надобно только, чтобы публикація объ нихъ была почаще въ газетахъ. Объ этомъ прошу васъ позаботиться. Извините, что такъ безпорядочно пишу. Я спѣшу, ибо въ хлопотахъ. Ѣду въ Дерптъ. Прошу васъ покорнѣйше отвѣчать мнѣ.

10.

(1817).

Мнѣ ненужно къ вамъ писать о томъ важномъ добрѣ, которое сдѣлалъ мнѣ Государь. Теперь обязанъ я ему самымъ лучшимъ благомъ въ жизни—независимостію. Дай Богъ оправдать такое вниманіе Русскаго Царя и не обмануть его надежды. Надѣюсь, что вы, какъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ участниковъ во всемъ, что̀ касается до меня, порадовались этому случаю. Я теперь въ Дерптѣ и живу здѣсь не безъ занятія. Весьма надѣюсь съ вами увидѣться нынѣшнимъ годомъ въ Москвѣ. Желаю найти васъ весьма веселымъ, здоровымъ и тѣмъ же въ

душѣ своей ко мнѣ, какимъ вы всегда были. Во мнѣ же найдете туже привязанность и благодарность къ вамъ, какую всегда я живо чувствовалъ и какой никогда чувствовать не перестану. Я еще не доставилъ къ вамъ экземпляра Пѣвца *). Причиною тому было то, что я по сію пору не получилъ изъ Петербурга отъ Кавелина ни одного. Посылаю одинъ для васъ, другой для Собранія и еще нѣсколько, которые прошу васъ роздать по адресамъ.

Обрадуйте меня строчкою. Побраните—такъ и быть, но увѣдомьте о себѣ и о томъ, что̀ вокругъ васъ дѣлается. Мнѣ нечего описывать вамъ моихъ окружностей: Дерптъ вамъ неизвѣстенъ, и никто въ немъ не можетъ быть для васъ интереснымъ. Вы въ Москвѣ; все что̀ подлѣ васъ мнѣ знакомо и болѣ или менѣе близко.

1817 Февраля 24. Дерптъ.

11.

Вотъ въ чемъ состоитъ моя теперешняя просьба. Тотъ, отъ кого вы получите это письмо, есть директоръ Тверского училища господинъ Покровскій. Онъ нѣкогда былъ моимъ учителемъ, и отъ него я достался вамъ. Онъ очень бѣденъ. До сихъ поръ находился въ Тулѣ, откуда переведенъ въ Тверь, но въ Тулѣ у него есть свой домишко. Онъ желалъ бы опять туда возвратиться, услышавъ, что Нечаевъ, директоръ Тульскаго училища, желаетъ оставить это мѣсто. Если это правда, то прошу васъ сдѣлать ему это благодѣяніе изъ благосклонности къ его и вашему воспитаннику. Мнѣ будетъ очень дорого услужить ему, а еще дороже услужить черезъ васъ. Не оставьте принять его подъ свое покровительство. Онъ его заслуживаетъ и по личнымъ достоинствамъ и по долговременной службѣ своей. Я увѣренъ, что вы не откажетесь ходатайствовать и о его пенсіонѣ, если онъ потребуетъ отставки; на этотъ пенсіонъ онъ имѣетъ полное право. А я увѣренъ, что онъ за *право* будетъ стоять твердо. Я далъ ему надежду на ваше покровительство, основываясь на вашей ко мнѣ благосклонности. Прошу васъ потрудиться мнѣ отвѣчать на это письмо и еще болѣе прошу не отказать мнѣ въ своемъ пособіи.

О себѣ сказать вамъ ничего новаго не могу. Продолжаю свои занятія. Не воображайте, что я не доставилъ вамъ остальныхъ № «Для немногихъ»: новыхъ не было. Коль скоро выйдутъ, доставлю. Теперь ѣду въ Павловскъ на лѣто. Обнимаю васъ отъ всего сердца. Будьте здоровы, а меня часто здѣшній климатъ тормошитъ, и здоровье иногда шатается.

1819 Мая 13.

---

*) Это „Пѣвецъ въ Кремлѣ“

12.

26 Ноября 1819.

Здоровы ли почтеннѣйшій Антонъ Антоновичъ? Давно вы не имѣете отъ меня вѣсти ни прозаической, ни стихотворной. Прозаическая одна и таже: люблю и почитаю васъ по старому. Стихотворная могла бы быть разнообразнѣе, но Муза моя очень стала скупа на стихи; кое-что она прошептала мнѣ въ послѣднее время, но новый свѣтъ, въ который попалъ я, закружилъ ей нѣсколько голову. Я стараюсь унять ее и, можетъ быть, это мнѣ удастся. Хотя и не имѣлъ и не хочу никогда имѣть титула придворнаго, но близость двора опасна и для поэта. Съ непривычки угарно. И этимъ, сколько можете, извините меня передъ собою. Буду стараться оправдать себя на дѣлѣ.

Нынче Ноябрь, и я бы долженъ доставить вамъ за слѣдующій годъ проценты по вашему векселю, но мнѣ бы хотѣлось заплатить этотъ долгъ. Хотя быть должнымъ вамъ не тяжело, но все долгъ. Я писалъ къ Александру Михайловичу Офросимову и просилъ его сдѣлать на этотъ счетъ нѣкоторыя распоряженія. Онъ васъ увѣдомитъ о томъ, чтò я бы желалъ по этому обстоятельству сдѣлать. А теперь хочу васъ безпокоить своею просьбою, въ надеждѣ, что вы примете ее благосклонно. Знакомецъ мой Василій Ивановичъ Кондыревъ въ 1814, 15, 16 и 17 годахъ слушалъ университетскія лекціи, но не взялъ аттестата. Онъ теперь находится здѣсь, въ службѣ. Аттестатъ необходимо для него нуженъ. Прошу васъ оказать ему и мнѣ важное одолженіе и дать этотъ аттестатъ; объ немъ будетъ васъ просить Николай Михайловичъ Офросимовъ, и отъ него вы объ немъ узнаете подробнѣе. Я же прошу васъ и отъ своего имени и отъ имени Александра Ивановича Тургенева; кажется, здѣсь не можетъ быть никакого затрудненія. Для службы же такой аттестатъ есть первая необходимость. О Василіи Ивановичѣ Кондыревѣ можете спросить у Алексѣя Ѳедоровича Мерзлякова; онъ его знаетъ и будетъ вамъ за него свидѣтелемъ.

Прошу васъ порадовать меня нѣсколькими строчками. Хочу видѣть въ нихъ, что вы меня помните и сберегли мнѣ мою прежнюю драгоцѣнную благосклонность. Я же не измѣняюсь въ моей искренней къ вамъ привязанности.

Мой адресъ: въ Аничковскомъ дворцѣ, отдать швейцару для доставленія.

13.

(1819).

Я получилъ ваше любезное письмо, почтеннѣйшій Антонъ Антоновичъ. Благодарю васъ за ваши пени на счетъ моего стихотворства; я излѣнился и былъ разсѣянъ своимъ новымъ образомъ жизни, однако не разстался съ своею Музою и понемногу пишу. Было бы великое для меня несчастіе, если бы Муза моя, ближняя моя родня, меня покинула: я бы жестоко осиротѣлъ.

Благодарю васъ за желаніе оказать добро моему Кондыреву. Я просилъ васъ не о томъ, что̀ не соотвѣтствуетъ постановленію, но о томъ, что̀ можно сдѣлать согласуясь съ нимъ. Я увѣренъ совершенно, что вы, по дружбѣ вашей ко мнѣ, сдѣлаете то, что̀ зависитъ отъ вашей воли. Свидѣтельство, данное отъ Университета, кажется, можетъ пойти, въ случаѣ нужды и за аттестатъ. Надобно только, чтобы оно было благопріятно, а Кондыревъ слушалъ свои лекціи усердно и постоянно, и ему по совѣсти можно дать такое свидѣтельство.

Прошу васъ удостоить меня отвѣта. Я просилъ Александра Михаиловича Офросимова переговорить съ вами на счетъ моего долга. Отъ этого не пишу ничего объ этомъ дѣлѣ. Скажу только, что я съ истиннымъ почтеніемъ по старинному честь имѣю быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою Жуковскій.

Декабря 26. 1819.

14.

10 Февраль (1824).

Я получилъ отъ г. Давыдова письмо ваше, почтеннѣйшій Антонъ Антоновичъ, при письмѣ и деньги. Примите мою сердечную благодарность. Посылаю вамъ расписку, которую прошу покорнѣйше передать М. М. Соковнину. Онъ долженъ теперь мнѣ проценты за 1821, 22 и 23 года. Возьмите на себя трудъ ихъ отъ него вытребовать и оставьте изъ нихъ столько, сколько слѣдуетъ вамъ за тѣ годы, которые я вамъ не заплатилъ. Прошу васъ извинить меня въ моей неточности. Всѣ послѣдніе годы много утащили изъ кармана моего денегъ, особенно много заставило меня истратить путешествіе. Теперь же началъ я печатать полное собраніе сочиненій; будетъ довольно издержекъ, и я бы не дерзнулъ къ нему приступить, если бы великая княгиня не помогла мнѣ, давъ мнѣ взаймы всю нужную на напечатаніе сумму. Благодаря ея милостивой помощи, изданіе будетъ прекрасное. Съ вами же я позволилъ себѣ не быть точнымъ въ уплатѣ, надѣясь на вашу ко мнѣ невзыскательную дружбу, которая не будетъ изъяснять дурнымъ образомъ того, что̀ есть произведеніе необходимости. Помните и любите меня, какъ я васъ.

Я получилъ отъ Василья Петровича Полякова письмо, въ которомъ проситъ меня, чтобы я ему помогъ сбыть съ рукъ напечатанный имъ переводъ книги: *О блаженствѣ доставляемомъ христіанскою религіею.* Признаюсь, этого не имѣю средствъ сдѣлать. Не можете ли вы помочь вашему воспитаннику? Онъ служитъ смотрителемъ въ Екатерининской больницѣ; тамъ можно и найти его. Подумайте о немъ, а приложенное письмо возьмите на себя трудъ ему доставить.

15.

Скоро буду имѣть честь доставить вамъ экземпляръ новаго изданія моихъ сочиненій и при немъ знатное количество экземпляровъ для Московскихъ охотниковъ. Будьте имъ покровителемъ. Вы уже изъявили мнѣ вашу дружескую готовность помочь моей заботѣ; позвольте ею вполнѣ воспользоваться. Сообщу вамъ и тѣ условія, которыя нужно будетъ сохранить при распродажѣ. Теперь же пишу только для того чтобы просить васъ передать приложенные 150 рублей Василью Петровичу Полякову, вырученные мною за его книгу. Я продалъ экземпляръ по 15 рублей, а получилъ отъ него всего на все десять экземпляровъ. Извините, спѣшу.

5 Марта 1824.

Вотъ вамъ мои новые, плоховатые стихи.

16.

На всѣ ваши письма, отвѣчаю однимъ, почтеннѣйшій Антонъ Антоновичъ. Кажется, что наше дѣло теперь сладилось. Я получилъ отъ вашего попечителя письмо, въ которомъ онъ увѣдомляетъ меня, что представленіе о васъ имъ сдѣлано. И такъ нѣтъ болѣе препятствія, и вы получите то, что̀ вамъ слѣдуетъ. Съ кѣмъ нужно будетъ, я здѣсь переговорю. Постараюсь увидѣться и съ самимъ Шишковымъ. Мнѣ не судьба быть въ Москвѣ. Здоровье мое разстроилось, и меня гонятъ на Рейнъ. Я увѣренъ, что путешествіе сдѣлаетъ мнѣ пользу: мнѣ нужно подышать на свободѣ чистымъ воздухомъ. Но жаль Москвы, жаль, что васъ не увижу. Теперь не скоро дождешься случая къ вамъ съѣздить. Развѣ вмѣсто прогулки недѣли на двѣ въ лѣтнее время, когда не можетъ быть ученья. Это я и сдѣлаю. Простите, почтеннѣйшій, Антонъ Антоновичъ. Благословите меня въ путь.

Апрѣля 26 (1826).

Письмо В. А. Жуковскаго о своихъ переводахъ.

Любезный мой г-нъ Фогель*). Благодарю васъ за неожиданный подарокъ, который вы мнѣ прислали. Я принялъ его съ величайшимъ удовольствіемъ, хотя не могу имъ наслаждаться, не понимая по-итальянски. Но подарокъ вашъ мнѣ дорогъ, какъ ощутительный представитель вашего дружескаго воспоминанія. Ласковое письмо ваше будетъ говорящимъ толкователемъ книги, которая останется для меня нѣмою; благодарю васъ за него. Сожалѣю крайне, что не могу послать вамъ никакого Нѣмецкаго перевода моихъ Гиперборейскихъ бѣдныхъ стиховъ; у меня нѣтъ его. Могу однакоже указать вамъ легкій способъ познакомиться со мною, какъ съ поэтомъ, т. е. съ лучшей моей стороны. Прочтите слѣдующія піесы:

Die Jungfrau von Orlean
Kassandra
Der Taucher
Klage der Cerer
Rudolph von Habsburg
Ritter Toggenburg
Siegesfest
Die Kranichen von Ibicus
Der Ring des Policrates
Kampf mit dem Drachen
Fridolin.
Die Ideale
} Von Schiller.

Erlkönig von Göthe

Die Vergänglichkeit
Der Nachtwandler und Witternacht
Der Habermusse
Der rothe Karfunkel
Morgenstern
Sommerabend
Sonntagfrühe.
} Von Hebel.

Nal und Damaianti
Rustem und Zorab
} Von Rückert.

Undine in Hexametter. Von L. Fouqué.

Читая всѣ эти стихотворенія, вѣрьте или старайтесь увѣрить себя, что они всѣ переведены съ Русскаго, съ Жуковскаго, или *vice-versa*: тогда будете имѣть понятіе о томъ, что̀ я написалъ лучшаго въ жизни; тогда будете имѣть полное, вѣрное понятіе о поэтическомъ моемъ дарованіи, гораздо выгоднѣе того, если бы знали его *in naturalibus*.

Кланяюсь вамъ отъ всего сердца съ дружбой и уваженіемъ

Жуковскій.

*) Кто этотъ Фогель, не знаемъ. Письмо переведено для насъ съ Французскаго черноваго подлинника покойною А. П. Елагиной. П. Б.

ПИСЬМО В. А. ЖУКОВСКАГО.

Къ неизвѣстному лицу.

3 (15) Novembre. 1835.

Mon excellente Loulou. Votre délicieuse lettre m'a été remise par le gros Crihton. C'est un trésor que je dois pourtant payer; car à présent je suis forcé de lui rendre une lettre que Reutern a reçu de vous il y a bien longtemps et que j'ai volée. Je n'ai pas voulu me donner celle-ci, sans avoir l'autre, et j'ai du promettre de la lui rendre. Je vous remercie mille fois pour votre charmante rélation: elle m'a transporté en imagition chez vous, j'ai vecu un moment dans un séjour, qui ordinairement ne se trouve que dans rêves, et qui, grâce à vous, pourtant est une réalité. L'Impératrice a ajouté encore à l'effet de votre lettre, en me racontant son entrevue avec vous, comment vous avez déjeuné avec elle, comment cela a été *tout a-fait comme jadis* et comment elle vous a trouvé bien embellie. Tout cela est parfaitement bien, mais toujours votre maison n'est pour moi qu'un point sur la carte, et m'y verrai-je jamais? Il font bien se décider à vous rendre visite comme revénant, et maintenant que je sais que je ne vous affrayerai pas par mon apparation, soyez persuadée que ma première affaire, après avoir fini les affaires de ce monde, sera de venir vous voir, pour vous dire quelque chose sur ce qui se passe là-haut. Vous n'en avez pas besoin, comme vous le dites, ou plutôt vous ne devez pas désirer d'avoir de ces nouvelles *précises*, parce que le Ciel veut que vous croyez avec confiance. Vous avez raison; c'est une manière de considérer la vie bien haute et bien digne de notre âme; la foi est sa couronne, et cette foi ne doit être forcée par rien, elle doit être la fleur de l'âme.

J'ai bien pensé à ce passage de votre lettre. Quelques heures après l'avoir lue, je suis allé voir un ancien ami, malade depuis longtemps et déjà à l'agonie. Je me suis arrêté à la porte de la chambre où il luttait avec la mort. La chambre était obscure; j'ai vu dans cette obscurité un

lit, du quel partaient des gémissements; près du mourant était assise immobile la vielle bonne, qui autre fois était assise près de son berceau lorsqu'il dormait comme enfant et qui maintenant attendait son dernier soupir, près de son autre berceau. Je n'ai pas pu me décider d'avancer. Qu'aurais-je vu? Un visage défiguré par la mort, un être nouveau, étranger, inconnu à moi, une terrible image, qui se serait placée entre moi et celui que j'ai connu vivant. Je lui ai dis adieu de loin, sans vouloir me mêler des mystères de la mort. Elle est souvent hideuse au moment où elle lutte avec la vie: on dirait qu'elle fait tout pour ébranler notre foi, et ce qui arrive après sa pleine victoire est encore plus effrayant: on n'a devant soi qu'un cadavre.

Et bien tout cela est un mystère. Pourquoi la mort avec toutes les circonstances qui l'accompagnent et la suivent, ne nous parle-t-elle que de la dissolution? C'est pour rendre le triomphe de la foi plus grand, plus indépendant. La foi par sa nature est purement céleste, elle ne doit s'accrocher à rien pour se soutenir, elle doit se tenir debout par sa propre puissance. Quelque fois pourtant cette mort est belle et majestueuse, elle arrive doucement, s'exprime par un calme subit et reste fidèle à sa grande destination; un pareil moment est un moment sublime: c'est un coup d'oeil jetté rapidement sur les régions de l'autre monde. Mais le voile retombe vite, et l'on reste de nouveau devant l'image de la destruction. Tout cela dit clairement que l'homme, esclave et dans les événements de sa vie, et dans les connaissances qu'il acquiert par la raison, et même dans les actes de sa volonté, déterminés si souvent par ce qui l'entoure, est complêtement indépendant dans sa foi, qui n'est basée sur rien d'extérieur, qui sort de sa nature et qui reste sienne, malgré tout ce qui se jette sur elle pour la détruire. La foi est la vraie dignité de l'homme.

Revenons à la vie ordinaire...

(Это письмо списано съ черноваго подлинника и сообщено намъ покойнымъ Н. А. Елагинымъ.)

ВОСПОМИНАНІЕ О ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТѢ МИХАИЛѢ НИКОЛАЕВИЧѢ БЕРДЯЕВѢ.

1861.

Михаилъ Николаевичъ началъ службу въ Кавалергардскомъ полку. Молодымъ офицеромъ онъ принималъ съ полкомъ участіе въ Наполеоновскихъ войнахъ 1813 и 1814 годовъ. Возвратился съ грудью, украшенною Георгіемъ и другими знаками отличія его геройскихъ подвиговъ. По производствѣ въ полковники онъ былъ назначенъ командиромъ Арзамазскаго Конно-Егерскаго полка, которымъ командовалъ до производства въ генералы въ 1828 году. Въ 1831 г. онъ отправился на войну. Тамъ по полевой почтѣ онъ получилъ посылку и письмо отъ солдатъ Арзамазскаго полка, который оставался въ Россіи и не имѣлъ съ нимъ никакого служебнаго отношенія. Посылка эта заключала въ себѣ маленькую золотую медаль въ формѣ сердца. На одной сторонѣ ея вырѣзанъ крестъ, на другой слова: «*Боже, храни за твою къ намъ добродѣтель*». Въ письмѣ своемъ солдаты въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ сообщали ему, что когда они узнали, что онъ пошелъ на войну, то сдѣлали присылаемую при письмѣ медаль, освятили ее, просятъ его, чтобы онъ надѣлъ ее на себя и увѣрены, что она оградитъ его отъ пуль непріятельскихъ. Богъ навѣрно услышитъ ихъ мольбы за все добро, которое онъ дѣлалъ имъ, командуя полкомъ.

Отецъ мой считалъ эту медаль высшею наградою въ своей жизни, со слезами на глазахъ про нее разсказывалъ и не снималъ ее съ груди до смерти. Она вдѣлана теперь въ мраморную доску подъ стекломъ на его гробницѣ въ церкви мѣстечка Обухова, Кіевскаго уѣзда.

Этотъ эпизодъ съ медалью былъ извѣстенъ императорамъ Николаю I и Александру II. Онъ произвелъ на нихъ большое впечатлѣніе, они очень имъ интересовались.

Отецъ мой, очень больной, долженъ былъ выйти въ отставку и жилъ въ Кіевѣ. Оба Государя его любили и не забывали.

Въ 1852 г. я поступилъ воспитанникомъ въ Школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ. При первомъ посѣщеніи Школы Государь Николай Павловичъ, проходя по дортуару мимо выстроенныхъ передъ своими койками воспитанниковъ, увидѣвъ надъ моею кроватью мою фамилью, спросилъ: «Ты сынъ Михаила Николаевича?» На мой утвердительный отвѣтъ онъ подробно, въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ, разспрашивалъ объ отцѣ и сказалъ: «Напиши отцу, что я его помню, люблю и очень жалѣю, что болѣзнь препятствуетъ ему продолжать его полезную службу». Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ остановился и опять обратился ко мнѣ со словами: «Напиши также отцу, что я медаль его не забываю», и сейчасъ же началъ разсказывать, сопровождавшему его директору Школы, генералу Сутгофу, объ этой медалѣ. Императоръ Александръ II также милостиво относился къ моему отцу. Не проходило обѣда или бала во дворцѣ, чтобы Государь при встрѣчѣ со мною, кавалергардскимъ офицеромъ, не разспрашивалъ объ отцѣ, и нѣсколько разъ вспоминалъ о медалѣ.

Нельзя не признать, что этотъ эпизодъ съ медалью есть выходящее изъ ряда вонъ явленіе.

Много ли было отцовъ-командировъ, двадцатыхъ годовъ, которые сумѣли вызвать въ солдатѣ такое теплое чувство любви и благодарности, какое переполняло сердце солдата, служившаго подъ командою отца?

Не слабость командованія вызывала это чувство. Арзамазскій полкъ не былъ распущенъ при Михаилѣ Николаевичѣ. Напротивъ, онъ считался образцовымъ въ арміи по дисциплинѣ. Въ него отправляли на исправленіе провинившихся солдатъ изъ многихъ другихъ полковъ. Любовь къ солдату, забота о его нуждахъ, гуманное, безукоризненно справедливое къ нему отношеніе моего отца дѣлали то, что подчиненные его боготворили. Присылаемыхъ къ нему на исправленіе порочныхъ людей онъ не подвергалъ жестокому обращенію, а умѣлъ дѣйствовать на нихъ добрымъ словомъ, и сколько спасенныхъ имъ людей проникались безпредѣльною къ нему благодарностью.

Въ деревнѣ моего отца доживали свой вѣкъ нѣсколько отставныхъ солдатъ-ветерановъ Арзамазскаго полка, которыхъ мой отецъ пріютилъ у себя. Это одно изъ пріятныхъ воспоминаній моего дѣтства сороковыхъ годовъ. Нужно было видѣть, съ какою любовью эти люди относились къ моему отцу; нужно было видѣть, какъ онъ обращался съ ними. Тамъ, можно сказать, во всей нравственной красѣ проявлялся завѣтъ Христа: «*люби ближняго, какъ самого себя*».

Кіевъ, Февраль 1902.

Александръ Бердяевъ.

РУССКІЕ ВЪ ЮЖНОЙ БЕССАРАБІИ.

(Къ исторіи колонизаціи).

Насколько запомнитъ исторія, Южная Бессарабія всегда отличалась частою смѣною и разнообразіемъ своего населенія. Послѣдняя такая смѣна началась во второй половинѣ XVIII-го вѣка, вскорѣ послѣ того какъ на берегахъ Ларги и Кагула (1770 г.) былъ нанесенъ рѣшительный ударъ Турецко-татарскому владычеству въ Южной Бессарабіи, или такъ называемомъ Буджакѣ (древній Русскій „Уголъ“), при чемъ отсюда было выведено около 12 тыс. „Буджакскихъ Татаръ“, т. е. Ногайцевъ (гр. П. И. Панинъ). Съ этого времени въ опустѣвшую Южную Бессарабію съ разныхъ сторонъ устремляются нынѣшніе насельники ея, Молдаване, Болгары, и пр., къ которымъ впослѣдствіи прибавляются Нѣмцы и др. Съ этого же времени въ Южной Бессарабіи появляются и Русскіе [1]).

Начавшись задолго до окончательнаго присоединенія Бессарабіи, Русская колонизація Южной Бессарабіи почти непрерывно продолжается сто лѣтъ (1775—1878), то усиливаясь, то стихая подъ вліяніемъ Русско-турецкихъ войнъ и другихъ событій. Русская колонизація Ю. Бессарабіи представляетъ два элемента, казацкій и крестьянскій, два параллельныхъ теченія, Малорусское и Великорусское, и состоитъ какъ изъ переселеній изъ Россіи такъ и изъ внутреннихъ перемѣщеній, имѣвшихъ мѣсто главнымъ образомъ на берегахъ Дуная.

---

[1]) Слѣды болѣе древняго пребыванія Русскихъ, кромѣ прямыхъ историческихъ указаній, можно видѣть также и въ названіяхъ городовъ Южной Бессарабіи: Турецк. Бендеры—истор. названье Тягинь: Тур. Аккерманъ—Бѣлгородъ, „городъ“, какъ его называютъ окрестные жители; Тур. Томарово, Греч. Эрине—нынѣ Рени; Греч. Калки—Килія; Тур. Исмаилъ, Греч. Смилъ—Малороссы называютъ „Смáилъ“; названье Вилковъ—переводъ Татарск. „Четалъ“ (такъ называется островъ на Дунаѣ, противъ Измаила), что̀ значитъ „вилы“. Кстати замѣтить, что Килійскій Дунай, на которомъ расположены послѣдніе четыре города, издавна былъ извѣстенъ своимъ рыболовствомъ, особенно ловлею осетра (Рум. „моруны“), для чего устраивались особыя загородки, т. н. „теляны“, нынѣшніе „гáрды“ („Путешествіе Антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка“, перев. Г. Муркоса, Москва, 1898, V, 104—106).

I.

Первыми Русскими поселенцами Южной Бессарабіи можно считать „незначительную часть" тѣхъ Запорожцевъ, которые остались здѣсь по пути въ Турцію, послѣ разрушенія Сѣчи въ 1775 г. [1]). Между-прочимъ, „съ конца XVIII ст." Запорожцы прибывали „въ урочищѣ на рѣчкѣ *Дракуль*, Аккерманскаго уѣзда" [2]). Въ 1805 г. Задунайскіе Запорожцы временно поселились въ Вилковѣ [3]). О Запорожцахъ въ Южной Бессарабіи могутъ свидѣтельствовать и такія названья селъ, какъ: Курень, Сагайдаки—Бендерскаго уѣзда, Паланка, Сеймены, Райлянка—Аккерманскаго у., Бурлакъ—Измаильскаго у. и т. п. [4]). Около того же времени стали селиться здѣсь и Великорусскіе казаки, такъ назыв. Некрасовцы („Игнатъ—казакъ" у Турокъ), выходцы изъ сосѣдней Добруджи, которыхъ могло привлекать сюда обиліе рыбныхъ озеръ [5]).

---

[1]) Ушедшіе въ Турцію Запорожцы, въ числѣ 5—10 тыс. обоего пола душъ, подъ предводительствомъ куренного атамана Бахмата, „сначала поселились на лѣвой сторонѣ Дуная, въ Буджакѣ", откуда, спустя уже нѣкоторое время, подъ предводительствомъ походнаго атамана Ляха, перешли на правый берегъ Дуная и поселились въ урочищѣ Сейменахъ выше Гирсова; въ 1805 г., за разбой на Дунаѣ, султанскимъ фирманомъ они переведены были внизъ по Дунаю къ берегамъ Чернаго моря, т. е. въ Добруджу. Запорожцы жили подъ покровительствомъ султана „какъ у Христа за пазухою" (сравн. народную пѣсню: „Буде добре Запорожцамъ и пидъ Туркомъ жити"...). Между прочимъ, кошевой атаманъ Запорожцевъ (Орликъ) получилъ отъ султана бунчукъ съ двумя концами („двухбунчужный паша") и булаву, а войску дано было двухцвѣтное знамя: „на бѣломъ полѣ золотой православный крестъ, а на черномъ (или красномъ?) серебряный мѣсяцъ (Записки М. Чайковскаго (Садыкъ-паши), въ „Русской Старинѣ" 1898 г., т. 94, с. 689; 1895 г., Ноябрь, с. 158.—А Защукъ, Бессар. обл., СПб. 1862, I, 529 и слѣд.—П. Н. Батюшковъ, Бессарабія, СПб., 1892 г., с. 138—9).

[2]) А. Скальковскій, Болгарск. колоніи, Одесса 1848, с. 86.—Сравни нынѣшнее Малорусское село Дракуля Измаильскаго уѣзда.

[3]) Батюшковъ, 139.

[4]) „Курень"—войсковое дѣленіе Запорожья, „паланка"—укрѣпленіе, округъ, территоріальное дѣленіе Запорожья, „сагайдакъ" или „саадакъ"—кожаный мѣшокъ для стрѣлъ (Эварницкій, Исторія Запор. казаковъ, СПб. 1892, I, 200, 202, 268). Сеймены и Райя, между-прочимъ, встрѣчаются въ числѣ поселеній Задунайскихъ Запорожцевъ; „сеймены" (seijmen), кромѣ того, означаетъ родъ Турецкой кавалеріи, которая вербовалась и содержалась на счетъ правительства. „Бурлакъ"—общее названіе казаковъ; Запорожскій кошъ Задунайскихъ казаковъ, между прочимъ, описывается „какъ сборище бурлаковъ и гайдамаковъ со всего свѣта" („Р. Стар." 1896, Апрѣль, 167; 1898 г., т. 94, с. 432, 690). Так. образ., названія послѣднихъ селъ могутъ указывать на связь съ Задунайскими Запорожцами, т. е. что эти села могли быть основаны Запорожцами, вышедшими изъ Добруджи. Впрочемъ, названье „Райлянка" могло произойти и отъ Русиновъ, переселенцевъ изъ Хотинской райи, которыхъ называютъ здѣсь „Райлянами" или „Райками".

[5]) Предки Некрасовцевъ покинули Донъ послѣ Булавинскаго бунта 1708 г., подъ предводительствомъ Игната Некрасова, и поступили на службу къ Татарскимъ ханамъ, сторожа Кубань и Анапу. Послѣ завоеванія Россіей Крыма у береговъ Чернаго моря (т. е. въ 1783 г.), эти казаки перешли съ своими семействами въ Турцію, дошли до Си-

Вѣроятно сначала это были отдѣльныя артели, арендовавшія озера и жившія на рыбныхъ заводахъ, или такъ наз. „Кирганахъ", на мѣстѣ которыхъ впослѣдствіи возникли цѣлыя населенія [1]). Такъ, между Дунайскими озерами Кагуломъ и Ялпухомъ, извѣстна старинная, теперь несуществующая усадьба *Буджакъ-Некрасовцы.* Нынѣшнее Молдаванское село *Джурджулешты*, близъ устья Прута, основано „до 1806 г. Некрасовцами, вышедшими изъ крѣпости Джурджи" [2]).

Казацкія передвиженія открыли собою собственно-народныя, крестьянскія переселенія въ Южную Бессарабію тѣмъ болѣе, что, по многимъ свидѣтельствамъ, Русскимъ переселенцамъ хорошо жилось подъ властью Турокъ [3]). Съ конца 18 ст. въ Южной Бессарабіи стали появляться бѣглецы изъ Малороссіи, гдѣ въ 1784 г. было введено крѣпостное право, а также Великороссы-раскольники, такъ назыв. „Липоване" (передѣлка слова Пилипоны, т. е. Филипповцы), и т. п. Эти Русскіе переселенцы селились по преимуществу около Турецкихъ крѣпостей, вокругъ которыхъ стали возникать предмѣстья и окрестныя селенія, большею частью сохранившія свои Татарскія и Турецкія названія. Такъ, въ концѣ 18 ст. упоминается с. *Халилесть* возлѣ Киліи, нынѣ Малорусское с. Галилешты [4]). Въ сосѣднемъ съ Измаиломъ селеніи *Долукіой* („Долукіево" въ Русской передѣлкѣ) было „нѣсколько семействъ Малороссовъ, до 1806 г. туда зашедшихъ" [5]) и т. п.

II.

Начавшееся въ 18 ст. движеніе Русскихъ въ Южную Бессарабію усиливается ко времени Русско-Турецкой войны 1806—1812 г., сопровождав-

---

нопа, откуда и переселились на ладьяхъ на Дунай, гдѣ имъ были предоставлены для поселеній урочища близъ Запорожской Сѣчи, т. е. въ Добруджѣ. Вслѣдствіе распри съ Запорожцами Некрасовцы выселились сначала въ Румелію, а оттуда въ Малую Азію, на берега Мраморнаго моря. Рыболовство, ловля піявокъ и транспортная торговля были единственными занятіями Некрасовцевъ, такъ какъ въ силу существующаго обычая и закона, они, какъ люди военные, не могутъ обрабатывать земли. Некрасовцы арендовали озера даже въ Египтѣ (Записки М. Чайковскаго въ „Р. Старинѣ" 1898 г., т. 94, с. 430—1 1895 г., Ноябрь, с. 157).

[1]) На р. Прутѣ, возлѣ г. Кагула, находятся два Молдаванскихъ села: „Кирганы" и „Кирханы", Измаильскаго уѣзда. Такимъ же образомъ лѣтъ 20 тому назадъ возникла „*Коса*" (въ шутку называемая также „Новая Одесса"), небольшой поселокъ на Ялпухѣ, заселенный „Липованами" (раскольниками).

[2]) Скальковскій, с. 25, 71.

[3]) „... Крестьяне, находящіеся въ селеніяхъ около Турецкихъ крѣпостей, раями называемые, имѣли во время Турецкаго правительства большія выгоды". (Изъ письма. кн. А. А. Прозоровскаго Подольскому гражданскому губернатору Чевкину отъ 28 Января 1808 г., въ „Трудахъ Бессар. Губернск. Учен. Арх. Коммиссіи", Кишиневъ, 1900 г., I, 333)

[4]) Труды Бессар. Арх. Комис. I, 371.—Сравн. с. Галилешты Бендерскаго уѣзда.

[5]) Скальковскій с. 63.

шейся выводомъ остатковъ Буджацкихъ Татаръ и закончившейся присоединеніемъ Бессарабіи. Въ это и ближайшее къ нему время можно отмѣтить новый и притомъ болѣе значительный притокъ Русскаго населенія какъ изъ-за Дуная (Добруджи), такъ и изъ Россіи.

Въ 1807 г. И. И. Михельсону удалось склонить къ переселенію въ Россію часть Задунайскихъ Запорожцевъ, изъ которыхъ были сформированы для войны два полка. Запорожцы, оставшіеся по окончаніи войны въ Бессарабіи [1]), подъ названьемъ „Буджадскаго Усть-Дунайскаго войска", поселились на указанныхъ правительствомъ мѣстахъ и образовали станицы: *Акмангить* и *Старокозачье*, а волонтеры и служившіе въ такъ называемомъ вольномъ полку—*Волонтировку*, Аккерманскаго у. [2]). Въ томъ же году, „43 преданныхъ Россіи Некрасовцевъ" поселились въ с. *Кислицѣ* при устьѣ оз. Катлабуга, заперли его „коцами" (гарды?) и стали заниматься рыболовствомъ [3]). Въ 1812 г. Задунайскіе Запорожцы основали *Новопокровку*, теперь Болгарское село, Измаильскаго уѣзда „названную такъ въ память ихъ древней Сѣчи" [4]).

Одновременно съ движеніемъ Задунайскихъ казаковъ, по свидѣтельству современника, происходили „большіе побѣги жителей полуденныхъ Россійскихъ губерній" [5]). Сохранившіяся многочисленныя дѣла „о возвратѣ изъ Молдавіи въ Россію бѣглыхъ крестьянъ" точнѣе указываютъ и мѣста выхода этихъ переселенцевъ—преимущественно Подольскую, Херсонскую губ. [6]). Къ счастью, тогда еще господствовалъ взглядъ, высказанный княземъ А. А. Прозоровскимъ, по которому выдача бѣглыхъ Русскихъ людей считалась „противоположною интересамъ Государя Императора" [7]). Русскіе люди, какъ и въ предыдущее время, продолжали наполнять предмѣстья или „форштаты"

---

[1]) Большинство Запорожцевъ по окончаніи войны выселилось въ Черноморію.

[2]) Александръ I утвердилъ этимъ полкамъ названье Усть-Дунайскаго войска, даровалъ знамена и печать съ гербомъ, изображающимъ рѣку Дунай въ видѣ дуги, креста, полумѣсяца и солнца въ лучахъ, съ надписью: „Буджацкаго Усть-Дунайскаго войска" и съ означеніемъ на ней 1807 года (Защукъ, I, 530).

[3]) Труды Бесс. Арх. К., I, 807. Кислица—нынѣ Малорусское село на Дунаѣ; вторая Кислица на Прутѣ, Молдаванское село.

[4]) Скальковскій, с. 86.

[5]) Изъ письма С. А. Тучкова къ М. М. Сперанскому о бунтѣ 3-ей бригады Кіевской милиціи и исправленіи нашей границы съ Турціей, Генваря 4-го, 1808 года („Русск. Старина" 1895 г., т. 84, с. 188).

[6]) Между-прочимъ, указываются приднѣстровскія деревни, Привороте, м. Каменка, с. Вребловцы—Подольск. г. (Труды Бесс. Арх. Ком. I, 332).

[7]) Тамъ же, I, 333, 334.

городовъ и четырехъ крѣпостей, занятыхъ теперь Русскими гарнизонами, а также окрестныя селенія. Рядъ ходатайствъ объ обращеніи въ православныя церкви Турецкихъ мечетей („джеміи“) въ гг. *Рени*, *Измаилъ*, *Киліи*, въ сс. *Галилешты*, *Золокары*, *Гасанспага* и др., языкъ этихъ ходатайствъ и прямыя указанія свидѣтельствуютъ, что всѣ эти Дунайскіе города и села ко времени 1808—1813 г., какъ и теперь, имѣли преобладающее Малорусское населеніе [1]). Между прочимъ, въ 1810 г. С. А. Тучковымъ былъ основанъ и населенъ нынѣшній г. Измаилъ—*Тучково* [2]). По присоединеніи Бессарабіи къ Россіи въ 1812 г., на основаніи всемилостивѣйшаго манифеста, перешло изъ Молдавіи „болѣе 2 тыс. бродягъ“ преимущественно Великоруссовъ, которые почти всѣ разошлись по городамъ [3]).

Изъ предмѣстій и окрестныхъ селеній Русскіе, за выводомъ Татаръ начинаютъ распространяться далѣе, внутрь Буджака. Такъ, напр., въ 1817 г., жители Тучкова, судя по фамиліямъ „бѣглые Малороссы“, въ числѣ семи семействъ, подѣлали себѣ землянки („бурдеи“) и сняли подъ выпасъ скота всю долину Янука, въ $^1/_4$ версты отъ будущаго селенія „Фынтына-Дзычилоръ“ (т. е. колодезь Наидъ) нынѣ с. *Криничка*, Измаильскаго уѣзда [4]). Сосѣднее съ Измаиломъ с. *Дермендере* („Долина мельницъ“) было основано „Малороссійскими выходцами, жившими въ хуторахъ, на урочищѣ Каланчакъ“ [5]). Въ 1819 г. Русскіе, подъ названіемъ „Старожилы“ или „коренные разныхъ націй жителей“, находились во всехъ четырехъ округахъ, на которые дѣлилась тогда Южная Бессарабія; между прочимъ, „по осѣдлости ихъ съ давнихъ лѣтъ“, на нихъ были распространены колонистскія права, исходатайствованныя собственно для Болгаръ [6]). Въ концѣ 1821 г., „по самому

---

[1]) Жители с. Гасанспага ходатайствуютъ объ освященіи „чистаго и выгоднаго“ подъ церковь „мечета“, „оставшагося послѣ Турковъ“ въ ихъ селѣ; жители и „въ нутрѣ приличнымъ благолѣпіемъ“ украсили зданіе на свои „сердечныя жертвованія“. О Покровской церкви ходатайствуетъ купеческое и мѣщанское „*Малороссійское*“ общества, жившія на „форштатѣ“ г. Киліи, и т. п. (Труды Бесс. Арх. Ком. I, 93, 94). Замѣтимъ, что возлѣ Киліи, на Дунаѣ, кромѣ указанныхъ, расположена еще цѣлая группа, преимущественно, Малорусскихъ селъ.

[2]) Въ алтарѣ Воздвиженской церкви г. Измаила, на мраморной доскѣ находится слѣдующая надпись: „Церковь передѣлана изъ мечети, оставленной Турками при окончательномъ взятіи г. Измаила 13 Сентября 1809 года генераломъ Сергѣемъ Алексѣевичемъ Тучковымъ, основателемъ г. Измаила“.

[3]) Защукъ I, 157.

[4]) Труды Бесс. Арх. Ком. I, 83.

[5]) Скальковскій с. 63.

[6]) Въ 13-й ст. высочайшаго указа отъ 29 Дек. 1819 г. сказано: „Старожиловъ или коренныхъ жителей, въ тѣхъ округахъ находящихся, включить въ общій составъ оныхъ,

достовѣрному исчисленію, сдѣланному тогда самими колонистами", было „Русскихъ: Казаковъ Запорожскихъ, Некрасовцевъ и Молороссійскихъ выходцевъ *4.280 об. п. душъ*", т. е. Русскіе составляли тогда около 1/9 всего населенія Болгарскихъ колоній, во всей же Южной Бессарабіи Русскихъ было, конечно, въ нѣсколько разъ больше [1]). Съ 1823 по 1828 г., между-прочимъ, производилось размежеваніе пожалованныхъ земель, для заселенія которыхъ привлекались крестьяне „изъ внутреннихъ губерній Россіи": тогда возникъ, напр., *Манзырь* (мѣстечко Бендерскаго у.) графини Эдлингъ (рожд. Стурдзы), Стурдзены, Звѣздочка, Капріоръ и друг. Но вообще притокъ Русскаго населенія за это время былъ незначителенъ, между прочимъ, вслѣдствіе чумы 1819, 1825 и 1828 гг., особенно свирѣпствовавшей въ Южной Бессарабіи [2]).

III.

Самый значительный приливъ Русскаго населенія въ Южную Бессарабію произошелъ во времена императора Николая I, особенно въ 30-хъ годахъ.

Подъ вліяніемъ Русско-Турецкой войны 1828—1829 г., закончившейся присоединеніемъ Дунайской дельты, пришло въ движеніе казачество. Въ Маѣ 1828 г., благодаря убѣжденіямъ коменданта Измаильской крѣпости, г.-м. С. А. Тучкова, тысяча Задунайскихъ Запорожцевъ съ кошевымъ атаманомъ Іосифомъ Гладкимъ перешли Бессарабію и, по окончаніи войны, подъ именемъ „Отдѣльнаго Запорожскаго войска" (или „Дунайскаго казачьяго полка"), временно были водворены въ Аккерманскомъ уѣздѣ (вѣроятно, въ прежнихъ казачьихъ станицахъ), гдѣ и оставались до 1831—2 г. [3]). Около тогоже вре-

---

какъ по осѣдлости ихъ съ давнихъ лѣтъ въ тѣхъ мѣстахъ и разведеніямъ виноградныхъ и фруктовыхъ садовъ, такъ и по жительству ихъ совмѣстно съ Болгарами, распространяя и на нихъ колонистскія права". Округа, на которые была раздѣлена тогда Южная Бессарабія, слѣдующіе: Измаильскій, Прутскій, Кагульскій и Буджацкій (Скальковскій, 23, 25—27).

[1]) Тамъ же. с. 35.

[2]) Защукъ, I, 149: II, 191.—„Р. Стар." 1896 г., VIII, 406. Въ началѣ 60-хъ гг. въ Манзырѣ было жителей всего 230 душъ.

[3]) Осипъ Михайловичъ Гладкій или Гладко (по Батюшкову Головатый?) уроженецъ Золотоношскаго у. Полтавской г. (1789—1866). Выведенныхъ имъ Запорожцевъ Николай Павловичъ повелѣлъ наименовать „Дунайскимъ казачьимъ полкомъ" и пожаловалъ имъ знамя съ надписью: „За храбрость и усердіе, оказанныя при переходѣ черезъ Дунай 27 Мая 1828 года". Въ началѣ 30-хъ годовъ Гладкій поселилъ этихъ казаковъ между Бердянскомъ и Маріуполемъ подъ именемъ „Азовскаго казачьяго войска", просуществовавшаго до 1865 г. Оставшимся въ Турціи Запорожцамъ Турки жестоко отомстили за

мени перешло „до 1042 душъ обоего пола Некрасовцевъ“, которые были поселены въ „Измаильскомъ градоначальствѣ“, куда были переведены и жители урочища Буджакъ-Некрасовцы: такъ возникла нынѣшняя *Некрасовка* въ окрестностяхъ Измаила [1]). Оживилась дѣятельность и прежняго Буджацкаго или Усть-Дунайскаго войска, изъ котораго въ Октябрѣ 1828 г. было сформировано два полка, конный и пѣшій (послѣдній для Дунайской гребной флотиліи), подъ названьемъ „Дунайскихъ казаковъ“. Къ тремъ прежнимъ станицамъ Дунайскаго войска постепенно причислены еще слѣдующія станицы: въ 1832 г.—*Михайловка*, *Константиновка* (Аккерманск. у.), *Николаевка* (Приморская?) и *Новотроицкое* (Измаильск. у.); въ 1836 г.—*Петровка* (Аккерм. у.) съ переселенцами изъ Курской г., въ 1839 г.—*Фараоновка* и *Каиръ* (Аккерм. у.), наконецъ, въ 1854 г.—*Парапари* (Измаильск. у., въ послѣднихъ трехъ станицахъ поселены Цыганы),—всего 11 станицъ и хуторовъ [2]).

Все это время продолжался и особенно усилился приливъ также и Русскаго крестьянства. Въ 1837—1843 г.г., благодаря льготамъ, правительство устраивало поселенія „вольныхъ матросовъ“ для Дунайской гребной флотиліи, о чемъ, между прочимъ, свидѣтельствуетъ Малорусское с. *Матроска*, предмѣстье Измаила [3]). Можно сказать, что къ этому времени значительно возрасли старыя предмѣстья, изъ которыхъ нѣкоторыя были переименованы въ „посады“ въ томъ числѣ пос. Вилковъ (1840 г.), Тузлы и др.; и возникли новыя предмѣстья, подъ Русскими названьями [4]). Въ 1839 г., подъ управле-

---

измѣну: разрушили Сѣчь, уничтожили управленіе, раскассировали войско, разогнали жителей; съ той поры Запорожцы не могли уже удержать своей вѣры и національности, разбрелись и потурчились. Такъ въ концѣ 20-хъ—началѣ 30-хъ годовъ прекратила свое существованіе Задунайская Запорожская Сѣчь (Брокгаузъ, Энциклоп. Слов., XVI, 739; Батюшк., 140; „Р. Стар.“ 1895 г., Ноябрь, 158; Апрѣль, 167; 1898 г., т. 94, с. 690; 1900 г., Ноябрь 253 прим. 1. „Р. Арх.“ 1901 г., IV, 638, 643).

[1]) Защукъ I, 149; Скальк., 25. Измаильское градоначальство образовано указомъ 26 Сент. 1830 г.; первымъ градоначальникомъ его былъ С. А. Тучковъ (до 1836 г.), а затѣмъ г.-м. Өедоровъ.

[2]) Названія нѣкоторыхъ станицъ повторяются: Михайловка, Петровка, Бендерск. у., Константиновка, Измаильск. у., Николаевка, Аккерм. у.

[3]) По ходатайству кн. М. С. Воронцова, „желающіе приписаться къ цеху вольныхъ матросовъ освобождаются отъ всѣхъ податей на 25 лѣтъ, на основаніи вновь состоявшагося по сему предмету закона“ (Скальк. 37; Защукъ I, 150). Дунайская флотилія состояла изъ канонерскихъ лодокъ устарѣлаго типа, вооруженныхъ двумя 36-фунтовыми орудіями каждая, и двухъ или трехъ рѣчныхъ пароходовъ—между ними „Прутъ“ и „Ординарецъ“. Флотилія эта составляла отдѣлъ Черноморскаго флота, мѣстопребываніе имѣла въ Измаилѣ и просуществовала до 1856 г., когда была переведена въ Николаевъ и затѣмъ окончательно упразднена („Р. Стар.“ 1895 г., т. 83, с. 124—5, 134).

[4]) Приведемъ разсказъ 60-лѣтняго жителя с. *Троицкаго*, Бендерск. у.: „Отцы наши вышли въ 1828 г. изъ Курской, Орловской гг. Теперь мы однодворцы, такъ бы сказать,

ніемъ учрежденной тогда палаты государственныхъ имуществъ, можно насчитать уже *нѣсколько десятковъ Русскихъ поселеній*, такъ назыв. „казенныхъ“, изъ которыхъ многія и основаны были въ промежутокъ конца 20—30-хъ годовъ; изъ нихъ Великорусскія селы почти безошибочно узнаются по ихъ чисто Русскимъ названьямъ, тогда какъ Малорусскія села большею частью скрываются подъ старинными Турецкими и Татарскими названьями. Въ 1857 г., ко времени X-й ревизіи, въ однихъ „казенныхъ“ селахъ (не считая городовъ и предмѣстій) Южной Бессарабіи Русскихъ можно считать уже около *40 тыс.* человѣкъ и изъ нихъ около 3—4 Малороссовъ [1]).

Такъ возросло Русское населеніе Южной Бессарабіи, не смотря на то, что отношеніе къ нему со стороны представителей мѣстной власти въ это время коренным образомъ измѣнилось. Въ 20-лѣтнее управленіе Гражданскаго губернатора г.-м. Ѳедорова—съ 28 Авг. 1834 г.—по оффиціальному счету было выслано изъ Бессарабіи болѣе 48 тыс. Русскихъ, такъ назыв. „бродягъ“, изъ которыхъ большая часть устремилась за Дунай (въ Добруджу), другіе же скрывались въ Бессарабіи, перемѣняли фамиліи и нерѣдко и совсѣмъ теряли свою національность, о чемъ свидѣтельствуетъ мѣстная поговорка: „тата Русъ, мама Русъ, даръ Иванъ—Молдаванъ“, т. е. отецъ и мать были Русскіе, а сынъ Молдаванъ [2]). Въ то же время, подъ руководствомъ „Попечительнаго комитета“, шла дѣятельная очистка Болгарскихъ колоній отъ Русскаго элемента. Въ 1830 г. было основано с. *Ѳерапонтьевка*, Бендерск. у., „возвратившимися въ прежнее время изъ Турціи Русскими людьми“, которые, вѣроятно, жили доселѣ въ Болгарскихъ колоніяхъ. Нѣкоторыя, основанныя Русскими села были заняты теперь Болгарами—наприм., Долукіой, Дермендере, Ново-Покровка и друг. Въ 1846 г. въ Болгарскихъ колоніяхъ считалось Малороссовъ только 862 души (188 семействъ или 1254 души, если считать по отдѣльнымъ колоніямъ) т. е. число Русскихъ сравнительно съ 1821 г. уменьшилось въ нѣсколько разъ—такъ что, по замѣчанію

резеши: на родинѣ имѣли по 4 дес. на человѣка, а здѣсь по 30 дес. Отцы много горя перенесли, а намъ теперь хорошо: одного виноградника 5 дес. имѣю, а есть лучше меня. Съ того времени (т. е. съ 1828 г.) только три старика есть—имъ тогда годовъ по 10 было, остальные здѣсь родились. Всѣ православные, только одинъ домъ Раскольника, да и тотъ только-что въ церковь не ходитъ“...

[1]) Въ 1857 г. въ Закругахъ Бессарабіи числилось Русскихъ о. п. 24.276 (изъ нихъ Малороссіянъ 17,876, Великороссіянъ 6,400). Кромѣ того, въ 20 казенныхъ селеніяхъ нынѣшняго Измаильск. у. въ 1851 г. (по IX-й ревизіи) числилось о. п. душъ 14,789 (Защукъ I, 521, 522).

[2]) Защукъ I, 150, 157; II, 136.—Брокг., Энц. Сл. XX, 830.—Приводимъ слѣдующ. примѣры перемѣны фамилій: Ковалько (Кіевск. г.) измѣнено въ Васильковань, Дели-Божкъ (Полтавск. г.)—Жужукъ и т. п.

историка Болгаръ, „не смотря на первоначальное разнообразіе національностей, все населеніе Болгарскихъ колоній представляетъ уже почти совершенно однородное цѣлое“[1]).

IV.

Отдѣленіе отъ Россіи части Южной Бессарабіи по Парижскому трактату 1856 г. вызвало новыя перемѣщенія Русскаго населенія, новый притокъ его преимущественно изъ-за Дуная.

Въ 1857 г. отошло къ Румыніи 21 (20) казенныхъ Русскихъ поселеній, въ томъ числѣ станицы—Николаевка (Приморская), Новотроицкій и Парапари [2]). Жившіе въ этихъ станицахъ Дунайскіе казаки, переименованные теперь въ „Новороссійское казачье войско“, большею частью переселились въ Аккерманскій уѣздъ, съ войсковымъ управленіемъ въ м. Байрамчѣ, переименованной въ *Николаевку-Новороссійскую.* Въ 1862 г. въ Байрамчѣ было 850 о. п. душъ, а всего въ 9 станицахъ и хуторахъ Новороссійскаго войска числилось тогда около 12 тыс. о. п. душъ, притомъ разнороднаго состава. Въ 1868 г. казачье войско было раскассировано, а жители обращены въ крестьянъ-собственниковъ [3]). Можно думать, что вмѣстѣ съ казаками изъ отошедшей къ Румыніи и Бессарабіи выселилась и часть Малороссовъ, на мѣстѣ которыхъ водворились Молдаване [4]).

Въ 1858 г., вслѣдствіе заключенной съ Турціей конвенціи, по которой желающимъ предоставлялось право выселиться на родину, а также подъ вліяніемъ слуховъ о свободѣ, произошла такъ назыв. „*велика выходка*“ изъ-за Дуная (Добруджи) въ Южную Бессарабію, т. е. обратное движеніе прежде выселенныхъ сюда Русскихъ людей, хотя и въ значительно меньшемъ количествѣ и притомъ скоро пріостановившееся [5]). Выходцы эти отчасти возвра-

---

[1]) Въ 1846 г., изъ 83 Болгарскихъ колоній Русскіе находились только въ слѣдующихъ 13 колоніяхъ: Болградъ—54 души, Тайраклія—15, Ново-Троянъ—9. Долукіой—12, Дермендере—120 (въ Измаильскомъ округѣ всего 210 душъ), Сатуново—8 д., Этюлія—6, Слободзея—16, Брындза—5, Колибаши—22, Волконешты—42 (въ Кагуло-Прутскомъ округѣ всего 99 душъ), Ѳерапонтьевка—518 д., Фонтына-Двынилоръ (Криничка)—427 д. (въ Верхне-Буджакскомъ округѣ всего 945 д.).—Итого 1254 души.

[2]) Нынѣ въ Восточной части Измаильск. у, (см. примѣч. 31). Защукъ II, 30.

[3]) Защукъ, I, 532, 552; II, 192.—Батюшк., 142.

[4]) Въ 31 прим. отмѣчена примѣсь Молдаванъ въ нѣкоторыхъ Русскихъ селеніяхъ Восточн. части Измаильск. уѣзда; тамъ же находятся еще слѣдующія Молдаванскія села: Чимаширъ, Димитровка, Фурманка (?).

[5]) Брокг., Энц. Сл. XX, 830.—Батюшк., 162

щались въ недавно покинутыя мѣста, отчасти селились на новыхъ; тогда именно въ отошедшую къ Румыніи Бессарабію особенно усилился наплывъ Раскольниковъ-липованъ, средоточіемъ которыхъ сталъ Измаилъ, гдѣ была учреждена Епископская каѳедра [1]). Въ то же время „въ посады Аккермана и сосѣднія съ нимъ селенія" продолжали прибывать выходцы изъ Приднѣстровскихъ и Приднѣпровскихъ губерній [2]). Подъ именемъ „*десятинщиковъ*", число которыхъ въ началѣ 60-хъ гг. доходило до 6 тыс., они селились также на земляхъ помѣщиковъ, основывали хутора [3]). Изъ этихъ-то хуторовъ, на памяти многихъ, возникъ цѣлый рядъ „*новыхъ*" поселеній, преимущественно въ Аккерманскомъ уѣздѣ, которыя большею частью повторяютъ названья прежнихъ поселеній или же носятъ фамиліи владѣльцевъ, на земляхъ которыхъ возникли [4]).

Наконецъ, нѣкоторыя перемѣщенія Русскаго населенія произошли и послѣ возсоединенія Придунайской Бессарабіи по С.-Стефанскому договору 1878 г. На мѣсто отхлынувшей части Молдаванъ водворились Русскіе—напр., Аккерманскіе мѣщане—Малороссы въ *Новокарагачѣ* Измаильск. у. и другихъ мѣстахъ [5]).

Такъ, въ теченіе столѣтія, происходило заселеніе Русскими Южной Бессарабіи. Впереди всѣхъ переселеній и перемѣщеній, какъ это бывало и въ другихъ мѣстахъ на Руси, шло казачество, которое подъ разными названьями—Буджацкихъ, Дунайскихъ, Новороссійскихъ казаковъ—не прерывалась почти до конца 60-хъ годовъ; за ними почти непрерывно двигалось

---

[1]) Батюшк., 163.

[2]) Къ 1 Янв. 1860 г. въ предмѣстьяхъ Аккермана считалось жителей (православныхъ)—12,265, въ предмѣстьяхъ Бендеръ—2,418 (Защукъ, II, 133, 134, 151).

[3]) Защукъ I, 157.

[4]) Приводимъ названья нѣкоторыхъ поселеній этого времени.—Новая Кобуска бендерск. у.; Ново-Павловка, Ново-Сергѣевка, Новая Адамовка, Новая Царичанка, Новая Балакчеи—Аккерманск. у.; 2 Ново-Николаевки Аккерм. и Измаил. у. Мартаза и Новыя Сарьяры Измаильск. у.; 3 Кантемиръ Бендерск. и 2 Аккерм. у., Навроцкаго, Демидова, Маразліевка, Бенкендорфъ, Большая и Малая Катарга (Катаржа, сравн. прим. 30), 3 Марьяновки, Кадіешты („десятинщ."), Будаки (съ 1880 г. собственники), Большая и Малая Балабанка, Черкесы (?), Базарьянка—Аккерманск. у.; Сарьяры Маразли, Базарьянка, Помазаны—Измаильск. у. и т. д.

По словомъ старожила с. Будакъ (выходца изъ Кіевск. г.), еще лѣтъ 30—40 тому назадъ на мѣстѣ этихъ селъ были только отдѣльныя землянки („бурдеи") хутора и сплошная степь: „молочай и ковыль такый, що вола не видно, а для вивци выпалювали (т. е. выжигали) степь"; онъ же, указывая поселенія казаковъ, замѣтилъ: „колысь козакы булы!" (Записано въ 1899 г.).

[5]) Батюшк., 171.

крестьянство, главнымъ образомъ бѣглые.—За отсутствіемъ точныхъ этнографическо-статистическихъ данныхъ (результаты переписи 1897 г. намъ неизвѣстны), можно сказать, что въ настоящее время Русскія поселенія занимаютъ приблизительно около $^1/_4$ всѣхъ поселеній Южной Бессарабіи [1]). Изъ нихъ около $^3/_4$ составляютъ Малороссы, которыхъ называютъ здѣсь „Руснаками", т. е. Русскими (въ отличіе отъ „Райковъ" сѣверной Бессарабіи), и $^1/_4$ Великороссы, въ значительномъ числѣ Раскольники, т. назыв. „Липоване" (въ Измаильскомъ уѣздѣ). Особенно плотною массою Русскія поселенія расположились въ окрестностяхъ Аккермана—въ нынѣшнемъ Аккерманскомъ уѣздѣ, гдѣ они составляютъ около $^1/_2$ всѣхъ поселеній, и около Киліи на Дунаѣ—въ нынѣшнемъ Измаильскомъ уѣздѣ—гдѣ Русскія поселенія составляютъ даже около $^2/_3$ всѣхъ поселеній, занимая также и побережье Чернаго моря. Такимъ образомъ, Русскія поселенія занимаютъ преимущественно Восточную и Южную окраины Бессарабіи, теряясь въ серединѣ, которая занята Нѣмцами и Болгарами, и встрѣчаясь на Западѣ, по Пруту, въ видѣ единичныхъ поселеній среди сплошныхъ Молдаванскихъ селъ.[2]) Все это, безъ сомнѣнья, свидѣтельствуетъ о не вполнѣ національной колонизаціонной политикѣ и на этой окраинѣ, добытой Русскимъ потомъ и кровью.—Въ настоящее время въ Южной Бессарабіи, можно сказать, преимущественно живетъ третье—второе поколѣніе Русскихъ: „отцы" ихъ вышли изъ разныхъ Русскихъ губерній—Херсонской, Подольской, Кіевской, Полтавской, Орловской, Курской и другихъ—спасаясь отъ барщины (панщины) и рекрутчины, жили сначала на хуторахъ (т. н. „кишлаки"), на помѣщичьихъ земляхъ (т. н. „мущіи") и т. п.

Весьма важно было бы собрать угасающія преданія, относящія къ исторіи Русской колонизаціи Южной Бессарабіи. Только соединеніе мѣстныхъ изслѣдованій съ сохранившимися письменными извѣстіями могли бы вполнѣ освѣтить исторію Русской колонизаціи въ этой окраинѣ, которая, по выраженію поэта, „Славой Русскою полна".

А. П. К.

17 Октября 1901 г.
г. Болградъ.

---

[1]) Въ 3 нынѣшнихъ уѣздахъ Южной Бессарабіи—Бендерскомъ, Аккерманскомъ и Измаильскомъ—считается всего около 511 поселеній (Бессар. календарь на 1901 годъ, изд „Бес. Губ. Вѣд.").

[2]) По р. Пруту, кромѣ вышеуказанныхъ, находятся еще слѣдующія Русскія села: Вадулуй-Исаки (есть Малороссы), Дубовая балка, Константиновка, Переселенческая, *Бадика-Руссескъ* (т. е. „Русская", въ отличіе отъ Бадика-Молдаванъ) и друг.—Прибавка „Русская" прилагается еще къ слѣдующимъ селамъ: Чемчель-Русская—въ отличіе отъ „Нѣмецкой". Ивановка-Русская—въ отличіе отъ „Болгарской", оба Аккерм. у.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И УЧЕНЫЕ ТРУДЫ Ѳ. П. ЕЛЕНЕВА.

(† 10 Февраля 1902 года, въ Царскомъ Селѣ).

Ѳедоръ Павловичъ Еленевъ родился 17 Апрѣля 1827 г. въ городѣ Порѣчьѣ. Происходилъ изъ дворянъ Смоленской губерніи. Обучался сперва въ Смоленскомъ уѣздномъ училищѣ, потомъ въ Смоленской гимназіи, наконецъ въ Московскомъ Университетѣ, откуда выпущенъ въ 1849 г. кандидатомъ физико-математическихъ наукъ. Въ томъ же году поступилъ онъ на службу старшимъ учителемъ математики и физики въ Тульскую гимназію, а въ 1852 г. перешелъ на таковую же должность въ Смоленскую гимназію. Въ 1857 г. вслѣдъ за учрежденіемъ въ Петербургѣ, подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя Императора, Секретнаго Комитета (названнаго потомъ Главнымъ Комитетомъ) объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, Еленева вызвалъ въ Петербургъ на службу наиболѣе вліятельный членъ этого Комитета генералъ-адъютантъ Ростовцовъ, которому Еленевъ сдѣлался извѣстенъ въ 1856 г. чрезъ одно свое политическое сочиненіе, оставшееся ненапечатаннымъ вслѣдствіе затрудненій со стороны какъ общей цензуры, такъ и Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Въ этомъ сочиненіи между прочимъ говорилось о революціонной политикѣ Наполеона III-го и о морскомъ деспотизмѣ Англіи. Появленіе такихъ мыслей въ печати признавали невозможнымъ, въ виду недавно заключеннаго мира и той крайней предупредительности, которое наше правительство оказывало тогда Наполеону.

По вызовѣ въ Петербургъ, Еленевъ зачислился на штатную службу преподавателемъ математики въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ впрочемъ имѣлъ всего 5 уроковъ въ недѣлю; главныя же его занятія состояли въ исполненіи порученій генералъ-адъютанта Ростовцова по крестьянскому дѣлу (Ростовцовъ занималъ должность главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, оттого и штатная служба Еленева числилась по этому вѣдомству). Въ Февралѣ 1858 г. состоялось особое высочайшее повелѣніе о назначеніи Еленева секретаремъ при Ростовцовѣ для занятій по крестьянскому дѣлу, каковую должность онъ продолжалъ исполнять и по назначеніи Ростовцова предсѣдателемъ Редакціонныхъ Комиссій для составленія положеній о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости. Когда Ростовцовъ скончался, Еленевъ, по высочайшему повелѣнію, назначенъ состоять въ распоряженіи новаго предсѣдателя Редакціонныхъ Комиссій графа Панина и сверхъ того состоялъ членомъ особаго отдѣла Редакціонныхъ Комиссій (въ составъ котораго вошло 6 лицъ: Милютинъ, Любощинскій, Булыгинъ, Желтухинъ, Еленевъ и Смирновъ). По закрытіи Редакціонныхъ Комиссій, въ Октябрѣ 1860 года, Еленевъ нѣкоторое время состоялъ въ распоряженіи государственнаго секретаря Буткова, а въ Ноябрѣ того же года опредѣленъ цензоромъ С.-Пе-

тербургскаго Цензурнаго Комитета, на что послѣдовало особое высочайшее повелѣніе Государя Императора, которому Еленевъ былъ лично извѣстенъ по его службѣ при Ростовцовѣ. Въ Январѣ 1868 г. онъ былъ назначенъ членомъ Совѣта Главнаго Управленія по дѣламъ печати, а въ Маѣ 1889 г., сверхъ этой должности, и членомъ Совѣта министра внутреннихъ дѣлъ. Многократно исправлялъ онъ должность начальника Главнаго Управленія по дѣламъ печати. Съ 1-го Января 1880 г. состоялъ въ чинѣ тайнаго совѣтника. Послѣднею служебною наградою, полученною Еленевымъ, былъ орденъ Св. Александра Невскаго. Въ отставку вышелъ, по болѣзни, въ Сентябрѣ 1896 года.

Первымъ литературнымъ трудомъ Еленева, появившимся въ печати, была довольно обширная статья „*Нѣсколько словъ объ оцѣнкѣ поведенія воспитанниковъ въ учебныхъ заведеніяхъ*", напечатанная въ № 13 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" 1858 г. и подписанная буквою Е. Статья эта имѣетъ свою закулисную исторію. Въ то время Ростовцовъ, пользуясь своею давнишнею близостью къ Государю (который, въ бытность Наслѣдникомъ, считался главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, имѣя у себя Ростовцова начальникомъ штаба), сталъ пріобрѣтать все большее вліяніе на дѣла. Противная партія употребляла разныя средства, чтобы подорвать довѣріе Государя къ Ростовцову. Между прочимъ она старалась доказать неудовлетворительное состояніе военно-учебныхъ заведеній, не стѣсняясь при этомъ никакими преувеличеніями и выдумками. Въ концѣ 1857 г. въ „Морскомъ Сборникѣ" явилась статья „О военныхъ училищахъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ", гдѣ проведена параллель между этими училищами и нашими военно-учебными заведеніями, при чемъ сіи послѣднія представлены въ самомъ безнадежномъ видѣ. Правила, постановленныя въ нашихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ для оцѣнки поведенія воспитанниковъ, названы произведеніемъ больного ума, несообразными со здравымъ разсудкомъ; сказано, что они вызываютъ у воспитанниковъ пагубную привычку обманывать и притворяться (правила эти были составлены Ростовцовымъ). Эта статья, не подписанная авторомъ, была написана адъютантомъ Великаго Князя капитаномъ И. А. Шестаковымъ (онъ впослѣдствіи управлялъ Морскимъ Министерствомъ), находившимся въ то время въ Америкѣ для надзора за строившимися для нашего флота судами. Статья была написана имъ по заказу изъ Петербурга и въ тогдашнее строго подцензурное время могла явиться въ печати только въ „Морскомъ Сборникѣ", такъ какъ онъ не подчинялся общей цензурѣ и печатался съ разрѣшенія морского начальства. Статья Еленева была написана по порученію Ростовцова, въ опроверженіи нападокъ „Морского Сборника", и по общему отзыву, произвела выгодное впечатлѣніе въ пользу нашихъ военно-учебныхъ заведеній.

Въ Февралѣ 1860 г. Еленевымъ былъ напечатанъ отдѣльною брошюрой *Некрологъ Ростовцова*, въ которомъ, по тогдашнему положенію крестьянскаго дѣла, не представилось однако возможности сказать съ должною подробностью о дѣятельности Ростовцова въ этомъ вопросѣ. Этотъ некрологъ былъ представленъ министромъ народнаго просвѣщенія на разрѣшеніе Государя

Императора и былъ дозволенъ Его Величествомъ за исключеніемъ двухъ мѣстъ, въ которыхъ авторъ выражался нѣсколько рѣзко о правительственной партіи, дѣйствовавшей противъ освобожденія крестьянъ съ землею.

Въ концѣ 1861 г. Еленевымъ изданы: *„Подробное наставленіе крестьянамъ и дворовымъ людямъ, вышедшимъ изъ крѣпостной зависимости“* и *„Краткое наставленіе крестьянамъ“* (С.-Пб. 1862 г., типографія Безобразова и К°). Первая изъ сихъ книгъ заключала въ себѣ общепонятное и притомъ полное изложеніе правъ, обязанностей и поземельнаго устройства крестьянъ въ губерніяхъ Великороссійскихъ, Новороссійскихъ и Бѣлорусскихъ, на основаніи положеній 19 Февраля 1861 г. Извѣстно, что въ положеніяхъ этихъ, какъ способъ изложенія, такъ и распредѣленіе предметовъ были далеки отъ понимапія нашихъ крестьянъ. Нѣкоторыя главы, какъ, напр., объ отказѣ отъ надѣла и выходѣ изъ общества, долго не были понимаемы, какъ должно, даже мировыми посредниками *). Въ виду сего, когда еще проектъ Положеній, составленныхъ Редакціонными Комиссіями, разсматривался въ Государственномъ Совѣтѣ, Еленевъ приступилъ къ составленію наставленія крестьянамъ, внося въ него всѣ измѣненія, какія Государственнымъ Совѣтомъ были дѣлаемы въ проектѣ Положеній. Наставленіе было готово въ рукописи вскорѣ по объявленіи освобожденія; но Главный Комитетъ по устойству сельскаго состоянія отказалъ въ разрѣшеніи его напечатать, на томъ основаніи (какъ было объявлено Еленеву словесно), что Главный Комитетъ не имѣлъ ручательства въ томъ, что Положенія 19 Февраля истолкованы въ наставленіи вѣрно. При этомъ одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ членовъ Комитета, генералъ адъютантъ Чевкинъ, такъ выразился въ разговорѣ съ Еленевымъ: „Сперанскій былъ поумнѣе насъ съ вами; а онъ говорилъ: слава Богу, что народъ нашъ не знаетъ законовъ, иначе отъ сутяжничества не обобраться бы; а вы вздумали растолковывать крестьянамъ Положенія“. Таковы были понятія членовъ высшаго правительства въ этотъ важнѣйшій моментъ нашей государственной жизни, когда для 20 милліоновъ крестьянъ создавались новыя права и обязанности и когда отъ понпманія ими новаго закона зависѣло спокойствіе государства и благосостояніе какъ крестьянъ, такъ и помѣщиковъ. Извѣстно, что непониманіе крестьянами своихъ новыхъ правъ и обязанностей, давъ поводъ къ распространенію между ними множества ложныхъ толковъ и ожиданій, мѣстами повело къ бунтамъ и кровавымъ расправамъ. Только въ концѣ Октября 1861 г., вѣроятно подъ вліяніемъ происходившихъ между крестьянами волненій, автору дано было наконецъ разрѣшеніе Главнаго Комитета напечатать Наставленіе. Но здѣсь возникло другое затрудненіе. Крестьяне, для которыхъ оно было написано, то есть сельскія и волостныя общества, не могли выписывать его изъ далекаго Петербурга по одному экземпляру на общество, и даже въ большинствѣ случаевъ не могли знать о выходѣ въ свѣтъ этой книги, такъ какъ они, особенно въ

*) Чья же это рука устроила, что узаконеніе, изданное для 20 милліоновъ людей безграмотныхъ, трудно понималось и людьми грамотными? Для исторіи великаго дѣла это вопросъ самый важный. П. Б.

то время, вовсе не читали газетъ и книжныхъ публикацій. Они должны бы были имѣть эту книгу подъ руками, напр., при уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіяхъ, и о выходѣ ея въ свѣтъ должны бы получать извѣщеніе отъ мировыхъ посредниковъ; но земскій отдѣлъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ отказалъ автору въ какомъ бы то ни было содѣйствіи для распространенія этой книги среди крестьянъ. По духу столь распространенной у насъ чиновнической зависти и ревнивости, земскій отдѣлъ не желалъ, допустить, чтобъ въ его домашнее дѣло (каковымъ онъ считалъ приведеніе Положенія 19 Февраля въ исполненіе) вмѣшивалось постороннее лицо. Небольшое число экземпляровъ было выписано волостными правленіями, преимущественно изъ Бѣлорусскихъ губерній, и нѣкоторыми мировыми посредниками; а затѣмъ расходъ книги прекратился, такъ что составитель ея не выручилъ даже стоимости бумаги.

„Польская цивилизація и ея вліяніе на западную Русь“. Это сочиненіе Еленева появилось въ 1863 г., сперва въ наиболѣе распространенной тогда газетѣ „Сынѣ Отечества“, а затѣмъ въ томъ же году издано отдѣльно. Польская пропаганда, пользуясь тогдашнимъ невѣдѣніемъ нашего общества о прежнихъ судьбахъ Польши и западной Руси, создала цѣлую легендарную литературу о Польшѣ и Россіи, гдѣ первая выставлялась какъ идеалъ цивилизаціи, а вторая—какъ Азіатское царство рабства и деспотизма. Наша газетно-журнальная литература начала шестидесятыхъ годовъ повторяла выдумки Польскихъ публицистовъ, что́ въ особенности вредно дѣйствовало на Русскую читающую публику въ эпоху Польскаго мятежа 1863 г. Герценъ не отличавшійся также серьезными познаніями въ исторіи, вторилъ въ своемъ „Колоколѣ“ Польскимъ публицистамъ и ставилъ Россію на колѣни предъ „святою мученицею Польшею“. Заявленіе сочувствія Польшѣ казалось тогда нашей литературѣ однимъ изъ способовъ выражать свою оппозицію правительству. Въ нѣкоторыхъ газетахъ, какъ, напр., въ „Голосѣ“, „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, „Вѣсти“, почти ежедневно являлись мелкія статьи, выражавшія сочувствіе Польскимъ притязаніямъ, насколько это было возможно при существованіи предварительной цензуры. Въ одномъ изъ умѣреннѣйшихъ журналовъ „Вѣкѣ“ явилась большая статья Н. Страхова подъ заглавіемъ „Роковой вопросъ“, въ которой, съ голоса сказанныхъ Польскихъ легендъ, доказывалось, что Польскій вопросъ потому есть вопросъ для Россіи неразрѣшимый, что низшая по цивилизаціи Россія, поглотивъ высшую народность Польскую, не въ состояніи претворить ее въ свою собственность и вѣчно должна будетъ испытывать муки боренія двухъ несливаемыхъ началъ—цивилизаціи и варварства. Запрещеніе журнала „Вѣкъ“ за эту фантастическую статью придало ей въ глазахъ публики гораздо болѣе значенія, чѣмъ сколько она имѣла его по своему внутреннему достоинству. Съ цѣлію противодѣйствовать подобнаго рода извращеніямъ исторической истины и распространенію въ Русскомъ обществѣ противонародныхъ и разлагающихъ идей, составлена была Еленевымъ вышеозначенная книжка о Польской цивилизаціи. Въ публикѣ она произвела сильное впечатлѣніе и, вмѣстѣ съ ста-

тьями „Современной Лѣтописи“ Каткова, была однимъ изъ первыхъ голосовъ въ защиту Русскаго народнаго и государственнаго дѣла въ нашемъ западномъ краѣ. Весьма понятно, что главные органы Петербургской журналистики постарались обойти статью Еленева молчаніемъ. Одобрительные о ней отзывы явились только въ „Современной Лѣтописи“ Каткова, въ № 34-мъ 1863 г., въ статьѣ, написанной П. К. Щебальскимъ, и въ № 234 „Сѣверной Почты“ 1863 г., гдѣ книгѣ Еленева была посвящена обширная статья. Кромѣ того большая часть этой книги была впослѣдствіи перепечатана, безъ указанія источника, въ Галицкой газетѣ „Слово“. Нѣкоторыя Русскія газеты, напр. „С.-Петербургскія Вѣдомости“, поспѣшили привести у себя выписки изъ „Слова“, не подозрѣвая, что туже самую статью онѣ старались обойти молчаніемъ, когда она появилась за подписью Русскаго автора. Книга Еленева о Польской цивилизаціи вошла потомъ въ полномъ составѣ во 2-й выпускъ „Сборника статей, разъясняющихъ Польское дѣло“, изданнаго въ Вильнѣ Шолковичемъ, въ 1887 г. Сборникъ этотъ есть сводъ всего, что̀ было написано у насъ замѣчательнаго объ отношеніяхъ Польской народности и папскаго латинства къ Русскому населенію западныхъ губерній.

Въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1867, 1868 и 1869 гг. явился рядъ статей Еленева, носившихъ общее названіе: „*Въ захолустьи и въ столицѣ*“ и подписанныхъ псевдонимомъ „*Скалдинъ*“. Въ нихъ описывался экономическій и гражданскій бытъ нашихъ провинцій, преимущественно крестьянъ помѣщиковъ, во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ. Здѣсь затронуты почти всѣ важнѣйшія явленія того времени: положеніе крестьянъ и помѣщиковъ вслѣдъ за уничтоженіемъ крѣпостного права, дѣятельность мировыхъ посредниковъ, ходъ выкупа, дѣятельность вновь созданныхъ земскихъ учрежденій, новые суды и судебные слѣдователи, акцизно-патентная система продажи вина и народное пьянство, поземельный кредитъ и вновь народившіеся поземельные банки, новые нотаріальные порядки, тяжесть налоговъ лежащихъ на крестьянахъ, вредныя дѣйствія круговой поруки и паспортной системы, общинное пользованіе землею, крестьянскій самосудъ, волостные суды, семейные раздѣлы, описаніе голода, поразившаго въ 1868 г. многія губерніи, положеніе крестьянъ въ девяти западныхъ губерніяхъ, подробное обозрѣніе матеріальныхъ средствъ земства и лежащихъ на немъ обязанностей и пр. и пр. Нѣкоторые вопросы, впервые намѣченные въ этихъ статьяхъ, были разрѣшены впослѣдствіи законодательнымъ порядкомъ, какъ, напримѣръ, объ общей воинской повинности, объ уничтоженіи подорожныхъ, о предоставленіи крестьянамъ возможности совершать купчія на небольшія участки земель безъ обращенія къ нотаріусамъ, о произволѣ сельскихъ обществъ, волостныхъ правленій и мѣщанскихъ управъ при выдачѣ паспортовъ, о несоотвѣтствіи выборнаго начала съ званіемъ мировыхъ судей и пр. и пр. Въ 1870 г. означенные статьи вышли отдѣльною книгой, подъ тѣмъ же псевдонимомъ *Скалдина* (28½ печатныхъ листовъ). Отзывы объ этой книгѣ были помѣщены почти во всѣхъ Русскихъ повременныхъ изданіяхъ, между прочимъ: въ „Отечественныхъ Запискахъ“ № 2, 1871 г., въ „Вѣстникѣ Ев-

ропы“ № 3, 1871 г., въ „Граждначнѣ“ № 1, 1872 г., въ Journal de S-t Pétersbourg № 280, 1871 г., въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ № 348, 1868 г. и № 8, 1871 г. Книга Еленева обратила на себя вниманіе даже въ Англіи и Сѣверо-Американскихъ Штатахъ: отзывы о ней были помѣщены въ The Athenaeum forthe month of december 1871 и въ The American Annual Cyclopedia of the year 1871. Эти отзывы замѣчательны въ особенности въ томъ отношеніи, что они доказываютъ, какъ зорко слѣдятъ въ Англіи и даже въ Америкѣ за происходящимъ въ Россіи.

Въ 1878 г. Еленевымъ изданъ рядъ руководствъ по ариѳметикѣ, именно: 1) *Ариѳметика для одноклассныхъ начальныхъ училищъ*, 2) *Руководство для учителей къ преподаванію Ариѳметики въ одноклассныхъ начальныхъ училищахъ*, 3) *Ариѳметика для двухклассныхъ начальныхъ училищъ, съ приложеніемъ правилъ для измѣренія площадей и объемовъ*, 4) *Руководство для учителей къ преподаванію Ариѳметики въ двухклассныхъ начальныхъ училищахъ*. Въ этихъ учебникахъ авторъ отдѣлилъ свѣдѣнія и задачи, предназначенныя для учениковъ, отъ тѣхъ объясненій, которыя назначаются собственно для учителя. Смѣшеніе въ учебникахъ свѣдѣній того и другого рода ведетъ обыкновенно къ тому, что многія мѣста ариѳметическихъ учебниковъ вовсе непонятны для учениковъ, и въ тоже время учебники эти недосточны для руководства учителей, тогда какъ эти послѣдніе большею частію нуждаются въ указаніи правильныхъ пріемовъ преподаванія. Свѣдѣнія, назначенныя для учителей, изложены въ руководствахъ Еленева такимъ образомъ, что по нимъ могутъ съ успѣхомъ преподавать эту науку даже такія лица, которыя никогда не готовили себя къ званію преподавателей. Вслѣдствіе принятаго авторомъ способа изложенія, правилами для измѣренія площадей и объемовъ могутъ пользоваться вполнѣ сознательно лица, вовсе необучавшіяся геометріи. Первыя двѣ изъ означенныхъ книгъ напечатаны въ 1883 г. вторымъ изданіемъ, съ значительнымъ сокращеніемъ численныхъ упражненій и задачъ, для удешевленія стоимости этихъ книгъ, подъ заглавіемъ: „*Ариѳметика. Часть 1-я, цѣлыя числа и дроби* $^1/_2$, $^1/_4$ и $^1/_8$. *Цѣна 35 коп.*“ и *Руководство для учителей къ преподаванію Ариѳметики. Часть 1-я. Цѣна 55 коп.*“ Отзывы объ Ариѳметикахъ Еленева помѣщены въ № 269 „Прав. Вѣстника“ 1885 г. и въ томъ же году въ „Библіографическомъ Указателѣ“ Мартынова.

Въ № 11—16 издававшагося Паульсономъ „Учителя“, за 1864 г., помѣщена обширная статья Еленева „*Матеріалъ къ вопросу о сельскихъ училищахъ*“, извлеченная изъ доклада, составленнаго имъ по званію члена особаго отдѣла Редакціонныхъ Комиссій и напечатаннаго въ XVII части „Матеріаловъ Редакціонныхъ Комиссій“. Въ концѣ статьи присоединены свѣдѣнія о способѣ приготовленія учителей для начальныхъ училищъ, принятомъ въ Женевскомъ кантонѣ Швейцаріи. Эти свѣдѣнія собраны авторомъ во время путешествія его по этой странѣ въ 1861 г. Докладъ Еленева Редакціоннымъ Комиссіямъ былъ у насъ первымъ по времени трудомъ относительно устройства сельскихъ училищъ, которыя тогда существовали лишь въ предположеніи. Большая часть основныхъ началъ, впервыя высказанныхъ въ

этомъ докладѣ и одобренныхъ Редакціонными Комиссіями, была впослѣдствіи усвоена и въ Положеніи о народныхъ училищахъ, составленномъ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія.

„*Первыя шаги освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи*“. Статья помѣщенная въ № 7 „Русскаго Архива“ 1886 г. и въ томъ же году напечатанная отдѣльною книжкой. Издатель „Русскаго Архива“ Бартеневъ, въ своемъ предисловіи къ этой статьѣ, говоритъ: „Печатаемая здѣсь памятная записка о первыхъ шагахъ крестьянскаго вопроса отличается своимъ безпристрастіемъ и отсутствіемъ поддѣлокъ для выставленія авторской личности. Она принадлежитъ перу одного изъ первыхъ по времени тружениковъ въ великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, тайнаго совѣтника Ѳедора Павловича Еленева, который, по особому высочайшему повелѣнію, состоялъ при генералъ-адъютантѣ Ростовцовѣ для работъ по крестьянскому дѣлу и былъ безотлучнымъ и ближайшимъ его помощникомъ съ 1857 г., когда еще не возникало и мысли объ учрежденіи Редакціонныхъ Комиссій. Изъ небольшого числа лицъ, трудившихся въ крестьянскомъ дѣлѣ въ этотъ первый его періодъ, теперь осталось въ живыхъ едва нѣсколько единицъ. Тѣмъ драгоцѣннѣе для исторіи должны быть ихъ свидѣтельства, если только они имѣютъ въ виду историческую истину, а не удовлетвореніе личнаго самолюбія ихъ авторовъ“. Это сочиненіе Еленева было министромъ внутреннихъ дѣлъ графомъ Толстымъ представлено Государю Императору, вслѣдствіе чего Его Величествомъ объявлена была Высочайшая благодарность автору („Правительственный Вѣстникъ“ 1886 г. № 270). Въ книгѣ Еленева, въ сжатомъ изложеніи, представлены тѣ превратности, которыя вопросъ объ освобожденіи крестьянъ проходилъ какъ въ собственныхъ мысляхъ Александра II, такъ и въ высшихъ правительственныхъ инстанціяхъ, пока онъ не вышелъ на большую дорогу съ учрежденіемъ Редакціонн. Комиссій. Авторъ отчасти руководствовался напечатанными и неподлежащими сомнѣнію свѣдѣніями объ этой эпохѣ крестьянскаго дѣла, частію собственными воспоминаніями, такъ какъ онъ стоялъ у самаго источника этого вопроса и чрезъ его руки проходила вся переписка Ростовцова, какъ съ Государемъ, такъ и съ высшими правительственными лицами. Отзывы о книгѣ Еленева явились во всѣхъ главныхъ повременныхъ изданіяхъ, но особенно подробно разобрана она въ № 53 „Гражданина“ 1886 г. и въ № 177 „Правительствен. Вѣстника“ 1887 г.

„*Студенческіе безпорядки*“, брошюра, напечатана въ С.-Петербургѣ въ 1888 г. по поводу волненій, вспыхнувшихъ одновременно въ большей части нашихъ Университетовъ въ концѣ 1887 г. На основаніи фактовъ, авторъ доказываетъ, что студенческіе безпорядки всегда были вызываемы у насъ посторонними подстрекательствами, имѣвшими въ виду политическія цѣли и что чрезвычайная податливость нашей учащейся молодежи этимъ подстрекательствамъ происходитъ отъ отсутствія въ самомъ нашемъ обществѣ твердыхъ нравственныхъ и политическихъ началъ. Отрывокъ изъ этой брошюры напечатанъ въ „Русскомъ Архивѣ“ № 8, 1889 г., подъ заглавіемъ: „*Магистерскій диспутъ Грановскаго. Изъ студенческихъ воспоминаній Ѳ. П. Еленева*“. Сопровожденъ этотъ отрывокъ такимъ примѣчаніемъ „Русскаго Архива:“ „Извлекаемъ эти страницы изъ превосходной статьи Ѳ. П. Еленева

„Студенческіе безпорядки", вышедшей отдѣльно. По кончинѣ Аксакова и Каткова мы не встрѣчали въ нашей печати ничего болѣе сосредоточенно-сильнаго о внутреннихъ дѣлахъ нашихъ. Не щадя студентовъ, авторъ въ тоже время бичуетъ современное общество и возлагаетъ на него отвѣтственность за студенческіе безпорядки".

„*О нѣкоторыхъ желаемыхъ улучшеніяхъ въ гимназическомъ обученіи*", С.-Петербургъ 1889 г. Книга эта напечатана только въ количествѣ 570 экз. Авторъ, на основаніи множества данныхъ, доказываетъ, что гимназическое обученіе, послѣ введенія устава и программъ 1872 г., повело къ чрезмѣрному физическому и умственному истощенію молодежи и обратило гимназіи, вмѣсто общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній, въ спеціальныя грамматическія школы, гдѣ все вниманіе обращено главнѣйшимъ образомъ на Латинскую и Греческую грамматику. Книга эта произвела сильное впечатлѣніе въ высшемъ правительственномъ кругу и повела къ учрежденію при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, осенью того же 1889 г., особой коммиссіи для изысканія средства къ облегченію учениковъ гимназій. Осенью и зимой того же года, на дворянскихъ и земскихъ собраніяхъ нѣкоторыхъ губерній, было постановлено ходатайствовать предъ правительствомъ о пересмотрѣ программъ гимназій съ цѣлью облегченія учениковъ. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежалъ дворянству Смоленской губерніи. Сочувственные отзывы о книгѣ Еленева помѣщены почти во всѣхъ повременныхъ изданіяхъ. Болѣе или менѣе пространные отзывы о ней находятся между прочимъ: въ „Вѣстникѣ Европы" Августъ 1889 г. и Мартъ 1890 г., въ „Русской Мысли" Сентябрь 1889 г., въ нѣсколькихъ нумерахъ „Новаго Времени" и въ томъ числѣ въ нумерѣ 30 Ноября 1889 г., въ статьѣ Суворина „Маленькія письма", въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" въ Августѣ 1889 г., въ „Новостяхъ" также въ Августѣ. „Вѣстникъ Европы" называетъ трудъ Еленева „превосходнымъ", а Суворинъ говоритъ о немъ: „На Русскомъ языкѣ едва-ли есть другое сочиненіе, которое, при небольшомъ объемѣ, было бы такъ полно здравыми мыслями, фактами и знаніемъ того дѣла, которое обсуждаетъ авторъ. Г. Еленевъ рѣдко берется за перо; но все, что́ онъ написалъ, напримѣръ о деревнѣ, о крестьянскомъ вопросѣ, было полно самого живого интереса, какъ и настоящая книжка". Въ засѣданіи Русскаго Общества охраненія народнаго здравія 23 Марта 1890 г., книгѣ Еленевѣ былъ посвященъ цѣлый докладъ доктора П. Смоленскаго.

„*Финляндскій современный вопросъ по Русскимъ и Финлядскимъ источникамъ С.-П., 1891 года. 14 печатныхъ листовъ.*

Послѣ огромнаго и классическаго труда Ордина „Покореніе Финляндіи", эта книга г. Еленева является первымъ по времени сочиненіемъ, излагающимъ въ послѣдовательномъ порядкѣ и довольно подробно исторію и законодательство Финляндіи со времени ея завоеванія Русскими въ 1809 г. До появленія книги Ордина Русское общество было вовсе незнакомо съ этимъ предметомъ, а Финляндскіе писатели распространяли о немъ, какъ у себя въ Финляндіи, такъ и за границей, совершенно вымышленныя и тенденціоз-

ныя свѣдѣнія, направленныя къ доказательству того, никогда несуществовавшаго факта, будто бы императоръ Александръ I утвердилъ для Финляндіи Шведскіе конституціонные законы, дѣйствовавшіе въ Швеціи въ эпоху завоеванія Финляндіи Русскими. Еленевъ опровергаетъ, во-первыхъ, это ученіе Финляндскихъ историковъ и юристовъ, руководствуясь преимущественно фактами, раскрытыми въ книгѣ Ордина на основаніи документовъ, хранящихся въ нашихъ государственныхъ архивахъ. Потомъ онъ изображаетъ положеніе Финляндскаго законодательства при императорахъ Николаѣ I и Александрѣ II и исчисляетъ всѣ матеріальныя благодѣянія, излитыя на эту провинцію Русскими вѣнценосцами на счетъ Россіи. Наконецъ, онъ рисуетъ враждебное Россіи настроеніе Финляндскихъ руководящихъ классовъ и ихъ стремленіе къ тому, чтобы окончательно отстранить Русскую верховную власть отъ вліянія на законодательство и управленіе Финляндіею и сосредоточить всю власть въ собственныхъ рукахъ. Отзывы объ этой книгѣ помѣщены между прочимъ за 1891 г.: Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" № 108, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" № 179, въ „Новомъ Времени" 20 Мая, въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" № 141 и въ „Русскомъ Вѣстникѣ" за Сентябрь. Но особенно сильное впечатлѣніе произвела эта книга въ высшемъ правительственномъ кругу. Книга Ордина, по своей обширности, не вполнѣ удобна для чтенія людьми государственными, тогда какъ книга Еленева въ небольшомъ объемѣ обнимаетъ Финляндскій вопросъ съ самаго завоеванія Финляндіи до настоящаго времени. Это сочиненіе, какъ и слѣдовало ожидать, было встрѣчено ожесточенною бранью всей Финляндской періодической печати; противъ него же возражали и главные тамошніе законовѣды и историки въ особыхъ брошюрахъ, именно Михелинъ, Даніельсонъ и Германсонъ.

По распоряженію Финляндскаго генералъ-губернатора графа Гейдена была составлена на Финскомъ языкѣ и издана въ 1892 г. книга подъ заглавіемъ: „Suomen sutheista Wenäjään" („Объ отношеніяхъ Финляндіи къ Россіи"). Въ основу ея положенъ сокращенный переводъ на Финскій языкъ сочиненія г. Еленева „Финляндскій современный вопросъ". Въ предисловіи къ этой брошюрѣ сказано, что печатаніе ея предполагалось сначала въ Финляндіи, но что какой-то таинственный Комитетъ запретилъ Финляндскимъ типографіямъ печатать ее, не желая, чтобы до Финляндскаго народа доходили взгляды на отношенія Финляндіи къ Россіи и къ ея верховной власти, кромѣ тѣхъ, какіе пропагандируются Шведо-Финляндскою сепаратическою партіей. Вслѣдствіе этого книга была напечатана въ Петербургѣ. Когда она по отпечатаніи была доставлена къ Гельсингфорсъ, то ни одинъ изъ тамошнихъ книгопродавцевъ не согласился принять ее на коммиссію для продажи, о чемъ съ торжествомъ и издѣвательствами заявлялось въ Финляндскихъ газетахъ. Въ корреспонденціи изъ Финляндіи, напечатанной въ № 29, 1893 г. „Сына Отечества", говорится, что одинъ Русскій обыватель Гельсингфорса, желая сдѣлать эту книгу извѣстной Финляндцамъ, предлагалъ тамошнимъ книгопродавцамъ взять ее для продажи на такомъ условіи, что одну половину вырученной суммы онъ жертвуетъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая жи-

телей Финляндіи, а другую въ пользу книгопродавцевъ. Но и на этомъ условіи ни одинъ книгопродавецъ не согласился принять книгу. Лишь весьма немного экземпляровъ было выписано Финнами изъ канцеляріи Финляндскаго генералъ-губернатора.

Въ „Русской Старинѣ“ за Май и Іюнь 1893 г. напечатана обширная статья г. Еленева *„Ученіе о Финляндскомъ государствѣ“*, изданная сверхъ того и въ отдѣльныхъ оттискахъ, но въ весьма незначительномъ числѣ экземпляровъ. Въ этой статьѣ г. Еленевъ подробно разбираетъ придуманную Финляндцами политическую теорію объ особомъ Финляндскомъ государствѣ, управляемомъ на основаніи Шведскихъ конституціонныхъ законовъ 1772 и 1789 г.г., и опровергаетъ ее на основаніи несомнѣнныхъ историческихъ фактовъ и юридическихъ документовъ. И эта статья произвела сильное впечатлѣніе въ Русской публикѣ. Отзывы о ней помѣщены въ 1893 г.: въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ №№ 171 и 183, въ „Новомъ Времени“ въ нумерѣ отъ 6 Мая, въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ № 114, въ „Южномъ Краѣ“ № 15; въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ въ книжкѣ за Августъ, въ статьѣ профессора Латкина.

По высочайшему повелѣнію отъ 24 Мая 1893 г., учреждена была въ Петербургѣ Комиссія для подготовленія проекта кодификаціи основныхъ законовъ Финляндіи. Такъ какъ г. Еленевъ по болѣзненному состоянію своего здоровья, отказался отъ предложеннаго ему вступленія въ число членовъ этой комиссіи, то послѣдовало высочайшее повелѣніе, отъ 29 Октября того же 1893 года, въ которомъ сказано, что, во вниманіи къ полезнымъ историческимъ трудамъ Еленева по Финляндскому вопросу, Государю Императору благоугодно было предоставить ему оказывать содѣйствіе сказанной комиссіи своими трудами, а если позволитъ его здоровье, то и участвовать въ ея занятіяхъ. Вслѣдствіе такого высочайшаго повелѣнія Еленевымъ была составлена (въ теченіе зимы 1893—1894 г.) обширная записка подъ заглавіемъ *„Историко-критическій обзоръ узаконеній, включенныхъ подъ именемъ основныхъ законовъ Финляндіи въ Финляндскіе кодификаціонные проекты“*. Записка эта издана Государственною Канцеляріею и напечатана въ государственной типографіи въ 1894 г. (11 печатныхъ листовъ большого формата) въ количествѣ ста экземпляровъ. Въ заключеніи своей записки авторъ приходитъ къ тому выводу, что слѣдуетъ устранить самую мысль объ изданіи для Финляндіи отдѣльныхъ основныхъ законовъ, потому что мысль эта оказывается ложной съ исторической и правовой точки зрѣнія. Финляндія всегда была и есть не болѣе, какъ область Россіи, управляемая на особомъ положеніи, имѣющая свое отдѣльное административное и судебное устройство и въ извѣстныхъ случаяхъ, опредѣляемыхъ Монаршею волею, особый порядокъ законодательства; но основные государственные законы Россіи всецѣло должны распространяться и на Финляндію: ибо область, „состоящая въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской“ (какъ сказано въ ст. 4 Фридрихсгамскаго мирнаго трактата 1809 года), не можетъ имѣть своихъ особыхъ основныхъ законовъ. Въ противоположномъ случаѣ это была бы

не область, подчиненная Россіи, а самостоятельное государство, находящееся лишь въ реальной уніи съ Россіей, подобно тому, какъ Норвегія соединена со Швеціею. Согласно съ симъ авторъ проектируетъ 16 главныхъ статей особаго положенія для управленія Финляндіею. Здѣсь приняты авторомъ во вниманіе и тѣ отступленія отъ общаго въ Имперіи порядка законодательства, которыя дарованы Финляндіи Высочайшею волею, но рѣшительно устранены всѣ домогательства Финляндцевъ на дальнѣйшее ограниченіе самодержавной власти Русскаго Монарха. Первымъ послѣдствіемъ этой записки было то, что Комиссія 24 Мая 1893 года вовсе не была собираема. Но затѣмъ, съ кончиною императора Александра III, временно были пріостановлены всѣ мѣропріятія, направленныя къ ослабленію Финляндскаго сепаратизма, пока наконецъ, въ концѣ 1898 и въ началѣ 1899 г., послѣдовали высочайшія повелѣнія объ отмѣнѣ Финляндскаго устава 1879 г. и о порядкѣ изданія законовъ, затрогивающихъ общіе интересы Россійской Монархіи *).

Въ Ноябрѣ 1895 г. вышло въ свѣтъ напечатанное во Франціи (въ Бордо, типографія G. Delmas), во Французскомъ переводѣ, сочиненіе Еленева подъ заглавіемъ: „*Les prétentions des séparatistes finlandais. Aperçu critique de la doctrine séparatiste en Finlande*“ (195 стр.). Это сочиненіе извлечено авторомъ изъ его прежнихъ трудовъ по Финляндскому вопросу, но спеціально приноровлено къ тому, чтобы уничтожить ложныя представленія о политическомъ положеніи и правахъ Финляндіи, распространенныя въ Европѣ статьями и брошюрами Финляндцевъ на языкахъ Французскомъ, Нѣмецкомъ, Англійскомъ и Шведскомъ. Эти ложныя понятія объ отношеніяхъ Финляндіи къ Русской власти тѣмъ сильнѣе укоренялись на Западѣ, что съ нашей стороны, до появленія упомянутой книги Еленева, не было произнесено ни одного слова для ихъ опроверженія. Французскій переводъ книги Еленева принадлежитъ перу Н. А. Комарова, получившаго среднее и высшее образованіе въ Парижѣ. Отзывы объ этой книгѣ помѣщены: въ „Моск. Вѣдомостяхъ“ № 17, 1896 года, въ „Новомъ Времени“ 21 Декабря 1895 года, въ „Journal des Débats“ 5 février 1896, въ „Gazette Européenne“ 11 février 1896 г.

Въ Іюньской книжкѣ Московскаго журнала „Русское Обозрѣніе“ 1896 г. помѣщена статья Еленева подъ заглавіемъ: „*Какъ проведенъ былъ*

*) Въ бумагахъ Еленева находится письмо къ нему Финляндскаго генералъ-губернатора графа Гейдена въ отвѣтъ на посланный ему корректурный экземпляръ „Историко-критическаго обзора“, въ которомъ онъ пишетъ: „Принося вамъ искреннюю благодарность за присланную мнѣ Записку вашу о такъ называемыхъ „основныхъ“ Финляндскихъ узаконеніяхъ и о кодификаціи ихъ, которую я прочелъ съ удовольствіемъ, вмѣстѣ съ нимъ считаю долгомъ высказать свое полное одобреніе изложеннымъ вами взглядамъ и выводамъ. Вашъ очеркъ весьма наглядно раскрываетъ истинное значеніе Финляндской политики, начиная съ шестидесятыхъ годовъ и вполнѣ убѣждаетъ, что она представляла собой искусную систему „уловленія верховной власти“ частными редакціонными ссылками на неизвѣстныя Русскому правительству Шведскія узаконенія, изъ которыхъ многія не имѣли даже силы дѣйствующаго закона въ Финляндіи въ эпоху присоединенія ея къ Россіи. Желательно, чтобы ваша Записка была прочтена всѣми нашими государственными людьми для выясненія имъ важности и неотложности предпринимаемыхъ по отношенію къ Финляндіи законодательныхъ мѣръ“. П. Е.

Финляндцами уставъ 1878 г. о воинской повинности"; но такъ какъ эта статья напечатана была тамъ со множествомъ ошибокъ, измѣнявшихъ мѣстами самый смыслъ, то въ виду того, что это изслѣдованіе имѣетъ не эфемерное журнальное значеніе, а служитъ разъясненіемъ нѣкоторыхъ капитальнѣйшихъ пунктовъ новаго Финляндскаго законодательства, авторъ счелъ необходимымъ издать его отдѣльной брошюрой, въ исправленномъ видѣ. Изданіе это было исполнено г. Суворинымъ въ томъ же 1896 г., въ количествѣ всего 300 экземпляровъ, въ виду того, что сочиненіями подобнаго рода интересуются у насъ лишь весьма немногія лица. Тотчасъ за появленіемъ статьи Еленева въ „Русскомъ Обозрѣніи", Финляндскія газеты настойчиво стали требовать отъ тамошняго Сената привлеченія къ суду Еленева и редактора, „Русскаго Обозрѣнія" за мнимое оклеветаніе Финляндцевъ. По этому случаю въ „Новомъ Времени", отъ 4 Сентября 1896 г., помѣщена была замѣтка отъ редакціи, изъ которой приводимъ слѣдующія слова, дающія понятіе о содержаніи статьи Еленева: „Въ статьѣ этой описываются почти невѣроятныя средства, съ помощью которыхъ Финляндскія власти достигли того, что Финляндскій воинскій уставъ былъ утвержденъ императоромъ Александромъ II. Далѣе (что̀ въ особенности дѣлаетъ эту статью ненавистною для Финляндскихъ публицистовъ) г. Еленевъ разъясняетъ происхожденіе и истинный смыслъ § 71-го Сеймоваго Устава, т. е. именно того капитальнѣйшаго параграфа, изъ котораго Финляндскіе законовѣды, посредствомъ превратнаго его толкованія, выводятъ заключеніе, будто тѣ законоположенія, которымъ Финляндцы присвоили несоотвѣтственное названіе „основныхъ законовъ", не могутъ быть отмѣняемы или измѣняемы властью Государя Императора безъ согласія сейма. Изъ разъясненій г. Еленева видно, что ничего подобнаго не имѣлъ и не могъ имѣться въ виду императоръ Александръ II-й при утвержденіи имъ Сеймоваго Устава. Каждое свое положеніе г. Еленевъ подтверждаетъ неопровержимыми доказательствами, приводя подлинные офиціальные документы".

Въ томъ же 1896 г., по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, была напечатана въ количествѣ 100 экземпляровъ (не для публики) офиціальная записка Еленева, состоящая изъ двухъ отдѣловъ: 1) *„О злоупотребленіяхъ литературы и о дѣйствіяхъ цензурнаго вѣдомства съ конца пятидесятыхъ годовъ по настоящее время.* 2) *О необходимыхъ измѣненіяхъ въ устройствѣ цензурнаго вѣдомства"*.

Въ Московскомъ журналѣ „Русское Обозрѣніе", Августъ 1897 г., въ статьѣ, посвященной извѣстному писателю Гилярову-Платонову, авторъ ея князь Шаховской приводитъ эпизодъ изъ цензорской службы Гилярова, относящійся къ 1856 году. Гиляровъ, увлекшись однимъ политическимъ сочиненіемъ Еленева, представленнымъ въ Московскую цензуру готовъ былъ разрѣшить ея печатаніе, вполнѣ однако сознавая, что онъ будетъ за это уволенъ отъ цензорской должности; но Еленевъ не согласился на такое самопожертвованіе цензора и просилъ Гилярова представить сочиненіе на рѣшеніе цензурнаго комитета. Комитетъ ее не дозволилъ, какъ и предсказывалъ Гиляровъ. Этотъ эпизодъ заимствованъ княземъ Н. В. Шаховскимъ изъ упомя-

нутой выше статьи Еленева „Черта изъ жизни Гилярова-Платонова“ въ № 12 „Русскаго Архива“ 1887 г. Затѣмъ князь Н. В. Шаховской приводитъ письмо Еленева къ Гилярову, писанное въ Ноябрѣ 1856 г. и найденное въ бумагахъ сего послѣдняго. Здѣсь Еленевъ разсказываетъ о мытарствахъ, претерпѣнныхъ имъ со своимъ сочиненіемъ въ Петербургѣ и приведшихъ къ тому, что оно осталось ненапечатаннымъ.

„*Одно изъ знаменій времени*“, статья въ № 96 „Моск. Вѣдомостей“ 1883 г., подписанная „Смольянинъ“. Авторъ говоритъ здѣсь о печальной судьбѣ древней Смоленской крѣпости, которая предоставлена разрушительному дѣйствію силъ природы, а въ шестидесятыхъ годахъ была обречена на сломку, въ качествѣ каменоломни, въ пользу желѣзнодорожныхъ подрядчиковъ, которымъ она была запродана мѣстнымъ начальствомъ, о чемъ Еленевъ въ свое время также напечаталъ статью въ тѣхъ же Моск. Вѣдомостяхъ. Статьи эти обратили наконецъ вниманіе правительства на этотъ замѣчательный историческій памятникъ нашего отечества и для сохраненія его отъ разрушенія были приняты нѣкоторыя мѣры, далеко однако не достигшія цѣли.

Въ № 7 „Правительственнаго Вѣстника“ 1887 года, въ библіографическомъ отдѣлѣ, по поводу вышедшаго въ Вильнѣ „Сборника статей, разъясняющихъ Польское дѣло по отношенію къ Западной Россіи, Шолковича“, г. Еленевъ дѣлаетъ краткій обзоръ успѣховъ Латино-польской пропаганды въ Западной Россіи и одною изъ причинъ такихъ успѣховъ признаётъ малое знакомство нашего общества и самого правительства съ прежними судьбами этого края, а съ другой стороны—неустанное стараніе Поляковъ дѣйствовать на мѣстное Русское населеніе въ Польско-латинскомъ духѣ путемъ школы, литературы, костельной проповѣди и всѣхъ житейскихъ способовъ вліянія.

„*Черта изъ жизни Гилярова-Платонова*“, за подписью Ѳ. Е., въ № 12 „Р. Архива“ 1887 г., имѣетъ интересъ, какъ относительно замѣчательной личности Гилярова Платонова, такъ и по отношеніи къ духу описываемой эпохи

Въ 1883 г. въ Императорскомъ Русскомъ Техническомъ Обществѣ, по почину извѣстнаго заводчика Лудвига Нобеля (по происхожденію Шведа), былъ поднятъ вопросъ о необходимости введенія въ Россіи метрической системы мѣръ. Для разработки и пропагандированія этой мысли была образована при Техническомъ Обществѣ особая комиссія, которая и выпустила въ 1884 году особую по этому предмету брошюру, составленную г. Хвольсономъ. Статья въ томъ же смыслѣ появилась даже въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, въ №№ 267 и 268, 1887 года, за подписью члена Техническаго Общества Путяты. Въ ожиданіи приведенія въ исполненіе сей мысли, явился и даже былъ одобренъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія учебникъ Ариѳметики, въ которомъ преимущественно помѣщены задачи на десятичныя мѣры, хотя еще не введенныя въ Россіи. Въ виду сказанныхъ попытокъ и надеждъ, Еленевъ, въ статьѣ: „Къ вопросу о введеніи метрической системы мѣръ въ Россіи“, помѣщенной въ № 67 „Правительственнаго Вѣстника“ 1888 года (заглавіе статьи измѣнено редакціей; въ подлинникѣ было сказано: „О введеніи метрической системы мѣръ въ Россіи“), подвергаетъ подробно-

му разбору вопросъ о выгодахъ и невыгодахъ этой системы и доказываетъ, что насколько она удобна для научныхъ выкладокъ, настолько же затруднительна въ примѣненіи къ обыкновеннымъ житейскимъ счетамъ и измѣреніямъ, что сверхъ того введеніе этой системы въ Россіи должно привести въ опасной путаницѣ всѣ документы по владѣнію и залогу земли и всѣ сельско-хозяйственныя расчеты по земледѣлію. Съ появленіемъ статьи Еленева надолго прекратились попытки склонить наше правительство къ принятію метрической системы. Статья Еленева была приведена цѣликомъ въ Нѣмецкомъ переводѣ, въ „S-t Pétersburger Zeitung", въ № 135, 1888 года, не смотря на то, что газета эта дотолѣ усердно содѣйствовала пропагандированію мысли Императорскаго Техническаго Общества. Въ самомъ концѣ 1895 года Техническое Общество вновь подняло вопросъ о введеніи у насъ метрической системы, но рѣшило дѣйствовать настойчивѣе прежняго. Оно образовало особую комиссію изъ ученыхъ лицъ разныхъ вѣдомствъ для изложенія ходатайства къ министру финансовъ о скорѣйшемъ введеніи въ Россіи метрической системы. Тогда Еленевымъ была вновь напечатана его прежняя статья по этому вопросу въ „Русск. Обозрѣніи" 1896 г. Мартъ подъ заглавіемъ: „Новыя попытки ко введенію метрической системы мѣръ въ Россіи", гдѣ сдѣланы и нѣкоторыя небольшія дополненія къ преждесказанному.

Въ статьѣ „*Объ одномъ важномъ недостаткѣ въ нашихъ карательныхъ законахъ*", помѣщенной въ № 112 „Московскихъ Вѣдомостей" 1889 года, за подписью Ө. Е., Еленевъ обращаетъ вниманіе на то, что большая часть пожаровъ, опустошающихъ ежегодно наши города, происходитъ отъ двухъ причинъ: отъ небрежнаго обращенія прислуги съ огнемъ и отъ несоблюденія печниками, при устройствѣ печей, необходимѣйшихъ предосторожностей отъ пожаровъ. Въ виду происходившаго въ то время пересмотра уложенія о наказаніяхъ и устава о наказаніяхъ налагаемыхъ мировыми судьями, Еленевъ полагалъ необходимымъ усилить наказанія за сказанные проступки, такъ какъ они, по дѣйствующимъ законамъ, столь незначительны, что на дѣлѣ проступки эти остаются въ сущности безнаказанными. Дополнительныя замѣчанія о томъ же предметѣ помѣщены авторомъ въ № 209 „Гражданина" 1890 г. Петербургское земство обратило вниманіе на этотъ важный вопросъ и рѣшило войти съ ходатайствомъ къ правительству объ усиленіи отвѣтственности за сказанные проступки.

По случаю исполнившагося пятидесятилѣтія со времени возвращенія Уніатовъ Западной Россіи въ лоно Православной церкви, въ № 129 „Правительственнаго Вѣстника" 1889 года было напечатано письмо Еленева къ одному изъ главныхъ дѣятелей возсоединенія Уніатовъ, покойному архіепископу Антонію Зубку, написанное Еленевымъ еще въ 1884 г., по поводу пятидесятилѣтняго юбилея архіерейства преосвященнаго Антонія и напечатанное первоначально въ томъ же 1884 г. въ Вильнѣ, въ брошюрѣ подъ заглавіемъ: „Архіепископъ Антоній (Зубко)". Письмо это было перепечатано почти всѣми нашими газетами.

Въ № 331 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" 1892 года, Еленевымъ помѣщена статья подъ заглавіемъ „*Финляндская самостоятельность*", въ ко-

торой онъ, изложивъ въ самомъ сжатомъ видѣ главныя положенія придуманнаго Финляндскими писателями ученія объ особомъ Финляндскомъ государствѣ, яко бы состоящемъ съ Россійскою Имперіею только въ реальной уніи, но имѣющемъ свои собственные основные законы, опровергаетъ это ученіе на основаніи безспорныхъ государственныхъ документовъ и историческихъ событій.

Сказанная статья Еленева была въ нѣсколько сокращенномъ и невѣрно измѣненномъ видѣ передана въ „Journal de S-t Pétersbourg", въ № 328 1892 г. Бывшій Финляндскій профессоръ и членъ тамошняго Сената г. Мехелинъ отвѣчалъ на эту статью газеты „Journal de S-t. Pétersbourg" особою полемическою брошюрой на Французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: „La question finlandaise, lettre ouverte au rédacteur du Journal de S-t Pétersbourg", вышедшею въ свѣтъ въ Январѣ 1893 г.

Въ „Новомъ Времени" 17 Сентября 1893 года помѣщена статья Еленева (безъ подписи) „Общества взаимнаго отъ огня страхованія", въ которой обращается вниманіе на увеличивающееся число поджоговъ имуществъ, застрахованныхъ въ акціонерныхъ страховыхъ обществахъ, вслѣдствіе непомѣрно высокой ихъ оцѣнки недобросовѣстными агентами страховыхъ обществъ, и, какъ на единственное средство прекратить это зло, указывается на необходимость оказать со стороны правительства поддержку обществамъ взаимнаго страхованія и защитить ихъ отъ стачки всесильныхъ акціонерныхъ обществъ.

Въ № 239 „Московскихъ Вѣдомостей" 1895 г. помѣщена Еленевымъ „Замѣтка о Финляндцахъ", въ которой приводится свидѣтельство вице-адмирала барона Шиллинга о враждебныхъ дѣйствіяхъ Финляндскихъ купеческихъ судовъ противъ Русской флотиліи въ Китайскихъ водахъ во время войны Россіи съ Европейскою коалиціею въ 1854 году. Въ той же замѣткѣ приводится обширная выписка изъ извѣстныхъ Записокъ Вигеля, свидѣтельствующая, что враждебныя къ Россіи чувства Финляндскихъ Шведовъ и ошведившихся Финляндцевъ ярко проявлялись еще въ самомъ началѣ присоединенія западной Финляндіи къ Россіи.

Въ № 31 „Московскихъ Вѣдомостей" 1896 г., подъ заглавіемъ „Финляндскій статсъ-секретаріатъ и Русскіе государственные интересы", напечатанъ отрывокъ изъ упомянутой выше официальной записки Еленева „Историко-критическій Обзоръ", излагающій, по подлиннымъ документамъ, цѣлый рядъ ухищреній и обмановъ, къ которымъ прибѣгали Финляндскія власти для проведенія устава 1878 года о воинской повинности въ Финляндіи. Эта статья цѣликомъ вошла потомъ въ статью того же автора „Какъ проведенъ былъ Финляндцами уставъ 1878 года о воинской повинности", напечатанную въ томъ же 1896 г. въ журналѣ „Русское Обозрѣніе".

По поводу книги Еленева „Les prétentions des séparatistes finlandais" „Journal des Débats", расточая Финляндцамъ преувеличенныя похвалы, не находилъ однако жъ возможнымъ возражать противъ такихъ фактовъ, которые стоятъ внѣ всякаго сомнѣнія, именно: 1) что Финляндія есть Русская про-

винція, завоеванная силою оружія, никогда не заключавшая и не могшая заключать договора съ Русскимъ Императоромъ, и что идея о Финляндскомъ государствѣ, союзномъ или хотя-бы вассальномъ относительно Россіи, должна быть отнесена къ области вымысловъ; 2) что Финляндіи даровано Русскими монархами такое широкое мѣстное самоуправленіе, какимъ не пользовалась ни одна въ свѣтѣ провинція, завоеванная силою оружія; 3) что подъ Русскою властью благосостояніе Финляндіи возросло до неузнаваемости сравнительно съ положеніемъ ея подъ Шведскимъ владычествомъ; 4) что въ послѣдніе годы Русскимъ правительствомъ не нанесено ни малѣйшаго ущерба Финляндскому провинціальному самоуправленію. На эту статью газеты Des Débats одинъ изъ руководителей Финляндской политики отвѣчалъ въ „Indépendance Belge" ядовитымъ упрекомъ Французской газетѣ и исполненными ненависти и лжи словами противъ Русскаго правительства и народа. Объ этой Финлядской вылазкѣ разсказано Еленевымъ въ статьѣ: „Истинныя чувства Финляндскихъ политикановъ къ Россіи", въ № 103 „Московскихъ Вѣдомостей" 1896 года.

Въ статьѣ „Настоятельная необходимость въ новомъ изданіи Строительнаго Устава", въ „Новомъ Времени" отъ 9 Августа 1896 г., Еленевъ говоритъ о запутанности, неудобопримѣнимости, можно сказать хаотичности дѣйствующаго у насъ Строительнаго Устава, что даетъ архитекторамъ легкую возможность проявлять полнѣйшій произволъ въ своихъ дѣйствіяхъ по отношенію къ домовладѣльцамъ, производящимъ у себя постройки.

Въ статьѣ „Усиленіе Шведскихъ стратегическихъ подступовъ къ границамъ Россіи", въ Новомъ Времени" отъ 9 Февраля 1897 г., Еленевъ обращаетъ вниманіе, съ одной стороны, на спѣшныя и дорого стоящія стратегическія сооруженія, предпринимаемыя Швеціею вблизи Русской границы, а съ другой—на настойчивыя домогательства „Финляндскаго правительства" получить согласіе Русской верховной власти на сомкнутіе сѣти Финляндскихъ желѣзныхъ дорогъ съ Шведскою стратегическою дорогой, проведенной до рѣки Торнео. Еленевъ предупреждаетъ, что Финляндскимъ Сенатомъ предположено, на созванномъ тогда сеймѣ (сеймѣ 1896—1897 г.), вновь подать петицію на Высочайшее имя о продленіи желѣзной дороги отъ Улеаборга до Торнео, и указываетъ на цѣль и возможныя послѣдствія такого замысла. Этимъ разоблаченіямъ Еленева „Московскія Вѣдомости" посвятили передовую статью въ № 44 1897 года и привели изъ нихъ существеннѣйшую часть. Вслѣдъ затѣмъ во Французскомъ журналѣ „Revue du cercle militaire" приведена была въ сокращеніи упоминаемая статья Еленева, съ поясненіемъ редакціи, что, въ случаѣ войны Европейской коалиціи съ Россіей, Финляндское національное войско явится авангардомъ Шведской арміи, при ея вторженіи въ предѣлы Россіи. Эта статья Французскаго журнала была буквально приведена въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ". Не смотря на сказанное предупрежденіе Еленева, Финляндцамъ было дозволено продолженіе желѣзной дороги до Торнео.

изображеніи дѣятелей. Доходящимъ до виртуозности умѣніемъ пользоваться печатными, рукописными и устными показаніями онъ стяжалъ себѣ право на кресло академическое.

*

Н. Энгельгардтъ. Исторія Русской литературы XIX столѣтія. Томъ I. 1800—1850 г. С.-Пб. 1902 г. 8-ка, XII и 608 стр.

Въ этой книгѣ допущено одно, не лишенное значенія, нововведеніе, перенятое изъ новѣйшихъ Нѣмецкихъ сочиненій: исторія литературы излагается въ порядкѣ времени, по десятилѣтіямъ, а не по авторамъ. Каждому десятилѣтію посвящена отдѣльная глава. Г. Энгельгардтъ въ предисловіи доказываетъ преимущество такого пріема, позволяющаго полнѣе выяснить преемственность литературной работы и дающаго свое мѣсто въ исторіи писателямъ второстепеннымъ.

Такимъ нововведеніемъ и исчерпывается все значеніе книги. Это рядъ весьма поверхностныхъ, чисто газетныхъ, статей съ совершенно случайными библіографическими примѣчаніями. Никакой *исторіи*, никакой науки въ ней нѣтъ, а есть весьма спорныя характеристики разныхъ писателей, неумѣстныя восклицанія и очень много выписокъ. Г. Энгельгардтъ, когда писалъ свою книгу, вѣроятно впервые читалъ старыхъ поэтовъ и старые журналы. Многое ему показалось любопытнымъ; онъ выписывалъ все это и вмѣщалъ въ свою книгу. Лицамъ, которыя прочтутъ эти выписки впервыя, онѣ могутъ тоже быть любопытны; но всѣ, изучавшіе исторію литературы, давно съ ними знакомы. Возьмемъ, напримѣръ, статью о Борисѣ Годуновѣ. Ее образуютъ отрывки изъ писемъ Пушкина, выдержки изъ критическихъ статей того времени (Плаксина, Полевого, Надеждина, Плетнева), давно перепечатанныхъ въ общедоступныхъ изданіяхъ, и обширная выписка изъ Бѣлинскаго, при чемъ авторъ славитъ его „великое эстетическое чутье" (выписокъ изъ Бѣлинскаго вообще очень много). Почему это исторія? Столь же мало научны восклицанія самого автора, въ родѣ: „Это граціозно-элегическій образъ высокаго достоинства" или: „это небольшой, но чистой воды сапфиръ".

На обложкѣ книги заявлено, что къ ней приложена „*полная* библіографія". Это неумѣстное хвастовство. Полный перечень книгъ, касающихся исторіи нашей словесности за половину XIX вѣка, одинъ занялъ бы цѣлый томъ. Библіографія г. Энгельгардта не что иное, какъ маленькіе списки случайно подобранныхъ книгъ и статей, гдѣ часто помянуты вещи совершенно ничтожныя (напр., книга Щеглова „Новое о Пушкинѣ") и пропущены существенно важныя (напр., изданія стиховъ и писемъ В. Туманскаго, сдѣланныя гр. Милорадовичемъ). Подробно разбирать ошибки, промахи и пропуски въ книгѣ г. Энгельгардта не стоитъ; довольно привести нѣсколько примѣровъ. Въ 30-хъ годахъ не упомянуто о Тютчевѣ, напечатавшемъ рядъ замѣчательныхъ стихотвореній въ Пушкинскомъ Современникѣ. Въ 40-хъ годахъ пропущена К. Павлова. Едва упомянуто объ альманахахъ 20-хъ и 30-хъ годовъ, ихъ поэтахъ, ихъ значеніи. Въ библіографіи о В. Л. Пушкинѣ упомянуто только изданіе его сочиненій 1822 года и нѣтъ новыхъ (Смирдинскаго 1855 г. и „Сѣвера" 1893 г., гораздо болѣе полныхъ). О Лермонтовскомъ „Демонѣ" сказано, что онъ написанъ въ 1838 году—промахъ непростительный. Еще непростительнѣе, что извѣстнѣйшія строфы изъ „Родословной моего героя" названы наброскомъ „Евгенія Онѣгина". Стихотвореніе „Умирающій гладіаторъ" названо переводомъ *извѣстнаго стихотворенія* Байрона, тогда какъ это отрывокъ изъ Чайльдъ-Гарольда. „Гусли" Меримэ по старой памяти названы поддѣлкой. Вообще знакомства съ новыми изслѣдованіями и недавно обнародованными данными незамѣтно. Не использованъ, какъ слѣдуетъ, даже „Остафьевскій Архивъ". Книга переполнена опечатками.

Валерій Брюсовъ.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1902 года.

(Годъ 40-й).

«Русскій Архивъ» въ 1902 году по прежнему выходитъ **двѣнадцатью выпусками**, которые составятъ три книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ.

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1902 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива» на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“ для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» прошлыхъ лѣтъ получаются по слѣдующимъ цѣнамъ: **1874** годъ, съ двумя гравированными на стали портретами (Ѳ. И. Тютчева и князя В. Ѳ. Одоевскаго), за 6 р., съ пересылкою 7 р.; годы **1877**, **1879**, **1884** и **1886—1889** по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р.; годы **1890—1892**, **1894** и **1895** по 6 р., съ пересылкою по 7 р.; годы **1898—1901** по 8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Оставшіеся въ розбити выпуски можно получать по **1 р.** съ перес.

Роспись содержанію Русскаго Архива за первыя 30 лѣтъ изданія (1863—1892) съ Азбучнымъ Указателемъ. М. 1894. 240 стр. Цѣна **три** рубля.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногороднаго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный—**90** копѣекъ; иногороднаго на Московскій—**40** копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, отъ 9 часовъ утра до 5 часовъ по полудни.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**

(Годъ сороковой).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1902

6.

Стр.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1902.

Изданіе Великаго Князя Николая Михаиловича. Луи-де-Сентъ-Обенъ. Тридцать девять портретовъ. 1808—1815. Фототипическія воспроизведенія съ біографическими очерками. С.-Петербургъ. 1902. Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ. 2°. Предисловіе (съ подписью Н. М. Декабрь 1901. Тифлисъ). оглавленіе и при каждомъ портретѣ краткія біографіи. Все изданіе по-русски и по-французски.

Эти прекрасные портретные рисунки хранятся въ Зимнемъ дворцѣ, въ Лобановскомъ отдѣлѣ собственной ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА библіотеки, куда поступили вмѣстѣ съ другими собраніями покойнаго министра иностранныхъ дѣлъ князя Алексѣя Борисовича Лобанова - Ростовскаго, который находился въ постоянныхъ близкихъ сношеніяхъ съ Французами, будучи воспитанъ въ Москвѣ своимъ наставникомъ, Французомъ Августомъ Николаевичемъ Деманжо (уроженцемъ Люневиля † въ Москвѣ въ 1873 г.) и почти ежегодно ѣздилъ во Францію. Тамъ удалось ему достать портреты главныхъ лицъ Русской исторіи за первую половину царствованія Александра Павловича. Это, по истинѣ, дорогое исторіографическое пріобрѣтеніе, такъ какъ портреты удивительно хороши и, по мѣткому выраженію Августѣйшаго Издателя ихъ, „дышатъ правдою и сходствомъ", и хоть наружность бываетъ обманчива, но въ тоже время недаромъ сказано, что лицо есть зеркало души: одинъ взглядъ на изображеніе, сдѣланное даровитымъ художникомъ, даетъ иной разъ лучшее понятіе о дѣятелѣ, нежели цѣлая его біографія. Нѣкоторые портреты—большая рѣдкость, какъ напр. князя М. С. Воронцова въ молодые его годы, графа Ѳ. В. Растопчина (совсѣмъ не похожій на другіе его портреты) и князя А. И. Чернышова. Намъ кажется, что два-три рисунка могли бы не принадлежать кисти Сентъ-Обена. Изъ біографическихъ объясненій, составленныхъ съ большимъ искусствомъ, отмѣтимъ объ императорѣ Александрѣ Павловичѣ и о Ѳ. П. Уваровѣ.

Въ концѣ предисловія читаемъ: „Въ недалекомъ будущемъ я предполагаю заняться изданіемъ подробнаго собранія Русскихъ портретовъ и миніатюръ, съ эпохи императрицы Екатерины II-й до начала царствованія императора Николая I... Прошу всѣхъ лицъ, обладающихъ миніатюрами или портретами этого времени, не отказать мнѣ присылкою возможно точныхъ съ нихъ фотографій".

Богъ въ помочь столь полезному для знакомства съ былымъ временемъ труду! П. Б.

*

Русская Живопись въ XVIII вѣкѣ, томъ первый. Д. Г. Левицкій. 1735—1822, составилъ С. П. Дягилевъ. Изданіе роскошное (цѣна на книгѣ не обозначена). Оно состоитъ изъ 64 геліогравюръ и фототипій, и къ нимъ приложено 27 автотипій и 11 гравюръ съ портретовъ писанныхъ Левицкимъ. Всѣ произведенія Левицкаго исключительно портретнаго характера. Къ изданію приложено два портрета самого художника: одинъ писанный Боровиковскимъ, а другой Яковлевымъ. Нельзя не выразить полнаго сочувствія предпріятію, направленному къ распространенію свѣдѣній о выдающихся художникахъ нашихъ,

ДНЕВНИКЪ ИВАНА МИХАЙЛОВИЧА СНѢГИРЕВА.

Дневникъ И. М. Снѣгирева былъ мнѣ любезно уступленъ издателемъ „Новаго Времени" А. С. Суворинымъ, который пріобрѣлъ его у одного изъ сыновей покойнаго профессора. Этотъ дневникъ въ количествѣ 13 томовъ я подарилъ своему другу И. А. Вахрамѣеву, и онъ вошелъ въ 1-й томъ описанія его Славяно-Русскихъ рукописей, составленный мной и напечатанный въ 1888 году (стр. 189—194).

Въ дневникѣ къ сожалѣнію отсутствуютъ четыре тома за 1826—1833 гг. Эти тома, взятые у наслѣдниковъ Снѣгирева статскимъ совѣтникомъ Антономъ Доминиковичемъ Ивановскимъ, не были возвращены, равно какъ и нѣкоторыя интересныя письма разныхъ лицъ къ покойному. Въ своей книжкѣ „Иванъ Михайловичъ Снѣгиревъ и дневникъ его воспоминаній съ 1821 по 1865 годъ" г. Ивановскій, перечисляя списокъ лицъ, которыя были въ переепискѣ съ И. М. Снѣгиревымъ, между прочимъ упоминаетъ, что часть автографовъ была передана еще самимъ Снѣгиревымъ въ Императорскую Публичную Библіотеку, а остальные поступили къ нему для изданія и за тѣмъ для передачи самихъ подлинниковъ въ библіотеку Московскаго Университета (стр. 9). „Воля завѣщателя", добавляетъ г. Ивановскій, „будетъ свято исполнена по минованіи надобности въ автографахъ".

Библіотекарь Императорской Публичной библіотеки Антонъ Доминиковичъ Ивановскій издалъ только одну книгу изъ бумагъ и сочиненій Снѣгирева. За смертію его обѣщанное изданіе прекратилось. Книга, изданная Ивановскимъ, носитъ названіе „Старина Русской Земли. Историко-археологическія изслѣдованія, біографія, учено-литературная переписка, замѣтки и дневникъ воспоминаній И. М. Снѣгирева, издан. А. Д. Ивановскаго", т. I. С.-Пб. Тип. Ф. Сущинскаго, 1871 г.

Это широковѣщательное изданіе оказалось ниже всякой критики. Тутъ кромѣ самыхъ незначительныхъ статей Снѣгирева перепечатаны его Воспоминанія изъ „Русскаго Архива", а въ концѣ книги приложенъ каталогъ сочиненій и изданій самого Ивановскаго на 32 страницахъ. Эта книга не оставила никакого слѣда и почти полностію попала въ лавки букинистовъ.

Кромѣ того Ивановскимъ была напечатана въ 275 № „Русскаго Инвалида“ за 1868 г. небольшая замѣтка „Дневникъ И. М. Снѣгирева“, какъ матеріалъ для біографіи современныхъ литераторовъ. „Воспоминанія Снѣгирева“, первоначально напечатанныя въ „Русскомъ Архивѣ“ 1866 г. № 4 и 5, съ примѣчаніями издателя, касались лишь ранняго дѣтства и заключали въ себѣ разсказы о нѣкоторыхъ дѣятеляхъ и анекдоты XVIII и начала XIX вѣка; но они очень любопытны, и нельзя не пожалѣть, что онъ ихъ такъ рано кончилъ. Біографія Снѣгирева напечатана въ „Біографическомъ Словарѣ“ профессоровъ и преподавателей Императорскаго Московскаго Университета (1855 г., ч. 2, стр. 423).

Оцѣнка ученой и археологической дѣятельности Снѣгирева была сдѣлана профессоромъ Ѳ. И. Буслаевымъ въ его рѣчи, произнесенной на публичномъ актѣ Московскаго Университета *).

„Сынъ профессора, студентъ и потомъ самъ профессоръ этого Университета, говоритъ Буслаевъ, и оставивъ каѳедру, не переставалъ своими многочисленными изслѣдованіями оказывать вліяніе на успѣхи наукъ въ нашемъ отечествѣ. Точность филологическихъ занятій предохранила его отъ празднаго философствованія, которому предавались у насъ въ 30-хъ годахъ многіе изъ ученыхъ“. Затѣмъ, указавъ на его знакомство съ Московской стариной, Буслаевъ обратилъ вниманіе на главныя работы Снѣгирева: „Русскіе въ своихъ пословицахъ“, „Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды“ и „Лубочныя картины Русскаго народа“. При этомъ Буслаевъ припомнилъ, что когда въ 1824 г. Снѣгиревъ читалъ въ засѣданіи Московскаго Общества Любителей Русской Словесности свою монографію о народныхъ лубочныхъ картинахъ, то нѣкоторые изъ членовъ Общества даже сомнѣвались, можно ли допустить разсужденіе о такомъ пошломъ, площадномъ предметѣ, какой предоставленъ въ удѣлъ черни“.

Снѣгиревъ умеръ въ Декабрѣ 1868 года, 75 лѣтъ отъ роду, въ очень печальномъ положеніи, въ Петербургѣ въ Маріинской больницѣ, и похороненъ на казенный счетъ. Послѣдніе годы жизни его были не сладки, какъ свидѣтельствуетъ и слѣдующее мѣсто изъ его дневника: „Какое искушеніе мнѣ! Дай, Господи, терпѣніе!“ Нравственными страданіями онъ искупилъ свои грѣхи по тѣмъ дѣламъ, гдѣ онъ, какъ цензоръ, былъ далеко не на высотѣ своего призванія. Во всякомъ случаѣ Снѣгиревъ былъ не-заурядная личность, хотя можно найти немало недостатковъ въ его общественной дѣятельности, какъ и въ его ученыхъ трудахъ и изслѣдованіяхъ. „Въ самыхъ недостаткахъ этихъ усматривалось, по словамъ Буслаева, существенное значеніе для исторіи науки въ нашемъ отечествѣ“...

Ростовъ Великій. 1901 Сентября 22.

А. Титовъ.

---

*) Москов. Университ. Извѣстія 1869 г. № 1, стр. 56.

1821-й годъ[1]).

Января 26 дня внезапно скончался профессоръ А. М. Брянцевъ, похороненъ на Лазаревомъ кладбищѣ подлѣ батюшки. Опись его имѣнія поручена была мнѣ отъ Правленія вмѣстѣ съ професс. Мерзляковымъ и Гавриловымъ. Кромѣ книгъ, осталось послѣ него денегъ 5860 р. и бриллiантовый жалованный перстень [2]).

Сентября 26. Былъ у П. П. Бекетова, отдалъ ему біографію Сковороды, просилъ о своемъ дѣлѣ Рязанск.; заѣхалъ на могилу Бобрыкина въ Симон. монастырь, бросилъ на нее цвѣтокъ; оттуда въ Коломенское по дурной дорогѣ. Въ концѣ села находится дворецъ, четвероугольникъ съ двумя воротами, похожими на Измайловскіе; есть развалины дворца, позади коего есть другая церковь готич. на подобіе башни, о двухъ ярусахъ; въ верхнемъ позади алтарной стѣны на Москву рѣку есть каменный тронъ, на коемъ сиживалъ царь Ал. Мих., послѣ обѣдни слушать просителей. На одномъ столбѣ сего трона я замѣтилъ стихи: «Самодержавіе повсюду бѣдъ содѣтель. Вредитъ и самую чистѣйшую добродѣтель». Подъ этими дерзкими стихами какой-то злонамѣренный или глупецъ подписалъ мое имя и фам. подъ мою руку. На ближней горѣ черезъ садъ и оврагъ есть церковь, будто строенная царемъ Іоанн. Васил. Архитектура древняя.

1822-й годъ.

1822, Марта 10, началъ обученіе класса Росс. Слов. въ Восп домѣ, на мужск. половинѣ.

23 Іюля получилъ чрезъ сенатора Саблина благоволеніе отъ Государыни М. Ѳ. за поднесеніе *Жизни Платона.*

Декабря 9 въ обществѣ Люб. Росс. Слов. читалъ свое разсужденіе о *Руск. пословицахъ.*

1823-й годъ.

Январь 27. Былъ подъ Симоновымъ у П. П. Бекетова, просилъ его ходатайствовать о моемъ дѣлѣ у А. Д. Балашева; обѣщано. Онъ просилъ меня написать біографіи Сковороды и Августина. Въ Revue

---

[1]) Снѣгиревъ род. 23 Апрѣля 1792 и началъ дневникъ свой вскорѣ по кончинѣ отца своего, который умеръ 16 Іюня 1820 года профессоромъ естественнаго, политическаго и народнаго правъ въ Московскомъ университетѣ куда успѣлъ опредѣлить сына на службу.

[2]) Магистръ философіи, ординарный профессоръ логики и метафизики, Андрей Михайловичъ Брянцевъ получилъ этотъ портфель отъ Государя за переводъ книги Фергюсона: „Начальныя основанія нравственной философіи" (М. 1804).

Encyclop. 1822, Octobre, объ обществѣ словесности въ М. написано: cette société, formée en 1810, sous la présidence de m. Proc. Ant., contribue beaucoup aux progrés de la littérature russe.

Февраля 3. Былъ у А. Ѳ. Малин. для поздравленія жены съ ангеломъ *). Обѣдалъ у Я. Ѳ. Нѣмова въ Хамовникахъ, гдѣ узналъ, что *Вшивая горка* наз.: *Швивою* отъ Шведовъ и что невинныя шутки мои дурно перетолковали у И. М. Ираклiонова. Осторожность! Ввечеру былъ въ чрезв. засѣданіи Общества Слов., предложилъ выбрать въ поч. чл. А. Ѳ. Малиновскаго, котораго и выбрали безъ балотировки; а мнѣ поручили составить омонимы, свѣрить каталоги библiот. для показанія недостающихъ книгъ и написать о лубоч. картинкахъ.

Съ 7 на 8 пріѣхалъ въ ночь дядя Ал. Петр. Кондратьевъ изъ Симбирска въ С.-П. съ сестрою Надеждою; ночевалъ у насъ и переѣхалъ къ кн. Долгорукову.—Я обѣдалъ у Я. Е. Арсеньева вмѣстѣ съ Антонскимъ; на вечеринкѣ былъ у сосѣда Черлик. Довольно весело и шумно было, Цыганки кричали; но я не могъ долго оставаться; что-то сгруснулось; обѣщалъ пріѣхать къ Озерецковскимъ для свиданія съ дядюшкой, но не поѣхалъ. Надобно, подумавши, обѣщать.

14. Торговалъ у Филипп. кучера съ женою; она меня встрѣтила со слезами, а проводила со смѣхомъ. Началъ писать о луб. картинкахъ.

20. Сдѣлано было отъ А. А. А. замѣчаніе на счетъ поведенія А. В. Дудина въ правленіи при Болдыревѣ; отдалъ ему свою піесу для просмотрѣнія о луб. карт. Назначенъ мнѣ для цензурованія Дамск. Журналъ кн. Ш.

22. Ввечеру былъ въ пригот. собраніи О. Л. Р. С. и читалъ свою піесу о *лубоч. картинкахъ*, которая принята была нѣкоторыми членами благосклонно; просили нѣкоторыя въ ней мѣста перемѣнить, другія выпустить. Любопытенъ былъ по игрѣ страстей споръ Каченовскаго съ Калайдовичемъ; дѣло началось съ пис. памятниковъ IX вѣка, а кончилось попреками.

24. Кончивъ урокъ въ В. Д., былъ у Н. Н. Сандунова, гдѣ при П. И. Кутузовѣ читалъ свою піесу о *луб. картинкахъ*, слышалъ ихъ похвалы и замѣчанія, ее же читалъ и въ обществѣ Л. Р. С. Одни говорили, что не нужны подробности, а другія, что очень нужны и занимательны. Выбирай средину! Тамъ познакомился съ Александр. Бестужевымъ; пилъ вмѣстѣ съ нимъ чай у С. Д. Нечаева и ужиналъ.

---

*) *Анна* Петровна Малиновская, ур. Исленева, воспитанница княгини Дашковой.

26. Вечеръ просидѣлъ дома съ Полевыми и Ходаковскимъ; разговоръ былъ о Польской и Русской Словесности, объ изданіи на буд. годъ журнала. Наканунѣ сего дня былъ съ Бестужевымъ, Нечаевымъ и К. Калайд. въ Патріаршей ризницѣ, гдѣ замѣтить надобно Евангеліе XII вѣка харат., панагіи, облаченія, особливо митроп. Ѳотія, на коемъ между прочимъ вышитъ Палеологъ, к. в. Росс. Василій, Греч. цар. Софія. У отца Гавріила ризничаго ѣли блины и много шутили; нужна бы умѣренность и въ шуткахъ; а то веселость обратится въ шутовство. Обѣдалъ съ К. К. у Бестужева, съ коимъ говорилъ о происхожденіи Р. языка; онъ, держась мнѣнія Сенковскаго, производитъ его отъ готическаго и много находитъ восточнаго по сходству словъ.

27. Отдалъ письмо Жуковскаго А. А. А.; слышалъ отъ него, что въ моей піесѣ надобно опустить подробности и постороннія замѣчанія, напр., о гравированіи; побольше сказать о содержаніи самыхъ картинокъ, о нравственномъ вліяніи оныхъ. Повершено тѣмъ, что кто требуетъ арбуза, а кто огурцевъ. Водянымъ поэтамъ, литературнымъ карбонаріямъ Русская старина не нравится. Богъ съ ними. На сойку язычекъ![1])

Марта 2. Ѣздилъ поздравлять А. Ѳ. Малиновскаго съ его рожденьемъ и засталъ его спящимъ. Ввечеру были у меня Щепкинъ, Иракліоновъ[2]) и Арсеньевъ; разговаривали о грубости святошъ, о Фотіи архим., который ѣздитъ по домамъ барскимъ жить и грубитъ, и почитается святымъ за его бѣдность и грубость. Щ. замѣтилъ, что я льщу ректору. Какъ угодить людямъ? Ласкай ихъ—льстецъ, дѣлай добро—глупъ, говори правду — грубъ, кажись хладнокровнымъ—нечувствителенъ, шути—шутъ! Возразятъ: во всемъ держись умѣренности. Какъ трудно ее сохранить сердцу чувствительному, душѣ пылкой! Всѣ судятъ, но рѣдкій разсудителенъ.

3. Былъ у обѣдни на Савинскомъ подворьѣ. Читалъ съ Н. Н. Сандуновымъ дурной переводъ изъ Тацита объ Іудеяхъ, коихъ онъ назыв. глупыми и суевѣрами, хулитъ Моисея. Былъ у А. А., читалъ съ нимъ корр. своего сочиненія; замѣчено, что шутить надобно осторожно и не терять важности. Обѣдалъ у Щепкина, у котораго видѣлся съ Перевощ., Малов., Иракл. Оттуда прошелъ мимо гулянья. Много шума, а мало удовольствія; уши оглушены, глаза ослѣплены, платье забрызгано, а сердце пусто. Чего ищутъ, зачѣмъ бѣгутъ, сами не

---

[1]) Сойка—лѣсная птица. Въ словарѣ Даля: „Кабы на сойку да не свой язычекъ (такъ бы и не погибла)“!

[2]) О П. Ц. Щепкинѣ (математикѣ) см. „Русскій Архивъ“ 1899, II, 297. Ираклiоновъ (тесть Т. И. Филипова) завѣдывалъ имѣніями и дѣлами графа П. А. Толстого.

знаютъ. Въ гостяхъ хорошо, а дома лучше. Былъ у Высоцкаго, гдѣ видѣлся съ Гусевыми.

6. Видѣлся съ И. И. Давыдовымъ, который сказалъ, будто А. А. Бестуж. пріѣхалъ въ Москву на мой счетъ и что Маловъ ни слова не сказалъ обо мнѣ Императрицѣ. Нечѣмъ плѣняться и не за что сердиться! Въ обѣдъ пріѣхалъ С. Н. Глинка, показалъ ему Нефед. письмо довольно странное; онъ дивился и жалѣлъ, что со мною несправедливо поступилъ Н. по внушенію барона Шт., съ которымъ у меня не было никакого дѣла. Богъ съ ними! Все къ лучшему у Бога, все къ худшему у людей! Надобно привыкать къ перемѣнчивости людей и обстоятельствъ. Глинка разсказывалъ о В. Н. Каразинѣ, коего жена просила Государя позволить ей сидѣть въ крѣпости вмѣстѣ съ мужемъ и съ дѣтьми. Александръ I простилъ виновнаго отъ мечтательности и позволилъ ему жить въ деревнѣ.—Ввечеру былъ у Полевыхъ; говорили о старой и новой словесности; обѣщалъ мнѣ написать разговоръ объ *изящн. слов.* для дѣвицъ и просилъ меня написать для П. П. Свиньина о *Сковородѣ*, Русск. циникѣ. Много связей, много и хлопотъ!

8. 9. 10. Прошли въ обыкновенныхъ занятіяхъ. 10. Видѣлся съ П. Ю. Львовымъ, который дѣлалъ мнѣ предложеніе завести съ нимъ пансіонъ, познакомилъ съ женою своей, сваталъ мнѣ невѣсту, обѣщалъ Акад. медаль! Kepuіa. Разсказывалъ о Суворовѣ, Потемкинѣ, Державинѣ и Безбородкѣ, которые подъ видомъ странностей скрывали свои намѣренія. Пот. завелъ у себя карт. игру для открытія Озеровскаго заговора. Когда Императрица выговаривала ему, онъ отвѣчалъ: *вы почиваете, да я не сплю*, и на другой день принесъ списокъ заговорщикамъ. Духъ якобинства вошелъ въ основу воспитанія; отъ того юноши-старцы дерзки и своевольны; проповѣдуютъ свободу, а любятъ властвовать. Кн. И. М. Долгоруковъ сочиняетъ *словарь* своимъ друзьямъ и знакомымъ [1]). Шишковъ сбирался писать о *пословицахъ*, Безбородко отвѣчалъ ими на вопросы о дѣлахъ. Графъ А. И. Мус.-Пушкинъ толковалъ посл.: *вотъ тебѣ, бабушка, Юрьевъ* день, что будто *бабушка* посылала внука нанять землю у господина, а онъ пропустилъ срокъ. Обѣщано дальнѣйшее найти объясненіе сей поговорки.

9 числа былъ у М. В. Бобарыкиной [2]), нашелъ ее печальною; все говоритъ о своей потерѣ, оплакиваетъ ее, мечтаетъ о свиданіи въ будущей жизни съ мужемъ, говоритъ, что чувства у нея тупѣютъ; одна-

[1]) Подъ заглавіемъ „Капище моего сердца". напечатано при „Русскомъ Архивѣ" 1890 года.

[2]) Вдова генералъ-лейтенанта Николая Васильевича и мать поэта Николая Николаевича.

кожъ она беременна! Поручила мнѣ отдать записку о ея дѣлѣ съ Голохвастовымъ А. Ѳ. Малиновскому, которому въ тотъ же день и отдалъ; обѣщано имъ стараться по всей возможности. Кстати замѣчаніе психол. и моральное. М. В. Бобар. не утѣшенія родныхъ привели въ себя, но суровое рѣшеніе предсѣдателя гражд. палаты Смирнова (родни Сперанскаго); оно, пробудивъ въ ней самолюбіе, облегчило нѣсколько горесть и привело ее въ себя. Можетъ быть, и горести и скорби суть уроки для насъ въ жизни. Умѣй только ими пользоваться. On jouit des objets agréables, les tristes nous font réfléchir. L'homme heureux ne *raisonne* guerre, il n'y a que celui qui souffre, qui *médite.*

11. Послѣ обѣдни въ Шерем.*) зашелъ къ Елагину, гдѣ встрѣтилъ антагониста своего И. В. Попова; разговоръ былъ о Библіи. Онъ доказывалъ, что годмишени извѣстны были Евреямъ подъ именемъ *кумировъ швенныхъ* (у Езек.), критиковалъ Державина нѣкоторые стихи, особл. *въ сердцѣ алмазна гора* и оду Богу, число и мѣру. Изъ Гиббона замѣчено, что послѣдній Готскій государь въ Испаніи Родерикъ (711) былъ убитъ; а по преданію, посаженъ въ бочку, наполненную зміями, кои начали грызть у него тѣ части, коими онъ болѣе согрѣшилъ, такъ что онъ воскликнулъ: *ахъ они у меня терзаютъ тѣ части, коими я болѣе согрѣшилъ.* Послѣ обѣда читалъ Жуковскаго письма изъ Германіи къ В. К. А. Ѳ. Много прекраснаго, особливо картины Саксон. Швейцаріи. Слушалъ тамъ же чтеніе Пушкина стиховъ; въ нихъ много прелести, много и дерзости. Если бъ хорошо разсудить объ употребленіи одного дня жизни: сколько бъ можно вывести полезныхъ замѣчаній о себѣ и о сердцѣ человѣч.!

12. Утро провелъ въ тишинѣ и въ занятіяхъ своихъ дома. Заходилъ къ Ходаковскому, котораго нашелъ лежащимъ въ грусти. Его безпокоила Калайд. критика. Замѣчено, что изъ пріятелей легко дѣлаются намъ враги. Какъ было пріятно для меня утреннее солнце, предвѣстникъ весны! У Полевого обѣдалъ, спорилъ съ нимъ о Слав. языкѣ, о новомъ слогѣ, слушалъ его стихи, переводъ изъ Дроза. Человѣкъ съ дарованіями; жалко, что онъ вдругъ гоняется за тремя зайцами и всѣмъ хочетъ быть извѣстенъ—быть Всероссійскимъ пріятелемъ. Лишній трудъ, напрасное покушеніе! Изъ опыта узналъ я, что множество пріятелей дѣлаютъ много затрудненій, мѣшаютъ исполненію нашихъ обязанностей и похищаютъ у насъ добродѣтели наши, время, спокойствіе. Охотникъ и я, правда, былъ со всѣми кланяться, но вижу, что и это наскучиваетъ людямъ; не будучи отъ природы гордымъ, но нѣсколько тщеславнымъ, стараюсь быть и въ вѣжливости умѣреннымъ.

*) Т. е. въ церкви Страннопріимнаго дома графа Шереметева. По близости откуда жилъ Алексѣй Андреевичъ Елагинъ, пасынкамъ котораго, Ивану (17 лѣтъ) и Петру (15 л.) Киреевскимъ Снѣгиревъ давалъ уроки.

13. У Ширяева встрѣтился съ Полевымъ; обѣщалъ ему ввечеру ѣхать вмѣстѣ къ Калайдовичу и не исполнилъ: задержали у Киреев. Былъ у А. А. А., подписалъ печатать мою піесу; говорилъ мнѣ, что все нынѣ ко всему придираются, перетолковываютъ. Помолясь у Иверской, ходилъ въ Гр. Палату похлопотать о купчей на Петра. Прочитавъ лекцію въ Универс., былъ у Н. М. Смирнова; по окончаніи урока, намекнулъ ему, что мнѣ далеко и невыгодно къ нему ѣздить. На убѣжденія его отвѣчалъ вѣжливостями; онъ запл. мнѣ 100 р. Послѣ обѣда былъ у Киреевскихъ, дочиталъ Жуковск. письма къ В. К., далъ урокъ, поговорилъ о разныхъ предметахъ лит. Пришедъ домой, нашелъ у себя О. В. Измайлова, отъ коего слышалъ пени за молчаніе мое къ Ел. Амп. Гор. И такъ, весь день въ работѣ, но что прибавилось?? Время бѣжитъ безъ оглядки.

14. Прочитавъ лекціи въ В. Д., ходилъ къ Флорье, заказалъ сдѣлать изъ его сукна фракъ, сюртукъ, панталоны, жилетку. Дорого все, что̀ дѣлать! Придется платить трудовыя свои денежки. Надобно ихъ беречь на всякой случай, а я иногда напрасно сорю ихъ. Видѣлся тамъ съ зятемъ Татаринова и Селивановскимъ, который замѣтилъ мнѣ, что на дружбу Малиновскаго не должно полагаться. Какъ трудно распознавать людей! Все маски. Обѣдалъ у Д. А. Соколова; у него видѣлъ Всесвятск. священника, который между прочимъ разсказывалъ, что одна крестьянка, слушавъ Платона, сказала объ немъ: *Совѣсть скажетъ, да отговорку; такъ въ ротъ и кладетъ.* А Платонъ говорилъ, указывая на сѣдины свои: *какъ этотъ снѣгъ растаетъ, много грязи будетъ*, разумѣя черезъ то, что если онъ умретъ, то послѣ него много перемѣнъ будетъ въ духовенствѣ. Въ В. Д. замѣтилъ изъ мелочей, что склонность къ расточительности намъ самимъ вредна, а другимъ смѣшна. Дѣлаешь добро отъ искренняго сердца, а говорятъ отъ глупости и простоты, и тебя ни во что ставятъ, пользуются твоимъ добромъ, какъ бы своею собственностью, какъ бы по праву. Все это надобно зарубить себѣ на носъ, не быть опрометчивымъ, удерживать порывы своихъ склонностей и не слѣдовать первому впечатлѣнію страсти.

15. Послѣ урока у кн. Мещерскаго, былъ въ типографіи и въ Гражданской Палатѣ, прочиталъ въ Университетѣ лекцію, въ правленіи встрѣтился съ Непышневскимъ, который вздумалъ мнѣ выговаривать за мое же усердіе и за то, для чего сыну его не прибавляютъ жалованья и не даютъ 14 кл., какъ будто бы все это отъ меня зависѣло. Ввечеру былъ у меня Полевой съ Ходаковск.

16. Послѣ уроковъ въ В. Д. обѣдалъ у А. П. Дурасовой; разсказывали трогательную исторію о смерти имп. Павла I и жребіи его убійцъ, кн. Яшвиля, гр. Зубова, Палена, Талызина. При коронаціи нынѣшняго государя, Платонъ сказалъ со слезами Зубову: поберегите юнаго монарха! З. отвѣчалъ: будьте спокойны, онъ не вашъ воспитанникъ. Оттуда заходилъ расписаться въ Гражд. Палату; потомъ отправился въ В. Д.; по окончаніи тамъ урока, пріѣхалъ домой, гдѣ мой урокъ кн. Трубецкому прерванъ пріѣздомъ П. Ю. Львова, который пріѣхалъ съ предложеніями о пансіонѣ и съ обѣщаніями. *На ласковыя слова не сдавайся, на грубыя не сердись*, твердитъ мнѣ маменька.

17. Былъ съ поздравленіемъ у соннаго А. Θ. Малин. Отъ него отвезъ Филиповой 1225 р. за Петра. Получивъ на него купчую, отправился въ В. Д., гдѣ, давъ уроки на обѣихъ половинахъ, заѣзжалъ для поздравленія къ А. Θ. Мерзлякову, который, принявъ меня и виноградъ отъ меня, сердечно звалъ къ обѣду. Поздравлялъ съ имянинами кн. А. Мещерскаго, который принялъ меня очень ласково, заѣзжалъ въ типогр., оттуда прямо домой поспѣлъ къ обѣду. Написалъ письмо къ матери Брянцевой о поведеніи ея сына.

22. Поднесъ А. А. А.*) разс. о *пословицахъ*; поблагодарилъ меня, отдарилъ серебр. карандашемъ и пожелалъ, чтобы я былъ писателемъ. Легко это сказать! Послѣ обѣда, не дождавшись П. Калайд., пошелъ къ Полевому, съ которымъ читалъ *Вѣстникъ*, утверждающій, что *капище* знач. идолъ. Ходаковскій замѣчаетъ, что капище отъ копить, купа и знач. сборище. Вѣроятнѣе это, чѣмъ отъ *капаю*, какъ производитъ Каченов. Не отъ capio-ли? Будто *капъ* (мѣра въ 12 пуд.) отъ кади или кадки, въ которой вѣшаютъ. Совѣтовали мнѣ написать о загадкахъ Русск., въ коихъ видно остроуміе народа и кои нерѣдко попадали въ рукописяхъ впереди и на концѣ, въ приписках. У *Карамз.* въ VII т. въ ск. о *Дракулѣ*: разганулъ мою загадку? Живетъ и *гадки* не маетъ. Замѣчены мною Сибир. загадки слѣд.:

Выйду я на гой гой, гой,
Разбужу я Царя въ Москвѣ,
Старца въ кельи
И ударю я гой, гой, гой
Короля въ Литвѣ,
Попа въ терему.

Колоколъ.

---

*) Т. е. къ ректору Университета и директору Университетскаго Пансіона Антону Антоновичу Прокоповичу-Антонскому („Трикратному Антону", какъ звалъ его князь П. А. Вяземскій).

Мать толста—печка,
Дочь красна—огонь,
Сынъ хораберъ, въ небеса ушелъ—*дымъ*.

Отъ Пол. зашелъ къ Киреевскимъ поздравить И. В. съ его рожденіемъ, они жаловались на долгосидѣніе Ходаков. и хвалились своимъ долготерпѣніемъ*). Поужинавъ отправился по грязи домой. Сколько убито дорогого времечка!

23. Отправляясь въ В. Д. послѣ обѣда, зашелъ къ обѣду къ К. Ѳ. К. Видѣлъ у него снимокъ съ надгробнаго камня рабѣ Бож. Марѳѣ, будто Посадницѣ, найденнаго по дорогѣ къ Твери и упомин. Карамзинымъ. Будто Платонъ писалъ жизнь и службу В. К. Даніилу? Подарилъ К. свои *Пословицы*. Пріѣхавъ послѣ урока домой, засталъ у себя П. Калайд., И. С. Бера и кн. Трубецкого. Съ К. говорилъ о риторикѣ его и о женитьбѣ. Послѣ урока Трубецкому, занимался съ пансіонерами своими.

25. Былъ у меня Сытинъ, тип. Смоленскій и Орловъ и просилъ объ окончаніи Франц. грамматики. Обѣдню слушалъ въ своемъ приходѣ, гдѣ видѣлъ обрядъ обращенія къ православію католика, коего воспріемникомъ былъ генер. Ѳедоровъ. Обѣдалъ у Лупандина, гдѣ видѣлъ Каменеву; сынъ его 14 лѣтъ спорилъ съ матушкой о томъ, что будто великіе люди должны имѣть и великіе пороки, а святыхъ и не почитаетъ за великихъ. Таково воспитаніе!

Ввечеру сидѣлъ Ходак., который разсказывалъ о снахъ и утверждалъ, что сны, видѣнные подъ утро, справедливы. Есть на Польск. *Нѣмцевича собраніе пѣсенъ*, въ коихъ воспѣваются подвиги Польск. королей. Мысль хорошая! Замѣчено, что какой-то былъ въ XII вѣкѣ пресловутый пѣвецъ *Микула* и что Русскіе плѣнники воспѣли славную пѣснь. Справиться у Карамзина.

26. Весь день дома. Если бъ хорошенько заняться, сколько бъ можно добра сдѣлать! Занимался цензурованіемъ, логикою. На часъ заходилъ Полевой, съ которымъ толковали о подложности *договоровъ* Русск. съ Греками въ нашихъ лѣтописяхъ, о несовершенствѣ плановъ въ сочиненіяхъ Русскихъ и о моихъ *Пословицахъ*. П. утверждалъ, что будто планъ ихъ не совершенъ, есть повторенія, слогъ неровенъ, нечистъ и будто много придано имъ важности. Я же выведу замѣчаніе для себя, что людей, стремящихся къ идеаламъ, близко не надобно къ себѣ допускать: выщупаютъ, вывѣдаютъ, а тамъ, гляди, и станутъ отпускать остроты, а чуть не по нихъ что̀, и ругать. Дай Богъ, чтобы

*) Ходаковскій сказывалъ П. В. Киреевскому, что въ Нижегородской губерніи онъ слышалъ отъ крестьянъ слово *митра* въ значеніи солнца. (Отъ П. В. Киреевскаго). П. Б.

это въ разсужденіи Полевого было несправедливо. Много ошибаясь въ людяхъ, дѣлаешься подозрительнымъ.

29. Поднесъ Саблину свое *Разс. о пословицахъ*, слышалъ отъ него благодарность; испрашивалъ дозволенія посвятить ему свою книжку; заѣзжалъ къ В. А. Дудину для объясненія насчетъ его сына, который упрямится въ глазахъ моихъ, а за глаза бранитъ, самъ не зная за что и, какъ видно изъ словъ отца его, по наущенію и отъ легкомыслія. Между прочимъ сказалъ, что онъ можетъ его отъ меня взять и куда угодно отдать, что я деньгами его не дорожу. Распрощались хорошо. Былъ П. Ѳ. Калайд. Въ концертѣ у Буше съ Полев.; играетъ блистательно, но нетрогательно.

30. Послѣ урока въ В. Д. обѣдалъ у Дурасова. А. З. нашелъ нездоровымъ и задумчивымъ. Видѣлся съ Лупандинымъ, который разсуждалъ со мною о женитьбѣ и говорилъ, что нынѣ молодежь ищетъ богатствъ, а не достоинствъ серд., что жена, если любитъ мужа, то послушаетъ и не будетъ лишняго требовать. А. П. замѣтила, что мужья болѣе виноваты, что они доводятъ до слабости женъ своихъ. Гов. о гр. П. А. Румянцовѣ и его остротахъ; анекдотовъ много. Оттуда въ В. Д. и домой, гдѣ нашелъ Ходаков. Гов., что Кіевская губ. была подъ властію Польши подъ имен. *Кіевскаго воеводства*, такъ равно и Волынская, Черниговская и пр. Давалъ урокъ кн. Трубецк.

Апрѣль 1. Былъ на похор. Алекс. Сем. Смирновой, провожалъ ее до Лазар. кладбища, оттуда ѣхалъ съ Трифон. священникомъ и разговаривалъ съ нимъ о предметахъ вѣры въ дождь и грязь; отъ него узналъ, что на Лазар. стали хоронить съ мора, а прежде тамъ хоронили иностранц., что церковь Трифона построена сокольничьимъ ц. Іоанна Васильевича вся изъ бѣлаго камня. Такъ прошелъ день, и такъ теряется время!

2. Утро все занимался логикою; послѣ обѣда урокъ въ В. Д., кн. Трубецкому и пансіонерамъ.

3. Въ типографіи былъ у кн. Шаликова, отдалъ ему свою піеску, подписалъ его стихи. Былъ у А. А.; говорилъ онъ, что напрасно мною пропущены нѣкоторыя грубыя выраженія у Ш. въ журналѣ, надобно отмѣчать неприличное; намекалъ, что, смѣша другихъ, самихъ себя дѣлаемъ смѣшными. Вопросъ, купили ль мы землю подлѣ? Если это относится къ моимъ піесамъ, кои ему представлены въ другомъ видѣ совѣтниками, то это мнѣ урокъ—не терять напрасно трудовъ своихъ, беречь и время, и здоровье. Усердіемъ своимъ не удивишь. На

дорогѣ домой послѣ урока, встрѣтился съ И. И. Дв., который мнѣ пенялъ, что удаляюсь будто отъ товарищей и будто, на приглашеніе къ нему Малова, я сказалъ: что̀ мнѣ дѣлать тамъ? Д. между разговорами поддѣлъ мое слово *и безъ того мокро* и обратилъ его въ дурную сторону: будто я хотѣлъ сказать, что они сбираются для пьянства? Дѣло кончилось обѣдомъ и тѣмъ, что я сказалъ: надобно удаляться такихъ товарищей, кои перетолковываютъ слова и переносятъ. До обѣда разговоръ о словесности: надобно замѣчать приращеніе наукъ; иначе будешь невѣждою. Ввечеру былъ у меня сосѣдъ Яковъ Алексѣевичъ Шангинъ.

4. Почти весь день прошелъ въ урокахъ въ В. Д. Закупка рыбы въ соль, осетра, сахару, чаю.

5. Послѣ обѣда былъ у меня Ходаковскій, съ коимъ читалъ статью изъ Стат. о Польшѣ, и Н. Н. Сандуновъ, которому казалъ свои картины и книги рѣдкія; онъ сидѣлъ въ моей комнатѣ и совѣтовалъ жениться, говоря, что женитьба и могила необходимы. Н. Д. Курл. дружески под. 10 р.

6. Урокъ въ В. Д., оттуда на похороны къ О. Н. Хиновой; обѣдалъ на поминкахъ, гдѣ видѣлся съ Златоуст. архимандр. Іосіею и профес. Бекетовымъ. За столомъ не скучно было; говорили, какъ солдаты наши перекрещиваютъ геогр. имена: въ 7 лѣтн. войну Марію Терезію назыв. Марьею Терентьевною, а Фридриха Ѳедоромъ Ѳедорычемъ. Ввечеру урокъ кн. Трубецкому; остальной вечеръ въ немногихъ занятіяхъ.

7. По утру былъ въ Успен. соборѣ, въ церкви Похвалы Богородицы что̀ во главѣ, но обѣдни не дождался: торопился въ В. Д. на лекцію. Послѣ обѣда былъ у Малиновскаго, съ кот. говорилъ о кн. Дашковой и о желаніи моемъ приписать ея біографію его супругѣ, получилъ отъ него позволеніе прочитать ему оную. Отъ него прошелъ къ Киреевскимъ, далъ урокъ, который прерванъ былъ приходомъ Ходаковскаго. Разговоръ былъ о томъ, что критиковать Исторію Росс. нельзя одному человѣку, надобно смотрѣть на нее съ разныхъ сторонъ, что Стюартъ прославился критикою Робертсона. Всенощная, чтеніе только кратковременное.

8. По просьбѣ Нѣмова, послалъ къ нему 25 р. въ счетъ бумаги на книгу, которую у меня онъ обѣщался взять.

У обѣдни былъ въ Шереметьевской, заходилъ послѣ нея къ Полевому, который читалъ мнѣ *критику* на географію Каменецкаго ка-

сательно плану, содержанія и слога. Я замѣтилъ, что надобно смягчить ее и отдать справедливость труду Камен. Рѣшено тѣмъ, что пропуски дополнить, а ненужныя вещи выбросить; тогда она будетъ при краткости полна; числа скруглить. П. замѣтилъ мнѣ поговорки, примѣты въ Курскѣ: *«Скоробогатящійся скоро обѣдняетъ; кто найдетъ кладъ, тотъ разорится»*. Былъ въ Библейскомъ Обществѣ, гдѣ викарій Аѳанасій говорилъ назидательное слово, а секретари утомили слухъ отчетами. Обѣдалъ вмѣстѣ съ Чумаковымъ и Маловымъ у И. И. Давыдова; съ Мал. объяснился насчетъ ложныхъ его пересказовъ; оправдывается шуткою Давыдова. Говорено, что словесность отстала отъ точныхъ наукъ и со временъ Аристотеля будто не успѣваетъ; что безъ физіологіи нельзя знать и эстетики, что, не знавъ законовъ міра веществ., нельзя знать законовъ міра духовнаго.

9. Послѣ обѣда заходилъ къ Ходаковскому, смотрѣлъ съ нимъ геогр. карту Калуги; замѣтилъ въ гербѣ Козельска 5 ушей и 5 крестовъ, что̀ означаетъ убіеніе Татарами 5 князей Росс. Мѣщанская часть до 1671 г. назыв. *Троицкою Слободою*. Заѣзжалъ къ К. Ѳ. Кал., у коего видѣлъ *букварь*, напеч. въ Вильнѣ, 1621, подъ заглав. *грамматики*, въ коемъ есть рисунки на деревѣ, и букварь Бурцова, 1631, при Іосифѣ патріархѣ; есть указъ Анны Іоан. объ убогихъ домахъ.

10. Отправилъ письмо въ Вильну къ профессору Лобойкѣ и при немъ свою книжку *о пословицахъ*. Урокъ у Мещерскаго и въ Университетѣ. Заѣзжалъ къ кн. Шаликову объясниться о критикѣ его, за которую выговаривалъ мнѣ ректоръ. Надобно не мѣшаться въ чужія дѣла. Нѣтъ ничего хуже посредничества и услужливости неумѣстной. Ни забѣгать, ни отставать. Со слезами простился съ нами Н. Н. Нефедьевъ, съѣхалъ къ Зиновьеву и съ дурнымъ предчувствіемъ. Не прочно все, основанное на мечтахъ и козняхъ. Будемъ смотрѣть на конецъ; начало не всегда соотвѣтствуетъ ему. Отъ Полеваго, съ кот. говорилъ о Шелл. философіи и пилъ чай, прошелъ къ А. Ѳ. Малиновскому, которому читалъ свою біографію кн. Дашковой. Въ музеумѣ Оруж. Палаты есть къ ней благодарный рескриптъ отъ Александра I за два стола изъ матки изумрудной. А. Ѳ. сдѣлалъ мнѣ нѣсколько замѣчаній и между прочимъ, что слова изъ Уложенія: *сестра при братѣ не наслѣдница* и о крѣпост.: *чѣмъ давнѣе, тѣмъ святѣе*, обратились въ пословицы. Гречъ прислалъ 3 части, недоставленныя имъ, какъ подписчику своей словесности Р.

11. Послѣ урока въ В. Д. ѣздилъ въ Троицы Лужники, къ старику 126 лѣтн., котораго нашелъ лежащаго на печкѣ; говорилъ съ

нимъ о старинѣ, о простотѣ прежней; онъ мнѣ расказалъ пѣсню о Стенькѣ Разинѣ, который будто на Волгѣ, разославъ плащъ, игралъ плывя въ карты съ товарищами, кои были кто изъ подъ сосенки, кто изъ бору, голытьба удалая.

12 Послѣ урока кн. Мещерскому, заходилъ къ Н. Н. Сандунову, который остерегалъ меня насчетъ З. Ход. Не надобно всякому довѣрять и себя открывать. Я это частію испыталъ. Послѣ урока Универ. заходилъ въ Правленіе, видѣлся съ А. А. А., который велѣлъ мнѣ отдать букву Г. Слов. А. В. Болдыреву. Заходилъ на Кузн. мостъ торговать эполеты Измайлову, встрѣтился съ А. П. Дурасовой; хотѣлъ было поздравить Иракліонова съ чиномъ, но не засталъ. Отнесъ самъ свою книжку *о посл.* сосѣду Черликову, заходилъ къ Татаринову; разговоръ былъ о хозяйствѣ. Чтобы указывать другимъ, надобно самому знать. Ввечеру получилъ отъ кн. Мещерскаго 100 р. за уроки. Написалъ письмо къ Ѳ. В. Измайлову объ эполетахъ для его сына, стоющ. 50 р. асс.

13. Отослалъ при письмѣ эполеты; заѣзжалъ къ Иракліонову поздравить его съ чиномъ, въ Университетъ отдать Болдыреву 1 т. Ак. Сл. по приказанію А. А. А. Послѣ урока въ В. Д. зашелъ къ отцу ризн. Гавріилу, отъ него къ Печерской и въ Благов. соборъ. Въ Сvнод. ризницѣ есть переводъ *Тита Ливія.* Обѣдалъ у Дурасова, гдѣ встрѣтился съ Пещуровымъ. Въ классѣ шутилъ и некстати. Всё хочу, всё учусь и стараюсь себя умѣрять, но всё слова одни! Когда жъ стану дѣлать?

14. Обѣдалъ у Антонскаго, гдѣ видѣлся С. Д. Нечаевымъ, который сказалъ мнѣ, что я выбранъ членомъ Историч. Общества. Больше чести, больше и хлопотъ. Василевскій за столомъ сказалъ мнѣ, что каѳедра философіи утверждена за Давыд., а Латинская мнѣ слѣдуетъ. Да будетъ то, что̀ Богу угодно!

15 Въ Смоленской губ., Рославъ. уѣзда, есть село Лагнедино, вм. *Рогнедино,* отъ Влад. супр. Рогнѣды. *Ирина Росадница* въ Маѣ, *Ирина въ Апрѣлѣ урви берега, Ѳедосья колосница.* Послѣ обѣда занимался жизнеоп. Сковороды и письмами.

16. Отправлены письма въ С. П. къ Свиньину съ 2 экз. *Пословицъ,* къ Никитину, къ А. В. Кондратьеву съ 8 экз. *Досуговъ* и 11 *Пословицъ*; къ преосв. Евгенію въ Кіевъ съ однимъ экз. Заходилъ къ А. А. А. посовѣтоваться насчетъ *Дам. Жур.*, въ Правленіе, гдѣ услышалъ, что съ 1819 велѣно вычитать по 10 коп. съ рубля изъ пенсій,

если онѣ превышаютъ 500 р. Былъ у кн. Шаликова и слышалъ отъ него благодарность за мое усердіе.

18. Послѣ заутрени отправился подъ Симоновъ къ П. П. Бекетову и къ духовнику своему от. Іонѣ. Перваго не нашелъ дома, отыскалъ у обѣдни на Старомъ Симоновѣ у Рождества Богор. Теплая церковь, видно, послѣ придѣлана къ холодной; а камни, бывшіе надъ Пересвѣтомъ и Ослябемъ вошли въ уголъ церкви, близъ колокольни. Это уже въ третій разъ перестроена церковь, потому что видны мѣста прежнихъ двухъ церквей. При переборкѣ ея употребили въ строеніе сіи камни; уже въ 1794 поставленъ въ церкви въ углу на лѣвой рукѣ надъ тѣлами П. и О. маленькой памятникъ съ надписью. Отъ обѣдни зашелъ къ П. П. Б., подарилъ ему свои *Пословицы*, прочиталъ біографію Сковор., поговорилъ объ Историч. Обществѣ, напомнилъ о Балашевѣ, къ которому онъ обѣщался писать и меня съ нимъ свести. Отъ него заѣхалъ въ Симон. мон., пришелъ къ кельи духовника своего и не достучался: онъ уже былъ похороненъ на прошлой недѣлѣ въ Суботу подлѣ учителя своего ст. Алексія. Былъ на его могилѣ и на Бобарыкиной, поклонился ихъ праху. Отправился къ Спасу на Глинищи и тамъ у протоіер. Петра исповѣдовался; насилу дождался и добился. Какъ пріятно очищать душу и какъ на ней свѣтло. Дай Богъ, чаще такихъ мнѣ минутъ!

19. Богъ привелъ меня причаститься въ своемъ приходѣ. Маменька радовалась, всѣ знакомые меня поздравляли. Какъ трудно утишить борьбу сердечную! Какъ мысли смѣшаны, одна за другой мелькаютъ въ душѣ какъ тѣни. Однакожъ есть такая въ насъ сила, которая можетъ править нами самими и приводить мысли въ порядокъ, а вмѣстѣ съ мыслями и дѣйствія. Послѣ малаго отдыха зашелъ къ К. Ѳ. Калайдовичу; получилъ отъ него двѣ книжки: *Письма* къ А. Ѳ. *Малиновскому о Рязан. древностяхъ* и *Списокъ Русск. памятникамъ Кеппена;* доѣхалъ съ нимъ до Елагина, тамъ обѣдалъ и читалъ критику К. К. на Ходаковскаго. Замѣчены пристрастіе нѣкоторыхъ возраженій и основательность другихъ. Самъ отнесъ къ Ход. сію книжку. Ввечеру у всенощной.

20. Заходилъ къ Ширяеву, который показывалъ мнѣ письмо Свиньина: жалуется, что издатель *Отеч. достопамятностей* отнимаетъ у него собственность, перепечатывая его статьи, грозитъ просить на него и проситъ увѣдомить его объ имени. Радищевъ и Полевой, а посредникъ Ширяевъ. Не подозрѣваетъ ли Свин. меня, какъ цензора? Я не вхожу, да и ненадобно входить въ ихъ дѣла; дѣлаю свое дѣло.

Былъ у кн. Шаликова; у него съ Каченовскимъ ссора; опять таки мнѣ нужды нѣтъ, и надобно поставить себѣ закономъ: не мѣшаться въ чужія ссоры. Говорилъ Ш. о томъ, что Дмитріевъ любитъ приличія и насмѣшки надъ всѣми, дорожитъ мнѣніемъ свѣтскихъ людей, Качен. называетъ *плюгавымъ выползкомъ.* Заходилъ въ манежъ Шап. справиться о цѣнѣ и времени за уроки. По 3 р., встрѣтилъ тамъ Кайсарова.

21. Гулялъ по Кремлю съ Г. И. Лазаревымъ, замѣтили мѣста сломанныхъ зданій, закладки Баженовскаго дворца на мѣстѣ Тайницкихъ воротъ.

22. У заутрени въ своемъ приходѣ различныя чувствованія овладѣли душею моей; ряды воспоминаній о протекшемъ проходили въ ней сбивчиво; одна молитва могла успокоить душу и сердце. У ранней обѣдни на Троицкомъ подворьѣ. Какъ свѣтелъ этотъ праздникъ для души, если вникнуть въ его сущность! Онъ собираетъ всѣхъ и призываетъ къ любви и согласію; даже огорченный забываетъ тутъ свою горесть.

Ѣздилъ поздравлять сен. Саблина, Арсеньева (ихъ не засталъ), Дудина, Е. В. Рыкунову, которая была рада, совѣтовала мнѣ жениться и говорила, что Богъ не посылаетъ искушенія выше силъ нашихъ, что у Бога все размѣрено, и что *выбирать надобно жену не глазами, а ушами.* Былъ у А. А. А., у Сандунова (больного невидимки), Двигубскаго, Мерзлякова, Котельницкаго, въ В. Д., у начал. г-жи Цеймернъ, которая звала меня къ себѣ на праздники, у П. Б. Шредера, Ульрихса, Е. И. Ш.... гдѣ видѣлъ и своихъ учениць. Малиновскаго не засталъ, а съ Цвѣтаевымъ видѣлся. У меня были для поздравленія: И. С. Беръ, Курляндцевъ, Никифорова, Каменевы, Татариновы, Селивановскій, Телепневы, Гусевъ, Ѳедоровъ, Медвѣдевъ.

23. У обѣдни служилъ молебенъ в. м. Егорію. День моего рожденія. Сколько онъ долженъ возбуждать размышленій о томъ, какъ я до сихъ поръ проводилъ жизнь и какъ себя вести надобно. Если бъ Богъ помогъ исправить мнѣ свои недостатки, дополнить и привести въ порядокъ свѣдѣнія, примириться съ самимъ собою: я былъ бы счастливъ въ сердцѣ, спокоенъ въ совѣсти. Протекшая жизнь моя даетъ мнѣ много уроковъ для настоящей и будущей; умѣй только пользоваться. Sustine et abstine: вотъ правило для страстей. Ходилъ пѣшкомъ поздравить Елагина, Грушевскихъ, Долговыхъ и встрѣтилъ поздравленіемъ отца протоіер. Матвѣя Никол. У Груш., ласково и сердечно меня принявшихъ, много говорилъ и забылъ пословицу, что *пѣшъ пи-*

рогъ съ грибами, а языкъ держи за зубами. У обѣдни отъ М. Евреинова узналъ, что графъ Алекс. Григор. [1]) былъ крестнымъ отцомъ Екатерины II, что Яросл. арх. Симеонъ, отыскавъ коляску, полотенце Дмитрія Рост., отослалъ ихъ въ Ростовъ, что въ Чудовѣ въ дискосѣ помѣщенъ *перстенъ*, данный св. Алексію митр. Тайдулою. Безъ меня были С. Н. Глинка, который написалъ мнѣ *стихами экспромптъ*, Н. Н. съ конф. пирогомъ, Нефедьевъ, А. В. Дудинъ. Засталъ М. Малова, который обѣдалъ у меня и говорилъ о своей ссорѣ съ Калайд. и Щуровскимъ, о свиданіи съ г-жею *Цеймернъ* [2]), превозносилъ ея мужество и благоразуміе. Вечеръ провелъ съ Н. Н. Нефедьевымъ, который разсказывалъ о таинственныхъ поступкахъ Зиновьевыхъ, о связяхъ ихъ съ подозрительными людьми. Дніе лукавы суть. О затѣяхъ Штейнгеля, который хочетъ, по его словамъ, уничтожить тиранн. и преобразовать государство [3]). Грозенъ сонъ, да милостивъ Богъ!

24. У ранней обѣдни былъ въ Драчахъ; въ церкви думалъ, такъ ли я употребляю свое время и такъ ли занимаю свои силы душевныя, какъ надобно? Отвѣчай самъ себѣ, т. е. умъ уму. Кончилъ поправку *Руѳи и Ноемини*, соч. Кератри, и отослалъ къ А. М. Гусеву. Собрался было заниматься своими дѣлами, но помѣшали ученики мои изъ В. Д., Иванъ Иван. и Григорій Ефимовъ; говорено было объ анатоміи. Заѣзжалъ Александръ Павл. Грушевскій, кн. Друцкой-Сокол., потомъ Лазар. кладбища священникъ. Съ вечера рано легъ спать. Убито время въ пустословіи, скукѣ и снѣ.

25. Утро начато чтеніемъ, прервано пріѣздомъ Полевыхъ, Сохацкаго. Продолжалъ заниматься исторіею, преложеніемъ изъ Іова; послѣ обѣда заходилъ къ А. И. Татаринову, къ Іогелю; возвратясь домой, нашелъ у себя Гофманов. дѣтей, тутъ называлъ Марію своею женой.

26. По утру у обѣдни у Спаса на Бору: день с. Стефана Пермскаго. Какое-то невольное благоговѣніе возбуждается въ этомъ храмѣ древнемъ, темномъ и тѣсномъ; образа стар. въ немъ изъ Срѣтенскаго собора. Жалко, что запущенъ этотъ храмъ. Зашелъ къ Печерской Богом., къ ризничему Гавріилу, который говоритъ, что будто Синод. палата строена Іовомъ патр., а не Никономъ, что библіотека и ризница помѣщались въ верхнемъ терему. Я совѣтовалъ ризничему напи-

---

[1]) Разумовскій, негласный супругъ императрицы Елисаветы Петровны. П. Б.

[2]) Лукерья Алексѣевна Цеймернъ, ур. Сверчкова, начальница женскаго учебнаго заведенія (нынѣ Николаевскаго Сиротскаго Института). Къ ней можно отнести слова Фридриха Великаго про ландграфиню Гессенскую Каролину femina sexu, animâ vir; т. е. по природѣ женщина, по душѣ мужчина; только она нравственно выше ландграфини.

[3]) В. И. Штейнгель, бывшій передъ тѣмъ правителемъ канцеляріи Московскаго ген. губернатора графа Тормасова, печатавшій статьи свои подъ именемъ Камнесвятова, позднѣе Декабристъ.

сать портреты всѣхъ X патріарховъ и помѣстить въ ризницѣ. Былъ у Д. А. Соколова, смотрѣлъ его картины; отъ него къ Высоцкимъ съ поздравленіемъ; отъ нихъ къ Н. С. Молчанову. Его не засталъ, онъ въ Казани насчетъ больного сына своего; а мать думаетъ, что мужъ въ Саратовѣ. Въ Донскомъ монаст. сперва зашелъ къ архим. Владиміру; онъ для меня не кончилъ своего обѣда, много со мною говорилъ касательно спасенія души и почтенія къ старшимъ: «не надобно заниматься внѣшностію—міръ созданъ для Христа; духъ, благословеніе старшаго почиваетъ на всемъ родѣ его». Разговоръ кончился наставленіями, въ коихъ онъ извинялся. Архим. Діонисій принялъ меня среди обѣда своего очень ласково, разговаривалъ со мною о монаш. интригахъ, о хитрой скрытности Филарета, о роскошной и пышной жизни Орлов. Досиѳея, о строгости и осторожности Виктора Антон., который положилъ монаст. капиталу въ В. Д. 90 тыс. Возвратясь домой, пошелъ къ вечернѣ въ свой приходъ; дома за дѣломъ. Приходили пѣть арх. пѣвчіе; далъ имъ 5 р.

27. Послѣ обѣда заѣхалъ Я. Арсеньевъ; пилъ съ нимъ чай, читалъ ему свои сочиненія. Остатокъ дня провелъ въ чтеніи.

29. Утромъ до обѣдни кончилъ свое преложеніе изъ Іова, стоялъ обѣдню у Николы въ Драчахъ, тамъ былъ праздникъ IX мучениковъ, тамъ встрѣтилъ Шанкина и Далматскую съ дочерью; они заѣхали къ намъ. Я гулялъ въ саду съ Варварою Осиповною, которая пожала мнѣ руку и сказала, что она того будетъ любить, кого маменька велитъ! А если маменька разлюбитъ? Ergo... Мудрено знать, что̀ кроется въ женскомъ сердцѣ. Посадилъ 10 липокъ въ саду, послѣ обѣда ѣздилъ къ Гусевымъ; Михайла Ник. не засталъ, поговорилъ съ его женою. Пріѣхавъ домой, нашелъ маменьку разстроенною тѣмъ, что дѣвка Арина заняла на ея имя у сосѣдки 10 р. Были пасторъ Цедергольмъ, коему подарилъ свои *Пословицы*, и А. И. Татариновъ, который просидѣлъ до полночи, шутилъ со мною, все называлъ меня политикомъ и лукавымъ и попрекалъ тѣмъ, что будто я сказалъ: коли онъ пьянъ, то и веселъ. Вѣрно, я говорилъ объ этомъ съ его дѣтьми и какъ-нибудь иначе, а они ему пересказали. Урокъ осторожности и скромности! Не сами ли они сказали это, а можетъ и хуже, да на меня и своротили?

30. За пьянство и заемъ на нашъ счетъ денегъ послалъ Арину на съѣзжую наказать, а Петръ ушелъ, взявъ мои сапоги и книжку зап. Еще искушеніе! Моя ли вина или Божья воля? Все надобно терпѣть. Отдавъ дрожки для починки, заѣхалъ къ Малову, шутилъ съ Бѣлопольскими, nec plus ultra, ne quid nimium. Вотъ правило часто повторяемое и рѣдко исполняемое! Отъ Малова зашелъ къ Ширяеву, отдалъ ему подписанную мною III часть *Отеч. достоп.*, приглашаемъ

былъ въ Субботу на вечеръ; заходилъ къ кн. Шаликову. На имянины къ Я. Е. Арсеньеву, который встрѣтилъ меня очень ласково. Увидѣвъ М. В. Бобарыкину, отдалъ ей списанную мною молитву. Провели очень весело время; домой возвратился пѣшкомъ, нашелъ у себя письмо отъ Брянцевой матери, которая весьма благодаритъ меня за присылку 500 р., вырванныхъ у ея сына. Ввечеру собрался было къ Далматской по ея приглашенію, но пришелъ К. Калайд., и я остался дома. Sic fugit irreparabile tempus.

Май. 1. Зашелъ въ церковь близъ Страшн. монастыря, Рождества Паутинки, отслужилъ молебенъ Ѳедору Тирону, коего придѣлъ тутъ; слышалъ отъ свѣчника, что будто тутъ находился Петровскій монастырь по преданію. Замѣчательна Азіатская архитектура сей церкви; въ 3-хъ придѣлахъ рѣзныя царскія двери, старыя иконы. Я обѣщалъ купить лампадку Спасителю въ темницѣ. Давъ урокъ кн. Мещерскому, прочелъ лекцію въ Университетѣ, оттуда зашелъ къ Давыдову, потомъ къ Малову больному, поговорилъ съ Бѣлопольскими, опять къ Давыдову, у котораго по приглашенію обѣдалъ. Бесѣдовали о медицинѣ и философіи, о дѣйствіи духа на тѣло, о врачеваніи того и другого, о теоріи словесности изъ одного начала. Философія должна быть во главу угла всѣмъ наукамъ; что̀ отъ насъ не зависитъ, на то не роптать. Сдѣлано мнѣ предложеніе занять Лат. классъ въ пансіонѣ Универс. Я отговаривался неумѣньемъ принаравливаться къ обрядамъ. Первая брань лучше послѣдней. Все лучше обдумать и разсмотрѣть сперва съ невыгодной, чѣмъ съ выгодной стороны. Вечеръ дома въ своихъ занятіяхъ.

2. Поутру заѣзжалъ П. Ю. Львовъ. Купивъ два воза сѣна дорогого, далъ два урока въ В. Д., зашелъ послѣ къ Елисаветѣ Иван. и къ тетушкѣ, которая все толковала о нашихъ мнимо-большихъ доходахъ. Отъ нея пошелъ опять въ классы; было рано, зашелъ въ классъ къ Голтякову и говорилъ съ нимъ о грамматикѣ Русской, о древностяхъ, шутилъ; кончивъ свой урокъ, поѣхалъ на извозчикѣ домой, гдѣ засталъ г-жу Ѳедорову, просившую меня о диссерт. сыну ея. По приглашенію съ утра пошелъ къ Далматской, которая встрѣтила меня выговоромъ за мнимую спѣсивость, а дочь апельсиномъ и платкомъ; ей подарилъ я свои *Пословъ*. В. О. сказала мнѣ, для чего я не скажу маменькѣ ея того, что̀ говорилъ ей въ саду? Урокъ мнѣ—подумавъ, говорить и шутить не со всякимъ и не всегда. Risu inepto res ineptior nulla est, т. е. пустого смѣха нѣтъ ничего глупѣе. Я. А. Ш., вызвавшись проводить меня, дорогой сдѣлалъ мнѣ предложеніе руки́ В. О., и клялся, и божился объ ея честности и добронравіи. Я отвѣчалъ, что это дѣло сто̀итъ вѣчности, не надобно вѣрить первому впечатлѣнію

молодой неопытной дѣвушки; должно обдумать и разсмотрѣть это съ выгодной, а болѣе съ невыгодной стороны. Разстались съ нимъ увѣреніемъ въ дружбѣ!

3. Заходилъ изъ дому къ А. С. Шир., просилъ о своихъ *Досугахъ*, кои не имѣютъ ходу; обѣщано стараться. Зашелъ помолиться къ Печерской Богоматери, коей нынѣ празднуютъ; оттуда къ князю Мещерскому на урокъ, послѣ урока въ Универс. на лекцію, съ лекціи въ Управу Благоч., подалъ явочное прошеніе о побѣгѣ своего человѣка Петра. Зыковъ обласкалъ меня и принялъ участіе въ дѣлѣ. Зашелъ къ И. И. Давыдову, у него обѣдалъ, заходилъ къ Ѳ. И. Ѳедоровой, которая весьма меня ласкала; совѣтовалъ сыну ея писать диссерт. о *промышленности Рима*. Пришедши домой, занялся своими дѣлами, своими пансіонерами. Послѣ урока, зашелъ Ходаковскій и сказывалъ, что пишетъ критику на Калайдовича и, какъ видно, ко всему придирается. Я съ своей стороны замѣтилъ ему его пристрастіе; говори дѣло, не касаясь лица, sine ira et studio. *Литовск. Статутъ* древній на Бѣлорусскомъ языкѣ въ XVI вѣкѣ печат. Въ немъ Линде нашелъ всю почти *Русскую Правду*, которая, вѣроятно, у насъ не полна и можетъ быть дополнена изъ Статута, коего экземпляры рѣдки. Павелъ I велѣлъ перевести этотъ Статутъ на Русской для Малороссіи.

4. Бек. сказывалъ, будто П. И. Кутузовъ хочетъ мнѣ сообщить матеріалы для жизни Платона, переписку о восшествіи на престолъ Павла I и Александра I, письма о коронованіи во гробѣ Петра III. Ввечеру занимался съ своими пансіонерами, съ кн. Трубецкимъ и цензурою.

5. Поутру зашелъ Полевой звать меня къ Ширяеву на вечеръ; замѣтилъ, что въ знакомствѣ надобно различать людей и еслибъ двое обманули насъ, то не должно всѣхъ почитать обманщиками, просилъ дѣлать замѣчанія для его *Отеч. достоп.*, попрекалъ меня скрытностію. Далъ картину для разс. *о пользѣ др. исторіи Шлёцера, ист. Гаттерера 1 ч.*, *Утренн. Зарю 1 ч.* Ввечеру былъ у Ширяева съ Полевымъ; читалъ стихи Воейкова, очень сатирическіе, пахнущіе ѣдкостью; разсказывали попеременно анекдоты; выпили по три рюмки Шампанскаго и прогуляли всенощную.

6. Заѣхавъ къ А. Ѳ. Мерзлякову, отдалъ ему свое преложеніе изъ Іова 29 и 30 главъ, просилъ перечесть, замѣтивъ, что нынѣ празднуется с. Іову. М. сказалъ, что стихи хороши, да слѣдствія нѣтъ: только двѣ противоположныя картины счастія и несчастія. Ѣхавъ ко Всѣхъ

Скорбящей, сочинилъ слѣдствіе; служилъ молебенъ по обѣщанію. Оттуда въ Кремль, засталъ конецъ обѣдни въ Успен. соборѣ, зашелъ къ ризничему Гавріилу, взялъ у него артосъ отъ архим. Діонисія и кн. *Камень вѣры* для г. Сандунова, коему и отдалъ, говорилъ съ нимъ о разныхъ дѣлахъ. Отъ него въ пансіонъ, обѣдню засталъ*) на отходѣ, зашелъ къ А. А. А. по зову, обѣдалъ у Давыдова; говорилъ съ нимъ о философіи.

7. Въ Унив. взялъ жалованье. Квартирныхъ не выдано: объ нихъ представлено министру. Лазаревъ казн. разсказывалъ о злоупотребленіяхъ суднаго и сыскного приказа, о жестокости пытокъ и множествѣ убійствъ въ прежнія времена. Заѣзжалъ къ П. А. Нарбекову звать его на имянины и извиниться, что долго не былъ по недосугамъ и по дальности. Дорóгой встрѣтился съ Нѣмовымъ, который обѣщалъ въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ внести деньги за мою книгу въ типографію Унив. и которому я обѣщалъ прислать 50 р. (исполнено 9 числа) за бумагу. Обѣдалъ у Дурасова, просилъ его къ себѣ обѣдать; обѣщано съ удовольствіемъ. Заѣхалъ оттуда къ Ѳ. И. Ѳедоровой, отдалъ ей планъ диссерт. о *промышленности у Римл.* Отъ нея поѣхалъ въ городъ и истратилъ на вина 27 р. къ имянинамъ своимъ. Чтò дѣлать! Ввечеру дома былъ разстроенъ; послѣ всенощной зашелъ къ Шангину, не заставъ его, просидѣлъ часа два съ Далматскими.

8. Обѣдню стоялъ въ своемъ приходѣ, служилъ молебенъ своему ангелу; въ церкви поздравляли меня прихожане съ имянинами. Пришедши нашелъ у себя Карина, Бера, который всегда показываетъ ко мнѣ родственное радушіе. Изъ дому прямо поѣхалъ къ Рождеству въ Паутинкѣ, привѣсилъ лампадку ко Христу въ темницѣ, самъ ее засвѣтилъ и молилъ Свѣтодавца, чтобы Онъ просвѣтилъ душу мою. Потомъ завернулъ къ И. И. Давыдову, звалъ его къ себѣ, къ И. А. Двигубскому. Прочитавъ лекцію въ Унив., поѣхалъ въ городъ искупить коечто. Въ тотъ же день получилъ письмо отъ секретаря Общ. Сор. Просв., благодаритъ за мою книжку. Обѣдали у меня П. А. Нарбековъ, Арсеньевъ, Щепкинъ и Далматскіе (по моему зову). Послѣ обѣда гулялъ въ саду съ Далмат. дочерью, которая подарила мнѣ манишку своей работы. Неожиданно пріѣхали, къ моему удовольствію, Н. В. Посниковъ, П. А. Семичевъ, потомъ И. И. Давыдовъ съ Маловымъ, Шангинъ. Ввечеру гуляли по улицамъ съ Д., М. и Ш., были въ Горюшкиномъ саду, на Троицкомъ подворьѣ, вечеръ былъ прекраснѣйшій, небо чистое, и на душѣ свѣтло. По возвращеніи ужинали довольно весело, всѣ разъѣхались въ 12 час.

*) Т. е. въ Университетскій Благородный Пансіонъ, на Тверской, нынѣ домъ Филипова, на углу Газетнаго переулка.

9. Поутру А. З. Дурасовъ*) прислалъ мнѣ чашку съ поздравленіемъ и съ извиненіемъ, что онъ не былъ у меня по причинѣ болѣзни супруги его, а Нѣмовъ Аглинской малины; ему послалъ 50 р. за бумагу. Заходилъ ко Львовой, отъ нея въ Шерем. больницу къ обѣдни. Сбирался идти по приглашенію къ Далматской; но пришли кн. Шаликовъ и Елагинъ съ Киреевскими, своими пасынками. Посидѣвъ и закусивъ, гуляли у меня въ саду и любовались имъ, шутили насчетъ близости женскаго пансіона. Отобѣдавъ дома, я пошелъ гулять по улицамъ, зашелъ сперва къ Ходаковскому, кот. читалъ мнѣ критику на Калайд. Я замѣтилъ, что она пристрастна; а потомъ къ Далматской, просидѣлъ долго, потому что удерживали; отговаривался дѣлами. напрасно: заставили ужинать. Хоть не радъ, да готовъ, а время потеряно. Разговоръ былъ о женитьбѣ, новыя убѣжденія, новыя предложенія; кончилось новыми съ моей стороны убѣжденіями противъ женитьбы. О Мал. очень дурно отзывались, будто разстраиваетъ семейство, сводничаетъ и т. д. Я защищалъ его.

10. По просьбѣ И. И. Д. и А. А. А., я началъ въ пансіонѣ Универ. учить *классъ Латин.* и логики. Каждый классъ надобно заниматься переводомъ для объясненія *правилъ синтакс.*, *чтеніемъ Цицер. рѣчей* и *логикою.* И. И. Д. ввелъ меня въ классъ и рекомендовалъ мнѣ учениковъ. Да благословитъ Господь начинанія мои! По прочтеніи въ Универ. лекціи, заходилъ къ Мерзлякову, который обѣщалъ разсмотрѣть стихи мои. Послѣ лекціи заѣхалъ къ Дурасовой узнать объ ея здоровьѣ, нашелъ ее не такъ здоровою, встрѣтился тамъ же съ А. А. Писаревымъ, выбран. въ предсѣдатели Истор. Общества, говорилъ съ нимъ и замѣтилъ въ немъ хорошія расположенія. Ал. Зинов. весьма извинялся, что не обѣдалъ у меня въ имянины, обѣщался пріѣхать ко мнѣ въ садъ.

11. Поутру уроки въ В. Д., обѣдъ у Д. А. Соколова, тамъ видѣлъ одну миленькую Нѣмку, съ которою шутилъ. Надежда Григор. просила о неоставленіи воспитанницы ея Палагеи Михайл., поступившей въ В. Д. Обѣщалъ стараться о переводѣ ея въ классическія, что на другой день исполнилъ, т. е. видѣлъ ее въ столовой и просилъ объ ней надзир. ея Тверитинову. Прождавъ напрасно князя Трубецкого, пошелъ къ Давыдову, по зову его, на вечеръ, гдѣ видѣлъ Нечаева, Бекетова, Малова, Чумакова и Боровкова, прежняго товарища, основателя Импер. Общ. Соревнователей Просвѣщ. въ С.-Пб. Онъ разсказывалъ о строгости цензуры С.-Пб. смѣшные анекдоты. Давыдовъ обѣщалъ мнѣ сообщить свои тетради о логикѣ.

---

*) Алексѣй Зиновьевичъ Дурасовъ (жен. на Аграѳенѣ Ив. Мясниковой), дѣдъ графини А. Ѳ. Закревской.

12. По вызову П. Ю. Львова, послалъ ему записку о дѣлѣ моемъ въ Рязани съ Батуринымъ и *Церковную Исторію Платона*, *Исторію ума челов.* и 8 № *В. Е.* По окончаніи уроковъ въ В. Д. обѣдалъ по приглашенію у Я. В. Хинова на поминкахъ по женѣ его, видѣлся тамъ съ Лодыгинымъ, который жаловался мнѣ на зятя своего Шестакова, дѣлалъ мнѣ ласки; хозяинъ старался меня употчивать, я уклонялся. Послѣ обѣда пошелъ къ Киреевскимъ, далъ одному Петру Вас. урокъ, потомъ съ обоими гулялъ, былъ на подворьѣ у всенощной. Пришедши домой, нашелъ у себя дьяконицу Александру П. вдовую. Ввечеру урокъ дома Хрущову.

13. Утро началось чтеніемъ, часто прерываемымъ (это дурно, мысли несвязны), бритьемъ, приглашеніемъ отъ Шанкина ѣхать съ нимъ въ Дѣвичій мон. по обѣщанію и отказомъ съ моей стороны. Припомню себѣ отцовское слово: *лучше, чтобъ меньше говорили объ насъ.* Больше молвы, больше зависти. Съ нашей стороны дѣтское тщеславіе, а съ другой или ложное удивленіе, или ненависть; и то и другое вредно. Знать себя, исполнять свой долгъ, не выказывая себя, всего лучше и спокойнѣе. Для чего намъ заботиться о чужихъ рѣчахъ и дѣлахъ, повторять однѣ и вплетаться въ другія? Обѣдню слушалъ въ своемъ приходѣ, праздновали Спасу-Цѣлителю, читали проповѣдь на текстъ: *человѣка не имамъ*; заключеніе то, что должно не на человѣка, но на Бога уповать. Обѣщалъ старостѣ дать 10 р. на вѣнецъ Утоленія Печали Богом., что̀ надъ правымъ крилосомъ. Послѣ обѣдни зашелъ къ И. У. Демидову навѣстилъ его больного; къ Полевому отослалъ его книги. Потомъ пошелъ къ Далм., проводилъ цѣлой остатокъ дня, который могъ бы употребить съ пользою на дѣла свои. Она разсказывала мнѣ гнусные съ нею поступки Шан., смѣшныя черты его характера, какъ умѣетъ онъ притворяться добрымъ, ласковымъ, будучи грубымъ и вздорнымъ. Узнавай людей! Дочь А. В. увѣряла меня въ любви. Можно ли вѣрить? Господи, не введи во искушеніе!

14. Утро въ занятіяхъ ученыхъ; обѣдъ у Лупандина, который разсказывалъ мнѣ о сельскихъ упражненіяхъ, о пріятности хозяйства. Жена его Катерина Иван. показалась мнѣ очень любезною и доброю. Въ Ростовѣ полотно узкое называютъ *новиною.* Послѣ обѣда шелъ нѣсколько минутъ облачной дождикъ. Послѣ урока въ В. Д. поѣхалъ домой; увидѣвъ изъ окошка Далматскихъ, пригласилъ ихъ къ себѣ; онѣ были въ банѣ. Съ Варварою Ос. гулялъ въ саду, гдѣ она сказала мнѣ, что желала бы меня имѣть своимъ другомъ на всю жизнь и что я не отвѣтствую ей. Я возразилъ, что другъ вѣчный дѣло великое,

что давать обѣщанія надобно подумавъ. Въ это время пришелъ Полевой съ Ходаковскимъ объясняться со мною и мириться. Я сказалъ, что съ друзьями нѐ надобно быть вѣроломнымъ и чтò говорено между четырехъ глазъ, то переносить. П. замѣтилъ, что за критики Шал. сердится на меня Каченов., человѣкъ подозрительный и самолюбивый, и думаетъ, что я противъ него. Остатокъ вечера провелъ съ Далматскими въ шуткахъ и проводилъ ихъ домой. Дорогое времячко!

15. Поутру зашелъ къ Мерзл. Онъ обѣщалъ мнѣ прочесть стихи къ Четвергу. Увидимъ. Я сказалъ ему, что вступилъ въ Ун. пансіонъ учить вмѣсто Давыдова; похвалено, только замѣчено, что надобно съ настойчивостью просить жалованья.. Послѣ лекціи въ Унив. пансіонѣ, былъ на минуту у Давыдова, возвратилъ ему *Гречевы корр. листы Р. Гр.* На лекцію въ Ун. Присылалъ от. ризничій звать меня къ себѣ. Послѣ урока кн. Мещерскому заѣзжалъ къ кн. Шаликову и не засталъ его. Послѣ обѣда пошелъ къ Киреевскимъ; не заставъ ихъ дома, зашелъ къ вечернѣ въ цер. Троицы на Листахъ; видѣлся съ там. священникомъ, который звалъ меня къ себѣ. Отъ вечерни пошелъ въ Кремль къ ризничему, не засталъ его, однакоже подождалъ у монаха, пріѣх. изъ Новогородскаго-Никол. монастыря; онъ описалъ мнѣ весьма съ невыгодной стороны архим. Фотія, люб. духовника графини Орловой, разсказывалъ объ его странностяхъ и суевѣріи бабъ. Тутъ подошелъ от. Гавріилъ, мы напились чаю, побесѣдовали и раскланялись. Онъ просилъ меня отослать къ Свиньину для помѣщенія въ его журналѣ *Платоновы письма*, по желанію архим. Діонисія; обѣщалъ. По возвращеніи домой пришли Далматскія и просидѣли до полночи. Я читалъ имъ нѣкоторыя свои піески и шутилъ съ ними. Время летитъ, а вѣчность приближается. Все сбирается человѣкъ исправиться, и все не исправляется. Боже мой, чтò со мною будетъ? Да будетъ воля Твоя! Покори мою волю Своей, благой и святой!

16. Поутру завернулъ къ К. Калайд. Въ В. Д. между лекціями видѣлся и говорилъ съ протоіер. Молчановымъ о *Преполовеніи*, какъ Іудейск. праздникъ *почтенія сѣни* примѣненъ къ новозавѣтному. *Насущный* выр. въ притчахъ XXX *потребный*, соразмѣрный. Замѣчателенъ смыслъ: *богатства же и нищеты нѐ даждь ми*; *устрой же ми потребная и самодовольная.* Насущный по гр. ἄρτον ἐτούσιον (Экз. XI) ἄρτοθετὕσιοθι. ε. ὁ τῆς ἐτὕσης ἡξιέρας, panis crastinus, victris vita, cras, agenda necessarius, supersubstantialis. Послѣ класса зашелъ въ Управу насчетъ копіи съ явочнаго прошенія моего о побѣгѣ Петра. П. П. Зыковъ велѣлъ дать оную и между прочимъ сказалъ, что нынѣ каждый

день по 10 чел. бѣгаетъ. Какой развратъ! Я обѣдалъ у А. И. Дурасовой; у нея убѣжали двое и унесли 1000 р. Какое своеволіе! Къ чему оно ведетъ? И отъ добрыхъ господъ бѣгаютъ, а у худыхъ живутъ. Думаю, что есть зловредные люди, либералы, которые развращаютъ народъ, набивая ему голову пустыми мечтами. Обѣщаютъ добро, а ведутъ къ пагубѣ. Какъ золъ человѣкъ, и какъ слѣпъ въ своихъ страстяхъ! Послѣ лекціи въ В. Д. домой. Ввечеру ходилъ къ Полевому, который читалъ свое разсужденіе о граматикахъ Росс. Мы, слушая, дѣлали замѣчанія свои. Впрочемъ сочиненіе дѣльное, содержитъ въ себѣ хорошія мысли и новый взглядъ на предметъ, важный по вліянію. Думали, какъ перевести originalité, естественность, подлинность, особенность; вм. *національность* народность. Я совѣтовалъ отдать эту піесу въ Общество Р. С. Обѣщалъ.

17. Заходилъ къ А. Ѳ. Мерзлякову спросить, годятся ли мои стихи или нѣтъ; сказалъ рѣшительно, что хороши и годятся, обѣщалъ перечитать ихъ къ Суботѣ, увидимъ. Зашелъ было взять пенсію маменьки въ казнач. Унив.; вмѣсто того сказали, что по предписанію начальства велѣно вычесть 200 р., Чтобы не огорчить маменьки, я утаилъ сто и отдалъ ей свои сбереженныя деньги 160 р. Я сказалъ А. А. А. стихи на *Голов. лотерею*[1]) и спрашивался, можно ли ихъ пропустить; онъ ничего не рѣшилъ. Просилъ кн. Шал. написать къ кн. Оболен.[2]) можно ли ихъ пропустить. К. О. чрезъ него обидно отвѣчалъ и несправедливо: «Цензоръ съ ума сошелъ, что не пропускаетъ; я ничего не нахожу въ нихъ; впрочемъ есть инструкція». Можно ли такъ начальнику говорить?

Получилъ для прочтенія отъ кн. Вяземскаго *Жизнь И. И. Дмитріева*, имъ написанную. Много въ ней мыслей хорошихъ, смѣлыхъ и новыхъ; нерѣдко одно затемняется другимъ. Два раза присылали за мною Далматскіе; располагался заняться своими дѣлами, принужденъ идти съ ними гулять по улицамъ. Маменька остерегаетъ меня, не поддаваться на ласки, не вѣрить клятвамъ и обѣщаніямъ. Какъ маскируются люди! Боже, будь мнѣ защита, просвѣти мои очи, вопію въ ослѣпленіи моемъ къ Тебѣ, Свѣтодавче!

18. Утро въ В. Д. уроки; обѣдъ дома; на закуску огорчител. отзывъ кн. Об. Отвѣтъ мой кн. Шал. Ввечеру явился кн. Шаликовъ съ извиненіемъ, что неосторожно написалъ ко мнѣ записку и былъ ви-

---

[1]) Розыгрышъ села Воротынца, имѣнія графа Головина.

[2]) Князь Андрей Петр. Оболенскій, тогдашній попечитель Московскаго Университета. Цензура книгъ была въ его вѣдѣніи.

ною моего огорченія; говорилъ, что кн. Гагаринъ обѣщалъ помочь П. М. Изв. и взялъ отъ меня записку объ его жительствѣ; дана.

19. Послѣ уроковъ въ В. Д. зашелъ къ Давыдову по приглашенію поговорить о дѣлахъ Общ. Слов., встрѣтилъ тамъ Каченовскаго и Бекетова. Совѣтовали мнѣ отказаться отъ цензурованія *Дам. Жур.* Б. съ обыкновенною наглостію спрашивалъ: почему я называюсь цензоромъ? Потому что цензурую. Какъ же иначе? Я отвѣчалъ, что тутъ мнѣ нѣтъ корысти и чести. Б. принялъ это на свой счетъ и началъ меня задирать словами. Знаетъ, чье кошка мясо съѣла! Урокъ мнѣ: надобно мнѣ въ свѣтѣ учиться и учить. Отстоявъ вечерню въ Чудовѣ, зашелъ къ ризничему Гавріилу, поговорилъ съ нимъ о древности патр. дома, отдалъ ему I ч. *Путеводителя къ Моск. древностямъ*, напился чаю; пошелъ ко всенощной къ Печерской и читалъ тамъ каѳизмы. На стѣнѣ надъ дверьми замѣтилъ IV образа Благовѣщенія и древнія царскія двери въ окошкѣ.

20. Поутру ходилъ къ Красн. вор. за сѣномъ, купилъ два воза. Пришедъ домой, нашелъ у себя Бера и Ѳедорова; обѣдню стоялъ въ Шерем. больницѣ, гдѣ видѣлъ Каменеву и Лупандину.

21. Утромъ занимался своими дѣлами. Безъ меня заѣзжалъ ко мнѣ Д. А. Бороздинъ. Заѣзжалъ поздравить Бѣлопольскую, обѣдалъ у К. Калайд. Послѣ обѣда далъ урокъ въ В. Д. Изъ дому поѣхалъ по зову на Елох. дачу къ Гусеву, гдѣ было много гостей и пріятностей, пѣніе и музыка. Хозяинъ и хозяйка были мнѣ ради, ласкали и потчивали меня. На минуту веселье нарушилось ссорою Ливенцова кучера съ Демидовою бабою; Демид. самъ прибѣжалъ на дворъ, кричалъ и грозилъ. Уѣхалъ я до ужина и дома уснулъ сладко. Sed fugit tempus.

22. Послѣ уроковъ въ У. пансіонѣ, Универс. и у кн. Мещерскаго, отобѣдалъ дома, заходилъ къ Полевому, не засталъ его, написалъ записку, коею далъ почувствовать, что онъ не держитъ слова, зашелъ къ Киреев., далъ имъ урокъ. Вечеръ дома.

23. Написалъ письмо къ сестрѣ В. А., г. Левковичъ, въ отвѣтъ на ея и съ извиненіемъ. Послѣ урока въ В. Д. былъ въ Унив. Совѣтѣ, гдѣ сдѣлано распоряженіе объ экзаменахъ; говорено объ отзывѣ к. О. насчетъ меня съ негодованіемъ. Обѣдалъ у Давыдова, принялъ у него книги О. Л. Р., внесъ ихъ въ реестръ; далъ урокъ въ В. Д., послѣ пошелъ въ экстр. собраніе О. Л. Р. С., въ Ун. панс., гдѣ были Цвѣтаевъ, Мерзл., Качен., Болдыр., Дывыд., Нечаевъ, К. Калайд. Читана мною піеса Полевого *о Слав. языкѣ* и дѣланы были членами замѣчанія,

кои просили меня ему сообщить. А. А. А. предложены написать похвальныя слова Шувалову, Бецкому, Разумовскому и Завадовскому. Мои предложенія насчетъ размѣна книгъ были приняты. Тутъ же присутствовалъ А. А. Писаревъ, презид. О. И. Р. Мерзляковъ съ Давыдовымъ, а Качен. съ Калайд. было размолвились; А. А. миротворилъ. Зашли закусить къ Давыдову съ Качен. и Нечаев. Кач. бранилъ Дмитріева и к. Шаликова; это было въ 12 часу, какъ кончилось собраніе. Неч. хотѣлъ отвезти меня на прощаньи домой въ каретѣ; отказался я дошелъ пѣшкомъ.

24. Утромъ ходилъ къ Горюшкиной, пріѣх. наканунѣ; уроки въ панс., куда опоздалъ, въ Универ. и кн. Мещер. Просилъ А. А. А. о шкафѣ для книгъ библ. О. Сл. и о переплетчикѣ; велѣно сдѣлать. Дома уроки пансіон(ерамъ).

25. Послѣ уроковъ въ В. Д. пошелъ гулять, встрѣтилъ на набережной старика 130 лѣтъ, уроженца Киржацкаго, живущаго у Оппеля въ Мар. бол. Дурасовыхъ не засталъ дома, отдалъ обѣщанный № 4 *Дам. Журн.*, обѣдалъ у Д. А. Соколова, гдѣ встрѣтился съ Бекетовымъ, разговаривалъ съ нимъ, кажется, не тѣмъ тономъ, что у Давыдова. Послѣ урока въ В. Д. и дома пансіонерамъ занимался своими дѣлами. Дано взаемъ К. П. Воинову 10 р.

26. Послѣ урока въ В. Д. заѣхалъ къ Д. А. Бороздину, засталъ его за обѣдомъ, обѣдалъ у него, поговорилъ о разныхъ дѣлахъ, кажется, до меня не касающихся и изъ коихъ я ничего не могъ для себя замѣтить. Урокъ у Киреевскихъ; у всенощной на подворьѣ Т. *) Скульскіе завели со мною разговоръ, въ коемъ сказали мнѣ о злословіи такъ наз. хорошенькаго діакона; веселое лицо и черная душа. Гусевъ пріѣзжалъ туда звать въ Возн. день и совѣтоваться, кому посвятить книгу. Я получилъ письмо отъ Далм.: пеняетъ, отъ чего я не простясь ушелъ и зачѣмъ манилъ и привязалъ къ себѣ ея дочь. *Шутки ходятъ въ шубкѣ!*

27. Утромъ рано отправился въ Сокольники и къ А. Ѳ. Мерзл. по условію. Поѣхали въ Измайлово, гуляли съ нимъ, осматривали развалины дворца, дворц. церкви, мѣстоположеніе, вспоминали прошедшее. Я совѣтовалъ ему написать объ Измайловѣ. Зашли къ Извольскому, пили чай, закусили, потолковали о старинѣ и о томъ, сколь бы полезно было поддерживать старинныя заведенія, вмѣсто того, чтобы затѣвать новыя. Дарья Евст. просила меня похлопотать объ опредѣлен. ея дочери въ Алекс. Инстит. На обратномъ пути А. Ѳ. говорилъ о Карбонаріяхъ, которымъ дается по кинжалу съ тѣмъ, чтобы имъ по-

*) Т. е. на митрополичьемъ Троицкомъ подворьѣ. И. М. Снѣгиревъ вѣроятно и тогда жилъ въ своемъ домѣ по близости, на Троицкой улицѣ.

разить назначенную жертву, безъ чего онъ не можетъ быть спокоенъ и исполнить цѣли общества, невидимо дѣйствующаго. На кинжалѣ начертана клятва и имя жертвы. А. Ѳ. замѣтилъ, что въ У. п. оно распространилось и что тамъ коноводъ можетъ дорого заплатить за свои затѣи. Все это проклятый эгоизмъ и честолюбіе, которое насъ завлекаетъ иногда къ злодѣйству. При началѣ дѣла надобно смотрѣть на послѣдствія. Душа всякое свое дѣло во времени переноситъ въ вѣчность. Человѣкъ ожесточенный и ослѣпленный страстію это забываетъ и опомнится только при послѣднемъ вздохѣ, но ужъ поздно. Заѣзжаемъ въ Преобр. старообр. монастырь; встрѣчаемъ мастера *иконнаго воображенія, Андрея*... человѣка хитраго, но велерѣчиваго. Онъ водилъ насъ по церквамъ и богадѣльнямъ, показывая себя человѣкомъ значущимъ въ этой обители. Иконостасы въ двухъ церквахъ, гдѣ нѣтъ царскихъ дверей. Служатъ только часы, поютъ *столбовое и путевое пѣніе*, весьма древнее; иконы рѣдкія и старинныя, есть Строгоновскихъ иконописцевъ, писанныя красками очень яркими и доселѣ свѣжими. Замѣтилъ IV *Благовѣщенія* такія жъ, какія изображены на стѣнкѣ Печерской въ Кремлѣ; это по икосу. Этотъ же услужливый иконописецъ водилъ насъ и въ женскую обитель рядомъ почти съ мужскою; въ первой до 1000 чел., а въ другой болѣе 200 чел. Приворотникъ ворчалъ про себя, а дѣвки гладкія и миловидныя, шедши изъ трапезы, тихонько выглядывали на насъ. Мы сказались женатыми. Въ кельяхъ чинно и опрятно; большая скрытность и подчиненность; подозрѣвали насъ, не шпіоны-ли мы. Пріѣхавъ въ Сокольники, обѣдали подъ вязомъ очень весело. Мерз. жена шутила надо мною. Съ нимъ гуляли въ Растопчиномъ саду, говорили о Русск. словесности, объ упадкѣ сильнаго языка Русскаго, о правильности и порядкѣ въ жизни. Онъ думалъ, что я набогатился изданіемъ книгъ: ложное мнѣніе, въ которомъ увѣрилъ его клеветникъ или легкомысленный. Видѣлись съ Ульрихсомъ. Іорданъ течетъ черезъ Мертвое море. Sat sapienti. Пріѣхавъ домой, нашелъ Грушевскаго, который разсказывалъ о своихъ эконом. занятіяхъ и расчетахъ; взялъ у меня прочитать: 1) *Богъ въ натурѣ*. 2) *Біографію Пожарскаго*. Ввечеру гулялъ по улицамъ, слушалъ музыку на свадьбу Щедрина. Наблюдай и размышляй!

29. Поутру уроки въ Унив. панс. и въ Унив.; отдалъ съ роспискою книги О. Л. С. для переплета переплетчику Хитрову, заказалъ для библіотеки шкафъ и столъ. Послѣ обѣда давалъ урокъ Киреевскимъ, которые звали въ Суботу на имянины. Ввечеру получилъ письмо отъ А. Кондратьева, былъ у Хинова съ Матвѣевымъ.

30. Поутру на пути въ В. Д. заѣзжалъ къ Гребневской Богоматери; церковь эта имен. *Успенье на Бору*, былъ тутъ соборъ, протопопъ и три попа. Надобно разсмотрѣть и списать надгробные камни Толстыхъ, кн. Львова, Магницкаго и осмотрѣть придѣлы. Послѣ урока въ В. Д. взялъ жалованье, обѣдалъ у Дурасова, послѣ зашелъ въ городъ, купилъ корду на пант., холстинки на мам. платье и платочекъ для В. О. Д., всего на 41 р. Предъ всенощной зашелъ къ Хинову, коему рекомендовалъ Курляндцева жить; послѣ всенощной разговаривалъ долго о богосл. предметахъ и о масонствѣ съ мол. проповѣдникомъ, гуляя по двору. Не много-ли?

Іюнь. 12. послѣ панс. урока былъ въ Унив.; въ классѣ моемъ экзаменъ, на коемъ были Антонскій, Каченовскій, Чумаковъ; А. А. я рекомендовалъ отличныхъ и замѣтилъ шалуновъ откровенно, какъ требовала справедливость. Послѣ урока кн. Мещерск. обѣдалъ дома. Зазвали молодые на другой обѣдъ, за коимъ былъ П. И. Комаровъ съ семействомъ. Н. М. Непылин. говорила мнѣ, почему я не посватаюсь за его дочь Елену, которая миловидна и не глупа, хотя и громогласна. Пили за здоровье маменьки и мое. Послѣ зашелъ къ Далматской и провелъ дорогое время даромъ вплоть до вечера; Варвара пеняла мнѣ, почему я презрѣлъ ея сердцемъ, исподтишка поцѣловала меня. Прощанье—размышленье!?

13. Послѣ урока въ В. Д. обѣдалъ дома; нечаянно мимоходомъ попалъ на свадьбу къ Лухманову сыну. Было собраніе Историческаго Общества, присут. Малиновскій, кн. М. П. Голицынъ, Антонскій.

14. Видѣлся съ П. П. Свиньинымъ, который пріѣхалъ изъ С. П. и остановился въ домѣ Кожевник.; на другой день онъ былъ у меня съ Полевымъ.

15. Слушалъ обѣдню въ своемъ приходѣ, служилъ панихиду по батюшкѣ; послѣ урока въ В. Д. и экзамена въ выш. кл. на женск. половинѣ, далъ особенную лекцію въ Университетѣ о логикѣ, потомъ заѣхалъ къ Арсеньеву, у коего нашелъ Бобарыкину, Кожевникова, Толстого. Всѣ поѣхали въ Свиблово, гдѣ осматривали суконную фабрику, отмѣнную по своему устройству и машинамъ, замѣняющимъ десятки людей; въ мѣсяцъ на жалованье выходитъ рабочимъ 94 тыс. Выпивъ по бокалу Шампанскаго, гуляли по саду, смотрѣли на церковь запущенную. Оттуда заѣхали въ Останкино, въ коемъ живалъ Іоаннъ Грозный; въ покояхъ много рѣдкаго: статуи, картины, одна Катеновы, Рафаелевы арабески; видно, что жилъ тамъ Русскій Лу-

куклъ. Въ оружейной есть рѣдкія оружія, панцыри древніе и шлемы съ золотою насѣчкой. Жаль, что это прекрасное зданіе деревянное брошено владѣтелемъ. Церковь примѣчанія достойна по зодчеству, строена при царѣ Алексѣѣ Мих. Съ Я. Е. Арсеньевымъ поѣхалъ домой, пили чай и раскланялись.

Іюль. 5. Былъ въ Универс. собраніи, гдѣ видѣлся съ А. Писаревымъ, который приглашалъ меня къ себѣ. Посѣтителей было множество, отъ шума ихъ нельзя было слышать рѣчей и стиховъ.

Августъ. 5. Поутру отправился подъ Симоновъ, на дорогѣ встрѣтился съ Алекс. Мих. Гусевымъ, зашелъ съ нимъ подъ окно къ Князевой изъявить свое соболѣзнованіе о кончинѣ Марьи Кузм. и радость, что Богъ ее сподобилъ христ. конца. Въ Симоновѣ стоялъ обѣдню, былъ на могилѣ Бобарыкина. Осматривали старое Симоново и камень, почитаемый надгробнымъ Пресвѣта и Ослаби, закладенный въ углу трапезы подъ фундам. При разборѣ колокольни, при Екатеринѣ II, нашли древнюю гробницу подъ камнемъ, на коемъ вырѣзаны имена Пересв. и Осл. Такъ гов. *Карамз.* V., пр. 82. Камень виденъ съ двухъ сторонъ; кромѣ фигуръ, не видно словъ. Посмотрѣли въ Симоновѣ *Кормовую книгу*, данн. патр. Іосифомъ и *колоколъ Аглинскія земли* съ Нѣм. словами, данный царемъ Іоанномъ Вас. по вел. кн. Константинѣ Димитр. Сія обитель основана племянникомъ пр. Сергія Ѳеодоромъ. Патр. Нилъ въ 1383 учини монастырь Симоновскій *во имя патріарше.* Обитель сія была богата отъ вкладовъ госуд. и вельможъ. Царь Іоаннъ Вас. въ посланіи своемъ въ Кирил. мон. говоритъ объ немъ: «Вѣдь по всѣмъ монастырямъ сперва начальники уставили крѣпкое житіе, да опослѣ ихъ раззорили любострастные. Кириллъ чудотворецъ на Симоновѣ былъ, а послѣ его Сергій; а законъ каковъ былъ, прочтите въ житіи чудотворцовъ. Да тотъ маленько слабость ввелъ; а послѣ его иные побольше, да помалу помалу и до сего, якоже и сами видите на Симоновѣ: кромѣ сокровенныхъ рабъ Божіихъ, точію одѣяніемъ иноцы, а мірская вся совершаются». *Іерарх.* IV, стр. 440. Изъ этого видно, что пословица: *есть ченцы и на Симоновѣ*, сказана въ оправданіе монастыря, т. е. между дурными есть и хорошіе чернецы. Замѣтны два креста, водруженные на каменныхъ пирамидкахъ по бокамъ церкви— мѣста прежнихъ церквей. Съ Гусевымъ зашелъ къ П. П. Бекетову, поговорилъ съ нимъ о разныхъ предметахъ, объ иконописцахъ Строганова, о портретѣ Ермака, объ изданіи *сочин. Ф. Визина*, коего жизнь пишетъ кн. Вяземскій, о болѣзни Карамзина, который во время оно бредилъ Димитріемъ Самозванцемъ*). Я взялъ свою *біографію Сковороды*

*) Т. е. считая его настоящимъ Димитріемъ? П. Б.

для поправки и переписки. П. П. Бек. сказывалъ, что у него есть X листовъ отп. Чеботаревой Росс. Исторіи. По приглашенію Селивановскаго жены, зашелъ къ нимъ и обѣдалъ. С. А. разсказывалъ анекдоты о Потемкинѣ, Петровѣ, Новиковѣ. Петръ I въ бытность свою въ Астрахани спрашивалъ у намѣстника оной или губернатора, что̀ есть у него хорошаго? Тотъ отвѣчалъ, что между прочимъ есть школа, завед. Іезуитомъ. Государь посѣтилъ школу и спросилъ, есть ли отличные ученики? Учитель показалъ на Вас. Третьяковскаго; Петръ I, посмотрѣвъ на него и по обыкновенію, поднявъ волосы на лбу, сказалъ: *это* (будетъ) *вѣчный труженикъ, а мастеромъ никогда не будетъ.* Это разсказывалъ про себя самъ Тредьяковскій, приговаривая: вотъ какъ и великіе люди ошибаются! Университет. типографія, содер. Новиковымъ, была у Ник(ольскихъ) воротъ, а секретная масон. въ Армянскомъ переулкѣ. Въ приходѣ Архид. Евпла жилъ проф. Шварцъ, пріятель и наставникъ Новикова; тамъ была и мас. школа, въ коей наход. Михаилъ, Серафимъ и пр. Отъ Селив. тихонько ушелъ къ А. И. Татаринову въ Тюфелеву рощу, тамъ провелъ пріятно время съ дѣтьми его Конст. и Ив. Алексан. Шутили, говорили о разныхъ вещахъ. Дай Богъ, чтобъ ихъ откровенность и расположеніе соотвѣтствовали моимъ. Марѳа Аѳан. была въ тотъ день нездорова, видѣлъ только любезную и ласковую Катер. Алекс. Оттуда поздно послѣ закуски отправился на ихъ коняхъ съ Михайл. Алекс. домой, заѣзжали на минуту въ Новоспаск. мон. ко всенощной; колокольня была иллюминована; разсказывали о грабежахъ и убійствахъ въ окрестностяхъ Крутицъ.

6. Обѣдню слушалъ у Николая Чуд. въ Драчахъ, гдѣ видѣлъ профес. Цвѣтаева съ семействомъ; онъ причащался, я его поздравилъ съ праздникомъ и причащеніемъ. Оттуда зашелъ къ Киреевскимъ, поговорили о разныхъ предметахъ, между прочимъ о pederastia; не дождавшись обѣда, отправился домой; послѣ домашняго обѣда, занимался чтеніемъ Росс. Исторіи, справками истор. и Рим. Древн. *Въ гостяхъ хорошо, а дома лучше.*

7. По утру ѣздилъ съ Давыдовымъ въ манежъ, заѣхалъ въ Униве рс., взялъ жалованье, оттуда въ типографію, былъ у к. Шаликова, который опасается напечатать въ своемъ журналѣ подписанную мною Жуковск. балладу *Ивановъ д(енъ)*; сказывалъ, что будто кн. Вяземск. благодаритъ меня за мои примѣчанія на его жизнь Дмитріева. Дома обѣдъ, чтеніе изъ психол. *о способностяхъ души.* У Шир. купилъ за 10 р. Кайд. Исторію 2 ч.

8. Началъ лекціи въ В. Д. на женской половинѣ съ логики, на мужской еще не начинали; велѣлъ завести журналъ, что̀ подтверждено и инспекторомъ, съ которымъ совѣтовался о расположеніи учеб. предметовъ; рѣшено, чтобы, по окончаніи сокращенія логики, продолжать риторику, употребляя одинъ день на повтореніе лог. въ недѣлю. Къ тетушкѣ Е. И. занесъ пять яблокъ изъ своего саду, зашелъ въ Иностр. Колл. *) для справки о рѣчахъ Универс., читалъ нѣкоторые свитки. Выиграли Воротынецъ въ Одессѣ Итал. Саратто, Нѣмка вдова Тромпа, Полякъ Закревскій, докторъ Штарбе и сторожъ въ Коммер. замкѣ Кириловъ. Лотерея кончилась 17 Іюля.

Ввечеру былъ у А. Ѳ. Малиновскаго, сказывалъ ему о бумагахъ, касающ. до *Моск. театра,* сначала состоявшаго подъ Университетомъ, обѣщалъ доставить ихъ. Онъ пенялъ за мое забвеніе объ немъ, разсказывалъ анекдоты, просилъ о доставленіи ему рѣчей Унив., обѣщался сообщить и мнѣ какія есть въ Архивѣ. Ввечеру занимался сочин. *біографіи Августина* и Росс. Исторіею. Заходилъ Ходаковскій, говорилъ о Польск. дѣлахъ, присоединеніи къ Россіи Кіевскаго воеводства, просилъ меня о доставленіи ему Hist. Dalmatiae.

9. Поутру заходилъ Н. Н. Неф. Я самъ поздравлялъ Адріан. протопопа Матвѣя И. съ ангеломъ. Отъ него зашелъ на колокольный заводъ къ Мих. Гавр. Богданову, который принялъ меня въ саду ласково, показывалъ мнѣ въ литейномъ сараѣ, какъ надѣвали и опускали *кожухъ* на болванъ колокола въ Орелъ. Разсказывалъ, какъ производилось дѣло о колоколѣ Усп. Августинъ рекомендовалъ его для слитія колок. графу Аракчееву, а сей Государю, который далъ на это свое соизволеніе. На закладкѣ Августинъ самъ былъ, святилъ въ лит. сараѣ воду, положилъ первый камень и опускался на 14 арш. въ литейную яму, 1817 Марта 7. Закладку дѣлалъ мастеръ, лившій прежній колоколъ въ 1760, *Яковъ Завьяловъ*, по благословенію архіерея. При отлитіи Августинъ присутствовалъ, не смотря на опасность, и въ то время какъ пускали мѣдь, молился Богу; онъ кинулъ въ печи два узла съ серебромъ. По отлитіи его, 1818, велѣлъ начинать звонъ къ вечернѣ и всенощной на Успенье во вновь отлитый колоколъ. Заводъ этотъ, по сказанію, существуетъ около 150 л.; заводчики его были Маторинъ, предпослѣдній Калининъ, владѣвш. болѣе 40 лѣтъ, а отъ него достался Богданову. Былъ-де колок. заводъ у Сергія въ Пушкаряхъ. Чтеніе *Исторіи Карамз.* V и *древностей Римск.* de Dictatore. Были г-жа Аршеневская и Ѳедорова; заходилъ П. Ю. Львовъ, которому разсказалъ неблагородный со мною поступокъ К. К. и который замѣтилъ, что

*) Т. е. въ Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ, помѣщавшійся тогда по близости отъ Восп. Дома, въ домѣ нынѣ Юргенсона, у Троицы на Хохловкѣ.

бравши ложку въ ротъ, должно напередъ обдуть. Правило прекрасное для осторожности. Продолженіе занятій ввечеру до ночи.

10. Поутру напрасно ходилъ за сѣномъ къ Красн. воротамъ: было мало. Послѣ урока въ В. Д. заѣхалъ къ Кузмодамьянов. священнику Петру Яковлеву. Онъ мнѣ показывалъ свою церковь, строенную при ц. Алексѣѣ М. и по благословенію п. Никона; она прежде имен. Владимирская, что̀ въ Нижнихъ Садовникахъ. Есть много иконъ довольно древняго и хорошаго письма, едва ли не Строгановскихъ живописцевъ, кои при Петрѣ I оспорили придворныхъ, при томъ же домѣ Строгонова противъ церкви, на противоположномъ берегу рѣки[1]). Видѣлъ тамъ прекрасные сосуды, евангеліе, крестъ вкладу Бѣльскихъ купц. Священникъ, племянникъ преосв. Августина, разсказывалъ о немъ много анекдотовъ, показывавшихъ пылкій его характеръ, доброе сердце и дурное воспитаніе. Преосв. занемогъ въ Сент. 1818 года, передъ смертію прощался со всѣми, чувствуя ея приближеніе, во время соборованія нѣкоторыя молитвы самъ читалъ за часъ до кончины. Нѣкоторыя его слова далъ П. Я. для чтенія, а другія подарилъ. Послѣ обѣда дома. Почитавъ Ant. Rom., я былъ на заводѣ лит. у Богданова, смотрѣлъ расплавливаніе мѣди въ печи пламенемъ, изъ коей проведены каналы для теченія на колокол. болванъ въ ямѣ. При мнѣ лили колоколъ въ Орелъ, въ 500 пудъ, къ церкви Стараго Николы. Мѣдь *штыковая* кусками, такъ какъ добывается; желтая мѣдь происходитъ отъ смѣшенія съ шпіаутеромъ. На пудъ мѣди въ колок. идетъ 10 ф. олова Аглинск. Truro, лучшее боченками.

12. Былъ у меня Н. Н. Н. и разсказывалъ, какъ у нихъ въ Торопцѣ сѣкутъ молодыхъ плетью, если въ первую ночь они не совершатъ таинствъ Гимен. Для этого кладутъ стручекъ гороху.

13. Докончилъ біографію пр. Авг., остается перечитать ее, дополнить и исправить, такъ чтобъ не было повтореній, а было бъ теченіе въ слогѣ и разсказѣ. Прибавить объ умственныхъ, нравственныхъ и естеств. его свойствахъ, но осторожно, при современникахъ[2]). Изъ *Исторіи Росс.* читалъ о царств. Вас. Вас. Темнаго, съ 1425. Присылали Далм. звать меня къ себѣ; приходила знакомая Е. А. двор. Катер. съ прось-

[1]) Съ балкона этого дома видна чуть ли не цѣлая треть Москвы. Нынѣ онъ принадлежитъ г-жѣ Степановой, и въ немъ пансіонъ г-жи Констанъ. Тамъ испоконъ вѣковъ жили „именитые люди“ Строгоновы (die reichen Bauern, какъ называлъ ихъ въ прошломъ вѣкѣ Фокеродъ). Домъ былъ проданъ графомъ Григорьемъ Александровичемъ, получившимъ Французское воспитаніе.

[2]) Въ своей жизни преосв. Августина Снѣгиревъ, желая помянуть о близкихъ отношеніяхъ покойнаго къ богатой помѣщицѣ Кротковой, напечаталъ такъ: преосвященный въ послѣдніе свои годы любилъ жизнь тихую и Кроткую; а въ опечаткахъ къ книгѣ означилъ, что прописная буква *К* поставлена ошибкою. До подобныхъ вывертовъ, большею частію скоромныхъ, И. М. Снѣгиревъ былъ охотникъ.

бою о дачѣ взаимъ 25 р. и съ вѣстьми о нерасположенiи А. А. выдать за меня Н. Ѳ. (о чемъ и не думаю) для того, чтобы имѣнiемъ ея уплатить свои долги. Какъ досадно быть жертвою женскихъ сплетней. Чѣмъ дальше, тѣмъ лучше: меньше словъ и посѣщенiй, менѣе и слѣдствiй. Все это даетъ мнѣ матерiю къ размышленiю, которое должно управлять поступками и смотрѣть на конецъ дѣлъ. Мѣра осторожности необходима въ обхожденiи съ людьми; а первая брань лучше послѣдней. Сколько я заслужилъ невинно себѣ нареканiй и молвы лживой! Вотъ что значитъ некстати быть откровеннымъ и въ людяхъ неразборчивымъ. Урокъ—учись! Долго ли буду говорить и когда стану дѣйствоватъ? Не вини другихъ, когда самъ виноватъ. Услышалъ отъ А. М. Гусева извѣстiе прискорбное для сердца, что добрый и ученый профессоръ Ник. Е. Черепановъ нынѣ поутру скоропостижно умеръ; кровь пошла гортанью. Жаль. За нѣсколько минутъ до смерти исповѣдовался, причастился и умеръ тихо, какъ младенецъ, оставивъ XI челов. дѣтей. Ввечеру въ 10 часу прiѣхалъ въ Москву арх. Филаретъ.

15. Заѣхалъ до обѣдень къ А. А. А., говорилъ съ нимъ о своихъ дѣлахъ и положенiи, о забвенiи меня; онъ все выслушалъ. Напомнилъ ему о похоронахъ Чер. Съ И. И. Д. отправился въ церковъ Егорья на Красной горкѣ; профессоровъ было довольно, студентовъ мало, и то въ безпорядкѣ. Послѣ обѣдни, о. Захарiй говорилъ надгробное слово, до слезъ тронувшее предстоявшихъ. Онъ исчислялъ заслуги и добродѣтели покойнаго, его смиренiе, терпѣливость, благорасположенiе. Не только дѣти, но профессоры плакали и чистосердечными слезами почтили память умершаго. Отпѣвалъ прот. Смиренскiй, при прощанiи священники нѣкоторые кланялись до земли.

16. Поутру до обѣдни былъ у Свиньина, который благодарилъ меня за мои ему замѣчанiя, говорилъ о своихъ открытiяхъ въ путешествiи, показывалъ виды имъ снятые; у него видѣлъ Толстого, Кожевникова, К. Полевого. Св. разсказывалъ о покражѣ его въ С.-П., подарилъ мнѣ крестикъ Iерус. Отъ него зашелъ я къ концу обѣдни въ Стр. монастырь. Обѣдалъ дома; послѣ обѣда поѣхалъ къ Гусеву; у нихъ засталъ обѣдъ, который просидѣлъ съ хозяевами. Пошутили, читали вмѣстѣ указъ о крѣпостныхъ людяхъ, чтобы избирать имъ по произволу мѣста пребыванiя, если они отпускаются по паспортамъ. Съ Алекс. Мих. былъ у вечерни въ Андроньевомъ мон., видъ прекрасный, народу множество. Гора, окружаемая Яузою, держитъ на себѣ монастырь. Напившись чаю вмѣстѣ съ хозяиномъ и А. Ѳ. Конд., отправился домой.

17. Былъ у А. А. А. насчетъ изданiя и цензуры Р. рѣчей; встрѣтился у него съ С. Н. Глинкою, который поднесъ ему при стихахъ книгу свою и просилъ его о назначенiи меня цензоромъ. Былъ въ Унив. на молебнѣ при начатiи ученiя. Оттуда заѣзжалъ въ Возн. мон.

отдать ризу на Богоматерь м. Максимиллѣ, видѣлъ Пел. Ив., которая примѣтно обрадовалась мнѣ; потомъ въ В. Д. къ концу класса. Обѣдалъ у А. И. Дурасовой, которая изъявила мнѣ сожалѣніе, что давно со мною не видалась; А. З. говорилъ мнѣ о трудности содержанія большого дома и управленія людьми, кои стоятъ ему 7 тыс. въ годъ; да освѣщеніе дома 2 т., отопленіе 4 т. По окончаніи урока въ В. Д. пришелъ въ классъ А. Гусевъ, съ которымъ поѣхали къ П. П. Свиньину; отдалъ ему свою піесу о *Сковородѣ*, просилъ о доставленіи мнѣ средствъ напеч. *Ж. Авг.* Онъ уклонялся и холодно обѣщалъ постараться. Вѣра отъ дѣлъ познается, а справедливость и искренность обѣщаній отъ точности исполненія оныхъ. Поѣхали втроемъ къ С. Глинкѣ, который разсказывалъ о своихъ подвигахъ Москов. въ 1812 г., повтореніе ссоры съ братомъ. «Москва не разъ страдала за Россію». У Ширяева пили Шампанское, а у Глинки Донское. Все кончилось обѣщаніями. Есть слова, коихъ вся прелесть заключается въ непостижимости. Такова *надежда*, сіе безпокойное, иногда сладостное ожиданіе чего-то въ будущности. Симъ ожиданіемъ уничтожается настоящее. Если оно радостное, то дѣлаетъ насъ къ нему равнодушными; если горестное, то отравляетъ его. Лучше позабудемъ о будущемъ, чтобы жить какъ *должно* въ настоящее мгновеніе и пользоваться тѣмъ, что̀ есть. Между настоящею минутою и неизвѣстнымъ предѣломъ жизни помѣстимъ не надежды, а Провидѣніе. Тутъ начинается будущность вѣрная, неизмѣнная; о ней можно думать безъ волненія, она не мѣшаетъ жизни. Но что̀ здѣшнее будущее? Приходитъ ли оно такъ, какъ мы себѣ воображаемъ? На что ему вѣрить и о немъ заботиться? Будущее можетъ еще и не быть, настоящее и можетъ и должно перемѣниться. Одно прошедшее неизмѣнно; воспоминаніе крѣпитъ его; если оно чистое, услаждаетъ наши горести. Благовоспоминанія принадлежатъ доброму чувству, высокой мысли, прекрасному дѣлу. Эти счастливыя минуты, въ кои мы жили сердцемъ, созданнымъ для прекраснаго и великаго, можно назвать минутами Бож. вдохновенія. Вотъ источникъ счастія, вѣчнаго какъ и сердце съ его неизгладимыми воспоминаніями. Жизнь есть воспитаніе: все въ ней урокъ. Счастіе, или лучше скажу цѣль жизни, знать хорошо урокъ свой, чтобы не постыдить себя предъ Верховнымъ Учителемъ. Гдѣ придется употребить въ пользу его урокъ—это знаетъ одинъ Учитель. Что онъ учитъ не даромъ и для чего-нибудь Его достойнаго, это вѣрно; въ знаніи этого, на чувствѣ основанномъ—наша вѣра. Послѣ обѣда заходилъ къ Свиньину проститься, отъ него на экзаменъ студентовъ, на коемъ были А. А. А., Бекет., Чумак., Камен. Кончили въ 9 час.; пріѣхавъ домой, засталъ у себя. Непышевскаго, который приходилъ просить о представленіи сына Сергѣя къ чину.

28. Заѣхалъ въ У. пансіонъ; но лекціи за отсутствіемъ учениковъ не читалъ. Вмѣстѣ съ И. И. Д. и Д. М. Перев. отправился на маневры. Народу множество было на полѣ предъ дворцомъ Петров. и позади. Примѣрное происходило сраженіе; Государь самъ распоряжался. Прекрасное представляли зрѣлище войска въ перелѣскахъ съ блестящими оружіями отъ солнца. Артилерія отмѣнно дѣйствовала. Обѣдалъ у И. И. Д., гдѣ встрѣтилъ Малова, который, не знаю, изъ какихъ видовъ, остерегалъ меня въ томъ, будто я громко говорилъ при институткахъ о servis. Поспорили; я сказалъ, что и ему должно быть осторожнымъ и щадить мою честь, которую я готовъ защищать. Слышалъ, будто Государь заплатилъ за балъ въ Ярославлѣ 12 тыс. Щепкинъ женится на Тимирязевой. Безъ меня приглашалъ меня ректоръ на экзаменъ въ студенты; не былъ, опоздалъ, да и погода дурная; дождь и градъ поперемѣнно. Ввечеру у всенощной. Потомъ цензур. *Стелину*, романъ. Amici, diem perdidi!

29. Эгоисты часто чрезъ униженіе ищутъ возвыситься. Самоувѣренность опасна, ведетъ къ заблужденію. Самоуслажденіе внутреннее бываетъ слѣдствіемъ тщеславія. Когда душа отдѣльно дѣйствуетъ отъ тѣла, не обуревается страстями: тогда понятія ея чисты, мысли свѣтлы. Во снѣ тоже. Хлысты на исповѣдь ходятъ, но ни въ какомъ грѣхѣ не каются; живутъ не вѣнчаясь съ женщинами; оправдываются тѣмъ, «что женатые грѣшатъ (блудятъ), да не каются; а они грѣшатъ, да каются». Вотъ и оправданіе! Потрапезовалъ постнически, напился чаю; зазвонили ко всенощной. Я пошелъ къ Аршеневской сказать, что просилъ И. И. Д. объ ея сынѣ. Ввечеру процензуровалъ 1 ч. *Стелины* въ дурномъ переводѣ. Обязанность.

30. Ходилъ въ Екат. бол. просить Александра Богд. Зейдлера о помѣщеніи туда нашей женщины; обѣщано. Исполнено. Былъ у М. Ѳ. Карелина посовѣтоваться насчетъ человѣка своего Петра: совѣтовалъ его наказать и продать сводчикамъ; самъ жаловался на своихъ людей. Я экзаменовалъ сына его Сергѣя и обѣщалъ подарить его книжкою. Зейделеръ сказывалъ, что Катинька Тат. больна, харкаетъ кровью. Мнѣ что-то ее жалко, не знаю почему. Былъ Н. Н. Н. и разсказывалъ, какъ въ Ростовѣ Государь съ часъ стоялъ на колѣняхъ предъ старцемъ Амфилохіемъ и слушалъ его.

31. Рано поутру отправился Государь со звономъ изъ Москвы. Послѣ лекцій въ В. Д. обѣдалъ у А. И. Дурасовой, которая, бывъ на балу, ушибла себѣ ногу. Разсказывали разные анекдоты о Государѣ, о его вѣжливости и снисхожденіи; обѣщается на два года пріѣхать въ Москву со всею фамиліею. Филарету пожаловалъ брил. панагію. Былъ въ Упр. по дѣлу о Петрѣ, который отправленъ за бродяжничество въ Подольскъ; изъ Глухова, Черниг. губ. пробирался на Донъ; взятъ по неимѣнію паспорта, показалъ, что бѣжалъ отъ тяжкихъ трудовъ.

КЪ ИСТОРІИ ЧЕРНОМОРСКАГО ФЛОТА [1]).

Получивъ чинъ адмирала, П. С. Нахимовъ, съ свойственными ему скромностью и благородствомъ, отнесъ оказанную ему монаршую милость, какъ отличіе, всецѣло къ заслугамъ своихъ подчиненныхъ, что̀ и высказалъ въ слѣдующемъ приказѣ.

«Геройская защита Севастополя, въ которой семья моряковъ принимаетъ такое славное участіе, была поводомъ къ безпримѣрной милости Монарха ко мнѣ, какъ старшему въ ней. Высочайшимъ приказомъ отъ 27 Марта я произведенъ въ адмиралы. Завидная участь имѣть подъ своимъ начальствомъ подчиненныхъ, украшающихъ начальника своими доблестями, выпала на меня. Я надѣюсь, что гг. адмиралы, капитаны и офицеры дозволятъ мнѣ здѣсь выразить искренность моей признательности сознаніемъ, что, геройски отстаивая драгоцѣнный для Государя и Россіи Севастополь, они доставили мнѣ милость незаслуженную».

«Матросы! Мнѣ ли говорить вамъ о вашихъ подвигахъ на защиту родного намъ Севастополя и флота? Я съ юныхъ лѣтъ былъ постояннымъ свидѣтелемъ вашихъ трудовъ и готовности умереть по первому призванію; мы сдружились давно, и я горжусь вами. Отстоимъ Севастополь и, если Богу и Императору угодно будетъ, вы доставите мнѣ случай носить мой флагъ на гротъ-брамъ-стенгѣ съ той же честью, съ какой я носилъ его, благодаря вамъ, и подъ другими клотиками[2]). Вы оправдаете довѣріе и заботы Государя и генералъ-адмирала и убѣдите враговъ Православія, что на бастіонахъ Севастополя мы не забыли морского дѣла, а только укрѣпили одушевленіе и дисциплину, всегда украшавшіе Черноморскихъ моряковъ».

По заявленію князя Меншикова о самоотверженной дѣятельности начальниковъ второго, третьяго и четвертаго отдѣленій оборонительной

---

[1]) См. въ I-й книгѣ „Русскаго Архива“, стр. 637, въ 4-мъ выпускѣ.

[2]) Клотикъ—головка или самый верхъ шеста, на которомъ развѣвается флагъ морскаго судна.

линіи въ состязаніи съ осадными батареями и въ ежедневномъ исправленіи поврежденій, чтобы орудія каждое новое утро могли дѣйствовать съ тою же силой, Государь Императоръ соизволилъ пожаловать ордена: вице-адмиралу Новосильскому (какъ участнику въ сраженіяхъ брига «Меркурій» и въ Синопѣ) Св. Владимира 1 степени, а контръ-адмираламъ Панфилову и Истомину—Св. Георгія 3 класса.

Четвертое отдѣленіе оборонительной линіи лишилось 7 Марта весьма уважаемаго и дѣятельнаго начальника, контръ-адмирала Владимира Ивановича Истомина, убитаго на Камчатскомъ редутѣ. Онъ былъ изъ числа даровитыхъ служебныхъ воспитанниковъ М. П. Лазарева. Въ званіи гардемарина онъ находился на корабѣ «Азовъ», въ Наваринской битвѣ и за отличіе получилъ знакъ военнаго ордена Св. Георгія и чинъ мичмана. Съ назначеніемъ М. П. Лазарева начальникомъ штаба Черноморскаго флота, В. И. Истоминъ переведенъ былъ въ 32 флотскій Черноморскій экипажъ. Въ 1837 онъ получилъ въ командованіе пароходъ «Сѣверная Звѣзда»; затѣмъ, въ послѣдовательномъ порядкѣ командовалъ: шхуной «Ласточка», корветомъ «Андромаха» и фрегатомъ «Кагулъ». Въ 1845 году назначенъ онъ былъ состоять при Кавказскомъ намѣстникѣ князѣ Воронцовѣ. Участвуя въ разныхъ походахъ, произведенъ былъ за отличіе въ капитаны 2 ранга; а въ 1849 году, тоже за отличіе, произведенъ былъ въ капитаны 1 ранга. Въ 1850 году онъ назначенъ былъ командиромъ корабля «Парижъ». За отличіе этого корабля въ Синопскомъ боѣ получилъ чинъ контръ-адмирала. Этотъ краткій очеркъ В. И. Истомина и быстрое его повышеніе выясняютъ, что въ лицѣ его погибъ высокодаровитый морякъ-воинъ, подававшій такъ много надеждъ въ несбывшемся будущемъ.

26 Марта, наканунѣ Пасхальнаго праздника, отданъ былъ приказъ пріостановить всѣ работы, кромѣ самыхъ безотлагательныхъ. Ко всеночному бдѣнію начальствующія лица и свободные отъ службы офицеры собрались въ Адмиралтейскомъ соборѣ, куда прибылъ изъ Инкермана и главнокомандующій со своимъ штабомъ. Вокругъ храма толпились съ зажженными свѣчами солдаты, матросы и женщины. Такая же густая толпа окружала и госпитальную церковь на Корабельной сторонѣ. По окончаніи обѣдни, духовенство приглашено было отслужить молебны на оборонительной линіи у батарейныхъ образовъ. Бастіоны и батареи приняли праздничный видъ: площадки были подметены и усыпаны пескомъ, блиндажи убраны, станки и платформы вымыты, люди были одѣты въ мундиры. Женщины и дѣти шли на бастіоны къ своимъ мужьямъ и отцамъ, чтобы принести имъ освященныя пасхи. Послѣ обѣда на бастіонахъ явились музыканты и пѣсен-

ники, начались пляски и другія забавы. Вечеромъ на Маломъ бульварѣ, у памятника Козарскаго, игралъ хоръ военной музыки, при чемъ въ числѣ гуляющихъ были и дамы. Хотя бомбы летали и ружейный огонь не прекращался, но безъ большихъ послѣдствій; вообще день прошелъ весело и пріятно.

На другой день, 28 Марта, Севастопольскіе обыватели были пробуждены громомъ нѣсколькихъ сотъ орудій, который возвѣстилъ объ открытіи второй бомбардировки. Съ линіи обороны отвѣтили немедленно, и началась оглушающая канонада. Въ это время у Французовъ было 393 орудія, а у Англичанъ 148; на линіи же обороны 998 орудій. Погода въ этотъ день была неблагопріятная для артилерійскаго состязанія: густой туманъ застилалъ мѣстность, а къ этому шелъ сильный дождъ при свѣжемъ югозападномъ вѣтрѣ; дымъ, смѣшиваясь съ туманомъ, еще болѣе усиливалъ непроглядность. Съ первымъ раскатомъ грома, Нахимовъ, Тотлебенъ и князь Васильчиковъ явились на оборонительную линію и оставались тамъ весь день. Одновременно съ открытіемъ огня замѣчено было, что непріятельскій флотъ разводитъ пары; а потому, въ виду возможности атаки съ моря, приказано было береговымъ батареямъ изготовиться и затопить ядрокалительныя печи. Вскорѣ обнаружено было, что осаждающій сосредоточилъ самый сильный огонъ на бастіоны № 4 и № 5 и на три выдвинутыя укрѣпленія лѣваго фланга обороны. Въ предупрежденіе возможности штурма этихъ трехъ пунктовъ, сдѣлано было распоряженіе объ усиленіи ихъ гарнизоновъ и снабженіи ихъ достатоточнымъ числомъ патроновъ. Но при этомъ въ запасахъ оказалась ограниченность боевыхъ снарядовъ, а потому пришлось отвѣчать на каждые два выстрѣла непріятеля однимъ выстрѣломъ, при невозможности ожидать скораго подвоза пороха. Хотя заранѣе были разосланы курьеры съ просьбою возможно скорѣе выслать это снабженіе, а Шостенскому заводу сообщено требованіе отправлять въ Севастополь весь выдѣлываемый на немъ порохъ; но, къ сожалѣнію, Военное Министерство того времени не отличалось предупредительностію относительно потребностей защиты этого порта; а между тѣмъ склады пороха были въ значительномъ количествѣ по Балтійскому прибрежью, на западной границѣ и въ Кіевѣ.

Къ вечеру приступлено было къ исправленіямъ въ теченіе ночи всѣхъ поврежденій и о замѣнѣ подбитыхъ орудій, при участіи всего гарнизона и, не смотря на продолжавшійся всю ночь сильный огонь союзниковъ, обращенный преимущественно на бастіонъ № 4, на Камчатскій люнетъ и на редуты за Киленбухтой, а также на размягчен-

ную почву отъ дождя, непріятели увидѣли утромъ слѣдующаго дня оборонительныя укрѣпленія въ томъ же исправномъ видѣ, какъ и наканунѣ.

Въ 5 часовъ утра непріятели возобновили канонаду съ той же силой, какъ и въ предшествующій день. Съ утра погода стояла ненастная, былъ густой туманъ и шелъ дождь; но къ 10 часамъ утра небо прояснилось и вѣтеръ стихъ. Въ это время союзный флотъ опять развелъ пары и около полудня сталъ подходить къ береговымъ батареямъ; на непріятельскихъ корабляхъ замѣчено было много войскъ. Погода вполнѣ благопріятствовала морской атакѣ, а потому на приморской оборонѣ приняты были мѣры предосторожности для отраженія; но эта эскадра остановилась у Стрѣлецкой бухты и въ послѣдующее время ничего не предпринимала; въ 6 часовъ она возвратилась на свое якорное мѣсто. Въ самый разгаръ артилерійскаго боя, начальникъ гарнизона графъ Остенъ-Сакенъ, въ полной формѣ, посѣтилъ бастіоны № 4 и № 5. Не обращая вниманія на усиленный огонь, онъ христосовался со всѣми и благодарилъ ихъ за геройскую службу; въ отвѣтъ на это раздавалось громкое «ради стараться», съ беззаботной готовностію на саможертвованіе. Къ двумъ часамъ пополудни на Французской линіи была сбита батарея № 38, а вслѣдъ затѣмъ замолчали тамъ батареи № 28, № 4 и № 15. Къ вечеру на бастіонѣ № 4 подбито было восемь орудій и завалены почти всѣ амбразуры, такъ что онъ могъ дѣйствовать только двумя орудіями. Болѣе другихъ укрѣпленій пострадали редуты за Киленбухтой; на Селенгинскомъ редутѣ всѣ амбразуры были завалены, на Волынскомъ уцѣлѣли только три, а горжевый фасъ былъ почти срытъ. Такъ продолжалось до 5 Апрѣля, когда огонь непріятельскихъ батарей былъ значительно ослабленъ и люди гарнизона нѣсколько отдохнули отъ утомительной работы— исправлять поврежденія и перемѣнять подбитыя орудія, доставляя раненыхъ на перевязочные пункты.

11/23 Апрѣля происходилъ военный совѣтъ союзниковъ, на которомъ было рѣшено возобновить усиленное бомбардированіе на два дня, а 16 (28) Апрѣля предпринять штурмъ. Но вскорѣ послѣ этого получено было извѣстіе, что въ первыхъ числахъ Мая н. с. всѣ резервныя войска будутъ собраны въ Константинополѣ и отправятся въ Крымъ. Вслѣдствіе этого принятое рѣшеніе было отмѣнено и предположено ожидать прибытія резервной арміи, чтобы во время штурма имѣть возможность пользоваться болѣе значительными силами; для сбереженія же боевыхъ припасовъ, въ виду новаго бомбардированія передъ штурмомъ, приказано уменьшить расходъ ихъ до десяти выстрѣловъ въ сутки на каждое орудіе. Въ декретѣ императора Наполеона сообщенъ

былъ слѣдующій планъ для дальнѣйшихъ дѣйствій въ Крыму. «Изъ восточной арміи должны быть сформированы, по прибытіи подкрѣпленій, три арміи. Первая, подъ начальствомъ генерала Пелисье, силою въ 60,000 человѣкъ, назначалась для защиты осадныхъ работъ и занятыхъ гаваней; вторая, подъ начальствомъ лорда Раглана, въ 56000 человѣкъ, должна была занимать Байдарскую долину и угрожать сообщенію Русскихъ между Севастополемъ и Симферополемъ; третія, подъ начальствомъ генерала Канробера, въ 62000 человѣкъ, должна была наступать чрезъ Алушту на Симферополь. Въ случаѣ, если Русскіе примутъ сраженіе передъ Симферополемъ, то лордъ Рагланъ долженъ былъ обратиться на Бахчисарай и угрожать ихъ правому флангу и тылу; если же Русскіе оставятъ Симферополь и сосредоточатся подъ Севастополемъ, тогда генералу Канроберу надлежало идти противъ нихъ чрезъ Бахчисарай, а лордъ Рагланъ долженъ былъ слѣдовать его движенію и чрезъ Инкерманъ принять участіе въ дѣйствіи. Этотъ проектъ обсуждаемъ былъ въ военномъ совѣтѣ 2 (14) Мая, но соглашенія на такое предпріятіе не состоялось. Чрезъ два дня генералъ Канроберъ просилъ уволить его отъ званія главнокомандующаго, на что совѣтъ согласился, и генералъ Пелиссье принялъ отъ него командованіе. Съ прибытіемъ резервовъ, наличныя силы Французовъ составляли 4020 офицеровъ и около 96500 рядовыхъ, кромѣ числящихся при этихъ войскахъ больныхъ 19500 и находившихся въ командировкахъ, т. е. въ Галлипольскихъ лазаретахъ. Причисля къ этимъ войскамъ Англійскія, Турокъ и Сардинскій корпусъ въ 15000 человѣкъ, прибывшій передъ тѣмъ, можно было считать, приблизительно, составъ союзной арміи передъ Севастополемъ въ 200000 человѣкъ. Въ это время въ гарнизонѣ Севастополя находилось около 40000 пѣхотинцевъ, а въ арміи, расположенной на Инкерманскихъ и Мекензіевыхъ высотахъ до Чоргуна, числилось до 50000 человѣкъ.

Прекращеніе бомбардированія и замедленіе дѣйствій союзниковъ на болѣе продолжительное время дали защитникамъ возможность приступить къ прочному исправленію поврежденій, усилить слабыя мѣста обороны и принудить такимъ образомъ атакующихъ къ развитію новыхъ и все болѣе увеличивающихся силъ. Но всего важнѣе было то, что вскорѣ стали прибывать, ежедневно, транспорты съ порохомъ, что̀ вывело гарнизонъ изъ критическаго положенія и защитники получили возможность поддерживать артилерійскую борьбу и усиленно дѣйствовать на работы союзниковъ.

У Тотлебена показано число орудій, дѣйствовавшихъ 28 Марта на осадныхъ батареяхъ 440, въ числѣ которыхъ было 130 мортиръ; кромѣ того имѣлось еще въ траншеяхъ 38 орудій. На оборонѣ дѣйствовало 466 орудій; въ числѣ которыхъ было 57 мортиръ. Вѣсъ снарядовъ у атакующихъ былъ болѣе, и онъ имѣлъ почти вдвое болѣе орудій, дѣйствующихъ разрывными снарядами, которые наиболѣе дѣйствительны для разрушенія земляныхъ насыпей. Сверхъ того атакующій имѣлъ на своей сторонѣ и выгоды мѣстности. Занимая охватывающую позицію на командующихъ высотахъ, онъ имѣлъ возможность сосредоточивать свой огонь и поражать нѣкоторыя укрѣпленія обороны продольными и тыльными выстрѣлами. Также дѣйствительности огня осадныхъ батарей немало способствовала обширность поражаемаго пространства, вслѣдствіе чего тѣ изъ непріятельскихъ снарядовъ, которые перелетали чрезъ оборонительную линію, поражали вторую оборонительную линію укрѣпленій и городъ. Притомъ, въ ожиданіи штурма, обороняющіеся вынуждены были держать резервы находящіяся въ прикрытіи въ недалекомъ разстояніи; при малой же профили укрѣпленій, большая часть этихъ войскъ находилась постоянно подъ огнемъ. У атакующихъ находились подъ выстрѣлами только артилерійская прислуга и траншейные караулы, размѣщенные въ длинныхъ и узкихъ траншеяхъ, а всѣ остальныя войска расположены были внѣ выстрѣловъ. При такихъ обстоятельствахъ обороняющійся подъ артилерійскимъ огнемъ долженъ былъ нести несравненно бо́льшія потери въ людяхъ, чѣмъ осаждающій.

Въ это время перевязочные пункты и госпитали были переполнены ранеными. Въ нихъ, подъ руководствомъ академика Н. И. Пирогова и профессора Кіевскаго Университета X. Я. Гюббенета, кипѣла весьма усиленная дѣятельность. На городской сторонѣ раненые сносились въ главный перевязочный пунктъ въ Морскомъ Собраніи, а на корабельной въ большіе каменные провіантскіе магазины въ Корабельной бухтѣ. Тѣ раненые, которымъ надѣялись спасти жизнь, отправляемы были съ перевязочныхъ пунктовъ на Николаевскую приморскую батарею, въ которой устроенъ былъ временной госпиталь па 600 человѣкъ, и на Сѣверную сторону, гдѣ имѣлись два постоянныхъ обширныхъ госпиталя: военно-сухопутный въ баракахъ къ Западу отъ Папаніотовой балки, и морской въ Михайловской батареѣ и въ устроенныхъ возлѣ нея деревянныхъ баракахъ. Трудно ампутированные помѣщались въ инженерномъ домѣ, а гангренозные и безнадежные въ домахъ Гущина и Орловскаго, возлѣ артилерійской бухты. Въ Екатерининскомъ дворцѣ, послѣ выѣзда изъ него вице-адмирала Станюковича,

устроено было отдѣленіе для раненыхъ офицеровъ. Снабженію морскихъ госпитальныхъ отдѣленій и перевязочныхъ пунктовъ очень много способствовалъ Б. П. Мансуровъ, командированный въ Севастополь для болѣе обильнаго содержанія и устройства морскихъ госпиталей, по порученію его императорскаго высочества генералъ-адмирала Константина Николаевича, оказавшаго къ призрѣнію раненыхъ и больныхъ горячо-заботливое вниманіе.

Весьма важныя услуги въ этомъ благомъ дѣлѣ оказала въ то время защитникамъ Севастополя и не переставала оказывать имъ до конца обороны, учрежденная на иждивеніе ея императорскаго высочества великой княгини Елены Павловны, Крестовоздвиженская община сестеръ милосердія, прибывшая въ Севастополь въ составѣ 60 лицъ, подъ управленіемъ г-жи Стаховичъ. Высоко нравственная, чисто-христіанская дѣятельность сестеръ милосердія осталась навсегда въ памяти тѣхъ, кто пользовался ихъ уходомъ или былъ свидѣтелемъ ихъ трудовъ и подвиговъ. Къ нимъ примкнуло для ухода за больными и ранеными нѣсколько оставшихъ въ Севастополѣ дѣвицъ и бездѣтныхъ вдовъ.

Въ «Обзорѣ дѣйствій Крестовоздвиженской общины» Н. И. Пироговъ очертилъ усиленную дѣятельность на перевязочномъ пунктѣ въ Морскомъ Собраніи въ слѣдующихъ словахъ: «Во все это время около входа въ Собраніе, на улицѣ, гдѣ такъ нерѣдко падали ракеты взрывая землю и лопались бомбы, стояла всегда транспортная рота солдатъ; койки и окровавленныя носилки были въ готовности принять раненыхъ. Въ теченіе 9 дней Мартовской бомбардировки, безпрестанно тянулись къ этому входу ряды носильщиковъ; кровавый слѣдъ указывалъ къ парадному входу въ Собраніе. Въ эти дни огромная зала безпрестанно наполнялась и опоражнивалась; приносимые раненые складывались, вмѣстѣ съ носилками, цѣлыми рядами на паркетномъ полу, пропитанномъ на полвершка запекшеюся кровью. Врачи, фельдшера и служители составляли группы, безпрестанно двигавшіяся между рядами раненыхъ, блѣдныхъ какъ полотно, отъ потери крови и отъ сотрясеній производимыхъ снарядами; между солдатскими шинелями мелькали бѣлые капюшоны сестеръ, разносившихъ вино и чай, помогавшихъ при перевязкахъ и отбиравшихъ на храненіе деньги и вещи страдальцевъ. Двери залы ежеминутно отворялись и затворялись; вносили и выносили по командѣ: на столъ, на койку, въ домъ Гущина, въ инженерный, въ Николаевскую. Въ боковой довольно обширной комнатѣ, операціонной, на трехъ столахъ лилась кровь при производствѣ операцій; отнятые члены лежали грудами, сваленные въ ушатахъ. Матросъ Пашкевичъ отличавшійся искусствомъ прижимать артеріи при ампутаціяхъ, едва успѣвалъ слѣдовать призыву врачей, переходя отъ одного стола къ другому; съ неподвижнымъ лицомъ, молча, онъ ис-

полнялъ въ точности данныя ему приказанія, сознавая, что неутомимой рукѣ его поручалась жизнь собратовъ. Сестра Бакунина постоянно присутствовала въ этой комнатѣ, съ пучкомъ лигатуръ въ рукѣ, готовая слѣдовать на призывъ врачей. За столами стоялъ рядъ коекъ съ новыми ранеными, и служители готовились переносить ихъ на столы для операцій; возлѣ прежнихъ коекъ стояли сестры, готовыя принять ампутированныхъ. Воздухъ комнаты, не смотря на постоянное провѣтриваніе, наполненъ былъ испареніями крови и хлороформа, а къ нимъ примѣшивался и запахъ сѣры, означавшій, что есть раненые, которымъ врачи присудили сохранить поврежденные члены; такимъ фельдшеръ Никитинъ накладывалъ гипсовыя повязки. Ночью тѣ же самыя кровавыя сцены и нерѣдко еще въ бо́льшихъ размѣрахъ. Въ это тяжкое время, безъ неутомимости врачей, безъ ревностнаго содѣйствія сестеръ, безъ распорядительности начальниковъ транспортныхъ командъ, не было бы никакой возможности подать безотлагательную помощь пострадавшимъ. Чтобы имѣть понятіе о всѣхъ трудностяхъ такого положенія, нужно представить себѣ темную южную ночь, ряды носильщиковъ при тускломъ свѣтѣ фонарей, направляемыхъ ко входу въ Собраніе и едва прокладывавшихъ себѣ путь сквозь толпы раненыхъ пѣшеходовъ, сомкнувшихся въ дверяхъ. Всѣ стремятся за помощью и на помощь, каждый хочетъ скораго пособія, отдыха, а всѣ облегченія страданій».

Х. Я. Гюббенетъ, подъ вліяніемъ своего безмѣрнаго благодушія, желая оказать посильную помощь страждущимъ, оставилъ мирную каѳедру и предложилъ свою помощь для практической дѣятельности въ этомъ адѣ страданій, смерти, разрушенія. Небольшого роста, худощавый, съ большой головой, въ пестрядевомъ халатѣ, сверхъ котораго такой же передникъ съ нагрудникомъ, въ очкахъ забрызганныхъ кровью, съ засученными рукавами—такимъ проявлялся въ своей дѣятельности этотъ добросердечный труженикъ. Это былъ очень симпатичный и всѣми уважаемый человѣкъ, находившійся въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ П. С. Нахимовымъ.

Въ своихъ воспоминаніяхъ профессоръ Гюббенетъ сообщаетъ: «Приступая къ своей дѣятельности, я былъ пораженъ благоговѣйнымъ изумленіемъ предъ рѣдкой силой воли и выносливости раненыхъ. Послѣ вылазки съ 11 на 12 Марта генералъ-лейтенанта Хрулева противъ Камчатскаго люнета, къ 5 часамъ утра было въ зданіи Морского Собранія болѣе тысячи раненыхъ, считая въ томъ числѣ и плѣнныхъ; по недостатку мѣстъ нѣкоторые должны были лежать на полу, рядомъ наши и Французы. Я смотрѣлъ съ раздирающимъ сердцемъ и съ чувствомъ глубокаго умиленія на эту картину мученическихъ страданій. Глядя на нашихъ тяжело раненыхъ, лежавшихъ спокойно, самоотверженно и даже съ довольнымъ чувствомъ исполненнаго долга, я невольно думалъ, что съ подобной арміей можно завоевать весь міръ. Нѣкоторые спокойно курили трубку; одинъ даже вы-

нималъ табакъ изъ сапога почти оторванной ноги и просилъ потомъ унести отрѣзанную ногу и возвратить ему сапогъ. Матросъ Количенко, перенеся спокойно ампутацію руки выше локтя, попросилъ послѣ операціи вина, поднялъ поданный ему стаканъ и выпилъ, обратясь ко мнѣ съ словами: «За ваше здоровье!» Подобные примѣры не составляли единичнаго случая. Тѣ, которые воображаютъ, что такое множество раненыхъ выражаютъ свои страданія хоромъ жалобъ и криковъ, сильно ошибаются. Большею частію они лежали спокойно, и лишь изрѣдка слышались раздирающее сушу вскрикиваніе или сдержанные, не прерывающіеся, глухіе стоны отъ невыносимыхъ болей. Мнѣ кажется, что картина, изображающая раненыхъ въ такомъ видѣ, какъ она представляется врачу послѣ большого сраженія, не только дала бы своевременныя усилія къ устраненію ея, но съ другой—послужила бы наиболѣе поучительнымъ назиданіемъ будущимъ поколѣніямъ о томъ пренебреженіи къ смерти и готовности жертвовать собою за царя и отечество, которыми отличались наши герои. Всѣ тѣ разсказы изъ классической древности о перенесенныхъ изъ любви къ отечеству страданіяхъ, съ которыми, ради цѣлей воспитательныхъ, знакомятъ наше юношество, оказываются единичными и блѣдными въ сравненіи съ одиннадцатимѣсячными массами случаевъ мученической смерти защитниковъ Севастополя».

О Французахъ Гюббенетъ даетъ слѣдующія замѣчанія: «Хотя имѣли положительныя свѣдѣнія и доказательства тому, что союзныя войска претерпѣвали много лишеній зимою, вслѣдствіе недостатка въ сносныхъ помѣщеніяхъ, въ тепломъ платьѣ и топливѣ, только рѣдкіе подтверждали эти извѣстія. Одинъ изъ нихъ, на предложенный ему вопросъ, не страдали ли они отъ холода въ своемъ лагерѣ за недостаткомъ топлива, отвѣчалъ:—«Нѣтъ, нисколько; мы имѣемъ для этого Forey et Bosquet (имена Французскихъ генераловъ)». Когда союзники штурмовали Селенгинскій, Волынскій и Камчатскій редуты, и мы, а равно и непріятель, потеряли очень много людей, къ намъ попало значительное число раненыхъ Французовъ. Трудно описать тѣ ужасы, которые въ эти дни приходилось испытывать врачу при наплывѣ множества раненыхъ. Неудивительно, что раненымъ Французамъ пришлось ждать, пока самая экстренная помощь будетъ оказана нашимъ воинамъ; но мы, врачи, сознавали, что съ плѣнными ранеными война прекращена и что человѣколюбіе требуетъ полнаго нашего къ нимъ участія, а потому невозможность наша поспѣть всюду одновременно ложилась тяжело на нашу совѣсть. Отъ замедленія въ помощи положеніе ихъ ухудшалось; но ни крики, ни упреки, ни жалобы не дошли до насъ, когда мы вошли къ нимъ: каждый изъ нихъ терпѣливо ждалъ очереди. Все что̀ слышалось отъ нихъ было приглашеніе подойти къ нимъ въ такомъ выраженіи: C'est mon tour, m-r le major. Одинъ зуавъ, по имени Жоли, былъ необыкновенно веселаго нрава до того, что во время операціи онъ не переставалъ улыбаться и разсказывать разные забавные случаи. Такого же нрава былъ поручикъ Alphonse Chotard, которому тоже пришлось отнять ногу выше колѣна; послѣ ампутаціи онъ нашелъ достаточно силы выразить, въ особенно вѣжливой и шутливой формѣ, свою благодарность за то, что его лишили ноги».

Главнокомандовавшій Французскими войсками генералъ Пелиссье принялъ необходимыя мѣры осторожности для обезпеченія позицій союзниковъ отъ нападенія на правый флангъ ихъ. При исполненіи этого плана дѣйствій надлежало союзникамъ овладѣть сперва Селенгинскимъ и Волынскимъ редутами и Камчатскимъ люнетомъ, а потомъ вести атаку на сильно укрѣпленный Малаховъ курганъ.

Мудрое распоряженіе главнаго штаба Крымской арміи облегчило союзникамъ это предпріятіе, противъ ихъ ожиданія. Генералъ Хрулевъ, командовавшій войсками на Корабельной сторонѣ, отозванъ былъ въ городъ; а вмѣсто его назначенъ былъ генералъ Жабокрицкій, который, по замѣчанію князя Васильчикова въ его Запискахъ, какъ себялюбивый Полякъ, не сочувствовалъ войнѣ съ Французами. По представленію этаго генерала, 22 Мая, гарнизоны означенныхъ редутовъ, Камчатскаго люнета и всего лѣваго фланга обороны, были ослаблены до послѣдней крайности. Вслѣдствіе такого распоряженія главнаго штаба, Киленбалочные редуты и Камчатскій люнетъ были отданы на жертву непріятелю; а также вся лѣвая часть обороны поставлена была въ беззащитное положеніе. Когда съ наблюдательныхъ постовъ, 26 Мая, замѣченъ былъ сборъ войскъ въ непріятельскихъ траншеяхъ, и дезертиры сообщили, что союзники намѣрены штурмовать редуты и Камчатскій люнетъ, то, вмѣсто того чтобы принять мѣры къ усиленію означенныхъ укрѣпленій, генералъ Жабокрицкій послалъ рапортъ о болѣзни и вмѣстѣ съ тѣмъ немедленно уѣхалъ на Сѣверную сторону. Назначенный снова начальникомъ войскъ на Корабельной сторонѣ генералъ Хрулевъ немедленно сдѣлалъ распоряженіе объ усиленіи всѣхъ гарнизоновъ; но пока исполнялись эти приказанія, Французы атаковали въ седьмомъ часу вечера, двумя бригадами, Селенгинскій и Волынскій редуты, въ прикрытіи которыхъ находился одинъ баталіонъ Муромскаго полка, въ составѣ не болѣе 450 человѣкъ. Послѣ отчаяннаго сопротивленія Муромцы должны были отступить, при чемъ были убиты командиръ баталіона маіоръ Бѣляевъ и капитанъ-лейтенантъ Шестаковъ. Прибывшій къ нимъ въ подкрѣпленіе другой баталіонъ этого полка, окруженный со всѣхъ сторонъ непріятелями, едва успѣлъ пробиться къ мосту чрезъ Киленбухту. Вышедшіе изъ Ушаковой балки остальные баталіоны этого полка и подоспѣвшіе резервы, при попыткѣ одолѣть Французовъ, не имѣли успѣха. При этомъ убитъ былъ генералъ-маіоръ Тимофеевъ.

Около шести часовъ вечера прибылъ на Камчатскій люнетъ адмиралъ Нахимовъ. Когда онъ проходилъ вдоль фасовъ раздался крикъ: штурмъ! Приказавъ пробить тревогу, онъ поднялся на банкетъ и уви-

дѣлъ, что три Французскія колоны, выбивъ стрѣлковъ изъ контръ-апрошей, идутъ на люнетъ съ трехъ сторонъ. Артилеристы и пѣхота, состоявшая изъ одного баталіона Подольскаго полка въ составѣ 350 человѣкъ, стали строиться по банкетамъ; но едва сдѣлано было два картечныхъ выстрѣла по непріятелю, какъ зуавы, составлявшіе правую колону, заняли батарею № 88, Торопова, находившуюся влѣво отъ люнета, а центральная непріятельская колона начала проникать во внутренность укрѣпленія, чрезъ засыпанный ровъ и амбразуры; вслѣдъ затѣмъ появились на правомъ фасѣ зуавы, составлявшіе лѣвую колону. Матросы храбро защищали свои орудія, а Половцы работали штыками, при чемъ потеряли своего убитаго баталіоннаго командира маіора Щепеткова а адмиралъ, бывшій по обыкновенію въ сюртукѣ съ эполетами, едва не былъ захваченъ въ плѣнъ. Наконецъ, видя непріятеля въ тылу, Нахимовъ отвелъ людей за куртину, между Малаховымъ курганомъ и бастіономъ № 2, и разставилъ ихъ тамъ на банкетахъ. Французы преслѣдовали отступавшихъ, но остановленные картечью съ оборонительной линіи залегли въ волчьихъ ямахъ и въ каменоломняхъ впереди Малахова кургана, откуда открыли ружейный огонь по амбразурамъ. Въ то время Малаховъ курганъ былъ почти безъ войскъ и находился въ беззащитномъ положеніи, а потому его могли занять Французы, если бы со стороны ихъ начальниковъ сдѣланы были распоряженіе для его атаки.

Въ это время подошли резервы, приведенные генераломъ Хрулевымъ, который немедленно направилъ ихъ къ Камчатскому люнету и выбилъ изъ него Французовъ. Въ тоже время направленная имъ колонна лѣвѣе люнета, тѣсня и преслѣдуя Французовъ, овладѣла всѣми первыми ихъ апрошами, при чемъ взято въ плѣнъ 7 офицеровъ и 300 нижнихъ чиновъ. Вслѣдъ за тѣмъ Французы снова атаковали люнетъ двумя бригадами. Уступая численности непріятеля и лишенныя большею частію своихъ начальниковъ, Русскія войска отступили за куртину. Находившіеся въ это время на Малаховомъ курганѣ адмиралъ Нахимовъ и генералъ Тотлебенъ направили огонь съ кургана по люнету и разставили два баталіона по банкетамъ кургана и куртины. Вслѣдъ затѣмъ, замѣтивъ, что во рву кургана находятся Французы, адмиралъ послалъ туда команду, которая привела оттуда болѣе 70 плѣнныхъ. Это были передовые изъ непріятельскаго войска, попавшіе въ ровъ при первомъ штурмѣ Камчатскаго люнета, увлекшіеся преслѣдованіемъ и не успѣвшіе вылѣзти изъ него по значительной крутизнѣ контръ-эскарпа.

Такимъ образомъ отданы были союзникамъ наши выдвинутыя укрѣпленія лѣваго фланга обороны, вслѣдствіе непростительной оплош-

ности распоряженій со стороны тѣхъ, кому ввѣрена была власть, и предоставлена возможность атакующему, пользуясь этими укрѣпленіями, вести съ большимъ успѣхомъ свои подступы къ бастіонамъ лѣвой обороны. Въ это время снова оказался недостатокъ въ порохѣ уже не по бездорожью въ зимнее время, а отъ недостатка предусмотрительности. Замѣчательно также и то обстоятельство, что по запросу изъ Петербурга, по высочайшему повелѣнію, о численности войскъ подъ Севастополемъ, штабъ главнокомандовавшаго затруднялся опредѣлить точную цифру: по счету выходило то сорокъ, то шестьдесятъ тысячъ человѣкъ.

М. И. Богдановичъ повѣствуетъ, что о потерѣ передовыхъ укрѣпленій князь Горчаковъ доносилъ Государю слѣдующее: «Положеніе мое начинаетъ дѣлаться отчаяннымъ. 25-го непріятель открылъ усиленную канонаду; мы отвѣчали ему съ успѣхомъ и взорвали у него нѣсколько пороховыхъ погребовъ, а также засыпали много амбразуръ. Ночью онъ произвелъ бомбардированіе сильнѣйшее чѣмъ когда-либо. На другой день возобновилъ канонаду; а въ 7 часовъ вечера повелъ на приступъ три дивизіи, не считая резервовъ, на контръ-апрошные редуты наши: Камчатскій, Селенгинскій, и Волынскій. Бой завязался самый кровавый; но превосходство непріятеля было слишкомъ велико, и намъ удалось окончательно отбить только одну батарею между Селенгинскимъ редутомъ и бастіономъ № 1. Непріятель понесъ большой уронъ, дѣйствительно бо̀льшій чѣмъ мы; но численное превосходство его столь велико, что потеря для него нечувствительна. Что наши дрались славно, доказательствомъ тому: выбитіе его изъ Камчатскаго редута, которымъ онъ овладѣлъ только послѣ введенія въ дѣло свѣжихъ резервовъ; взятіе болѣе 350 плѣнныхъ, взятіе у него двухъ горныхъ орудій, и наконецъ, овладѣніе снова батареею по ту сторону Килевбалки. Но какая отъ этого польза? Редуты съ 50 орудіями, хотя большею частію и заклепанными, остались въ рукахъ непріятеля, и что̀ всего хуже, чрезъ нѣсколько дней онъ устроитъ на нихъ, или около, батареи, которыя пресѣкутъ всякое дневное, а можетъ быть и ночное, сообщеніе по бухтѣ. Наконецъ, у меня, съ имѣющимся и ожидаемымъ порохомъ, не болѣе 135,000 выстрѣловъ по 6 Іюня; а тамъ порохъ будетъ подходить весьма малыми количествами; этого менѣе чѣмъ на десять дней, если отвѣчать огню непріятеля хотя въ умѣренной соразмѣрности. Теперь я думаю объ одномъ только, какъ оставить Севастополь, не понеся непомѣрнаго, можетъ быть болѣе двадцати тысячъ, урона. О корабляхъ и артиллеріи и помышлять нельзя, чтобы ихъ спасти. Ужасно подумать! Всемилостивѣйшій Государь! Прибывъ сюда тому восемь недѣль назадъ, я засталъ непріятеля, превосходнаго числомъ, въ неприступной, съ тыла укрѣпленной, позиціи, охватывающаго городъ своими апрошами и редутами, по всему его объему, и находящагося уже въ 80 саженяхъ отъ бастіона № 4. Теперь, послѣ восьми недѣль утомительнѣйшей осады, послѣ выдержаннаго неслыханнаго бомбардирова-

нія, причинившаго намъ огромную потерю въ людяхъ, а особенно въ штабъ и оберъ-офицерахъ, я вижу непріятеля снова усилившагося и безпрестанно получающаго новыя подкрѣпленія. Онъ угрожаетъ прервать сообщенія по бухтѣ. Пороху у меня на десять дней. Я въ невозможности защищать болѣе этотъ несчастный городъ. Государь! Будьте милостивы и справедливы. Отъѣзжая сюда, я зналъ, что обреченъ на гибель, и не скрылъ это предъ лицомъ вашимъ. Въ надеждѣ на какой-либо неожиданный оборотъ, я долженъ былъ упорствовать до крайности; но теперь она настала. Мнѣ нечего мыслить о другомъ, какъ о томъ, какъ вывести остатки храбрыхъ защитниковъ Севастополя, не подвергнувъ болѣе половины ихъ гибели. Но и въ этомъ мало надежды. Одно, въ чемъ не теряю я надежды, это то, что, можетъ быть, отстою полуостровъ. Богъ и ваше величество свидѣтели, что во всемъ этомъ не моя вина».

Государь Императоръ удостоилъ князя Горчакова слѣдующимъ отвѣтомъ. «Изъ послѣдняго телеграфическаго донесенія вашего, отъ 31 числа, я усмотрѣлъ, что непріятель ограничился покуда перестроеніемъ одного только Камчатскаго люнета, а по словамъ флигель-адъютанта Олсуфьева можно полагать, что, съ усиленіемъ нашихъ батарей на Сѣверной сторонѣ, ему трудно будетъ укрѣпиться на Инкерманскихъ высотахъ; посему не теряю еще надежды, что, съ Божіею помощью, можно будетъ вамъ удержаться по крайней мѣрѣ до прихода 7-й дивизіи. Если же, по волѣ Всевышняго, Севастополю суждено пасть, то я вполнѣ на васъ надѣюсь, что съ вновь приближающимися къ вамъ тремя дивизіями вамъ удается отстоять Крымскій полуостровъ. Защитники Севастополя послѣ девятимѣсячной небывалой осады покрыли себя неувядаемой славою, неслыханною въ военной исторіи. Вы, съ вашей стороны, сдѣлали все, что̀ человѣчески было возможно; въ этомъ отдаетъ вамъ справедливость вся Россія и вся Европа. Слѣдовательно, повторяю вамъ, совѣсть ваша можетъ быть чиста. Уповайте на Бога и не забывате, что съ потерею Севастополя еще не все потеряно. Можетъ быть, суждено вамъ, въ открытомъ полѣ, нанести врагамъ нашимъ рѣшительный ударъ. Поручаю вамъ поблагодарить нашихъ молодцовъ за бой 26 Мая. Скажите имъ, что я въ нихъ увѣренъ, отъ генерала до солдата, что они не посрамятъ чести Русской.»

Послѣдовавшее за тѣмъ отраженіе штурма 6 Іюня совершенно оправдало надежды Русскаго Монарха.

Занятіе непріятелемъ передовыхъ укрѣпленій лѣваго фланга обороны, а вслѣдъ затѣмъ перестройка имъ Камчатскаго люнета въ сильную батарею, заставили высшее начальство обратить особенное вниманіе на усиленіе защиты съ особенною быстротою между Доковымъ оврагомъ и рейдомъ. Съ этой цѣлью сооружена была большая батарея, Парижская, служившая продолженіемъ бастіона № 1. Въ разныхъ мѣстахъ прорѣзаны были амбразуры и установлены орудія; также въ разныхъ мѣстахъ на линіи присыпаны барбеты для полевыхъ орудій.

Усилена внутренняя оборона укрѣпленій устройствомъ новыхъ батарей и присыпкою банкетовъ къ траверсамъ и блиндажамъ. По всей линіи очищены рвы, исправлены мерлоны, блиндажи, траверсы и прочее. Для бо́льшаго удобства обороны четвертое отдѣленіе раздѣлено на два: четвертое отдѣленіе осталось подъ начальствомъ капитана 1 ранга Юрковскаго, а пятое отдѣленіе, составленное изъ бастіоновъ № 1 и № 2, поступило подъ начальства капитана 1 ранга Перелешина 2-го. Самая же важная работа въ это время состояла въ сооруженіи на Корабельной сторонѣ общаго ретрашемента, который долженъ былъ служить для закрытія помѣщенія ближайшихъ резервовъ, для внутренней обороны всей лѣвой части линіи и для доставленія фланговой обороны Малахову кургану. Этотъ ретрашементъ, примыкая правымъ флангомъ къ морскимъ казармамъ, направленъ былъ чрезъ Доковый оврагъ къ горжѣ Корниловскаго бастіона на Малаховомъ курганѣ, а оттуда параллельно оборонительной линіи до бастіона № 2 и далѣе до рейда. Для устройства его, по всему протяженію, сложенъ былъ каменный завалъ, насухо засыпанный съ обѣихъ сторонъ приносной землею; а потомъ къ нему присыпаны банкеты и барбеты для ружейной и артилерійской обороны.

На осадныхъ батареяхъ имѣлось къ 5 Іюня 587 орудій (421 Французскихъ и 166 Англійскихъ), изъ коихъ 548 могли дѣйствовать по линіи обороны, а прочія 39 орудій имѣли назначеніе обстрѣливать рейдъ, Сѣверную сторону и дѣйствовать противъ вылазокъ.

На всей оборонительной линіи къ тому времени находилось 1129 орудій; изъ нихъ 549 для дѣйствія по осаднымъ батареямъ, 319 для обстрѣливанія лощинъ и овраговъ и для фланкированія своихъ укрѣпленій; 261 орудія—для внутренней обороны. При равенствѣ числа орудій для артилерійской борьбы, на сторонѣ атакующаго было рѣшительное превосходство въ количествѣ боевыхъ припасовъ. Союзники имѣли отъ 400 до 500 зарядовъ на каждое орудіе; на оборонительной же линіи было назначено имѣть: на каждое орудіе, дѣйствовавшее противъ осадныхъ батарей и противъ штурма, по 140 зарядовъ, на каждую мортиру по 60, а на каждое орудіе для внутренней обороны—отъ 5 до 30 зарядовъ. На береговыхъ батареяхъ и на Сѣверной сторонѣ имѣлось въ зарядахъ и боченкахъ 15 тысячъ пудовъ пороха. Вслѣдствіе недостатка 36 фунтовыхъ ядеръ разрытъ былъ валъ на Сѣверной сторонѣ, служившій мишенью для практической стрѣльбы съ кораблей; въ немъ оказалось до пяти тысячъ такихъ ядеръ. Для зарядныхъ картузовъ, по неимѣнію армяка, употребляли фланелевыя рубахи, крестьянское сукно и прочіе шерстяныя ткани.

Въ ожиданіи штурма князь Горчаковъ предписалъ: 1. По пробитіи тревоги, раненыхъ не убирать до окончанія дѣла. 2. Гарнизоны бастіоновъ не оставляютъ ихъ, хотя бы были атакованы превосходными силами, а сражаются на мѣстахъ до послѣдней крайности, пока прибудутъ резервы, дабы дать артилеріи возможность продолжать дѣйствіе на ближайшемъ разстояніи.

Начальникъ гарнизона со своей стороны приказалъ: 1. Въ случаѣ дневного штурма начальники войскъ, не ожидая приказаній, поддерживаютъ смежныя съ ними укрѣпленія, атакованныя непріятелемъ. 2. Когда непріятель спустится въ ровъ, тогда войска, расположенныя по банкетамъ, взлѣзаютъ на брустверы для встрѣчи атакующаго непріятеля. 3. По отбитіи штурмующихъ колонъ не преслѣдовать ихъ, а провожать только ружейнымъ огнемъ. 4. Людямъ занимающимъ банкеты воспретить крикъ ура, и стараться, чтобы не было ни шума, ни суеты. 5. Войскамъ, находящимся на работахъ, по тревогѣ оставлять рабочій инструментъ и строиться къ бою на указанномъ мѣстѣ. 6. Всѣ нижніе чины, находящіеся въ домашнемъ расходѣ, какъ то каптенармусы, артельщики, кашевары и прочіе, по тревогѣ, собираются на указанныхъ мѣстахъ, въ боевой амуниціи и съ ружьями.

Императоръ Наполеонъ, желая ускорить торжество Французовъ и для приданія ему блеска, назначилъ штурмъ Севастополя 6 (18) Іюня, въ день годовщины сраженія при Ватерлоо, чтобы изгладить славнымъ подвигомъ память невзгоды, паденіе Наполеонидовъ. Пелиссье, желая отличиться, призналъ возможнымъ исполнить это желаніе; а лордъ Рагланъ, изъ опасенія нарушить согласіе между союзниками, рѣшился содѣйствовать ему. При этомъ предположено было, по взятіи Малахова кургана, двинуть на Мекензіевы высоты, по направленію къ Бахчисараю, двадцатипятитысячный Французскій отрядъ, съ частію Англійскихъ войскъ, съ Сардинскими и Турецкими контингентами.

Съ разсвѣтомъ 5 Іюня непріятель открылъ четвертое усиленное бомбардированіе противъ Корабельной стороны и лѣваго фаса бастіона № 4, дѣйствуя также съ Киленбалочныхъ батарей по батареямъ Сѣверной стороны и по судамъ на рейдѣ. Это бомбардированіе производилось преимущественно навѣсными выстрѣлами, поражая прислугу у орудій и людей прикрытія. Около девяти часовъ утра на оборонительной линіи оказались значительныя поврежденія. Въ особенности пострадалъ Корниловскій бастіонъ, на которомъ смертельно былъ раненъ начальникъ четвертаго отдѣленія капитанъ 1 ранга Юрковскій. Его мѣсто занялъ капитанъ 1 ранга Кернъ, остававшійся на этомъ

курганѣ почти до конца осады. Въ половинѣ третьяго часа пополудни, союзники, усиливъ дѣйствіе артилеріи по Корабельной, открыли также весьма сильный огонь и по городской сторонѣ. Съ наступленіемъ темноты, канонада нѣсколько ослабѣла, но вмѣсто частой пальбы она производилась залпами. Какъ линія обороны, такъ слободка, городъ и даже Сѣверная сторона осыпаемы были бомбами и ракетами со всякими зажигательными снарядами. Съ одиннадцати до трехъ часовъ ночи девять непріятельскихъ пароходовъ, подойдя ко входу на рейдъ, стрѣляли залпами по городу, по береговымъ батареямъ и вдоль рейда; имъ отвѣчали береговыя батареи. Въ эту грозную ночь, превосходившую всѣ ужасы прежнихъ, подъ градомъ чугуна, падавшаго на защитниковъ, когда голось начальниковъ заглушался громомъ своихъ и вражескихъ выстрѣловъ, Русскіе воины дружно исполняли обязанности по исправленію поврежденій на укрѣпленіяхъ: очищали засыпанныя амбразуры и платформы, засыпали на пороховыхъ погребахъ воронки, перемѣняли подбитыя орудія; а санитарныя команды самоотверженно переносили раненыхъ. Общая работа кипѣла въ тяжкомъ трудѣ, истощающемъ силы; но люди, старшіе и младшіе, какъ будто не чувствовали усталости, возбужденные желаніемъ во что бы ни стало отстоять городъ. Къ двумъ часамъ ночи все было приведено въ должный порядокъ; а потому всѣ работавшіе отведены были въ резервъ, кромѣ неустрашимыхъ саперовъ и команды отъ Сѣвскаго полка, которые, подъ огненнымъ сводомъ бомбъ, продолжали насыпать на Малаховомъ курганѣ, въ закругленіи передняго фаса, четыре барбета для полевыхъ орудій.

Въ 3 часа утра 6 Іюня раздалась общая канонада со всѣхъ Французскихъ и Англійскихъ батарей. Тогда же находившійся въ секретахъ впереди пятаго отдѣленія линіи обороны подпоручикъ Брянскаго полка Хрущовъ далъ знать на бастіонъ № 1, что въ Киленбалкѣ замѣчено значительное скопленіе непріятельскихъ войскъ. На этомъ бастіонѣ немедленно ударили тревогу, которая тотчасъ распространилась по всему протяженію обороны. Войска расположились по банкетамъ, ближайшіе резервы введены были въ укрѣпленія, а главные вспомогательные резервы заняли опредѣленныя имъ мѣста.

Отъ Французской арміи для штурма, на линіи отъ Доковой балки до рейда, назначены были: дивизія Мейрана изъ 9 баталіоновъ, дивизія д'Отемара изъ 9 баталіоновъ, дивизія Брюне изъ 9 баталіоновъ, императорская гвардія 17 баталіоновъ. Англичане, въ числѣ одиннадцати тысячъ, должны были штурмовать бастіонъ № 3. Кромѣ того, отъ Англійскихъ войскъ должны были направиться: по Лабораторной

балкѣ бригада Бернара въ одну тысячу человѣкъ, а по Сарандинакиной балкѣ бригада Эйра въ двѣ тысячи человѣкъ, противъ укрѣпленій на Пересыпи. Всего, въ общей сложности, для перваго натиска, назначено было 45 тысячъ человѣкъ, вдвое болѣе войскъ защищавшихъ эту линію укрѣпленій. Согласно диспозиціи Французскія войска должны были двинуться двумя колонами. Правую составляла дивизія Мейрана, отъ которой бригада Сореня, въ $4^1/_2$ баталіона, должна была направиться по саперной дорогѣ къ бастіону № 1, а бригада де-Фальи, тоже въ $4^1/_2$ баталіона, назначена была штурмовать бастіонъ № 2; въ ихъ резервъ назначены были гвардейскіе стрѣлки. Вторая колона, изъ дивизій Брюне и д'Отемара, должна была направиться къ Малахову кургану отъ бывшаго Камчатскаго люнета. За этимъ люнетомъ поставлены 12 незапряженныхъ пушекъ, прислуга которыхъ должна была везти ихъ на лямкахъ, вслѣдъ за пѣхотой, для вооруженія Русскихъ батарей, какъ только они будутъ заняты. Резервъ этихъ колонъ составляла императорская гвардія въ 15 баталіоновъ. При каждой колонѣ должны были находиться рабочіе, снабженные штурмовыми лѣстницами, топорами, фашинами и шанцовымъ инструментомъ. Англійскія войска состояли изъ трехъ дивизій, съ раздѣленіемъ каждой на штурмовую колону и резервъ; при каждой колонѣ находилось 60 матросовъ и 50 человѣкъ пѣхоты съ лѣстницами и прочими принадлежностями.

Союзные главнокомандовавшіе предполагали сперва производить усиленную бомбардировку 6 Іюня отъ 2 до 5 часовъ дня, а потомъ двинуть войска; но Пелисье, введенный въ заблужденіе ослабленіемъ огня на оборонѣ, счелъ возможнымъ начать штурмъ въ 3 часа утра. Для этого онъ отправился на Ланкастерскую батарею, съ которой долженъ былъ послѣдовать условный сигналъ тремя ракетами; а лордъ Рагланъ прибылъ на господствующій пунктъ Зеленой горы между Лабораторной и Сарандинакиной балками. Въ это время неожиданно произошелъ слѣдующій случай. Одинъ изъ патрулей, высланныхъ съ бастіона № 1, замѣтивъ передовую цѣпь бригады Сореня, завязалъ съ ней перестрѣлку. Генералъ Мейранъ, видя, что дальнѣйшее замедленіе могло лишить выгоды нечаяннаго нападенія, направилъ свои штурмующія колоны за четверть часа до условленнаго сигнала. Наступавшіе противъ бастіона № 1 встрѣчены были картечью и ружейнымъ огнемъ; въ тоже время стоявшіе противъ устья Киленбухты пароходы: «Владиміръ», «Громоносецъ», «Херсонесъ», «Крымъ», «Одесса» и «Бессарабія» открыли усиленную пальбу по Киленбалкѣ. Множество офицеровъ и рядовыхъ въ колонѣ Мейрана и въ резервѣ было убито

и ранено. Не меньшій уронъ понесла колона Фальи у бастіона № 2, обороняемаго Владимирцами подъ начальствомъ полковника Жерве. Много штабъ и оберъ-офицеровъ и рядовыхъ пало, едва достигнувъ волчьихъ ямъ впереди этого бастіона. Самъ Мейранъ, тяжело раненый картечью въ локоть, былъ пораженъ вторично и унесенъ замертво. Эти войска отошли назадъ въ крайнемъ разстройствѣ. Пелисье, по прибытіи на Ланкастерскую батарею, немедленно послалъ четыре гвардейскихъ баталіона въ подкрѣпленіе дивизіи Мейрана, но эта дивизія еще не успѣла оправиться отъ понесенныхъ ею потерь, а потому атака не возобновлялась.

Въ три часа утра данъ былъ сигналъ къ штурму. Головные баталіоны дивизіи Брюне, не успѣвъ приготовиться къ наступленію, колебались выйти изъ траншей; прочіе также замедлили свое движеніе; но наконецъ они двинулись, имѣя густыя цѣпи стрѣлковъ, а за ними сильныя колоны. Они направились на куртину, между бастіонами № 2 и Корниловымъ, и на Малаховъ курганъ. Въ ста шагахъ отъ куртины наступающіе были встрѣчены сильнымъ картечнымъ огнемъ; когда же они перешли ровъ и стали приставлять лѣстницы, то Суздальцы подъ начальствомъ полковника Дарагана, и 600 штуцерныхъ Якутскаго и Селенгинскаго полковъ, вскочивъ на крону бруствера, стрѣляли въ упоръ, кололи штыками, били прикладами и поражали ихъ во рву камнями. Вынужденные отступить, Французы потомъ два раза пытались штурмовать куртину, но были отражаемы съ большимъ урономъ. При этомъ генералъ Брюне пораженъ былъ смертельно; а принявшій послѣ него генералъ Лафонъ-де-Вильеръ былъ раненъ. Противъ Малахова кургана и батареи Жерве, Французы, встрѣченные сильнымъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ, отступили въ Доковый оврагъ; вторичное нападеніе ихъ также было отбито. Все пространство отъ куртины до Доковаго оврага было усѣяно убитыми и ранеными. Вслѣдъ за первой попыткой означенныхъ дивизій, бригада Ніоля, направясь по Доковому оврагу, взошла по правой его отлогости и быстро устремилась на батарею Жерве, у которой не было рва, а брустверъ былъ невысокій. Французы успѣли ворваться на эту батарею и оттѣснить баталіонъ Полтавскаго полка, имѣвшій въ составѣ своемъ не болѣе 300 человѣкъ; нѣкоторые изъ Французовъ заняли даже домики подъ Малаховымъ курганомъ. Въ это время генералъ Хрулевъ, проѣзжая мимо и видя прорвавшихся Французовъ, остановилъ роту Сѣвскаго полка, возвращавшуюся съ работъ и, присоединивъ къ ней Полтавцевъ, успѣлъ оттѣснить Французовъ; а подоспѣвшіе въ это время 6 ротъ Якутскаго полка окончательно выбили ихъ. Затѣмъ солдаты

вскочили на крыши домиковъ, врытыхъ на половину въ землю, разобрали ихъ и начали стрѣлять въ находившихся тамъ, которые немедленно сдались; въ этомъ числѣ были одинъ штабъ-офицеръ, восемь оберъ-офицеровъ и около ста нижнихъ чиновъ. Генералъ Ніоль, получивъ подкрѣпленіе, два раза покушался овладѣть батареей Жерве; но Якутцы, вспомогаемые четырьмя баталіонами Елецкаго полка, картечнымъ и ружейнымъ огнемъ, нанесли Французамъ такое жестокое пораженіе, что они должны были скрыться въ Доковомъ оврагѣ и въ траншеяхъ.

Въ 3½ часа утра лордъ Рагланъ сдѣлалъ сигналъ къ наступленію. Штурмовыя Англійскія колоны начали выступать изъ траншей въ 400 шагахъ отъ бастіона № 3; но какъ для выхода ихъ оттуда не было заблаговременно приготовлено ступеней, то движеніе замедлилось и произведено было частями въ безпорядкѣ. Начальникъ правой колоны полковникъ Ей, видя совершенную невозможность вести нестройную толпу, подалъ сигналъ къ сбору; но отозвать солдатъ, разсыпавшихся между траншеями и Русскими батареями, оказалось невозможнымъ; къ довершенію суматохи, резервы, выйдя поспѣшно изъ траншей, смѣшались съ штурмовыми колонами. Начальникъ третьяго отдѣленія контръ-адмиралъ Панфиловъ, ожидая штурма, приготовилъ встрѣчу заранѣе, а потому, какъ только Англичане стали выходить изъ траншей, по нимъ открытъ былъ сильный картечный и ружейный огонь. Головныя части непріятельскихъ колонъ, бросивъ лѣстницы и фашины, подались назадъ; но вскорѣ, устроившись, пошли на штурмъ. Одна колона направилась къ батареямъ Будищева и Яновскаго, а другая къ бастіону, и стали разбирать засѣки подъ сильнымъ огнемъ. Въ это время командиръ 4-й дивизіи Джонъ Кембель былъ убитъ, и почти всѣ полковые командиры и другіе начальники выбыли изъ строя. Полковникъ Виндгамъ, устроивъ наскоро войска, повелъ ихъ къ бастіону, возлѣ котораго они успѣли растаскать часть засѣки и срубить нѣсколько палисадовъ. Въ это время генералъ-маіоръ Лисенко, съ штуцерными Брянскаго полка, вскочилъ па брустверъ и началъ осыпать ихъ градомъ пуль, а съ амбразуръ поражала ихъ картечь. Не выдержавъ такого огня, они поспѣшно отступили въ Доковую балку, а часть спустилась въ Лабораторную. Самъ лордъ Рагланъ, возлѣ котораго было убито нѣсколько человѣкъ, удалился съ мѣста побоища *).

Одновременно съ нападеніемъ на бастіонъ № 3, Англичане предприняли атаку батарей на Пересыпи. Двигаясь по Сарандинакиной и

*) Лордъ Рагланъ умеръ скоропостижно 16 Іюня; его преемникомъ былъ генералъ Симпсонъ.

Лабораторной балкамъ и оттѣснивъ бывшіе въ балкахъ секреты, скрывшіеся на батарею Сталя, подошли къ батареямъ Брылкина, Сталя и Перекомскаго, состоявшія подъ общимъ начальствомъ капитана 1 ранга Кислинскаго. Встрѣченные сильнымъ огнемъ этихъ батарей, они засѣли въ строеніяхъ и за оградами садовъ въ лощинѣ, у спуска съ Зеленой горы. Нѣсколько разъ потомъ покушались они овладѣть нашими батареями, но каждый разъ отражены были картечнымъ и ружейнымъ огнемъ Охотскаго и частію Томскаго полковъ. Одна изъ непріятельскихъ колонъ атаковала батарею у Грибка, но была отброшена огнемъ батареи и двумя ротами Томскаго полка, при чемъ взято въ плѣнъ одинъ офицеръ и 5 рядовыхъ.

Въ 6 часовъ утра штурмъ былъ отраженъ на всѣхъ пунктахъ, и непріятели скрылись въ своихъ траншеяхъ. Только одна бригада Эйра оставалась въ строеніяхъ, впереди Пересыпи и на уступѣ крутости лѣвѣе бастіона № 4, отсиживаясь подъ усиленнымъ огнемъ оборонительныхъ батарей. Генералъ Эйръ, тяжело раненый въ голову, ожидалъ до 5 часовъ вечера распоряженій своего начальства о присылкѣ просимыхъ подкрѣпленій, а потомъ уѣхалъ, поручивъ полковнику Адамсону собрать разсѣянныхъ людей и отвести въ лагерь. Это трудное отступленіе исполнено было подъ перекрестнымъ огнемъ съ батарей, въ сумерки. Такъ кончился день воспоминанія злополучнаго Ватерлоо.

Въ донесеніи Его Величеству Государю Императору, посланномъ на другой день по отбитіи штурма, князь Горчаковъ, сообщая подробности дѣла и дѣйствія начальствующихъ лицъ и имъ подчиненныхъ, по прежнему писалъ о необходимости очищенія Севастополя, жалуясь притомъ на недостатокъ пороха. Въ отвѣтъ на это, Государь Императоръ писалъ ему: «Воздавъ отъ глубины сердца благодареніе Всевышнему, повторяю вамъ и всѣмъ нашимъ молодцамъ мою искреннюю и душевную благодарность. Безпримѣрные защитники Севастополя покрыли себя въ этотъ день еще новой неувядаемой славой. Скажите имъ, что я и вся Россія ими гордимся. Брянскому егерскому полку, также отличившемуся въ семъ дѣлѣ, приказалъ я именоваться вашимъ именемъ; да послужитъ онъ вамъ новымъ доказательствомъ моей искренней и сердечной признательности за ваше самоотверженіе и неусыпную ревность, съ коими вы всегда исполняли и исполняете, среди самыхъ трудныхъ обстоятельствъ, всѣ порученія, довѣріемъ незабвеннаго нашего Благодѣтеля и моимъ на васъ возлагаемыя. Объ оставленіи Севастополя, надѣюсь, съ Божіею помощью, что рѣчи не будетъ больше» *)...

*) М. И. Богдановичъ. Восточная война, т. 3, стр. 390.

26 Іюня былъ очень печальный день для Севастопольскихъ защитниковъ. Адмиралъ П. С. Нахимовъ смертельно раненъ! Это извѣстіе поразило какъ молніей всѣхъ: матросы, солдаты, офицеры и начальники всѣхъ родовъ оружія были сильно встревожены этой роковой вѣстью; съ смущеннымъ сердцемъ они сознавали, что въ этомъ человѣкѣ лишились не только разумнаго, добродушнаго, заботливаго начальника, но потеряли незамѣнимаго вождя въ ратованіи за оборону Севастополя.

Въ этотъ день производилась усиленная бомбардировка бастіона № 3 и лѣваго фаса бастіона № 4. Командовавшій Охотскимъ полкомъ, полковникъ Малевскій послалъ къ Нахимову испросить его разрѣшенія по какому-то дѣлу. Вмѣсто отвѣта онъ тотчасъ пріѣхалъ на бастіонъ № 3 и сѣлъ на лавкѣ возлѣ блиндажа вице-адмирала Панфилова, окруженный нѣсколькими офицерами. Вдругъ раздался крикъ сигнальщика—бомба; всѣ бросились къ блиндажу, но онъ остался съ Панфиловымъ неподвиженъ на лавкѣ, гдѣ ихъ осыпало землей. Сдѣлавъ разныя распоряженія, онъ проѣхалъ на Корниловскій бастіонъ, подошелъ къ брустверу и сталъ осматривать въ трубу произведенныя осадныя работы; тутъ пуля попала возлѣ него въ земляной мѣшокъ. «Мѣтко стрѣляютъ», сказалъ онъ; но въ тоже время другая пуля попала ему въ голову, выше лѣваго виска и вышла за ухомъ. Стоявшіе возлѣ него, капитанъ 1 ранга Кернъ и другіе офицеры, снесли его въ блиндажъ для поданія первой помощи, а потомъ отвезли на Сѣверную сторону, въ одинъ изъ флигелей бараковъ военнаго госпиталя. Онъ пробылъ тамъ въ безсознательномъ состояніи два дня и скончался 30 Іюня въ 11 часовъ утра. Какъ бы предчувствуя смерть, онъ за недѣлю до этого говѣлъ, исповѣдывался и пріобщался Св. Тайнъ.

Тѣло адмирала перевезено было въ его квартиру, гдѣ покрыто прострѣленнымъ въ Синопѣ флагомъ корабля «Императрица Марія». Въ залѣ, въ которомъ онъ лежалъ, толпились, постоянно смѣняясь одни другими, офицеры, матросы, солдаты, граждане и женщины: всѣ спѣшили отдать послѣднее прощаніе высокочтимому человѣку. 1 Іюля было назначено отпѣваніе въ адмиралтейскомъ соборѣ, а потомъ состоялись похороны. Въ процессіи участвовали: Модлинскій полкъ, сводный баталіонъ моряковъ и полевая артилерія. Гробъ вынесенъ былъ княземъ Горчаковымъ, графомъ Остенъ-Сакеномъ и другими высшими чинами, какіе могли отлучиться съ мѣстъ своего назначенія; всѣ въ смутной думѣ, въ уныломъ настроеніи смотрѣли на бренные остатки неусыпнаго борца, дѣятельность котораго прекратилась лишь смертію. Торжественно было послѣднее шествіе побѣдителя въ Синопѣ, среди ря-

довъ войскъ, въ сопровожденіи его сподвижниковъ и сплошной массы народа, стоявшаго по обѣ стороны отъ церкви до мѣста погребенія на городской высотѣ, въ особомъ склепѣ, рядомъ съ могилой адмираловъ Лазарева, Корнилова и Истомина, похороненныхъ въ одной могилѣ. Суда стоявшія на рейдѣ приспустили флаги, а съ корабля «Великій Князь Константинъ» произведенъ медленный установленный салютъ. Во все продолженіе печальной церемоніи деликатность Французовъ выразилась тѣмъ, что они не сдѣлали въ это время ни одного выстрѣла.

Оборона Севастополя выставила на удивленіе Россіи и всѣмъ народностямъ необычайную доблесть многихъ борцовъ, а въ томъ числѣ и много весьма даровитыхъ людей, пожертвовавшихъ свою жизнь, или оставшихся изувѣченными страдальцами. Ихъ замѣняли новые борцы, подвизавшіеся съ тѣмъ же самоотверженіемъ, вынося непомѣрный трудъ въ горнилѣ тѣлесныхъ страданій, обороны и атаки, устроенномъ зловреднымъ увлеченіемъ нѣсколькихъ, немногихъ лицъ, съ черствымъ сердцемъ и безграничнымъ самообольщеніемъ. Но потеря адмирала П. С. Нахимова для защитниковъ была незамѣнима. Его благодушіе, мужество, неутомимая дѣятельность, въ обширномъ развѣтвленіи, съ разумной распорядительностью, не имѣла предѣла, вызывая возможное подражаніе въ средѣ сослуживцевъ. Ежедневно объѣзжалъ онъ верхомъ опаснѣйшіе пункты оборонительной линіи съ хладнокровіемъ, доходившимъ до полнаго равнодушія къ жизни, до презрѣнія къ смерти. Все это совершалось просто, скромно, безъ желанія произвести какой-либо эфектъ, съ высокой цѣлью поддержать бодрость воодушевленія въ подчиненныхъ. «Берегите Тотлебена», говорилъ онъ, когда ему напоминали о необходимости беречь себя, «а такихъ какъ мы съ нами найдется довольно». Вѣря слѣпо въ неизбѣжность судьбы, онъ невольно вселялъ въ матросовъ и солдатъ убѣжденіе считать его какъ бы застрахованнымъ отъ опасностей; а когда онъ проѣзжалъ или проходилъ по линіи обороны, то они, вмѣсто отдаванія ему чести, что было имъ запрещено, крестили его вслѣдъ, какъ бы желая оградить отъ всякихъ невзгодъ. Отъ солдатъ онъ получилъ названіе «отецъ матросовъ». Такое простодушное наименованіе говоритъ само за себя и служитъ лучшей характеристикой этого чистосердечнаго человѣка. Онъ дѣйствительно былъ отцемъ-командиромъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ душой обороны, подбодрящей силою защитниковъ, неутомимо заботливый къ удовлетворенію всѣхъ нуждъ людей, безъ различія ихъ званій. На линіи укрѣпленій, на перевязочныхъ пунктахъ и во временныхъ госпиталяхъ, вездѣ, ежедневно, онъ успѣвалъ видѣть все соб-

ственными глазами, узнать лично о всѣхъ надобностяхъ по снабженію, обстановкѣ и положеніи больныхъ и прочувствованнымъ вниманіемъ подать помощь, утѣшеніе и бодрость страждущимъ. Въ продолженіе девяти мѣсяцевъ такой дѣятельности, являясь всюду подъ градомъ чугуна и пуль, неизмѣнно въ костюмѣ, отличавшемъ его отъ всѣхъ прочихъ офицеровъ, онъ ложился на отдыхъ нераздѣтымъ, чтобы всегда быть готову явиться по требованію безъ замедленія. Строгій къ самому себѣ, неумолимый врагъ педанства и бюрократизма, онъ былъ привѣтливъ и простъ въ обхожденіи со своими подчиненными, но требовалъ отъ нихъ безупречнаго исполненія возложенныхъ на нихъ обязанностей. Наблюдая и поддерживая дисциплину, онъ отдавалъ должное уваженіе рыцарскому характеру князя Горчакова, боевымъ заслугамъ графа Остенъ-Сакена и безусловно поддерживалъ во всемъ Тотлебена и князя Васильчикова, уважая въ первомъ интелектуальную силу обороны, а въ другомъ благородство души съ разумной дѣятельностью, и то обстоятельство, что, какъ флигель-адъютантъ, явившійся съ порученіемъ къ князю Меншикову въ осажденный городъ, онъ остался въ немъ, подвергая себя опасности наравнѣ съ солдатами, являясь всюду по первой тревогѣ въ костюмѣ Царскосельскаго гусарскаго полка.

По поводу смерти адмирала Нахимова, И. А. Шестаковъ высказалъ, въ Морскомъ Сборникѣ 1855 года, слѣдующее: «Еще потеря тяжкая, хотя и предвидѣнная; еще смерть поражающая значеніемъ жертвы, новая могила, внушающая благоговѣніе и полная назиданія, бодрый духъ, витавшій надъ бастіонами мученика - Севастополя, живившій его защитниковъ въ теченіе девятимѣсячной, томительной кровавой обороны, отлетѣлъ въ вѣчность: не стало любимца Черноморцевъ, ихъ вожатаго къ славѣ, товарища въ лишеніяхъ, утѣшителя въ неудачахъ и бѣдствіяхъ. Такія могилы не орошаются слезами; удивленіе и уваженіе замѣняютъ печаль сердечную и, сознавая вполнѣ великость потери, невольно увлекаешься желаніемъ изслѣдовать причины соединенія въ одномъ и томъ же смертномъ достоинствъ, дѣлающихъ изъ него замѣчательную особенность въ образецъ потомству. Мелочныя страсти и жалкое самолюбіе легко развиваются въ отдаленныхъ зрителяхъ, можетъ быть даже и во временныхъ участникахъ великой борьбы; рѣшающіе же этотъ важный вопросъ въ Севастополѣ, постоянные дѣйствователи, несущіе все бремя трудовъ, готовые ежеминутно проститься съ міромъ и дать отчетъ предъ судомъ нелицепріятнымъ, не поддаются никакимъ ухищреніямъ, чуждые мелкихъ двигателей человѣчества. Такъ, безъ сомнѣнія, расчитался съ жизнію нашъ добрый адмиралъ. Честолюбіе доступно всякому понятію и возрасту и легко увлекаетъ самые строгіе характеры; но мы утѣшаемъ себя мыслію, что оно пощадило человѣка, имѣвшаго полное право под-

даться его обаянію, что несчастный случай свелъ его въ преждевременную могилу незараженнымъ никакими расчетами, внушаемыми успѣхомъ и извѣстностью, чистымъ, безпорочнымъ сыномъ отчизны, никогда не дѣйствовавшимъ иначе какъ по убѣжденію, не заботившимся о воздаяніяхъ, не старавшимся пріобрѣсти вліяніе, несоотвѣтственное его способностямъ, умѣвшимъ держаться въ той сферѣ, въ которой онъ могъ быть полезенъ, никогда не ссорясь съ своей совѣстію».

Профессоръ Гюббенетъ, въ письмѣ о смерти П. С. Нахимова, высказался объ этомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Чего въ лицѣ его лишился Севастополь, флотъ, вся Россія, того не въ силахъ выразить мое перо. Я былъ свидѣтелемъ тѣхъ восторженныхъ чувствъ къ нему, которыми одушевленъ былъ флотъ и войско, видѣлъ неограниченное довѣріе и безпредѣльную къ нему любовь простого солдата. При частыхъ свиданіяхъ съ нимъ, я имѣлъ случай открывать въ его сердцѣ такія струны, которыя не всякому были такъ доступны, какъ мнѣ. О многочисленныхъ его заслугахъ говорить не стану; приведу только нѣкоторыя черты его характера, какъ успѣлъ узнать, состоя врачемъ при Севастопольскомъ гарнизонѣ. Помню, что въ самый разгаръ его трудовъ, по званію командующаго флотомъ, командира порта, Севастопольскаго губернатора и помощника начальника гарнизона, не только не останавливалось малѣйшее дѣло, но никто не приходилъ къ покойному адмиралу не вовремя, коль скоро дѣло шло объ облегченіи больныхъ, будь эта просьба, по видимому, самая ничтожная. Дѣла у него не ограничивались словами или обѣщаніями; дѣло, представленное адмиралу и имъ одобренное, можно было считать исполненнымъ. Съ отраднымъ чувствомъ вспоминаю и понынѣ о его благородномъ стремленіи и живомъ, восторженномъ участіи, какое онъ принималъ во всякомъ добромъ дѣлѣ, и съ какой нещадной ненавистью клеймилъ всякое злоупотребленіе, а особенно такое, отъ котораго могли пострадать его матросы; съ особенной готовностью онъ выслушивалъ всякое предложеніе, могущее повести хотя къ малѣйшему улучшенію ихъ положенія. Всѣ его дѣйствія отличались юношеской пылкостью; все доброе находило въ немъ заступника самаго горячаго и искренняго; поэтому онъ могъ порою казаться крутымъ и суровымъ, ибо высказывалъ мысль прямо и откровенно, выражалъ не стѣсняясь свое презрѣніе къ мелочности и самолюбію. Чуждый всякого притворства, онъ никогда не скрывалъ своего мнѣнія и высказывалъ его даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда личный расчетъ требовалъ бы этого. Онъ былъ патріотъ какихъ мало, а потому не считалъ достойнымъ хвалить все существующее и скрывать недостатки. Гарнизонъ и Севастополь перенесли много тяжкихъ испытаній, пролито много благородной крови, пало много защитниковъ; но имя Нахимова останется незабвеннымъ изъ всѣхъ именъ; это имя напишется золотыми буквами какъ въ исторіи Россіи, такъ и въ сердцахъ грядущихъ поколѣній».

Б. П. Мансуровъ, въ донесеніи отъ 30 Іюня, высказался объ этомъ событіи такимъ сообщеніемъ: «Сегодня настала та тяжкая, печаль-

ная минута, которой Севастополь такъ долго страшился. Сегодня Черноморскій флотъ лишился своего героя-вождя и облекся въ тотъ сердечный трауръ, который не знаетъ ни мѣры, ни срока. Доблестный нашъ адмиралъ, незабвенный Нахимовъ скончался сего числа и скончался, не увидавъ конца начатаго имъ достославнаго дѣла, въ то именно время, когда всѣ ожили въ ожиданіи того блаженнаго дня, въ который Черноморской семьѣ суждено будетъ отпраздновать освобожденіе Севастополя подъ побѣдоноснымъ флагомъ своего возлюбленнаго начальника. Павелъ Степановичъ такъ часто и такъ явно былъ хранимъ Промысломъ, что всѣ невольно привыкли считать жизнь его завѣтною, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока самъ Севастополь не погребетъ его въ своихъ развалинахъ. Среди общей скорби, я едва смѣю говорить о собственной своей печали. Нѣтъ матроса и офицера, который бы не оплакивалъ въ Нихимовѣ заботливаго отца; нѣтъ храбраго воина, который не потерялъ въ немъ путеводителя на стезѣ долга и отваги».

Въ тотъ же 30 день Іюня начальникъ гарнизона отдалъ слѣдующій приказъ: «Храбрые защитники Севастополя! Провидѣнію угодно было испытать насъ новою тяжкою потерею; адмиралъ Нахимовъ, пораженный пулею на Корниловскомъ бастіонѣ, сего числа скончался. Не мы одни будемъ оплакивать потерю доблестнаго сослуживца, достойнѣйшаго начальника, витязя безъ страха и упрека; вся Россія, вмѣстѣ съ нами, прольетъ слезы искренняго сожалѣнія о кончинѣ героя Синопскаго». «Моряки Черноморскаго флота! Онъ былъ свидѣтелемъ всѣхъ вашихъ доблестей, онъ умѣлъ цѣнить ваше несравненное самоотверженіе, онъ раздѣлялъ съ вами опасности, руководилъ васъ на пути славы и побѣды. Преждевременная смерть доблестнаго адмирала возлагаетъ на меня обязанность дорогой цѣною воздать непріятелю за понесенную нами потерю. Каждый воинъ, стоящій на оборонительной линіи Севастополя, жаждетъ, я несомнѣнно увѣренъ, исполнить этотъ священный долгъ; каждый матросъ удесятеритъ усиліе для славы Русскаго оружія».

Начальникъ третьяго отдѣленія оборонительной линіи вице-адмиралъ Панфиловъ назначенъ былъ помощникомъ начальника гарнизона и завѣдующимъ южной обороной, а вице-адмиралъ Новосильскій командиромъ Севастопольскаго порта и военнымъ губернаторомъ г. Севастополя. Вмѣсто нихъ назначены были: начальникомъ третьяго отдѣленія капитанъ 1 ранга М. А. Перелешинъ I, а начальникомъ четвертаго отдѣленія контръ-адмиралъ Юхаринъ.

Со смертію П. С. Нахимова исчезла объединяющая сила, настойчивое желаніе держаться до послѣдней крайности, развивая оборону соотвѣтственно предпріимчивости непріятелей. Хотя оставались еще весьма почтенные представители Черноморскаго флота, уважаемые по

своимъ боевымъ заслугамъ, и хотя они тоже были люди дѣла и чести, но имъ не доставало той могучей увѣренности въ своемъ призваніи, той видной представительности, всеобщности вліянія на среду защитниковъ и смѣлаго, самостоятельнаго голоса въ совѣщаніяхъ главнокомандовавшаго. Какъ бы велико ни было энергическое настроеніе защитниковъ, но они всѣ были утомлены продолжительной борьбой, не имѣя ни днемъ, ни ночью возможности подкрѣпить себя спокойнымъ отдыхомъ. Одинъ изъ участниковъ обороны Севастополя писалъ*): «Хотѣлось бы скорѣй дожить до зимы, чтобы отдохнуть немного. Постоянный бой, не прекращающійся ни днемъ, ни ночью, вѣчныя бомбы, ядра и ракеты начинаютъ дѣйствовать на нервы. Душа невольно жаждетъ покоя, отдыха, а тутъ впереди еще три мѣсяца такого существованія. Не трудно, что готовъ атаковать не только Ѳедюхины высоты, но самый адъ, чтобы окончить это неестественное положеніе. Конечно, если бы Греки, вмѣсто Ахиллеса, имѣли хотя одну семипудовую бомбу, то Троя не держалась бы и десяти дней». Къ такому душевному настроенію участниковъ обороны присоединилось и настойчивое желаніе главнокомандовавшаго возможно скорѣе закончить оборону города, что̀ вполнѣ парализовало дѣятельность къ дальнѣйшему развитію этой обороны. Тотлебенъ, раненый передъ этимъ, а потому не имѣвшій возможности руководить устройствомъ обороны, въ своемъ описаніи заявилъ, что обороняющимся было упущено самое дорогое время, которымъ гораздо лучше воспользовался противникъ. На всей линіи, отъ бастіона № 3 до бастіона № 1, для противодѣйствія осаднымъ батареямъ, въ теченіе шести недѣль, съ 29 Іюня, прибавлено было только 11 орудій; а между тѣмъ атакующій возвелъ восемь батарей и поставилъ на нихъ 80 орудій для дѣйствія по этой оборонительной линіи.

Прибывшій изъ Петербурга съ особымъ порученіемъ къ главнокомандовавшему, генералъ-адъютантъ Вревскій, ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ въ Крыму, пришелъ къ слѣдующему заключенію. Оставаться до осени въ настоящемъ положеніи значило бы понапрасну истощать свои силы, такъ какъ въ Севастополѣ, даже безъ усиленнаго бомбардированія, выбываетъ изъ строя ежедневно до 250 человѣкъ въ день. Къ этому надлежитъ присовокупить потерю достойнѣйшихъ начальниковъ; оставшіеся же на своихъ мѣстахъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе изнемогаютъ физически и нравственно; а прибывающія вновь лица должны знакомиться съ положеніемъ дѣлъ и пріучаться къ совершенно новой для нихъ дѣятельности. Притомъ снабженіе войскъ и обороны сопряжено съ большими затрудненіями. Въ виду такихъ соображеній онъ доложилъ главнокомандовавшему, что необходимо, по

*) Генералъ-маіоръ Крыжановскій къ Безаку (М. И. Богдановичъ).

прибытіи ожидаемыхъ подкрѣпленій изъ трехъ резервныхъ дивизій, предпринять что-либо рѣшительное къ наступленію на правый флангъ союзниковъ, чтобы выйти изъ такого тяжелаго положенія, въ какомъ находится Севастопольскій гарнизонъ.

Князь Горчаковъ, хотя увѣренъ былъ въ невозможности успѣха наступательныхъ дѣйствій, но не обладалъ однако достаточной силой характера для руководства однимъ своимъ убѣжденіемъ, а потому, подъ вліяніемъ Вревскаго, волнуемый всегдашними опасеніями своими, что̀ скажутъ въ Петербургѣ о бездѣйствіи Крымской арміи, рѣшился атаковать непріятельскую армію, какъ только прибудутъ ожидаемыя 4, 5 и 7 резервныя дивизіи.

Въ донесеніи, представленномъ на высочайше имя, о необходимости перейти къ наступленію, князь Горчаковъ заявилъ при этомъ о невозможности овладѣть укрѣпленными высотами Сапунъ-горы. По его мнѣнію, необходимо было ограничиться попыткою сбить главныя силы непріятельскаго обсерваціоннаго корпуса съ позиціи по лѣвую сторону рѣки Черной, на высотахъ Ѳедюхиныхъ и Гасфортовыхъ, противъ Чоргуна. Занятіе этихъ высотъ будетъ имѣть важныя послѣдствія: мы стѣснимъ непріятеля, лишимъ его изобильнаго водопоя въ въ рѣкѣ Черной и станемъ такъ близко отъ позиціи Сапунъ - горы, что будемъ угрожать ей ежечаснымъ нападеніемъ, такъ что непріятель не можетъ штурмовать Севастополь, не опасаясь атаки въ тылъ во время штурма; притомъ, подобный первый успѣхъ нашъ уронитъ духъ непріятеля, можетъ быть, откроетъ виды для дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій. Къ этому онъ присовокупилъ: но не должно обманывать себя. За успѣхъ этой атаки ручаться невозможно.

Такое донесеніе послано было 21 Іюля. Вскорѣ получено было сообщеніе Государя Императора отъ 20 Іюля «Ежедневныя потери неодолимаго Севастопольскаго гарнизона, все болѣе и болѣе ослабляющія численность войскъ вашихъ, которыя едва замѣняются вновь прибывающими подкрѣпленіями, приводятъ меня еще болѣе къ убѣжденію, выраженному въ послѣднемъ моемъ письмѣ, въ необходимости предпринять что-либо рѣшительное, дабы положить конецъ сей ужасной бойнѣ, могущей имѣть наконецъ пагубное вліяніе на духъ гарнизона. Въ столь важныхъ обстоятельствахъ, дабы облегчить нѣкоторымъ образомъ лежащую на васъ отвѣтственность, предлагаю вамъ собрать изъ достойнѣйшихъ и опытныхъ сотрудниковъ вашихъ военный совѣтъ. Пусть жизненный вопросъ этотъ будетъ въ немъ со всѣхъ сторонъ обсужденъ, и тогда, призвавъ на помощь Бога, приступите къ исполненію того, что̀ признаете наивыгоднѣйшимъ».

Созванныя въ военный совѣтъ начальствующія лица, по предложенію главнокомандовавшаго сообщить ему свои письменныя мнѣнія, большинствомъ предположили начать наступательное дѣйствіе со стороны Инкермана; но графъ Остенъ - Сакенъ и генералы Хрулевъ и Ушаковъ заявили, что атака со стороны рѣки Черной, даже при успѣхѣ, не можетъ дать другихъ результатовъ, какъ только ослабленіе возможности подкрѣплять Севастопольскій гарнизонъ, а на случай новаго штурма имѣть достаточный резервъ для пособія усиліямъ гарнизона; если же необходимо перейти къ активному дѣйствію, то слѣдуетъ вести атаку отъ Корабельной стороны противъ непріятельскихъ батарей на Зеленой горѣ и за Киленбалкой. Князь Горчаковъ, по донесеніи своемъ Государю Императору о результатѣ военнаго совѣта и о намѣреніи своемъ вести наступательное движеніе со стороны рѣки Черной, пожелалъ узнать мнѣніе объ этомъ генерала Тотлебена, лежавшаго на Сѣверной сторонѣ отъ раны въ ногу, и посѣтилъ его. Тотлебенъ объяснилъ ему полную невозможность вести атаку на позиціи непріятеля за рѣкой Черной, противъ укрѣпленій Ѳедюхиныхъ высотъ и Сапунъ-горы, вооруженныхъ значительнымъ числомъ орудій большаго калибра. По его мнѣнію, удобнѣе было бы атаковать непріятеля со стороны Корабельной, между Киленбалкой и Лабораторной; но для успѣха такого дѣла онъ полагалъ непремѣннымъ условіемъ произвести всѣ предварительныя распоряженія въ совершенной тайнѣ и напасть на непріятеля неожиданно, маскируя это нападеніе рекогносцировками со стороны Чоргуна.

Князь Горчаковъ, разставаясь съ Тотлебеномъ, повидимому, предполагалъ не предпринимать или отложить атаку непріятельскихъ позицій за рѣкой Черной; но по возвращеніи въ главную квартиру, находясь подъ вліяніемъ Вревскаго, Коцебу, Бутурлина и другихъ, которые не командовали никакими частями войскъ, а потому не подвергались ни малѣйшей отвѣтственности, снова склонился на сторону прежняго плана. Сосредоточеніе войскъ на Мекензіевой горѣ и къ верховью Бельбека, начавшееся въ послѣднихъ числахъ Іюля, продолжалось дѣятельно, и предполагаемое нападеніе было заранѣе извѣстно не только у насъ, но и въ непріятельской арміи, такъ какъ перебѣжчики отъ непріятеля сообщали, что на Черной ждутъ нападенія. Притомъ, въ главной квартирѣ былъ очень большой штабъ; состоявшіе при немъ офицеры большею частію наѣхали изъ разныхъ мѣстъ Россіи, съ цѣлью пріобрѣсти чины и отличія; въ средѣ ихъ господствовалъ духъ праздности, любоначалія и празднословія (М. И. Богдановичъ). Не имѣя никакихъ опредѣленныхъ занятій, они убивали время на сплетни,

которыя расходились повсюду и достигали Петербурга къ немалому безпокойству князя Горчакова, придававшаго особую важность свѣтской молвѣ. Въ сочетаніи такихъ условій положеніе его было безвыходно. Донося Государю о намѣреніи атаковать непріятеля, онъ съ каждымъ днемъ убѣждался болѣе и болѣе въ невозможности успѣха.

Таково было положеніе подъ Севастополемъ арміи, ввѣренной человѣку, лишенному всякихъ военныхъ дарованій. Насталъ роковой день 4 Августа, и изъ строя корпуса, посланнаго для атаки батарей на Ѳедюхиныхъ высотахъ, подъ начальствомъ генерала Реада, выбыло болѣе восьми тысячъ человѣкъ, въ числѣ которыхъ было убито 3 генерала, 69 штабъ и оберъ-офицеровъ и 2237 нижнихъ чиновъ. При этомъ распорядительность начальника штаба генерала Павла Евстафьевича Коцебу была такова, что люди назначенные съ носилками для уборки раненыхъ, а также врачи съ перевязочными средствами, находились очень далеко отъ мѣста дѣйствія, въ долинѣ рѣчки Шули; а потому солдаты должны были выносить своихъ раненыхъ на плечахъ, вслѣдствіе чего большая часть раненыхъ поступила въ непріятельскіе лазареты. Такъ какъ генералъ Реадъ убитъ одинъ изъ первыхъ, то главнокомандующій самъ лично принялъ командованіе атакующими войсками; стоявшія на позиціи, вполнѣ готовыя, прочія войска были только зрителями этой бойни, не имѣя приказаній двинуться по назначенію. Въ числѣ убитыхъ былъ и генералъ-адъютантъ Вревскій.

На донесеніе о результатѣ сраженія 4 Августа Государь Императоръ сообщилъ: «Огромная потеря нашихъ славныхъ войскъ, безъ всякаго результата, меня крайне огорчаетъ... Но какъ все это ни прискорбно, я не унываю, а покоряюсь безропотно волѣ Божіей, не теряю надежды, что Онъ насъ не оставитъ и что подъ конецъ все-таки наша возьметъ. Разсуждая хладнокровно о теперешнемъ положеніи вещей, я нахожу, что неудача 4 числа ни въ чемъ не перемѣнила наше взаимное положеніе относительно Севастополя. Если Богъ благословитъ выдержать безъ слишкомъ огромной потери начавшее вновь бомбардированіе, которое впрочемъ, по телеграфическимъ донесеніямъ вашимъ, съ 8 числа стало ослабѣвать: то есть надежда, что новый штурмъ будетъ столь же удачно отбитъ, какъ и первый. Но если усиленный огонь будетъ продолжаться еще нѣсколько дней, батареи наши будутъ сбиты и мы не въ состояніи будемъ ихъ исправить, какъ оно доселѣ дѣлалось съ успѣхомъ: то, разумѣется, лучше будетъ рѣшиться на оставленіе Южной стороны; но я не скрываю отъ себя всю трудность исполненія сего предпріятія. Съ нетерпѣніемъ буду ждать, на что вы рѣшитесь. Повторяю вамъ, что если суждено Севастополю пасть, то я буду считать эпоху эту только началомъ новой кампаніи».

Съ разсвѣтомъ 5 Августа загремѣли восемьсотъ непріятельскихъ орудій. Бомбардированіе открылось залпами; потомъ, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, раздавался батальный огонь и жужжаніе штуцерныхъ пуль, а къ полдню почти совсѣмъ стихло. Перерывъ, продолжавшійся три часа, давалъ возможность доставлять снаряды, убирать убитыхъ и раненыхъ и подкрѣпляться пищею. Затѣмъ снова начался такой же грохотъ, съ такими же перерывами. Навѣсная пальба производилась бомбами очень большого калибра, разомъ по нѣскольку. По ночамъ, и даже днемъ, когда утихала канонада, исправляли мерлоны и платформы, очищали рвы и насыпали землю на пороховые погребки, что̀ давало возможность батареямъ оборонительной линіи бороться съ осадной артилеріею. Во всемъ городѣ не оставалось безопаснаго мѣста; городской базаръ исчезъ, лавки закрылись, и вся торговля сосредоточилась въ Николаевской батареѣ, гдѣ было отведено нѣсколько помѣщеній для необходимаго ежедневнаго удовлетворенія нуждъ гарнизона и гражданъ. Одну изъ бомбъ разорвало на паперти собора, во время богослуженія, что̀ заставило перенести соборный храмъ въ Николаевскую батарею, толстые своды которой могли выдерживать удары большихъ снарядовъ. Такое перемѣщеніе совершено было въ день Преображенія, 6 Августа. Въ самый разгаръ утренней канонады шли священнослужители, въ полномъ облаченіи, съ пѣніемъ молитвъ, неся святые дары, церковную утварь, Евангеліе, образа и хоругви, подъ громомъ выстрѣловъ, при трескѣ разрывающихся бомбъ.

8 Августа, во время самой жаркой канонады, князь Горчаковъ посѣтилъ Севастополь, въ сопровожденіи начальника штаба и многочисленной свиты. Обходя укрѣпленія, онъ благодарилъ именемъ Государя, въ самыхъ сердечныхъ выраженіяхъ, всѣхъ кого встрѣчалъ, отъ генерала до матроса и солдата. Въ тотъ же день онъ писалъ военному министру: «Побывавъ утромъ въ Севастополѣ и убѣдясь, что непріятельскій огонь несильно повредилъ наши укрѣпленія, я рѣшился обороняться, пока наши окопы будутъ разрушены до такой степени, что въ успѣхѣ штурма не останется сомнѣнія. Гарнизонъ усиленно исправляетъ укрѣпленія, и я полагаю, что мы, можетъ быть, успѣемъ удержаться въ городѣ до 15 числа сего мѣсяца, когда, надѣюсь, мостъ будетъ готовъ».

Князя Горчакова уже давно, почти съ самаго пріѣзда въ Севастополь, озабочивала мысль о необходимости устроить постоянную переправу чрезъ рейдъ; но адмиралъ Нахимовъ былъ противъ такой постройки, какъ выражающей идею отступленія, а потому заявлялъ, что мостъ на рейдѣ, открытомъ вѣтрамъ съ моря, не можетъ выдержать большого волненія. Это мнѣніе поддерживалось и прочими моря-

ками. Послѣ долгихъ колебаній, исполненіе этого предположенія было осуществлено; мостъ былъ начатъ постройкою изъ плотовъ, наведенъ и освященъ 15 Августа между Николаевской и Михайловской приморскими батареями, гдѣ ширина рейда не превышаетъ 450 саженъ.

Князь Горчаковъ, въ донесеніи 14 Августа, писалъ Государю: «Продолженіе до крайности защиты Севастополя, конечно, будетъ для насъ славнѣе, чѣмъ очищеніе его безъ очевидной необходимости. Дѣйствуя такъ, армія понесетъ, можетъ быть, большой уронъ; но она для того только и существуетъ, чтобы умирать за Вашу славу».... Тогда же онъ писалъ военному министру: «Быть можетъ, я поступилъ глупо, рѣшась продолжать оборону Севастополя; но изъ двухъ плохихъ способовъ дѣйствій, остающихся на мой выборъ, я предпочелъ наиболѣе достойный. Впрочемъ, я дѣлаю въ тайнѣ приготовленія къ очищенію города*) и укрѣпляю Сѣверную сторону, чтобы противодѣйствовать непріятелю, когда онъ займетъ Севастополь».

Въ 5 часовъ утра 25 Августа началось особенно усиленное бомбардированіе. Весь Севастополь покрылся густымъ облакомъ дыма, который съ этого времени разстилался надъ городомъ три дня; хотя солнце свѣтило, но его не было видно. Потрясающіе всю окрестность залпы смѣнялись безпрерывнымъ гуломъ орудій, а потомъ снова раздавались съ прежней силою. Это былъ, по выраженію одного изъ участниковъ обороны (Бергъ, Воспоминанія) адъ, пожирающій защитниковъ Малахова кургана, на который было сосредоточено болѣе ста непріятельскихъ орудій большого калибра и въ томъ числѣ до 40 мортиръ. Одна изъ бомбъ въ этотъ день попала въ большой транспортъ «Березань», стоявшій на рейдѣ, и разорвалась въ трюмѣ, отчего онъ сгорѣлъ. Въ городѣ произошло нѣсколько пожаровъ. Ночью бомбы, какъ падающія звѣзды, сверкали по всѣмъ направленіямъ, скрещиваясь на полетѣ и разрываясь съ зловѣщимъ трескомъ. Не смотря однако на такую оглушительную трескотню, всѣ поврежденія перваго дня были исправлены.

Бастіонъ № 2, находясь въ лощинѣ, поражаемъ былъ съ трехъ сторонъ прямыми, продольными и навѣсными выстрѣлами изъ 60 орудій и 30 мортиръ. Изъ 20 его орудій остались цѣлы только шесть, а прислуга ихъ почти вся была ранена или убита. Въ замѣнъ ея поставлены были Курскіе ополченцы, изъ числа подготовленныхъ въ учебныхъ командахъ на корабляхъ. По опасности сообщенія съ этимъ

*) Это тайное очищеніе состояло въ транспортировкѣ всѣхъ складовъ и арсеналовъ, морскихъ, артиллерійскихъ и инженерныхъ, на Сѣверную сторону, что было извѣстно гарнизону и морякамъ.

бастіономъ, на него нельзя было доставлять необходимое боевое снабженіе, а равно туры и фашины. По ночамъ его амбразуры исправлялись высохшимъ хворостомъ, отчего они часто загорались, а амбразуры разваливались; для починки платформъ не было лѣса; въ водѣ тоже чувствовался недостатокъ. На Корниловскомъ бастіонѣ, въ переднемъ фронтѣ, бруствeръ срытъ былъ до половины, ровъ мѣстами засыпанъ, почти всѣ мерлоны разрушены и подбито много орудій. Здѣсь нѣсколько разъ загорались туры, и наконецъ пламя перешло на туровую одежду порохового погреба. Непріятель, замѣтивъ огонь, сосредоточилъ на этотъ пунктъ сильный, прямой и навѣсный огонь; но, не смотря на это, пожаръ быстро былъ потушенъ усиліями саперовъ и рабочихъ подъ начальствомъ прапорщика Насакина, который былъ при этомъ раненъ. Кромѣ прямой и навѣсной пальбы, брошено было на Малаховъ курганъ нѣсколько бочекъ съ порохомъ; одна изъ нихъ упала на банкетъ полукруглой батареи, впереди гласиса, и своимъ взрывомъ вывела изъ фронта 10 человѣкъ и разрушила бруствeръ на три сажени; этотъ обвалъ былъ тотчасъ задѣланъ распорядительностію подпоручика 4 сапернаго баталіона Софронова. Вслѣдъ затѣмъ на курганѣ взлетѣлъ погребокъ съ 50 зарядами и 100 снаряженными бомбами и гранатами, чѣмъ вывело изъ фронта 15 человѣкъ. Ночью, съ 25 на 26 Августа, за горжей Малахова кургана загорѣлся складъ сухого хвороста, освѣщая яркимъ заревомъ укрѣпленія обороны, что дало возможность непріятелю усилить цѣльную пальбу; но самоотверженной дѣятельностью саперовъ, подъ начальствомъ поручика Орды, пожаръ былъ вскорѣ потушенъ.

Въ 3 часа пополудни, 25 Августа, бомба упала на стоявшій у сѣвернаго берега фрегатъ «Коварна», нагруженный двумя стами бобочекъ спирта, и зажгла его. Этотъ пожаръ продолжался почти до разсвѣта, освѣщая зеленымъ заревомъ бастіоны № 1, и 2 и Корниловскій. Того же числа, въ 10 часовъ ночи, въ то время, когда два большихъ барказа съ двумя стами пудовъ пороха, подошли къ Екатерининской (графской) пристани, одинъ изъ нихъ былъ взорванъ боевой ракетой, а другой, отъ сотрясенія, затонулъ. При этомъ взрывѣ погибли лейтенантъ князь Кекуатовъ и нѣсколько матросовъ, тяжело раненъ завѣдывавшій перевозочными средствами капитанъ 2 ранга Лихачевъ и сильно контуженъ камнемъ капитанъ морской артилеріи Пестичъ. Въ каменной пристани образовался углубленный ковшъ, на лѣстницѣ почти всѣ ступени поставлены ребромъ; лежавшая на пристани пушка была брошена на среднюю площадку. Отъ сильнаго сотрясенія на Николаевской и Павловской береговыхъ батареяхъ много

стеколъ и нѣкоторыя оконныя рамы были выбиты, и даже на Сѣверной сторонѣ растворились двери въ нѣкоторыхъ лазаретныхъ баракахъ. Въ продолженіе трехъ сутокъ усиленнаго бомбардированія, убыль людей въ гарнизонѣ была около 7500, раненыхъ и убитыхъ.

Для защиты Малахова кургана находилось на немъ, 27 Августа, три баталіона полковъ: Модлинскаго, Пражскаго и Зомосцкаго, составленныхъ большею частію изъ рекрутовъ, численностію около 1400 человѣкъ; кромѣ того имѣлось до 500 артилерійской прислуги, саперовъ и штуцерныхъ и до 300 ополченцевъ для работъ. Начальникомъ кургана и четвертой оборонительной линіи былъ капитанъ лейтенантъ Карповъ, а начальникомъ войскъ генералъ-маіоръ Буссау. Въ расположенномъ во второй оборонительной линіи резервѣ находились три полка: Елецкій, Сѣвскій и Брянскій, въ общемъ числѣ до 2400 человѣкъ.

Съ разсвѣтомъ этого дня непріятель, по прежнему, открылъ усиленную бомбардировку, направляя огонь преимущественно на Малаховъ курганъ и бастіонъ № 2. Около полудня на Малаховомъ курганѣ люди обѣдали, укрывшись отъ выстрѣловъ; на банкетахъ оставалось нѣсколько штуцерныхъ, а у орудій очень мало прислуги. Генералъ-маіоръ Буссау, находясь за тыльными траверсами бастіона, раздавалъ Георгіевскіе кресты, присланные изъ главной квартиры; а капитанъ-лейтенантъ Карповъ былъ въ блиндажѣ съ прибывшимъ отъ главнокомандовавшаго флигель-адъютантомъ Воейковымъ. Вдругъ съ сигнальнаго поста раздался крикъ: Французы!

Закончивъ пальбу нѣсколькими залпами, преимущественно картечными гранатами, непріятельскія батареи прекратили пальбу въ полдень. Въ тотъ же моментъ дивизія Макъ-Магона, въ числѣ десяти тысячъ человѣкъ, устремилась густой цѣпью на штурмъ Малахова кургана; передовые полки, пробѣжавъ 50 шаговъ отъ своей траншеи, взлѣзли на обвалившійся брустверъ, прежде чѣмъ защитники успѣли вскочить на банкеты. Модлинцы, быстро собравшись, встрѣтили непріятелей штыками; а Карповъ тоже успѣлъ собрать матросовъ, саперовъ и ополченцевъ на помощъ Модлинцамъ. Послѣ отчаяннаго рукопашнаго боя, когда были убиты генералъ-маіоръ Буссау, командиръ Модлинскаго полка полковникъ Аршеневскій и флигель-адъютантъ Воейковъ, а Карповъ, сильно раненый, упалъ безъ чувствъ, Модлинцы вынуждены были удалиться за горжу и, соединившись тамъ съ Зомосцами и ротами Пражскаго полка, оттѣсненными съ лѣвой батареи кургана, начали перестрѣлку съ непріятелями. Черезъ полчаса Французы

овладѣли бастіономъ Корнилова и водрузили на немъ знамя. Въ началѣ этой атаки 30 Модлинцевъ, съ тремя офицерами: поручикомъ Юніемъ, подпоручиками Данильченко и Бодзевичемъ и двумя кондукторами морской артилеріи Вѣницкимъ и Дубининымъ, находились въ башнѣ для охраны пороха и снарядовъ. При появленіи Французовъ, они немедленно завалили входъ въ башню и сквозь ружейныя бойницы мѣткими выстрѣлами поражали непріятелей, толпившихся вокругъ башни, нанося имъ значительный вредъ. Это занятіе продолжалось ими до той поры, пока у нихъ не оказалось патроновъ; а между тѣмъ Французы, покончивъ съ очисткою бастіона, подвезли свою гаубицу ко входу въ башню, вслѣдствіе чего они сдались.

Начальникомъ пятаго отдѣленія оборонительной линіи былъ въ это время капитанъ 1 ранга Микрюковъ, а командующій войсками прикрытія генералъ-маіоръ Сабашинскій. На бастіонѣ № 2 люди обѣдали, укрывшись отъ выстрѣловъ. Одновременно съ атакой Малахова кургана, Французы, въ числѣ пяти тысячъ человѣкъ, пробѣжавъ около 60 шаговъ отъ своихъ траншей, успѣли ворваться въ этотъ бастіонъ, и опрокинувъ бѣжавшіе навстрѣчу имъ два баталіона Охотскаго полка, направились къ Корабельной слободкѣ. Въ это время генералъ-маіоръ Сабашинскій успѣлъ собрать ближайшіе полки, къ которымъ примкнули и Олонецкіе баталіоны, атаковалъ Французовъ, опрокинулъ ихъ и выбилъ изъ бастіона; а затѣмъ по нимъ былъ открытъ ружейный и картечный огонь. Въ тоже время пароходы «Владиміръ», «Херсонесъ» и «Одесса» поражали своими выстрѣлами непріятеля, толпившагося въ Киленбалкѣ; особенно большой вредъ наносилъ «Владиміръ», обстрѣливая бомбическими орудіями на близкомъ разстояніи всю эту мѣстность и дѣйствуя во флангъ Французовъ. Послѣ первой атаки, вновь прибывшіе резервы три раза пытались овладѣть бастіономъ № 2, но каждый разъ встрѣчали сильный картечный и ружейный огонь обороняющагося, уничтожавшій въ ихъ строѣ много людей, и должны были окончательно удалиться.

Атака на куртину, между бастіонами Корнилова и № 2, была произведена отрядомъ Французовъ въ четыре тысячи человѣкъ. Защищали ее два баталіона Муромскаго полка и два баталіона Олонецкаго полка, въ общемъ числѣ около 1200 человѣкъ, которые успѣли своевременно занять банкеты; а потому непріятели были встрѣчены сильнымъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ. Не смотря однако на такую встрѣчу, они успѣли ворваться въ куртину, вытѣснили защитниковъ и направились ко второй оборонительной линіи; но встрѣченные войсками, приведенными генераломъ Хрулевымъ, были отброшены съ

большой потерей и бѣжали въ свои траншеи. Тѣмъ не менѣе, пришлось оставить эту куртину вслѣдствіе того, что занявшіе Корниловскій бастіонъ сильно начали поражать людей ружейными выстрѣлами. Батарея Жерве тоже была занята сильнымъ отрядомъ Французовъ; защищавшій ее Казанскій полкъ вынужденъ былъ отступить ко второй оборонительной линіи.

Начальникомъ третьей оборонительной линіи былъ капитанъ 1 ранга Перелешинъ 1, а начальникомъ войскъ прикрытія генералъ-лейтенантъ Павловъ, подъ командой котораго находилось до 7500 человѣкъ. Когда на бастіонѣ Корнилова появилось Французское знамя, генералъ Кадингтонъ послалъ Англійскія войска на штурмъ бастіона № 3, который защищали два баталіона Владимирскаго полка, въ числѣ около 750 человѣкъ. Англійскія штурмующія колонны должны были пройти болѣе 300 шаговъ подъ сильнымъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ; не смотря на это, пользуясь разрушеннымъ состояніемъ бруствера съ лѣвой стороны исходящаго угла, они успѣли ворваться въ бастіонъ, но немедленно были выбиты оттуда подоспѣвшими резервами и съ значительнымъ урономъ бѣжали. При этомъ взято было въ плѣнъ болѣе 150 человѣкъ, въ числѣ которыхъ находился полковникъ Гаммондъ, получившій 9 ранъ штыками. Новая попытка противъ этого бастіона отражена была сильнымъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ; только нѣсколько человѣкъ успѣли достигнуть рва и засѣли въ нихъ. Прапорщикъ Дубровинъ, съ охотниками, спустился въ ровъ, гдѣ частію истребилъ ихъ, а остальныхъ, сдавшихся, взялъ въ плѣнъ.

Противъ правой линіи обороны атака началась въ два часа дня. Французовъ направлено было 18500 человѣкъ, а защитниковъ было около 15000 человѣкъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Семякина. Съ Французской стороны предполагалось дѣйствовать сначала, съ раняго утра флотомъ; но неблагопріятный свѣжій вѣтеръ парализовалъ это предпріятіе, ограничившееся только высылкою нѣсколькихъ канонерскихъ лодокъ, перестрѣливавшихся съ приморскими батареями, Въ сухопутной атакѣ они были отражены на всѣхъ пунктахъ съ большой потерей людей; ихъ также много погибло въ лощинѣ противъ бастіона № 5, гдѣ, при большомъ скопленіи людей, взорваны были три каменометныхъ фугаса, заложенныхъ обороняющимся ранѣе этого. Во рву редута № 1, Шварца, взято было въ плѣнъ, одинъ штабъ-офицеръ, пять оберъ офицеровъ и 78 нижнихъ чиновъ.

Французы потеряли передъ корабельной линіей 5449 человѣкъ, а передъ городскими укрѣпленіями 2118 человѣкъ; въ числѣ ихъ было

убито генераловъ 5, офицеровъ 304. Англичане потеряли 2447 человѣкъ, въ томъ числѣ убито 3 генерала. Сардинцы, хотя не участвовавшіе въ атакѣ, но находившіеся на позиціи подъ выстрѣлами защитниковъ, потеряли 40 человѣкъ убитыми и ранеными.

Главнокомандовавшій, получивъ извѣстіе о началѣ штурма, прибылъ въ Николаевскую батарею. Узнавъ здѣсь, что Малаховъ курганъ занятъ Французами, а генералъ Хрулевъ раненъ, онъ послалъ туда начальника 12 пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенанта Мартынау, съ Азовскимъ и Одесскимъ полками, поручивъ ему командованіе войсками восточной линіи обороны. Прибывъ къ Малахову кургану въ то время, когда защитники были уже вытѣснены оттуда и послѣ попытки Хрущова штурмовать его, Мартынау повелъ на штурмъ кургана Азовцевъ и Одесцевъ, но въ это время былъ тяжело раненъ въ плечо. Удалясь, онъ послалъ доложить главнокомандовавшему, что войска Корабельной остались безъ начальника.

Получивъ свѣдѣніе объ этой неудачѣ, князь Горчаковъ поручилъ генералъ-лейтенанту Шепелеву принять начальство надъ войсками вмѣсто раненаго Мартынау, а потомъ самъ отправился на Корабельную. Прибывъ около 5 часовъ на вторую оборонительную линію противъ кургана, онъ оставался тамъ болѣе получаса подъ сильнымъ огнемъ непріятеля; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, убитъ былъ адъютантъ его, офицеръ генеральнаго штаба Мейендорфъ. Видя передъ собою Малаховъ курганъ, занятый Французскими войсками въ значительномъ числѣ, онъ удостовѣрился, что невѣроятная возможность занять курганъ и выбить отъ туда Французовъ потребовала бы безполезно очень много жертвъ, а потому, отдавъ приказаніе генералу Шепелеву не предпринимать ничего и удерживать возможный натискъ непріятеля на вторую линію, рѣшился вывести защитниковъ изъ Севастополя.

Около пяти часовъ пополудни, одной изъ гранатъ, брошенныхъ со второй оборонительной линіи, взорванъ былъ на куртинѣ, между бастіонами Корнилова и № 2, пороховой погребъ. Отъ этого взрыва понесли значительный уронъ дивизіи Дюлака и Ла-Мотружа, въ особенности послѣдняя: много офицеровъ и солдатъ взлетѣло на воздухъ. Дивизія Макъ-Магона и ея резервы также сильно пострадали, хотя и находились въ разстояніи полуверсты отъ мѣста взрыва, такъ какъ огромныя балки упали на Малаховъ курганъ. Непріятель, устрашенный неожиданнымъ ударомъ, опасаясь вторичнаго взрыва, отвелъ значительную часть войскъ изъ находившихся на курганѣ въ траншеи, очистивъ совершенно куртину (М. И. Богдановичъ).

Согласно разосланной диспозиціи, отступленіе войскъ, по первой ракетѣ съ малаго бульвара, началось въ 7 часовъ вечера. Для поддержанія на укрѣпленіяхъ пальбы, имѣвшей цѣлью скрыть по возможности отступленіе, оставлены были охотники отъ артилеріи и пѣхоты; а командамъ моряковъ и саперовъ поручено было заклепывать орудія и разрушать ихъ станки, а потомъ производить взрывы пороховыхъ погребовъ, по сигналамъ, ракетами. Съ городской стороны, послѣдовательно, войска направлялись на Екатерининскую площадь и переходили по мосту чрезъ рейдъ; съ Корабельной—нѣкоторыя переправлялись на Сѣверную сторону на судахъ, а другіе, ближайшіе къ южной бухтѣ, проходили по мосту чрезъ эту бухту; всѣ обозы съ Корабельной направлялись къ этому мосту, слѣдуя на Екатерининскую площадь ранѣе отступающихъ войскъ. Отправленіе на Сѣверную сторону раненыхъ, своихъ и непріятельскихъ, на пароходахъ и гребныхъ судахъ, съ Графской пристани производилось подъ наблюденіемъ князя Васильчикова, а отправленіемъ раненыхъ отъ Корабельной бухты завѣдывалъ вице-адмиралъ Панфиловъ. Перевозочными средствами завѣдывалъ капитанъ 2 ранга Воеводскій. Переправа совершалась при свѣжемъ сѣверо-западномъ вѣтрѣ. Не смотря на волненіе, мостъ загруженный орудіями, обозами и людьми, хотя и колыхался и былъ заливаемъ водой, но устоялъ благодаря усердію моряковъ и саперовъ, подводившихъ постоянно подъ мостъ осмоленныя бочки. Иногда переходящимъ казалось, что мостъ разорвался, толпа съ крикомъ бросалась назадъ, и переправа останавливалась. Большого труда понадобилось завѣдывавшему этой переправой, начальнику Курскаго ополченія генералъ-маіору Бѣлявцеву, чтобы соблюсти возможный порядокъ.

Когда главныя силы гарнизона и большая часть раненыхъ переправлены были на Сѣверную сторону, поданъ былъ второй сигналъ ракетою, по которому стали отходить къ мостамъ войска и охотники съ оборонительной линіи, оставляя за собою у пороховыхъ погребовъ на проводныхъ пороховыхъ дорожкахъ зажженые фитили различной длины, чтобы взрывы происходили разновременно и продолжались возможно долѣе, что̀ производилось подъ наблюденіемъ особыхъ командъ при офицерахъ. Одинъ за другимъ взлетали пороховые погреба; хранившіеся въ нихъ снаряды, подброшенные вверхъ, лопались въ воздухѣ и огненными звѣздами падали на землю. Угрюмая тишина темной ночи нарушалась взрывами, отъ которыхъ окончательно уничтожались полуразрушенныя укрѣпленія обороны, блиндажи на нихъ и ближайшіе дома. Затѣмъ послѣдовало сожженіе города. Сигналомъ для

общаго пожара было зарево морской офицерской библіотеки, изъ которой ранѣе, по распоряженію адмирала Нахимова, все имущество этого учрежденія, съ моделями, было отправлено на подводахъ въ Николаевъ. Дѣломъ поджога завѣдывалъ капитанъ Воробьевъ, состоявшій при князѣ Васильчиковѣ; въ его вѣдѣніи находилась особая команда, имѣвшая фальшфеѳы и другія зажигательныя средства. Одновременно вспыхнулъ огонь въ разныхъ мѣстахъ города, преимущественно на навѣтренной сторонѣ, вслѣдствіе чего свѣжій вѣтеръ, раздувая огонь и перенося съ одной полуразвалины на другую, помогалъ этому уничтоженію. Вскорѣ все слилось въ общую массу пламени и дыма, освѣтивъ окрестность, а небо сдѣлалось багровымъ; это освѣщеніе помогло порядку переправы, а союзникамъ дало возможность успокоенія въ наблюденіи за порядкомъ очищенія Севастополя. Стоявшій въ одномъ изъ отдѣленій дока пароходъ «Первазъ-Бахри», получившій наименованіе «Корниловъ», вполнѣ исправленный, былъ сожженъ лейтенантомъ Аѳанасьевымъ, завѣдывавшимъ переправою обозовъ и войскъ по мосту чрезъ южную бухту.

Одновременно съ переправою войскъ, затоплены были корабли и всѣ прочія военныя и транспортныя суда. Корабль «Ягудіилъ» затопленъ былъ у Павловскаго мыса, вслѣдствіе чего не могъ погрузиться подъ водой, а потому былъ сожженъ. 28 Августа, утромъ, командами охотниковъ произведены были взрывы пороховыхъ погребовъ на береговыхъ батареяхъ № 7, № 8 и № 10; послѣ полдня взлетѣла на воздухъ Александровская береговая батарея, 29 Августа были взорваны береговыя батареи Павловская и Николаевская. (Небольшая часть этой послѣдней, въ западной оконечности, была взорвана Французами 10 Февраля 1856 года). Съ 30 на 31 Августа, ночью, были затоплены всѣ пароходы.

30 Августа погасли развалины Севастополя, и союзники заняли городъ. Комендантомъ Севастополя назначенъ былъ Французскій генералъ Базенъ, а комендантами Корабельной стороны назначены Англійскій полковникъ Виндгамъ и Французскій штабъ офицеръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ составлены были, изъ Французскихъ и Англійскихъ войскъ, гарнизоны обѣихъ сторонъ города; но какъ эти обѣ стороны не существовали, то коменданты, съ гарнизонами, возвратились въ свои лагери, развалины же Севастополя обратились въ пустыню. Такимъ образомъ слова адмирала П. С. Нахимова оправдались: мы оставили только трупы и развалины.

Въ день окончательнаго состязанія защитниковъ Севастополя, 27 Августа, изъ числа ихъ выбыло изъ фронта 11687 человѣкъ, въ чи-

слѣ убитыхъ 3 генерала (Буссау, Юферовъ и Лысенко), 5 штабъ-офицеровъ, 65 оберъ-офицеровъ и 2614 нижнихъ чиновъ. Потеря союзниковъ, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, простиралась, выбывшихъ изъ фронта до 10000 человѣкъ. Но принимая во вниманіе, что потери Англичанъ при троекратной попыткѣ къ атакѣ бастіона № 3 и прилегающихъ къ нему батарей, были очень велики, дѣйствительная потеря должна была многимъ превышать указанную численность. Это убѣжденіе подтверждаетъ М. И. Богдановичъ. Въ продолженіе осады выбыло изъ строя около 102 тысячъ въ Севастополѣ; въ сраженіяхъ при Алмѣ, Балаклавѣ, Инкерманѣ, у Евпаторіи и Черной до 26000 человѣкъ, а умерло отъ болѣзней 8455 человѣкъ. Исключая изъ этого числа 53262 выздоровѣвшихъ, можно считать, что дѣйствительный уронъ былъ до 83000 человѣкъ. Изъ этого числа слѣдуетъ исключить около 10000 человѣкъ дѣйствительной потери внѣ Севастополя; такимъ образомъ получится приблизительно цифра около 73 тысячъ человѣкъ, погибшихъ въ продолженіе 349 дней почти безпрерывнаго артиллерійскаго боя.

Въ Американскомъ журналѣ Scribner's Magazine 1892 года, въ статьѣ В. Росселя «Историческіе моменты», помѣщенъ разсказъ этого очевидца о послѣднемъ днѣ Севастополя, изъ котораго мы извлекаемъ слѣдующее: «Было ровно 55 минутъ 12-го, когда, стоя на Каткартовой горѣ, я услыхалъ крикъ одного офицера: «Французы идутъ на Малаховъ курганъ». Между этимъ курганомъ и ближайшей Французской траншеей было всего около 60 шаговъ. Дѣйствительно, я увидѣлъ, что зуавы быстро перелетѣли чрезъ канаву и взобрались на парапетъ прежде чѣмъ Русскіе встрѣтили ихъ изъ одного орудія; но мгновенно раздались залпы. Наступила страшная борьба, какъ внѣ, такъ и внутри знаменитаго укрѣпленія, взятіе котораго Франціи дало славу побѣдителя, а Пелиссье титулъ герцога. Я смотрѣлъ напряженно, но облако пыли мѣшало мнѣ видѣть. «Глядите!» снова раздался голосъ офицера. «На курганѣ флагъ! Нѣтъ, два флага—трехцвѣтный и нашъ. Намъ теперь дѣйствовать». Это былъ сигналъ для атаки Англичанами большого редана. Всѣ зрительныя трубы и бинокли были направлены на нашу пятую параллель, и сердце каждаго стало лихорадочно биться при видѣ, какъ красные мундиры перелѣзли чрезъ парапетъ и пустились бѣгомъ къ редану. Но въ туже минуту раздались страшные выстрѣлы изъ этого укрѣпленія; въ немъ открылись неподозрѣваемыя нами амбразуры, и ядра, картечь и пули, изъ пушекъ и ружей, посыпались дождемъ. Въ нѣсколько мгновеній передовые ряды штурмующихъ были уничтожены; всѣ шедшіе впереди офицеры погибли; роты, снабженныя лѣстницами, саперы и стрѣлки падали грудами подъ роковымъ огнемъ. Колоны все-таки шли впередъ, но имъ приходилось переступать чрезъ павшихъ товарищей, и ихъ ряды также быстро пустѣли. Не смотря на это, мы видѣли, что крас-

ные мундиры показались на вершинѣ редантa и были увѣрены, что онъ нашъ; но этому не суждено было осуществиться. Густой дымъ скрывалъ борьбу внутри, куда уже достигли сотни нашихъ солдатъ, а извнѣ застилали землю груды труповъ, и какъ мы ни смотрѣли въ сторону нашихъ параллелей, гдѣ недвижно стояли наши лучшіе полки, не видно было, чтобы ихъ двинули на помощь, въ то время, какъ Русскіе ежеминутно усиливались подходящими солдатами. Намъ казалась каждая минута цѣлымъ часомъ; всюду мы слышали гнѣвныя восклицанія: «гдѣ же резервы?» Хотя весь фронтъ Севастополя принималъ участіе въ страшной канонадѣ и на Малаховомъ курганѣ бой становился ежеминутно сильнѣе, но мы видѣли только одно—отступленіе нашихъ солдатъ. Виндгамъ, принявшій начальство надъ штурмующими колонами, послалъ нѣсколько офицеровъ съ просьбой о помощи; но одни изъ нихъ были убиты, а другіе тяжело ранены. Тогда самъ Виндгамъ, войдя въ ближайшую параллель, сталъ просить сера Кадингтона о немедленной посылкѣ всѣхъ резервовъ; но пока они переговаривались, наступилъ конецъ. Мы съ ужасомъ увидѣли, что красные мундиры выбѣжали изъ амбразуръ и бросились въ ровъ; Русскіе слѣдовали за ними, стрѣляя изъ ружей. Мы потеряли въ полтора часа 153 офицера и 2447 солдатъ, а главно, мы потеряли право раздѣлить съ Франціей честь побѣды. Французы также понесли большія потери и были отбиты вездѣ; но имъ удалось удержать за собой Малаховъ курганъ, а наши храбрѣйшіе, лучшіе люди безъ всякой пользы устилали своими трупами всю мѣстность вокругъ редантa».

Затѣмъ Россель сообщаетъ, что въ виду побѣды Пелиссье и продолжающагося огня со стороны Русскихъ, Англичане рѣшили возобновить штурмъ редантa на слѣдующее утро, въ 5 часовъ; но въ полночь раздались страшные взрывы въ Севастополѣ, который покрылся заревомъ пожара. Потомъ быстро послѣдовали, одинъ за другимъ, взрывы Русскихъ пороховыхъ магазиновъ и укрѣпленій; а когда стало свѣтать, то они увидѣли неожиданное зрѣлище: Севастополь представлялъ океанъ огня; все было въ немъ разрушено, флотъ потопленъ, и Русскія войска, перейдя чрезъ мосты южной бухты и главнаго рейда на Сѣверную сторону, уничтожили затѣмъ мосты по ненадобности. Отступленіе Горчакова, замѣчаетъ Россель, было совершено съ мастерскимъ искусствомъ. Передъ самымъ закатомъ солнца, наканунѣ, онъ сдѣлалъ послѣднее усиліе, чтобы выбить Французовъ съ Малахова кургана; а когда это не удалось, то онъ приказалъ очистить Севастополь, для чего мѣры уже давно были подготовлены съ удивительнымъ умѣньемъ. Прикрывъ свой тылъ горящимъ городомъ и роковыми взрывами, парализовавшими всякое наступательное движеніе, онъ перевелъ свою армію узкими колонами чрезъ глубокій рукавъ моря, въ виду двухъ сильнѣйшихъ флотовъ въ мірѣ. Онъ, какъ на парадѣ, провелъ свои полки, взорвалъ свои укрѣпленія и потопилъ

свои корабли тихо, спокойно, предъ глазами врага; мало того, онъ взялъ съ собою оружіе, полевую артилерію, остатки фуража и всѣ знамена. «Воспоминаніе о тѣхъ ужасахъ», говоритъ онъ, «которые я тамъ увидѣлъ, долго печалили меня въ часы уединенныхъ размышленій въ послѣдующіе годы моей жизни, и теперь еще память о нихъ сохраняется со страшной ясностью».

По полученіи телеграфнаго сообщенія о событіяхъ въ Севастополѣ и объ отступленіи изъ него, состоялся слѣдующій высочайшій приказъ 30 Августа 1855 года.

«Долговременная, едва ли не безпримѣрная въ военныхъ лѣтописяхъ, оборона Севастополя обратила на себя вниманіе не только Россіи, но и всей Европы. Она съ самаго почти начала поставила его защитниковъ на ряду съ героями, наиболѣе прославившими наше отечество. Въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ гарнизонъ Севастопольскій оспаривалъ у сильныхъ непріятелей каждый шагъ родной, окружавшей городъ, земли, и каждое изъ дѣйствій его было ознаменовано подвигами блистательнѣйшей храбрости.

«Четырекратно возобновляемое жестокое бомбардированіе, коего огонь былъ справедливо именуемъ адскимъ, колебало земляныя стѣны нашихъ твердынь, но не могло потрясти и умалить постояннаго усердія защитниковъ его. Съ неодолимымъ мужествомъ, съ самоотверженіемъ, достойнымъ воиновъ-Христіанъ, они поражали враговъ или гибли, не помышляя о сдачѣ. Но есть невозможное и для героевъ. 27 сего мѣсяца, послѣ отбитія шести отчаянныхъ приступовъ, непріятель успѣлъ овладѣть важнымъ Корниловскимъ бастіономъ, и главнокомандующій Крымской арміею, щадя драгоцѣнную своихъ сподвижниковъ кровь, которая въ семъ положеніи была бы уже безъ пользы проливаема, рѣшился перейти на Сѣверную сторону города и оставилъ осаждающему непріятелю однѣ окровавленныя развалины. Скорбя душою о потерѣ столь многихъ добестныхъ воиновъ, принесшихъ жизнь свою въ жертву Отечеству и съ благоговѣніемъ покоряясь судьбамъ Всевышняго, Коему не угодно было увѣчать ихъ подвиги полнымъ успѣхомъ, я признаю святою для себя обязаностію изъявить и въ семъ случаѣ, отъ имени моего и всей Россіи, живѣйшую признательность храброму гарнизону Севастопольскому, за неутомимые труды его, за кровь пролитую имъ въ сей почти цѣлый годъ продолжавшейся защитѣ сооруженныхъ имъ же въ немногіе дни укрѣпленій. Нынѣ, войдя снова въ ряды армій, сіи испытанные герои, служа предметомъ общаго уваженія своихъ товарищей, явятъ новые примѣры тѣхъ же воинскихъ доблестей. Вмѣстѣ съ ними и подобно имъ, всѣ наши войска, съ тою же безпредѣльной вѣрою въ Провидѣніе, съ тою же безпредѣльной любовью ко мнѣ и родному нашему краю, вездѣ и всегда будутъ твердо встрѣчать враговъ, посягающихъ на святыни наши, на честь и цѣлость Отечества; а имя Севастополя, столь многими страда-

ніями купившаго себѣ безсмертную славу, и имена защитниковъ его, пребудутъ вѣчно въ памяти и сердцахъ всѣхъ Русскихъ, совокупно съ именами героевъ, прославившихся на поляхъ Полтавскихъ и Бородинскихъ».

Въ приказѣ главнокомандовавшаго князя Горчакова по арміи было высказано слѣдующее. «Храбрые товарищи! Грустно и тяжело оставить врагамъ нашимъ Севастополь; но вспомните, какую жертву мы принесли на алтарь Отечества въ 1812 году. Москва сто́итъ Севастополя! Мы ее оставили послѣ безсмертной битвы подъ Бородинымъ. Триста-сорока-девяти-дневная оборона Севастополя превосходитъ Бородино. Но не Москва, а груда каменьевъ и пепла досталась непріятелю въ роковой 1812 годъ. Такъ точно и не Севастополь оставили мы нашимъ врагамъ, а однѣ пылающія развалины города, собственною нашею рукою зажженнаго, удержавъ за нами честь обороны, которую дѣти и внучата наши съ гордостію передадутъ отдаленному потомству. Севастополь приковывалъ насъ къ своимъ стѣнамъ. Съ паденіемъ его пріобрѣтаемъ подвижность, и начинается новая война—война полевая, свойственная духу Русскаго солдата. Покажемъ Государю, покажемъ Россіи, что духъ этотъ все тотъ же, какимъ отличались предшественники наши въ незабвенную Отечественную войну. Гдѣ бы непріятель ни показался, мы встрѣтимъ его грудью и будемъ отстаивать родную землю, какъ мы защищали ее въ 1812 году. Храбрые воины сухопутныхъ и морскихъ силъ! Именемъ Государя Императора благодарю васъ за ваше безпримѣрное мужество, за вашу твердость и постоянство во время осады Севастополя». 31 Августа 1855 года».

Предвидя продолжительность осады, а вслѣдствіе этого и увеличеніе въ значительномъ числѣ раненыхъ, которыхъ нельзя было бы размѣстить въ Крыму, князь Меншиковъ счелъ необходимымъ устроить временные госпитали въ Николаевѣ, для пріема раненыхъ и больныхъ воиновъ морского и сухопутнаго вѣдомствъ, о чемъ и сообщилъ адмиралу Берху отъ 14 Октября 1854 года за № 1347. Въ тоже время главнокомандовавшій южной арміею князь Горчаковъ сообщилъ адмиралу Берху, отъ 19 Октября 1854 года за № 18490, что, согласно желанію князя Меншикова, онъ приказалъ направить въ Николаевъ три военно-временныхъ госпиталя: № 3—на 600 человѣкъ, № 11 и № 20—каждый на 300 человѣкъ, съ врачами, чиновниками, служителями и аптеками, для помѣщенія въ нихъ раненыхъ и больныхъ чиновъ военнаго вѣдомства. Для помѣщенія военно-временнаго № 3 госпиталя исправлено было ветхое зданіе бывшей штурманской роты; а для помѣщенія такихъ же госпиталей № 11 и № 20 приспособлены были казармы, нанимавшіяся у почетнаго гражданина Коренева. Затѣмъ, въ Мартѣ 1855 года открытъ былъ еще одинъ военно-временный госпи-

таль, на 500 человѣкъ, который помѣщенъ былъ въ казармахъ, нанимавшихся у почетнаго гражданина Соболева. Кромѣ означенныхъ госпиталей, въ Николаевѣ въ то время расположенъ былъ лазаретъ 10 пѣхотной дивизіи въ двухъ нанимавшихся домахъ, въ каждомъ на 68 больныхъ. Для помѣщенія предположенныхъ къ транспортировкѣ раненыхъ и больныхъ чиновъ морского вѣдомства ремонтированы были старые флигеля морского госпиталя и приспособлены: зданіе бывшаго флотскаго училища, одна казарма 2 учебнаго экипажа и адмиралтейская казарма возлѣ морскаго госпиталя.

Для направленія раненыхъ и больныхъ чиновъ военнаго и морского вѣдомства устроенъ былъ въ Перекопѣ центральный передаточный госпиталь и учреждены были, на пути слѣдованія транспортовъ, особые этапы для варки пищи и ночлега. Каждый транспортъ составлялся на двѣсти человѣкъ, перевозимыхъ на обывательскихъ подводахъ. Доставка такихъ транспортовъ въ Николаевъ началась въ половины Ноября 1854 года, собственно съ чинами сухопутнаго вѣдомства; отсюда, по мѣрѣ возможности и здоровья, ихъ отправляли въ Новую Одессу и Вознесенскъ. Съ открытіемъ навигаціи, транспортировка такихъ чиновъ производилась на рѣкѣ Бугу на пароходахъ. Отправка раненыхъ и больныхъ чиновъ морскаго вѣдомста изъ Севастополя, а потомъ изъ Симферополя, началась съ 15 Января 1855 года. Первый транспортъ прибылъ въ Николаевъ 22 Января. Всѣхъ такихъ транспортовъ въ продолженіе того года прибыло тридцать. Въ каждый транспортъ назначались: врачъ, фельдшеръ, прислуга, офицеръ, или чиновникъ, сопровождавшій и завѣдывавшій хозяйственною частію. Снаряженіе и отправка такихъ транспортовъ производилась подъ присмотромъ Б. П. Мансурова *).

8 Сентября 1855 года прибылъ въ Николаевъ его императорское высочество великій князь генералъ-адмиралъ Константинъ Николаевичъ; а 13 Сентября прибыли въ Николаевъ ихъ величества Государь Императоръ и Государыня Императрица, съ августѣйшимъ семействомъ, въ сопровожденіи ихъ императорскихъ высочествъ великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей и герцога Георга Мекленбургъ-Стрѣлицкаго. Къ этому времени собралось въ Николаевѣ много разныхъ начальствующихъ лицъ, въ числѣ коихъ были главнокомандовавшій южной арміею генералъ-адъютантъ Лидерсъ и свиты его величества генералъ-маіоръ Тотлебенъ.

*) Изъ дѣлъ портоваго архива и канцеляріи военнаго губернатора г. Николаева.

Э. И. Тотлебену поручено было въ то время составить планъ укрѣпленій г. Николаева. По высочайшему одобренію такого плана, ихъ императорскія высочества Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ получили назначеніе завѣдывать: первой инженерною, а второй артилерійскою частями. Въ тоже время начальникомъ гарнизона въ Николаевѣ назначенъ былъ вице-адмиралъ А. И. Панфиловъ, и городъ этотъ объявленъ былъ въ осадномъ положеніи. Затѣмъ высочайшимъ приказомъ 26 Сентября 1855 года, членъ Адмиралтейства адмиралъ Берхъ уволенъ былъ отъ обязанности временно-исправляющаго должность главнаго командира Черноморскаго флота и портовъ и военнаго губернатора г. Николаева; а вице-адмиралъ Николай Өедоровичь Метлинъ назначенъ завѣдующимъ морскою частію въ Николаевѣ и военнымъ губернаторомъ г. Николаева, съ подчиненіемъ ему Дунайской флотиліи и непосредственнаго управленія интендантской частію и съ предоставленіемъ ему правъ бывшаго главнаго командира Черноморскаго флота и портовъ.

Время пребыванія Государя Императора въ Николаевѣ совпало съ приходомъ туда, постепенно одинъ за другимъ, морскихъ флотскихъ и ластовыхъ экипажей. Его Величество лично встрѣчалъ ихъ у заставы и благодарилъ моряковъ за усердную геройскую, службу. При осмотрѣ морскихъ госпиталей, Его Величеству представленъ былъ, въ числѣ другихъ пользовавшихся отъ ранъ офицеровъ, лейтенантъ Дзеражинскій, у котораго, при оставленіи Севастополя, когда производился взрывъ бастіона № 2, сильно обожгло лицо и руки. Это случилось такимъ образомъ. Замѣтивъ, что огонь не сообщался пороховому погребу послѣ первой попытки, сдѣланной унтеръ-офицеромъ, онъ взялъ отъ него фитиль и, не смотря на явную опасность, подойдя на близкое разстояніе къ погребу возлѣ проведенной дорожки, успѣлъ зажечь и взорвать бастіонъ. Его Величество, благодаря Дзеражинскаго за такой самоотверженный подвигъ, снялъ съ себя орденъ св. Георгія 4 степени и возложилъ на этого достойнаго лейтенанта. При посѣщеніи одного изъ отдѣленій военно-временныхъ госпиталей, Его Величество осматривалъ госпиталь расположенный въ домѣ жены почетнаго гражданина Диковской, которая, движимая искреннимъ чувствомъ человѣколюбія, предложила содержать на свой счетъ во все время войны 25 раненыхъ воиновъ. Его Величество благодарилъ ее лично за такой великодушный подвигъ и пожаловалъ ей золотую медаль на Владимирской лентѣ для ношенія въ петлицѣ.

26 Октября Государь Императоръ выѣхалъ изъ Николаева для осмотра расположенныхъ на позиціяхъ въ окрестностяхъ Севастополя

войскъ, въ сопровожденіи ихъ императорскихъ высочествъ великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей и герцога Мекленбургъ-Стрѣлицкаго. Въ тоже время Ея Величество Государыня Императрица, съ августѣйшимъ семействомъ, отправилась изъ Николаева въ Петербургъ.

Санитарное состояніе Французской арміи, нѣсколько улучшившееся по занятіи Севастополя, сдѣлалось ужаснымъ въ Декабрѣ м. 1855 года. Изъ наличнаго числа людей (145512) въ Январѣ 1856 года числилось: въ мѣстныхъ госпиталяхъ больныхъ 13418 человѣкъ; умерло 1763, отправлено больныхъ въ Константинополь 6258; въ Февралѣ вновь поступило въ мѣстные госпитали, по самому умѣренному показанію, около 14000 больнихъ, въ числѣ которыхъ тифозныхъ было 3400, умерло отъ тифа 1453, отправлено больныхъ тифомъ въ Константинополь 9180, изъ коихъ умерло на пути болѣе тысячи человѣкъ. Число больныхъ въ Константинополѣ простиралось свыше 20,000 человѣкъ, изъ коихъ въ продолженіе одного мѣсяца умерло 2527, отправлено въ Галлиполи 650, въ Марсель и Тулонъ около 6,000 больныхъ. Экипажи кораблей, на которыхъ перевозились тифозные, а равно и состоявшая при нихъ прислуга, гибли наравнѣ съ перевозимыми. Умерло отъ тифа 42 врача. Въ продолженіе Марта заболѣло вновь тифомъ 3457 человѣкъ, изъ коихъ умерло въ Крыму 1830 и отправлено въ Константинополь 1140. Санитарное состояніе Англійскихъ войскъ было нѣсколько лучше; въ числѣ больныхъ во все зимнее время тифозныхъ было 4267 человѣкъ. Въ первые шесть мѣсяцевъ войны Англійская армія потеряла умершими отъ болѣзней болѣе половины числа людей, что̀ превосходило относительную смертность во время чумы 1655 года въ Лондонѣ (М. И. Богдановичъ).

18 Марта 1856 г. заключенъ мирный трактатъ. Окончилась Крымская война, вызвавшая громадныя вооруженія, поглотившая безплодно брошенныхъ нѣсколько миліардовъ денегъ, заставившая воевавшіе народы облечься въ трауръ, вслѣдствіе гибели множества безвинныхъ молодыхъ людей, павшихъ жертвою честолюбія и корыстолюбія.

Война 1812 была послѣдствіемъ вмѣшательства Россіи для освобожденія порабощенной Европы, а потому всѣ ея правительства, въ виду личныхъ интересовъ, сочувственно относились къ нашимъ усиліямъ подавить общаго врага. Англійское правительство было въ такомъ же настроеніи, руководствуясь своекорыстными расчетами, чтобы при помощи Русскихъ солдатъ присвоить Французскія колоніи. Спасеніе Австріи отъ разложенія указало Европѣ, что Русская диплома-

тія считаетъ себя въ правѣ вмѣшиваться въ чужія дѣла внутренней неурядицы; страхъ такой гегемоніи породилъ общую затаенную вражду и поставилъ Россію въ отчужденное положеніе. Тоже Австрійское правительство, изъ благодарности за спасеніе, первое примкнуло къ интересамъ нашего непримиримаго врага, и Англійская дипломатія торжествовала.

Предпринявъ съ широкими замыслами десантную экспедицію въ Крымъ, что̀ получили союзники въ результатѣ такого предпріятія? Имъ досталась возможность временно занять развалины Севастополя по южную сторону рейда; они вынудили насъ затопить парусные корабли, которые и безъ ихъ содѣйствія должны были замѣниться болѣе современными; при этомъ Англичане постарались еще взрывами повредить докъ. Такой сравнительно ничтожный успѣхъ полученъ слишкомъ большимъ напряженіемъ народныхъ силъ. Они были утомлены, ослаблены и подъ давленіемъ общественнаго требованія искали случая къ примиренію. Французскому императору нужны были официальныя объявленія о блестящихъ подвигахъ: duc de Malakow и boulevard de Sevastopol были достаточно громкими напоминаніями объ этихъ подвигахъ. Англійскую дипломатію такое предпріятіе привело къ полному разочарованію: демонстративныя нападенія ихъ флота на Петропавловскъ въ Камчаткѣ и на Соловецкій монастырь отражены были съ позоромъ; а на Балтійскомъ и Черномъ моряхъ флотъ этотъ бездѣйствовалъ; войска ихъ, при атакахъ большого редана, не выдерживали огня защитниковъ.

Послѣдствія этой войны для союзниковъ были весьма неблагопріятны: Франція дорого поплатилась за эфемерныя предпріятія своего властителя, и этотъ властитель вынужденъ былъ удалиться съ поля политической и административной дѣятельности. Для Англіи неожиданно возникъ Афганскій вопросъ, этотъ кошмаръ ея Индійскаго владычества. Турція, уклонившись отъ вліянія Россіи, подпала подъ опеку нѣсколькихъ державъ, которыя, насилуя ея экономическое разстройство въ видахъ собственнаго торгово-промышленнаго интереса, ведутъ ее къ полному разрушенію и уничтоженію.

Казалось, что война съ союзниками, подрывая наши народныя силы умноженными рекрутскими наборами и ополченіями (по 23 человѣка на тысячу) съ полнымъ застоемъ нашей внѣшней торговли, а слѣдовательно и значительнымъ уменьшеніемъ внутренней производительности, отзовется надолго весьма тяжкимъ упадкомъ общественнаго быта; но произошло совершенно противное. Россія быстро освободи-

лась отъ гипнотическаго состоянія, навѣяннаго напряженнымъ условіемъ военной невзгоды и съ необыкновенной оживленной энергіею двинулась впередъ по пути политикоэкономическаго развитія своей дѣятельности. Здѣсь, въ настоящемъ спеціальномъ обзорѣ, нельзя перечислить всѣ тѣ блага, разсыпанныя щедрой рукой Царя-Освободителя по Русской землѣ; но нельзя не отмѣтить того знаменательнаго факта, что благодѣтельная сила врачеванія разныхъ Всероссійскихъ болячекъ была такъ велика, что поразила своей гуманной полезностію утопающую въ средне-вѣковомъ наслѣдіи Европу.

Въ сорокъ шесть лѣтъ, которые протекли со времени разгрома Севастополя, работая подъ любвеобильнымъ, мудрымъ руководствомъ нашихъ самодержавныхъ царственныхъ вождей, мы перешагнули цѣлое столѣтіе во внутреннемъ устроеніи и міровомъ значеніи нашего отечества. Реформированъ весь внутренній бытъ и утроилась народная производительность; умиротворенъ Кавказъ; Закаспійское и Средне-Азіатское безобразіе устранено, и эти области, выйдя изъ застоя, слились неразрывно съ Россіей, а ихъ обыватели благословляютъ заботливость Бѣлаго Царя; проведенный желѣзный путь къ дальней окраинѣ даетъ возможность утвердиться въ предѣлахъ Восточнаго океана. Дряхлая Европа, страдающая сепаратизмомъ, клерикализмомъ, милитаризмомъ, капитализмомъ и многими другими недугами, смущенно, съ затаенной злобою, озирается на воздвигаемаго нами колосса, у котораго нѣтъ ничего общаго съ Западной Европой. Получая отъ нея полезные плоды преуспѣянія научныхъ знаній, мы перерабатываемъ ихъ на свой ладъ и передаемъ сосѣднимъ восточнымъ народамъ, не торопясь, не насилуя ихъ житейскаго обихода многими вѣками сложившагося, но предоставляя имъ самимъ, подъ легкимъ, необременительнымъ давленіемъ правительственнаго распорядка, реформироваться изъ поколѣнія въ поколѣніе и сближаться постепенно въ общеніе съ Русскими переселенцами. И близится то время, когда этотъ колоссъ, силой своего разумнаго превосходства, поставитъ Европейскія правительства въ условія невозможности устраивать зловредныя предпріятія, столь губительныя для общечеловѣческаго благосостоянія. Конечно, по поговоркѣ, гдѣ люди, тамъ и зло; но это зло можно обуздать, помимо полицейскаго надзора, развитіемъ всеобщаго нравственно-научнаго просвѣщенія и матеріальнаго благосостоянія.

Что̀ дало возможность былымъ Черноморскимъ морякамъ заслужить всеобщую признательность въ годину злонамѣренной войны? Сопоставленные служебнымъ режимомъ въ строгой школѣ единенія, они съ пылкой энергіею создали оборону и отстаивали свой портъ, какъ

отстаивали бы свой корабль, попавшій въ неравный бой или на каменную подводную гряду, испытывая всѣ средства къ спасенію его, съ твердостію и терпѣніемъ, по инстинкту долга служебной чести и дѣйствуя подъ вліяніемъ Русскаго авось. Такой закалъ дала имъ морская служба, въ постоянной борьбѣ съ атмосферными невзгодами. Проникнутые нравственной силою, они дружески принимали посланцевъ Русской арміи, спѣшившихъ къ нимъ на помощь и подъ громомъ потрясающаго боя крестили ихъ именемъ Севастопольцевъ; эти послѣдніе съ гордостію принимали родственное морякамъ имя, и какъ дѣти одной съ ними матери Россіи, честно и безупречно раздѣляли съ моряками смертный трудъ почти годовой обороны ихъ гнѣзда. Но все же, душой этой безпримѣрной въ лѣтописяхъ томительно-долгой обороны были моряки, возбуждаемые неустаннымъ бодрствованіемъ между ними адмирала П. С. Нахимова. Въ этомъ убѣжденіи высказывается не корпоративная гордость моряка; это воочію проявлялось ежечасно на дѣлѣ и было чистосердечно сознано тогда же свидѣтелями этого подвижничества: княземъ Горчаковымъ, графомъ Остенъ-Сакеномъ, Тотлебенымъ, княземъ Васильчиковымъ, а также всѣми тѣми, которые своимъ соратничествомъ пріобрѣли почетное имя Севастопольцевъ. Пришлые соратники смѣнялись одни другими, но моряки безропотно оставались безсмѣнно на своихъ мѣстахъ до послѣднихъ дней. Самоувѣренная ихъ отвага, бодрая находчивость во всѣхъ случайностяхъ, полное равнодушіе къ возможной смерти, рѣшимость лечь костьми, не отступать ни на шагъ, притомъ неизмѣнный юморъ баковой остроты были очень заразительны, магически дѣйствуя, какъ подбодряющая сила, на всѣхъ новичковъ: солдатъ, вольныхъ матросовъ и на становившихся въ ихъ ряды ополченцевъ. Такая упорная инертность задержала непріятелей на неудобныхъ для нихъ позиціяхъ, парализовала ихъ предпріимчивость, вынудила чрезмѣрно и постоянно усиливать средства нападенія, поселяя болѣзненное уныніе, моральный гнетъ постыднаго пораженія, заставляя его изнывать въ безсиліи. Это было великое подвижничество! Черноморскіе моряки заявили этимъ актомъ самопожертвованія, что если у нихъ, при малочисленности, были слабыя средства по оружію и для постройки укрѣпленій на вынужденной обстоятельствами сжатой позиціи, то была такая сила воли и находчивой изворотливости, съ полнымъ самообладаніемъ, которыя не только уравновѣшивали взаимодѣйствіе, но часто давали перевѣсъ въ борьбѣ съ сильнѣйшимъ врагомъ, который имѣлъ возможность пополнять свои боевыя средства удобною доставкою ихъ моремъ въ достаточномъ изобиліи. Только привычка строгаго повиновенія заставила Черноморскихъ моряковъ отказаться отъ продленія борьбы на укрѣпленіяхъ на

болѣе продолжительный срокъ. Тѣмъ не менѣе, такая стойкая, неуступчивая артилерійская оборона утомила нашихъ враговъ, истощила ихъ средства къ веденію войны, разстроила всѣ ихъ мечтательныя предположенія. Такъ была велика заслуга былыхъ Черноморскихъ моряковъ въ ту незабвенную эпоху, и Россія это сознала и оцѣнила по достоинству.

Когда зимой, съ 1856 на 1857 годъ, четыре Черноморскіе экипажа направлены были изъ Николаева въ Петербургъ и Архангельскъ, для принятія винтовыхъ корветовъ, строившихся для службы въ Черномъ морѣ, то такой походъ ихъ, подъ общимъ начальствомъ контръ-адмирала Зарина, въ полномъ смыслѣ былъ тріумфальнымъ шествіемъ. На всемъ пути, по селамъ и деревнямъ, народъ встрѣчалъ ихъ радушнымъ привѣтствіемъ; въ городахъ депутаціи отъ гражданъ принимали ихъ какъ спасителей отечества, устраивая для нихъ празднества. Такимъ образомъ они приблизились къ Всероссійской хранительницѣ народныхъ преданій и чистоты нашего вѣроисповѣданія, къ первопрестольной Москвѣ. Эта колыбель Русскаго царственнаго самодержавія, служащаго незыблемой силою нашего единенія и могущества, пожелала заявить Черноморскимъ морякамъ большое *спасибо* отъ имени всего Русскаго народа *).

17 Февраля 1857 года показались Черноморскіе моряки у Серпуховскихъ воротъ Москвы, гдѣ ожидали ихъ несмѣтныя толпы народа. Едва первые ряды ихъ вступили въ столицу, какъ народъ снялъ шапки и привѣтствовалъ ихъ криками *ура*!. Матросы отвѣчали тѣмъ же. Почетные граждане Кокоревъ и Мамонтовъ, отъ имени народа, поднесли Черноморцамъ громаднаго размѣра хлѣбъ-соль на великолѣпномъ серебряномъ блюдѣ, которое поставили на барабанъ. Затѣмъ Кокоревъ сказалъ матросамъ: «Други и братья! Благодаримъ васъ за ваши труды и подвиги, за пролитую кровь въ защиту родной земли. Примите Русское *спасибо* и земной поклонъ». Онъ поклонился до земли, а за нимъ поклонились и другіе. Народъ обступилъ ихъ, выражая всякіе знаки своей признательности. Наконецъ матросы двинулись далѣе, а впереди ихъ несли принятую ими *хлѣбъ-соль*. На встрѣчу имъ прибылъ Московскій комендантъ и поздравилъ ихъ съ благополучнымъ прибытіемъ въ Москву. Московское купечество и мѣщанство также поднесли имъ *хлѣбъ-соль*. Чѣмъ дальше шли моряки, тѣмъ болѣе и бо-

*) См. книжку В. А. Кокорева (главнаго устроителя Московскихъ тогдашнихъ торжествъ) „Путь Севастопольцевъ". Кокоревъ не щадилъ денегъ на угощеніе въ Москвѣ Черноморскихъ героевъ и на всяческую личную имъ помощь впослѣдствіи. П. Б.

лѣе прибывало народа, въ желаніи видѣть ихъ; мѣстами толпа была такъ густа, что они съ трудомъ подвигались впередъ, слѣдуя подъ гуломъ безконечнаго ура! По прибытіи на Серпуховскую площадь, матросамъ предложено угощеніе. Не только вся обширная площадь была густо усѣяна народомъ, но окна, двери и крыши домовъ оживились людьми: всѣ хотѣли видѣть ихъ, тѣснились къ нимъ и наперерывъ желали обнять ихъ и выпить за ихъ здоровье. Когда кончилось угощеніе, въ которомъ выразилось столько теплыхъ братскихъ чувствъ, купцы предложили помѣстить матросовъ въ своихъ домахъ, по нѣскольку человѣкъ разомъ, гдѣ угощали ихъ вдоволь, какъ дорогихъ гостей. Офицеры, по приглашенію представителей города, приглашены были въ Новотроицкій трактиръ, гдѣ имъ радушно предложено было угощеніе. Здравицы пили изъ большого золоченаго кубка, поднесеннаго Черноморскимъ офицерамъ. Этотъ кубокъ, каждый разъ, при пожеланіи здравія Государю Императору, войскамъ, начальникамъ ихъ и Севастопольскимъ героямъ, ходилъ вкруговую. Во время этого обѣда, профессоръ Погодинъ прочелъ слѣдующій привѣтъ Черноморцамъ, сочиненный графиней Ростопчиной.

Ура! Защитники Россіи,
Добро пожаловать въ Москву.
У ней вы гости дорогіе:
Про ваши подвиги святые

*

Давно ужъ чтитъ она молву,
Герои вѣрности и вѣры,
Вы, наши чудо-молодцы,
Затмили удалью безъ мѣры

*

Всѣхъ древнихъ доблестей примѣры,
Всѣ бранной чести образцы.
Что Данцигъ, Сарагоса, Троя
Предъ Севастополемъ роднымъ?

*

Нѣтъ битвъ страшнѣй, нѣтъ жарче боя!
Дыша въ огнѣ, вы гибли стоя
Подъ славнымъ знаменемъ своимъ.
Двѣнадцать разъ луна смѣнялась,

*

Луна всходила въ небесахъ,
А все осада продолжалась,
И поле смерти расширялось
Въ облитыхъ кровію стѣнахъ.

*

Четыре смѣны вражьей силы,
Четыре войска тамъ легло,
И даромъ раннія могилы
Въ волнахъ морскихъ, въ степи унылой,

*

Въ борьбѣ безвыходной нашла.
У нихъ, у насъ—вождей любимыхъ
Косила смерть, недугъ разилъ,
И много славныхъ, много чтимыхъ

*

Исчезло тамъ незамѣнимыхъ...
А Севастополь все стоялъ!
Но Господу угодно было
Свою Россію испытать;

*

Не мощь враговъ насъ побѣдила,
Не длань ихъ городъ сокрушила,
А намъ пришлось его отдать...
Своею памятью кровавой

*

Вашъ Севастополь величавый
Въ скрижаляхъ родины блеститъ.
Ура! Защитники Россіи,
Хлѣбъ-соль вамъ наша будь въ почетъ;

*

Отъ сердца мы слова простыя
Вамъ скажемъ, гости дорогіе:
Да здравствуетъ Россійскій флотъ!

*

Въ 1886 году, 6 Мая, въ Севастополѣ спущенъ былъ на воду броненосный корабль «Чесма», въ присутствіи Ихъ Величествъ Государя Императора Александра Александровича, Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны и Его Императорскаго Высочества Великаго Князя генералъ-адмирала Алексѣя Александровича. Того же числа состоялся слѣдующій высочайшій приказъ по Черноморскому флоту.

«Прошло тридцать лѣтъ, какъ Черноморскій флотъ, совершивъ славные подвиги, принесъ себя въ жертву для блага Россіи и перенесся духомъ на памятные холмы Севастополя. Нынѣ флотъ этотъ возникаетъ вновь на радость долго скорбѣвшаго о немъ Отечества.

«Воля и помыслы мои направлены къ мирному развитію народнаго благоденствія; но обстоятельства могутъ затруднить исполненіе

моихъ желаній и вынудить меня на вооруженную защиту государственнаго достоинства. Вы будете стоять за него со мною съ преданностію и дивившею современниковъ стойкостію, выказанными по зову дѣда моего вашими предшественниками. На водахъ, свидѣтеляхъ ихъ доблести, ввѣряю вамъ охрану чести и спокойствія Россіи».

Есть пословица: война родитъ героевъ. Поэтому мы, отживающіе свой вѣкъ былые защитники Севастополя, совершенно увѣрены, что новое поколѣніе моряковъ будетъ вполнѣ соотвѣтствовать высочайшему довѣрію. Конечно, желательно было бы, чтобы международныя недоразумѣнія рѣшались мирнымъ соглашеніемъ; но, пока существуетъ новый Карѳагенъ, со своими всесвѣтными мореплавателями и такими же зловредными интригами, надо быть постоянно на сторожѣ, чтобы своевременно парализовать грабительскую политику своекорыстнаго правленія, которое считаетъ себя въ правѣ безнаказанно истреблять людей, чужихъ и своихъ, какъ мухъ, руководствуясь только своими личными интересами.

Дмитрій Аѳанасьевъ.

*

Покойный Государь Александръ Александровичъ, своими душевными свойствами, былъ сродни нашимъ доблестнымъ морякамъ: таже невозмутимая твердость въ перенесеніи всяческихъ невзгодъ и бѣдствій, таже святая вѣрность своему долгу и своему слову, таже прямолинейная искренность и очаровательная простота въ обращеніи съ людьми. Онъ зналъ и любилъ морское дѣло. „Моря необозримость тихая иль голосъ невыразимый въ бурю“ были ему по душѣ, и почти ежегодное морское плаваніе служило ему отрадою и отдыхомъ въ державныхъ трудахъ его на благо Россіи. Въ засѣданіи „Общества ревнителей просвѣщенія“ 26 Февраля нынѣшняго года, въ домѣ графа С. Д. Шереметева, прочтенъ былъ перечень того что̀ сдѣлано въ его царствованіе для Русскаго флота. Великая заслуга его передъ Россіею и въ этой области общенароднаго благосостоянія пребудетъ памятна въ Русской исторіи. П. Б.

ПО ПОВОДУ ЗАПИСОКЪ С. Г. ВОЛКОНСКАГО *).

Недавно были изданы „Записки С. Г. Волконскаго-декабриста“ (Спб. 1901, VII+545, съ портретами), къ сожалѣнію. не доведенныя авторомъ до конца. Въ скоромъ времени, какъ слышно, появится 2-е ихъ изданіе. Между тѣмъ въ „Запискахъ“ оказались не замѣченными нѣкоторые недосмотры, а быть можетъ и просто опечатки. Такъ, на стр. 388 — 395 авторъ разсказываетъ о своемъ пребываніи въ Житомирѣ (1816) и столкновеніи съ тамошнимъ губернаторомъ Г*ажицкимъ*. Рѣчь идетъ, конечно о Варѳоломеѣ Гижицкомъ, подробную характеристику котораго, а также общественной жизни Житомира того времени (1815—1820 гг.) даетъ въ своихъ Запискахъ Янъ-Дукланъ Охотскій (томъ II, главы 1—15). Характеристикою Гижицкаго подтверждается вѣроятность эпизода, разсказаннаго Волконскимъ, о пребываніи котораго въ Житомирѣ и упоминаетъ Дукланъ Охотскій.

Извращено въ „Запискахъ Волконскаго“ имя и другого лица, имѣвшаго отношеніе къ пребыванію его въ Кіевѣ: это Густава Олизара, названнаго графомъ *Оливеромъ* (стр. 402). Онъ былъ предсѣдателемъ „ложи соединенныхъ Славянъ“ въ Кіевѣ, а затѣмъ губернскимъ предводителемъ дворянства (съ 1821 и вторично съ 1824 г.). Г. Оливаръ оставилъ Записки: Pamietniki (1798—1865). Gustawa Olizara. Lwów 1892, (XLIV+300). Въ нихъ онъ сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о жизни въ юго-западномъ краѣ и Польско-Русскихъ отношеніяхъ, о Кіевѣ и семьѣ Раевскихъ, о своихъ отношеніяхъ къ Декабристамъ на Югѣ, о Русской администраціи въ краѣ, объ отношеніяхъ къ Варшавскому слѣдствію и т. п. Его обстоятельная характеристика семьи генер. Раевскаго заслуживаетъ вниманія, такъ какъ Олизаръ былъ частымъ посѣтителемъ его дома и предполагалъ вступить въ бракъ съ М. Н. Раевской, вышедшей вскорѣ затѣмъ за С. Г. Волконскаго. Любопытно, что, желая сдѣлать предложеніе, Олизаръ считалъ необходимымъ получить на это согласіе отъ высшихъ представителей Польскаго общества и между прочимъ отъ князя Адама Чарторижскаго (стр. 158). Авторъ оправдываетъ даже свой шагъ тѣмъ, что Раевскіе. по генеалогическимъ даннымъ,

*) Отзывъ о Запискахъ С. Г. Волконскаго сдѣланъ въ „Русскомъ Архивѣ“ на обложкѣ XI-го выпуска 1901 года. Императоръ Александръ III-й приказалъ снять печати съ дѣла о событіи 14 Декабря 1825 года, и нынѣ оно, сколько намъ извѣстно, изготовляется къ изданію въ свѣтъ. Надо полагать, что въ немъ обнаружатся обстоятельства, по которымъ этому Декабристу, послѣ помилованія въ 1856 году, не былъ возвращенъ княжескій титулъ. П. Б.

были Польскаго происхожденія (154). Онъ помѣщаетъ здѣсь и отвѣтъ ген. Раевскаго (на Франц. языкѣ), который, отказывая Олизару, проситъ его не прерывать добрыхъ отношеній, и они дѣйствительно продолжались. По поводу пережитыхъ обстоятельствъ Олизаръ писалъ стихи къ своей „Беатриче“, вызвалъ участіе Пушкина“ и вниманіе Мицкевича, который посвятилъ ему свой сонетъ „Аюдагъ“, такъ какъ авторъ, потерпѣвъ неудачу сватовства, рѣшился оставить Кіевъ и поселиться въ Крыму, гдѣ съ этою цѣлью пріобрѣлъ участокъ земли (160). При этомъ онъ даже заявляетъ, что если возникли въ немъ какія-либо благородныя, высшія и поэтическія побужденія, то ими онъ обязанъ былъ М. Раевской (159). Благодаря ей же, хотя и безъ ея вѣдома, онъ благополучно выпутался изъ сѣтей заговора.

Въ собраніи сочиненій Пушкина (изд. Литер. Фонда, I, 334), стихотвореніе, обращенное къ Олизару, помѣчено (подъ 1824 г.): „Графу О......“ [1]). Оно, къ сожалѣнію, осталось не отдѣланнымъ. Въ немъ поэтъ говоритъ:

Пѣвецъ! Издревле межъ собою
Враждуютъ наши племена,
То наша стонетъ сторона
То гибнетъ ваша подъ грозою.
И вы, бывало, пировали
Кремля.... плѣнъ,
И мы о камень падшихъ стѣнъ,
Младенцевъ вашихъ разбивали...
И тотъ не вашъ, кто съ дѣвой нашей
Кольцомъ завѣтнымъ сопряженъ;
Не выпьемъ мы завѣтной чашей
Здоровье вашихъ красныхъ женъ,
И наша дѣва молодая,
Привлекши сердце Поляка...
Но огнь поэзіи чудесный
Сердца враждебныя дружитъ.

Вращаясь въ кругу Раевскихъ, М. Ѳ. Орлова, женатаго на одной изъ нихъ (Ек. Ник.) и Декабристовъ, Олизаръ не могъ не знать Пушкина. Въ Февр. 1821 г. Пушкинъ былъ въ Кіевѣ (Соч., I, 233); а въ Іюлѣ 1821 г. Раевскіе всею семьею, вмѣстѣ съ Давыдовыми, посѣтили Кишеневъ. Съ ними проѣздомъ въ Одессу были въ Кишиневѣ „Кіевскіе знакомые“ М. Ѳ. Орлова, „графъ Олизаръ и Швейковскій“... Пушкинъ всѣ четыре дня провелъ у Орлова, какъ знакомый съ Давыдовыми [2]).

---

[1]) Въ ежедневныхъ сношеніяхъ Густ. Олизаръ назывался графомъ; такъ обращается къ нему и Раевскій въ своемъ письмѣ. Олизаръ писалъ басни, стихи въ псевдоклассическомъ стилѣ, въ патріотическомъ духѣ и т. п. Означенное заглавіе стихотворенія Пушкина въ изданіи не объяснено. Нѣкоторыя изъ его строкъ вошли потомъ (1831) въ стихотвореніе „Клеветникамъ Россіи“.

[2]) „Русскій Архивъ“ 1866, стр. 1258. Въ Русской печати были сообщены извлеченія изъ Записокъ Олизара А. Ѳ. Копыловымъ („Русское Обозрѣніе“ 1893, №№ 8 и 9).

Про всѣ эти обстоятельства не упоминается въ Запискахъ С. Г. Волконскаго; но изъ указаній ихъ издателя видно, что имѣются еще Записки М. Н. Волконской (ур. Раевской), которыя должны представлять значительный интересъ (стр. 450, 459) и служить необходимымъ дополненіемъ къ Запискамъ ея супруга.

Въ тѣхъ же Запискахъ Олизара сообщается о пріѣздѣ къ нему (передъ бунтомъ Черниговскаго полка) Бестужева-Рюмина, о его собственномъ арестѣ, заключеніи въ Петербургѣ, освобожденіи изъ крѣпости и о новомъ безпокойствѣ по поводу Варшавскаго слѣдствія (191—269), окончившагося для него также благополучно.

Наконецъ, замѣтимъ, что въ Запискахъ Волконскаго (стр. 413) остался незаполненнымъ пропускъ фамиліи другого посредника Польскаго тайнаго общества, участвовавшаго въ 1825 г. вмѣстѣ съ кн. А. Яблоновскимъ въ переговорахъ, въ Кіевѣ, съ представителями южной думы. По офиціальнымъ даннымъ, это былъ Гродецкій (см. Донес. Варшав. слѣдственнаго комитета 1826 г., стр. 57—59), а на основаніи того же источника можно судить, въ какихъ близкихъ отношеніяхъ къ Пестелю стоялъ С. М. Волконскій, подробно разсказывающій объ этомъ въ своихъ Запискахъ и дающій отчетливую характеристику послѣдняго. (Стр. 403—408, 413, 416—424, 428—430, 436—438). Напротивъ, весьма сурово относится авторъ къ Н. И. Тургеневу, обширная оправдательная записка котораго была недавно напечатана („Русская Старина„ 1901 г.).

Кстати прибавимъ, что въ изданномъ Кіевскимъ Университетомъ сборникѣ „Въ память Пушкина“ (1899) помѣщены два рѣдкихъ портрета: Декабриста В. Л. Давыдова и Ек. Н. Орловой (ур. Раевской), изъ семейной коллекціи гг. Давыдовыхъ въ Каменкѣ (Кіевской губерніи).

В. Иконниковъ.

М. Ѳ. ШУГУРОВЪ.

(Біографическій очеркъ).

Михаилъ Ѳедоровичъ Шугуровъ родился 29 Сентября 1829 года въ м. Сопичи (Черниговскаго губернск., Глуховскаго у.), родовомъ гнѣздѣ старинnаго дворянскаго рода Шугуровыхъ. Отецъ его, Ѳед. Сем. Шугуровъ былъ маіоромъ; мать (ур. Голубовичъ) происходила изъ Польской семьи. Когда М. Ѳ. исполнилось три года, отецъ его былъ переведенъ на службу въ городъ Бендеры. Здѣсь протекли его дѣтскіе годы. Такъ-какъ Миша былъ единственнымъ сыномъ у своихъ родителей, то вся любовь, всѣ заботы ихъ были обращены на него. Ему исполнилось только что четыре года, какъ отецъ, въ письмѣ къ своему брату, съ гордостью упоминалъ, что Миша уже читаетъ. Но смерть отняла у него отца, когда ему минуло только девять лѣтъ. Пенсіи отецъ почти никакой не оставилъ, имѣніе доходовъ не приносило. Началась жизнь, полная лишеній. Однако матери съ большимъ трудомъ удалось помѣстить его въ Кишиневскую гимназію, гдѣ онъ жилъ въ пансіонѣ. Ученіе Мишѣ давалось очень легко, и въ 17 лѣтъ, по окончаніи гимназіи съ золотой медалью, онъ былъ отправленъ, какъ лучшій ученикъ, на средства гимназіи, въ Московскій Университетъ, гдѣ и поступилъ на историко-филологическій факультетъ. Въ 1851 году онъ окончилъ Университетъ кандидатомъ и вернулся на Югъ, въ Одессу. Здѣсь ему было предложено мѣсто преподавателя Русскаго языка въ Кишиневской гимназіи. Началась тяжелая трудовая жизнь. Человѣкъ скромный, не любящій свѣтскаго шумнаго общества, единственное развлеченіе послѣ гимназическихъ уроковъ находилъ онъ въ продолженіи своего образованія, въ изученіи языковъ, въ разнообразномъ чтеніи. Отказывая часто себѣ въ очень многомъ, на одно никогда не жалѣлъ онъ денегъ: на книги, которыя ему надо было выписывать изъ обѣихъ столицъ и изъ за-границы. Книги эти спасали его отъ убійственной скуки захолустнаго тогда города. Но вотъ въ 1858 году пріѣхалъ на ревизію въ Кишиневскую гимназію тогдашній попечитель Одесс. учебн. округа, Н. И. Пироговъ. Тотчасъ замѣтилъ онъ среди педагоговъ М. Ѳ. Шугурова, выразилъ ему свое одобреніе и глубокую благодарность, а, вернувшись въ Одессу, сейчасъ же распорядился о переводѣ М. Ѳ. учителемъ Русскаго языка въ Одесскую 2-ую гимназію. Сразу Шугуровъ занялъ въ Одессѣ видное положеніе: его уроковъ искали. Но онъ отказывался отъ частныхъ уроковъ и свободное отъ занятій время сталъ посвящать любимому дѣлу, литературнымъ занятіямъ по исторіи. Труды его въ этой области преимущественно помѣщались въ „Русскомъ Архивѣ". Въ 1867 году ему были предложены уроки исторіи въ Одесскомъ Институтѣ благородныхъ дѣвицъ, а въ 1868 г. назначенъ онъ былъ инспекторомъ этого Института; одновременно съ этимъ онъ былъ инспекторомъ Одесск. Дѣвич. Училища. Службу во 2-ой мужск. гимназіи онъ оставилъ. Инспекторомъ Института онъ состоялъ до 1873 года, когда вышелъ въ отставку, не будучи въ состояніи продолжать совмѣстную службу съ начальницей Института и управлявшимъ хозяйственною частію:

въ цѣляхъ корыстныхъ поддѣлывались подписи инспектора, производились хищенія изъ кассы, однимъ словомъ, много такого. съ чѣмъ честный въ самомъ высокомъ значеніи этого слова человѣкъ не могъ ужиться. Въ 1874 году предполагалось открыть въ Одесскомъ учебн. округѣ Учительскій Институтъ. Тогдашній попечитель округа С. П. Голубцовъ предложилъ Шугурову мѣсто директора этого Института. Побывавъ въ Москвѣ, Петербургѣ и др. городахъ, для ознакомленія съ организаціей подобныхъ учебныхъ заведеній, М. Θ. въ Сентябрѣ того же года переѣхалъ на жительство въ Θеодосію, гдѣ предположено было открыть Институтъ, и занялся устройствомъ этого новаго учрежденія. Въ это время ему была предложена каθедра по Русской Исторіи въ Варшавскомъ университетѣ. М. Θ. изъявилъ свое согласіе и былъ назначенъ профессоромъ названнаго университета; но обстоятельства помѣшали ему вступить въ эту должность. 21 Ноября 1874 г. состоялось торжественное открытіе вновь организованнаго Θеодосійскаго Института.

Все это время Шугуровъ не оставлялъ своихъ трудовъ по исторіографіи. Въ 1876 году онъ уже выслужилъ полную пенсію, но, будучи оставленъ на службѣ еще на 5 лѣтъ, продолжалъ ее до 1879 года. По выходѣ въ отставку онъ переселился на житье съ семьей въ Одессу. Здѣсь онъ всецѣло предался своей работѣ и воспитанію своихъ дѣтей. Сыновья были еще очень малы, но съ дочерьми онъ самъ сталъ заниматься, желая передать имъ знанія, добытыя въ теченіе болѣе 30-ти лѣтъ постояннаго умственнаго труда. Въ 1890 году онъ съ семьей выѣхалъ за границу, въ Австрію, затѣмъ въ Швейцарію, гдѣ поселился въ г. Бернѣ. Здѣсь, примѣняя свое отличное знаніе Греческаго, Латинскаго, Французскаго, Нѣмецкаго, Англійскаго, Итальянскаго, Польскаго и др. языковъ, онъ продолжалъ научныя работы. Въ Февралѣ слѣдующаго года онъ заболѣлъ инфлуэнціей, но и мучимый болѣзнію, на смертномъ одрѣ, не забывалъ занятій. Послѣднею прочитанной имъ книгою было сочиненіе проф. Ланганса, Бернскаго Университета „Über die Götter Griechenland's“, и Шугурова не стало.....

Останки его были погребены на Бернскомъ Реформатскомъ кладбищѣ. Черезъ полгода, по желанію вдовы его Анны Александровны, прахъ покойнаго, съ особаго разрѣшенія президента Швейцарской республики, былъ перевезенъ въ Россію, въ Одессу, гдѣ и преданъ землѣ на Старомъ христіанскомъ кладбищѣ.

Память о Шугуровѣ будетъ долго жива какъ объ извѣстномъ ученомъ, жившемъ исключительно для науки, какъ о выдающемся педагогѣ, и какъ о человѣкѣ въ высшей степени честномъ...

Изъ трудовъ его слѣдуетъ особенно указать на слѣдующіе:

Списокъ съ челобитной Василія Васильевича сына Полозова, съ примѣчаніями; Повѣсть о царѣ Аггеѣ, съ предисловіемъ и примѣчаніями („Рус. Арх.“ 1865 г.); О Запискахъ графа Сегюра; Годъ рожденія Карамзина; Ученіе и ученики въ XVIII вѣкѣ; „Книжныя замѣтки (въ „Руск. Арх.“ за 1866 г.); Ученая степень Екатерины II; Семейство Робеспьеровъ; Гробница Потемкина; Черты Русской политики въ 1819 году; Замѣтка о 2 Сентябрѣ 1812 года („Рус. Арх.“ за 1867 г.); Дидро и его отношенія къ Екатеринѣ II. (XVII Вѣкъ, кн. I); Поимка В. К. Кюхельбекера; Два распоряженія цесаревича Константина Павловича, съ предисловіемъ („Рус. Арх.“, за 1870 г.); Изъ воспоминаній графа Нельи (XVIII Вѣкъ, 1869 г.); Бунтъ Черниговскаго полка. Подлинныя бумаги съ предисловіемъ, („Русск. Архивъ“ 1871 годъ); Радищевъ и его книга. Изслѣдованіе. („Рус. Арх.“ 1878 г.); Переписка Державина съ графомъ А. Р. Воронцовымъ; 32 письма, извлеченныя изъ

Одесскаго архива князя Воронцова, съ примѣчаніями (Соч. Державина, изд. Грота, 1872 г.); О чумномъ возмущеніи въ Севастополѣ 1830 года (Русск. Архивъ 1867 г.); Исторія Евреевъ въ Россіи. („Русск. Арх." 1894 г.) и др.

О БУНТѢ ЧЕРНИГОВСКАГО ПОЛКА.

Посмертная статья М. Ѳ. Шугурова. (1826).

Въ „Русскомъ Архивѣ" 1871 года (стр. 257—288) напечатаны были бумаги о бунтѣ Черниговскаго пѣхотнаго полка. Эти бумаги извлечены изъ переписки великаго князя Константина Павловича съ начальникомъ 25-ой пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенантомъ Гогелемъ. Предлагаемыя теперь вниманію читателей бумаги изъ той же переписки относятся къ тому же событію или, лучше сказать, къ розыску объ немъ, который производился въ двухъ военносудныхъ коммиссіяхъ, учрежденныхъ по высочайшему повелѣнію: въ Могилевѣ на Днѣпрѣ, при главной квартирѣ 1-ой арміи, надъ мятежными офицерами, и въ Бѣлой Церкви—надъ мятежными солдатами Черниговскаго полка.

По своей важности для исторіи той смутной эпохи нижеслѣдующія выдержки не уступаютъ тѣмъ, которыя уже были напечатаны; вмѣстѣ съ ними они восполняютъ существенный недостатокъ въ достовѣрныхъ данныхъ для знакомства съ событіемъ, ближайшія причины и важнѣйшія обстоятельства котораго, не говоря уже о личности главнаго дѣятеля и его пособниковъ, до недавняго времени оставались весьма мало извѣстны, не смотря на то, что съ той печальной поры прошло уже болѣе полустолѣтія. Въ теченіе этого долгаго промежутка Русская исторіографія не представила ни одной страницы о Черниговскомъ возмущеніи: его обошли совершеннымъ молчаніемъ и Устряловъ въ своемъ „Историческомъ обозрѣніи царствованія государя императора Николая I", и баронъ Корфъ въ своемъ „Восшествіи на престолъ императора Николая I". Происшествіе 14-го Декабря 1825 года какъ-бы заслонило собою катастрофу 3-го Января 1826 года. Тому, кто хотѣлъ ознакомиться съ сею послѣднею, приходилось, за неимѣніемъ въ нашей литературѣ ничего болѣе, кромѣ извѣстнаго Донесенія слѣдственной коммиссіи, обращаться къ литературѣ иностранной и довольствоваться разсказомъ Шницлера *). Только въ послѣднее время объ этомъ событіи и его дѣятеляхъ начали появляться статьи и документы. Такъ въ „Русскомъ Ар-

*) Разсказъ о бунтѣ Сергѣя Муравьева-Апостола находится во второмъ томѣ сочиненія Шницлера „Histoire intime de la Russie" Paris. 2-e édit. 1848 (стр. 17—35). Общій очеркъ возстанія Черниговскаго полка, сдѣланный М. А. Фонъ-Визинымъ въ его Запискахъ, мы привели на стр. 258—260 „Русскаго Архива" 1871 года.

хивѣ“ 1870 года помѣщена біографія Сухинова, одного изъ главнѣйшихъ пособниковъ Сергѣя Муравьева-Апостола, а въ 1871 году, вслѣдъ за обнародованіемъ вышеупомянутыхъ бумагъ о Черниговскомъ бунтѣ, напечатаны были тамъ же чрезвычайно интересныя воспоминанія о немъ М. И. Муравьева-Апостола и въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ (въ опроверженіе отзывовъ сего послѣдняго о подполковникѣ Гебелѣ) разсказъ его сына, воспроизведенный потомъ и на страницахъ „Русскаго Архива“.

Всѣ эти статьи немало способствовали къ ближайшему ознакомленію съ происшествіемъ въ Черниговскомъ полку. Но представляемый ими матеріалъ требуетъ еще тщательной критической провѣрки: даже при бѣгломъ чтеніи наталкиваешься въ нихъ иногда на такія несообразности и взаимныя противорѣчія, которыя мѣшаютъ ясному уразумѣнію дѣла не только въ его подробностяхъ, но и въ самой сущности.

Мы уже имѣли случай указать на нѣкоторыя неточности и невѣрности, заключающіяся въ напечатанныхъ нами современныхъ офиціальныхъ бумагахъ о бунтѣ Черниговскаго полка („Русск. Арх.“ 1871 г., стр. 260—261). Понятно, что лица, писавшія о событіи спустя много лѣтъ послѣ того, какъ оно происходило, по собственнымъ ли воспоминаніямъ или по разсказамъ тѣхъ, кто принималъ въ немъ непосредственное участіе, неизбѣжно должны были впасть въ ошибки и тѣмъ скорѣе, что не имѣли для себя въ нашей исторической литературѣ никакихъ руководящихъ указаній.

Въ подтвержденіе этого приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ.

М. И. Муравьевъ-Апостолъ разсказывалъ, что извѣстіе о кончинѣ императора Александра и о двухъ доносахъ, сдѣланныхъ еще при его жизни, получено было его братомъ, Сергѣемъ, отъ Пестеля *въ концѣ Декабря* (стр. 0229): конечно, это было не въ концѣ Декабря, а вѣроятно въ концѣ Ноября, такъ какъ уже 13-го Декабря Пестель былъ арестованъ въ Тульчинѣ („Русск. Вѣст.“ 1874 г., стр. 51), а въ концѣ Декабря, въ ночь съ 28-го на 29-ое, арестованъ былъ и Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ въ Трилѣсахъ *).

У того же М. И. Муравьева-Апостола читаемъ, что для арестованія его брата, Сергѣя, присланъ былъ жандармскій *капитанъ* Лангъ, съ которымъ подполковникъ Гебель ѣздилъ разыскивать ихъ и наконецъ нашелъ въ Трилѣсахъ (стр. 0231—0232); въ разсказѣ же сына Гебеля нѣтъ и помину о Лангѣ, а роль его играетъ жандармскій поручикъ Несмѣяновъ (стр. 1719—1720). Здѣсь, очевидно, перепутаны имена тѣхъ двухъ жандармскаго полка офицеровъ, о которыхъ упоминается въ напечатанной нами современной запискѣ объ этомъ происшествіи (стр. 267—268) и въ біографіи Су-

*) Генералъ Ротъ ошибается, относя его арестъ къ ночи съ 29-го на 30-ое Декабря („Русск. Арх.“ 1871 г., стр. 264).

хинова, гдѣ *поручикъ* Лангъ называется начальникомъ жандармовъ при 3-мъ пѣхотномъ корпусѣ (стр. 911).

Гебель говоритъ, что въ Декабрѣ отецъ его отпустилъ Сергѣя Муравьева-Апостола въ Москву (стр. 1719). Это опять невѣрно: въ цитированной нами современной запискѣ сказано, что послѣдній отпущенъ былъ дивизіоннымъ генераломъ въ Житоміръ для поздравленія съ праздникомъ (Рождества) корпуснаго командира (стр. 268); настоящею же цѣлью его поѣздки было, по свидѣтельству его брата, исходатайствованіе отпуска Бестужеву-Рюмину (стр. 0230) или, скорѣе всего, какъ увѣрялъ Щепилла барона Соловьева, извѣщеніе своихъ сообщниковъ о времени открытія дѣйствій, которыя предполагалось начать съ Черниговскаго полка (см. ниже).

Гебель разсказываетъ, что когда его отецъ, разыскивая Сергѣя Муравьева-Апостола, прибылъ въ Трилѣсы, то нашелъ его въ большой избѣ, гдѣ съ нимъ были его братъ, гусаръ Сухиновъ и еще кто-то (стр. 1720). Это также не совсѣмъ вѣрно: изъ современной записки (стр. 269), изъ воспоминаній М. И. Муравьева-Апостола (стр. 0231) и изъ рапорта Де-Юнкера (стр. 273) видно, что въ то время, какъ вошелъ въ избу Гебель, въ ней, кромѣ обоихъ братьевъ Муравьевыхъ, никого болѣе не было; Сухиновъ и другіе офицеры пріѣхали уже послѣ.

При этомъ, вѣроятно для вящшаго эффекта, Гебель повѣствуетъ, что эти офицеры прискакали на выручку Муравьева *прямо съ бала*, который давалъ его отецъ въ Васильковѣ (стр. 1720). Танцовальный вечеръ, по словамъ самого же Гебеля, былъ у нихъ 25-го Декабря, а офицеры прискакали 29-го: значитъ, не прямо съ бала (между Васильковымъ и Трилѣсами много-что день ѣзды).

Авторъ біографіи Сухинова приводитъ слѣдующую черту великодушія своего героя. Когда израненный офицерами Гебель, выползши на дорогу втащился, при помощи ѣхавшаго крестьянина, къ нему въ сани, то Сухиновъ, видѣвшій будто бы безполезность поступка съ Гебелемъ, догналъ его, посадилъ съ нимъ солдата и приказалъ везти его, куда онъ самъ захочетъ (стр. 912). Въ запискѣ же Гебеля Сухиновъ играетъ нѣсколько иную и ужъ вовсе неблаговидную роль: догнавъ скакавшаго безъ памяти Гебеля (говоритъ сынъ его) Сухиновъ, съ саблею въ рукѣ, сталъ наносить ему новые удары, которые тотъ отводилъ уцѣлѣвшею лѣвою рукою, и только замѣтивъ, что солдаты смотрятъ на эту сцену неодобрительно, Сухиновъ одумался, приказалъ двоимъ изъ нихъ сбросить съ повозки мужика и везти полкового командира въ баталіонный штабъ, т. е. къ Муравьеву (стр. 1722).

Вообще надо сказать, что біографія Сухинова написана не совсѣмъ удовлетворительно. Авторъ ея не взялъ на себя труда хоть сколько-нибудь провѣрить данныя, которыя вносилъ въ нее; а между тѣмъ онѣ оказываются иногда совершенно несостоятельными предъ исторической истиною, и вмѣстѣ съ ними разсыпаются прахомъ и дѣлаемыя, на основаніи ихъ, тѣ или дру-

гія заключенія о нравственныхъ свойствахъ изображаемаго имъ лица Такъ въ біографіи его читаемъ: „Въ продолженіе своего пребыванія въ Кишиневѣ, Сухиновъ нѣсколько разъ подходилъ къ рѣкѣ Быку съ намѣреніемъ перейти чрезъ оную въ Молдавію; но всякій разъ удерживался одною мыслію: какъ оставить отечество и спастись бѣгствомъ въ то время, когда бѣдствуютъ возставшіе вмѣстѣ съ нимъ товарищи“ (стр. 917). Все это мѣсто, отъ перваго слова до послѣдняго, есть чистѣйшій вымыселъ, не имѣющій въ своемъ основаніи и тѣни правды: автору біографіи стоило только вспомнить далеко непограничное теченіе Быка, чтобы убѣдиться, что Сухинову нельзя было черезъ эту рѣку перейти въ Молдавію, а слѣдовательно и удерживаться отъ перехода тѣми возвышенными мыслями объ отечествѣ и товарищахъ, которыя ему приписываются. Подобную же небывальщину, и по поводу того же Сухинова, разсказываетъ и Шницлеръ, какъ бы для доказательства, что онъ нисколько не уступитъ намъ въ знаніи Россіи. Описавъ пораженіе Черниговцевъ подъ Устиновкой, онъ между прочимъ говоритъ: „Сухинову удалось спастись и бѣжать за границу; но вскорѣ онъ былъ задержанъ въ Кишиневѣ и выданъ Молдавскими властями могущественному сосѣду (т. е. Россіи), которому трудно было бы въ чемъ нибудь отказать“ [1]).

О другихъ промахахъ въ біографіи Сухинова, обличаемыхъ печатаемыми теперь документыми, сказано будетъ ниже.

Мы вошли здѣсь въ нѣкоторыя подробности, чтобы показать, какъ мало еще разъяснено въ нашей исторической литературѣ дѣло о Черниговскомъ бунтѣ. Конечно, главною виною неразработанности его была скудость или, лучше сказать, совершенное отсутствіе до недавняго времени документовъ о немъ въ нашей печати. Удивительно только, что уже послѣ обнародованія нѣкоторыхъ изъ нихъ у насъ все-таки являются о немъ крайне-невѣрные разсказы. Такой разсказъ мы встрѣтили еще недавно на страницахъ „Русскаго Вѣстника“ (въ первой книжкѣ за 1874 годъ), во второй изъ двухъ напечатанныхъ тамъ главъ имѣющаго вскорѣ выйти въ свѣтъ труда г. Кропотова, подъ заглавіемъ „Жизнь графа Михаила Николаевича Муравьева“. Глава эта посвящена дѣлу о Декабристахъ, въ которое былъ замѣшанъ и графъ М. Н. Муравьевъ. На страницѣ 52-ой авторъ коснулся и Черниговскаго дѣла, и вотъ какъ разсказываетъ его: „Дивизіонный генералъ Тихановскій имѣлъ неосторожность отправить по командѣ къ командиру Черниговскаго полка, подполковнику Гебелю распоряженіе объ арестованіи подполковника Сергѣя Муравьева-Апостола, который, бывъ предупрежденъ о томъ, уѣхалъ изъ села Трилѣсъ, своей баталіонной квартиры, въ

[1]) Histoire intime de la Russie. т. II, стр. 36: „Soukhinoff... réussit à se sauver et à franchir la frontière; mais il fut bientôt arrêté à Kichineff, et livré par les autorités moldaves à un voisin trop puissant pour qu'on ait rien à lui refuser“. Это говоритъ Шницлеръ, посвятившій четыре года пребыванія своего въ Россіи изученію ея исторіи и статистики!

Житоміръ. Отыскавъ наконецъ его у поручика Кузьмина, Гебель объявилъ повелѣніе объ арестованіи. Прибывшіе вслѣдъ за тѣмъ офицеры напали на Гебеля, который, израненный, едва спасся отъ смерти. Муравьевъ-Апостолъ, вмѣстѣ съ братьями, собравъ полкъ, двинулся къ Василькову, изъ котораго, наканунѣ Новаго Года, устремился было къ Бѣлой Церкви для захвата сокровищъ графини Браницкой. Но, находясь въ 10 верстахъ, въ селѣ Гребенкахъ, узналъ, что нельзя разсчитывать на поддержку со стороны нижнихъ чиновъ 17-го егерскаго полка, квартировавшаго въ Бѣлой Церкви. Получивъ притомъ свѣдѣніе о всеобщемъ движеніи войскъ, Муравьевъ-Апостолъ отправился чрезъ Винницкіе Ставы къ Устимовкѣ *). Но здѣсь, встрѣтившись съ отрядомъ Гейсмара и послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, взятъ въ плѣнъ съ братомъ своимъ Матвѣемъ. Младшій же его братъ, Ипполитъ, наканунѣ прибывшій изъ Петербурга, застрѣлился".

Какъ ни мало обнародовано документовъ по этому дѣлу, на что справедливо жалуется и г. Кропотовъ, все-таки, при помощи исторической критики, можно было извлечь изъ нихъ нѣсколько твердыхъ пунктовъ, нѣсколько несомнѣнныхъ данныхъ, и если бы г. Кропотовъ взялъ на себя этотъ трудъ, то разсказъ его не страдалъ бы, какъ теперь, совершеннымъ отсутствіемъ исторической правды. Г. Кропотовъ говоритъ, напримѣръ, согласно съ Шницлеромъ (стр. 21), что Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, бывъ предупрежденъ объ ожидавшемъ его арестѣ, уѣхалъ изъ села Трилѣсъ (вѣрнѣе было бы сказать: изъ Василькова, гдѣ онъ жилъ) въ Житоміръ. Но мы уже знаемъ, что онъ уѣхалъ не вслѣдствіе предупрежденія объ арестѣ, а по законному отпуску отъ своего начальства, и уѣхалъ, по свидѣтельству его брата (стр. 0230), 22-го Декабря, стало быть, за четыре дня до полученія Гебелемъ распоряженія объ его арестѣ. Если бы онъ дѣйствительно былъ предупрежденъ объ немъ и задумалъ скрыться, то ужъ конечно не поѣхалъ бы въ Житоміръ (корпусную квартиру), гдѣ его могли сейчасъ же арестовать. И что же онъ дѣлаетъ по прибытіи въ Житоміръ? Является къ корпусному командиру, обѣдаетъ у него (въ первый день Рождества) и потомъ безпрепятственно уѣзжаетъ въ Васильковъ (Рус. Арх. 1871 г., стр. 0230). Любопытно, что и самъ генералъ Ротъ, принимая у себя Муравьева 25-го Декабря, ничего еще не зналъ о распоряженіи насчетъ его ареста, который долженъ былъ послѣдовать нѣсколько часовъ спустя въ Васильковѣ: возможно ли, чтобы дивизіонный генералъ (вѣроятно начальникъ 9-ой пѣхотной дивизіи, къ которой принадлежалъ Черниговскій полкъ) Тихановскій, квартировавшій въ Бѣлой Церкви (тамъ же, стр. 275), получивъ это распоряженіе еще до отъѣзда Сергѣя Муравьева-Апостола изъ Василькова, т. е. до 22-го Декабря, не поспѣшилъ донести объ немъ своему корпусному командиру и принять мѣры къ скорѣйшему его исполненію въ Васильковѣ? А между тѣмъ оно получено было здѣсь только въ ночь съ 25-го на 26-ое

*) Не вѣрнѣе-ли *Устиновкѣ*, какъ это селеніе и называется въ документахъ, напечатанныхъ въ „Русскомъ Архивѣ"?

Декабря. Изъ соображенія всѣхъ этихъ обстоятельствъ оказывается несомнѣннымъ, что Муравьевъ и не подозрѣвалъ еще тогда объ ожидавшей его участи. Впервыя онъ узналъ объ этомъ отъ Бестужева-Рюмина уже на обратномъ пути въ Васильковъ, 28-го Декабря, въ Трилѣсахъ, гдѣ чрезъ нѣсколько часовъ и былъ арестованъ Гебелемъ (тамъ же, стр. 0231).

Послѣ освобожденія, Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ не могъ собирать полкъ въ Трилѣсахъ, потому что его тамъ не было: тамъ стояла только одна 5-ая мушкатерская рота, которою командовалъ Кузьминъ; съ нею-то онъ и двинулся въ Васильковъ (тамъ же, стр. 0233), въ сопровожденіи брата Матвѣя, а не обоихъ *братьевъ*, какъ увѣряетъ г. Кропотовъ, потому что третій братъ, Ипполитъ, присоединился къ нимъ уже въ Васильковѣ, передъ самымъ выступленіемъ изъ него Муравьева (тамъ же, стр. 0234). Здѣсь-то, 31-го Декабря, и собрался вокругъ него командуемый имъ второй баталіонъ въ полномъ своемъ составѣ; здѣсь же примкнули къ нему и двѣ роты перваго (тамъ же).

Съ этими силами Муравьевъ, дѣйствительно, наканунѣ Новаго года, выступилъ изъ Василькова; но, отойдя семь верстъ, 31-го Декабря остановился въ деревнѣ Мотовиловкѣ, гдѣ, по случаю праздника, имѣлъ дневку, и безуспѣшно уговаривалъ присоединиться къ нему 1-ую гренадерскую и 1-ую мушкатерскую роты Черниговскаго полка, и только 2-го Января двинулся далѣе (тамъ же, стр. 271 и 0234).

Движеніе его къ Бѣлой Церкви г. Кропотовъ, опять согласно съ Шницлеромъ, который въ этомъ случаѣ слѣдовалъ донесенію генерала Рота [1]), приписываетъ намѣренію его захватить сокровища графини Браницкой. Но дѣйствительно ли Муравьевъ имѣлъ такое намѣреніе? Намъ неизвѣстно его показаніе на этотъ счетъ въ слѣдственной комиссіи. Мы знаемъ только, что въ публикѣ дѣйствительно ходилъ въ то время слухъ, будто у него было намѣреніе ограбить графиню Браницкую (тамъ же, стр. 285). Но тогда ходило много разныхъ слуховъ: разсказывали, напримѣръ, будто бы Муравьевъ, по занятіи Василькова, овладѣлъ повѣтовымъ казначействомъ (тамъ же, стр. 274); будто бы дозволялъ своимъ солдатамъ грабить въ этомъ городѣ лавки [2]); будто бы во время похода дозволялъ имъ всякое своевольство (тамъ же, стр. 285). Мы уже имѣли случай въ другомъ мѣстѣ (тамъ же, стр. 271), на основаніи современнаго свидѣтельства (подполковника Де-Юн-

---

[1]) Mouravieff n'ignorait pas—говоритъ Шницлеръ—que le château de Bélaïa Tserkof devait renfermer des richesses fabuleuses tant en argent qu'en objets précieux. Aussi, suivant le rapport du général Roth (Journal de Saint-Pétersbourg, 1826, n° 5) conçut-il le projet de s'en emparer, afin de s'attacher sa troupe par les largesses qu'il pourrait lui faire et d'augmenter le nombre de ses partisans en semant l'argent sur sa route (стр. 31—32)

[2]) Dans la nécessité de pourvoir aux besoins de sa troupe—говоритъ Шницлеръ—et peut-être aussi dans le but de la compromettre sans retour, il força les boutiques de la ville (стр. 25).

кера), показать несправедливость первыхъ двухъ обвиненій[1]; что̀ касается до третьяго, то оно опровергается другимъ современнымъ свидѣтельствомъ, которое мы находимъ въ показаніяхъ одного изъ Черниговцевъ, Ракузы: „Во время похода, говоритъ онъ, нижніе чины никакихъ неблагопристойностей и обидъ жителямъ не дѣлали, зачѣмъ офицеры въ особенности смотрѣли, предупреждая, что они идутъ для спасенія народа“ (см. ниже отв. его на 8-ой вопр. пунктъ). Такимъ образомъ всѣ эти слухи оказываются ни на чемъ неоснованными вымыслами. Надо полагать, что и приписываемое Муравьеву намѣреніе ограбить графиню Браницкую, о которомъ онъ будто бы прямо заявлялъ солдатамъ во время похода (тамъ же, стр. 285). принадлежитъ также къ числу подобныхъ вымысловъ. Даже Гебель сомнѣвается въ справедливости этого слуха. „Не знаю хорошо, говоритъ онъ, почему Муравьевъ пошелъ на Бѣлую Церковь. Толковали, что ему хотѣлось добраться до денежныхъ сундуковъ Браницкой; но вѣроятно, что онъ шелъ на соединеніе съ своими“ (стр. 1724). М. И. Муравьевъ-Апостолъ, сопровождавшій своего брата въ этомъ походѣ и знавшій его намѣренія, конечно, лучше, чѣмъ кто-либо другой, объясняетъ это движеніе на Бѣлую Церковь слѣдующимъ образомъ: „3-го Января 1826 года братъ Сергѣй Ивановичъ намѣревался направиться въ Бердичевъ[2]. чтобы воспользоваться лѣсистою мѣстностью[3]). Узнавъ, что 18-ый егерскій полкъ[4]), расположенный въ Бѣлой Церкви, выставленъ противъ насъ, онъ двинулся на Житоміръ[5]), кратчайшею дорогою, черезъ Трилѣсье“ (стр. 234—235).

Этихъ замѣчаній достаточно, чтобы убѣдиться, какъ мало г. Кропотовъ изучилъ эпоху, очерку которой посвятилъ вторую изъ напечатанныхъ

---

[1]) Любопытно, что Муравьевъ не тронулъ даже казенныхъ денегъ во взятомъ имъ изъ Василькова полковомъ ящикѣ (тамъ же, стр. 279).

[2]) Дорога изъ Василькова въ Бердичевъ шла на Бѣлую Церковь.

[3]) Любопытно, что воспользоваться лѣсистыми мѣстами думали и солдаты 17-го егерскаго полка. „Во время содержанія моего здѣсь, въ Бѣлой Церкви, на гауптвахтѣ, назадъ тому съ мѣсяцъ или болѣе, показывалъ Ракуза въ Мартѣ, когда 2-ая карабинерная и 5-ая егерская роты 17-го егерскаго полка были въ караулѣ, то между разговорами нижніе чины означенныхъ ротъ изъявляли ропотъ на настоящую ихъ службу и на правительство, говоря при томъ, что весна откроетъ все, что они разбѣгутся по лѣсамъ и тамъ соединятся“. При такомъ духѣ нижнихъ чиновъ 17-го егерскаго полка, почему Муравьевъ, какъ увѣряетъ г. Кропотовъ, не могъ разсчитывать на ихъ содѣйствіе? Есть даже извѣстіе, что служившіе въ этомъ полку члены тайнаго общества ручались Муравьеву присоединить къ возстанію по крайней мѣрѣ двѣ роты („Русск. Архивъ“ 1870 г., стр. 914).

[4]) Впрочемъ, по оговору разжалованнаго изъ капитановъ рядового Грохольскаго, и въ этомъ полку между нижними чинами обѣихъ карабинерныхъ ротъ велись такіе же разговоры, что̀ и въ ротахъ 17-го егерскаго полка.

[5]) Сухиновъ, посланный Муравьевымъ въ ночь со 2-го на 3-ье число изъ села Пологовъ къ Бѣлой Церкви, привезъ извѣстіе, что 17-ый егерскій полкъ выступилъ изъ нея, но не противъ нихъ, а по направленію къ Житоміру, такъ что Муравьевъ, двинувшись къ Житоміру, думалъ вѣроятно на пути соединиться съ этимъ полкомъ („Русск. Архивъ“ 1870 г., стр. 914).

имъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ" главъ, хотя и имѣлъ, кажется, доступъ къ архивнымъ источникамъ. Вслѣдствіе этого рѣшительные приговоры его надъ людьми и дѣлами той эпохи кажутся намъ, по меньшей мѣрѣ, слишкомъ поспѣшными [1]).

При бѣдности имѣющихся въ нашей литературѣ достовѣрныхъ источниковъ для знакомства съ событіемъ, которое, какъ всякій историческій фактъ, не можетъ быть вѣрно понято и воспроизведено безъ добросовѣстнаго его изученія, не лишнимъ, конечно, будетъ обнародованіе нижеслѣдующихъ документовъ, которые, пополняя наши свѣдѣнія о Черниговскомъ дѣлѣ, представляютъ въ тоже время немало данныхъ вообще о дѣятельности Сергѣя Муравьева-Апостола и его единомышленниковъ въ управѣ 3-го пѣхотнаго корпуса. Кромѣ того, они бросаютъ новый свѣтъ на нѣкоторыя извѣстныя уже лица и обстоятельства, который даетъ возможность устранить составившіяся о нихъ ошибочныя представленія и возстановить по отношеніи къ нимъ истину, затемненную невѣдѣніемъ или пристрастіемъ.

Документы эти состоятъ изъ подлинныхъ предписаній великаго князя Константина Павловича къ генералу Гогелю (№ 1, II и X), донесеній главнокомандующаго 1-ою арміей, графа Сакена, великому князю Константину Павловичу въ Варшаву (№ III и XI), отношенія графа Сакена къ военному министру, генералу отъ инфантеріи Татищеву (№ V), выписокъ изъ отвѣтовъ на вопросные пункты, данные въ Петербургѣ Сергѣю Муравьеву-Апостолу (№VIII) и Бестужеву-Рюмину (№ IX) [2]), рапортовъ графу Сакену отъ военносудныхъ коммиссій въ Могилевѣ на Днѣпрѣ (№ IV и XV) и въ Бѣлой Церкви (№ XII), показанія разжалованнаго изъ поручиковъ рядоваго Игнатія Ракузы (№ XIII), отношенія начальника главнаго штаба 1-ой арміи къ генералу Роту (№ VI) и предписаній графа Сакена генералу Роту (№VII и XIV). Къ этимъ документамъ мы прилагаемъ еще собственноручное письмо полкового командира Чеботарева къ генералу Гогелю (№ XVI).

---

[1]) Какъ мало знаемъ мы еще людей той эпохи, видно между прочимъ изъ того, что нерѣдко путаемъ ихъ имена: такъ въ „Русскомъ Архивѣ" 1871 года, на стр. 1725, командиръ 3-го пѣхотнаго корпуса *Ротъ* названъ *Битомъ*, а на стр. 287 командиръ 2-ой конной № 5-го роты капитанъ *Пыхачевъ* названъ *Лихачевымъ*. Съ этими ошибочными именами они вошли и въ азбучный указатель „Русскаго Архива".—Недавно въ статьѣ г. Анненкова о Пушкинѣ („Вѣст. Европы", № 2, 512) упомянуто было мимоходомъ о жертвахъ „послѣ подавленія бунта въ Петербургѣ и *во 2-ой арміи*". Неужели автору неизвѣстно, что во 2-ой арміи никакого бунта не было, и что Черниговскій бунтъ происходилъ въ 1-ой арміи?

[2]) Г. Кропотовъ говоритъ, что Бестужевъ-Рюминъ такъ плохо зналъ Русскій языкъ, что показанія свои доставилъ въ слѣдственную комиссію на Французскомъ языкѣ („Рус. Вѣст". 1874 г, стр. 48). Можно усумниться въ справедливости этого замѣчанія въ виду препровожденной къ графу Сакену отъ начальника главнаго штаба и напечатанной теперь выписки изъ его показаній *на Русскомъ языкѣ*; впрочемъ въ то время кто же изъ лицъ высшаго сословія, имѣвшихъ возможность воспитываться подъ руководствомъ иностранныхъ гувернеровъ, хорошо зналъ отечественный языкъ и не предпочиталъ ему постоянно и въ разговорѣ и на письмѣ языка Французскаго? Давно ли Французскій языкъ утратилъ у насъ въ этой сферѣ незаконное право гражданства? Да полно, утратилъ ли?..

Ѳеодоръ Григорьевичъ Гогель (сынъ Григорья Григорьевича Гогеля, бывшаго въ 1774 г. въ эпоху Пугачевщины въ чинѣ подполковника Польской службы, крейсъ-коммиссаромъ Саратовскихъ Нѣмецкихъ колоній, а впослѣдствіи въ 1786 г. оберъ-директоромъ Московскаго Воспитательнаго Дома [1]), начальникъ 25-й пѣхотной дивизіи, квартировалъ тогда въ Дубнѣ Пользуясь особымъ довѣріемъ великаго князя Константина Павловича, онъ исполнялъ разныя его порученія, вызванныя смутными обстоятельствами того времени: такъ, по волѣ великаго князя, онъ испрашиваетъ у генерала Рота увѣдомленія о бунтѣ въ Черниговскомъ полку („Рус. Арх". 1871 г., стр. 264); разсылаетъ своихъ офицеровъ по мѣстамъ расположенія 1-ой арміи для собранія подъ рукой свѣдѣній по этому дѣлу (тамъ же, стр. 272—288 и ниже —въ нашихъ документахъ); чрезъ своихъ же офицеровъ производитъ секретныя наблюденія надъ войсками, расположенными по близости его дивизіи. Кромѣ того, и по собственному побужденію, посылаетъ ему разныя сообщенія, важныя по тогдашнимъ обстоятельствамъ: такъ въ рапортѣ отъ 4-го Марта 1826 года онъ извѣщаетъ его о какомъ-то неизвѣстномъ намъ происшествіи въ Пензенскомъ пѣхотномъ полку, обнаружившемъ вредный духъ его офицеровъ. Благодаря такимъ донесеніямъ Гогеля, великій князь, живя въ Варшавѣ, зналъ все, что дѣялось въ войскахъ 1-ой арміи вообще и въ 3-мъ корпусѣ въ особенности, гораздо лучше генерала Рота и главнокомандующаго графа Сакена. Съ своей стороны, цесаревичъ сообщаетъ ему для соображеній копіи важнѣйшихъ секретныхъ бумагъ, получаемыхъ имъ отъ графа Сакена. Послѣднимъ обстоятельствомъ и объясняется происхожденіе печатаемыхъ здѣсь документовъ: большая часть ихъ (за исключеніемъ четырехъ—подъ № I, II, X и XVI) суть подлинныя, скрѣпленныя генералъ-маіоромъ Кривцовымъ, копіи бумагъ, препровожденныя цесаревичемъ къ генералу Гогелю при двухъ предписаніяхъ, отъ 5-го и отъ 20-го Марта 1826 года.

Не входя здѣсь въ подробности содержанія этихъ документовъ, мы остановимся только на нѣкоторыхъ пунктахъ, требующихъ разъясненія.

Происшествіемъ въ Черниговскомъ полку и начавшимся розыскомъ генералъ Ротъ [2]) поставленъ былъ въ неловкое положеніе: правда, по доносу капитана Майбороды, онъ первый извѣстилъ правительство объ обширномъ заговорѣ во 2-ой арміи; но ничего не зналъ о томъ, что дѣялось въ 1-ой, что дѣялось у него въ 3-мъ корпусѣ. Между тѣмъ заговорщики не особенно заботились о сохраненіи тайны своихъ замысловъ: въ лагерѣ подъ Лещиномъ офицеры громко говорили въ трактирахъ о готовящемся возмущеніи и близкихъ успѣхахъ своего дѣла; въ палатку Сергѣя Муравьева-Апостола

[1]) Сочиненія Державина Т. VI, стр. 496, 508 и 875.

[2]) Генералъ Ротъ былъ родомъ изъ Эльзаса, откуда онъ эмигрировалъ съ своимъ отцомъ, артилерійскимъ полковникомъ, и вступилъ въ Русскую службу въ 1801 году. М. Ш. См. о немъ въ Воспоминаніяхъ Докудовскаго. П. Б.

собирались члены тайнаго союза [1]), приходили толпами солдаты разныхъ полковъ; неподалеку отъ Лещина, въ одной деревушкѣ, гдѣ квартировала рота 8-ой артилерійской бригады, съѣзжались офицеры, единомышленники Муравьева, человѣкъ по тридцати, для совѣщаній. Все это происходило, такъ сказать, на глазахъ у всѣхъ, и Ротъ ничего не зналъ. Еще наканунѣ бунта, въ тотъ день, какъ, по высочайшему повелѣнію, явились въ Васильковъ жандармы для арестованія Муравьева, Ротъ пригласилъ его къ себѣ обѣдать и все время за столомъ провелъ въ разговорахъ о Петербургскомъ происшествіи, о смерти графа Милорадовича... Подавивъ потомъ бунтъ Муравьева подъ Устиновкой, Ротъ, кажется, и не подозрѣвалъ, что это былъ только слабый взрывъ обширнаго заговора въ 1-ой арміи, гнѣздомъ котораго былъ именно его корпусъ; продолжалъ выражать предъ Сакеномъ свою твердую увѣренность на счетъ нравственнаго состоянія 3-го корпуса, между тѣмъ какъ свѣдѣнія, которыя въ то время получалъ главнокомандующій отъ великаго князя Константина Павловича и изъ военносудныхъ коммиссій, доказывали совсѣмъ противное на этотъ счетъ, и чѣмъ далѣе шли розыски, тѣмъ обширнѣе обнаруживался заговоръ въ корпусѣ Рота. Понятно, что Сакенъ не могъ быть особенно доволенъ Ротомъ.

Но въ Петербургѣ, кажется, немного разсчитывали, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ, и на самого графа Сакена. Главнокомандующій былъ старъ. Опасаясь, безъ сомнѣнія, говоритъ одно извѣстіе, что у него не хватитъ достаточно энергіи для борьбы со зломъ, въ Петербургѣ рѣшено было: „чтобы устранить самую возможность опасности", поручить временно командованіе 3-мъ пѣхотнымъ корпусомъ цесаревичу и великому князю Константину Павловичу [2]). Если такое рѣшеніе дѣйствительно было принято въ Петербургѣ, то во всякомъ случаѣ оно не было приведено въ исполненіе, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, какъ состоялось. Генерала Рота даже временно не удаляли отъ командованія корпусомъ; тѣмъ не менѣе цесаревичъ, какъ видно изъ нашей переписки, принялъ на себя главный, хотя и негласный, надзоръ за войсками 1-ой арміи и въ особенности 3-го корпуса, и въ этой роли выказалъ много распорядительности и энергіи...

Впрочемъ, опасенія на счетъ графа Сакена, если только они были, оказались совершенно напрасными. Энергія его, какъ свидѣтельствуютъ на-

---

[1]) Гебель разсказываетъ, что однажды осенью, когда Черниговскій полкъ былъ въ лагерѣ, часовой, стоявшій у палатки Муравьева, подслушалъ собравшихся у него офицеровъ, шумно толковавшихъ о своихъ замыслахъ, и бѣжалъ съ доносомъ къ Сакену. Гебель не знаетъ только, гдѣ тогда полкъ стоялъ лагеремъ. Это конечно было въ лагерѣ при Лещинѣ (стр. 1718).

[2]) Ce vaste commandement (1-ой арміей)... était confié à un Allemand... C'était le général comte Sacken, digne vétéran, brave, habile, dévoué, mais dont l'âge commençait à affaiblir les facultés (стр. 6). A Saint-Pétersbourg, sant doute dans la crainte que Sacken n'agit pas avec toute la vigueur nécessaire, on avait décidé, „pour écarter jusqu à la possibilité d'un danger", de confier momentanément le commandement du 3-e corps d'infanterie au césarevitsch et grand-duc Constantin (Шницлеръ, стр. 32).

ши документы, нисколько не ослабѣла подъ бременемъ лѣтъ. Скоро должны были убѣдиться въ этомъ и въ Петербургѣ. Порой приходилось даже сдерживать слишкомъ сильные порывы этой энергіи. Такъ, когда въ Мартѣ 1826 года графъ Сакенъ вошелъ съ представленіемъ о переводѣ всѣхъ бывшихъ Семеновцевъ, служившихъ въ 1-ой арміи, въ армію Кавказскую, императоръ приказалъ извѣстить главнокомандующаго, что отличное усердіе и безпорочное поведеніе этихъ нижнихъ чиновъ, состоявшихъ прежде подъ непосредственнымъ его начальствомъ, лично ему извѣстны, и что затѣмъ онъ не полагаетъ необходимымъ прибѣгнуть къ предлагаемой мѣрѣ *).

Любопытно знать, чѣмъ было вызвано въ графѣ Сакенѣ такое представленіе?

Изъ нашихъ документовъ видно, что онъ имѣлъ основаніе не довѣрять старымъ Семеновцамъ. Они сильно скомпрометировали себя своими сношеніями съ Сергѣемъ Муравьевымъ - Апостоломъ и Бестужевымъ-Рюминымъ. Первое свѣдѣніе объ этихъ сношеніяхъ Сакенъ получилъ 12-го Февраля 1826 года изъ Могилевской военно-судной комиссіи, въ которой штабсъ-капитанъ баронъ Соловьевъ между прочимъ упомянулъ о томъ, что поручикъ Щепилла читалъ у Муравьева письмо отъ солдатъ 8-ой дивизіи, изъ бывшаго Семеновскаго полка, гдѣ говорилось, что они давно уже готовы исполнить внушенное имъ предпріятіе. 14-го Февраля Сакенъ потребовалъ отъ генерала Рота вѣдомости, сколько въ какомъ полку и въ какой именно ротѣ 8-ой пѣхотной дивизіи состоитъ солдатъ бывшаго состава Семеновскаго полка, и въ тоже время отнесся къ военному министру съ просьбою приказать допросить Муравьева, какіе именно солдаты 8-ой дивизіи присылали къ нему письмо. Мы не знаемъ, что̀ отвѣчалъ ему на этотъ запросъ военный министръ; но вскорѣ онъ получилъ отъ начальника главнаго штаба, одно за другимъ, показанія Бестужева-Рюмина и Муравьева, первое отъ 7-го Февраля, а второе отъ 31-го Января; въ обоихъ названы поименно десять человѣкъ солдатъ-Семеновцевъ, которые въ лагерѣ при Лещинѣ вошли съ ними въ ближайшія сношенія; но кромѣ этихъ, къ Муравьеву приходили, по свидѣтельству Бестужева-Рюмина, за исключеніемъ весьма немногихъ, всѣ солдаты стараго Семеновскаго полка, бывшіе въ 8-ой дивизіи.

Какія рѣчи держалъ имъ Муравьевъ, это лучше всего видно изъ его собственнаго признанія: „Я съ ними разговаривалъ о тягости службы (читаемъ въ его показаніи), бранилъ ее, вспоминалъ имъ старый полкъ, спрашивалъ ихъ, помнятъ ли своихъ старыхъ офицеровъ, помнятъ ли меня; говорилъ имъ, что я увѣренъ, что они отъ своихъ старыхъ офицеровъ никогда и нигдѣ не отстанутъ, и тому подобныя говорилъ имъ рѣчи“.

*) Приводя это извѣстіе изъ дѣлъ главнаго штаба, г. Кропотовъ напрасно называетъ здѣсь графа Сакена княземъ и фельдмаршаломъ: въ то время онъ не былъ еще ни тѣмъ, ни другимъ („Рус. Вѣст“. 1874 г., стр. 41). Также ошибочно въ другомъ мѣстѣ называетъ онъ генералъ-лейтенанта Рота генераломъ отъ кавалеріи (тамъ же, стр. 51).

Эти рѣчи не оставались безъ дѣйствія: въ средѣ Семеновцевъ слышались громкіе крики противъ начальства, жалобы на свою судьбу; какой-то солдатъ Саратовскаго полка поклялся привести къ Муравьеву одинъ весь свой полкъ, безъ офицеровъ; другой поклялся передъ Бестужевымъ на первомъ смотру покуситься на жизнь Государя. Бестужевъ былъ въ восторгѣ отъ духа Семеновскихъ солдатъ...

Старые Семеновцы, распредѣленные по полкамъ 8-й пѣхотной дивизіи Пензенскому, Саратовскому и Тамбовскому, были безгранично преданы Муравьеву [1]). Во время возстанія Черниговскаго полка Муравьевъ и Бестужевъ разсказывали, что они имѣютъ большую надежду на Пензенскій и Саратовскій полки посредствомъ Семеновскихъ солдатъ. Но Семеновцы съ успѣхомъ дѣйствовали и въ Тамбовскомъ полку: во время возмущенія солдаты 1-го баталіона этого полка, содержавшіе караулъ въ Житомірѣ, требовали отъ хозяевъ лучшей пищи и сказывали, что имъ говорили, что будутъ грабить Житоміръ, вмѣсто того имъ велятъ защищать („Рус. Арх". 1871 г., стр. 277).

Но кромѣ этихъ полковъ 8-й дивизіи, мятежный духъ сильно распространился и въ 8-й артиллерійской бригадѣ, гдѣ главнымъ дѣятелемъ въ интересахъ тайнаго общества былъ поручикъ Горбачевскій: по словамъ того же барона Соловьева, Щепилла читалъ у Муравьева другое письмо отъ Горбачевскаго, что солдаты 8-й артиллерійской бригады съ такимъ рвеніемъ ожидаютъ начала дѣйствія, что офицеры, состоящіе въ семъ обществѣ, не находятъ средствъ удержать ихъ нетерпѣніе. Графъ Сакенъ просилъ военнаго министра приказать допросить Горбачевскаго, какіе именно нижніе чины 8-й бригады введены были въ тайну заговора. И на этотъ запросъ главнокомандующаго у насъ нѣтъ отвѣта военнаго министра; но что Щепилла говорилъ правду, можно заключить изъ слѣдующаго мѣста въ воспоминаніяхъ М. И. Муравьева-Апостола: „Офицеры пѣшей 8-й артиллерійской бригады, когда до нихъ дошла вѣсть о смерти государя, дали знать Сергѣю Ивановичу, что у нихъ все готово къ походу, и лошади подкованы на зимніе шипы" („Русск. Арх". 1871 г., стр. 0233).

Отъ 12-го Марта 1826 года Сакенъ писалъ Роту: „Важнѣе всего то, что въ 8-й и 9-й дивизіяхъ [2]) и 8-й артиллерійской бригадѣ введены въ заговоръ нижніе чины и, какъ безпрестанно подтверждается, въ большомъ количествѣ. Но сего и должно было ожидать. Изъ сообщенныхъ вамъ дежурнымъ генераломъ, отъ 11-го сего Марта, показаній артиллерійскихъ офицеровъ: Андреевича 2, Борисова 2 и Бечаснаго [3]), вы извѣстны, съ какою дѣятельностью и успѣхомъ они дѣйствовали. Можно ли сомнѣваться,

---

[1]) Нѣсколько ротъ стараго Семеновскаго полка, говоритъ М. И. Муравьевъ-Апостолъ, переведены были въ эту дивизію (8-ю) и вполнѣ довѣрились брату (стр. 0233).

[2]) Къ 9-й дивизіи принадлежалъ между прочимъ Черниговскій полкъ.

[3]) Показаній этихъ, къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ.

чтобъ заговорщики въ полкахъ менѣе были дѣятельны? Къ сему должно присовокупить стараніе нижнихъ чиновъ прежняго состава Семеновскаго полка, коихъ большая часть, безъ сомнѣнія, были въ заговорѣ, и которые еще удобнѣе могли поселять развратъ между нижними чинами".

Императоръ, знавшій Семеновцевъ въ старомъ полку, теперь не узналъ бы ихъ!

Еще до представленія въ Петербургъ о переводѣ Семеновцевъ изъ 1-й арміи на Кавказъ, графъ Сакенъ уже принималъ мѣры къ предупрежденію зла, которое они посѣяли и могли сѣять въ войскахъ. По порученію его, начальникъ штаба 1-й арміи сообщилъ Роту отъ 14-го Февраля распоряженіе главнокомандующаго объ учрежденіи тайнаго и самаго осторожнаго надзора чрезъ постороннихъ офицеровъ за поведеніемъ и духомъ нижнихъ чиновъ 8-й пѣхотной дивизіи и 8-й артиллерійской бригады; а 25-го Февраля, главнокомандующій, до свѣдѣнія котораго дошло, что между нижними чинами полковъ и ротъ, коихъ командиры и старшіе офицеры арестованы, вкрадывается духъ ослабленія дисциплины, вторично предложилъ Роту обратить ближайшее вниманіе на нравственное состояніе этихъ нижнихъ чиновъ, дѣйствуя впрочемъ тайно. Но Сакенъ не ограничился этою мѣрою: изъ отношенія его къ великому князю Константину Павловичу, отъ 14-го Марта, мы узнаёмъ, что онъ просилъ Волынскаго гражданскаго губернатора Андржейковича учредить чрезъ довѣренныхъ чиновниковъ тайный надзоръ за полками Пензенскимъ, Саратовскимъ и Тамбовскимъ и 8-ю артиллерійскою бригадою. При этомъ цесаревичъ сдѣлалъ Андржейковичу подтвержденіе о точномъ исполненіи этого распоряженія и въ тоже время просилъ Гогеля продолжать, съ своей стороны, имѣть надъ ними наблюденіе. Такимъ образомъ нѣкоторыя части корпуса Рота попали подъ надзоръ двойной тайной полиціи, военной и гражданской.

Кромѣ данныхъ объ участіи въ заговорѣ нижнихъ чиновъ Пензенскаго, Саратовскаго и Тамбовскаго пѣхотныхъ полковъ и 8-й артиллерійской бригады, равно и егерскихъ 15-го, 16-го, 17-го и 18-го *), документы наши представляютъ также любопытныя свѣдѣнія и о дѣятельности офицеровъ въ духѣ тайнаго общества, особенно во время лагеря подъ Лещинымъ. Къ этимъ документамъ относятся показанія офицеровъ Черниговскаго полка, капитана Фурмана и штабсъ-капитана барона Соловьева, равно и показаніе Сухинова; важнымъ дополненіемъ къ нимъ служитъ обширное показаніе разжалованнаго изъ поручиковъ рядового Ракузы, оговорившаго множество офицеровъ и солдатъ, и между прочимъ Фурмана. Впрочемъ, въ дѣлѣ оговоровъ и другіе подсудимые мало чѣмъ уступали Ракузѣ: съ особымъ усер-

*) Въ 15-мъ и 16-мъ егерскихъ полкахъ также были Семеновцы, приходившіе къ Муравьеву въ лагерѣ подъ Лещинымъ; о мятежномъ духѣ 17-го и 18-го егерскихъ полковъ см. выше.

діемъ и предупредительностью они спѣшили называть участниковъ въ заговорѣ. Въ этомъ отношеніи не составляетъ исключенія и Сухиновъ.

На показаніи послѣдняго считаемъ не лишнимъ немного остановиться.

Мы видѣли, что въ его біографіи есть нѣсколько невѣрныхъ данныхъ, несправедливо возвеличивающихъ эту личность. Собственнымъ его показаніемъ опровергаются и нѣкоторыя другія въ томъ же родѣ. Такъ въ біографіи его сказано, что въ комиссіи военнаго суда, въ Могилевѣ, „съ самаго начала до конца Сухиновъ отвергалъ всѣ показанія, которыя могли повредить другимъ" (стр. 913). Но стоитъ только прочесть донесеніе этой комиссіи отъ 7-го Марта 1826 года, чтобы убѣдиться, что онъ не только не отвергалъ такихъ показаній, но еще самъ давалъ ихъ. Таковы его показанія о Сергѣѣ Муравьевѣ-Апостолѣ, расположеніемъ и благодѣяніями котораго онъ постоянно пользовался, о Бестужевѣ-Рюминѣ, маіорѣ Пензенскаго полка Спиридовѣ, о солдатахъ стараго Семеновскаго полка, находившихся въ сношеніяхъ съ Муравьевымъ и Бестужевымъ. Кромѣ того, со словъ застрѣлившагося послѣ Устиновскаго дѣла поручика Кузьмина, онъ оговорилъ нѣсколько офицеровъ 1-й и 2-й арміи (какъ это сдѣлалъ и баронъ Соловьевъ со словъ убитаго въ томъ же дѣлѣ Щепиллы) и сообщилъ подробности о собраніи членовъ тайнаго союза въ лагерѣ подъ Лещинымъ. Онъ тщательно избѣгалъ только названія извѣстныхъ намъ изъ его біографіи лицъ и мѣстъ, гдѣ находилъ пристанище послѣ бѣгства изъ-подъ Устиновки, на пути въ Кишиневъ. Такъ, напримѣръ, въ біографіи его сказано, что фальшивую печать и паспортъ онъ сдѣлалъ себѣ у брата въ Александріи, а на судѣ онъ показалъ, что сдѣлалъ ихъ въ неизвѣстной ему деревушкѣ, по дорогѣ къ Кременчугу: Сухиновъ, видимо, не хотѣлъ здѣсь выдать брата.

Укажемъ еще на одно невѣрное извѣстіе его біографіи. Въ ней разсказывается, что мѣстопребываніе его открыто было правительствомъ чрезъ письмо, отправленное имъ къ отцу изъ Кишинева, и что въ тотъ день, какъ оно было отнесено на почту, явился полицмейстеръ, а потомъ и дивизіонный генералъ Желтухинъ, и онъ былъ арестованъ (стр. 917). Изъ показанія же его и примѣчанія, сдѣланнаго къ нему военносудной комиссіею, оказывается, что дѣло происходило иначе: письмо, по которому правительство узнало объ его мѣстопребываніи, писано было имъ не къ отцу, а къ брату, и не въ Кишиневѣ, а на пути къ нему, въ Дубосарахъ; въ этомъ письмѣ просилъ онъ брата выхлопотать ему у отца 50 рублей и переслать ихъ въ Кишиневъ.

Въ заключеніе этого обзора нашихъ документовъ, нельзя не остановиться на одномъ мѣстѣ письма полковника Чеботарева къ генералу Гогелю. Мѣсто это касается объясненія причинъ, побудившихъ Муравьева къ открытому вооруженному возстанію противъ правительства и любопытно потому что принадлежитъ человѣку, который былъ коротко знакомъ съ Муравьевымъ, хотя и не раздѣлялъ его взглядовъ и увлеченій. Полковникъ Габбе, въ со-

вершенно частной, откровенной бесѣдѣ съ Чеботаревымъ, на вопросъ послѣдняго, что могло побудить Муравьева къ возстанію, отвѣчалъ: „Я этого не знаю, но полагаю, что онъ былъ озлобленъ за то, что нѣсколько разъ просился въ отставку и въ отпускъ, но его не пущали и даже нѣкоторымъ образомъ держали подъ присмотромъ, за что онъ цѣлому свѣту жаловался и ни передъ кѣмъ не скрывалъ своего неудовольствія... Я самъ неоднократно слышалъ, какъ онъ, въ кругу своихъ офицеровъ и другихъ совершенно постороннихъ особъ, жаловался на свою судьбу и на несправедливость начальства". Считаемъ не лишнимъ замѣтить при этомъ, что правительство, кажется, ничего не имѣло лично противъ Муравьева. Правда, послѣ извѣстной Семеновской исторіи, онъ былъ переведенъ въ армію и дѣйствительно очутился въ положеніи человѣка, какъ бы закрѣпощеннаго къ службѣ, въ положеніи непріятномъ, которое вѣрно обрисовано здѣсь полковникомъ Габбе. Но въ такое же положеніе попали и всѣ его бывшіе сослуживцы по полку. „Извѣстно, говоритъ братъ его М. И. Муравьевъ-Апостолъ, что, по распоряженію высшаго правительства, воспрещено было представлять ихъ къ повышенію въ слѣдующій чинъ, и они лишены были права проситься въ отпускъ и выходить въ отставку" („Русск. Арх". 1871 г. стр. 0229). Генералъ Ротъ, благоволившій къ Муравьеву, два раза представлялъ его въ полковые командиры; но его ходатайство не было уважено, опять таки, какъ надо думать, потому что Муравьевъ былъ изъ Семеновцевъ. Но одно и тоже положеніе, въ какое силою обстоятельствъ попадаютъ люди, дѣйствуетъ на нихъ не одинаково: положеніе Муравьева, одареннаго характеромъ живымъ, страстнымъ, сдѣлалось для него невыносимымъ. Отсюда это озлобленіе противъ правительства, эти жалобы на несправедливость начальства, на свою судьбу. Эта судьба, дѣйствительно, была безжалостна къ нему: его свѣтлый умъ, солидное классическое образованіе, благородный, гуманный характеръ, глубокая религіозность, привлекательность его пріемовъ и обращенія, всѣ эти богатые дары природы и воспитанія, въ которыхъ заключалась тайна обаятельнаго дѣйствія его личности на людей, по какой-то непонятной ироніи судьбы, послужили только къ его гибели. Лѣтъ за двѣнадцать до нея, отецъ его, Иванъ Матвѣевичъ, писалъ Державину: „Я родился съ пламенною любовію къ отечеству; воспитаніе еще возвысило во мнѣ сіе благородное чувство, единое достойное быть страстію души сильной. И сорокъ четыре года не уменьшили его ни на одну искру. Какъ въ двадцать лѣтъ я былъ, такъ точно и теперь: готовъ, какъ Курцій, броситься въ пропасть, какъ Фабій, обречь себя на смерть. Но отечество не призываетъ меня. И такъ безвѣстность, скромныя семейственныя добродѣтели, вотъ удѣлъ мой. *Я и въ немъ не вовсе буду безполезнымъ отечеству: вырощу дѣтей, достойныхъ быть Русскими, достойныхъ умереть за Россію*". На подлинникѣ письма, противъ послѣднихъ строкъ, кто-то впослѣдствіи замѣтилъ карандашомъ: „Вышло совершенно противное *). Fatum древнихъ, какъ видно, не утратилъ силы и въ новое время.

М. Шугуровъ.

*) Письмо отъ 10-го Сентября 1814 года. Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. Т. VI, стр. 287, 288.

I.

Господину генералъ-лейтенанту и кавалеру Гогелю 2-му.

Получивъ по эстафетѣ донесеніе вашего превосходительства ко мнѣ сего мѣсяца отъ 6-го числа, за № 29, я обязываюсь на оное сказать вамъ, что вы изъ объявленныхъ вамъ въ предписаніяхъ моихъ благодарностей удостовѣрились уже, сколько я доволенъ всѣми вашими распоряженіями. Но чтó касается до требованія моего донесенія вашего о учиненіи присяги на вѣрность подданства его императорскому величеству, то сіе желалъ я имѣть для того токмо, чтобы скорѣе донесть о семъ его императорскому величеству. Впрочемъ я во всемъ увѣренъ, и особенно въ томъ, чтó есть подъ начальствомъ вашимъ, и гдѣ вы, тамъ всегда есть наилучшій порядокъ и благоустройство, и никогда въ томъ не сомнѣвался. При семъ случаѣ прошу васъ о нижеслѣдующемъ:

1-е. Какъ послѣ извѣстнаго вамъ происшествія въ Черниговскомъ пѣхотномъ полку полагать должно, что нижніе чины, разбревшись, шатаются по разнымъ мѣстамъ, то въ случаѣ если-бы кто пойманъ былъ въ расположеніи высочайше ввѣренныхъ вамъ войскъ, таковыхъ въ подробности допрашивать и допросы присылать прямо ко мнѣ.

2-е. По случаю учрежденія Кіевской губерніи въ м. Ружанахъ депо ремонтныхъ лошадей для кавалеріи Польской арміи, находятся тамъ и команды кавалерійскихъ полковъ, то подъ рукою достовѣрнѣе узнать, какъ вели себя оныя команды во время происшедшаго въ окрестностяхъ сего депо возмущенія, и мнѣ о томъ донесть.

3-е. По случаю наступившихъ въ городѣ Кіевѣ контрактовъ и стеченія для сего разныхъ лицъ, съ полученія сего, послать туда благонадежнаго чиновника, подъ видомъ какой-либо надобности, и поручить ему всемѣрно узнавать какое вліяніе сдѣлало тамъ извѣстное происшествіе и вообще чтó тамъ происходитъ, и мнѣ о томъ донесть.

4-е. Таковое же учинить развѣданіе, чтó дѣлается въ м. Тульчинѣ и вообще въ сосѣдственныхъ войскахъ 1-ой и 2-ой арміи.

Варшава, Генваря 9 дня 1826 года. Генералъ-инспекторъ всей кавалеріи

Константинъ.

№ 18.

На подлинномъ надписано: „Секретно“.

II.

Господину генералъ-лейтенанту и кавалеру Гогелю 2-му.

Изъ препровождаемаго при семъ въ копіи отношенія ко мнѣ г. главнокомандующаго 1-ой арміи, генерала отъ инфантеріи графа Сакена, за № 303-мъ, и приложеній къ нему, ваше превосходительство усмотрите, что, въ тайну злоумышленниковъ вовлечены были и нѣкоторые изъ нижнихъ чиновъ 8-ой пѣхотной дивизіи и 8-ой артиллерійской бригады.

Я сообщаю вамъ всѣ оныя бумаги на тотъ конецъ, чтобы ваше превосходительство, по близкому расположенію помянутыхъ дивизіи и артиллерійской бригады къ войскамъ высочайше ввѣренной вамъ дивизіи, не оставили принять надлежащихъ мѣръ осторожности и бдительнаго наблюденія. О послѣдствіяхъ же, если-бы вашимъ превосходительствомъ чтó-либо было замѣчено, не оставьте тотчасъ доносить мнѣ. Варшава, Марта 5-го дня 1826-го года. Генералъ-инспекторъ всей кавалеріи *Константинъ.*

№ 160.

На полѣ рукою Гогеля помѣчено: „Предписано 9-го Марта Унгебауру, Ловцову, Дитерихсу и Чеботареву", а вверху стоитъ: „секретно".

III.

Ваше императорское высочество.

Почтеннѣйшее увѣдомленіе вашего императорскаго высочества, отъ 20-го сего Февраля, по эстафетѣ, я имѣлъ честь получить и спѣшу на оное донести. Усмотрѣвъ изъ донесенія военнаго суда, учрежденнаго при главной квартирѣ арміи, что изъ числа мятежниковъ баронъ Соловьевъ показалъ, якобы солдаты 8-ой артиллерійской бригады развращены офицерами своими, особенно подпоручикомъ Горбачевскимъ, и введены въ тайну заговора, и что Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ былъ въ сношеніяхъ съ служащими въ 8-ой пѣхотной дивизіи солдатами прежняго состава Семеновскаго полка, я тогда же просилъ г. военнаго министра сдѣлать Муравьеву и Горбачевскому строгіе допросы относительно развращенныхъ ими людей, а между тѣмъ предписалъ генералъ-лейтенанту Роту обратить ближайшее вниманіе на нравственное состояніе помянутыхъ нижнихъ чиновъ. Въ отвѣтъ на сіе получено отъ него донесеніе, что, по дошедшимъ къ нему слухамъ, онъ уже прежде предписалъ начальнику артиллеріи корпуса, генералъ-маіору Богуславскому, отправиться лично въ 8-ую артиллерійскую бригаду.

Между тѣмъ я получилъ отъ начальника главнаго штаба его императорскаго величества показаніе Бестужева-Рюмина, въ коемъ называетъ поименно пять прежнихъ Семеновскихъ солдатъ, состоящихъ нынѣ въ полкахъ 8-ой пѣхотной дивизіи, которые были въ сношеніяхъ съ Сергѣемъ Муравьевымъ-Апостоломъ. Я предписалъ генералъ-лейтенанту Роту взять сихъ людей непримѣтнымъ образомъ и отправить въ Бѣлую Церковь, въ учрежденную тамъ, по высочайшему повелѣнію, комиссію военнаго суда надъ нижними чинами Черниговскаго пѣхотнаго полка, которой отъ меня поручено разыскать и обстоятельство относительно развращенныхъ Муравьевымъ нижнихъ чиновъ.

Имѣя въ виду всѣ вышеупоминаемыя свѣдѣнія и получивъ теперь почтеннѣйшее отношеніе вашего императорскаго высочества, я вновь подтвердилъ генералъ-лейтенанту Роту имѣть ближайшій надзоръ за подозрѣваемыми нижними чинами. Вмѣстѣ съ тѣмъ я приказалъ находящемуся по сіе время въ Кіевѣ старшему адъютанту главнаго штаба арміи, гвардіи капитану Сотникову, офицеру надежному и расторопному, отправиться тотчасъ по расположенію 8-ой пѣхотной дивизіи и 8-ой артилерійской бригады и, обозрѣвъ положеніе обстоятельствъ, донести мнѣ съ нарочнымъ.

Теперь г. начальникъ главнаго штаба его императорскаго величества препроводилъ ко мнѣ выписку изъ показанія Муравьева, назвавшаго еще другихъ старыхъ Семеновскихъ солдатъ, бывшихъ съ нимъ въ сношеніяхъ. Оныхъ, по высочайшему повелѣнію, приказано отправить также въ Бѣлую Церковь, въ вышеупомянутый военный судъ.

Для подробнѣйшаго изложенія сихъ обстоятельствъ, имѣю честь представить вашему императорскому высочеству, въ копіяхъ, всю переписку, относительно оныхъ производящуюся. О томъ, что̀ долѣе открываться будетъ, я не премину доводить до свѣдѣнія вашего императорскаго высочества.

Вашего императорскаго высочества всепокорный (подписано) графъ Сакенъ. Вѣрно: генералъ-маіоръ *Кривцовъ*. № 303. Февраля 27 дня 1826 г. Г. Могилевъ Бѣлор.

На полѣ рукою Кривцова надписано: „секретно".

IV.

Копія съ рапорта главнокомандующему 1-ою арміею коммиссіи военнаго суда, учрежденной при главной квартирѣ арміи надъ мятежными офицерами Черниговскаго пѣхотнаго полка, отъ 12-го Февраля 1826 года, за № 12.

Во исполненіе повелѣнія вашего сіятельства, объявленнаго г. начальникомъ главнаго штаба арміи, отъ 10-го сего Февраля, о прикосновенности къ изслѣдованію о тайномъ обществѣ злоумышленниковъ судящагося въ сей коммиссіи капитана Фурмана, судебная комиссія почтеннѣйше донесть честь имѣетъ, что онъ, Фурманъ, по призывѣ его въ присутствіе суда и по объявленіи сего повелѣнія вашего сіятельства, при первомъ вопросѣ въ отношеніи прикосновенности къ мятежу, послѣдовавшему въ Черниговскомъ пѣхотномъ полку, нисколько не признался и даже по вошедшимъ до сего другимъ актамъ нисколько не усматривается. Касательно же бытности его членомъ тайнаго общества, то безъ наималѣйшаго отрицанія сознался въ томъ участвующимъ, показавъ, что онъ къ сему обществу приглашенъ былъ одного съ нимъ полка поручиками Сухиновымъ и Кузьминымъ, во время нахожденія ихъ корпуса въ лагеряхъ, въ прошедшемъ 1825 году, подъ мѣстечкомъ Лещиномъ, и въ исходѣ онаго, позванъ ими неподалеку отъ лагерей въ деревню, гдѣ квартировала 8-ой артилерійской бригады рота; зашедши въ неизвѣстную ему квартиру, нашелъ тамъ многихъ офицеровъ разныхъ полковъ 8-ой и 9-ой дивизій, между коими извѣстны ему только: Пензенскаго полка маіоръ Спиридовъ, капитанъ Тютчевъ и артилерійскій поручикъ Горбачевскій, а также были тамъ: баронъ Соловьевъ, Кузьминъ, Сухиновъ и Щепилла; прочихъ, коихъ всѣхъ вообще было особъ до 30, не помнитъ; изъ коихъ маіоръ Спиридовъ говорилъ, что общество, которое старается увеличиться, имѣетъ цѣлью доставить одинакія преимущества для всѣхъ вообще, что̀ предоставилъ Всевышній Творецъ для роду человѣческаго; что въ этомъ обществѣ есть люди самые умнѣйшіе, а изъ нашихъ полковникъ Швейковскій и Тизенгаузенъ; что сегодня будутъ Муравьевъ и Бестужевъ, которые объявятъ намъ правила общества и выборы всѣхъ членовъ, кто къ какому округу будетъ принадлежать, объявляя: „Главное стараніе общества должно состоять въ томъ, чтобы привлечь къ себѣ солдатъ, на которыхъ основана вся надежда; для исполненія же предпріятія, чтобы никто не смѣлъ просить ни переводовъ, ни отставокъ; чтобы собраніе сіе держать въ священнѣйшей тайнѣ, подъ неизбѣжною смертію, и что кто на себя не надѣется, тому есть еще время отказаться, но непремѣнно подъ казнію сохранять тайну, ибо слѣдующій разъ будетъ клятва производиться". Послѣ сего прислана была къ нему, Спиридову, отъ Бестужева записка, что онъ быть того вечера не можетъ, а когда будетъ вторичное собраніе, извѣститъ онъ въ свое время особо, почему тогда же разъѣхались по-одиночкѣ. И хотя въ слѣдующій день Кузьминъ объявлялъ ему о времени послѣдняго *) собранія, но онъ, Фурманъ, стараясь убѣгать отъ сихъ предпріятій, отказался, и ничего и никогда болѣе сего не слыхалъ и не знаетъ, и сообщникомъ ни Муравьева, ни кого другого, не былъ и не будетъ.

*) Послѣдующаго?

А наконецъ штабсъ-капитанъ баронъ Соловьевъ, на данной ему съ Фурманомъ ставкѣ, по долговременномъ увѣщеваніи дозволенными закономъ правилами, доведенъ до раскаянія и учинилъ о семъ обществѣ и его дѣйствіи, какъ равно и о бытія его при происшедшемъ въ Черниговскомъ полку мятежѣ, совершенное сознаніе, объявляя, что онъ также къ сему обществу приглашенъ былъ членомъ, во время бытности его, прошлаго 1825 года, въ жалонерной командѣ при 3-мъ корпусѣ, Пензенскаго пѣхотнаго полка поручикомъ Громницкимъ, который, сообщивъ ему о семъ обществѣ, что оное существуетъ съ давняго времени на предметъ для перемѣны образа правленія и возстановленія конституціи, говорилъ ему, чтобъ стараться увеличивать число извѣстныхъ ему по характеру людей и давать отчетъ о принятыхъ въ общество, на что онъ, Соловьевъ, согласился и, давъ клятву по имѣвшейся у него Громницкаго, формѣ, хранилъ въ тайнѣ и никому о томъ не объявлялъ. Потомъ въ томъ же году, во время сбора 3-го корпуса въ м. Лещинѣ, онъ Соловьевъ вторично приглашенъ былъ въ тоже общество поручикомъ Щепиллой, для собранія котораго и установленія правилъ нарочито выбрана была деревня, названія коей не помнитъ. Прибывъ туда со Щепиллою, нашелъ уже довольное число офицеровъ разныхъ полковъ и артилерійскихъ ротъ 8-ой и 9-ой бригадъ; изъ сихъ офицеровъ извѣстны ему только: Пензенскаго полка маіоръ Спиридовъ, капитанъ Тютчевъ, поручики Громницкій и Лисовскій, и 8-ой бригады поручикъ Горбачевскій, а прочихъ по первому знакомству не упомнитъ. Далѣе, подтверждая въ точности показаніе капитана Фурмана касательно говоренныхъ тутъ словъ о цѣли общества и о причинѣ разъѣзда собранія, дополнилъ, что и онъ Соловьевъ о вторичномъ собраніи извѣстенъ не былъ, и было ли оное, не знаетъ; но что Щепилла, имѣвши частое свиданіе съ подполковникомъ Муравьевымъ-Апостоломъ, безпрестанно внушалъ ему о принимаемыхъ мѣрахъ, читалъ у Муравьева письмо отъ Горбачевскаго, что солдаты 8-ой артилерійской бригады съ такимъ рвеніемъ ожидаютъ начала дѣйствія, что офицеры, состоящіе въ семъ обществѣ, не находятъ средствъ удержать ихъ нетерпѣніе, также и письмо отъ солдатъ 8-ой дивизіи изъ бывшаго Семеновскаго полка, что они давно уже готовы исполнить внушенное имъ предпріятіе, при чемъ завѣрялъ, что Муравьевъ, подъ предлогомъ отпуска, поѣхалъ въ корпусную квартиру для того, дабы извѣстить всѣхъ сообщниковъ о времени начала дѣйствія, предполагая начать съ Черниговскаго полка, будетъ у братьевъ своихъ, командующихъ Ахтырскимъ и Александрійскимъ гусарскими полками, которые, равно Алексопольской пѣхотной и 17-й егерской, присоединятся къ нимъ, а въ корпусной квартирѣ встрѣтятъ ихъ 8-ая дивизія и артилерійская бригада, гдѣ, исполняя установленія конституціи, провозгласятъ свободу и равенство. Сверхъ того, Щепилла говорилъ ему и о другихъ корпусахъ, готовыхъ послѣдовать за ними, и о всеобщемъ ропотѣ войска. Такимъ образомъ и многими подобными убѣжденіями, по легкомыслію и заблужденію Соловьева, онъ соглашенъ и, не разсуждая ни о какихъ послѣдствіяхъ, былъ руководимъ до самого начала возмущенія, о которомъ онъ также принесъ достаточное признаніе. И потому, судебная коммиссія, не имѣя въ капитанѣ Фурманѣ надобности, объ отправленіи его въ С.-Петербургъ, а объ открывшихся по его, Фурмана и барона Соловьева показаніямъ новыхъ прикосновенныхъ къ тайному обществу членахъ: маіорѣ Спиридовѣ, капитанѣ Тютчевѣ, поручикахъ Громницкомъ, Лисовскомъ и Горбачевскомъ и прочихъ, не осмѣливаясь сама собою приступить къ какому-либо распоряженію, предаетъ на благоусмотрѣніе и соизволеніе вашего сіятельства. На копіи написано: Вѣрно: Дежурный генералъ *Ольдекопъ*. Вѣрно: генералъ-маіоръ *Кривцовъ* *).

*) Ольдекопъ и Кривцовъ скрѣпили вѣрность и дальнѣйшихъ копій. П. Б.

V.

Копія съ отношенія главнокомандующаго 1-ю арміею къ г. военному министру отъ 14-го Февраля 1826 года, за № 241.

Предварительнымъ донесеніемъ начальника главнаго штаба арміи отъ 9-го Февраля, за № 221, доведено до свѣдѣнія вашего высокопревосходительства, что требуемый отношеніемъ вашимъ отъ 5-го сего Февраля, за № 270, къ высылкѣ въ С.-Петербургъ Черниговскаго пѣхотнаго полка капитанъ Фурманъ судится здѣсь въ комиссіи военнаго суда, учрежденной надъ мятежными офицерами. Помянутый военный судъ окончилъ нынѣ розысканія свои относительно капитана Фурмана, и какъ послѣ сего въ ономъ не имѣется здѣсь болѣе надобности, то онъ, вмѣстѣ съ симъ, отправляется въ С.-Петербургъ подъ строгимъ присмотромъ и въ вѣдѣніи штабсъ-капитана Будоговскаго.

При семъ я имѣю честь сообщить вашему высокопревосходительству рапортъ военнаго суда относительно показаній капитана Фурмана и штабсъ-капитана барона Соловьева. Весьма важное обстоятельство въ показаніяхъ послѣдняго составляетъ свѣдѣніе, сообщенное ему поручикомъ Щепиллою (убитымъ при покореніи мятежниковъ), что артиллеріи поручикъ Горбачевскій писалъ Муравьеву-Апостолу, якобы солдаты 8-й артиллерійской бригады съ такимъ рвеніемъ ожидаютъ начала дѣйствія, что офицеры, принадлежащіе къ обществу, не находятъ средствъ удержать ихъ нетерпѣніе; равнымъ образомъ, что Щепилла читалъ письмо къ Муравьеву-Апостолу отъ состоящихъ въ 8-й дивизіи солдатъ бывшаго Семеновскаго полка, что они давно готовы выполнить внушенное имъ предпріятіе.

Не взирая на то, что Щепилла, какъ ближайшій сообщникъ Муравьева, могъ все сіе сказать Соловьеву для большаго его ободренія, я уже принялъ соотвѣтственныя показанію сему мѣры. За всѣмъ тѣмъ, я обязываюсь просить покорнѣйше васъ, милостивый государь, приказать сдѣлать строгіе допросы поручику Горбачевскому, какіе именно нижніе чины имъ и другими офицерами введены были въ тайну заговора; а Муравьева-Апостола допросить, какіе именно солдаты 8-й дивизіи присылали къ нему письмо. Если показанія Соловьева справедливы, то легко быть можетъ, что Горбачевскій и другіе участники заговора сообщили нижнимъ чинамъ возмутительный катехизисъ, особливо въ артиллеріи, гдѣ много грамотныхъ людей. Я покорнѣйше прошу, ваше высокопревосходительство приказать, въ особенности по сему предмету, сдѣлать имъ строгіе допросы и о послѣдующемъ увѣдомить меня для принятія дальнѣйшихъ мѣръ.

VI.

Копія съ отношенія начальника главнаго штаба 1-й арміи къ командиру 3-го пѣхотнаго корпуса, генералъ-лейтенанту Роту, отъ 14-го Февраля 1826 года, за № 246-мъ.

По нѣкоторымъ обстоятельствамъ возникаетъ сильное подозрѣніе, что состоящіе въ 8-й пѣхотной дивизіи нижніе чины изъ бывшаго состава Семеновскаго полка, равно и многіе нижніе чины 8-й артиллерійской бригады испорчены офицерами, принадлежащими къ тайному обществу злоумышленниковъ, такъ что нѣкоторые изъ помянутыхъ нижнихъ чиновъ введены въ тайну заговора. По поводу сего г. главнокомандующій арміею поручилъ мнѣ сообщить вашему превосходительству, дабы приказали учредить тайный, но притомъ самый осторожный и скрытный надзоръ за поведеніемъ и ду-

хомъ помянутыхъ нижнихъ чиновъ, особливо же 2-й легкой роты 8-й артиллерійской бригады, стараясь развѣдать, какъ они говорятъ и мыслятъ въ разсужденіи бывшаго возмущенія Черниговскаго пѣхотнаго полка, и не замѣчаются ли въ нихъ понятія, сходныя съ возмутительнымъ катехизисомъ. Надзоръ сей г. главнокомандующій арміею полагаетъ учредить наилучше чрезъ постороннихъ офицеровъ, съ тѣмъ только, чтобъ сіе отнюдь замѣтно не было. Сверхъ того, г. главнокомандующій арміею желалъ бы имѣть вѣдомость, сколько въ какомъ именно полку и въ какой именно ротѣ 8-й пѣхотной дивизіи состоитъ солдатъ бывшаго состава Семеновскаго полка. Но г. главнокомандующій желаетъ имѣть сіе свѣдѣніе въ такомъ только случаѣ, если можно оное получить, не требуя прямо отъ полковыхъ командировъ, но собравъ секретнымъ образомъ, дабы не подать виду, что на Семеновскихъ солдатъ обращается вниманіе.

VII.

Копія съ предписанія главнокомандующаго 1-ю арміею командиру 3-го пѣхотнаго корпуса, генералъ-лейтенанту Роту, отъ 25-го Февраля 1826 года, за № 295.

Я получилъ извѣстіе отъ лица уважаемаго и полнаго довѣрія достойнаго, что между нижними чинами полковъ и ротъ, коихъ командиры и старшіе офицеры арестованы и увезены въ С.-Петербургъ, начинаетъ вкрадываться какой то духъ ослабленія, сопряженный съ шалостями и неповиновеніемъ, который дѣлается для сельскихъ жителей тѣмъ болѣе чувствительнымъ, что доселѣ они со стороны воинскихъ чиновъ не видѣли безпорядковъ.

Соображая всѣ доходящія до меня свѣдѣнія сего рода, я не могу не довѣрять имъ въ нѣкоторой степени, особенно если взять во вниманіе предшествовавшія обстоятельства и зло, которое поселить могли офицеры, принадлежащіе къ числу злоумышленниковъ, чего весьма опасаться должно: ибо нельзя вѣрить, чтобъ они всѣ, участвуя въ заговорѣ, оставались въ бездѣйствіи и ограничивались только свѣдѣніемъ объ ономъ. А потому я повторительно предлагаю вашему превосходительству обратить ближайшее вниманіе на нравственное состояніе тѣхъ войскъ, изъ коихъ взяты офицеры, дѣйствуя впрочемъ тайно, ибо явныя и гласныя мѣры останутся здѣсь совершенно безуспѣшны.

Въ случаѣ, если бъ порядокъ разстроивался отъ послабленія начальниковъ, которые, при недостаточной твердости, опасаясь важнѣйшихъ безпорядковъ, думаютъ тѣмъ отвратить оные, то, при теперешнихъ обстоятельствахъ, мѣра сія совершенно неумѣстна и противоположна цѣли. А потому я предлагаю вашему превосходительству наблюдать, чтобъ порядокъ удержанъ былъ справедливою строгостью, и чтобъ каждый изъ нижнихъ чиновъ, который нарушитъ порядокъ или повиновеніе, тотчасъ былъ предаваемъ суду, который оканчивать поспѣшно и немедленно представлять по командѣ; если же офицеры будутъ обнаруживать подобные поступки, то полковой или артилерійскій ротный командиръ обязывается, арестовавъ виновнаго, тотчасъ доносить о томъ вашему превосходительству съ нарочнымъ, а вамъ предлагаю донесеніе таковое, не задерживая, представлять ко мнѣ съ нарочнымъ же. Въ случаѣ же преступленія особливой важности, помянутые начальники обязываются доносить прямо мнѣ съ нарочнымъ.

Въ заключеніе предлагаю вашему превосходительству донести мнѣ какъ наискорѣе, въ чемъ именно заключаются слухи, дошедшіе до васъ насчетъ нижнихъ чиновъ 8-ой артилерійской бригады, о коихъ вы упоминаете въ рапортѣ вашемъ отъ 17-го Февраля, за № 437.

VIII.

Выписка изъ вопросовъ, данныхъ Черниговскаго пѣхотнаго полка подполковнику Сергѣю Муравьеву-Апостолу, отъ 31-го Генваря 1826, и отвѣтовъ его.

Вопросъ. Пунктъ 10-ый. Какимъ полкамъ принадлежатъ тѣ служившіе прежде въ Семеновскомъ полку солдаты, коихъ вы въ лагерѣ 1825-го года преклоняли къ цѣли общества? Какимъ образомъ сіе производили и какого рода вы взяли съ нихъ обѣщаніе?

Отвѣтъ. 1825-го года, во время лагеря при Лещинѣ, приходили ко мнѣ солдаты, бывшіе въ Семеновскомъ полку, Пензенскаго Гульбинъ, Тамбовскаго Малафѣевъ и Ивановъ, Саратовскаго Ѳедоръ Николаевъ, Анойченко, Грековъ и другіе, коихъ именъ не припомню. Я съ ними разговаривалъ о тягости службы, бранилъ ее; вспоминалъ имъ старой полкъ; спрашивалъ ихъ, помнятъ ли они своихъ старыхъ офицеровъ, помнятъ ли меня; говорилъ имъ, что я увѣренъ, что они отъ своихъ старыхъ офицеровъ никогда и нигдѣ не отстанутъ, и тому подобныя говорилъ имъ рѣчи; особеннаго же какого обѣщанія съ нихъ не бралъ.

Вопр. Кто именно тотъ солдатъ 8-ой дивизіи (изъ служившихъ прежде въ Семеновскомъ полку), который, будучи въ лагерѣ 1825 года у васъ, кричалъ противъ начальства и жаловался на судьбу свою, и какому полку онъ принадлежитъ?

Отв. Бывшій у меня во время того же лагеря и жаловавшійся на судьбу свою солдатъ прозывается, если не ошибаюсь, Малафѣевъ, и съ нимъ былъ еще другой, который однакожъ молчалъ и не участвовалъ въ жалобахъ перваго; сего послѣдняго зовутъ, кажется, Ивановъ, прозванія же не упомню. Онъ былъ въ моей ротѣ, въ Семеновскомъ полку, и его можно узнать тѣмъ, что у него сломана была ключица правая, отъ чего онъ долго лежалъ въ госпиталѣ.

Вопр. Точно ли до 800 человѣкъ нижнихъ чиновъ Черниговскаго полка успѣли вы привлечь къ той же цѣли и какими средствами?

Отв. Что же касается до 800 человѣкъ, будто бы пріобрѣтенныхъ мною въ Черниговскомъ полку, то это совершенная ложь; я даже никогда не говаривалъ съ ними, какъ съ выше названными Семеновскими солдатами. Во время же пятилѣтней службы моей въ полку успѣлъ ихъ привязать къ себѣ, входя въ ихъ нужды и стараясь помогать имъ, сколько могъ, во всякомъ случаѣ. Никакихъ же другихъ средствъ я съ ними не употреблялъ.

Подписалъ: флигель-адъютантъ полковникъ Адлербергъ 1-ый.

IX.

Отвѣты на вопросные пункты подпоручика Бестужева-Рюмина отъ 7-го Февраля.

1. Приходившіе къ Сергѣю Муравьеву солдаты принадлежали полкамъ: Пензенскому, Тамбовскому, Саратовскому, 15-му и 16-му Егерскимъ. Не знаю навѣрно, были ли изъ Троицкаго. Какъ я служилъ въ Семеновскомъ полку весьма недолго, то поименно не многихъ зналъ. Когда же стали къ Муравьеву приходить по десяти и болѣе, я имена ихъ не спрашивалъ, ибо не видалъ въ томъ нужды. Коихъ вспомню, назову: Саратовскаго—Анойченко, Алексѣй Андреевъ, Пересѣткинъ, Пензенскаго полку Яковлевъ; одного изъ Егерскихъ полковъ—Кляновъ. Но за исключеніемъ развѣ немногихъ, приходили къ Муравьеву всѣ солдаты Семеновскаго полка, находящіеся въ 8-ой дивизіи, кои были въ лагерѣ (нѣкоторые оставались въ госпиталяхъ).

2. Приходили къ одному Сергѣю Муравьеву по двумъ причинамъ: 1. потому что многіе были его роты; прочіе же потому, что изъ бывшихъ Семеновскихъ офицеровъ въ 9-ой дивизіи знали одного Муравьева (меня знали только Пересѣткинъ и Алексѣй Андреевъ). 2. Остальные, слыша отъ товасищей, что мы имъ говорили, стали также къ намъ приходить.

Присяги не брано. Имѣя очевидныя доказательства, что все открыто, стану ли что-либо утаивать?

Умоляю комитетъ, чтобъ всѣ мои отвѣты, въ коихъ окажется недовольно ясности, были мнѣ возвращены, съ означеніемъ, что именно хотятъ отъ меня узнать. Тогда увѣрится, можетъ быть, комитетъ въ истинѣ моего чистосердечія.

Подписалъ: подпоручикъ Бестужевъ-Рюминъ.

На подлинномъ рукою *Кривцова* написано: „Секретно".

X.

Господину генералъ-лейтенанту и кавалеру Гогелю 2-му.

Изъясненныя въ рапортѣ ко мнѣ вашего превосходительства отъ 4-го сего Марта, за № 150, свѣдѣнія, а въ особенности насчетъ офицеровъ Пензенскаго пѣхотнаго полка, сообщалъ я главнокомандующему 1-ой арміи, г. генералу отъ инфантеріи графу Сакену, не упоминая однакожъ лица вашего; и вслѣдствіе того, какой получилъ отъ него, генерала графа Сакена, отзывъ, съ онаго, а равно и со всѣхъ къ нему приложеній, препровождаю при семъ для соображеній вашего превосходительства точныя копіи.

Изъ бумагъ сихъ ваше превосходительство увидите, что собранныя вами вышеписанныя свѣдѣнія оказываются справедливыми, за что вмѣняю себѣ въ обязанность объявить вамъ вновь мою благодарность. А какъ г. главнокомандующій призналъ нужнымъ дѣлать на счетъ нѣкоторыхъ войскъ 3-го корпуса наблюденія чрезъ гражданскую полицію, и о семъ отнесся къ Волынскому гражданскому губернатору, то о точномъ исполненіи сего сдѣлавъ оному губернатору и отъ себя надлежащее подтвержденіе, сверхъ того, по расположенію высочайше ввѣренной вашему превосходительству дивизіи по близости къ тѣмъ войскамъ, нужнымъ нахожу предложить вамъ приказать, съ своей стороны, продолжать надъ оными, и въ особенности надъ тѣми изъ нихъ, кои означены въ прилагаемыхъ бумагахъ, самобдительнѣйшія наблюденія. О всемъ же томъ, что дойдетъ до вашего свѣдѣнія и будетъ заслуживать вниманіе, тотчасъ доносить мнѣ посредствомъ нарочныхъ эстафетъ.

Варшава, Марта 20 дня 1826 года. Генералъ-инспекторъ всей кавалеріи

Константинъ.

№ 208.

XI.

Ваше императорское высочество.

Вслѣдствіе почтеннѣйшаго отношенія вашего императорскаго высочества отъ 7-го сего Марта, имѣю честь донести:

По розыскамъ, которые продолжаются теперь относительно тайнаго общества и бывшаго въ Черниговскомъ пѣхотномъ полку мятежа, открывается, что злоумышленные успѣли положить начала разврата въ нѣкоторыхъ полкахъ 8-й и 9-й пѣхотныхъ дивизій и 8-й артилерійской бригады. Въ первыхъ дѣйствовали офицеры бывшаго Семеновскаго полка, развративъ нѣсколько другихъ офицеровъ и солдатъ также прежняго Семеновскаго полка. Въ артилеріи принадлежавшіе къ обществу офицеры ввели въ заговоръ нѣкоторыхъ фейерверкеровъ и солдатъ. Всѣ таковые нижніе чины открыты и

для сужденія отправлены въ Бѣлую Церковь, въ комиссію военнаго суда учрежденную тамъ надъ нижними чинами Черниговскаго пѣхотнаго полка, участвовавшими въ возмущеніи.

Я подтверждалъ уже многократно генералъ-лейтенанту Роту, дабы онъ близкое имѣлъ вниманіе на тѣ части ввѣреннаго ему корпуса, которыя, по разнымъ обстоятельствамъ, могутъ быть сомнительны. Хотя онъ, съ своей стороны, по сіе время ничего подозрительнаго не замѣтилъ, но за всѣмъ тѣмъ, получивъ вышеупомянутое отношеніе вашего императорскаго высочества и въ тоже время изъ комиссіи военнаго суда, учрежденной въ Бѣлой Церкви, представляемое у сего въ копіи показаніе разжалованнаго изъ поручиковъ рядоваго Ракузы, я послалъ вновь къ генералъ-лейтенанту Роту предписаніе, съ коего копію также при семъ препроводить честь имѣю.

Не ограничиваясь сею мѣрою и въ томъ увѣреніи, что въ такихъ обстоятельствахъ хорошо устроенная гражданская полиція можетъ лучше и вѣрнѣе дѣлать непримѣтныя наблюденія, я просилъ Волынскаго гражданскаго губернатора, дабы онъ увѣдомлялъ меня прямо о всемъ замѣчательномъ по воинской части, что̀ до свѣдѣнія его доходить будетъ, съ тѣмъ, что если онъ имѣетъ чиновниковъ, могущихъ хранить тайну, то приказалъ бы обратить вниманіе на Пензенскій, Саратовскій и Тамбовскій пѣхотные полки и 8-ую артиллерійскую бригаду.

Нѣкоторыхъ офицеровъ, названныхъ въ показаніи Ракузы, которые не были въ виду высочайше учрежденнаго въ С.-Петербургѣ комитета, а также упомянутаго въ отношеніи вашего императорскаго высочества Пензенскаго пѣхотнаго полка поручика Мисюрина, я приказалъ арестовать и доставить сюда, въ главную квартиру, для разсмотрѣнія поведенія ихъ въ учрежденномъ здѣсь судѣ. Въ заключеніе, долгомъ поставляю представить рапортъ сего послѣдняго суда о показаніяхъ пойманнаго мятежника Сухинова.

Вашего императорскаго высочества (подписалъ) всепокорный графъ Сакенъ.

№ 375. Марта 14 дня 1826. Г. Могилевъ Бѣлор.

XII.

Копія съ рапорта г. главнокомандующему 1-ою арміею комиссіи военнаго суда, учрежденной по высочайшему повелѣнію въ м. Бѣлой Церкви надъ мятежниками Черниговскаго пѣхотнаго полка, отъ 6 Марта 1826 г. № 28.

При разспросахъ комиссіею подсудимыхъ нижнихъ чиновъ Черниговскаго пѣхотнаго полка, разжалованный изъ поручиковъ въ рядовые Игнатій Ракуза, послѣ священническаго увѣщеванія, изъявляя въ присутствіи комиссіи, раскаяніе въ своихъ поступкахъ, между прочимъ открылъ нѣкоторыя тайны мрачнаго заговора, существовавшаго противъ правительства и священной особы Государя. Такъ какъ въ ономъ поименованы имъ такія лица, розысканіе о коихъ состоитъ внѣ круга дѣйствій комиссіи, то посему оная долгомъ поставляетъ отобранный съ Ракузы допросъ представить въ копіи вашему сіятельству, донося притомъ, что относительно показанія Ракузы о слышанныхъ имъ на гауптвахтѣ разговорахъ караульныхъ солдатъ 17-го егерскаго полка, комиссія употребляла всѣ возможныя мѣры къ раскрытію истины; для того разспрашивала обстоятельнѣйше содержавшихся съ нимъ въ одной и той же караульнѣ другихъ арестантовъ Черниговскаго пѣхотнаго полка (кои теперь разсажены уже порознь, подъ особые караулы); но изъ нихъ никто не подтвердилъ сего обстоятельства, кромѣ одного рядоваго, разжалованнаго изъ капитановъ, Грохольскаго, который, при упорномъ запирательствѣ въ своихъ поступкахъ, во время мятежа въ Васильковѣ учиненныхъ,

показалъ однакоже въ согласность изъясненія Ракузы, съ тою токмо отмѣною, что означенные разговоры происходили отъ караульныхъ не одного 17-го, но и 18-го егерскихъ полковъ, преимущественно же карабинерныхъ ротъ.

XIII.

1826 года Марта дня, въ присутствіи комиссіи военнаго суда, учрежденной по высочайшему повелѣнію въ м. Бѣлой Церкви, подсудимый, Черниговскаго пѣхотнаго полка рядовой, Игнатій Ракуза допрашиванъ и показалъ. Вопросъ 1-й. Какъ тебя зовутъ? Чей ты сынъ? Сколько отъ роду лѣтъ? Умѣешь ли грамотѣ?

Отвѣтъ. Зовутъ Игнатій сынъ Ракуза, 28-ми лѣтъ; грамотѣ умѣю.

Вопросъ 2-й. Какой ты вѣры? Ежели христіанской, то былъ ли на исповѣди и у святаго причастія?

Отвѣтъ. Католической; на исповѣди и у Святаго причастія былъ каждый годъ.

Вопросъ 3. Въ службу его императорскаго величества поступилъ ты котораго года, мѣсяца и числа? Изъ какого званія?

Отвѣтъ. Въ службѣ съ 1815 года, по выпускѣ изъ кадетскаго корпуса прапорщикомъ; изъ дворянъ Могилевской губерніи.

Вопросъ 4-й. На вѣрность службы присягалъ ли? Воинской уставъ и артикулы знаешь ли, и что̀ за какое преступленіе опредѣлено, знаешь ли?

Отвѣтъ. На вѣрность службы присягалъ; воинской уставъ, артикулы читалъ и мѣру наказанія, за преступленія положенную, знаю

Вопросъ 5-й. Былъ ли въ штрафахъ и наказаніяхъ, по суду или безъ суда?

Отвѣтъ. 13-го Марта 1821 года разжалованъ въ рядовые, съ лишеніемъ дворянства, за грубость и дерзость противу начальства.

Вопросъ 6-й. По слѣдственному дѣлу, надъ мятежниками Черниговскаго пѣхотнаго полка произведенному, между прочимъ видно, что ты былъ въ г. Васильковѣ, вмѣстѣ съ прочими офицерами, при мятежникѣ Муравьевѣ, въ форменномъ сюртукѣ и палашѣ, и послѣ съ тѣми же мятежниками взятъ. Почему отвѣтствуй, по сущей справедливости, что̀ побудило тебя къ сему поступку? Не былъ ли заранѣе подговариваемъ къ сему Муравьевымъ, когда и гдѣ, и не былъ ли введенъ въ тайну заговора?

Отвѣтъ. На вопросы военнаго суда я долженъ прибѣгнуть къ истинѣ признаніемъ о бывшихъ заговорахъ противу правительства. Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1825 года, когда были въ лагеряхъ 3-го корпуса двѣ пѣхотныя дивизіи, также дивизія кавалерійская и артиллерійскія бригады, я замѣтилъ уже согласіе къ возмущенію между воинскими чинами; я отклонялся отъ сихъ заговоровъ. Вскорѣ послѣ сего я былъ преклоняемъ къ сему поручикомъ Кузьминымъ; при семъ случаѣ находился и капитанъ Фурманъ. Первый говорилъ мнѣ, „что я не хочу добра дѣлать“. Фурманъ прибавилъ: „ты вовсе забытъ; никто не хочетъ о тебѣ стараться. Скажи, на кого ты надѣешься“? Я отвѣчалъ, что надежда моя есть Богъ. „Но надежда твоя плохая“, возразилъ Фурманъ: „ты знаешь, что разжалованъ невинно; не Богъ тебя разжаловалъ, государь. Я совѣтую тебѣ насъ послушаться; ты не знаешь еще нашихъ намѣреній“. Тутъ началъ онъ хулить правительство, какъ можно хуже; говорилъ, что оно есть подлое, что никакого порядка нѣтъ: „въ семъ случаѣ ты можешь найти средство сдѣлать доброе дѣло, т. е. внушать объ ономъ нѣкоторымъ тебѣ извѣстнымъ нижнимъ чинамъ и вливать въ ихъ сердца, что покуда будетъ существовать фамилія Романовыхъ, потуда добраго не будетъ; ежели мы возьмемся за сіе дѣло, то истребимъ тягость народа и

войска, угнетаемаго ненужнымъ и безполезнымъ дѣломъ". Далѣе, объясняя о маломъ жалованьи, какое офицеры и солдаты получаютъ, о бѣдности ихъ, прибавилъ, что они все это исправятъ, когда хорошо за то возмутся; тогда будетъ конституція; тогда крестьяне изъ-подъ крѣпости освободятся. „Тогда и ты (говорилъ онъ, обращаясь ко мнѣ) будешь свободенъ и получишь награду за твое неповинное терпѣніе". Не соглашаясь на сіе предложеніе, я отвѣчалъ Фурману, что когда слухи не разятъ Государя о причиненныхъ обидахъ, то, слѣдственно, онъ не въ силахъ проникать во все, хотя и желалъ бы. Но Фурманъ не переставалъ убѣждать меня, сказывая, что имъ самимъ неловко уговаривать нижнихъ чиновъ и нѣкоторыхъ людей. „Начинай, продолжалъ онъ, стараться; мы уже имѣемъ тысячи сотъ въ оныхъ намѣреніяхъ". Однакожъ я не согласился. Послѣ сего я замѣчалъ, что къ Кузьмину въ балаганъ собираются офицеры разныхъ полковъ, и когда я входилъ къ нимъ въ сіе время, то подъ разными предлогами отъ ихъ бесѣды былъ отклоняемъ.

Вопросъ 7-й. Кто же участники сего заговора, въ которой тебя вовлекали? Какіе именно офицеры или и нижніе чины, составлявшіе шайку злоумышленниковъ?

Отвѣтъ. Изъ числа офицеровъ 8-й пѣхотной дивизіи, весьма часто у Кузьмина бывавшихъ, я примѣтилъ слѣдующихъ: Пензенскаго пѣхотнаго полка капитана Тютчева, поручиковъ Лисовскаго и Громницкаго. Артиллерійскихъ офицеровъ видѣлъ многихъ, но по фамиліямъ не знаю. Въ сіе время въ одномъ балаганѣ съ Кузьминымъ стояли поручикъ Сухиновъ и подпоручикъ Едрилла. Сей послѣдній непремѣнно долженъ знать о заговорахъ и объ именахъ приходившихъ къ Кузьмину офицеровъ. Изъ числа первенствующихъ въ заговорѣ были: Тамбовскаго пѣхотнаго полка капитаны Розенъ, Унгернъ-Штенбергъ, Тшилинскій; поручики Рикордъ 1-й и 2-й; Черниговскаго пѣхотнаго полка штабсъ-капитанъ Соловьевъ, поручики Сухиновъ, Щепилла; Полтавскаго полка поручикъ Бестужевъ-Рюминъ, которые обстаивали сіе дѣло и склоняли прочихъ; также Саратовскаго пѣхотнаго полка поручикъ Мозалевскій. Въ Лещинѣ, бывая иногда въ трактирахъ, я неоднократно слышалъ, что многіе офицеры, тамъ бывавшіе, громогласно говорили о преднамѣриваемомъ возмущеніи и о близкихъ успѣхахъ. Офицеровъ сихъ я не знаю. Отъ полковъ 9-й пѣхотной дивизіи бывали у Кузьмина: Полтавскаго полка офицеры Усовскій и Ковальскій, и еще нѣкоторые офицеры: фамилій ихъ я не знаю, а въ лицо узнать могу. О Ѳедоровѣ, Кременчугскаго полка, я наслышанъ, что онъ состоитъ въ томъ же обществѣ. Въ Полтавскомъ полку есть нѣкто Антоновичъ; чинъ его мнѣ неизвѣстенъ, онъ также былъ въ семъ обществѣ. Алексопольскаго пѣхотнаго полка полковникъ Швейковскій, который имѣлъ частыя свиданія съ Муравьевымъ и офицерами Черниговскаго полка, Кузьминымъ и Фурманомъ, также былъ членъ сего общества и стремился къ междоусобію съ правительствомъ. Въ Черниговскомъ полку одинъ только штабсъ-капитанъ Павловъ уклонялся отъ сего общества. Относительно-жъ маіоровъ Трухина, Лебедева, капитановъ Козлова, Вульферта, Роменскихъ 1-го и 2-го, то участвовали ли они въ семъ заговорѣ, неизвѣстенъ. Поручикъ Рыбаковскій хотя опровергалъ сіи замыслы, но при выступленіи полка изъ Василькова, съ Муравьевымъ находился. Еще въ Лещинѣ, по настаиванію нѣкоторыхъ сочленовъ общества, хотѣли начать возмущеніе; но въ томъ встрѣтилось какое-то препятствіе, о которомъ я не знаю. Послѣ, и именно предъ выступленіемъ полка изъ Василькова, слышалъ я отъ Мозалевскаго, что дѣло сіе отложено было до того времени, пока не умертвятъ блаженной памяти Государя императора Александра Павловича. При чемъ Мозалевскій сказывалъ, что ихъ общество

многочисленно; что намѣренія ихъ никто разрушить не можетъ; что хотя бы половина ихъ погибла, но остальная часть должна дѣйствовать и стремиться къ окончанію своихъ намѣреній, и что они обязаны строгой клятвой. Впрочемъ, дальнѣйшихъ подробностей не открывалъ.

Въ томъ же м. Лещинѣ къ Муравьеву ходили многіе нижніе чины 8-й пѣхотной дивизіи, также изъ Полтавскаго и Черниговскаго пѣхотныхъ полковъ, коимъ Муравьевъ давалъ деньги. Прозваній ихъ я не знаю. Сколько можно, припоминаю только, по примѣтамъ, изъ 15-го Егерскаго полка двухъ унтеръ-офицеровъ, поступившихъ изъ учебнаго карабинернаго полка, оба высокаго роста, и изъ Полтавскаго пѣхотнаго полка гренадерской роты унтеръ-офицера, также высокаго роста; въ особенности извѣстны Черниговскаго полка 4-ой роты фельдфебель, также фельдфебели 3-й, 5-й и 6-й ротъ и унтеръ-офицеръ Пучковъ.

В. 8-й. Какія мѣры употреблялъ Муравьевъ къ возмущенію Черниговскаго пѣхотнаго полка? Что̀ дѣлалъ онъ по приходѣ въ Васильковъ и по выходѣ изъ онаго? Какія дѣйствія были офицеровъ Черниговскаго пѣхотнаго полка, въ особенности тебѣ извѣстныхъ?

О. Когда Муравьевъ, по прибытіи изъ Трилѣсъ, собралъ полкъ Черниговскій, тогда говорилъ нижнимъ чинамъ: „Мы, братцы, идемъ доброе дѣло дѣлать“. Упоминалъ, что о семъ уже извѣстны многіе полки не только 3-го, но и 4-го корпусовъ. Когда нѣкоторые изъ нижнихъ чиновъ возразили: „Куда жъ мы идемъ и зачѣмъ?“ то Муравьевъ и сообщники его, офицеры, повторяли: „Избавить народъ изъ рабства, вамъ службу убавить“, и нѣкоторыя другія обѣщанія благодѣтельности, приговаривая солдатамъ, что „все это отъ васъ зависитъ, все это въ вашихъ рукахъ“. На сіе нижніе чины отвѣчали, что ежели всѣ полки согласны, то и они, лишь бы не было обмана. Во время сего возмущенія, изъ числа офицеровъ: Сухиновъ, Бестужевъ, Кузьминъ, Щепилла, были главными возмутителями, баронъ Соловьевъ также. 31-го числа, когда въ Васильковѣ находились шесть ротъ, то съ ними были и офицеры, кои впрочемъ особеннаго дѣйствія къ возмущенію не оказывали; однакожъ и угрозъ и принужденія имъ отъ Муравьева, дабы непремѣнно слѣдовали за ротами, дѣлано не было. Когда читали солдатамъ катихизисъ, я слышалъ; но содержанія онаго не упомню. Нижніе чины едва ли могли слышать читанное. Такимъ же образомъ уговаривалъ Муравьевъ и въ Мотовиловкѣ двѣ роты: 1-ую гренадерскую и 1-ую мушкатерскую; но сіи отвѣчали, что безъ ротныхъ командировъ не пойдутъ, при чемъ просили, чтобы имъ доставить маіора Трухина, о чемъ спрашивали нѣкоторые и изъ прочихъ ротъ. Муравьевъ отвѣчалъ, что Трухинъ прибудетъ на слѣдующій день; впрочемъ, во время похода, нижніе чины никакихъ неблагопристойностей и обидъ жителямъ не дѣлали, за чѣмъ офицеры въ особенности смотрѣли, предупреждая, что они идутъ для спасенія народа.

В. 9-й. Гдѣ ты самъ во все время возмущенія находился и для чего послѣдовалъ за бунтовщиками?

О. Самъ я слѣдовалъ за полкомъ, по приказанію ротнаго командира, и, чтобы не отстать отъ онаго, находился при ротѣ. Прошу почтеннѣйшую коммисію военнаго суда не заключить меня въ согласіи къ мятежу. Я вовлеченъ въ оный потому токмо, чтобы не вооружить противъ себя начинщиковъ и не сдѣлаться ихъ жертвой. Я претерпѣвалъ несчастія съ самаго начала моей службы; но не отъ желанія мстить моимъ непріятелямъ вовлеченъ я въ число мятежниковъ, а отъ того только, что некуда было дѣваться.

В. 10-й. Не имѣешь ли еще чего показать въ дополненіе твоего объясненія?

О. За долгъ поставлю объявить еще военно-судной комиссіи слѣдующее. Во время содержанія моего здѣсь, въ Бѣлой Церкви, на гауптвахтѣ, назадъ тому съ мѣсяцъ или болѣе, когда 2-ая Карабинерная и 5-ая Егерская роты 17-го Егерскаго полка были въ караулѣ, то, между разговорами, нижніе чины означенныхъ ротъ изъявляли ропотъ на настоящую ихъ службу и на правительство, говоря притомъ, что весна откроетъ все, что они разбѣгуться по лѣсамъ и тамъ соединятся. Разговоры сіи, происходившіе между арестантами, коихъ на гауптвахтѣ до восьмидесяти или болѣе человѣкъ, могли слышать также лежавшіе близъ меня на койкахъ рядовой Грохольскій и унтеръ-офицеръ Фитіолинъ.

Отвѣты сіи по пунктамъ подписалъ подсудимый, рядовой Ракуза. Скрѣпили: предсѣдатель, генералъ-маіоръ Антроповъ и оберъ-аудиторъ Шмаковъ.

XIV.

Копія съ предписанія г. главнокомандующаго арміею командиру 3-го пѣхотнаго корпуса, г.-лейт. Роту, отъ 12-го сего Марта 1826 года, № 364.

Я получилъ рапортъ вашего превосходительства, отъ 5-го Марта, за № 581. Искренно раздѣлилъ бы съ вами увѣренность насчетъ нравственнаго состоянія ввѣреннаго вамъ корпуса, еслибъ свѣдѣнія, которыя я имѣю и которыя безпрестанно вновь получаю постороннимъ образомъ, не представляли мнѣ обстоятельствъ, совсѣмъ противуположныхъ сей увѣренности, весьма неблагопріятныхъ. Чѣмъ далѣе дѣлаются розыски относительно тайнаго общества и возмущенія Черниговскаго пѣхотнаго полка, тѣмъ обширнѣе оказывается заговоръ во ввѣренномъ вамъ корпусѣ. Это видно изъ собственнаго признанія преступниковъ: Муравьева-Апостола, Сухинова, Бестужева, артилерійскихъ офицеровъ и многихъ другихъ. Какіе виды могутъ заставить ихъ отступить отъ истины, увеличивая собственное свое преступленіе? Важнѣе всего то, что въ 8-ой и 9-ой дивизіяхъ и 8-ой артилерійской бригадѣ введены въ заговоръ нижніе чины и, какъ безпрестанно подтверждается, въ большомъ количествѣ. Но сего и должно было ожидать. Изъ сообщенныхъ вамъ дежурнымъ генераломъ, отъ 11-го сего Марта, показаній артилерійскихъ офицеровъ Андреевича 2, Борисова 2 и Бечаснаго, вы извѣстны, съ какою дѣятельностью и успѣхомъ они дѣйствовали. Можно ли сомнѣваться, чтобъ заговорщики въ полкахъ менѣе были дѣятельны? Къ сему должно присовокупить стараніе нижнихъ чиновъ прежняго состава Семеновскаго полка, коихъ большая часть, безъ сомнѣнія, были въ заговорѣ и которые еще удобнѣе могли поселять развратъ между нижними чинами. Наконецъ, всѣ показываютъ единогласно, что главный заговоръ составился въ Лещинѣ, что тамъ вовлечены въ оный большая часть открываемыхъ нынѣ членовъ, и что тамъ уже имѣли намѣреніе дѣйствовать.

Я препровождаю при семъ къ вашему превосходительству копію отношенія, полученнаго мною отъ его императорскаго высочества, цесаревича, относительно духа, обнаруживающая въ Пензенскомъ полку, и выписку изъ показанія, даннаго разжалованнымъ рядовымъ Ракузою въ комиссіи военнаго суда, учрежденной въ Бѣлой Церкви, относительно таковаго же нравственнаго состоянія 17-го и 18-го егерскихъ полковъ. Свѣдѣнія сіи, будучи совершенно согласны съ показаніями преступныхъ офицеровъ, подтверждаютъ истину насчетъ обширности заговора и развращеннаго уже образа мыслей нижнихъ чиновъ. И потому не должно терять времени. Я предписываю вашему превосходительству, по ближайшей извѣстности вамъ мѣстныхъ обстоятельствъ, принять мѣры къ упрежденію всѣхъ безпорядковъ, какіе отъ сего неблагонадежнаго состоянія вышеупомянутыхъ войскъ произойти мо-

гутъ. Прежде всего надобно увѣриться въ начальникахъ и офицерахъ, разсмотрѣть ближе духъ и поведеніе ихъ и удалить тѣхъ, которые неблагонадежны. Къ тому надобно имѣть довѣренныхъ людей, которые бы вездѣ наблюдали безпристрастно, съ искреннею къ службѣ преданностью, и доносили бы вамъ истину. Я уже прежде писалъ вашему превосходительству, чтобы части, коихъ начальники взяты и отправлены въ С.-Петербургъ, поручить надежнымъ и благоразумнымъ офицерамъ. Я повторяю сіе предписаніе съ тѣмъ, что еслибъ необходимость потребовала, то сію мѣру распространить и на тѣ части, въ коихъ начальники, по образу мыслей и поведенію своему, оказываются неблагонадежными. Но должно поступать въ семъ случаѣ съ строгою разборчивостью, дабы личность и пристрастіе не могли тѣснить невинныхъ; въ противномъ случаѣ, это только можетъ усугубить зло. Если вы, сверхъ сего, сочтете полезнымъ сдѣлать какія распоряженія или переводы, которые отъ власти вашей не зависятъ, то предлагаю мнѣ немедленно о томъ представить. Между тѣмъ надобно побудить дивизіонныхъ, бригадныхъ и полковыхъ начальниковъ, чтобы они были внимательны къ настоящимъ обстоятельствамъ. Всѣ происшествія показываютъ со стороны ихъ большую безпечность. Полковымъ и бригаднымъ командирамъ, подъ начальствомъ коихъ взяты офицеры, непростительно, что они не знали преступнаго ихъ участія въ заговорѣ.

О происшествіи въ Пензенскомъ полку, а также въ 17-мъ и 18-мъ егерскихъ полкахъ, предлагаю сдѣлать прежде тайныя развѣдыванія и какъ только открыты будутъ слѣды, то тотчасъ приступить къ формальному изслѣдованію. Впрочемъ я приказалъ военно-судной комиссіи продолжать розыскъ и объ открытіяхъ извѣстить прямо ваше превосходительство. Между тѣмъ предлагаю теперь же узнать ближе ротныхъ командировъ 2-ой карабинерной и 5-ой егерской ротъ 17-го егерскаго и обѣихъ карабинерныхъ 18-го егерскаго полковъ, удостовѣриться, въ какихъ отношеніяхъ они находились къ взятымъ офицерамъ и въ какой мѣрѣ имъ, равно и состоящимъ въ сихъ ротахъ субалтернъ-офицерамъ, довѣрять можно.

Въ заключеніе, я обязываюсь извѣстить ваше превосходительство, что если за симъ откроются какіе безпорядки сего рода во ввѣренномъ вамъ корпусѣ, то оные отнесутся къ непосредственной отвѣтственности вашей.

XV.

Копія съ рапорта г. главнокомандующему 1-ою арміею комиссіи военнаго суда, учрежденной при главной квартирѣ арміи, надъ мятежными офицерами Черниговскаго пѣхотнаго полка, отъ 7-го Марта 1826 года, за № 45.

Дежурный генералъ арміи, въ отношеніи сему суду отъ 26-го истекшаго Февраля, за № 300, изъявилъ волю вашего сіятельства о сужденіи, вмѣстѣ съ прочими судящимися здѣсь мятежными офицерами, бѣжавшаго съ мѣста пораженія мятежниковъ и нынѣ пойманнаго, главнаго сообщника Муравьева-Апостола, Александрійскаго гусарскаго полка поручика Сухинова, съ тѣмъ, чтобы судебная комиссія, по обстоятельствамъ, въ томъ повелѣніи объясненнымъ, въ особенности допросила бы его и разыскала, какъ на счетъ тайнаго общества, такъ равно, какими способами пользовался онъ, Сухиновъ, къ укрывательству своему во время побѣга, и какія лица давали ему пристанище, и о всемъ, чтó по сему откроется, для принятія соотвѣтственныхъ мѣръ, предварительно бы донесла вашему сіятельству.

Въ исполненіе чего, подсудимый, поручикъ Сухиновъ, по призывѣ въ присутствіе суда и по довольномъ увѣщаваніи и убѣжденіи объ открытіи точной истины о участіи его съ Муравьевымъ въ возмущеніи Черниговскаго

полка, между прочимъ признаніемъ относительно тайнаго общества, объявилъ: 1. Что онъ еще до вступленія въ оное, съ самаго опредѣленія его въ Черниговскій полкъ, пользуясь особеннымъ его, Муравьева, расположеніемъ и разными благодѣяніями, чрезъ сіе впослѣдствіи содѣлался ему приверженнымъ, почасту имѣлъ съ нимъ разговоръ о правительствѣ, на которое онъ, Муравьевъ, роптал, что оно худо держитъ правосудіе, угнетаетъ невинныхъ, приводя къ тому многіе примѣры, именно: о пристрастномъ расформированіи прежняго Семеновскаго полка, что много и совсѣмъ напрасно разжалываютъ офицеровъ, ссылаютъ въ Сибирь; затѣмъ о тягости службы, непомѣрныхъ взысканіяхъ, грубыхъ обращеніяхъ начальниковъ съ подчиненными офицерами; что нѣтъ у нихъ должнаго закона, который замѣняетъ одно слово начальника, и пр., въ чемъ и онъ, Сухиновъ, съ нимъ соглашался; а Муравьевъ, видя въ немъ человѣка, соотвѣтствующаго его намѣреніямъ, оказывалъ ему нѣкоторое пожертвованіе, а наконецъ, по его старанію, переведенъ былъ въ настоящій гусарскій полкъ и далъ ему на обмундировку 1200 руб.; однакожъ о дальнѣйшихъ его намѣреніяхъ ничего еще не зналъ. Но въ прошедшемъ 1825 году, во время бытности корпуса въ лагеряхъ подъ м. Лещиномъ, съ поводу приверженности его, Сухинова, къ Муравьеву, и одного съ нимъ на счетъ правительства мнѣнія, приглашенъ былъ въ помянутое тайное общество состоявшимъ въ ономъ поручикомъ Кузьмнным, который при семъ приглашеніи объявлялъ ему, что въ семъ обществѣ состоятъ сочленами генералы 2-ой арміи: начальникъ штаба Киселевъ, Орловъ, князь Волконскій (а который именно, не объявлялъ), Потемкинъ и Сипягинъ; изъ штабъ-офицеровъ 3-го корпуса—полковники Швейковскій, Тизенгаузенъ, Враницкій и Муравьевъ 1-ый; также и вс многихъ другихъ случаяхъ указывалъ прочихъ офицеровъ, а въ особенности гусарскихъ полковъ: Ахтырскаго, Семичева, принца Оранскаго, подполковника Левенштерна, штабсъ-ротмистра Жукова, Паскевича конной артилеріи Бутовича и комиссаріатскаго чиновника 3-го корпуса Иванова, говоря, что они также принадлежатъ къ обществу. Потомъ, не упомнитъ котораго числа, по приглашенію его, Кузьмина, обще съ капитаномъ Фурманомъ, барономъ Соловьевымъ и Щециллою, и еще Полтавскаго полка поручикомъ Усовскимъ подпрапорщикомъ Драгомановымъ и бригаднымъ адъютантомъ Шахиревымъ, прибыли ввечеру въ неподалеку отстоящую отъ Лещина деревню, гдѣ расположена 8-ая артилерійская бригада, въ предположенное быть тамъ собраніе, и гдѣ, сверхъ того, нашли многое число пѣхотныхъ и артилерійскихъ офицеровъ и юнкеровъ, изъ коихъ извѣстны ему только: Пензенскаго полка маіоръ Спиридовъ, капитанъ Тютчевъ, поручикъ Громницкій и Лисовскій, Саратовскаго подпоручикъ Мозалевскій и артилерійскіе поручикъ Горбачевскій, подпоручики, Андреевичъ, Бечасный и Борисовъ; а хотя въ тотъ же вечеръ ожидали туда Муравьева и Бестужева, но оные отозвались другими занятіями и не пріѣзжали. Почему изъ собравшихся маіоръ Спиридовъ началъ всѣмъ имъ декламировать, что сіе общество благомыслящихъ, такъ имъ называемое, имѣетъ цѣль возстановить конституцію и доставить одинакія для всѣхъ преимущества; что оно должно быть раздѣлено по округамъ на дивизіи, съ тѣмъ чтобъ не знать одинъ другого въ сношеніяхъ, читая притомъ правила и обязанности каждаго, состоящій въ томъ, чтобъ стараться болѣе поселить въ людяхъ духъ, стремящійся къ общей ихъ цѣли, приглашать къ тому другихъ и до времени переносить всѣ несправедливости и даже самое дерзское обращеніе своихъ начальниковъ, умалчивая вовсе объ оныхъ. При чемъ отъ него, Сухинова, отобрана была клятва: *во-первыхъ* въ томъ, чтобъ хранить сію тайну подъ смертною казнію; а *во-вторыхъ*, чтобъ быть твердымъ въ духѣ и непоколебимымъ въ начинавшихся предпріятіяхъ. Но къ

какому округу кто принадлежалъ, сколько ихъ всѣхъ быть долженствовало, въ чемъ въ особенности каждаго изъ нихъ предположена была должность, съ котораго времени, съ какого именно округа, какъ и чѣмъ располагали начать дѣйствіе, по неприбытію тогда ни Муравьева, ни Бестужева, которые должны были о семъ въ подробности объяснить, имъ не объявлено, а отложено было до другого времени; однакожъ онъ, Сухиновъ, въ другой разъ не былъ. И хотя, по совершеніи клятвы, вмѣстѣ съ Кузьминымъ, Фурманомъ, Соловьевымъ и Щепиллою, настоятельно требовали показать имъ верхнюю думу, о которой носились тогда въ собраніи слухи, и истолковать имъ объ оной; но Спиридовъ также имъ о томъ не объяснилъ, ссылаясь, что о семъ должны знать высшіе, которые составляютъ особый кругъ, чѣмъ и собраніе ихъ кончилось. А по сей причинѣ и за несовершеннымъ открытіемъ тогда сего общества, ничѣмъ не дѣйствовалъ и никого къ оному не приглашалъ, какъ только сохранялъ тайну. Съ котораго же времени общество сіе начало свое восприяло, настояще не знаетъ; а слышалъ только въ ономъ общій разговоръ, что существуетъ уже съ 1815 года, и послѣ еще отъ самого Муравьева, что скоро начнется дѣйствіе, и все передѣлается, а какими способами, не объявлялъ; но самъ онъ, Сухиновъ, судя по столь великой массѣ, составившейся для заговора, предполагалъ, что должно будетъ употребить къ тому оружію. 2. Относительно вопроса, какія мѣры употреблены были Муравьевымъ и прочими сообщниками къ предварительному развращенію Черниговскаго полка, и которые изъ нихъ введены заранѣе въ заговоръ, и съ какими именно солдатами другихъ полковъ Муравьевъ имѣлъ сношеніе, въ отвѣтъ на сіе утвердительно объяснилъ, что ни онъ, ни товарищи его никакого развращенія не дѣлали, и предварительнаго заговора Муравьева съ солдатами въ Черниговскомъ полку не замѣтилъ, какъ только, что онъ всегда старался привязывать ихъ къ себѣ, то избавленіемъ отъ наказанія по заслуженнымъ ими винамъ, то иногда денежными подарками, почему солдаты имѣли къ нему большую преданность и приверженность, и по одному только слову Муравьева, изъ довѣренности къ нему, на все оказывали свою готовность. Въ разсужденіи же сношеній Муравьева съ солдатами другихъ полковъ, то было имъ замѣчаемо, особенно въ лагерѣ подъ Лещиномъ: приходили къ нему по нѣскольку солдатъ Пензенскаго, Тамбовскаго и Саратовскаго пѣхотныхъ полковъ, изъ бывшаго (какъ и самъ Муравьевъ говорилъ) Семеновскаго полка, изъ коихъ многимъ давалъ онъ и деньги, но для какой цѣли, ему, Сухинову, тогда извѣстно не было; но уже въ возмущеніи Черниговскаго пѣхотнаго полка Бестужевъ и самъ Муравьевъ разсказывали, что они имѣютъ большую надежду на Пензенскій и Саратовскій полки посредствомъ Семеновскихъ солдатъ, и что одинъ Саратовскаго полка рядовой, коего знаетъ Бестужевъ, а онъ, Сухиновъ, фамиліи его не припомнитъ, поклялся привесть одинъ весь Саратовскій полкъ безъ офицеровъ. А однажды, послѣ посторонняго между ими разговора, когда наклонился таковой къ Семеновскому полку, то Бестужевъ, вскоча со стула, съ жаромъ началъ говорить: вотъ какой Семеновскіе солдаты имѣютъ духъ, что одинъ солдатъ (не припомнитъ, котораго полка онъ назвалъ его) приходилъ къ нимъ и далъ торжественную предъ нимъ клятву, что при первомъ смотрѣ долженъ будетъ изъ ружья застрѣлить монарха, что̀ подтвердилъ ему и бывшій съ ними въ то время разжалованный изъ полковниковъ въ рядовые Башмаковъ, также слышанное отъ рядового, и, какъ кажется ему, были при семъ разговорѣ Соловьевъ и Фурманъ. 3. Касательно укрывательства его, Сухинова, во время побѣга, то онъ, по первому по мятежникамъ выстрѣлу, скрылся сначала въ деревнѣ Мазеницахъ, просидя въ пустомъ погребѣ до ночи; колеблясь, куда дѣваться, рѣшился пуститься на произволъ судьбы; совершенно

безъ плановъ пошелъ въ южную сторону, переходя изъ деревни въ деревню нигдѣ не останавливаясь; наконецъ догналъ его на дорогѣ ѣхавшій на парѣ лошадей неизвѣстный ему шляхтичъ и по найму подвезъ до м. Корсуна, гдѣ оставивъ того шляхтича на торгу и купивъ тамъ на имѣющіяся еще при себѣ деньги партикулярное платье, отправился въ дальнѣйшій путь; дошедши же до города Черкаска, на купленной тамъ въ казначействѣ гербовой бумагѣ, составилъ самъ себѣ фальшивый пашпортъ, а потомъ тамъ же, на бывшей ярмонкѣ, купивши съ саньми лошадь, поѣхалъ прямо къ Кременчугу и на дорогѣ, въ неизвѣстной деревушкѣ, остановившись въ одной корчмѣ, досталъ мѣлу, вырѣзалъ печать по формѣ Александрійскаго уѣзднаго суда, приложилъ къ тому пашпорту, подписавъ оный вмѣсто извѣстныхъ ему членовъ того суда (по служенію его, до вступленія еще въ военную, въ статской въ томъ уѣздѣ службѣ); затѣмъ, проѣзжая Дубосары, рѣшился написать къ своему брату, служащему въ Александрійскомъ судѣ, единственно для того, чтобъ правительству дать случай его взять, зная, что письма таковаго рода перехватываются *), ибо онъ неоднократно и самъ намѣревался явиться начальству; но ужасъ содѣяннаго имъ преступленія колебалъ его въ семъ предпріятіи, и потому, по разнесшимся слухамъ, что его ищутъ, онъ, Сухиновъ, пробрался въ Кишиневъ, тамъ нанялъ себѣ квартиру съ платою за мѣсяцъ по 15 рублей и проживалъ только одиннадцать дней, до самаго взятія его, Сухинова, подъ арестъ. При чемъ онъ, Сухиновъ, присовокупилъ, что онъ, будучи въ столь ужасномъ положеніи, нигдѣ постояннаго пристанища не имѣлъ, а шатался по разнымъ мѣстамъ изъ деревни въ деревню, какъ равно и родственниковъ своихъ о себѣ, кромѣ вышеозначеннаго письма, во время сего побѣга не извѣщалъ, и къ укрывательству себя ни совѣтовъ, ни способовъ никакихъ отъ нихъ и ни отъ кого другого не имѣлъ, и даже они вовсе о немъ извѣстны не были.

О каковомъ открытіи его, Сухинова, судебная комиссія почтеннѣйше донося вашему сіятельству, докладываетъ притомъ, что къ доведенію Сухинова, чтобы онъ въ показаніи своемъ открылъ самую истину, не утаивая ничего и никого, употреблены были со стороны суда всѣ дозволенныя закономъ средства.

XVI.

Письмо полковника Чеботарева къ генералъ-лейтенанту Гогелю.

Ваше превосходительство, милостивый государь!

Сего мѣсяца 16-го числа прибылъ въ Ровно полковникъ Габбе, который, по словамъ его, пріѣзжалъ къ брату для свиданія, прожилъ у него два дня и былъ у меня два раза: въ первый день на обѣдѣ, а на второй провелъ цѣлый вечеръ. Во время сего какой я имѣлъ съ нимъ разговоръ, при нонѣшнихъ обстоятельствахъ, долгомъ поставляю довести о семъ до свѣдѣнія вашего превосходительства.

Будучи наединѣ съ полковникомъ Габбе, я старался завести разговоръ о происшествіи Черниговскаго полка, о которомъ до того времени офиціальныхъ извѣстій еще не было, и потому желательно было въ подробности узнать отъ него сіе происшествіе. На сіе онъ отозвался: „Какъ это случилось, ему неизвѣстно, и что онъ о семъ возмущеніи увѣдомленъ былъ по

*) Въ семъ письмѣ Сухиновъ просилъ брата выпросить ему у отца денегъ 50 р. и переслать въ Кишиневъ, ибо онъ самъ знаетъ теперешнее его положеніе, что крайне находится во всемъ. Письмо сіе было перехвачено въ Александріи, а по оному и мѣстопребываніе Сухинова было открыто.

своему начальству, и потомъ вскорѣ получилъ приказъ по корпусу, что оное совершенно уже было прекращено". Видя таковую скромность полковника, я за нужное счелъ быть съ нимъ откровеннѣй, дабы чрезъ то узнать отъ него болѣе о Черниговскомъ полку и о виновникѣ возмущенія онаго. Долго говорилъ съ нимъ о постороннихъ вещахъ, потомъ о смерти государя Александра и о происшествіяхъ Петербургскихъ, и когда мы сдѣлались откровеннѣй другъ съ другомъ, тогда я склонилъ разговоръ свой на подполковника Муравьева-Апостола, подъ видомъ, какъ о такомъ человѣкѣ, который по своему поступку въ здѣшнемъ краю для меня казался болѣе всѣхъ интереснымъ. По долгомъ о немъ разговорѣ, я наконецъ спросилъ, знаетъ ли онъ его лично и не былъ ли съ нимъ знакомъ прежде. На сіе полковникъ отвѣчалъ мнѣ сими словами: „Какъ не знать! И между нами, скажу вамъ откровенно, я съ этимъ человѣкомъ коротко былъ знакомъ". Потомъ разсказалъ мнѣ всю его жизнь, гдѣ воспитанъ, гдѣ и какъ служилъ. Въ этомъ описаніи я ничего не могъ замѣтить любопытнаго, кромѣ, что Муравьевъ воспитанъ за границей и служилъ въ Семеновскомъ полку. Послѣ того я еще спросилъ Габбе, не знаетъ ли онъ или не слыхалъ ли отъ кого, что̀ побудило Муравьева и какая была его цѣль къ возстанію. Онъ мнѣ отвѣчалъ: „Я этого не знаю, но полагаю, что онъ былъ озлобленъ за то, что онъ нѣсколько разъ просился въ отставку и въ отпускъ, но его не пущали и даже нѣкторымъ образамъ держали подъ присмотромъ, за что онъ цѣлому свѣту жаловался и ни передъ кѣмъ не скрывалъ своего неудовольствія". Притомъ еще добавилъ: „Я самъ неоднократно слышалъ, какъ онъ, въ кругу своихъ офицеровъ и другихъ совершенно постороннихъ особъ, жаловался на свою судьбу и на несправедливость начальства; а одинъ разъ,—какъ говорилъ полковникъ,—это было во время послѣднихъ лагерей: я заѣхалъ на квартиру къ Муравьеву-Апостолу, засталъ у него полковыхъ командировъ, съ коими онъ всегда былъ въ тѣсной связи, а именно Ахтырскаго гусарскаго также Муравьева и пѣхотныхъ—Алексопольскаго-Повало-Швейковскаго и Полтавскаго-Тизенгаузена и другихъ офицеровъ, которые, какъ теперь оказывается, составляли одну съ нимъ шайку, и тутъ надо было послушать, что̀ они говорили, какъ поносили начальство; особенно Муравьевъ (Черниговской) бранилъ, какъ называется, на чемъ свѣтъ стоитъ, генерала Рота, такъ что я, какъ услышалъ это, то заткнулъ уши, чтобы не слышать болѣе, взялъ шапку и тихонько отъ нихъ ушелъ, и съ тѣхъ поръ никогда болѣе не сходился съ Муравьевымъ". На этомъ прекратился нашъ разговоръ по случаю пріѣзда ко мнѣ подполковника Павлова, и я за обязанность поставляю увѣдомить о семъ вашего превосходительства.

Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть вашего превосходительства, милостиваго государя, всепокорнѣйшій слуга М. Чеботаревъ.

Генваря 27-го дня 1826 года. Г. Ровно.

На подлинномъ рукою Гогеля написано: „Доведено до свѣдѣнія его высочества отъ 29-го Генваря на эстафетѣ".

ЕЩЕ О ГРАФѢ В. А. ПЕРОВСКОМЪ.

(Отвѣтъ на поправки г. Юдина).

Въ четвертой книгѣ „Русскаго Архива“ сего года напечатаны „поправки“ г. Юдина на мои статьи о графѣ В. А. Перовскомъ. Г. Юдинъ упрекаетъ меня и въ „фантазіи“, и въ „неправдѣ“, и въ „существенныхъ неточностяхъ и ошибкахъ“.... Смѣю увѣрить г. Юдина, что въ каждомъ человѣческомъ дѣлѣ возможны ошибки и недоразумѣнія. Лучшимъ доказательствомъ этой глубокой истины могутъ служить хотя бы, напр., слѣдующія строки, напечатанныя мною, въ видѣ выноски, въ статьѣ моей „Начало завоеванія Коканда“: „Здѣсь будетъ очень кстати исправить одну изъ многихъ неточностей, допущенныхъ г. Юдинымъ въ его статьяхъ „Графъ В. А. Перовскій въ Оренбургскомъ краѣ“, напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ“ 1896 года. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ: „За покореніе Кокандцевъ и взятіе Акъ-Мечети онъ (Перовскій) въ числѣ прочихъ награжденныхъ 27-го Декабря 1853 года былъ возведенъ въ графское достоинство“ („Русск. Старина“, Іюнь, стр. 543). Это положительно невѣрно: графство генералъ-адъютанту В. А. Перовскому пожаловано было почти два года спустя уже новымъ Государемъ Александромъ Николаевичемъ при рескриптѣ отъ 17-го Апрѣля 1855 года, о чемъ Перовскій и объявилъ по отдѣльному Оренбургскому корпусу особымъ приказомъ отъ 24-го Апрѣля того же года за № 95“. („Историческій Вѣстникъ“ 1901 г., Іюнь, стран. 1066).

Я посвятилъ г. Юдину десять строкъ, онъ мнѣ десять страницъ.... Считаю необходимымъ, въ интересахъ дѣла, отвѣчать ему.

Первая моя статья о гр. В. А. Перовскомъ была напечатана въ Мартовской книгѣ „Русскаго Архива“ въ 1891 году; въ минувшемъ году вышла о томъ же Перовскомъ моя отдѣльная книга, а въ Іюньской книгѣ „Истор. Вѣстн.“ сообщены нѣкоторыя свѣдѣнія о его Кокандскомъ походѣ. Главнымъ образомъ, г. Юдинъ ставитъ мнѣ въ вину „противорѣчія“ въ біографическихъ свѣдѣніяхъ о Перовскомъ, отнюдь не желая принять во вниманіе того обстоятельства, что я самъ приводилъ въ книгѣ нѣкоторыя эти *различныя* и явно противорѣчащія свѣдѣнія о жизни и службѣ Перовскаго и его военныхъ дѣйствіяхъ, почерпая свѣдѣнія изъ *различныхъ же* источниковъ и отъ людей, еще живущихъ, и изъ историческихъ журналовъ, и, наконецъ, изъ сочиненія А. А. Васильчикова „Семейство Разумовскихъ“. Съ этимъ сочиненіемъ г. Юдинъ, очевидно, не познакомился вовсе; будь иначе, онъ бы,

по всей вѣроятности, постигъ истинную причину различныхъ „противорѣчій“, встрѣчающихся въ моихъ статьяхъ о Перовскомъ, съ тѣми свѣдѣніями, которыя онъ заимствуетъ изъ подлинныхъ дѣлъ, хранящихся въ архивахъ города Оренбурга (этихъ дѣлъ мнѣ не довелось видѣть). Въ своихъ „поправкахъ“ г. Юдинъ доходитъ даже до мелочей: два раза, въ двухъ различныхъ мѣстахъ своей статьи, онъ сообщаетъ, что въ Акъ-Мечети было три пушки, а не „нѣсколько“, какъ сказалъ я, и что эти пушки были мѣдныя, а у меня онѣ названы „чугунными“. Неужели все это такъ существенно важно?!..

М. Юдинъ недостаточно внимательно отнесся также и къ моей книгѣ. Такъ, напр., онъ пишетъ: „г. Захарьинъ *вовсе не говоритъ* о службѣ его (Перовскаго) по морскому вѣдомству. Членомъ же Государственнаго Совѣта Перовскій назначенъ лишь 1-го Января 1846 года“ (стран. 629). Приглашаю г. Юдина прочесть въ критикуемой имъ моей книгѣ „Графъ Перовскій и его зимній походъ въ „Хиву“ слѣдующее мѣсто на страницѣ 2-й: „Въ *1846 году* Перовскій назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, получилъ Владимира 1-й степени и *временно управлялъ Морскимъ Министерствомъ*“. Далѣе, на страницѣ 99-й той же книги *еще разъ* упомянуто о службѣ Перовскаго въ морскомъ вѣдомствѣ: „князь Меньшиковъ имѣлъ причины недолюбливать В. А. Перовскаго, вспоминая *его службу въ морскомъ вѣдомствѣ*, когда этотъ честнѣйшій человѣкъ возставалъ противу непроизводительныхъ и громадныхъ затратъ, дѣлаемыхъ въ этомъ министерствѣ“.

Затѣмъ, какъ бы желая умалить военныя заслуги генерала Перовскаго при взятіи Кокандской крѣпости Акъ-Мечеть, г. Юдинъ говоритъ: „вотъ противу такой-то *крѣпостцы* съ ничтожнымъ вооруженіемъ и гарнизономъ и предпринялъ генералъ Перовскій правильную осаду по всѣмъ требованіямъ военно-инженернаго искусства, какъ бы и противъ сильной крѣпости, осаду, продлившуюся почти четыре недѣли *).... При этомъ, даже не захотѣли почему-то воспользоваться въ полной мѣрѣ превосходствомъ и силою своей артиллеріи. 17 орудій сила внушительная, и при цѣлесообразномъ массовомъ примѣненіи ея огня можно бы было достичь болѣе скорыхъ и *существенныхъ* (?) результатовъ“. („Р. А.“, статья Юдина, стран. 634).

Непонятно, какихъ „*болѣе* существенныхъ“ результатовъ, чѣмъ взятіе крѣпости, можно было достигнуть генералу Перовскому, если бы даже онъ и предвидѣлъ преподаваемые ему, полвѣка спустя, М. Юдинымъ военные совѣты!... Относительно же того обстоятельства, что непріятельская крѣпость была взята не сразу, а 19 дней спустя послѣ ея обложенія, мы находимъ прекрасный отвѣтъ самого Перовскаго, въ его письмѣ къ Булгакову же,

*) Эти сообщенія г. Юдина не вѣрны: земляныя работы начаты были 9-го Іюля, а взрывъ стѣны и штурмъ крѣпости послѣдовалъ 28 Іюля, т.-е. всего 19 дней спустя. (См. два письма Перовскаго къ Московскому почтъ-директору А. Я. Булгакову отъ 16 и 28 Іюля 1853 года, напечатанныя въ книгѣ „Графъ Перовскій и его зимній походъ въ Хиву“, стран. 187 и 188). И. З.

отъ 16-го Іюля, гдѣ онъ сообщаетъ: „Взятіе Акъ-Мечети не составитъ, можетъ быть, блестящаго дѣла, но *мнѣ жизнь солдата дороже всякой журнальной статьи* съ напыщеннымъ бюллетенемъ“ (стран. 188). Очевидно, Перовскій предпочелъ 19-ти дневную осаду и подкопъ и взрывъ стѣны для образованія бреши (по неимѣнію при отрядѣ осадныхъ орудій), чѣмъ немедленный штурмъ высокихъ стѣнъ крѣпости и массовую потерю людей, которая неизбѣжно произошла бы въ послѣднемъ случаѣ. Полагаемъ, что неизлишне будетъ замѣтить здѣсь, какъ отнесся ко взятію этой „крѣпостцы“ императоръ Николай Павловичъ, какъ извѣстно, отлично знавшій военно-инженерное дѣло. Вотъ, напр., что̀ онъ высказалъ генералу Перовскому въ своемъ рескриптѣ отъ 26 Августа 1853 года: „Получивъ донесеніе ваше о покореніи крѣпости Акъ-Мечети, я поспѣшаю выразить вамъ душевную мою признательность за блистательный этотъ подвигъ, покрывшій новою славою Русское оружіе; онъ вполнѣ увѣнчалъ всѣ распоряженія ваши, отъ коихъ я не могъ не ожидать успѣха, зная примѣрное ваше рвеніе и военную вашу опытность. Но вы не ограничились общимъ направленіемъ дѣйствій: вы пренебрегли трудность предстоявшаго при слѣдованіи къ Акъ-Мечети похода; не щадя слабаго вашего здоровья, приняли лично начальство надъ отрядомъ, для взятія этой крѣпости назначеннымъ, и не переставали раздѣлять съ нимъ всѣ лишенія и опасности“. И далѣе: „Вмѣстѣ съ симъ поручаю вамъ объявить всѣмъ чинамъ храбрыхъ войскъ, находившихся подъ вашимъ предводительствомъ, особенное мое благоволеніе за твердость ихъ, соревнованіе другъ предъ другомъ и отличное ихъ мужество въ бою“.

Повидимому, г. Юдинъ, увлекшись „поправками“ къ моимъ статьямъ упустилъ изъ виду этотъ рескриптъ императора, военнаго инженера, безпристрастно и вѣрно оцѣнившаго „блистательный подвигъ“ генерала Перовскаго, который положилъ начало нашему завоеванію Коканда, нынѣшней Ферганской области.

Ив. Захарьинъ (Якунинъ).

С.-Петербургъ.
8 Апрѣля 1902 года.

МЕЛКІЯ ЗАМѢТКИ О ПУШКИНѢ.

I. Изданіе „Бахчисарайскаго Фонтана" 1824 года.

Изданіе „Бахчисарайскаго Фонтана" вызвало очень любопытную журнальную полемику, до сихъ поръ, кажется, никѣмъ еще не отмѣченную.

Въ „Новостяхъ Литературы" 1824 г. (VIII, 10—12) была напечатана статья: *„о Бахчисарайскомъ Фонтанѣ не въ литературномъ отношеніи"* (*сообщено изъ Москвы*). Издатели прибавили отъ себя: „Сочиненіе весьма извѣстнаго и многоуважаемаго писателя, которому не нужно подписывать своего имени. Зрѣлыя мысли, благонамѣренность и остроуміе обличатъ его". Этотъ комплиментъ издателей, немного недружелюбное отношеніе къ Пушкину, не совсѣмъ точное знаніе относящихся къ нему фактовъ и подзаголовокъ: „сообщено изъ Москвы", кажется, указываютъ на И. И. Дмитріева *). Въ собранія его сочиненій эта замѣтка не вошла. Вотъ эта статья.

„Появленіе *Бахчисарайскаго Фонтана* достойно вниманія не однихъ любителей поэзіи, но и наблюдателей успѣховъ нашихъ въ умственной промышленности, которая такъ же—не во гнѣвъ будь сказано—содѣйствуетъ, какъ и другая, благосостоянію государства. Рукопись маленькой поэмы Пушкина была заплачена 3000 рублей. Въ ней нѣтъ 600 стиховъ: и такъ, стихъ (и еще какой же? Замѣтимъ для биржевыхъ оцѣнщиковъ—мелкій четырехстопный стихъ) *обошелся* въ пять рублей съ излишкомъ. Стихъ Бейрона, Казимира Лавиня, строчка Вальтера Скотта приносятъ процентъ еще значительнѣйшій: это правда! Но вспомнимъ и то, что иноземные капиталисты взыскиваютъ проценты со всѣхъ образованныхъ потребителей на земномъ шарѣ, а наши капиталы обращаются въ тѣсномъ и домашнемъ кругу. Какъ бы то ни было, за стихи *Бахчисарайскаго Фонтана* заплачено столько, сколько еще ни за какіе Русскіе стихи заплачено не было. Примѣръ, данный книгопродавцемъ Пономаревымъ, купившимъ манускриптъ поэмы, заслуживаетъ, чтобы имя его, доселѣ еще негромкое въ спискѣ нашихъ книгопродавцевъ, сдѣлалось извѣстнымъ: онъ обратилъ на себя признательное уваженіе друзей просвѣщенія, оцѣнивъ трудъ ума не на мѣру и не на вѣсъ. Къ удовольствію нашему, можемъ также прибавить, что онъ не ошибся въ разсчетахъ и уже вознагражденъ прибылью за смѣлое покушеніе торговли. Дай Богъ, съ легкой руки! Пускай опытъ его послужитъ примѣромъ ободрительнымъ и зако-

---

*) Статья эта, по нашему мнѣнію, принадлежитъ князю П. А. Вяземскому. П. Б.

номъ для прочихъ его товарищей. Собственная выгода ихъ отъ того зависитъ, не говоря уже, что для образованнаго книгопродавца должно быть пріятно способствовать пользѣ писателей и дѣйствовать съ ними заодно, а не про себя исключительно: ибо нѣтъ сомнѣнія, что при другихъ обстоятельствахъ писатели отличные перестанутъ къ нимъ прибѣгать и начнутъ промышлять сами своимъ товаромъ, а на часть книгопродавцевъ останутся одни наемники и книжные наемники. Радуемся сей оцѣнкѣ *Бахчисарайскаго Фонтана* и потому, что она утверждаетъ насъ во мнѣніи, что никакое истинно-изящное произведеніе литературное не остается у насъ въ небреженіи, и что несправедливо жалуются иные на равнодушіе ко всему отечественному. Еще недавно изданіе *Полярной Звѣзды*, къ изумленію и горести астрономовъ-критиковъ (смотри Хемницерову басню *Метафизикъ*), разошлось съ быстрымъ и блистательнымъ успѣхомъ. Кажется, напротивъ, просвѣщенное вниманіе ко всѣмъ дарованіямъ, ко всѣмъ усиліямъ, споспѣшествующимъ успѣхамъ литературы, возрастаетъ болѣе и болѣе. Что вкусъ становится разборчивѣе, требованія взыскательнѣе, и не все то *хорошо*, что̀ только *Русское*, то и тутъ найдемъ мы поводъ къ удовольствію. Многіе жалуются на употребленіе Французскаго языка и на сихъ жалобахъ основываютъ систему какого-то мнимаго, *подогрѣтаго* патріотизма. Приписывая Французскому языку упадокъ Русскаго, напоминаютъ они фабрикантовъ внутреннихъ, проповѣдующихъ *запретительныя мѣры* противъ внѣшней торговли, чтобы пустить въ ходъ домашнія издѣлія. Они разсчитываютъ: если бъ не было Французскихъ книгъ, то поневолѣ стали бы насъ читать. Заключеніе ложное! Чтеніе не есть потребность необходимая: оно—роскошь, оно—лакомство. Хотя бы и не было никакихъ книгъ кромѣ вашей *доморощенной*, но все не читали бы васъ, милостивые государи! Пишите по-европейски, и тогда соперничество Европейское не будетъ вамъ опасно, и читатели Европейскіе присвоятъ васъ себѣ. Авторы, жалующіеся на неблагодарность согражданъ, актеры на своенравіе и холодность публики, старики на скуку настоящаго времени, женщины съ недостаткомъ въ прелестяхъ или избыткомъ въ лѣтахъ на утрату вѣжливости и любезной привѣтливости въ молодежи: все это уловки истертыя, все это загадки, давно разгаданныя!“

Эта статья, для своего времени удивительно смѣлая, свѣжая и оригинальная (кромѣ страннаго утвержденія, что чтеніе — только роскошь и лакомство), вызвала возраженія въ „Благонамѣренномъ“ (1824, ч. 26, стр. 175—178): „*Еще нѣсколько словъ о Бахчисарайскомъ Фонтанѣ не въ литературномъ отношеніи*“ (подпись: „Вязки. И. П-ъ“, вѣроятно, мистификація, довольно обычная въ тѣ времена, если это не самъ Пономаревъ). „Новая поэма Пушкина явилась на горизонтъ литературы въ бурѣ споровъ, въ вихрѣ критикъ. Дай Богъ, чтобы такое явленіе сопровождалось добрыми слѣдствіями, а нынѣшній годъ былъ гибельнымъ для поддѣльнаго пустоцвѣта критиковъ, началомъ *новаго переворота дѣлъ по книжной торговлѣ*: такъ говорю по купеческой привычкѣ, будучи старымъ кригопродавцемъ и отъ сердца желая событія моихъ предвѣщаній, не только для общей пользы, но и для собратіи моей, книгопродавцевъ С.-Петербургскихъ и Московскихъ. Всѣмъ

будетъ хорошо, имъ не меньше другихъ, если еще не больше". Ссылаясь затѣмъ на приведенную выше статью, И. П-ъ благодаритъ ея автора за „совѣтъ благій и хорошій“ отъ лица книгопродавцевъ, затѣмъ „осмѣливается сдѣлать маленькія поправки къ статьѣ его и прибавить отъ себя нѣсколько словъ“.

„*Бахчисарайскій Фонтанъ* купленъ не книгопродавцемъ Пономаревымъ, а книгопродавцемъ Ширяевымъ. Первый, имѣя болѣе свободнаго времени отлучиться отъ лавки своей на Никольской улицѣ, гдѣ у него книги продаются, покупаются и мѣняются, бывъ только посредникомъ между книгопродавцемъ и почтеннымъ издателемъ, княземъ П. А. Вяземскимъ, получилъ за работу 500 р. и, слѣдовательно, не поспоритъ, если на 10 стр. „Нов. Рус. Лит.“ имя его замѣнится именемъ Ширяева. Не знаю, что̀ значитъ громкость книгопродавца и имени его, но если надобно хвалить, то похвалимъ, кого должно. Просимъ читателей „Нов. Рус. Лит.“, замѣтивъ сію поправку, замѣтить и другую, если угодно: Ширяевъ выдалъ за рукопись 3000 р., принялъ на свой счетъ печатанье 500 р., присовокупя къ тому плату посреднику, и что въ *Бахчисарайскомъ Фонтанѣ* не съ большимъ 500 стиховъ; выходитъ, что книгопродавцу каждый стихъ пришелся не за *пять*, а почти за *восемь* рублей. Такой примѣръ (не говоря о другихъ) доказываетъ несправедливость мнѣнія нѣкоторыхъ, будто книгопродавцы причиною жалобъ публики и писателей. Книгопродавецъ-купецъ. Онъ торгуетъ книгами, какъ другіе купцы торгуютъ сахаромъ, перцомъ, корицею, т. е. въ гражданскомъ обществѣ онъ дѣлается *посредникомъ*, который беретъ у *производителя* (писателя) его издѣлье, передаетъ *потребителю* (читающей публикѣ) и беретъ проценты *за трудъ*. Не вините *посредника*, если издѣлье не идетъ у него съ рукъ, и онъ худо платитъ *производителю*: виноватъ *производитель* или *потребитель*, а вѣрно не посредникъ ихъ“...

„Не буду говорить объ Европейской читательности нашихъ читателей которые не читаютъ Русскаго, потому что въ немъ нѣтъ чего-то Европейскаго—нѣсколько словъ о книгопродавцахъ. Кто стоитъ за кулисами, для того исчезаетъ прелесть оперы; кто заглядываетъ въ пансіонъ какого-нибудь Monsieur N. N. за два дня до экзамена, того не всегда очаруютъ успѣхи учениковъ. Увы! книгопродавецъ за сценою литературныхъ кулисъ часто бываетъ истиннымъ зрителемъ авторскихъ декорацій и скромнымъ хранителемъ тайнъ экзамена публики. Порадуемся не дороговизнѣ стиховъ Пушкина, но тому, что онъ *пишетъ хорошо*; экономическіе разсчеты—слѣдствіе этого. Смѣемъ увѣрить, что не книгопродавцы бываютъ причиною *противныхъ слѣдствій*... Если бы могли, отъ лица ихъ, въ разрѣшеніе разныхъ сомнѣній, упросить Русскихъ авторовъ писать, не думая о разсчетахъ, внимать звону лиры, а не звону денегъ; вѣрить, что хорошее оцѣнится и безъ стараній автора, пусть только будетъ оно хорошо,—упросить *немногихъ избранныхъ писать больше, толпу неизбранныхъ писать меньше*, если нельзя уже имъ пробыть безъ писанья, и всѣхъ вообще, и хорошихъ, и худыхъ литераторовъ, не дѣлать литературныхъ лигъ, спекуляцій и откуповъ! Если бы мы мо-

тли доказать, что голова, занятая разсчетомъ какого-нибудь дѣла, не вмѣститъ эстетическихъ его отношеній, то примѣръ убѣдительнѣе: Бестужевъ и Рылѣевъ не думали о разсчетахъ, издавая „Пол. Звѣзду"; лучшіе поэты и прозаики наши не думали о разсчетахъ, отдавая произведенія свои для сего изданія, и вслѣдствіе безкорыстнаго производства изящнаго золото полилось къ нимъ съ похвалами! Если догадливые спекулянты на будущій годъ по слѣдамъ ихъ издадутъ нѣсколько альманаховъ, предвѣщаемъ публикѣ, что альманахи упадутъ въ литературномъ достоинствѣ, а господамъ литераторамъ *съ разсчетомъ экономическимъ ошибку въ сольдѣ кредита по ихъ конторамъ!*"

II. Къ литературной исторіи „Руслана и Людмилы".

Въ альманахѣ „Раутъ" (III, М., 1854) Н. В. Сушковъ напечаталъ свой многословный, слишкомъ пестрый по составу, но мѣстами очень любопытный „Обозъ къ потомству съ книгами и рукописями".

Ѳ. М. Дмитріевъ когда-то разсказывалъ намъ, что С. А. Соболевскій на своемъ экземплярѣ „Раута" приписалъ къ статьѣ Сушкова такой эпиграфъ: „Идетъ обозъ съ Парнаса, Везетъ навозъ Пегаса"... Это болѣе остроумно, чѣмъ вѣрно: наряду съ болтовней у Сушкова есть и цѣнные факты. Л. И. Поливановъ, проф. Владимировъ и др. давно уже сдѣлали попытки выяснить источники „Руслана и Людмилы", въ общемъ довольно удачныя и интересныя; но никто изъ нихъ не указываетъ своего предшественника въ этомъ отношеніи, Н. В. Сушкова, наблюденія и соображенія котораго прибавляютъ кое-что новое къ ихъ изысканіямъ.

По его словамъ (стр. 331), „въ *Русланѣ и Людмилѣ* многое напоминаетъ *Душеньку* Богдановича... „Какъ-то (по выходѣ своемъ изъ Лицея) Пушкинъ замѣтилъ у меня на полкѣ толстую книгу, развернулъ—*Бахаріана* Хераскова.—„Возьми себѣ этотъ родъ сказки: пригодится для *Руслана и Людмилы*". Кажется, мой подарокъ отчасти ему и пригодился. Пригодился и „Ричардетъ", поэма въ родѣ Роландовъ, изъ которой онъ включилъ кое-что въ свою сказку. Только его переводы отрывковъ, иногда и цѣлыхъ строфъ изъ *Ричардета*, несравненно выше подлинника. Такъ пчела—извините ветхость сравненія—сбираетъ для сотовъ въ свой улей медъ съ какихъ цвѣтовъ ни попало". Вѣроятно, Сушковъ имѣлъ въ виду Французскій оригиналъ въ стихахъ („*переводы* отрывковъ", „*строфы*"). Въ 1800 г. въ Петербургѣ напечатанъ переводъ (прозаическій): „Рихардетъ. Поэма" (въ 2 частяхъ). На стр. 337 Сушковъ говоритъ, что „образцово - прекрасный *Онѣгинъ*" „созданъ уже не подъ вліяніемъ Байрона, ни Аріоста, ни Богдановича, ни *Ричардета*, ни *Бахаріаны* Хераскова".

III. Пріуроченіе бродячаго анекдота къ имени Пушкина.

О Пушкинѣ въ свое время ходило и до сихъ поръ ходитъ безконечное количество анекдотовъ: какъ явленіе своеобразное и исключительное, онъ не могъ не обращать на себя общаго вниманія. Самое имя великаго поэта должно было все болѣе и болѣе окутываться поэтической дымкой легенды. Въ сферу этого легендарнаго процесса, конечно, часто попадали и странству-

ющіе анекдоты, беззаконно примкнувшіе къ великому имени. Одни, какъ Гоголевскій Поприщинъ, услышавъ что-нибудь занимательное и пикантное, рѣшали: „Должно быть, Пушкина сочиненіе“; другіе, подобно И. А. Хлестакову, были „съ Пушкинымъ на дружеской ногѣ“ и при случаѣ не могли удержаться отъ естественнаго желанія сказать о немъ что нибудь „новенькое“ и „интересное“, извѣстное только имъ однимъ—въ силу интимной дружбы; третьи принимали чужіе домыслы и вымыслы за фактъ и усердно пропагандировали ихъ дальше. Пушкину приписывались пошлые и глупые анекдоты въ родѣ „дѣтина полоумный на диванѣ“ и пр.

Исторію одного изъ нихъ намъ удалось случайно прослѣдить. Спеціальные, очень курьезные сборники („Анекдоты изъ жизни Пушкина“, М., 1899, стр. 11—12; Козманъ, Шутки и остроты А. С. Пушкина, Одесса, 1900, стр. 6—7; Шутки и остроты А. С. Пушкина, СПб., 1899, стр. 22—23) разсказываютъ о двухъ гвардейскихъ офицерахъ, которые, желая смутить (?) Пушкина, спросили у него: „Какъ правильнѣе выразиться“: „Эй, человѣкъ, подай стаканъ воды!“ или „Эй, человѣкъ, принеси стаканъ воды!“ Находчивый Пушкинъ, „живо понявъ желаніе подшутить надъ нимъ“ (!), „отвѣчалъ серьезно“: „Мнѣ кажется, вы можете выразиться прямо: Эй, человѣкъ, гони насъ на водопой!“

Но этотъ неважный анекдотъ мы вотрѣтили въ „Московскомъ Зрителѣ“ *1806 г.* (I, Май, стр. 45) „Г-жа Дюдефанъ сидѣла за столомъ между двумя молодыми дюками, которые спорили о томъ, какъ должно говорить слугѣ хозяйскому: *пожалуй мнѣ пить* или *прошу пожаловать мнѣ пить*, и, бывъ взята судьею, сказала имъ: „Милостивые государи, люди знатнаго происхожденія и благовоспитанные, подобно вамъ, должны, мнѣ кажется, сказать: *прошу васъ, милостивый государь, сводить меня на водопой*“. Еще раньше этотъ анекдотъ былъ напечатанъ въ журналѣ „Прохладные часы“ 1793 г., II, стр. 156: „Невѣжды, сидя за столомъ, спорили между собою весьма усильно, какъ бы приличнѣе сказать слугѣ своего сосѣда: *подай мнѣ пить* или *сдѣлайте милость, пожалуйте напиться*. Нѣкоторая госпожа, которую они просили сіе рѣшить, сказала имъ: „Государи мои, людямъ, отъ толь благороднаго происшедшимъ поколѣнія и столь просвѣщеннымъ, какъ вы, мнѣ кажется, сказать должно: государь мой, отведите, пожалуйте, меня къ водопойнѣ“... Такъ обогащается біографія Пушкина новыми фактами...

IV. Пушкинскіе учебники.

Въ наши руки попала рѣдкая книга. „Басни Федра, изданныя Кошанскимъ, профессоромъ Лицея“ (СПб., 1814 г.). Это, несомнѣнно, учебникъ для лицеистовъ, которымъ долженъ былъ пользоваться и Пушкинъ. Съ его общимъ характеромъ прекрасно знакомитъ „увѣдомленіе“ Кошанскаго, которое мы приводимъ съ документальною точностью.

„Всѣмъ извѣстно, сколько древніе языки необходимы для образованія новѣйшихъ. Лучшій способъ учиться онымъ есть чтеніе самыхъ писателей;

но древніе писали не для дѣтей. Думалъ ли Федръ, что басни его, гдѣ часто пороки Римлянъ являются, какъ въ зеркалѣ, будутъ служить въ потомствѣ руководствомъ для юношества? Но онѣ достойны чтенія дѣтей: ибо слогъ ихъ легокъ, пріятенъ и забавенъ, и языкъ такъ чистъ, какъ былъ во время Августа. По сей причинѣ возложено на меня издать Федра на слѣдующемъ основаніи: 1) оставить тѣ басни, кои не соотвѣтственны дѣтскому возрасту; 2) перемѣнить выраженія, оскорбляющія благопристойность нашихъ временъ; 3) напечатать текстъ самымъ вѣрнымъ образомъ и объяснить труднѣйшія мѣста краткими на Россійскомъ языкѣ замѣчаніями. Наконецъ, прибавить Лексиконъ словъ, находящихся въ сей книгѣ. Опытъ покажетъ, успѣлъ ли я въ семъ препорученіи. Желаніе мое было, чтобы юные воспитанники, учась Латинскому языку, могли читать все, что находится въ сей книгѣ; чтобы ни одна мысль, ни одно выраженіе не оскорбляли ихъ благороднаго чувства, а напротивъ утверждали въ благоразуміи и нравственности. Пусть живая книга Федра, представляя забавныя происшествія, увеселяетъ ихъ и вмѣстѣ напоминаетъ:

Tu ris? Change le nom, la fable est ton histoire".

*

Съ характеромъ преподаванія исторіи въ Лицеѣ можетъ познакомить „Извлеченіе изъ рукописныхъ историческихъ лекцій профессора Кайданова" (СПб., 1832). На второмъ заглавномъ листѣ „лекцій" прибавлено: „Преподаваемыхъ воспитанникамъ Императорскаго Царско-Сельскаго Лицея". Книга составляетъ „усерднѣйшее посвященіе воспитанникамъ Императорскаго Царско-Сельскаго Лицея". Такъ какъ курсъ Кайданова рано былъ выработанъ и мало мѣнялся, то основу „Извлеченія" смѣло можно отнести къ Пушкинскимъ временамъ. Самую книгу слѣдовало бы сдѣлать предметомъ особой характеристики. „Предувѣдомленіе" Кайданова (1831 г.) говоритъ: „Многіе любители Исторіи и Словесности изъявили мнѣ свое желаніе видѣть напечатанными всѣ мои рукописныя историческія лекціи, преподаваемыя мною воспитанникамъ Императорскаго Лицея. Какъ ни лестно для меня таковое желаніе ихъ, но, при всемъ томъ, я, по обстоятельствамъ своимъ, издаю теперь только нѣкоторыя изъ сихъ своихъ лекцій. Цѣлію моею въ семъ случаѣ есть желаніе мое—доставить обучающимъ и учащимся Исторіи книжку, чтеніе коей было бы для тѣхъ и другихъ средствомъ къ пріятному и полезному препровожденію времени". Въ этомъ изданіи напечатаны общія понятія объ исторіи и древняя исторія.

Вл. Каллашъ.

ПИСЬМО Я. П. ПОЛОНСКАГО КЪ К. П. ПОБѢДОНОСЦОВУ.

Многоуважаемый, милый, дорогой Константинъ Петровичъ! Вы представить себѣ не можете, какъ я обрадовался вашему письму. Вы большой сердцевѣдецъ и многое угадываете. Да, вы правы: «въ болѣзни, какъ иной разъ во снѣ, безсознательно зрѣетъ мысль и освѣжаетъ фантазію». Вотъ почему, послѣ прочтенія вашего письма, я написалъ экспромптомъ, почти безъ помарки, слѣдующее:

Какъ человѣкъ *парадоксальный*,
Когда все весело вокругъ,
Онъ призадумается, вдругъ
И удаляется, печальный!
И негодуетъ онъ тогда
На всѣхъ, когда ему всѣ рады;
Вездѣ мерещится бѣда,
Повсюду видятся преграды.
Но вотъ лежитъ онъ на одрѣ,
И врачъ таниномъ горло мажетъ,
Бушуетъ вьюга на дворѣ,
Двухъ умныхъ словъ никто не скажетъ.
И чтоже? На душѣ его,
Какъ на струнахъ, мечта играетъ;
Онъ не боится ничего,
Ничто его не возмущаетъ;
Опасности не признаетъ
И думаетъ: весной потянетъ,
Взыграетъ солнце, пѣсня грянетъ,
И онъ воскреснетъ и пойдетъ...

Да, такія бываютъ минуты; но не всегда. Когда я боленъ, мнѣ не за себя страшно, а за тѣхъ, которые безъ меня могутъ остаться безъ копѣйки.

Извините за плохіе стихи. Они написались въ двѣ минуты, значитъ и двухъ копѣекъ не стоятъ. Дружески жму вамъ руку. Если какъ нибудь увидите В. К. Евгенію Максимиліановну *), то скажите ей, что я никогда не забуду ея вниманіе и тотъ вечеръ, который я провелъ у нея. Вообще у меня сердце благодарное,—самое не современное сердце! Но прощайте. Дружески жму вамъ руку. Желаю вамъ всего хорошаго и остаюсь весь вашъ Я. Полонскій.

4 Марта 1877.

*) Т. е. Ея Императорское Высочество, Принцессу Ольденбургскую. П. Б.

ГЕОРГІЙ ДАШКОВЪ.

(1718—1731).

До шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія біографы Ростовскаго епископа Георгія Дашкова были очень сдержанны и причины его паденія замалчивали. Въ лѣтописи о Ростовскихъ архіереяхъ, дополненной Ростовскимъ архіепископомъ Самуиломъ Миславскимъ (позднѣе Кіевскимъ митрополитомъ, ум. 1796) кратко сказано, что «оный Георгій архіепископъ за нѣкоторыя его вины, по лишеніи сана, сосланъ въ заточеніе, въ Вологодскій Спасо-Каменный монастырь, что̀ на Кубенскомъ озерѣ». Въ изданной въ 1864 г. Ярославскимъ Епархіальнымъ Попечительствомъ о бѣдныхъ духовнаго званія книгѣ «Іерархи Ростовско-Ярославской паствы», хотя кратко, но все же довольно основательно изложено дѣло, за которое пострадалъ Георгій. Затѣмъ въ 1867 г. въ «Иркутскихъ Вѣдомостяхъ» сообщены свѣдѣнія о жизни и смерти Георгія въ Нерчинскѣ. Эта статья была перепечатана въ «Ярославскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» 1868 г. Въ этомъ же 1868 г. Чистовичъ въ книгѣ своей «Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время» изложилъ дѣло Георгія въ связи съ дѣломъ Льва Юрлова. Послѣ этого до 1901 г. никакихъ историческихъ статей о Георгія не появлялось.

Въ концѣ 1901 г., по опредѣленію Святѣйшаго Сѵнода, вышелъ X-й томъ «Описанія документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода» и тутъ напечатаны выдержки изъ дѣла о Дашковѣ и его доношеніе о бывшемъ великомъ пожарѣ въ Ростовѣ, испепелившемъ много обывательскихъ домовъ, приходскія церкви, кремль и Ростовскій Успенскій соборъ.

Въ дополненіи, сдѣланномъ мною къ «Лѣтописи о Ростовскихъ архіереяхъ», изданной Императорскимъ Обществомъ Любителей Древней Письменности (С.-Пб. 1900) о Георгіи Дашковѣ было напечатано *): «Георгій происходилъ изъ старинной дворянской фамиліи Даш-

*) По рукописи о. Троицкаго изъ собранія И. А. Вахрамѣева.

ковыхъ. Будучи строителемъ Астраханскаго Троицкаго монастыря, оказалъ важныя услуги въ 1705—1706 гг. при укрощеніи въ Астрахани стрѣлецкаго бунта, что̀ обратило на него вниманіе Петра Великаго. Послѣ того былъ ключаремъ, а съ 15-го Апрѣля 1711 г. архимандритомъ Троицко - Сергіевской лавры. Хиротонисанъ 13-го Іюня 1718 г. въ епископа Ростовскаго на Котлинѣ островѣ (Кронштадтѣ), во время освященія церкви ап. Андрея Первозваннаго Стефаномъ, митрополитомъ Рязанскимъ, съ прочими. Лѣствицею учиненъ ниже Астраханскаго епископа. Въ 1725 г. опредѣленъ членомъ Св. Сѵнода. 1726 г. Іюля 12-го пожалованъ въ архіепископа и въ Св. Сѵнодѣ присутствовать вторымъ».

«Въ бытность свою въ Ростовѣ построилъ на соборной церкви главы желѣзныя, полуженныя оловомъ, и по желѣзной обрѣшеткѣ кровлю покрылъ желѣзомъ и выкрасилъ охрою. При немъ же въ 1730 г. случился въ домѣ архіерейскомъ пожаръ, отъ котораго его кельи и на церквахъ главы, кровли и банни, такожде въ соборной церкви иконостасъ и въ томъ иконостасѣ въ верхнихъ ярусахъ иконы погорѣли всѣ безъ остатку. И отъ того же пожару, какъ въ кремлѣ города ряды и обывательскіе домы, также и за городомъ погорѣло многое число, еще же и за городомъ въ двухъ верстахъ и болѣе Богоявленскій Аврааміевъ монастырь отъ архіерейскаго дому отстоитъ: отъ того же пожарнаго случая весь выгорѣлъ».

«Современники Георгія отзывались весьма невыгодно объ его образованіи; онъ былъ неученъ, смотрѣлъ на Западно-русскую науку, какъ на пустую забаву, и не любилъ Кіевскихъ ученыхъ. Сдѣлавшись извѣстнымъ Государю черезъ счастливое для него участіе въ дѣлахъ политическихъ и возведенный въ санъ епископа Ростовскаго, онъ увлекся водоворотомъ придворныхъ происковъ, достигъ званія архіепископа и вице-президента Сѵнода и, побуждаемый гордостію, позволялъ себѣ дѣйствія незаконныя и обидныя для многихъ. Получая отъ всевластнаго въ то время князя Меншикова распоряженія по вѣдомству Св. Сѵнода, въ видѣ дружескихъ извѣстій, архіепископъ Георгій посылалъ ихъ Сѵноду въ видѣ указовъ, чѣмъ глубоко оскорблялъ президента и всѣхъ остальныхъ членовъ высшаго духовнаго правительства. Послѣ паденія князя Меншикова, новые временщики Россіи князья Долгорукіе оказались такими же, какъ и Меншиковъ, покровителями Георгія. Задумавъ возстановить въ Россіи патріаршество, они даже мѣтили на Георгія, и едва не исполнили своего намѣренія; но обстоятельства измѣнились съ воцареніемъ Анны Іоанновны, и тщеславный Георгій, уволенный отъ званія вице-президента Сѵнода, выѣхалъ на свою епархію съ мрачными предчувствіями. Недовольные прежними дѣйствіями Георгія члены Сѵнода рѣшили подвергнуть его суду за одно, будто бы неправильно рѣшенное имъ въ Сѵнодѣ дѣло, или подъ предлогомъ медленности въ производствѣ дѣла о Львѣ, епископѣ Воронежскомъ, лишили сана 28-го Декабря 1730 г. и сослали въ Спасо-Каменный монастырь, гдѣ въ Февралѣ 1731 г. онъ принялъ схиму съ именемъ Гедеона. Страсть къ славѣ и величію погубила Георгія; а

между тѣмъ духовная паства его заростала терніемъ, закоснѣвала въ невѣжествѣ и суевѣріяхъ».

Современникъ Георгія, Антіохъ Кантемиръ, знавшій хорошо о немонашескомъ образѣ жизни Георгія, ядовито надъ нимъ насмѣхался. Называя Георгія Егоромъ въ угоду своему другу Ѳеофану, Кантемиръ писалъ:

„Епископомъ хочешь быть? Уберися въ рясу,
Сверхъ той тѣло съ гордостью риза полосата
Пусть прикроетъ; повѣсь цѣпь на шею отъ злата,
Клобукомъ покрой главу, брюхо бородою,
Клюку пышно повели везти предъ тобою.
Въ каретѣ, раздувшись, когда сердце съ гнѣву
Трещитъ, всѣхъ благословлять нудь праву и лѣву:
Долженъ архипастыремъ всякъ тя въ сихъ познати
Знакахъ, благоговѣйно отцемъ называти.
Что̀ въ наукѣ? Что̀ съ нея пользы церкви будетъ?
Иной, пиша проповѣдь, выпись позабудетъ,
Отъ чего доходамъ вредъ, а въ нихъ церкви права,
Лучшія основаны и всея церкви слава“.

Мы постараемся теперь пополнить эту лѣтопись о Георгіи Дашковѣ тѣми источниками, которые имѣются въ настоящее время и преимущественно архивными документами, изданными по распоряженію Св. Сѵнода.

Ростовскій пожаръ былъ какъ будто предвѣстникомъ несчастій, обрушившихся на голову Георгія. Его давнишняя вражда съ Ѳеофаномъ обострялась, и Ѳеофанъ искалъ случая, чтобы отомстить своему недругу. Неудавшаяся попытка Георгія занять патріаршій престолъ, казалось, подняла силы его враговъ, и Кантемиръ по этому поводу зло насмѣялся надъ нимъ въ своей сатирѣ:

„Что̀ такъ смутенъ, дружокъ мой? Щеки внутрь опали,
Блѣденъ и глаза красны, какъ бы ночь не спали!
Задумчивъ какъ тотъ, что̀ чинъ патріаршъ достати
Ища, конный свой заводъ раздарилъ не кстати“.

За Астраханскія заслуги Георгій былъ опредѣленъ келаремъ Троицко-Сергіева монастыря, а потомъ въ 1711 г. сдѣланъ архимандритомъ. Начальствуя Троицкой Лаврою до 1718 г., онъ воспользовался этимъ богатымъ хлѣбнымъ мѣстомъ какъ нельзя лучше [1]). На него, наконецъ, сдѣланъ былъ доносъ, сдѣланный казначеемъ обители Иларіономъ Ремизовымъ и ризничимъ Филаретомъ Киржацкимъ, въ Январѣ 1718 года незадолго до назначенія Георгія Ростовскимъ архіепископомъ [2]). Монастырскій старецъ Иларіонъ писалъ, что архимандритъ Дашковъ:

---

[1]) Чистовичъ, стр. 185.
[2]) Описаніе документовъ и дѣлъ Св. Сѵнода. Т. 1. № 33.

1. Въ противность царскимъ грамотамъ, денежную казну сносить въ казенный приказъ не велитъ, а вкладное золото и деньги принимаетъ у себя въ кельѣ, и вѣдѣнія не даетъ въ казну, и во вкладную книгу записывать не велитъ, а изъ собранной казны «дѣлаетъ кореты, коляски, шоры, шатры, полатки, на колокольное литье безъ указу, за что въ артилерію за мѣдь спрашиваютъ 6000 рубл.».

2. По росписнымъ книгамъ жемчуга, золотыхъ и серебряныхъ вещей и парчей, противъ того, чтò онъ, бывши казначеемъ, принялъ у прежняго казначея, не сдалъ ему, Ремезову, многаго числа.

3. За трапезою съ братіею не бываетъ, а ѣстъ въ кельѣ и держитъ многіе излишніе столовые расходы, чего при прежнихъ архимандритахъ не было.

4. Постригаетъ бѣльцовъ всякихъ чиновъ своевольно, безъ указа.

5. Послѣ умершихъ монаховъ пожитки беретъ къ себѣ.

6. По монастырямъ въ строители и въ вотчины старцевъ и прикащиковъ отпускаетъ безъ общаго совѣту и взятки съ нихъ, чрезъ келейника своего Гавріила Поляка, беретъ немалыя.

7. Родственницъ своихъ Дашковыхъ роздалъ замужъ за Троицкихъ слугъ и подъячихъ, за Андрея Приклонскаго съ товарыщи.

8. Въ кельѣ держитъ у себя келейниковъ человѣкъ съ 20, изъ тѣхъ свойственниковъ и келейниковъ посылаетъ въ лучшія села на приказы, а они берутъ тамъ великія взятки.

9. Оставивъ старый конюшенный дворъ безъ нужды, построилъ большой новый и въ подмонастырскихъ селахъ свѣтлицы, набралъ конюховъ человѣкъ со сто, кормитъ лошадей печенымъ хлѣбомъ и, выкормивъ, продаетъ ихъ безъ совѣта, а деньги беретъ себѣ.

10. За крестьянъ отдалъ по нарядамъ монастырскихъ лошадей въ драгунскія и подъемныя лошади, а съ крестьянъ за тѣ лошади взялъ деньги, и тѣхъ денегъ въ Казенный Приказъ не присылывалъ.

11. По приписнымъ монастырямъ и въ Алексинскій уѣздъ къ братьямъ своимъ роднымъ ѣздитъ почасту цугами и забираетъ съ собою столовые многіе припасы, и монастырскихъ служителей беретъ человѣкъ по 150, а лошадей по 200, и въ тѣхъ монастыряхъ живетъ многія числа, а у шатровъ и у палатокъ стоятъ на караулѣхъ отъ гвардіи отставные солдаты, и отъ многаго его тамо житья наносится крестьянамъ великое разореніе.

12. На пріѣзжающихъ къ нему въ монастырь родственниковъ своихъ съ женами и съ дѣтьми, живущихъ по недѣлѣ, чинитъ расходъ немалый, и награждаетъ ихъ всячески, и даетъ изъ монастырскихъ лошадей и коляски вовсе, а монастырскіе мастеровые работаютъ на

нихъ безденежно, и изъ Московскаго Троицкаго Богоявленскаго монастыря берутъ къ нимъ хлѣбъ и дрова.

13. Зять его, архимандрита, князь Панкратъ Давыдовъ, будучи на Лубенской пристани, изготовилъ на хоромное строеніе годный лѣсъ монастырскими людьми и перевезъ тотъ лѣсъ къ себѣ въ Москву, на монастырскихъ подводахъ, противъ указа.

14. Изъ монастырской казны далъ князю Якову Ѳедоровичу Долгорукову 200 рублей и цугъ лошадей.

Къ этому доносу казначея, ризничій Филаретъ Киржацкій отъ себя прибавилъ, что когда въ 1712 году онъ былъ опредѣленъ ризничимъ на мѣсто Моисея (переведеннаго въ Новоспасскій монастырь архимандритомъ), то при пріемѣ изъ ризницы многихъ вещей не явилось, и онъ подалъ архимандриту доношеніе на монаха Іосифа Шапкина и слугу Гущина, которые сдавали ему ризницу; но архимандритъ то доношеніе уничтожилъ. Онъ былъ ризничимъ съ 1712 по 1717 годъ, а въ 1717 году, въ Мартѣ мѣсяцѣ, «знатно подсылкою его, архимандрита». свойственникъ его, монастырскій слуга Андрей Приклонскій, пришедъ къ нему въ келью съ солдатами, нахально требовалъ водки и прочаго угощенія, а когда онъ отказалъ имъ, то били его, схватили мѣшокъ съ 25 рублями и впослѣдствіи подали на него злобное доношеніе архимандриту, который его отлучилъ отъ ризной казны, держалъ въ смиреніи на цѣпи и потомъ въ хлѣбной мукосѣйнѣ и морилъ на уморъ, а имущество его забралъ къ себѣ. Чтобы избѣжать дальнѣйшихъ мученій онъ Киржацкій далъ ему Дашкову денегъ 200 рублей.

Узнавъ объ этомъ доношеніи, Георгій Дашковъ, 7 Февраля 1718 года, подалъ съ своей стороны доношеніе, въ которомъ писалъ, что въ 1706 году онъ пожалованъ былъ Государемъ въ казначеи Троицкаго монастыря; а какъ въ томъ монастырѣ не стало келаря Михаила Григорова, то ему, именнымъ же указомъ, велѣно быть келаремъ, а казначеемъ на его мѣсто опредѣленъ чернецъ Второй; наконецъ, когда не стало архимандрита Іоасафа, то онъ, именнымъ же указомъ, посвященъ въ архимандриты, а келаремъ на его мѣсто присланъ изъ патріаршаго дома казначей, старецъ Іосифъ Бурцевъ. Но въ казначеи, на мѣсто Втораго, долгое время добивался единомышленникъ его, чернецъ Ремезовъ, который изъ Троицкаго монастыря, въ прошлыхъ годахъ, посланъ былъ въ Астрахань въ приписной монастырь строителемъ и, будучи тамъ, покралъ многія монастырскія деньги, о чемъ онъ архимандритъ доносилъ неоднократно боярину князю Петру Ивановичу Прозоровскому, и князь «за тѣмъ его воровствомъ въ казначеяхъ быть

ему не повелѣлъ», а посланъ онъ былъ въ Николаевскій Пѣсношскій монастырь въ строители. И «изъ того монастыря Ремизовъ, безъ вѣдома ихъ властей, уѣхалъ незнамо куды»; а въ Августѣ мѣсяцѣ 1715 года пойманъ Монастырскаго Приказа подъячимъ Зыковымъ и привезенъ въ Троицкій монастырь, гдѣ объявилъ, что ему, по высочайшему указу, велѣно быть въ ономъ монастырѣ казначеемъ, и «рьясь на него архимандрита за то, что онъ доносилъ на него въ воровствѣ, началъ наносить ему многія обиды и писалъ на него въ Монастырскій Приказъ и бранилъ и ругалъ его всячески, и по тому составному письму изъ Монастырскаго Приказа наносилась имъ тѣснота и обида немалая. А нынѣ, согласясь съ другими, умышляютъ его изъ дому Божія изогнать напрасно, а онъ-де въ тотъ домъ пожалованъ именнымъ указомъ и служитъ яко Богу, такъ и его царскому величеству всею чистою совѣстію, и кромѣ Бога и его царскаго величества помощи ни отъ кого не имѣетъ». Затѣмъ слѣдуетъ рядъ обвиненій Ремизова въ разныхъ проступкахъ.

Доношеніе это было подано уже послѣ того, какъ, Государь, 24 Января, приказалъ, по доношенію казначея Иларіона и ризничаго Филарета, о всемъ розыскать лейбъ-гвардіи маіору Ушакову, съ Георгія взять отвѣты по пунктамъ и прислать въ канцелярію на Потѣшный дворъ, а казначея и ризничаго изъ Троицкаго монастыря выслать вонъ на время розыска, о чемъ и посланъ указъ изъ «Канцеляріи Рекрутнаго Счета» въ Монастырскій Приказъ.

Для взятія отвѣтныхъ показаній къ Георгію былъ посланъ Преображенскаго полка квартирмейстеръ Сафоновъ съ пунктами отъ Ушакова. Когда Дашковъ сдѣлалъ свои показанія, то Ремезову приказано было сдѣлать на нихъ обличеніе.

9 Апрѣля Ушаковъ выѣхалъ изъ Москвы въ С.-Петербургъ, поручивъ изслѣдованіе этого дѣла, въ возможной скорости, судьѣ своей канцеляріи, стольнику Баскакову.

13 Іюня, по показаніямъ Ремезова и Киржацкаго и по отвѣтамъ, Георгія, велѣно «изслѣдовать въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ сыскомъ и допросами и свидѣтельствомъ книгъ». Для этого 27 Іюня. изъ Канцеляріи Рекрутскаго Счета посланы въ Троицкій монастырь капитанъ Ильинъ да старый подьячій Посниковъ съ тремя солдатами 22 Іюня Ушаковъ, съ Котлина острова, прислалъ Ильину наказъ, чтобъ «въ слѣдованіи по Троицкому дѣлу чинить ему капитану, какъ правы повелѣваютъ, чтобъ ко обѣимъ сторонамъ была истинная прав-

да, а святой-де обители отъ посяжки напрасно не было притѣсненія и чтобъ то дѣло изслѣдовано было въ самой скорости». Троицкія власти подали на Георгія жалобу, справедливости которой не могъ не признать и самъ Ушаковъ, написавшій 5 Января 1719 года по этому поводу письмо къ Баскакову. «Увѣдомился-де онъ господинъ брегадиръ (такъ передаетъ обстоятельная записка сущность этого письма), что по дѣлу Троицкаго Сергіева монастыря опредѣлено слѣдовать счетомъ, и по тому опредѣленію капитанъ Игнатей Ильинъ забралъ изъ того монастыря приходныя и расходныя книги съ 200 году, и ежели-де истина, то какъ возможно оный розыскъ окончать, и видно, что и въ два года еще не окончится, и для того бъ справиться съ указомъ, что оный розыскъ произвести велѣно не счетомъ, но свидѣтельствомъ. Однакожъ, буде для такого слѣду, чтобъ видны были годовые приходы и расходы, то можно взять одинъ годъ до бытности архимандрита Дашкова что̀ бывало, а другой при его бытности который-нибудь или до котораго больше споръ, и тогда покажется: ибо онаго онъ господинъ брегадиръ выразумѣть не можетъ, какой ради причины счетомъ опредѣлено съ 200 году. Да онъ же Ильинъ спрашиваетъ изъ разныхъ мѣстъ для допросовъ многихъ или бъ всѣхъ крестьянъ, верстъ за 300, и ежели-де, конечно, правда, то оное ему запретить, а можно въ тѣ мѣста, буде же и самая нужда, и самому ему ѣхать, или Посникова послать, или выборныхъ изъ тѣхъ мѣстъ взять. А буде же Ремезовъ станетъ подавать ко слѣдованію еще доношенія вновь, и оныхъ не принимать».

Образцикомъ того какъ производилось слѣдствіе, можетъ служить напримѣръ то, что по 12-му пункту 871 человѣкъ показали, что родственники Дашкова, по пріѣздѣ, стояли въ подмонастырскихъ слободахъ на постоялыхъ и служнихъ дворахъ; 752—что они стояли дня по три и по четыре; 69—по недѣлѣ и по три; 695—что они въ кельѣ архимандрита обѣдывали и ужинали; 84—что мужчины ночевали въ архимандричьихъ кельяхъ, а жены и дѣти ихъ на постоялыхъ дворахъ; 822—что не знаютъ, на какихъ подводахъ ихъ привозили и отвозили.

Георгія уже не было въ Троицкомъ монастырѣ. Государь щедрою рукою платилъ ему за услуги по усмиренію Астраханскаго бунта. Въ половинѣ 1718 года онъ вызванъ былъ въ Петербургъ и 13 Іюля рукоположенъ въ епископа Ростовскаго. Проѣздомъ изъ Петербурга въ Ростовъ, онъ захотѣлъ взглянуть на Троицкую обитель, въ которой провелъ 12-ть лѣтъ жизни. Этимъ посѣщеніемъ воспользовался слѣдователь Ильинъ и потребовалъ у Георгія отвѣтовъ и показаній по дѣламъ слѣдственной комиссіи. Отобраніе объясненія у Георгія (судя

по доношенію Ильина Ушакову, 15 Августа 1718 г.) было безуспѣшно: Георгій отвѣтовъ не далъ, а объявилъ, что онъ все показалъ въ прошломъ году, когда присланъ былъ въ Троицкій монастырь для того дѣла Сафоновъ. Ушаковъ приказалъ отправить къ нему солдатъ для взятія отвѣта съ его келейниковъ. Присланному въ Ростовъ отъ Ильина солдату былъ врученъ пакетъ, въ которомъ оказалось три письма. Въ первомъ изъ нихъ Георгій объяснялъ, что онъ все показалъ Ушакову и что Ильинъ прислалъ ему указъ, «исполняя свое мнѣніе для своихъ прихотей», потому что въ присланныхъ пунктахъ ничего до него не касается, но все вымышленныя и составныя клеветы, «и за то-де ему (Ильину) воздастъ сотворшій Богъ во время праведнаго Своего суда», а его, епископа, избавитъ отъ злобы всемилостивѣйшій Гусударь. Въ другомъ письмѣ, сообщивъ свѣдѣнія по нѣкоторымъ запросамъ о монастырскомъ строеніи, онъ писалъ: «что̀ у кого въ приходѣ и въ росходѣ, и куда что̀ отдано и на какія потребы, и тому въ приказѣхъ и въ ризницѣ записныя книги, а до него епископа сіе ничто не касается. Подите по книгамъ, а не по воздуху: все обрящете. А что̀ кто намъ даетъ за службы, и за молебны, и за панихиды, и за освященіе, и до того-де вы не надлежите, а отъ Царскаго Величества имъ сіе не заповѣдано, но и самъ Его Величество за сіи церковныя службы ихъ богомольцевъ жалуетъ, а вы-де, мои господа, сами не давъ ни копѣйки, да чужого ищете. Видите сами, какое дому Божію наносится разореніе; понеже другіе, заѣхавъ съ женами и съ дѣтьми и съ прочими служителями многолюдствомъ, на монастырскомъ коштѣ и живутъ во всякихъ съ принужденія довольствахъ, а другіе сыскиваютъ, а сами разоряютъ, о чемъ онъ епископъ непомалу сожалѣетъ; понеже Божіимъ и Царскаго Величества повелѣніемъ въ домъ Чудотворца собирали, а другіе, со стороны припавъ, разорили. Да судитъ имъ Богъ по дѣломъ ихъ!» При письмахъ выписаны церковныя правила съ толкованіемъ о клевещущихъ на епископа и о правильномъ судѣ надъ епископомъ, который долженъ быть соборнымъ.

Отвѣты Георгія были безъ его подписи, а потому, по приказанію Ушакова, 30 Мая 1719 года, велѣно спросить у него: «вмѣняетъ ли онъ означенные незарученные отвѣты за сущее свое отвѣтствованіе; да что по тѣмъ отвѣтамъ неясно показалъ, о томъ бы о всемъ отвѣтствовать съ ясностію»; а оныя выписки и справки къ допросу не подлежали. А ежели онъ будетъ отвѣтствовать не противъ силы вопроса и келейниковъ своихъ не отдастъ, и о томъ къ нему епископу онъ бригадиръ болѣе писать не будетъ, а доложитъ Царскому Величеству. Георгій прислалъ показанія.

Между тѣмъ, по настоятельному требованію Ушакова, Ильинъ, 10 Сентября 1720 года, пріѣхалъ въ Москву и объявилъ, что онъ кончилъ сыскъ по 42 пунктамъ наказа и по указамъ по 10 пунктамъ, и того по 52-мъ пунктамъ, но всего дѣла еще не кончилъ. Для окончанія посланъ былъ гвардіи капралъ Козьма Горчаковъ. Ильину поручено было составить выписки изъ слѣдственныхъ показаній; но, «по разсмотрѣнію судейскому, многія изъ учиненныхъ подлинныхъ выписокъ явились не по приказной должности, по всѣмъ пунктамъ негодны». Ильинъ отозвался тѣмъ, что «приказъ его капитана и стараніе къ подъячему Посникову съ товарищи (которыхъ было 15 человѣкъ), и повелѣніе многое было; но онъ Постниковъ чинилъ ему капитану непослушаніе. И тѣ выписки учинены въ канцеляріи Рекрутнаго Счета вновь». 11 Ноября 1720 года Ушаковъ писалъ, чтобы къ этимъ выпискамъ епископъ, Ремезовъ и Киржацкій приложили руки того жъ числа, какъ выслушаютъ, не отлагая до другого дня. Если нѣтъ епископа въ Москвѣ, то чтобъ онъ прислалъ для этого довѣренную особу. И болѣе уже по тому розыску протестовъ не принимать для того, что «оное дѣло уже не первой годъ конца не имѣетъ». Епископъ отвѣчалъ, что для прикладыванія руки самому ему ѣхать невозможно, потому что ему велѣно ѣхать въ С.-Петербургъ для годоваго служенія, а послать некого, «понеже-де Ростовскаго дому служители Троицкаго монастыря о дѣлѣхъ не свѣдоми». Ушаковъ отозвался, что епископъ приложитъ руку, когда пріѣдетъ въ С.-Петербургъ.

10 Іюня 1721 года Ушакову объявленъ указъ Св. Синода о послѣдовавшей высочайшей собственноручной резолюціи на докладные пункты Синода, слѣдующаго содержанія: «на которыхъ духовныхъ оговоръ какой будетъ (кромѣ тяжкихъ государственныхъ дѣлъ) въ какомъ партикулярномъ злодѣяніи, такихъ отсылать къ Синоду, пока оные до гражданскаго суда приличны будутъ, а самихъ въ коллегіи или гдѣ индѣ не брать и не держать, и долженъ каждый челобитчикъ въ злодѣяніи на духовныхъ нигдѣ индѣ бить челомъ, только въ Синодѣ. Сіе разумѣется о брани, бою, кражѣ».

Вслѣдствіе этого указа Ушаковъ передалъ Троицкое дѣло въ Синодъ.

Въ 1722 году, 30 Іюля, Синодъ указомъ приказалъ Георгію, для рукоприкладства, быть въ Москву; но Георгій нашелъ затрудненіе исполнить этотъ указъ въ томъ, что ему велѣно быть въ Москву, а не сказано гдѣ имѣть квартиру, потому что Ростовское подворье занято Мундирной Канцеляріей; равно ничего не опредѣлено «о домо-

выхъ для дорожнаго проѣзду и о запасѣ, чѣмъ питаться». Св. Синодъ усмотрѣлъ въ этомъ доношеніи «отбывательство, нималой важности не имущее», и приказалъ явиться ему къ 14 Сентября, «безъ всякихъ письменныхъ и словесныхъ отговорокъ и отбывательствъ; понеже объявленное во ономъ его доношеніи извиненіе не точію явилось не важно, но явное показало отбывательство; ибо требуетъ нынѣ, чтобъ показана ему была отъ Синода въ Москвѣ квартира и опредѣлено бъ было взятье ему съ собою домовыхъ людей и запасовъ, а какъ напредъ сего пріѣзжалъ, тогда ни на что отъ сихъ опредѣленій отъ Синода не требовалъ, какъ и нынѣ того требовать и такимъ требованіемъ Св. Синодъ трудить было не надлежало, но подъ симъ требованіемъ явное признавается Св. Синоду презрѣніе: ибо такой задаетъ трудъ, чтобы Св. Синодъ и квартиру ему къ прибытію его пріуготовилъ, чего не точію письменно требовать, но и словесно синодальному правительству, яко правильной своей власти, предлагать было неприлично. И о той его дерзости и о надлежащемъ къ вышеозначенному числу въ Москву прибытіи послать къ нему изъ Синода Его Императорскаго Величества указъ, съ такимъ подтвержденіемъ, что ежели онъ къ помянутому опредѣленному сроку въ Москву не прибудетъ, то причтено ему будетъ такое неприбытіе къ противности и къ дерзостному синодальной власти презрѣнію; и за то по Его Императорскаго Величества указомъ и по святымъ правиламъ будетъ онъ запрещенъ».

Георгій 12 Сентября прибылъ въ Москву. 18 Сентября секретарь Герасимъ Семеновъ посылалъ къ нему подканцеляриста спросить, когда онъ назначитъ время для рукоприкладства. Георгій отвѣчалъ, что за болѣзнію назначить не можетъ, а когда хоть малое будетъ отъ болѣзни облегченіе, тогда онъ Св. Синоду дастъ о томъ извѣстіе.

Затѣмъ Св. Синодъ три раза посылалъ инквизиторовъ къ преосвященному Георгію съ выписками изъ дѣла для рукоприкладства; но онъ каждый разъ отказывался это исполнить, объясняя, что ему къ онымъ выпискамъ руки прикладывать не принадлежитъ, потому что онъ, по взведеннымъ на него обвиненіямъ, уже отвѣтствовалъ Сафонову; что «надлежитъ ему епископу оныя выписки съ подлинными дѣлами свидѣтельствовать самому», чего, «за приключшеюся ему главною болѣзнію, вскорѣ высмотрѣть не возможно; а какъ-де оныя выписки онъ высмотритъ, и тогда развѣ будетъ руку прикладывать; что выписки противъ его епископовыхъ отвѣтовъ сочинены происком Счетной Канцеляріи дьяка Василія Казаринова не существительно, на

что, въ обличеніе его, онъ предложитъ письмо, писанное къ нему епископу на Казаринова отъ нѣкоторой персоны; что Ремезовъ въ выпискахъ называетъ его воромъ, котораго «онъ, епископъ, за собою и не знаетъ, о чемъ будетъ просить суда». Наконецъ, онъ ходатайствовалъ, чтобъ «какъ выписки, такъ и подлинный сыскъ для высматриванія прислать къ нему по малому числу, чтобъ смотрѣть ему одному, безъ инквизитора, денно и ночно; а ежели-де хотя онъ станетъ смотрѣть и при инквизиторѣ, но развѣ-де имъ у него епископа быть денно и ночно, понеже-де ему вскорѣ тѣхъ выписокъ, за приключившимися ему разными болѣзнями, высмотрѣть невозможно». Въ донесеніи отъ 16-го Ноября 1722 года Георгій поставлялъ на видъ, что это дѣло уже въ 1718 году слѣдовано, вершено и собственноручнымъ подписаніемъ Государя утверждено, но что Ремезовъ и Ѳеоктистъ Второвъ, согласясь съ Ильинымъ, подали на него новые доносы, уже по отбытіи его изъ монастыря, когда отъ нихъ ничего принимать было не велѣно; а потому и подписываться ему къ оному дѣлу невозможно, чтобъ «по тому вершенному дѣлу какой противности и ему подозрѣнія не нанеслось».

21 Октября 1724 года Св. Синодъ положилъ освѣдомиться, гдѣ находятся вершеныя дѣла по доношеніямъ бывшаго казначея Троицкаго Сергіева монастыря Ѳеоктиста Второва. По этому опредѣленію посланъ запросъ въ Юстицъ-Коллегію, на который она, 3 Мая 1725 г., отвѣчала, что въ ней имѣется вершеное дѣло по доносу бывшаго казначея Второва на архимандрита Дашкова.

Въ концѣ дѣла находятся копіи съ двухъ бумагъ, повидимому не имѣющихъ съ нимъ связи и содержащихъ въ себѣ слѣдующее. Въ 1725 году синодальный оберъ-прокуроръ Баскаковъ осматривалъ и свѣрялъ съ прежними переписными книгами (полковниковъ князя Одоевскаго и Плещеева съ товарищи) ризницы Московскихъ соборовъ и нѣкоторыхъ монастырей, въ томъ числѣ и Троицкаго Сергіева. При этомъ освидѣтельствованіи въ Троицкомъ монастырѣ, противъ описи 1719 года, «не явилось дву плащей золотыхъ, которые были у мѣстныхъ образовъ въ привѣсахъ, въ томъ числѣ у одного прикрѣпленъ золотой круглый на немъ крестъ; на тѣхъ плащахъ подпись: 7118 году, Генваря въ 12 день, государь царь и великій князь Василій Ивановичъ всея Россіи приложилъ къ чудотворному образу. Третій плащъ, золотой же, съ лѣтописью; у него червонной золотой большой, прикладу его же царя Василья Ивановича». Ризничій, іеромонахъ Іосифъ Никольскій, въ допросѣ показалъ, что тѣ три плаща въ 1722 году

взяты въ Св. Синодъ. Баскаковъ, по исполненіи своего порученія, въ Январѣ 1726 г., представилъ свой отчетъ, а при немъ и выписки о недостающихъ вещахъ, въ Сенатъ. 6 Октября 1729 года Сенатъ потребовалъ изъ Синода свѣдѣнія, имѣется ли какое извѣстіе о тѣхъ трехъ плащахъ, и если имѣется, то сообщить съ него точную копію.

Но и Георгій не остался въ долгу передъ Троицкими монахами. Онъ въ 1718 году писалъ царю [1]). «Чернецы спились и заворовались. Второвъ монастырскихъ денегъ укралъ 500 р.; Ремезовъ, будучи въ Астрахани, покралъ монастырскій клей; Киржацкій пьяница и блудникъ изъ монастыря бѣжалъ, а теперь явился съ такими же ворами, со Второвымъ и Ремезовымъ, хотя своего воровства избыть. На меня доводятъ; стараются, чтобъ мнѣ нанести напасти, обвиняютъ меня въ похищеніи казны, отъ чего я себя мнѣніемъ безвременно смертельно убиваю. Клянусь Богомъ, что ни въ чемъ не виненъ. Слезно прошу объ оборонѣ, потому что не одинъ уже годъ мнѣ отъ этихъ клеветниковъ волокита и разореніе и немилостивое ругааніе, и если Ваше Величество не помилуетъ, то, конечно, меня, беззаступнаго старца, съ сего свѣта безвременно сгонятъ».

На этотъ разъ дѣло относительно разоренія Троицкаго монастыря покончилось. Главный жалобщикъ, казначей Иларіонъ Ремезовъ, изъ монастыря былъ удаленъ, и уже послѣ скитанія по разнымъ обителямъ онъ, по просьбѣ Чудовскаго архимандрита Геннадія, былъ въ 1722 г. опредѣленъ келаремъ въ Чудовъ монастырь; но, проживъ тамъ не болѣе мѣсяца, онъ вынужденъ былъ подать прошеніе объ увольненіи и о дозволеніи возвратиться по прежнему въ Троицкій Сергіевъ монастырь [2]). Въ объясненіе своей неожиданной просьбы онъ писалъ слѣдующее: «По обѣщанію своему постриженъ и жилъ я нижайшій въ Троицкомъ Сергіевѣ монастырѣ въ монашествѣ рядовымъ двѣнадцать лѣтъ и за многіе мои нижайшаго въ послушаніяхъ труды, именнымъ Его Императорскаго Величества указомъ, пожалованъ я въ тотъ Троицкой монастырь соборнымъ старцемъ, и былъ съ двадцать лѣтъ, потомъ и казначеемъ съ полтретья года. И по несытому того монастыря бывшаго архимандрита Георгія Дашкова, что̀ нынѣ Ростовской епископъ, мздоимству изъ того монастыря обруганъ и изгнанъ. И Февраля 13 числа сего 1722 года, Его Императорскаго Величества по указу и вашего святѣйшества милостивому ко мнѣ, нижайшему,

[1]) Кабинетъ, II кн., № 35.

[2]) Описаніе документовъ и дѣлъ. Т. II, ч. 2. № 148.

призрѣнію, повелѣно мнѣ быть въ Чудовѣ монастырѣ келаремъ, и отъ своея несносныя печали весьма заскорбѣлъ, за которою болѣзнію положенныхъ келарскихъ дѣлъ управить мнѣ невозможно». Прося объ увольненіи въ Троицкій монастырь, онъ прибавлялъ, что проситъ объ этомъ тѣмъ болѣе, что и по грамотѣ, какова прислана, по просьбѣ означеннаго Дашкова, изъ Монастырскаго Приказу, повелѣно его нижайшаго отъ казначейства отлучить до указу, а не вовся». Св. Синодъ, 20 Апрѣля, опредѣлилъ: «Его, Ремезова, за показанною его въ ономъ доношеніи скорбію отъ келарства уволить и отпустить на обѣщаніе въ Троицко-Сергіевъ монастырь въ братство, гдѣ пищу ему давать противъ дву братовъ».

Преосвященный Георгій и въ бытность свою Ростовскимъ архіепископомъ учинялъ духовнымъ и мірскимъ лицамъ разоренія *).

Архіепископъ Новгородскій Өеофанъ объявилъ въ Святѣйшемъ Синодѣ, что Ея Величество 23 Октября, присутствуя въ своемъ новомъ домѣ въ Кремлѣ, соизволила объявить его преосвященству: понеже-де извѣстно Ея Императорскому Величеству учинилось, что Ростовскій архіерей Георгій въ Ростовской епархіи чинилъ тамошнимъ обывателямъ и монастырямъ разореніе, того ради именнымъ своего Императорскаго Величества указомъ повелѣла изъ Святѣйшаго Синода въ Ростовскую епархію послать указъ, дабы той епархіи духовнаго и мірскаго всякаго званія люди объявляли безъ утайки, какія кому разоренія учинилъ тотъ архіерей Георгій. Святѣйшій Синодъ распорядился послать въ Ростовъ въ самой крайней скорости добраго человѣка изъ синодальныхъ подчиненныхъ и въ указѣ написать, что если кто будетъ закрывать того архіерея, то будетъ штрафованъ, объявителямъ же, по взысканіи съ того архіерея, взятое у нихъ будетъ возвращено неудержанно.

Указы въ Ростовъ, Ярославль, Романовъ, Угличъ и Пошехонье отправлены съ сѵнодальнымъ секретаремъ Павломъ Протопоповымъ, коему дана была особая инструкція: быть ему въ Ростовѣ до 20 Ноября, а въ остальные города послать указы съ служителями архіерейскаго дома; доношенія принимать и отсылать въ Святѣйшій Сѵнодъ, а самому ни въ какія свидѣтельства и разбирательства не вступать; если будетъ замѣчено какое-либо отъ кого запрещеніе обывателямъ, то хранить въ тайнѣ для словеснаго донесенія Святѣйшему Сѵноду, а что̀ покажется нетерпящимъ времени, о томъ доносить секретно

*) Тамъ же, Т. X. № 422.

безъ замедленія. 9 Декабря былъ сочиненъ краткій экстрактъ изъ всѣхъ доношеній и поднесенъ на разсмотрѣніе ея величеству.

Лихоимствомъ Георгія Дашкова и воспользовался главнымъ образомъ Ѳеофанъ. Еще во время производства дѣла о Воронежскомъ епископѣ Львѣ Юрловѣ, обвинявшемся въ томъ, что, не смотря на присланный къ нему 14 Февраля вице-губернаторомъ Пашковымъ манифестъ объ избраніи на царство императрицы Анны, Левъ 15 Февраля (въ первое Воскресенье Великаго поста) на обрядѣ Православія велѣлъ вездѣ, гдѣ надо было поминать имя Государыни, поминать «о благочестивѣйшей великой Государынѣ нашей царицѣ и великой княгинѣ Евдокіи Ѳеодоровнѣ и о державѣ ихъ», а потомъ «о благовѣрныхъ государыняхъ цесаревнѣ и царевнахъ». Объясненіе Льва слушано было въ Сѵнодѣ 20 Марта. При слушаніи его Ростовскій епископъ, Георгій Дашковъ, сказалъ: «У Воронежскаго архіерея съ Воронежскимъ вице-губернаторомъ давняя ссора, и другъ на друга пишутъ по ссорѣ. Подождать, не будетъ ли отъ губернатора какого объясненія». На этотъ разъ тѣмъ дѣло и кончилось. Вскорѣ составъ членовъ Сѵнода измѣнился: Георгій Ростовскій, Ѳеофилактъ Тверской и Игнатій Коломенскій увольнялись, и вмѣсто ихъ были избраны покорные слуги Ѳеофана. Тогда онъ возобновилъ дѣло Льва и достигъ того, что началось слѣдствіе. Разными тайными и явными путями собрали свѣдѣнія о всѣхъ его дѣйствіяхъ, къ кому онъ писалъ, съ кѣмъ сносился, у кого искалъ помощи и защиты. Но не онъ былъ мѣтою этихъ поисковъ: черезъ него добирались до другихъ лицъ. Видя силу Ѳеофана въ Сѵнодѣ и предчувствуя бѣду, Дашковъ прислалъ въ Сѵнодъ доношеніе о своей болѣзни и просилъ уволить его на обѣщаніе въ Толгскій монастырь. «Служилъ я императорскому величеству вѣрно со всякимъ подданѣйшимъ покореніемъ; а отъ Рождества Христова, тому другой годъ, отъ болѣзней своихъ тяжкихъ больше лежу, нежели хожу; и отпущенъ отъ ея величества указомъ въ епархію свою, а отъ болѣзни пользы не получилъ, и отъ случившагося въ Ростовѣ пожара и паки скорбь себѣ немалую возымѣлъ; и отвезли меня въ Толгскій монастырь къ чудотворному образу Пресвятой Богородицы, гдѣ и понынѣ пребываю; и службу божественную напредь сего совершалъ съ трудностію, а нынѣ той совершать и ставленниковъ рукополагать не могу, отчего приходскимъ людямъ въ мірскихъ требахъ имѣется нужда. А Ростовской епархіи домъ и строеніе и прочее до указу приказалъ я вѣдать домовымъ судьѣ съ товарищи. И чтобъ указомъ ея императорскаго величества повелѣно было отъ должности меня уволить и, по обѣщанію моему, быть мнѣ при чудотворномъ образѣ въ томъ Толгскомъ

монастырѣ, и пока духъ мой въ тѣлѣ моемъ есть, прекормить, а на мое мѣсто опредѣлить, кого ея императорское величество соблаговолитъ». Сvнодъ положилъ отрѣшить его отъ епархіи и, въ этомъ смыслѣ, подать докладъ императрицѣ; только ни въ Толгскій, ни въ другой какой монастырь той епархіи его не опредѣлять, «чтобы не воспослѣдовало отъ того всей той епархіи смущенія и неспокойства, съ немалымъ христіанства соблазномъ» (3-го Октября 1730 г.).

Вмѣстѣ съ этимъ докладомъ поданъ былъ другой докладъ о Львѣ. Не удовлетворившись его показаніями и считая его государственнымъ преступникомъ, Сvнодъ представилъ на высочайшее утвержденіе, «чтобы о бывшемъ Воронежскомъ епископѣ Львѣ, за его тяжкія преступленія, разыскивать и для того лишить его всего священническаго и монашескаго чина и предать на судъ гражданскій». Государыня утвердила приговоръ. Въ собраніи Св. Сvнода лишили его архіерейскаго сана и монашества и отослали въ Сенатъ.

На допросахъ въ Сенатѣ оказалось, что онъ писалъ о помощи къ Георгію и Игнатію. Вслѣдствіе этого велѣно было взять того и другого въ Москву и допросить при депутатахъ съ духовной стороны. Сvнодъ назначилъ отъ себя двухъ членовъ: Крутицкаго архіепископа Леонида и Суздальскаго епископа Іоакима (28-го Октября).

Какъ производилось слѣдствіе въ гражданскомъ судѣ, мы не знаемъ; но ровно чрезъ два мѣсяца рѣшена была участь Льва и Игнатія. 2-го Декабря Сенатъ сообщилъ Сvноду вѣдѣніе, что «высочайшимъ именнымъ указомъ велѣно бывшаго Воронежскаго епископа Льва, за извѣстную его вину, сослать въ Крестный монастырь и содержать за карауломъ въ кельѣ неисходно, и никого къ нему не допускать и чернилъ и бумаги для письма не давать. А буде къ нему отъ кого какія письма приходить будутъ, тѣ отбирать и, распечатывая, читать и отсылать къ губернатору, которому о томъ въ Сенатъ репортовать. А въ церковь допускать его за карауломъ». Въ тотъ же день рѣшена участь Игнатія: «лиша сана архіерейскаго, послать въ Свіяжскій Богородицкій монастырь».

Но самымъ главнымъ лицомъ, мѣтою Ѳеофана, былъ Ростовскій архіепископъ Георгій Дашковъ. Уже прежде онъ навлекъ на себя подозрѣніе въ нерасположеніи къ царевнамъ Іоаннова дома, за что Остерманова партія держала его, вмѣстѣ съ Игнатіемъ, подъ тайнымъ надзоромъ. Теперь, пользуясь случаемъ, Ѳеофанъ успѣлъ выставить

его предъ императрицей, какъ человѣка противнаго ей. Идя шагъ за шагомъ, онъ сумѣлъ намекнуть, что изъ-за подарковъ и непомѣрныхъ расходовъ, которыми онъ добывалъ патріаршество разорилъ, онъ свою епархію. Дѣло ведено было такъ искусно, что императрица дала Сvноду указъ произвесть слѣдствіе судебнымъ порядкомъ. «Понеже извѣстно ея императорскому величеству учинилось, что Ростовскій архіерей Георгій въ Ростовской епархіи чинилъ тамошнимъ обывателямъ и монастырямъ разореніе, чего ради именнымъ своего императорскаго величества указомъ повелѣла: изъ Св. Сvнода въ Ростовскую епархію послать указъ, дабы той епархіи духовнаго и мірскаго всякаго званія люди объявляли безъ утайки, какія кому разоренія тотъ Ростовскій архіерей Георгій учинилъ безъ всякаго опасенія и страха (24-го Октября 1730 г.)». Къ высочайшему указу Св. Сvнодъ въ своемъ указѣ прибавилъ: «Ежели кто того архіерея закрывать будетъ и разоренія или взятокъ не объявитъ, а о томъ сыщется кромѣ тѣхъ персонъ, и за то они штрафованы будутъ неотмѣнно; объявившимъ же, по взысканіи съ того архіерея, взятое у нихъ возвращено будетъ, попрежнему, неиздержанно». Для отобранія показаній посланъ клевретъ Ѳеофана и Дудина, сvнодскій секретарь Павелъ Протопоповъ. Въ данной ему инструкціи особливо наказано: «Ежели въ тамошнюю твою бытность что̀ усмотрѣть можешь, особливо изъ бывшихъ подчиненныхъ тому архіерею духовныхъ и свѣтскихъ персонъ о какихъ-либо подозрительныхъ поступкахъ, и паче всего о запрещеніи объявителямъ на онаго архіерея Георгія, и того прилежно примѣтить; а особливо можно то видѣть изъ сожалѣніевъ и тому близко подобнаго, и то содержать у себя въ тайнѣ для словеснаго Св. Сvноду доношенія».

18-го Ноября получены первыя донесенія отъ слѣдователя, а на другой день состоялось высочайшее опредѣленіе, рѣшившее участь Георгія. По слѣдствію за нимъ оказалась слѣдующая вина: «Когда сvнодальный секретарь читалъ объясненіе Льва, то Ростовскій архіепископъ Георгій сказалъ, чтобъ подождать, не будетъ ли отъ губернатора какого доношенія, и что они по ссорѣ съ губернаторомъ наносятъ другъ на друга ложно. А бывшій Воронежскій епископъ Левъ въ допросѣ показалъ, что онъ объ этомъ дѣлѣ писалъ въ Москву, прося заступленія и помощи у Ростовскаго архіерея Георгія Дашкова и притомъ послалъ ему въ презентъ чувалъ винныхъ ягодъ». Въ высочайшемъ указѣ, послѣдовавшемъ на докладѣ Св. Сvнода, сказано, что «хотя онъ, Георгій, по извѣстному дѣлу Льва явнымъ согласникомъ и не явился, однакожъ не весьма въ томъ безъ подозрѣнія остался. Притомъ же онъ уже просился на покой, на келейное обѣщаніе,

посему, какъ по первому обѣщанію, такъ и по его прошенію, оставя ему епископскій санъ, быть ему въ монастырѣ Харьковскомъ».

Это опредѣленіе было слишкомъ милостиво и не могло удовлетворить Ѳеофана. Игнатій также былъ въ монастырѣ, но потомъ опять получилъ епархію и сдѣлался членомъ Сѵнода. Ѳеофанъ не долго думалъ, какъ поправить дѣло. Въ высочайшемъ указѣ не сказано было, какъ содержать Георгія, на свободѣ или подъ арестомъ. Сѵнодъ нашелъ въ этомъ затрудненіе, а Ѳеофанъ вызвался доложить Государынѣ. Въ архивахъ отыскали подходящую справку о ссыльномъ митрополитѣ Нижегородскомъ Исаіи, который въ 1718 г. содержался въ Кириловѣ монастырѣ и получалъ пищу противъ четырехъ братій, но не имѣлъ права безъ вѣдома настоятеля ни писать, ни получать писемъ, настоятель обязанъ былъ тѣ и другія отбирать и присылать въ Москву. Сѵнодъ спрашивалъ: также ли содержать Георгія или какъ иначе? Государыня 5-го Декабря приказала представить ей докладъ съ мнѣніемъ. Это и нужно было Ѳеофану.

Тою порой, какъ длилась эта процедура, по Ростовской епархіи собраны были показанія о взяткахъ Георгія.

Въ оправданіе Георгія нельзя не сказать, что слѣдователемъ у него былъ кліентъ Ѳеофана и Дудина, снабженный особою инструкціею поднять весь соръ со дна. Въ Сѵнодѣ составили экстрактъ изъ этихъ показаній и 9-го Декабря представили Государынѣ. Теперь Ѳеофану легко было покончить съ своимъ противникомъ. Дѣло о взяткахъ не было выведено наружу бумажнымъ порядкомъ, но безъ сомнѣнія оно окончательно рѣшило участь Георгія. 8-го Декабря состоялось высочайшее повелѣніе: «за показанныя въ первомъ указѣ вины, Георгія, лиша сана, сослать немедленно подъ крѣпкое смотрѣніе въ Каменный Вологодскій монастырь. Письма, какія будетъ писать или получать, отбирать у него и присылать въ Правительствующій Сенатъ».

Прибывъ въ Вологодскій Спасо-Каменный монастырь, Георгій просилъ посхимить его. Мѣстный епископъ Аѳанасій Кондоиди донесъ объ этомъ Св. Сѵноду. Сѵнодъ доложилъ Государынѣ. Государыня разрѣшила исполнить желаніе Георгія, «если онъ проситъ объ этомъ самовольно безъ принужденія». Новаго схимника назвали Гедеономъ (Февр. 1731 г.).

Гедеонъ и въ схимничествѣ считалъ себя архіереемъ: благословлялъ, какъ прежде, всѣхъ, кто приходилъ къ нему. Въ ту пору по-

добныхъ ссыльныхъ всѣ боялись, потому что изъ-за нихъ легко было пропасть. Гедеонъ сердился на это и говаривалъ: «Для чего вы меня морите? Сказали мнѣ, что и монастырь Каменный; ажно не монастырь, а люди въ немъ живутъ каменные»; и въ сердцахъ бранилъ монаховъ «Жидами» и «непотребными». Онъ понималъ очень хорошо, кому обязанъ своимъ заточеніемъ: «я (говаривалъ онъ) архіерейства лишенъ безвинно и содержусь и стражду здѣсь занапрасно, и сослали-де въ Каменный монастырь безвинно своя братья, а Государыня того и не вѣдаетъ; однакожъ-де она до меня милостива, токмо-де я ея величеству обнесенъ отъ своей братіи напрасно».

До Ѳеофана стали доходить темные слухи, что Георгію потакаютъ, держатъ его не только въ послабленіи, но даже въ нѣкоторомъ почтеніи, что у него бываютъ разныя лица и приносятъ ему разныя вещи. Но такимъ способомъ можетъ снова завязаться дѣло и, Богъ знаетъ, чѣмъ еще кончится? Ѳеофанъ цѣлую жизнь не считалъ безопаснымъ своего положенія. Между прочимъ таково было и время, что люди въ смутахъ и проискахъ низвергали одинъ другого, чтобы въ свою очередь и себѣ ожидать такой же участи. Ѳеофанъ всѣми силами души вдался въ этотъ водоворотъ и кружился въ немъ до самой смерти. Сколько людей погубилъ онъ совершенно напрасно, измучилъ, сжегъ медленнымъ огнемъ пытки и заточенія, безъ всякого состраданія и сожалѣнія!

Чтобы разузнать обо всемъ обстоятельнѣе, Ѳеофанъ поручилъ сvнодскому оберъ-секретарю Дудину войти въ сношеніе съ кѣмъ-нибудь изъ Вологодскихъ подъ строгимъ секретомъ. Выборъ Дудина упалъ на архіерейскаго Вологодскаго секретаря Осипа Степанова.

Собравъ всѣ показанія о Георгіи и не объявляя ихъ Сvноду, Ѳеофанъ сдѣлалъ докладъ Императрицѣ и, конечно, сумѣлъ внушить, что Георгій и его сообщники не желали видѣть ее Государыней. Вслѣдствіе такого сообщенія состоялся именной указъ, чтобы для изслѣдованія дѣла послать въ Каменный монастырь надежныхъ людей.

Слѣдователи, говоритъ Чистовичъ, дѣйствовали въ томъ же духѣ, какъ и власти пославшія ихъ. Первый рапортъ ихъ Сvноду показалъ, чего ждать отъ нихъ Гедеону. «Пришедши въ келью, гдѣ онъ Гедеонъ жительство имѣетъ, и усмотря его Гедеона не въ схимонашескомъ образѣ сѣдяща, мы желали о подлинной его предерзости увѣдать и для испытанія подходили къ благословенію; и оный Гедеонъ, не яко схи-

монахъ, но яко бы архіерей, насъ благословилъ рукою... Писемъ и записокъ всякихъ осматривали со всякимъ прилежаніемъ. Книги, образы, деньги и всякія вещи описали и, кѣмъ надлежало, противъ данной намъ инструкціи, секретно слѣдовали. А при описи его скарба, увидя оный Гедеонъ тоё опись и осмотръ писемъ, злобствуя говорилъ намъ нижайшимъ продерзости, яко бы надобно намъ описать у него волосы и голову, а потомъ и въ нужникѣ учинить опись. И сколько вы чего ни ищите, сыскать у меня того не можете».

Гедеонъ думалъ, что ужъ нечего больше терять и бояться: онъ забылъ, что есть на свѣтѣ застѣнки, отъ которыхъ не защитятъ ни архіерейство, ни схимонашество. Судьба сберегла его отъ этой пытки, но все-таки унесла у него много жизни.

20 Марта 1733 года послѣдовалъ указъ изъ Тайной Канцеляріи, которымъ велѣно усилить караулъ надъ Георгіемъ, назначивъ къ этому здоровыхъ унтеръ-офицера и солдатъ изъ отставныхъ, находящихся въ Вологодской епархіи на пропитаніи, съ содержаніемъ отъ монастыря, а Вологодскому архіерею Аѳанасію былъ сдѣланъ въ присутствіи Сѵнода выговоръ за послабленіе Гедеону.

Узнику дана только одна Слѣдованная Псалтырь для чтенія и молитвы. Проученный Аѳанасій простеръ свою строгость къ Георгію до того, что не сталъ было пускать его даже въ церковь. Сѵнодъ нашелъ это преувеличеніемъ и приказалъ пускать его въ церковь за крѣпкимъ карауломъ, съ тѣмъ чтобы онъ становился въ церкви особо отъ людей, въ удобномъ мѣстѣ, и чтобъ какъ съ нимъ никто, такъ и онъ ни съ кѣмъ, въ разговоры не вступалъ. «А ежели онъ Гедеонъ проситься будетъ отъ унынія въ монастырь, то его изъ кельи, въ которой онъ содержится, выпущать позволить не на долгое время. Во время того его выходу никого къ нему ни для чего не допущать и въ келью къ нему никому ходить не позволять, подъ опасеніемъ тягчайшаго штрафованія».

И пошли опять, заканчиваетъ Чистовичъ, въ жизни Гедеона день за днемъ, недѣля за недѣлей, мѣсяцъ за мѣсяцемъ скучной чередой. Отъ него бѣгали всѣ, какъ отъ зачумленнаго. Въ 1734 году онъ заслышалъ, что въ Вологду пріѣхалъ губернаторъ. Гедеонъ хотѣлъ воспользоваться этимъ и рѣшился на крайнее средство. Онъ приказалъ своему караульному подпрапорщику объявить губернатору, что у него есть государево дѣло и что по этому онъ долженъ видѣться съ губернаторомъ. «Отъ рожденія, говорилъ онъ, какъ Богу, такъ Госу-

дарю и Государынѣ, самой и государству служу вѣрно. Я и крестъ цѣловалъ и у крѣстнаго цѣлованія подписался, что ежели увижу какой непорядокъ, то буду доносить о немъ ему, самому Государю, и нынѣ Государынѣ. Вологодскому архіерею нельзя сказать этого, потому что онъ самъ въ подозрѣніи. Меня прячутъ, хотятъ голодомъ уморить, чтобы скрыть дѣло. Ужъ и то я весь обобранъ, лежу въ одной свиткѣ». Губернаторъ, кажется, ограничился тѣмъ, что сообщилъ объ этомъ мѣстному архіерею. Въ Маѣ пріѣхалъ въ Каменный монастырь Вологодскій архіерей и спрашивалъ у Гедеона: какое онъ знаетъ за нимъ государево дѣло? Гедеонъ отвѣчалъ, что откроетъ это только самой Государынѣ. Аѳанасій донесъ объ этомъ Синоду. Было доложено Государынѣ, и 2-го Декабря 1735 года состоялось о немъ слѣдующее предписаніе: «Господа министры да генералъ и кавалеръ Ушаковъ слушали внесенное изъ Тайной Канцеляріи дѣло о содержащемся въ Вологодской епархіи, въ Спасо-Каменномъ монастырѣ, арестантѣ схимонахѣ Гедеонѣ Дашковѣ, и приговорили: онаго Дашкова за вины его, о чемъ явно по дѣлу, изъ Вологодской провинціи послать подъ крѣпкимъ карауломъ въ Тобольскую губернскую канцелярію, а изъ той канцеляріи сослать его, Иркутской епархіи, въ Успенскій Нерчинскій монастырь, и въ томъ монастырѣ содержать его, Дашкова, до смерти его никуда неисходно подъ крѣпкимъ карауломъ, не допуская къ нему, кромѣ караульныхъ, другихъ никого; пищу и одежду давать ему противъ прочихъ того монастыря монаховъ», и пр.

Отъ 11-го Апрѣля того же 1736 г. преосвященный Иркутскій рапортовалъ Синоду, что Гедеона Дашкова отправилъ въ Нерчинскій Успенскій монастырь съ строгимъ наказомъ управляющему монастыремъ іеромонаху Боголѣпу содержать арестанта такъ, какъ предписано.

Схимонахъ Гедеонъ Дашковъ скончался въ Нерчинскомъ монастырѣ 17 Апрѣля 1739 года.

Мѣстное Нерчинское народное преданіе сообщаетъ объ этомъ страдальцѣ слѣдующія свѣдѣнія *). Роста Гедеонъ былъ высокаго, сгорбленъ; глаза глубоко впалые; волосы на головѣ отъ глубокой старости пожелтѣли; постоянно молчаливъ. Трое приставленныхъ къ дряхлому старцу караульныхъ ни на шагъ отъ него не отставали. Въ храмѣ Божіемъ, когда Гедеону, большею частію сидѣвшему отъ слабости силъ на скамеечкѣ, выносили изъ алтаря просфору, строгіе

*) „Иркутскія Вѣдомости“ 1867 г.

аргусы разламывали ее и отдавали старцу не прежде, какъ по тщательномъ обзорѣ, не запечена ли въ ней какая хартія. Разъ одинъ изъ этихъ охранителей сдѣлался боленъ, и настоятель Нерчинскаго монастыря іеромонахъ Боголѣпъ требовалъ на перемѣну больного изъ мѣстной воеводской канцеляріи другого солдата, парня дюжаго, чтобы могъ справиться съ арестантомъ, а арестантъ старецъ едва двигался! Гедеонъ посадилъ своими руками въ монастырской оградѣ кустъ бузины, который разросся и близъ него покоятся теперь его страдальческіе останки. Кустъ не истребленъ временемъ, и жители Нерчинска часто, особенно въ критическихъ случаяхъ какого-нибудь недуга, прибѣгаютъ къ нему, какъ къ вѣрному средству цѣленія, и по вѣрѣ ихъ бываетъ имъ.

Знаменитый арестантъ писалъ отецъ Сулоцкій *) скончался, болѣе ненуженъ надъ нимъ надзоръ дюжихъ охранителей. Но отъ него осталось ничтожное имущество, къ которому однакожъ не осмѣлилось прикоснуться мѣстное начальство, ни свѣтское, ни духовное, безъ разрѣшенія Конторы тайныхъ розыскныхъ дѣлъ. Въ тоже время, какъ о кончинѣ страдальца доведено было до свѣдѣнія Иркутскаго епископа Иннокентія II, воевода Нерчинскій поспѣшилъ донести съ своей стороны Иркутской провинціальной канцеляріи, съ приложеніемъ реестра оставшихся послѣ усопшаго вещей, а сія послѣдняя сейчасъ отправила доношеніе въ канцелярію тайныхъ дѣлъ. 9 Января 1740 года послѣдовало рѣшеніе такое: святыя иконы, книги и платы отдать въ Нерчинскій Успенскій монастырь, первыя въ достояніе церковное, а послѣднее раздѣлить монахамъ. Извѣщенный о такомъ рѣшеніи тайной канцеляріи, преосвященный Иннокентій предписалъ указомъ намѣстнику Іову: два образа Спасителя и Богоматери въ серебряныхъ съ позолотою по полямъ окладахъ и книги: Евангеліе, апостолъ, требникъ, двѣ псалтири слѣдованную и толковую, записать на приходъ по монастырю; а изъ платяныхъ вещей шубу лисью поношенную, крытую черной канфой, и другую же лисью поношенную, крытую баберекомъ, и полукафтанье лазорева цвѣта, стеженое на бумагѣ, взять намѣстнику, а прочее раздать братіи по приложенному къ указу расписанію. Но прежде чѣмъ указъ этотъ былъ полученъ въ монастырѣ, Нерчинскій управитель Илья Чемесовъ, въ силу полученнаго по своей части предписанія, уже распорядился раздѣломъ, вслѣдствіе котораго намѣстникъ получилъ двѣ шубы; іеромонахъ Симеонъ—стеженное полукафтанье; іеромонахъ Гедеонъ Филимоновъ—бѣлью шубу, крытую

*) „Иркутск. Епарх. Вѣд.“ 1867 г.

камкой, двѣ свитки бѣлыхъ и пуховую подушку; іером. Боголѣпъ Нецвѣтаевъ—одѣяло; іеромонахъ Савватій Колычевъ—ветхую лисью шубу и пуховую подушку, монахъ Іосифъ Новограбленныхъ—пуховую перину и двѣ свитки бѣлыхъ; монахъ Иларіонъ Мелентьевыхъ, двѣ свитки, черную да бѣлую; монахъ Ѳеодосій Бушуевъ, холодное одѣяло, пуховую подушку и двѣ свитки бѣлыхъ; монахъ Моисей Куташевъ, тюфякъ стеженый да одинъ свитокъ бѣлый. И замѣчательно, что вмѣстѣ съ иконами и книгами, записанными въ монастырскую казну, туда же поступили, кромѣ таза зеленой мѣди, ветхій пологъ и такой же ветхій стеженый на бумагѣ камчатный колпакъ покойнаго. Не имѣли ли эти главотяжи и убрусы какого особеннаго значенія для братіи монастыря?

Такова исторія человѣка, за восемь лѣтъ передъ смертію своею конечно не державшаго въ помыслѣ, что жизнь его томительно окончится на крайнихъ предѣлахъ Дауріи.

А. Титовъ.

ИЗЪ ПИСЕМЪ КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ.

Письма графа Д. Н. Блудова.

I.

Лондонъ, 19 (31) Марта 1819, въ полночь.

Здравствуй, любезная Свѣтлана. Я думалъ, что не успѣю писать къ тебѣ сегодня; и въ самомъ дѣлѣ, недостатокъ времени, а еще болѣе недостатокъ здоровья и слѣдственно силъ, едва дозволяютъ мнѣ взяться за перо. Но ужъ при самомъ отправленіи курьера, я вдругъ почувствовалъ что-то похожее на движеніе Швейцарца, который въ чужбинѣ слышитъ родимую пѣсню. Мнѣ захотѣлось, захотѣлось такъ сильно сказать тебѣ... что нибудь, напримѣръ, что я тебя люблю и обнимаю, какъ люблю, то-есть отъ всего сердца. Должно ли прибавлять, что и благодарю тебя за твою грамотку позднюю, но милую? Я получилъ ее, какъ благодѣяніе, и, говоря безо всякой метафоры, этотъ голосъ съ родины, голосъ дружбы, скажу еще и голосъ порядочнаго человѣка (что̀ мнѣ рѣдко случается слышать) освѣжилъ меня по крайней мѣрѣ на нѣсколько времени въ моральномъ и физическомъ смыслѣ. Такая помощь всегда нужна человѣку, который привыкъ жить сердцемъ; но въ моемъ теперешнемъ положеніи она сто разъ нужнѣе. На сихъ дняхъ я писалъ къ Северину, что я желтѣю и вяну какъ растеніе. Это совершенная правда: страдаю, томлюсь тѣломъ и духомъ. Потерявъ здоровье, я потерялъ и бодрость и послѣднюю довѣренность къ себѣ, слѣдственно и всякое стремленіе къ будущему: оно въ моихъ глазахъ почти какъ настоящее, совсѣмъ безъ цвѣта, и если бы мнѣ иногда не случалось вспоминать, что я другъ Карамзина, Жуковскаго, Тургенева, Батюшкова и т. под., однимъ словомъ Арзамасецъ, то конечно ужъ давно бы причислялъ себя къ тѣмъ людямъ, которые хуже глупцовъ, хотя и не такъ глупы.

Оставимъ это. Я тебя благодарилъ, теперь побраню. Возможно ли, Свѣтлана? Ты забываешь порученія дружбы, когда они касаются до помощи бѣднымъ. Отдавъ пятьсотъ рублей Аѳанасьеву и триста (над-

лежало бы триста пятьдесятъ) Аноховой, ты еще не сдѣлалъ главнаго: не выкупилъ на другіе пятьсотъ несчастныхъ должниковъ изъ Московскаго магистрата (знаешь по какому обѣщанію). Пошли эти деньги скорѣе въ Москву къ какому нибудь надежному человѣку, да сдѣлай милость опять не забудь: заклинаю тебя Богомъ и нашею дружбою, облегчи мою совѣсть. Сверхъ этого ты мнѣ долженъ за Malte-Brun и Sismondi, по Парижскимъ цѣнамъ (помнишь наши условія) 150 франковъ, т.-е. 125 рублей; отдай ихъ по твоему собственному усмотрѣнію тому, кто можетъ имѣть истинную нужду въ сей малой помощи; напримѣръ, этому слѣпому унтеръ-офицеру, который гуляетъ по Переспективѣ съ маленькой дѣвочкой[1]).

Затѣмъ прости. Книги, которыя ты отъ меня требуешь, я пришлю къ тебѣ весною съ первымъ кораблемъ. Постарайся и ты прислать мнѣ чего нибудь нашего. Обойми Карамзина, Арфу[2]), брата ея, Салтыкова, Плещеева и всѣхъ Арзамасцевъ, не забывъ въ особенности нашего вѣрнаго и бѣднаго Журавля[3]). Говорятъ, что онъ опять очень боленъ; скажи ему въ утѣшеніе, что я отъ другихъ причинъ, но конечно не здоровѣе его. Прости, Свѣтлана. Я не получилъ твоего журнала «Для немногихъ», пришли мнѣ его; пришли и печатный экземпляръ стиховъ на рожденіе великаго князя Александра и все, что̀ напечатаешь, по крайней мѣрѣ, ибо я ужъ не смѣю просить рукописнаго. Дай вѣсть о Вяземскомъ и Пушкинѣ[4]) и объ ихъ садахъ то-есть твореніяхъ. Съ Батюшковымъ надѣюсь открыть прежнія сношенія. Доѣхалъ ли онъ? Да, что̀ дѣлается съ вторымъ изданіемъ исторіи и съ десятымъ томомъ? И что̀ дѣлаетъ самъ безцѣнный нашъ исторіографъ? Еще разъ обойми его и поцѣлуй ручку у Катерины Андреевны. Мнѣ кажется, что я васъ всѣхъ люблю еще больше прежняго. Прости, другъ.

Твой навсегда Кассандра.

Да, не забудь сказать Николаю Михайловичу, что я не поправляю никакихъ переводовъ ни исторіи его, ни Марѳы Посадницы, не смотря на докуки переводчиковъ, издателей, пріятелей (то-есть Кривцова) и посланниковъ (то-есть Поццо). Не поправляю ради многихъ причинъ: потому что не въ состояніи, потому что не имѣю времени, наконецъ и особенно потому, что эти переводы и очень невѣрны и очень глупы, и исправить ихъ, кажется, никто не можетъ.

---

[1]) Т. е. по Невскому проспекту, тогда засаженному посреди улицы деревьями. Графъ Д. Н. Блудовъ до конца дней своихъ щедро помогалъ бѣднымъ. Въ дни, когда онъ получалъ жалованье, случалось, что, по возвращеніи съ утренней прогулки, карманы его оказывались пусты. П. Б.

[2]) Александра Ивановича Тургенева.

[3]) Вигеля.

[4]) Васильѣ Львовичѣ.

II.

Лондонъ, 30 Авг. (11) Сент. 1819.

Другъ всегда любезный! Мы ничего не знаемъ о тебѣ, но желаемъ однакоже, чтобы ты хотя изрѣдка узнавалъ о насъ и о томъ, чтó случается довольно важнаго въ нашемъ семействѣ. Оно на сихъ дняхъ еще умножилось: Анна Андреевна родила сына. До сихъ поръ эта вѣсть только обо мнѣ и моихъ. Вотъ что касается до тебя: мы своего новаго мальчика назвали Вадимомъ [1]). Пусть думаютъ другіе, что такое необыкновенное имя есть дань воспоминанію о героѣ (можетъ быть баснословномъ) нашей древней исторіи; но мой герой новѣе, и ты въ этомъ названіи Вадима долженъ слышать голосъ дружбы, который побѣждаетъ разстояніе. Скажу больше: оно есть родъ завѣщанія моимъ дѣтямъ о сей вѣчной, незабвенной дружбѣ.

Незабвенной, сказалъ я. А ты, кажется, уже забываешь ее? Однакоже, другъ, не подумай, что я сержусь на тебя. Нѣтъ, Свѣтлана, я не хочу сердиться, вѣроятно и не долженъ, сверхъ того и не въ силахъ: во мнѣ скоро не будетъ никакого живого чувства. Здоровье мое становится часъ отъ часу слабѣе, скуднѣе, ненадежнѣе; я не умеръ еще, можетъ быть, и не умираю, но *мертвѣю*. Это едва ли не хуже [2]).

III.

Карлсбадъ, 2 (14) Іюля 1821.

Злодѣй Свѣтлана! Ты уѣхалъ, не давъ мнѣ копіи своего письма объ Мадоннѣ, Саксонской Швейцаріи и проч. и проч. Такъ ли исполняютъ обѣщанія? Такъ ли помнятъ просьбы друзей? Исправь вину, пришли мнѣ хотя изъ Цюриха, но поскорѣе, свою интересную тетрадку описаній, и пожалуйста не бойся меня разорить: моего здѣшняго имущества, кажется, еще станетъ на заплату вѣсовыхъ денегъ. Буду ждать отъ тебя не только съ нетерпѣніемъ, но даже съ нѣкоторою надеждою, этой почти нѣмой и безъ сомнѣнія нетрудной отповѣди. Авось либо лѣнь дозволитъ тебѣ сдѣлать пакетъ и написать на немъ: à m-r, m-r Bloudoff à Carlsbad, не болѣе. Между тѣмъ, простирая исполинскія объятія дружества отъ кипучаго Шпруделя къ гремящему водопаду Шафгаузенскому, говорю тебѣ: прости, забывчивая, сонная, бѣглая дѣва Арзамаса! Не проспи, не прогуляй памяти о своихъ братьяхъ и сестрахъ, истинно одногородныхъ... Твой Д. Кассандра.

---

[1]) Имя св. Вадима значится въ святкахъ подъ 9-мъ числомъ Апрѣля мѣсяца. Графу Вадиму Дмитріевичу Блудову, доблестному участнику Севастопольской обороны, полученная рана воспрепятствовала проявить на дальнѣйшей службѣ высокія дарованія его.

[2]) Графъ Д. Н. Блудовъ † 19 Февраля 1864 г., 79 лѣтъ отъ рожденія.

P. S. Наполеонъ умеръ; эта смерть вѣрно не уйдетъ отъ Байрона; но отъ тебя, друга, мы требуемъ не Сентъ-Эленскаго, а Константинопольскаго и Одескаго трупа *)... Прости.

IV.

Изъ Петербурга. 9 Іюня (1822).

Еще не получа твоего письма, я, любезный другъ, безпрестанно собирался писать къ тебѣ и, получивъ отъ тебя нѣсколько строкъ, дѣлаю тоже. Мнѣ хотѣлось написать побольше, сказать обо всемъ или о многомъ, и для того всегда казалось мало времени. Такимъ образомъ я откладывалъ день ото дня и самъ дивился своей лѣни. Наконецъ вздумалъ, что ты можешь почесть эту лѣнь чѣмъ нибудь другимъ; признаюсь, что испугался этой мысли и скорѣе берусь за перо, чтобъ написать что нибудь, только написать, увѣрить тебя въ своей дружбѣ и просить о твоей. Это будетъ главнымъ дѣломъ нынѣшняго письма моего и, сказать между нами, я немного стыжусь, что принужденъ дѣлать съ тобою такую *ратификацію* дружества. Вотъ къ чему приводитъ нерадѣніе: вмѣсто того, чтобы въ годъ, прошедшій послѣ нашей разлуки, намъ уже написать двадцать писемъ другъ къ другу и найти въ этой пересылкѣ мыслей что нибудь пріятное, можетъ быть и полезное (разумѣется для насъ), мы въ цѣлый годъ не хотѣли сказать слова, были мертвыми одинъ для другого, и первыя наши письма принуждены сдѣлать изъясненіемъ. Но чья вина? Признаюсь, что моя: я не хотѣлъ самымъ маленькимъ трудомъ купить самое вѣрное удовольствіе. Признаю́сь и усердно прошу, чтобы ты простилъ меня. Увѣряю, что думалъ о тебѣ почти безпрестанно. Но ты знаешь самъ, что думать и писать не одно, особливо, когда потеряешь привычку, особливо, когда мысли тѣснятся въ головѣ или, лучше сказать, основы мыслей (думаю, что ты поймешь меня), тогда писать очень трудно; а думать о другѣ всегда пріятно. И такъ, милый другъ, еще разъ прошу тебя позабыть о моемъ глупомъ молчаніи; я постараюсь забыть о немъ и самъ, и мы начнемъ переписку самую исправную, такую какъ должно. Даю тебѣ вѣрное слово тотчасъ отвѣчать на твои письма. Требую отъ тебя такого же обѣщанія и увѣренъ, что мнѣ (надѣюсь, что и намъ) не будетъ скучно. Будемъ говорить о своихъ дѣлахъ и мысляхъ, иногда, только изрѣдка, о чувствахъ; всего чаще о планахъ своихъ, ибо я все живу на Парнассѣ только планами. А ты, мой другъ, сотворилъ ли что нибудь? Все это прекрасно, но прежде я долженъ отвѣчать на вопросъ твоего послѣдняго письма. Хочу сыскать его, чтобы отвѣчать лучше. Ты спраши-

*) Т. е. стиховъ на гибель патріарха Григорія, трупъ котораго приплылъ въ Одессу.

ваешь меня о моихъ чувствахъ къ тебѣ и хочешь, чтобы я сказалъ о нихъ искренно, хочешь заплатить мнѣ такою же довѣренностію. Не знаю, что̀ ты скажешь мнѣ, но увѣренъ, что искренность моя не будетъ тебѣ непріятна. Я хочу сказать о своихъ чувствахъ довольно страннымъ образомъ. Приведи себѣ на память, если можешь, нѣсколько дней моего журнала *), которые я читалъ тебѣ здѣсь, и позволь мнѣ выписать изъ него нѣсколько строкъ; увидишь, для чего. *«Не буду писать и говорить о своихъ горестяхъ ни съ кѣмъ и никогда или почти никогда. Это въ моемъ характерѣ. Только странно, что я всегда очень много говорю объ нихъ Жуковскому тогда, когда онъ за тысячу верстъ отсюда. Подумаютъ, что я пишу къ нему; нимало! Но собираюсь писать. Ночью, когда сердце у меня терзается, я всегда въ своихъ слезахъ, въ отчаяніи, жалуюсь на все Жуковскому. Но онъ не слышитъ меня, и, вѣроятно* и проч. Теперь, любезный другъ, позволь мнѣ сдѣлать тебѣ вопросъ: неужели человѣкъ, къ которому ты прибѣгаешь въ часы отчаянія, котораго избираешь въ повѣренные сердца, даже зная, что онъ не слышитъ нашихъ довѣренностей и не можетъ утѣшить въ печали, этотъ человѣкъ есть-ли чужой для насъ? Нѣтъ, мой другъ! Ты знаешь самъ, что сильнѣйшіе знаки чувства видны въ мысляхъ, а не въ дѣлахъ. И для того я позволилъ себѣ вспомнить о своемъ журналѣ. Въ наши лѣта, особливо, когда имѣешь страсти, можно часто дѣлами противорѣчить чувствамъ. Я самъ бываю несчастнымъ доказательствомъ этого, и не съ тобой однимъ. Прибавлю только къ тому, что̀ ты видѣлъ въ подчеркнутыхъ строкахъ: мои чувства къ тебѣ не перемѣнились и *не могли* перемѣниться. Отдай себѣ и мнѣ эту справедливость. Скажу тебѣ вещь весьма обыкновенную, но съ чувствомъ можетъ быть не столь обыкновеннымъ; скажу, что я люблю тебя душевно и повторяю словами, которыми ты говорилъ о человѣкѣ, достойнѣйшемъ меня твоей дружбы: могу восхищаться твоею радостью и мучиться твоими страданіями. Теперь я буду ждать твоего отвѣта. Надѣюсь, что ты любишь меня столько же, сколько я тебя. Но если увижу, что ошибаюсь (чего однакоже я не думаю), то признаюсь, что это огорчитъ меня, однакоже не отниметъ надежды: дружба не есть любовь; она родится отъ благодарности, т.-е. отъ благодарности за чувства.

Что̀ сказать тебѣ, мой другъ, о твоихъ знакомыхъ? А. Тургеневъ, который больше для насъ чѣмъ знакомый, здоровъ также какъ я, любитъ тебя также, какъ я, и лѣнится писать также какъ я. Однакожъ будетъ писать въ этомъ письмѣ, ибо я его отвезу къ нему и застав-

*) Этотъ журналъ, сколько намъ извѣстно, не сохранился. П. Б.

лю приписать нѣсколько строчекъ. Сухотины здоровы и точно въ томъ же положеніи, въ какомъ ты оставилъ ихъ. Кайсаровы таковы же, какими ты ихъ видѣлъ, кромѣ Михайлы, о которомъ дошли до меня странные слухи. Ты вѣрно уже знаешь обо всемъ. О Мерзляковѣ нечего говорить: каждая книжка Вѣстника увѣдомляетъ объ его трудахъ, а труды, какъ извѣстно, подкрѣпляютъ здоровье. Теперь, милый другъ, осталось мнѣ говорить съ тобой о двухъ вещахъ важныхъ для меня: о тебѣ и о мнѣ. Но позволь мнѣ обнять тебя до завтрашняго утра. Теперь я очень усталъ и хочу спать, а намѣренъ говорить съ тобою долго.... Оставлю, и до слѣдующаго письма. Теперь обстоятельства мѣшаютъ мнѣ писать, и боюсь, чтобы это письмо опять не залежалось въ ожиданьи. Прости, любезный Жуковскій, обнимаю тебя и прошу еще разъ, чтобы ты не замедлилъ отвѣтомъ.

2 Іюля.

Мой адресъ: *Противъ Владимірской церкви, въ домѣ княгини Урусовой*, или въ Иностранной Коллегіи, гдѣ бываю нынѣ каждый день [1]).

Приписка А. И. Тургенева.

Не думай, братъ Василій Андреевичъ, чтобы я Блудову былъ обязанъ удовольствіемъ писать къ тебѣ. Нѣтъ, мы другъ другу обязаны этимъ, потому что ежедневно, или при каждомъ нашемъ свиданіи, укоряли мы другъ друга за то, что къ тебѣ не писали. Слѣпая лѣнь единственная тому причина. Ты вѣрно не такъ думаешь, какъ ты писалъ къ С., и я никогда не могъ забыть тебя во-первыхъ изъ благодарности за ... но я не скажу за что; во-вторыхъ изъ искренней душевной любви. Право, братъ, мы ни о чемъ съ такимъ удовольствіемъ не говоримъ съ Блудовымъ какъ о тебѣ, и ты, какъ невидимый геній, соединяешь руки и сердца наши. Знаешь ли, что я теперь началъ тебя болѣе прежняго любить, отъ того что чѣмъ я болѣе живу, чѣмъ обширнѣе становится мое знакомство, тѣмъ напротивъ сердце мое стѣсняется, ибо вездѣ нахожу я une disette d'hommes. Ah! Cachons nous, passons etc. О твоей бездѣйственности я болѣе жалѣю, нежели ты самъ. Что ты голосу не подаешь о себѣ публикѣ? Зачѣмъ не кончилъ переводъ Элегіи Парни? И я наконецъ знакомлюсь съ Французской литературой и знаю уже, что Brisson..... писанъ не Расиномъ. Теперь пишу или лучше выписываю о.... но послѣ узнаешь. Покуда прости. Домашнія обстоятельства мои невеселыя [2])... Здѣсь мнѣ изрядно. Пріѣзжай сюда. Твой Тургеневъ.

---

[1]). Покинувъ мѣсто совѣтника посольства въ Лондонѣ, Д. Н. Блудовъ занимался въ Петербургѣ переводомъ и изданіемъ актовъ Вѣнскаго Конгресса. П. Б.

[2]) Братья Тургеневы довольно терпѣли отъ суроваго нрава своей матери. П. Б.

V.

Милая Свѣтланушка! Не сердись на меня: я не думалъ отказываться отъ примѣчаній на Ивановъ Вечеръ [1]), и даже началъ писать ихъ въ прошедшую Субботу. Вѣроятно кончилъ бы въ Воскресенье, но въ этотъ день мы вдругъ рѣшились перебираться въ городъ; перебрались и еще не разобрались: я до сихъ поръ безъ перьевъ, безъ чернилъ, безъ книгъ и посереди пыльнаго тумана. Не смотря на то, постараюсь приготовить что-нибудь къ Четвергу. Если не успѣю, то хоть въ концѣ недѣли пришлю къ тебѣ въ Павловское свои примѣчанія и замѣчанія историко-критико-полемическія. Прости, до свиданія. Твой или твоя Д. Б. Кассандра.

Вторникъ, 4-е Сентября (1822).

VI.

Милый другъ, Жуковскій! Я узналъ объ твоемъ несчастіи за обѣдомъ у Румянцова. Какъ скоро могъ, поѣхалъ къ тебѣ, но ужъ поздно. Жалѣть ли, что я не видѣлъ тебя, что ты не видѣлъ меня, въ первую ужасную минуту? Разумѣется, я не имѣлъ глупаго намѣренія утѣшать; а горесть другихъ, самая искренняя, развѣ только мѣшаетъ нашей и конечно не уменьшаетъ ея. И можно ли даже желать этого? Но мнѣ хотѣлось тебя видѣть, и грустно, что не удалось. Мнѣ кажется, будто, не столько для меня, а и для тебя это—потеря. Отъ того пишу къ тебѣ, не дожидаясь почты, хотя не знаю, что̀ сказать, да и нужно ли, чтобы было что нибудь сказано? Какъ видъ и пожатіе руки, такъ и письмо въ иныхъ случаяхъ могутъ говорить безъ словъ: нечего объяснять тебѣ, что́ я чувствую вмѣстѣ съ тобою.

Прости. Если можешь, спокойся, старайся заняться другимъ; объ утѣшеніи думать нельзя и не должно. Если можешь, скажи мнѣ слово о несчастныхъ свидѣтеляхъ смерти М. А. [2]) и объ себѣ. Твой А. Блудовъ.

Середа, 21-го Марта (1823).

VII.

(1823 Апрѣль).

Любезный, безцѣнный другъ! Я долго не отвѣчалъ на твое грустное и любезное письмо, во-первыхъ потому что былъ нѣсколько дней сряду болѣе обыкновеннаго и даже очень боленъ, во-вторыхъ потому что и отвѣчать нечѣмъ. Теперь пишу къ тебѣ, только чтобы спросить: каковъ ты, каковы твои? Скажи слово... Можетъ быть, я ошибаюсь; но мнѣ кажется, что о твоей горести легче и лучше говорить тебѣ

---

[1]) Нѣкоторыя изъ этихъ примѣчаній къ „Смальгольмскому Барону“ печатаются обыкновенно въ сочиненіяхъ Жуковскаго. П. Б.

[2]) Т. е. Марьи Андреевны Мойеръ († въ Дерптѣ 19 Марта 1823). П. Б.

самому, нежели другому и даже мнѣ съ тобою. Что̀ твое здоровье? Имѣешь ли какое нибудь намѣреніе и какое? Карамзинъ, Дашковъ и всѣ наши тебѣ кланяются. Знаешь ли о несчастномъ Батюшковѣ? Онъ уже начиналъ рѣзаться, и Богъ вѣдаетъ, какъ ему помѣшали на этотъ разъ... О, судьба! О, жизнь человѣческая! Съ этими мыслями (ты не почтешь ихъ обыкновенными фразами) я началъ свой 39-й годъ: достойно ипохондрика! И какъ въ такомъ расположеніи думать о будущемъ? Я и не думаю, по крайней мѣрѣ о своемъ. Прости. Твой навсегда Д. Б.

P. S. По письму твоему къ Плетневу и я опять началъ держать корректуру Пѣвца въ станѣ Русскихъ. Еще разъ прости; обнимаю тебя, какъ люблю, отъ всего сердца.

VIII.

(1823).

Пишу тебѣ два слова, чтобы не упустить вашей придворной коляски: два слова, разумѣется, о Батюшковѣ [1]). Въ Воскресенье, послѣ многихъ свиданій, конференцій, вздоховъ и прочаго, совсѣмъ было рѣшились перевезти его въ Среду, то есть завтра поутру, не въ домъ Рибаса, а къ славному доктору и доброму человѣку, который уже имѣлъ на рукахъ такого больнаго и очень усердно брался ходить за нашимъ. Нужно было только приготовить комнаты, и я ждалъ Середы, чтобы увѣдомить тебя о чемъ-нибудь похожемъ на окончаніе (или начало, какъ угодно назвать это); но въ сію самую минуту получаю отъ Тургенева записку. Прочти ее и подивись странной судьбѣ всего, что̀ касается до нашего бѣднаго Торквато, слишкомъ вѣрно повторяющаго, если не всѣ таланты и славу, то всѣ ужаснѣйшія несчастія своего Италіянскаго образца. Прости, твой Д. Блудовъ [2]).

IX.

(1823).

Что̀ сказать тебѣ о Батюшковѣ и нашей конференціи? Она, какъ и прежняя, не произвела ничего. Миллеръ объявилъ, что онъ лелѣялъ надежду уговорить больного лѣчиться, но потерялъ ее; что насильно

---

[1]) Больной К. Н. Батюшковъ лѣтомъ 1823 года перевезенъ былъ изъ Симферополя (гдѣ онъ нѣсколько разъ покушался лишить себя жизни) въ Петербургъ и поселился у Е. Ѳ. Муравьевой на дачѣ, на рѣчкѣ Карповкѣ, но продолжалъ чудодѣйствовать и былъ перевезенъ на другую дачу. П. Б.

[2]) На оборотѣ: „Его высокоблагородію Василію Андреевичу Жуковскому, въ Павловскомъ или въ Гатчинѣ“.

лѣчить его трудно, даже опасно, и что для этого надобно удалить сестру и надобно такія средства и помощника, какихъ онъ не берется сыскать въ Петербургѣ. Мысль его, которой онъ не скрываетъ, есть отправить Батюшкова въ Зонненштейнъ, а роднымъ этого не хочется. На что они рѣшились и рѣшатся ли на что-нибудь, не знаю. К. Ѳ.*) думала совѣтоваться съ Карамзинымъ; я съ своей стороны сказалъ, что не смѣю дать никакого совѣта, не имѣя никакого мнѣнія; что друзья Батюшкова могутъ быть не лѣкарями, а развѣ только лѣкарствомъ его. Прости, разсказывать больше нечего. Твой Д. Б.

X.

(1823).

Другъ Жуковскій! Ты живешь въ Павловскѣ, но по крайней мѣрѣ въ сосѣдствѣ Царскаго Села. Сдѣлай милость узнай и дай мнѣ знать, каковъ нашъ почтенно-любезный исторіографъ. Меня вчера Кочубей напугалъ, сказавъ, что у него сильная желудочная горячка или лихорадка, не знаю: fièvre gastrique. Прости, отвѣчай мнѣ хотя полусловомъ. Твой Д. Блудовъ.

Вторникъ 5-е Іюля. Адресъ: Его высокоблагородію, м. г. моему Василію Андреевичу Жуковскому. Въ Павловскѣ, въ Александровскомъ дворцѣ.

XI.

(1823).

Спасибо тебѣ, другъ милый, тысячу разъ спасибо за твои вѣсти объ нашемъ безцѣнномъ и нашемъ, славу Богу, кажется, спасенномъ исторіографѣ. Твои записки рѣдко давали мнѣ надежду и никогда не сказывали новаго, ибо я имѣлъ другія свѣжія извѣстія отъ Миллера, котораго видѣлъ всякій день, и такъ сказать, всегда удачно ловилъ на возвратномъ его пути изъ Царскаго Села. Не смотря на то, я читалъ тоже съ жадностью и твои повѣстки, зная, какъ и въ горести и въ безпокойствѣ утѣшительно говорить съ другомъ о другѣ. Мы, переписываясь, какъ будто были вмѣстѣ и вмѣстѣ томились страхомъ и ожиданіемъ, не скажу надеждою: я не смѣлъ имѣть ее. И теперь я все еще не смѣю совершенно повѣрить радостнымъ извѣстіямъ Миллера, а такъ вѣрилъ ему, когда онъ проявлялъ сомнѣніе! Ахъ, надобно видѣть человѣка въ опасности, чтобы узнать, какъ любишь его и какъ все ненадежно. Понимая и, можетъ быть, дѣля со мной это чувство, продолжай же сказывать мнѣ, каковъ нашъ милый больной, возвра-

---

*) Екатерина Ѳедоровна Муравьева.

щаются ли къ нему силы, и взяты ли предосторожности противъ рецидивы и новой опасности.

Что́ сказать тебѣ о Батюшковѣ? Онъ въ Понедѣльникъ говорилъ, что еще не знаетъ, когда переѣдетъ на дачу и какую дачу рѣшится взять, а вчера вдругъ переѣхалъ, и я доселѣ не успѣлъ его отыскать. Этотъ больной меня безпокоитъ инымъ образомъ. Кажется, судьба назначаетъ ему жить и быть неизлѣчимымъ. Объ перстнѣ я не слыхалъ; вѣроятно это сказка, и не должно желать, чтобы она дѣлалась исторіей: такое награжденіе можетъ только разсердить его. Занимать его, я думаю, будутъ по прежнему. Впрочемъ, когда я видѣлся съ Северинымъ (третьяго дни на улицѣ и на минуту), то мы съ нимъ мало говорили о Батюшковѣ, а больше о Карамзинѣ; онъ повидимому очень радовался, а я еще боялся радоваться. Да! Батюшковъ велѣлъ кланяться тебѣ и сказать, что *онъ сдержитъ слово во всей силѣ слова* (разумѣешь, что̀ онъ подъ этимъ разумѣлъ), и потомъ сочинилъ экспромптомъ пародію твоихъ стиховъ къ нему, прибавивъ:

Какъ бѣшеный, ищу развязки
Своей непостижимой сказки,
Которой имя: свѣтъ!

Вотъ его состояніе и, кажется, онъ можетъ изъ него быть излѣченъ только какимъ нибудь новымъ сильнымъ чувствомъ; я въ этомъ увѣрился, видя, какъ надъ нимъ подѣйствовалъ одинъ слухъ объ опасности Карамзина. «Что̀ бы я далъ, чтобы спасти его?» говорилъ онъ. Не жизнь свою, потому что презираю ее». Прости. Твой навѣки Д. Б.

Четвергъ, 14 Іюля.

XII *).

Петербургъ, 21 Іюля (1823 г.).

Пишу тебѣ два слова, другъ любезный, только чтобы сказать, что по твоему приглашенію и моему давнишнему желанію я буду въ Царское Село, и, какъ ты самъ назначилъ, въ Субботу, послѣ завтра. Явлюсь и въ Павловскъ, если ты не въ Царскомъ Селѣ. Потомъ, взглянувъ на нашего милаго больного (надѣюсь, что его уже можно видѣть) и отобѣдавъ въ трактирѣ, отправимся вмѣстѣ въ Петербургъ; можетъ быть, еще успѣемъ попасть и къ Батюшкову, который мнѣ уже много разъ говорилъ, что ждетъ тебя нетерпѣливо. Онъ, кажется, сталъ еще упрямѣе съ тѣхъ поръ, какъ на дачѣ и въ большемъ противъ прежняго уединеніи: не хочетъ видѣть ни Муравьевыхъ, ни се-

---

*) Гдѣ подлинникъ этого письма, намъ неизвѣстно. Перепечатываемъ его изъ приложеній къ сочиненію Л. Н. Майкова о Батюшковѣ (стр. 328).

стры, ни брата, хотя на сестру не сердится. Вчера мнѣ открылось, что у него въ головѣ, такъ сказать, полная система баснословія о судьбѣ его и гонителяхъ. Кто же глава этихъ гонителей? Ты засмѣешься, когда узнаешь; но какой печальный смѣхъ! Ахъ, другъ милый, какъ часто бываетъ грустно жить въ здѣшнемъ, хотя безъ сомнѣнія, прекрасномъ свѣтѣ! Ты называешь свои стихи развалинами; могъ бы также назвать и друзей своихъ, почти всѣхъ: взгляни на это помраченное свѣтило Батюшкова и на меня, обломокъ недостроеннаго зданія, и на безтолковую нашу Арфу [1]). Однакоже объ Арфѣ не очень тужи: повѣрь моему пророчеству. Болѣзни ума, какъ и болѣзни тѣла, не всегда бываютъ неизлѣчимы; сумасшествіе или (другимъ, учтивѣйшимъ словомъ) затмѣніе разума, полное или частное, въ людяхъ, которыхъ душитъ флегма, бываетъ досаднѣе, чѣмъ въ другихъ, потому что не имѣетъ въ себѣ ничего дѣйствительнаго и почти безпрестанно твердитъ одно и тоже. Но всему есть вознагражденіе: за то оно и не продолжительно. Потерпимъ немного и, вѣроятно, опять найдемъ прежняго Тургенева, и онъ же, если на той порѣ Богъ возвратитъ веселость и живость ума, будетъ вмѣстѣ съ нами смѣяться надъ Тургеневымъ 1823 года. Прощай: до Субботы.

XIII.

Анна Андреевна [2]) проситъ тебя, другъ любезный, прислать ей № какъ нашего общаго билета, такъ и другихъ твоихъ билетовъ и купоновъ, не попавшихъ въ цѣль, то есть въ Воротынецъ [3]). Ей хочется, чтобы мы или, лучше сказать, нищіе не были лишены принадлежащихъ имъ 50 рублей, буде судьбѣ вздумалось или вздумается наградить ихъ такимъ выигрышемъ. Прощай. Скажи, каковъ нашъ больной или выздоравливающій; поклонись отъ меня, и всѣмъ сердцемъ, ему и имъ, и пріѣзжему [4]). Твой Д. Блудовъ.

Вторникъ. 26 Іюля (1823).

Адресъ: Его высокоблагородію, м. г. моему, Василію Андреевичу Жуковскому, въ Павловскѣ, въ Александровскомъ дворцѣ.

XIV.

Четвергъ, 20 Сентября (1823).

Позволь мнѣ, любезная Свѣтлана, въ первый и вѣроятно въ послѣдній разъ, не согласиться на твое требованіе. Ты у меня просишь книги тѣже именно, которыя мнѣ самому надобны. Writing of moral

---

[1]) Т. е. А. И. Тургенева. П. Б.

[2]) Супруга Д. Н. Блудова, ур. княжна Щербатова († 1848). П. Б.

[3]) Имѣніе графа Головина, которое разыгрывалось тогда въ лотерею. П. Б.

[4]) Т. е. И. И. Дмитріеву. П. Б.

philosophy я не собираюсь, а началъ переводить; Sketch-book еще дочитываю, для того чтобы послѣ приняться за Branbridge-hall и составить изъ обоихъ статью объ мистерѣ Ирвингѣ или, какъ онъ называетъ себя, Герейонѣ, въ дополненіе къ той, которую намъ обѣщаетъ Полетика объ литературѣ Американской *). Вотъ мое оправданіе въ отказѣ. Но къ тому я могъ бы прибавить еще нѣсколько словъ; вотъ что̀ именно: у меня пріятели мои забрали и растеряли столько и полныхъ сочиненій, и отдѣльныхъ частей (я въ томъ къ несчастію увѣрился нынѣ, разбирая свою библіотеку), что мною почти произнесена клятва не услуживать книгами, особенно Англійскими, которыя трудно и замѣнить, если пропадутъ. Для дружбы все, что̀ въ мірѣ есть, кромѣ книгъ, потому что ихъ жаль, и денегъ, потому что ихъ нѣтъ.

Прости, милый деспотъ! Не сердись за мой маленькій опытъ инсуренціи или хоть посердись, да не долго. Твой Д. Б. Кассандра.

Батюшкова я не вижу: Миллеръ не велитъ. Онъ упрямится, не хочетъ принимать лѣкарствъ и почти ни о чемъ не говоритъ, но смиренъ, и средства вредить себѣ, кажется, у него отняты. Миллеръ думаетъ, что когда его перевезутъ въ другія, лучшія комнаты, то будетъ возможность заставить его лѣчиться, и намъ должно начать ходить къ нему.

XV.

Понедѣльникъ, 20-го Сентября.

Другъ Жуковскій! Прочелъ ли ты Квентина Дорварта? Ежели прочелъ, то сдѣлай одолженіе отправь его по почтѣ, разумѣется черезъ Булгакова, къ княгинѣ Трубецкой (бывшей Лаваль); она объ этомъ просила тебя и меня, не крестомъ и Богомъ, какъ говаривали наши праотцы, а всѣми ироическими Музами древнихъ поэмъ и всѣми мертвецами новыхъ эпопей-балладъ. Неужели такая просьба тебя не трогаетъ? Да скажи мнѣ *при сей вѣрной оказіи*, каковъ ты, каковы Карамзины и коклюшъ ихъ дѣтей, и когда мы увидимся? Я третьяго дня имѣлъ глупость быть на скачкѣ и наказанъ ужасной простудой; къ ней присоединилась обыкновенная мучительная игра нервъ. Вотъ мое положеніе: какъ же думать объ Ивановомъ вечерѣ, когда вечеръ ума и жизни для меня наступилъ въ полдень? Прощай, обнимаю тебя. Твой Кассандра.

XVI.

Нѣтъ, любезный другъ, нѣтъ! Причиною моего молчанія, когда ты успѣлъ бы знать, что̀ дѣлается со мною, была не лѣнь, а сверхъ

*) П. И. Полетика, бывшій нашъ посланникъ въ Америкѣ. П. Б.

привычки, худой или хорошей, еще особенное расположеніе или изнеможеніе души, которое поверхностнымъ наблюдателямъ, а слѣдовательно многимъ, если не всѣмъ, можетъ показаться лѣнью, но совсѣмъ на нее не похоже. Объясненіе оставляю до нашего перваго свиданія, если намъ суждено видѣться.

Отвѣчая въ нѣсколькихъ словахъ на твой нѣжный упрекъ, буду также отвѣчать и на вопросы обо мнѣ и Дашковѣ. Слава Богу (ибо за все надобно благодарить и славить Бога) доселѣ холера насъ не тронула; но Дашковы потеряли одного изъ своихъ экспедиторовъ, а я своего добраго камердинера, который 30 Іюня въ два часа ночи еще раздѣвалъ меня и казался совершенно здоровъ, а въ три часа той же ночи былъ при смерти. Это доказываетъ, по крайней мѣрѣ въ моихъ глазахъ, не одну страшную силу болѣзни, но и то, что она не до такой степени прилипчива, какъ воображаютъ многіе. Мой бѣдный Густавъ умеръ въ нѣсколько часовъ въ страшныхъ судорогахъ и со всѣми другими признаками настоящей Индѣйской холеры. Не смотря на то однакоже, уцѣлѣли не только я, а всѣ наши люди, которые ходили за нимъ, натирали его, отвозили въ больницу и, разумѣется, по Русскому обычаю, не бравъ даже самыхъ простыхъ карантинныхъ предосторожностей. Я увѣренъ, да и тебя и всѣхъ прошу вѣрить, что для предохраненія себя отъ холеры нужно не столько избѣгать сообщенія съ (больными хотя безъ надобности и на то пускаться не должно), сколько наблюденіе правилы строгой діэтетики, не фигуръ *удержанія*, объ которой говорилъ твой хвалимый Плетневъ, а добродѣтели воздержанія, и не только отъ запрещеной нездоровой пищи, холоднаго и кислаго питья, но отъ всего, что̀ только потрясаетъ нервы или волнуетъ кровь, отъ порывовъ досады, даже самый справедливой и отъ страха, а буде можно отъ огорченія... Но возможно ли? Впрочемъ холера, также какъ политическія и правительственныя болѣзни нашего времени, кажется, имѣетъ двоякое свойство заразы и эпидеміи: онѣ и прививаются отъ людей и какъ будто носятся въ воздухѣ. Отчего и зачѣмъ, это тайна Провидѣнія, которую, можетъ быть, разгадаютъ историки-философы двадцать девятаго вѣка. Et sur ce обнимаю тебя въ мысляхъ, слѣдовательно безъ всякой опасности для твоего здоровья, и говорю: прости! Поклонись отъ меня Мердеру, женѣ его и всѣмъ нашимъ знакомымъ, а графинѣ Вьельгорской сверхъ того вручи и, буде нужно, прочти прилагаемый у сего отвѣтъ на ея письмо. Твой Д. Б.

Суббота 25 Іюня (1831).

Письмо все проколото и было окурено.

XVII.

Я не скоро отвѣчалъ тебѣ, любезнѣйшій другъ, потому что хотѣлъ прежде собрать вѣрныя справки о бѣдной Покровской, въ которой ты принимаешь участіе. Получилъ ихъ и посылаю ихъ тебѣ, искренно жалѣя, что вѣсти Департамента Просвѣщенія такъ неблагопріятны для вдовы твоего бывшаго педагога. Кажется, нѣтъ никакой возможности испросить ей пенсію; нѣтъ даже слѣда, по крайней мѣрѣ намъ, и просить объ ней.

20-е Мая.

Отвѣтовъ писемъ Жуковскаго вѣроятно не сохранилось, такъ какъ графъ Д. Н. Блудовъ не любилъ сберегать получаемыхъ писемъ, на что жаловался его біографъ Е. П. Ковалевскій. П. Б.

*

Письма графини Антонины Дмитріевны Блудовой.

I.

Посылаю вамъ при семъ, милый Василій Андреевичъ, два стихотворенія, о которыхъ прошу васъ сказать мнѣ ваше мнѣніе. 1-ое есть «Посланіе» въ стихахъ одного вамъ знакомаго молодого подражателя Орловскому вашему пріятелю [1]). Сіе посланіе уже совсѣмъ приготовлено для какого нибудь журнала, и къ нему «прибавленіе» въ прозѣ и «замѣчанія». Другое сочиненіе «Стансы» [2]) одного гораздо менѣе извѣстнаго и менѣе достойнаго извѣстности поэта, который вамъ совершенно незнакомъ, но о которомъ мнѣ тоже хотѣлось узнать ваше мнѣніе. И такъ, благоволите, почтеннѣйшій Васька-Котъ, прислать мнѣ отвѣтъ. Да пожалуста удостойте же насъ когда нибудь лицезрѣніемъ вашей почтеннѣйшей и милѣйшей особы, а не то вамъ будетъ стыдно.

Антонина Блудова.

Весьма поэтическое посланіе въ стихахъ знаменитому Васькѣ-Коту.

Василій Андревичъ!
Вы знаете твердо,
Что немилосердо
Изволили лгать [3]),

Сказавъ, что боитесь
У насъ вы серберá,
Какъ у Майербера [4])
Alice чертенятъ.

---

[1]) Кто это, не знаемъ. П. Б.

[2]) Этихъ „Стансовъ“ при письмѣ не сохранилось. П. Б.

[3]) У Карамзиныхъ, не очень давно. *А. Б.*

[4]) Майерберъ есть одинъ довольно извѣстный сочинитель оперы „Робертъ Дьяволъ“, Alice дѣйствующее лицо въ сей оперѣ. Такъ какъ чертей вальсирующихъ не видать

Я помню, храбрѣе
Вы прежде бывали:
Французовъ видали,
Не только собакъ.

Они вѣдь кусались
Медорки больнѣе,
А вы все блѣднѣя
Не шли такъ какъ ракъ [1]).

Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ же нынѣ
Стали трусомъ вы такимъ!
Какъ подумаете, вѣрно
Станетъ стыдно вамъ самимъ.

Не маститая ли старость
Отняла у васъ куражъ?
О лѣтахъ же вашихъ знаетъ
Полицейскій Вѣстникъ нашъ [2]).

Нѣтъ, полиціи извѣстно!
Съ нею бредней не дѣлю,
Не устрашимаго какъ прежде [3])
Къ намъ Жуковскаго я жду.

Сіе посланіе, какъ вы легко замѣтите, писано особенно изящнымъ слогомъ, доселѣ извѣстнымъ только одному знаменитому Орловскому поэту. Стихи сіи по его исчисленію стоятъ 16 р. 20 к. ассигнаціями, но по нынѣшнему курсу уступаю ихъ вамъ за 4 р. серебромъ. Однако надобно присовокупить, что не одна только форма сего произведенія прекрасна. Въ семъ Посланіи сколько логики, сколько поэтическаго вдохновенія! Сколько лирическаго жару! Послѣ воспоминаній о незабвенной отечественной войнѣ, въ которую въ самомъ дѣлѣ Французы болѣе собакъ кусались, а В. А. воинъ-поэтъ не думалъ учиться *раковой шагистикѣ*, послѣ сихъ трогательныхъ воспоминаній вдругъ перемѣняется размѣръ стиховъ, и что-то сладко-грустное въ самыхъ звукахъ хорея напоминаетъ сланный монологъ Іоанны д'Аркъ [4]). И съ

на сценѣ (Valse des diables, acte 4-me), то можно предположить, что они молодые или *меленькіе черти, чертенята, чертики*. Впрочемъ это совершенно по части В. А. Ж., который всегда сими милыми существами особенно занимался. *А. Б.*

[1]) Т. е. не уходили какъ ракъ, что̀ значитъ не шли назадъ, не пятились, не ретировались, не бѣжали. Сей стихъ немного длиненъ, но можно извинить сей легкій недостатокъ en faveur de la nouveauté et du grandiose de l'image. А. Б.

[2]) См. Полицейскую Газету: Сравненіе между В. А пылкимъ юношею и В. А. маститымъ старцемъ. А. Б.

[3]) Буква у написана маленькая, чтобы незамѣтно было, что отъ нея становится длиненъ стихъ. А. Б.

[4]) Дѣйств. 4. Явл. 1-ое. А. Б.

какой благородной гордостью авторъ отвергаетъ хулу Полицейской Газеты, воображающей, что у В. А. длинная, *дядя-струйская* борода.

Горе мнѣ, какіе звуки,
Пламень душу всю проникъ.

II.

(1841).

Ваше превосходительство, милостивый государь и почтеннѣйшій благотворитель Василій Андреевичъ!

Благотворительность и великодушіе вашего превосходительства извѣстны во всѣхъ концахъ земли и даже въ отдаленнѣйшихъ кварталахъ сего великаго города. Слухъ о вашей чувствительной душѣ и о благодѣтельномъ расположеніи почтеннаго вашего сердца дошелъ наконецъ и до мрака моего заточенія. Содержусь въ тюрьмѣ, и долго даже лучу денницы воспрещали доходить до моей темницы, и пріятный блескъ стеариновыхъ свѣчей, Гутуевскаго завода, не радовалъ ослабѣвшаго моего зрѣнія. Другому обыкновенному смертному не стала бы я и говорить о всемъ ужасѣ моего положенія; но ваше превосходительство—поэтъ, и еще пѣвецъ, да еще и Пѣвецъ въ станѣ Русскихъ воиновъ, и кромѣ того Шильонскаго и разныхъ другихъ узниковъ воспѣвавшій: такъ ваше воображеніе должно быть живѣе, и сердце чувствительнѣе другихъ гражданъ обитающихъ здѣшнія палаты, и потому вы можете себѣ представить, что, дескать, не очень должно быть весело томиться въ этомъ жестокомъ заключеніи. Къ несчастію, память вашего превосходительства нельзя сравнить съ вашимъ воображеніемъ, и вы не только забыли о моемъ существованіи, да еще и обѣщаніе ваше предали забвенію, а обѣщаніе именно вотъ какое: вы дали слово привезти къ маменькѣ невѣсту вашу *), чтобы познакомить ее съ вашими старыми друзьями, которые жительство имѣютъ по новой Михайловской улицѣ въ домѣ купца Рогова. О великодушный благотворитель! Послѣ такого письма, въ которомъ говоритъ все угнетенное сердце несчастной жертвы жестокосердія докторовъ и не менѣе жестокихъ морозовъ, послѣ такого письма смѣю надѣяться, что ваше превосходительство не откажете привезти къ намъ вашу невѣсту и будущую вашу превосходительную супругу, вотъ хоть бы, напримѣръ, *завтра вечеромъ*, чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше. Потому просимъ вечеромъ (а не по утру), что родитель мой, вамъ давно извѣстный Дмитрій Николаевичъ, по утрамъ все рыскаетъ по городу, перелетая какъ пташка изъ одного комитета къ другому, а ужъ тамъ какія птицы засѣдаютъ, мнѣ неизвѣстно.

Антонина Б.

---

*) Въ первые мѣсяцы 1841 года, собираясь въ чужіе края жениться, Жуковскій прощался съ друзьями и чтобы познакомить съ своею невѣстою, привозилъ имъ показывалъ ея портретъ. П. Б.

III.

(С.П.б. Январь 1849)

Всѣ уѣхали на юбилей Жуковскаго [1]), только Антонина Дмитріевна Блудова и Урика Дворняжковна Собакина остались дома: одна потому что была больна, другая потому что не звана и потому что по своей собачьей натурѣ не имѣетъ духу покидать больную свою хозяйку. Антонина Дмитріевна читаетъ Урикѣ «Кота въ сапогахъ». Урика слушаетъ со вниманіемъ и облизывается. Дошла она до того мѣста, гдѣ королевскій министръ отдаетъ свой мундиръ маркизу, а котъ маркиза представляетъ королю. Урика спрашиваетъ: Ужъ не напишетъ ли этотъ Василій Андреевичъ или Терентьевичъ сказку про *собаку въ туфляхъ*? «Да кто онъ? Я его никогда не видала, и кажись онъ другъ моихъ господъ?» Антонина Дмитріева отвѣчаетъ: «Оттого ты его не видала, что онъ давно уѣхалъ, прежде твоего рожденія, и онъ забылъ совсѣмъ, кажется, про твоихъ господъ; никогда не пишетъ къ твоей хозяйкѣ, и, я чай, имя врядъ ли помнитъ, Акулиной Андроновной пожалуй назоветъ. Про собакъ не пишетъ, потому что ненавидитъ весь вашъ родъ за твоего предшественника Медорку».

IV.

Москва, Апрѣля 18 (30-го) 1849.

Я получила вашу милую галиматью, любезный Василій Андреевичъ, передъ самымъ отъѣздомъ въ Москву, въ которую мы пріѣхали въ первый разъ нашей жизни, и собачка Урика, и я. Оттого-то мы не могли отвѣчать вамъ прежде и благодарить васъ за прекрасную сказку о «Собачкѣ въ туфляхъ», которая такъ хорошо начинается двустишіемъ столь же оригинальнымъ, сколько поэтическимъ и въ вашемъ лучшемъ слогѣ. Сіятельный мой родитель и Саша и Маша Воейковы, а равно и домашній нашъ Журавль [2]) читали письмо ваше съ душевнымъ наслажденіемъ невыразимымъ, и начало поэмы всѣхъ насъ особенно плѣнило. Собачка Урика (которая впрочемъ, не сынъ, а дочь дворняжки) чувствительно вамъ благодарна и надѣется, что со временемъ удостоится чести быть вамъ представленной. По случаю необычайной грязи на дворахъ (а не при дворѣ) и улицахъ въ Москвѣ, ей сшили черныя съ краснымъ туфли, чтò называются *котиками*; но такъ какъ теперь стала прекрасная весенняя погода, то въ нихъ не имѣла случая пощеголять. Урика проситъ меня при семъ послать вамъ картинку о томъ, какъ она съ здѣшними литераторами познакомилась, какъ Хомяковъ съ нею подружился, Загоскинъ ея совсѣмъ не замѣтилъ, а Павловъ ея ужасно боится, воображая, что она съѣстъ его, какъ нѣ-

[1]) Этотъ юбилей отпразднованъ былъ у князя П. А. Вяземскаго, 29 Января 1849 г. П.Б.
[2]) Ф. Ф. Вигель. П. Б.

когда извѣстный вамъ Медорка ѣдалъ штатсъ-дамъ жареныхъ и поэтовъ au naturel. А собачка Урика такая смирная и ласковая, что никто и не подозрѣваетъ, что у нея есть зубы, только привѣтливымъ лаемъ встрѣчаетъ гостей и образованнымъ помахиваніемъ хвоста ихъ провожаетъ.

Папенька все роется въ старинныхъ манускриптахъ по утрамъ, а по вечерамъ присутствуетъ на разныхъ балахъ и маскарадахъ. Изъ сихъ послѣднихъ былъ прекрасный у графа Закревскаго, въ которомъ всѣ Русскіе губерніи, области и народы въ прекрасныхъ костюмахъ проходили передъ нами, и какъ-то радовалось сердце видѣть разнообразіе и величественность этой картины и мыслить о миломъ отечествѣ нашемъ, столь пышно и красиво представленномъ въ кратцѣ передъ нашими глазами. Княгиня Софья (Борисова жена) Мещерская представляла Московскую губернію, и вы знаете, что у нея черты лица очень тонкія и правильныя. Михаилъ Аполоновичъ Волковъ подходитъ къ ней и говоритъ: Madame, vous représentez Moscou sous les traits d'Athènes, а какая-то дама вдругъ вскричала: M-r Wolkoff, vous dites toujours des indécences!—Comment des indécences? спрашиваетъ онъ.—Mais oui, отвѣчаетъ дама, on sait bien, qu'Athènes était une femme dont on ne doit pas parler. Эта ученость историческая очень нравится Урикѣ.

Нужно ли мнѣ говорить вамъ, съ какимъ восхищеніемъ любуюсь и не налюбуюсь на Кремль и на Замоскворѣцкій видъ? Съ какимъ особеннымъ вмѣстѣ религіознымъ и патріотическимъ утѣшеніемъ слушала звонъ Ивана Великаго и смотрѣла на крестный ходъ около соборовъ въ полночь во время заутрени Свѣтлаго Воскресенія! Вы все это любите и помните и можете судить, какое впечатлѣніе оно должно сдѣлать на меня, которая въ первый разъ здѣсь и въ такое именно время. Съ какимъ восхищеніемъ, съ какою любовью, съ какимъ радушіемъ приняли здѣсь Государя и его прекрасную семью во всѣхъ сословіяхъ! Какъ сладко видѣть такую любовь и какъ все болѣе и болѣе люблю Россію.

О Русь! Да нашъ языкъ прильпнётъ
Изсохнувшій къ гортани,
Да сила древняя спадётъ
Съ увядшей нашей длани,
Когда престанешь ты для насъ
И въ часъ борьбы кровавой,
И въ день, и въ нощь, и въ смертный часъ
Быть радостью и славой.

---

*) Изъ стихотворенія Жуковскаго „Пѣвецъ въ Кремлѣ". П. Б.

Вѣроятно, эти стихи вамъ извѣстны; но вотъ вамъ при семъ новые стихи, еще неизвѣстные вамъ и которые вамъ понравятся по ихъ христіанскому чувству и мастерскому сложенію стиховъ *).

Папенька вамъ кланяется и нѣжно христосуется съ вами, я тоже. Прощайте, милый Васька - Котъ. Урика вамъ подаетъ обѣ лапки.

Антонина Блудова.

Загоскинъ совсѣмъ Урику не замѣчаетъ. Хомяковъ ласкаетъ Урику, и она съ нимъ дружится съ перваго разу. Шевыревъ учтиво ее принимаетъ. Павловъ осторожно удаляется.

*) Приложено стихотвореніе А. С. Хомякова „Пасхальная заутреня въ Москвѣ“ въ которомъ вмѣсто „и суетно-торжественныхъ заботъ“ написано графинею Блудовою изъ осторожности „и временно-торжественныхъ“: черта мелкая, но знаменательная для исторіи того душнаго времени, когда, вслѣдствіе пролитой на Парижскихъ, Берлинскихъ и Вѣнскихъ улицахъ крови, наказывали у насъ, по выраженію Пушкина, пажа за шалости принца, когда графу Закревскому приказано было преслѣдовать въ Москвѣ писателей завѣдомо-честныхъ и носились съ мыслію закрыть совсѣмъ преподаваніе въ университетахъ кромѣ наукъ медицинскихъ и когда графу Блудову едва удалось исходатайствовать, чтобы на остальные факультеты дозволялось принимать лишь по 300 человѣкъ студентовъ. Вотъ начало скорбямъ! П. Б.

Изъ писемъ графа Іосифа Михаловича Віельгорскаго *).

I.

26 Сентября 1832.

Извините меня, любезный Василій Андреевичъ, что я вамъ такъ долго не писалъ; надѣюсь, что постоянною перепискою съ вами я заглажу вину свою. Я очень понимаю, сколько, съ одной стороны, вамъ грустно находиться въ разлукѣ съ милыми и близкими сердцу вашему. Но съ другой стороны, вы должны радоваться при мысли, что ѣдете въ Италію, невольно воспламеняющую душу всякаго своими воспоминаніями, въ землю столь занимательную по своимъ памятникамъ.

Мы проводили время очень весело; и можетъ быть, намъ еще было бы веселѣе, если бы погода болѣе благопріятствовала: мы цѣлое лѣто ходили въ шубахъ и таскались въ грязи. Со вступленіемъ кадетъ въ Петергофъ начались ученія, парады, маневры и смотры, на которыхъ мы почти всегда находились. Я долженъ признаться, что много времени потерялъ въ эти каникулы: поѣздки въ Петербургъ и въ Красное Село, тасканіе съ одного мѣста на другое, праздники, театры и т. д. отняли у меня столько времени, что я и десятой доли не могъ выполнить того, что̀ предполагалъ сдѣлать. Но, не смотря на это мнѣ оставалось иногда время, которое я употреблялъ на чтеніе Геродота и составленіе таблицъ. Признаться, никогда съ такимъ любопытствомъ я не читалъ какой либо исторіи, какъ сего автора. Жизнь Кира, описаніе обычаевъ Азіатскихъ народовъ и походъ Дарія на Скиѳовъ, все прекрасно. Но всего лучше пріятность и простота его слога, если по переводу можно судить о подлинникѣ. Потомъ я сочинялъ таблицы и сдѣлалъ почти все для Натуральной Исторіи. Г. Эртель и Триніусъ ихъ разсмотрѣли и были ими весьма довольны.

Переѣхавъ въ Царское Село, мы начали учиться 2 Августа.

Въ продолженіе сего времени мы сперва повторяли у г. Липмана все изъ Средней Исторіи, что̀ нами было пройдено. Кромѣ того мы переводили и учили таблицы Кольрауша, служащія къ повторенію Средней Исторіи. Недавно говорилъ онъ намъ о Петраркѣ, его вѣнчаніи въ Римѣ, о̀ Бокачіо, о Черной смерти, о просвѣщеніи Италіи, перешедшемъ въ нее изъ Греціи, о Николаѣ Ріенци, захватившемъ власть свѣтскую въ Римѣ, и о Туркахъ.

---

*) Это соученикъ Цесаревича Александра Николаевича (на годъ старше его лѣтами), надежда родителей и, можно сказать, Россіи. Первыя изъ писемъ этихъ относится къ тому времени, когда Жуковскій, истомленный трудомъ и жизнію придворною, посланъ былъ врачами отдохнуть и полечиться въ чужихъ краяхъ. П. Б.

Съ Петромъ Александровичемъ *) мы очень многимъ занимаемся. Разъ въ недѣлю мы учимъ отрывки изъ разныхъ поэтовъ. Дмитріева Размышленіе по случаю грома было нами выучено на прошедшей недѣлѣ. Для переводовъ я беру обыкновенно отрывки изъ Англійскихъ писателей; а для чтенія и разсказа (пока еще не было г. Арсеньева) Путешествіе Муравьева къ Св. мѣстамъ. Оно меня очень занимало и по живости выраженій, и по картиннымъ описаніямъ. Сверхъ того Петръ Александровичъ намъ разсказываетъ о составѣ литературы какъ науки, а мы послѣ изъ этого составляемъ извлеченія. У г. Павскаго повторяемъ мы исторію первобытной церкви, и прежде нежели начнемъ катихизисъ, онъ намъ сообщаетъ предварительныя понятія о религіи и о Священномъ Писаніи. Теперь мы оканчиваемъ повтореніе пройденной нами математики, а для поясненія Физики мы проходимъ маленькій курсъ Химіи. Къ каждому уроку мы обязаны приготовлять таблицы по напечатанному руководству г. Коллинса. Г. Жиль, попрежнему, повторяетъ съ нами уроки Липмана и задаетъ намъ сочиненія на замѣчательнѣйшія происшествія. Возмущеніе Николая Ріенци, Черная смерть, жизнь Гусса и Іеронима Прагскаго и управленіе Фоскари въ Венеціи были поперемѣнно предметами нашихъ сочиненій. Но всего больше занимаютъ меня теперь уроки г. Арсеньева. Мы проходимъ княженіе Іоанна III-го, одно изъ самыхъ любопытныхъ событій въ нашей исторіи. Его можно назвать эпохою перелома, въ которую все старое и варварское исчезаетъ и въ которую начинается новая политика, новые обычаи, новый образъ мыслей, не только въ Россіи, но и въ цѣлой Европѣ. Всего занимательнѣе и удивительнѣе характеръ Іоанна. Этотъ великій государь однимъ умомъ и политикою, не употребляя почти никогда вооруженной силы, уничтожилъ власть хановъ Казанскихъ и Камчатскихъ, усмирилъ буйныхъ Новгородцевъ, унизилъ Литву и Ливонскихъ рыцарей и соединилъ Россію подъ одну державу. Къ каждому уроку мы излагаемъ на бумагѣ пройденное Арсеньевымъ, и всякій разъ онъ намъ поправляетъ сіи сочиненія и дѣлаетъ онымъ критическій разборъ и свои замѣчанія. Какъ г. Триніусъ поѣхалъ за границу, то г. Жиль занялъ его часы и разсказываетъ намъ о главныхъ сраженіяхъ Древней и Средней исторіи. Мы уже у него проходили сраженія при Левктрахъ, Матинеѣ, Требіи, Тразименѣ, Каннахъ и Гастингсѣ. Боюсь наскучить вамъ моимъ длиннымъ письмомъ, милый, безцѣнный мой Василій Андреевичъ Дай Богъ, чтобы воды Эмса и путешествіе по Италіи совершенно возстановили ваше здоровье, и чтобъ вы къ намъ возвратились крѣпкимъ и веселымъ. У васъ ско-

*) Плетневымъ. П. Б.

ро совершится свадьба княжны Урусовой съ княземъ Радзивиломъ, флигель-адъютантомъ. Папа, дядя и Семенъ Алексѣевичъ [1]) вамъ свидѣтельствуютъ свое почтеніе. Прощайте, дражайшій Василій Андреевичъ, обнимаю васъ отъ всей души и прошу сохранить меня въ вашей памяти и сердцѣ. I. Віельгорскій.

II.

12 Декабря 1832 г.

Ваше письмо, милый Василій Андреевичъ, произвело между нами необыкновенную радость. Мы уже отъ васъ давно извѣстій не получали и думали, что вы, развлекомые вашимъ путешествіемъ по Италіи, не имѣли время намъ писать. Теперь вижу, что тому была другая причина. Прочитавъ письмо ваше, признаюсь, я сожалѣлъ, что вы не ѣдете въ Италію. Я даже не могъ понять, какъ вы на то могли рѣшиться. Но должность, какъ вы сами говорите, вездѣ идетъ впередъ [2]). Мнѣ хочется это правило сохранить ненарушимо.

Въ то время, когда я съ другими раздѣлялъ общую радость о рожденіи Михаила Николаевича, у насъ дома была своя особенная радость: мама пріѣхала изъ Германіи съ сестрами и съ братомъ, котораго пять лѣтъ я не видалъ. Онъ меня не узналъ, и я также долго не могъ вспомнить его прежнія черты. Вся наша семья, послѣ такой долгой разлуки, теперь соединена, и вы представить не можете, какъ радостно, когда мы всѣ соберемся въ Четвергъ, послѣ обѣда (одинъ вечеръ, въ который я постоянно ѣзжу домой). Я читаю сестрамъ разныя новости на Русскомъ (благодаря Аннѣ Петровнѣ Зонтагъ), Англійскомъ, Нѣмецкомъ и Французскомъ языкахъ; потомъ мы играемъ, и время у насъ проходитъ быстро и весело. При семъ случаѣ я не могу не сказать вамъ, что иногда чувствую какую-то печаль и сожалѣніе: меня пугаетъ мысль, когда я вижу, какъ время непримѣтно скоро проходитъ. И это меня побуждаетъ болѣе и болѣе заниматься; не успѣешь оглянуться, и четыре, пять, шесть лѣтъ пройдутъ какъ сонъ.

Исполняя ваше желаніе, дражайшій Василій Андреевичъ, я опять, какъ и въ прошедшемъ письмѣ, опишу все то, что̀ мы прошли и что̀ сдѣлали. Г. Липманъ, дошедши до открытія Америки, дѣлаетъ обозрѣніе исторіи каждой земли въ особенности, отъ начала Средней исторіи до конца ея. Мы начали съ Испаніи, гдѣ видѣли постепенное усиленіе Христіанъ и ослабленіе Мавровъ, наконецъ ихъ совершенное уничтоженіе и основаніе грозной монархіи Испанской при Фердинандѣ и

[1]) Юрьевичъ. П. Б. — [2]) По дневнику Жуковскаго („Русская Старина" 1902 г.) видно, что онъ ѣздилъ тогда и въ Италію. П. Б.

Изабеллѣ. Въ исторіи Португаліи проходили мы о славномъ началѣ сего королевства, о плаваніи Португальцевъ по Атлантическому и Индѣйскому океану, открытіи новаго пути и завоеваніяхъ въ Индіи. При этомъ случаѣ г. Жиль далъ намъ нѣкоторое понятіе о Лузіядѣ Камоенца и прочелъ лучшіе изъ нея отрывки; описаніе бурей, эпизодъ Иньесы Касперо и др. Исторію Франціи мы проходили отъ самаго Клодовича до Карла VIII-го и занимались особенно правленіемъ Лудовика XI, коего мы въ нѣкоторыхъ случаяхъ могли сравнивать съ Іоанномъ III. Теперь повторяемъ исторію Англіи и недавно говорили о Великой Хартіи и о ея сущности. Г. Жиль частью занимается Географіею, частью повтореніемъ Исторіи, частью правописаніемъ. Мы пишемъ теперь историческую географію, т. е. въ краткихъ словахъ описываемъ, чѣмъ примѣчателенъ городъ, упоминаемый въ исторіи. Время, остающееся отъ географическаго часа, употребляетъ г. Жиль на прохожденіе краткой географіи Азіи, о которой мы очень мало и почти ничего не знаемъ. Что же касается до повторенія исторіи, то г. Жиль составилъ для насъ синхронистическія таблицы 12, 13, 14 и 15 столѣтій. А я съ своей стороны составляю такія же таблицы, только для первыхъ вѣковъ Средней исторіи. Ваша синхронистическая таблица Древней исторіи, любезный Василій Андреевичъ, теперь приноситъ намъ особенно большую пользу. Мы повторяемъ по ней съ Эртелемъ. Но такъ какъ для нея нѣтъ непосредственнаго объясненія на Французскомъ языкѣ, то я превращаю ваши знаки въ слова.

У Петра Александровича мы продолжаемъ все тоже самое. Только что теперь прошли замѣчанія о повѣствовательной прозѣ. По этому случаю я взялъ предметомъ для сочиненія Куликовскую битву.

По Пятницамъ вечеромъ у насъ завелось Русское чтеніе. По очереди каждый изъ насъ приготовляется читать въ слухъ. Вчера Александръ Николаевичъ намъ прочелъ вашу прелестную пьесу: «Пѣвецъ во станѣ Русскихъ воиновъ». Слушая сіи стихи, я невольно переносился къ вамъ, милый Василій Андреевичъ. Когда придетъ то счастливое и мною искренно желанное время, когда вы будете между нами читать свое путешествіе.

У Коллинса мы проходимъ Стереометрію. Эта наука меня очень занимаетъ. Изъ Физики мы прошли первое отдѣленіе: тѣла вообще и повторяемъ теперь все пройденное, по таблицамъ составленнымъ нами.

Г.Варрандъ, желая дать намъ нѣкоторое понятіе о трагедіяхъ Шекспира, разбираетъ съ нами Лира и даетъ учить наизустъ лучшія изъ него мѣста. Что касается до Константина Ивановича*), то чѣмъ болѣе мы идемъ впередъ, тѣмъ болѣе у меня возгораетъ любопытство и

*) Арсеньева.

любовь къ Русской Исторіи[1]). Мы окончили въ началѣ прошедшаго мѣсяца княженіе Іоанна III, прошли царствованіе Василія и начали Іоанна Грознаго. О послѣднемъ я еще не могу судить, потому что мы прошли только бурное и ужасное управленіе боярской думы, Елены, Шуйскаго, Бѣльскихъ и Глинскихъ.

Скоро настанетъ Новый годъ. Надѣюсь, что я начну его съ бóльшимъ рвеніемъ къ хорошему, съ большею любовію къ полезному, съ большимъ желаніемъ учиться и исполнять должность свою. Я безъ радости не могу подумать о томъ времени, когда вы возвратитесь, когда я васъ обниму и снова съ вашею помощью буду заниматься. Молю ежедневно Бога, чтобы Онъ только васъ къ намъ возвратилъ здоровымъ и веселымъ. Нашъ Карлъ Карловичъ[2]) медленно подвигается въ своемъ выздоровленіи, но мы надѣемся, что съ помощью Божію онъ поправится; теперь онъ часто чувствуетъ слабость; онъ не можетъ взойти на лѣстницу безъ того, чтобы не задыхаться. Впрочемъ всѣ у насъ здѣсь здоровы. Императрица совершенно поправилась. Время прекрасно, хотя и очень холодно, но чтò всего досаднѣе, что почти нѣтъ снѣгу. Павелъ Петровичъ Ушаковъ, папа, мама, дядя, Плюскова и всѣ ваши знакомые вамъ кланяются.

III.

С.-Петербургъ, 19 Февраля 1833.

Письмо ваше, дражайшій Василій Андреевичъ, доставило мнѣ необыкновенное удовольствіе; я нѣсколько разъ его перечитывалъ. Я вижу, что вы не позабыли вашего истиннаго друга (если только я могу себя украсить этимъ именемъ), который любитъ васъ отъ всего сердца. Я вполнѣ виноватъ, что вамъ такъ мало пишу. Двѣ болѣзни и масляница помѣшали мнѣ исполнить мой долгъ. Но къ чему извиненія? Я виноватъ. Вы знаете, какъ я лѣнивъ писать письма. Надѣюсь, что переписка съ вами, любезный Василій Андреевичъ, совершенно исцѣлитъ меня и отъ этой болѣзни. Въ самомъ дѣлѣ, какъ вы говорите, если безпрестанно переписываться, то выйдетъ почти разговоръ. Тогда я еще болѣе могу воспользоваться вашими совѣтами.

Масляницу провелъ я довольно благоразумно. До Пятницы уроки шли своимъ чередомъ. И даже въ Пятницу мы пропустили только два часа, которые употребили на катанье съ горъ. Потомъ я ѣздилъ въ Пажескій и Первый корпусъ, гдѣ сами кадеты представляли комедіи и водевили. Они у себя устроили маленькіе театры. Нѣкоторые такъ хорошо играли, что это было заглядѣнье; лучше, нежели многіе наши

[1]) Съ другомъ своимъ княземъ А. И. Барятинскимъ гр. І. М. Вьельгорскій собиралъ библіотеку изъ книгъ относящихся къ изученію Россіи. П. Б.—[2]) Мердеръ.

Русскіе актеры, безъ всякаго принужденія и съ такою ловкостью, что я былъ удивленъ. Въ Первомъ корпусѣ игралъ роль одного барона Нѣмецкаго кадетъ Корнеевъ. Онъ такъ всѣхъ смѣшилъ своими ухватками, своимъ выговоромъ, коверканіемъ языка, что едва онъ покажется, всѣ расхохочутся. Онъ и самимъ молчаніемъ занималъ всю публику; или нюхалъ табакъ, или выпучалъ глаза, или дѣлалъ такую глупую рожу, что нельзя было удержаться отъ смѣха. Однимъ словомъ, спектакль былъ прекрасенъ.

Но всего занимательнѣе на масляницѣ былъ маскарадъ у кн. Петра Михайловича Волконскаго, а потомъ во дворцѣ. Вся бѣлая зала была освѣщена, и отъ безчисленныхъ свѣчей, коихъ свѣтъ отражается на бѣломраморныхъ стѣнахъ, было даже больно глазамъ. Уже всѣ были собраны въ залѣ, какъ вдругъ грянула музыка; двери отворились, и явились торжественно кадрили, заимствованные изъ «Чудной Лампы». Впереди всѣхъ шелъ князь Григорій Волконскій, одѣтый въ Чародѣя и неся на головѣ лампаду. За нимъ шелъ такъ называемый бѣлый кадриль, составленный изъ восьми фрейлинъ, въ числѣ коихъ находились Александра Фридриксъ (она была сдѣлана фрейлиною въ день крещенія Михаила Николаевича 8 Ноября, когда Бенкендорфъ и Кутузовъ получили титулы графовъ), обѣ Бороздины, Шереметева и другія. На нихъ были бѣлыя платья, украшенныя голубымъ атласомъ и брильянтами, а сзади у каждой висѣлъ вуаль изъ бѣлаго крепа. Далѣе шелъ кадриль Императрицы. Въ немъ находилась сама Императрица, Урусова, которая теперь княгиня Радзивилъ, Юсупова, Щербатова, невѣста Александрова, Воронцовъ - Дашковъ, мой дядя, Шуваловъ и другіе. Всѣ были одѣты въ Индѣйскихъ платьяхъ. У мужчинъ были длинные бархатные камзолы и тюрбаны, украшенные брильянтами и бѣлыми перьями. У Воронцова одного было на 1,500,000 алмазовъ. Но всѣхъ превосходила Императрица богатствомъ своего наряда. Ея одинъ башмакъ стоитъ 75,000 рублей. Все платье было усыпано драгоцѣнными камнями; необыкновенной величины алмазы, яхонты, изумруды украшали ея тюрбанъ, съ котораго шелъ до низу длинный вуаль. Однимъ словомъ, было какое-то волшебное зрѣлище. Музыка соотвѣтствовала костюмамъ. Она была торжественна и величественна. Начались танцы. Всѣ составлявшіе кадрили то смѣшивались, то расходились, то сливались въ одну-толпу, то составляли отдѣльныя группы. Казалось, что танцующіе спутаются, но ни въ чемъ не бывало: все приходило въ порядокъ. Народу было тьма, всѣ хоры были полны. Въ Воскресенье весь день плясали у Кочубея (но я провелъ время дома), веселились... а въ Понедѣльникъ пошли, хоть очень немногіе, въ церковь. Странная противоположность. Послѣ радостей,

увеселеній, шума—покой, тишина, каждый ходитъ съ потупленными очами, постится, а другой отъ разсѣянной жизни лежитъ въ постелѣ. Странно, что теперь очень многіе умираютъ. Доктора увѣряютъ, что смертность теперь больше, нежели во время холеры. Грипъ отправилъ очень многихъ на тотъ свѣтъ, особливо чахоточныхъ и слабыхъ грудью. Я самъ былъ боленъ но, слава Богу, не отъ излишества увеселеній. Я простудился Воскресенье и съ Вторника лежалъ въ постелѣ. Я былъ еще боленъ когда А. Н. [1]) принесъ мнѣ ваше письмо. Мама̀ тутъ же была.

Что же касается до уроковъ, я вамъ скажу новость. У насъ скоро будетъ экзаменъ при Государѣ; такъ было угодно Его Величеству.

У Арсеньева мы порядочно работаемъ. Мы прошли царствованіе Іоанна Грознаго и Ѳеодора Іоанновича, что̀ весьма интересно. Сердце мое содрагалось при разсказѣ ужасовъ и злодѣйствъ, совершенныхъ первымъ. И когда мы Государю иногда говорили о его поступкахъ, онъ сказалъ намъ: «Вотъ видите, что̀ бываетъ, когда Бога, долгъ и отечество забудешь, а станешь только думать о себѣ». Эти слова безпрестанно отдаются въ моихъ ушахъ.

IV.

27 Августа 1837. С.-Петербургъ.

21 Августа пріѣхалъ я благополучно въ Царское Село[2]), къ горести мама. Она такъ была поражена и опечалена моимъ пріѣздомъ, что даже не поцѣловала. Въ семейномъ совѣтѣ рѣшили, что я остаюсь здѣсь, потому что за границей вездѣ холера. Здѣсь же я предпринялъ лѣченіе у доктора Франчески, который употребляетъ парныя ванны. Онѣ многимъ помогали и вѣроятно мнѣ помогутъ, ибо болѣзнь не въ самой большой силѣ. Если же лѣченіе не удастся, можно будетъ ѣхать за границу; къ тому же времени холера ослабнетъ или пройдетъ. Письмо это вѣроятно васъ не застанетъ въ Вознесенскѣ, любезный Василій Андреевичъ. Отъ души желаю вамъ совершить путь вашъ счастливо и благополучно. І. Віельгорскій.

V.

8 Ноября 1837. С.-Петербургъ.

Виноватъ, что такъ долго вамъ не писалъ, любезный Василій Андреевичъ; но право, не о чемъ было писать. Боль въ ногѣ оставалась въ одномъ и томъ же положеніи въ продолженіе двухъ мѣся-

---

[1]) Цесаревичъ. П. Б.

[2]) 20-лѣтній юноша не могъ продолжать путешествіе по Россіи съ Цесаревичемъ, которое началось 2 Мая 1837. Жуковскій записалъ въ своемъ Дневникѣ 20 Мая: „Переѣздъ изъ Вятки въ Глазовъ. Прощаніе съ Вьельгорскимъ“. П. Б.

цевъ, такъ, что сначала я отчаевался быть здоровымъ. Меня лѣчитъ Итальянецъ Франчески, тотъ самый, у котораго пользовался князь Ливенъ. Я уже взялъ 58 паровыхъ ваннъ отъ 30 до 37 градусовъ теплоты. Теперь только почувствовалъ облегченіе, особенно въ тѣлѣ. Желудокъ, разстроенный сѣрными водами, которыя я пилъ въ Москвѣ, пришелъ въ прежній свой порядокъ, благодаря этимъ паровымъ ваннамъ. Ужъ это большой шагъ. Но прежде новаго года я не надѣюсь быть совершенно здоровымъ, потому что болѣзнь упорна и усилилась отъ продолжительности своей. Скоро годъ будетъ что̀ я хромаю. Вообще однакожъ я могу свободнѣе ходить теперь. Но я въ этомъ отношеніи радъ, что не сдѣлалъ путешествія; потому что отъ пренебреженія болѣзнь могла еще болѣе усилиться, и тогда было бы ее еще труднѣе вылѣчить. Я васъ теперь искренно благодарю за то, что вы совѣтовали уѣхать. Безъ васъ, безцѣнный Василій Андреевичъ, я можетъ быть поѣхалъ бы далѣе, и Богъ знаетъ, что̀ со мною могло бы случиться. Очень радъ, что вы совершили это путешествіе благополучно. Дай Богъ вамъ всѣмъ скорѣе воротиться. Я же провелъ все это время довольно пріятно, хотя иногда съ грустію вспоминалъ о потерянномъ для меня путешествіи. Но я старался развлечь себя. Вечера обыкновенно проводилъ въ театрѣ, утромъ занимался, читалъ. Беру уроки музыки и генералъ - басса; изучаю исторію XVIII столѣтія (въ чемъ мнѣ помогаетъ Липманъ), прочелъ Esprit des lois, многое прочелъ изъ Байрона, а теперь пересматриваю Вольтера, который, признаюсь, мнѣ очень нравится (кромѣ религіозныхъ идей) своею любовію къ истинѣ, добру и справедливости. Я познакомился съ его Siècle de Louis XIV и теперь читаю l'Essai sur les moeurs, что̀ меня очень интересуетъ. Нельзя не удивляться человѣку, который, посреди предразсудковъ XVIII-го столѣтія, могъ имѣть столько здравыхъ мыслей. Теперь понимаю, почему такъ противъ него кричали. Но изъ того что̀ я теперь читалъ, нельзя сказать, чтобъ Вольтеръ былъ антирелигіозенъ. Онъ только нападаетъ на злоупотребленія происшедшія отъ религіи, но самой вѣры онъ не касается. Бывалъ иногда у Липмана, который много любопытнаго мнѣ разсказывалъ про Германію и который очень доволенъ своимъ путешествіемъ. Но не смѣю болѣе вамъ надоѣдать моею болтовнею. Вы вѣрно очень заняты теперь и, можетъ быть, разбираете бумаги Дмитріева *), какъ мнѣ объ этомъ говорилъ князь Вяземскій. Всѣ наши здоровы и вамъ кланяются. Отецъ собирается къ вамъ писать. Не знаю, исполнитъ ли сіе намѣреніе.

*) И. И. Дмитріевъ † въ Москвѣ 3 Октября этого года.

VI.

Карлсбадъ, 26 Iюля 1838.

Къ крайнему прискорбiю моему узналъ я о всемъ томъ, что̀ случилось съ нашимъ Великимъ Княземъ. Въ первую минуту я хотѣлъ тотчасъ ѣхать въ Копенгагенъ; но потомъ, получивъ лучшiя извѣстiя, остановился. Вѣроятно первое мое пи́сьмо до васъ не дошло; я писалъ также Ивану Васильевичу[1]), но не получилъ до сихъ поръ отвѣта. Скажите пожалуйста, каково великому князю; будетъ ли онъ продолжать путешествiе по прежнему маршруту или нѣтъ? Не сбирается ли онъ провести нѣкоторое время въ Швейцарiи? Виноградное лѣченiе могло бы принести ему большую пользу. Что касается до меня, то я провелъ уже цѣлый мѣсяцъ въ Марiенбадѣ, а теперь сбираюсь въ Эмсъ. Отецъ меня удивилъ и обрадовалъ своимъ неожиданнымъ прiѣздомъ. Онъ мнѣ сказалъ, что вы здоровы, чему я былъ очень радъ, потому что не имѣю никакихъ извѣстiй отъ васъ и Великаго Князя. Если бъ не наслѣдный принцъ, то я бы, можетъ быть, до сихъ поръ не зналъ, что Великiй Князь былъ боленъ. Если вы удостоите меня письмомъ, то адресуйте его пожалуйста въ Эмсъ. Розенъ прiѣхалъ ко мнѣ тому десять дней. Надобно признаться, что съ нимъ поступили очень безцеремонно. Онъ не получилъ еще форменной бумаги о томъ, что̀ ему дѣлать. Попросите пожалуста Александра Александровича[2]), чтобъ онъ написалъ ему что дѣлать, т.-е. быть ли постоянно со мной, сколько времени; считать ли это время отпускомъ или нѣтъ? Онъ желаетъ и справедливо, чтобъ это не считалось отпускомъ, оттого что человѣку въ отпуску повелѣнiй не даютъ. Онъ могъ бы отвѣчать: Я теперь отпущенъ и свободенъ дѣлать что хочу. Это большое снисхожденiе со стороны барона Розена, который тотчасъ отправился ко мнѣ по полученiи бумаги, писанной Рибопьеромъ. А. А. Кавелинъ прямого повелѣнiя отъ себя не давалъ, а поручилъ Назимову, а Назимовъ Рибопьеру. Розенъ сказалъ мнѣ, что онъ изъ уваженiя къ отцу и матери моей, и только для меня, могъ рѣшиться на это. Онъ располагалъ ѣхать вмѣстѣ съ Шевыревымъ, что̀ ему немного бы стоило; теперь же спѣшилъ ко мнѣ прiѣхать, онъ много издержалъ, и теперь въ затруднительномъ положенiи, получивъ на всю дорогу отъ Великаго Князя 200 червонцевъ. Я же съ своей стороны очень радъ съ нимъ путешествовать. Онъ добрый малый, изучалъ недавно Римскiя древности, знаетъ отлично Латинскiй языкъ, любитъ художества, поэзiю, однимъ словомъ лучше нельзя человѣка для Италiи. Въ

---

[1]) Доктору Цесаревича, Енохину. П. Б.

[2]) Кавелину, попечителю Цесаревича. П. Б.

Эмсѣ онъ будетъ вмѣстѣ со мной лѣчиться, и всѣ доктора совѣтуютъ ему Эмскія воды. Изъ всего этого мнѣ кажется можно вывести слѣдующія заключенія: 1-е, надобно, чтобъ Александръ Александровичъ послалъ ему инструкцію въ томъ, что̀ ему дѣлать, сколько быть со мной и проч. 2-е, такъ какъ теперь онъ несетъ родъ службы, то не считать время нахожденія его со мной отпускомъ. 3-е, дать ему денежное вспоможеніе для дальнѣйшаго путешествія. Розенъ не хочетъ самъ объ этомъ писать, потому что дѣло щекотливое и потому что онъ еще навѣрно не знаетъ, долженъ ли онъ со мной ѣхать или нѣтъ. Чтобъ его не затруднять, я рѣшился къ вамъ писать и изложить откровенно дѣло какъ оно есть. Попросите пожалуйста Ал. Ал. кончить это скорѣе, тѣмъ болѣе что можетъ быть мы не съѣдемся теперь: намъ сказали, что Великій Князь поѣдетъ Теплицъ и потомъ въ Крейтъ. Во всякомъ случаѣ я надѣюсь васъ увидать въ семъ послѣднемъ мѣстѣ. Послѣ завтра я отправляюсь съ отцемъ и Розеномъ въ Эмсъ, гдѣ я надѣюсь быть 1-го или 2-го Августа. Поклонитесь пожалуйста всѣмъ товарищамъ. Великому Князю я сегодня написалъ письмо.

НАША ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНАЯ ПОЛИТИКА (НОВАЯ КНИГА О НЕЙ).

„Наша желѣзно дорожная политика по документамъ Комитета Министровъ. Историческій очеркъ, составленный Н. А. Кислинскимъ подъ главной редакціей статсъ-секретаря Куломзина“.

Пока появились два тома, въ которыхъ исторія нашихъ желѣзныхъ дорогъ доведена до кончины Государя Александра Николаевича. Судя по этому, можно ожидать, что весь трудъ будетъ состоять изъ достаточнаго количества томовъ. Едва ли такое многотомное произведеніе можетъ печататься лишь „Очеркомъ“. Этотъ трудъ дѣйствительно и не есть очеркъ, а подробная и очень интересная исторія желѣзно-дорожнаго дѣла въ нашемъ отечествѣ. Она весьма живо и ясно изложена, и мы думаемъ, что эта книга прочтется многими, такъ какъ желѣзныя дороги по своему великому экономическому и соціальному значенію и по тому глубокому потрясенію, которое они произвели во всемъ строѣ народной жизни, и ихъ исторія, немогутъ не занимать всѣхъ, кому дороги судьбы родной страны. Очень важно то обстоятельство, что развитіе желѣзно-дорожнаго дѣла совпало у насъ (какъ и другая важная мѣра, удешевленіе водки) съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Желѣзныя дороги постепенно сломали всѣ устои крестьянскаго хозяйства, въ то именно время, когда, для правильнаго развитія новаго гражданскаго устройства въ крестьянской средѣ было особенно

желательно избѣгать всякихъ, а особенно коренныхъ переворотовъ въ хозяйственномъ обиходѣ крестьянъ. Двойная задача—приспособленіе къ свободной гражданской жизни и таковое же къ новымъ (не выработаннымъ опытомъ) хозяйственнымъ порядкамъ, оказалась слишкомъ тяжелою для крестьянъ, предоставленныхъ самимъ себѣ; и оттуда получились многіе печальные результаты, которые приписываются распущенности самого народа, и противъ которыхъ стали искать спасенія въ мѣрахъ ничего общаго не имѣющихъ съ причинами, вызвавшими упадокъ народнаго благосостоянія. Нельзя не выразить искренней признательности статсъ-секретарю Куломзину за драгоцѣнный даръ, которымъ онъ обогатилъ исторію нашей внутренней жизни послѣдняго полустолѣтія; нельзя не отдать также справедливости таланту г. Кислинскаго, такъ хорошо справившемуся съ трудной задачей, ему предлежавшей. Разсматриваемая нами книга бросаетъ новый свѣтъ на многіе факты и на отношеніе къ нимъ разныхъ государственныхъ дѣятелей. Такъ отношеніе Николая Павловича къ зачинавшемуся желѣзно-дорожному дѣлу представляется инымъ, чѣмъ его себѣ почти всѣ представляли. Особенно же пріятно встрѣтить на страницахъ этой книги воспроизведеніе словъ графа Канкрина, взятыхъ изъ его сочиненія „Очерки политической экономіи и финансіи“ и показывающихъ, какими трезвыми взглядами руководствовались государственные дѣятели у насъ полвѣка слишкомъ тому назадъ. „Мы не допускаемъ, писалъ Канкринъ, что цѣль общества—наибольшая продуктивность; нѣтъ, цѣль общества—это всеобщее, хотя бы и среднее, благосостояніе какъ можно бóльшаго числа индивидуумовъ общества“. Графъ Канкринъ, какъ видно изъ словъ г. Кислинскаго, считалъ желѣзныя дороги не желательными, особенно потому, что онѣ отнимутъ заработокъ у извознаго промысла и вызовутъ упадокъ частныхъ доходовъ и ропотъ въ народѣ. На эти слова графа Канкрина составитель „Очерка“ дѣлаетъ замѣчаніе, поясняющее вполнѣ взгляды его и статсъ-секретаря Куломзина на значеніе и пользу того широкаго развитія, которое у насъ приняли желѣзныя дороги. „Будущее“, читаемъ мы, „доказало несостоятельность опасеній графа Канкрина и другихъ противниковъ желѣзныхъ дорогъ, какъ орудія для преуспѣянія государствъ въ экономическомъ отношеніи“. Можетъ быть, это и доказано для другихъ государствъ, не знаемъ; но едва ли общепризнанный нынѣ фактъ „оскудѣнія центра“ въ Россіи и необходимость созванія по высочайшему повелѣнію комиссіи для пріисканія средствъ къ поднятію сельско-хозяйственнаго дѣла, на которомъ зиждется бытъ огромнаго большинства народа у насъ—не доказываютъ ясно, что опасенія графа Канкрина были вовсе небезосновательны.

Будемъ ожидать съ живымъ любопытствомъ дальнѣйшихъ томовъ исторіи нашихъ желѣзныхъ дорогъ и особенно исторіи сооруженія великаго Сибирскаго пути, о которомъ, съ точки зрѣнія полезности его, вѣроятно и до днесь могутъ существовать мнѣнія самыя противуположныя.

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ И АЛЕКСАНДРА ѲЕОДОРОВНА ВЪ ДИНАБУРГѢ.

Динабургъ, нынѣшній Двинскъ, уѣздный городъ Витебской губерніи, вблизи Курляндской границы, считался въ царствованіе Николая Павловича важной крѣпостью, имѣвшей назначеніе оборонять правый берегъ Западной Двины и служить опорнымъ пунктомъ при наступленіи къ западной границѣ.

Въ 1844 году Динабургскимъ комендантомъ былъ инженеръ-генералъ-лейтенантъ Гельвигъ, строгій и исполнительный по службѣ старикъ-Нѣмецъ. Онъ входилъ рѣшительно во все, не только по управленію крѣпостью, но и городомъ, гдѣ онъ зналъ почти всѣхъ домовладѣльцевъ и даже легковыхъ извозчиковъ, отъ которыхъ требовалъ безукоризненно опрятныхъ экипажей, здоровыхъ лошадей и прочной сбруи, что́ и исполнялось: иначе ослушникъ лишался права на промыселъ. При Гельвигѣ Динабургскіе легковые извозчики считались лучшими въ Западномъ и Бѣлорусскомъ краяхъ. Чистоту шоссированныхъ городскихъ улицъ довелъ старикъ-комендантъ до совершенства. Ежедневно гуляя по городу, онъ часто подымалъ на улицѣ апельсинныя или хлѣбныя корки или собиралъ въ горсть орѣховую скорлупу и клалъ все это на подоконникъ ближайшаго дома, давая понять, что улицы должно содержать въ безусловной чистотѣ. Такой порядокъ въ крѣпости и городѣ не могъ укрыться отъ Николая Павловича, и онъ дорожилъ Гельвигомъ какъ образцовымъ комендантомъ, хотя не упускалъ случая подсмѣяться надъ нимъ за его непріязненныя отношенія къ женщинамъ.

Въ этомъ отношеніи старикъ Гельвигъ былъ настоящимъ маньякомъ: онъ не переносилъ присутствія женщинъ и всѣми мѣрами старался даже избѣгать разговоровъ съ ними. Какъ гражданскому начальнику города, ему по необходимости приходилось имѣть дѣло съ разными просительницами. Отъ кого изъ нихъ можно было отдѣлаться, при помощи плацъ-адъютанта, онъ, конечно, не упускалъ возможности; но не принять даму съ извѣстнымъ положеніемъ въ городѣ граничило уже съ отсутствіемъ вѣжливости, а такихъ дамъ было всегда достаточно. Многія изъ нихъ, зная странности Гельвига, являлись къ нему подъ самыми пустыми предлогами, а нѣкоторыя, завзятыя кокетки-Польки, явно желали испробовать, не приметъ ли онъ ихъ любезнѣе, чѣмъ другихъ, съ цѣлью похвалиться потомъ, что онѣ побѣдили, наконецъ, неисправимаго женоненавистника. Всѣ эти усилія были напрасны: старикъ,

по обыкновенію, былъ вѣжливъ, но держался всегда въ отдаленіи отъ посѣтительницъ, никогда ни одной изъ нихъ не подавалъ руки и всегда старался убѣдить ихъ, что онъ очень занятъ и не можетъ удѣлить имъ много времени на объясненія, а просилъ поручить ихъ дѣло мужу, брату или другому мужчинѣ, съ которымъ онъ можетъ переговорить на свободѣ вечеромъ, для чего назначалъ даже часъ. Проводивъ такимъ образомъ посѣтительницу, онъ приказывалъ тотчасъ выколотить стулъ, на которомъ она сидѣла, и окурить комнату уксусомъ съ водой.

По слабости здоровья Государыни Александры Ѳеодоровны, когда она ѣхала въ Палермо, была назначена въ Динабургѣ двухдневная остановка. Пользуясь ею, Государь назначилъ на первый день подробный осмотръ крѣпости, а на второй смотръ гарнизону. Все обошлось отлично. Николай Павловичъ поблагодарилъ Гельвига за усердную службу и предложилъ ему на слѣдующій день ѣхать на смотръ гарнизона не верхомъ, а съ Императрицей въ коляскѣ.—Я еще не настолько старъ, Ваше Величество, чтобы не могъ слѣдовать за вами верхомъ,. попробовалъ отдѣлаться отъ предложенной чести старикъ-комендантъ. — Не въ томъ дѣло, Гельвигъ. Кто же лучше тебя все покажетъ женѣ?

Дальнѣйшихъ возраженій, конечно, не могло быть, и на слѣдующій день утромъ Гельвигъ занялъ мѣсто въ коляскѣ рядомъ съ Императрицей. Александра Ѳеодоровна, не предупрежденная супругомъ, не могла довольно надивиться необычайному обращенію съ нею коменданта. Старикъ все время объѣзда отворачивался отъ нея, отвѣчалъ на вопросы какъ- то нехотя и не глядя на нее. Николай Павловичъ, ѣхавшій рядомъ съ коляской верхомъ, смѣялся, безъ сомнѣнія, въ душѣ, видя недоумѣніе своей супруги и растерянный видъ Гельвига, но не окончилъ этимъ своей шутки.

Смотръ прошелъ благополучно и по обыкновенію завершился царскимъ благоволеніемъ коменданту крѣпости и командовавшему гарнизонными войсками генералу. Въ видѣ особаго расположенія къ Гельвигу, Государь, тутъ же на полѣ, гдѣ производился смотръ, объявилъ ему, что намѣренъ съ Императрицей пить у него вечеромъ чай.

— Ваше Величество, у меня нѣтъ хозяйки: я старый холостякъ, рѣшился возразить Гельвигъ.—А почему ты не женишься? У меня есть, кстати, на примѣтѣ, подходящая тебѣ невѣста...—Я слишкомъ старъ, Ваше Величество, для семейной жизни. — Ну, вотъ пойди, разбери тебя: проскакать десятокъ верстъ верхомъ ты еще молодецъ, а жениться—старъ! Ну, да, я не набиваюсь тебѣ со сватовствомъ, а чай пить у тебя все-таки буду. Мы попросимъ Императрицу, чтобы она взяла на себя роль хозяйки. Иди, проси ее! Старикъ съ сокрушеннымъ сердцемъ исполнилъ приказаніе Государя и подъ предлогомъ, что ему надо сдѣлать распоряженіе для пріема Ихъ Величествъ, отпросился домой.

Вечеромъ Императрица уже не удивлялась обращенію съ нею старика. Чай былъ сервированъ не безъ вкуса и изящества, не было недостатка ни въ печеніяхъ, ни въ сладостяхъ, ни въ десертѣ изъ фруктовъ; но все это

служило только пыткой для старика: Императрица безпрерывно подзывала его къ себѣ и потчивала изъ собственныхъ рукъ, то чаемъ, то печеніемъ, то грушей или вѣткой винограда. Гельвигъ былъ какъ на иголкахъ: отъ любезнаго предложенія Императрицы онъ не только не смѣлъ отказаться, но въ благодарность за вниманіе приходилось кое-что и съѣсть, а между тѣмъ это были предметы, полученные прямо изъ рукъ женщины!

Но главная пытка была еще впереди. Оставляя позабавившаго царскую чету хозяина, Императрица подала ему руку. Ее слѣдовало поцѣловать, что́ старикъ и исполнилъ, но затѣмъ, по отъѣздѣ гостей, не только безъ устали полоскалъ ротъ, но и весь погрузился въ ванну, и въ заключеніе надѣлъ чистое бѣлье и перемѣнилъ платье, отдавъ снятое въ окурку. Комнаты были также усиленно окурены, а кресло, на которомъ сидѣла Александра Ѳеодоровна, на другой же день заново перебито.

Таковъ былъ служака Николаевскихъ временъ генералъ Гельвигъ человѣкъ умный, честный и правдивый, но почти терявшій разсудокъ при вступленіи въ разговоръ съ какой-либо женщиной. Произведенный въ полные генералы, онъ оставался еще долго Динабургскимъ комендантомъ и лишь при Александрѣ Николаевичѣ за дряхлостью уволенъ и въ видѣ милости назначенъ членомъ Военнаго Совѣта или Комитета о раненыхъ не припомню.

В. Шиманъ.

ПОПРАВКА.

Въ статьѣ о Николаѣ Павловичѣ (Руск. Арх. I, стр. 462) сказано, что онъ игралъ на флейтѣ и даже „отлично". Покойный Государь игралъ отлично только на барабанѣ: талантъ, который былъ унаслѣдованъ отъ него Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ. Учителемъ обоихъ былъ нарочно приглашенный для этого изъ Парижа барабанщикъ, получившій мѣсто въ оркестрѣ Большого театра; немногіе изъ оставшихся въ живыхъ театраловъ того времени должны еще помнить его типическую фигуру съ огромными усами. У Николая Павловича всегда стоялъ форменный барабанъ въ кабинетѣ и, говорятъ, боемъ его онъ призывалъ слѣдующаго на очереди къ докладу изъ ожидавшихъ въ пріемной министровъ.

Не полагаю, чтобы покойный Государь игралъ когда-либо въ азартныя игры; но онъ любилъ бывшій тогда въ модѣ преферансъ, при чемъ почти всегда его партнерами были графы Апраксинъ, Михаилъ Юрьевичъ Віельгорскій и Андрей Петровичъ Шуваловъ.

Сохранился рисунокъ карандашомъ очень любимаго тогда при дворѣ рисовальщика Чернышова, представляющій названныхъ партнеровъ за игрой. В. Д. Олсуфьевъ, замѣнявшій иногда одного изъ названныхъ партнёровъ, проигравши довольно, по его понятіямъ, большую сумму, жаловался Государю, что ставка слишкомъ высока. На это Николай Павловичъ шутя замѣтилъ:

„а вѣдь онъ богаче васъ всѣхъ“, и на удивленный вопросъ одного изъ присутствующихъ (кажется, графа Апраксина), дѣйствительно обладавшаго огромнымъ состояніемъ, въ сравненіи съ которымъ Олсуфьевъ могъ считаться почти бѣднякомъ, „какимъ же это образомъ“, Государь отвѣчалъ: „потому что у Олсуфьева, я это вѣрно знаю, нѣтъ ни копѣйки долга, а также ни одной души заложенной въ Опекунскомъ Совѣтѣ; ну, а кто изъ васъ, господа, можетъ подобнымъ похвалиться?

Все это по поводу разсказа г-на Шимана, но далѣе на стр. 530, встрѣчаемъ маленькую неточность въ подстрочной замѣткѣ издателя.

П. П. Новосильцовъ служилъ „потомъ“, т. е. вышедши въ отставку изъ военной службы, не при генералъ-губернаторѣ, а Московскимъ вице-губернаторомъ, сначала при Небольсинѣ, а потомъ съ 1837 по 1840 при В. Д. Олсуфьевѣ. Надо полагать, что князь Дмитрій Владимировичъ отпустилъ его изъ своихъ адъютантовъ только для того, чтобы предоставить ему мѣсто вице губернатора у себѣ же въ Москвѣ.

***

СТИХОТВОРНАЯ ШУТКА С. А. СОБОЛЕВСКАГО.

O wäre ich ein Potentat
(Das sollte mir jedoch gebühren),
Wer würde lenken meinen Staat,
Und meine Heere führen?
Wer würde tragen meinen Stern
Und meine Orden? Woll kein andrer,
Als Du, mein lieber Alexander
Ifanowitch von-Krusenstern.

Переводъ. О, если бы я былъ монархомъ (это мнѣ вѣдь подобаетъ) кто правилъ бы моимъ государствомъ и предводительствовалъ моими войсками? Кто носилъ бы мою звѣзду и мои ордена? Конечно, никто другой, какъ ты, мой любезный Александръ Ивановичъ фонъ-Крузенштернъ.

Служившій въ Варшавѣ въ дипломатической канцеляріи князя Паскевича, А. И. фонъ-Крузенштернъ отличался страстью къ орденамъ, всякимъ отличіямъ и чиновничеству, что не мѣшало ему быть добрымъ человѣкомъ: онъ охотно простилъ С. А. Соболевскому эти стихи. П. Б.

торые пріемы и способы рѣчи у Гоголя встрѣчаются лишь въ первой и послѣдней порѣ его творчества, или совсѣмъ не встрѣчаются или очень рѣдки въ пору его наибольшей поэтической дѣятельности. Къ ихъ числу относится страсть къ новообразованіямъ. Съ самыхъ своихъ раннихъ произведеній Гоголь рѣшался на превращенія существительныхъ въ прилагательныя или глаголы, и наоборотъ. Напримѣръ, изъ „равнодушный" Гоголь образовывалъ „обравнодушить", изъ „обдумывать" — „обдумье", изъ „пестрый"—„спестриться"; онъ употреблялъ такія слова, какъ „несбытодуміе", „опритчивость", „ангельство", и такія формы, какъ „говорящѣй" т. е. сравнительную степень отъ причастія „говорящій" („Перетряхни родную старину, особенно времена царей, онѣ говорящѣй и ближе къ намъ"). Особенное пристрастіе питалъ Гоголь къ образованію словъ съ окончаніемъ на „тель", при чемъ у него являлись „вѣдатель", „сердцезнатель", „надоумительный", „обнадеживательно" и т. д. Эта плодовитость Гоголя въ изобрѣтеніи безплодныхъ словъ пріостанавилась на время созданія его великихъ поэтическихъ произведеній, какъ Тарасъ Бульба, Ревизоръ, 1 часть Мертвыхъ Душъ. Напротивъ, въ Перепискѣ съ друзьями самыя неуклюжія и противныя духу Русскаго языка выраженія явились вновь въ изобиліи. Тамъ есть слова въ родѣ: „цѣлизна", „чужеземствованіе", „окупленіе" (отъ „окупить"), „знатель". Точно также тотъ любимый пріемъ Гоголя, который въ учебникахъ называется тавтологіей (постановка рядомъ двухъ одинаково звучащихъ выраженій), доходитъ у него до безобразныхъ крайностей только въ самыхъ раннихъ произведеніяхъ и въ Перепискѣ съ друзьями. Въ пору высшаго творчества онъ пользовался тавтологіей, хотя и часто, но въ мѣру, тогда какъ въ Перепискѣ онъ допускалъ выраженія: „младенчество младенца", „подробныя подробности", „согласованное согласіе", „Петръ I прочистилъ глаза чистилищемъ просвѣщенія Европейскаго" и, наконецъ, „дымное надменіе доблестей надмѣвающаго человѣка". Близко къ этому стоитъ употребленіе Гоголемъ рядомъ двухъ однозначущихъ словъ безо всякаго требованія со стороны ясности или опредѣленности мысли. Уже въ своихъ первыхъ произведеніяхъ Гоголю случалось писать „Женщина застывшая и окаменѣвшая". „дерзкія и отважныя мысли", „тихо и безмолвно", „со всѣхъ боковъ и сторонъ". Но позже, когда Гоголь началъ поучать, этотъ пріемъ принялъ у него видъ какого-то ненужнаго придатка, обременяющаго мысль. Гоголь словно искалъ, чѣмъ наполнить отсутствіе содержанія. Онъ писалъ: „У васъ есть много того, что теперь для Россіи *потребно* и *нужно*". „Никогда не бывало въ Россіи такого необыкновеннаго *разнообразія* и *несходства*" и т. д. Г. Мандельштамъ нѣсколько разъ возвращается къ этой разницѣ, къ этой пропасти между языкомъ поэта-художника и стилемъ мистика-философа. Онъ не только указываетъ на нее, но благодаря своимъ пріемамъ изученія и *доказываетъ* ее, такъ что отнынѣ она должна стоять внѣ спора.

Г. Мандельштаму приходилось работать въ области почти совершенно неизслѣдованной. Матеріалъ, которымъ онъ пользовался, далеко не вполнѣ собранъ. На Западѣ онъ нашелъ бы особые словари къ выдающимся писателямъ (въ Англіи есть словари къ Шекспиру и Шелли), у насъ же нѣтъ даже полныхъ и провѣренныхъ изданій такихъ писателей, какъ Пушкинъ и Жуковскій. Вотъ почему читателю не приходится требовать отъ г. Мандельштама исчерпывающей полноты. Въ его книгѣ есть новое и любопытное, и за это мы должны быть ему благодарны.

В. Б.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1902 года.

(Годъ 40-й).

«Русскій Архивъ» въ 1902 году по прежнему выходитъ **двѣнадцатью выпусками**, которые составятъ три книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ.

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1902 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива» на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву" для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» прошлыхъ лѣтъ получаются по слѣдующимъ цѣнамъ: **1874** годъ, съ двумя гравированными на стали портретами (Ѳ. И. Тютчева и князя В. Ѳ. Одоевскаго), за 6 р., съ пересылкою 7 р.; годы **1877**, **1879**, **1884** и **1886—1889** по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р.; годы **1890—1892**, **1894** и **1895** по 6 р., съ пересылкою по 7 р.; годы **1898—1901** по 8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Оставшіеся въ розбити выпуски можно получать по **1 р.** съ перес.

Роспись содержанію Русскаго Архива за первыя 30 лѣтъ изданія (1863—1892) съ Азбучнымъ Указателемъ. М. 1894. 240 стр. Цѣна **три** рубля.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногородняго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный—**90** копѣекъ; иногородняго на Московскій—**40** копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, отъ 9 часовъ утра до 5 часовъ по полудни.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" **Петръ Бартеневъ**.

(Годъ сороковой).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1902

7.

Стр.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1902.

ГЛАВНОЕ СОДЕРЖАНІЕ КНИГЪ

„АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА" *).

III. Служебный журналъ гр. М. Л. Воронцова. Письма Θ. Д. Бехтѣева. Дѣло Каржавина. Арестъ Лестока. Бумаги Конференціи. Письма гр. А. П. Бестужева-Рюмина къ барону І. А. Корфу. Письма гр. Санти. Переписка съ гр. А. Г. Головкинымъ.

IV. О Московскихъ пожарахъ. Переписка гр. Бестужева съ Апраксинымъ. Доклады гр. М. Л. Воронцова. Семилѣтняя война. Записка о ней гр. Воронцова. Дѣло Лестока. Переписка съ гр. К. Г. Разумовскимъ. Письма М. В. Ломоносова.

V. Бумаги гр. А. Р. Воронцова. Автобіографич. показаніе. Переписка съ гр. М. Л. Воронцовымъ. Письма княг. Дашковой. Письма А. Н. Радищева и Е. В. Рубановской. Разборъ сочиненія Радищева, написанный Екатериной Великой. Повинная его. Допросные пункты. Письма Вольтера.

VI. Бумаги гр. М. Л. Воронцова. Доклады Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Переписка съ Θ. Д. Бехтѣевымъ, И. И. Шуваловымъ и съ главнокомандующими въ Семилѣтнюю войну. Взятіе Берлина Русскими войсками. О Русскомъ войскѣ въ 1757 г. Съ планомъ взятія Берлина Русскими войсками.

VII. Доклады Елисаветѣ Петровнѣ отъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Рапортъ Костюрина о Русской арміи, дѣйствовавшей противъ Пруссаковъ. О перемиріи съ Пруссіей. Дѣло гр. Тотлебена. Проектъ гр. П. И. Шувалова о рекрутскихъ наборахъ. Рескрипты гр. Бутурлину. Тайная переписка Елисаветы съ Людовикомъ XV. Доклады Петру III. Переписка съ Екатериною Второю. Замѣчанія княг. Дашковой на книгу Рюльера. Приложенъ портретъ гр. М. Л. Воронцова и снимокъ съ письма.

VIII. Автобіографія гр. С. Р. Воронцова. Переписка его съ гр. Θ. В. Ростопчинымъ.

IX. Письма гр. С. Р. Воронцова. Съ гравированнымъ на стали портретомъ.

X. Письма гр. С. Р. Воронцова къ его брату и разнымъ лицамъ въ царствованіе Павла и Александра I. Со снимкомъ.

XI. Переписка гр. С. Р. Воронцова съ гр. Н. П. Панинымъ и съ Н. Н. Новосильцовымъ въ царствованіе Павла и Александра I. Со снимкомъ.

XII. Письма гр. П. В. Завадовскаго къ братьямъ Воронцовымъ, княгини Е. Р. Дашковой, Д. П. Трощинскаго, А. Н. Радищева. Бумаги о разлученіи герцога Виртембергскаго съ его супругою. Письма гр. А. Р. Воронцова къ кн. А. Чарторыжскому. Со снимкомъ почерка гр. П. В. Завадовскаго.

XIII. Письма кн. А. А. Безбородка и къ гр. Воронцовымъ.

XIV. Письма кн. Кочубея, гр. А. И. Маркова, кн. А. И. Вяземскаго, П. А. Левашова, Н. Н. Страхова.

XV. Письма А. Я. Протасова. Переписка гр. С. Р. Воронцова съ кн. А. Чарторыжскимъ. Записка гр. С. Р. Воронцова о внутреннемъ управ-

*) Первыя двѣ книги вышли изъ продажи.

ДНЕВНИКЪ ИВАНА МИХАИЛОВИЧА СНѢГИРЕВА *).

1823-й годъ.

Октябрь 1. Былъ у заутрени въ своемъ приходѣ съ маменькой и пѣлъ молебенъ Покрову Б. М. Дворянинъ Матвѣевъ пріѣзжалъ съ сыномъ благодарить меня за споспѣшествованіе въ экзаменѣ и просилъ о ближайшемъ знакомствѣ. Обѣдню слушалъ у Троицы на Листахъ; тамъ праздникъ. Проповѣдь очень хороша была и тронула меня до слезъ. Жизнь и добродѣтели Св. Маріи поставлялись въ примѣръ. Я замѣтилъ подлѣ прекрасной монахини Романовой вдову молодую, знакомую Казаковой; она пріѣхала въ Москву изъ Сибири и потеряла мужа. Послѣ обѣдни по приглашенію заходилъ къ священнику безъ зову, къ Матушкину, имянниннику, на минуту. Послѣ обѣда у насъ была Ѳ. И. Ѳедорова съ Никитскою монахиней, которая меня на рукахъ пѣстовала; разсказывала о путешествіи въ Кіевъ, о бѣдности, простотѣ и честности Ахтырскихъ жителей. Я отпустилъ ихъ на своихъ лошадяхъ; въ вечеру былъ И. С. Беръ; остальное время провелъ въ ученыхъ занятіяхъ; написалъ предисловіе къ IV-му тому рѣчей Университетскихъ [1]).

2. Былъ у А. А. А.[2]) и читалъ ему свое предисловіе къ рѣчамъ; онъ просилъ его сократить и выключить его имя; а я просилъ его о И. Ѳедоровѣ. А. Ѳ. Мерзляковъ казалъ мнѣ доконченнаго имъ Тасса, о коемъ я сказалъ ему: Тассъ, гряди вонъ! При свиданіи съ В. М. Котельницкимъ условились идти подъ Новинское, посмотрѣть прежняго монастыря, уничтоженнаго м. Платономъ; тамъ, говорятъ, погребенъ архіер. Леонидъ, задушенный царемъ Іоан. Вас. Новинскимъ называется отъ новинокъ, т. е. холстинъ, кои тамъ встарь сбирали. В. М. обѣщалъ достать мнѣ описаніе Псково-Печерскаго монастыря, въ рукописи; догадывались, не погребенъ ли царевичъ Алексѣй Петр. у Константина и Елены, чтò въ Кремлѣ [3]). Былъ потомъ въ манежѣ и видѣлъ новаго бер.(ейтора), но не ѣздилъ.

---

*) См. выше стр. 177.

[1]) Эти рѣчи Московскихъ профессоровъ, съ краткими ихъ жизнеописаніями изданы отъ Общества Любителей Россійской Словесности, въ 4 частяхъ, въ 1819—1823 гг. П. Б.

[2]) Т. е. у ректора Университета, Антонскаго, котораго князь Вяземскій называлъ *Трикратнымъ Антономъ*. П. Б.

[3]) Самое имя злополучнаго царевича долго было у насъ запретнымъ, дѣло его до самаго конца царствованія Николая Павловича считалось государственною тайною, и о немъ ходили лишь темные слухи даже между людьми книжными. Царевичъ замученъ въ Петербургѣ и погребенъ подъ колокольнею Петропавловскаго собора. П. Б.

3. Утро въ В. Домѣ, обѣдалъ у Діом. Ант. Соколова, провели время весело; оттуда опять въ В. Д. Дочиталъ и подписалъ Целину.

4. Прочиталъ свою лекцію; ѣздилъ въ манежъ, потомъ далъ урокъ у кн. Мещерскаго; обѣдалъ у сосѣда Я. В. Яинова на полугодовщинѣ по женѣ его, видѣлся тамъ съ Бекетовымъ, съ коимъ проговорилъ весь обѣдъ о Латин. языкѣ. Въ нынѣшнемъ году въ другой разъ поспѣваетъ осенью малина вопреки пословицѣ: спустя лѣто, да въ лѣсъ по малину. Подарокъ Яинова мною назадъ отосланъ: чѣмъ меньше обязательствъ, тѣмъ лучше. Лучше даяти, нежели взимати. Сими словами должно ограждаться отъ прелести взиманій, отъ коихъ рождается потворство, попреки, тайный стыдъ и пр. Оттуда вызвалъ меня домой Вальковскій съ письмомъ отъ генеральши Дурасовой: проситъ о неоставленіи его на экзам. въ студенты.

5. Послѣ уроковъ въ В. Д. отправился въ Губ. Правл., подалъ просьбу о возвращеніи мнѣ бѣглаго человѣка моего Петра, при чемъ представилъ купчую въ подл. и въ копіи, явочное прошеніе и два листа рубл. герб. бумаги на производство. Обѣдалъ у И. И. Давыдова, послѣ обѣда урокъ въ Пансіонѣ Универ., а потомъ въ В. Д.; отъ экзамена студ. уклонился по извѣстнымъ мнѣ причинамъ. Вечеръ дома за работою. Богъ труды любитъ, справедливая пословица въ жизни человѣка.

6. Послѣ урока въ В. Д. обѣдалъ у професс. Котельницкаго, который показывалъ мнѣ свои картинки, довольно хорошихъ мастеровъ. Августиновъ отецъ Василій Козелъ былъ дьячкомъ у Большого Вознесенья, сосѣдомъ и знакомымъ Потемкина. Когда Платонъ въ юности толковалъ въ М. Академіи Апостольскія посланія, то всѣ говорили, что это новый Апостолъ. Богословіи Августинъ учился въ Моск. Академ. у ректора Аѳанасія. Послѣ обѣда пошли въ Новинской монастырь, построенный на прекрасномъ мѣстѣ, откуда виды прекрасные, внизу рѣка, въ дали поля, рощи; туманъ мѣшалъ намъ видѣть окрестности. Гдѣ прежде были кельи въ обширномъ двухъэтажномъ зданіи*), теперь тутъ съѣзжая; остались только двѣ церкви, а древняя Похвалы Богородицы при Платонѣ сломана; надгробные камни стащены съ мѣста и употреблены на строеніе. Искали надгробнаго камня Новгород. архіеп. Леонида, который посаженъ былъ царемъ Іоан. Вас. въ этотъ монастырь и, говорятъ, въ немъ задавленъ или задушенъ; нѣтъ слѣдовъ, все изгладилось. При входѣ въ церковь у порога на крыльцѣ есть камень съ фигурами древняго стиля, но безъ надписи, другой вдѣланъ въ столбъ на крыльцѣ: памятникъ строителю Новинскаго мо-

*) Это нынѣ домъ Князевой на Новинскомъ бульварѣ. П. Б.

настыря Филарету Барнашеву †1724. По кресту на престолѣ, вкладу кн. Воротынскаго, видно, что сей монастырь назывался Патріаршимъ. М. Платонъ увѣряетъ, будто тутъ сбирались новины, т. е. холсты для патріарха; а есть преданіе, что тутъ была встарь церковь Іисуса Навина, почему и слобода и монастырь назыв. Навинскими. При Серафимѣ м. тутъ на колокольнѣ удавился на колокольнѣ дьячекъ. Въ Данил. слободѣ есть церковь Словущаго Воскресенья; въ ней есть въ землѣ два предѣла, между коими хоронились усопшіе; при ней есть надгробный камень, очень старый какого-то стряпчаго.—Ввечеру у всенощной на подворьѣ.

7. Послѣ обѣдни у Панкратія зашелъ въ дождь къ Елагину, посидѣлъ, побесѣдовалъ о Ливіи и Тацитѣ. Отъ куренья мнѣ сдѣлалось дурно; не остался обѣдать, обѣщаясь въ другой разъ придти. Не обѣдавъ, легъ отдохнуть; ввечеру пришла Ѳ. И. Ѳедорова. Писалъ лекціи Логики и дочелъ VI томъ Карамзина Исторіи.

8. Утро занимался логическими лекціями и Римск. древн., de civibus R(omanis). Послѣ лекцій въ Унив. Панс., гдѣ разговорами мѣшаютъ чтенію, и въ Воспитательномъ Домѣ, занимался дома своими дѣлами. Безъ меня у меня былъ А. П. Грушевскій; панс(іонеры) звали въ свое общество.

9. Заѣзжалъ въ Унив. типогр., оттуда въ Унив. Панс., гдѣ взялъ за Сентябрь свое жалованье. Въ Универс. встрѣтился съ доктор. Альфонскимъ, съ которымъ бесѣдовалъ о новой системѣ въ медицинѣ, Кизера: жизнь челов. опредѣляется двумя полюсами, съ укрѣпленіемъ одного ослабляется другой; жизнь состоитъ въ раскрытіи силъ тѣлесныхъ и духовныхъ; но въ этомъ развитіи должно наблюдать постепенность. У И. И. Д. встрѣтилъ Щепкина и Перевощикова; заходилъ въ Губерн. Правл. просить о приведеніи въ исполненіе опредѣленія по дѣлу моему; обѣщано. Послѣ урока у кн. Мещерскаго домой къ обѣду, вздремалъ четверть часа, за дѣла свои. Реестръ составлялъ книгъ.

10. Снѣгъ выпалъ. С. Сергія, что̀ 25 Сент., въ деревняхъ назыв. Сергіевымъ днемъ, а Рождество Богор. Апосовымъ днемъ. Во время Русскаго класса были у меня кн. С. М. Голицынъ и сенаторъ Саблинъ, нѣсколько минутъ слушали мою лекцію, при чемъ я дѣлалъ изъ логики вопросы ученицамъ. Послѣ заходилъ къ тетушкѣ, отъ нея къ г. Дурасову; раскáзывали о кончинѣ Балашевой жены*), о любви и горести ея мужа: примѣрное и рѣдкое супружество. Разсуждали о бла-

*) Супруга Александра Дм. Балашова, ур. Елена Петровна Бекетова († въ Рязани). П. Б.

готвореніяхъ и его степеняхъ. Благотвореніе хотя бы только и изъ тщеславія, но полезное для человѣчества.

11. Послѣ уроковъ въ Университетѣ и у кн. Мещерскаго обѣдалъ дома. Послѣ обѣда зашелъ къ Грушевскимъ, побесѣдовалъ съ ними о силѣ вѣры; разсказывали примѣры оной, просили, чтобы я внушалъ сіи правила ихъ сыну; напились чаю. Отъ нихъ прошелъ къ А. Ѳ. Малиновскому по его зву, принятъ ласково. Просилъ меня справиться объ Агл. учителѣ для Англичанки въ В. Д., справиться касательно нѣкоторыхъ предметовъ для Университетской исторіи, которую онъ пишетъ; хвалилъ мое изданіе Университетскихъ рѣчей, Досуговъ и вызвался поговорить обо мнѣ съ А. А. А. Отдалъ мнѣ Вольтерово письмо къ Миллеру, содержитъ въ себѣ благодарность за принятіе его въ члены Академіи Наукъ 1746. Совѣтовалъ мнѣ не перемѣнять должности и трудиться въ упованіи награды, отказываться безъ грубости, но съ вѣжливостію. Былъ разговоръ и о древностяхъ Россіи. Вольтеръ вызывался предъ Елисаветою Петровною писать исторіи Петра I; ему отказано [1]).

12. Послѣ уроковъ въ В. Д. зашелъ къ А. А., поговорилъ съ нимъ о своихъ обстоятельствахъ, прочиталъ съ нимъ увѣдомленіе къ Университетскимъ рѣчамъ. Обѣдалъ у И. И. Давыдова, вмѣстѣ съ Каченовскимъ, Чумаковымъ, Перевощиковымъ, Маловымъ, Севенардомъ и Чернявскимъ. Разговоръ былъ о 1812 годѣ, о происшествіяхъ его и образѣ мыслей и дѣйствій тогда. Каченовскій, оставивъ своего сына, взялъ собаку; дорóгой его бранили: песъ пса везетъ! Потомъ разговоръ зашелъ о Гречевой граматикѣ, о томъ, что̀ есть истина? Іисусъ умолчалъ, а мы рѣшили, что истина есть соотвѣтствіе познанія съ познаваемымъ. Перевощиковъ желалъ, чтобы всѣ науки подчинены были математической точности, чтобы въ истинахъ соглашались и въ Калькутѣ и въ Москвѣ.

13. За всенощной видѣлся съ Я. Е. Арс., который разсказывалъ мнѣ, что въ Вязьмѣ есть какіе-то искатели кладовъ; ихъ считаютъ за Русскихъ Карбонаріевъ.

14[2]). У обѣдни былъ въ В. Д., служилъ пр. Филаретъ; довольно было генералитету; послѣ заходилъ на завтракъ или закуску къ П. Б. Шредеру, гдѣ видѣлся съ проф. Цвѣтаевымъ и Маньяномъ, говорилъ съ ними по-латыни. Въ мужской столовой замѣтилъ Богоматерь, привезенную изъ Молдавіи съ надписью. Переодѣвшись изъ мундира во фракъ, пошелъ къ сенатору Малиновскому, гдѣ встрѣтился съ К. Ка-

---

[1]) А потомъ позволено. П. Б.

[2]) День рожденія императрицы-матери. П. Б.

лайдовичемъ. А. Ѳ. показывалъ мнѣ видъ, что знаетъ о личномъ нашемъ неудовольствіи; я будто не замѣтилъ сего. Разговоръ шелъ объ Русск. древност., о бородахъ; К. К. казалъ монету на бороду при Петрѣ I. 1705. Ворота Кремл. переименованы при ц. Ал. Мих. Въ этотъ день было поминовеніе по папѣ, и получено извѣстіе объ избраніи новаго папы Льва XII. Я сообщилъ свои отвѣты на сдѣланные мнѣ вопросы касат. Универс. и листы Исторіи Универс., помѣщ. въ Русск. Вѣстн. Послѣ обѣда вскорѣ распростился и зашелъ къ С. М. Соймонову, который ласково меня принялъ, расказывалъ объ учрежденіи и хозяйствѣ Шер(емет.) бол., о посѣщеніи имп. Маріи Ѳеодор. и гр. Аракчеева. Каждаго человѣка накормить стоитъ 20 коп. въ день; гдѣ садъ, тутъ была церковь Св. муч. Ксеніи, близъ коей жилъ Андрюшка-Христосъ, высѣченный кнутомъ; это все называется Черкаскіе огороды. С. М. совѣтовалъ мнѣ оштукатурить домъ; извести купить двѣ бочки, да 50 пуд. алебастру о вел. постѣ на Красномъ холму. Я просилъ его о помѣщеніи въ число Шерем. невѣстъ сестру Павлова, солдат. дочь Прасковью Иван. Посникову (посная), жив. за Доргом мостомъ въ прих. Богоявленія у ямщика Балыкина; обѣщалъ, велѣлъ напомнить въ началѣ Января.

15. Поутру былъ Сытинъ, извѣстившій меня о смерти Рѣшетниковой жены. Былъ на погребеніи ея; послѣ заходилъ къ Бѣлопольской и къ Малову; оттуда въ Универ. Панс.; изъ Панс. въ В. Д.

16. Пріѣзжалъ ко мнѣ докторъ Кистеръ приглашать меня къ себѣ въ пансіонъ давать Латин. уроки; отвѣчалъ, что напередъ посовѣтуюсь съ проф. Мерзляковымъ и Ульрихсомъ. А. Ѳ. М. мнѣ совѣтуетъ. Вчера безъ меня пріѣзжалъ ко мнѣ С. Глинка и подарилъ мнѣ свою Р. Исторію, 3 изд., 8 част., прося о процензурованіи и поправленіи его Путев. Москвы. Къ А Ѳ. Малиновскому отослалъ свою записку касат. М. Университета и взятое мною у Ширяева Період. Изданіе.

17. Послѣ уроковокъ утреннихъ въ В. Д. заходилъ къ брату Андрею А. Везецк. поздравить съ ангеломъ; его не засталъ, поговорилъ съ тетушкою, которая все вычисляла мнимые мои доходы. Обѣдалъ у Д. А. Соколова, котораго нашелъ нездоровымъ. Съ Бекетовымъ говорилъ объ Августинѣ, соединившимъ имя свое съ отечест. исторіею. Въ дѣтствѣ онъ былъ славнымъ плясуномъ и пѣсенникомъ, пѣвалъ и плясалъ на пирушкахъ у купцовъ. Послѣ урока въ В. Д., пріѣхавъ домой, нашелъ у себя записку отъ воспит. Унив. Панс., приглашавшихъ меня въ свое литер. собраніе. Поѣхалъ; тамъ были князь Голицынъ, Давыдовъ, Маловъ, потомъ А. А. А. Читали прозу и стихи; я съ И. И. дѣлалъ возраженія на мысли и выраженія. Зашелъ споръ о геніи, нужны ли ему правила, или онъ самъ правило; онъ только матерію

перемѣняетъ. Зодчій-поэтъ. Несовершенства въ твореніяхъ генія отъ несовершенства матеріи. Будто ложно положеніе въ изящн. искусствахъ, что должно подражать природѣ. Я не всегда остороженъ въ своихъ выраженіяхъ.

18. Уроки въ Универс. и у кн. Мещерскаго; обѣдалъ у И. И. Д. съ Перевощиковымъ и Бекетовымъ; былъ разговоръ объ ученомъ житьѣ-бытьѣ, о лѣтахъ и перемѣнѣ страстей и образѣ мыслей. У Франкёра Математикѣ учится въ Парижѣ 12 человѣкъ.

19. Послѣ уроковъ въ В. Д. взялъ въ Губ. Правл. купчую на Петра, заплатилъ пошлины; обѣдалъ у Ѳедоровой и пилъ чай; урокъ въ Университетскомъ Пансіонѣ, потомъ въ В. Д.

20. и 21. Былъ у Татариновыхъ, которые приняли меня ласково и просили напредки; отдалъ Ширяеву подписанную мною тетрадь От. Достоп., просилъ меня принять на себя окончаніе; я отговаривался неприличіемъ и недосугомъ.

22. Обѣдню стоялъ у Спаса во Спаской, гдѣ видѣлся съ крест. дочерью своей; оттуда поѣхалъ къ Ю. Ульрихсу, поговорили объ его лекціи, читалъ мнѣ вступленіе о пользѣ и цѣли Исторіи, отъ него въ дождь поѣхалъ къ Гусевымъ на имянины Е. М., гдѣ встрѣтился съ Высоцкими, кои звали къ себѣ. Играли все въ бостонъ послѣ обѣда; одинъ сумасшедшій игралъ на фортепіано и пѣлъ довольно трогательно и выразительно. Пріѣхалъ домой поздно, но трезво.

29. Началъ преподаваніе Латин. уроковъ у доктора Кистера по 10 р.

31. Былъ на лекціи вступит. у Ульрихса и въ Совѣтѣ, гдѣ разсуждали объ экзаменахъ канд. По приглашенію Ульрихса и Мерзлякова былъ на обѣдѣ и просидѣлъ съ професс. до 9 часа вечера; было весело, и разсуждали о новой философіи. Ю. П. У. далъ искусно мнѣ замѣтить, что будто я нескромно намекнулъ въ В. Д. о нѣкоторой связи одной воспитанницы съ воспитанникомъ; я возразилъ, что женщина мнѣ не начальница и что не надобно начальнику допускать сплетни. Хитрость до времени, а правда навсегда.

Ноябрь. 1. Поутру пріѣзжалъ Н. М. Смирновъ просить меня давать ему уроки; началъ въ этотъ же день. Послѣ Универс. урока обѣдалъ у Дудиныхъ; было рожденіе Наталіи Алексѣев.; чай пилъ у Я. Е. Арсеньева, который читалъ мою піесу о Сков(ородѣ) въ О. З.

6. Послѣ урока у Кистера, ѣздилъ поздравлять П. И. Кутузова съ днемъ ангела, принялъ ласково по наружности, бранилъ монаховъ, ссылаясь на Св. Писаніе, гдѣ говорится, что святоши и лицемѣры будутъ нырять по домамъ и управлять распутными женщинами. Павла

Римл. II. Обѣдалъ у П. Щепкина на Пятницкой; довольно весело. Карты.

8. Хотѣлъ прислать за мною Н. М. Смирновъ, но прислалъ лакея съ извиненіемъ, что боленъ. На вечеръ поѣхалъ къ М. Н. Гусеву имянниннику; гости играли въ карты, надобно было терять время; поговорилъ съ дочерью его Маріею Мих.; умна и смѣтлива. Послѣ ужина поѣхалъ домой, надѣлъ вмѣсто своей шубы чужую, которою на другой день и размѣнялся въ В. Д.

9. Послѣ уроковъ въ В. Д. обѣдалъ И. И. Д. вмѣстѣ съ Севенардомъ, который нашелъ меня способнымъ къ фектованью.

10. Послѣ уроковъ въ В. Д. отправился въ Симоновъ, гдѣ была годовщина по Н. Л. Бобарыкинѣ; служилъ самъ архимандритъ съ братіею, пѣли чинно; видѣлъ, съ какимъ благоговѣйнымъ смиреніемъ пріобщался въ одеждѣ послушника М. З. Дурасовъ генералъ. Меня это тронуло, такъ какъ горесть и слезы М. В. Бобарыкиной. Въ нынѣшній вѣкъ рѣдкая жена; примѣрное благочестіе и преданность Богу. Ввечеру было экстр. собраніе Общества Росс. Словесности; болѣе было молодыхъ, чѣмъ старыхъ членовъ. Читаны все стихи, замѣчательные Аксакова, Лобанова, Ал. Писарева, М. Дмитріева; Макарова піеса о Ярилѣ, Никитѣ-Гусарѣ, всѣхъ насмѣшила, такъ какъ и Волкова притча. Жаловались на недостатокъ прозаическихъ піесъ и на лѣность членовъ. А. А. А. благодарилъ меня торжественно за изданіе 4 части профессорскихъ рѣчей и только. Разсказывали про Волкова много смѣшныхъ анекдотовъ, написали на него двѣ эпиграммы, коими старички были недовольны. Я подалъ реестръ о недостающихъ книгахъ и представилъ каталогъ библіотеки. Разъѣхались въ 10 часовъ.

11. Послѣ обѣдни въ Шер. бол., заходилъ къ Киреевскимъ, видѣлъ только Петрушу; обѣдалъ у Яинова, шутили, отъ него завернулъ въ Ѳ. И. Вольс. и пилъ у нея чай и пр.

12. На почту ѣздилъ за письмомъ дяди П. П. Кондратьева, который увѣдомляетъ, что 14 Октября женился на Аннѣ Ѳедор. Бизеевой въ Кинешмѣ. Обѣдню слушалъ въ Златоустовомъ монастырѣ; оттуда зашелъ къ А. П. Трескину; бѣсѣдовалъ съ нимъ о томъ, что нынѣ должно смиряться, себя не выказывать и стараться, чтобы объ насъ забыли люди для нашего счастья, котораго напрасно будемъ искать въ большомъ знакомствѣ.

13. Началъ уроки у Н. М. Смирнова, который прислалъ за мною сани; отъ него пѣшкомъ шелъ въ морозъ и вѣтеръ рѣзкій; въ этотъ день не собрался къ С. Глинкѣ, хотя и желалъ. Перечитавъ корректуру Ульр. лекціи, отослалъ въ типографію. Въ правленіи А. А. А. и Кач. мнѣ замѣтили, что у меня въ Библ. Общ. отпертъ одинъ шкафъ,

что̀ я дѣйствительно нашелъ и запечаталъ его, ибо замокъ оторванъ. Обѣдню слушалъ у Спаса на Бору, гдѣ былъ праздникъ Св. Гурія, Самона и Авивы.

14. Пол. въ В. Д. 1010 р.; послѣ лекціи въ В. Д. обѣдалъ у г. Дурасова, гдѣ слышалъ игру одной барышни Ушаковой на фортопіано, видѣлся съ Ольгою Дм. Молился втайнѣ: Господи, аще хощеши, устрой о мнѣ вещь! Алекс. Петр. разсказывала, что она была въ Ольгиной палатѣ, стоявшей у Троицкихъ воротъ при бывшемъ тутъ Троицкомъ подворьи, гдѣ нынѣ домъ коменданта. Сія палата была древняя осмиугольная; въ ней прекрасно и яркими красками изображены были дѣянія Ольги. Желательно знать, когда и кѣмъ она построена?

15. Послѣ уроковъ въ В. Д. обѣдалъ въ Ново-Троицкомъ съ Романовскимъ; оттуда въ Панс. Унив.; изъ Пансіона въ В. Д. послѣ урока зашелъ къ Ю. П. У., перечиталъ съ нимъ его сочиненіе и въ разныхъ бесѣдахъ просидѣлъ до 10 часовъ. О сердце человѣческое, ты хамелеонъ!

17. Послѣ урока въ В. Д. заѣхалъ къ А. Ѳ. Мерзлякову, говорилъ съ нимъ объ изданіи Кантемировыхъ писемъ. Онъ совѣтовалъ, какъ и я думалъ, написать разсужденіе, какъ введеніе, о времени, духѣ и состояніи наукъ, особливо Р. словесности при Кантемирѣ, о современныхъ ему писателяхъ, о разныхъ обстоятельствахъ его жизни, отношеніяхъ его гражданскихъ, семейныхъ, политическихъ и ученыхъ; объ его образцахъ, о сочиненіяхъ его преимущественно-прозаическихъ и стихотворныхъ. А. Ѳ. совѣтовалъ мнѣ напечатать на свой коштъ и обѣщаетъ успѣхъ. Дай Богъ послѣ такихъ неудачъ! Надобно выпросить у него рукописныя сатиры Кант., приготовленныя княземъ К.*) для изданія въ свѣтъ. Матеріалами могутъ быть напеч. сатиры, Разговоръ о множествѣ міровъ, Батюшкова Разговоръ Антіоха К. съ Монтескіо, Перевощикова извѣстіе о Кантем. въ В. Е. 1822. Сравненіе его стиховъ и прозы съ современными ему писателями. А. Кантемира Симфонія на Псалтырь. Мѣра стиховъ у Кант. силлабическая, но въ пѣсняхъ его Гораціанская. Въ прозѣ его видно стараніе объ очищеніи языка Р. отъ иностранныхъ словъ, начитанность книгъ церковныхъ и вкусъ царедворца и ученаго, классически образованнаго, напитаннаго чтеніемъ Греческихъ и Римскихъ писателей. Странно, что современники его, Тредьяковскій и Ломоносовъ, мало о немъ говорятъ, хотя и они имѣли доступъ ко двору.

26. Былъ я у С. Н. Глинки, который подарилъ мнѣ Кантемировы сатиры съ тѣмъ условіемъ, чтобы я доставилъ ему въ Русскій Вѣ-

*) Козловскимъ? П. Б.

стникъ піесъ своихъ и выпросилъ бы у А. Ѳ. Малиновскаго матеріаловъ для описанія Шереметевской больницы.

24. Заѣхалъ въ типографію, отдалъ корректуру составленнаго мною каталога книгъ О. Л. Р. С., къ Ширяеву отдать конецъ От. Дост. 3 части. Мнѣ слѣдовало получить съ него за труды 40 р., кои отданы мною кн. Шаликову для доставленія Из—му. Оттуда завернулъ къ А. П. Татаринову поздравить его съ именинницею Катенькою; уняли меня обѣдать; тутъ видѣлся съ Степановымъ и его женою Елисаветою Алек.; шутили насчетъ моего постничества, разсуждали о цѣли поста и признали необходимымъ постъ веществ. для обузданія страстей. Все шутили. Когда жъ станемъ вправду говорить и дѣлать? Это я самъ себя спрашиваю.

25. Послѣ обѣдни у Адріана и Наталіи зашелъ къ Грушевскимъ, съ ними побесѣдовалъ о духѣ времени, о своеволіи и вольнодумствѣ юношества, необузданнаго страхомъ. Старики вздыхаютъ и жалуются, что этотъ духъ разлучаетъ сердца дѣтей съ родительскими; просили внушать ихъ сыну правила благочестія и смиренномудрія и убѣждать не увлекаться чужими внушеніями неблагонамѣренныхъ. Разумъ и совѣсть шепчутъ: если хочешь исправлять другихъ, самъ напередъ исправься! Все учимъ другихъ, всего требуемъ отъ другихъ; когда же сами научимся, когда же сами будемъ того требовать отъ себя, чего требуемъ отъ другихъ? Отвѣтъ въ жизни, въ дѣлахъ, а не въ словахъ. Твердимъ о совершенствѣ, а не думаемъ и не стараемся о немъ. Все слова и слова!

27. Напòромъ воды въ Москвѣ-р. разорвало мостъ Москвор. и другіе и унесло много садковъ съ рыбою. Это, говорятъ, было передъ моромъ. Съ порчею души такъ портится тѣло, а съ человѣкомъ и вся окружающая его природа, которая находится съ нимъ въ таинственномъ сродствѣ. Съ очищеніемъ духа очищается и тѣло. Съ человѣкомъ вся тварь совоздыхаетъ. Объ этомъ я говорилъ съ Мерзляковымъ, смотря на сумрачное небо.

28. Послѣ классовъ въ В. Д. переѣхалъ на лодкѣ чрезъ Москву-рѣку, чуть было въ нее не упалъ; обѣдалъ у А. З. Дурасова; слышалъ пѣніе Яковлева, игру дѣвицы Ушаковой, стихи Танѣева. Долженъ бы быть въ обществѣ истор., не былъ и слышалъ, что мало было присутств. членовъ. Всякому до себя. Лучше себя скрывать, нежели себя выказывать; съ твоей стороны будетъ тщеславіе, съ другой зависть. Лучше не слишкомъ сближаться и не слишкомъ удаляться отъ людей; издали грѣютъ, вблизи жгутъ, какъ солнце.

30. Послѣ уроковъ въ В. Д. зашелъ къ Павлову, поздравилъ его съ ангеломъ, позавтракалъ вмѣсто обѣда, увидѣлся съ П. Б. Шреде-

ромъ, котораго просилъ дать мнѣ свѣдѣнія касательно В. Д. Обѣщалъ. Между прочимъ говорилъ, что сдѣланное описаніе послано на разсмотрѣніе Императрицѣ. Прежде В. Д. открыть у Варварскихъ воротъ, на площади, тамъ, гдѣ впослѣдствіи находилась гимназія; за взносъ младенца тогда платили по рублю; потомъ онъ перенесенъ на то мѣсто, гдѣ прежде были Васильевскіе сады, коихъ часть къ рѣкѣ обнесена была валомъ; въ этомъ валу находилась пещера Василія Блаженнаго. Предполагалось построить два квадрата и соединить коръ-де-ложи; окружное строеніе послѣ; въ него пошла стѣна, простиравшаяся до Камерколл. валу. На дворѣ пойманъ славный разбойникъ Изюмовъ. Родильный институтъ отворенъ человѣколюбіемъ Прокофія Акинѳ. Демидова Окт. 1. 1771. Въ 1783—1784 годахъ былъ въ В. Д. театръ, коего содержателемъ былъ баронъ Ванжура, впослѣдствіи содерж. Петерб.; на семъ театрѣ играли питомцы, а деньги за входъ сбирали въ ихъ пользу. Бывали также и собранія, въ коихъ отъ имени питомцевъ говорилъ рѣчи проф. М. Унив. Зыбелинъ; тутъ предлагалась подписка доброх. дателей.

Декабрь 2. Послѣ обѣдни у Спаса на Пескахъ и послѣ обѣда отправился въ Измайлово; въ церкви Рождества пѣли панихиду надъ дѣвушкою и И. С. Брыкинымъ. Вмѣстѣ съ священникомъ отправился въ Покров. соборъ, гдѣ служили вечерню и молебенъ Покрову. Церковь величественная, иконное писаніе прекрасное, иконостасъ въ пять ярусовъ; алтарь возвышенъ на три ступени и сдѣланъ въ три полукружія; оконницы изъ слюды, мѣстами пробиты насквозь, летаютъ птицы; сводъ въ алтарѣ надтреснутъ, кровля худа, каплетъ, и стѣна позеленѣла. Сія огромная церковь поддерживается четырьмя столбами четвероугольными, между коими хоры для пѣвцовъ. У трехъ дверей три каменныя крыльца высокія съ кровлею деревянною. Видно, что ходъ былъ прямо изъ дворца, потому что насупротивъ главнаго крыльца вороты дворцовые съ башнею, подлѣ коихъ была каменная гауптвахта, такъ какъ и у заднихъ воротъ. Къ сѣвернымъ дверямъ сего храма отъ дворца деревьевъ теперь уже не существуетъ. Проведенъ былъ каменный мостъ изъ камней узорочно высѣченныхъ и спаянныхъ свинцомъ, и на немъ крытая галлерея съ окнами, по коей государи ходили въ соборъ къ обѣднѣ и становились на особенномъ у столба сдѣлан. мѣстѣ. Нѣкоторые образа богато были украшены, особливо образъ Покрова Богородицы и Іерусалимскія, которую во время Московскаго мору носили вокругъ Измайлова, и въ немъ ни одинъ человѣкъ не погибъ отъ язвы. Но рука святотатцевъ не пощадила лику Божія и похитила украшенія. Вмѣсто колокольни служитъ баш-

ня съ подъѣздомъ на рѣчкѣ; въ ней живали священнослужители. Недавно украли съ нея колоколъ.

Извольск. отдалъ я собранныя мною 70 р. въ церкви, пожелавъ, чтобы Богъ помогъ ему устроить свое семейство; изъ этихъ денегъ велѣлъ дать кумѣ Ольгѣ на башмаки къ вѣнцу. Старики благодарили Бога и меня; а я молился втайнѣ, чтобы благодать Господ. истребила изъ сердца моего тщеславіе, которое помрачаетъ добрыя дѣла наши и ведетъ къ заблужденію. Потчивали; принужденъ былъ пить и отправился уже поздно домой, гдѣ нашелъ Ѳ. И. Ѳедорову.

3. Послѣ урока у Кистера слушалъ обѣдню на Савинскомъ подворьѣ, гдѣ видѣлся съ Я. Е. Арсеньевымъ и В. М. Котельн. Безъ обѣда прочиталъ лекцію въ Университетскомъ Пансіонѣ, гдѣ мои ученики увѣряли, что будутъ хорошо отвѣчать на экзаменѣ и тѣмъ подарятъ меня удовольствіемъ за мое къ нимъ усердіе. Увидимъ, будетъ ли слово ихъ закономъ. Поданы мнѣ диссерт. уч. Яшерова, Войцеховича.

5. Послѣ уроковъ въ В. Д. зашелъ къ отцу-ризничему, повѣрялъ съ нимъ рукопись цензуруемую мною о дост. Москвы, пер. Глинки*). Нашли много неисправностей въ описаніи вещей, нѣкоторыя поправили, другія отмѣтили. Я для себя сдѣлалъ замѣчанія о нѣкоторыхъ рѣдкостяхъ, какъ-то: панагіяхъ, между коими есть весьма древнія, патріарш. шапкахъ съ крестами на верху, облаченіяхъ патріарш., посудѣ, поставленной горой въ церкви св. Апостола Филиппа, какъ-то блюдахъ, кувшинахъ, братинахъ, чаркахъ, ковшахъ, по большей части позолоченныхъ. Тутъ же помѣщается и библіотека, въ коей 4 шкафа съ Греческ. книгами. Кромѣ книгъ Греч. духовнаго содержанія, есть Греческ. классики: Эсхиллъ, Софоклъ, Еврипидъ. Скіада сдѣлалъ имъ каталогъ; Маттеи его исправилъ и, дополнивъ, напечаталъ. Въ сей церкви еще осталось мѣсто патріаршее; на престолѣ стоитъ алавастръ міра, сосудъ прекрасно сдѣланный изъ перламутра, изъ Греціи привезенный при Владимирѣ. Прежде сіи сокровища хранились въ верхнемъ теремѣ. Св. Синодъ открытъ въ семъ домѣ, и первая церковь Синодомъ освященная есть XII Апостоловъ. Изъ ризницы прошелъ къ Д. А. Соколову и у него обѣдалъ; говорили о старинѣ Кремля, о застѣнкѣ Констант., который былъ съ двухъ сторонъ.

6. Заѣзжалъ къ Есипову поздравить его съ ангеломъ, отъ него къ обѣднѣ у Рождества въ Путинкахъ; въ предѣлѣ св. Николая Явленнаго, за холодомъ, не служили. Послѣ обѣдни заѣхалъ къ Николѣ Явлен. на Арбатѣ; оттуда въ Никитскій монастырь, гдѣ попъ Николай благословилъ меня большою просфорою; зашелъ къ знакомой старицѣ, напился съ нею чаю, поговорили о стар. повѣрьяхъ. Поговор-

*) Съ Французскаго. Это книга Делавò. П. Б.

ки: 12 Декаб. солнце на лѣто, а зима на морозъ. Въ Введенье леденье; морозы Рождественскіе, Крещенскіе, Аѳанасьевскіе. Егорій съ мостомъ, Никола съ гвоздемъ. Для поздравленія съ ангеломъ былъ у Н. Н. Сандунова, который благодарилъ меня за память о немъ; видѣлся съ Кап. Мих. Мальцовою, которая пеняла мнѣ, что забылъ ее; обѣщался пріѣхать къ ней съ повинною головой. Отъ Санд. заѣхалъ къ Н. И. Смирнову[1]), гдѣ видѣлся съ тестемъ его и тещею, и съ двумя своячинами, уняли обѣдать; новая хозяйка меня обласкала. Послѣ обѣда, по пословицѣ въ гостяхъ хорошо, а дома лучше, отправился домой.

7. Съ утра до вечера въ учебныхъ трудахъ и безъ обѣда. Слышалъ о смерти кн. И. М. Долгорукова † 4 Дек. Хотѣли было, по стихотворному его завѣщанію[2]), похоронить на Филяхъ, но отмѣнили и погребли въ Донскомъ.

8. Послѣ лекцій въ В. Д. отвезъ къ о. Гавріилу I часть пер. Лаво̀ и взялъ его отъ обѣда съ собой; вмѣстѣ съ нимъ трапезовали, побесѣдовали, напились кофе и чаю; послѣ отпустилъ его на своей лошади. Ввечеру пріѣхалъ кн. Шаликовъ съ женой и дочерью; въ разговорахъ переходили отъ предмета къ предмету. Ш. изображалъ характер. С. Гл. съ невыгодной стороны, какъ переметчика и распутнаго; написалъ у меня воззваніе о кончинѣ кн. Долгорукова; разсказывалъ о пребываніи въ Москвѣ Французовъ, кои жалѣли о бѣдственномъ положеніи оставленныхъ Русскихъ раненыхъ. Время прошло до 10 ч. Размышляй себѣ и наблюдай!

9. Заутреню и обѣдню слушалъ въ Драчахъ; послѣ зашелъ навѣстить больного Цвѣтаева, который разсказывалъ мнѣ о собраніи въ Слободск. дворцѣ 1812 года дворянства и купечества, о рѣчи Государя и слезахъ, о порывахъ патріотизма: предложили съ 25-ти по 1-му; но Нелед.-Мел. сказалъ: мало, надобно съ 10-ти по 1-му. Сперва упорствовали, потомъ согласились. Поутру былъ у меня Телепневъ.

10. Послѣ урока у Кистера занимался разсмотрѣніемъ Латинск. диссертацій Ун. Панс.; послѣ обѣда заѣхалъ къ Ширяеву, который просилъ меня закончить IV ч. Отеч. Дост. Я отговорился тѣмъ, чтобы не навлечь на себя невинныхъ нареканій и пр., наконецъ, сказалъ, что одинъ за это не возьмусь, а приглашу Погодина. Послѣ урока въ Панс. Ун., гдѣ смѣшили меня разсказами о странн. учителей и гдѣ я напомнилъ о грѣхѣ осужденія, отправился на лекцію свою въ В. Д.

---

[1]) Кто этотъ Н. И. Смирновъ? П. Б.

[2]) Извѣстные его стихи:

Вотъ здѣсь, когда меня не будетъ,
Вотъ здѣсь уляжется мой прахъ, и пр. П. Б.

12. Обѣдню слушалъ на Тр. подв. Были изъ Универ. Пансіона ученики мои Войцеховичъ и Ящеровъ, съ коими перечиталъ ихъ диссертаціи; а барону Дельвигу далъ книгъ для диссер. изъ Логики о вообраafженіи. По моему приглашенію былъ у меня магистръ Погодинъ, которому я предложилъ вмѣстѣ докончить IV часть Отеч. Дост. для Ширяева; обѣщалъ подумать и дать отвѣтъ; три части сей книги далъ ему для просмотрѣнія; дано согласіе и сдѣлано требованіе для этого книгъ *).

13. Поутру заходилъ ко мнѣ актеръ Лисицынъ просить меня къ себѣ для разсмотрѣнія сдѣланнаго его дочерью перевода сокращ. изъ Блера; выпросилъ у меня новое изданіе Блера и сказалъ, что къ нему сбираются П. Калайдовичъ и Голтяковъ. Жив. онъ на Смоленскомъ рынкѣ въ домѣ Свѣшниковой, въ приходѣ Тр. на Арбатѣ. Отъ Ширяева зашелъ къ А. А. А. на минуту, кой о чемъ поговорилъ; отъ него на Унив. лекцію; съ лекціи къ кн. Мещерскому, потомъ къ Дудину, которому намекнулъ, что не хочу держать у себя его сына, такъ какъ и Хрущова по своимъ причинамъ. Отъ нихъ завернулъ къ Я. Е. Арс., коего засталъ за обѣдомъ одного, поговорилъ съ нимъ о новостяхъ; пріятно распрощались, пожелавъ другъ другу здоровья и Божьяго благословенія; поѣхалъ къ Смирнову, зашелъ посмотрѣть ц. Покрова въ Левшинѣ, ничего особеннаго не замѣтилъ.

14. Послѣ уроковъ въ В. Д. зашелъ къ Ѳ. И. Ѳедоровой и обѣдалъ у ней; потомъ въ Унив. Пансіонъ; оттуда въ В. Д., наконецъ въ пансіонъ къ Кистеру, гдѣ былъ экзаменъ. Кюхельбекеръ экзаменовалъ изъ Росс. Словесности, началъ съ перевода Библіи на Слав., продолжалъ Русскою грамм. и просодіею. И. И. Давыд. сдѣлалъ ему возраженіе при разсмотрѣніи сочиненія одного ученика, который написалъ, что человѣкъ отличается отъ скотовъ однимъ языкомъ, а умъ одинаковъ (а нѣмого куда причислить?). Начался споръ, кончился тѣмъ, что Кюхелб., обратясь къ публикѣ, сказалъ: «вижу, что вы пріѣхали сюда не экзаменовать, но мнѣ вредить», потомъ, взявъ шляпу и палку, ушелъ. Послѣ экзамена балъ, на коемъ пробылъ до 1 часу, видѣлъ знакомыхъ и домой пришелъ пѣшкомъ, оставивъ тамъ калоши.

15. Занимался поправкою панс. сочиненій Глѣбова, Войцеховича и Столыпина.

16. Обѣдню слушалъ у Спаса на Песк.; по возвращеніи своемъ нашелъ у себя Карловича и Бера; первый объявилъ, что онъ пожалованъ въ подполковники и что жена его имянинница, звалъ маменьку

*) Отечественныя достопамятности или изображеніе Русскихъ историческихъ памятниковъ и необыкновенныхъ произведеній природы, наукъ и художествъ, находящихся въ Россіи, 4 части, 12°. М. 1823—1824. Книжка рѣдкая. П. Б.

со мною на вечеръ къ себѣ убѣдительно. Вскорѣ послѣ обѣда пришли Глѣбовъ со Столыпинымъ, который игралъ у меня концертъ на скрипкѣ, потомъ перечиталъ съ ними ихъ диссертаціи. На чай пріѣхалъ Я. Е. Арсен., съ коимъ провелъ время довольно весело; читали Алексѣева*) разговоръ о монахахъ и повеселились. Тутъ же была Ѳ. И. Ѳедорова.

17. Утромъ занимался приготовленіемъ къ экзамену пансіонскому. Послѣ обѣда въ Унив. Панс., гдѣ читалъ послѣднюю лекцію, сдѣлалъ репетицію; потомъ произнесъ на прощаньи рѣчь, которою, повидимому, тронулись и за которую меня благодарили; выпросили ее списать.

18. Въ Унив. Пансіонѣ экзаменъ начался моимъ классомъ логики и древностей Рим.; отвѣчали довольно порядочно при кн. Оболенскомъ, Успен. собора протоіереѣ, архимандритѣ Богоявл. Иннокентіи и профессорѣ Мерзляковѣ, Двигубскомъ, Котелн., Ризенкѣ, Денисовѣ. По окончаніи моего экзамена пришелъ викарій Аѳанасій, потомъ архіеп. Филаретъ, который указалъ на слова Малова, «что законъ, дозволяющій мщеніе обиженному, нелѣпъ»: поэтому законъ Моисеевъ нелѣпъ? Начались возраженія, которыя кончились ничѣмъ, потому что ничего не доказали, только юные умы смутили и поколебали въ увѣренности, что мщеніе противно ученію Христа и благосостоянію общества, которое, руководствуясь законами, защищаетъ каждаго изъ своихъ членовъ отъ обиды, не позволяетъ однакоже обиженному самому за себя мстить. Въ страсти, въ пылу гнѣва можно ли соблюсти мѣру въ наказаніи и справедливость? При экзаменѣ изъ Богословія Филар. показалъ себя деспотомъ и эгоистомъ; бѣднаго законоучителя останавливалъ на каждомъ вопросѣ, говоря: вы спрашиваете сбивчиво, темно; къ чему мелочи и подробности? Впрочемъ дѣлалъ Ф. и основательныя замѣчанія, напр. что проскомидія есть не приношеніе, но принесеніе; первое знач. дѣйствіе, а другое предметъ. Когда спрашивается доказательства истор., то это примѣръ изъ Св. Пис.; а когда подтвержденія какой-нибудь истины или догмата, то это свидѣтельство Св. П. Премудрость Б. доказывается тѣмъ, что Богъ сотворилъ міръ въ 6 дней. Ф.: А ежели бы въ 9 дней? Все была бы премудрость въ постепенности. Наконецъ самъ началъ Ф. экзаменовать; дѣти отвѣчали удовлетворительно, и онъ былъ доволенъ. Потомъ спрашивалъ, для чего мало прошелъ свящ. изъ Богословія, только о свойствахъ Божіихъ? Развѣ вы ихъ хотите сдѣлать язычниками? сказалъ онъ попу. Въ экзаменъ Мерзлякова, Шлецера мало вмѣшивался.—Званый пошелъ на обѣдъ къ Антонскому; до обѣда разговоръ былъ о философіи, при чемъ Фи-

*) Вѣроятно извѣстнаго протоіерея Петра Алексѣева, которой воевалъ противъ чернаго духовенства. П. Б.

ларетъ, разсуждая о философіи Нѣмецк., признался, что не знаетъ понѣмецки. Послѣ обѣда былъ мой экз. изъ литературы Латин.; переводъ изъ Горація и изъ Карамз. пис.

19. Послѣ лекцій въ В. Д. зашелъ на экзаменъ въ Унив. Пансіонъ, гдѣ засталъ экзаменъ Двигубскаго; оттуда къ Дурасовой обѣдать; пеняли мнѣ, зачѣмъ не ѣзжу къ А. А. Писареву, который нѣсколько разъ приглашалъ меня къ себѣ. Послѣ обѣда отправился въ В. Д.; оттуда въ Унив. Пансіонъ, гдѣ былъ матем. экзаменъ Чумакова и Давыдова. Такъ какъ этотъ предметъ введенъ въ моду для своихъ видовъ, то и отвѣчали хорошо. П. И. Д. приглашалъ къ себѣ на ужинъ вмѣстѣ съ Арсеньевымъ, Перевощиковымъ, Чумаковымъ, Кологривовымъ; разговоръ былъ о математикѣ. На долго ли? До Арбатскихъ воротъ проводилъ Я. Е. Арс. и Кологр., оттуда нанялъ извощика и домой; это было въ полночь.

20. По окончаніи лекціи въ Универ., былъ въ Унив. на экзам. 5 класса; А. А. А. приглашалъ къ себѣ обѣдать; послѣ урока кн. Мещерскому, отправился къ Смирнову, отъ коего получилъ деньги за билеты съ какими-то ужимками, кои мнѣ не понравились. Обѣдалъ у Д. А. Соколова, во время стола сынъ его игралъ на гитарѣ по моей просьбѣ. Над. Гр. сказывала, что будто я учу у графа Денисова-Орлова; въ свидѣтельство приводила то, что имя мое написано на учебн. табели молодого графа.

21. Весь день въ урокахъ В. Д.; послѣ имѣлъ совѣщаніе съ Ульрихсомъ касательно Шлецеровыхъ записокъ, кои ему поручены для процензурованія; онъ разсказывалъ забавные анекдоты о лѣности, злобѣ и расточ. Шлец.[1]), который просидѣлъ на стулѣ неподвижно часа три, благодарилъ его за услугу.

22. Поутру заѣхалъ къ А. А. за билетами въ Панс. концертъ; оттуда въ Универс. за газетами, былъ у Мерзлякова; послѣ уроковъ въ В. Д. взялъ жалованье; опять въ Универс. за жалованьемъ; оттуда въ Унив. тип. къ кн. Шаликову, котораго не засталъ, получилъ отъ жены его 10 ас. для Извол. Послѣ обѣда по условію съ Н. Ф. Фустовымъ поѣхалъ въ Панс. концертъ, гдѣ встрѣтили меня съ ласкою мои ученики и проводили меня на лучшее мѣсто. Пріятно играли на скрипкѣ, піано и гитарѣ (Дельвигъ) пансіонеры, читали стихи выразительно и живо, особливо Жіоліо и басни Крылова . . . . . .[2]) Глуховцевъ съ Мясоѣдовымъ прекрасно и искусно бились на сабляхъ. Танцовали хорошо. Посѣтителей было много, особливо дамъ и бары-

---

[1]) Это былъ Шлецеръ—сынъ, учитель П. Я. Чадаева. П. Б.

[2]) Такъ въ подлинникѣ. П. Б.

шень; 80 каретъ и 150 саней. Концертъ сей отличался благоприличіемъ, какою-то умѣренностью въ волокитствѣ и уваженіемъ къ мѣсту. Отъ Куринскаго услышалъ, что Я. Поповъ 21 числа застрѣлился въ нужникѣ; причиною этому полагаютъ сдѣланную ему въ классѣ обиду слушателями его и начальствомъ по службѣ. Домой пріѣхалъ въ полночь.

23. Послѣ заутрени, выслушанной въ своемъ приходѣ, напился чаю и отправился на Болото. Было очень холодно. Купилъ себѣ два воза муки по 96 к. пудъ, крупы возъ по 14, овса два воза по 6 р. 85 к. ч. Оттуда къ обѣднѣ въ Чудовъ, послѣ къ ризничему Патріаршескому, коему прочелъ свою рѣчь, гов. въ У. П. Совѣтовалъ ее напечатать. Сбирались вмѣстѣ съ нимъ къ Гавр. Ал. Стольянскому. Обѣдалъ дома; пріѣхалъ Я. Нѣмовъ, которому отдалъ 50 асс. за бумагу на мою книгу *Дос. уед.*, итого съ прежними 175 асс., да 150 отдано ему за меня Сытинымъ. Самъ мѣрилъ съ мамен. муку, крупу и овесъ; дѣло обошлось не безъ шума. Безъ меня б. Матвѣевъ и оставилъ для меня сукна на фракъ, панталоны и жилетку; хотѣлъ было назадъ ему отослать, не любя обязываться, но посовѣстился, чтобы не обидить старика, который понравился маменькѣ.

24. Мороза было утромъ 26 градусовъ, много отморожено носовъ. Заѣхалъ къ И. И. Давыдову, поѣхалъ съ нимъ на почту; оттуда за бездѣлками въ косметическій магазинъ, наконецъ къ нему; взялъ жалованье въ У. П. и купилъ винъ, конфектъ, табаку и проч. мѣл., почти все истратилъ. Пріѣхавъ домой, пошелъ къ обѣднѣ въ свой приходъ. Началъ 4 часть От. Дост. статьею о Патр. ризницѣ. Всенощную слушалъ на Троицкомъ подворьѣ, гдѣ служилъ самъ Филаретъ. Многія мѣста изъ молитвъ и ирмосовъ сильно дѣйствовали на душу мою; впечатлѣніе было бы продолжительнѣе, еслибъ.....

25. Поутру пріѣзжали ко мнѣ съ поздравленіемъ унив. студенты, мои ученики. Потомъ поѣхалъ съ поздравленіемъ къ сенатору Саблину, къ Арсеньеву, В. А. Дудину, котораго засталъ; принялъ ласково; засталъ конецъ обѣдни въ Никитскомъ монастырѣ. Оттуда къ А. А. Ант. который не узналъ будто меня въ мундирѣ В. Д.; обѣщался быть у меня на праздникѣ; отъ него зашелъ къ Н. Н. Сандунову, съ коимъ условился ѣхать вмѣстѣ къ Мальцовымъ. Отъ него къ генералу Дурасову, звали меня на праздникъ къ себѣ обѣдать. Въ В. Д. засталъ П. Б. Шредера, видѣлся съ г. Кенеке, поздравлялъ ихъ съ праздникомъ; потомъ къ тетушкѣ, которая говорила, что я ей почудился въ богатыхъ лак. саняхъ и напѣвала старую пѣсню о мним. богатствѣ моемъ. Ульрихса не засталъ дома, однакожъ записался; генерала Писарева также. А. Ѳ. Малиновскаго видѣлъ; онъ обласкалъ

меня, звалъ къ себѣ, говорилъ, что Аракчеевъ спрашивалъ его объ заведеніи Лопухиной*) и объ инспекторѣ Ульрихсѣ. Отобѣдавъ дома, заходилъ къ Е. А. Горюшкиной, спала; потомъ къ Непышневскимъ потомъ ко всенощной на Троицкое подворье.

26. Обѣдню слушалъ въ своемъ приходѣ. Поутру пріѣзжали студенты: Краевскій, Хоге, Чередѣевъ, титулярный совѣтникъ Матвѣевъ; безъ меня Я. Е. Арсеньевъ, Татариновы, генералъ Писаревъ; присылалъ звать на обѣдъ Г. И. Мѣлковъ, не поѣхалъ. Отправился прямо къ Матвѣеву; приняли ласково; жена его просила о неоставленіи сына. Отъ нихъ заѣхалъ къ Д. А. Бороздину, котораго не засталъ дома, къ Гусеву, гдѣ и обѣдалъ вмѣстѣ съ родными его. Елисавета Михайловна меня приняла очень ласково, угощала, просила остаться на вечеръ; отправился домой съ чужимъ кучеромъ, потому что мой былъ очень пьянъ. Это меня нѣсколько встревожило; одумался и почуялъ, что надобно умѣрять себя въ сердцѣ. Никого не удивишь, а себя надсадишь.

27. Зашелъ къ Татариновымъ; они переѣхали въ новый домъ, прекрасно отдѣланный; Алексѣй Иван. встрѣтилъ меня на крыльцѣ;оставляли обѣдать. Старый музыкантъ, настр. фортоп., назвалъ меня зятемъ Татар., принявъ меня за Степанова. Былъ у Грушевскихъ, кои встрѣтили меня съ радостію; я прочелъ имъ рѣчь свою, читан. въ Унив. Панс.; слушали съ удовольствіемъ и просили списать ее; далъ слово. Съ Н. Н. Санд. отправился къ Мальцову; приняли меня ласково, пеняли, что годъ у нихъ меня не было. Видѣлся тутъ съ Горчаковымъ, говорили о послов. моихъ, пѣсняхъ, потомъ объ архіереяхъ; хвала смѣнялась бранью, всѣхъ судилъ такъ, какъ ему показалось. Капит. Михайловна сказала, что у Н. Н. языкъ въ раздорѣ съ добрымъ его сердцемъ. Пріѣхавъ домой, нашелъ у себя Д. А. Соколова съ Мемн. Скороспѣловымъ, который мнѣ привезъ образъ Господа Саваоѳа своей работы. Посидѣли, побесѣдовали, я казалъ имъ нѣкоторыя важныя бумаги, свои книги. Въ этотъ день отъ меня поѣхалъ въ деревню Хрущовъ; на прощаньи я сказалъ ему: не поминайте лихомъ.

28. Цѣлый день дома въ царствѣ исторіи Россіи; написалъ статью о Патріар. ризницѣ для Шир. Обѣдалъ у меня И. С. Беръ. Н. М. Смирн. присылалъ звать къ себѣ обѣдать; въ вечеру были Чудовскіе пѣвчіе.

29. Поутру былъ въ Почтамтѣ за 300 р., присл. отъ Хрущова; отправилъ письмо къ Кондратьеву въ Кинешму Костр. губ., видѣлся

*) Это было частное училище съ отличными преподавателями, чуждое казенщины. Учились дѣвочки и мальчики (въ числѣ ихъ покойный баронъ Андрей Ивановичъ Дельвигъ). Его завела и нѣсколько лѣтъ содержала изъ любви къ дѣлу богатая женщина Лопухина въ домѣ своемъ близъ Покровскихъ воротъ (нынѣ Морозова). П. Б.

съ Трескинымъ, обѣщалъ ему доставить свои Пословицы. Пріѣхавъ въ Университетъ посмотрѣть библіотеку О. Л. С., нашелъ хоть замки цѣльными, но изъ нея выкрадено три полки Русскихъ книгъ.

1824-й годъ.

Январь 1. Дома служили молебенъ Христу-Спасителю; пріѣзжали ко мнѣ мои слушатели съ поздравленіемъ. Отслушавъ обѣдню въ своемъ приходѣ, поѣхалъ поздравить В. А. Дудина съ праздникомъ и съ ангеломъ. Былъ у Рыкунова, тамъ встрѣтилъ Иверскую, помолился ей и приложился; навѣстилъ болящаго Рагозина, посидѣлъ съ нимъ и радовался, что онъ въ страданіяхъ своихъ утѣшается вѣрою. Отъ А. А. А. и Сандунова заѣзжалъ къ кн. Мещерскому, поѣхалъ отъ него съ хлѣбомъ къ Малову, гдѣ встрѣтился съ Перевощиковымъ и Иракліоновымъ; побѣсѣдовали, посудили, но не разсудили. Перевощиковъ звалъ къ себѣ обѣдать; трапезовалъ дома. Былъ у Соймонова и просилъ его о бѣдной невѣстѣ, сестрѣ Павлова; обѣщано.

2. Изъ В. Д., гдѣ былъ для свиданія съ Павловымъ, который тогда ѣздилъ ко мнѣ. Оттуда къ Арсеньеву на обѣдъ, за коимъ были Бороздинъ, Чумаковъ, Давыдовъ, Маловъ; рѣчь шла о Пугачевѣ; потомъ двухсмысленности, кои, какъ видно, не понравились Ел. Мих.

13. Куплено сѣна два воза за 10 р. асс. Поутру ѣздилъ къ Ник. Коб.*), къ Мих. Петр. Погодину, который лишь только возвратился изъ П., просилъ его о составленіи 4 части Отеч. Дост. и о просмотрѣ критич. моихъ піесъ; обѣщалъ перечитывать и его. Тамъ же встрѣтилъ Оболенскаго магистра; говорили о пѣсняхъ Русскихъ, о необходимости ихъ собрать и разсмотрѣть ихъ содержаніе, къ какому времени относятся ихъ красоты сравнительно.

23. Послѣ уроковъ въ В. Д. по приглашенію поѣхалъ въ Новую Слоб. къ П. Ю. Львову, гдѣ засталъ ризн. Гавріила. До обѣда хозяинъ читалъ свою піесу о Шкловскомъ Кадетскомъ корпусѣ, основанномъ Зоричемъ, въ Смоленскѣ. Дѣлали замѣчанія; авторъ съ иными согласился. Постный обѣдъ изъ рыбъ Камы, впадающей изъ Нижегор. губ. въ Волгу. Разсказывали анекдоты о Балакиревѣ. Онъ, въ то время, какъ Петръ I отдыхалъ, залѣзъ съ мѣшкомъ воробьевъ на печь и оттуда выпуская по воробью, приговаривалъ: съ тебя можно вырвать нѣсколько перышковъ изъ крыльевъ: ты Шереметьевской, твой баринъ

---

*) Къ церкви Николы Кобыльскаго на Земляномъ валу, гдѣ у Погодиныхъ былъ свой домъ.

богатъ; другого, совершенно ощипавъ, бросилъ въ Петра I: этого можно щипать, это монастырскій и государевъ; третьяго выпустилъ не притронувшись: тебя нельзя трогать, ты Меньшикова. Петръ, увидѣвъ это, спросилъ: дуракъ, чтò ты дѣлаешь? По твоему царствомъ правлю, отвѣчалъ Балакиревъ. Потомъ, довезши о. Гавріила въ Кремль, отправился въ В. Д., а оттуда въ Университетъ, въ собраніе Общества Ист. Росс., гдѣ были Антонскій, Б. Каменскій, Нечаевъ, Каченовск., Давыдовъ, К. Калайд., Львовъ, Дружининъ. Былъ у Каченовск. споръ съ президентомъ касательно чтенія Моисеева письма о чудеси въ Нижн. Новгор. (въ льдинѣ подобіе церкви) и піесы неизвѣстнаго о Корсун. вратахъ, кои деревянные, обложенные мѣдными бляхами, изъ коихъ нижніе Нѣм. работы. Дм. Н. Каменскій и А. А. Писаревъ звали меня къ себѣ и пеняли мнѣ, что я забылъ ихъ; обѣщалъ быть.

25. Послѣ лекціи въ В. Д. отправился къ Утоленію Печали, засталъ конецъ обѣдни; народу было множество; заѣхалъ къ Маріи Мих., которая, принявъ меня дружески, бесѣдовала о жизни своей и о горестяхъ. Видна въ ней смѣтливость и умъ природный. Несчастный, но честный человѣкъ день чтò ни терпитъ, да ночь покойно спитъ. Несчастные всегда виноваты. Вмѣсто помощи, ихъ судятъ и растравляютъ раны сердца. Завезъ къ священ. Петру Яковл. рѣчи Август.; обѣдалъ у Высоцкаго на имянинахъ его, тамъ видѣлъ Елисав. Мих. и Палаг. Вас. Гусевыхъ.

27. Обѣдню слушалъ въ Златоуст. монастырѣ; заѣхалъ къ профессору Василевскому, у коего засталъ Ст. Андросова; говорили о разныхъ истор. предметахъ, о Русск. художникѣ Корнеевѣ, который путешествовалъ по Россіи съ Артуромъ Юнгомъ и снялъ лучшіе виды, купленные у него Баварскимъ посланникомъ за 12 т. Зашло дѣло о лубочныхъ картинкахъ, хвалили мое намѣреніе; я читалъ имъ отрывки.

28. Экзаменъ изъ моего класса Р. Слов. въ Восп. Домѣ; оттуда заѣхалъ къ А. А. А. для прочтенія ему моего письма; потомъ къ Малову на похороны его матери, коихъ не засталъ; помянули и пошутили.

30. Утро провелъ въ урокахъ; послѣ обѣда былъ у Непышнев., отдалъ Сергѣю переписать о луб. картинкахъ. Шелъ разговоръ о женитьбѣ; совѣтовали мнѣ жениться на Комар. дочери Лёнѣ, требовали согласія, отговаривался страхомъ и застѣнчивостью своей. Съ Наст. Мих. поѣхалъ къ Николѣ Дубен. на свадьбу Лаврова; тамъ видѣлся съ Грушевскимъ и другими знакомыми.

31. Былъ у А. А. А. для отдачи біографіи Августина съ моимъ къ нему письмомъ; говорилъ мнѣ объ Исторіи М. Университета. По-

слѣ лекціи заѣхалъ къ Н. М. Смирнову, который уговаривалъ меня при Чумаковѣ давать ему уроки; я отговаривался дальностью и недосугами своими. Послѣ домашняго обѣда заходилъ къ Малиновскому А. Ѳ. и оставилъ у него записку отъ Ю. П. Ульр. насчетъ уроковъ Аглин., не засталъ его дома. Урокъ у Кистера. Домашнія уч. занятія. Чтеніе корректуры. *Отеч. Достоп.* IV, цензура, лекція слов.

Февраль 2. Обѣдню слушалъ и назидательную проповѣдь діакона у Филиппа м., гдѣ видѣлъ Елену Ком. усердно молившуюся; зашелъ къ Непышневскимъ, съ коими велъ разговоръ о бракѣ, о выгодахъ и невыгодахъ его. Пріѣхали къ намъ двѣ клирошанки съ нашимъ образомъ изъ Возн. монаст.; просилъ ихъ снизать ризу на него къ 4 нед. поста; довезъ ихъ до живоп. Скороспѣлова, который казалъ мнѣ своей работы образа̀, при чемъ я сдѣлалъ ему нѣкоторыя замѣчанія и читалъ ему свою статью о *лубочн. картинкахъ*, которую онъ хвалилъ, называя ее оригинальною. Отъ него поѣхалъ въ экстренное собраніе О. Л. С., въ коемъ были: генералъ Писаревъ, Каченовск, Болдыревъ, Загоскинъ, Нечаевъ. М. Дмитріевъ читалъ свое довольно смѣлое и рѣзкое предложеніе, въ коемъ показывалъ, что общество облѣнилось, принимаетъ и читаетъ піесы недѣльныя и скучныя, не наблюдаетъ разбора при избраніи членовъ, что надобно быть въ томъ и другомъ строже, имѣть чаще собранія: споръ, рѣшившійся тѣмъ, что предсѣдатель обѣщался быть прилежнѣе, если члены не станутъ лѣниться и будутъ доставлять піесы. Опредѣлили написать для особаго собранія похвал. слова кн. Долгорукову и Капнисту. Читано И. И. Давыдовымъ мое письмо къ А. А. А. (отъ неизв. изъ Устюга) и біографія Августина; сдѣлано нѣсколько замѣчаній, положено напечатать съ благодарностью. Многіе показали, что они догадались, чья это статья. Поручено мнѣ изданіе и V части рѣчей У. проф. (Каченовскій шутилъ и смѣшилъ) и писемъ кн. Кантемира со вступленіемъ, содерж. его, жизнь, разсмотрѣніе сочиненій и состоянія тогдашней словесности. Его письмо о просодіи напечатано въ С. П. Зашла рѣчь о баснѣ. И. И. Д., доказывалъ, что она произведеніе несоотвѣтственное образованнымъ временамъ и что неприлично отъ мышей человѣку слушать наставленіе; при высшемъ состояніи наукъ она не нужна, будучи забавою дѣтскою. Что̀ назыв. скучнымъ и что̀ забавнымъ? А. А. А. напоминалъ о выключеніи недѣятельныхъ членовъ. Ужиналъ съ Нечаевымъ у Давыдова и дружески напоминалъ первому, что не должно шутками и насмѣшками мѣшать другому дѣло дѣлать; онъ оправдывался ихъ невинностію. Домой въ 1-мъ часу.

3. Поутру до обѣдни были Матушкинъ и Беръ. Литургію слушалъ въ Шереметевской больницѣ, гдѣ служилъ Филаретъ по случаю рожденія и выступленія изъ опеки графа Шереметева. Народу множество, особливо дамъ и барышень. Послѣ обѣдни поѣхалъ на имянины къ Нѣмову, у коего засталъ обѣдъ, посидѣлъ, отдалъ въ счетъ за бумагу 100 асс., что̀ было кстати и принято съ большею благодарностью; отъ нихъ заѣзжалъ къ Андреевскому, Корецкому и Голтякову, никого не засталъ.

4. Изъ типогр. заѣхалъ къ А. А. А., взялъ у него свою біографію пр. Августина для просмотрѣнія; потомъ просилъ его отдать на разсмотрѣніе П. В. Побѣдоносцову, въ цензурн. комитетѣ. Напомнилъ А. А., что при моихъ трудахъ мнѣ нужно пособіе и спасибо; обѣщалъ дать за рѣчи денегъ. Вагнеръ сказывалъ мнѣ, что онъ гадалъ у ворожеи о пропавшихъ книгахъ О. Л. Сл. и что ворожея ему сказала, что похитилъ ихъ бѣлокурой мужчина низкаго росту (онъ думаетъ на г. Васильева) и что какъ скоро узнаетъ объ этомъ, то бы скорѣе брать мѣры: иначе увезутъ въ деревню. У И. И. Давыдова былъ при фехтов. урокѣ и на обѣдѣ. Была у насъ вечеромъ Ир. Вас. Пасынкова съ Евд. Н. Есиповой; довольно весело провели время, читали, шутили и разсуждали.

5. Послѣ лекціи у Кистера, читалъ въ Универ. о Логикѣ и Лат. языкѣ; тамъ получилъ отъ Дудина 300 р., да жалов. Унив. 65. Получилъ изъ Тулы отъ Броневскаго рук. *Мейерингъ* или Астрологъ, соч. Валтера-Скотта при учтивомъ письмѣ. Получено съ съѣзж. двора извѣстіе, что лакей мой П. Сахаровъ возвращенъ будетъ изъ Сибири.

6. Послѣ урока въ В. Д. поѣхалъ въ Патр. ризницу, гдѣ съ отцомъ ризничимъ повѣрялъ свое описаніе съ самыми вещами; отъ него проѣхалъ къ портн. Флорье за своимъ платьемъ, заплатилъ ему 195. Купивъ чаю 2 ф. съ пол. и зерн. и паюсн. икры, далъ въ В. Д. урокъ; потомъ домой; посидѣлъ вмѣстѣ съ Иван. Мих. Непышневскимъ; прочелъ корректуру.

8. Кончилъ расчетъ съ братомъ Ф. Хрущова, который, по желанію моему, съѣхалъ отъ меня на другой день; ввечеру были у меня о. ризн. Гавріилъ и Яиновъ съ приглашеніемъ къ обѣду.

12. Послѣ осмотра и запечатанія своей библіотеки въ Унив. зашелъ на лекцію минуты на двѣ попросить о повтореніи Грамматики; потомъ въ Чудовъ къ обѣднѣ; народу было много; проповѣдь говорилъ пр. Филаретъ; не дослушавъ ее, зашелъ на минуту къ о. ризничему; отъ него къ Побѣдоносцову на счетъ Авг. біографіи, которую онъ отдалъ Нокринскому священнику для прочтенія. Согласились, что всего писать нельзя; о сочиненіяхъ прибавить надобно, изъ коихъ иныя пе-

реведены на Нѣм. и для папы на Итал. Былъ у Арсеньева, котораго просилъ о доставленіи мнѣ плана Москвы при имп. Аннѣ. Не смотря на извиненія Ел. Мих. и просьбы, не остался обѣдать.

13. По дѣламъ цензуры былъ у А. А., отъ него въ В. Д., послѣ уроковъ читалъ съ А. А. Павловымъ свою статью о В. Д. Онъ сдѣлалъ мнѣ нѣкоторыя замѣчанія и разсказалъ, какъ протопопъ у Спаса на Глин. при Французахъ избавилъ отъ смерти трехъ купцовъ. Въ этотъ день послалъ черезъ Ширяева письма къ протопоп. Юрьевскому Іоанну Соловьеву, который доставилъ мнѣ рисунокъ Святославова креста, и къ преосв. Діонисію въ Пермь. Ввечеру зашелъ къ тетушкѣ Е. П. О., гдѣ видѣлъ Бибикова, который благодарилъ меня за *Жизнь Платона* и обѣщалъ изъ Ярославля привезти образъ чудотв. Богоматери Многожеланной; разсказывалъ мнѣ анекдоты о Платовѣ и просилъ вновь, дополнивъ, издать жизнь его. Пріѣхавъ домой, еще засталъ монахиню Никитск. монастыря Магдалину съ Ѳ. И. Ѳедоровой и сыномъ.

14. Подписавъ къ печатанію каталогъ б. О. Л. Р. С., отослалъ въ типографію; потомъ ѣздилъ съ визитомъ къ Матвѣеву, Гавр. Евстиѳ., къ Гусевымъ, коимъ поручилъ свое письмо къ Ал. Мих. въ С. П., потомъ къ учит. пѣн. Чернову, который очень ласково принялъ и угощалъ закускою и музыкою; наконецъ обѣдалъ у Д. А., который познакомилъ меня съ сыномъ своимъ, пріѣх. изъ Кавказа; сей разсказывалъ и показывалъ Кавказскія диковинки: шашки, бурки, башлыки. Я просилъ о доставленіи мнѣ рисунка съ каменн. большаго креста съ надписью, на холмѣ, верстахъ въ 50 отъ Ставрополя. Обѣщано. За столомъ ѣли хрѣнъ Кавказ. толщиною съ оглоблю, пили тамошнія вина, изрядныя. Потомъ все бѣсѣдовалъ съ Д. А. Надобно посмотрѣть Спасовъ образъ, писанный губами въ Преобр. богадѣльнѣ надъ сѣв. дверьми въ алтарѣ. Имп. Анны Ив. дворецъ на сваяхъ былъ близъ нынѣшняго виннаго двора. Сенаторъ Озеровъ разсказывалъ, что около Бронницъ выпало червей на снѣгъ верстъ на 10, кои на холодѣ живутъ, а въ теплѣ умираютъ. Справиться въ прологѣ о житіи Кирилла Новоезерскаго, который предъ смертію своей сдѣлалъ прорѣченіе о Россіи; объ немъ справлялся импер. Павелъ. Ввечеру былъ у Ф. Вольской.

15. По утру ходилъ къ протоп. І. Платонову, у котораго засталъ Августинова секретаря Малиновскаго; шутили и много говорили. Рѣчь зашла съ І. Д. о Платонѣ; онъ сказалъ, что въ жизни его есть невѣрности, но не умѣлъ сказать, какія именно. Я на это возразилъ, что иностранцы благодарнѣе насъ и что лучше что нибудь, нежели ничего. При коронаціи Павла I, когда сей пошелъ въ царскія двери

со шпагою къ престолу, Платонъ сказалъ ему: Государь, здѣсь приносится безкровная жертва; отъими мечь отъ бедра твоего. Павелъ тотчасъ снялъ шпагу и поставилъ ее у дверей; потомъ самъ пріобщился Св. Таинъ. И. Дм. подарилъ мнѣ Исторію Платонову нов. изд. У насъ обѣдала Өедорова съ сыномъ; въ вечеру пріѣхалъ Я. Е. Арсеньевъ и привезъ мнѣ прошенной мною планъ Москвы, сдѣл. при Аннѣ Иван., тогожъ вечера началъ списывать описаніе его для сличенія съ нынѣшнимъ состояніемъ Москвы.

16. Отослалъ для прочтенія къ прих. своему попу Жизнь М. Платона, а къ протоп. Платонову обѣщанный Кенигсворт. за̀мокъ. Самъ свезъ на почту письмо къ Броневскому въ Тулу касательно его книги *Астрологъ*, мною цензурованной; зашелъ къ Трескину, позавтракалъ и поговорилъ съ его женою, подарилъ ей свое сочин. о пословицахъ, потомъ отвезъ къ Ульрихсу письмо Малиновскаго.

17. По утру ѣздилъ къ обѣднѣ въ Преображенскую богадѣльню, посмотрѣть образа Спаса, писаннаго губами. Онъ стоитъ въ кіотѣ на налоѣ близъ царскихъ вратъ, величиною вершковъ 6, въ окладѣ; на оборотѣ надпись: «лѣта зрча, мѣсяца Септемврія въ 3 день, писалъ сей образъ изографъ Поліевктъ Никифоровъ, отъ рожденія рукъ не имѣя и писалъ устнами». Внизу подп. отъ Рождества 1683, Сент. 7. На самомъ образѣ Греческаго письма надпись. Онъ присланъ послѣ непріятелей изъ С.-Петербурга и писанъ по обѣщанію, какъ говорятъ, человѣкомъ, невладѣвшимъ 16 лѣтъ руками и послѣ получившимъ употребленіе оными. Самая богадѣльня Екатерин. открыта, какъ значится на доскѣ надъ воротами, 1787 года. Тутъ прежде была при Петрѣ I парусинная фабрика. Въ столовой богадѣльни поставлены портреты прежнихъ 100 лѣт. богадѣльниковъ, сослуживцевъ Петра I, съ изображеніемъ ихъ послужного списка; видно, что богадѣльня существовала подъ смотрѣніемъ полиціи въ первые годы царствованія Екатерины II и извѣстна подъ именемъ Матроской. Обѣдню слушалъ у Ирины мученицы въ Нѣм. слободѣ.

18. Заѣзжалъ въ типогр., отдалъ продолженіе *Отеч. Достоп.* для набору, былъ у кн. Шаликова для поздравленія съ полученіемъ царской милости отъ имп. Е. А. Самъ отвезъ въ тип. къ Семену продолженіе Делаво̀, описанія Москвы, сдѣлалъ при немъ поправки ошибокъ, въ коихъ онъ самъ сознался. Послѣ обѣда былъ у Полевова, который показывалъ мнѣ Гречеву грамматику Р.; ему отдалъ изъ б. О. Л. С. исторію Татищева, а у него взялъ *Путев. къ древн. Моск. 3 ч.* Разсуждаемо было о раздѣліи Русск. глаголовъ на полные и неполные, о присоединеніи къ нимъ отъ глаголовъ существительныхъ на *ніе*; говорено о моемъ предпріятіи: князя Кант. неизд. письма съ извѣстіемъ

о жизни и трудахъ его. Не забыть того, какъ смотрѣли и что думали о Кант. его современники: Ѳ. Прокоповичъ, Третьяковскій, Ломоносовъ, Сумароковъ и что потомки. Есть противорѣчія, какъ согласить? Кн. К. жилъ въ такое время, когда Русскій языкъ искаженъ былъ чужезем. наитіемъ, Нѣмецкими, Латинскими, Польскими словами, какія находимъ у его современниковъ, коихъ онъ превосходилъ вкусомъ, имѣя много отъ природы и отъ воспитанія. Онъ первый сатирикъ. Оттуда зашелъ на часъ къ А. Ѳ. Малинов., казалъ ему планъ Москвы 1739; онъ просилъ не давать его Делаво.

19. Цѣлый день самъ себѣ принадлежалъ, кромѣ нѣсколькихъ часовъ утра, кои провелъ съ учен. своимъ А. И. Войцеховичемъ, недавно пріѣхавшимъ изъ С.-Петербурга. Тамъ по словамъ его насъ уважаютъ и намъ завидуютъ. Магн.*) сказалъ, что будто онъ отклонилъ револ. на 50 л.!! Разобравъ свои книги, продолжалъ логич. лекціи; дочелъ 2 часть Скоттова Астролога съ отмѣтками нѣсколькихъ неприличныхъ выраженій.

20. Сдѣлавъ расчетъ съ Нѣмовымъ за бумагу, употребл. имъ на *Дос. уед.*, доплатилъ еще 125 и получилъ въ покончаніи счета отъ него расписку. Какъ пріятно очищать себя! Помоги Господи и въ душевномъ очищеніи, да просвѣтлѣетъ душа моя! Отъ кн. Мещерскаго присылали человѣка узнать о моемъ здоровьѣ и о продолженіи уроковъ сыну его. Ходилъ къ профессору Цвѣтаеву поздравить его съ ангеломъ; у него встрѣтилъ П. Ѳ. Калайдовича, которому онъ пенялъ за его забвеніе въ болѣзни его. Отъ него прошелъ къ обѣднѣ на подворье, гдѣ служилъ самъ пр. Филаретъ; народу знатнаго было множество, такъ какъ и у вечерни, гдѣ видѣлъ Комаровыхъ, которые шепнули: вотъ.... Когда я вошелъ, Лёничка показалась мнѣ милою съ своимъ набожнымъ видомъ: дай Богъ, чтобы она была истинно благочестива и добра сердцемъ! За вечернею канонъ читалъ самъ преосвященный; видѣлся и говорилъ съ кн. Щербатовой, нынѣ миссъ Портеръ, звала къ себѣ.

21. Подписалъ процензурованные мною Мейнерингъ В. Скотта, 1 и 2 части съ отмѣтками, и продолженіе Путеводителя по Москвѣ, пер. С. Глинки, съ поправками ошибокъ. Отдалъ въ Унив. тип. подписанный мною 3 л. Отеч. Достоп. Тамъ встрѣтилъ С. Глинку съ благодарностью за скорую цензуру его книги и за поправки. Ширяеву отдалъ рисунокъ Юрьев. креста. М. Г. читалъ свой взглядъ на с. Измайлово; онъ понравился ему, просилъ меня сообщить въ журналъ его; а А. А. А. совѣтовалъ отдать въ В. Е. Отдалъ Вагнеру за

*) Бывшій тогда въ пущей своей силѣ М. Л. Магницкій.

дрова 70; къ Побѣдоносцову заѣзжалъ за своею тетрадью біогр. Авг., но не засталъ; къ Я. Е. Арсеньеву отвезъ планъ Москвы, взятый имъ у Дмитр. Михайл. для меня; онъ подписался на Соревн. Просвѣщ. 1824 и деньги мнѣ 30 р. отдалъ. Простились пріятельски: дай Боже, чтобы продолжилась эта пріязнь! Ввечеру былъ у меня Н. Полевой съ братомъ; все новые планы и сужденія; всякой вѣдь хочетъ быть преобразователемъ и судьею. Свиньинъ жестоко браненъ, какъ подлецъ. Кому вѣрить? А не лучше ли не судить и не впутываться въ чужія дѣла? Какъ мы иногда дорого платимъ за свою откровенность! Бесѣда о Шиллинговой философіи, которая разлиsaетъ новый свѣтъ на познанія; Баконъ ей законоположникъ. Съ его теоріею легче постигать истины.

22. Ночью была жестокая буря, снѣгъ и вѣтеръ стоялъ сильный, въ Срѣтен. монастырѣ съ церкви сорвало крестъ и крышки съ нѣкоторыхъ домовъ. Поутру занялся было своимъ дѣломъ; но пріѣхали Татариновы молодые, посидѣли и поговорили со мною. Послѣ обѣда заходилъ къ Непышневскимъ и отдалъ Сергѣю для переписки ст. объ Измайловѣ. Чтеніе.

23. У обѣдни былъ на Троицкомъ подворьѣ, гдѣ служилъ самъ Филаретъ и пріобщалъ причастниковъ; оттуда прошелъ въ Шерем. больницу, гдѣ была раздача билетовъ бѣднымъ невѣстамъ. Мнѣ не посчастливилось ничего выхлопотать сестрѣ Павлова; въ этомъ извинялся Соймоновъ. Было мое желаніе! Заходилъ въ богадѣльню и отнесъ старухамъ медку полакомиться. Не надобно забывать и нищую братію, удовлетворяя своимъ прихотямъ. Но истребимъ изъ сердца тщеславіе: оно ведетъ къ гордости и забвенію себя. Всенощная на подворьѣ; часть ея прошла въ разговорахъ съ Красноглазов. объ Измайловѣ и объ островѣ погонномъ лосинномъ, который былъ прежде непроходимъ. Церковь Іосафа перенести въ Берлюкову пустынь хотѣли м. Платонъ и И. С. Брык.

24. Обѣдню слушалъ у Троицы на Листахъ; стоялъ въ алтарѣ; свящ. далъ мнѣ просвиру, сказавъ мнѣ слова Памвы Аввы, что вся жизнь наша состоитъ въ паденіи и возстаніи; счастливъ, кого смерть застанетъ возстающаго. Напившись чаю и позавтракавъ, отправился въ Измайлово; по дорогѣ заѣхалъ къ Черкизов. священн., у коего засталъ родины и столъ накрытый. Попросилъ показать мнѣ Черкиз. церковь. Замѣчено, что она построена во имя Ильи *) , у

*) Пропускъ въ подлинникѣ. На своеручномъ Евангеліи святителя Алексѣя, въ Чудовѣ монастырѣ, на оборотѣ заглавнаго листа митрополитъ, перечисляя монастырское имущество, записалъ: „Черкизово сельцо куплено на мое серебрецо". П. Б.

коего св. Алексій купилъ Черкизово; придѣлъ св. Алексія м. и трапеза послѣ придѣланы, такъ какъ и мѣсто горнее въ алтарѣ; образа мѣстные, Спаситель Греч. письма и Владимирская достойны примѣчанія. Иконостасъ былъ въ одинъ ярусъ, другіе ярусы сдѣланы при м. Платонѣ, который хотѣлъ было въ Черкизовѣ основать Виѳанію, но по ссорѣ съ мужиками отложилъ. При церкви похоронена игуменья Евдокія Топлова 7003 г.; на другихъ камняхъ надписи стерлись. Священникъ сказывалъ, что Чуд. казн. Израиль старинными рукописями оклеилъ архер. покоп въ Черкизовѣ, построенные м. Тимоѳѣемъ. Онъ обѣщалъ мнѣ доставить выписки изъ старинныхъ бумагъ касательно Черкизова и Измайлова. Посмотримъ, вѣрно ли онъ хранитъ свое слово? Вблизи Черкизова, въ Калошинѣ, въ лѣсу найдено мужиками много надгробныхъ камней съ надпис. Недалеко отъ Коломенскаго есть приписанная къ нему съ селомъ древнѣйшая церковь, которую стоитъ посмотрѣть. Въ Черкизовѣ есть богадѣльня св. Алексія митр., построенн. 1819, Мая 20, при м. Сераѳимѣ. Потомъ осматривалъ Измайлово, былъ у П. Изв., отдалъ ему 10 р. отъ кн. Шал., распрашивалъ касательно различныхъ обстоятельствъ села и мѣстоположеній, повѣрялъ свое описаніе, ходилъ на башню смотрѣть ту комнату, гдѣ по преданію бывалъ Сенатъ; она на 2 ярусѣ, въ 10 арш. въ длину и ширину, о 8 окнахъ, кругомъ ея ходы; на 3 ярусѣ колокольня, гдѣ колокола импер. Елисаветы П. На дворцовыхъ башняхъ, говорятъ, помѣщались присутственныя мѣста. Отъ дворца на берегу Стеклянки были къ собору переходы съ окнами. Здѣсь жила царица Марѳа Матвѣевна *) съ 7-ю дочерьми; про нее сложена пѣсня: «Какъ у нашей чечеточки семь дочерей».

Въ соборѣ отпѣлъ молебенъ Покрову и, осмотрѣвъ его еще разъ, простился съ Измайловымъ, взглянулъ на развалины, взялъ у свящ. двѣ мѣдныхъ доски изъ подъ престола придворной церкви, отправился домой; былъ на имянинахъ у И. У. Демидова, который былъ очень радъ мнѣ и маменькѣ; ужиналъ и пришелъ домой поздно. Что дѣлать?

25. Изъ типографіи Ун. заѣхалъ въ Унив., тамъ получилъ письмо отъ Юрьевскаго протопопа Іоанна Петр. Соловьева съ надписью снятою съ креста Святославова. Отдалъ професс. Гаврилову свою піесу объ Измайловѣ и письмо къ нему. Благодарилъ и говорилъ, что мнѣ пора въ профессоры. Да будетъ то, что Богу угодно. Поздравлялъ Давыдова съ крестомъ и обѣдалъ у него. Послѣ лекціи въ Унив. Панс. и въ В. Д. зашелъ къ Озерецк. Андрей Андр. отдалъ мнѣ образъ Богомат. Яросл., который я желалъ имѣть, и сказывалъ, что преосв.

*) Откуда сіе? Такой царицы не бывало. П. Б.

Симеона засталъ очень больнымъ. Тутъ съ Биб. шутилъ, а съ тетушкою говорили про Измайлово и Брыкина.

26. Послѣ уроковъ у Кистера и Универс. видѣлся съ А. А., который просилъ о доставленіи и прочтеніи Синонимовъ къ собранію; на мое предложеніе показать біографію Августина Филарету не согласился. Обѣдалъ у И. М. Иракліонова и пріятельски съ глазу на глазъ побесѣдовалъ. Вечеръ дома и за своимъ дѣломъ.

28. Послѣ уроковъ въ Унив. и у кн. Мещерскаго, заѣхалъ къ А. И. Татаринову, поговорилъ съ нимъ о домашнихъ дѣлахъ, подарилъ ему книжку о плодов. деревьяхъ; выпилъ и лишнее; вредно головѣ и всему тѣлу, а отговориться нельзя. Они, кажется, ко мнѣ привержены, а я къ нимъ; а если жъ они лукавятъ, Богъ съ ними!

29. Послѣ уроковъ въ В. Д. обѣдалъ въ трактирѣ, гдѣ видѣлся съ Капит. Кузминымъ Разлуцкимъ и пр. Былъ въ Историческомъ обществѣ, гдѣ видѣлся съ сен. Малиновскимъ, Дружининымъ, Б. Каменскимъ, М. Макаровымъ, Котельницкимъ. Когда я представилъ на имя предсѣдателя записку о Святославовомъ крестѣ, то К. Кал. сдѣлалъ возраженіе, что это не есть памятникъ XIII вѣка и что надпись поддѣльная, и основывался на рукописи, о коей не сказалъ. Я отвѣчалъ, что представляю дѣло такъ, какъ оно есть для свѣдѣнія; ибо никто объ этомъ не упоминалъ, да и К. К. не видалъ. Повидимому, предсѣд. этимъ интересовался. Я просилъ объ увольненіи меня отъ общества; но предсѣд. просилъ оставаться до тѣхъ поръ, пока тутъ онъ будетъ. Обѣщался быть у Б. Каменскаго (жив. на Никит., въ домѣ Безсонова) и доставить ему извѣстіе о Сковородѣ и рѣчь Конисскаго. А. Ѳ. Мал. (говорилъ), что Гришку хотѣли похоронить въ Покров. монастырѣ у Божед., но гробъ его не прошелъ въ ворота; его погребли на конной, и были тамъ видѣнія, страшившія суевѣрныхъ.

Мартъ 1. Уроки въ В. Д. Прежде ихъ заѣхалъ къ Трехъ Радост. и отслужилъ молебенъ ей и Ярославской Богом. Заходилъ послѣ класовъ къ Е. И. Ш. и выслушалъ урокъ у Саши Кимишицкой. Пригласилъ Н. Ф. Ф. ѣхать вмѣстѣ съ собою въ Общество Р. Словесн., гдѣ довольно было народу; я читалъ Синонимы И. Калайдовича и Н. Коха. Дмитріевъ М. подалъ свой голосъ противъ журнала О. С. Послѣ засѣданія кн. Одоевскій просилъ меня взять на себя цензурованіе Мнемозины, а А. А. Писаревъ звалъ къ себѣ.

2. Отслушавъ въ своемъ приходѣ заутреню и раннюю обѣдню, заходилъ къ А. Малиновскому съ поздравленіемъ. Онъ говорилъ со мною на счетъ моей піесы и моихъ словъ въ О. И., я оправдывался. Я сказалъ, что не пропущу въ переводѣ книги Делаво̀, въ статьѣ объ

Иностр. Колл., словъ, будто К. К. начальникъ оной. Оттуда былъ у Погодина, читалъ ему свою піесу объ Измайловѣ при В. Оболенскомъ, дѣлали замѣчанія и хвалили. Былъ у К. В., которая приняла меня ласково и просила о неоставленіи ея воспитанника; отъ нея заѣхалъ къ Матвѣеву, не засталъ его, посидѣлъ, поговорилъ и напился кофе съ его женою, сыномъ и дочерью. Обѣдъ дома. Ввечеру были у меня М. И. Шульцъ, Наумовъ и Степ. Кир. Лебедевъ при Ѳ. И. Ѳедоровой; говорили о древностяхъ Москвы; пили чай вмѣстѣ; дружелюбно простились, приглашая меня къ себѣ въ гости и совѣтуя жениться.

3. Поутру посидѣлъ у больного профессора Цвѣтаева, который разсказывалъ мнѣ анекдоты о м. Платонѣ, какъ онъ любилъ ободрять и воспитывать таланты юные, съ какимъ терпѣніемъ и неусыпностію наблюдалъ за ними, чтобы они не совратились съ пути. Примѣръ, какъ онъ отвадилъ отъ пьянства Е. и какъ просилъ прощенія у Сераф., оскорбивъ его однажды. Это черты для его біографіи. Съ Н. И. Малиновскимъ читалъ свою біографію пр. Августина; это былъ день кончины его; онъ дѣлалъ мнѣ замѣчанія, коими я воспользовался; выпросилъ тетрадь мою для просмотрѣнія, отдалъ. Черезъ три дня получилъ ее съ его замѣчаніями, большею частью мнѣ извѣстными.

29. Послѣ уроковъ въ В. Д. былъ въ Панс. торж. собраніи, гдѣ видѣлся и говорилъ съ генерал. Писаревымъ и Кайсаровымъ. Довольно было знати, зала полна. Рѣчи и стихи читали не такъ удачно, хотя и писатели хороши и слушатели внимательны были. Обѣдалъ у А. А. А. вмѣстѣ съ главнокоманд. кн. Голицынымъ, который за обѣдомъ разсуждалъ съ Мерзляковымъ о романт. поэзіи и о разговорѣ кн. Вяз. Маловъ зачиналъ со мною разговоръ, отъ коего я уклонялся, показывая ему свое хладнокровіе; замѣтя это, онъ спросилъ, отъ чего я къ нему перемѣнился? Я отвѣчалъ, что хотя не люблю перемѣняться, но поступки его и пустыя на счетъ мой разглашенія заставляютъ меня отъ него уклоняться, чтобы не проговориться. Онъ это тотчасъ передалъ И. И. Дав., въ которомъ замѣтна склонность ссорить. Ложная система путаетъ лжецовъ и вѣроломныхъ, наказываетъ ихъ собст. оружіемъ. Послѣ обѣда читалъ съ А. А. А., генер. Серебряковымъ и Мерзляковымъ критику кн. Вяземскаго на Каченовскаго для Шалик. журнала; рѣшили, что мнѣ можно подписать ее. У всенощной, которую отправлялъ на Троицкомъ подворьѣ самъ Филаретъ.

30. Былъ у обѣдни у Спаса на Песк., гдѣ видѣлся съ Татариновыми и ихъ зятемъ Степановымъ; замѣтилъ прекрасную вдову, съ коею встрѣтился глазами; зашелъ къ Татар., посидѣлъ съ ними, позавтракалъ и тихонько ушелъ, простившись только съ Михайломъ. Занесъ къ кн. Шал. подписанныя мною піесы въ его журналъ при

письмѣ моемъ; онъ благодарилъ меня. Я далъ ему замѣтить о своей нейтральности. Отъ него завернулъ къ Іогелю, посидѣлъ съ женой и дочерью, которую въ шутку называлъ женою.

Апрѣль 3. Отвезъ просительное письмо къ Балашеву къ П. П. Бекетову, который сказывалъ, какъ мнѣ благодаренъ кн. Вяземскій за скорое подписаніе его критики на Качен. Я отдалъ П. П. Бек. пр. Алексѣева разговоръ и два его письма. За обѣдней въ Симоновѣ неожиданно увидѣлся съ ген. Писаревымъ; обѣщалъ Бекетову сыскать и доставить Перевощ. ст. о Ѳ. Прокоповичѣ. Исповѣдывался у о. Иларіона, который сперва отговаривался тѣмъ, чтобы священ. моего прихода на него не разсердился и не донесъ архіерею. Онъ не хотѣлъ взять отъ меня денегъ, совѣтуя отдать ихъ приходскому священнику. Вечерня, правило.

4. Въ своемъ приходѣ Богъ сподобилъ меня причаститься и даровалъ душѣ моей сладкое успокоеніе. Поѣхалъ потомъ въ Успенскій соборъ смотрѣть выносъ изъ Крестовой палаты мура архіереемъ; тамъ видѣлся и говорилъ съ И. И. Дмитріевымъ, коему показывалъ Синод. контору. Обѣдъ дома; у всенощной на Троицкомъ подворьѣ; тамъ услышалъ о кончинѣ преосв. Яр. Симеона. Онъ для меня былъ добръ, царство ему небесное; онъ † Марта 28.

5. Все утро дома въ своихъ занятіяхъ, кои на часъ прерваны были приходомъ Чулкова; для О. Д. написалъ ст. М. Универс. Если бъ Богъ далъ мнѣ время и охоту, я бы при Его помощи успѣлъ бы и хорошее что либо сдѣлать. Ввеч. у всен. на Троицкомъ подворьѣ, служилъ самъ Филаретъ.

6. Ходилъ пѣшкомъ въ соборы; въ Благовѣщ. разсматривалъ сѣверныя и западныя двери; онѣ желѣзныя, крыты латунью, которая расписана золотомъ по черни; на нижнихъ доскахъ изображены языческіе писатели съ надписями, кои стоятъ того, чтобы списать ихъ, такъ какъ и Успенскія южныя, на коихъ изобр. Омиросъ, Плутархъ, Платонъ. Три верхнія церкви въ Благов. собор. остались неприкосновенными врагамъ. Былъ въ церкви В. м., въ коей придѣлъ Іоанна Предт., древнѣйшая церковь.

7. У заутрени въ своемъ приходѣ, у обѣдни на Троицкомъ подворьѣ сердце мое ощущало духовную радость, хоть и внезапную. Разговѣвшись дома, поѣхалъ съ поздравленіемъ къ Арсеньеву, Антонскому, Сандун., Котельницкому, Дурасову, Шредеру, Полуденскому, тетушкѣ Е. П., Ульрихсу, Писареву, Малиновскому, Грушевскому, многихъ не засталъ. Пообѣдавъ съ маменькой, пошелъ поздр. Есипова и Терпигорева; вечерня; послѣ нея былъ у Непышневскихъ. Марья въ

этотъ почти день родила сына Аркадія. Съ поздравленіемъ пріѣзжали С. Нечаевъ, Высоцкій, Семичевъ, А. Павловъ, Татариновы и многіе другіе.

8. Поутру у ран. об. въ своемъ приходѣ; былъ съ поздравленіемъ у Семичева подъ Новин., гдѣ встрѣтилъ Ратьковыхъ, потомъ у Рыкуновыхъ. Оттуда на Покровку къ Матвѣеву, къ Змеовой; обѣдалъ у Гусева довольно весело; говорилъ о дѣлахъ и безд. съ Т. Е. Соколовымъ; ст. нянька, отозвавъ, тихонько совѣтовала мнѣ женит. на Елис. Мих. Шутилъ, дорога была дурная.

9. Поутру былъ у Л. А. Цвѣтаева, говорили объ О. Л. Р. С. и Дмитріевѣ съ племянникомъ, о подущеніяхъ, о разговорѣ, сочинен. противъ Давыдова; отъ него прошелъ къ Татаринову, зашедши сперва въ церковь Спаса помолиться Богоматери Ивер., которой тогда праздновали. А. И. все жалуется на свое нездоровье и предчувствуетъ, что недолго проживетъ. Жаль! Видѣлъ миленькую Катеньку и христосовался съ нею. Остальное время дома въ своихъ занятіяхъ.

10. Написалъ письмо къ Свиньину и отвезъ его къ Ширяеву для доставленія; зашелъ къ кн. Шаликову и получилъ отъ него 10 р. для доставленія П. М. Изв., что̀ исполнилъ на другой же день, ибо сей вмѣстѣ женою и дѣтьми былъ у меня утромъ.

Былъ утромъ въ В. Д. и на раздачѣ милостыни въ саду В. Д.

21. Обѣдалъ на имянинахъ у А. П. Дурасовой, гдѣ видѣлся съ А. А. Писаревымъ и кн. Шаликовымъ; читали эпиграммы на М. Дмитр. и А. И. Писар.

23. Слушалъ обѣдню въ своемъ приходѣ; давъ уроки въ В. Д., обѣдалъ дома, гдѣ провелъ послѣобѣденн. время и вечеръ; гулялъ по улицѣ, и что-то грустилось. Молитва успокаиваетъ душу; буду ею пользоваться.

24. Все утро въ урокахъ; послѣ обѣда на имянинахъ у сосѣда и урокъ о воздержаніи словъ и поступковъ и равнодушіи къ порицанію.

25. Все утро и послѣ обѣда въ урокахъ; ввечеру дома провелъ время съ Я. Е. Арсен. въ чтеніи Амвросіевыхъ пропов., коими восхищались: краснорѣчивы и сильны. Занимался ценсурою.

26. Послѣ уроковъ въ В. Д. ѣздилъ подъ Донской навѣстить Н. В. Постникова больного, который мнѣ былъ, повидимому, радъ, посидѣлъ со мною и побесѣдовалъ; обѣдалъ у Жоліо, отъ нихъ заѣхалъ въ В. Д. за Сашею Килич. и привезъ ее къ теткѣ.

27. Былъ на водосвятіи въ своемъ приходѣ, гдѣ праздновали Спасу - Цѣлителю; оттуда къ обѣднѣ къ Спасу на П., былъ у А. И. Татаринова, обѣдалъ и провелъ время пріятно и пріятельски съ ихъ

семействомъ въ искреннихъ бесѣдахъ о свѣтѣ, людяхъ и о себѣ, не безъ шутокъ, въ коихъ полезно хранить умѣренность. Елис. Алекс. мнѣ показалась умною и доброю. Дай Богъ!

28. Поутру читалъ съ Л. А. Цвѣтаевымъ свою біографію Августина; онъ назвалъ ее по совѣсти прекрасною, сдѣлалъ мнѣ свои замѣчанія; позволилъ мнѣ придти для окончанія чтеніемъ ввечеру. Отъ него зашелъ къ Н. Малиновскому, которому казалось непріятно, что я занимаюсь этимъ дѣломъ; онъ сказалъ: я буду дѣлать, а другіе въ трудъ внидутъ. На это я сказалъ, что Августинъ не есть его имѣніе, всякой можетъ объ немъ писать какъ умѣетъ; этому должно бы радоваться, а не порочить. Онъ боится, что я выдамъ особою книжкою и перебью ему дорогу; говоритъ, что онъ всѣ имѣетъ пособія въ рукахъ. Буду дѣлать, какъ умѣю и не стану смотрѣть на чужіе пересуды пристрастныхъ.

29. Послѣ лекціи у Кистера читалъ еще въ Унив. Обѣдалъ у И. М. Иракліонова и бесѣдовалъ съ нимъ о смерти и женитьбѣ. Въ Унив. видѣлся съ издател. Мнемозимы кн. Одоевскимъ, который просилъ меня процензуровать его отвѣтъ на критику кн. Шал. Вмѣстѣ съ Н. Фустовымъ ѣздилъ къ С. Глинкѣ, который тому причитается въ родствѣ. С. Н. былъ радъ, принялъ меня и его ласково, сказавъ, что съ Ив. Мих. я давно по душѣ родной; казалъ перстень отъ импер. Е. А. и письмо отъ Шишкова. Оттуда въ Истор. Общество (завезъ меня Н. Ф.), гдѣ были, кромѣ презид. и А. А., Дружининъ, Двигуб., К. Кал., П. Строевъ, Львовъ, Нечаевъ, Каченов. К. Кал. размолвился съ А. Писаревымъ на счетъ изданія медленнаго Дост. Общ. и взятія лѣтоп., такъ что А. Алекс. сказалъ, что «если дѣла такъ пойдутъ, то онъ никогда и въ общество не пріѣдетъ; пусть займетъ его мѣсто, кто хочетъ». При чтеніи Нечаевымъ своей піесы объ образѣ, похожемъ на Черниговск. гривну, К. Кал. дѣлалъ ему возраженія и замѣтилъ, что С. Д. воспользовался его мыслями. Нечаевъ послѣ собранія взялъ меня съ собою на ужинъ и бесѣду и отпустилъ домой въ своемъ экипажѣ. Одинъ аптекарь Кобе, продающій елексиръ для волосъ, живетъ у дьячка Пятн. Божед. на Пречист.

30. Заѣзжалъ къ Спаск. священнику просить о вдовѣ Владимировой, чтобы подписалъ ей свидѣтельство. Послѣ уроковъ въ В. Д. видѣлся съ Ульрихсомъ и поздравлялъ его съ полученіемъ ордена св. Анны 2-й степени. Съ тѣмъ же ходилъ къ Шредеру, который былъ радъ и обѣщалъ ему выпить двѣ рюмки вина, если получитъ онъ 1-й ст. Анну. Обѣдалъ на имянинахъ у Я. Е. Арсеньева, оттуда въ В. Д., потомъ въ О. Л. Р. С., которое мирно кончилось разсужденіями о дѣлахъ общ. А. А. А. просилъ о доставленіи ему словаря

моей букв. и біографіи преосв. Авг. Я сказалъ, что она требуетъ отдѣлки и что ее перечитываю съ Л. А. Цвѣтаевымъ. Нечаевъ приглашалъ меня къ себѣ на обѣдъ; ужиналъ у Давыд., отъ коего узналъ объ избраніи А. А. А. ректоромъ. Заѣзжалъ къ Янову на имянины.

Май 1. Послѣ урока въ П. Универс. осмотрѣлъ библіотеку О. Л. Р. С., вписалъ и отмѣтилъ вновь поступившія книги. Оттуда заѣхалъ навѣстить Рыкуновыхъ, потомъ къ Нечаеву, у котораго обѣдалъ вмѣстѣ съ Каченовскимъ и Давыдовымъ; споръ о математикѣ, которую И. И. ставитъ выше всего, почитая ее необходимою для трансцендентальнаго идеализма; послѣ разбирали Пушкина Кинжалъ и романтиковъ и слѣпое имъ удивленіе, плодъ невѣжества. С. Д. разсказывалъ о своемъ путешествіи на Кавказъ. Пришли Раичъ, отправляющійся въ Харьковъ и мол. Курбатовъ. Они поѣхали на гулянье, я домой.

2. Послѣ утр. уроковъ въ В. Д. взялъ свое жалованье и вмѣстѣ съ К. Романовскимъ обѣдалъ въ Новг. рестор. у Крича, выпили б. горскаго; потомъ въ Унив. Панс., оттуда въ В. Д., гдѣ видѣлся съ Ю. П. Ульр., который грубіана ученика моего заставилъ у меня просить прощенія. Напившись дома чаю, пошелъ къ проф. Цвѣтаеву читать съ нимъ вмѣстѣ свою біограф. Августина, на которую онъ дѣлалъ свои замѣчанія, совѣтовалъ нѣкоторыя статьи помѣстить въ примѣчаніяхъ, чтобы не прерывать хода повѣствованія; прорекъ, что ее будутъ читать съ любопытствомъ. Онъ сказывалъ мнѣ, что сдѣлалъ начертаніе заведенію въ В. Д. классич.

3. Послѣ уроковъ въ В. Д. обѣдалъ у генерала Писарева, кот. принялъ меня ласково; у него встрѣтился съ генер. Хитровымъ, который приглашалъ меня къ себѣ. Разсуждали объ изданіи Трудовъ О. Ист. Росс. Онъ жаловался на поступки К. Калайд. Я читалъ имъ свое преложеніе изъ Іова; хвалили. Хитровъ читалъ свое описаніе Вятки, во многихъ отношеніяхъ любопытное, изъ котораго я хотѣлъ воспользоваться для дополненія своей статьи о луб. картин., гдѣ говорится о Хлыновской баталіи. Алекс. Алекс. сказывалъ, что у него есть древнѣйшая Мамаева битва; обѣщалъ мнѣ доставить. Безъ меня ко мнѣ пріѣзжалъ П. П. Свиньинъ. Ввечеру у всенощно., гдѣ видѣлъ . . . .*) Что-то холодна, иль таится. Богъ вѣдаетъ сердц человѣка. Онъ устроитъ и дѣла наши; на Него вся надежда!

4. Утро въ чтеніи и разсмотрѣніи Кистерова плана учебн. института. Пріѣхалъ онъ самъ и перечиталъ со мною свое сочиненіе, на которое я сдѣлалъ свои замѣчанія; потомъ отправился къ обѣднѣ къ

*) Пропускъ въ подлинникѣ. П. Б.

Троицѣ на Капелькахъ, оттуда зашелъ къ Непышневскимъ, видѣлъ Андрея П., Настасью Мих., Николая, Сергѣя, Марью. Говорено было о сватовствѣ за . . . . Я обратилъ мысли и глаза на образъ Москов. чудотворцевъ. Андрей П. взялъ у меня руку и сказалъ, что идетъ говорить съ Павл. И. о дѣлѣ. Я отвѣчалъ шутя: берите себѣ! Съ Ник. Өедор. говорили о грѣхахъ юности. Обѣдалъ дома, пришелъ П. А. Өедоровъ; съ нимъ проводилъ время. Подписалъ 7 часть Театра Свѣта С. Глинки и послалъ письмо въ отвѣтъ Өедосьи Иван. Өед.

5. Утро дома въ своихъ занятіяхъ. Лекціи С.—П. П. Свин. осматривалъ Университетъ.

6. У Свиньина провелъ утро съ Я. Е. Арсеньевымъ, кн. Друцк. Пропустилъ въ Универс. лекцію и урокъ у кн. Мещерскаго; ѣздилъ къ Пятн. Божед. купить для волосъ элексиру, приглашалъ А. А. А., Дружинина и Мерзл. къ обѣду. Обѣщали, но не исполнили, а я время потерялъ напрасно. Къ чему тщеславіе! Переправилъ свое преложеніе изъ Іова XXIX и XXX гл.: въ этотъ день праздновали сему святому. Былъ у Инстит. протопопа Богданова и во исполненіе своего обѣщанія подарилъ ему свою кн. о послов. У него видѣлся съ его тестемъ, говорили о Платонѣ и Августинѣ, разсказывали анекдоты. Онъ хвалилъ Платона, говоря, что онъ и въ шуткахъ не терялъ важности своего сана и зналъ приличіе. Замѣчено, что митр. Амвросій, свергнувши м. Гавріила, такимъ же образомъ точно наказанъ, какъ и сей: сосланъ въ Новг., тамъ и умеръ. Они совѣтовали мнѣ 2-мъ изданіемъ напечатать Платонову жизнь съ нужными дополненіями и перемѣнами. Говорено насчетъ скупости М. митроп.: на столъ въ годъ 300 р. Въ молодости былъ щедрѣе и щеголь, любилъ поговорить и умѣлъ всѣхъ занять, такъ что и враги его невольно отдавали ему преимущество. Проповѣди прямо писалъ, наканунѣ, почти безъ поправокъ; при произношеніи многое отъ себя прибавлялъ, одушевляясь предметомъ.

7. Послѣ лекцій въ В. Д. сдѣлалъ въ городѣ закупки, обѣдалъ у Давыдова; пригласить ходилъ къ Двигуб. и Котельницк.; одинъ отказался, другой обѣщалъ съ удовольствіемъ. У всенощной на Троицк. подворьѣ и въ своемъ приходѣ.

8. Обѣдню слушалъ въ своемъ приходѣ; дома служилъ молебенъ ангелу моему. Приходили поздравлять Беръ, Каринъ и проч. Янова сестра приносила мнѣ сукна, не взялъ. Послѣ уроковъ въ Универс. и у кн. Мещерскаго, зашелъ поздравить И. М. Иракліонова съ ангеломъ и тутъ видѣлся съ Любимовымъ. Обѣдали у меня Я. Е. Арсеньевъ, В. М. Котельницкій, Непышневская съ пасынкомъ и племянникомъ, Яновъ. Послѣ обѣда разговаривали весело; пріѣхалъ кн.

Друцкой, П. П. Свиньинъ, потомъ П. Калайдовичъ и кн. Шаликовъ, съ коимъ читалъ я стихи; просидѣлъ съ нимъ всю всенощную.

9. Былъ на отпѣваніи П. А. Нарбекова у Знаменья въ Зубовѣ, гдѣ графы Санти, его племян., объявили мнѣ, что покойный назначалъ меня своимъ душеприкащикомъ. Заѣзжалъ къ М. В. Бобарыкиной для поздравленія съ ангеломъ ея сына; встрѣтился съ Я. Е. Арсеньевымъ и Свиньинымъ, которые звали меня на обѣдъ къ Бобарыкину, я отказался.

10. Послѣ уроковъ былъ у обоихъ графовъ Санти и не засталъ ихъ дома; оттуда по приглашенію проѣхалъ къ Ширяеву, гдѣ были проф. Мерзляковъ, Каченовск., Евграфъ Петр. Ковалевскій съ Свиньинымъ. Было слово о романт. и клас. Мерзляковъ съ жаромъ витійствовалъ противъ первыхъ; а Качен. грозился палкою на кн. Вяземскаго и возставалъ противъ меня, для чего я пропустилъ послѣднюю критику, гдѣ сказано, что онъ членъ Ценз. Ком. Я вооружился смиреніемъ; кончилось тѣмъ, что онъ звалъ меня къ себѣ въ гости. Качен. разсказывалъ, какъ Карамзина высѣкли на Вороб. горахъ и что романтики и ему тѣмъ же грозятъ. Поужинавъ, распростились и разъѣхались весело.

13. Послѣ классовъ заѣзжалъ къ П. П. Свиньину, который читалъ мнѣ свои Письма изъ Москвы; я ему сдѣлалъ нѣк. замѣчанія, имъ принятыя. Онъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе учить милліонщ. Кожевникова, я отказался по извѣстнымъ мнѣ причинамъ. Обѣдалъ у А. А. Писарева съ кн. Шаликовымъ, принятъ былъ ласково; видѣлъ тутъ полковн. Свѣчина, который просилъ меня принять на себя разсмотрѣніе его поэмы Александріада; я отговаривался тѣмъ, что самъ не имѣю права на себя брать цензурованіе: это зависитъ отъ ректора. Кн. Ш. сильно возставалъ противъ Свиньина. Уменъ тотъ, кто удаляется большихъ связей, а съ ними хлопотъ лишнихъ.

14. Послѣ уроковъ въ В. Д. отправился вмѣстѣ съ Свиньинымъ, Арсеньевымъ, Ковалевск., кн. Друцкимъ, Толстымъ на фабрики Гребенщикова въ Волынское и Рогожина по Можайской дорогѣ чрезъ Поклонную и Патріаршую горы. Путь былъ хотя грязенъ и труденъ, но веселъ; на Поклон. горѣ остановились полюбоваться златоглавою столицею и поклониться ей. Видъ величественный и трогательный. Мы вспомнили, какъ Франц. въ 1812 г. глядѣли на Москву съ той горы и какъ жители М. сбирались идти на сію гору и защищать Бѣлокаменную. Устройство фабрики и дѣятельность Гребенщикова достойны удивленія, для меня многое дотолѣ было неизвѣстнымъ; узналъ различіе ситца отъ набойки.

30. Ввечеру заѣхалъ ко мнѣ о. ризничій Гавріилъ; противъ окошекъ нашихъ переломилось колесо у кареты архимандрита Заиконоспаск. Я позвалъ его къ себѣ и отпустилъ его на своихъ лошадяхъ домой.

31. У всенощной былъ у Спаса на Бору; оттуда въ Общество Истор., гдѣ были А. А. А., Двигуб., Дружин., Котельницк., Нечаевъ, Калайдов., Погодинъ. Двигуб. вручилъ мнѣ дипломъ на званіе члена, а президентъ поручилъ мнѣ изданіе Трудовъ Общ., совѣтуя держаться правописанія Карамзина, и ласково звалъ къ себѣ въ Люблино. Мнѣ также поручено разсмотрѣніе генерала Хитрова піесы о Вяткѣ.

Іюнь. 5. Изъ типогр. былъ у П. М. Дружинина справиться объ Августинѣ, посланномъ 1786 г. въ Главное Нар. Учил. для узнанія методы. Я просилъ объ опредѣленіи А. И. Татаринова почетн. смотрителемъ, обѣщалъ и велѣлъ его привезти къ нему; говорилъ объ Арсеньевѣ. Пріѣхавъ поздно въ свой классъ, узналъ, что безъ меня былъ ректоръ и экзаменовалъ. Обѣдалъ у И. И. Давыдова, прогулявъ Кистер. урокъ; услышалъ, что обокрали Д. Перевощикова; бесѣдовалъ съ Щепкинымъ, Перевощик. и Чернявскимъ. Ввечеру, по приглашенію нашему, завезли къ намъ Иверскую Богом., пѣли ей съ водосвятіемъ молебенъ. По просьбѣ Щепкина началъ давать студ. Пищикову Л. уроки.

6. Обѣдню слушалъ у Филиппа м., гдѣ дьяконъ говорилъ назидательную проповѣдь о бремени Христіанина, доказывая, что оно потому намъ кажется тяжкимъ, что мы не все его подняли и что мы раздѣляемся на двѣ части въ своихъ склонностяхъ: къ Христу и къ міру. Видѣлъ Ел. Павл. К. издали—взглянулись. Обѣдалъ у Мальцова, гдѣ встрѣтился съ Горчаковымъ. Кап. Михаил. обласкала меня и пеняла за рѣдкость посѣщеній; встрѣтилъ одного пріѣзжаго изъ Грузіи, который разсказывалъ много любопытнаго о шахѣ, дѣтяхъ его и нравахъ Персіянъ и Грузинцевъ, кои довольны Руск. правленіемъ. Самъ Мальцовъ отправился въ Брянскъ на заводъ. За мною туда прислалъ дрожки Я. Е. Арсеньевъ; съ нимъ провелъ вечеръ дома; пришелъ тутъ же П. Өедоровъ съ диссертаціею своей.

7. Послѣ домашняго урока Пищикову, отправился съ нимъ въ Никит. монастырь, слушалъ вечерню, оттуда зашелъ къ мон. Маргаритѣ, которая потчивала меня просвирами. Отъ нея къ Антонскому, съ коимъ читалъ жизнь м. Михаила, писанн. Филаретомъ Моск. Въ собраніи былъ выборъ чиновниковъ, выбрали прежнихъ и предсѣдателя упросили, хоть онъ и отговаривался недосугами и старостію. Читана

Глаголева піеса о привѣтствіяхъ, дѣланы примѣчанія. Когда же стали предлагать книги для перевода сотрудникамъ, завелся споръ у М. Дмитріева, Давыд. и Василевскаго, кончился осмѣяніемъ послѣдняго. А. А. для избѣжанія дальнѣйшей ссоры закрылъ засѣданіе.

14. На женск. половинѣ въ В. Д. былъ экзаменъ, на коемъ присутствовали кн. С. Голицынъ, сен. Саблинъ и Антонскій. Изъ класса моего отвѣчали довольно хорошо, стихи и разговоръ читали Татьяна Антон. и Наталья Алекс. Саблинъ меня за это благодарилъ и былъ доволенъ. Антонскій сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ и сказалъ, что по профессорски спрашиваю и свысока отвѣчаютъ. Я прибавилъ, что онп понимаютъ, чтò говорятъ. Дѣвицы были довольны и меня благодарили, Наташа поцѣлуемъ въ губки, а Татьяна поцѣлуемъ руки моей. Экзаменъ кончился въ три часа поп., продолжался 7 часовъ. Потомъ завтракали. Кн. Шаликовъ хвалилъ меня и звалъ къ Дурасовой и Писареву. Зашелъ къ Е. И. Штр. и провелъ время весело; оттуда домой съ Беромъ.

16. Въ своемъ приходѣ служилъ по батюшкѣ панихиду; обѣдалъ у И. И. Давыдова. Отвезъ с. Саблину свое описаніе Восп. Д., благодарилъ.

23. Послѣ своихъ дѣлъ вмѣстѣ съ Н. В. Посниковымъ и А. З. Дурасовымъ отправился въ Люблино къ А. А. Писареву на имянины его жены и тещи; принятъ былъ ласково. А. А. отдалъ мнѣ для перевода Френово къ нему письмо. Домъ прекрасно выстроенъ архитект. Егоровымъ. Его опоясываютъ пруды и рѣчка, которая сливается съ ними; противъ дома, въ лѣсу, два кургана въ равномъ разстояніи; садъ прекрасный на покатомъ холмѣ, оранжерея богатая, есть отмѣнныя деревья помер. Послѣ обѣда гулялъ по саду, купался. Ввечеру отправились домой, по дорогѣ заѣхали ко всенощной къ Іоанну Предт., гдѣ встрѣтился съ Верецковскими. Простясь съ ними, сѣлъ на извощика и домой.

24 Поутру былъ на экзаменѣ Словеснаго Отдѣленія; у Гаврилова и Ульрихса хорошо шло, только сему помѣшалъ Рейсъ, вступившись экзаменовать снова по-латыни и не кстати. Послѣ поздравилъ И. И. Давыдова съ ангеломъ и былъ приглашенъ къ обѣду въ Петровское, куда и отправился вмѣстѣ съ Гордѣевымъ и Чумаковымъ въ каретѣ; съ нами были Каченовскій, Масловъ, Чернявскій, Матвѣевъ, Хавскій. Обѣдали довольно весело, шутили, послѣ обѣда курили сигарки въ саду, ѣли персики и пили кофе; разсказывали анекдоты забавные, особливо на счетъ духовныхъ. Я сѣлъ на дрожки съ Чернявскимъ и домой, зашелъ къ Непышнев., которые предложили мнѣ купить деревеньку Юрьево, 7 душъ по Дмитр. дор., у Савельевой.

25. Весь день въ классическихъ трудахъ. Въ Восп. Домѣ на послѣдней лекціи сказалъ ученикамъ своимъ прощальную рѣчь, которая повидимому произвела на нихъ свое дѣйствіе.

26. Экзаменъ въ высш. классахъ В. Д., на коемъ были профессора Мухинъ, Болдыревъ, Котельницкій, Фишеръ, Высоцкій, Рейсъ; Мухинъ совѣтовалъ мнѣ написать жизнь Демидова, собравъ объ немъ анекдоты. На моемъ экзаменѣ сдѣлали ученики силлогизмъ, въ коемъ была похвала Мухину за объясненіе свойствъ въ употребленіи моха. Повидимому, присут. были довольны, хотя я ожидалъ, что будутъ лучше отвѣчать; нѣкоторые отвѣчали довольно хорошо, не смотря на трудность вопросовъ моихъ. Оттуда въ Универс. на экзаменъ свой изъ Логики. Нѣкоторые изъ моихъ слушателей не такъ хорошо отвѣчали, какъ бы должно; ректоръ имъ выговаривалъ, замѣтивъ мнѣ, что ему самому кажутся нѣкоторые мои вопросы трудными, что надобно попростѣе предлагать и заставлять чаще повторять. Присутств. професс. Каченовскій, Чумаковъ, Ризенко. Послѣ обѣда былъ мой Латин. экзаменъ, который шелъ гораздо лучше, и ректоръ былъ доволенъ отвѣтами.

27. Послѣ урока въ В. Д. и экзаменовъ въ Физико-мат. въ Универс. обѣдалъ у Я. Е. Арсеньева, гдѣ видѣлся съ больнымъ его дядею А. Гриневымъ. Оттуда въ Универс. на собраніе факульт. для перевода студентовъ; были Чумаковъ, Бекетовъ и Побѣдоносцовъ. Приходилъ и ректоръ, сдѣлалъ замѣчаніе, что надобно уважать Латин. языкъ. Не переведено за неспособностію или дурнымъ поведен. 25 чел. Я просилъ Чумакова о провозглашеніи именъ отличныхъ.

28. Былъ въ В. Д. экзаменъ изъ Латин. моего класса. Я, кажется, не кстати, не въ пору сказалъ священнику о запросѣ Филарета священнику Универс. Пансіона на счетъ его слова, помѣщен. въ В. Е. Молчаніе кстати есть мудрость. Ученики мои отвѣчали хорошо; инспекторъ былъ ими доволенъ. У всенощной въ своемъ приходѣ, гдѣ видѣлъ казначея Лазарева. Былъ у Сандунова, гдѣ видѣлся съ Мальцовымъ и кн. Хилковымъ; взялъ у перваго о. Гавріила кн. «*Камень вѣры*», которую на другой же день возвратилъ ризничему.

29. Послѣ ранней обѣдни, слуш. въ своемъ приходѣ, поѣхалъ для поздравленія Шредера съ ангеломъ; былъ въ своемъ классѣ для повторенія; обѣдалъ дома и отдохнулъ; приходилъ П. А. Өедор. сказать объ успѣхѣ своего экзамена и благодарить меня за содѣйствіе. Собрался идти къ Л. А. Цвѣтаеву; но попались Непышневскіе и увели съ собою въ Корсакова садъ, гдѣ встрѣтилъ много знакомыхъ и долженъ былъ много кланяться. Лишнее знакомство—лишніе хлопоты.

30. Въ В. Д. экзаменъ на мужской половинѣ; присутствовали кн. Голицынъ и сен. Саблинъ. Я экзаменовалъ свой классъ изъ Росс.

Словесн., спрашивалъ теорію историч. сочиненій; читали изъ Карамз. изображеніе дѣйствій и описаніе характера Вл. Моном., потомъ разговор. съ Л. А. Цвѣтаевымъ. Кн. Голицынъ сказалъ мнѣ: очень хорошо. Отвѣчали многіе хорошо; надобно бы покороче и не пускаться во многословіе и дальнѣйшія объясненія. За завтракомъ шутили. Ловецкій мнѣ сказывалъ, что св. Козьмы и Даміана на Шв. горкѣ знаетъ сочинителя карт. *мыши кота погребаютъ*, будто дьячокъ отъ Василія Блаж. Послѣ я угощалъ кофеемъ своихъ учениковъ. Оттуда проѣхалъ къ о. ризничему, гдѣ нашелъ намѣстника Чудовскаго, который обѣщалъ показать мнѣ ризницу; потомъ зашелъ въ Усп. соборъ, наконецъ домой. Хотя графъ Санти и приглашалъ нынѣ въ 6 ч. для распечатанія имѣнія Нарбекова, однако я не поѣхалъ.

Іюль. 1. Ѣздилъ къ Савельевой Ел. Ив. отдать ей планъ ея на деревню Юрьево, котор. она продаетъ; просилъ ее и мужа дать мнѣ подробную записку о ней, о землѣ, дворахъ, крестьянахъ, лѣсѣ и доходахъ, чтобы лучше мнѣ сообразивъ, осмотрѣть сіе помѣстье; обѣщано. Отъ нея заѣхалъ къ обѣднѣ къ Спиридонію. Отъ Ширяева получилъ за 4 часть Отеч. Достоп. 250; изъ Универс. жалованье. Мерзляковъ подарилъ мнѣ билетъ на свои Подражанія и Переводы; говорилъ мнѣ, будто слышалъ отъ кого-то, что я разнорѣчу: одному говорю такъ, другому инакъ, о. с. будто я лицемѣръ! Небыль что̀ вода, быль что̀ трава. Шутя приглашалъ меня въ масоны. Обѣдалъ дома; вечеръ сидѣлъ у Цвѣтаева, бесѣдовали о разныхъ предметахъ, о Платонѣ и встрѣчѣ его въ Кіевѣ.

2. Поутру былъ у К. Татаринова, сдѣлалъ выписку изъ *) о пословицахъ; онъ звалъ меня въ Тюфел. рощу къ отцу; былъ у Авдотьи Павловны, посидѣлъ съ часъ и поговорилъ о Филар. и не кстати о.... Обѣдалъ у Н. Смирнова, котораго теща разсказывала забавные анекдоты о Балакиревѣ, шутѣ Петра I и его смерти. Пришедъ домой, засталъ еще П. М. Извольскаго; говорили съ нимъ про старину, объ островѣ Йзм., гдѣ укрывались жители Москвы отъ нашествія Татаръ, Поляковъ и Французовъ. Онъ просилъ меня о помѣщеніи его дочери въ Домъ Трудолюбія; обѣщалъ стараться, если будетъ возможность; отужинавъ, распростились. Въ этотъ день писалъ отвѣтъ на письмо Пелагеи Мих. Сердоб. въ Симбирскъ къ Еф. Ѳед. Андрееву.

3. Былъ у обѣдни у Филиппа м. на праздникѣ; зашелъ на часъ къ Непышн., обѣдалъ дома и занимался кн. Кантемиромъ. Дождь цѣлый день и громъ; небо въ тучахъ. Продолжалъ чтеніе изъ Психоло-

*) Пропускъ въ рукописи. П. Б.

гіи объ остротѣ и остроуміи; можно написать для синонимовъ статью объ этомъ.

4. Слушалъ обѣдню и полезное наставленіе отца Захарія на текстъ: искупуйте время, яко дніе лукави суть, въ Универс. церкви. Мухинъ хвалилъ мнѣ мой экзаменъ В. Д. и сказалъ, что объ этомъ говорилъ онъ въ Совѣтѣ. Обѣдалъ у Дурасовыхъ, котор. доставилъ программу въ собр. Универс. Они звали чаще къ себѣ. Отъ нихъ пошелъ въ собраніе Унив., на дорогѣ встрѣтился съ Я. Е. Арсеньевымъ и вмѣстѣ поѣхали туда. Посѣтителей было много: Дмитр., кн. Голицынъ, А. Ѳ. Малиновскій, Корнѣевъ, А. Писаревъ, который звалъ меня къ себѣ. Во время чтенія рѣчи Васильевск. нашла ужасная туча и все затмила, такъ что ораторъ едва могъ читать. Музыка была прекрасная, Кашина. Давыдовъ съ обыкн. тономъ пенялъ, для чего я не въ мундирѣ. Съ Я. Е. отправились въ каретѣ ко всенощной въ свой приходъ; послѣ зашелъ на имянины къ Марьѣ И. Демидовой.

5. Раннюю обѣдню въ своемъ приходѣ. Оттуда поѣхалъ къ Ширяеву за журналами, потомъ къ Нечаеву, котораго не засталъ, заѣхалъ къ Я. Е. Арсеньеву, не заставъ его, оставилъ ему поклонъ; оттуда поспѣлъ къ обѣднѣ въ свой приходъ. Гуляя по улицѣ, встрѣтился съ ректоромъ А. А. Антонскимъ, который, остановясь, сказалъ мнѣ, что рекомендовалъ меня графу Румянцову, яко занимающагося Росс. Исторіею, и думаетъ, что канцлеръ меня къ себѣ пригласитъ. Я благодарилъ и звалъ къ себѣ; онъ сказалъ, что пріѣдетъ во фракѣ, безъ мундира.

6. Утро въ чтеніи; потомъ поѣхалъ къ ректору А. А. А., который пригласилъ меня къ обѣду, далъ мнѣ два экз. Рѣчей. Отъ него къ обѣднѣ въ соборъ, гдѣ видѣлся съ пр. Котельн. Отнесъ рѣчь къ о. ризничему, у коего встрѣтился съ Ширяевымъ и Третьяковымъ, смотрѣли ризницу. Спрашивалъ соборн. подіакона насчетъ происшествій 1812 г.. Смоленскую Богоматерь въ день Бородинской битвы обносили вмѣстѣ съ Владимирскою, которая несена отъ Срѣтенскаго монастыря къ Петровскому, отъ сего къ Страстному и до Арбата; оттуда къ Каменному мосту, гдѣ встрѣтилась съ Смоленскою, сопровождаемою Смолен. жителями и духовенствомъ. При освященіи Успенскаго собора во время освященія антиминсовъ пѣли изъ канона Пасхи. Оттуда къ Мальцову, гдѣ засталъ Н. Н. Сандунова, обѣдали А. А. Антонскій, Горчаковъ и пр. Съ *) разговаривали о Грузіи и Персіи, обычаяхъ и нравахъ; Горчаковъ и я разсказывали анекдоты объ архіереяхъ, объ Августинѣ и Ѳеофилактѣ Груз., объ архимандр.

*) Пропускъ въ рукописи.

Фотіи. Оттуда зашелъ къ профессору Цвѣтаеву, гдѣ засталъ Рожалина, Грачев. попа, сидѣли говорили и закусили.

8. Отслушавъ въ своемъ приходѣ обѣдню раннюю, былъ у Сандунова, гдѣ нашелъ К. М. Мальцову, пошли вмѣстѣ въ Кремль, гдѣ встрѣтили крестный ходъ; погода была прекрасная. По приглашенію А. А. Ант. у него обѣдалъ. Перечитывали мою біографію преосв. Августина, онъ сдѣлалъ нѣкоторыя замѣчанія, коими я обѣщалъ воспользоваться; подписалъ ее печатать съ обѣщаніемъ напечатать въ мою пользу 250 экз. Совѣта требовалъ я на изданіе своихъ сочиненій, біографій и разсужденій касательно Росс. Исторіи и литературы. Онъ говорилъ, что лучше издать отдѣльными книжками: лучше будутъ покупать, а потомъ вмѣстѣ. Замѣчено, что въ исполненіи нужна твердость характера. Говорено объ исторіи М. Университета.

9. Дѣлалъ выписки изъ журналовъ С. П. касательно Русскихъ пѣсень, о коихъ при помощи Божіей намѣренъ писать, такъ чтобъ обозрѣть всѣ народныя произведенія: пословицы, пѣсни и лубочн. картинки, потомъ сказки. Ввечеру былъ у сенатора Малиновскаго, съ удовольствіемъ гулялъ съ нимъ въ саду, ѣли клубнику; смотрѣли на Черкасск. огородѣ мѣсто церкви преп. Ксеніи, близъ коей бывали соборы у Андрюшки Лжехриста. Онъ мнѣ отдалъ отвѣты свои на вопросы С. Глинки касательно Моск. Архива и сдѣлалъ къ нимъ еще дополненія, кои я приписалъ; далъ мнѣ для просмотрѣнія *учрежденіе* Шеремет. больницы, имъ писанное и Государемъ утвержденное въ 1812 году, намекнувъ, чтобъ Глинка объ этомъ упомянулъ. Тутъ же случился А. М. Евреиновъ. Я просилъ А. Ѳ. о доставленіи мнѣ матеріаловъ изъ Архива касательно кн. Ант. Кантемира; онъ обѣщалъ съ тѣмъ, чтобъ послѣ ему показать, какъ я воспользуюсь ими, не упоминая того, откуда я ихъ заимствовалъ.

10. Былъ у А. А. Антон. для показанія ему конспекта лекцій своего класса; онъ сказалъ, что надобно повиднѣе и посвязнѣе изложить и отдѣльно; тоже замѣтилъ и Двигубскій, у котораго я былъ. И. А. отдалъ мнѣ для печатанія *Труды* Истор. Общ., чтобъ они продолжались вмѣстѣ съ *Записками*, съ особыми титулами. По просьбѣ А. Ѳ. Мерзлякова досталъ ему каталогъ лекц. и сдѣлалъ отмѣтки; онъ мнѣ читалъ свой конспектъ. Въ Архивѣ по приказу А. Ѳ. Мал. даны мнѣ были дѣла посол. Кантемирова для справокъ и Беерова исторія жизни кн. Констант. Кантемира; слышалъ, что кн. Голицынъ Ник. Серг. приносилъ полныя сатиры кн. Кантемира, изъ коихъ нѣкоторыя еще не изданы. Я занялся часа съ два разсмотрѣніемъ бумагъ кн. К. и дѣлалъ выписки. Вслѣдствіе мирового свиданія съ сосѣдомъ Мартеномъ 6 числа, нынѣ далъ, по усилен. просьбѣ его, урокъ сыну его

Петру. Ввечеру занимался новымъ изданіемъ Платон. жизни. Благослови Боже!

11. Занимался выпискою и чтеніемъ бумагъ кн. А. Кантемира во время его посольства въ Англіи съ 1731 года по 1738; есть его реляціи къ импер. Аннѣ весьма любопытныя, въ коихъ видны его проницательность ума и наблюдательность. Обѣдалъ у А. П. Дурасовой на имянинахъ Ольги Дмитріевны, видѣлъ ея отца.

12. Былъ за ранней обѣдней въ приходѣ своемъ; пѣлъ панихиду, по причинѣ дождя не могъ быть на кладбищѣ. Пріѣзжалъ С. Глинка, коему отдалъ ст. объ Архивѣ, дополненную А. Ѳ. Малиновскимъ и мною; пригласили къ обѣду богадѣленокъ, помянуть покойника. Ввечеру заѣхали Я. Е. Арсеньевъ и кн. Одоевскій просить меня, чтобы я принялъ на себя цензурованіе Мнемозины. У всенощной былъ въ своемъ приходѣ.

13. Съ маменькой ѣздилъ къ обѣднѣ на Лазарево кладбище, пѣли панихиду на батюшкиной могилѣ, которую осыпали садовыми цвѣтами. На книгѣ церковн. замѣтилъ надпись, что принадлежитъ она церкви С. Лазаря, что̀ на убогихъ домахъ; это даетъ поводъ думать, что не были ль они тамъ, гдѣ теперь Нѣмецкое кладбище. Пріѣхавъ домой, застали сваху, которая сватаетъ за меня дочерей褚нова и Чередѣева; я отзывался своимъ опасеніемъ. Былъ сосѣдъ Чумаковъ, посидѣлъ. Послѣ обѣда пришелъ ко мнѣ И. А. Ѳедоровъ.

14. Отдалъ въ Универс. типогр. набирать Труды Ист. Общества. Въ Архивѣ занимался чтеніемъ бумагъ кн. Кантемира во время его посольства въ Англію. Я дѣлалъ выписки; заѣхалъ оттуда къ Чередѣеву и завтракалъ у него.

15. Съ маменькой ѣздилъ къ живоп. Дурнову для снятія съ нея портрета; приняли ласково насъ. Я читалъ свою рѣчь въ В. Д.; просили ее списать и хвалили. Обѣдалъ у Дурасовыхъ; А. П. обѣщала мнѣ достать Напол. письмо къ митроп. Платону; разсказывали анекдоты о немъ, о дружбѣ его съ княземъ Масальскимъ. Отъ нихъ зашелъ къ Діом. Ант. Соколову, шутилъ съ его племянницей; дома у себя засталъ Ѳедорова и Ульрихса, молодые посидѣли и поговорили.

16. Занимался въ Архивѣ до 2 часа; оттуда въ городъ для покупки чаю, вина и пр. Ввечеру заѣхалъ ко мнѣ К. А. Татариновъ, пили чай и закусили вмѣстѣ, побесѣдовали о разныхъ дѣлахъ довольно откровенно. Пришелъ тутъ же приходскій попъ просить меня о напечатаніи нѣсколькихъ листовъ къ Синодику; скрѣпя сердце, взялъ на себя это дѣло.

17. Заѣзжалъ къ Ширяеву для справокъ, въ Университетскую типографію, въ Петровскій монастырь къ обѣднѣ, которую служилъ о.

Ѳеофанъ; онъ говорилъ мнѣ о дочери Тверитинова, совѣтовалъ на ней жениться, далъ мнѣ просфору; я испросилъ себѣ и труду своему благословеніе: это была со мной біографія пр. Августина, которую я отдалъ печатать въ типографію. Заѣхалъ къ П. Кузнецову и просилъ его напечатать на мой счетъ листы къ Синодику, недѣли черезъ двѣ онъ обѣщалъ напечатать. Былъ у обѣдни у Рождества въ Столбахъ на похоронахъ Раевскаго, тамъ видѣлся съ А. З. Дурасовымъ; по дорогѣ завернулъ къ сапожнику Рулье и заказалъ ему сапоги и башмаки. Оттуда къ Іогелю, провелъ время въ бесѣдахъ, въ игрѣ на фортопіано съ Наташей, которую называлъ своей женой; Роза Николаевна предлагала мнѣ завести вмѣстѣ пансіонъ; послѣ обѣда игралъ съ Наташей въ карты, выигралъ у нея, тутъ описывалъ будущую, счастливую жизнь нашу съ нею въ деревнѣ. Досидѣлся до вечера весело и до дождя. Ввечеру дома занимался своими дѣлами. Урокъ Мартеню.

18. Дома занимался своими дѣлами, кончилъ чтеніе Психологіи, конспектъ своего класса, письмо для Лужина къ Императрицѣ объ опредѣленіи его дочери въ В. Д., прочелъ, дополнилъ и подписалъ Глинкину статью объ Университетѣ Московскомъ. Не надо забывать себя и своихъ существенныхъ дѣлъ, удаляясь всегда отъ того, что̀ можетъ уклонить насъ отъ должностей нашихъ: въ этомъ помѣха, малодушіе и тщеславіе; станемъ ихъ бѣгать.

19. Переписавъ свой конспектъ, заѣхалъ къ князю Шаликову, который приглашалъ меня ѣхать съ нимъ въ Люблино; я отговорился собраніемъ факультета. Казалъ Мерзлякову свой конспектъ и отдалъ, сказавъ, что въ собраніи не буду, потому что меня не пригласили прошлаго году, когда я пришелъ въ экстр. Онъ пенялъ мнѣ и звалъ; однако я не пошелъ, говоря, что почитаю себя обиженнымъ; тоже далъ замѣтить и Побѣдоносцову, который совѣтовалъ мнѣ особенно тиснуть полэавода біографіи Августина. Оттуда зашелъ къ Д. А. Соколову; Над. Григор. обѣщалась придти ко мнѣ съ женою моей въ Понедѣльникъ, если погода хороша. Нанявъ извозчика, отправился въ Люблино, по дорогѣ заѣхалъ къ Утоленію Печали, къ Татаринову въ Тюфелевскую рощу; Катю засталъ за сладкою работой, за вареньемъ. Съ Александромъ Ивановичемъ говорилъ насчетъ принятія должности помощника смотрителя; онъ просилъ меня съѣздить вмѣстѣ съ нимъ къ П. М. Дружинину. Я изъявилъ свою готовность; онъ жаловался на ипохондрію, свои припадки, я совѣтовалъ ему молиться и трудиться, ходить и т. д. Оттуда на обѣдъ къ А. А. Писареву; у него засталъ Дурасовыхъ, вице-губернатора Храповицкаго, Ренкевича, князя Шаликова, Волкова, принятъ ласково; казалъ корректуру трудовъ И. О., просилъ о вознагражденіи меня за изданіе оныхъ, обѣщалъ. Съ удо-

вольствіемъ до и послѣ обѣда гуляли въ саду и любовались мѣстоположеніемъ, для сада выгоднымъ; князь Шаликовъ все разговаривалъ съ красавицами Гранжанъ; смотрѣли пригнатыхъ изъ Тироля коровъ, каждая по 35 черв., пустили ихъ гулять на лужокъ; онѣ ниже ростомъ и полнѣе тѣломъ нашихъ коровъ. Въ рощѣ померанцовыхъ деревьевъ сѣли въ кружокъ и говорили о женщинахъ; хозяинъ Люблина пишетъ о нихъ статью для Д. Ж. Поблагодаривъ хозяевъ за ласку, по дорогѣ заѣхалъ въ Новоспаской монастырь ко всеношной.

20. Отслушавъ обѣдню въ своемъ приходѣ, напился съ маменькой чаю и по приглашенію Малиновскаго былъ у него. Онъ далъ замѣтить, что болѣе мнѣ нельзя разсматривать дѣла въ Арх., потому что у нихъ есть на это правила особенныя; я сдѣлалъ знакъ согласія и распростился. Изъ дому зашелъ къ П. В. Грушецкому, побесѣдовалъ съ нимъ и женою его; ихъ добрыя правила мнѣ нравятся, такъ равно и благочестіе; потомъ сѣлъ на дрожки и поѣхалъ сперва къ Ильѣ пророку на Вор. п., гдѣ встрѣтилъ крестный ходъ, Бекетова съ братомъ и Н. Верецковскую съ братомъ; оттуда къ Гусеву; обѣдалъ у него, гулялъ въ саду и бесѣдовалъ и шутилъ съ Елис. Мих.; потомъ тихонько уѣхалъ домой по пословицѣ: въ гостяхъ хорошо, а дома лучше. У самаго перекрестка близъ дома съѣхался съ Я. Е. Арсен., позвалъ на перепутьѣ Драч. попа и бесѣдовали о разныхъ предметахъ духовныхъ и свѣтскихъ.

21. Дома утро, далъ 4-й урокъ Мартеню; отослалъ корр. Трудовъ Ист. къ К. Калайд. для прочтенія; поправилъ два листа корр. біографіи пр. Августина и отослалъ въ типогр. Послѣ обѣда прогулялся по улицамъ, на четверть часа зашелъ къ Непышневскимъ. Занимался чтеніемъ корректуръ Истор. Общ. Ввечеру были у насъ г-жа Іогель съ дочерью, племянница Д. А. Соколова съ братомъ; въ саду гуляли, кофе и чай пили, шутили и дѣло говорили; пріѣхалъ и Глинка съ благодарностью за доставленіе матеріаловъ объ Университетѣ и спрашивалъ объ Универ. Пансіонѣ; что̀ зналъ, ему сказалъ. Шутя рекомендовалъ ему Наташу, какъ жену свою; онъ совѣтовалъ ей предпочитать сердце красотѣ лица*), разсказывалъ о своихъ поступкахъ въ 1812 году предъ нашествіемъ враговъ; всѣ со вниманіемъ слушали его разсказъ, хотя и знакомый, но любопытный. Я провожалъ дамъ до валу.

22. Подписалъ цензурные листы Д. Ж. и занимался поправкою корректуры біогр. преосв. Августина и продолженіемъ Жизни м. Платона. Вмѣстѣ съ маменькой поѣхалъ къ живописцу Дурнову для снятія съ нея портрета; оттуда къ П. М. Дружинину; прочелъ онъ кор-

*) И. М. Снѣгиревъ былъ весь рябой. П. Б.

ректуру біогр. Августина, особенно то мѣсто, гдѣ говорится о Главномъ Народномъ Училищѣ и методѣ взаимн. обученія; совѣтовался съ нимъ о свиданіи съ гр. Ростопч. Онъ совѣтовалъ мнѣ отнестись къ нему письмомъ и просить свиданія; а Глинка не. совѣтовалъ. Соглашай теперь! Заѣхалъ къ Рыкунову больному, помня Брыкину пословицу: *бѣдному помоги, больного посѣти, пьяному угоди, святъ будешь человѣкъ.* Разсказывалъ П. И. о путешествіи Августина въ 1812, въ сопровожденіи солдатъ съ ружьями, о пребываніи его въ Муромскомъ Благовѣщенск. монастырѣ, о встрѣчѣ и поднесеніи ему отъ Муромскаго купечества хлѣба и соли. Потомъ разговоръ зашелъ объ осужденіи; кто осуждаетъ ближняго, тотъ предвосхищаетъ судъ у Бога. Катер. Петр. говорила, что она ропщетъ, для чего Богъ иныхъ награждаетъ счастьемъ, другихъ осыпаетъ несчастіями, и призналась, что иногда ропщетъ и отчаевается. Я ее убѣждалъ въ несправедливости ея противъ Творца и совѣтовалъ выкинуть изъ головы столь грѣшныя мысли, кои могутъ еще болѣе разстроить и умножить ея несчастіе. Отецъ тоже подтвердилъ. У Глинки засталъ обѣдъ имянинной, отдалъ ему матеріалы кас. до исторіи Унив. Пансіона, двѣ рѣчи и свою записку; онъ благодарилъ. Изъ послушанія маменькѣ поѣхалъ къ Бобарыкиной на имянины; припятъ ласково; познакомился съ ея братомъ Ник. Вас., который былъ ученикомъ моего батюшки и объ немъ воспоминалъ съ удовольствіемъ. Послѣ обѣда пріѣхалъ Неклюдовъ и разсказывалъ о своемъ приступѣ къ Измаилу, награжденіи Екатериною II и отрѣшеніи отъ должности по докладу. Въ этотъ день пришелъ въ Москву Смоленскій Кадетскій корпусъ. Генер. губ. Философовъ, который въ Даніи сошелъ съ ума вмѣстѣ съ Датскимъ королемъ, казнившимъ свою вѣроломную супругу. Неклюдовъ мнѣ напомнилъ о Конискаго рѣчи; обѣщалъ ему доставить. Хотѣлъ было тихонько уѣхать, однако Марья Васил. вышла меня проводить вмѣстѣ съ братомъ и Я. Е.

23. Утромъ занимался своими дѣлами, коихъ покидать не должно: читалъ Исторію Калайд., корректуру б. А. Читалъ вмѣстѣ съ Листов. священникомъ въ саду б. А. и воспользовался его замѣчаніями въ разсужденіи мыслей и слога; продолжалъ Жизнь Платона; вмѣстѣ съ Есиповыми ходилъ къ Спасу на свадьбу. Въ этотъ день была ужасная гроза и дождь; по приходѣ домой занялся своими дѣлами. Послалъ по блюду смородины ген. Дурасову и проф. Цвѣтаеву; благодарили.

25. Поутру ѣздилъ къ П. М. Дружинину, читалъ съ нимъ корректуру б. Августина, хвалилъ; оттуда проѣхалъ въ Преображ. училище, гдѣ былъ экзаменъ въ присутствіи губернатора и П. М. Друж., видѣлъ Извольск. сына Александра. Казалъ мнѣ смотритель сумасшед-

шихъ домъ; тамъ встрѣтилъ я различныхъ несчастныхъ: убійцу отца, матери, жены и дѣтей, отчаянную женщину на цѣпи, сумасшедшую отъ лотереи и послушника *) мон., который гадалъ мнѣ на рукѣ и сказалъ, что надежды мои исполнятся и я проживу 70 лѣтъ. Оттуда проѣхалъ я къ А. Ѳ. Мерзлякову, который меня обласкалъ, какъ благопріятель и совѣтовалъ не спѣшить жить; пригласилъ было къ обѣду въ саду подъ тѣнистымъ вязомъ, но черезъ заборъ кликнулъ къ себѣ д. Кистеръ; у него обѣдалъ и съ нимъ гулялъ, видѣлъ въ рощѣ остатки укрѣпленій учебныхъ Петра I; играли на фортеп. Отъ него прошелъ къ Алексѣю Ѳедор.: пили подъ вязомъ чай, курили табакъ. А. Ѳ. и Л. В. почитаютъ меня хитрымъ и скрытнымъ, вѣрно, по чужимъ словамъ завистниковъ моихъ и неблагодарныхъ. Дождь вогналъ насъ въ домъ; тамъ А. Ѳ. за работу, а я разговаривалъ и шутилъ съ Л. В. которая мнѣ показалась умною и доброю. Такъ протекло время; простился съ ними, звалъ къ себѣ; обѣщали. Потомъ заѣхалъ къ Ульрихсу, не засталъ его; видѣлся съ его женою, очень похудѣвшею и, пожелавъ ей здоровья, домой; по приглашенію былъ у сосѣдки на имянинахъ. NB. что̀ я пріобрѣлъ для души и сердца? Какое сдѣлалъ употребленіе изъ времени?

26. Раннюю обѣдню слушалъ въ своемъ приходѣ; услышалъ о смерти Красноглазова; дома пѣли молебенъ съ водосвятіемъ. Священникъ отдалъ 10 р. за бумагу на Синодикъ. Поѣхалъ въ городъ за покупками, встрѣтился съ А. А. Платон. и дочерью, которая увела меня къ зятю своему; тамъ нашелъ я Мокр. священника Андрея Ив., потомъ приходскаго. Зять ея ласково принялъ меня, звалъ напредки; говорилъ, что его теща хочетъ выдать за меня любимую дочь свою Катеньку. Поговорили о дѣлѣ и бездѣльи, распростились; Анна Алекс. сказывала, что ей пророчитъ сумасш. Иванъ Яковл. богатство и счастье 14 Сент. Купивъ винъ и дыню, домой; обѣдали у насъ Я. Е. Арсеньевъ, профессоръ Чумаковъ и Непышневскіе; послѣ обѣда были до веч. професс. Цвѣтаевъ, подполк. Карловичъ съ женою, И. М. Иракліоновъ, Дружининъ, Чумаковъ, Н. А. Озерецковская. Разсуждали о войнѣ 1812, о сраженіяхъ, предметъ былъ занимательный. Ужинали Дружининъ, Чумаковъ и Иракл. II. М. сказывалъ, что графиня Катерина Иван. Головкина (урожд. Ромодановская) пошла съ мужемъ въ ссылку и цѣлый годъ жила съ трупомъ своего мужа въ одной хижинѣ въ острогѣ, куда привозятъ припасы на цѣлый годъ. Про Филарета II. М. сказывалъ, что въ бытность его въ Вереѣ ему назначили квартиру у купца; онъ спросилъ у соборнаго протопопа, для чего жъ у него не назначена квартира. Прот. отвѣчалъ: преосв., у

*) Пропускъ въ рукописи.

меня двѣ дочери - невѣсты. У другого священника онъ спросилъ: для чего усы выбриты? Тотъ отвѣчалъ: у меня на этомъ мѣстѣ волосы не растутъ. Вечеръ кончился весело. Дай Богъ, чтобы вся жизнь матушки моей текла весело.

27. Елис. Мих. Арсеньева прислала маменькѣ чепецъ; приходила сваха звать меня къ Середѣеву. Обѣдню слушалъ у Николы на Мясн.; оттуда зашелъ къ Харитонію въ Огородн., гдѣ много старинныхъ образовъ; церковь строена при ц. А. М. Зашелъ къ Чередѣеву; увяли обѣдать; игралъ въ дурачки съ Надеждою Васил., выигралъ у нея три гроша; чай пилъ, шутили и разговаривали о разныхъ предметахъ, ввечеру простившись, пошелъ пѣшкомъ домой; зашелъ на полчаса къ сосѣду Чумакову, гулялъ съ его дочерьми по улицѣ.

28. Поутру былъ приходск. попъ съ просфорою и просьбою о напечатаніи Синодика. Хоронили сосѣда Красноглазова; я не пошелъ на отпѣваніе, а поѣхалъ въ В. Д.; написалъ дополненіе къ своему послужному списку и отдалъ его секретарю; зашелъ къ воспитанникамъ, взялъ у нихъ свои книги, оттуда къ Елисаветѣ Иван., отъ нея къ Лук. Алекс.*), которая звала къ себѣ обѣдать въ Воскресенье. У нея прочелъ съ кандидаткою корректуру Трудовъ Ист. О. У насъ обѣдала сосѣдка Чум. съ дочерью; потомъ занялся своимъ дѣломъ, котораго не надобно покидать, если хочешь, чтобы оно тебя не покинуло.

29. Утромъ занимался своими дѣлами; заѣзжалъ отъ Филар. ризничій Синодал., потомъ пошелъ въ типогр. Ун., къ Іогелю, не засталъ ее; съ кн. Шаликовымъ читалъ и переправилъ стихи свои къ живоп. Дурновой и ей читалъ; они были довольны. Обѣдалъ у Д. А. Соколова; въ городѣ встрѣтился съ Фустовымъ; потомъ заходилъ къ Ѳед. Ив. В., подарилъ поясъ Наденькѣ по обѣщанію, пошутили. Дома нашелъ сваху, старые толки. Пріѣхалъ С. Глинка; съ нимъ читалъ свою біографію преосв. Авг.; онъ хвалилъ весьма и сдѣлалъ свои замѣчанія на счетъ порядка происшествій и слога, просилъ меня доставить ему экземпляръ, онъ хочетъ заимствовать нѣкоторыя обстоятельства для своей Росс. Исторіи. Я совѣтовалъ ему съѣздить къ Малиновскому сенатору.

30. При письмѣ отправилъ къ ректору Антонскому въ деревню корр. б. А. Обѣдню слушалъ у Іоанна Воина; замѣтилъ въ теплой церкви двойной сводъ и ходъ изъ алтаря въ холодную ц. Три окошка. По свидѣтельству старосты И. С. Шаталова, она расписана Домажировымъ за 800 р. и старѣе Лазаревской; при ней хоронить убогихъ запрещено еще въ началѣ царствованія Екатерины; при Аннѣ кладбище

*) Лукерьѣ Алексѣевнѣ Цеймернъ, ур. Сверчковой. П. Б.

перенесено къ валу. Послѣ обѣдни зашелъ на полчаса къ Есиповымъ; послѣ обѣда отправился къ Карловичу на Бутырки; онъ и жена его приняли меня ласково. Антонъ Мих. далъ мнѣ для прочтенія оправданіе Барклая-де-Толли, напеч. Дибичемъ въ Парижѣ на Франц. и въ Вѣнѣ на Нѣмецк. Разсказывалъ мнѣ, что когда Государь, бывши на вновь заведенномъ военномъ поселеніи гр. Аракчеева, сказалъ: это одно упрямство, что этому противорѣчатъ; вѣдь у Римлянъ были также военныя поселенія, Дибичъ примолвилъ тогда: предъ паденіемъ Рим. Имперіи. Графъ Салтыковъ, разговаривая съ Суворовымъ, между прочимъ сказалъ: Не правда ли, А. В., что Каменскій великій тактикъ? Да, да, отвѣчалъ Суворовъ, Каменскій тактикъ, я практикъ, а вы ничего, ничего, ха, ха, ха! и ушелъ отъ него съ симъ словомъ. Пл. П. Бекетовъ при вѣжливомъ письмѣ прислалъ ко мнѣ I ч. Собранія портретовъ.

31. Отдалъ въ Универс. типогр. подписанную мною коррек. И. Общ., зашелъ на полчаса къ Іогелю, поговорилъ съ ними, заставилъ Наташу поиграть на фортопіано и пошелъ къ Нечаеву; говорили съ нимъ о темпераментахъ, объ исправленіи оныхъ; онъ работалъ надъ своимъ три года, обвинялъ меня въ вѣтренности и доказывалъ, что я на его (богатомъ и знатномъ) мѣстѣ далеко бы зашелъ, увлекаясь темпераментомъ своимъ, и что, по счастью, судьба меня укротила, заставивъ вырабатывать трудами себѣ хлѣбъ. О эгоизмъ! Слушай и разсуждай! Потомъ взялъ у него для прочтенія кн. о древнихъ мистеріяхъ или таинствахъ, бывшихъ у всѣхъ народовъ, М. 1785. 12., доѣхалъ съ нимъ до Университета; зашелъ къ Давыдову и нашелъ его съ подвязанною рукою, съ отпущенными усами и съ ридикюлемъ на столѣ, выслушалъ пени и оправдался необхомимостью удаляться отъ тѣхъ людей, котор. все перетолковываютъ и переносятъ слова откровенно сказанныя; онъ унялъ обѣдать. Послѣ обѣда пріѣхавъ домой, нашелъ у себя мал. Мартень, далъ ему урокъ.

Августъ. 1. Утро занимался чтеніемъ; потомъ поѣхалъ въ В. Домъ, взялъ жалованье свое, пошелъ къ обѣднѣ, гдѣ просилъ меня о сынѣ своемъ Леганье; послѣ провожалъ крестный ходъ на Іордань, гдѣ святили воду. Тутъ встрѣтился съ Чередѣевыми, проводилъ ихъ съ трудомъ въ столовую, показывалъ имъ своихъ учениць, которыя смотрѣли на нихъ съ любопытствомъ, особливо Тн. Оттуда проѣхалъ къ Дурасовымъ. За обѣдомъ толковали о дѣлахъ добрыхъ, о пылкости и откровенности пр. Августина, который охотно сознавался въ своихъ погрѣшностяхъ и являлъ знаки смиренія, приличнаго пастырю. Разсказывали о Софьѣ Серг. Всеволожской, которая съ бар. Криденеръ

отправилась на баркѣ въ Одессу миссіонершею для проповѣданія Евангелія. Furor jaculi. О Фотіи, который будто хотѣлъ привести къ присягѣ кн. А. Н. Голицына. Государь черезъ Серафима сказалъ Фотію, «что удивительно кажется ему, что Фотій живетъ въ С. П. тогда, какъ производится стройка въ его монастырѣ. Изъ дому ходилъ на часъ къ Непышневскимъ; Н. Ф. разсказывалъ анекдоты о генер. Дукѣ. Я. Е. Арсен. прислалъ за мною туда лошадей; поѣхалъ, побесѣдовалъ съ нимъ; онъ казалъ мнѣ два письма митроп. Гавріила къ графу Завадовскому о постахъ и борделяхъ.

2. Приносили изъ части подписку о внесеніи за ревизскія души по 130 р. за душу на починку дорогъ въ Моск. губ. Занимался чтеніемъ, а за тѣмъ и продолженіемъ Жизни Платона; далъ урокъ м. Март. Пришла ко мнѣ сваха съ предложеніемъ мнѣ жениться на Тр. Черд. Потомъ пріѣхалъ графъ Александр. Льв. Санти отъ Филарета, побесѣдовалъ со мною о критикѣ на Шишкова, въ коей предосудительнымъ находитъ то, что не пощажена личность и что чрезъ это теряется уваженіе народа къ сановникамъ государства. Послѣ обѣда былъ у Цвѣтаева, засталъ у него всенощную, отслушавъ ее, провелъ съ нимъ время въ разговорахъ о Франціи, о любви Франц. къ Наполеону и къ отечеству, о ненависти Поляковъ къ Русскимъ; въ народныхъ картинахъ сохраняется взятіе Русск. Праги и Варшавы для того, чтобы питать ненависть; они берегли Ингельштромовъ домъ, гдѣ перерѣзаны многіе Русскіе. Я видѣлся съ Канту́; онъ совѣтовалъ мнѣ не пить чаю и принимать содов. порошки для поправленія желудка.

3. Маменька пошла на богомолье въ Даниловъ монастырь, а я въ Кремль къ обѣднѣ и засталъ конецъ въ Вознесенскомъ мон., гдѣ встрѣтился съ профессоромъ Котельницкимъ, пошли съ нимъ къ Василію Блаженному, покупать ягодъ. Мнѣ попался В. Егорьевскій; съ нимъ мы завернули къ о. Гавріилу, котораго онъ много смѣшилъ своими разсказами о своихъ похожденіяхъ, особливо проповѣдью на текстъ: *изыде яко песъ на блевотину*. Оттуда съ нимъ къ Д. А. Соколову, тамъ обѣдали; Вас. Ив. разсердился и ушелъ изъ-за обѣда, когда стали совѣтовать ему, чтобы онъ шелъ въ монахи. Пришла Роза Ник. съ Наташей, дочерью Таманскаго, шутили; я проводилъ ихъ до Пречистенки въ Милюк. садъ, а самъ домой поѣхалъ и занимался чтеніемъ. Въ лавкѣ у Никол. вор. видѣлъ Ломон. работы образъ Вседержителя.

4. Утро въ чтеніи и цензурованіи. Пріѣхалъ Матвѣевъ и въ благодарность за сына привезъ мнѣ шандалы, чернилицу и стаканъ, посидѣлъ со мною, походилъ по саду; послѣ него пришелъ Миллеръ съ неудовольствіемъ, что его не представили ко Владимиру 4 ст., а

меня представили и съ рапортомъ на Ульрихса, что онъ сравниваетъ учителей съ писцами совѣтскими. Я отозвался невѣдѣніемъ и невиновностію. Заѣхалъ къ Ширяеву, взялъ у него Пинк. атласъ за 18 р. для Март., отдалъ корректуры въ типогр. На дорогѣ въ Уневерс. встрѣтился со мною отецъ Ѳеофанъ и сказывалъ, что тяжба Бобарык. съ Голохв. рѣшилась, просилъ меня о доставленіи его зятю мѣста учит.; я обѣщалъ стараться. Заѣхалъ къ Давыдову; отъ него въ Унив., взялъ жалованье свое, былъ въ Цензурн. Комит. и просилъ П. В. Побѣд. освободить меня отъ Д. Ж. Видѣлся съ А. Ѳ. Мерзляк., который хотѣлъ меня просить о чемъ-то; далъ замѣтить Подхватову, чтобы меня не пропустить при представленіи къ чину. На дорогѣ встрѣтился Семенъ, зашелъ къ нему и просилъ о напечатаніи для церкви Синодика; обѣщалъ и говорилъ, что Делавȯ желаетъ со мною познакомиться. Послѣ обѣда зашелъ къ Черешкову, потомъ къ Полевому; близъ Адр. училища на стройкѣ попался мнѣ Дружининъ.

5. Съ типогр. солдатомъ отослалъ къ Нечаеву его книгу о мистер. и 21 № С. О.; прочелъ, поправилъ и подписалъ Глинкину статью о М. Университетѣ въ корр. Занимался продолженіемъ Жизни м. Плат. Пріѣхалъ М. Н. Гусевъ просить, чтобы я переписалъ на свое имя его людей, напис. на Шапочникова учит., которому сдѣлался ударъ; я обѣщалъ съ тѣмъ, чтобы ихъ не приписывать къ своему дому. Поутру былъ Н. Полевой, разсказывалъ мнѣ о новостяхъ Петер., о партіяхъ журналистовъ, о свиданіи съ Сперанскимъ, который отказывается отъ всѣхъ почестей, живетъ какъ мудрецъ и занимается составленіемъ Росс. законовъ. У всенощной былъ въ своемъ приходѣ и занимался въ мысляхъ своимъ преображеніемъ; дома читалъ Логику Клейна съ тѣмъ, чтобы переводить.

6. Утро въ чтеніи Кайдан. Исторіи. Обѣдню слушалъ у Спаса на Бору, гдѣ видѣлся съ проф. Денисовымъ и Я. Е. Арсеньев.; первый разсказывалъ о своемъ путешествіи пѣшкомъ въ Троицкую Лавру. Разсматривали вмѣстѣ церковь, дивились ея плотности и почтенной древности. Обѣдалъ у Д. А. Соколова вмѣстѣ съ живописцемъ Дурновымъ; послѣ обѣда играли съ Н. Г. въ карты; сидѣли съ Наташею на крыльцѣ, она пѣла мнѣ Русскія пѣсни при акомпанированіи на гитарѣ Алекс. Д., время было прекрасное; музыка и пѣнье услаждали мою душу, наполняя ее пріятнѣйшими ощущеніями. Тутъ-же были и дочери Таманскаго, очень любезныя дѣвицы; я съ ними шутилъ, благодаря одну Лизу за ея желаніе видѣть меня. Пѣшкомъ домой и засталъ ужинъ. Доброй знакъ! Потомъ чтеніе Кайд., Мейн. и журнал.

7. Занимался чтеніемъ Кайд. Исторіи и переводомъ 2-й части Клейна Логики для лекцій своихъ. Утро пасмурное и холодное; я про-

должалъ пить свое лѣкарство въ упованіи на Бога. Послѣ обѣда привезъ ко мнѣ докт. Ивановъ 4-ю часть Мейнерринга и съ просит. письмомъ отъ В. Б. Броневскаго. Послѣ урока м. Март. пошелъ было къ Листов. священнику съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы дочитать вмѣстѣ съ нимъ б. Авг., но нашелъ его нездоровымъ, какъ онъ думаетъ, водяною болѣзнію; я отвергалъ его мнѣніе, утверждая, что у него животъ пучитъ отъ скопленія мокротъ; разсказывалъ о пріемѣ Мухина и Высоцкаго. По приходѣ домой прочелъ 4 часть Мейн. съ удовольствіемъ, ибо многія мѣста касались до сердца моего и возбуждали во мнѣ трогательныя и нѣжныя чувства и мысли. Тишина ночи содѣйствовала симъ впечатлѣніямъ; я молился и тихо уснулъ.

8. Рано утромъ продолжалъ чтеніе Кайд. Исторіи. Поѣхалъ въ В. Д. Мальчики еще не приходили съ загор. дома; въ ожиданіи своего класса на женской стор. зашелъ къ Лук. Алекс. и къ Елис. Иван., съ ея Варенькой прочелъ 4-й листъ корр. Трудовъ Ист. Общ. Началъ курсъ ученія съ новыми ученицами молитвою къ Богу и рѣчью къ нимъ; прежнія ученицы поднесли мнѣ въ знакъ благодарности и памяти кошелекъ и золотое перышко. Я благодарилъ ихъ. Оттуда зашелъ къ тет. Е. П. Она говорила все о свадьбахъ, да о сватаньяхъ. На дорогѣ въ городъ попался мнѣ Игнат. Ѳерап., пригласилъ къ себѣ въ лавку, гдѣ я сдѣлалъ выписку изъ Іосиф. Святцевъ касательно запечатанія мощей св. Петра м. Купилъ вишень для больного Тр.-Лист. священника, завезъ ихъ къ нему; онъ благодарилъ меня за вниманіе къ нему; его увидѣлъ я задумчиваго и занятаго своею болѣзнію, попадью печальную; утѣшалъ ихъ, какъ умѣлъ, отъ сердца. Послѣ обѣда былъ у М. Ѳ. Карелина, потому что онъ два раза присылалъ своего кліента Игнатьева, котор. желаетъ поступить въ Москов. Университетъ; при немъ и при матери экзаменовалъ его и нашелъ хорошимъ мальчикомъ съ дарованіями.

9. Въ дополненіе ст. въ Кайд. Ист. о Вост. Р. имп. прочелъ Наумово разсужд. о томъ, какимъ образомъ Констант. имп., при всей своей слабости и несмотря на великія нападенія разныхъ народовъ, могла держаться болѣе тысячи лѣтъ между тѣмъ, какъ Римская разрушена варварами менѣе нежели въ сто лѣтъ? Послѣ урока въ В. Д. говорилъ съ Ю. П. Ульр. о желаніи своемъ оставить одинъ классъ по отдаленности и по дѣламъ; онъ объявилъ мнѣ о представленіи меня къ кресту и совѣтовалъ погодить: иначе Императрицѣ непріятно будетъ. Обѣдалъ у Д. А. Соколова, послѣ ходилъ съ Н. Г. покупать въ ряды разныя мелочи. Я встрѣтился у Спасс. воротъ съ милою дѣвушкой, хорошо одѣтою, которая вступила со мною въ разговоръ и высказала, что знаетъ меня, но свое имя утаила. Оттуда, по приглаше-

нію Семена, къ нему; засталъ еще обѣдъ и Каченовскаго, Делаво̀. Жена Сем. меня обласкала и потчивала. Послѣ обѣда явился Глинка; я познакомился съ Делаво̀, который благодарилъ меня за поправки и дополненіе его книги. Жена Сем. играла и пѣла; Глинка пѣлъ Франц. пѣсни съ акомпан. на фортепіано, скакалъ черезъ платокъ, а Качен. подпрыгивалъ. Было весело; такъ и всенощная прошла. С. Н. завезъ меня домой.

10. Раннюю обѣдню слушалъ у Троицы на Лист., а позднюю въ своемъ приходѣ, гдѣ былъ и Филаретъ; послѣ обѣдни зашелъ къ проф. Цвѣтаеву и читалъ съ нимъ ст. изъ Делаво̀ объ Екат. Институтѣ, гдѣ онъ замѣтилъ ошибки и сдѣлалъ дополненія. Поѣхалъ къ Матв., къ Змеовой по дорогѣ, къ Гусеву, который принялъ меня ласково; унялъ обѣдать у себя; послѣ пошелъ къ Елисав. Мих., она дружески меня приняла и поцѣл. Я съ нею ходилъ къ вечернѣ къ Введенью на Покр., гдѣ читали акаѳистъ Успенію чинно; церковь достойна замѣчанія по образамъ.

11. Поутру былъ у Дружинина, читалъ съ нимъ ст. о гимназіи Моск., онъ сдѣлалъ свои поправки и дополненія. Онъ говорилъ со мною насчетъ Я. Е. Арс. представленія. Я просилъ о представл. его къ кресту; обѣщалъ стараться. Отъ него заѣхалъ къ Семену, гдѣ засталъ Глинку и приход. священника. Семенъ объяснилъ сему послѣднему, почему не можетъ печатать Синодика. Я говорилъ насчетъ поправокъ Путеводит. Глинка; согласился и обѣщалъ мнѣ 10 экз. и пріѣхать съ Делаво̀ и Семеномъ ко мнѣ ввечеру. Заѣхалъ къ Давыдову, засталъ его съ костоправомъ Ѳедор. Михайлов., читалъ съ нимъ ст. объ Универс. Пансіонѣ; онъ сдѣлалъ свои отмѣтки въ ней, кои сообщилъ я Глинкѣ. Ввечеру съ нимъ вмѣстѣ были Делаво̀ и Семенъ; говорили насчетъ его книги и пили чай въ саду.

12. Маменька поѣхала къ живоп. Дурнову, а я къ Троиц.-Листов. священнику; прочелъ съ нимъ окончаніе біогр. Августина. Онъ сдѣлалъ мнѣ замѣчанія свои частныя и между прочимъ общее то, что будто много похвалилъ покойнаго и увеличилъ происшествія сами по себѣ маловажныя. Можетъ статься, будутъ недовольны нѣкоторыми словами и выраженіями, но все вообще хорошо. Отъ него прошелъ къ своему сапожнику Рулье, взявъ у него сапоги и башмаки, заплатилъ деньги; изъ типографіи зашелъ въ Аглин. магазинъ, купилъ себѣ сод. порошковъ 5, мыло 2 р. 50 к. и маменькѣ холстинки на платье 20 р. Обѣдалъ у m-me loguel, среди скоромнаго постное; послѣ обѣда по просьбѣ моей Наташа пріятно пѣла и играла на фортепіано. Отъ нихъ къ вечернѣ въ Страстн. монаст., оттуда къ Рождеству въ Паутин., осматривалъ образа въ церкви и привѣски на нихъ, замѣтилъ,

что верхній этажъ надъ Неоп. Купин. долженъ содержать церковь, потому что есть и окна затворенныя на глухо, и по преданію, придѣлъ во имя Владимир. Богом.

13. Въ В. Д. засталъ водоосвященіе на м. ст. На женск. далъ урокъ. Тат. Ѳедор. въ благодарность поднесла мнѣ кошелекъ своей работы чрезъ М. Ан. Я было не бралъ, отговариваяся тѣмъ, чтобы не доставить пустословію пищи; однако упросили. Оттуда заѣхалъ къ Матвѣеву, занимался съ его сыномъ; обѣдалъ съ аппетит. и радъ былъ, что пріѣхалъ домой, принадлежа самъ себѣ. Читалъ Клейна Лог. и Географію Норвегіи и Шв.

14. Читалъ и перевелъ Клейн. Л. для лекцій; далъ урокъ Пищикову 12-й. Игралъ на скрипкѣ. Поутру посидѣлъ и поговорилъ у меня Матушкинъ. Отправился въ Кремль къ вечернѣ; было еще рано, зашелъ къ Д. А. Соколову, гдѣ видѣлся съ Неждановыми. Въ Кремлѣ говорилъ съ Арханг. протопопомъ касательно Август.; онъ разсказывалъ, въ какомъ состояніи нашелъ преосв. соборы: Успен. былъ запертъ и запечатанъ Иловайскимъ, который прислалъ къ нему по почтѣ ключи; вошли вечеромъ въ 9 часовъ съ граф. Растопчинымъ, Симон. архим., со свѣчами; въ Успен. соборѣ все было завалено, повѣшено 20 вѣсовъ и гири. При освященіи въ соборѣ антиминса и престола пѣли канонъ Пасхи: да воскресн. Богъ!*) Август. положилъ основаніе церкви въ Воскр. мон. отъ в. к. Н. П., но освящалъ ее Серафимъ. Слушалъ въ У. с. вечерню и молебенъ; служили Филар., Аѳанас. и Досиѳей съ духовен.; народа было множество, особливо черни. Встрѣтивъ Я. Е. Арсеньева, поѣхалъ было вмѣстѣ домой, но на дорогѣ завезъ его посмотрѣть картину мозаич. Ломоносова работы, давъ ему разумѣть, что прилично бы купить ее для М. Унив. Сказывали, что Государь вмѣстѣ съ Сперанскимъ ѣдетъ въ Екатериносл. мимо Москвы, въ которую будетъ Аракчеевъ. Воротились въ У. с. ко всенощной, служилъ пр. Аѳанасій. Видѣлся и говорилъ съ М. А. Фонъ-Визинымъ, И. И. Дмитріевымъ и А. З. Дурасовымъ; онъ звалъ вмѣстѣ съ собою въ Люблино къ А. А. П. въ день его рожденія и пенялъ, что рѣдко хожу и что они рады меня видѣть у себя.

15. У ранней обѣдни въ приходѣ съ маменькою; послалъ къ А. Ѳ. Малиновскому его рѣчь на Итал. говор. на рожденіе нынѣшн. Государя; онъ велѣлъ мнѣ сказать, что я весьма его одолжилъ. Зашелъ къ Полевымъ повидаться и поговорить; справилъ корр. Трудовъ И. О. Разсуждали о средствахъ означить разселеніе Славянъ или Нормановъ на Сѣверѣ чрезъ показаніе водяныхъ сообщеній по теченію рѣкъ; для сего нужна гидрографическая карта Россіи. Когда появилось

*) См. объ этомъ въ письмахъ гр. Растопчина къ Государю („Р. Арх." 1892 г.) П. Б.

названіе Русь? Есть ли это общее имя, или подобно Варягамъ, Норманамъ? Зашелъ споръ о томъ, можно ли осуждать и что есть сужденіе и осужденіе; этотъ предметъ требуетъ основательнѣйшаго изслѣдованія. Замѣтилъ про себя, что есть головы способныя къ изобрѣтенію, а не къ исполненію плановъ. Отъ Пол. зашелъ къ Непышн., засталъ одну М. А., дома нашелъ мужа ея съ братомъ С. Послѣ обѣда былъ у Есип. и Чумаков., гдѣ игралъ въ дурачки съ дочерями. Безъ меня приходили сватать меня за дочь генерала Рогожина. А. А. Писаревъ присылалъ записку звать меня къ себѣ въ Люблино и просить, чтобы послалъ вмѣстѣ съ коррек, лист. Т. О. И.

16. Утромъ занимался чтеніемъ Ист. Кайд. З. Греческ. языкъ. По причинѣ дурной погоды и отлучки кучера долженъ былъ отложить путеш. свое въ Люблино съ А. З. Д. и въ В. Д. Нѣтъ ничего полезнѣе бесѣдовать самому съ собою и соображать видѣнное, слышанное и читанное. Послѣ обѣдни зашелъ къ проф. Цвѣтаеву; не засталъ его, посидѣлъ и поговорилъ съ его женою и докт. Канту́, который совѣтовалъ мнѣ не употреблять рѣшительныхъ лѣкарствъ, чтобы не произвести настоящей болѣзни, а для успокоенія и укрѣпленія нервовъ употреблять въ недѣлю три раза холодныя ванны. Потомъ поѣхалъ къ Д. А. Соколову на имянины, подарилъ ему книжку своего изданія, благодарилъ; встрѣтилъ тамъ Бекетова, Нежданова и проч. Сей послѣдній сказалъ, что будто Наташа не годится быть женою по вѣтренности своей. Послѣ обѣда пѣли и играли на гитарѣ и въ фанты довольно весело. Всенощную стоялъ у Спаса за зол. рѣш., гдѣ встрѣтился съ Я. Е. Арсеньевымъ и съ И. Переплетч., который разсказывалъ мнѣ, какимъ образомъ чрезъ посредство Августина пріобрѣтено Рязанское бывшее подворье для Библ. Общ. Бывшій канд. Соколовъ показывалъ намъ царскіе терема и рукописи архива; я просилъ его справиться о Тр. церкви въ Тр.*) и Іоаннѣ Воинѣ на Убожедомкѣ. Опять зашелъ къ Д. А. Сокол. гдѣ нашелъ многолюдное общество, по большей части игравшее въ карты; я же игралъ съ дѣвицами въ фанты; замѣтилъ вѣтренность Нат. и педанство Дурновой. Въ полночь послѣ ужина домой.

17. Поутру чувствовалъ тяжесть въ головѣ, хотя ничего не пилъ, кромѣ воды; можетъ быть, отъ пищи скоромной или отъ простуды; однако пошелъ къ ранней обѣднѣ; пришедши домой, почувствовалъ жаръ въ тѣлѣ и тяжесть въ головѣ и весь день пролежалъ въ постели; ввечеру посидѣлъ у меня И. Беръ и говорилъ о нашемъ пред-

*) Къ этой церкви (рядомъ съ Митрополичьимъ подворьемъ) былъ прихожаниномъ И. М. Снѣгиревъ, жившій въ собственномъ домикѣ на Троицкой улицѣ. П. Б.

ставленіи къ орденамъ, объ открывшемся ему мѣстѣ професс. въ Нѣжинѣ. Я не совѣтовалъ.

18. Поутру приходилъ отъ Семена его факторъ съ продолженіемъ Путеводителя; прочитавъ, подписалъ и отдалъ; что̀ ими не разобрано, надиктовалъ. Онъ поздравлялъ меня съ орденомъ по слуху. Далъ урокъ Мартен. сыну; себя чувствовалъ получше и занимался перепра̀вкою продолженія Август. біогр., чтеніемъ корректуръ Ист. Об. и переводомъ Кл. Лог.

19. Написалъ поздрав. письмо съ ангеломъ къ А. З. Дурасову, читалъ изъ 3-й ч. *Ист. Кайд.* о реформаціи Лютера. Послалъ письмо съ кошелькомъ и стихами и получилъ отъ него благодарность въ письмѣ. Занимался переводомъ 2-й части Клейн. Логики. Послѣ обѣда пріѣзжалъ кн. Одоевскій просить о Мнемозинѣ своей, коей мнѣ изъ Комитета не присылали. При письмѣ послалъ корр. листы И. О. къ А. А. Писареву. Вечеръ провелъ съ Я. Е. Арсеньев. въ бесѣдѣ. Утромъ Елис. Мих. Щепк. прислала ко мнѣ просфору изъ Тр. Лавры. Сравнивалъ Белюстина перев. *Смерть Лукреціи* съ подлинникомъ Тита Ливія.

20. Поутру пришелъ отъ Семена его факторъ съ продолженіемъ Путеводит. М.; прочитавъ и поправивъ, подписалъ и отдалъ ему. Тогда же пріѣхалъ Гавр. Евстиф. Матвѣевъ посовѣтоваться, въ какой факультетъ записать сына; я совѣтовалъ въ этико-пол. Потомъ занимался игрою на скрипкѣ, чтеніемъ и переводомъ Клейн. Лог. По просьбѣ моей маменька ходила навѣстить Грушевскихъ; послѣ обѣда далъ уроки молод. Мартеню и Пищикову. Отъ А. А. Писарева получилъ письмо съ корр. И. О. и съ приглашеніемъ къ себѣ въ Люблино, а отъ Кацаурова изъ Универ. библ. для справки. Вечеръ занимался Логикою Кл. и чтеніемъ Т. Ливія.

21. Завезъ въ типогр. корректуру, а къ Ширяеву его книгу о В. Д. и намекалъ ему о взносѣ денегъ за мою книгу; онъ обѣщалъ сдѣлать это непремѣнно въ началѣ Сентября. Потомъ былъ у А. А. А., кот. принялъ меня ласково, совѣтовалъ не надрываться въ трудахъ своихъ и пригласилъ въ Субботу вечеромъ для прочтенія корр. моей. Въ библіотекѣ Универс. поправилъ нѣкоторыя ссылки въ корр. И. О. съ Гельмолдомъ De origine Slavorum; сдѣлалъ выписки изъ *Лакценія о послов. Готскихъ*, зашелъ къ проф. Гаврилову посовѣтоваться на счетъ перевода нѣкотор. Нѣм. словъ и обѣщалъ ему доставить піесы въ журналъ, о чемъ онъ и просилъ. Въ теремахъ Кремлев. не нашелъ дома Павла Ив. Соколова, нѣсколько минутъ полюбовался окрестностями Москвы, видъ съ крыльца теремнаго превосходный. Оттуда къ Дурасовымъ, котор. благодарили меня за письмо мое и подарокъ и упросили ѣхать съ ними въ Люблино; тутъ же былъ Н. В. Посниковъ.

А. А. П. очень ласково меня принялъ, я ему казалъ корр. и отдалъ бѣлый листъ; онъ жаловался на К. Калайд. А. З. Дур. сказывалъ мнѣ, что будто для выноса тѣла Годунова изъ Архангельскаго собора сдѣланъ былъ проломъ для этого въ стѣнѣ. Послѣ обѣда гуляли въ саду и въ оранжереѣ; довольно было гостей, тутъ же и кн. Шаликовъ. Поздно вечеромъ отправился домой, въ лѣсу напала на меня стая собакъ большихъ, едва отбился. По пріѣздѣ домой, нашелъ у себя Я. Е. Арс., котор. жаловался на грубость Запольскаго. Безъ меня была у насъ К. В. Грушевская съ игуменьей, сбирающ. на монастырь Іоанна Зл.

22. Послалъ письмо въ отвѣтъ къ Броневскому въ Тулу и занимался переводомъ и чтеніемъ Логики Кл.; послѣ обѣда тожъ. Далъ урокъ Пищикову и получилъ отъ него за уроки 110. С. Нечаевъ присылалъ звать къ себѣ обѣдать; обѣщалъ постараться. Изъ Ист. Кайд. читалъ о 30 лѣтн. войнѣ.

23. Въ В. Д. далъ уроки и получилъ отъ Ульрихса деньги 45 р. за книги мои. Л. А. Цеймеръ просила меня доставить ей билетъ въ Оруж. Палату; а объ этомъ я просилъ Соколова, обѣщалъ постараться. Проѣхалъ къ Я. Е. Арсеньеву, чтобы извиниться, что не могу у него обѣдать. Отъ него къ Нечаеву; у него засталъ професс. Каченов. и Давыдова. За обѣдомъ шутили о масонахъ. Кач. разсказывалъ о коварномъ характерѣ И. И. Дмитріева и его насмѣшливости. Хозяинъ описывалъ намъ Кавказъ, горы его и Терекъ, прорывающій цѣпь горъ. Отъ него тихонько ушелъ къ А. А. Ант., читалъ съ нимъ вмѣстѣ корр. листы б. Авг.; онъ дѣлалъ свои замѣчанія, за кои я благодарилъ, обѣщаясь поправить. Онъ сомнѣвается въ переходѣ Авг. изъ Лужецк. въ Богоявл. мон., просилъ меня справиться о томъ; говорилъ и о томъ, чтобы я открылъ свое имя, на что я не согласился. Пили чай; потомъ разговаривали о разныхъ происшествіяхъ. Я разсказывалъ ему, что Универс. книги есть въ Иност. Коллегіи; онъ просилъ дать ему записку о мозаичн. картинѣ Ломон., о Я. Арсеньевѣ и грубости противъ него Запольск. Всенощную слушалъ у Рожд. въ Стол.

24. Поутру рано приходилъ Я. В. Яиновъ звать на обѣдъ къ себѣ и сказывалъ, что у професс. Цвѣтаева умеръ сынъ. Я тотчасъ пошелъ навѣстить его; онъ это принялъ съ удовольствіемъ и описывалъ болѣзнь и кончину сына своего. Такъ какъ маменька отправилась въ Кузминки на богомолье, я пошелъ на освященіе церкви Никол. Чудотв. на Пескахъ, на дорогѣ неожиданно встрѣтился съ Я. Е. А., пошли вмѣстѣ въ церковь; въ алтарѣ тѣснота ужасная. Мнѣ попалась на руки стѣсненная барышня, которая съ довѣренностью отдалась моему покровительству; желала узнать мое имя и фамилію, первое

открылъ; она и ея сестры меня благодарили, она пожала мнѣ руку. Како мнѣ будетъ сіе цѣлованіе? Тутъ же встрѣтилъ Бобарыкину, кланялся съ ней; не знаю, отчего къ ней не лежитъ мое сердце. Аносовъ чрезъ сыновей приглашалъ къ себѣ, но Арсеньевъ и кн. Друцкой, схватя за руки, утащили къ себѣ. Побывъ у нихъ съ минуту, пошелъ къ Аносову, который принялъ меня ласково, казалъ весь домъ свой, хорошо устроенный и просилъ о продолженіи знакомства; тутъ же звалъ къ себѣ Вельяминовъ-Зерновъ, желающій держать экзаменъ въ студенты, но я вѣжливо отказался, обѣщаясь пріѣхать въ другой разъ. Обѣдалъ у Янова; у него встрѣтилъ Шлецера, Чумакова, Василевскаго и Каринскаго; послѣ обѣда гулялъ у него въ саду, шутилъ съ барышнями и читалъ вмѣстѣ съ проф. Василев., который сбирается со мною въ Троицк. Лавру, біогр. Август. Онъ хвалилъ ее и сдѣлалъ свои замѣчанія касательно духовнаго краснорѣчія, которое распространять старался Платонъ и философіи, которое составляетъ пищу ораторіи. Тихонько ушелъ домой и поранѣе легъ спать; поздно вечеромъ пришла маменька съ богомолья.

25. Поутру на извозчикѣ отправился къ Кузьмо-Демьян. священн. Петру Яковлеву, котораго не засталъ дома; отъ него въ Симон. монаст.; отслушавъ до половины обѣдню, зашелъ къ архимандриту Герасиму, съ нимъ читалъ біогр. Август. Онъ замѣтилъ, что я слишкомъ украсилъ повѣствованіе и многое такое приписалъ ему, что̀ дѣлали другіе. Онъ выставлялъ его какъ труса и смѣтливаго, приписывавшаго всѣ дѣла 1812 года себѣ. По его словамъ, Смоленская принесена за три или 4 дни до Бород. битвы и стояла до 26 Авг. въ Успен. соборѣ для прикладыванія, взята преосв. отъ Василія Неокесар. въ Тверской Ямской, а 26 носили ее вмѣстѣ съ Влад. вокругъ Бѣлаго города. Вокругъ всего собора Успен. сдѣланы были въ стѣнѣ гнѣзда для взрыва онаго, внутри его завалено снѣгомъ отъ разбитыхъ оконъ, бочками, столярн. станками, стружками. Вмѣсто потерянной Іерусалимской взята копія съ оной изъ придворной церкви Рождества Богор. О мощахъ просилъ меня не спрашивать его; только хвалилъ вѣру Августинову и его рѣшительность, безъ коей нельзя бы того сдѣлать въ короткое время, что̀ сдѣлано. Графъ Растопчинъ писалъ къ Государю, что мощей нѣтъ; но Августинъ съ Герасимомъ собралъ ихъ и успокоилъ народъ. Голова Дмитрія цар. найдена въ Благовѣщенскомъ соборѣ. Мощи св. Петра м. Август. оставилъ дома; ихъ къ нему возилъ въ каретѣ арх. Герасимъ съ Алекс. Гаврил. Если-бъ не сохранили и не нашли мощей, бывшихъ въ рукахъ у Поляковъ, то много было бы раскольниковъ и отщепенцевъ отъ церкви нашей. Я просилъ архим. не сказывать объ имени моемъ; обѣщалъ и приглашалъ меня къ себѣ въ другой разъ

на совѣщаніе. Отъ него, взявъ благословеніе, поѣхалъ къ Татаринов. и провелъ съ ними время до вечера, старикъ въ деревнѣ; шутили, гуляли. Къ вечеру пріѣхалъ Павелъ Ѳедор.; сказывали, что подписанъ рекрутскій наборъ съ 500 двухъ. Оттуда прямо ко всенощной къ Адріану и Натали. Наконецъ занимался цензурованіемъ назначенной мнѣ Мнемозины кн. Одоевскаго. При провожаніи тѣла Платона, Августинъ, подъѣхалъ къ Виѳаніи, сказалъ Герасиму: «Виѳанія, грядетъ къ тебѣ родитель твой; но ты всегда пребудешь сиротою!» и заплакалъ.

26. Поутру былъ Полевой и читалъ мнѣ свою критику на изданіе К. Калайдовичемъ Нестор. Лѣтописи, а я читалъ ему отрывки изъ біогр. Август. Потомъ пошелъ къ обѣднѣ въ Драчи, гдѣ засталъ конецъ и погребеніе Ирошникова; оттуда въ Кремль, на дорогѣ встрѣтился съ Арсеньевымъ и Головинымъ. Съ первымъ встрѣчали крестный ходъ; попались Гусевъ и Постниковъ, который звалъ меня къ Дурасовымъ. Отобѣдавъ у Д. А. Соколова, заѣзжалъ къ Богоявленскому архим. Инокентію справиться, когда былъ Августинъ въ Богоявл. мон. архимандр.; обѣщалъ дать знать. Бесѣдовали о церк. исторіи; отъ него проѣхалъ къ Адр. протопопу, посидѣлъ съ нимъ и поговорилъ о 1812 годѣ, объ Августинѣ.

27. Поутру заѣхалъ къ А. А. А., который вызвался о представленіи Я. Е. Арс. и совѣтовалъ купить ему Ломон. картину для Университета; я прочелъ съ нимъ стат. объ Универс. Панс., на котор. онъ сдѣлалъ свои замѣчанія. Отъ него въ В. Д. оттуда къ Кузьмо-Дем. священ. Петру Яковл. съ которымъ читалъ біогр. Авг. Дѣлали повѣрки происшествіямъ; онъ мнѣ сообщилъ нѣкоторые матеріалы, какъ-то рѣчи и стихи; отъ него проѣхалъ къ Я. Е. Арсеньеву сообщить ему слова А. А. А., обѣдалъ у него; потомъ опять въ В. Д.

28. Былъ въ типографіи по своимъ дѣламъ, въ Унив. получилъ благодарственное письмо отъ Броневскаго за процензурованіе мною его книги; внесъ по дор. деньги 405 к. за три приписныя къ моему дому души. Дома засталъ Никит. монах. Магдалину; послѣ обѣда пришелъ Март., принесъ мнѣ 100 денегъ за уроки его сыну и просилъ о прекращеніи дѣла по землѣ; потомъ пріѣхалъ Я. Е. Арс., коему написалъ письмо для поднесенія картины моз. Лом. А. А. А. *)

29. Поутру отслушалъ раннюю обѣдню въ своемъ приходѣ, напился чаю; Лузаковъ принесъ изъ Троицкой Лавры мнѣ просфору; я ему диктовалъ продолженіе жизни преосв. Августина. Предъ обѣдомъ зашелъ навѣстить больного Гофмана, отъ него къ Полевому, у кото-

*) Икона Бога-Саваоѳа въ актовой залѣ Московскаго Университета. П. Б.

раго засталъ племянника Тимков. Максимовича *), говорили о литер. и философіи; обѣдалъ посное. Видѣлъ собраніе почерковъ знаменитыхъ особъ. Пришелъ домой вечеромъ; погода была теплая и ясная.

Сентябрь 1. Отслушавъ раннюю обѣдню у Троицы на Лист., зашелъ навѣстить больного священника и нашелъ его плохимъ. Дома далъ урокъ Март. сыну, потомъ занимался своими дѣлами. По приглашенію ректора былъ на экзаменѣ въ студенты; спрашивалъ изъ Катихизиса, Исторіи и Географіи, присут. професс. Ризенко, Василевскій, Чумаковъ; кончили въ 9 час. вечера.

2. Поутру былъ кн. Одоевскій, съ нимъ читалъ его журналъ, сдѣлалъ замѣчанія свои и подписалъ, занимался Логикой Кл. Послѣ обѣда ходилъ къ Ѳ. И. Вольской, потомъ взялъ ванну холодную по предп. Канту́ и читалъ Карамз. Ист. XI.

3. Взялъ жалованье и слышалъ, что Императрица приняла представленіе обо мнѣ къ ордену Св. Владимира и отвѣчала, что по возвращеніи въ Спб. сына ея подастъ ему на утвержденіе. Обѣдалъ у Елис. Мих. Щепк., гулялъ съ нею въ саду и шутилъ; давъ урокъ въ В. Д., поѣхалъ домой и нашелъ у себя Басман. части г. пристава съ сыномъ, желающ. вступить въ Унив. студ., экзаменовалъ его и нашелъ исправнымъ и подающимъ надежду.

4. Изъ типографіи Унив. зашелъ къ обѣднѣ въ церковь Неоп. Куп. у Рожд. въ Паутинкахъ, оттуда въ правленіе Унив., гдѣ А. А. отдалъ мнѣ подписанную имъ коррект. и приказаніе типогр. напечатать 300 экз. для меня. Въ библ. Унив. читалъ коррект. Ист. Общ., справляя ссылки съ лѣтописями. Пріѣхалъ домой, снесъ яблокъ Л. А. Цвѣтаеву; его не засталъ, отдалъ женѣ его; она благодарила за вниманіе. Послѣ обѣда поѣхалъ въ Универс. на экзам., на коемъ были кромѣ ректора и Чумак. Ризенко и Ульрихсъ, который, уставши экзаменовать, поручилъ мнѣ спрашивать въ Исторіи и Географіи, а ректоръ въ Катих. и Росс. яз. Упросилъ за Мартенева сына, котораго нашли плохимъ, ссылаясь, что отецъ его со мною ссорится и будетъ еще злѣе, когда не сдѣлаютъ его сына студ.: подумаетъ, что я помѣшалъ. Ульрихсъ сказ.: вы поступаете по словамъ Х.-Сп., *любите враги ваша*. Дай Богъ, чтобы это правда была на мнѣ! Экзаменовалось до 30 челов., кончили въ 10 час.

5. Приходили благодарить за экзам. Любимова братъ и Мартенев. сынъ; званъ отъ Смирнова на обѣдъ, отъ Малова на чай. Былъ у Матвѣева съ полчаса, отъ него заѣхалъ къ тетушкѣ съ поздравлені-

---

*) Это Михаилъ Александровичъ. П. Б.

емъ и не засталъ ея дома; отъ нея къ Елис. Ив. Шрейтеръ, гдѣ нашелъ Бера, потомъ къ г-жѣ Цеймернъ, которая просила отдать рукопись въ цензуру и звала къ себѣ обѣдать. Обѣдалъ у Смирнова, гдѣ принятъ ласково. Капитанъ Смолен. Кад. корпуса приглашалъ меня посмотрѣть сіе заведеніе. Ник. Ив. просилъ о неоставленіи его сына, вступающаго въ Универс.; я его экзаменовалъ въ Исторіи и Географіи. Тихонько ушедши, поѣхалъ къ вечернѣ въ Чуд. мон., гдѣ встрѣтился съ Маловымъ; оттуда домой. Были Я. Е. Арс. и П. А. Ахматовъ.

6. Послѣ уроковъ въ В. Д. зашелъ къ протопопу у Спаса на Глинищахъ, спросить на счетъ отца Августина; онъ сказывалъ, что вмѣстѣ съ нимъ расписывали соборы въ Москвѣ 1770—1772, будучи дьяконами; что Васил. Виноградскій награжденъ былъ за труды свои священническимъ мѣстомъ у Дмитрія Солун. на Ильинкѣ, а онъ у Спаса на Глинищахъ, при коей были два моровыя кладбища. Построена сія церковь по случаю проѣзда мимо этого мѣста одной вел. княгини, которая, почувствовавъ, что дитя шевелится у ней въ утробѣ, остановилась тутъ и велѣла положить нѣсколько камней. Преосв. Августинъ хотѣлъ въ сію церковъ учредить крестный ходъ изъ собора въ день Рождества Христова, въ память изгнанія враговъ, вмѣсто храма Христа Спасителя на Вороб. горахъ. Въ 1812 году въ сей церкви была служба и спасались до 300 Моск. жителей; ибо жившій подлѣ сей церкви маршалъ Мортье въ домѣ гр. Разумовской*), приставилъ къ ней караулъ, не позволяя грабить. На площади противъ сей церкви похоронено до 100 челов. убитыхъ и умершихъ, коихъ протоіерей погребалъ въ рогожахъ, лубкахъ и доскахъ за неимѣніемъ гробовъ. Отъ 6 взрывовъ почти всѣ въ церкви обезпамятѣли и думали, что она обрушится и всѣхъ задавитъ. Добрый протопопъ обѣщалъ черезъ недѣлю доставить мнѣ собственное описаніе своей жизни и происшествій 1812 года; я просилъ его объ исполненіи сего. Онъ потчивалъ меня виномъ и, давъ мнѣ благословеніе, отпустилъ. Въ яблочныхъ рядахъ встрѣтился съ Побѣдоносцовымъ, купилъ грушъ и потчивалъ его; потомъ прошелъ на обѣдъ къ Д. А. Соколову, послѣ обѣда разговаривалъ съ Над. Григ. объ сватовствѣ за нее Егорьевскаго, звалъ ея дядю къ себѣ, слушалъ игру Алек. Д. и переводилъ съ нимъ ст. изъ Мармонтеля о краснор. Въ Пансіонѣ былъ у И. Чернявскаго, который поздравлялъ меня съ Владим. крестомъ; отъ него къ Давыдову, который упросилъ меня идти на имянины къ Малову, и мы пошли вмѣстѣ съ Каченовскимъ, Чумаков. и Димлеромъ музык., нашли мно-

---

*) Урожд. графини Шереметевой. Это угловой домъ на Маросейкѣ, насупротивъ церкви Николы въ Кленикахъ. П. Б.

голюдное собраніе и разноцвѣтное, Цвѣтаева, Дружинина, Щепкина и много лицъ неизвѣстныхъ. Надежду нашелъ уже замужемъ, а сестру ея Анну просватанную; онѣ дивились, что я такъ грустенъ. Играли квартетъ; Булаховъ пѣлъ Черную Шаль. Послѣ ужина, въ продолженіе коего шалилъ ромомъ, отправился домой; свезъ одинъ изъ пансіон. Это было въ самую полночь.

7. Послѣ обѣдни въ своемъ приходѣ, гдѣ богадѣленки поднесли мнѣ просфору, пошелъ къ Мартеню, который принялъ меня ласково, благодарилъ за сына, совѣтовалъ пить и жениться; отъ него прошелъ къ Грушевскимъ, гдѣ засталъ свою маменьку; посидѣлъ съ больнымъ В. П., отправился къ Непышнев. на часъ, отъ нихъ къ Матвѣеву на званый обѣдъ; говорили о томъ, въ какіе классы Унив. записать его сына и нельзя ли два года ему зачесть. Вскорѣ послѣ обѣда поѣхалъ домой, потомъ пошелъ ко всенощной въ свой приходъ.

8. Раннюю обѣдню слушалъ у Троицы на Лист., гдѣ говорилъ съ однимъ купцомъ, который разсказывалъ мнѣ, какъ въ 1812 году Августинъ противъ Шеремет. больницы, держа въ рукахъ хоругвь, говорилъ рѣчь ополченію Моск. при великомъ стеченіи народа и кропилъ водою начальниковъ, а въ соборѣ Успенск. благословилъ ихъ образомъ пр. Сергія, который тогда лежалъ на налоѣ въ вечерню. Послѣ обѣдни зашелъ навѣстить больного свящ., но его не нашелъ дома и узналъ, что ему выпущено съ пудъ воды, и онъ лежитъ въ Маріин. больницѣ; обѣщалъ его посѣтить. Потомъ домой приходилъ ко мнѣ Телепневъ съ поклономъ отъ матери и съ просьбой о братѣ, чтобы упросить Давыдова дать ему хорошій аттестатъ для вступленія въ воен. службу; обѣщалъ. Кончилъ съ каретникомъ насчетъ дрожекъ съ верхомъ за 525 мѣдн. съ тѣмъ, что если онъ хорошо и заново ихъ отдѣлаетъ, поставивъ новыя оси, шины, ремни, бронзу, щитокъ, нижн. подушки и лакъ, то прибавить еще 20. Данъ первый урокъ Змееву. Обѣдалъ у мам. крестной, говорили о Филаретѣ и Карамз. Ист.; вечеръ сидѣлъ съ мамен. у Чумакова.

9. Приходилъ квартал. Ал. Серг. съ благодарностью отъ Н. П. Полтаранова. Изъ Унив. заѣхалъ къ Арсеньеву и показалъ ему сдѣланное объ немъ представленіе отъ Универс., за что онъ благодарилъ; отъ него проѣхалъ къ Каченовскому, не засталъ его, навѣстилъ въ Мар. больн. Листовскаго священника, который съ чувствительностью принялъ посѣщеніе мое. Ввечеру были у меня: Инстит. протопопъ, А. Аршеневская съ просьбой о сынѣ, Соколова сынъ съ извѣстіемъ объ открытіи для меня Оруж. Пал., потомъ Арсеньева жена съ сватовствомъ за меня племянницу Тверит., которую хвалитъ о. Ѳеофанъ.

10. Не кончивъ урока на жен. пол. пошелъ съ Цеймерновымъ семействомъ въ Ор. Пал., гдѣ встрѣтился съ женою Бартенева и ея сестрами; онѣ звали къ себѣ завтра. Между сокровищами Кремля замѣтилъ различную посуду, какъ то чары, кружки, кунганы, стопы, братины, мисы и горы пылавшія огнемъ (*пиръ горой*). Престолы Іоаннов. и Михаилов. достойны тщательнаго разсмотрѣнія. Видѣли шлемы Александра Невскаго и Михаила съ надписью и кольчугу, обратившуюся въ комъ, вооруженіе юнаго Донскаго, сдѣланное имп. Анною ружье, поднесенную отъ Турокъ Екатеринѣ II саблю 759 года, Магомета, съ Тур. и Греч. надписью. Вмѣстѣ съ Н. Кохомъ обѣдалъ въ Новотр. трактирѣ; посидѣлъ и поигралъ въ карты у Елисаветы Иван., потомъ, давши урокъ въ В. Д., домой, прочелъ корр. 3 листовъ б. Авг. и подписалъ ихъ къ печатанію, перев. изъ Клейн. Логики и читалъ 3 ч. Ист. Кайд. XVI в. Кончилъ XI т. Карамз. Ист., осталось сдѣлать выписки.

11. Отдалъ корр. б. А. въ типогр. для печатанія, заходилъ къ Ширяеву напомнить о его обѣщаніи внести въ типогр. контору деньги за мои *Досуги уедин.* Онъ клялся, что неотмѣнно въ концѣ сего мѣсяца внесетъ. Объяснялся съ кн. Шаликовымъ на счетъ критики на Качен., онъ упорствовалъ; я сказалъ, что представлю на разсмотрѣніе и рѣшеніе въ Цен. Комит., что̀ и исполнилъ. Казалъ Двигубскому статьи о Музеѣ и Каб. Физ. изъ Путеводителя. Послѣ перваго урока въ Униве рс. поѣхалъ къ Дурасов., которая просила о неоставленіи родственника ея Ушакова, поступ. въ Универс. Оттуда проѣхалъ къ Бартеневой, засталъ у нея Дмитрія Мих., почитаемаго за святаго; обѣдалъ; тутъ же были и Телепневы барышни, кои меня ласкали; послѣ обѣда разговаривали о разныхъ предметамъ, между прочимъ о крестахъ. Надежда Дмитр. гов. о своемъ крестѣ—больномъ мужѣ; я увѣщевалъ ее нести его съ терпѣніемъ и упованіемъ на Бога. Она разсказ., что въ нее влюбленъ былъ полковникъ, который уговаривалъ ее убѣжать съ нимъ; однакожъ она не согласилась; ее выдали насильно. Рѣчь зашла обо мнѣ, о моемъ житьѣ-бытьѣ; на дорогу Н. Д. дала мнѣ масла отъ Печер. чудотворцевъ. Пришедъ домой, занялся своими дѣлами.

12. Былъ у Н. Н. Послѣ уроковъ въ В. Д. взялъ въ Пансіонѣ жалованье 90 р., не заставъ Давыдова. Видѣвшись и играв. съ Чулковымъ, пошелъ къ И. М. Иракліонову; въ ожиданіи его прочелъ у него жизнь Преп. Сергія, пис. Филаретомъ; обѣдали три Ивана, т. е. хозяинъ, Иванъ Яковл. и я. Послѣ ваканціи далъ первый урокъ въ Унив. Панс., потомъ въ В. Д., оттуда домой, гдѣ вечеръ занимался съ кн. Одоевскимъ цензурованіемъ его Мнемозины III; прочли о Кантѣ и сатир. статью, на кои я сдѣлалъ ему свои замѣчанія; онъ выпросилъ у меня книгу.

13. Послѣ уроковъ въ В. Д. зашелъ въ церковь къ Спасу на Глин., гдѣ засталъ конецъ обѣдни, послѣ взялъ благословеніе у протопопа, который извинялся, что не исполнилъ своего слова и не приготовилъ мнѣ своихъ записокъ; обѣщалъ черезъ недѣлю. Казалъ мнѣ Бахметева хрустал. сосуды и образа въ церкви; дружелюбно поцѣловавшись, простились. Въ классѣ мнѣ сказывали, что будто Елена Ник. идетъ въ монастырь съ Татьян. Кон.; я отвѣчалъ: кто людямъ не вѣренъ, тотъ и Богу не угоденъ. Обѣщали ей передать мои слова. Верхніе жильцы отъ насъ съѣхали. Послѣ обѣда занимался выписками XI т. Карамз. Ист. Давши урокъ Змееву, отнесъ IX т. И. К. къ А. А. Цвѣтаеву, гдѣ нашелъ Сокольскаго съ вѣстями, а Канту̀ съ рецептами. Жена Цвѣтаева все совѣтовала мнѣ жениться, не упуская времени и увѣряла въ своемъ ко мнѣ благорасположеніи; разговаривали о сентиментальности и Шаликовѣ. Простившись съ ними, засталъ всенощную въ Драчахъ, гдѣ замѣтилъ, что Комарова сестра и свояченица глазъ съ меня не сводили. Читалъ потомъ корректуру б. А. и подписалъ Путевод. Моск.

14. Взялъ ванну и занимался своими дѣлами, помолясь. Съ Андреемъ Ив. ѣздилъ смотрѣть свои дрожки и просилъ, чтобы сдѣлали ихъ попрочнѣе. У Рогожиныхъ барышень у Ѳеодора Студита; напередъ заѣхалъ къ Я. Е. Арсеньеву, написалъ ему письмо къ Третьяк. о представленіи, потомъ отправился съ нимъ къ Ѳеодору Ст., гдѣ издали видѣлъ Рогож., кои тихонько смотрѣли на меня; младшая миловидна. Оттуда поѣхали съ нимъ въ Унив. Панс., застали обѣдню, слушали изрядную проповѣдь о крестахъ; увидѣвъ кн. Голицына, просилъ его доставить мнѣ Кантемировыхъ сат. и стихов. списокъ; обѣщалъ. За отсутствіемъ Антонскаго обѣдали у И. И. Давыдова: свящ., дьякон., Чернявскій, Каченовск., Арсен., Маловъ, Щуровск., Запольскій и двое Болтин. Разговоръ шелъ объ Августинѣ и Филаретѣ, дьяконъ забавлялъ своими шутками.

15. Явившимся двумъ людямъ А. П. Кондратьева изъ Спб. съ обозомъ, по просьбѣ ихъ, далъ 50 р. на дорогу и письмо къ дядюшкѣ. Приходилъ кварт. Ф. И. съ требованіемъ на прогоны человѣка моего Петра изъ Енисейска 3, 84 к. Я далъ 10; онъ благодарилъ. Послѣ урока Змееву пришелъ ко мнѣ Перевощиковъ просить меня о корреспонденціи съ его братомъ въ Дерптѣ и о неоставленіи его родни въ классѣ моемъ; я обѣщалъ ему и то и другое.

16. Послѣ уроковъ въ Унив. взялъ изъ библіотеки книгъ подъ росписку, заѣхалъ къ кн. Одоевскому, у котораго встрѣтилъ Кюхельбера и съ нимъ познакомился; нашелъ въ немъ пылкую голову и доброе сердце. Оттуда заѣхалъ въ Петр. мон. къ винопродавцу и купилъ

ведро сотерну и двѣ б. Сен-пере по рекомендаціи Татариновыхъ. Одно обстоятельство меня дома огорчило такъ, что я ушелъ къ Гофману и посидѣлъ и поговорилъ съ Машей, которая мнѣ понравилась. Потомъ прошелъ къ Полевымъ, не обѣдавши, напился съ ними чаю и бесѣдовалъ о Русск. Грам. Они звали меня въ театръ, я пошелъ домой, и занимался своими дѣлами.

17. Послѣ уроковъ въ В. Д. заѣхалъ къ Бартеневой поздравить съ ангеломъ ея невѣстку Надежду Дмитр.; не смотря на ихъ зовъ остаться у нихъ обѣдать, поѣхалъ съ поздравленіемъ къ Надеждѣ Григор. Соколовой, подарилъ ей серебр. игольникъ; оттуда пробрался къ професс. Котельницкому, который самъ приходилъ звать меня на имянины своей жены къ обѣду; видѣлъ у него рисунокъ собаки, рожденной одною женщиною и заколотой бабкою отъ страху. Принятъ былъ ласково. Видѣлъ тутъ директ. С. Т. Подлѣсновскаго.

19. По приглашенію ректора пошелъ на экз. ст.; экзаменующихся было человѣкъ 40, въ томъ числѣ и присланные отъ атамана Иловайскаго казаки. Я спрашивалъ въ Зак. Бож., Ист., Геогр. и Росс. языкѣ; кончили въ 11 часу, просидѣвъ 6 час.

20. Послѣ уроковъ въ В. Д. заѣхалъ къ обѣднѣ къ Спасу на Глинищи, видѣлъ отчитываніе мальчика болящаго. Въ алтарѣ протопопу читалъ корр. б. А. объ обновленіи М. соборовъ; онъ доволенъ былъ и просилъ меня къ себѣ. Дома я встрѣтилъ его сына, уч. въ Педаг. Инст. Сперва онъ обошелся со мной не такъ вѣжливо, спросивъ: что̀ вы безпокоите моего батюшку? Потомъ хорошо обошелся и смѣялся. Старцу это было не такъ пріятно. Онъ потчивалъ меня виномъ, выслушалъ съ примѣрнымъ удовольствіемъ мое чтеніе и, сообщивъ мнѣ свои записки съ обѣщаніемъ продолженія и свой послужной списокъ, проводилъ меня до крыльца и напутствовалъ своимъ благословеніемъ. Я обѣщалъ ему доставить письма преосв. Амвросія-Кам. Отъ него я проѣхалъ къ Бартеневой и обѣдалъ у нея. Она звала меня на другой день; я отказался. Отнесъ къ Горюшкиной 100 р. ея пенсіи; заходилъ на часъ къ Фустову, оттуда ко всенощной въ Драчи. Въ В. Д. приходилъ звать меня въ классъ Я. Арсеньевъ.

21. По утру прекрасному ходилъ смотрѣть сани съ каретн. Өедоромъ въ Басманную; онѣ не показались. Потомъ къ Власію къ обѣднѣ, видѣлъ тамъ Вареньку Телепневу съ сестрами; оттуда проѣхалъ къ Рыкунову, посидѣлъ съ нимъ и поговорилъ, дѣло все состояло въ брани другихъ. Былъ у Нечаева, который извинялся, что не могъ сдѣлать по просьбѣ моей о Демидовой дочери, шутилъ, что сдѣлаетъ катих. для дѣвицъ по вопросамъ и отвѣтамъ: кто добрѣйшій, кто труслнвѣйшій и т. д.? Отъ него зашелъ въ церковь Симеона Столпника

приложиться къ чудотв. образу Св. Димитрія; былъ у Побѣдоносцова*), нашелъ Шипова дочерей, одну Надежду Павл. очень любезную и умную, которая вошла со мною въ разговоръ, шутила.

Отъ нихъ я пошелъ къ Як. Ев. Арсеньеву, нашелъ у него А. А, Антонскаго, Двигубскаго, Ульрихса и Дружинина. Разсказывалъ Двигуб., какъ одинъ архимандритъ въ Харьковѣ проглотилъ нѣсколько червонцевъ предъ смертію, а П. М. какъ одинъ купецъ въ Рязани зашилъ въ подушку 200 тысячъ и велѣлъ себя похоронить съ нею; послѣ его разрыли и деньги выняли.

25. Отслушавъ обѣдню въ своемъ приходѣ въ праздникъ Преподобн. Сергія, далъ урокъ въ Универс., послѣ обѣда отправился съ Я. Е. Арсеньевымъ въ Троицкую Лавру. Погода и дорога была прекрасная и пріятная; ночевали въ Пушкинѣ; поутру ходилъ къ заутрени въ церковь, была память Св. Іоанна Б. Къ обѣднѣ пріѣхали въ Хотьковъ; посѣтилъ схимонахиню Епраксію, которая встрѣтила меня съ радостными слезами; я ей привезъ въ гостинецъ изюму, а она благословила меня просфорою Кіев. и убѣждала жениться для утѣшенія маменьки. Раскрывъ Псалтырь, читала: *и дастъ ти Господь по сердцу твоему*. Послѣ обѣдни зашли вмѣстѣ съ Я. Е. къ ней; она бесѣдовала о старинѣ, о дѣдушкѣ и бабушкѣ, о Пугачевѣ, когда она больная выброшена была на Арское поле; предсказывала мнѣ, что я буду жить въ довольствѣ и благополучіи за Божіимъ благословеніемъ. Я. Е. сказала, что съ одной стороны бываетъ искушеніе, а съ другой Богъ даетъ успѣхъ и благословляетъ счастіемъ того, кто на Него уповаетъ; убѣждала жить въ любви: любовь таже молитва. Е. Я. просилъ м. Епраксію помолиться о больномъ Н. Н. Бобарыкинѣ; она дала ему въ благословеніе просфору, примолвивъ, что Богъ принимаетъ доброе желаніе и молитву и дастъ исцѣленіе отроку за благословеніемъ Чуд. Сергія. Потомъ отъ усердія своего подала намъ грибковъ съ хлѣбомъ; мы, поѣвши, приняли отъ нея благословеніе и лобзаніе радушное со слезами. Я зашелъ къ отцу Ивану, который съ попадьею принялъ меня ласково, разсказывалъ мнѣ объ Августинѣ и его погребеніи, сваталъ за меня Перл. дочь и проводилъ со слезами. Послѣ обѣда мы отправились въ Тр. Лавру, на дорогѣ версты за полторы встали и пошли пѣшкомъ, видѣли остатки Польскаго стана и пришли прямо въ Лавру, гдѣ застали въ Троицкомъ соборѣ всенощную, отслужили молебенъ Преподобному Сергію, помолившись на сво-

*) Въ Хлѣбномъ переулкѣ, близъ Поварской. Скромный, деревянный домъ этотъ доселѣ принадлежитъ младшему сыну профессора П. В. Побѣдоносцова, государственному дѣятелю, подвижнику всякаго добра въ Русской жизни, наукѣ и словесности, Константину Петровичу. Онъ и родился въ немъ. П. Б.

бодѣ и приложившись къ св. мощамъ его. На квартирѣ встрѣтили двѣ помѣхи: въ одной комнатѣ угаръ, а близъ другой плачъ хозяйки испорченной. Почти всю ночь я не спалъ, то ходилъ на дворъ, то по комнатѣ; лишь только сталъ было засыпать на зарѣ, какъ заунывное пѣніе опять разбудило меня и навело на сердце какую-то непонятную грусть. Наступило утро чистое и свѣжее, мы пошли въ монастырь къ ранней обѣднѣ; я успѣлъ побывать въ Академіи, видѣлъ царскіе чертоги, гдѣ помѣщаются классы, разговаривалъ съ тамошними студентами о предметахъ и способѣ ученія; потомъ съ Я. Е. слушали обѣдню въ Троицкомъ соборѣ, еще приложились къ мощамъ преподобнаго Сергія и осматривали любопытныя вещи. Просили ризничаго показать намъ ризницу, но онъ все отговаривался; наконецъ я настоялъ, чтобы онъ показалъ. Есть предметы, достойные замѣчанія по своей древности и рѣдкости; вклады царя Іоанна, Бориса и Елисаветы отличаются богатствомъ. Жемчугу множество[1]). На одной плащаницѣ вышитъ молящійся м. Платонъ. Прикладывались къ деревяннымъ сосудамъ Преп. Сергія и къ крашенинной его ризѣ, къ его босовикамъ еще новымъ; видѣли харатейное Евангеліе будто Іоанна Калиты и древнія панагіи. М. Платонъ привелъ въ порядокъ ризницу и обогатилъ ее: вещи его прекрасныя и драгоцѣнныя, отъ панагіи до трости. Ризница одна—его вѣчный памятникъ; тамъ и духовная его. Пообѣдавши въ Лаврѣ и помолясь, пустились въ дорогу, заѣхали въ Хотьковъ, зашли къ мат. Епраксіи и нашли ее за самоваромъ, она ждала насъ; напились съ нею чаю, поговорили и приняли отъ нея благословеніе и радушное прощаніе, къ которому она присоединила свое желаніе, чтобъ я женился и говорила, что обо мнѣ спрашивали изъ Троиц. Лавры барышни... Свящ. Иванъ попавшись звалъ къ себѣ ночевать; но я убѣдилъ Я. Е. ѣхать, какъ бы предчувствуя, что намъ должно будетъ скорѣе быть въ Москвѣ. Онъ дорогой раскаевался, для чего не остались ночевать въ Хотьковѣ.

Октябрь. 1. Обѣдалъ у Давыдова на рожденіи; звалъ къ себѣ генералъ Костылевъ, благодарилъ меня за своего воспитанника Астафьева.

20. Былъ на похоронахъ у М. Ѳ. Карелина и видѣлъ слезы родныхъ и друзей; оттуда прошелъ къ Непышневскимъ; обѣдалъ дома, занимался чтеніемъ Кайд. Исторіи III. Ввечеру пришелъ Н. Фустовъ, пріѣхалъ Я. Е. Арсеньевъ[2]) и еще милл. Вяземскій, Констант. Лаврент.

---

[1]) Еще въ 50-хъ годахъ въ ризницѣ Троицкой лавры жемчугъ мѣрился гарнцами, и мы видѣли цѣлые боченочки, въ которыхъ онъ хранился. Но жемчугъ таетъ отъ времени. П. Б.

[2]) Другъ Снѣгирева Арсеньевъ, принесшій въ даръ Московскому Университету мо-

Гайдуковъ съ благодарностію за сына; посидѣли, поговорили. Съ Я. Е. читали прив. рѣчи Государю Филарета и Амвросія и сравнивали.

21. Утро занимался своими дѣлами, приготовл. къ лекціи; отобѣдавъ, заѣхалъ къ каретнику, посмотрѣлъ свою колясочку; отдалъ въ типогр. продолженіе біогр. Августина; просилъ о скорѣйшемъ окончаніи Трудовъ Ист. Общества. Давши урокъ въ У. Панс., далъ урокъ въ В. Д., зашелъ къ лѣкарю Кашкадамову посовѣтоваться; онъ прописалъ мнѣ рецептъ и не совѣтовалъ употреблять кислое и соленое, не ѣсть арбуза, конфектовъ и яблокъ. Взялъ по рецепту въ аптекѣ лѣкарство.

22. Поутру заѣхалъ къ А. А. Писареву, который принялъ меня ласково съ отверстыми объятіями, бесѣдовалъ со мною о дѣлахъ Истор. Общества, о критикахъ, о неудовольствіи И. И. Дмитріева за непропускъ сатиры на Каченовскаго; я объяснялъ свои причины. Предложилъ ему объ избраніи въ члены Истор. Общ. Васильевскаго и Полевого; послѣдняго онъ просилъ меня пригласить къ нему. Я прогулялъ свою лекцію въ Университетѣ, успѣлъ только прочесть съ ректоромъ корректур. листы б. А. Зашелъ къ Сандунову, у котораго засталъ Кутузова; говорилъ о своемъ дѣлѣ и о готовности подѣлиться изъ получаемыхъ по записи денегъ. Отъ него прошелъ къ Щепкину, разсуждали съ нимъ о дѣлахъ университ. и ученыхъ, обѣдали; жена его приняла меня ласково.

23. Отслушавъ раннюю обѣдню въ своемъ приходѣ, напился съ маменькой чаю; отослалъ къ А. А. Писареву его книги. Привезли нашу колясочку, осматривали ее, каретнику отдали 400 асс. Потомъ пошелъ къ професс. Цвѣтаеву; принятъ былъ ласково; онъ разсказывалъ о своемъ путешествіи и нравахъ Нѣмцевъ. Сказывалъ, что слышалъ онъ, что преосв. Филаретъ негодуетъ на новое ученіе[1]), вводимое Давыдовымъ и Павловымъ[2]). Д. Василевскій посылаетъ своихъ студентовъ учиться къ Лаз. Щупачкевичу, который проповѣдуетъ явное безбожіе и нелѣпость, унижаетъ нравственное достоинство человѣка до скота. Отъ него прошелъ къ Полевому, на дорогѣ встрѣтился съ Елагиной женою[3]); она пеняла мнѣ за то, что я забылъ ихъ, я оправдывался недосугами и обѣщался быть у нихъ. Я просилъ Полевого, чтобы онъ убѣдилъ кн. Одоевскаго не вооружаться противъ Мерзлякова;

заическую икону, работы Ломоносова, служилъ тогда смотрителемъ, народныхъ училищъ. П. Б.

[1]) Михаиломъ Григорьевичемъ, отцемъ историка нашихъ дней. П. Б.

[2]) Т. е. на философское ученіе Шеллинга. П. Б.

[3]) Авдотьей Петровною, ур. Юшковою. П. Б.

онъ просилъ меня принять участіе въ издаваемомъ имъ *Словарѣ Росс. Писат.* и предлагалъ раздѣлъ барышей вмѣстѣ. Оставили меня обѣдать. Вскорѣ послѣ обѣда поѣхалъ на имянины къ Щепкиной Е. М.; подарилъ ей кольцо, привез. Свиньинымъ. Много тамъ потратилъ времени. Одни танцовали, другіе играли въ карты, а я разговаривалъ съ дамами, и не дождавшись ужина, тихонько уѣхалъ домой.

24. Снѣгъ шелъ; вставъ, отдалъ своему наборщику примѣчанія къ б. А. Былъ въ соборѣ съ Чернявскимъ на посвященіи ректора Акад. Кирилла въ викаріи Москов. Филаретомъ и Досиѳеемъ; народу было множество и тѣснота чрезвычайная. Посвящаемый читалъ клятву, плакалъ, и барыни плакали. Въ алтарѣ былъ главнок. кн. Голиц. съ генер. Храповицкимъ и Кайсаровымъ. Оттуда прошелъ къ Д. А. Соколову. Д. И. Неждановъ, какъ имянинникъ, угощалъ въ тотъ день, пили Шампанское и пѣли пѣсенки подъ звуки гитары будто по старинѣ.

28. Заѣзжалъ съ поздравленіемъ къ имянин. Праск. Н. Есиповой, потомъ къ Праск. Павл. Трескиной. Алекс. Иван. казалъ мнѣ пьяный хлѣбъ изъ его деревни, назыв. косте́рь, похожій на рожь, но имѣющій свои отличія и не то что̀ спорынья; онъ бываетъ въ охвостьяхъ при провѣваніи хлѣба. Разсуждали съ нимъ о томъ, что всего лучше жить въ неизвѣстности, вдали отъ свѣта. Обѣдалъ у генерала Писарева вмѣстѣ съ кн. Шаликовымъ; послѣ разсматривали труды Калужской Бесѣды. А. А. читалъ свои стихи, я дѣлалъ свои замѣчанія, принятыя имъ снисходительно. Анекдоты о Дмитріевѣ и Малиновскомъ. А. А. замѣтилъ, что всякое огорченіе надобно разсматривать съ двухъ сторонъ, справедливой и несправедливой, и успокоивать себя. Между пріятными и полезными разговорами курили табакъ и пили Мозель съ Зельцерской водой. Домой пѣшкомъ въ грязь.

31. Послѣ классовъ въ В. Д. говорилъ съ профес. Ульрихсомъ о принятыхъ мѣрахъ мною къ перепечатанію пропущенной имъ книги о *Греческ. происш.**) Онъ благодарилъ. Потомъ я подалъ просьбу въ контору объ увольненіи меня отъ 3-го класса Русск. слов.; на мѣсто себя рекомендовалъ канд. Андросова и взялъ жалованье. Обѣдалъ у Давыдова; онъ игралъ на фортоп. Вечеръ сидѣлъ у профессора Цвѣтаева, выслушалъ его лекцію о правѣ народномъ; разговаривали о разныхъ предметахъ, шутили и разстались пріятно. Былъ у Сандунова, который казалъ письмо отъ Ѳедосѣева изъ Рязани: пишетъ, что Батур. клялся ему возвратить мнѣ мальчика. Санд. велѣлъ мнѣ принести прежнюю просьбу.

---

*) Вѣроятно, это книга Метаксы, о которой часто говоритъ А. Я. Булгаковъ въ своихъ письмахъ къ брату. (См. „Русскій Архивъ“ 1900). П. Б.

ИЗЪ ПИСЕМЪ КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ *).

Графа М. Ю. Вьельгорскаго и его супруги.

Оберъ-шенкъ графъ Михаилъ Юрьевичъ Вьельгорскій, или по Польскому говору Вьельгурскій, род. 31 Октября 1787 г., ум. 28 Авг. 1858, слѣд. на четыре года моложе В. А. Жуковскаго. Отецъ его, про котораго отзывъ Екатерины Великой записанъ Храповицкимъ подъ 24 Ноября 1787 года, былъ послѣднимъ посланникомъ Польскимъ въ Петербургѣ и при Павлѣ служилъ помощникомъ обергофмаршала графа Н. П. Шереметева; дѣдъ, графъ Михаилъ, „Литовскій великій кухмистръ" († 1794)—посолъ въ Парижѣ. Отрокомъ нашъ графъ лишился (1796) своей матери, графини Софьи Дмитріевны Матюшкиной, которая происходила по отцу своему отъ родной тетки царя Алексѣя Михаиловича, а отецъ его (†1808) далъ ему мачиху. Намъ неизвѣстно, гдѣ именно получилъ онъ блестящее и разностороннее образованіе. Первая его супруга, герцогиня Екатерина Карловна Биронъ (внучка регента) скончалась въ родахъ 31 Января 1813 года въ Москвѣ, а 23 Апрѣля 1816 года онъ женился на ея сестрѣ Луизѣ, вслѣдствіе чего ему загражденъ былъ доступъ ко двору. Но съ воцареніемъ Николая Павловича онъ и его супруга стали пользоваться особенною царскою милостью: свойство по матери съ домомъ старыхъ царей имѣло великое значеніе въ понятіяхъ Государя, который любилъ себя самаго называть „Николаемъ Романовымъ". Гостепріимный домъ графа, чуждый Польскаго чванства и приманчивый Польскою любезностью (на углу большой Итальянской и Михайловской площади, нынѣ кондитера Кочкурова) сдѣлался средоточіемъ всякого рода художественныхъ дарованій. Это была какая-то уверсальная Академія искусствъ, подъ сѣнью царской милости. Государыня Александра Өеодоровна была великою любительницею музыки, которая не умолкала у графа Вьельгорскаго; самъ онъ игралъ на фортепьянахъ и сочинялъ романсы; братъ его, графъ Матвѣй Юрьевичъ, былъ извѣстнымъ віолончелистомъ. Съ Жуковскимъ дружба его, начавшаяся еще въ Москвѣ, усилилась вслѣдстіе опредѣленія въ соученики къ Наслѣднику Престола старшаго сына графа, его первенца, Іосифа Михаиловича, съ которымъ читатели наши познакомились по его письмамъ (въ 6-мъ выпускѣ „Русскаго Архива" сего года). П. Б.

---

*) См. выше, стр. 335.

Два письма графини Л. К. Вьельгорской.

1.

Позволите ли вы, милый и прелестный генiй, чтобы я съ Липманомъ посовѣтовалась въ разсужденiи вашего предложенiя. Материнское сердце такая бездна глупости и любости, что вашъ умъ онаго не пойметъ. Нельзя ли мнѣ доставить планъ ученiя и теперешнiй распорядокъ занятiй, для моихъ соображенiй? Всѣ эти свѣдѣнiя мнѣ необходимы; когда же я этотъ пунктъ соображу, то примусь за другiе. Между тѣмъ не браните меня и будьте увѣрены, что, не смотря на всю пылкость вашего воображенiя, вы себѣ представить не можете материнской любви. Быть можетъ (и я этого сердечно желаю), что *Карамзина* или другая счастливая смертная дастъ вамъ понятiе объ отцовской нѣжности, которая содержится къ материнской какъ 3 къ 7-ми. Простите, что я отвлекаю васъ отъ важныхъ занятiй моею запискою, простите великодушно. Графиня Луиза Вьельгорская [1]).

2.

Царское Село, 9 Iюня 1838.

Неумолимая судьба, какой-то неумолимый фатализмъ преслѣдуетъ бѣднаго сына моего. Чтò здѣсь къ добру? Какая тутъ польза, какъ обыкновенно говорятъ? Ни пользы, ни добра, ни счастiя я тутъ никакъ видѣть не могу, а совершенно противное. Обманутыя надежды, печаль, неоконченное воспитанiе, которое только можетъ усовершиться путешествiями, разстроенное здоровье безъ всякой причины, неизбѣжная недовѣрчивость къ судьбѣ, безпрестанно какъ будто наказывающая всякое къ ней довѣрiе: вотъ что я вижу простыми глазами разсудка. Не смотря на его слова и желанiе успокоить насъ, я вижу, онъ палъ духомъ и лишился всѣхъ прекрасныхъ мечтанiй, сей святой дѣтской вѣры въ свою будущность, кои-то единственно составляютъ молодость. Онъ пишетъ: je suis calme et indifférent à tout ce qui m'arrive[2]). Этому я очень вѣрю: когда судьба такъ безжалостно насъ *колотитъ*, чувства наконецъ такъ крѣпнутъ, такъ притупляются, что ничто уже на нихъ дѣйствовать не можетъ. Благодарить васъ, любезнѣйшiй другъ, не буду за нѣжную дружбу вашу Осенькѣ и заботливость объ немъ. Вы почти также ему отецъ и болѣе другихъ знаете, достоинъ ли онъ любви. Этотъ новый ударъ сильно меня поразилъ, я безъ гиперболы что-то одурѣла. Первое время всякой большой радости или какого-

[1]) Дочь Карла Бирона и Аполонiи Матвѣевны Понинской (1791 — 1853) воспитывалась въ Смольномъ. П. Б.

[2]) Я спокоенъ и безучастенъ ко всему чтò со мною бываетъ.

нибудь несчастія кажется намъ сномъ, до тѣхъ поръ пока мы еще къ нему не привыкли, и когда онъ мучителенъ, мы съ нетерпѣніемъ ждемъ пробужденія. Тоже со мною: я бы Богъ знаетъ что дала, если бъ это несчастіе былъ только ужасный сонъ. Мнѣ часто приходила мысль, что Жозефу опредѣлены судьбою страданія, несчастія, всякаго рода испытанія, а теперь выходитъ, я не ошибалась. Имѣю намѣреніе ѣхать къ нему и удостовѣриться собственными глазами, въ какомъ онъ состояніи. Докторамъ я не очень вѣрю, какъ вамъ извѣстно; онъ же самъ мало имѣетъ опытности. Эгерскія и Маріенбадскія воды послѣднія въ Европѣ для его болѣзни. Онѣ ужасно волнуютъ кровь, причиняютъ круженіе головы, однимъ словомъ весьма вредны для всякаго молодого человѣка, а особенно для желудка. Едва ими Лину [1]) не уморилъ Маріенбадскій докторъ Heidler, первый bourreau[2]) въ Богеміи. Я уже предупредила сына, чтобъ онъ его берегся. Дай Богъ вамъ и Кавелину силъ выдержать всѣ хлопоты и труды вашего путешествія. Надѣюсь имѣть счастіе встрѣтиться съ вами гдѣ-нибудь въ Германіи. Жаль, у меня вашего marcheroute нѣтъ; впрочемъ я совершенно буду зависѣть отъ здоровья Жозефа и его намѣреній. Рѣшительно вы поѣдете въ Англію. Марія Николаевна сказывала мнѣ; въ этомъ нѣтъ сомнѣнія[3]).

Бѣдный Осенька! Какъ его жаль, какъ больно! Онъ такъ радовался, такъ трудился, и все понапрасно. Будьте здоровы, наслаждайтесь всѣми пріятностями вашего положенія и не забывайте друзей своихъ, а особливо бѣднаго Жозефа, о коемъ безъ слезъ я думать не могу. Я Великому Князю написала письмо, благодарю за пріемлемое имъ участіе.

Прощайте, всѣ вамъ посылаютъ нѣжнѣйшій дружескій поклонъ. Наталья Яковлевна [4]) живетъ въ нашемъ сосѣдствѣ, она также кланяется вамъ. Прощайте, Богъ да сохранитъ васъ!

Розенъ радуется провести зиму съ Жозефомъ въ Италіи. Впрочемъ онъ не получилъ еще никакого приказанія; можетъ быть, найдетъ какое-нибудь предписаніе въ Любекѣ. Благодарите Енохина за письмо. С. Л. Юрьевичу скажите: мы приняли большое участіе въ случившемся съ женою его несчастіи.

---

[1]) Кто это, не знаемъ. П. Б.

[2]) Палачъ.

[3]) Не задолго передъ тѣмъ вступившая на престолъ королева Викторія тогда еще не была за мужемъ. Мелькала мысль о возможности ея брака съ нашимъ Александромъ Николаевичемъ. П. Б.

[4]) Фрейлина Плюскова, пріятельница И. И. Дмитріева и Карамзина. Не сестра ли она Кафтыревой и Полонской (матери поэта), не внучка ли Богдана Умовскаго, т. е. не правнучка ли императрицы Елисаветы Петровны? П. Б.

Письма графа М. Ю. Вьельгорскаго.

1.

Веймаръ, 14 (26) Декабря (1831).

Послѣ многихъ непріятныхъ встрѣтившихся препятствій на дорогѣ при переправѣ рѣкъ, пріѣхалъ я наконецъ въ Веймаръ 7 (11) Декабря. Въ Берлинѣ остановился на однѣ сутки, чтобъ починить карету, обѣдалъ у короля и провелъ весьма скучный вечеръ у Алопеуса, котораго милая жена въ Италіи. Онъ же утѣшается бюстомъ Зонтагъ, что̀ меня немало удивило.

Здоровье В. К.*) лучше, нежели ожидать было можно. Лучше даже нежели въ Павловскомъ, гдѣ у нея была какая-то опухлость, совсѣмъ теперь исчезнувшая. Самъ докторъ Швабе того же мнѣнія. Грусть ея тихая, покойная, нѣтъ въ ней ничего сжимающаго. Много и часто слезы она проливала, вслушиваясь въ мои разсказы, нѣсколько разъ говорила о твоемъ письмѣ, которое ее очень тронуло. Часто бывалъ я съ канцлеромъ, въ которомъ нашелъ умнаго и любезнаго человѣка Я для него перевелъ буквально и написалъ твое видѣніе. Нѣсколько разъ былъ я у Гёте, и самъ ты вообразить можешь, какое для меня было наслажденіе слушать сего великаго мужа, котораго, кажется, умѣлъ я снискать благорасположеніе. Онъ необыкновенно былъ въ *духѣ*, особливо въ послѣднее свиданіе, такъ что и меня возбудилъ. Съ расширеннымъ сердцемъ я его оставилъ. Мало времени мнѣ оставалось для свиданія съ ними, и я намѣренъ на возвратномъ пути пробыть здѣсь двѣ недѣли по крайней мѣрѣ, дабы *погрѣться*. Была рѣчь и объ тебѣ; тебя многіе помнятъ и помнятъ какъ должно. Обними нѣжно Оську, черезъ три дня буду на минуту съ своими! Вицтумъ тебѣ привезетъ книжку, можетъ быть и двѣ. Пиши ко мнѣ въ Брюсель на имя г. Гурьева. К. К. сердечный поклонъ. Гр. М. Ю. Вьельгорскій.

2.

Царское Село, 7 (19) Іюня (1838).

Не знаю гдѣ ты получишь мое письмо и сердечную благодарность за дѣятельное попеченіе о нашемъ Жозефѣ. Съ 5-го до 11-го Іюня припадковъ у него не было, и онъ по крайней мѣрѣ пишетъ, что совершенно здоровъ. Получивъ его письма изъ Берлина и отзывы Аренда, первая наша мысль съ женой была о тебѣ. Какъ ты намъ не писалъ! Мы уже на другой день получили твое неоцѣненное письмо, которое было первымъ утѣшеніемъ для скорбящихъ родителей. Луиза, кажется, поѣдетъ вслѣдъ за нимъ. Какъ мы ни увѣряемъ ее, что опа-

*) Великой Княгини Маріи Павловны? П. Б.

сности нѣтъ, но для ней спокойствіе душевное кончено, и всѣ минуты въ разлукѣ съѣдаютъ ее тайно. Она въ три дни перемѣнилась до крайности. Что̀ дѣлать? Повиноваться судьбѣ. Бываютъ минуты, гдѣ трудно весьма преклонить *выю* и не роптать, а сколь роптаніе и безполезно, чувствуемъ конечно, и все разсуждаемъ. Ты впрочемъ знаешь Луизу и вообразить можешь предметъ нашихъ *состязаній* въ тиши Царскосельскаго уединенія.

Отсюда всѣ уѣхали. Государь въ Петербургѣ, съ гвардіей выступаетъ на 10, а 15-го ѣдетъ въ Варшаву. Я не имѣлъ еще счастія видѣть его. Никого не принимаетъ, а радъ быть въ кругу семейственномъ.

На сихъ дняхъ получилъ я письмо отъ Натал. Никол.[1]) Она все требуетъ и проситъ, чтобъ купили мы *Михайловское*, Псковск. деревню[2]). Я ей отвѣчалъ и совѣтовалъ *ей* купить оную. Она хочетъ въ ней жить. Ей и прилично жить тамъ и буде не выйдетъ замужъ, то можетъ оставить деревню дѣтямъ, намъ же[3]) хлопотно и затруднительно покупать. Я ей предлагалъ и денегъ дать подъ залогъ имѣнія. Тутъ будетъ 2 процента барыша для сиротъ, а отвѣтственность и рискъ опеки въ сторонѣ. Все это двор. опека допуститъ. Дѣло печатанія идетъ своимъ чередомъ. Портреты готовы, біографія пишется Одоевскимъ [4]), котораго вслѣдствіе нашего горя я не могъ видѣть, ибо почти все свободное время провожу въ Царскомъ Селѣ. Возможность сообщенія такъ велика, что иногда случится два и три раза съѣздить. Предположенія Бобринскаго, кажется, сбываться начали: въ послѣднее Воскресеніе сборъ составилъ 15000 рубл. *Май* холодный и ненастный далъ 93000, хотя Павловское открыто 28-го Мая. У насъ впрочемъ погода ясная, но холодная до крайности. Литографія лѣта. Вяземская была очень испугана пожаромъ *Николая* [5]), о которомъ она узнала не-

---

[1]) Вдовы А. С. Пушкина, жившей тогда съ четырьмя дѣтьми у брата своего въ Калужскомъ Гончаровскомъ имѣніи. П. Б.

[2]) Ганнибаловское сельцо Михайловское (около 60 душъ крестьянъ и 1500 десятинъ земли) было скуплено у сонаслѣдниковъ Надежды Осиповны Пушкиной, т. е. у Льва Сергѣевича и Ольги Сергѣевны Павлищевой, для малолѣтнихъ дѣтей поэта. Графъ Вьельгорскій былъ однимъ изъ членовъ учрежденнаго надъ ними опекунства. П. Б.

[3]) Т. е. опекунству. П. Б.

[4]) Вѣроятно это было лишь однимъ изъ многихъ благихъ намѣреній князя В. Ѳ. Одоевскаго. Сколько намъ извѣстно изъ его бумагъ, къ такому труду и не приступалъ онъ, да и по свойствамъ своего дарованія врядъ ли былъ къ тому способенъ. П. Б.

[5]) Графъ Алексѣй Алексѣевичъ Бобринскій, устроитель Царскосельской желѣзной дороги, которая открыта была въ 1837 году. Многіе боялись ѣздить по ней. Разъ какъ-

чаянно, возвращаясь изъ Царскаго Села по желѣзной дорогѣ. Пріѣхавши домой, къ счастію нашла письмо мужа. У нея однакоже были нервическіе припадки, которые продолжались всю ночь. Канкринъ князю опредѣлилъ 6 т. единовременнаго вспоможенія или награжденія при семъ случаѣ, и такъ *матеріальная* потеря возвращена. Опера, которая шла успѣшно впередъ, теперь на нѣкоторое время будетъ паузировать, а жаль *отпрѣчь* вдохновеніе: оно не смотритъ на наружные *моменты* жизни. Странное дѣло! Въ величайшемъ горѣ моемъ во мнѣ безпрестанно шумѣла пѣснь заздравная, которою я былъ занятъ до извѣстія, и я отъ нея никакъ не могъ отдѣлаться покуда не сѣлъ и не написалъ. Вотъ тебѣ и *фактецъ* къ физіологіи *сочиненія* или сочинителей. Прости, любезный другъ, вспомни о сиротствующемъ по тебѣ и, стряхнувъ лѣнь, напиши мнѣ иногда словца два или три. Господь съ тобой! Дѣти тебя цѣлуютъ, а Анна Михайловна[2]) велѣла руку поцѣловать. Луиза нѣжно тебя благодаритъ.

3.

Римъ, 8 (20) 1838.

Благодаря Бога, мы благополучно и скоро пріѣхали въ Римъ (14), гдѣ съ трудомъ могли отыскать приличную квартиру, но и это уже приведено на ладъ, и ты увидишь самъ, надѣюсь, какъ мы хорошо устроились, хотя и дорого.

Для васъ, т.-е. для Е. В., кн. Л.*), Кавелина готовитъ Потемкинъ свой домъ, славный дворецъ. Вѣроятно ему уже объ этомъ предписано, потому что онъ издержался на это, заказавъ даже штофныя матеріи для нѣкоторыхъ комнатъ. В. К. весьма будетъ *прилично* быть у него, тѣмъ паче, что весьма трудно нанять теперь дворецъ достойный *гостя порфироноснаго*. Говорятъ однакожъ, что пріѣздъ А. Н. вскружилъ головы здѣшнимъ спекулянтамъ: всѣ готовятся къ его пріему, и все отъ этого ожиданія втрое дороже, отъ чего намъ бѣднымъ вояжёрамъ накладно.

то случилось на ней несчастіе. На другой же день Государь проѣхалъ по ней, и движеніе возобновилось. П. Б.

[1]) Князь Вяземскій ѣхалъ на этомъ пароходѣ въ чужіе края и едва не погибъ, потому что при сходѣ на спасательныя лодки все уступалъ шагъ больнымъ и слабымъ сопутникамъ. „И оставалось мнѣ на выборъ произвольный быть гусемъ жаренымъ иль рыбой малосольной“, острилъ онъ впослѣдствіи. Одинъ изъ сопутниковъ, рослый дѣтина и тоже писатель, обнаружилъ малодушіе; онъ кидался впередъ и кричалъ: Sauvez-moi, je suis le fils unique! (Т. е. спасите меня: я единственный сынъ. Между у него былъ братъ. П. Б.

[2]) Младшая изъ трехъ дочерей графа Вьельгорскаго, впослѣдствіи княгиня Шаховская. Въ семьѣ звали ее Аполитою. П. Б.

*) Князя Ливена (посла въ Лондонѣ), который завѣдывалъ путешествіемъ Великаго Князя Наслѣдника по Европѣ. П. Б.

Наша скромная квартира стоитъ болѣе 700 фр. въ мѣсяцъ, и то должно было нанять на 5 мѣсяцевъ, и такъ далѣе. Жозефъ началъ пить съ вчерашняго дня ослиное молоко; его кашель нѣсколько увеличился, что̀ можно предписать господствующему уже двѣ недѣли *sirocco*. Температура все 17 и 18 градусовъ. Мы на балконѣ сидимъ утромъ, въ 9-мъ часу въ рубашкахъ и куримъ. На улицѣ душно. Здѣсь опера изрядная, т. е. Juditte Grisi въ Капулетти удивительно хороша, все прочее посредственно.

Видѣлъ я Гоголя, котораго можно назвать *Римскимъ Гоголемъ*. Онъ помолодѣлъ, объ тебѣ много спрашивалъ и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ. Ты вовсе онѣмѣлъ. Что̀ вы дѣлаете, когда будете? Напомни о насъ *елико* и *поколику* подобаетъ всѣмъ сопутствующимъ. Не забудь и *Фрейтага*. Будь здравъ, мой дражайшій *Перунъ*!

4.

Римъ, 30 Ноября (1838).

Вручитель сего письма, нѣкто m-r Brown, секретарь археологическаго общества Римскаго, учрежденнаго Бунзеномъ, человѣкъ съ огромнымъ запасомъ знанія и притомъ гемеопатъ, дастъ тебѣ вѣрныя извѣстія о здоровьи моего Жозефа. Ему съ нѣкоторыхъ поръ лучше, хотя по пріѣздѣ въ Римъ онъ меня очень безпокоилъ. Ты совсѣмъ насъ забылъ: съ Милана я не зналъ, что̀ съ вами и дѣлается; между тѣмъ помолвка императорская, которая всю Европу удивила тѣмъ паче, что Европа и не подозрѣваетъ, что у Государя можетъ быть *сердце*, да притомъ сердце отеческое! *Глубокомыслящіе* журналогазето-читатели! Алек. I хотѣлъ на тронъ Франц. поставить Евгенія, а теперь Николай I поставитъ сына его: это ударъ жестокій противъ Луи-Филиппа, слѣдствіе ненависти Русскаго императора и проч. и проч. И это все съ большими деталями и полит. заключеніями здѣсь салоны нѣкоторые распространяютъ! Впрочемъ все это мнѣ пересказываютъ, потому что я сижу дома и нигдѣ не былъ: меня схватила ужасная зубная боль съ началами горячки головной; теперь лучше. Гоголь бываетъ у меня и читалъ начало «Мертвыхъ Душъ». Съ нетерпѣніемъ ожидаю вашу милость. Если бъ зналъ напередъ, то могъ бы тебѣ славную квартиру приготовить; у меня три лишнія комнаты, которыя нанялъ Кочубей. Цѣлую тебя, дражайшій мой. До свиданія. Что̀ за климатъ! Все какъ Іюнь у насъ.

Не правда ли, что, увидя *Броуна*, съ нимъ *вся* Германія представляется олицетвореніемъ? C'est un homme, au reste, qui a du coeur. *)

*) Впрочемъ, это человѣкъ, у котораго есть сердце.

5.

Мая 14-го н. с. (1839) Alla villa Celimontana.

Долго не рѣшался писать, любезнѣйшій другъ, потому что эти три прошедшія недѣли были тяжкія для насъ. У Жозефа возобновилось кровохарканіе и довольно сильное. Гомеопаты уже за мѣсяцъ все говорили, что у него подъ правымъ бокомъ группа постепенно образовавшихся туберкуловъ, и что они, отдѣлившись, произведутъ кризу, которую должно выждать передъ отъѣздомъ. Но эта криза сдѣлалась такъ опасная, что едва бѣдный мой Іосифъ не умеръ. Господь да помилуетъ насъ! При этой опасности призвалъ я весьма искуснаго врача здѣшняго Гартмана (онъ при Датской принцессѣ), чтобъ наблюдать за лѣченіемъ и выслушать мнѣ всѣ доводы Броуна и Северина, которые, не смотря на всѣ мои просьбы при самомъ началѣ кризы, не соглашались поставить ему пьявки [1]).

Сверхъ всякаго чаянія, рѣшившись перевести Жозефа на дачу Зенеиды, оборотъ болѣзни былъ разителенъ. Перемѣна воздуха подѣйствовала удивительно, и чрезъ недѣлю ходъ болѣзни, кажется, остановился. Кашель утихъ, боли исчезли, но слабость осталась великая, а этотъ ударъ послѣдній сильно потрясъ весь организмъ больного. Онъ доселѣ чрезвычайно слабъ; не смотря однакоже на это, ежедневно мы его прогуливаемъ въ открытой коляскѣ и выносимъ утромъ въ садъ.

Криза началась 21-го Апрѣля, кашель съ кровью продолжался не болѣе 5 или 6 дней и собственно частое кровохарканіе было только одни сутки (безъ рвоты), но боль и колотье, одышка еще долго продолжались. 7-го Мая перевезли мы Жозефа на дачу. Съ этого времени сдѣлалось ему легче примѣтно. Лиза Черткова [2]) за нимъ ухаживала; болѣе двухъ недѣль отсрочила выѣздъ изъ Рима, но должна была оставить насъ (12-го).

Все это время для меня летѣло на адскихъ крыльяхъ. Объ Луизѣ я не смѣлъ и заикнуться съ Жозефомъ. Написалъ къ ней, что ему сдѣлалось немного хуже; брату же написалъ всю истину. Подобныя кризы (кровохарканіе) съ нимъ бывали раза два въ теченіе зимы, но оканчивались скоро и безъ дальнѣйшихъ послѣдствій; отъ этого въ первую минуту я не писалъ объ этомъ въ Петерг., тѣмъ болѣе что Жозефъ могъ еще самъ писать къ Луизѣ. Между тѣмъ день ея выѣзда (на Геркулесѣ) ускоренъ, и она вѣроятно выѣдетъ въ полной надеждѣ насъ встрѣтить въ Парижѣ, гдѣ рѣшено было Жозефу провести лѣто, дабы осенью ѣхать въ Швейцарію подышать Альпійскимъ воздухомъ,

---

[1]) Обошлось безъ нихъ.

[2]) Елисавета Григорьевна, ур. графиня Чернышова. П. Б.

а потомъ на зиму во свояси, т.-е. въ Римъ. Кажется, не трудно отгадать о намѣреніи вашемъ ѣхать во Фр. или его *окрестности*, хотя у меня всѣ способности ума обратились въ чувство страха. Хожу я какъ шальной, то къ Жозефу, который въ большомъ салонѣ, то къ *себѣ* въ теремъ (гдѣ стоитъ телескопъ). Извини меня, милый мой: и письмо это шальное не клеится, какъ я самъ все это время. Мы вѣроятно останемся здѣсь до Іюня, потому что прежде нельзя будетъ выѣхать и поѣдемъ на первый случай въ Марсель чрезъ Геную, гдѣ рѣшится, остаться ли намъ въ окрестностяхъ Лукскихъ водъ или ѣхать въ Парижъ. Гоголь, который приходитъ бодрствовать ночью и цѣлые дни проводитъ съ нами, тебѣ кланяется сердечно. Онъ насъ мною утѣшаетъ и забавляетъ оригинальной, умной своею болтовней*). Жена вѣроятно на Геркулесѣ доѣдетъ до Любека, а потомъ въ Гавръ. Это все было удобно и умно придумано, чтобъ скорѣе сойтиться, увидѣться. Намѣреніе наше было по пріѣздѣ сейчасъ поселиться въ С. Жерменѣ, откуда желѣзная дорога облегчаетъ всѣ сношенія съ Парижемъ, и между тѣмъ спокойнѣе для больнаго.

Не знаю, застанетъ ли тебя письмо въ Голландіи. Надѣюсь, что его перешлютъ къ тебѣ, куда слѣдуетъ. На будущей недѣлѣ напишу во Франкфуртъ. Мысленно тебя обнимаю.

Слышу, что Вяземскаго отозвали изъ Парижа управлять Департаментомъ Торговли. Радуюсь, но еще не вѣрю.

6.

Женева, 30 Августа (11 Сентября) 1839.

Много, много тебѣ благодаренъ, сердечный другъ, за твое доброе, умное, душевное письмо, которое заставило меня плакать горько-сладко. Чувство потери и чувство безцѣнной твоей дружбы слились въ одно. Ни съ кѣмъ мнѣ такъ на просторѣ какъ съ тобой; а ты самъ представить себѣ можешь, какъ душа моя въ минуты тяжкія желаетъ быть съ тобой и слышать твои увѣщанія, твое мычаніе. Богъ единъ можетъ вновь соорудить растроенное, внутреннее домашнее счастіе. Вообрази только мою бѣдную Луизу Кто ее только и мало знаетъ, долженъ содрогнуться при мысли о ея потерѣ. Что̀ я чувствую, при ней выразить не могу, потому что и дѣтей должно беречь. Иногда она воображаетъ, что она не довольно его любила, потому что могла тревожить; иногда жалѣетъ, что не застала его въ живыхъ, потому что одинъ ударъ и

*) См. въ Сочиненіяхъ Гоголя „Ночи на виллѣ“. Передъ самою кончиною молодаго графа, онъ обѣщалъ сидѣть у него ночью, но не пришелъ. Этимъ воспользовалась хозяйка виллы и призвала къ умиравшему аббата. J'ai vu son âme sortir tout-à-fait catholique (т. е. я видѣла, какъ душа его уходила совсѣмъ католическая), говорила она потомъ. (Слышано отъ племянницы ея супруга, княжны В. Н. Репниной). П. Б.

ее бы сразилъ. Она безпрестанно живетъ съ своимъ горемъ. Тихо, въ безмолвіи вдругъ у ней слезы ручьями потекутъ. Часто запираясь предается она *вполнѣ*, мысленно бесѣдуетъ съ нимъ, о немъ. Гдѣ онъ? Что̀ съ нимъ? Кто съ нимъ *тамъ?* Мы за нею ухаживаемъ какъ бы за младенцемъ отнятымъ отъ груди и отъ котораго кормилицу скрываютъ. Однимъ словомъ, можно бы книгу наполнить всѣми ея мыслями глубокими, нѣжными *вдохновеніями*. Не оставляй Мишу нашего. Слышу, что ты его видаешь иногда, за что руку цѣлую твою. Мы вѣроятно будемъ къ 15-му Октября ѣхать чрезъ Франкфуртъ и вѣроятно спустимся по Рейну до Дюссельдорфа. Мы были à la Gr. Chartreuse пѣшкомъ. Это утомило Луизу и было ей полезно.

Доселѣ никого изъ нашихъ Русскихъ не встрѣчали кромѣ Мятлева, котораго увидѣли на станціи Aix-les-bains, гдѣ онъ зажился, потому что ни гроша не имѣетъ и ждетъ денегъ отъ матери, которой не мѣшало сказать бы о его положеніи. Здѣсь Дюваля нашелъ и Остермана, который сохранилъ всю индивидуальность свою, не смотря на 69-й годъ, который уже для него стукнулъ. Онъ живетъ съ дѣтьми и показывалъ старшаго сына [1]); читаетъ *Страуса*!

Мы рѣшили ѣхать на три недѣли въ *Шинцнакъ* послѣ долгаго совѣщанія съ докторомъ Превò для Аполины [2]). Это еще замедлитъ наше возвращеніе въ Петербургъ.

7.

26 Апрѣля (1840).

Любезный другъ мой, вѣроятно тебѣ уже извѣстно важное происшествіе въ моемъ семействѣ. Оно было такъ неожиданно, нѣкоторымъ образомъ наперекоръ тайныхъ моихъ желаній и предположеній, что въ первую минуту самъ не зналъ (и не могъ), радоваться ли или жалѣть. Луиза была главнымъ двигателемъ всего. Теперь я доволенъ, видя, что она какъ бы ожила: хотя вертижи ея продолжаются, но рѣже и они; отъ этого она къ тебѣ сама не пишетъ, а велѣла просить взять на *себя* посылки для нашей невѣсты. Впрочемъ ты можешь это устроить чрезъ вашу канцелярію, да и самъ В. К. позволитъ вѣроятно. О *здѣшнихъ* обстоятельствахъ не могу тебѣ ничего утѣшительнаго сказать. Идетъ на разладъ, отъ чего мы всѣ приверженные страждемъ. Клейнмих. всунулъ въ духовники какого-то Малого или Майнова. Сей же человѣкъ ненадежный. Чего лучше, какъ выждать Бажанова, а

---

[1]) Кто и гдѣ эти лѣвыя чада Кульмскаго безрукаго героя? П. Б.

[2]) Старшая дочь графа Вьельгорскаго, впослѣдствіи Веневитинова. П. Б.

покуда употребить Стутгарскаго или Веймарскаго. Весьма странно: одна дама призналась *моей женѣ*, что онъ ее на исповѣди хотѣлъ поцѣловать или даже поцѣловалъ. Это пишу я, чтобъ тебя остеречь.

Свадьбу мы сыграемъ*) съ помощью Божіей послѣ вашего возвращенія, т. е. въ Ноябрѣ. Братъ изъ Мюнхена возвращается для этого. Его благословеніе и присутствіе необходимы. Онъ ѣдетъ съ Мар. Ник. въ Августѣ. Это обстоятельство насъ рѣшило. Молодые будутъ жить у насъ въ домѣ. Notre intérieur совершенно измѣнится. Жена черезъ двѣ недѣли поѣдетъ въ Ревель, куда и женихъ будетъ. Онъ каждый день болѣе и болѣе съ нами сходится, и Софья, кажется, начинаетъ къ нему *нѣжиться*. Она сама рѣшила; уже болѣе двухъ лѣтъ какъ онъ ее любитъ, чувство къ ней онъ описалъ въ лицѣ Надины его повѣсти (читалъ ли ее?) въ *Трехъ Танцахъ*.

Тебя очень недоставало въ сіи рѣшительныя и важныя минуты для нашего семейства. Луиза все о тебѣ вспоминала, и я внутренно тебя призывалъ и обще съ тобою мысленно соединялся, когда должно было сказать *да*. Такъ все, что̀ близко, внутренно въ моемъ быту должно быть неразлучно съ тобою, мой безцѣнный Жукъ.

Дѣти всѣ тебя нѣжно обнимаютъ, и Софья, кажется, хотѣла тебѣ писать. Господь тебя да сохранитъ! Мысленно тебя обнимаю.

8.

Спб. Май 21 (1841).

Сегодня, любезнѣйшій другъ, я много думалъ о тебѣ. Вѣроятно для тебя свершился земной обрядъ того высокаго духовнаго сочетанія, довершеніе котораго не на землѣ. Я занемогъ холериною, лежалъ и вспоминалъ о тебѣ; вспоминалъ, что ты хотѣлъ совершить свадьбу въ день Конст. и Елены. Искренно молю Всевышняго, да продлится для тебя вкушеніе незапрещеннаго плода. Внутренно меня невольно занимаетъ ожидаемое мною *преобразованіе*, которое должно послѣдовать въ твоей нравственной натурѣ отъ событія теперешняго. Многіе не выдерживаютъ этого опыта. Въ тебѣ увѣренъ. Но вѣрь совѣту друга: не предавайся, я не говорю чувственности брачнаго ложа (далека отъ тебя эта мерзость), а нѣкоей матеріальности, лѣнивой привычности, которая непримѣтно вкрадывается въ жизни женатой и которая, какъ противный полюсъ необузданной жизни холостой, иначе, но также, опасна душѣ.

Въ Москвѣ приняли Государя и Наслѣдника съ Цесаревной съ большимъ энтузіазмомъ. Государь такъ этимъ былъ тронутъ, что написалъ прекрасный рескриптъ *отъ сердца* кн. Дм. Влад. Здѣсь свадьба

*) Свадьба графа В. А. Соллогуба съ гр. С. М. Віельгорскою была 13 Ноября 1840 года.

Барят. съ Михаил. Кочубей. Твои комиссіи исполнены всѣ. 1 мѣшокъ табаку послалъ я съ Пушкинымъ; эта вещь довольно трудная, потому что табакъ платитъ великую пошлину; впрочемъ не знаю, какую. Я ожидаю справки на этотъ счетъ и если это не болѣе 50 или 75 рубл., то лучше бы законнымъ порядкомъ переслать. Попытаю послать тебѣ мѣшка два съ Канкриными. Обнимаю тебя душевно. Какъ ты мнѣ не написалъ изъ Берлина! Христосъ съ вами со всѣми.

Адресъ: Willbad.

9.

С.-Пб., Августа 22 (Сентября 3) 1843.

Горе постигло Царское семейство. Дочь старшая Мар. Ник. скончалась. Необыкновенное развитіе разума и особенно ея сердца давно уже придвѣщало тайно матери о несохраненіи младенца на сей землѣ. Она много плакала, но не удивилась потерѣ. Отецъ денно и ночно не оставлялъ малютки, которая, не смотря на мучительную кончину, просила окружающихъ не плакать. Взамѣнъ объявлена помолвка Алекс. Никол. за принца Гессенскаго, сына принца Вильгельма, Копенгагенскаго генералъ-губернатора и въ отдаленномъ времени наслѣдника трона Датскаго и Гессенкасельскаго. Марья Никол., во время болѣзни Алек. Максим., родила сына, который слабъ и окрещенъ былъ въ Греч. вѣроисп. Государь отправился въ Берлинъ на маневры, взявъ съ собой герцога Лейхтенбергскаго и многихъ гвардейскихъ генераловъ. Недѣли черезъ три Марья Александровна ожидаетъ разрѣшенія отъ беременности. Наслѣдникъ нашъ, по моему мнѣнію, перемѣнился къ лучшему, вытянулся, не такъ толстъ (послѣ кори), живетъ въ тѣсномъ ладу съ женою, чему мы всѣ радуемся. Государыня очевидно оправилась въ нынѣшнее лѣто, хотя и худа по прежнему. Здоровье нашей Анолиты расстроилось и вынуждаетъ жену ѣхать за границу, чтобъ провести зиму въ теплѣйшемъ климатѣ нашего Петербурга, хотя и жаркій климатъ докторъ не совѣтуетъ. Я желалъ бы, чтобъ жена провела зиму на Рейнѣ, а тамъ нашъ другъ Жуковскій, который могъ бы ей приготовить въ Дюссельдорфѣ пріютъ покойный и дешевый. Не знаю еще, рѣшится ли она на это. Много зависитъ отъ нашей Софьи, куда ее пошлютъ изъ Бадена, гдѣ она теперь находится. Здоровье ея не очень хорошо. Я здѣсь прикованъ. Аполина беременна*), и въ отсутствіи жены мнѣ ее оставить нельзя. Вотъ мой бюлетень для тебя, любезнѣйшій другъ. Мы всѣ опасаемся, что ты еще продлишь пребываніе въ Д.; жалѣемъ, но не удивляемся.

Фофка пишетъ къ намъ, что ты помолодѣлъ, похорошѣлъ. Это счастье внутреннее, которое проявляется въ наружу. Дай Богъ тебѣ

---

*) Въ Февралѣ слѣдующаго года родился старшій ея сынъ, Михаилъ Алексѣевичъ Веневитиновъ.

долго, долго еще онымъ наслаждаться и безъ горестныхъ промежутковъ. Мысленно тебя обнимаю и желаю твоему семейству благословенія свыше! Христосъ съ тобой. Гр. М. Віельгорскій.

Бутурлину поручили Императорскую Библіотеку. Мы надѣемся, что ему въ помощники дадутъ Одоевскаго, который совсѣмъ устроенъ натурой для сего мѣста. Вяземскій пилъ воды и очень оправился. Валуевы уѣхали на житье въ Варшаву. Карамзины въ Ревелѣ, но будутъ зимой жить здѣсь съ Мещ(ерскими).

10.

18 (30) Мая 1844.

(У насъ еще ни листа зеленаго нѣтъ).

Не такъ я виноватъ передъ тобой, любезнѣйшій другъ, какъ оное представляется твоимъ глазамъ. Я къ тебѣ писалъ подробно и объ Анолитѣ и обо многомъ, но это письмо къ прискорбію и *удивленію* моему видно къ тебѣ не дошло. Оно было послано съ Фр. курьеромъ, который знакомъ съ Вернетомъ, живущимъ у насъ. Я случайно былъ у него, когда курьеръ приходилъ къ нему за его письмами. У меня письмо было готово, я попросилъ его взять оное и отдать въ Берлинѣ для пересылки къ тебѣ въ наше посольство. Видно, вѣтренный Французъ забылъ или затерялъ. Письмо В. К. А. Н. доказываетъ именно, что я комиссію твою исполнилъ, читалъ ей приложеніе, при чтеніи котораго мы оба прослезились, а всю поэму когда имъ прочесть? Притомъ *Русскій чтецъ* у нихъ теперь Плетневъ. Позволеніе я также получилъ для включенія извѣстной литографіи *Лала-Рукъ*. О прочемъ нечего и говорить. Завтра пошлю за Родіоновымъ узнать ходъ дѣла; кажется, есть запятая со стороны Фишера.

Наша столица очарована совершенно пѣніемъ Рубини; хотя ему 50 лѣтъ, но сила и искусство неподражаемое ставятъ его выше всѣхъ бывшихъ пѣвцовъ. Театръ, не смотря на болѣе нежели утроенныя цѣны, всегда полонъ до райка, и его вызываютъ до десяти и болѣе разъ. Вотъ оперы имъ данныя: Отелло, Луція, Сомнамбула, Пуритане, ожидаемъ послѣднюю Пирата. Хотя онъ мало играетъ, но въ нѣкоторыя минуты и актеръ великій. Самъ Государь завлеченъ и паки музыку начинаетъ любить. Надѣемся къ зимѣ имѣть оперу Италіянскую, но первоклассную.

Сейчасъ видѣлъ Родіонова, который мнѣ докладывалъ о дѣлѣ печатанія. Рукопись*) получена изъ цензуры, безъ всякихъ поправокъ. Фишеръ готовитъ для тебя пробный листъ. Вотъ въ чемъ остановка со стороны Фишера: онъ не хочетъ принять рисунки Мейделя, потому что они не годятся, а принимаетъ буквы за 1000 рублей. Вѣроятно Мейдель поручалъ другому рисунки, они совершенно лубочные. Онъ

*) Наль и Дамаянти. П. Б.

хочетъ здѣсь заказать и желаетъ сдѣлать изданіе примѣрное, роскошное, какого еще не бывало. Старикъ Соллогубъ умеръ, и смерть его перемѣнила очень положеніе моей Софіи. Теща[1]) ѣдетъ за границу, и зять съ Софьей вѣроятно поѣдутъ, чтобъ съ ней зиму провести въ Ниццѣ. У нихъ дочь, которая великимъ утѣшеніемъ служитъ Луизѣ и весь домъ нашъ радуетъ. Ты самъ вскорѣ увидишь, какъ это малое существо вмѣщаетъ въ себѣ неизъяснимую прелесть: каждое движеніе, постепенно развивающееся лепетаніе, все имѣетъ какую-то единственную грацію. Нашъ домашній бытъ много потеряетъ отъ этой разлуки. Впрочемъ и Луиза, можетъ быть, принуждена будетъ ѣхать за границу: Анна Михайловна съ нѣкотораго времени не такъ-то здорова, и ей нужно хоть одну зиму провести въ лучшемъ климатѣ. Вѣроятно ты ихъ увидишь. Когда же мы тебя увидимъ? Мысленно тебя обнимаю, моего безцѣннаго друга. Господь васъ да сохранитъ отъ всякаго зла!

10.

9 Августа (1844) г. въ Павлинѣ[2]), принад. намъ, гдѣ *всѣ* мы вкупѣ проводимъ лѣто, и Смирнова здѣсь же.

Такъ давно я не писалъ къ тебѣ, любезнѣйшій другъ, что мнѣ даже грустно стало. Къ тому же много хлопото-обильныхъ обстоятельствъ попеременно съ лѣнью природной препятствовали благимъ намѣреніямъ. Теперь за то даю тебѣ извѣстія *самыя* интересныя, надѣясь поплатиться этимъ за прежнее молчаніе. Императрица съ Ольгой Ник. ѣдитъ въ *Палерму* на зиму. Давно уже желала она провести зиму въ тепломъ климатѣ. При угрожающемъ видимо совершенномъ изнеможеніи эта мысль ею совершенно овладѣла. Ар., Марк., Рейнг.[3]) полагаютъ, что у нея начало аневризма. Однако Мандтъ стоитъ крѣпко, что анев. нѣтъ. Можетъ ли быть такое противорѣчіе въ болѣзни почти *осязаемой*? Госуд. наконецъ самъ согласился, видя, что *ей* такъ хочется ѣхать; но за то *онъ* не скрываетъ своей скорби и негодованія. Вотъ маршрутъ: *Stettin*, Halte. *Berlin*, *Leipzig*, *Hoff*, chemin de fer, Nürenberg, Inspuck, Brenner, Como, Halte. Génève, *Cannes*. Halte. Gênes. На *Камчаткѣ* Государыня прямо поѣдетъ въ Палерму. Отсутствіе продлится 9 мѣсяцевъ. *По дѣламъ* управляетъ Шуваловъ поѣздомъ, а по этикету сопутствуетъ гр. Апраксинъ, котораго харя не очень Европейская. Изъ дамъ гр. Тизенгаузенъ, Нелидова, Окулова. Говорили, будутъ на смѣну или на подмогу другія *дамы* [4]) и кавалеры. Вѣроятно к.

---

[1]) Т. е. свекровь. Это графиня Софья Ивановна, ур. Архарова (1792 † 1854), сестра А. И. Васильчиковой и супруга гр. Александра Ивановича Соллогуба. П. Б.

[2]) Подъ Петербургомъ. П. Б.

[3]) Т. е. врачи Арендъ, Маркусъ, Рейнгольдъ. П. Б.

[4]) *Кн. Барятинская* (Aurore D.?) *Примѣч. писавшаго.*

Петр. Михаиловичъ смѣнитъ Шувалова. Самъ Государь вѣроятно fera *une visite* qui fera du bruit, car il passera par Constantinople ou au moins par les Dardanelles. Александръ Николаевичъ будетъ править дѣлами во время отсутствія, какъ уже и было въ послѣдній Государевъ поѣздъ *). Госуд. будетъ зимовать въ виллѣ *Бутера*, въ 4-хъ верстахъ отъ Палермы. Она радуется, какъ ребенокъ, этому преднамѣренію и цѣлый день занимается частностями и проч. поѣздки.

Вчера кончились маневры и парадъ, на которомъ присутствовала сама Государыня, составленъ изъ 100,000 войска!!...

Зять мой, Соллогубъ, обрадованъ былъ непомѣрно твоимъ письмомъ, за которое и я тебя сердечно благодарю. Оно ободрило его при общемъ охлажденіи къ литературѣ и вообще къ трудамъ *разумнымъ*. Книга его однакоже имѣла давно уже неслыханный успѣхъ. Госуд. понравилась (кромѣ выходокъ его на губернскіе города). Все изданіе уже разобрали и готовятъ второе. Онъ написалъ очень удачно повѣсть, составленную изъ разсказа Щепкина *Вторая* или послѣдствіе Каменовской ярмарки, *Воспитанница*. Въ предметѣ у него *большой романъ*. Напиши чтò ты предполагаешь дѣлать? Не хотѣлось бы съ тобой разъѣхаться, потому что и я, можетъ быть, поѣду въ теченіе еще сего года за границу. Обнимаю васъ обоихъ въ глубинѣ моей души. Христосъ съ вами со всѣми! Весь домъ васъ цѣлуетъ.

11.

8 Февраля (1845).

Послѣ радостной вѣсти о рожденіи твоего сына, пришло извѣстіе, поразившее всѣхъ насъ, о внезапной кончинѣ Елисаветы Михаиловны. Этотъ нежданный ударъ раскрылъ всѣ свѣжія еще раны нашей доброй и истинно глубоко чувствующей Государыни. Не смотря на болѣзненное ея и Государя состояніе, они всѣ собрались у Мих. Павл. Елена Павловна сама сошла къ дѣтямъ объявить о потерѣ. Въ какомъ состояніи бѣдные родители, легко себѣ представить можно. Къ скорби о дочери разнеслись по городу слухи о будто *падучей* болѣзни, какъ причинѣ преждевременныхъ родовъ и смерти. Чтò всего ужаснѣе, эти слухи дошли до матери. Я, будучи на извѣстной тебѣ короткой ногѣ въ ихъ домѣ, никогда объ этомъ не слыхалъ, и трудно, кажется, было бы скрыть немощь отъ столько особъ окружавшихъ Е. Мих. Притомъ многое начали говорить и о слѣдствіяхъ этой болѣзни, будто бы извѣстной самому герцогу и проч. и проч. Теперь смерть и могила все это покрыли. Здоровье Государя насъ очень безпокоило: онъ желтъ и

*) Лѣтомъ 1844 г. Николай Павловичъ ѣздилъ въ Англію. Тогда и въ слѣдующемъ году много натерпѣлись Балтійское простонародье и тамошній православный людъ. П. Б.

страждетъ печенкой, ноги пухли, безпрестанныя *мигрени*. Мандтъ, опасаясь притеченія крови и разжижая до чрезмѣрности кровь, поселилъ было въ немъ расположеніе къ водяной болѣзни. Съ нѣкоторыхъ поръ Государь по совѣту Рейнгольда пріостановился въ предписанномъ лѣченіи Мандта, бросилъ биттервассеръ, котораго, говорятъ, онъ выпилъ до 2000 кувшиновъ, водяные клистиры, началъ ѣсть мясо, и ему теперь лучше. Императрица, не смотря на продолжающееся почти безпрестанно біеніе сердца, духомъ и видомъ лучше нежели была лѣтъ за пять.

Всѣ мои дѣти живутъ со мною подъ одною крышею и, какъ говорится, точно сыръ въ маслѣ; за то становлюсь лѣнивѣе и тяжелѣе прежняго. Жена и Анолита въ Парижѣ, но завидуютъ моей участи. Мишель[1]) назначенъ вторымъ секретаремъ, что̀ есть прекрасное начало, котораго онъ и достоинъ.

10 Февраля 1845.

Отъѣздъ курьера Мих. Павлов. (Тетенборна) отложенъ, и я еще нѣсколько строкъ въ прибавку тебѣ посылаю. Твой племянникъ[2]) на сихъ дняхъ произведенъ въ офицеры, чему вы всѣ будете рады. Эту вѣсть сказалъ мнѣ Ростовцовъ, который долго у меня сидѣлъ и отъ котораго я слышалъ, что твое письмо къ Мих. Пав. весьма было кстати и во-время. Онъ съ признательностію тебѣ уже и отвѣчалъ. Государю и Императрицѣ гораздо лучше. Былъ экзаменъ Смольн. монаст., въ которомъ очень большое принимала участіе покойная Алек. Ник. Государыня была вся въ слезахъ и долго не могла выйти въ залу. На актѣ Университетскомъ треснулъ фальшивый мраморъ на хорахъ. Кто-то закричалъ потолокъ, и все собраніе въ паническомъ испугѣ встало и бросилось къ дверямъ. Бѣднаго Уварова затоптали ногами, и духовенство не показало много твердости, чѣмъ прервалось и кончилось засѣданіе. Это было третьяго дня.

12.

Мая 1 (13).

Кирѣевъ[3]), отправляясь за границу и дѣлая объѣздъ, чтобъ тебя видѣть, любезнѣйшій другъ, просилъ меня дать ему *впускное* къ тебѣ письмо. Съ нимъ посылаю тебѣ отчетъ опекунства, изъ котораго выбыли гр. Строгоновъ по причинѣ слѣпоты и Отрѣшковъ, съ которымъ Ланскіе не очень вѣжливо поступили. Ты самъ знаешь, что онъ до-

---

[1]) Младшій сынъ, получившій имя графа Вьельгорскаго-Матюшкина, что̀ было устроено по совѣту С. А. Соболевскаго, изъ предосторожности, такъ какъ, при обстоятельствахъ неблагопріятныхъ, его могли счесть незаконнымъ (т. е. рожденнымъ отъ свояченицы), и все Матюшкинское богатство перешло бы князьямъ Гагаринымъ. Онъ скончался холостъ, заразившись тифомъ подъ Севастополемъ. П. Б.

[2]) Вѣроятно, рѣчь идетъ объ одномъ изъ Рейтерновъ. П. Б.

[3]) Супругъ извѣстной красавицы. П. Б.

бросовѣстно и усердно дѣйствовалъ; но таково *мірское* мнѣніе! Il a des ridicules и проч. Между тѣмъ онъ желаетъ заняться и твоими сочиненіями, которыя такъ дорого продавались, и предлагаетъ тебѣ свои услуги. Объ этомъ и Кирѣевъ поговоритъ съ тобой.

Времени болѣе не достаетъ: привалила куча дѣлъ и людей. Государь завтра ѣдетъ въ Варшаву.

Твой другъ неизмѣнный, цѣлую твоихъ и тебя горячо.

13.

20 Марта (1 Апрѣля) 1849 г.

Вотъ какъ всякое худое дѣло влечетъ за собою много худыхъ послѣдствій. Послѣ долгаго виновнаго молчанія принужденъ я возобновить прерванный разговоръ весьма печальнымъ извѣстіемъ. Такъ, сердечный, милый другъ, послѣднюю дочь отнялъ Богъ у Вяземскихъ. Ночью скоропостижно скончалась Валуева. Хотя она и хворала и жаловалась давно уже на разстроенное здоровье, родители никакъ не могли предвидѣть угрожающую опасность. Въ Воскресенье она слегла, жалуясь на боль въ боку. Довольно безпокоилъ ихъ всѣхъ сынъ Саша, у котораго признаки были скарлатины, весьма сильно господствующей и въ казенныхъ заведеніяхъ, и въ пансіонахъ. (Илья Бибиковъ лишился 3-хъ дѣтей). Вечеромъ я былъ у Вяземскихъ, и еще въ 1-мъ часу ночи они посылали къ дочери узнать о внукѣ. Въ эту же ночь ея не стало! Княгиня была при ея смерти, успѣли исповѣдать и причастить, что̀ она исполнила съ твердостію и при томъ съ большимъ умиленіемъ. Здоровье родителей не пострадало, но бѣдный другъ нашъ нравственно убитъ, и первые дни были для меня весьма тягостны. Я старался доказывать ему, что смерть разрѣшила нестерпимое, угнетающее положеніе Валуевой, которая въ послѣдніе три мѣсяца почти ни съ кѣмъ не имѣла сношеній кромѣ Карамзиныхъ, гдѣ читали духовныя книги. Странные толки пронеслись послѣ ея смерти о причинахъ оной и которыми не хочу марать ни бумагу, ни твоего слуха. Докторъ увѣряетъ, что она умерла отъ *сухой холеры.*

Городъ весь былъ взволнованъ заключеніемъ Самарина въ крѣпость за какія-то письма, написанныя имъ о Балтійскихъ губерніяхъ и въ духѣ, какъ говорятъ, весьма враждебномъ тамошнему дворянству. *Славянофилизмъ* начинаетъ обращать на себя негодованіе правительства. Жаль, что люди съ умомъ, съ сердцемъ и съ дарованіемъ пошли по кривой дорогѣ, вымысливъ какого-то *Славянина*, который не есть *Русской,* а что-то идеальное, которое нельзя вставить въ настоящую существенность. Можно ли переобразовать прошедшее и укорять Великаго Петра уродливымъ сооруженіемъ Русскаго государства? Самаринъ эти письма читалъ Ермолову, Филарету и другимъ пріятелямъ.

Вотъ, кажется, главная его ошибка. *Партія Ливонская* возмутилась. Государь 19 (30) послалъ за Самаринымъ, отечески ему изъяснилъ проступокъ и послѣ часовой бесѣды велѣлъ ему ѣхать къ родителямъ въ Москву, чтобы ихъ успокоить. Самаринъ очень тронутъ и въ восхищеніи отъ Г., котораго онъ всегда любилъ отъ сердца. Впрочемъ въ этихъ письмахъ нѣтъ укоризны личной, а сильно выведены происки и завладѣнія *Балт. жителей* во вредъ Русскихъ. Не отнимая данныхъ привилегій, можно бы, мнѣ кажется, распространить нѣкоторыя права (градскія) и на Русскихъ жителей, въ чемъ однакоже не виновны ни министръ, ни князь Суворовъ, теперешній военный губернаторъ, которые не могутъ перемѣнить существующихъ законовъ. О семъ еще много бы можно написать, но время нѣтъ: ѣду завтра въ Москву, куда пригласили Ихъ Величества. Обнимаю тебя сердечно. Христосъ всѣхъ васъ да сохранитъ! М. Віельгорскій.

Письмо графа Матвѣя Юрьевича Вьельгорскаго.

Петербургъ, Декабря 4-го 1851.

Любезный другъ Василій Андреевичъ. Благодарю тебя отъ всего сердца за твое дружеское письмо и за драгоцѣнную присылку твоихъ сочиненій (кромѣ V и VI частей). Мы всѣ душевно скорбимъ, что твое здоровье лишило насъ истиннаго утѣшенія тебя видѣть здѣсь. Не смотря на молчаніе всего семейства, происходящее не отъ лѣни, всѣ тебя любятъ, какъ и прежде, и весьма часто тебя вспоминаютъ. Братъ, какъ тебѣ уже извѣстно, началъ къ тебѣ письмо, но кажется начало было слишкомъ хорошо, и онъ боится испортить его дурнымъ окончаніемъ. Онъ, слава Богу, здоровъ, хотя и толстѣетъ, и отъ этого немного тяжелѣетъ, но не въ нравственномъ отношеніи. Графиня очень горюетъ объ Софьѣ, которая поѣхала къ мужу на житье въ Тифлисъ. Онъ вступилъ туда на службу и находится при князѣ Воронцовѣ, который обѣщалъ намъ занять его серіозно. Новые предметы, очаровательная природа и удивительный климатъ имѣли уже благое вліяніе на ея здоровье и на упалый духъ ея. Послѣ смерти двухъ ея малютокъ, она была совершенно какъ убитая. Графиня привезла съ собою изъ Москвы послѣднюю ея дочь, Марусю, которая ее теперь утѣшаетъ и занимаетъ цѣлый день. У Аполины два мальчика и дочь. Анна сидитъ еще въ дѣвкахъ, но нимало о томъ не горюетъ и много занимается. Онѣ обѣ ѣздятъ къ Марьѣ Николаевнѣ слушать Арсеньева чтенія о Русской исторіи послѣдняго вѣка, но прошли оную съ Рюрика. Моя Княгиня*) здравствуетъ, тяжелѣетъ очевидно и ожидаетъ въ

*) Т. е. Великая Княгиня Марія Николаевна, при которой состоялъ гофмаршаломъ графъ Матвѣй Юрьевичъ. П. Б.

Февралѣ разрѣшенія*). Все Царское семейство живетъ благополучно и въ вожделѣнномъ здравіи. Гр. Шуваловъ поручилъ мнѣ тебѣ сказать, что теперь свободной квартиры нѣтъ, слѣдственно онъ не можетъ расширить Родіонову его помѣщенія, а при случаѣ не преминетъ это сдѣлать. Всѣ наши придворныя дамы тебѣ душевно кланяются, а семейство мое тебя сердечно обнимаетъ.

Прощай, любезный другъ; береги себя для всѣхъ тебя любящихъ. Душевно преданный тебѣ гр. Матвѣй Віельгорскій.

Письмо графини С. М. Вьельгорской.

(Род. 1820 † 16 Февр. 1878, въ Ревелѣ).

Петербургъ, 28 Апрѣля (1840).

Я не въ состояніи, любезный Василій Андреевичъ, дать вамъ отчетъ въ тѣхъ чувствахъ, которыя наполняютъ душу мою, и не могу объяснить вамъ, какимъ образомъ участь моя такъ неожиданно перемѣнилась, какъ я соглашаюсь взять на себя долгъ столь священный, какъ въ сердцѣ моемъ возникло чувство отдѣльное отъ любви моей къ родителямъ и къ семьѣ. Мнѣ самой только ясно то побужденіе и твердое желаніе посвятить жизнь мою тому, который оказываетъ мнѣ такую искренную преданность и пламенную любовь, и я съ радостію и довѣренностію прошу вашего отеческаго благословенія. Мама еще не въ состояніи писать вамъ сама, но она къ душевному моему удовольствію утѣшена моимъ счастіемъ и тѣмъ придала ему новую цѣну и святость. Я увѣрена, что вы не откажете въ дружескомъ участіи Владиміру Александровичу, который уже давно дѣлитъ нашу къ вамъ любовь и почтеніе, и надѣюсь видѣть васъ въ Петербургѣ передъ свадьбой. Семейныя наши радости не будутъ совершенны безъ вашего присутствія. Софья.

Письма графа В. А. Соллогуба.

(Род. 8 Авг. 1813 † 4 Іюнѣ 1882 г. въ Гомбургѣ).

1.

С.-Петербургъ, 28 Апрѣля (1840).

Какъ солдатъ передъ генераломъ, какъ чиновникъ передъ министромъ, стою я передъ вами, почтенный и лучезарный Василій Андреевичъ, и испрашиваю по обязанности службы моей, какъ у главнаго начальника, разрѣшенія на свадьбу мою, благословенія вашего на новую жизнь. Вы уже вѣроятно знаете о счастливомъ переворотѣ жизни моей прошедшей, который неуповательно - благополучно привелъ меня къ мирной пристани и благословилъ меня чувствомъ вы-

*) Великимъ княземъ Георгіемъ Максимиліановичемъ. П. Б.

сокимъ, радостью неизмѣримой. Я увѣренъ, что вы порадуетесь блаженству вашего рядового, который во имя невѣсты своей проситъ васъ съ покорностью удѣлить и на его долю немного такой дружбы, съ которой вы привыкли относительно новаго его семейства. Невѣсту мою вы знаете, и мнѣ кажется, что мнѣ не надо просить васъ о продолженіи дружескаго вашего вниманія къ ней. Я долженъ просить единственно о себѣ недостойномъ, и то я надѣюсь, что и благосклонностью вашей, этимъ истиннымъ благомъ для всякаго Русскаго человѣка, я буду снова, какъ и прочими отрадами моего существованія, обязанъ дочери вашего истиннаго друга графа Михаила Юрьевича. Свадьба наша назначена осенью, а мѣсто жительство въ графскихъ комнатахъ. Надѣюсь, что вы посѣтите нашу комнатку, гдѣ свѣтъ не умѣстится, а дружба будетъ на просторѣ, и благословите мою семейную жизнь, какъ вы нѣкогда благословили мои Дерптскія мечтанія. Съ истиннымъ почтеніемъ и непоколебимою преданностью честь имѣю быть вашъ покорный слуга графъ Вл. Соллогубъ.

2.

Петербургъ, 26 Сентября (1844).

Его превосходительству Василію Андреевичу Жуковскому.
Убогаго литературныхъ дѣлъ мастера, графа Соллогуба

Рапортъ.

Поселившись въ новыхъ чертогахъ Pallazzo Wielhorski, задумалъ я, по убогости своей, создать на новоселье «Альманахъ», долженствующій явиться къ Новому году *). Въ томъ «Альманахѣ» будутъ много статей Лермонтова неизвѣстныхъ донынѣ, біографія прекрасной незабвенной в. к. Александры Николаевны, статьи кн. Вяземскаго, Даля, Одоевскаго и аза грѣшнаго. Нельзя ли будетъ прикинуть мнѣ что-нибудь на бѣдность, хоть отрывочекъ изъ Одиссеи и если пойдетъ на милость, такъ и какое-нибудь свѣжее произведеніе, навѣянное берегами Рейна и Имперскимъ вашимъ городомъ? Коли будетъ возможность, то вытребуйте силою вашею вліянія что-нибудь и отъ непреклонности Н. Васильевича... Лестно было бы мнѣ выступить на заложенное поле нашей словесности подъ эгидою двухъ именъ, толико чтимыхъ на Святой Руси. А коли вамъ это все покажется скучнымъ, скажите: отвяжись, да убирайся куда слѣдуетъ, или Богъ подастъ, а мелкихъ теперь нѣтъ. Впрочемъ уповаю на вашу благотворительность и даже не лишенъ и той надежды, что хорошій примѣръ и назидательное слово обратятъ на истинный путь и блуждающаго въ ожесточеніи Гоголя.

*) Этотъ альманахъ вышелъ подъ названіемъ „Вчера и Сегодня“ въ 1845 г. П. Б.

О своихъ дѣлахъ честь имѣю донести, что Тарантасъ проѣхалъ черезъ цензуру, хотя и задѣлъ немного колесами. Онъ на дняхъ поступаетъ въ печать, и 14 Гагаринскихъ картинокъ уже очень удачно выгравированы. По появленіи въ свѣтъ два экземпляра будутъ доставлены по принадлежности, согласно обязанности службы. У насъ снѣгъ выпалъ. На дворѣ холодно, въ комнатахъ тоже. Дворъ въ Гатчинѣ и сюда будетъ только въ Ноябрѣ. Весь Петербургъ сдѣлался отчаяннымъ меломаномъ, обрубинился съ ногъ до головы и живетъ себѣ припѣваючи. Карамзины еще въ деревнѣ. У Вяземскаго иногда собираются по вечерамъ. Къ обществу вамъ извѣстному примкнули Тютчевъ и Самаринъ Московскій. Жена моя, слава Богу, поправилась и съ восторгомъ вспоминаетъ о супругѣ вашей, которой отъ души кланяется. Живемъ мы съ тестемъ подъ одной кровлей и цѣлуемъ ваши руки безъ подлой arrière-pensée, а по требованію преданнаго вамъ сердца.

Гр. В. Соллогубъ.

Изъ письма А. Я. Булгакова.

17 Ноября 1842.

Поздравляю тебя душевно, любезнѣйшій другъ. Чувствую, понимаю и раздѣляю радость твою. Для отца, имѣющаго сердце, какъ твое, крикъ перваго ребенка самая божественная гармонія! Ты привелъ мнѣ на память минуту, когда родилась моя Катя*)... Дай Богъ тебя утѣшаться твоею Александрою. Имѣвъ 12 штукъ дѣтей, я дамъ тебѣ совѣтъ: скажу тебѣ, что родить ничего, что это мука конечно, но мука временная, скоротечная, что жену должно беречь не во время (пусть сама природа все дѣлаетъ), а послѣ родовъ, что должно ей самой отдать на волю, кормить или нѣтъ. Ежели захочетъ кормить, скажи: Comme vous faites bien, je ne voulais pas vous le conseiller et je le désirais! А ежели нѣть, то скажи: O, comme vour faites bien, mon amie, car dans ces cas il y a deux santés en danger toujours etc. Я много бы тебѣ еще наговорилъ по опыту, но много прошло съ 30 Октября, большое пространство насъ разлучаетъ, совѣты мои не придутъ во время. А Булгаковъ.

Въ этомъ же письмѣ приписка А. И. Тургенева:

Я радуюсь, радуюсь, обнимаю тебя и новаго ангела въ семьѣ твоей. Что̀ ты ни слова о другомъ дитяти, о Гомерѣ? Пожалуста опиши себя, свою, своихъ и Одиссею. Вижу часто Елагину (милое созданіе!), часто о тебѣ. Перестань перелагать Русскую исторію въ стихи: будетъ съ тебя Гомера. Я живу здѣсь въ кругу Свербѣевыхъ, Кирѣева,

*) Старшая дочь А. Я. Булгакова, Екатерина Александровна Соломирская.

Елагиныхъ, Мещерскихъ, и припѣваючи. Но кузина [1]) больна. Тоскую по своимъ, но въ Парижъ не тянетъ, а здѣсь дѣлать нечего. Сбирался писать *записки*, но Вигель перебилъ. Очень любопытно и очень хорошо, но только начàла, les principes, гнусныя, антихристіанскія и самыя антіевропейскія, а отъ чтенія отстать нельзя. Если твой экземпляръ будетъ у тебя, доставь въ Парижъ для прочтенія.

Еженедѣльно по три часа бесѣдую съ Филаретомъ[2]), читаю болѣе нежели въ Парижѣ, болтаю также, но въ избранномъ кругѣ. Въ Петербургъ не поѣду. Вяземскій ругается за то, что ѣзжу на Воробьевы горы фарисействовать. Послалъ ему переписку съ дѣтьми, его *типа* въ 18 вѣкѣ, Нелединскаго - Мелецкаго.

Письмо Сергѣя Ивановича Тургенева.

23 Ноября (1825, Москва).

Это письмо вручитъ вамъ, любезнѣйшій Василій Андреевичъ, молодой Хомяковъ, поэтъ съ талантомъ и просвѣщеніемъ, по Фебу вамъ родной, котораго стихи о Ермакѣ вѣроятно показывалъ вамъ братъ Александръ. Примите его съ обыкновенною вамъ добротою, познакомьте гдѣ надобно и заставьте со временемъ прочесть себѣ его поэму Вадимъ[3]). Я его лично не знаю, но по его стихамъ и мыслямъ не могу не уважить въ желаніи имѣть къ вамъ рекомендательное письмо вотъ оно.

Вяземскій вчера сюда пріѣхалъ дня на три. Новаго впрочемъ ничего. Увѣряютъ, что статьи Вѣстника Европы М. И. противъ Николая Михайловича[4]) присланы Муравьевымъ-Апостоломъ. Каченовскій: божится, что не знаетъ чьи онѣ. Антонскій трусить. Дмитріевъ не даетъ ему покою за Вѣстникъ Европы. Прошу поцѣловать ручки у Александры Андреевны и поздравить съ завтрашними имянинницами[5]). Преданный вамъ С. Тургеневъ.

---

[1]) Нефедьева, у которой живалъ и въ 1845 году скончался А. И. Тургеневъ.

[2]) Князь Вяземскій писалъ про Московское житье А. И. Тургенева, что онъ „у ногъ Свербѣевой или митрополита“. П. Б.

[3]) Эта поэма не сохранилась. П. Б.

[4]) Карамзина. П. Б.

[5]) Екатерина Аѳанасьевна Протасова и старшая внучка ея, Екатерина Александровна, дочь Александры Андреевны Воейковой. П. Б.

Два письма В. А. Жуковскаго къ графу М. Ю. Вьельгорскому.

1.

Благодарствую тебѣ, любезный мой толстякъ, за твое письмо и за всѣ сообщенныя мнѣ извѣстія. Слава Богу, что Царю и Царицѣ лучше. Здѣсь всѣ говорятъ и пишутъ, что Императоръ посѣтитъ Киссингенъ, и я желалъ бы знать это во̀ время и заранѣ: ибо и мнѣ назначенъ Киссингенъ для исцѣленія меня отъ болѣзни, которая съ половины минувшаго Декабря не покидаетъ меня и хотя не сильно мучитъ, но можетъ засѣсть въ тѣлѣ и приготовить что нибудь такое для будущаго, чего бы мнѣ совсѣмъ не хотѣлось привозить съ собою въ Россію. Очень меня одолжишь, если во̀ время увѣдомишь о томъ, что̀ навѣрное узнаешь о поѣздкѣ Государя и Государыни, которую посылаютъ въ Италію.—А все таки отъ васъ нѣтъ никакого отзыва о посланныхъ мною вамъ стихахъ. Получены ли они? Вышелъ ли Альманахъ Сологуба? И для чего, уже имѣвъ столь много случаевъ его ко мнѣ послать, издатель такъ жестоко забылъ меня? Впередъ же не дождется онъ отъ меня и полустишія.—О твоихъ Парижскихъ я получилъ свѣжія вѣсти отъ Гоголя, вчера возвратившагося ко мнѣ изъ Лютеціи. Здоровы и веселы, но меня не помнятъ. Тургеневъ похварываетъ; но не такъ-то тяжело, какъ охаетъ. Такъ говоритъ по крайней мѣрѣ Гоголь. Онъ въ половинѣ Апрѣля покинетъ Парижъ, заѣдетъ ко мнѣ, поживетъ у меня двѣ недѣли; потомъ отправится въ Карлсбадъ, тамъ попьетъ и помочится и поѣдетъ сушиться въ Москву, куда и я на будущій годъ черезъ Петербургъ отправляюсь.

Какой глупый болтунъ Петербургъ! Падучая болѣзнь!! И въ поминѣ ея не бывало; но просто совершенно тоже, что̀ погубило свѣжую, молодую жизнь великой княгини А. Н.: чахотка, начавшаяся еще прежде замужества. По раскрытіи тѣла оказалось, что одно легкое было совершенно уничтожено и что печень была такъ огромна, что съ одной стороны жала сердце, въ которомъ происходили отъ сего часто жестокія судороги, а съ другой давила желудокъ, что̀ дѣлало беременность несказанно мучительною. Ей нельзя было долго жить, еслибъ она и родила благополучно. Но падучей болѣзни и признака никогда не бывало. Все это, я думаю, уже извѣстно родителямъ, ибо имъ посланъ былъ подробный протоколъ вскрытія тѣла. Прошу о томъ, что̀ пишу, не говорить; это не нужно: можетъ быть не хотятъ, чтобы всѣ эти подробности были извѣстны.

Жена тебѣ нѣжно кланяется и прижимаетъ къ сердцу Аполину и Софью. Она бы и написала къ нимъ, но еще надолго должна сохранять горизонтальное положеніе—слѣдствіе не теперешнихъ родовъ, но первыхъ, трудныхъ, и при которыхъ не было намъ тѣхъ пособій, какія нашлись здѣсь. Опаснаго нѣтъ ничего, но нуженъ покой и терпѣніе. Дай Богъ того и другого. Семейная жизнь, та именно, которая наиболѣе счастлива, какъ моя, есть школа терпѣнія; за то терпѣніе есть мать всего, что̀ есть лучшаго на свѣтѣ и выше свѣта. Прощай.

Жуковскій.

21 Февр. (5 Марта) 1845.

2.

Мой милый, ты совершенно забылъ о моемъ существованіи. И моя добрая графиня также забыла меня. Она не отвѣчала на мое письмо, хотя въ этомъ письмѣ заключалась просьба, правда написанная галиматьею для произведенія бо́льшаго успѣха, но и галиматья не помогла. Вы веселитесь, слушаете музыку, пляшете и проч. Я не веселюсь, живу семьею и несу тяжелый крестъ болѣзни моей жены, который и теперь опять загородилъ мнѣ дорогу въ Россію: я еще на зиму долженъ остаться въ Баденѣ. Но если разнаго рода веселья вамъ мѣшаютъ обо мнѣ помнить, на это я и не сѣтую: веселье недѣлимо въ разлукѣ, но на ваши печали я имѣю право, и вамъ бы слѣдовало ихъ дѣлить со мною. Одинъ Плетневъ и за себя, и за васъ со мною дѣлится всякимъ добромъ своимъ. Отъ него я получилъ на дняхъ письмо, увѣдомляющее меня о несчастіи, постигшемъ нашу милую Софью. Прошу тебя переслать ей прилагаемыя письма, Русское и Нѣмецкое. Напиши мнѣ объ ней и о томъ, какъ все это случилось.

Эти письма сообщены были въ „Русскій Архивъ" покойною Аполиною Михайловной Веневитиновой. Другія должны храниться въ архивѣ ея сына, покойнаго М. А. Веневитинова, у котораго находились и памятныя записки его дяди, графа Іосифа и отъ котораго мы слышали о томъ, что и графиня С. М. Соллогубъ оставила тетради съ своими воспоминаніями. П. Б.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ НАТАЛЬИ ПЕТРОВНЫ ГРОТЪ [1]).

. . . Прекрасныя объясненія маменьки явленій природы въ связи съ благоговѣніемъ къ величію и благости Творца, а вмѣстѣ съ этимъ всегда живое и нѣжное воспоминаніе объ отцѣ рано направили мысли мои къ Небу и породнили съ невидимымъ міромъ. Живыми, неизгладимыми чертами врѣзывался въ душѣ моей образъ Спасителя, когда бабушка[2]) наканунѣ двунадесятыхъ праздниковъ, въ простыхъ и теплыхъ словахъ, объясняла намъ ихъ Евангельское значеніе, когда по поводу милостыни, помощи бѣднымъ, утѣшенія печальныхъ, прибавляла: «Такъ велѣлъ намъ поступать Христосъ». Если мы между собою ссорились, или на кого-нибудь сердились, она замѣчала: «Ахъ, дѣти, Спаситель нашъ любитъ миръ, а вы родные братья ссоритесь». Горячая и вѣрующая душа ея чувствовала, что не сухими и отвлеченными наставленіями и теоріями надо удерживать ребенка отъ зла и привязать его къ добру, а надо привести его къ убѣжденію, что есть Кто-то живой и всевидящій, Которому извѣстны всѣ дѣла наши и даже помышленія. Въ обращеніи съ прислугой насъ пріучали быть учтивыми и ласковыми и не позволять себѣ повелительнаго тона.

Праздники встрѣчались у насъ всегда всенощною на дому, и никому изъ желавшихъ, не только прислугѣ, но и дворовымъ, не возбранялось придти помолиться въ домъ, такъ что не только столовая, но и просторная прихожая и маленькая буфетная, въ которыя широко растворялись двери, наполнялись молящимися. Сельское духовенство

---

[1]) Память этой достойнѣйшей женщины дорога Русскимъ людямъ уже по тому, что при ея постоянномъ неутомимомъ содѣйствіи совершились монументальные труды ея супруга, Якова Карловича, по Русской исторіи, словесности, языкознанію, педагогіи. Н. П. Гротъ (род. 2 Ноября 1825 г. въ Рязанской деревнѣ) была дочерью Александры Петровны (ур. Бланкъ) и Петра Николаевича Семеновыхъ. Младшій сынъ ея, Константинъ Яковлевичъ, издалъ посмертное ея сочиненіе: „Изъ семейной хроники. Воспоминанія для дѣтей и внуковъ Натальи Гротъ. Изданіе семьи“. С.-Пб. 1900. 8-ка, 6 нен. и 186 стр. съ прекраснымъ портретомъ. На книгѣ означено: *Не продается.* Приносимъ благодарность нашу многоуважаемому издателю за любезное дозволеніе привести въ „Р. Архивѣ“ выдержки изъ этой автобіографіи. П. Б.

[2]) Марья Петровна Семенова, ур. Бунина. П. Б.

принималось у насъ самымъ радушнымъ образомъ, и родители и старички вникали въ ихъ нужды, помогали, чѣмъ могли, съ сердечнымъ участіемъ и радушно угощали ихъ за своимъ столомъ послѣ домашнихъ и церковныхъ службъ. Такъ съ первыхъ лѣтъ жизни утверждалась вѣра наша, и я рано узнала сладость молитвы, которая оказалась мнѣ такъ необходимой среди ударовъ судьбы, сиротства и душевнаго страданія моей послѣдующей жизни. Если я распространилась о счастливыхъ годахъ своего дѣтства, то именно потому, что воспоминаніе о нихъ питало мою душу во все время невзгодъ и печалей и не позволяло заглохнуть сердцу. Если я много упоминала объ окружавшихъ мое раннее дѣтство, то потому, что чувствую къ нимъ безпредѣльную признательность и благоговѣніе. Я сознаю, что имъ я обязана всѣмъ хорошимъ въ своей послѣдующей жизни.

Я распространилась объ этомъ еще и потому, что озлобленныя нападки литературы 60-хъ и 70-хъ годовъ на прежнее общество укоренили въ наше время понятіе о какой-то дикости и свирѣпости нашего крѣпостного помѣщичьяго быта. Родившись и проведя годы перваго дѣтства въ деревнѣ и опять воротившись въ этотъ помѣщичій бытъ въ молодости, я вынесла изъ него много такихъ впечатлѣній, которыя доказываютъ, что и въ этомъ быту встрѣчалось не одно дурное. Если и были отступленія въ темную сторону, то во всякомъ случаѣ въ формѣ гораздо болѣе мягкой и человѣчной, чѣмъ принято изображать ихъ, такъ какъ нравы, особливо послѣ періода Отечественной войны, значительно измѣнились къ лучшему. За то не могу вспомнить безъ чувства глубокаго умиленія тѣ патріархальныя и истинно христіанскія семейныя начала, которыми отличались нравы нашего дома.

Мнѣ, пожалуй, возразятъ, что такое явленіе могло быть исключительнымъ; я же убѣждена, что въ Россіи немало нашлось бы такихъ семействъ, которыхъ дѣти могли вынести изъ своихъ первыхъ лѣтъ не менѣе отрадныя воспоминанія.

То время, о которомъ я говорю, было хорошимъ временемъ въ Русской жизни. Успокоившаяся гроза Отечественной войны наэлектризовала общество сознаніемъ своихъ силъ и вмѣстѣ оживотворила его на всякую дѣятельность къ улучшенію своей жизни: въ немъ тогда зародилось все то хорошее, что̀ осуществилось нынѣ. Съ благотворнымъ настроеніемъ молодежи, которой большинство вернулось изъ походовъ въ свои помѣстья, далеко не всѣ принесли съ собою ядъ революціонныхъ мечтаній. Весьма многіе были искренно воодушевлены высокимъ и вѣрнымъ патріотическимъ чувствомъ. Съ Европейскимъ складомъ мысли, въ хорошемъ значеніи этого слова, эти идеально-

настроенные люди соединяли и живое чувство признательности къ Провидѣнію, спасшему и возвеличившему Россію. Такимъ-то религіознымъ чувствомъ дышала и наша домашняя обстановка. Приготовитъ ли настоящее время такое искреннее стремленіе видѣть народъ свой счастливымъ и благоустроеннымъ, какое приготовила эта почтенная старина, столь осмѣянная и оклеветанная, покажетъ будущее.

Въ то время дворянинъ-помѣщикъ, отслужившій свои 10—15 лѣтъ преимущественно въ военной, а иногда и въ гражданской службѣ, считалъ долгомъ возвратиться въ свою отчину и поселиться въ ней, создавъ себѣ добрую семейную жизнь. При этомъ весьма многіе, заботясь о своихъ личныхъ дѣлахъ, начинали понимать необходимость заботиться и о дѣлахъ своей мѣстности, о крестьянахъ, которыхъ положеніе уже и тогда многимъ казалось ненормальнымъ. Помню, какъ еще бабушка моя часто твердила намъ, дѣтямъ, что со слугами надо обращаться учтиво и ласково, потому что они равные намъ, братья во Христѣ, и по настоящему даже грѣхъ человѣку владѣть человѣкомъ.

Но увы! такому пробудившемуся гражданскому чувству не дано было окрѣпнуть. Образованной Россіи не дано было пожить провинціальной жизнью, разливая вокругъ себя свѣтъ просвѣщенія и торжество правды, какъ мечтали о томъ люди идеально настроенные*). Воспитывать дѣтей на мѣстахъ было негдѣ. Искусственная же приманка въ столицу тѣми привилегированными учебными заведеніями, изъ которыхъ, весьма плохо учившись, можно было быстро сдѣлать служебную карьеру, исключительно дававшую права и голосъ въ странѣ, понемногу перетягивала лучшую дворянскую молодежь въ столичныя канцеляріи и министерства, и въ нихъ мало-по-малу сосредоточилась вся жизнь Россіи. Родители же бросали свои помѣстья, чтобы слѣдовать за дѣтьми и, живя въ столицѣ выше своихъ средствъ, предавали свои имѣнія въ руки алчныхъ и невѣжественныхъ управляющихъ, закладывая и перезакладывая ихъ въ новоизобрѣтенныхъ земельныхъ банкахъ, пока окончательно не разстраивали свои состоянія. Такимъ образомъ административная машина чудовищно разросталась и все болѣе отчуждалась отъ народной жизни, а земскія силы ослабѣвали и готовились къ тому ничтожеству, въ которомъ застали ихъ новые порядки. Вотъ что мало-по-малу разсѣяло какъ дымъ наши помѣщичьи гнѣзда и отвлекло образованную молодежь отъ жизни и дѣятельности въ деревнѣ.

---

*) По завѣту Екатерины Великой, которая старательно возбуждала къ здравой дѣятельности мѣстную жизнь и отнюдь не желала, чтобы населеніе столицъ умножалось: въ годъ ея кончины въ Петербургѣ жило съ небольшимъ сто тысячъ человѣкъ Такихъ же мыслей держался и ея праправнукъ, царствовавшій къ несчастію такъ недолго. П. Б.

Поэтому мнѣ, въ эпоху нашего яраго отрицательнаго періода, всегда было больно слышать безусловное порицаніе, съ которымъ относились къ прошлому многіе изъ тогдашнихъ дѣятелей, ничего о Россіи не знавшихъ за предѣлами Петербурга. Когда я вспоминаю, съ какимъ озлобленіемъ вся наша беллетристика трактовала о привычкѣ помѣщиковъ имѣть въ домѣ приживалокъ, мнѣ всегда досадно было это непониманіе дѣла. Вѣдь эти приживалки, чаще всего обѣднѣвшія мелкопомѣстныя дворянки, были въ сущности настоящими сестрами милосердія въ тѣхъ домахъ, гдѣ имъ покровительствовали. Я помню, сосѣдка наша въ полуверстѣ отъ насъ была преданнѣйшимъ другомъ нашего дома. Старички наши, взявъ ея сына учиться съ сыновьями своими, позже содержали Звѣринскаго на свой счетъ въ Измайловскомъ полку наравнѣ съ дядями моими. Это былъ отецъ того самаго Звѣринскаго, который былъ сотрудникомъ брата моего Петра Петровича по Географическому Обществу. Преувеличивать злоупотребленія помѣщичьей власти, чтобы сломить ее, вообще было совершенно безполезно: власть эта отжила свой вѣкъ и падала сама собой. Но гораздо важнѣе было, упраздняя ее, создать такое положеніе, которое дѣлало бы возможною жизнь помѣщиковъ на мѣстахъ и даже привлекло бы въ деревню городскихъ абсентеистовъ. Тогда не разорвалась бы окончательно связь образованныхъ классовъ съ темными массами народа, не потерялась бы преемственность жизни и преданій, и просвѣщеніе массъ шло бы впередъ постепенно, само собою.

Большой ошибкой было стремленіе отстранить эту историческую силу отъ мѣстной жизни. А этимъ-то главнымъ образомъ и задавались новые порядки. Деревенская неурядица новыхъ отношеній, наставшая послѣ освобожденія крестьянъ и поддерживаемая «хожденіемъ въ народъ» для пропагандъ всякаго рода, пожары и поджоги, лѣность и несостоятельность рабочей силы, разнузданное пьянство—вотъ что болѣе всего выживало помѣщиковъ изъ ихъ имѣній. Многіе продавали наслѣдственныя вотчины, чтобы переселиться заграницу или въ столицы, гдѣ прожиты были послѣдніе остатки прежняго благосостоянія, и помѣщичья власть стала замѣняться силой кулачества и всякаго наглаго эксплуататорства, налагавшаго тяжелую руку на беззащитный народъ. Онъ быстро бѣднѣлъ и разорялся, особливо отъ пьянства и семейныхъ раздѣловъ. Сторона наша быстро опустѣла, и на мѣстахъ остались самыя несостоятельныя силы.

Пора же намъ, наконецъ, посмотрѣть въ глаза правдѣ и сознаться, что стремленіе къ обновленію нашего общественнаго порядка было потребностью самой жизни. Оно истекало изъ глубокихъ народныхъ источниковъ и болѣе всего изъ самаго животворящаго источника на-

родной жизни, изъ присущаго лучшимъ Русскимъ людямъ глубокаго христіанскаго сознанія, а вовсе не изъ либеральныхъ кружковъ Петербургскаго чиновничества и газетнаго писательства. Это христіанское сознаніе—общественное и народное—вотъ что мало-по-малу смягчало отношенія крѣпостного права и подготовило его упраздненіе безъ всякихъ внутреннихъ потрясеній. Но эту религію наши отцы умѣли хранить, она еще не была затронута пагубнымъ вольнодумствомъ. За то она поддерживала семейныя связи и отцовскія преданія, она не допускала дѣтей даже въ зрѣломъ возрастѣ, не только съ ранняго дѣтства, являться ярыми критиками своего семейнаго быта и всего существующаго порядка. Когда же молодежь начала со школьной скамьи научаться критиковать и презирать все свое прошлое и всѣхъ и все, кромѣ самихъ себя, можно ли было ожидать отъ нея сознанія своихъ обязанностей и стремленія къ самоусовершенствованію? Литература, публицистика и педагогія 60-хъ и 70-хъ годовъ понесутъ передъ безпристрастной исторіей страшную отвѣтственность за растлѣніе Русскаго юношества, за ослабленіе въ обществѣ вѣры, семейныхъ узъ и семейныхъ привязанностей. Сколько такое направленіе воспитанія разбило юныхъ существованій, разрушило семейнаго счастья и согласія, удаливъ близкихъ другъ отъ друга, сколько погасило оно вѣры и любви, сколько посѣяло холодности и жестокости въ понятіяхъ молодыхъ поколѣній! Никому не позволено было возвысить голоса противъ ярого разрушительнаго потока. Такъ все идеальное мало-по-малу исчезало, а холодный расчетъ и выгода, эгоизмъ и неутомимая жажда личной пользы и наслажденій замѣнили всякое благородное чувство.

Каково же было тѣмъ родителямъ, которые понимали все это и которымъ приходилось воспитывать дѣтей при такихъ гибельныхъ вліяніяхъ и бороться съ ними? Впрочемъ, многіе ли и сознавали необходимость борьбы? Не шло ли большинство за современно настроенными дѣтьми своими, безсознательно губя ихъ, ради того, чтобы поклониться золотому тельцу выгоднаго тогда моднаго либерализма и прослыть передовыми, а себя освободить отъ всякаго стѣсненія и отвѣтственности?

*

Самымъ выходящимъ изъ ряда событіемъ въ моей институтской жизни *) была перестройка Института для расширенія верхняго этажа лѣтомъ 1841 года, вызвавшая необходимость сократить насколько возможно количество жившихъ въ зданіи. Нѣкоторыхъ учениц старшаго класса отпустили домой, партію золотушныхъ снарядили въ Старую

*) Н. П. Гротъ воспитывалась въ Петербургѣ, въ Екатерининскомъ Институтѣ. П. Б.

Русу, а человѣкъ 25 изъ хорошо учившихся болѣе деликатнаго сложенія перевезли въ Петергофъ, гдѣ была нанята дача генеральши Крыжановской, примыкавшая къ саду принца Ольденбургскаго. Добрѣйшій принцъ Петръ Георгіевичъ взялъ насъ на свое попеченіе, и это время было для меня какимъ-то волшебнымъ сномъ послѣ трехлѣтняго заключенія. Впервыя въ жизни попала я на пароходъ и увидѣла море и окрестности Петербурга, изъ которыхъ до тѣхъ поръ извѣстно мнѣ было только одно Царское Село. Отрядили съ нами классную даму изъ лазарета г-жу Флейнъ, явно для того, чтобъ избавить отъ ученья и муштрованья. Эта добрая, но весьма ограниченная Нѣмка не говорила даже по-французски и, низко присѣдая принцу, отвѣчала на вопросы его только: «oui, Votre Seigneur», сдѣлавъ заключеніе, что если говорятъ Votre Majesté, то учтивѣе и принцу прибавлять Votre вмѣсто Monseigneur, и мы такъ этимъ потѣшались, что не выводили ея изъ заблужденія; принцъ же сильно конфузился и кусалъ себѣ губы, чтобъ не разсмѣяться. Спали мы въ довольно просторныхъ комнатахъ верхняго этажа на полу. Утромъ мы шли прямо въ садъ принца и совершали большія прогулки въ громадномъ паркѣ принцевой дачи, рвали цвѣты, собирали грибы въ рощѣ, отдѣлявшей паркъ отъ кладбища. Иногда принцесса призывала насъ на балконъ, гдѣ сама въ передничкѣ сидѣла за лущеніемъ горошка, иногда угощала насъ на фермѣ чуднымъ молокомъ съ такимъ вкуснымъ чернымъ хлѣбомъ, что онъ казался намъ пряникомъ, показывала намъ стойла породистыхъ коровъ съ надписями именъ ихъ. Передъ обѣдомъ ходили мы ежедневно купаться въ морѣ въ купальню его высочества и часто встрѣчали его самого на длинномъ мостикѣ возвращающимся съ купанья, при чемъ онъ очень конфузился. Отобѣдавъ въ часъ, мы только послѣ рекреаціи занимались немного рукодѣльемъ и чтеніемъ коекакихъ взятыхъ съ собою книжекъ и тетрадокъ, и въ это время иногда слышимъ вдругъ легкіе удары въ одно изъ оконъ залы, которыя были предусмотрительно замазаны мѣломъ. Это были великія княжны Ольга и Александра Николаевны, катавшіяся верхомъ съ Императрицей въ шарабанѣ. Онѣ хлыстиками стучали въ окно, чтобъ повидаться съ нами и узнать, все ли у насъ благополучно. Мы съ восторгомъ бросались къ окну; великія княжны, въѣзжая на самый тротуаръ, весело съ нами шутили и разговаривали, а мы гладили красивыя головы ихъ коней, ложившіяся прямо на подоконники. Вечеромъ, напившись молока въ 5 часовъ, опять гуляли по парку и возвращались къ ужину усталыя, послѣ чего, конечно, предавались самому крѣпкому и благодѣтельному сну, такъ что наши блѣдненькія и худыя личики превратились въ свѣжія и сильно загорѣвшія. Кормили насъ

превосходно, гораздо лучше, чѣмъ въ Петербургѣ, и принцъ ежедневно, а иногда и по два раза въ день, навѣщалъ насъ во время обѣда и ужина. По праздникамъ присылали намъ большія придворныя линейки, чтобъ ѣхать въ Сергіевское въ церковь (на дачу В. К. Маріи Николаевны), а потомъ катали насъ по верхнему и нижнему саду, гдѣ пущены были всѣ фонтаны. Иногда высаживали насъ въ Монплезирѣ, откуда мы любовались чуднымъ видомъ на море и Кронштадтъ.

*

Экзаменъ талантовъ, по принятому въ Институтѣ выраженію—«Soirée Impériale», былъ во дворцѣ и заключился баломъ, въ которомъ приняли участіе всѣ юные великіе князья. Тамъ же была утромъ и раздача наградъ. Когда меня вызвали для полученія перваго шифра, я чуть не упала въ обморокъ отъ волненія: такъ сильно было во мнѣ, съ одной стороны, настоящее дѣтское счастье отъ такого признанія моихъ успѣховъ, а съ другой—горькое чувство сиротства и сердечная боль, что некому порадоваться моимъ успѣхамъ, что въ будущемъ ждутъ меня горе и слезы. Подошедши къ Императрицѣ, я преклонила передъ нею колѣна, и когда она стала прикалывать шифръ, я не могла побѣдить себя и зарыдала. Императрица крѣпко обняла меня и, нагнувшись надъ моей головой, сама прослезилась. Всѣ подробности моихъ семейныхъ обстоятельствъ давно были сообщены ей добрымъ моимъ благожелателемъ Андреемъ Логгиновичемъ Гофманомъ, ея статсъ-секретаремъ. Сдѣлался переполохъ, побѣжали, принесли стаканъ воды, который самъ Государь Николай Павловичъ подалъ Императрицѣ, а она все еще держала мою голову, повторяя. «Ma chère enfant, soyez tranquille, je vous garde sous ma protection». Что̀ происходило потомъ, я уже не способна была ни видѣть, ни слышать. Никогда не забуду я этой трогательной минуты, обнаружившей всю сердечную теплоту покойной Государыни и ея материнское состраданіе къ судьбѣ горькой сироты. Да будетъ же память ея благословенна навсегда! Вотъ эти-то человѣчныя движенія сердца, не взирая на холодъ офиціальности и этикета, на льстивую угодливость ихъ окружающую, и ставятъ монарховъ-вѣнценосцевъ на настоящую высоту, привлекающую имъ нелицемѣрную любовь и преданность подданныхъ. И эта преданность существовала на дѣлѣ, что̀ бы ни говорили хулители царствованія Николая I.

По окончаніи церемоніи раздачи наградъ, я, конечно, сдѣлалась предметомъ всеобщихъ поздравленій, пожеланій и любезностей, которыми меня осыпали со всѣхъ сторонъ. Насъ потчивали шоколадомъ и конфектами. Нѣкоторыя изъ присутствовавшихъ придворныхъ дамъ приглашали меня посѣщать ихъ и проч. Выпускъ всегда заключался

прощальнымъ обѣдомъ въ самомъ Институтѣ, и на немъ присутствовала вся царская фамилія, даже самъ Императоръ. Я сидѣла опять между Государемъ и Государыней. Не могу не вспомнить при этомъ, какъ во время передобѣденной молитвы и пѣнія «Отче нашъ» Императоръ, увидѣвъ выступившую впередъ съ камертономъ дѣвицу Вердеревскую, спросилъ скороговоркой: «Запѣвала у васъ кто?» Я въ первый разъ въ жизни услышала слово *запѣвала*, и смутившись, не знала, что̀ отвѣчать. Государь догадался и переспросилъ: «Кто подаетъ голосъ?» Я отвѣчала: «Вердеревская, Ваше Величество». Когда мы сѣли не особенно просторно, и я опасалась накладывать себѣ кушанья съ громадныхъ и полныхъ блюдъ, которыя мнѣ подносили послѣ Императрицы и прежде Государя, онъ шутилъ, говоря: «А я знаю, отчего вы не кушаете; давайте-ка я вамъ положу» и, подавая тарелку, прибавлялъ: «Такъ-то лучше будетъ». Онъ разговаривалъ со мною такъ милостиво и просто, что я тутъ могла особенно оцѣнить всю доброту его прямой души, когда онъ являлся вполнѣ человѣкомъ, и ему не надо было играть роль и принимать видъ суровый и важный. Такъ онъ на одномъ выпускѣ послѣ экзамена танцевъ, музыки и пѣнія сказалъ, обращаясь ко всѣмъ дѣвицамъ: «Вы прекрасно танцуете, прекрасно играете и поете, но будьте хорошими дочерьми вашимъ родителямъ, а если выйдете замужъ, будьте хорошими женами и матерями и имѣйте побольше вотъ тутъ», прибавилъ онъ, указывая на сердце. Тутъ умѣстно будетъ привести и письмо императрицы Александры Ѳеодоровны къ нашей начальницѣ г-жѣ Родзянко на другой день послѣ нашего второго экзамена наукъ въ Зимнемъ дворцѣ, доказывающее ея высокую заботливость объ институтахъ. Многія изъ насъ списали его, чтобы сохранить на память.

Madame,

Je désire avoir des nouvelles de vos demoiselles et je vous prie de m'en donner, car le froid d'hier pouvait leur être nuisible. Et Arbousoff, la cadette, comment va-t-elle ce matin? Et les toux, et les maux de dents? Si l'on désire savoir à l'Institut comment je me porte, je vous prie de leur dire que ma fluxion va mieux.

Alexandra.

При послѣднемъ трогательномъ прощаніи Императрица, обнявъ меня, опять повторила: «Et bien, ne soyez pas triste, mon enfant. Vous resterez sous ma protection». Неопытная дѣвочка, я вовсе не понимала значенія словъ Императрицы, и они представляли мнѣ будущность мою еще въ болѣе неопредѣленномъ видѣ. Сердце мое рвалось къ больной матери. Чувство простоты и правды, воспитанное во мнѣ дѣт-

ствомъ моимъ и укрѣпленное ранними испытаніями, говорило мнѣ, что я не найду счастія при дворѣ, въ суетной и тщеславной его обстановкѣ. Она мнѣ представлялась почему-то вовсе не въ такомъ радужномъ свѣтѣ, въ какомъ по большей части казалась она многимъ моимъ подругамъ - институткамъ. Я сознавала, что не имѣю ни въ наружности, ни во внутреннемъ складѣ моего существа ничего такого, что̀ могло бы мнѣ доставить успѣхъ въ этихъ сферахъ, а отсутствіе богатыхъ и знатныхъ связей всегда давало бы себя чувствовать. Хотя я не могла тогда представить себѣ отчетливо все это, однако внутренній голосъ мнѣ это подсказывалъ, а институтская робость и застѣнчивость еще усиливали это сознаніе. Письма же бабушки, которая умоляла меня не лишить ея въ старости утѣшенія увидѣть меня и пожить со мной, укрѣпляли меня въ намѣреніи не оставаться при дворѣ, если бъ даже этого пожелали.

Итакъ, дядя мой Михаилъ Николаевичъ, истый помѣщикъ, врагъ столичнаго франтовства и роскоши, выставлявшій сельскую патріархальность даже въ костюмахъ своихъ, пріѣхалъ за мною въ Петербургъ, снабженный полномочіями бабушки. Но ему на отрѣзъ объявили и принцъ Ольденбургскій, и Гофманъ, что Императрица оставила меня подъ своимъ покровительствомъ, и меня не отдадутъ ему. Напрасно ѣздилъ онъ къ принцу и Гофману, напрасно подавалъ просьбы: ничто не помогало. Я же, проникнутая смутнымъ предчувствіемъ, что когда-нибудь могу еще быть полезной матери, также стремилась всѣми помыслами вонъ изъ Петербурга, гдѣ, кромѣ пребыванія въ Институтѣ, у меня были самыя тяжелыя воспоминанія. Всѣ эти переговоры дяди съ начальствомъ длились во время послѣднихъ экзаменовъ и наполняли мое сердце тревогой и печалью, когда мнѣ надо было напрягать всѣ силы, чтобы поддержать честь заведенія, въ которомъ я воспитывалась. Такое состояніе волненія и тревоги должно было рано или поздно отозваться на моемъ здоровьѣ. Наконецъ, насталъ счастливый для всѣхъ, кромѣ меня, день выпуска! Радостныя подруги, разрядившись, разъѣхались; уѣхали на время даже тѣ, которыя назначены были пепиньерками, меня же удержали въ Институтѣ и не отдали дядѣ. Съ большимъ трудомъ упросилъ онъ, чтобы меня отпустили къ нему вечеромъ, въ день выпуска. Я попала въ курящую компанію двоюродныхъ братьевъ матери, Бланковъ, и отъ дыма въ небольшихъ комнатахъ мнѣ почти сдѣлалось дурно. Еще ѣздила я съ дядей разъ къ добрымъ Уваровымъ, роднымъ дяди Василія Николаевича Семенова, котораго тогда не было въ Петербургѣ, и одинъ разъ была приглашена съ дядей обѣдать къ Николаю Васильевичу Зиновьеву, товари-

щу его по Измайловскому полку, съ которымъ позже мужъ мой долженъ былъ сойтись по воспитанію великихъ князей. Жена его Юлія Николаевна, рожденная Батюшкова, и сестры его, Катерина Васильевна, Устинья Васильевна (Козлова) и Вѣра Васильевна (Желѣзнова) очень меня обласкали и пили мое здоровье. Но такіе выѣзды были рѣдки, я по большей части оставалась въ опустѣвшемъ Институтѣ, и тутъ я испытывала всю жестокость перехода отъ ходульнаго величія первой шиферницы, осыпанной ласками и вниманіемъ царскихъ особъ, къ тому полному невниманію, которое за нимъ послѣдовало по отношенію ко мнѣ. И начальница, и инспектриса Гогель, сдавъ выпускную машину, уѣхали на недѣльку отдохнуть, кажется, въ Царское. Должность начальницы исправляла, помнится, инспектриса младшаго класса, Левицкая. Съ минуты опустѣнія институтскихъ стѣнъ всѣ забыли о моемъ существованіи. Никто не подумалъ толково распорядиться, гдѣ мнѣ спать, гдѣ обѣдать. Съ стѣсненнымъ сердцемъ скрывалась я, какъ преступница, въ комнатѣ добрѣйшей Лалаевой, спала буквально одна въ опустѣвшемъ маленькомъ дортуарѣ, а обѣдать часто не ходила вовсе, чтобъ не идти обѣдать съ маленькимъ классомъ. Анна Матвѣевна Лалаева, единственная моя покровительница въ Институтѣ, энергически негодовала на такое невниманіе, столь тяжело ложившееся на мое дѣтское самолюбіе. И это тѣмъ болѣе казалось ей обиднымъ, что предшественница моя по полученіи І-го шифра, Дашкова[1]), также оставленная въ Институтѣ до открытія ваканціи фрейлины при маленькомъ дворѣ, занимала у насъ особую комнату, для нея отдѣланную въ концѣ нижняго коридора.

Когда начальница, наконецъ, вернулась, добрѣйшая Анна Матвѣевна тотчасъ побѣжала къ ней объясняться. Тутъ она какъ-то наткнулась и на Гофмана, которому тоже излила свое оскорбленное за меня чувство. Узнавъ о печальныхъ дняхъ, мною пережитыхъ, добрый Гофманъ пожелалъ меня видѣть и принялся меня утѣшать и успокаивать, и когда я его спросила: что же, наконецъ, намѣрены со мною сдѣлать? отвѣчалъ: «Императрица васъ оставила при себѣ. По чину отца вы не можете поступить фрейлиной къ большому двору, а только къ малому, а тамъ не всегда есть свободная ваканція, и надо немножко подождать. Вы знаете, что предшественница ваша Дашкова, первая же шиферница, дожидалась въ Институтѣ ваканціи почти годъ, но теперь скоро предвидится ваканція» [2]). Я на это отвѣчала, что глубоко при-

---

[1]) Софья Андреевна, нынѣ вдова князя Г. Г. Гагарина. П. Б.

[2]) И дѣйствительно, весною открылась первая ваканція при дворѣ Наслѣдника у Великой Княгини Маріи Александровны. Ее заняла Юлія Гауке (выпуска Дашковой), впослѣдствіи княгиня Батенбергская, Полька, сестра знаменитаго повстанца Боссака, не получившая не только шифра, но и медали.

знательна Императрицѣ за ея доброту и участіе къ судьбѣ моей; но единственная моя мечта, заставляющая меня желать уѣхать съ дядей,—это быть ближе къ больной матери, знать все, что̀ съ ней дѣлается и при первой возможности полетѣть къ ней, если ей нужны будутъ моя помощь, уходъ и утѣшеніе. Гофманъ возразилъ на это, что онъ рѣшительно не смѣетъ доложить Императрицѣ, что я отказываюсь отъ счастья остаться подъ ея покровительствомъ, повторяя: «Mais, mademoiselle, on ne refuse pas un honneur pareil». Онъ умолялъ меня размыслить, что я стремлюсь въ семейство дяди, не зная вовсе, что̀ я найду тамъ, и если буду несчастлива, то это будетъ уже непоправимо, и я потеряю единственный случай выйти блестящимъ и счастливымъ образомъ изъ моего горестнаго положенія. Онъ не хотѣлъ и слушать рѣчей моихъ, что я уже все обдумала, что я довѣряю семейству дяди, знаю хорошо тетушку съ дѣтства, и главное, что я хочу быть ближе къ матери. «Да Императрица не довѣряетъ вашему дядѣ, не зная ни его, ни семьи его», возражалъ Гофманъ и, пообѣщавъ еще навѣстить меня, пошелъ объясняться съ начальницей, вслѣдствіе чего я въ тотъ же день была приглашена къ ея столу и послѣ обѣдала и даже пила чай у нея до самаго своего отъѣзда, хотя продолжала спать одна въ нашемъ пустомъ маленькомъ дортуарѣ.

Это фальшивое мое положеніе продолжалось уже слишкомъ двѣ недѣли. Дядя волновался, такъ какъ оставилъ дѣтей своихъ больными въ скарлатинѣ. Пріѣзжая ко мнѣ, онъ съ раздраженіемъ повторялъ, что Петербургъ—это омутъ, въ которомъ гибнутъ и люди, и всякое доброе намѣреніе, и начинаніе, что всѣ прекрасныя обѣщанія сведутся, наконецъ, къ тому, что я смолоду буду, чего добраго, водворена въ какомъ-нибудь пустынномъ Таврическомъ дворцѣ, всѣми забытая и покинутая, а если и попаду ко двору, то и тамъ мнѣ будетъ не лучше. Можно себѣ представить, какъ томили меня эти рѣчи, сколько слезъ я тогда выплакала.

Но вотъ разъ поутру, когда я сидѣла у начальницы за чтеніемъ, зазвонилъ серебряный колокольчикъ, обыкновенно возвѣщавшій намъ пріѣздъ царскихъ особъ. Я находилась въ ближайшей къ швейцарской пріемной залѣ, и пока всѣ засуетились, и начальница пошла оправить свой туалетъ и велѣть собрать дѣтей, отворилась дверь. Императрица прямо подошла ко мнѣ и обняла меня со словами: Et bien, mon enfant, vous vous ennuyez bien après vos compagnes. Я поцѣловала ея руку и, призвавъ на помощь всю свою душевную силу, прямо стала просить ее отпустить меня съ дядей. Я горячо благодарила ее за всѣ ея милости и обѣщаніе покровительства, но объяснила, ка-

кое душевное терзаніе буду испытывать далеко отъ больной матери и какое ощущаю горячее желаніе пожить со старушкой - бабушкой, моей второй матерью. Конечно, я все это объясняла безсвязно, дрожащимъ голосомъ отъ слезъ, которыя меня душили. Добрый Гофманъ, пріѣхавшій только-что, пришелъ ко мнѣ на помощь и распутывалъ мои фразы. Императрица видимо была сначала нѣсколько удивлена, но потомъ тронута моимъ желаніемъ быть полезной матери, однако повторила разсказанное мнѣ уже Гофманомъ, что не знаетъ семейства дяди и опасается, что я тамъ не буду счастлива. Ей было извѣстно, что дядя живетъ круглый годъ въ деревнѣ. Она спросила, кто его жена рожденная и. узнавъ, что она княжна Волконская, распрашивала, знаю ли я ее, какова она, при чемъ я объяснила ей, что она очень добрая, и что я знаю ее съ дѣтства. Тогда Ея Величество еще разъ обняла меня, сказавъ: «Soyez tranquille, mon enfant; nous y penserons». Гофманъ былъ все время въ большомъ волненіи, а у меня точно гора съ плечъ свалилась. Тутъ ввели и разставили собравшихся дѣвицъ, и Императрица занялась ими. Я стала гораздо спокойнѣе послѣ этого объясненія и черезъ нѣсколько дней дядя получилъ, наконецъ, позволеніе взять меня изъ Института. Съ нимъ пріѣхала и моя кузина Ольга Васильевна Корсакова, воспитывавшаяся нѣкогда въ нашемъ домѣ и теперь находившаяся въ домѣ дяди. Отвыкшая отъ своей семьи и привязавшаяся ко всѣмъ Семеновымъ, она, вернувшись къ матери, не находилась въ своемъ новомъ положеніи и очень грустила. Тогда дядя рѣшилъ взять ее въ свою семью, и вотъ судьба соединила насъ вновь. Живо уложены были мои скромныя туалетныя принадлежности, которыхъ сдѣлано было мнѣ крайне мало и наскоро, и мы пустились въ далекій путь за тысячу верстъ отъ Петербурга, въ зимнемъ возкѣ на почтовыхъ. Можно себѣ представить всѣ мои дорожныя впечатлѣнія на плохихъ грязныхъ станціяхъ послѣ чистоты институтской, послѣ величія и роскоши, на которыя мы насмотрѣлись въ послѣднее время экзаменовъ и выпуска. Но чувство свободы и переходъ отъ затворничества къ настоящей жизни брали верхъ надъ всѣми другими чувствами, а радость видѣть родныхъ, особливо дорогихъ бабушекъ, свѣтлой точкою сіяла мнѣ вдали! Съ великой благодарностью вспоминаю я и въ старости Институтъ, укрывшій меня въ дѣтствѣ отъ бурь и невзгодъ житейскихъ на цѣлыя шесть лѣтъ. Не могу не помянуть благодарнымъ воспоминаніемъ и всѣхъ тѣхъ, кто своими заботами и трудами направлялъ насъ на путь долга, хранилъ въ насъ чистоту и скромность и въ немудрыхъ словахъ училъ насъ добру, какъ наши классныя дамы (Аралова и Вальцъ) и моя милая, сердечная Анна Матвѣевна Лалаева, подъ особенное вліяніе которой привела меня судьба, такъ что я и послѣ

выпуска долго съ нею переписывалась. Начальницы по положенію своему стоятъ отъ дѣвицъ далѣе, роль ихъ офиціальнѣе, но тѣмъ не менѣе я въ некрологѣ, написанномъ мною въ 1876 г. *) послѣ смерти Екатерины Владимировны Родзянко, охарактеризовала ея добрыя качества: прямоту, сердечность, энергію въ отстаиваніи интересовъ ввѣреннаго ей заведенія за долговременное ея управленіе Институтомъ. Долѣе всѣхъ противилась она такимъ нововведеніямъ, которыя стремились совершенно измѣнить духъ благодѣтельныхъ учрежденій императрицы Маріи подъ предлогомъ, что они несовременны. Тщательно ограждала она свой Институтъ и отъ вторженія въ него тѣхъ пропагандъ, которыя въ 60 годахъ, какъ бурный потокъ, разливались по многимъ другимъ учебнымъ заведеніямъ и погубили столько молодежи.

Итакъ, не взирая на нѣкоторые недостатки институтскаго затворничества, нельзя отрицать хорошую сторону его для сиротъ и для тѣхъ дѣтей, которыхъ семейная жизнь не представляла благопріятной среды для воспитанія. Нельзя также отрицать, что институтское вліяніе направляло дѣвушку на путь долга, семейныхъ привязанностей, религіи, на покорность Провидѣнію и обстоятельствамъ, ниспосланнымъ свыше. Если прежнія институтки уступали нынѣшнимъ гимназисткамъ и курсисткамъ въ смѣлости и предпріимчивости, за то, пріученныя съ дѣтства къ дисциплинѣ, порядку и заботѣ о своихъ обязанностяхъ, онѣ были вообще скромнѣе, женственнѣе и семейственнѣе ихъ. Что же касается познаній и способовъ преподаванія, то конечно время должно было улучшить методы; но за то и сколько зла причинило крайнее усердіе развивать такъ называемое самостоятельное мышленіе, анализъ. Сколько вредныхъ пропагандъ укрылось подъ этимъ флагомъ, сколько яда критики, недовольства и разочарованія оно пролило на молодыя поколѣнія, сколько преждевременныхъ для возраста чтеній безъ разбора оно дало имъ въ руки и скольких привело къ недовольству жизнью, къ болѣзненной нервности и даже къ душевнымъ недугамъ, кончающимся часто самоубійствомъ!

Нельзя также не сознаться, что ежедневная бѣготня дѣвочекъ по улицамъ въ школу въ продолженіе долгихъ лѣтъ создаетъ въ нихъ потребность и привычку искать дѣятельности внѣ своего дома. Нынѣшнюю женщину по большей части не удовлетворяетъ постоянное и ровное исполненіе скромныхъ и невидныхъ домашнихъ обязанностей. Ей нужна арена публичности, она мечтаетъ о пріобрѣтеніи правъ и полной независимости наравнѣ съ мужчиной. Ей нужны клубы для

*) См. № 36—37 „Гражданина" 1876 г. подъ редакціей Пуцыковича.

обсужденія общественныхъ вопросовъ и предпріятій, ей нужна шумная и тщеславная благотворительность, забывающая завѣтъ благотворить такъ, чтобъ лѣвая рука не знала, что даетъ правая. Для весьма многихъ благотворительницъ это такое же развлеченіе, какъ и всякое другое, а вовсе не серьезное дѣло: это скорѣе средство или выказаться, или какъ-нибудь наполнить время, похищенное у прямой обязанности. Оттого нынче семейная жизнь какъ-то разлагается, количество браковъ въ образованной средѣ замѣтно уменьшается, брачные союзы легко разрываются, а истинно счастливые браки такъ рѣдки. И всѣ знаютъ и видятъ, какъ пагубно это отзывается на общественныхъ нравахъ.

Большой ошибкою было, создавая женскія гимназіи, не создать единовременно съ ними, какъ въ столицахъ, такъ и въ провинціяхъ, другого типа заведеній, болѣе полезныхъ и доступныхъ бѣднымъ классамъ общества. Но этому помѣшала болѣе всего ожесточенная борьба партій. Крайнее демократическое направленіе мечтало все уравнять, смѣшать всѣ сословія, сдѣлавъ высшее образованіе доступнымъ всѣмъ классамъ общества, а главное—унизить тѣхъ, кто жизнью поставленъ былъ выше общаго уровня. Этому всенивелирующему потоку старались противопоставить широкія программы, большія требованія и трудности для достиженія образованія. А это отозвалось въ жизни печальными результатами. Дѣвочки бѣдныхъ классовъ, воспитанныя въ гимназіи, считаютъ ниже себя примѣнять свои знанія и воспитаніе въ томъ скромномъ кругу своего родного быта, который назначенъ имъ судьбою. Ихъ мечта ѣхать изъ провинцій въ столицы, слушать высшіе курсы, и искусственная пропаганда необходимости для женщины такъ называемаго высшаго образованія поддерживаетъ ихъ въ этомъ. И если родители не имѣютъ средствъ тамъ содержать ихъ, онѣ часто разрываютъ съ семьею и ставятъ на карту все свое существованіе, такъ какъ нужда, грязь и соблазны столичные, конечно, для неопытной юности гораздо опаснѣе простоты и даже темноты провинціальной. И сколькія гибнутъ такимъ путемъ, сколькія (по неряшеству и распущенности, сопровождающихъ часто нужду и грязную обстановку) теряютъ даже обликъ женщины!

Такимъ образомъ самая идея развить просвѣщеніе во всѣхъ классахъ общества посредствомъ женщины и ея вліянія на подрастающія поколѣнія утрачивается. При этомъ, забываютъ, что истинное образованіе заключается вовсе не въ количествѣ знаній, а въ добромъ дѣланіи и стремленіи совершенствовать себя, въ кругу своихъ прямыхъ обязанностей. Мы оказываемъ плохую услугу Русской жизни. Не столько

въ ученыхъ женщинахъ нуждается эта жизнь, сколько въ умѣніи матери, хозяйки, труженицы на разныхъ поприщахъ, собственнымъ примѣромъ и добрымъ дѣланіемъ, просвѣтить и очистить всѣ темные и грязные уголки нашей общественной жизни. А наше ослѣпленіе толкаетъ женщину на соперничество съ мужчинами, на такое же исканіе правъ и выгодъ, какое мы сами осуждаемъ въ послѣднихъ. А если заглянуть въ наши благотворительныя и патріотическія школы для бѣдныхъ, находящіяся подъ покровительствомъ знатныхъ и богатыхъ дамъ, то и тамъ найдемъ мы ненужное расширеніе учебныхъ программъ на счетъ полезныхъ практическихъ занятій, туже мертвенную формалистику, соединенную съ соперничествомъ покровительницъ, желающихъ перещеголять другъ друга во всемъ внѣшнемъ. Самимъ Богомъ и природой отведена женщинѣ не узкая область отвлеченнаго знанія а болѣе возвышенная, болѣе эстетическая область сердца и чувства. Она выше учености, политическаго представительства, чиновничества, сидѣнья за прилавкомъ или типографскимъ станкомъ, а тѣмъ болѣе за прилавкомъ питейнымъ, куда, слышно, нынче стремятся даже женщины съ высшимъ образованіемъ. Даже самыя симпатичныя изъ женскихъ призваній, учительство и медицина, становятся несимпатичными, какъ скоро начиненіе головы сухими теоріями или рѣзаніе труповъ преобладаютъ надъ чувствами любви и состраданія къ живому человѣку. Однимъ словомъ, есть такіе уголки жизни семейной и общественной, гдѣ ничто не можетъ замѣнить нѣжной женской руки, благотворящей, утѣшающей, ободряющей, воспитывающей, сдерживающей молодыя поколѣнія, гдѣ женщина можетъ приложить свой трудъ и свою дѣятельность, не соперничая съ мужчинами и давая именно то, чего тѣ не могутъ дать. Но для этого нужна искренняя, а не внѣшняя религіозность, нужны твердыя нравственныя правила, которыхъ именно недостаетъ нашему обществу. Высшая задача женскаго образованія вовсе не въ однихъ познаніяхъ, а въ пробужденіи воли къ добру, къ дѣятельности живой, чуждой всякой выставки, пустоты и тщеславія, въ чистотѣ мысли и жизни, однимъ словомъ, въ приближеніи къ тому идеалу христіанскаго совершенства, который человѣчеству предстоитъ осуществить на землѣ. Все человѣчество, и старое и новое, несовершенно и имѣетъ свои хорошія и дурныя стороны; мудрость и истина заключаются именно въ безпристрастіи, съ какимъ мы оцѣниваемъ то и другое, а не въ безсмысленномъ упоеніи всѣмъ новымъ. У насъ же всякое вновь возникающее общественное стремленіе становится какимъ-то стаднымъ, какой-то модой или бурнымъ потокомъ, увлекающимъ всѣхъ и все. Немало уже мы за это поплатились, немало этимъ воспользовалось все враждебное Россіи и ея успѣхамъ! Хорошо

еще, что насъ сдерживаетъ мудрость и здравый смыслъ нашего народа, который не поддается шатаніямъ и ошибкамъ своихъ руководителей и просвѣтителей, а съ истинно-христіанскимъ благоразуміемъ смотритъ на нихъ и со своимъ здравымъ Русскимъ юморомъ часто надъ нимъ подсмѣивается.

*

Въ краткое пребываніе мое въ Москвѣ, добрый Гофманъ, случившійся тамъ въ тоже время, отыскалъ и посѣтилъ меня въ Арбатскомъ домѣ. Онъ много разспрашивалъ о моихъ домашнихъ дѣлахъ, о моемъ житьѣ-бытьѣ и препровожденіи времени и показалъ мнѣ, какъ всегда, самое теплое участіе. Въ Апрѣлѣ старшій братъ писалъ мнѣ изъ Петербурга: «Гофманъ просилъ меня передать тебѣ его самый усерднѣйшій поклонъ и сказать тебѣ, что въ одно свое свиданіе съ Ея Императорскимъ Величествомъ онъ сказалъ Государынѣ, что когда онъ былъ въ отпуску въ Москвѣ, онъ видѣлся съ одной изъ вышедшихъ дѣвицъ въ послѣдній выпускъ изъ Екатерининскаго Института, Натальей Петровной Семеновой. На это Императрица поблагодарила Гофмана за то, что онъ интересуется дѣвицами, получившими воспитаніе подъ ея покровительствомъ, спрашивала, скучаешь ли ты по Институтѣ, помнишь ли его и вообще очень интересовалась тобою, прибавивъ въ заключеніе: «Son sort m'intéresse beaucoup». Это все Гофманъ велѣлъ передать тебѣ и усерднѣйше кланяться».

*

Императрица Александра Өедоровна еще разъ осчастливила меня своимъ милостивымъ вниманіемъ. Когда Гофманъ доложилъ ей о предстоящемъ счастливомъ устройствѣ судьбы моей, она поручила ему съѣздить меня поздравить ея именемъ и сказать, чтобы я не заботилась о своемъ свадебномъ туалетѣ, что свадебное платье, цвѣты и вуаль будутъ мнѣ присланы отъ Ея Величества, и кромѣ того благоволила мнѣ назначить еще драгоцѣнный подарокъ.

*

Наконецъ, 7 Февраля (1850) пріѣхалъ Яковъ Карловичъ, и день свадьбы назначенъ былъ на 24 Февраля. Но дня за три до того, когда уже большая часть нашихъ вещей была уложена, Гофманъ пріѣхалъ объявить мнѣ, что Императрица сама желаетъ благословить меня, и для этого я должна явиться на другой день въ Институтъ, гдѣ она будетъ на экзаменѣ. У меня кромѣ свадебнаго и дорожнаго костюма все было уже уложено; пришлось вынуть приличное платье, и я поѣхала въ Институтъ. Но Императрицы не было: у нея заболѣли зубы и сдѣлался

флюсъ. Вмѣсто нея была Вел. Кн. Марія Николаевна и Наслѣдникъ Александръ Николаевичъ. Послѣ первой половины экзамена былъ завтракъ для высочайшихъ особъ въ физической комнатѣ. Меня посадили между Наслѣдникомъ и Великой Княгиней, и они оба милостиво обласкали меня и пили мое и жениха моего здоровье. Наслѣдникъ сказалъ, что лично хорошо знаетъ моего жениха, и меня можно поздравить, что я выхожу за такого превраснаго человѣка. Тутъ случился забавный эпизодъ. Наслѣдникъ поднялъ бокалъ и провозгласилъ мое здоровье, назвавъ меня по имени, и потомъ вдругъ запнулся, забывъ отчество Якова Карловича, и шепнулъ сидѣвшему напротивъ Я. И. Ростовцову: «напомни». Тотъ же на первой буквѣ «Я» такъ долго заикался, что Наслѣдникъ поспѣшно назвалъ жениха моего Яковомъ Ивановичемъ, а Великая Княгиня съ трудомъ удерживалась отъ смѣха. Когда вернулись въ залу на вторую половину экзамена, ко мнѣ подошелъ Гофманъ и сообщилъ мнѣ, что Императрица, все-таки желая сама благословить меня, прислала за мной карету, чтобы ѣхать въ Аничковъ дворецъ. Гофманъ самъ меня проводилъ внизъ и усадилъ въ придворный экипажъ. Смущенная, я всходила на лѣстницу, гдѣ вверху уже ждала меня фрейлина Бартенева (старшая) и ввела меня въ покой Императрицы. Она полулежала на кушеткѣ въ простенькомъ бѣленькомъ чепцѣ и съ подвязанной щекой. Посадивъ меня возлѣ своей кушетки, Ея Величество съ величайшей ласковостью и вниманіемъ расспрашивала меня о моемъ житьѣ у родныхъ послѣ выпуска, о моихъ занятіяхъ живописью, о чтеніяхъ и при этомъ шутя сказала, что я вѣрно незнакома съ сочиненіями своего жениха, а она все читала, такъ какъ имъ все-де сообщалъ другъ его Плетневъ, и указала на лежащаго на столѣ Фритіофа и Современникъ, изъ которыхъ еще въ это утро просила Бартеневу почитать ей[1]). Потомъ она нѣжно обняла меня и благословила. Растроганная, я благодарила ее за всѣ ея милости, и она на прощанье прибавила: «Vous allez presque en pays étranger[2]), mon enfant. Restez bonne russe et ne cessez pas de nous aimer»...

---

[1]) Императрица Александра Ѳедоровна не могла усвоить себѣ правильнаго Русскаго произношенія; но по-русски знала она хорошо, Евангеліе и молитвы читала по церковно-славянски (обыкновенно только одну молитву по-нѣмецки), любила стихи Пушкина и своего учителя Жуковскаго и знакома была съ лучшими произведеніями нашей словесности, даже съ Тургеневымъ. Фрейлины обыкновенно читали ей въ слухъ, и иногда она даже поправляла ихъ въ удареніи словъ. Слышано отъ гр. М. А. Бревернъ-де-ла Гарди. П. Б.

[2]) Т. е. въ Гельсингфорсъ, въ университетѣ котораго служилъ тогда Я. К. Гротъ профессоромъ Русской исторіи. П. Б.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

„Дѣло о человѣкѣ, яко-бы воскрешающемъ мертвыхъ".

Подъ такимъ заглавіемъ въ архивѣ Нижегородской Духовной Консисторіи хранится довольно любопытное въ бытовомъ отношеніи дѣло.

Обстоятельства дѣла таковы. Въ г. Пензѣ появился пришлый человѣкъ, удивлявшій простой народъ какой-то необыкновенной внутренней силой: всякій, приближавшійся къ нему, чувствовалъ утомленіе и легкое головокруженіе. Этого было вполнѣ достаточно, чтобы у этого человѣка (имени котораго не сохранилъ намъ документъ) тотчасъ же явились послѣдователи, провозгласившіе въ немъ присутствіе благодатнаго дара чудотвореній. Это было въ 1853—1854 годахъ.

„Человѣкъ", пожавшій достаточные плоды отъ своего дара въ Пензѣ, отправился „по градамъ и весямъ" въ качествѣ чудотворца, но неожиданно былъ схваченъ полиціей. Послѣ тщательнаго допроса, его отправили въ г. Лукояновъ подъ полицейскимъ надзоромъ. Это обстоятельство не убавило однако у него количества послѣдователей. Впереди его шла молва объ исцѣленіяхъ и чудесахъ, которыя онъ совершаетъ. Ему даже приписывали воскрешеніе мертвыхъ. Въ Лукояновѣ знали о приближеніи „человѣка", и множество народа вышло на встрѣчу къ нему. Административный плѣнъ, въ которомъ поневолѣ содержался чудотворецъ, придавалъ ему, въ глазахъ толпы, вѣнецъ страданія за истину и не мѣшалъ ему творить чудеса. Не пробылъ онъ въ Лукояновѣ и двухъ сутокъ, какъ успѣла уже разойтись вѣсть, что онъ возвращалъ зрѣніе слѣпымъ и воскрешалъ мертвыхъ. И простой народъ, и Лукояновская интеллигенція спѣшили къ чудотворцу; первые—чтобы получить исцѣленіе, вторые—отъ праздности. „Въ высшемъ кругѣ (sic!) было только одно любопытство", замѣчаетъ въ своемъ докладѣ по этому поводу Лукояновскій протоіерей Е. Л—въ. Нашелся даже одинъ Лукояновскій врачъ, который пожелалъ „на опытѣ" изслѣдовать чудотворца и опредѣлить, что̀ за сила въ немъ.

— „Этотъ человѣкъ, сказалъ врачъ въ заключеніе своихъ наблюденій, обладаетъ магнетизмомъ, но управлять имъ къ пользѣ другихъ не можетъ, потому что не знакомъ съ медициною (!!) и, какъ безграмотный, не читалъ ничего и не знаетъ, какія болѣзни и какъ лѣчить магнетизмомъ; потому больнымъ нельзя ожидать отъ него никакой помощи и пользы".

Сомнительно, конечно, чтобы Лукояновскій врачъ, производившій наблюденія „на опытѣ“ и, должно быть, знакомый съ медициною и книгами, точно зналъ, „какія болѣзни и какъ лѣчить магнетизмомъ“; но тѣмъ не менѣе его „мнѣніе о магнетизмѣ“, по словамъ Лукояновскаго благочиннаго, „совершенно оправдалось въ Лукояновѣ“. Когда его, т. е. „человѣка“, привели въ городъ, то для сохраненія замѣчательной силы магнетизма Лукояновскія власти не придумали ничего лучшаго, какъ посадить магнетизёра въ тюрьму, куда и допускали къ нему Лукояновскую интеллигенцію, желавшую воочію убѣдиться въ необыкновенной силѣ магнетизма. Простой народъ „къ нему“ не допускался. Въ негодованіи на такую несправедливость... онъ хотѣлъ даже произвести возмущеніе; „но, замѣчаетъ офиціальный бытописатель этого событія, никакого волненія въ народѣ не было, благодаря распорядительности полиціи“.

Вѣсть о необыкновенномъ человѣкѣ распространились и дошла до Нижняго-Новгорода. Изъ частныхъ слуховъ узналъ о немъ преосвященный Іеремія и, теряясь въ догадкахъ, кто бы это былъ... собственноручно составилъ докладную записку въ черновомъ видѣ, съ надписью: „секретно, 6 Января; переписать (для представленія Нижегородскому военному губернатору), а отъ Лукояновскаго и Арзамасскаго градскихъ благочинныхъ немедля требовать обстоятельныхъ донесеній, къ коимъ они обязывались своимъ званіемъ, поставивъ имъ на видъ ихъ молчаніе“. Записка была написана преосвященнымъ подъ живымъ впечатлѣніемъ преувеличенныхъ слуховъ. „Донесено мнѣ, писалъ преосвященный, что отъ Лукоянова до Нижняго-Новгорода сопровождается нѣкій человѣкъ, яко-бы воскрешающій мертвыхъ и слѣпымъ очи отверзающій и всякую болѣзнь врачующій особою силою и что въ Арзамасѣ, по дозволенію тамошняго начальства, къ нему стекаются со всего уѣзда и любопытствующіе, и чающіе отъ него исцѣленія, произведши необыкновенное движеніе въ народѣ“. Преосвященный просилъ губернатора, „почтить его свѣдѣніемъ по сему предмету“.

Въ скоромъ времени благочинный „Арзамасскихъ городскихъ церквей“ о. Іоаннъ Сахаровъ донесъ преосвященному, что „въ первыхъ числахъ сего Января находился въ городѣ Арзамасѣ, провожаемый подъ стражею изъ города Пензы въ городъ Смоленскъ, какой-то арестантъ, взятый, какъ слышно, за просрочку паспорта и за воровство, и содержался въ частномъ домѣ. Пущенная о немъ молва обратила къ нему многихъ жителей Арзамаса, искателей здоровья, но къ нему допускались люди по выбору... Выдающій себя за магнетизёра арестантъ дѣйствовалъ на приходящихъ къ нему по болѣзнямъ или изъ любопытства только приближеніемъ своихъ ладоней къ лицу больного или даже здороваго. Отъ этого приближенія ладоней ни одинъ человѣкъ не могъ избѣгнуть сильнаго головокруженія и устоять на ногахъ... Говорятъ, что онъ обѣщавался излѣчивать наиболѣе ревматическія ломоты, глухоту, головныя боли и т. п. Я покушался расспрашивать, не дѣлалъ ли магнетизёръ внушеній или требованій богопротивныхъ, разрушающихъ хри-

стіанское упованіе на Господа Бога, но подтвердительнаго отвѣта никто мнѣ не далъ".

Другой благочинный, Лукояновскій протоіерей Лебедевъ въ своемъ докладѣ покушался даже объяснить опыты необыкновеннаго человѣка тѣмъ, что онъ въ организмѣ своемъ имѣетъ „большой перевѣсъ животнаго магнетизма предъ электричествомъ".

Изъ Лукоянова магнетизёръ былъ отправленъ въ Нижній. Но для г. Лукоянова его посѣщеніе не осталось безслѣднымъ. Пребываніе магнетизёра подѣйствовало возбуждающимъ образомъ особенно на ту безличную, полуобразованную часть общества, которая называется провинціальной интеллигенціей. Лукояновцы-„интеллигенты" ударились съ легкой руки необыкновеннаго человѣка въ магнетизмъ и на досугѣ занялись „столохожденіемъ"... Отъ Лукояновцевъ это занятіе переняли и Арзамасцы, порядкомъ скучавшіе въ длинные зимніе вечера. Не прошло и нѣсколькихъ дней по выходѣ магнетизёра, какъ въ богоспасаемыхъ городахъ, тихо и мирно почивавшихъ въ благодушіи и благочестіи, завелась чертовщина и не вѣсть что...: заходили безъ всякой видимой причины столики, задвигались тарелки... Благочестивые обыватели только крестились.

Духовенство, помня недавній выговоръ со стороны епархіальнаго начальства за свое молчаніе о необыкновенномъ человѣкѣ, теперь не дремало. Арзамасскій протоіерей тотчасъ же составилъ „по секрету" „покорнѣйшій рапортъ" съ подробнымъ изложеніемъ всей чертовщины и представилъ его на благоусмотрѣніе преосвященнаго Іереміи. Этотъ документъ мы приведемъ цѣликомъ.

„Въ недавнемъ времени, писалъ протоіерей, къ смущенію православныхъ появилось въ г. Арзамасѣ столохожденіе и гаданіе по тарелкѣ. Первое производится тѣмъ, что столъ отъ прикосновенія на немъ многихъ рукъ начинаетъ сперва слегка двигаться, потомъ кружиться по комнатѣ; второе, тѣмъ, что кладутъ на тарелку карандашъ и бумагу и опять прикосновеніемъ рукъ приводятъ ее въ сильное дрожаніе, потомъ задаютъ ей вопросы, на которые карандашъ яко-бы безъ рукъ пишетъ отвѣты. Страшась удостовѣриться въ томъ и другомъ гдѣ-либо лично, я слыхалъ на разсказы подтвержденія; но, почитая то и другое зловредною для человѣческаго спасенія хитростью дьявола, съ своей стороны стараюсь внушать моимъ прихожанамъ ужасъ и нечестіе таковыхъ гаданій и убѣждаю всѣхъ градскихъ священниковъ, чтобы каждый въ своемъ приходѣ употреблялъ всевозможныя увѣщанія къ отвращенію отъ такой богопротивной забавы. Вслѣдствіе сего, нѣкоторые изъ священниковъ думали направить на эту опасную прелесть церковныя поученія, но только остерегаются публично нападать на такое зло, объ которомъ иные изъ слушателей вовсе не слышали; остерегаются еще изъ опасенія, дабы новость предмета поученій не возбудила въ нѣкоторыхъ особыхъ людяхъ пагубнаго любопытства. Къ утѣшенію твердыхъ и вразумленію слабыхъ въ благовѣріи ходитъ въ городѣ Арзамасѣ по рукамъ полученная г. дворяниномъ Шумовымъ, напечатанная въ Москвѣ въ 1853 году съ доз-

воленія духовной цензуры тетрадка „О стологаданіи“ подъ названіемъ „выписки изъ письма“ приписываемаго, по слуху, высокопреосвященнѣйшему Филарету, митрополиту Московскому. Чтеніе этой „выписки изъ письма“ благопріятно и спасительно дѣйствуетъ на многихъ“...

Но, не смотря на благопріятное и спасительное дѣйствіе „выписки“, протоіерей не ручался, чтобы „эта ересь не приняла большаго распространенія“. На этомъ рапортѣ преосвященный написалъ: „Пріобщить къ дѣлу о необыкновенномъ (?) врачѣ“.

Неизвѣстно, получила ли ересь большое распространеніе въ Арзамасѣ... Но вѣсть о „врачѣ дошла до оберъ-прокурора Св. Синода. Приказомъ отъ 19 Января 1854 года за № 351 канцелярія оберъ-прокурора поручала секретарю Нижегородской Консисторіи произвести дознаніе о „человѣкѣ“ съ большею подробностью и съ объясненіемъ, „кѣмъ сопровождается означенный человѣкъ“ и т. д.

Но „означенный человѣкъ“ скоро вышелъ изъ предѣловъ Нижегородской епархіи, по этапу, на родину, и „дѣло“ о немъ остановилось. Быть можетъ, онъ продолжалъ рядъ своихъ удивительныхъ и необычайныхъ явленій въ Смоленской губерніи... Но во всякомъ случаѣ этотъ эпизодъ съ „врачемъ“ наводитъ насъ на довольно грустныя размышленія. И простонародье, бѣгущее за чудотворцемъ, и этотъ врачъ, изслѣдующій „на опытѣ“ магнетизёра, и ретивый пастырь, старающійся внушать „ужасъ и нечестіе... отъ такой богопротивной забавы“, и вся переписка по этому дѣлу, дошедшая „ до верховъ“, показываютъ, что немного нужно, чтобы всполошилась праздная провинціальная публика на досугѣ и что много еще нужно свѣта, чтобы просвѣтить ея темные углы. Какъ камень, брошенный въ запущенное болото, произведетъ на сонной глади круги, которые на время всколышутъ поверхность и потревожатъ мирныхъ обитателей болота, освоившихся съ своей атмосферой, такъ и всякое призрачно-необыкновенное явленіе взбудоражитъ на время провинціальнаго, заплѣсневѣлаго обывателя, и онъ съ жаромъ накинется то на „столохожденіе“, то на „выписки изъ письма“ и отъ нечего дѣлать увлечется на время своимъ празднымъ занятіемъ и придастъ даже ему важное значеніе.

Ѳ. Кудринскій.

Напомнимъ достопочтенному автору, что передъ Крымскою войною и въ началѣ ея не въ одной глуши занимались столоверченіемъ и вызывали таинственныя силы. Столиками съ карандашомъ велась торговля на Кузнецкомъ мосту; въ Гатчинѣ самъ Николай Павловичъ иногда присутствовалъ на этихъ гадательныхъ засѣданіяхъ, что̀ и дало поводъ Ѳ. И. Тютчеву къ пророческимъ стихамъ его „Стоимъ мы слѣпо предъ судьбою“. Митрополитъ Филаретъ счелъ нужнымъ написать особое увѣщаніе, которое и читалось за раннею и позднею обѣднями въ Московскихъ церквахъ. Исторія свидѣтельствуетъ о томъ, что передъ великими, общенародными событіями появляется въ умахъ склонность къ кудесничеству. П. Б.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ Д. В. БАРТЕНЕВА

о войнѣ 1877—1878 годовъ.

I.

ПОЛЕВАЯ ПОЧТА.

Какъ участникъ Турецкой кампаніи 1877—1878 годовъ, постараюсь правдиво передать о дѣйствіяхъ «полевой» почты въ военное время. Названіе почты «полевая» присвоено ей исключительно въ военное время. Цѣль и назначеніе подобной почты по возможности скорѣе доставлять въ армію, какъ дѣловыя бумаги, такъ и частную переписку. Составъ «полевой» почты всегда бываетъ усиленный, но, какъ показала практика войны, далеко недостаточный. Въ самомъ дѣлѣ, не можетъ-же одинъ человѣкъ работать за десятерыхъ? Въ силу этого, сплошь да рядомъ являлось множество неисправностей. Причиною ихъ можно назвать также и не совсѣмъ добросовѣстное отношеніе къ дѣлу нѣкоторыхъ г.г. почтовыхъ чиновниковъ. Зломъ являлась неразборчивость пріема ихъ на службу, особенно въ военное время.

Получается кожанный баулъ съ посылками на мѣстѣ назначенія и при осмотрѣ его все находится, повидимому, въ исправности, т. е., цѣпь съ замкомъ и печати невредимы; но что же оказывается при вскрытіи баула? Посылки съ чаемъ разорваны, и весь чай разсыпанъ по дну баула, изъ посылокъ повысыпались серебряныя деньги, положенныя туда въ противность почтовымъ правиламъ, всѣ вообще посылки страшно изуродованы и разорваны и имѣютъ самый плачевный видъ. Разобрать, кому адресована посылка, нѣтъ возможности, потому что адресъ оторванъ; консервы съ сгущеннымъ молокомъ или кофеемъ всѣ измяты, изъ пары сапогъ не достаетъ одного, у присланныхъ часовъ оторваны обѣ металическія крышки. Ну, какъ тутъ не соблазниться мелкимъ чинамъ, не исключая и почтальоновъ, чтобы не разобрать чай, деньги и консервы и кой-что изъ посылокъ? Тѣмъ болѣе что потомъ можно будетъ все свалить на комиссію, которой покажутъ остатки разсыпаннаго чая, разорванныя посылки, измятые консервы и т. п., а въ концѣ концовъ всегда получится слѣдующая резолюція комиссіи: «Такого числа, мѣсяца и года, осмотрѣнъ баулъ оттуда-то, при чемъ оказалось, что всѣ посылки разорваны и во многихъ изъ нихъ недостаетъ содержимаго и нельзя разобрать адресъ, чай весь разсыпанъ, все залито какою-то зеленовато-мутноватой жидкостью и пришло въ

полную негодность». Почтовые чиновники говорили потерпѣвшимъ: «Послѣ войны все разберутъ, и казна возмѣститъ убытки», что̀ и дѣйствительно послѣ оправдалось: особая комиссія, послѣ кампаніи, работала надъ этимъ цѣлый годъ, если не болѣе, и казнѣ пришлось уплатить сотни тысячъ рублей, если не болѣе. Въ самый разгаръ войны чиновникамъ нечего и было думать откамандировываться въ Россію, потому что это было для нихъ невыгодно: на войнѣ они получали усиленное содержаніе золотомъ и награды. Когда-же было заключено перемиріе съ Турками, то положеніе ихъ являлось уже совсѣмъ другимъ: во первыхъ, жалованье стали давать не золотомъ, а кредитными билетами, слѣдовательно оставаться въ предѣлахъ Турціи, рискуя заразиться разными болѣзнями, было опасно и прямо накладно. Вслѣдствіе этого многіе почтовые чиновники сказались больными и были отправлены въ Россію, для излѣченія. Послѣдовалъ страшный въ нихъ недочетъ; такъ напримѣръ, въ «полевомъ» почтамтѣ 9-го армейскаго корпуса, въ городѣ Адріанополѣ, въ наличности оказались одинъ только почтмейстеръ да почтальонъ. Что̀ дѣлать, какъ горю помочь? Да очень просто! Вызвали изъ полковъ 5-й пѣхотной дивизіи [1]) нѣсколько человѣкъ вольноопредѣляющихся: вотъ и помощники почтмейстеру. Знакомы ли они съ дѣломъ, хотятъ-ли нести эту службу, про это у нихъ не спрашиваютъ. Начальство приказало, и быть сему тако.

Я къ моему злополучію попалъ въ число такихъ чиновниковъ отъ перваго полка дивизіи, а изъ втораго былъ назначенъ мой товарищъ Бакевичъ - Щуковскій. Въ три дня нужно было познакомиться съ дѣломъ и начать работу. Въ первый-же день я пришелъ въ отчаяніе и не зналъ, какъ мнѣ быть. Вѣдь нужна-же практика, чтобы разобраться въ почтовыхъ трактахъ и направленіяхъ войскъ, напримѣръ: первая половина «летучаго парка» [2]), № такой-то, расположена тамъ-то, а вторая половина этого № парка совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ и т. п. Кромѣ того можно было въ ужасъ придти отъ необходимости разсортировать въ день не менѣе десяти тысячъ писемъ. Этимъ мытарства не оканчивались: не хватаетъ чиновника при отправкѣ денежныхъ писемъ, зовутъ туда, и вы сидите за совсѣмъ новымъ дѣломъ. Неустойка при отправкѣ посылокъ—васъ рвутъ туда и т. д. Такая работа начиналась съ 8 часовъ утра и безъ перерыва продолжалась до 9 часовъ вечера. Обѣдать приходилось уже совсѣмъ вечеромъ. Намъ дозволено было не вставать при входѣ на почту высокопоставленныхъ лицъ и не отрываться отъ дѣла для нихъ, а также и разрѣшено курить за дѣломъ. Почтмейстеръ насъ постоянно пугалъ, что за малѣйшую оплошность онъ будетъ жаловаться на насъ корпусному командиру, минуя полковое начальство. Мы, молодежь, все готовы были перенести, чтобы тотъ не исполнилъ свою угрозу. Такую адскую пытку пришлось выдержать два мѣсяца, и за такую непосильную работу мы ничего не

---

[1]) 1-я бригада: 17 пѣх. Архангело-городскій Его И. В. В. К. Владимира Александровича, 18-й Вологодскій его к. в. принца Оранскаго, а нынѣ его к. в. Карла Румынскаго. 2-я бригада: 19-й пѣх. Костромской, 20-й пѣх. Галицкій.

[2]) „Летучій паркъ“ служитъ въ военное время, въ артиллеріи, для подвоза въ батареи снарядовъ, т. е. гранатъ, шрапнелей и т. п.

получили, ни отъ почтоваго начальства, ни отъ своего военнаго и даже не слыхали простого Русскаго «спасибо».

Опишу полевой почтамтъ въ городѣ Адріанополѣ. Зданіе, въ которомъ онъ помѣщался, было очень большое, но удобства никакого. Вообразите себѣ каменную громаду съ окнами безъ стеколъ, дверныя отверстія безъ дверей, и вы получите картину нашего почтамта. Сквозной вѣтеръ гулялъ себѣ на просторѣ; по стѣнамъ, наскоро, изъ досокъ были сдѣланы клѣтки съ безчисленными надписями отрядовъ войскъ и ихъ штабовъ. Вотъ и вся обстановка полевого почтамта. Въ одномъ изъ угловъ зданія громадный, желѣзный сундукъ для денегъ; вмѣсто столовъ какія-то оторванныя доски изъ Турецкихъ домовъ, положенныя на какихъ-то обрубкахъ, а для сидѣнія у этихъ импровизированныхъ столовъ чураки. Въ самомъ почтамтѣ отъ публики нельзя передохнуть; громъ, стукъ, шумъ, говоръ не умолкаютъ ни на минуту. Вы обливаетесь пóтомъ, доходите до полнаго ошалѣнія, а дѣло такъ и кипитъ: одно смѣняется другимъ, и такъ до безконечности!... Нужны десятки человѣкъ, а работаютъ только пятеро.

Испытаніе не оканчивалось. Меня подзываетъ къ себѣ почтмейстеръ и говоритъ: «Завтра придетъ къ намъ тридцать тысячъ посылокъ, и вы извольте занять сосѣдній Турецкій домъ, къ дверямъ котораго будутъ приставлены часовые, а вы разберете посылки по отрядамъ войскъ и ихъ штабовъ, будете ихъ выдавать адресатамъ, собирая дополнительную плату. Черезъ недѣлю, чтобы все было готово и начата ихъ выдача». Чтò тутъ дѣлать? На другой день все новое зданіе было буквально завалено посылками и тюками. Я спрашиваю почтмейстера: «Какъ же быть съ клѣтками для разборки посылокъ, вѣдь этого ничего тамъ нѣтъ?» Какія тутъ клѣтки, гдѣ ихъ взять! Разбирайте по кучкамъ, вотъ и все тутъ. Приступилъ къ разборкѣ посылокъ и вижу, что это Сизифова работа. Отъ огорченія я чуть не плакалъ. Разберешь одну кучу, а она развалится. Нужнò начинать снова, и я прихожу въ полное отчаяніе. Съ неимовѣрнымъ трудомъ удалось мнѣ кой-какъ разобрать посылки по отрядамъ и штабамъ войскъ. Началась выдача посылокъ. За каждую получаемую посылку съ получателя слѣдовала дополнительная плата по расчету. Приходитъ кто-нибудь изъ офицеровъ. и говоришь ему: «Вы можете платить не золотомъ, а кредитными билетами, и съ васъ слѣдуетъ доплата въ два рубля». Берите два рубля и скорѣй давайте посылку: у меня нѣтъ кредитныхъ денегъ. «Но вѣдь вы много теряете?—Все равно! Такихъ случаевъ бывало множество. Черезъ недѣлю я иду къ почтмейстеру давать отчетъ и сдавать деньги. «Г. почтмейстеръ, добавочныхъ денегъ за посылки слѣдуетъ 3500 р., а 2000 составляютъ разницу курса, потому что многіе изъ адресатовъ платили золотомъ, вмѣсто бумажныхъ денегъ. Извольте ихъ получить отъ меня».—«Давайте ихъ сюда!» Гляжу, чтò онъ будетъ съ ними дѣлать? Пересчитавъ всѣ деньги, провѣривъ документы и отсчитавъ 3500 р., онъ укладываетъ ихъ въ денежный сундукъ, а остальную пачку преспокойно укладываетъ въ боковой карманъ своего вицъ-мундира. «Чтò вы дѣлаете, г. почтмейстеръ?» говорю я, но получаю въ отвѣтъ: «Не ваше дѣло, юноша, и я знаю, чтò дѣлаю!»

«Да, какъ же это такъ?»—Молодо, да зелено; много будете знать, скоро состаритесь! А, вы, вотъ что, милостивый государь, сегодня опоздали на полчаса, и я непремѣнно пожалуюсь на васъ корпусному командиру». Услыхавъ это, я сразу, что̀ называется, потерялъ почву подъ ногами и рѣшилъ бросить это дѣло. Да и что̀ я могъ сдѣлать въ моемъ положеніи? Деньги такъ и остались у почтмейстера, а еще сколько ихъ тамъ осталось, я думаю, что одинъ Аллахъ о томъ вѣдаетъ.

Приведу еще примѣръ. Въ полевой почтамтъ вернулись обратно, изъ частей войскъ денежныя письма убитыхъ солдатъ, а также и «безъ вѣсти пропавшихъ», и ихъ накопилось тамъ великое множество. Прихожу изъ своего посыльнаго отдѣленія въ почтамтъ и вижу: почтовый чиновникъ рветъ солдатскія письма, вынимаетъ изъ нихъ рубли и кладетъ ихъ пачкой. «Что̀ вы дѣлаете?»—Я.—«Да, вы?»—Какъ видите, собираю себѣ деньги.—«Развѣ они ваши?»—Если собираю, то думаю, что мои!—«И вы думаете, что вамъ за это не достанется?»—Никоимъ образомъ! Пусть потомъ добираются, но полагаю и увѣренъ, что изъ этого ровно ничего не выйдетъ, потому что и самъ Аллахъ не докопается до этого.—Я пожалъ плечами. Что̀ же оставалось дѣлать? Вѣдь все равно, я не въ силахъ этого предотвратить. Еще одинъ случай очень возмущалъ меня и моихъ сотоварищей по почтѣ. Окончивъ свой дневной трудъ, мы расходились по квартирамъ, а вмѣстѣ съ нами помѣщались почтовые чиновники. Спали мы всѣ въ одной большой комнатѣ. Одинъ изъ почтовыхъ чиновниковъ принесъ съ собой много писемъ изъ почтамта и, ложась спать, начиналъ для своего развлеченія ихъ разрывать, а затѣмъ въ слухъ читать, дѣлая свои замѣчанія. Если письмо было съ фотографической карточкой особы прекраснаго пола, то онъ былъ очень доволенъ. Какъ сейчасъ помню, ему попалось письмо къ какому-то доктору, которое оканчивалось слѣдующей фразою: «и такъ, мой милый султанъ, ваша Шехеризада жметъ вамъ руку, а остальное проситъ добавить мысленно».—«Очень и очень поэтично», произнесъ онъ, какова скотина этотъ докторъ и какъ ему везетъ! Какая она миленькая! Я и самъ желалъ бы быть ея султаномъ». Однимъ словомъ, онъ устраивалъ себѣ изъ чтенія чужихъ писемъ развлеченіе. Мы всѣ пробовали протестовать противъ подобной низости, но онъ и знать ничего не хотѣлъ, и затѣмъ жаловался на насъ самому почтмейстеру, придравшись къ какимъ-нибудь пустякамъ, а тотъ грозилъ жаловаться на насъ высшему начальству. Что̀ мы могли сдѣлать въ нашемъ подневольномъ положеніи? Жаловаться своему начальству мы не рѣшались: а вдругъ изъ этаго ничего не выйдетъ, тогда наше положеніе очень тяжелое будетъ еще тяжче.

Слова «ubi lex, ibi poena» *), не для всѣхъ, въ военное время, имѣютъ должное значеніе, и тому немало способствуютъ Русскія «аво́сь, да небось», или «можетъ быть и такъ сойдетъ». Вотъ рычаги, которые двигали многихъ почтовыхъ чиновниковъ. Злоупотребленія на почтѣ есть одна изъ обратныхъ сторонъ военнаго времени, думаю не у насъ однихъ только. При нынѣшнихъ порядкахъ и составѣ служа-

*) Гдѣ законъ, тамъ и кара.

щихъ на почтѣ, описанныя злоупотребленія не могутъ имѣть мѣста, думаю также и въ военное время, потому что «tempora mutantur et nos mutamus in illis [1]).

5-го Іюля 1878 года наша 1-ая бригада, 5-ой пѣхотной дивизіи, выступала изъ города Андріанополя въ городъ Хаскіой [2]), для занятія боевыхъ позицій противъ Родопскихъ инсургентовъ. Тогда и мы съ товарищемъ были откомандированы въ свои полки отъ полевой почты 9-го армейскаго корпуса. Наша дѣятельность на почтѣ, въ качествѣ помощниковъ почтмейстера, оканчивалась, и мы могли свобоно перевести духъ отъ переутомленія и отъ подавленнаго, подневольнаго положенія. Мы и не знали, что̀ дѣлать отъ радости: до того было тяжело наше положеніе. Уходя съ почты, мы чуть не бѣжали, боясь того, чтобы насъ не вернули туда обратно. Мы только тогда вполнѣ успокоились, когда нашъ отрядъ покинулъ вторую столицу Оттоманской Порты.

II.

Графъ М. Н. Муравьевъ-Младшій.

Въ 1877 году, въ Маѣ мѣсяцѣ, я поступилъ на службу „Краснаго Креста", и мнѣ пришлось познакомиться въ Румыніи, а именно въ городѣ Бухарестѣ съ графомъ М. Н. Муравьевымъ. Онъ поразилъ меня своимъ типичнымъ видомъ, т. е., своею коренастой и приземистой фигурой [3]) съ рыжими усами и такими же волосами на головѣ. Одѣтъ онъ былъ въ форму Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Меня съ нимъ познакомилъ главноуправляющій „Краснаго Креста" князь Долгорукій [4]), проговоривъ: „Вотъ, это вашъ новый сослуживецъ, графъ, Д. В. Бартеневъ; прошу васъ его любить и жаловать". По уходѣ отъ насъ князя мы разговорились о всякихъ злобахъ дня, а подъ конецъ обѣда въ ресторанѣ, разстались пріятелями. На меня, юношу, личность графа дѣйствовала обаятельно, и этому способствовали ровный тонъ графа и его необыкновенный тактъ въ обращеніи со мной. Что̀ такое девятнадцать лѣтъ въ человѣческомъ возрастѣ?

Необыкновенно симпатичный, безъ всякой напыщенности и эффектаціи графъ дѣйствовалъ неотразимо. Къ концу обѣда мнѣ казалось, что будто мы знакомы съ нимъ уже давно. Впослѣдствіи онъ не мѣнялъ со мной обращенія, не смотря на то, что мы съ нимъ спорили и не сходились во мнѣніяхъ, по поводу нашей совмѣстной дѣятельности въ „Красномъ Крестѣ" [5])

---

[1]) Вмѣстѣ со временемъ и мы мѣняемся.

[2]) Городъ въ Родопскихъ горахъ.

[3]) Въ роднаго дѣда своего, вѣчно-признательной отъ всякаго Русскаго человѣка памяти. П. Б

[4]) Князь Долгорукій былъ главноуправляющимъ „Краснаго Креста" въ Румыніи, а князь В. А. Черкасскій главноуполномоченнымъ „Краснаго Креста", въ предѣлахъ Турціи.

[5]) Графъ Муравьевъ былъ уполномоченнымъ „Краснаго Креста", а я секретаремъ.

Весьма естественно, что, служа вмѣстѣ въ одномъ учрежденіи, мы ближе познакомились другъ съ другомъ, а потому и могли сдѣлать разцѣнку нашихъ отношеній. Послѣдній день нашего совмѣстнаго служенія въ „Красномъ Крестѣ“ не прибавилъ ничего новаго. Тотъ же радушный пріемъ я встрѣтилъ отъ графа въ Петербургѣ въ 1898 году, когда былъ тамъ по своимъ дѣламъ, хотя и прошло слишкомъ двадцать лѣтъ, а общественное положеніе графа было одно изъ высшихъ, какъ министра иностранныхъ дѣлъ. Одинъ разъ только при мнѣ М. Н. Муравьевъ измѣнилъ своему сдержанному характеру и вотъ при какихъ условіяхъ. Князь В. А. Черкасскій, главноуполномоченный „Краснаго Креста“ въ Болгаріи, былъ очень требователенъ къ молодымъ людямъ: никто не смѣлъ, безъ его приглашенія, сѣсть въ его присутствіи. Онъ говорилъ всѣмъ намъ: „Я могу отъ васъ требовать къ себѣ особаго уваженія и какъ старикъ, и какъ общественный дѣятель, уже послужившій на пользу Отечества“. Графъ М. Н. Муравьевъ и я пріѣхали въ „главную квартиру“, расположенную въ „Горномъ Студнѣ“ по дѣламъ службы „Краснаго Креста“ и должны были лично явиться къ князю В. А. Черкасскому. Ожидать выхода князя намъ пришлось на дворѣ у Болгарской хаты, гдѣ помѣщался князь. По срединѣ двора стояли деревянный столъ и три стула. Это было мѣсто пріема должностныхъ лицъ, а иного мѣста не полагалось, потому что за недостаткомъ помѣщенія и самъ князь занималъ одну комнатку. Вообще въ „главной кв(р)артирѣ“ только самыя важныя лица занимали жилыя помѣщенія, а всѣ остальныя располагались въ палаткахъ или войлочныхъ кибиткахъ на лагерный образецъ. Жилая комнатка и та была уже роскошь! Мы; поджидая выхода князя, сидѣли на обрывѣ канавы, окружающей дворъ. Увидѣвъ идущаго къ столу князя, я всталъ и пошелъ къ нему навстрѣчу, какъ пріѣхавшій первый, а графъ Муравьевъ остался сидѣть, ожидая своей очереди. Я подошелъ къ столу, раскланялся съ княземъ и ожидалъ, что̀ онъ мнѣ скажетъ и какія дастъ мнѣ инструкціи; но князь, увидѣвъ сидящаго графа Муравьева, спросилъ у своего секретаря: „Кто это тамъ сидитъ на канавѣ“?—Графъ М. Н. Муравьевъ, ваше сіятельство. Тогда князь обращается ко мнѣ и говоритъ: „Вы не знаете, отчего графъ Муравьевъ сидитъ?“ Я отвѣчалъ, что не знаю. Князь сказалъ своему секретарю, чтобы онъ узналъ о причинѣ. Тотъ возвратился и доложилъ, что у графа Муравьева лихорадка, и онъ стоять не можетъ, ожидая своей очереди представиться. Покончивъ со мной, князь жестомъ пригласилъ графа Муравьева и когда тотъ подошелъ къ столу, то князь ему замѣтилъ: „Графъ Муравьевъ, развѣ я не достаточно заслужилъ, чтобы вы безъ моего разрѣшенія не сидѣли при мнѣ, хотя и вдали?“ — „Ваше сіятельство, если я сидѣлъ при васъ, то у меня должны быть на то свои причины, и меня очень удивляетъ вашъ вопросъ“.—„Если это не нескромность, графъ, то скажите, сдѣлайте одолженіе“.—„У меня лихорадка, и я не могу стоять на ногахъ долго. —„А какже вы пріѣхали сюда верхомъ?“—„Потому, ваше сіятельство, что другого способа передвиженія не имѣлъ, а пріѣхавъ очень усталъ, и лихорадка даетъ себя знать. Къ тому же вызовъ вашъ экстренный“. Прощаясь

съ нами, князь сухо поклонился графу и пошелъ въ свое помѣщеніе. М. Н. Муравьевъ долго не могъ успокоиться, говоря: И съ чего это онъ взялъ, чтобы мы стояли передъ нимъ на вытяжку, какъ солдаты? Вѣдь не въ строю же мы находимся....

Это былъ единственный случай, когда я видѣлъ его волнующимся. Что же касается до дѣятельности графа Муравьева, какъ уполномоченнаго „Краснаго Креста", то она выше всякихъ похвалъ. Онъ успѣвалъ всюду побывать, гдѣ только требовалось: на перевязочныхъ пунктахъ, то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ, сопровождалъ транспорты раненыхъ и сестеръ милосердія къ мѣстамъ ихъ назначеній и. т. п. На все это у него находились и время и полная охота. Однимъ словомъ, онъ работалъ такъ, что едва успѣвалъ немного отдохнуть. Смѣло можно сказать, что онъ былъ однимъ изъ видныхъ дѣятелей въ „Красномъ Крестѣ", а потому можно было удивляться его настойчивости и энергіи въ дѣлахъ. Дѣйствительно, у насъ была въ то время самая разнообразная дѣятельность: сегодня одинъ ѣдетъ въ госпитали раздавать лѣкарства, а завтра онъ уже сопровождаетъ „сестеръ милосердія", затѣмъ ѣдетъ образовывать въ разныхъ мѣстахъ питательные пункты для раненыхъ, а тамъ ужъ ѣдетъ съ санитарнымъ „летучимъ отрядомъ" на поле битвы въ то или другое мѣсто. Возвратясь ѣдетъ спѣшно устраивать госпиталь, „Краснаго Креста", а тамъ уже требуетъ реквизиціоннымъ порядкомъ[1]) подводъ отъ обывателей для передвиженія транспортовъ съ перевязочными матеріалами и пособіями, то вдругъ получаетъ предписаніе немедленно явиться въ „главную квартиру" къ главноуполномоченному за новыми инструкціями илипредписаніями, или для личныхъ переговоровъ по экстреннымъ дѣламъ. Всѣ эти поѣздки совершались исключительно верхомъ и приходилось не слѣзать съ коня по нѣскольку сутокъ въ виду того, что кипучая дѣятельность требовала вслѣдъ за словомъ неотлагательнаго исполненія. Врядъли гдѣ была болѣе утомительная служба, чѣмъ въ „Красномъ Крестѣ", за исключеніемъ нашихъ боевыхъ силъ. Особенно утомительна была служба въ первой половинѣ Іюля мѣсяца 1877 года. Много было дѣла „Красному Кресту" послѣ сраженій нашихъ войскъ 8-го и 18-го Іюля мѣсяца. Одна первая бригада 5-ой пѣхотной дивизіи дала пять тысячъ раненыхъ, а затѣмъ 31-ая дивизія, да и въ другихъ частяхъ войскъ была масса раненыхъ. Вспоминаю теперь, и то страшно становится за то тревожное время; а тогда что было!

Въ Систовѣ[2]) я познакомился и съ другими сослуживцами по „Красному Кресту", а именно г.г. Глѣбовымъ, Новосильцовымъ, Исаковымъ, Лебедевымъ, княземъ Щербатовымъ. Про всѣхъ могу сказать, что всѣ они были прекрасные люди съ самымъ гуманнымъ воззрѣніемъ на положеніе существующихъ вещей и на цѣль и дѣятельность общества „Краснаго Креста". Всѣ они были полезные и дѣятельные члены общества, и каждый изъ нихъ не жалѣлъ ни себя, ни своихъ силъ для общей службы Отечеству.

---

[1]) Принудительный способъ требовать чего-нибудь у обывателей.

[2]) Болгарскій городъ на берегу Дуная противъ Румынскаго города Зимницы.

Разскажу случай бывшій съ графомъ М. Н. Муравьевымъ и со мной, который едва не окончился для насъ весьма плачевно. Ѣдемъ мы въ лодкѣ черезъ „Дунай" изъ города Зимницы въ городъ Систовъ, а жара стояла невыносимая. Намъ и пришла въ голову съ графомъ мысль искупаться въ „Дунаѣ"; но какъ это исполнить? Мы рѣшили купаться съ лодки. Сказано-сдѣлано. Раздѣлись и бросились въ воду..... Не успѣли мы еще оглядѣться и видимъ, что лодка далеко ушла впередъ, а насъ быстрымъ теченіемъ сноситъ назадъ. Ни онъ, ни я не можемъ отъ испуга закричать лодочнику, чтобы онъ скорѣе къ намъ подъѣхалъ, а лодочникъ Болгаринъ продолжаетъ плыть далѣе. Чтò дѣлать? Мы стараемся изо всѣхъ силъ плыть впередъ; но дѣло плохо подвигается впередъ, и мы уже начинаемъ ослабѣвать..... Наконецъ лодочникъ обернулся и сразу понялъ наше критическое положеніе. Онъ сталъ держаться на одномъ мѣстѣ, поджидая насъ; но мы, не смотря на всѣ усилія, плохо подвигались впередъ въ виду того, что теченіе въ „Дунаѣ" очень быстро и сильно. Смотримъ, а лодочникъ уже плыветъ къ намъ навстрѣчу и что-то кричитъ. Вотъ онъ подплылъ и протянулъ мнѣ весло, а я, ухватившись за него, протянулъ одну руку графу, и такимъ образомъ мы были подтянуты къ лодкѣ. Влѣзать въ лодку нужно было крайне осторожно, чтобы ея не опрокинуть. На эту операцію ушло очень много времени и, покончивъ съ ней, мы долго не могли придти въ себя и отдохнуть.

При свиданіи въ С.-Петербургѣ графъ вспомнилъ объ этомъ эпизодѣ. Вспоминая про князя В. А. Черкасскаго М. Н. Муравьевъ, говорилъ: Суровъ былъ старикъ, но справедливъ и дѣятель не изъ заурядныхъ, хотя и имѣлъ свои слабости.

Дѣятельность въ „Красномъ Крестѣ", видимо, не удовлетворяла графа Муравьева, не смотря на то, что онъ отдавался ей съ полною готовностью и рѣдкимъ стараніемъ. Въ его характерѣ была настойчивость, и разъ за что онъ брался, то худо или хорошо, но дѣло доводилъ до конца. Какъ сейчасъ помню, въ разговорѣ привелъ онъ мнѣ, какъ правило, одно изъ извѣстныхъ изрѣченій: „Non multa, sed multum", т. е., „немногое, но много". Это было его девизомъ.

Прощаясь съ нимъ въ Петербургѣ, я никакъ не ожидалъ его безвременной кончины. Не отъ насъ зависитъ предотвратить, то или другое. Думаю, что многіе потеряли въ немъ добраго и справедливаго начальника, но, главное, истинно-Русскаго человѣка, какъ по душѣ, такъ и по понятіямъ.

РАЗГОВОРЪ

уѣздныхъ дворянъ о выборѣ судьи *).

Господинъ Здравомысловъ и господинъ Простаковъ-сосѣди.

Здравомысловъ. Здравствуйте Юрій Кондратьевичъ. Все ли въ добромъ здоровьѣ?

Простаковъ. Ба, ба! Иванъ Андреевичъ, откуда взялся? Давно ли приплылъ изъ Украинской своей вотчины?

Здравомысловъ. Только вчера пріѣхалъ.

Простаковъ. Такъ, братецъ, это не новое, а старое: ты всегда въ Октябрѣ или Мартѣ разъѣзжаешь.

Здравомысловъ. Крайнія нужды меня къ тому принуждаютъ.

Простаковъ. Крайнія нужды! Огнемъ горишь, здоровье и спокойствіе всего дороже.

Здравомысловъ. Повѣрьте мнѣ, Юрій Кондратьевичъ, что здоровье болѣе повреждается лѣностію и недѣйствіемъ, нежели трудами; но оставимъ это, а кстати поговоримъ о выборѣ въ судьи: вѣдь у насъ нынче баллотировка. Кого-то у насъ выберутъ въ новые судьи? Не слышно ли у васъ чего объ этомъ?

Простаковъ. Какъ-то не слыхать! У насъ и очень объ этомъ поговариваютъ. На прошедшей недѣлѣ почти все наши первостатейные дворяне были на праздникѣ у Панкратія Сидоровича, въ селѣ Акулинкахъ; тутъ разговоръ вели о выборѣ и уже стакнулись кого куда выбрать.

Здравомысловъ. Кого же вы назначили предсѣдателемъ Уѣзднаго Суда?

Простаковъ. Господина Невѣжина; онъ-де человѣкъ бѣдный, всѣ промолвили, радъ будетъ жалованью. Человѣкъ простой не будетъ дѣлать ябедничества и обидъ.

Здравомысловъ. Изрядный судья! Господинъ Невѣжинъ кромѣ Бовы Королевича никогда ничего не читывалъ, законовъ совсѣмъ не знаетъ, то какъ можетъ онъ быть предсѣдателемъ такого суда, гдѣ нерѣдко случаются важныя дѣла, отъ коихъ часто зависитъ участь самихъ дворянъ? Секретарь водить станетъ его за носъ, брать взятки и дѣлать плутовства; а на господина Невѣжина накладывать станутъ пени да пени и со временемъ лишатъ всего жалованья. Чего бы лучше

---

*) Изъ рукописнаго сборника XVIII вѣка. П. Б.

выбрать въ предсѣдатели господина Деньгова. Законы онъ знаетъ, криводушничать бы побоялся; а его бы притѣснять не посмѣли, потому что онъ по публикѣ знакомъ съ намѣстникомъ, губернаторомъ, и всѣ главныя судьи ѣздятъ къ нему обѣдать, когда онъ бываетъ въ К.

Простаковъ. Э! Эхъ! Братецъ, какое дѣлаешь ты разсужденіе, а кажется еще и умнымъ человѣкомъ почитаешься! Г. Деньговъ человѣкъ богатый, человѣкъ почтенный, какъ же можно выбрать его въ судьи? Да и согласится ли онъ на то?

Здравомысловъ. Да развѣ быть судьею низко? Какое странное мнѣніе! Судья предозначивается быть хранителемъ освященнѣйшаго правосудія, сего основанія общаго благополучія; ему вручаются дѣла касающіяся до безопасности нашей собственности, и потому самому должность его дѣлается важною и почтенною. Вы къ собственной вашей пагубѣ обезчестили и унизили сіе званіе таковыми смѣшными выборами. Ты, я думаю, Юрій Кондратьевичъ, и теперь поохиваешь о томъ лѣску, который отъ тебя отошелъ по рѣшенію бывшаго судьи, господина Кривотолкова; только и отрады, что ты могъ подписать апелляцію, однакоже на выборъ худыхъ судей не перестаешь соглашаться.

Простаковъ. Ну, да вѣдь не я, Иванъ Андреевичъ, сдѣлалъ этотъ выборъ. Илья Ильичъ Нагловъ предложилъ, а всѣ господа дворяне одобрили; ну такъ какъ же мнѣ одному не согласиться? Вѣдь лбомъ стѣны не пробьешь.

Здравомысловъ. Въ засѣдатели-то кого къ нему назначили?

Простаковъ. Въ засѣдатели къ нему назначили выбрать господина Оглохлова и господина Ослѣплова.

Здравомысловъ. Ха! ха! ха! ха! Я не знаю, должно ли сему смѣяться какъ Демокритъ, или плакать какъ Гераклитъ? Однако же вы изрядно подобрали; видно, г. Нагловъ много читалъ древнихъ книгъ о правосудіи. Такъ какъ правосудіе изображается слѣпымъ, то вы и выбрали почти ничего не видящаго судью. Правосудіе должно быть безпристрастно; вы выбрали глухого судью, дабы онъ, ничего не слыша, даже и самаго дѣла, не преклонялся никакими просьбами. Правосудію надлежитъ быть безъ лицепріятія въ назначеніи предсѣдателемъ никого и ничего не знающаго. Не понимаю, на какой конецъ господа дворяне злоупотребляютъ властію, съ добрымъ и премудрымъ намѣреніемъ имъ врученною. Кто бы могъ лучше насъ познать свойства и способности нашихъ сосѣдей и распредѣлить ихъ по приличнымъ имъ должностямъ, и кто бы долженъ бы болѣе насъ участвовать въ выборахъ тѣхъ судей, коимъ мы подчиняемъ нашу собственность? Но мы-то сами, столь нерадиво поступая въ выборѣ ихъ и безо всякаго вниманія оставляя тѣ худыя послѣдствія, кои оттого могутъ проистечь, кого кромѣ самихъ насъ обвинять можемъ причиною на? шего несчастія? Въ капитаны-то исправники кого, сударь, назначили

Простаковъ. Господина Вислоухова, а въ земскія засѣдатели Пьянюшкина и васъ.

Здравомысловъ. Слуга покорный! Я начинаю подозрѣвать почтенныхъ нашихъ дворянъ въ томъ, что они не знаютъ должностей тѣхъ

званія, въ которыя выбираютъ. Исправникъ, будучи начальникомъ сельской полиціи, долженъ быть человѣкомъ прозорливымъ и отважнымъ и расторопнымъ, летать повсюду и для истребленія вкрадывающихся непорядковъ отваживать жизнь свою для изловленія злодѣевъ общества и исправлять всякое зло своимъ присутствіемъ. Отъ него зависитъ безопасность нашей собственности и самихъ насъ. Его попеченіямъ ввѣрены удобность и облегченіе путешествующихъ, успѣхъ и процвѣтаніе торговли, которая въ подвластныхъ ему мѣстахъ отправляется. Какъ же возможно назначить къ сей должности господина Вислоухова, человѣка нерѣшимаго, медленнаго и трусливаго? Ему потребно нѣсколько недѣль на то, дабы предпріять десятиверстное путешествіе. Господинъ же Пьянюшкинъ безъ просыпу бываетъ всегда пьянъ; его изъ уѣзда не выживешь, на ярмаркахъ онъ будетъ первымъ начинщикомъ, а не исправителемъ безпорядковъ. Что же касается до меня, я хотя и сожалѣю о томъ, что снискалъ малую довѣренность отъ благороднаго общества, но всякую должность принимаю съ благоговѣніемъ и, сколько достанетъ моего разумѣнія, съ усердіемъ постараюсь оную исправить. Но вамъ извѣстно, Юрій Кондратьевичъ, что засѣдатель нечто иное есть, какъ орудіе исполненія повелѣній господина исправника и что дѣлаемыя однимъ несправедливость и замедленіе упадаютъ на весь судъ. Слѣдовательно то мѣсто, къ которому вы меня предозначили, ни къ чему иному не послужитъ, какъ къ моему разоренію и очерненію. За что меня дворяне не любятъ?

Простаковъ. Я тебѣ, Иванъ Андреевичъ, не могу на это дать отвѣтъ. Кабы ты намедни случился у Панкратья Сидоровича, да выступилъ бы съ своими разсужденіями, такъ бы первой г. Нагловъ не далъ тебѣ слова сказать, а г. Шумиловъ такъ бы закричалъ, что и святыхъ вонъ неси. Они, братъ, этакихъ умниковъ не любятъ, а своимъ царькомъ жить хотятъ.

Здравомысловъ. Это неудивительно, потому что надменность всегда предшествуетъ глупости и невѣжеству, а несчастіе и пороки за ними слѣдуютъ. Въ предводители кого назначили благоутробные наши дворяне?

Простаковъ. Господина Трусихина.

Здравомысловъ. Чего лучше! Предводитель долженъ быть ходатаемъ за истину и защитникомъ напрасно гонимыхъ. А г. Трусихинъ, человѣкъ такой отважный, что не запнувшись не можетъ къ послѣднему дворянину войти въ горницу и не задрожа отъ страха вымолвить слово. Въ доказательство вашего хорошаго выбора почтенный нашъ нынѣшній предводитель сдѣлалъ весьма достопамятное дѣло, опредѣливъ опекуномъ г. Расточихина къ описному имѣнію г. Роскошева, подобно какъ написано въ одной баснѣ, что левъ совѣстнымъ судьею опредѣлилъ лисицу, а огородникомъ козла.

Конецъ и похвала сочинителю.

ИЗЪ ПИСЕМЪ И. С. АКСАКОВА КЪ Г. П. ГАЛАГАНУ.

Подлинники этихъ писемъ съ столь занимательнымъ и глубокимъ содержанiемъ хранятся въ архивѣ „Коллегiи Павла Галагана“ въ разнообразной и многосторонней перепискѣ Г. П. Галагана. Письма свидѣтельствуютъ о глубокомъ и вѣрномъ пониманiи покойнымъ И. С. Аксаковымъ современныхъ ему спорныхъ внутреннихъ событiй и отношенiй и о томъ, что въ лицѣ приснопамятнаго учредителя Кiевской „Коллегiи Павла Галагана“ онъ имѣлъ не только дружественнаго, но и вдумчиваго корреспондента.

А. Степовичъ.

I.

Въ ожиданiи брата моего Григорiя Сергѣевича, заготовляю это письмо къ вамъ, любезный другъ Григорiй Павловичъ. Вѣроятно разливъ Волги задержалъ его на нѣсколько дней, потому что ѣзда по мосту (черезъ Волгу), хотя мостъ и готовъ, еще не открыта. Да, давно не писали мы другъ къ другу, и ваше объясненiе этого молчанiя совершенно вѣрно: есть историческiя минуты, когда отъ избытка чувствъ уста не «глаголятъ», а смыкаются, когда слово кажется излишнимъ и празднымъ. Мы хоть и не переписывались, но знали оба, что̀ мы думаемъ. Точно также, предполагаю я, мы оба съ вами не предавались и не предаемся никакимъ розовымъ надеждамъ. Вообще до новаго царствованiя нельзя ожидать никакихъ перемѣнъ существенныхъ. Да и затѣмъ, скудость мысли, тусклость сознанiя, невѣжество и лѣнь все таки останутся атмосферическою принадлежностью Петербурга. Въ Февралѣ мнѣ случилось быть въ этомъ городѣ. Уму человѣческому трудно вмѣстить возможность очищенiя всей этой атмосферы процессомъ перевоспитанiя и сознанiя; ибо среда, живущая и дышащая ею, не бездѣйственна, и пока пересоздастся, не перестанетъ сѣять ложь, пусть и не злоумышленную, но все же ложь плодотворную, искажающую жизнь, вызывающую отрицанiе, неудовольствiе, болѣзненное состоянiе во всемъ общественномъ организмѣ. Если же оздоровленiе можетъ быть дано только кризисомъ, путемъ катастрофическимъ: то изъ всѣхъ видовъ катастрофы, дай Богъ, чтобъ это была внѣшняя война.

Но пути Божiи неисповѣдимы, и Россiя земля загадочная. Тридцать лѣтъ слышу я ежедневно одинъ припѣвъ всѣхъ рѣчей: «такъ

продолжаться не можетъ», «мы накакунѣ катастрофы» и т. п. И однакожъ Россія стоитъ себѣ, да стоитъ, и еще растетъ! И то, что̀ мы переживаемъ, можетъ быть есть уже кризисъ?! Не есть ли нигилизмъ, проявившійся въ формѣ злодѣйствъ, убійствъ, взрывовъ, послѣдняя лебединая пѣснь отрицанія, его вѣнецъ, апогея того отрицательнаго направленія, которое началось чуть ли не тотчасъ послѣ Петровской реформы? Не замѣчается ли въ подрастающемъ молодомъ поколѣніи рѣзкое различіе съ поколѣніемъ нигилиствующимъ? Это вамъ еще лучше знать. Не замѣчается ли распространеніе Славянофильскаго ученія именно теперь, въ настоящую минуту, какъ единственнаго положительнаго, а не отрицательнаго ученія? Я говорю Славянофильскаго, не Катковскаго; ибо Катковъ опять только въ statu quo, въ укрѣпленіи «правительства» видитъ спасеніе, во внѣшнихъ принудительныхъ мѣрахъ. Между тѣмъ общество чувствуетъ себя поставленнымъ между двумя категоріями нигилистовъ: нигилистовъ соціально-революціонной партіи и нигилистовъ правительствующихъ, или вѣрнѣе, между двумя категоріями представителей отрицанія, одинаково не признающихъ Русской народности и пр. Однимъ словомъ: съ одной стороны нигилятина, съ другой казенщина, а Катковъ казенщину чуть не отождествляетъ съ народностью... Казалось бы, что именно теперь, въ виду серьезно пробуждающейся въ обществѣ потребности къ серьезной оцѣнкѣ нашего положенія, въ виду его утомленія и либеральною и консервативною фразеологіею, въ виду совершеннаго отсутствія литературнаго органа съ безусловно-честнымъ въ гражданскомъ смыслѣ знаменемъ и въ тоже время съ направленіемъ національнымъ, было бы полезно учредить такой органъ, и я подумывалъ объ изданіи еженедѣльной газеты, безъ телеграммъ и сплетней, исключительно посвященной задачамъ настоящей поры. Но это мнѣ не удалось: правительство наше не на столько воспиталось бѣдами, чтобы быть въ состояніи терпѣть мой голосъ. Нигилисты ему болѣе свои, чѣмъ Славянофилы. Ну вотъ и подите! Въ ту минуту, какъ я вамъ пишу, я еще не получилъ оффиціальнаго отказа, вѣроятно и не получу его, потому что и самъ писалъ неоффиціально; но власти, завѣдывающія нашею печатью, не сочли возможнымъ дать мнѣ даже частный отвѣтъ безъ доклада Государю!

А между тѣмъ изданіе газеты, при настоящихъ довольно благопріятныхъ условіяхъ или старой извѣстности моего имени, дало бы мнѣ возможность избавиться отъ убійственно-противной мнѣ службы въ банкѣ! *) Но, устраняя личный вопросъ, спрашиваю, не характери-

*) Разстроивъ имущественныя свои дѣла изданіемъ газетъ „День", „Москва", „Москвичъ", И. С. Аксаковъ принялъ отъ Ѳ. В. Чижова мѣсто предсѣдателя въ Московскомъ Купеческомъ Обществѣ Взаимнаго Кредита и только этимъ трудомъ своимъ получилъ возможность уплачивать многочисленные долги свои. П. Б.

зуется ли вполнѣ, исторически, наше правительство и все общественное положеніе этимъ фактомъ, именно постояннымъ гоненіемъ на Славянофиловъ?

Я не знаю лично Лорисъ-Меликова, но изъ многихъ близкихъ знакомыхъ тѣ, которые его знаютъ, всѣ говорятъ, что онъ человѣкъ умный, не чиновникъ нисколько и не придворный. Военный, боевой офицеръ, уроженецъ Кавказа и всю жизнь проведшій на Кавказѣ, онъ не усвоилъ себѣ ни одной Петербургской привычки. Это хорошо; но ничего существеннаго, кажется, ожидать отъ него нельзя, и это по двумъ причинамъ: во 1-хъ потому, что онъ окруженъ положительнымъ заговоромъ, съ Валуевымъ во главѣ, чуть ли не всѣхъ министровъ (за исключеніемъ военнаго)... Зависть, противодѣйствіе, явное и тайное, отовсюду; на каждомъ шагу стараются пробудить въ Государѣ чувство ревности къ значенію Лорисъ-Меликова, указываютъ на попытки распространить свою власть и область дѣятельности за предѣлы тѣснаго полицейскаго полномочія и т. д. Вчера распространился даже слухъ, что онъ выходитъ въ отставку. Во 2-хъ, много мѣшаетъ Лорису недостатокъ живого, непосредственнаго знанія Россіи. Онъ никогда въ Россіи не живалъ (кромѣ Ветлянскаго и Харьковскаго эпизодовъ), про Русскую деревню и понятія не имѣетъ; крестьянство, земство, все это для него terra incognita... Впрочемъ, я полагаю, вы въ Кіевѣ все это знаете не хуже, чѣмъ мы въ Москвѣ.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

10 Апрѣля 1880 *) года. Москва.

---

*) Во второй половинѣ Августа этого 1880 года, въ Алупкѣ, на такъ называемой Альгамбрѣ, сидѣли за раннимъ послѣобѣденнымъ чаемъ князь С. М. Воронцовъ, его супруга и нѣсколько человѣкъ гостей (въ числѣ ихъ одинъ Москвичъ), какъ появился нежданно-негаданно графъ Михаилъ Таріеловичъ Лорисъ-Меликовъ, нѣкогда сослуживецъ князя Воронцова по Кавказу и бывшій адъютантъ его отца-фельдмаршала. Онъ только наканунѣ этого дня пріѣхалъ съ Государемъ въ Ливадію. „Отпросился у Его Величества побывать на родинѣ", были первыя его слова, и за тѣмъ тотчасъ же съ княземъ-хозяиномъ пошелъ осматривать комнаты дворца, съ которыми соединялись для него воспоминанія молодости. Возвратившись на Альгамбру, онъ сталъ разсказывать о томъ, что упразднено III-е Отдѣленіе Собственной Канцеляріи, что въ Харьковѣ и Чугуевѣ (на смотру войскъ) все обошлось какъ нельзя лучше и что Государь прибылъ въ Крымъ среди преданнаго ему и ликующаго населенія. „Въ день Преображенія уничтожено ненавистное учрежденіе и разрѣшенъ новый журналъ издателю-Еврейскаго происхожденія, а у И. С. Аксакова замòкъ на устахъ", замѣтилъ при этомъ собесѣдникъ-Москвичъ. На обратномъ пути изъ Крыма, позднею осенью, графъ Лорисъ вызвалъ къ себѣ въ Москвѣ на станцію И. С. Аксакова и объявилъ ему, что онъ можетъ возобновить свою издательскую дѣятельность, воспрещенную ему послѣ знаменитой рѣчи о Берлинскомъ конгрессѣ. П. Б.

II.

. . . . О свѣдущихъ людяхъ, разумѣется, нѣтъ теперь и помину, да и не будетъ. Игнатьевъ, котораго я видѣлъ весной, не падалъ духомъ и выражалъ увѣренность, что осенью все перемѣнится, что онъ опять будетъ призванъ къ власти, и т. д.; но я убѣжденъ въ противномъ. Толстой слишкомъ удобный министръ, слишкомъ смышленый человѣкъ и продержится долго (исключая случая какой нибудь катастрофы). Онъ не безпокоенъ, какъ Игнатьевъ, не задаетъ трудной работы головѣ, не пугаетъ смѣлыми затѣями и планами дерзновенными. Онъ типъ умнаго бюрократа, пишетъ и отписывается: все у него въ порядкѣ, бумаги не залеживаются, всѣ дѣла имѣютъ правильное, «въ установленномъ порядкѣ» теченіе, хотя бы сама жизнь стала и замерла. Докладъ имѣетъ разъ въ недѣлю и не видитъ надобность утруждать чаще Его Величество. Государя онъ при первомъ докладѣ спросилъ: какъ прикажете управлять, Ваше Величество, съ какою цѣлью, снискивать для правительства популярность, или же искать существенной пользы и дѣлать дѣло?» Разумѣется, дѣло и польза, былъ отвѣтъ*). Этимъ оправданъ путь противоположный предшествовавшему. Онъ не торопится, не суетится, но медленно забираетъ возжи. Его почти не слыхать. Центральнаго министерства, каковымъ было Министерство Внутреннихъ Дѣлъ при графѣ Лорисъ-Меликовѣ и Игнатьевѣ, министерства политическаго, теперь не существуетъ, и мнѣ разсказывали, что Островскій (предавшій Игнатьева, явившійся его врагомъ) началъ скучать, потому что при Толстомъ каждый министръ долженъ, какъ улитка, уйти въ свое министерство, sans faire de la grande politique. Кто же ведетъ большую политику? Да никто. Знаю, что хо-

---

*) Граѳъ Дмитрій Андреевичъ Толстой былъ человѣкъ твердаго государственнаго ума. Будучи министромъ народнаго просвѣщенія, онъ объѣхалъ почти всю Европейскую Россію для осмотра учебныхъ заведеній, и это знакомство его съ родиною дало ему большой вѣсъ въ понятіи покойнаго Государя, всегда предпочитавшаго дѣло слову. Въ началѣ 1882 года онъ жилъ безъ особой должности, на Моховой, въ домѣ 30-мъ, который былъ имъ нанятъ на *три* года. Его назначеніе было для него неожиданностью. Въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1885 года, на Аптекарскомъ острову, передавалъ онъ пишущему эти строки, что передъ вступленіемъ въ должность онъ счелъ своимъ долгомъ выразить Государю свое основное убѣжденіе въ томъ, что 19 Февраля не принесло и не могло принести ожидаемаго блага, потому что дѣло ведено было не по чувству христіанскаго братолюбія, какъ желалъ того императоръ Александръ Николаевичъ, а при незнаніи Россіи, въ хвастовствѣ передъ Западною Европою и въ выгодахъ чиновничества. Позднѣе, въ Москвѣ, я спросилъ граѳа, могу ли я передавать кому-либо эти знаменательныя слова. Вполнѣ можете, отвѣчалъ онъ: я многимъ говорилъ ихъ.—И. С. Аксаковъ по этому предмету тоже не ослѣплялся. Читатели „Русскаго Архива“ (1901, II, 297) помнятъ его письмо о томъ въ Орловскую деревню къ Е. И. Елагиной. П. Б.

тѣла ее захватить въ свои руки «дружина»; но удалось ли ей это, неизвѣстно. Въ Петербургѣ теперь главное motto «все обстоитъ благополучно», а потому не о чемъ особенно и хлопотать, кромѣ какъ о текущихъ дѣлахъ; и другое motto «Толстой успокоилъ умы, взбудораженные Игнатьевымъ», Но чьи умы, спрашивается? И какого рода это спокойствіе? Нѣтъ сомнѣнія, что въ обществѣ чувствуется отчасти апатія, вслѣдствіе безнадежности, отчасти устремленіе къ заботамъ матеріальнаго свойства, спекуляціямъ, предпріятіямъ, къ интересамъ личнымъ, практическимъ, вмѣсто интересовъ общественныхъ; отчасти же, думаю, что теперешній покой прикрываетъ только снаружи вошедшее глубоко внутрь раздраженіе, вслѣдствіе полнаго разочарованія. Чувствуется также, что печать не имѣетъ того значенія какъ прежде, вслѣдствіе презрѣнія къ ней, внушаемаго * * * (который со мною вполнѣ разошелся) и К°, такъ что практической цѣли издаваніе газеты уже не имѣетъ предъ собою.

Ваше положеніе, дорогой Григорій Павловичъ, конечно очень тяжело. Назначеніе ваше въ Государственный Совѣтъ имѣло особый смыслъ; вы явились въ немъ какъ бы делегатомъ отъ общества, человѣкомъ земскимъ, а не зауряднымъ членомъ, какъ другіе: перемѣна декорацій, и всю обстановку сглаживаетъ это назначеніе... Но вотъ является одно предложеніе, которое какъ бы даетъ возможность сохранить за вами ваше значеніе общественное. Не знаю, будетъ ли только вамъ удобно принять его.

Мнѣ пишутъ изъ Петербурга члены Совѣта Славянскаго Общества, а также и Петръ Алексьев. Васильчиковъ, чтобы я васъ убѣдилъ принять званіе предсѣдателя Славянскаго Общества въ Петербургѣ (въ которое васъ хотятъ выбрать). Не отказывайтесь. Сначала мнѣ казалось это званіе несовмѣстимымъ съ званіемъ члена Государственнаго Совѣта; но Васильчиковъ, который потомъ былъ у меня въ Москвѣ, сказалъ мнѣ, что состоятъ же у нихъ членами Филипповъ товарищъ государственнаго контролера, Корниловъ членъ Государ. Совѣта... Такъ какъ въ Москвѣ Славянскаго Общества не имѣется, и при Толстомъ нѣтъ надежды его возстановить (онъ страшно негодовалъ на него за добровольческую войну 1876 года), то очень возможно, что при нынѣшнихъ политическихъ обстоятельствахъ придется въ скоромъ времени Славянскому Обществу играть роль. Разумѣется (я думаю, можетъ быть и ошибаюсь) на принятіе этого званія нужно хоть частнымъ образомъ получить согласіе Государя. Если же тако-

вое будетъ, то положеніе предсѣдателя получитъ значеніе серьезное. Повергаю это все на ваше усмотрѣніе.

31 Августа 1882 года.

III.

Ну, что вы подѣлываете, дорогой Григорій Павловичъ? Ничего мы другъ про друга не знаемъ. Впрочемъ такая жара стояла повсемѣстно, что засуха воцарилась не въ одномъ царствѣ растительномъ. Трудно было и за перо взяться. Я все это время много читалъ и подготовлялся къ возобновленію «Руси», 1-й № которой выйдетъ вѣроятно 17 Августа. Здоровьемъ я поправился, главнымъ образомъ благодаря отдыху; посмотримъ, выдержитъ ли оно, когда начнется страда редакторская. Я не имѣлъ недостатка въ выраженіяхъ сочувствія моей газетѣ по случаю ея пріостановки и потомъ, по случаю объявленія о ея возобновленіи; но знаю, что въ итогѣ выйдетъ таже умѣренность въ числѣ подписчиковъ и даровитыхъ сотрудниковъ, слѣдовательно тотъ же объемъ личнаго моего труда. Ну, да это увидится.

Вчера получилъ я конвертъ почтовый, рука * * *, и въ немъ письмо ваше къ нему еще отъ 7 Іюля изъ Прилукъ, на которомъ рукою * * * написано: «вотъ прочти письмо, которое можетъ тебя заинтересовать; а я сегодня, 19 Іюля, вернулся изъ Казани съ наилучшими впечатлѣніями». Дай Богъ, чтобъ впечатлѣнія его были вѣрны; онъ туда ѣздилъ на архіерейскій соборный съѣздъ Волжскихъ и Камскихъ епископовъ. Письмо ваше по поводу критики романа Сенькевича «Огнемъ и Мечомъ», помѣщенной въ «Кіевской Старинѣ». Этотъ романъ я самъ читаю, т. е. прочелъ сколько помѣщено въ семи книжкахъ «Русской Мысли»; начатъ же онъ въ этомъ журналѣ еще съ конца прошлаго года и до сихъ поръ еще не весь помѣщенъ. Критики Антоновича еще не читалъ, но прочту, если въ редакціи моей продолжаютъ еще получать «Кіевскую Старину»: многіе журналы, получавшіеся въ обмѣнъ, прекратили выписку, какъ скоро «Русь» была пріостановлена. Но я пишу вамъ съ дачи, гдѣ я живу и куда прямо было адресовано письмо * * *; въ Москвѣ же буду дня черезъ два и тамъ наведу справку, а теперь рѣшился писать вамъ не откладывая. Въ Іюльской книжкѣ «Р. Мысли» есть въ отдѣлѣ библіографіи отзывъ о критикѣ Антоновича, отзывъ очевидно искажающій мысль автора и не дающій поэтому о ней вѣрнаго понятія. Что романъ написанъ талантливо, нѣтъ и спора; но чему же радуются Поляки? Не понимаю. Этотъ романъ есть самая злая критика Польскаго государственнаго строя XVII вѣка, самое полновѣсное свидѣтельство о Польскомъ безправіи, Польской безурядицѣ, Польской

несостоятельности. Краснѣть слѣдуетъ Полякамъ, читая этотъ романъ, гдѣ весь Польскій патріотизмъ автора не могъ скрыть пустоту и ложь Польскаго задора, и это сочетаніе религіозной сентиментальности съ дикимъ звѣрствомъ. Дѣйствительно, если они не краснѣютъ, если кровавые уроки исторіи ихъ ничему не вразумили, то для Польской національности нѣтъ будущаго. Малороссіи отвѣчать на этотъ романъ слѣдовало бы воздвиженіемъ памятника Богдану Хмѣльницкому, какъ выразителю и свершителю народной воли. А между тѣмъ памятникъ этотъ, уже готовый, даже поставить не смѣютъ, боясь демонстрацій со стороны кого? Со стороны самой же Малорусской интеллигенціи, со стороны такъ называемыхъ Украинофиловъ новѣйшей формаціи.

Такъ какъ этотъ послѣдній грѣхъ водится, говорятъ, и за Антоновичемъ, то тѣмъ любопытнѣе прочесть его книжку. Украйнофильская точка зрѣнія слишкомъ узка вообще для оцѣнки явленій исторіи. Вотъ почему и Костомаровъ, при всемъ своемъ талантѣ, плохой историкъ, именно потому, что страдалъ украйнофильствомъ и не могъ возвыситься до общей точки зрѣнія на историческую формацію «Россіи». Вѣдь Малороссіи, въ общей тысячелѣтней исторіи Россіи, принадлежатъ только $2^1/_2$ вѣка: XV, XVI и половина XVII-го. Кіевскій періодъ принадлежитъ всеобщей Русской Исторіи. Съ разгромомъ Татаръ, Владимирско-Кіевскій эпосъ ушелъ туда, куда ушелъ общій потокъ Русской исторіи, на Сѣверъ и Востокъ. О Владимирѣ и Кіевѣ поютъ въ Архангельскѣ и на Камѣ, а не въ Малороссіи... Ну да объ этомъ не въ письмѣ писать. Я вспоминаю покойнаго Кистяковскаго. На возвратномъ пути изъ Петербурга онъ зашелъ ко мнѣ съ вашимъ письмомъ. Онъ показался мнѣ очень симпатичнымъ, и при томъ какимъ-то грустно-болѣзненнымъ; и потому я, принявъ его радушно, избѣгалъ вступить съ нимъ въ споръ. Но онъ самъ мнѣ сказалъ, что его точка зрѣнія вообще одинакова съ журналомъ Галицкимъ «Діло»; а вѣдь этотъ журналъ клеймитъ и Наумовича, и партію «Слова» и «Пролома», т. е. дѣйствуетъ, изъ ненависти къ Россіи, на руку Полякамъ; а вѣдь этой партіи благоволятъ Поляки, пуская ей мыльные пузыри въ родѣ сепаратизма и федерализма для Малорусскаго народа. «Я», прибавилъ впрочемъ мнѣ, прощаясь, Кистяковскій, «вполнѣ готовъ признать, что Русскій (не Малорусскій) языкъ долженъ быть общимъ языкомъ государственнымъ». А я думаю, что и общимъ культурнымъ языкомъ, отвѣчалъ я ему прощаясь, и на этомъ мы разстались. Не успѣлъ я ему и пояснить, что Русскій литературный языкъ созданъ столько же Малороссами, сколько и Великороссами, начиная отъ Ѳеофана Прокоповича и кончая Гнѣдичемъ, Капнистомъ, Гоголемъ

и проч., что Шевченко писалъ Малорусскія прелестныя пѣсни и въ тоже время свой собственный дневникъ прозою велъ на общемъ литературномъ языкѣ.

Я совершенно раздѣляю ваше мнѣніе, что Поляки, не измѣнившіеся въ теченіе 240 лѣтъ, не могутъ уже быть страшны Россіи. Россіи страшны аберраціи ея собственной интеллигенціи, и страшны только потому, что замедляютъ ея развитіе и заставляютъ молодежь тратить время на пустяки. Оселкомъ для опознанія вреднаго украйнофильства служатъ, между прочимъ, для меня два признака: отношеніе къ Наумовичу и вообще къ жертвамъ извѣстнаго Гнилицкаго процесса (Пыпинъ и вся К° Вѣстника Европы яростно обозвались на нихъ), и отношеніе къ С . . . чу, этому коноводу Польской интриги въ Петербургѣ.

Вездѣ и всюду опасны и вредны мы себѣ сами.

Знаете ли новость? Пазухина Толстой, чрезъ И. Н. Д., пригласилъ принять должность секретаря министра внутреннихъ дѣлъ, ту, которую занималъ Воейковъ при Игнатьевѣ. Пазухинъ долго отказывался, но его уговорили Воейковъ и Катковъ; первый—нарочно къ нему ѣздилъ въ деревню, Катковъ телеграммой, кажется. Я жалѣю Пазухина. Онъ человѣкъ очень хорошій, искренно убѣжденный, но односторонній, чуть не 17 лѣтъ по выходѣ изъ Университета прожившій въ деревнѣ, къ тому же находящійся, болѣе или менѣе, подъ Катковскимъ вліяніемъ. Сдѣлавшись секретаремъ Толстого, онъ понесетъ на себѣ, и большею частью безвинно, отвѣтственность за все управленіе, именно потому что это назначеніе изъ кандидата правъ въ дѣйств. статскіе совѣтники представится многимъ чѣмъ-то необычайнымъ. Можно опасаться также, чтобы онъ не испортилъ положенія дворянства какими нибудь затѣями привилегійнаго характера.

25 Іюля 1885 г. С. Спасское.

ДУШЕВНАЯ БОЛѢЗНЬ ІОАННА ГРОЗНАГО.

Историческая оцѣнка государственной дѣятельности Іоанна Грознаго до послѣдняго времени встрѣчалась съ необыкновенными трудностями. Карамзинъ откровенно признается, что „характеръ Іоанна, героя добродѣтели въ юности, неистоваго кровопійцы въ лѣтахъ мужества и старости, есть для ума загадка" (Исторія Государ. Россійск. IX т., стр. 438, изданіе Смирдина). „Новѣйшіе историки, какъ говоритъ Костомаровъ, постепенно поднимая Іоанна, дотянули уже до того, что указываютъ въ немъ идеалъ не только для Руси, но и для цѣлаго Славянскаго племени". (Костомаровъ. Личность царя Ивана Васильевича Грознаго. Вѣстникъ Европы. Окт. 1871 г.) „Много, говоритъ Костомаровъ, было совершено въ этотъ полувѣковой періодъ славнаго, свѣтлаго и великаго по своимъ послѣдствіямъ, но еще болѣе мрачнаго, кроваваго и отвратительнаго. Понятно, что при такомъ противуположномъ качествѣ многихъ важныхъ явленій... характеръ царя Ивана Васильевича представляется загадочнымъ; уяснить и опредѣлить его было бы немаловажною задачею отечественной исторіи, а это было бы возможно только при разнообразномъ изученіи, какъ былевой, такъ и бытовой стороны того вѣка".

На самомъ дѣлѣ, для опредѣленія характера дѣятельности Грознаго необходимо знаніе психіатріи. Историковъ поражала страшная жестокость Іоанна, жестокость, не оправдываемая обстоятельствами дѣла, нравственная распущенность, которая не вязалась съ его прежнею жизнью. Въ послѣднее время проф. Ковалевскій, какъ спеціалистъ по душевнымъ болѣзнямъ, въ въ своей монографіи: „Іоаннъ Грозный и его душевное состояніе" (Спб. 1901 г.), на основаніи извѣстныхъ историческихъ фактовъ, доказываетъ, что Іоаннъ страдалъ однопредметнымъ помѣшательствомъ (paronoia), позволявшимъ ему одновременно и управлять государствомъ, и совершать дѣянія, которымъ могутъ быть найдены объясненія только въ его болѣзненномъ состояніи (стр. 292). Ставъ на эту точку зрѣнія, т. е. смотря на Іоанна, какъ на больного человѣка, мы поймемъ характеръ его, или, точнѣе говоря, мы поймемъ дѣятельность Іоанна, которая совершалась подъ вліяніемъ окружающихъ его людей и его бредовыхъ идей. Характера же у Іоанна не было и не могло быть, такъ какъ онъ въ своей умственной дѣятельности не былъ свободенъ, а зависѣлъ отъ этихъ бредовыхъ идей. Существуетъ нѣсколько видовъ паронои. Проф. Ковалевскій не указалъ ясно, какой видъ паронои

онъ признаетъ у Грознаго; а между тѣмъ для дѣла это существенно важно, такъ какъ характеръ извѣстнаго вида теченіемъ и признаками совершенно отличается отъ другого вида паронои. Съ самаго рожденія Іоаннъ носилъ въ себѣ задатки болѣзни. Отецъ его былъ старъ и мало способенъ къ продолженію рода. Разведшись съ Соломоніею, первою своею супругою, отъ которой у него не было дѣтей, онъ и отъ новой жены, Елены Глинской, только чрезъ три года слишкомъ получилъ наконецъ сына. Бракъ его былъ въ 1526 году, а Іоаннъ, будущій царь Грозный *), родился въ 1530 году. Сама Елена, мать его, страдала болью половины головы, т. е. мигренью, и имѣла хроническую течь изъ уха: Несомнѣнно, она внесла въ кровь Рюриковичей вырожденіе. Второй сынъ Василія и Елены, Юрій отличался слабоуміемъ. Дѣти самого Іоанна одни очень рано умирали, другія представлялись ненормальными: Іоаннъ отличался жестокостію, Ѳеодоръ былъ слабаго здоровья и неспособенъ къ государственному управленію. Воспитаніе царя Іоанна было таково, что и душевно-устойчивая натура не выдержала бы тѣхъ треволненій, которыя ему пришлось испытать, его же впечатлительность и неустойчивость совершенно надломились подъ бременемъ тяжелыхъ обстоятельствъ. Четырехъ лѣтъ онъ лишился отца. Послѣ того мать его увлеклась страстью къ Телепневу-Оболенскому и въ угоду ему пожертвовала даже дядей своимъ Глинскимъ; конечно, она жертвовала еще охотнѣе въ угоду ему воспитаніемъ своего сына. Восьми лѣтъ Іоаннъ лишился матери, по всей вѣроятности, отъ отравленія. У гроба ея мальчикъ Іоаннъ безпомощно бросился на шею къ Телепневу. Можно себѣ представить, что̀ долженъ былъ чувствовать ребенокъ, круглый сирота. Скоро его лишили и этой опоры: въ седьмой день по кончинѣ Елены, бояринъ Василій Васильевичъ Шуйскій съ своею партіею приказалъ схватить Телепнева, оковать цѣпями, заключить въ темницу и тамъ уморить голодомъ. Державный отрокъ плакалъ отъ сего насилія надъ близкимъ ему человѣкомъ, молилъ своихъ подданныхъ сжалиться надъ несчастнымъ, но его не послушали. Въ это же время отъ него удалили его воспитательницу, боярыню Агрипину Челядину, сестру Телепнева, которой велик. кн. Василій Ивановичъ поручилъ воспитаніе своего сына Іоанна и завѣщевалъ ей не оставлять его никогда. Десяти лѣтъ Іоаннъ съ братомъ своимъ Юріемъ испыталъ ужасъ Татарскаго нашествія. Въ Успенскомъ храмѣ онъ молился, плакалъ и въ слухъ всего народа говорилъ: „Боже! Ты защитилъ моего прадѣда въ нашествіе лютаго Темиръ-Аксака; защити и насъ юныхъ, сирыхъ. Не имѣемъ ни отца, ни матери, ни силы въ разумѣ, ни крѣпости въ десницѣ, а государство требуетъ отъ насъ спасенія“. Бояре основательно рѣшили малолѣтнимъ князьямъ остаться въ Москвѣ; но Іоаннъ уже сознавалъ всю опасность своего положенія, думалъ, что онъ можетъ погибнуть отъ этого ханскаго нашествія. когда государство требуетъ отъ него спасенія. Двѣнадцати лѣтъ онъ испыталъ ужасъ дворцоваго бунта, когда любимаго имъ и честнаго Ивана

*) Внукъ Гречанки и сынъ Литовки. П. Б.

Бѣльскаго партія Шуйскаго низвергла и сослала въ заточеніе и потомъ убила. Изъ самыхъ покоевъ царя шумная толпа извлекла митрополита Іоасафа и отправила въ ссылку. На глазахъ Іоанна въ засѣданіи думы Шуйскіе напали на Воронцова, любимца Іоаннова, били его, не смотря на просьбы митрополита и самого Іоанна, сослали безъ вины въ Кострому.

Не мудрено, что Іоаннъ рано сдѣлался озлобленнымъ: ему доставляло удовольствіе мучить животныхъ, доставляло удовольствіе давить народъ и пугать его при своей бѣшеной ѣздѣ по улицамъ Москвы. Бояре не только не удерживали его отъ этихъ преступныхъ развлеченій, но еще поощряли, называя такіе поступки храбростью. Жестокость Іоанна обнаружилась на правителѣ Андреѣ Шуйскомъ. Его неожиданно, по приказанію царя, схватили и отдали псамъ на растерзаніе, и уже послѣ объявили его вины. Во главѣ правленія стали Глинскіе, которымъ собственно и нужно приписать многочисленныя опалы этого времени; но эти опалы совершались уже не безъ участія Іоанна. Въ расправѣ съ Новгородскими пищальниками жестокость вполнѣ принадлежитъ самому Іоанну. Пятьдесятъ Новогородскихъ пищальниковъ хотѣли принести Іоанну жалобу. Онъ не хотѣлъ ихъ слушать и велѣлъ своимъ дворянамъ разогнать ихъ. Новгородцы воспротивились дворянамъ съ оружіемъ въ рукахъ. Это было сочтено бунтомъ. За бунтъ Новгородскихъ пищальниковъ, по совершенно ложному доносу, обвинили князя Кубенскаго и Воронцовыхъ. Безъ суда и слѣдствія имъ отрублены головы.

Въ 1547 г. Іоаннъ короновался и въ томъ же году вступилъ въ бракъ съ Анастасіей изъ рода Романовыхъ. Но эти два обстоятельства не подѣйствовали благопріятно на царя. „Онъ любилъ себя показывать царемъ, но не въ дѣлахъ мудраго правленія, а въ наказаніяхъ и необузданности прихотей, игралъ милостями и опалами" (Истор. Карамз.). Уже послѣ своего коронованья и женитьбы Іоаннъ допустилъ себѣ совершить возмутительную исторію съ Псковскими челобитчиками. Весною 1547 г. въ селѣ Островкѣ къ царю явилось 70 человѣкъ Псковитянъ съ жалобами на своего намѣстника князя Турунтая-Пронскаго. Они представили царю обвиненія и улики. Царь, не слушая жалобъ, закипѣлъ на жалобщиковъ гнѣвомъ, кричалъ, топалъ, лилъ на нихъ горящее вино, палилъ имъ бороды и волосы, велѣлъ ихъ раздѣть и положить на землю. Только чудо спасло ихъ отъ смерти: царю донесли, что въ Москвѣ упалъ большой колоколъ; царь сейчасъ же ускакалъ въ Москву, не сдѣлавъ никакого распоряженія объ участи несчастныхъ жалобщиковъ. Такъ дѣйствовалъ царь весною 1547 года. Нужно было совершиться потрясающему событію, чтобы Іоаннъ измѣнился, или вѣрнѣе, чтобы Іоаннъ могъ подпасть подъ вліяніе умнаго, честнаго и горячо любящаго свое отечество священника Сильверста. Въ 1547 г. въ Москвѣ произошелъ страшный пожаръ. „Вся Москва представляла зрѣлище огромнаго пылающаго костра подъ тучами густого дыма. Ревъ бури, трескъ отъ огня, стоны и вопли людей, взрывы пороха производили ошеломляющее дѣйствіе. Народъ былъ возбужденъ до полнаго отчаянія. Придворные воспользовались этимъ обстоя-

тельствомъ: объявили Іоанну и внушили черни, что пожаръ произвели Глинскіе. Распущенъ слухъ, что мать ихъ Анна вынимала сердца изъ мертвыхъ, клала въ воду и кропила ею всѣ улицы, ѣздя по Москвѣ". Все это открыто говорилось народу, собравшемуся на Кремлевской площади. Въ числѣ другихъ лицъ тутъ былъ и сынъ Анны Глинской, Юрій Глинскій. Онъ, слыша возмутительныя рѣчи, понялъ, что жизни его грозитъ опасность, хотѣлъ укрыться въ церковь Успенія, но толпа бросилась за нимъ въ церковь и тамъ убила его; потомъ тѣло его извлекли изъ церкви, положили на лобномъ мѣстѣ и приступили къ грабежу имѣнія Глинскихъ, умертвили множество слугъ и дѣтей боярскихъ. На третій день по убіеніи Глинскаго, разсвирѣпѣвшая толпа явилась въ Воробьево, гдѣ былъ тогда царь, окружила дворецъ его и требовала, чтобы царь выдалъ ей свою бабку, княгиню Анну Глинскую и сына ея Михаила. Тутъ въ Воробьевѣ предъ Іоанномъ явился священникъ Сильверстъ, родомъ изъ Новгорода, приблизился къ нему съ поднятымъ, угрожающимъ перстомъ, съ видомъ пророка, и гласомъ убѣдительнымъ возвѣстилъ ему, что судъ Божій гремитъ надъ главою царя легкомысленнаго и злострастнаго, что огнь небесный испепелилъ Москву, что сила Вышняго волнуетъ народъ и ліетъ фіалъ гнѣва въ сердца людей. Раскрывъ святое писаніе, сей мужъ указалъ Іоанну правила, данныя Вседержителемъ сонму царей земныхъ, заклиналъ его быть ревностнымъ исполнителемъ сихъ уставовъ, представилъ ему какія-то страшныя видѣнія, *потрясъ душу и сердце, овладѣлъ воображеніемъ, умомъ юноши* и произвелъ чудо: Іоаннъ сдѣлался инымъ человѣкомъ (Карамз. т. VIII, стр. 104). Строго говоря, Іоаннъ, конечно, остался прежнимъ человѣкомъ, но воображеніемъ и умомъ его овладѣлъ священникъ Сильверстъ, подчинилъ его себѣ, и дѣятельность Іоанна измѣнилась.

Священникъ сталъ у трона, чтобы направлять дѣятельность царя къ добру и пользѣ отечества. Сильверстъ привлекъ къ дѣлу правленія молодого Алексѣя Ѳеодоровича Адашева, который, не смотря на свою молодость, отличался основательнымъ умомъ и прекрасными нравственными качествами. Пользуясь любовью и довѣренностью царя, не преслѣдуя никакихъ своекорыстныхъ видовъ, эти два человѣка подобрали прекрасный составъ боярской думы и нашли хорошихъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ государственной жизни. Все хорошее въ царствованіе Іоанна принадлежитъ имъ. О томъ, что пожаръ Московскій 1547 года произвелъ на Іоанна сильное впечатлѣніе, видно изъ рѣчи его къ собору, созванному для устройства церковнаго. „Нельзя ни описать, ни языкомъ человѣческимъ пересказать всего того, что̀ я сдѣлалъ дурного по грѣхамъ молодости моей. Прежде всего смирилъ меня Богъ, отнялъ у меня отца, а у васъ пастыря и заступника; бояре и вельможи, показывая видъ, что мнѣ доброхотствуютъ, а на самомъ дѣлѣ доискиваясь самовластія, въ помраченіи ума своего, дерзнули схватить и умертвить братьевъ отца моего. По смерти матери моей, бояре самовластно владѣли царствомъ; по моимъ грѣхамъ, сиротству и молодости много людей погибло въ междуусобной брани, а я возрасталъ въ небреженіи, безъ наставленій,

навыкъ злоказненнымъ обычаямъ боярскимъ, и съ того времени до сихъ поръ сколько согрѣшилъ я предъ Богомъ и сколько казней послалъ на насъ Богъ! Мы не разъ покушались отомстить врагамъ своимъ (мстить за то, что самъ былъ плохъ!), но все безуспѣшно. Не понималъ я, что Господь наказываетъ меня великими казнями, и не покаялся, но самъ угнеталъ бѣдныхъ христіанъ всякимъ насильемъ. Господь наказывалъ меня за грѣхи то потопомъ, то моромъ, и все я не каялся; наконецъ Богъ наслалъ великіе пожары, и вошелъ страхъ въ душу мою и трепетъ въ кости мои, смирился духъ мой, умилился и позналъ свои согрѣшенія: выпросилъ прощеніе у духовенства и далъ прощеніе князьямъ и боярамъ". (Соловьевъ VI т., стр. 57 и слѣдующ.)

Другимъ тономъ, хотя по тому же предмету, Іоаннъ говоритъ предъ выборными людьми своего государства. Въ воскресный день съ крестами Іоаннъ вышелъ на лобное мѣсто и послѣ молебна держалъ такую рѣчь: „Молю тебя, святый владыко, будь мнѣ помощникъ и любви поборникъ; знаю, что ты добрыхъ дѣлъ и любви желатель. Знаешь самъ, что я послѣ отца своего остался четырехъ лѣтъ, послѣ матери осьми; родственники о мнѣ не брегли, а сильные мои бояре и вельможи обо мнѣ не радѣли, и самовластны были, сами себѣ саны и почести похитили моимъ именемъ, и во многихъ корыстяхъ, хищеніяхъ и обидахъ упражнялись, азъ же яко глухъ и не слышахъ и не имый въ устахъ своихъ обличенія, по молодости моей и безпомощности, а они властвовали. О неправедные лихоимцы и хищники неправедные! Какой теперь дадите намъ отвѣтъ, что многія слезы воздвигли на себя? Я же чистъ отъ крови сей, ожидайте воздаянія своего". (Соловьевъ VI т., стр. 60). При этомъ невольно вспоминается исторія со Псковскими жалобщиками. Какъ могъ забыть эту исторію и считать себя чистымъ Іоаннъ, когда онъ совершилъ это уже послѣ своего коронованія? Послѣ торжественнаго объявленія себя царемъ и коронованія на царство нельзя уже оправдываться въ своихъ дѣйствіяхъ молодостію и безпомощностью. Въ рѣчи предъ выбранными ясно выступаетъ характерная черта Іоаннова мышленія: всѣ виноваты, кромѣ него, всѣ должны дать отчетъ предъ нимъ и Богомъ, а онъ ни въ чемъ неповиненъ. „Несчастное положеніе Іоанна, говоритъ Соловьевъ, съ самаго дѣтства заставляло его постоянно защищать себя въ собственныхъ глазахъ и предъ другими людьми: отсюда его рѣчи, письма обыкновенно или защитительныя въ свою пользу, или обвинительныя противъ враговъ своихъ. Раздражительная, страстная природа и несчастныя обстоятельства увлекли его къ страшнымъ крайностямъ... Отсюда это постоянное желаніе защитить себя, обвинить другихъ въ своемъ паденіи", (Соловьевъ, т. VI, стр. 59). Такъ говоритъ нашъ историкъ Соловьевъ, одинъ изъ выдающихся поклонниковъ Іоанна. При этомъ онъ замѣчаетъ, что „сознаніе своего паденія никогда не умирало въ немъ". Но именно этого-то сознанія у Іоанна никогда не было. Въ письмѣ къ Курбскому онъ пишетъ: „Вѣдаю свои беззаконія, *уступающія* только милосердію Божію. Оно *спасетъ меня* по слову евангельскому, что Господь радуется о единомъ кающемся грѣшникѣ болѣе,

нежели о десяти праведникахъ. Сія пучина благости потопитъ грѣхи мучителя и блудника“ (Карамз. IX т., стр. 262).

Одиннадцатаго Марта 1553 года Іоаннъ опасно заболѣлъ, по всей вѣроятности, горячкой. Положеніе больного было настолько серьезно, что ему объявили о необходимости составить духовное завѣщаніе. Іоаннъ приказалъ писать духовное завѣщаніе, въ которомъ назначалъ своего сына, младенца Димитрія, своимъ преемникомъ и единственнымъ государемъ Россіи. Написанное завѣщаніе хотѣли утвердить присягою всѣхъ знатныхъ сановниковъ, для чего собрали ихъ въ царской столовой комнатѣ, рядомъ съ спальнею царя. Тутъ начался шумъ, споръ, мятежъ: одни требовали присяги, другіе не хотѣли ее давать. Все это доходило до слуха больного царя. Іоаннъ позвалъ ослушныхъ бояръ и спросилъ у нихъ: „Кого же думаете избрать въ цари, отказываясь цѣловать крестъ на имя сына моего? Развѣ забыли данную вами клятву служить единственно мнѣ и дѣтямъ моимъ? Не имѣю силъ говорить много, промолвилъ онъ слабымъ голосомъ. Димитрій и въ пеленахъ есть для васъ самодержецъ законный; но если не имѣете совѣсти, то будете отвѣтствовать Богу“ (Карамз. т. IX, стр. 213). Отецъ любимца Іоаннова Алексѣя Адашева, Θеодоръ Адашевъ при этомъ высказалъ истинную причину отказа дать клятву на признаніе царемъ младенца Димитрія: Тебѣ государю и сыну твоему мы усердствуемъ повиноваться, но не Захарьинымъ-Юрьевымъ, которые безъ сомнѣнія будутъ властвовать въ Россіи именемъ младенца безсловеснаго. Вотъ что страшитъ насъ. А мы до твоего возраста уже испили всю чашу бѣдствій отъ боярскаго правленія“. Іоаннъ безмолвствовалъ въ изнеможеніи (Карамз. VIII т., стр. 213). Больной Іоаннъ переносилъ ужасъ своей смерти и гибели своего рода.

Обращаясь къ боярамъ, уже давшимъ клятву, онъ говоритъ: „А вы уже давшіе клятву умереть за меня и моего сына, вспомните оную, когда меня не будетъ; не допустите вѣроломныхъ извести царевича, спасите его, бѣгите съ нимъ въ чужую землю, куда Богъ укажетъ вамъ путь. А вы Захарьины, чего ужасаетесь? Поздно вамъ щадить мятежныхъ бояръ: они не пощадятъ васъ; вы будете первыми мертвецами. И такъ, явите мужество: умрите великодушно за моего сына и за мать его; не дайте жены моей на поруганіе измѣнникамъ“ (Карамз. VIII т., стр. 217). Эта сцена должна была произвести на неустойчивую и впечатлительную нервную систему Іоанна страшное впечатлѣніе. Но и тутъ Іоаннъ является человѣкомъ особеннымъ. По выздоровленіи, онъ не выразилъ своего недовѣрія къ боярамъ, не желавшимъ присягать его сыну, но не пощадилъ послѣ и ревностныхъ своихъ приверженцевъ, какъ напр. князя Воротынскаго. Іоаннъ остается прежнимъ до 1560 года. Въ Ноябрѣ 1559 года, на возвратномъ пути изъ Можайска въ Москву, царица тяжело заболѣла. Переѣздъ для нея изъ Можайска до Москвы былъ страшно мучителенъ. Сильверстъ и Адашевъ, какъ и Максимъ Грекъ, не сочувствовали поѣздкамъ Іоанна по богомольямъ и конечно, спѣшили заболѣвшую царицу везти въ Москву, а ей, какъ больной, эта поѣздка

была тяжела. Въ письмѣ къ Курбскому Іоаннъ пишетъ: „Какъ вспомню этотъ тяжкій обратный путь изъ Можайска съ больною царицею Анастасіею". Отношеніе совѣтниковъ къ заболѣванію было извѣстно. „Заболѣю ли я или царица или дѣти, пишетъ Іоаннъ, все это, по вашимъ словамъ, было наказаніе Божіе за наше непослушаніе къ вамъ". „О человѣческихъ же средствахъ и лѣкарствахъ во время болѣзни и помину никогда не было". Не мудрено, что царица выразила свое неудовольствіе на Сильверста и Адашева. Іоаннъ свидѣтельствуетъ, что „на нашу царицу Анастасію ненависть зельную воздвигоша, единаго ради слова непотребна". Все это не могло не возмутить больной царицы. Свое возмущеніе она передала мужу. Связь, столько лѣтъ существовавшая между Іоанномъ и его совѣтниками, была нарушена. Вліяніе ихъ на Іоанна кончилось. Весною 1560 года, замѣтивъ нерасположеніе царя къ себѣ, оба удалились отъ царскаго двора: Адашевъ въ Ливонію, а Сильверстъ въ монастырь. 17 Іюля 1560 года царица Анастасія, болѣвшая съ 1559 г., была напугана пожаромъ въ Москвѣ, и царь ее больную „съ великою нужею, занеже болѣзнь ея бысть велика зѣло", перевезъ въ свое имѣнье Коломенское. 7 Августа 1560 г. Великая княгиня Анастасія представися. Царь былъ, повидимому, не утѣшенъ. Онъ стеналъ и рвался; но 18 Августа, стало-быть чрезъ 11 дней, Іоаннъ объявилъ, что онъ намѣренъ жениться на сестрѣ короля Польскаго. Въ ожиданіи новой супруги царь предавался грубымъ чувственнымъ удовольствіямъ. „Умершей убо царицѣ Анастасіи нача царь быти яръ и прелюбодѣйственъ зѣло". (28 примѣч. къ IX т. Карамз.) „По смерти ея, аки чуждая буря велія къ тишинѣ благосердія царскаго припаде, и нѣкако превратися многомудрственный его умъ на яростный нравъ, и нача многихъ отъ сродства своего сокрушати, такоже и отъ вельможъ и отъ синклита своего" (примѣч. 3 къ IX т.). „Царь Іоаннъ былъ жестокосердъ вельми на пролитіе крови и на убіеніе дерзостенъ вельми и неумолимъ; множество народу отъ мала и до велика при царствѣ своемъ погуби и многіе грады своя поплѣни, и многіе святительскіе чины заточи и смертію немилостивною погуби и иная многая содѣяхъ надъ рабы своими, женъ и дщерей блудомъ оскверни (Карамз. примѣч. 3, къ IX т.), а послѣди отъ иновѣрцевъ и *самъ ума изступи* и землю хотѣ погубити, аще не бы Господь животъ его прекратилъ" (тамъ же). Всѣ историки отмѣчаютъ непонятную перемѣну въ характерѣ Іоанна; на самомъ же дѣлѣ Іоаннъ и тутъ былъ самъ собою, только на него перестали дѣйствовать Сильверстъ и Адашевъ, и онъ подпалъ новому вредному вліянію развратныхъ людей.

Несамостоятельность Іоанна лучше всего доказывается походомъ его подъ Казань. По возвращеніи изъ этого похода, Іоаннъ публично держитъ рѣчь предъ духовенствомъ и прямо заявляетъ: „Исполняя совѣтъ вашъ, я самъ выступилъ въ поле" (Карамз. т. VIII, стр. 200). О своемъ возвращеніи изъ похода Казанскаго Іоаннъ говоритъ: „Какъ плѣнника, посадивши въ судно, везли съ малымъ числомъ людей сквозь безбожную и невѣрную землю" (Соловьевъ т. VI, стр. 194). Такимъ признаніемъ Іоаннъ отнимаетъ у себя инициативу этого славнаго дѣла, такъ возвысившаго его въ глазахъ его

подданныхъ, и показываетъ, какъ жалка была роль этого завоевателя Казани: словно плѣнника везли его обратно въ Москву. Даже въ своей частной жизни царь былъ вполнѣ подчиненъ волѣ окружающихъ его совѣтниковъ. Онъ пишетъ: „Мнѣ не было ни въ чемъ воли, сколько спать, какъ одѣваться—все было ими опредѣлено, а я былъ, какъ младенецъ". (Солов. VI, т. стр. 193) Самъ же Іоаннъ опредѣляетъ, какъ смотрѣли на него его совѣтники. „Начали совѣтоваться тайкомъ отъ насъ, считая насъ *слабоумными*". „Не докладывали намъ ни о какихъ дѣлахъ, какъ будто бы насъ и не было". (Соловьевъ т. VI, стр. 193).

Таково было положеніе Іоанна и его значеніе въ блестящую пору его царствованія, а между тѣмъ нѣкоторые приходятъ въ восторгъ отъ геніальности предначертаній и дѣйствій его. Несомнѣнно, величіе царствованія Іоанна было дѣломъ не его самого, а его совѣтниковъ. Смерть Анастасіи совпала съ удаленіемъ отъ двора Сильверста и Адашева. Послѣ ухода этихъ лицъ явились новые любимцы, и они повели Іоанна по другой дорогѣ. Какъ неглубоко было чувство царя къ Анастасіи, видно изъ того, что чрезъ одиннадцать дней послѣ ея смерти онъ назначаетъ свой новый бракъ. Періодъ жизни Іоанна Грознаго послѣ Анастасіи представляется всякому безпристрастному изслѣдователю періодомъ ненормальнымъ. Безчисленныя немотивированныя казни разныхъ лицъ, особая жестокость, проявленная въ этихъ казняхъ, преслѣдованіе лицъ не только знатныхъ, чему историки находятъ объясненіе въ стремленіи Іоанна сломить удѣльную аристократію, но и людей всякаго чина („святительскіе чины заточи и смертію немилостивою погуби"), истребленіе женъ и младенцевъ, за которыхъ самъ же онъ приказываетъ молиться, какъ за невинныхъ страдальцевъ, ясно показываютъ, что душевная жизнь Іоанна была ненормальна. Объ этой ненормальности ясно говоритъ существованіе идеи преслѣдованія, что̀ съ особою рельефностію выразилось въ его отъѣздѣ въ Александровскую Слободу. Въ началѣ зимы 1564 года, 3 Декабря, жители Москвы узнали, что царь ѣдетъ, неизвѣстно куда. Въ Кремлѣ появилось множество саней; на нихъ сносили изъ дворца и укладывали золото, серебро, святыя иконы, кресты, сосуды драгоцѣнныя, одежды, деньги. Отслушавъ обѣдню въ церкви, царь съ своей семьей и любимцами, подъ охраною цѣлаго полка вооруженныхъ всадниковъ, тронулся въ путь. Сначала онъ отправился въ село Коломенское, гдѣ прожилъ двѣ недѣли, задержанный оттепелью; 17 Декабря переправился въ село Тайнинское, оттуда въ Троицкій монастырь, а къ празднику Рождества прибылъ въ Александровскую Слободу. Что же заставило царя оставить царство, оставить дѣла правленія и пуститься въ путь? Изъ духовнаго завѣщанія царя Іоанна Васильевича Грознаго, составленнаго около 1572 г., мы узнаемъ, что на свой добровольный отъѣздъ въ Александровскую Слободу онъ смотрѣлъ, какъ на изгнаніе. „А что по множеству беззаконій моихъ, Божію гнѣву рапростершуся, изгнанъ есмь отъ бояръ, самовольства ихъ ради, отъ своего достоянія, и скитаюся по странамъ, и вамъ есми грѣхомъ своимъ бѣды многія нанесъ". (Примѣч. къ IX т. Карамз., стр. 310). Одного этого мѣста изъ завѣщанія

достаточно, чтобы признать Іоанна душевнобольнымъ человѣкомъ, тѣмъ болѣе, что въ письмѣ къ митрополиту о томъ же событіи Іоаннъ пишетъ: „Не хотя терпѣть вашихъ измѣнъ, мы отъ великой жалости сердца *оставили государство* и поѣхали, куда Богъ укажетъ намъ путь" (Карамз. т. IX, стр. 78). Неразумность выставленной причины и сама по себѣ очевидна и не соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ дѣла. Гораздо болѣе основательную причину своего удаленія въ Александровскую Слободу Іоаннъ высказалъ предъ явившимися къ нему туда духовными и государственными сановниками; имъ онъ заявилъ: „Бояре хотѣли извести царя, супругу, сыновей его" (тамъ же стр. 81). Преслѣдованіе со стороны бояръ составляло пунктъ помѣшательства Іоанна. Между тѣмъ, по свидѣтельству историковъ этого времени, „нѣтъ народа въ Европѣ болѣе Россіянъ преданнаго своему Государю, коего они равно страшатся и любятъ" (Карам. т. IX, стр. 9). Князь Сугорскій отвѣчаетъ министру Максимиліана: „Мы, Русскіе, преданы царямъ и милосердымъ и жестокимъ". (Карамз. т. IX, стр. 273). „Россіяне славились тѣмъ, что иноземцы укоряли ихъ слѣпою неограниченною преданностью къ монаршей волѣ въ самыхъ ея безразсудныхъ уклоненіяхъ отъ государственныхъ и человѣческихъ законовъ". (Карамз. т. IX, стр. 273). Изъ всей исторіи царствованія Грознаго видно, что бояре относились къ царю и царской власти съ необыкновеннымъ почтеніемъ. Они глубоко вѣрили, что царская власть отъ Бога, что „противляяйся власти Богу противляется". Если въ малолѣтство Іоанна бояре вели между собою вражду и злоупотребляли своею властью, то это не было противленіе царской власти, а преступное пользованіе ею, когда самъ великій князь по малолѣтству своему не могъ ею пользоваться. Не смотря на преклоненіе бояръ предъ царской властью, Грозный считалъ, чисто по своему болѣзненному душевному состоянію, что бояре злодѣйствуютъ, что они чинятъ измѣну, составляютъ заговоры противъ него, желаютъ лишить его царства. Царю чудилась во всемъ измѣна, и воображаемыя козни бояръ не давали ему покоя. Митрополиту Филиппу царь заявляетъ: „Развѣ ты не знаешь, что меня хотятъ поглотить, что ближніе мои готовятъ мнѣ гибель". Королевѣ Англійской Елисаветѣ Іоаннъ пишетъ, что измѣнники составляютъ противъ него заговоры, злоумышляютъ съ его врагами и хотятъ истребить его. Согласно съ этой идеей о преслѣдованіи Грозный перебирается въ Александровскую Слободу, укрѣпляетъ ее въ видѣ неприступной крѣпости, строитъ на Неглинной дворецъ съ башнями, рвомъ, окружаетъ себя опричниками, которые должны были защищать его отъ его враговъ.

О безумной жестокости Іоанна яснѣе всего говоритъ походъ къ Новгороду, когда по дорогѣ Іоаннъ велѣлъ смертоносному легіону начать войну, убійства, грабежъ тамъ, гдѣ никто не мыслилъ о непріятелѣ, никто не зналъ вины за собою, гдѣ мирные подданные встрѣчали государя, какъ отца и защитника. Дома, улицы наполнялись трупами, не щадили ни женъ, ни младенцевъ. Отъ Клина до Городни и далѣе истребители шли съ обнаженными мечами, обагряя ихъ кровію бѣдныхъ жителей до самой Твери (Карамз. т. IX,

стр. 148). „Вышній Волочекъ и всѣ мѣста до Ильменя были опустошены огнемъ и мечемъ“ (тамъ же, стр. 150). Въ Твери Іоаннъ остановился на пять дней и предоставилъ своимъ воинамъ грабить городъ, начавъ съ духовенства, и не оставилъ ни одного дома цѣлаго: брали легкое, драгоцѣнное, жгли, чего не могли взять съ собою, людей мучили, убивали, вѣшали въ забаву. Дѣйствія Іоанна въ Новгородѣ представляются еще болѣе ужасными „2-го Генваря 1570 г. многочисленная государева дружина вошла въ Новгородъ, окруживъ его крѣпкими заставами, чтобы ни одинъ человѣкъ не могъ спастися бѣгствомъ. Опечатали церкви, монастыри въ городѣ и въ окрестностяхъ, связали иноковъ и священниковъ, взыскивали съ каждаго изъ нихъ по двадцати рубл., а кто не могъ заплатить этой пени, того ставили на правежъ: всенародно били, сѣкли съ утра до вечера. Опечатали и дворы всѣхъ гражданъ богатыхъ, гостей, купцовъ, приказныхъ людей оковали цѣпями; женъ и дѣтей стерегли въ домахъ“ (Карамз. IX т., стр. 150). 7-го Генваря „казнили всѣхъ иноковъ, бывшихъ на правежѣ: ихъ избили палицами и каждаго отвезли въ свой монастырь для погребенья“. 8-го Генваря, во время обѣда у архіепископа, воины схватили самого архіепископа, чиновниковъ его и слугъ; ограбили палаты, келіи, ограбили церковь Софійскую, взяли ризную казну, сосуды, иконы, колокола, обнажили и другіе храмы въ монастыряхъ богатыхъ. Надъ жителями открыли судъ. Судили Іоаннъ и сынъ его такимъ образомъ: ежедневно представляли имъ отъ пятисотъ до тысячи и болѣе Новгородцевъ; били ихъ, мучили, жгли какимъ-то составомъ огненнымъ, привязывали головою или ногами къ санямъ, влекли на берегъ Волхова, гдѣ сія рѣка не мерзнетъ зимою, и бросали съ моста въ воду цѣлыми семействами, женъ съ мужьями, матерей съ грудными младенцами. Ратники Московскіе ѣздили на лодкахъ по Волхову съ кольями, баграми, сѣкирами; кто изъ вверженныхъ въ рѣку всплывалъ, того кололи, разсѣкали на части. Сіи убійства продолжались пять недѣль и закончились грабежомъ общимъ. Іоаннъ съ дружиною объѣхалъ всѣ обители вокругъ города, взялъ казны церковныя, монастырскія, велѣлъ опустошить дворы и келіи, истребить хлѣбъ, лошадей, скотъ, передалъ также и весь Новгородъ грабежу, лавки, домы, церкви“ (Карамз. т. IX, стр. 152) и „отправилъ несмѣтную добычу святотатства и грабежа въ свою столицу“ (тамъ же, стр. 154). Во всѣхъ дѣйствіяхъ Грознаго въ Новгородѣ мы не можемъ найти разумнаго основанія. Если Новгородцы достойны были опалы, то зачѣмъ было убивать всѣхъ жителей отъ Александровской Слободы до Твери? Если преслѣдованіе знатныхъ лицъ можно объяснить желаніемъ уничтожить ненавистное Іоанну боярство, то убійство священниковъ и игумновъ, грабежъ церквей и монастырей не можетъ выдержать этого объясненія. Грабежъ церквей никакъ нельзя помирить съ видимой религіозностью Іоанна. Понятіе о необходимости единодержавія никакъ не вяжется съ раздѣленіемъ царства на опричину и земщину и постановленіемъ для земщины особого царя въ лицѣ Симеона. Изъ духовнаго завѣщанія Грознаго мы узнаемъ, что онъ Грозный не имѣлъ понятія о значеніи единодержавія, такъ какъ предполагалъ устроить удѣлы для сво-

ихъ сыновей Іоанна, Ѳеодора и даже еще для имѣющихся родиться отъ него и царицы Анны.

Въ Ноябрѣ 1582 года Іоаннъ, наконецъ, совершаетъ сыноубійство. Двадцативосьмилѣтній царевичъ, наслѣдникъ престола, Іоаннъ, былъ убитъ своимъ отцомъ, который острымъ жезломъ ударилъ его въ голову. Нужно немного сообразительности, чтобы понять, что ударъ въ голову острымъ жезломъ чрезвычайно опасенъ, но и этой сообразительности Грозному недоставало. У него импульсъ прямо переходилъ въ дѣйствіе: задерживающіе центры не дѣйствовали. Можно сказать, что убійствомъ сына „Іоаннъ достигъ наконецъ, высшей степени безумнаго своего тиранства". (Карамз., IX,стр.164).

Въ виду всего вышеизложеннаго мы приходимъ къ несомнѣнному заключенію, что *Іоаннъ Грозный страдалъ душевною болѣзнію, что эта болѣзнь наблюдалась у него въ теченіе всей его жизни и съ теченіемъ жизни она постепенно прогрессировала.*

При настоящихъ нашихъ свѣдѣніяхъ по душевнымъ болѣзнямъ мы знаемъ, что, помимо грубыхъ и ясныхъ разстройствъ душевной дѣятельности, есть еще и такія, которыя стоятъ на границѣ между нормою и болѣзнью. „Такіе больные, какъ говоритъ С. С. Корсаковъ, рѣдко попадаютъ въ лѣчебницу, потому что обыкновенно ихъ не считаютъ за больныхъ, и помѣщеніе ихъ въ лѣчебницу вызываетъ иногда обвиненіе врачей въ желаніи заключать здоровыхъ людей въ заведенія для умалишенныхъ" (Курсъ Психіатріи Корсакова, стр. 1002). „У этихъ больныхъ болѣзнь выражается не въ грубомъ разстройствѣ психическихъ отправленій, которое называется общимъ именемъ помѣшательства (paranoia), а въ аномаліяхъ характера и въ цѣломъ рядѣ другихъ явленій, указывающихъ на то, что психическая жизнь такихъ индивидумовъ не имѣетъ нормальной гармоніи, не имѣетъ нормальной устойчивости и равновѣсія" (Курсъ Психіатр. Корсакова, стр. 786). Форма эта всегда прирождена и потому называется *прирожденной психопатической конституціей* (constitutio psychopathica originaria). „Прирожденной психопатической конституцiей я называю, говоритъ С. С. Корсаковъ, такое болѣзненное разстройство психической дѣятельности, которое выражается въ большей или меньшей недостаточности (дефективности) въ психическихъ проявленіяхъ, въ неуравновѣшенности душевнаго строя, въ дисгармоніи его и обусловливается или наслѣдственностію или условіями, вліяющими на развитіе мозга въ періодъ утробной жизни. Эта форма душевнаго разстройства должна считаться выраженіемъ психической дегенераціи" (Корсаковъ, Психіатрія, стр. 984). Помимо прямо прирожденной дегенераціи, развивающейся въ утробной жизни, „дегенерація можетъ обусловливаться различными неблагопріятными моментами, вліявшими на организмъ въ младенческомъ и отроческомъ возрастѣ: неправильное воспитаніе, чрезмѣрное утомленіе мозга или слишкомъ ранняя половая жизнь" (Корсаковъ Психіатр., стр. 985). „Во всякомъ случаѣ, измѣненія эти не случайныя, скоропреходящія, а длительныя, конституціональныя" (тамъ же).

Мы знаемъ, что Іоаннъ могъ получить эту болѣзнь наслѣдственно отъ отца, который былъ малоспособенъ къ дѣторожденію, и отъ матери, которая страдала мигренью и хроническою течью изъ уха; но еще болѣе гибельно на Іоаннѣ могли отразиться тяжелыя обстоятельства его дѣтства и неправильное воспитаніе. Ранняя смерть отца, ранняя смерть матери, лишеніе, тоже раннее, воспитательницы его Агриппины Челядиной, притѣсненія любимыхъ имъ лицъ не могли не повліять гибельно на развитіе его мозга. 10 лѣтъ Іоаннъ уже обнаруживаетъ знаніе исторіи. Въ церкви онъ вслухъ всего народа молится объ избавленіи его отъ нашествія хана, подобно тому, какъ Богъ избавилъ его предка отъ нашествія лютаго Темиръ-Аксака, и въ эти годы онъ уже сознаетъ, что *государство требуетъ отъ насъ спасенія.* Значитъ, въ 10 лѣтъ Іоаннъ уже много думалъ о своихъ обязанностяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ невольно думалъ о своихъ правахъ. Дѣтскія мечты, давая ему преувеличенное понятіе о его правахъ и обязанностяхъ, развивали его воображеніе въ подрывъ развитію разсудка. Не даромъ на 17-мъ году своей жизни онъ самъ пожелалъ короноваться и короноваться весьма пышно. Между тѣмъ въ это время серьезнымъ, онъ себя ничѣмъ не заявилъ: любилъ мучить животныхъ, любилъ страстно охоту, скакалъ по улицамъ Москвы, пугалъ и давилъ людей, мучилъ жалобщиковъ. Вступленіе на царскій престолъ, торжественное вѣнчаніе на царство и даже женитьба на Анастасіи не исправили его. Онъ исправился только, когда, потрясенный пожаромъ и словами Сильверста, подпалъ подъ вліяніе этого достойнѣйшаго мужа. Что такое подчиненіе дегенерантовъ возможно, объ этомъ мы находимъ ясное указаніе въ Психіатріи. „У многихъ дегенерантовъ существуетъ наклонность крайне легко подчиняться вліянію другихъ, болѣе сильныхъ личностей, совершенно приспособлять свою жизнь и потребности къ желаніямъ этихъ другихъ лицъ“. (стр. 998). Вотъ что мы находимъ у С. С. Корсакова. „Далеко не всегда при психопатической конструкціи интеллектъ бываетъ слабъ; наоборотъ, очень часто интеллектуальныя способности поражаютъ своимъ блескомъ, но по преимуществу одностороннимъ. Между наслѣдственными дегенерантами мы находимъ и даровитыхъ ученыхъ, и эксцентричныхъ, но блестящихъ философовъ, какъ Шопенгауеръ, и блестящихъ представителей литературы, поэтовъ, композиторовъ“. (Курсъ Психіатріи Корсак., стр. 987). Относительно интеллекта именно Іоанна Грознаго мы должны утверждать, что онъ не былъ особенно великъ; недаромъ совѣтники съ нимъ не считали нужнымъ совѣтоваться, считая его *слабоумнымъ.*

Со стороны душевнаго чувства люди, страдающіе дегенеративной психопатіей, отличаются необыкновенною возбудимостью, наклонностію приходить въ состояніе патологическаго аффекта, выражающагося часто въ насиліи и буйствѣ. Іоаннъ въ этомъ случаѣ можетъ служить разительнымъ примѣромъ. Онъ во всякомъ случаѣ по незначительному поводу убиваетъ своего сына. „У нѣкоторыхъ больныхъ замѣчается тупость душевнаго чувства, особенно нравственнаго чувства, благодаря которой человѣкъ можетъ совершать самые безсовѣстные и жестокіе поступки безъ всякаго зазрѣнія

совѣсти“ (Корсак. 988). И въ этомъ отношеніи Іоаннъ подходитъ подъ эту группу больныхъ. „Видя иногда близъ дворца толпу народа, всегда мирнаго, тихаго, приказывалъ выпускать двухъ или трехъ медвѣдей и громко смѣялея бѣгству, воплю устрашенныхъ, гонимыхъ, даже терзаемыхъ ими“ (Карамзинъ IX т. стр. 167). Или дѣйствіе Іоанна Грознаго съ придворнымъ шутомъ княземъ Осипомъ Гвоздевымъ. „Недовольный какою-то его шуткою Царь вылилъ на него миску горячихъ щей; бѣдный смѣхотворецъ вопилъ, хотѣлъ бѣжать. Іоаннъ ударилъ его ножемъ. Обливаясь кровію, Гвоздевъ упалъ безъ памяти. Немедленно призвали доктора Арнольфа. „Исцѣли слугу моего добраго, сказалъ Царь: я поигралъ съ нимъ неосторожно“. „Такъ неосторожно отвѣчалъ Арнольфъ, что развѣ Богъ и твое царское величество могутъ воскресить умершаго: въ немъ уже нѣтъ дыханія“. Царь махнулъ рукой, назвалъ мертваго шута псомъ, и *продолжалъ веселиться*“. (Исторія Карамз. т. IX, стр. 167—168) Или еще примѣръ притупленнаго нравственнаго чувства въ Іоаннѣ. Въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1568 г. въ полночь, любимцы Іоанновы: князь Аѳанасій Вяземскій, Малюта Скуратовъ, Василій Грязной съ царскою дружиною вломились въ домы ко многимъ знатнымъ людямъ, дьякамъ, купцамъ; взяли ихъ женъ, извѣстныхъ красотою, и вывезли изъ города. Вслѣдъ за ними, по восхожденіи солнца, выѣхалъ и самъ Іоаннъ, окруженный тысячами кромѣшниковъ. На первомъ ночлегѣ ему представили женъ; онъ избралъ нѣкоторыхъ для себя, другихъ уступилъ любимцамъ, ѣздилъ съ ними вокругъ Москвы, жегъ усадьбы бояръ опальныхъ, казнилъ ихъ вѣрныхъ слугъ, даже истреблялъ скотъ, особенно въ Коломенскихъ селахъ убитаго конюшаго Ѳеодорова; возвратился въ Москву и велѣлъ ночью развести женъ по домамъ; нѣкоторыя изъ нихъ умерли отъ стыда и горести. (Истор. Карамз. IX, т. стр. 108). Относительно извращенія чувства полового нельзя не обратить вниманіе на то, что Іоаннъ, постоянно имѣя жену, злоупотребляя блудомъ съ другими женщинами, предавался еще содоміи.

Различаютъ нѣсколько видовъ помѣшательства. Бываетъ помѣшательство острое, хроническое, пріобрѣтенное, бываетъ помѣшательство (paronoia) прирожденное (originaria). Въ этой прирожденной паронойѣ тоже различаютъ два типа. Одинъ, такъ называемый, типъ Зандера, по имени Берлинскаго профессора, описавшаго его впервыя, отличается образованіемъ ложныхъ идей и стойкимъ систематизированнымъ бредомъ. Другой типъ, гдѣ не столько выступаетъ систематизація бреда, сколько сочетаніе бредовыхъ идей съ резонерствомъ и стремленіемъ преслѣдовать другихъ людей, которыхъ больные считаютъ какимъ бы то ни было образомъ нарушившими ихъ интересы или обязанными для нихъ что-нибудь дѣлать. Къ этому второму типу принадлежитъ Іоаннъ Грозный. Онъ упорно, всю жизнь настаивалъ, что бояре и родственники *ничего не сдѣлали* для его воспитанія, что бояре не такъ вели походъ Казанскій, не такъ преслѣдовали хана, не такъ вели Ливонскую войну, не такъ относились къ нему; митрополитъ и епископы докучали ему ходатайствомъ за опальныхъ бояръ и поэтому всѣ были достойны жесточайшихъ казней.

Наконецъ, Іоаннъ имѣлъ рѣзко выраженное резонирующее помѣшательство. „Оно состоитъ въ особенно рѣзкомъ проявленіи свойства, принадлежащаго очень многимъ дегенерантамъ, въ проявленіи резонёрства. У этихъ больныхъ разсудокъ работаетъ энергично, но выводы его характеризуются неправильностію, односторонностью. Разсудокъ у нихъ является не для того, чтобы руководить мыслью для открытія истины, а служитъ ловкимъ адвокатомъ, приводящимъ разныя софизмы для того, чтобы оправдать всякій неправильный поступокъ, обусловленный болѣзненнымъ колебаніемъ въ настроеніи и влеченіяхъ. При этомъ внѣшняя форма логики сохраняется вполнѣ, больной дѣлаетъ формально правильныя умозаключенія, но основа разсужденія не вѣрна". (Курсъ Психіатріи Корсакова, стр. 999 и слѣдующія).

Въ перепискѣ съ Курбскимъ выразилось это помѣшательство. „Во имя Бога всемогущаго, Того, Кѣмъ живемъ и движемся, пишетъ онъ, Кѣмъ цари царствуютъ и сильные глаголютъ, смиренный христіанскій отвѣтъ бывшему Россійскому боярину, нашему совѣтнику и воеводѣ Андрею Михайловичу Курбскому, *восхотѣвшему быть Ярославскимъ владыкою*". Называть *свой* отвѣтъ смиреннымъ и христіанскимъ можетъ только человѣкъ, у котораго совершенно спутались понятія о смиреніи и христіанствѣ. Если бы Іоаннъ вздумалъ въ этихъ словахъ выразить насмѣшку надъ своимъ смиреніемъ, то приплетать къ этому христіанство совершенно не кстати. Соловьевъ, большой поклонникъ Іоанна и его дѣятельности, о письмахъ его къ Курбскому выражается такъ: „Болѣзненное нравственное состояніе въ Іоаннѣ всего болѣе выражается въ этой насмѣшливости, въ этомъ желаніи поймать человѣка на словѣ, поставить его въ трудное положеніе и наслаждаться этимъ, въ отсутствіи уваженія, снисхожденія къ несчастному положенію человѣка, въ желаніи не утѣшить человѣка въ бѣдѣ, но возложить на него вину бѣды, показать ему, что онъ не имѣетъ права жаловаться". (Соловьевъ, т. VII, стр. 217). На самомъ дѣлѣ, Іоаннъ обыкновенно приписываетъ своему противнику то, чего тотъ и не думаетъ, и сражается противъ воображаемаго мнѣнія. Такъ онъ приписываетъ Курбскому, что тотъ хотѣлъ будто быть Ярославскимъ владыкою; но Курбскій нигдѣ такого желанія не выражалъ, наоборотъ, своимъ бѣгствомъ въ Литву онъ доказывалъ, что отказывается отъ всякихъ правъ въ Россійскомъ государствѣ. Можно ли назвать смиреннымъ, христіанскимъ отвѣтъ, который содержитъ ругань: „Какое бѣдствіе, что я не узрю лица твоего Эѳіопскаго?". Затѣмъ Іоаннъ спрашиваетъ: „Почто, несчастный, губишь свою душу измѣною? Если ты праведенъ и добродѣтеленъ, то для чего же не хотѣлъ умереть отъ меня строптиваго владыки и наслѣдовать вѣнецъ мученика? Чтò жизнь, чтò богатство и слава міра сего? Суета и тѣнь. Блаженъ кто смертію пріобрѣтаетъ душевное спасеніе". Въ этихъ словахъ внѣшняя форма и построеніе рѣчи, даже мысль правильны, но основа разсужденій у Іоанна невѣрна.

Въ этихъ вопросахъ опять идетъ подтасовка. Курбскій не говорилъ, что онъ праведенъ и добродѣтеленъ; онъ удостовѣрялъ только Іоанна, что

предъ нимъ онъ не нашелъ въ себѣ вины. Пріобрѣсти смертію душевное спасеніе! Но не будетъ ли самоубійствомъ идти на вѣрную смерть безъ всякой пользы для себя и отечества отъ руки безумнаго тирана? Жизнь, какъ величайшій даръ Божій, конечно, нужно беречь; а славу и богатство Курбскій, конечно, не ставилъ очень высоко, если предпринялъ бѣгство въ Литву.

„Что такое предстатели отечества? Святые ли, боги ли, какъ Аполоны и Юпитеры?" спрашиваетъ Грозный Курбскаго. Но Курбскій, конечно, ни Аполона, ни Юпитера никогда не поставилъ бы въ предстатели отечества.

„Доселѣ владѣтели Россійскіе, пишетъ Іоаннъ, были вольны, независимы, жаловали и казнили своихъ подданныхъ безъ отчета. Такъ будетъ. Уже я не младенецъ". Если Грозный въ это время былъ и не младенецъ, то слѣдовало ли изъ этого, что онъ своихъ подданныхъ можетъ казнить и жаловать безъ отчета?

„Угрожаешь мнѣ, пишетъ Грозный, судомъ Христовымъ на томъ свѣтѣ, а развѣ въ семъ мірѣ нѣсть власти Божіей? Вотъ ересь Манихейская! Вы думаете, что Господь царствуетъ только на небесахъ, діаволъ въ адѣ, на землѣ же властвуютъ люди. Нѣтъ! Нѣтъ! Вездѣ Господня держава и въ сей и въ будущей жизни". Въ этихъ словахъ опять приписываніе противнику мысли, которую тотъ и не думалъ имѣть, и борьба противъ своей же мысли, приписанной противнику. Курбскій лучше Іоанна зналъ, что Господня держава вездѣ, и не думалъ, что Господь царствуетъ только на небесахъ, діаволъ въ адѣ, на землѣ же властвуютъ люди. Іоаннъ, приписавши эту мысль Курбскому, торжественно ее опровергаетъ.

„Престолъ Всевышняго ты окружаешь убіенными мною, пишетъ Іоаннъ. Вотъ новая ересь! Никто, по словамъ Апостола, не можетъ видѣть Бога". Курбскій говоритъ, что убіенные Іоанномъ, какъ невинно пострадавшіе, предстоятъ предъ лицемъ Божіимъ. Вмѣсто того, чтобы доказать Курбскому, что невинно убіенныхъ имъ не было, онъ изрекаетъ только, что вотъ новая ересь: никто, по слову Апостола, не можетъ видѣть Бога.

„Положи свою грамоту въ могилу съ собою, говоритъ Іоаннъ: симъ докажешь, что и послѣдняя искра христіанства въ тебѣ угасла; ибо христіанинъ умираетъ съ любовію, съ прощеніемъ, а не съ злобой". Но Курбскій обѣщается положить свою грамоту вмѣстѣ съ собою въ гробъ, въ доказательство своей невинности, предоставляя судъ надъ собою Богу, а вовсе не хочетъ этимъ мстить Іоанну. Іоанну нужно было бы доказать, что Курбскій виноватъ былъ передъ нимъ, а онъ упрекаетъ его въ томъ, что въ немъ не будетъ искры христіанства, если онъ Курбскій положитъ свою грамоту въ могилу съ собою. Такой способъ разсужденія прямо относится къ резонирующему помѣшательству. Сваливать вину на другихъ было любимой темой Іоанна. Онъ постоянно винилъ бояръ за нестроенье земли Русской въ его малолѣтство; но онъ не замѣчалъ того, что его жестокія гоненія принесли

Россіи гораздо болѣе вреда, чѣмъ правленіе бояръ. Онъ находилъ, что жаловать и казнить бояръ и всѣхъ вообще подданныхъ есть его право и зависитъ отъ его произвола, а не справедливости, что Кроновы жертвы онъ не приносилъ бы, если бы у него не отняли царицы Анастасіи, что онъ ведетъ позорную, сладострастную жизнь, находясь въ блудѣ и піянствѣ, потому что онъ человѣкъ, и его естество этого требуетъ; винитъ даже другихъ, что они хотятъ его поставить выше естества. Но одно—требованіе естества, а другое—развратъ и даже содомія. Одно дѣло имѣть жену, а другое имѣть ихъ семь, и при жизни седьмой думать и хлопотать о вступленіи въ восьмой бракъ съ принцессой Англійской. Въ этомъ постоянномъ самооправданіи и лежитъ наиболѣе характерный признакъ резонирующаго помѣшательства. (Курсъ Психіатріи, Корсакова, стр. 1000).

Такимъ образомъ несомнѣнно, что Іоаннъ Грозный имѣлъ всѣ припадки и признаки дегенеративной психопатіи, куда относятся случаи, въ которыхъ конституціональное психическое разстройство есть непосредственное проявленіе вырожденія. Сюда относятся такія формы, какъ напр. нравственное помѣшательство, резонирующее помѣшательство, импульсивное помѣшательство, извращеніе полового чувства и т. подоб. формы, выражающіяся вообще неуравновѣшенностью и дисгармоніей въ психической сферѣ. (Классификація для отчетовъ, принятая Обществомъ невропатологовъ и психіатровъ, состоящимъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, въ засѣданіи 22 Мая 1892 года, № 8, объясненная С. С. Корсаковымъ въ его курсѣ Психіатріи, въ приложеніи). Если бы одинъ видъ изъ указанныхъ помѣшательствъ былъ у Іоанна, то и этого вида было бы достаточно, чтобы признать его душевно больнымъ; но мы у него находимъ нравственное помѣшательство, резонирующее, импульсивное и извращеніе половаго чувства, стало быть, вполнѣ выраженную *дегенеративную психопатію*.

Д. М. Глаголевъ.

1902 г. 1 Іюня.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

Священникомъ при Православной церкви нашей въ Веймарѣ былъ до 1834 г., т. е. до поступленія на эту должность С. К. Сабинина, *о. Никита Яновскій* (не родня ли Гоголю?). Онъ погребенъ близъ такъ называемой Hofkirche. Съ нимъ могъ говорить о нашемъ церковномъ бытѣ Гёте, отдававшій предпочтеніе нашему богослуженію передъ Латинскимъ (см. его Римскія Письма) и даже писавшій о нашихъ старинныхъ иконахъ.

*

На экзаменѣ Московской Духовной Академіи по предмету Философіи ученикъ изложилъ ученіе Спинозы. По выслушаніи, Филаретъ внезапно сказалъ: „Безсильное усиліе осилить Всесильнаго".

На что сушить сухари сушеные? замѣтилъ онъ одному профессору, который сокращалъ Баумейстерову книгу Elementa philosophiae recentioris.

Митрополитъ Филаретъ произнесъ проповѣдь. Нѣкоторымъ изъ слушавшихъ ее понадобилось, чтобы проповѣдь скорѣе была напечатана, и они обратились къ митрополиту съ просьбою дозволить. Тотъ, съ видомъ изумленія, отвѣчалъ: „Нечего просить. Вѣдь проповѣдь произнесена уже; стало быть, она больше не моя". (Слышано отъ Е. Ѳ. Тютчевой).

*

Графъ Владиміръ Алексѣевичъ Васильевъ сказывалъ, что, служа въ 1831 году въ лейбъ-гусарахъ, однажды лѣтомъ онъ возвращался часу въ 4-мъ утра въ Царское Село и когда проѣзжалъ мимо дома Китаевой, Пушкинъ зазвалъ его въ раскрытое окно къ себѣ. Графъ Васильевъ нашелъ поэта за письменнымъ столомъ въ халатѣ, но безъ сорочки (такъ онъ привыкъ, живучи на Югѣ). Пушкинъ писалъ тогда свое посланіе „Клеветникамъ Россіи" и сказалъ молодому графу, что пишетъ по желанію Государя.

*

Братья и сестры скончавшейся въ Кисловодскѣ 12-го Февраля нынѣшняго года дѣвицы Софьи Алексѣевны Хомяковой изъ ея наслѣдства пожертвовали 20 т. рублей Московскому Обществу сторонниковъ гомеопатіи, которое имѣетъ свою особую лѣчебницу на Моросейкѣ. Это дань памяти знаменитаго писателя, отца жертвователей, который былъ твердо-убѣжденный гомеопатъ.

ленія въ Россіи. Записка о жизни и дѣятельности Питта Младшаго.

XVI. Письма гр. С. Р. Воронцова къ его отцу, къ П. В. Завадовскому и гр. А. А. Безбородко. Переписка его съ Екатериной Второй для предотвращенія войны съ Англіею. Письма къ гр. Остерману, Павлу Петровичу, К. С. Рындину и другимъ. Записка о войскѣ.

XVII. Письма гр. С. Р. Воронцова къ его сыну.

XVIII. Письма кн. В. П. Кочубея къ гр. С. Р. Воронцову. Д. П. Татищева къ гр. А. Р. и С. Р. Воронцовымъ. Письма Н. Н. Новосильцова.

XIX. Переписка графовъ С. Р. и А. Р. Воронцовыхъ съ П. В. Чичаговымъ и С. К. Грейгомъ.

XX. Письма гр. А. И. Моркова къ гр. С. Р. Воронцову, В. С. Тамары, А. Я. Италинскаго, барона Грима В. Г. Лизакевича, св. Я. И. Смирнова. Моск. оберъ-полиц. П. Н. Каверина. Мысли о родѣ занятій Русскаго министра въ Римѣ.

XXI. Автобіографія кн. Е. Р. Дашковой. Бумаги по управленію Академіей Наукъ. Письмо гр. А. Г. Орлова къ Екатеринѣ о кончинѣ Петра III-го. Письма кн. Е. Р. Дашковой къ А. Р. Воронцову. Письмо Е. Р. Полянской къ гр. С. Р. Воронцову.

XXII. Переписка графовъ С. и А. Р. Воронцовыхъ съ баронами А. Л. и П. А. Николаи.

XXIII. Письма Н. М. Логинова къ гр. С. Р. Воронцову.

XXIV. Записка объ управленіи Россіи гр. А. И. Остермана. Автобіографическая записка Бирона. Записка канцлера Бестужева о Лестокѣ. Мать и братъ Екатерины въ Семилѣтнюю войну. Сношенія съ Франціей при Елисаветѣ. Послѣдніе дни Елисаветы. Записка объ Индіи. Письма И. И. Голикова, А. В. Храповицкаго, П. А. Зубова, П. И. Измайлова, И. В. Гудовича. Письмо Костюшки къ Павлу Петровичу.

XXV. Причины перемѣнъ правленія въ домѣ Романова, о царствованіи Іоанна III, регентство герцога Курляндскаго, о Аннѣ Леопольдовнѣ и восшествіи на престолъ Елисаветы. État de la famille du duc de Brunswic (1748). La cour de Russie vis-à-vis des puissances étrangères. L'arrêt du comte de L'Estoq. Мать Екатерины Великой. Гр. Разумовскій и А. В. Олсуфьевъ о Малороссійскихъ дѣлахъ. Rélation de la révolution arrivée en Russie le 6 Juillet (1762). Записка о Россіи въ первый годъ царствованія Екатерины. Письма Екатерины къ Понятовскому. Изъ Записокъ Понятовскаго. Письма Екатерины къ гр. А. В. Браницкой.

XXVI. Изъ бумагъ гр. П. В. Завадовскаго и гр. П. И. Панина. Письма кн. Потемкина къ гр. Суворову. Донесенія гр. З. Г. Чернышова Екатеринѣ Второй объ открытіи Московской губерніи. Переписка Саксонскаго резидента Гельбига съ Лоссомъ. Дѣло барона Армфельда.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1902 года.

(Годъ 40-й).

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1902 году, за **двѣнадцать выпусковъ**, съ пересылкой и доставкой **девять** рублей; для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива» на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ **Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву" для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.**

Годовыя изданія «Русскаго Архива» прошлыхъ лѣтъ получаются по слѣдующимъ цѣнамъ: **1874** годъ, съ двумя гравированными на стали портретами (Ѳ. И. Тютчева и князя В. Ѳ. Одоевскаго), за 6 р., съ пересылкою 7 р.; годы **1877**, **1879**, **1884** и **1886—1889** по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р.; годы **1890—1892**, **1894** и **1895** по 6 р., съ пересылкою по 7 р.; годы **1898—1901** по 8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Оставшіеся въ розбити выпуски можно получать по **1 р.** съ перес.

Роспись содержанію Русскаго Архива за первыя 30 лѣтъ изданія (1863—1892) съ Азбучнымъ Указателемъ. М. 1894. 240 стр. Цѣна **три** рубля.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногороднаго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный—**90** копѣекъ; иногороднаго на Московскій—**40** копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, отъ 9 часовъ утра до 5 часовъ по полудни.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" **Петръ Бартеневъ**.

(Годъ сороковой).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1902

8.

Стр.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1902.

Сочиненія императрицы Екатерины II. Томъ седьмой. Антидотъ. Спб. 1901. 8-ка. LVI и 360.

Въ прошломъ году въ „Русскомъ Архивѣ“ былъ отзывъ о первыхъ четырехъ томахъ академическаго изданія сочиненій Великой Женщины, 34 года неустанно трудившейся во благо Русскаго народа, избравшаго ее вершительницею судебъ своихъ. То были ея сочиненія драматическія, которыми засвидѣтельствовано, какъ изучала она бытъ и нравы своихъ подданныхъ. Нынѣ вышли въ свѣтъ еще четыре тома ея сочиненій. (Томы 5 и 6-й еще печатаются). Изъ вышедшихъ томовъ 8, 9 и 10-й заняты Записками о Русской исторіи (въ предисловіи къ которымъ Екатерина говоритъ, что она „не изъ числа змѣй вскормленныхъ за пазухой“, а пишетъ по долгу благодарнаго сердца); а въ 7-мъ томѣ мы имѣемъ, наконецъ, всѣмъ доступный подлинный Французскій текстъ знаменитаго „Антидота“ или Противоядія злой клеветѣ на Россію и Русскій народъ, пущенной правительствомъ Людовика XV-го, въ самомъ началѣ первой Екатерининской войны съ Турками. Война эта вызвана была зложелательствомъ западныхъ державъ, убоявшихся начавшагося процвѣтанія Россіи, сила которой такъ грозно обнаружилась въ Семилѣтнюю войну. Почти явно дѣйствовалъ противъ насъ Французскій министръ Шоазель, и конечно онъ отпустилъ денегъ на роскошное, въ 1768 году выпущенное въ свѣтъ, изданіе книги Шаппа-д'Отероша, въ опроверженіе которой Екатерина напечатала свой „Антидотъ“. Сей послѣдній написанъ вѣроятно въ концѣ 1769 года; онъ изданъ безъ означенія мѣста печатанія, но въ Петербургѣ, какъ вполнѣ убѣдительно доказываетъ это нынѣшній его издатель. Черезъ два года перепечатали его въ Голландіи (можетъ быть, по желанію самой Екатерины); но у насъ Антидотъ былъ мало кому извѣстенъ и принадлежалъ къ числу книжныхъ рѣдкостей, въ особенности вторая его часть. Немногіе Русскіе читатели познакомились съ нимъ по Русскому его переводу, появившемуся въ 1869 году, въ 4-й книгѣ нашего сборника „Восемнадцатый Вѣкъ“ (кстати сказать, что переводъ этотъ принадлежитъ покойному С. А. Рачинскому и вышелъ безъ примѣчаній, которыхъ нынѣ можно было сдѣлать немало). По всему вѣроятію Екатерина сама приказала уничтожить свою подлинную рукопись Антидота, такъ какъ ей, царицѣ, не пристало входить въ явную полемику съ Французскимъ аббатомъ. Рукопись Антидота сохранилась въ спискѣ, который сдѣланъ былъ Г. В. Козицкимъ (человѣкомъ близкимъ къ тогдашнему любимцу Екатерины, князю Г. Г. Орлову). Благодаря тому, что при Николаѣ Павловичѣ память Екатерины, можно сказать, преслѣдовалась (въ чемъ позволительно усматривать вліяніе его матери), были почти неизвѣстны письменныя произведенія Екатерины, которая говаривала, что ей необычно провести день не исписавши нѣсколько листовъ. Со словъ чужеземныхъ утверждали, напр., что письма ея къ Вольтеру писаны не ею самой. Принадлежность ей Антидота также оспаривалась за границею и у насъ. Нынѣ А. Н. Пыпинъ неопровержимо доказалъ, что написала его Екатерина. Честь ему и слава за его прекрасный трудъ. Нѣкогда, президентъ Академіи Наукъ графъ В. Н. Панинъ заявлялъ, что онъ выйдетъ въ отставку, если академики выберутъ этого ученаго въ свои сочлены. Прошли года, и онъ доказалъ, что вполнѣ достоинъ академическаго кресла. Пожелаемъ ему полнаго успѣха въ настоящей работѣ, которая, конечно, продлится на цѣлый рядъ новыхъ томовъ.

Въ заключеніе пожалѣемъ, что въ новомъ изданіи Антидота не воспроизведена виньетка, находящаяся въ обѣихъ частяхъ его на первыхъ страницахъ. Имѣя передъ собою эту знаменательную виньетку, читатель получилъ бы возможность судить, чье объясненіе оной вѣрнѣе, г-на ли Турнё или пишущаго эти строки. П. Б.

ДНЕВНИКЪ ИВАНА МИХАИЛОВИЧА СНѢГИРЕВА *).

Ноябрь и Декабрь 1824 года.

Ноябрь. 1. Послѣ классовъ въ В. Д. и обѣда дома былъ у Полевого, который просилъ меня принять на себя цензурованіе его журнала Телеграфа, подаривъ мнѣ билетъ на оный. Я отговаривался отъ цензурованія множествомъ дѣлъ и опасеніемъ, чтобы не навлечь на себя новыхъ неудовольствій отъ товарищей; обѣщалъ ему доставить переводъ *Вольтерова* письма къ Миллеру и *Некрологіи* преосв. умерш. въ семъ году: Симеона, Сергія, Антонія, Сераціона и Ѳеофилакта Тамб. Бесѣдовали въ семейномъ кругу о разныхъ предметахъ учености и общежитія, по обыкновенію перескакивая отъ одной матеріи къ другой. Читалъ Ник. Алекс. свое письмо къ А. А. А.; онъ хвалилъ, только не знаю, въ какомъ духѣ. Глубоко сердце человѣка. Благодарю Бога, что мое чисто и искренно съ моими пріятелями; недоволенъ собою только тѣмъ, что за обѣдомъ бранилъ К. К. и Ходак., хотя они мнѣ худо заплатили за радушіе мое и чувствительно огорчили. Помнить бы о миролюбіи Евангел.! Пѣшкомъ домой и на коняхъ своихъ поѣхалъ въ собраніе экст. О. Л. Р. С. Сказывалъ при Мерзляковѣ А. А., что отказался отъ класса въ В. Д. Онъ совѣтовалъ не покидать сего мѣста; Мерзляковъ тоже подтвердилъ, говоря, что претерпѣвый до конца той спасенъ будетъ. А. А. говорилъ мнѣ, чтобъ взять цензурованіе Телегр., я отговаривался и просилъ, по крайней мѣрѣ, уволить отъ Дамск. Журнала; представлялъ ему свои недосуги. Въ собраніи разсуждали о дѣлахъ Общества, о приготовленіи піесъ, въ коихъ недостатокъ есть, о недѣятельныхъ членахъ, наконецъ о библіотекѣ; тутъ А. А. сдѣлалъ мнѣ намекъ о пропажѣ книгъ, а я свое возраженіе, что я не сторожъ и не сыщикъ, и что пропажа случилась отъ слабости команды. Мерзляковъ читалъ мнѣ свои оды изъ Горація и представилъ въ Общество свой переводъ изъ Еврип. трагедіи. А. А. напоминалъ мнѣ о Кантемирѣ; я отвѣчалъ, что по окончаніи біогр.

---

*) См. выше, стр. 369.

Авг. примусь за него. Потомъ я читалъ Макарова соч. о знакомствѣ его съ Костровымъ, гдѣ онъ выставленъ пьяницей; я подалъ свой голосъ, что не должно безчестить память сего поэта, а лучше написать его біографію, гдѣ бы упомянуть объ его заслугахъ нашей словесности и слегка намекнуть о пагубной его страсти. Разсуждали о значеніи слова изданіе, значитъ ли оно сочиненіе или только форму, даваемую ему тисненіемъ; рѣшили, что сочинитель можетъ написать какое-либо сочиненіе, а потомъ издать и что изданіе собств. значитъ произведеніе (editio), а потомъ принято въ смыслѣ тисненія. Послѣ собранія зашелъ съ Павл. и Васил. къ Давыдову; анекдоты и насмѣшки!

2. Поутру былъ у ранней обѣднѣ въ своемъ приходѣ; туда велѣлъ пріѣхать новой коляскѣ и оттуда съ маменькой въ первой разъ въ ней ѣхали домой. Пришелъ Полевой; съ нимъ отправился къ генер. Писареву, который принялъ его ласково и обѣщалъ избрать его членомъ Общества.

8. Послѣ уроковъ зашелъ къ г-жѣ Цеймернъ и читалъ съ Танею корр. послѣдняго листа «Труд. И. О.». Я пенялъ между тѣмъ ей, зачѣмъ она разглашаетъ обо мнѣ разные слухи насчетъ будто любви, повторяемые Маловымъ и друг.; она отреклась, потомъ спрашивала, за что я ее ненавижу? Вопросъ въ устахъ дѣвушки тонкій. Потомъ сказывала, будто Лёня отъ меня идетъ въ монастырь. *Чай, примѣчай!* Оттуда проѣхалъ къ генералу Писареву, у коего сынъ имянинникъ; тамъ встрѣтилъ генераловъ Дурасова и Арбеньева; тотъ и другой звали къ себѣ. Говорили о масонствѣ въ худую сторону. Послѣ долгаго ожиданія обѣда сидѣли за нимъ до вечера. Вышедши изъ-за стола, уѣхалъ тихонько къ Гусеву на имянины; пеняли, для чего у нихъ не обѣдалъ. Сѣли за карты, я домой. Замѣтилъ пословицу, что дома и стѣны помогаютъ.

9. Утромъ рано пошелъ къ обѣднѣ въ свой приходъ, далъ на красное вино для службы священнику 4 р. и обѣщалъ дать лепту на сосуды. По возвращеніи домой, засталъ Сытина, коему совѣтовалъ поблагодарить А. А. А. за сына. Пріѣзжали Матвѣевъ, Телепневъ; первому далъ для прочтенія романы, подаренные Сытинымъ, а другому обѣщалъ попросить о переводѣ его въ 6-й классъ. Свѣрилъ корректуру Языковой піесы съ подлинникомъ. Пріѣхалъ Карловичъ навѣстить насъ и звать къ себѣ въ Хамовническія казармы; просилъ меня о возвращеніи ему Барклая-де-Толли бумаги; я просилъ его писать къ дядюшкѣ П. П. и далъ ему адресъ. Простясь съ нимъ, поѣхалъ къ сенатору Малиновскому, у коего засталъ сен. Кашкина, Стар., Строева. Разсуждали о питейныхъ сборахъ, объ указахъ и законахъ противорѣчущихъ и равносильныхъ, о средствахъ сократить ихъ, о дѣйстві-

яхъ Комиссіи Сост. Зак., преобразованной Екатериною II въ 1767; о приписаніи людей къ домамъ, постановленномъ въ указѣ 1769, о недоимкахъ. Я возвратилъ А. Ѳ-чу уставъ о Шерем. Странн. домѣ и именемъ Ульрихса по его запискѣ просилъ объ уплатѣ Аглин. учит. за 20 ур. Онъ просилъ подождать и жаловался на недостатокъ въ деньгахъ; просилъ меня о доставленіи ему листовъ «Путеводителя по Москвѣ» и № «Дам. Журн.», приглашалъ меня къ себѣ на вечеръ. Отъ него поѣхалъ къ Осипу Степ. Маньяну на обѣдъ; встрѣтилъ у него трехъ катол. пасторовъ и принятъ былъ имъ, женою и дѣтьми ласково. Послѣ обѣда дочь его играла на фортеп. по просьбѣ моей хорошо, братъ меньшой ей акомпанировалъ. Съ старикомъ Маньян. я говорилъ по-латини о дисциплинѣ ученой и о постановленіи въ учебн. заведен. В. Д. на счетъ учителей и учениковъ.

10. Поутру рано прочелъ Горац. оду . . . . ; подписалъ прочитанный мною Скотовъ романъ *Антикварій*, ч. I. Изъ Университетской типографіи заѣхалъ въ Цензурный Комитетъ отдать П. В. Побѣд. выписки изъ журналовъ Комит. касательно разныхъ предписаній начальства и процензурованный мною романъ; тамъ встрѣтился съ Ульрихсомъ, который совѣтовался со мною насчетъ кн. *Исторія Греческ. происшествій* и читалъ мнѣ отрывки изъ оной. Изъ Комитета отправился къ Я. Е. Арсен. Близъ его дома попался мнѣ Глинка, коего завезъ къ нему и который въ пышныхъ выраженіяхъ благодарилъ меня за пропускъ и поправку его *Путеводителя*, говоря, что я смѣло шелъ будто противъ Маріи и Голицына Д. В., который сочинялъ большую часть этой книги и что этотъ подвигъ мой онъ впишетъ въ записки своей жизни, какъ о благодѣтелѣ его семейства; потомъ разсказывалъ свою исторію съ Делавò и Семеномъ. Я съ своей стороны просилъ его дать лучше мнѣ уголокъ въ своемъ сердцѣ и не дѣлать обо мнѣ разглашеній, чтобы не возбудить зависти. За разсказами слѣдовали рюмки съ виномъ, увѣренія въ дружбѣ и благодарности и разлука. Я звалъ Я. Е. на поминки въ Симоновъ: была память по Николаѣ Лукьян. Онъ не поѣхалъ, отозвавшись нездоровьемъ. Дома услышалъ о кончинѣ моего пріятеля Троицы-Лист. священника Влад. Никит., пожалѣлъ; прочитавъ изъ Горація оду въ утѣшеніе, уснулъ рано и рано на другой день всталъ, и за дѣло.

11. Поутру заѣхалъ ко мнѣ о. ризничій Синод. отъ Филарета и разсказывалъ, что К. Калайд. поручено описывать Патріаршую библіотеку и что Филаретъ принялъ это съ неудовольствіемъ и съ опасеніемъ, чтобъ не расхитилъ каз. рукописей, какъ Маттей; пенялъ, для чего ризничей самъ не дѣлаетъ описи. Ему я на прочтеніе далъ «Украинскій Журналъ» № 16-й. Потомъ онъ довезъ меня до церкви

Троицы на Листахъ, гдѣ было погребеніе священника; плакали не только родные, но и чужіе; отпѣвалъ Успенскій протопопъ Я. Д. Трогательное надгробное слово говорилъ зять покойнаго, отъ Николы Явленнаго священникъ Мих., въ немъ излилъ заслуги духовныя и ученыя покойнаго и описалъ кончину его, предъ коею покойный воскликнулъ: *милосердія двери отверзи*! Не понравилось мнѣ, что корректуру Греч. Библіи ораторъ поставилъ причиною его болѣзни и смерти. Хорошо сравненіе отца съ Авраамомъ, а умершаго сына съ Исаакомъ. Слушатели были тронуты и плакали. За шедшимъ снѣгомъ я не пошелъ провожать покойнаго до кладбища. Послѣ домашняго обѣда, отправился было къ Өедосьѣ Иван. Вольской; но, не нашедши ея на квартирѣ, на мѣсто ея встрѣтилъ какую-то дѣвушку изъ Симбирска, Катерину, съ которой скоро познакомился; она звала еще къ себѣ.

12. Послѣ уроковъ въ В. Д. свѣрялъ бѣлые листы К. К. піесы о Трудахъ И. О. съ оригиналомъ и сдѣлалъ отмѣтки. Читали со мною Катер. Меранвиль и Таня Өед. Послѣ обѣда занимался съ Александрою Ив. уроками. По окончаніи урока на мужской половинѣ простился съ учениками своими краткою рѣчью, въ коей желалъ, чтобъ они были просвѣщенными умомъ и сердцемъ и добрыми; пригласилъ ихъ къ Павлову, гдѣ угостилъ ихъ чаемъ и еще распростился. У Златоустова монастыря поутру ѣхавши, встрѣтилъ я мальчика, который, увидѣвъ нищую, вынулъ хлѣбъ изъ учебной сумки и подѣлился съ нею. Это меня тронуло. Я спросилъ мальчика, чей онъ и куда идетъ? Отвѣчалъ, что сынъ портного и идетъ въ училище. Я похвалилъ его за доброту и совѣтовалъ ему всегда быть добрымъ, подарилъ ему въ награду двугривенный, а нищей подалъ милостыню и поѣхалъ довольный собою, какъ будто сдѣлалъ доброе дѣло!

13. Въ заутрени вставши, занимался цензурою и корректурами. Поутру пришелъ Ив. Ул. Демидовъ и принесъ мнѣ вексель въ 500 р. подписанный имъ и сыномъ его на 6 мѣсяцевъ. Подписавъ къ печатанію конецъ Труд. Общ. и біогр. Авг., отослалъ въ типографію, куда и самъ отправился. У Ширяева взялъ 35 № С. О. для Дурасовой; зашелъ къ князю Шаликову, поговорить насчетъ его піесы о вырытомъ изъ земли скупцѣ, взявшемъ съ собою въ гробъ деньги; онъ сказывалъ, будто въ Мнемозинѣ III подъ именемъ *Мусорина* изображенъ Нечаевъ, подъ именемъ *Мушкина* Пушкинъ и т. д. И это философія! Въ типографіи Басалаевъ сказывалъ мнѣ, что слышалъ, будто я представленъ въ профессоры и дивился трудамъ моимъ; но сознаться надобно, что еще болѣе надобно заниматься, особливо предметами близкими къ цѣли моей, а не посторонними, кои отдаляютъ отъ нея. *Время*: жизнь и отчетъ! Послѣ лекціи въ Университетѣ показывалъ въ

засѣданіи Комитета Ценз. Шаликова піесу; положено пропустить, только съ исключеніемъ позволенія архіерейскаго. На обѣдъ поѣхалъ къ А. П. Дурасовой, отдалъ ей № С. О., видѣлся съ А. А. Писаревымъ, который звалъ меня къ себѣ. Лѣкарь Попандопуло разсказывалъ, что онъ получилъ извѣстіе о бывшемъ въ С. П. потопѣ, при чемъ будто потонуло до 7000 человѣкъ. А. П. сказывалъ, что изъ дому Головина П. В. выстрѣлили воры въ полицеймейстера и что отыскано ихъ до 60 человѣкъ, цѣлая шайка. Я взялъ на счастье въ лотерею бѣднаго человѣка билетъ и заплатилъ 2 р., осталось сдачи у Четверикова 40 к. Оттуда проѣхалъ домой, завернулъ къ мнимой Катеринѣ, которая въ самомъ дѣлѣ Анна, и есть о чемъ подумать!! Все закаиваюсь.

14. Цензура Шаликова журнала, свои лекціи и размышленіе о вчерашнемъ днѣ, въ который столько было сценъ. О страсти! Послѣ урока въ В. Д. заѣхалъ къ Семену и взялъ экземпляръ «Путеводителя Москвы», посидѣлъ и поговорилъ съ матерью Магдалиною. Послѣ урока въ Университетскомъ Пансіонѣ былъ въ типографіи, по возвращеніи перевелъ письмо и написалъ донесеніе для О. П. Маньяна. Наводненіе въ С. П. было съ 7 на 8 въ ночь Ноября; поутру вода въ 9 часовъ вышла изъ береговъ и разлилась, съ 5 часовъ вечера убыла. Потонуло множество; вода была выше, чѣмъ 1777 году. Полагаютъ, что убытокъ одной биржи до 90 миліоновъ.

15. Послѣ уроковъ въ В. Д. былъ въ банѣ Москворѣцк., рѣка прибыла отъ дождей; я чувствовалъ себя не очень здоровымъ, кажется, отъ желудка, заѣхалъ къ Кричу выпить рюмку полыннаго. Написалъ послѣ обѣда донесеніе о сочиненіяхъ Хитрова, чтобы представить въ общество И. О. вмѣстѣ съ моимъ переводомъ письма отъ Парижскаго Географ. Общества. Потомъ въ дождь и грязь отправился въ Университетъ, зашелъ къ Мерзлякову, казалъ ему листы біогр. Авг., онъ сдѣлалъ мнѣ свои замѣчанія и просилъ зайти къ нему для прочтенія всего въ Понед. Отъ него былъ у Гаврилова, который сбирался въ факульт. собраніе, куда и я пошелъ. Назначался экзаменъ для кандид. Зиновьева и Танѣева; но все время прошло въ спорахъ Каченовскаго съ Мерзляковымъ о томъ, что нѣтъ по новому уставу словеснаго отдѣл., а философское; рѣшили представить въ Совѣтъ на разрѣшеніе. Изъ факультета пошелъ въ Истор. Общество, гдѣ были Антонскій, Двигубскій, Нечаевъ, Дружининъ, Строевъ и Каченовскій. Я подалъ свое донесеніе и письмо, кои и были прочитаны; отвѣтъ на письмо Г. О., по моему совѣту, порученъ сдѣлать Нечаеву, который и принялъ это на себя охотно. Строевъ и я вмѣстѣ съ предсѣдателемъ предлагали Полевого въ члены; завязался споръ у Строева съ Ант., который разсердился на его смѣлость и рѣшительный тонъ. Двигубскій

противился также принятію Полевого, доказывая, что онъ своею критикою на Калайдовича оскорбилъ цѣлое общество. Наконецъ, Строевъ подалъ свой голосъ письм. о принятіи Полевого, а я о Василевскомъ, Каченовск. и Погодинѣ. Мнѣ поручено перевести Френово письмо въ Общество; поручали было и Хитрова піесу Fragment de mon journal, но я отказался множествомъ дѣлъ. Выборы отложили до слѣд. собранія. Когда разсуждали о взысканіи обществ. денегъ съ Кутузова, А. А. А. подалъ свое мнѣніе, что общество Кутузову обязано своимъ бытіемъ и сими деньгами. Я просилъ о выдачѣ мнѣ за труды денегъ; обѣщано.

16. Поутру былъ Андросовъ посовѣтоваться со мною о преподаваніи Росс. слов. въ В. Д.; я ему разсказалъ о своемъ методѣ ученія, далъ ему искренніе совѣты насчетъ обращенія съ учениками и отправилъ его къ Ульрихсу. Вмѣстѣ съ Беромъ пошли на освященіе Филаретомъ своей церкви на Троицкомъ подворьѣ. Было множество дамъ и жарко; половину священнодѣйствія проговорилъ съ Мальцовымъ, только о предметахъ душеполезныхъ; встрѣтился съ Я. Е. Арсеньевымъ, который вмѣстѣ со мною заѣхалъ ко мнѣ, посидѣлъ и поговорилъ о Спб. потопѣ, который такъ сильно на всѣхъ подѣйствовалъ. Нашлись люди изъ купцовъ, кои захотѣли воспользоваться общимъ бѣдствіемъ и возвысили цѣну на сахаръ и на другіе товары, но взялъ противникъ свои мѣры. Главнымъ зачинщикомъ считаютъ Усачева. По приглашенію поѣхалъ къ А. А. Писареву; встрѣтился на дворѣ съ Полевымъ, которому все было пересказано. Кн. Шаликовъ былъ тамъ. Я отдалъ хозяину особенно напечатанную его піесу «Кіев. Памятники», и по зову его поѣхалъ съ нимъ вмѣстѣ къ Дурасовымъ, отпустивъ домой свой экипажъ. Обѣдъ насъ ждалъ, скоро сѣли за столъ; хозяйка обращала на меня вниманіе своею вѣжливостью; послѣ обѣда я сказалъ хозяйкѣ, что племянника ея рекомендовалъ членамъ факультета, а хозяину, что Павловъ согласенъ взять его воспитанника къ себѣ за 500 асс. и что это предоставляю на его благоусмотрѣніе. Наступалъ вечеръ. Писаревъ уѣхалъ съ женою, которая изъявила было въ насъ свое участіе; а мы съ Шаликовымъ домой пѣшкомъ, сокращая путь разговорами о критикѣ.

17. Поутру застало меня въ постели приглашеніе Малиновскаго сенатора. Поѣхалъ въ Цензурный Комитетъ, гдѣ по просьбѣ кн. Одоевскаго взялъ процензуровать романъ его дяди *Матильду*, ч. I. У Побѣдон. списалъ два письма изъ Спб. о бывшемъ съ 6 на 7 Ноября наводненіи, въ которое погибло множество народу и скота; на милліоны пропало товаровъ; на другой день продавали хлѣбъ по 150 к. ф., а сѣно по 8 пудъ; изъ Кронштадта приносило водою цѣлые домы

съ людьми въ Спб. на площадь, гробы вымывало изъ могилъ и несло водою. Полагаютъ, что это наводненіе было слѣдствіемъ землетрясенія. Въ Кремлѣ встрѣтились со мною И. И. Ястребцовъ и проф. Котельницкій, я съ ними походилъ и поговорилъ; потомъ зашелъ къ ризничему Гавріилу, которому читалъ письма изъ Спб. о наводненіи. Позавтракали вмѣстѣ, поговорили объ описаніи К. К. Патріарш. библіот. и о взятыхъ Филаретомъ мѣрахъ, чтобы ея не раскрали, о трудностяхъ, о журналѣ Полевого. Часть вечера провелъ съ кн. Одоевскимъ, которому отдалъ его листки и тетрадь и книжку Малова, на что дѣлали замѣчанія; другую часть вечера у сен. Малиновскаго. Просилъ съ женою о доставленіи ему Нѣмецк. учителя для дочери и говорили о дѣлахъ Истор. Общества. Шедши домой, видѣлъ пожаръ, какъ сказали, въ Сущев. части. Въ постели читалъ съ поправками Маньянову комедію; утромъ кончилъ.

18. Отправляясь въ Университетъ на лекцію, заѣхалъ къ кн. Одоевскому, поговорилъ съ нимъ о Шеллинговой и о неновой системѣ философіи, въ коей есть признаки матеріализма; ибо говоритъ, что Богъ безъ міра не можетъ существовать. К. О. отдѣляетъ міръ отъ земли, чтò въ Св. Писаніи не отдѣлено. Это пантеизмъ Спинозы. Кажется, въ новыхъ формахъ возобновляютъ старыя ереси. Жаль, что молодой человѣкъ съ добрымъ сердцемъ забилъ себѣ голову такимъ глубокомысліемъ, изъ коего едва ли что можно вывести полезное для жизни. Я принялъ магнезіи и поѣхалъ уже поздно на лекцію; оттуда зашелъ въ Правленіе, гдѣ видѣлся съ Антонск., который пенялъ мнѣ, для чего я не подписалъ своего имени подъ своею піесою б. А.; я говорилъ, что это въ моей волѣ и что никто меня принудить не можетъ. Въ городѣ купилъ чаю и сахару, который подорожалъ, 65 к. пуд.

19. Рано вставши, читалъ послѣднюю корр. б. А. Послѣ классовъ въ В. Д. просилъ Ульрихса объ учителѣ Нѣмецкомъ для Малиновскаго дочери; рекомендовалъ онъ Веттерштранда. Зашелъ къ Маньянову сыну Ѳедору Авросимовичу и отдалъ ему съ замѣчаніями переводъ его комедіи «Разсказчикъ», которую совѣтовалъ переименовать Белендрясинымъ. Онъ благодарилъ; мать его звала меня въ гости. Не заставъ генерала Писарева дома, не дождался его и проѣхалъ къ себѣ; онъ вслѣдъ за мною прислалъ коляску; скрѣпясь, поѣхалъ и нашелъ у него професс. Василевскаго, Полевого и кн. Шаликова. За обѣдомъ я читалъ тещѣ хозяина письмо Шишкова о Спб. наводненіи, чтò было предметомъ застольныхъ разсужденій. Послѣ обѣда за трубками бесѣдовали о предметахъ литерат. и отеч. исторіи, читали Пушкина стихи «Къ морю» и Полевого книгу на Делавò «Guide». Шаликовъ дѣлалъ свои возраженія, Полевой защищался и сказалъ, что онъ идетъ

прямо противъ глупости и невѣжества и будетъ ихъ преслѣдовать во всѣхъ ущельяхъ. Я далъ ему замѣтить, что надобно собраться съ силами и критиковать, не раздражая и не погашая охоты. Василевскій за тайну мнѣ сказалъ, что Петръ I для того уничтожилъ въ Кіевѣ Вознесенскій дѣвичій монастырь и построилъ на мѣстѣ его казармы, что открылъ тайные ходы въ пещеры. Предлагали описать Кіевскіе памятники такъ, какъ они есть. Васил. сбирался со мною ѣхать въ Лавру и Александров. Слободу, чтобы повѣрить Олеаріево описаніе дворца Іоаннова и проч. Поздно ввечеру разъѣхались, поблагодаря хозяина, который приглашалъ насъ и напредки; я довезъ Полевого домой.

20. А. А. сообщилъ мнѣ свои замѣчанія касательно 3 послѣднихъ листовъ біогр. Авг. и подписалъ ихъ къ печатанію набѣло. Послѣ лекціи своей зашелъ къ Сандунову и казалъ ему сіи листы; онъ доволенъ былъ Растопчина афишками, просилъ ему о доставленіи. тоже повторилъ и П. Кутузовъ. Я обѣщалъ тому и другому, прося не выдавать меня. Я взялъ списать у Н. Н. Санд. указъ о преданіи уголовному суду дирек. деп. Попова съ цензоромъ и пр. за Госнерову книгу. Надобно мнѣ припомнить пословицу: *съ большими людьми обращайся, а кошелекъ за пазухой держи*; *издали грьютъ, вблизи жгутъ.* Прошелъ къ Я. Е. Арсеньеву, гдѣ засталъ Д. А. Бороздина съ сыномъ; читали извѣстія изъ Спб. и обѣдали вмѣстѣ. Эйлеръ предсказалъ Екатеринѣ II-й объ этомъ наводненіи; любопытно найти это письмо. Оттуда заѣхалъ къ Нечаеву. Спорили о рабствѣ крестьянъ Росс. Это галлицизмы и германизмы. Я доказывалъ, что свобода можетъ быть зломъ для народа грубаго и непросвѣщеннаго, когда и просвѣщенные съ нею не совладаютъ. Онъ жаловался, что права помѣщиковъ не опредѣлены, оттого будто крестьяне не платятъ оброку. Онъ совѣтовалъ мнѣ напечатать особо б. А. и обѣщался способствовать.

21. Отослалъ къ портному Кельцу сукно и матерію на фракъ и жилетъ. Въ вечеру заходилъ къ проф. Цвѣтаеву; недолго посидѣвъ, домой пошелъ, когда пріѣхали къ нему Щепочкины. Жена его сказала мнѣ, что докторъ Канту́ интересуется мною и совѣтовала мнѣ посовѣтоваться съ нимъ. Я благодарилъ за участіе. Былъ что-то скученъ и рано легъ спать.

22. Рано написалъ письмо къ Бартеневой объ ея порученіяхъ и съ поздравленіемъ съ имянинами ея. Послѣ уроковъ въ В. Д. заѣхалъ къ тетушкѣ Е. П. сказать извѣстія о дѣлѣ А. П.; послѣ разныхъ разсужденій и толковъ поѣхалъ къ ген. Писареву, у котораго встрѣтилъ генер. Хитрова. Хозяинъ унялъ меня обѣдать. Хитровъ разсказывалъ разные анекдоты объ арх. Фотіи и генералѣ Массенѣ,

у котораго онъ обѣдалъ вмѣстѣ съ его сослуживцами и ранеными. Массена прежде былъ барабанщикъ. Говорилъ, что 9 Февраля 1825 г. предсказывается какое-то необыкновенное происшествіе, важное для Россіи. Агличане будто побились объ закладъ, но Государь запретилъ это разглашать. Алекс. Алекс. сказалъ Хитрову о моемъ донесеніи въ Общество И. объ его піесахъ съ похвалою; онъ, повидимому, былъ доволенъ, намекалъ о переводѣ его піесы о свистопляскѣ въ Вяткѣ. Я отозвался недосугами; онъ говорилъ о своемъ конкордатѣ Св. Писанія. Я хвалилъ его предпріятіе. Съ нимъ должно быть поосторожнѣе; что̀ намъ путаться въ чужія дѣла? Я обѣщалъ доставить А. А. статьи о Черниговъ. гривнѣ въ журналахъ и перевести къ собранію Френ. письмо, совѣтовалъ сдѣлать торжественное собраніе, попросить Мерзлякова написать приличные стихи, а Василевскому поручить сдѣлать описаніе рукописей Славян., хранящихся въ Парижѣ. А. А. былъ согласенъ со мною и звалъ къ себѣ въ Середу. Отъ него прямо ко всенощной на Троицкое подворье.

23. Послѣ ранней обѣдни, за которою отдалъ отъ усердія моего (сохрани Боже отъ тщеславія!) 25 р. священнику на сосуды, пришелъ И. У. Демидовъ съ воротниками бобровыми на шубу мнѣ; купилъ за 162 р.; ему подарилъ старый сертукъ свой, замѣтивъ, что на немъ худъ. Былъ у доктора Канту́, который прописалъ, по разспросѣ, лѣкарство мнѣ, совѣтовалъ брать холодныя ванны черезъ день, не ѣсть соленаго, не пить пива и вина, избѣгать разговоровъ сладостр. Я благодарилъ. Пріѣзжалъ Матвѣевъ съ перифразомъ изъ Горація, я поправилъ и отвезъ самъ къ нему, навѣстилъ Бороздина и Гусева, посидѣлъ у Цвѣтаева, у коего встрѣтилъ протопопа Іоанна Дм.

24. Утро все занимался своими дѣлами. Пріѣхалъ неожиданно изъ Спб. Гудимъ-Левк., ѣдетъ по дѣламъ въ Рязань и Орелъ; я просилъ его справиться о дѣлѣ моемъ съ Батур. Изъ многихъ отвѣтовъ замѣтилъ его скрытность и недовѣрчивость въ противоположность своей откровенности. Послѣ обѣда въ дождь, поѣхалъ въ Универ. Пансіонъ. Послѣ урока былъ у профессора Васил. для приглашенія его къ Писареву въ Середу, обѣщалъ постараться; описывалъ мнѣ молчащему вѣроломство и непомѣрное честолюбіе И. Дав.

25. Весь день дома; принималъ лѣкарство и занимался своими лекціями. Поутру приходилъ Мартень мол. навѣстить меня, а ввечеру сидѣлъ Д. А. Бороздинъ, разсказывалъ изъ жизни своей разные случаи, довольно поучительные, особливо примѣръ, что тщеславіе наше обращается намъ во зло, возбуждая въ другихъ зависть, щегольство, угощеніе: хотимъ удивить, досаждаемъ; хотимъ ухлѣбить, себѣ зло дѣлаемъ, вооружаемъ клевету противъ себя. Онъ сказывалъ, что двѣнад-

цать дней съѣдая по зародышу въ яйцѣ кур., прилипающему къ бѣлку въ видѣ густой жидкости, можно сдѣлаться плодороднымъ.

26. Утро дома съ лѣкар. и дѣлами. Подписалъ Д. Ж. и отыскалъ для А. А. Писарева №№ *В. Е.* и *О. З.*, гдѣ помѣщено о Черниговской гривнѣ для Санглень. Пришла благодарить меня за внука Смирнова теща и обѣдала. По приглашенію поѣхалъ къ А. А. Писареву, у коего засталъ Санглень (человѣка себѣ на умѣ), профес. Василевскаго и кн. Шаликова. Я казалъ предсѣдателю [1]) означенныя несправедливо К. Калайдовичемъ ошибки; онъ совѣтовалъ мнѣ пренебречь его замѣчанія. Читали извѣстіе о разореніи Кронштата и Кронлота. Послѣ обѣда разсужали объ импер. Павлѣ; кн. Шаликовъ нападалъ на него, а Арбеневъ между прочимъ разсказывалъ о немъ анекдоты. Въ пріятельской бесѣдѣ молодой человѣкъ, взявши синюю бумагу, шутя подписалъ на ней пять рубл. асс.; старшій офицеръ, его другъ, взявши ее, доказалъ на него. Императоръ рѣшилъ: «доносчика, яко предателя дружбы, исключить изъ службы и никуда не опредѣлять, а обвиняемаго, яко неопытнаго въ дружбѣ, посадить на три дня подъ караулъ». Кн. Ш. сказывалъ, что на Михайл. дворцѣ было написано: «Прохожій, держи востро ухо, здѣсь живетъ царь Павлуха!» Говорено объ Акимовѣ, флотскомъ офицерѣ, который прилѣпилъ къ Исакіев. церкви надпись: «Се памятникъ двумъ вѣкамъ приличный, низъ мраморный, а верхъ кирпичный». Ему за это отрѣзали уши и языкъ. Когда Павелъ былъ у Бюффона и когда сей предлагалъ ему взять у него что угодно будетъ, Павелъ взялъ его перо, сказавъ, что драгоцѣннѣе этого ничего не находитъ. Рѣшили, что если П. дѣлалъ излишества, то виною тому друзья его, которые заводили его. Арбеневъ увезъ меня къ себѣ; тамъ я встрѣтилъ Сандунова: тонь и тонкость, мнѣ осторожность. Говорили и шутили. Скоро я раскланялся послѣ чашки чаю; дома засталъ Я. Е. Арсеньева, побесѣдовали съ часъ. Безъ меня былъ И. Мальцовъ.

27. Утромъ ванна; зашелъ къ доктору Канту, который совѣтовалъ, послѣ слабительнаго, принимать порошки и ванны. Отъ него въ церковь; въ Комитетъ, гдѣ просилъ объ увольненіи меня отъ Дам. Журн. и отказывался отъ Телеграфа [2]). Видѣлся съ кн. Одоевскимъ, который звалъ меня къ дядѣ своему; я отзывался постомъ; шутили. У Щепкина просилъ денегъ взаемъ, сперва обѣщалъ, потомъ началъ колебаться. Друзья, видно, нынѣшняго вѣка! Чернявскій тоже сказалъ,

---

[1]) А. А. Писаревъ (женатый на богачкѣ Дурасовой) былъ тогда попечителемъ Московскаго Университета и предсѣдателемъ Общества Исторіи и Древностей. П. Б.

[2]) Н. А. Полевой готовился тогда къ изданію своего Московскаго Телеграфа, который началъ выходить въ слѣдующемъ году и, при дѣятельномъ участіи князя П. А. Вяземскаго, оживилъ засыпавшую было нашу повременную печать. П. Б.

что нѣтъ; по крайней мѣрѣ прямо, и то хорошо. Изъ типографіи домой на саняхъ: снѣгъ выпалъ и подмерзло, стала дорога, и всѣ поѣхали кататься. Пришли ко мнѣ Игнатьевъ и Ростовъ; надиктовалъ имъ Латин. письмо Вольтерово къ Миллеру и занялся своимъ дѣломъ.

28. Весь день дома за своими дѣлами и на лѣкарствѣ; ввечеру былъ Чулковъ. Поутру заѣзжалъ ризничій Гавріилъ.

29. Послѣ урока въ В. Д. взялъ свое жалованье, заѣхалъ къ портному Кельцу и заплатилъ ему за работу фрака, двухъ шубъ и жилетки 200 р. Ввечеру зашелъ къ Яинову, отъ него ко всенощной на Троицкое подворье; воротился домой усталый.

30. У ранней обѣдни въ своемъ приходѣ замѣтилъ, что за великимъ выходомъ св. поминалъ маменьку и меня. Оттуда зашелъ къ Канту́; совѣтовалъ продолжать порошки его и ванны, въ недѣлю разъ . . . запрещалъ сильное движеніе духа. Дома засталъ Полевого, который принесъ мнѣ Sciopрii de diff. vocab. въ даръ, говорили о литературѣ и критикѣ; я отказывался отъ цензурованія его журнала. Принесъ портной теплый сюртукъ и передѣл. Крым. шубу; примѣрилъ. Отъ обѣдни на полчаса зашелъ Фустовъ; я было хотѣлъ ѣхать къ А. Писареву и Мальцову, но провелъ остатокъ дня съ маменькою.

Декабрь. 1. По дорогѣ въ типографію Унив. зашелъ въ Петров. монастырь; встрѣтилъ о. Ѳеофана, который далъ мнѣ благословеніе и напоминалъ о невѣстѣ; я говорилъ, что самъ не смѣю располагать, но предаю себя въ этомъ случаѣ Богу. Тамъ же видѣлся съ архим. Осіею и благословлялся у него. Въ типогр. отдалъ послѣд. корр. Тр. И. О. и прошелъ въ Ценз. Комитетъ, гдѣ просилъ ректора объ увольненіи меня отъ цензурованія Дам. Журн. и представилъ на разсмотрѣніе отъ генерала Писарева *Калужскіе Вечера*; въ Библіотекѣ Универс. справлялся въ Гревіи и Шпангеймѣ о монетѣ и сдѣлалъ для Ал. Ал. Писар. выписку. Заходилъ къ профессору Гаврилову сказать о Хитр. піесѣ «Отвѣтъ»; послѣ урока въ Унив. Панс. домой, взялъ ванну; пріѣхалъ кн. Шалик. просить о продолженіи цензурованія его журнала; я представлялъ свои причины.

2. Рано вставши, поутру дочиталъ Кайдан. Всемір. Исторію и занялся своими дѣлами. Приходила сваха сватать за меня дочку Вознесен. протоп. Смиренскаго. Не забыть пословицы: не мѣняй съ Цыганомъ лошади, не женись на поповой дочери. Прежде класса заѣхалъ къ Писареву, отвезъ ему его медали, выписку объ нихъ и № В. Е., гдѣ объ нихъ упоминается. Онъ сказывалъ, что вчера съ И. И. Дмитріевымъ и Бекетовымъ праздновали рожденіе Карамзина; было слово обо мнѣ, о пропавшихъ книгахъ изъ Библ. О. Сл. и о приписываемой

мнѣ эпиграммѣ, которую сочинилъ и выпустилъ Сандуновъ. Урокъ въ скромности! А. А. разсуждалъ объ избраніи секретаря О. И; просилъ моего совѣта; я сказалъ, что лучшій совѣтъ дастъ А. А. А. Послѣ урока въ Универс. взялъ свое жалованье, заѣхалъ къ Нечаеву насчетъ его просьбы объ учительницѣ В. Д., встрѣтилъ у него Тургенева и скоро уѣхалъ къ каретнику за санями; побранилъ, погрозилъ. Ввечеру посидѣлъ у меня Я. Е. Арсеньевъ; потомъ кн. Одоевскій съ Мнем., читалъ вмѣстѣ съ нимъ и дѣлалъ отмѣтки, увѣщевалъ его щадить Мерзлякова и менѣе браниться; онъ звалъ къ дядѣ своему.

3. Вставши утромъ рано, занимался своими дѣлами. Послѣ классовъ В. Д. зашелъ къ Е. И. Ш. и спрашивалъ уроки у Саши Клечетитской, совѣтовалъ ей быть прилежнѣе, начать Географію и Катихизисъ; отъ нея въ Совѣтъ справиться о выдачѣ Бартен. денегъ; мнѣ рекомендовали терпѣніе. На возвратномъ пути попался мнѣ Г. Маньянъ, коего довезъ я до Ильин. в., а самъ поѣхалъ къ А. А. Писареву, у него встрѣтился съ К. Калайдовичемъ; сухо размѣнялись поклонами и ничего не говорили. Явился съ просьбою кн. Шаликовъ о цензурованіи его журнала, я съ отказомъ. Рѣчь зашла о критикахъ Карамз.; рѣшили, что покамѣстъ у насъ не будутъ изданы матеріалы и не будемъ имѣть Палеографіи и Нумизматики, до тѣхъ поръ нельзя написать совершенной Исторіи. Послѣ обѣда бранили Каченовскаго кн. Шаликовъ съ Калайдовичемъ; я молчалъ и слушалъ злословіе и размышлялъ. Замѣтили исполненіе надъ С. П. пословицы: гдѣ была вода, тамъ и будетъ. Кн. Шаликовъ читалъ свое посланіе къ Елис. Гранжанъ; мы замѣтили, что онъ учитъ ее распутству; просилъ онъ подписать, но я не подписалъ. Послѣ всѣ разошлись, я остался одинъ съ хозяиномъ на полчаса, предложилъ ему Пл. П. Бекетова избрать почетнымъ членомъ въ благодарность за услуги его и простился, взявъ 6 кн. Архива*) и оставивъ № В. Е.

4. А. А. А. уговаривалъ меня или остаться при Д. Журналѣ, или взять Телеграфъ; я отрицался отъ того и другого, говоря, что не хочу быть посредникомъ между спорящими лицами и терпѣть даромъ непріятности и выговоры. Обѣдалъ съ Третьяковымъ у Я. Е. Арсеньева.

5. Послѣ уроковъ въ В. Д. зашелъ въ Пансіонъ за жалованьемъ, коего однакожъ не получилъ; оттуда къ профессору Котельницкому, смотрѣлъ старинныя Русск. монеты; двѣ изъ нихъ показались мнѣ рѣдкими: одна съ Татар. надписью и всадникомъ на конѣ, вокругъ надпись вел. князь Василій, другая съ бюстомъ и надписью. Сказывали, что Филаретовъ Катихизисъ запрещенъ печататься и препода-

*) Это „Сѣверный Архивъ", изданіе Петербургское. П. Б.

ваться. Ястребцовъ разсказывалъ разные анекдоты о монахахъ. По просьбѣ я сѣлъ за столъ, однако скоромнаго не ѣлъ. Оттуда въ Панс. Универс., дѣлалъ въ классѣ репетицію изъ Логики; потомъ зашелъ къ А. А. Ант. поговорить о Д. Ж., отъ коего отказывался я по дѣламъ своимъ и по ссорѣ издателя съ Каченов., чтобы мнѣ не быть посредникомъ. А. А. сказалъ, что какъ мнѣ угодно. Я говорилъ ему о своихъ упражненіяхъ, объ изданіи новомъ разсуженія о пословицахъ вмѣстѣ съ самыми пословицами, о Кантемирѣ. А. А. предлагалъ мнѣ издать Русскую Хрестоматію въ прозѣ и стихахъ съ краткою теоріею при каждомъ родѣ проз. и стих. сочиненій. Я не отрекался. Пошли вмѣстѣ пѣшкомъ и на пути разговаривали о разныхъ предметахъ; у Петр. воротъ я распростился съ нимъ и пошелъ на крестины въ ц. Спаса на Песк., гдѣ Я. Е. Арсен. крестилъ у дьякона дочь Варвару. Марья Васил. звала меня къ себѣ и просила учить Николиньку; я отрекался недосудами. На минуту зашелъ къ дьякону по усиленной его просьбѣ; вмѣстѣ съ Я. Е. поѣхалъ домой, гдѣ, напившись чаю, отправились ко всенощной на Троицкое подворье; распростились пріятельски.

6. Послѣ ранней обѣдни въ своемъ приходѣ, напившись дома чаю, заѣхалъ къ Полевому, къ обѣднѣ къ Спасу на Пески, гдѣ видѣвъ Никол. Татаринова, поздравилъ его съ ангеломъ и просилъ о присылкѣ мнѣ стих. *Модная Жена* для возвращенія Іогелю. Былъ у кн. Шаликова, который убѣдительно просилъ продолжать его журналъ цензуровать; обѣщался со мною не спорить; наконецъ рѣшился онъ ѣхать къ Антонскому просить и потомъ пріѣхалъ ко мнѣ съ просительнымъ письмомъ отъ А. А., который совѣтовалъ ему убѣждать мою маменьку; я согласился и подписалъ № 1-й 1825. Ѣздилъ поздравлять Сандунова съ ангеломъ и не засталъ; оттуда къ Смирнову, отъ него къ Долгову, который упросилъ меня у него обѣдать, и обѣдалъ. Видѣлся съ бывшею невѣстою моей Марьею Шитковой; мужъ, она, мать и отецъ обошлись ласково со мною. Милюковы звали къ себѣ. Хлѣбниковъ надоѣлъ мнѣ, все твердилъ о К. Калайд., вызывался ко мнѣ пріѣхать и мирить меня съ нимъ; я отказывался отъ этой чести. Отъ Долгова проѣхалъ ко всенощной, оттуда къ Полевому на имянины, гдѣ, увидѣвъ Штейнгеля, извинился и уѣхалъ къ Есипову.

7. Проснувшись, занимался Греческою грамм. Пріѣхалъ сперва молодой, потомъ старый Матвѣевъ, съ коимъ отправился по просьбѣ его къ Цвѣтаеву и рекомендовалъ его; засталъ конецъ обѣдни въ Рождественскомъ монастырѣ, оттуда зашелъ къ Мальцову, посидѣлъ и поговорилъ съ Капит. Мих. о Платонѣ; сынъ М. подарилъ мнѣ хруст. чашку на память; звали обѣдать, обѣщалъ. Пріѣзжалъ Кюхельбекеръ

безъ меня проситъ, чтобы я взялъ на себя цензурованіе его Альманаха на 1825 годъ.

8. Занимался поправкою дисс. изъ Унив. Панс. Ящерова Заѣхалъ въ Универ. типогр., взялъ 4 экз. біогр. Август. Въ Цензурный Ком. представилъ Писареву рукопись К. Ѳ. Услышавъ, что Глинкѣ позволено открыть пансіонъ, увѣдомилъ его запискою чрезъ Семе́нова приказчика, который рекомендовалъ мнѣ переплетчика; ему отдалъ переплетать книгъ 8, да 5 экз. б. А. По сосѣдству его съ Я. Е. А. завернулъ на часъ къ нему и просилъ его внушить духовнику Тверитинова о. Ѳеофану, чтобы онъ убѣдилъ его не преслѣдовать Яинова и не убивать его: это долгъ духовника отвести отъ зла и грѣха духовнаго сына. Былъ у каретника насчетъ саней и грозилъ ему жалобою; обѣщалъ къ Середѣ. Увидимъ его правду. Послалъ при письмѣ генералу Писареву переводъ выписокъ изъ Гревія и Шпангейма объ Отахилловой медали и при отвѣтѣ получилъ отъ него послѣдніе два листа записокъ О. И. и приглашеніе къ обѣду въ Середу.

9. Поутру заходилъ къ доктору Канту́; онъ прописалъ мнѣ капли и траву, которую должно пить съ сывороткою, позволилъ некрѣпкій кофе и совѣтовалъ взять еще 6 ваннъ. Изъ типографіи въ классъ, потомъ домой, гдѣ игралъ на скрипкѣ, читалъ и писалъ, продолжая поправлять диссертацію Лат. для Унив. Пансіона. Ввечеру пріѣзжалъ нашъ частный приставъ съ кварт. Алекс. Серг. рекомендоваться и просить о дѣтяхъ своего благодѣтеля, кои желаютъ вступить въ Университетъ; я пригласилъ ихъ въ Пятницу утромъ.

10. Поутру рано поѣхалъ къ перепл., взялъ отъ него одинъ экз. б. А. для А. А. и поднесъ ему съ двумя экз. въ бумагѣ; онъ благодарилъ меня; послѣ уроковъ въ В. Д. поѣхалъ къ ризничему, на дорогѣ встрѣтился на Ильинкѣ съ Еленою Ник.; она узнала меня, я подошелъ къ ней, напоминалъ ей съ искренностью о прежнихъ чувствахъ моихъ и ея. Она говорила, что идти хочетъ въ монастырь; но у нея на сердцѣ было что-то другое; я просилъ свиданія, она назначала неопредѣленно у Ел. Ив. Поцѣловались и простились. Я былъ радъ, самъ не знаю отчего: сердце билось сильнѣе; она казалась нехладнокровною ко мнѣ. О если бъ это было правда! Лёня похудѣла и какъ-то таилась со мною. Да будетъ воля Господня! У ризничаго засталъ генер. Засѣдку, поговорили; я остался по просьбѣ обѣдать, потомъ ризнич. читалъ мнѣ свою проповѣдь на Рожд. Христ.; я сдѣлалъ ему нѣкоторыя свои замѣчанія, на кои онъ согласился. Сказывалъ мнѣ о запрещеніи Катихизиса Филаретова и что на него пишется въ Спб. критика. Попы рады этому, ибо ихъ Филаретъ притѣснялъ. Читали Станевичевы письма.

11. Вставши по обыкновенію въ заутрени, занялся своими дѣлами. По зву былъ у Киреевскихъ; говорили о разныхъ предметахъ литературы Русской, опоздалъ на лекцію въ Университетъ; въ Комитетѣ видѣлъ Кюхельбекера и кн. Одоевскаго, которые просили меня взять на себя цензурованіе ихъ книгъ; я отговаривался тѣмъ, что назначеніе ихъ отъ меня не зависитъ, и что, беря на себя, могу дать подозрѣніе. Мерзляковъ при Антонскомъ напоминалъ мнѣ о конспектѣ лекцій моихъ, а Двигубскій сказалъ, что Писаревъ пишетъ къ нему, чтобы моего имени на предисловіи не ставить. Какъ это сообразить? А ко мнѣ онъ пишетъ, чтобы оставить предисловіе и печатать такъ, какъ оно есть. Зашелъ къ Сандунову и нашелъ у него кн. Хилкова и Арбеньева. Н. Н. бранилъ монаховъ и просилъ указа о запрещеніи Катихизиса Филаретова; сказали, будто онъ идетъ на покой. Кн. Хилковъ совѣтовалъ мнѣ попросить Аносова насчетъ моего дѣла въ Рязани съ Батурин. Отдалъ Яшерову конецъ его диссертаціи, мною написанный; напоминалъ Войцеховичу о томъ же и Никифорову. Изъ типографіи проѣхалъ къ каретнику; не заставши его, просилъ Сущ. частнаго пристава И. М. Могилевича принудить каретника кончить мои сани, послалъ отыскать со мною хожалаго и обѣщалъ употребить всѣ свои мѣры. Навѣстилъ въ больницѣ Мар. Непышневскаго, который былъ мнѣ очень радъ и благодаренъ, оттуда поздно домой обѣдать. Ввечеру пріѣхалъ за оригиналомъ своимъ кн. Одоевскій; перечитавъ еще и сдѣлавъ вмѣстѣ съ нимъ отмѣтки и перемѣны въ Лукіяновомъ разговорѣ, подписалъ. За остановку Кюхельбекерова Альманаха, гдѣ разруганы Каченовскій и Мерзляковъ, онъ изъявлялъ мнѣ гнѣвъ свой на стариковъ; я старался успокоить и примирить его; между прочимъ объяснялъ причины, по коимъ я не могу взять на себя цензурованія. Когда я прощался съ кн. Одоевскимъ, пріѣхалъ ко мнѣ Арсеньевъ, которому я читалъ Станевичевы письма, гдѣ ссылки о Библ. Общ. и мистикахъ; онъ ими былъ восхищенъ и просилъ меня списать ихъ. Разговаривали о финансахъ и разстались въ полночь.

12. Ночью шелъ сильный дождь и смылъ снѣгъ; дулъ вѣтеръ юго-западный. Поутру пріѣхалъ изъ Универ. Панс. Ящеровъ и перечиталъ со мною свою диссертацію; потомъ отнесъ къ проф. Цвѣтаеву экземпляръ біогр. Авг., онъ благодарилъ и пригласилъ меня на вечеръ. Поутру былъ Полевой для объясненія и съ просьбою ко мнѣ, чтобъ я взялъ на себя цензурованіе его журнала. Я ему тоже сказалъ, что и прежде; онъ мнѣ подарилъ *). . . . . . При немъ пріѣхалъ изъ Унив. Панс. Войцеховичъ съ просьбою о ходатайствѣ за него у Сандунова

*) Пропускъ въ рукописи.

и съ началомъ своей диссертаціи. Вечеръ сидѣлъ у Цвѣтаева, разговаривали о масонахъ; читалъ съ нимъ Станевичевы письма. При мнѣ былъ у него Инст. протопопъ съ вопросомъ, преподавать ли по Филаретову Катихизису.

13. Написалъ письмо къ митр. Евгенію и послалъ къ нему біогр. Авг. чрезъ Одинцова. Увидѣвши растворенную церковь Св. Кн. Владимира, зашелъ въ нее помолиться. Священникъ оной сказалъ, что она построена 1512 при ц. І. В. какимъ-то стольникомъ; архитекторъ былъ Алевизъ; раскольники покрали изъ нея многіе образа старинные. Послѣ классовъ зашелъ къ Елис. Ив., нашелъ тамъ Лёню, не совѣтовалъ идти въ монаст.; она при всей рѣшительности колеблется; поспорили съ нею и разошлись, съ чувствами непонятными другъ для друга. Мнѣ было что-то грустно. Послѣ обѣда игралъ на скрипкѣ; пріѣхалъ Кюхельбекеръ съ Пушкина стих. «Къ морю» и звалъ меня въ Понедѣл. на чай къ себѣ; первые подписалъ, а послѣднее обѣщалъ. Всенощну отстоялъ на Тр. подв. Написалъ письмо къ императрицѣ М. Ѳ.

14. Послѣ ранней обѣдни написалъ письмо къ министру Шишкову и по приглашенію поѣхалъ къ Малиновскому, который отдалъ мнѣ 100 р. для доставленія Аглин. учит.; жаловался на подагру свою. Пришелъ при мнѣ К. Калайдов. и разсказывалъ о засѣданіи общества Ист., о критикѣ. Читали критику Булгарина на Кюхельбекера и Одоевскаго. На дорогѣ къ Н. П. Демидову больному встрѣтился съ Г. П. Смольянскимъ, который пригласилъ меня къ себѣ обѣдать. Больной Н. П. былъ мнѣ очень радъ, благодарилъ за участіе мое въ ихъ семействѣ. Отъ него проѣхалъ къ В. Л. Пушкину, который былъ также мнѣ радъ, говорилъ со мною о критикѣ, о писателяхъ, о проф. Давыдовѣ, обѣщалъ мнѣ подарить свои сочиненія и звалъ къ себѣ обѣдать. Простившись съ нимъ, проѣхалъ къ Андрон. монаст. къ Смольянск., у котораго нашелъ нѣсколько лицъ знакомыхъ; разговоръ былъ объ архіереяхъ, о Платонѣ и Августинѣ; поодиночкѣ разсказывали объ нихъ анекдоты. Платонъ одному просителю далъ резолюцію: «Читаетъ, мигаетъ, поетъ, подпрыгиваетъ и для того отказать, наказать». Былъ еще онъ въ одной пустынѣ и когда сталъ выходить уже изъ св. воротъ, строитель спросилъ: «Не прикажете ли позвонить?» Плат. взялъ его за волосы и раза три протащилъ, приговаривая: «Большой колоколъ, вой, вой!» Не надобно судить по нынѣшнимъ нравамъ о прежнихъ: у всякаго вѣка свои есть недостатки и добродѣтели. Общее сдѣлали о Платонѣ заключеніе, что онъ исправилъ и облагородствовалъ духовенство. О сельскихъ попахъ зашла рѣчь и ихъ проказахъ. Напившись чаю, заѣхалъ къ Гусеву, Е. М. не засталъ. Старики были

рады, потчевали меня сластями и наливкою. Недолго посидѣвъ у нихъ, домой, гдѣ были безъ меня кн. Шаликовъ съ женою и Чулковъ.

15. Утромъ занимался клас. дѣлами. Вмѣстѣ съ Арнаутовыми, по просьбѣ частнаго пристава, поѣхалъ къ Антонскому просить о принятіи ихъ въ Университетъ. Онъ велѣлъ имъ подать просьбу въ Правленіе; напоминалъ мнѣ объ экзаменѣ панс. Сенатору Саблину поднесъ свою книгу біогр. Авг.; онъ благодарилъ меня и далъ обѣщаніе послать одинъ экземпляръ Императрицѣ М. Ѳ. Я прочелъ ему письмо свое Государынѣ; онъ одобрилъ его и взялъ къ себѣ. Я сказалъ, что, поднося ей книгу свою, не имѣю въ виду никакой награды и подарка, но желаю изъявить только свою ей благодарность; очень буду счастливъ, когда получу отъ Государыни отвѣтъ и начертаніе ея руки. Онъ принялъ это съ удовольствіемъ, какъ мнѣ показалось; хвалилъ пок. Августина и отзывался невыгодно о Филар., называя его очень тонкимъ, не архіереемъ, а дипломатикомъ. Отъ Сабл. зашелъ къ Я. Е. Арс., который просилъ меня о Станев. письмахъ и отпустилъ меня въ Университетъ на своихъ лошадяхъ. Въ Ценз. Ком. встрѣтился съ Полевымъ, который просилъ меня взять на себя цензурованіе его журнала; я отказывался, не смотря на просьбу кн. Одоевскаго. Казалъ Мерзлякову свой конспектъ; онъ оставилъ у себя, обѣщаясь перечитать. Безъ обѣда дѣлалъ въ Унив. панс. репетицію; послѣ заѣхалъ въ типографію унив. на счетъ печатанія Тр. И. О. Ввечеру дома занимался клас. дѣлами.

17. Поутру былъ изъ Ун. Панс. Войцеховичъ *) и жаловался на интриги своихъ товарищей; я сказалъ ему, что мнѣ прискорбно слышать отъ благородныхъ и благовоспитанныхъ людей о такихъ сплетняхъ и совѣтовалъ ему быть воздержнѣе на языкъ и не раздражать чужого самолюбія. По дорогѣ заѣхалъ къ кн. Одоевскому, толковалъ съ нимъ о критикѣ Булг. Отъ него на экзаменъ въ Унив. Пансіонъ, гдѣ присутствовали преосв. Филаретъ и викарій его Кириллъ, генералъ Кайсаровъ, архим. Ѳеоктистъ, Иннок. и бѣлое духов.; изъ профессоровъ Цвѣтаевъ, Рейсъ, Василев., Качен., Павлов., Ризенко. Тамъ же видѣлся съ Я. Е. Арсеньев., сказалъ ему, что онъ представленъ къ ордену, съ И. Я. Мальцовымъ. На лицѣ Филарета примѣтно было униженіе и уныніе, которое онъ старался скрывать. Во время богословск. экз. сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ, но не столь строгихъ, какъ прошлаго года; отвѣчали не слишкомъ исправно. Что праздное слово, имѣющее одну только оболочку или скорлупу, но не заключающее въ

---

*) Алексѣй Иван. Войцеховичъ, впослѣдствіи, при Сербиновичѣ, къ концу царствованія Николая Павловича, дѣятель въ Св. Синодѣ и гонитель старообрядцевъ. П. Б.

себѣ ни истины, ни добра? О поврежденіи естества, нравственномъ и тѣлесномъ. Въ экзаменъ Мерзлякова Филаретъ спросилъ: почему Державинъ въ Памятникѣ Герою призываетъ Китайскую, а не Греческую Музу? Потому что Китайская Муза нравственная, а Греческая чувственная. При разборѣ Державина замѣтилъ, что нынѣ начинаютъ разсмотрѣніе съ недостатковъ, забывая красоты. Я экзаменовалъ свой классъ изъ Логики и Лат. словесности. Антонской хотѣлъ было остановить меня на сужденіи, совѣтуя сдѣлать силлогизмъ; но Филаретъ сказалъ ему: «Не мѣшайте ему идти по порядку». Кончили словами «Наказа», гдѣ Екатерина II предписываетъ судьѣ употреблять въ дѣлахъ силлогизмъ § 152. Читали и переводили Горац. оду ad Postum. Филаретъ ею восхищался. Сказалъ мнѣ, что pietas тутъ не значитъ благочестіе; а я возразилъ, что по смыслу такъ выходитъ, что̀ подтвердилъ и профессоръ Василевскій, стоявшій позади Филарета въ мундирѣ. Отвѣчали порядочно. Предъ экзаменомъ Мерзлякова ученикъ 5 кл. Юшневскій прекрасно читалъ оду, которая подѣйствовала на слушателей; Филаретъ благословилъ его и пожалъ ему руку. Отъ Антонскаго Давыдовъ увелъ меня къ себѣ обѣдать. Потомъ опять экзаменъ, на коемъ дѣлалъ я изъ своего класса письменные вопросы и диктовалъ переводъ. Пріѣхавъ домой, нашелъ отъ Цвѣтаева записку, коею объясняетъ мнѣ сильное желаніе кн. С. М. Голицына прочесть мою біогр. Август.

18. Изъ дому въ типографію Унив., оттуда къ Чулкову, который просилъ меня учить его Русск. словесн., а самъ вызывался учить меня скрипкѣ и доставить мнѣ навсегда удовольствіе. Я обѣщалъ сдѣлать возможное мнѣ. Играли съ нимъ сонату Крейцерову. Въ Правленіи былъ на экзаменѣ Багдадова и Блюмера; оба плохи. По просьбѣ кн. С. М. Голицына былъ у него съ книгою, но въ это время пѣли обѣдню, и онъ никого не принималъ; я книги не отдалъ и велѣлъ лакею доложить о себѣ, что былъ у него. Въ В. Д. засталъ конецъ своего класса, послѣ коего отдалъ Ульрихсу 100 р. отъ Малиновскаго для Аглин. учителя; потомъ зашелъ къ Е. М. Шр., слушалъ уроки у Саши. Слово было о томъ, что Лёня идетъ въ монастырь отъ любви къ Муханову плем., который, обѣщавъ на ней жениться, измѣнилъ ей и женится на другой, и вѣрно взявъ задатокъ напередъ. Вотъ уроки! Обошлось не безъ грусти, но напрасной. Обѣдалъ у Дурасова; А. Петр. подарилъ біогр. Авг.; она приняла съ удовольствіемъ и сказала, что по дѣламъ своимъ сбирается въ деревню. Андрей Зин. просилъ меня о неоставленіи въ В. Д. Симона; обѣщался. Отъ нихъ прошелъ къ о. ризничему Гавріилу, который сказывалъ мнѣ, что Филаретъ возвратилъ ему его проповѣдь съ похвалою; я ему сдѣлалъ еще свои

замѣчанія, имъ принятыя. Отъ него получилъ письмо ко мнѣ отъ преосв. Перм. Діонисія и при ономъ его рѣчи Государю, кои проситъ напечатать въ В. Е. Гавріилъ говорилъ мнѣ, что если я поправлю ихъ, то онъ будетъ доволенъ. Тутъ пріѣхалъ Симон. архим. Мельхиседекъ. Я домой, чувствовалъ себя грустнымъ и весь вечеръ продремалъ. Поздно пріѣхалъ кн. Одоевскій; съ нимъ читалъ Булгарина на него критику и сдѣлалъ для него нѣкоторыя свои замѣчанія, коими обѣщалъ онъ воспользоваться. Послѣ него цензуровалъ книгу его дяди «Матильду».

19. Рано всталъ поутру и размышлялъ самъ о себѣ и своихъ дѣлахъ. Отнесъ къ Л. А. Цвѣтаеву одинъ экз. б. Авг. для кн. Голицына и разсказалъ, какъ онъ меня не принялъ. Л. А. извинялъ его и повершилъ тѣмъ, что онъ будетъ мнѣ пріятелемъ; взялся самъ доставить мою книжку и объяснить, что я у него былъ. Отъ него проѣхалъ къ Мерзлякову, взялъ свой конспектъ для переписки; шутилъ съ его женой, звалъ ее къ себѣ въ гости. Прочитавъ свою лекцію въ Универс., отправился въ Унив. Панс. на экзаменъ Сандунова и Шлёцера; видѣлся тамъ и говорилъ съ Я. Е. Арсеньев. По приглашенію Санд. пошелъ къ нему, читалъ письмо изъ Рязани Колпакова о своемъ дѣлѣ; положили писать къ одному стряпчему въ Раненбургъ; потомъ поѣхали вмѣстѣ съ нимъ къ Мальцову, нашли тамъ молод. кн. Трубецкого. Разговоръ былъ объ архіереяхъ, Августинѣ и Филаретѣ; хвалили одного и хулили другого, особливо Сандуновъ, который предалъ его проклятію, какъ отчаяннаго Мартиниста. Я, кажется, слишкомъ откровененъ; скромность лучше. Н. Н. С. просилъ меня показать образъ Спасъ Благое Молчаніе. Послѣ обѣда пріѣхалъ хозяинъ, бывшій въ Свибловѣ у Кожевникова. Послѣ чаю пѣшкомъ домой; нашелъ у себя приглашеніе къ собр. О. Ист. и письмо отъ Писарева А. А.

19. Послѣ классовъ зашелъ въ Совѣтъ В. Д. справиться о выдачѣ Барт. денегъ; узналъ о назначеніи; обѣщали выдать мнѣ въ Понедѣльникъ. Соймоновъ, увидѣвъ меня, предложилъ выдать прошеной мною дѣвицѣ приданое изъ Шерем. бол. Тамъ же встрѣтилъ Я. Е. Арсеньева и совѣтовалъ ему ѣхать въ Унив. и попросить А. А. о включеніи въ представленіе денегъ за раму для Ломон. карт. моз. Заѣзжалъ къ Писареву и не засталъ; онъ пріѣхалъ ко мнѣ на вечеръ и вмѣстѣ съ Я. Е. Арсеньевымъ провели его въ разговорахъ о живописи, поэзіи, о Дмитріевѣ, Иванчинѣ-Пис., который хотѣлъ писать къ Государю просьбу на Университетъ о томъ, будто Университетъ хочетъ его убить, какъ Коцебу; но А. А. Писар. его удержалъ отъ этого сумасбродства. А. А. предлагалъ познакомить меня съ кн. Оболенск., которому онъ рекомендовалъ меня и совѣтовалъ мнѣ съ нимъ сблизить-

ся, какъ съ добрымъ человѣкомъ. Говорили о дѣлахъ Историч. Общества и препятствіяхъ къ успѣхамъ его, о Малин., о которомъ я съ благодарностію отзывался, о зимней съ нимъ поѣздкѣ въ Измаилово, на которую согласился и А. А. Распростились почти въ полночь. Я. Е. А. отдалъ мнѣ 30 р. на Соревнователя.

20. Вставши въ заутрени, занялся немного своими дѣлами и отправился въ В. Д.; заходилъ къ Павлову сказать, чтобы онъ прислалъ ко мнѣ свою сестру, о которой я просилъ С. М. Соймонова. Послѣ лекцій заѣзжалъ въ рыбный рядъ, купилъ для богадѣленокъ бѣлужины 3 ф. съ четв. и снятковъ, и по пріѣздѣ домой отдалъ имъ, прося помолиться обо мнѣ и маменькѣ. Послѣ обѣда приходила къ намъ Ѳ. И. Ѳедорова съ деревенскимъ гостинцемъ, отъ коего я отказывался. Вмѣсто всенощной я ходилъ въ Драчи къ вечернѣ; на дорогѣ встрѣтился съ Татариномъ и велѣлъ ему приходить во Вторникъ за деньгами Бартен., онъ обѣщалъ мнѣ халатъ. Ввечеру былъ на экзаменѣ у Жарни́, гдѣ визитаторами были Цвѣтаевъ, Давыдовъ и Перелоговъ. Цвѣт. объявилъ мнѣ благодарность отъ кн. С. М. Голицына, а я ему сказалъ свою признательность. Экзаменъ шелъ довольно хорошо; сидя подлѣ барышень, я имъ подсказывалъ тихонько. Тамъ видѣлся и говорилъ съ прекрасною Аргамаковою и ея мужемъ, потомъ съ Мартенемъ, съ Семеномъ, которому напоминалъ о лексиконѣ Франц., мнѣ обѣщанномъ. Встрѣтился съ Ел. П. Бѣлопольскою и съ ея семействомъ; пеняли мнѣ, что я ихъ забылъ; я извинялся недосудами и недугами.

21. Послѣ ранней обѣдни поѣхалъ къ кн. Оболенскому и поднесъ ему свою книгу б. А., за которую онъ благодарилъ и объявилъ мнѣ, что преосв. Филаретъ доволенъ былъ моимъ въ Пансіонѣ Унив. экзаменомъ; совѣтовалъ ему доставить жизнь Августина, которымъ онъ интересуется. Отъ него проѣхалъ къ А. А. Писареву и съ нимъ провелъ весь почти день; доставилъ ему экземпл. отпечатанныхъ мною Трудовъ И. О., чему онъ былъ радъ; казалъ мнѣ свои медали Греч., Римск. и Русскія; изъ нихъ подарилъ мнѣ три Рим., бывшія у него вдвойнѣ; сказывалъ, что Калайд. предлагаетъ меня въ секретари И. О. Не притворное ли это великодушіе? Я совѣтовалъ А. А. послать въ Спб. 4 экз. Трудовъ и Записокъ И. О. Государю, Шишкову, Аракчееву; просилъ у него выдачи мнѣ денегъ за труды; объ этомъ онъ далъ мнѣ письмо къ казначею Дружинину. При мнѣ пріѣхалъ М. А. Дмитріевъ, съ которымъ разсуждали о критикѣ и повершили тѣмъ, что у насъ должно болѣе производить, а не критиковать. Я вызвался доставить ему Франц. рѣчь кн. И. М. Долгорукова, котораго жизнь онъ пишетъ для общества Л. Р. С.; онъ просилъ объ этомъ. Послѣ обѣда А. А. разсказывалъ мнѣ о своихъ дѣлахъ воен. въ 1812—1814 годахъ:

о Бауценскомъ дѣлѣ, о взятіи Парижа, о томъ, какой шумъ надѣлалъ его обѣдъ въ Парижѣ Прусскому полку, данный отъ Русскаго. Государь сперва былъ этимъ недоволенъ. Ввечеру отъ него домой, гдѣ получилъ въ постели отъ А. П. Павлова извѣстіе, что пришелъ мнѣ орденъ Св. Владимира 4 степени; уже поутру сказалъ объ этомъ маменькѣ.

22. Въ типографію рано хлопотать о скорѣйшемъ отпечатаніи Тр. И. О. и приготовленіи 4 экз. на велен. бумагѣ; оттуда къ Я. Е. Арсеньеву сказать ему о свиданіи моемъ и разговорѣ съ М. П. Третьяковымъ насчетъ его представленія къ наградѣ; онъ радъ былъ свиданію со мною. Отъ него заѣхалъ къ переплетчику и велѣлъ ему придти къ себѣ взять 4 экземпл. Тр. И. О., переплести въ сафьянъ. За билетами я проѣхалъ къ Давыдову и Чернявск., потомъ въ В. Д. Одѣвшись у Павлова въ мундиръ, пошелъ въ Совѣтъ (гдѣ встрѣтилъ многихъ знакомыхъ) за крестомъ и за Бартен. деньгами. Въ 12 час. позвали меня въ Совѣтъ вмѣстѣ съ Маловымъ, Беромъ, Голтяковымъ, Лучковымъ, Гавриловымъ. Кн. С. М. Голицынъ вручилъ мнѣ орденъ, сдѣлалъ приличное привѣтствіе и особенно благодарилъ меня за б. Авг., сказавъ, что моя книга доставила ему много удовольствія и онъ въ ней нашелъ знакомыя и ему черты. Ждалъ выдачи денегъ часа съ два и не дождался. Вотъ чужія комиссіи убиваютъ время и навлекаютъ лишнія хлопоты! Въ Совѣтѣ знакомые и незнакомые меня поздравляли. Пріѣхавъ домой, я нашелъ у себя при письмѣ отъ кн. С. М. Голицына золотую табакерку; маменька была до слезъ обрадована, и всѣ домашніе сбѣжались меня поздравлять. Послѣ обѣда ходилъ въ Драчи къ вечернѣ и къ профес. Цвѣтаеву поблагодарить его за участіе во мнѣ и за рекомендацію моего сочиненія кн. С. М. Гол.; онъ примѣтно былъ этимъ доволенъ. Ввечеру вмѣстѣ съ А. Грушевскимъ поѣхалъ въ панс. концертъ, гдѣ поздравлялъ и цѣловалъ меня Антонскій и товарищи. Увидясь съ профес. Василевскимъ, объяснился съ нимъ на счетъ смутовъ Давыд.; онъ отрицается и утверждаетъ, что о препятствіи къ выбору онъ слышалъ не отъ меня, а отъ другихъ. Это жъ я повторилъ Давыдову, онъ промолчалъ. Знаетъ кошка, чье мясо съѣла! Концертъ шелъ хорошо, читали и пѣли хорошо, играли посредственно, бились на рапирахъ изрядно. Въ танцахъ многіе отличились и заслужили общее рукоплесканіе. Тамъ видѣлся я со многими знакомыми, которые ласкали меня и занимались мною.

23. Утро мое, по обыкновенію, началось въ заутрени. Изъ Университ. типографіи поѣхалъ къ кн. С. М. Голицыну благодарить его за представленіе къ ордену и за его подарокъ; ему это было пріятно. Онъ благодарилъ меня за книгу и сказалъ, что онъ весьма радъ, что

я отдалъ должную справедливость Августину тогда, когда почти всѣ его ругали; спрашивалъ меня, зналъ ли я лично преосв. Я отвѣчалъ, что зналъ, пользовался его пріязнію и въ благодарность написалъ его біографію. Отъ него проѣхалъ въ Унив. къ Мерзлякову отдать свой конспектъ; онъ меня поздравилъ и водилъ къ своей женѣ, которая со мною шутила. Послѣ лекціи ѣздилъ въ В. Д. за Барт. деньгами; обѣщали выдать 2 Янв. 1825; взялъ свое жалованье. Шумовъ просилъ меня доставить П. С. Полуденскому и ему экземпл. б. Авг., обѣщалъ исполнить. Искупивъ въ городѣ вина, табаку и пр., пріѣхалъ домой въ вечерни и засталъ П. М. Извольскаго, который привезъ мнѣ пива боченокъ; узнавъ о полученіи мною креста, пѣлъ: «кресту Твоему поклоняемся», и радовался.

24. Поутру былъ у Полевого. Разговоръ былъ о Русской словесн., о журналѣ его; я обѣщалъ доставить ему статей; разсматривали критически въ В. Е. ст. Кремль. Отъ него я прошелъ къ Гофману, который былъ мнѣ радъ, бесѣдовалъ со мною часа два о необыкновенномъ трудолюбіи и учености Гетт. профессора Галлера, который былъ знаменитый физіологъ, анатомикъ, врачъ теорет., поэтъ и даже антикварій. Всенощную слушалъ на Тр. подв.

25 Рано утромъ послѣ чаю поѣхалъ со двора, былъ у спящаго Нечаева, у Я. Е. Арсеньева, у сенат. Саблина, для коего оставилъ 7 экз. своего описанія В. Дома въ М. Дождавшись у переплетчика экземпл. своей книги б. А. для Полуд. и Шредера, поздравлялъ съ праздникомъ ректора и И. А. Двигубскаго, который, обнявъ меня, поздравлялъ съ полученіемъ креста; потомъ у Сандунова и Котельн. Обѣдню слушалъ въ Усп. соборѣ вмѣстѣ съ Карп. Лазаревымъ. Вмѣсто ожиданной мною проповѣди о. ризн. Гавріила, говорилъ преосв. Филаретъ; не дослушавъ ея, поѣхалъ къ Д. А. Соколову, который принялъ меня ласково; я его звалъ къ себѣ вмѣстѣ съ племянницей. Отъ Дурасова проѣхалъ въ В. Д. къ Полуденскому, Шредеру и Шумову, подарилъ имъ по экз. б. А., что̀ они приняли съ удовольствіемъ; первый обласкалъ меня и звалъ къ себѣ обѣдать; хвалилъ покойнаго моего батюшку, какъ добраго человѣка. Отъ тетушки Е. П. проѣхалъ къ Ульрихсу, котораго, встрѣтивъ на лѣстницѣ, благодарилъ за вниманіе къ трудамъ моимъ и за рекомендацію; онъ былъ доволенъ и обѣщалъ самъ постараться ко мнѣ пріѣхать и поздравить маменьку мою. Сенаторъ Малиновскій также принялъ меня ласково и поздравлялъ съ полученіемъ царской милости, примолвивъ: «Терпѣніе все преодолѣваетъ». Отъ него къ проф. Цвѣтаеву и потомъ домой; вмѣстѣ съ мамен., поблагодаривъ Бога, разговѣлись. Послѣ обѣда ходилъ поздравить Есипова, Грушевскаго и Непышневскую.

26. Послѣ ранней обѣдни въ приходѣ заѣхалъ къ Соймонову; не заставъ его дома, отправился къ А. А. Писареву, отдалъ ему перепл. въ сафьянъ 4 экз. и въ кожу 1 экз. Тр. И. О. Въ это время жена его собиралась родить; я поздравлялъ его съ сыномъ и отъ него проѣхалъ къ празднику Трехъ Радостей у Троицы на Грязяхъ. Посидѣвъ у Гавр. Евст. Матвѣева, заѣзжалъ къ В. Л. Пушкину. Не заставъ его, заѣхалъ къ Татариновымъ; сперва къ зятю, безъ него посидѣлъ и поговорилъ съ Елисав. Алекс., которая обошлась со мною ласково; я ей отдалъ для мужа книжку свою б. Авг. Отъ Степанова прошелъ къ тестю его; съ часъ посидѣвши съ нимъ, пріятельски простился до свиданія. Дома засталъ у насъ Ѳ. И. Ѳедорову съ сыномъ; спрашивали у меня совѣта объ опредѣленіи къ мѣсту; я совѣтовалъ въ канц. кн. Голицына. Рано легъ спать, рано и всталъ.

27. Поутру читалъ Русскую Старину Корнилов. Отдалъ визитъ Ст. Маслову и, поздравивъ его съ ангеломъ, поговорилъ. Отъ него поѣхалъ къ кн. Шаликову, который мнѣ отдалъ 10 р. для доставленія Демидову, что̀ я самъ исполнилъ. Заѣхалъ къ Іогелю, который звалъ меня къ себѣ въ новый годъ на обѣдъ; съ Наташей холодно обошелся, что̀ замѣтила мать съ неудовольствіемъ. Послѣобѣденное время я провелъ въ отдыхѣ и чтеніи Рус. Стар., гдѣ мнѣ понравилось описаніе нравовъ козаковъ. Отъ А. А. Писарева я получилъ билетъ съ извѣстіемъ о рожденіи ему дочери Софьи. На вечерѣ былъ у И. Ст. Бера, который праздновалъ полученіе ордена Св. Анны 3 ст.; у него видѣлся съ Соймоновымъ и благодарилъ его за дѣвицу, сестру Павлова. Собраніе было многочисленное молодежи, большею частію изъ Восп. Дома и Универс. Кантемировъ затѣялъ споръ съ Маловымъ о свободѣ и разсердилъ его, заметавши словами. Смѣшонъ былъ споръ Чашникова съ Кантем. при посредствѣ Подхватова; я болѣе слушалъ, чѣмъ говорилъ и, кажется, лучше. Разстались послѣ закуски въ полночь, весело, но трезво. Я приглашалъ къ себѣ Маньянова сына съ товарищами.

28. Всталъ не рано и помышлялъ о дѣлахъ своихъ. Вмѣстѣ съ О. Д. Волховской ѣздилъ въ В. Д. къ обѣднѣ; послѣ обѣдни заѣхалъ къ Мальцову, тамъ обѣдалъ и бесѣдовалъ; подарилъ б. А., которую они читали. За обѣдомъ пили з̀а мое здоровье и поздравляли съ орденомъ. Я взялъ для прочтенія у Ивана Якпм. рѣчь, произнесен. въ Лонд. Библ. Общ., въ коей открываются дальніе виды на Россію относительно религіи. Горчаковъ сказывалъ мнѣ Филар. мнѣніе о моей жизни Плат., что монашескую жизнь трудно знать. Въ бесѣдахъ о разныхъ предметахъ провели время до 10 часовъ вечера; послѣ ужина я поѣхалъ на ихъ лошади домой.

29. Справлялся въ Губ. Правл. о приводѣ изъ Томска Петрушки; онъ оттуда отправленъ въ Москву 25 Авг. Съ Беромъ обѣдалъ у Ел. Ив. Ш. въ В. Д.; своимъ ученицамъ отвезъ гостинцу. По пріѣздѣ домой нашелъ у себя Надежду Озерецк.

30. Вчера написалъ свои замѣчаніи на Перевощикова ст. о Ломоносовѣ по просьбѣ брата его. Занимался разсмотрѣніемъ книги Разс. объ опасности и пользѣ Франц. языка, гдѣ много забавнаго. Во время мам. отсутствія былъ у меня Д. А. Бороздинъ и спрашивалъ, правда ли, что я хочу жениться на Е. М. Щепкиной; я отвѣчалъ, что не всякому надобно слуху вѣрить. Очень хвалилъ онъ част. пр. дочь, вдову Полтаранову и не безъ умысла; я ему подарилъ б. Авг. и далъ для прочтенія Отеч. Дост. ч. 1. 3. 4. Ввечеру былъ у меня надзир. В. Д. Васил. Вас.; посидѣлъ и побесѣдовалъ, какъ старый сосѣдъ; маменька моя звала его къ себѣ обѣдать съ женою. Вечеръ просидѣлъ у сосѣда Чумакова; много было тамъ гостей; золото хоронили и танцовали; я тихонько ушелъ, не смотря на усильныя просьбы хозяевъ остаться ужинать.

1825-й годъ.

Январь. 1. На дому отслуживъ молебенъ и принявъ поздравленія отъ учениковъ своихъ, заѣхалъ къ професс. Цвѣтаеву, который сказалъ мнѣ о выборѣ меня въ экстр. профессоры. Былъ у А. А. Ант., который напоминалъ мнѣ, что пора жениться при Маловѣ. Мерзляковъ и Гавриловъ приняли меня ласково; первый говорилъ со мною о стихахъ моихъ изъ Іова и дополненіи ихъ; а другой по секрету сказалъ о назначеніи въ экстр. професс. меня, Побѣд., Мягк., Перевощ., Малова и Щепкина. Обѣдню слушалъ въ Пансіонѣ; Антонскій подѣлился со мною просвирою. Сандуновъ сердился, для чего я Мальцовымъ прежде его отдалъ б. Авг.; я обѣщалъ ему доставить экз., такъ какъ и Чернявскому. Дома съ маменькою обѣдалъ; послѣ обѣда на часъ заѣзжалъ къ Татаринову, видѣлся и нечаянно здоровался съ Катенькою, которая играла на фортопіано; потомъ къ Іогелю. Роза Ник. была въ претензіи, для чего я не кланялся и не здоровался съ Наташею. Рано возвратился; на часъ заѣзжалъ Я. Е. Арсеньевъ съ письмомъ къ Свиньину о своемъ дѣлѣ. На вечеръ зазвалъ къ себѣ сосѣдъ Яиновъ: у него были святошники, пѣли и плясали.

2. Взявъ у Ширяева два новые календаря, одинъ даромъ, другой за деньги, заѣзжалъ къ Дружинину за деньгами, но не получилъ оттого, что А. А. Писаревъ не сдѣлалъ въ Совѣтъ отношенія. Былъ у учителя Кудрявцева за квитанціею; онъ подарилъ мнѣ сокращеніе Росс. ист., на которую я сдѣлалъ ему свои замѣчанія, что̀, повидимо-

му, принялъ онъ съ благодарностію. Послѣ закуски отъ него заѣхалъ къ г. Арсеньеву; оставивъ женѣ его письмо, отправился домой. Нашедши у себя письмо А. А. Писарева, поѣхалъ сперва къ Нечаеву, которому отдалъ свое письмо къ М. А. Дмитріеву вмѣстѣ съ рѣчью Долгорукова; потомъ къ Мальцову, которому возвратилъ его рѣчь въ Библ. Лонд. Общ. насчетъ реформы религіи въ Россіи; напослѣдокъ къ А. А. Писареву и у него обѣдалъ. Онъ мнѣ разсказывазъ о своемъ разговорѣ съ кн. Оболенскимъ, обо мнѣ забывшемъ, статься можетъ, къ счастію; я благодарилъ его и далъ замѣтить, что сего не желалъ бы; а вмѣсто того просилъ о ходатайствѣ его у кн. Оболенскаго за Н. Н. Басалаева, чтобы представить старика къ кресту. Обѣщалъ и записалъ. Разговаривали о дѣлахъ Ист. Общества и о кн. Шаликовѣ, который къ неудовольствію кн. Оболен. имѣлъ у него въ домѣ съ Филаретомъ жаркій споръ. По возвращеніи домой засталъ у себя протопопицу Анну Алексѣевну съ дочерью Катенькой и сыномъ; потомъ пріѣхали А. П. Павловъ съ женою и Я. Е. Арсеньевъ; шутилъ съ ними и довольно весело провели время. Я. Е-чу написалъ я письмо къ Свиньину и простился съ нимъ, пожелавъ ему успѣха.

3. Написалъ отъ маменьки письмо къ А. Ѳ. Кондратьевой и послалъ въ даръ своему дьякону приходскому кн. Рук. къ благой жизни при запискѣ. Потомъ ходилъ къ Полевому, коего засталъ въ журнальн. хлопотахъ; отдалъ ему свою рецензію на разсужденіе о Фр. яз. Возвратясь домой за дѣло. Въ обѣдъ пріѣхалъ В. П. Мальцовъ и привезъ мнѣ 30 р., на Соревн. Просв.; я ему казалъ свою библіотеку и совѣтовалъ переводъ его изъ Ансил. о безпристрастіи истор. отдать въ общ. Л. Р. С. Въ это же время пріѣхалъ ко мнѣ о. Гавріилъ сказать, что завтра посвящаютъ его въ архимандрита; я поздравилъ его и обѣщалъ быть у него. Отдохнувъ немного, занимался составленіемъ Логики. Была Ѳ. И. Ѳедор., съ коею я былъ у всенощной на Троиц. подворьѣ.

4. Напившись чаю, цензуровалъ Матильду и Калуж. Вечера А. А. Писарева; пришелъ ко мнѣ Матушкинъ, посидѣлъ со мною и поговорилъ. Къ обѣднѣ поѣхалъ я въ Чудовъ, прежде сдѣлалъ визитъ М. Я. Толстому и кн. Друцкому. У обѣдни видѣлъ посвященіе о. Гавріила во архимандрита въ Полтав. монаст. и поздравлялъ его; по просьбѣ Станевича, зашелъ вмѣстѣ съ Я. Е. Арсеньевымъ къ новому архимандриту, котораго взялъ съ собою Филаретъ на закуску. Обѣдалъ у Е. М. Щепкиной вмѣстѣ съ Гусевыми; послѣ обѣда съ дѣвицами игралъ въ фанты. Вечеръ, по приглашенію, проводилъ до полночи у протоп. Іоанна Дмитр., гдѣ видѣлъ его свояченицу съ прекрасною замужнею дочерью ея Прасковьею Иван.; шутили и играли

въ карты, слушали игру студ. Лебедева на гусляхъ; я игралъ съ хозяиномъ въ дурачки. Потомъ зашелъ у меня разговоръ съ нимъ о митр. Платонѣ. Я узналъ, что онъ былъ старшій изъ четырехъ братьевъ Александра, Алексѣя, Тимоѳея; была одна сестра; отецъ его изъ сельскихъ дьячковъ былъ въ Москвѣ раннимъ священникомъ и жилъ у зятя своего у Спаса во Спасской, гдѣ и погребенъ при церкви. Платонъ, получивъ переводъ Тацита Поспѣлова и по прочтеніи, будучи недоволенъ имъ, самъ перевелъ первый листъ и отдалъ его на память въ Перерв. библіот.; онъ же переправилъ всю Псалтырь; жизнь его находится въ рукахъ его секретаря Гаврилы Алекс. Иванъ Дмитр. замѣчалъ мнѣ, будто я иное не такъ написалъ объ немъ, иное не полно, я спрашивалъ, гдѣ и въ чемъ именно; однакожъ онъ не умѣлъ мнѣ сказать, обѣщаясь показать свой экземпляръ, въ коемъ у него сдѣланы отмѣтки. На Махрѣ его всѣ бросили, остался одинъ при немъ Иванъ Дмитр. съ женою, по пословицѣ «отъ дяди ни пяди», да еще архим. Евгеній, да и тотъ было струсилъ и хотѣлъ бѣжать отъ него. Келейникъ его Илья, ходившій за нимъ, бранилъ его, когда Платонъ отъ слабости замарается, и даже бивалъ его. Старикъ не смѣлъ противиться: «аще состарѣешися, инъ пояшетъ тя и поведетъ, аможе не хощеши». Онъ жаловался на племянницу его А. А., которая, обобравъ его, уѣхала отъ него. Вотъ урокъ! Послѣ ужина я пошелъ домой, принявъ благословеніе отъ хозяина, который между прочимъ сказалъ мнѣ, что своячина его сватаетъ за дочь его К. брата моего А. О.

5. Поутру занимался своими дѣлами: докончилъ цензуру Матильды ч. I и продолжалъ Калужскіе Вечера. Въ это время пріѣхалъ ко мнѣ отъ архіерея новый архимандритъ Гавріилъ, котораго я поздравлялъ съ новымъ саномъ и подарилъ ему экз. біогр. Авг. Онъ заговаривалъ о примиреніи съ Кон. Кал.; я отвѣчалъ, что не сердитъ на него. Проводивъ его до крыльца, я опять занялся своими дѣлами; потомъ пошелъ къ обѣднѣ въ свой приходъ. Послѣ обѣда былъ у А. М. Евреинова, коему читалъ Станевичевы письма и потомъ вмѣстѣ съ нимъ отправился на Тр. подв. ко всенощной, которую служилъ преосв. Филаретъ.

6. Рано проснувшись, читалъ Клейн. Лог., потомъ отслушалъ въ своемъ приходѣ ранн. обѣдню; послѣ я далъ дьячку на муку́ 4 р. Напившись съ маменькою чаю, занимался цензурою К. В. Хоть не радъ, да готовъ! Подписалъ 2-й № Дамск. Журн. и на рукописи сдѣлалъ замѣчаніе, чтобы издатель доставлялъ мнѣ оригиналъ безъ помѣтокъ, какъ предписано начальствомъ. Побывавши въ Унив. типографіи и у кн. Шаликова, слушалъ обѣдню въ Унив. Пансіонѣ и молебенъ при начатіи ученія; съ Я. Е. Арсеньевымъ зашелъ по приглашенію къ

А. А. А., отъ него къ архим. Гавріилу и возвратилъ ему Станев. письма. Обѣдалъ у Д. А. Соколова; послѣ обѣда, поигравъ въ дураки, отправился домой. Ввечеру были у насъ Гофмановы дѣти и Я. Е. Арсеньевъ.

7. Послѣ урока въ В. Д. заходилъ въ Совѣтъ за деньгами Бартен., но не выдавали за неимѣніемъ. Посидѣвъ у Матвѣева, проѣхалъ къ Пушкину, который, прочитавъ мои стихи изъ Іова въ Трудахъ Об. Л. Р. С., хвалилъ ихъ и восхищался. Обѣдали П. А. Курбатовъ, кн. Шаликовъ, Солнцовъ Вл. И.; разговоръ былъ о театрѣ и Кокошкинѣ; и того и другого бранили и критиковали. Солнцовъ былъ ораторомъ общества; слушали его молча. Пушкинъ меня обласкалъ, угощалъ прекраснымъ виномъ и звалъ напредки. Вскорѣ послѣ обѣда я уѣхалъ домой и засталъ у себя Ѳ. И. Ѳедорову съ сыномъ.

8. Изъ Унив. типогр. заѣхалъ къ кн. Одоевскому и засталъ его въ постели соннаго, разбудилъ и пенялъ, что онъ забылъ меня; подписалъ ему двѣ піески въ Мнемоз. Тутъ пришли двое Полевыхъ и въ халатѣ Соболевскій, толковали о разныхъ предметахъ словесности, а болѣе о журналахъ. Въ пансіонѣ взялъ у Чернявскаго свое жалов. 115 и подарилъ ему свою б. Авг., за что онъ благодарилъ. Былъ у Мерзлякова, нашелъ его больнымъ и скучнымъ; пришелъ при мнѣ и пошелъ со мною Раичъ, который, какъ сказывалъ, отсталъ отъ Полевого за его критики, коихъ онъ прежде не хотѣлъ помѣщать въ своемъ журналѣ. Въ ком. отдалъ обѣщанные Побѣдоносцеву три экз. б. Авг.; взялъ маменькину и Горюшкину пенсіи; потомъ внесъ въ Уѣздн. Казн. подушныя деньги 25 асс., взявъ квитанціи, по пріѣздѣ домой отослалъ вмѣстѣ съ новымъ календ. къ квартальному. Послѣ обѣда заходилъ къ Ѳ. И. Вольск.; потомъ къ А. Татаринову, посидѣвъ съ нимъ, съ его женою и дочерью Кат. Разговоръ былъ о суетности большихъ собраній и вредѣ театровъ. Ввечеру засталъ у себя Н. И. Демидова, который просилъ меня пособить ему переписаться изъ мѣщанъ въ купцы. Я обѣщалъ написать письмо къ совѣтнику Каз. Пал. Воскресенскому, что на другой день поутру исполнилъ.

9. Послѣ уроковъ въ В. Д. по зву заходилъ въ Совѣтъ, гдѣ мнѣ сказали о назначеніи мнѣ денегъ Барт. и надобности копіи съ довѣренности, недоставленной изъ I Деп. Гражд. Палаты, куда я тотчасъ и поѣхалъ просить о доставленіи въ Совѣтъ копіи, что̀ и обѣщалъ сдѣлать Перелоговъ сынъ, тамъ служащій. Оттуда проѣхалъ къ генералу Писареву, въ ожиданіи коего прочелъ статью *)
Обѣдали Сангленъ и кн. Шаликовъ; послѣ обѣда за трубками и померанцевой водой разсуждали о разныхъ дѣлахъ. Сангленъ читалъ

*) Пропускъ въ рукописи. П. Б.

свое сочиненіе о Черниговской гривнѣ, болѣе остроумное, нежели основательное. Я дѣлалъ свои замѣчанія, коими онъ и воспользовался. Зашелъ споръ о томъ, можно ли сказать: существенность лишается своихъ призраковъ? Я доказывалъ, что логически ложно, чтобъ существенность имѣла свои призраки. Авторъ разумѣлъ подъ существенностію réalité, что̀ можно выразить жизнь. Различали сущность (essence) отъ существа (substance) и существенности. Дошло до различія остроты (Witzh) и остроумія. Сангленъ читалъ свои эпиграммы и разсказывалъ, какъ онъ у Дмитріева взапуски съ Карамзинымъ переводилъ Кестнеровы эпиграммы. Когда Шал. началъ споръ съ Сангл. о Богѣ, я поднялся домой, гдѣ ввечеру занимался своими дѣлами.

10. Послѣ уроковъ въ В. Д. слушалъ уроки Саши, которая отвѣчала исправно, былъ у Мерзлякова съ корректурою своихъ стиховъ; оспаривалъ я нѣкоторыя сдѣланныя имъ перемѣны; онъ просилъ меня отдать листы въ типографію для поправки и для доставленія ему. Отъ него заѣхалъ къ Раичу, но онъ не принялъ меня за болѣзнію. Отъ него къ сенатору Саблину, который отдалъ мнѣ письмо къ нему отъ Вилламова, изъявляющаго мнѣ именемъ Государыни признательность за доставленіе ей экз. біогр. Авг.; я благодарилъ его превосх. за участіе во мнѣ. Онъ сказалъ, что экз. свой онъ отдалъ для прочтенія г-жѣ Кроткой, пріятельницѣ покойнаго. Онъ читалъ мнѣ нѣкоторыя сумнительныя и соблазнительныя мѣста изъ Филар. проповѣди на Благовѣщеніе и весьма былъ ими недоволенъ. Послѣ домой я пріѣхалъ и нашелъ при письмѣ отъ генерала Дурасова Владим. крестъ, который онъ мнѣ прислалъ какъ старый кавалеръ къ новому. У насъ обѣдала Извольскаго жена; послѣ обѣда заходилъ я къ Полевому, не заставъ его дома, прошелъ къ Непышневскимъ, посидѣвъ съ часъ, пробрался ко всенощной на Тр. подв., гдѣ видѣлъ Мальцову.

11. Пришелъ Н. Полевой, которому я отдалъ Волтерово письмо къ Миллеру и его разговоръ для помѣщенія въ Телеграфѣ; читалъ ему басню кн. Ш., онъ не обидѣлся, повидимому, и совѣтовалъ подписать, что̀ я и сдѣлалъ при немъ же. Слово было о новѣйшей философіи, которая сводитъ съ ума молодежь. Обѣдню слушалъ у Спаса на Пескахъ, потомъ по приглашенію Ник. Татарин. зашелъ къ нимъ и провелъ пріятно время съ Конст. Алекс., который много доставилъ мнѣ удовольствія своею игрою на фортепіано, и съ Иван. Алекс., который разговаривалъ со мною о мнимыхъ моихъ интригахъ съ женщинами. Обѣдалъ у А. З. Дурасова вмѣстѣ съ кн. Хилковымъ и Шаликовымъ; тамъ было и нѣсколько офицеровъ незнакомыхъ. Сказывали, что Императрица М. Ѳ. сдѣлала духовную, что С. Глинка ѣдетъ въ Спб. вѣроятно по приглашенію министра Шишкова. Кн. Шалик. выставлялъ

Глинку съ дурной стороны, какъ пьяницу и безпутнаго. Разсказывали анекдоты о наглости Наст. Дмит. Офросимовой. Я тихонько ушелъ и домой, гдѣ засталъ Ѳ. И. Ѳедорову; пріѣхала Полевого жена. Посидѣли и поговорили съ часъ.

12. Поутру вставши, принялся за свои дѣла: продолжалъ Логику изъ Клейна. Пріѣхалъ Телепневъ съ книгами Франц. для перевода. Я поѣхалъ сперва въ типогр., взялъ газеты для Горюшкиной за 27 р., потомъ къ обѣднѣ въ Унив. церковь; служилъ архим. Иннокент., назидательную проповѣдь говорилъ о. Захарій. Антонъ Ант. подѣлился со мною просфорою. Обѣдали у ректора, кромѣ архимандрита, Мухинъ, Мерзляковъ, Двигуб., Котел., Ризенко, Чумаковъ, Гавриловъ, Бекетовъ, Побѣдон. Гавриловъ говорилъ съ архимандритомъ о Слав. языкѣ; А. А. А. былъ посредникомъ. Оттуда прошелъ я къ Д. А. Соколову и засталъ обѣдъ; послѣ одна женщина пѣла пріятно Русскія пѣсни; звуки ихъ сладостны моему сердцу. Посидѣвъ и послушавъ, отправился домой, гдѣ засталъ П. М. Извольскаго, звалъ меня на имянины къ себѣ и былъ веселъ.

13. Поутру занимался Логикою и переводомъ Френова письма въ Ист. Общ. Приходили двѣ свахи, одна сватать дочь Вознесенскаго протопопа Осипа Мих., а другая дочь докт. Ѳокина; я сказалъ имъ, что еще не рѣшился. Предъ обѣдомъ ходилъ навѣстить профессора Цвѣтаева. Послѣ обѣда отдохнувъ, продолжалъ цензурованіе Калужскихъ Вечеровъ. Ввечеру былъ И. А. Ѳедоровъ и сказывалъ мнѣ о неудачѣ своей просьбы объ опредѣленіи въ канц. главнок.; я совѣтовалъ ему опредѣлиться въ учил. комитетъ покамѣстъ.

14. Рано съ вечера легши, рано и всталъ утромъ и немного похозяйничалъ; занялся и учеными дѣлами. Послѣ лекцій въ В. Д. ходилъ въ Совѣтъ за деньгами, но такъ какъ сказали мнѣ, что еще не получена довѣренность изъ Гр. П., то заѣхалъ туда, узналъ объ отсылкѣ оной Янв. 12. На дорогѣ попался мнѣ Н. Ѳ. Фустовъ, котораго я отпустилъ на своихъ коняхъ, а самъ остался у А. А. Писарева, обѣдалъ съ Иванчинымъ-Писаревымъ, который со мною обошелся ласково, съ кн. Шаликовымъ, который при первой встрѣчѣ съ Полевымъ побранился, съ Сангленомъ, Хитровымъ. Хитровъ спрашивалъ моего мнѣнія о конкорданціи своей, я хвалилъ; онъ звалъ къ себѣ, я отказывался недосугами и недугами своими и просилъ его доставить мнѣ для просмотрѣнія Платономъ объясненную Псалтырь; обѣщалъ и хотѣлъ прислать ко мнѣ Фотіевы Записки. Иванч.-Пис. слишкомъ строго бранилъ Универс. и Антонскаго; я вмѣстѣ съ хозяиномъ и Полевымъ защищалъ. Иванч.-Пис. извлекъ изъ Карамзина духъ и печа-

таетъ его. Во время споровъ, сидя вокругъ столика, мы курили трубки и пили померанцевую воду. Часу въ 8-мъ домой.

15. Поутру зашелъ я къ д. Кистеру и читалъ съ нимъ переводъ Френова письма; затруднявшія меня мѣста и его очень затрудняли. Потомъ заѣхалъ въ Почтамтъ отослать въ Спб. Общество Росс. Слов. 60 р. за два экз. Соревнователя при письмѣ своемъ, въ коемъ напоминалъ и о своей рукописи. Послѣ перваго урока въ Унив. (при чемъ я началъ Логику) заходилъ въ цензуру, видѣлся и говорилъ съ Антонскимъ; кн. Одоевскій отдалъ мнѣ для цензурованія свою критику на Булгарина. Послѣ домашняго обѣда поѣхалъ въ Измайлово на имянины къ старику Извольскому. Дорогой отъ заставы видъ знакомыхъ полей и рощей воскресили въ душѣ моей воспоминанія о минувшемъ, которыя тронули меня; тамъ поляны, покрытыя снѣгомъ, тамъ звѣринецъ за кирпичнымъ заводомъ, казалось мнѣ, встрѣчали меня, какъ стараго знакомца. Изъ-за кустарника показавшійся соборъ и дворецъ напомнили мнѣ лѣта моего дѣтства, добраго родителя и старыхъ друзей, съ коими я тамъ проводилъ дни. Сосны и ели въ звѣринцѣ рѣдѣли, и время медленно сокрушало остатки древности. Пріѣхалъ къ старику; кума моя Оля выбѣжала къ воротамъ встрѣчать; именинникъ былъ очень радъ и веселъ, увидѣвъ меня. Еще они не обѣдали, сѣли за столъ; я выпилъ за здоровье хозяина рюмку наливки и съѣлъ кусокъ пирога сладкаго. Послѣ вечерень домой.

16. Послѣ уроковъ въ В. Д. обѣдалъ у Л. А. Цеймернъ, которая просила меня насчетъ своего дѣла по Синоду написать письмо къ митроп. Евгенію и поговорить съ архіеп. Амвросіемъ, который вызывается въ Спб.; за первое я взялся, въ другомъ отозвался. При посредствѣ Маньяна получилъ въ В. Д. Совѣтѣ деньги Барт. 7118 р. вмѣстѣ съ расчетомъ. Оттуда прямо въ Пансіонъ Унив. и далъ съ Божіею помощію первый урокъ, рекомендовался новымъ ученикамъ своимъ. До начатія Ист. Общества посидѣлъ у В. М. Котельницкаго. Вмѣстѣ съ Вас. Мих. я пошелъ въ Общество, гдѣ были Антонскій, Дружининъ, Каченов., Нечаевъ, К. Калайд., Строевъ и Двигубскій. Строевъ читалъ свое предложеніе о сводѣ хронографовъ; Антон. и Качен. дѣлали свои возраженія; Строевъ отвѣчалъ имъ колкостями, между прочимъ сказалъ: развѣ Общество ничего не хочетъ дѣлать? Я прочелъ свой переводъ Френова письма, коимъ были довольны. Двигубскій отказывался отъ секретарства. Въ члены избрали Погодина и Полевого, а Василевскаго не выбрали. Нечаевъ читалъ свою задачу объ описаніи валовъ въ полуденной Россіи, послѣ собранія увезъ меня къ себѣ ужинать и отпустилъ домой на своихъ коняхъ.

17. Заѣхалъ въ Петр. монаст., купилъ разныхъ винъ у Ивана Никол. на 52 р.; завезъ къ кн. Одоевскому его рукопись; поздравлялъ Антонскаго съ ангеломъ. Послѣ уроковъ въ В. Д. заходилъ къ Сашѣ Килич., слушалъ у нея урокъ, далъ Катѣ Меранвиль 5 р. для ея бабушки бѣдной. Обѣдалъ и отдохнулъ съ часъ дома. Передъ всенощною получилъ письмо отъ министра пр. Шишкова. По усильному прошенію свахи, былъ у проф. Цвѣтаева, гдѣ дожидались меня Ѳокины; посидѣвъ и поговоривши съ часъ, уѣхалъ ко всенощной на лошадяхъ Арсеньева, не видавъ хорошо въ лицо своей невѣсты.

18. Послѣ ранней обѣдни въ приходѣ пришли Татаре для полученія Бартен. денегъ, я велѣлъ для свидѣтельства привести имъ квартальнаго Ф. И., что̀ они и сдѣлали. Я отдалъ 500 р. имъ, квартальный подписалъ, ему я далъ 5 р.; Татаре кланялись мнѣ халатомъ. По усильной просьбѣ свахи, ѣздилъ къ Тверит. посмотрѣть Дубровскаго дочь, а болѣе себя показать. Былъ у сов. Воскресенскаго, чтобы поблагодарить его за ходатайство о Демидовѣ; не заставъ его, поговорилъ съ полчаса съ его отцомъ, который показался мнѣ умнымъ и благонамѣреннымъ. Отъ него заѣхалъ на Мартиніевъ водочный заводъ купить хваленой мнѣ настойки, которую едва мнѣ продали, потому что они порознь не отпускаютъ. Съ Прѣсни пробрался къ Неопал. Купинѣ, къ Тверитинову, его не засталъ дома; но хозяйка, какъ видно предупрежденная о моемъ пріѣздѣ, приняла меня ласково и просила подождать ея мужа. Съ нею были ея мать и мужнина незамужняя сестра, невѣста Варвара Алексѣевна. Общество показалось мнѣ хорошимъ; въ ожиданіи хозяина разговаривали, пили кофе и завтракали. По приходѣ хозяина ловкаго и ласковаго я просилъ о своемъ дѣлѣ во 2 Департ. Уѣзднаго Суда насчетъ отчисленія приписныхъ къ моему дому душъ; онъ обѣщалъ и просилъ меня зайти въ судъ. Оттуда прямо поѣхалъ домой, не видавъ хорошо своей невѣсты; засталъ Романовскаго. Послѣ обѣда съ нимъ посылалъ къ каретн. Ив. Гер. и отдалъ ему 1500 р., взялъ съ него вексель и разорвалъ оный. Ввечеру пріѣхалъ А. П. Татариновъ съ сыномъ Николаемъ; съ ними просидѣли мы за полночь довольно весело; онъ звалъ во Вторникъ ѣхать вмѣстѣ въ Измайлово. Отъ М. Ѳед. Телепн. прислано живности 30 шт., пастилы ящикъ и варенья, да скатерть съ салфетками.

19. Рано вставши, написалъ письмо для Демидова къ П. Е. Воскресенскому и послалъ вмѣстѣ съ обѣщанною мною книгою б. А.; написалъ еще письмо къ кн. Оболенскому для Мартен. и къ М. Ѳ. Телепневой. Приходили двѣ свахи: одна отъ Ѳокина, другая отъ Дубровскаго; той и другой сказалъ, что еще не рѣшился. Пообѣдавъ дома, далъ урокъ въ Унив. Пансіонѣ; по возвращеніи домой получилъ

письмо отъ дяди Ал. Петр. съ поздравленіемъ, съ совѣтомъ жениться и съ просьбою доставить газеты на 1825.

20. Послѣ лекціи въ Унив. заѣхалъ по обѣщанію къ А. И. Татаринову и послѣ обѣда вмѣстѣ съ нимъ отправился въ Измайлово къ старику Извольскому, который радъ былъ; посидѣли, побесѣдовали о старинѣ, пошутили, закусили и отправились домой; ночь была свѣтлая, дорога хорошая. А. И. завезъ меня домой и самъ зашелъ ко мнѣ и просидѣлъ до утра, разговаривая о себѣ и домашнихъ обстоятельствахъ.

21. Полусонный отправился я въ В. Д. на лекцію; слушалъ урокъ у Саши; выкупилъ въ ломбардѣ серебро и брилл. Бартеневой за 580 р. при вѣжливомъ пособіи Клаузена. Свезши взятыя вещи домой, тотчасъ отправился на обѣдъ къ А. А. Писареву, у коего были В. Пушкинъ, Иванчинъ-Писаревъ, кн. Шаликовъ, Сангленъ. Послѣ обѣда Пушкинъ читалъ свои басни и одну оду изъ Горація, а Ив.-Писаревъ отрывокъ изъ стихотворенія основаннаго на Исторіи Росс. Пѣшкомъ ввечеру домой.

22. Послѣ лекціи въ Унив. занесъ въ Комит. Ценз. процензурованную мною книгу Калуж. Вечера для отмѣтки въ книгѣ и для подписки деканомъ. Оттуда проѣхалъ навѣстить сиротъ Рыкуновыхъ, которые были мнѣ рады; сколько могъ, утѣшилъ ихъ, питая надеждою на милость Божію. Съ Бородинымъ обѣдалъ у Арсеньева, звалъ ихъ къ себѣ на вечеръ. Пріѣхалъ кн. Шаликовъ съ женою, потомъ Дуня Извольская съ Ольгою, кумою моей; за нимъ вслѣдъ генералъ Писаревъ, Бороздинъ съ сыномъ и Арсеньевымъ, Тверитиновъ съ женою, тещею и тестемъ; пили чай, бесѣдовали о старинѣ Русской. Подносъ съ чаемъ подавалъ самъ Алекс. Александровичъ и передавалъ его другимъ гостямъ по старинному обычаю. Бороздина я познакомилъ съ Писаревымъ, которому онъ разсказывалъ о Пугачевѣ и его казни Разъѣхались часу въ 11-мъ; послѣдніе поѣхали Бороздинъ и Я. Е. Арсеньевъ. Дамы были веселы, я съ ними шутилъ.

23. Былъ приватный экз. въ моемъ классѣ въ В. Д. Шредеръ поручилъ мнѣ сдѣлать надпись къ бюсту Маріи въ новый Совѣтъ, гдѣ. оный поставится, и написать похвальное свидѣтельство Л. А. Цеймернъ. Отобѣдавъ у Е. И. Шт., далъ урокъ въ Унив. Пансіонѣ. Оттуда прошелъ къ А. И. Татаринову, игралъ съ нимъ въ дурачки, читалъ имъ, путешествіе Пушкина въ Парижъ и Лондонъ, писанное Дмитріевымъ; закусивши, отправился домой на ихъ лошади. Мелькомъ видѣлъ свою Катеньку и кланялся съ нею.

24. Черезъ почту отправилъ къ Бартеневой ея серебро, выкупленное мною изъ В. Д., и за пересылку заплатилъ съ ящикомъ 15 р.

и деньги ея при письмѣ и разсчетъ 1250 р. асс., за пересылку 27 р. Елис. Ив. Шр. далъ взаимъ 50 р. асс. Послѣ обѣда приходилъ подъяконъ Алекс. Сем. сватать за меня Ивана Дмитр. дочь Катю; я отвѣчалъ, что еще не рѣшился и что Богу предоставляю устроеніе судьбы своей съ надеждою на Его милосердіе. По приглашенію Тверитинова и Дубровскаго съ маменькою ѣздилъ къ нимъ въ гости; провели время въ веселыхъ разговорахъ, разсказывали поочередно анекдоты и просидѣли до 10 часа. Погода и дорога были прекрасныя.

25. У заутрени и ранней обѣдни были въ своемъ приходѣ. Явились опять свахи съ просьбами и убѣжденіями. Къ обѣднѣ ѣздилъ къ Утоленію Печали, гдѣ народу было множество, оттуда проѣхалъ на имянины къ Г. П. Высоцкому, у коего встрѣтился съ профессоромъ Цвѣтаевымъ и женою его, съ Елис. Мих. вмѣстѣ съ новымъ ея мужемъ Соколовымъ. Обѣдъ былъ довольно пышный; я познакомился съ вице-губернаторомъ Храповицкимъ, который былъ ученикъ моего батюшки. Тамъ же я видѣлся съ бывшимъ товарищемъ А. А. Кузьминымъ, который обѣщалъ мнѣ опредѣлить въ почтамтъ бѣднаго солдата, сына Грачевской просвирни.

26. Поутру написалъ свидѣтельство тупицѣ Цеймернъ по просьбѣ Шредера и отдалъ ему, прочитавъ на экзаменѣ. Я экзаменовалъ свой классъ въ присутствіи Ульрихса, Шредера изъ Логики; отвѣчали кромѣ Надежды Ив. довольно исправно, даже хорошо. Я Саблину отдалъ письмо Виллам. съ благодарностію. Конченъ экзаменъ въ 3 часа. Послѣ обѣда на вечерѣ былъ у Марьи Непыш. на имянинахъ.

27. Послѣ лекціи въ Унив. проѣхалъ къ архимандриту Гавріилу, читалъ съ нимъ его проповѣди, сдѣлалъ ему свои замѣчанія и обѣдалъ. Послѣ обѣда проѣхалъ къ Ѳ. И. Вельск., посидѣлъ у ней съ часъ. Пришедши домой, засталъ Я. Е. Арсеньева, потомъ пріѣхала М. Бобарыкина съ сыномъ, съ Праск. Евгр. Толстою и кн. Друцкимъ, посидѣли и поговорили часа съ два.

28. Послѣ уроковъ въ В. Д. заѣхалъ къ Озерецк., отъ нихъ къ А. А. Писареву на рожденіе его сына. Гостей было множество; изъ моихъ знакомыхъ видѣлъ Дурасовыхъ, кн. Шаликова, Сангленъ, Иванъ Писарева, который читалъ свой переводъ изъ Ламартина оды къ Наполеону, въ коей есть много хорошихъ мѣстъ, и обѣщалъ мнѣ доставить списокъ; онъ же казалъ гравированную прекрасно Гм. Лонт. Рафаэлеву картину Обрученіе Пресв. Дѣвы съ Іосифомъ, рѣзецъ удивительный; картины стоятъ ему 1000 р. Дурновъ привезъ съ собою Пусеневу картину изъ миѳологіи, въ коей много прекраснаго. Хитровъ читалъ въ своемъ переводѣ Толево письмо, коимъ опровергаетъ мнѣніе одного писателя, будто вся слава кн. Кутузова принадлежитъ пол-

ковнику Толю. Но въ самомъ смиреніи автора письма замѣтна гордость и самонадѣянность *). Шаликовъ давалъ мнѣ подписать, я увернулся и совѣтовалъ напередъ показать ректору для помѣщенія въ М. Вѣдомостяхъ по приличію. Разсказывали о похищеніи у Зосимы славной его жемчужины и подложномъ къ нему письмѣ отъ Императора и Императрицы. Такъ течетъ мое время и жизнь. Чужіе обѣды и чужія дѣла меня занимаютъ болѣе своихъ. Размышленіе!

29. Послѣ урока въ Унив. зашелъ къ професс. Гаврилову насчетъ рѣчи преосв. Діонисія и обѣщалъ ему доставить піесъ въ журналъ. Обѣдалъ съ маменькою у Я. Е. Арсеньева, который былъ очень намъ радъ.

30. Послѣ уроковъ въ В. Д. обѣдалъ у Давыдова; послѣ урока въ Пансіонѣ зашелъ къ Антонскому и казалъ ему Шишкова письмо ко мнѣ; говорилъ съ нимъ о дѣлахъ Общества Сл.; онъ жаловался на несогласіе и недѣятельность членовъ.

31. При письмахъ послалъ біографію Авг. къ секретарю его Малиновскому и сенатору Малиновскому; одинъ благодарилъ меня письмомъ, другой на словахъ. Послѣ урока потчевалъ своихъ ученицъ кофеемъ у Е. П. Ш. въ благодарность за то, что онѣ хорошо отвѣчали у меня на экзаменѣ; оттуда проѣхалъ къ И. М. Иракліонову, котораго давно я не видалъ и у котораго видѣлъ двухъ сыновей кн. А. Долгорукова, его учениковъ. Молодая хозяйка пеняла мнѣ, что такъ долго не бывалъ у нихъ; посидѣли, позавтракали, поговорили и распростились. Я поѣхалъ къ дядѣ кн. Одоевскаго, Гаврилѣ Иван. Дурнову, коего книгу цензуровалъ, принятъ ласково; вмѣстѣ съ нимъ разсматривали отмѣченныя мною мѣста. Послѣ обѣда сынъ и дочь хозяина играли на форт. довольно пріятно, и я немного имъ акомпанировалъ на скрипкѣ. Сестра хозяина мнѣ показалась очень пріятною и смышленною женщиною или дѣвою. Оттуда проѣхалъ въ Общ. Люб. Слов. и засталъ уже засѣданіе онаго; присут.: Качен., Мерзл., Давыдовъ, Нечаевъ, Василевскій, Загоскинъ, Дмитріевъ М. А., Новиковъ, К. Калайдовичъ. Предсѣдатель жаловался на недостатокъ піесъ, что̀ было причиною того, что не имѣли торжественнаго собранія въ прошломъ году. Василевск. читалъ свою ст. объ языкѣ страстей; Дмитріевъ дѣлалъ ему возраженія, онъ сердился. Начался хохотъ общій, отчего умножились страсти бѣднаго сочинителя, противъ коего, повидимому, все вооружилось. Онъ защищался отъ возраженій неудачно. Въ утѣшеніе его рѣшили, что хотя піеса его полезная, однако требуетъ поправокъ. Съ Неч. и Вас. ужинали у Давыдова. Слово было о библіотекѣ О. С.

*) Это письмо Толя (позднѣе графа) напечатано въ „Русскомъ Архивѣ" (см. по Указателю). П. Б.

Февраль. 1. Съ маменькою ѣздили на Лаз. кл., отпѣли панихиду на могилѣ батюшки; обѣдню слушали у Св. Трифона, гдѣ священникъ благословилъ меня просфорою. Тамъ видѣлся съ Тат. Мих. Зейделеръ, которая совѣтовала мнѣ жениться и не быть очень разборчивымъ въ невѣстахъ; говорила, что есть такія дѣвушки, кои хотѣли идти за меня замужъ. Послѣ обѣдни заѣхали къ Полевымъ. Заговѣлись дома; всенощную слушали на Троиц. подворьѣ, куда присылала Бобарыкина звать меня съ маменькою завтра обѣдать къ себѣ. Отъ Татар. проѣхалъ къ Бобарык., тамъ видѣлъ Леонтія Як. Неклюдова и Арсеньева; первый сказалъ мнѣ, что онъ написалъ свою жизнь и отдалъ ее для изданія С. Н. Глинкѣ. Марья Васил. и Яков. Евгр. усильно просили меня, чтобы я училъ Николеньку Русской и Латин. словесности; сперва я отговаривался, а потомъ принужденъ былъ согласиться, замѣтивъ однакожъ, что хотя бы и не угодилъ имъ и хотя бъ имѣлъ непріятности, однако готовъ оказать свое усердіе по возможности своей. Марья Васил. къ этому примолвила, что она имѣетъ на меня дальнѣйшіе виды и препоручаетъ мнѣ единственнаго сына. Како будетъ мнѣ цѣлованіе Маріино? Разсуждали о средствахъ благотворить. Неклюдовъ сказывалъ, что онъ въ походѣ отдалъ лѣкарю Масленикову послѣдніе два червонца. Вотъ благодѣяніе, изъ послѣдняго—если нѣтъ тщеславія! Послѣ обѣда пріѣхала кн. Урусова съ глухою воспитанницею своею, дѣвушкою очень милою.

2. А. А. Пис. прислалъ ко мнѣ на разсмотрѣніе кн. Вяземскаго книгу «Стран. моего дяди». Поутру былъ я у Ширяева за журналами, у кн. Шаликова по цензурѣ и у Ахматова, но не засталъ. Взялъ въ Унив. жалованье 65 р.; проѣхалъ въ Успен. соборъ къ обѣднѣ и слушалъ проповѣдь о. архим. Гавріила, которая понравилась слушателямъ его. Съ Е. Е. Стан. зашли къ нему закусить. Потомъ я купилъ рыбы разной на 23 р.

9. Постъ на пищу, на страсти и желанія! Хорошо кто такъ постится. Я началъ чтеніемъ книги кн. Вяземскаго «Странствованія дяди моего», романъ историко-политическій. Пришелъ приход. попъ съ постною молитвою и хвалилъ мою біографію преосв. Август.; въ благодарность я подарилъ ему экз., который онъ хотѣлъ вложить въ церковную библ. Потомъ ѣздилъ въ Унив. лавку и слышалъ отъ Ширяева, что А. А. Писаревъ будетъ попечителемъ Моск. Универс., ибо кн. Обол. просится въ отставку. Послѣ обѣда пріѣхалъ ко мнѣ Чулковъ и сказывалъ, что Логика Давыд. запрещена и что Д. на дурномъ замѣчаніи у правительства. Я получилъ письмо отъ Шредера, кот. напоминалъ мнѣ о надписи для бюста Имп. М. Ѳ. Я написалъ ее.

10. Поутру прiѣхалъ Е. П. Телепневъ съ своимъ переводомъ изъ l'histoire abregée de l'inquistion d'Espagne par Florent и прочиталъ оный вмѣстѣ со мною; съ прочитанною рукописью кн. Н. Григ. Вяземскаго заѣхалъ къ нему и съ часъ ждалъ; наконецъ показалъ ему отмѣченныя мною мѣста, на что онъ, повидимому, согласился и благодарилъ меня за совѣты, прося продолжать мое съ нимъ знакомство. Вмѣстѣ съ его семьею пили кофе; отъ него поѣхалъ къ М. Г. Гаврилову и отдалъ ему переводъ изъ Хитровой рукописи о Вяткѣ и анекдотъ свой о Румянцовѣ. П. Б. Шредеру отвезъ сдѣланную мною надпись къ бюсту Им. М. Ѳ.

5. Въ этотъ день празднуютъ «Взысканiя погибшихъ», коимъ благословилъ меня батюшка. Поутру ѣздилъ съ визитомъ къ Тверитинову и Дубровскимъ, видѣлся съ своей невѣстой, напился кофе.

17. Началъ давать уроки Бобарыкину сыну *) по убѣжденiю его матери и дяди. Марья Вас., повидимому, была очень довольна и послѣ урока отдала впередъ за полгода 1000 р.; я было сперва не бралъ, но она упросила.

18. Послѣ уроковъ въ В. Д. поѣхалъ къ А. А. Писареву, у котораго нашелъ кн. Шал., Полевого, Иванч.-Писарева, К. Кал. и пр. Когда прiѣхалъ И. И. Дмитрiевъ, я отправился тихонько домой.

20. Былъ на имянинахъ у Льва Ал. Цвѣтаева; гостей было множество, едва помѣщались. Я разговаривалъ съ С. М. Ивашковскимъ о философiи и Греч. языкѣ; онъ обѣщалъ мнѣ доставить Евансовы таблицы спряженiй; хвалилъ Платнеровы афоризмы. За ужиномъ я сидѣлъ съ Кат. Иван. и дочерью инст. протопопа; шутили и смѣялись.

23. Поутру занимался своими дѣлами, цензуровалъ Нарѣжнаго романъ «Два Ивана» въ 3 част.; потомъ былъ въ Шерем. церкви, гдѣ отправлялось поминовенiе по графѣ Шерем. преосв. Досиѳеемъ за нездоровьемъ Филарета; знати было мало. Къ удовольствiю моему, бѣдной невѣстѣ, о которой я просилъ, назначено 800 р.; она со слезами благодарила меня. Послѣ урока въ Унив. Пансiонѣ я занимался музыкою и граматикою; оттуда проѣхалъ въ собранiе Истор. Общества, гдѣ были кн. Д. В. Голицынъ, кн. М. П. Голицынъ и И. И. Дмитрiевъ. Я хотѣлъ было уйти, но А. А. П. меня удержалъ и ввелъ въ разговоръ съ Дмитрiевымъ. Читалъ предсѣдатель разсужденiе Сангленa о Черниговской гривнѣ, на которое Каченов. дѣлалъ сильныя возраженiя; Антонскiй совѣтовалъ напечатать его въ Трудахъ И. О. такъ, чтобы сказать, что Общество ни утверждаетъ, ни опровергаетъ мнѣнiй автора. Поздно пришедшiй Полевой прочелъ свою рѣчь вступит.,

*) Это Николай Николаевичъ, кончившiй жизнь въ бѣдности, цензоромъ Англiйскихъ книгъ. П. Б.

повидимому, наскоро написанную. Послѣ него Погодинъ свои замѣчанія на Нестора; Качен. дѣлалъ ему возраженія, что Нестора нельзя намъ мѣрить своимъ аршиномъ.

28. Послѣ классовъ въ В. Д. заѣхалъ къ А. А. Писареву, съ нимъ провелъ цѣлый день. Послѣ обѣда ѣздилъ по мѣняльнымъ лавкамъ; пили чай въ рестораціи Кремл. сада. Онъ разсказывалъ между прочимъ о своемъ пребываніи въ Парижѣ, о тамошнихъ веселостяхъ, о поступкѣ Парижскаго губернатора нашего генерала Сакена, который, на громкое требованіе зрителей въ театрѣ о снятіи Наполеонова герба надъ сценою, отвѣчалъ кому угодно—пусть сниметъ. Нашъ академикъ Пельхорскій тамъ кричалъ предъ балкономъ короля: Vive Napoléon I. Я просилъ А. А. о доставленіи мнѣ піесъ для Истор. Журн., обѣщано. Онъ довезъ меня до дому и простился со мною до Середы. Въ Переяславлѣ Полт. есть въ монастырѣ Мазепина библіотека.

Мартъ. 1. Пріѣхала Е. А. Горюшкина просить меня, чтобы я продолжалъ брать ея пенсію въ Универс. Посидѣлъ и поговорилъ съ Полевымъ о дѣлахъ Истор. Общ.; зашелъ къ Оболенскому маг. и совѣтовалъ ему поправить свой переводъ Шиллер. писемъ и перевести диссертацію съ Лат.; отдалъ Сашины письма Непышнев. Послѣ обѣда были у меня дѣти протопопа Ивана Дмитр. съ зятемъ, читали стихи, разговаривали. Вечеромъ посидѣлъ у проф. Цвѣтаева; слышалъ, что будто кн. Оболенск. остается попечителемъ по желанію Государя и о предстоящей за Испан. Америку войнѣ съ Англіею.

2. А. Ширяевъ прислалъ мнѣ за 48 экз. б. Авг. 165 асс.

4. Послѣ уроковъ въ В. Д. обѣдалъ у А. А. Писарева; тамъ встрѣтился съ Дурасовыми, которые пеняли, что я не былъ у нихъ 3 Марта въ день рожденія. А. П. Иванчин.-Писаревъ читалъ переводъ свой изъ Ламарт. оды къ Наполеону. С. Глинка разсказывалъ о великодушіи Карамзина, который далъ свое мнѣніе министру, чтобы исторію его сдѣлать учебною и ходатайствовалъ о пенсіи *). Я читалъ свои синонимы; Иванч.-Писар. и кн. Шаликовъ дѣлали свои замѣчанія и хвалили.

5. Послѣ урока въ Унив. далъ урокъ Бобарыкину. По приглашенію Марьи Вас. обѣдалъ на рожденіи у Лис. Мих. Арсен., хозяевы были до меня ласковы. Отъ нихъ проѣхалъ я въ приготовительное собраніе О. Л. Р. С., гдѣ были Мерзляковъ, Болдыревъ, М. Дмитріевъ, Иванч.-Писаревъ, П. Калайдовичъ, Волковъ. Я читалъ свои синонимы: страсть и пристрастіе, острота и остроуміе. М. Дмитріевъ и Иванч.-

*) Русская Исторія, соч. С. Н. Глинки сдѣлалась нынѣ книжною рѣдкостью. Полная искренней любви къ родинѣ, она доселѣ пригодна для чтенія подросткамъ. П. Б.

Писаревъ дѣлали свои замѣчанія, коими отчасти я воспользовался. По предложенію моему читанъ переводъ въ стих. В. И. Мальцова: «Умирающій Христіанинъ», изъ Ламарт. Предсѣдатель казался нездоровымъ и торопился кончить засѣданіе, но не прежде 11 час. кончилось и размолвкою его съ Мерзляковымъ насчетъ его піесы. Я и Иванч.-Писар. предлагали въ члены Зенеиду Волконскую.

8. Послѣ обѣдни въ церкви у Спаса на Песк. весь почти день провелъ у Татаринова; съ хозяйкой и дочерьми былъ у вечерни въ Петров. мон. и принялъ вмѣстѣ съ ними благословеніе отъ о. Ѳеофана.

9. Съ Арсеньевымъ, кн. Друцкимъ и мол. Бобарыкинымъ былъ въ собраніи О. Л. С., гдѣ много было посѣтителей, между прочимъ И. И. Дмитріевъ, княг. З. Волконская, кн. Оболенскій, два архіерея, викарій и Грузинскій. Читанныя Кокошк. сочиненіе Капниста «Весна старца» и его переводъ въ стих. Делавиня весьма понравились публикѣ: одно тронуло, другое забавляло. Когда я сталъ читать свои синонимы, стали подавать некстати оршадъ, какъ будто для того, чтобы смягчить остроту, о коей было мое разсужд. М. Дмитріевъ написалъ на меня эпиграмму, коей смыслъ можно бъ сказать въ двухъ словахъ, но видно авторъ страстенъ къ себѣ и пристрастенъ къ сочиненію, и самъ мнѣ сказалъ объ этомъ.

10. Къ кн. Одоевскому завезъ процензурованный мною листъ его Мнемоз.; онъ показалъ мнѣ свое предначертаніе Эстетики по новымъ началамъ. У него жъ я видѣлъ одного иностр. путешественника, который показывалъ срисованные имъ различные костюмы Турецкіе.

11. Въ Середу обѣдалъ у Мальцова съ Сандуновымъ. Диспутъ Погодина.

17. Былъ съ поздравленіемъ у Малиновскаго, который изъявилъ мнѣ сожалѣніе, что долго не видалъ меня; у кн. Мещерскаго, котораго засталъ въ постели; очень былъ мнѣ радъ, разсказывалъ о болѣзни своей отъ укушенія мнимо бѣшеной собаки и о сильныхъ лѣкарствахъ, имъ принятыхъ. Примѣръ для Психологіи, сколь сильно воображеніе, устремленное на одинъ предметъ. Послѣ лекціи своей поздравлялъ А. Ѳ. Мерзл., который вмѣстѣ съ Дружин. совѣтовалъ мнѣ жениться, чтобы послѣ не жалѣть; а жена его шутя мнѣ сказала, что въ меня влюблена. Былъ у Саблина, отъ него къ Бобарыкиной.

18 и 19. Чувствовалъ себя нездоровымъ и провелъ все время дома, занимаясь своими лекціями и музыкою. Отъ дяди Ал. Петр. пріѣхалъ повѣренный для хожденія по дѣлу его въ Сенатѣ и съ просьбою о моемъ вспомоществованіи.

20. Послѣ уроковъ въ В. Д. былъ въ банѣ и бралъ ванну. Послѣ обѣда читалъ Т. Ливія.

21. Былъ въ Унив. Пансіонѣ на актѣ, гдѣ находилось множество посѣтителей, особливо дамъ; тамъ же видѣлся съ Бобарыкиной и генераломъ Писаревымъ, который пенялъ, что будто я его забылъ. Рѣчь и стихи читали хорошо. Антонскій пригласилъ къ себѣ обѣдать; обѣдали викарій Моск. и Груз. Досиѳей, нѣсколько генераловъ. За обѣдомъ разговоръ былъ у меня съ Майковымъ и свящ. о побочныхъ дѣтяхъ. Послѣ заходилъ къ Давыдову; отъ него домой и ко всенощной на Троицкое подворье.

22. Поутру былъ у Цвѣтаева, разговаривали о партіяхъ и вредѣ оныхъ, о причинахъ развращенія низкаго класса народа. У обѣдни былъ въ церкви Спаса на Песк. Оттуда зашелъ къ Татарин. и провелъ съ ними цѣлый день, видѣлъ Катеньку, разговаривалъ съ нею. Марѳа Аѳ. разсказывала о ея прилежаніи къ ученію, звала меня въ Тюфел. р., обѣщала познакомиться съ маменькою моей. Послѣ ужина съ Конст. Алекс. я отправился домой почти въ полночь.

23. Началъ говѣть; былъ у заутрени; опоздалъ къ обѣднѣ, занявшись съ Сандуновымъ, который разсуждалъ о религіи по своему.

24. Исповѣдывался у протоіерея Спаса на Глин. Петра, который давалъ мнѣ отъ сердца наставленія помнить заповѣди, воздерживаться отъ грѣха, молиться Богу и просить ежедневно прощенія въ содѣянныхъ грѣхахъ, почитать матушку, заниматься прилежно казенными и домашними дѣлами, простить обидѣвшимъ меня. Потомъ благодарилъ меня за памятникъ, поставленный ему въ Жизни преосв. Августина. Помолясь, я поѣхалъ домой съ сердцемъ, полнымъ спокойствія, какое рѣдко испытывалъ, и благодарилъ Бога. Къ чаю вечернему пріѣхалъ архимандритъ Гавріилъ съ письмомъ отъ Псковскаго архіеп. Евгенія, который пишетъ на счетъ новаго изданія мною Жизни Платона и не отказывается отъ просмотрѣнія оной. Я взялся доставить отъ о. Г. письмо къ Ходаковск. черезъ Полевого. Всенощная.

25. День Благовѣщенія. Прочитавъ правило, я гулялъ. За позднею обѣднею Богъ сподобилъ меня пріобщиться Св. Таинъ, вм. съ Еспповымъ стар., который оказалъ мнѣ ласку и усердіе при этомъ случаѣ. Я первый дерзнулъ приступить къ Св. Вечери и вкусилъ Св. Тѣло и Кровь Спасителя во спасеніе и очищеніе тѣла и духа, съ вѣрою и надеждою. Сосуды были новые, пожертв. діакономъ Троицк. подв. Алекс. Семен. Если бы я весь остатокъ жизни моей былъ въ такомъ мирномъ и безстрастномъ состояніи духа! Въ церкви явился Евстафій Евст. и поздравлялъ меня; я позвалъ его къ себѣ чай пить; пришелъ потомъ Фустовъ. Послѣ обѣда пошелъ къ Полевому, отдалъ ему Гавріилово письмо для доставленія, поговорили о разныхъ дѣлахъ

ученыхъ, напились чаю; отъ него прямо прошелъ ко всенощной на Троицкое подворье.

26. Поутру занимался своими лекціями Ритор. Съ Фустовымъ поѣхалъ въ Успенскій соборъ на умовеніе ногъ; зашли напередъ къ а. Гавріилу. Взялъ у него Діонис. описаніе пребыванія Государя въ Перми и отправился съ ними въ соборъ, гдѣ меня ключарь въ алтарѣ соборовалъ масломъ, помазавъ крестообразно чело и руку правую. Народу было множество; архіерей разсердился, что дамы заслонили ему свѣтъ, ставъ на скамьи. Замѣтилъ архим. Поликарпа Новосп., который прекрасно дѣйствовалъ при умовеніи, играя роль Симона Петра. Послѣ зашли къ о Гавріилу на чай и водку.

27. Ходилъ по соборамъ; въ рядахъ встрѣтился съ Ал. Иван. Тат., зашелъ вмѣстѣ съ нимъ къ о. Гавріилу и Арсенію, который показывалъ намъ ризницу патр.; напились чаю и отправились домой; я ко всенощной на Троицкое подворье.

28. Ввечеру посидѣлъ у Матушкина, напился съ нимъ чаю; онъ упросилъ меня выпить чашку пуншу. Я просилъ его дать мнѣ списать письмо къ Платону отъ имени Наполеона въ 1812 году, обѣщалъ со временемъ. Замѣтилъ, что спиртуозн. напитки мнѣ не по головѣ. Всталъ къ заутрени въ полночь. Звонъ по всей Москвѣ въ одно время производитъ надъ сердцемъ особенное дѣйствіе.

29. Заутреню слушалъ въ своемъ приходѣ и замѣчалъ общую радость при гласѣ воскресенія Христова. Сперва похристосовался съ маменькою, потомъ съ сосѣдями. По возвращеніи домой явились А. Озерецковскій и А. Непышневскій съ поздравленіемъ. Я ходилъ пѣшкомъ поздравить прф. Цвѣтаева, своего сосѣда; потомъ отправился къ сенат. Саблину, Антонскому и нѣкоторымъ профессорамъ. Обѣдню слушалъ въ Никит. монастырѣ; оттуда заѣхалъ къ Дурасов., съ которыми и разговѣлся. Въ В. Д. былъ у Шредера, Полуденскаго, Цеймернъ; христосовался съ бывшими ученицами своими, кои дали мнѣ яицъ; зашелъ къ тетушкѣ, отъ нея къ генералу Писареву, который пенялъ мнѣ, что я долго не бывалъ у него; я извинился дѣлами. Отъ него заѣхалъ къ Татаринову и провелъ съ ними полчаса пріятно, видѣлъ Катеньку и христосовался съ нею. Послѣ обѣда и вечерни посидѣлъ у протоп. Ив. Дм., потомъ ко всенощной на Троицкое подворье.

Апрѣль. Всю святую почти провелъ дома, занимаясь своими дѣлами, да и погода была нехороша; только обѣдалъ у Я. Е. Арс. и у Боб.

6. Былъ въ Губ. Правл. по случаю привода изъ Тобол. моего Петра; зашелъ къ архим. Гавріилу, у коего видѣлъ портретъ граф. Орловой. Ввечеру былъ у Ѳ. И. Вольской.

9. Прежде урока зашелъ къ кн. Одоевскому, у коего нашелъ А. Писарева и К. Пинскаго только проснувшихся; толковали о Каченовскомъ, котораго они ругали. Послѣ урока я началъ переносить библіотеку О. Л. Р. С. въ отведенную для Общества комнату въ унив. библ. Оттуда къ Бобарыкиной, у коей видѣлся съ Я. Е. Арсен.; время провели пріятно, разговаривая о разныхъ предметахъ и споря для того, чтобы согласиться. Николенька становится любезнѣе и ласковѣе; дай Богъ, чтобы онъ походилъ въ свойствахъ сердечныхъ на папеньку своего и на дядю Я. Евгр.! Мать его соединяетъ нѣкоторую пылкость характера съ проницательностію ума и добротою сердца; но желательно, чтобы въ мягкости и кротости взялъ онъ въ образецъ Як. Евгр. Съ нимъ мы разстались пріятельски; дай Богъ, чтобы эта пріязнь кончилась съ нашею смертію.

10. Изъ В. Д. въ Губернск. Правленіе, гдѣ заплатилъ 70% за одежду бѣглеца; да 7% далъ услужливому писцу. Въ Пансіонъ оттуда; въ классѣ моемъ сидѣлъ А. А. Антонскій. Поутру упалъ съ дрожекъ и нѣсколько ушибся.

11. Изъ В. Д. заѣзжалъ къ Шульцу *) въ Ин. Колл. и къ Писареву, коихъ не засталъ. Обѣдалъ у Гусева; у всенощной на Троицкомъ подворьѣ.

12. Поутру занимался переправкою Жизни митр. Платона. Обѣдню слушалъ въ своемъ приходѣ; послѣ зашелъ къ протоп. Платонову, игралъ въ дурачки и проигралъ два гроша Катенькѣ; оставляли обѣдать; дома лучше и спокойнѣе, хотя и скучно. Вечеръ былъ благорастворенный.

15. Послѣ уроковъ въ В. Д. обѣдалъ у Писарева вмѣстѣ съ княземъ Шаликовымъ и Волковымъ. Ввечеру поѣхалъ вмѣстѣ съ А. А. Писаревымъ въ Истор. Общество, гдѣ исправлялъ за секретаря и выбранъ секретаремъ, однако отговаривался. Предсѣдатель съ жаромъ говорилъ о лѣности общества въ дѣлахъ; рѣчь зашла по случаю сдѣланныхъ Каченовскимъ замѣчаній Полевому объ изданіи свода лѣтоп. Читаны піесы и дѣлаемы были замѣчанія Каченовскому.

16. Ввечеру заѣхалъ ко мнѣ А. А. Писаревъ, посидѣвъ у меня и почитавъ мою Жизнь митр. Плат., поѣхалъ со мною къ кн. Шаликову, пили у него чай и бесѣдовали о разныхъ предметахъ.

17. Послѣ панс. урока къ М. А. Татаринову и провелъ вечеръ съ его семействомъ очень пріятно. Мудрено соблюсти правила выдержанности тамъ, гдѣ потчеваютъ съ радушіемъ и пріятностію. Домой въ полночь. А дѣла-то ждутъ!

*) Объ этомъ Шульцѣ много въ письмахъ А. Я. Булгакова („Русскій Архивъ" 1901 года). П. Б.

18. Послѣ уроковъ В. Д. домой; передъ всенощной заходилъ къ под. Алекс. Семен., говорилъ о Платонѣ, что онъ не любилъ бесѣдовать съ женщинами и родныхъ своихъ тогда сталъ пускать, когда уже ослабѣлъ въ силахъ своихъ и чувствовалъ нужду въ помощи и бесѣдѣ съ родными. Платонъ, бывшій самъ хорошій чтецъ и пѣвецъ, завелъ хорошихъ въ Москвѣ пѣвчихъ.

23. Въ день рожденія своего слушалъ обѣдню въ своемъ приходѣ; былъ на лекціи въ Универс. и у Бобарыкиной. Отъ нея заѣзжалъ въ Пансіонъ къ Болдыреву поговорить о Карпискомъ сынѣ. А. В. сказалъ, что изъ уваженія ко мнѣ сдѣлалъ ему въ цѣнѣ уступку. Ввечеру у меня были изъ Иностр. Колл. М. И. Шульцъ, Наумовъ и Лебедевъ; посидѣли и поговорили о старинѣ и новизнѣ.

26. Послѣ обѣдни былъ у А. А. Писар., но онъ не принималъ: кровь пускалъ; у Матвѣева и больного Бороздина, который былъ мнѣ очень радъ; обѣдалъ у Гусева.

27. Поутру пріѣхалъ ко мнѣ Е. П. Телепневъ, потолковали съ нимъ о заданной ему мною піесѣ о Нѣжин. гимназіи Безбородко; позавтракавъ, поѣхали къ А. А. Писареву, который принялъ насъ ласково, говорилъ о разныхъ предметахъ, между прочимъ о попечительствѣ. Отъ него поѣхалъ я въ Иностр. Колл., гдѣ видѣлъ Оранскаго принца; потомъ въ Унив. Пансіонъ на лекцію.

28. Пріѣзжалъ кн. Трубецкой просить меня, чтобъ я училъ у кн. Анны Мих. Черкасской; обѣщалъ. Послѣ уроковъ обѣдалъ у М. В. Бобар., послѣ обѣда шутили съ Анною Мих., которая представляла, какъ маменька моя будетъ обходиться съ невѣстушкой и воображая ее, цѣловала и ласкала Марью Васил. Я радъ былъ, что Я. Евгр. былъ веселъ: спокойствіе и веселость духа для него лѣкарство. Я самъ былъ веселѣе обыкновеннаго; не знаю, нравится ли моя откровенность хозяйкѣ, которая, судя по правиламъ ея, должна бы ее любить. Заѣхавъ помолиться къ Девяти Муч., отправился домой.

29. Послѣ уроковъ въ В. Д. обѣдалъ у А. А. П., тамъ видѣлъ А. П. Дурасову, кн. Шалпкова; весело провели время; вечеромъ я занимался съ Чулк. музыкою и граматикою.

30. Послѣ уроковъ въ Унив. и у М. В. Бобар. обѣдалъ у дорогого имянника Я. Е. А.; за обѣдомъ и послѣ обѣда занимала меня Анна Мих. своими разсказами о своемъ житьѣ-бытьѣ. Въ тотъ день я получилъ извѣстіе и читалъ указъ о пожалованіи меня надв. совѣтникомъ съ старшинствомъ. Отъ Арс. заѣхалъ къ кн. Черкасской.

Май 2. Послѣ уроковъ въ В. Д. заѣхалъ къ И. М. Ираклiонову, который удерживалъ меня обѣдать. Обѣдалъ я у Мальцова; шутилъ и

вправду говорилъ съ умною Капит. Мих.; сынъ ея читалъ мнѣ свой переводъ изъ Ансильона. Зашелъ ко всенощной въ Варсон. монаст. и къ профессору Цвѣтаеву.

3. Послѣ ранней обѣдни въ своемъ приходѣ зашелъ къ Канту̀, который совѣтовалъ мнѣ пить сокъ 3 недѣли изъ ключевого кресса-салата поутру и ввечеру по рюмкѣ; воздерживаться отъ вина, кофе и чаю; черезъ три недѣли пить сыворотку и прогуливаться. Это очищаетъ кровь и мокроты. Между тѣмъ спрашивалъ меня, хочу ли я жениться; я отвѣчалъ, что боюсь, имѣя въ виду столь дурные примѣры, каковъ его. Онъ согласился, что мудрено найти себѣ друга въ женѣ. Отъ него я прошелъ домой пить чай, потомъ къ обѣдни къ Спасу на Пески и къ Татар. на часъ, поговорилъ и погулялъ съ добрымъ старикомъ и, не дождавшись закуски, пошелъ домой. Послѣ обѣда, отдохнувъ и погулявъ, написалъ письма къ преосвящ. Евгенію Псковскому касательно своей біографіи м. Платона и Діонисію Пермскому; занимался музыкою. Потомъ пошелъ къ протоіерею Іоанну Дмитр., нашелъ у него собраніе молодежи. Онъ разсказывалъ о пребываніи принца съ Филаретомъ въ Троицкой Лаврѣ, гдѣ онъ пожелалъ видѣть руку митр. Платона и гдѣ преосв. благословилъ его образомъ Св. Троицы; на прощаньи принцъ просилъ его помолиться о немъ, о женѣ его и дѣтяхъ. За мною пріѣхали лошади Я. Е. Арсеньева; простившись съ хозяевами и выслушавъ претензіи хозяйки, что моя маменька у ней не бывала, отправился домой и посидѣлъ часа съ два съ почт. Я. Е., который хлопочетъ о чинѣ ст. сов.; я совѣтовалъ ему посовѣтоваться съ Антонскимъ.

4. Дождь. Въ мундирѣ пѣшкомъ отправился въ Унив. по болѣзни лошадей. Ждали принца Оранскаго и дождались въ 11 часу утра; принимали въ большой залѣ, гдѣ были и пансіонеры Унив. Панс. Принца сопровождали кн. Оболенскій и Антонскій; онъ мнѣ показался остроумнымъ и наблюдательнымъ человѣкомъ, 32 лѣтъ, бѣлокурый и сухощавый мужчина, очень гибкій. Деканъ Цвѣтаевъ потомъ приводилъ меня къ присягѣ вмѣстѣ съ Маловымъ и Перевощиковымъ у Егорья на Красной горкѣ на чинъ надв. совѣтн. Маловъ зазвалъ къ себѣ; обѣдали у него, послѣ обѣда онъ разсказывалъ о проискахъ Давыдова и казалъ письма къ нему изъ Спб. Отъ него пошелъ въ Унив. Пансіонъ на урокъ; оттуда домой. Ввечеру были съ поздравленіемъ Надежда Озерец. и Н. Я. Мальцовъ съ сыномъ своимъ.

5. Послѣ Унив. урока къ Бобарыкиной. Узнавъ, что съ добрымъ Я. Е. Арсеньевымъ сдѣлался ударъ вчера, тотчасъ поспѣшилъ къ нему и нашелъ его спящимъ, опять къ Бобарыкиной. Послѣ обѣда и урока поѣхалъ къ кн. Черкасской, далъ первый урокъ ея питомцу и въ ка-

ретѣ Мар. Вас. поѣхалъ съ Николенькой и кн. Друцкимъ къ больному, который лежалъ недвижимъ, однако въ памяти: узналъ меня и былъ радъ. Я совѣтовалъ Марьѣ Вас. его пріобщить для утѣшенія.

6. Изъ В. Д. проѣхалъ къ Як. Евгр. и нашелъ его болѣе спокойнымъ, чѣмъ прежде; онъ долго говорилъ со мною и сбирался ѣхать на богомолье, вспоминая съ удовольствіемъ прошедшую нашу поѣздку; жалѣлъ, что не можетъ быть у меня попрежнему на имянинахъ. Отъ него поѣхалъ домой съ головою полною различныхъ мыслей о жизни своей. Вечеръ сидѣлъ у Л. А. Цвѣт. и былъ у всенощной. Навѣстилъ больного дьячка нашего.

7. У обѣдни былъ въ Никит. монастырѣ. Посидѣлъ и поговорилъ съ Сандуновымъ о Рязан. дѣлѣ своемъ; онъ обѣщалъ попросить еще Татищеву и сказывалъ, что отъ Миллера не получалъ отвѣта. Спорили о душѣ. Я видѣлъ у него выписки изъ дѣла П. І., довольно любопытныя. Потомъ зашелъ къ В. М. Котелн. и звалъ его къ себѣ на имянины. У всенощной.

8. Обѣдню раннюю слушалъ въ своемъ приходѣ; послѣ пѣли дома молебенъ съ водосвятіемъ. Священникъ сказывалъ, что близъ Іоанна Воина былъ дворецъ и гдѣ Горюшк. дача, тамъ была дворц. земля; просилъ меня показать ему мою записку объ убогихъ домахъ, я обѣщалъ. Приходили поздравлять меня ученики мои изъ Унив. Поѣхалъ въ В. Д., гдѣ поздравляли меня ученицы мои и ученики; Маша Аст. и... подарили мнѣ по букету цвѣтовъ, другія вмѣсто подарка поцѣловали меня. Дома нашелъ у себя кн. Шаликова, который написалъ мнѣ стихи, и Малова съ Е. П. Телепневымъ, которые и обѣдали. Послѣ обѣда разсуждали о воспитаніи, разсужденіе обратилось въ споръ. Ввечеру пріѣхалъ профессоръ Цвѣтаевъ и неожиданно Давыдовъ, потомъ Беръ Левъ Алекс. разсказывалъ о пребываніи своемъ въ Казани, гдѣ они во время гоненія проводили время очень весело. Послѣ закуски Давыдовъ уѣхалъ, остался Цвѣтаевъ съ Маловымъ и напоминалъ мнѣ о женитьбѣ. Разсказывалъ о скупости Роста и объ эпиграммѣ, сочиненной на его счетъ: «Ростъ сшилъ плащъ изъ росту на ростъ Росту».

9. Обѣдню слушалъ у праздника, Николы въ Драчахъ; послѣ обѣдни зашелъ къ Л. А. Цвѣтаеву, благодарилъ его за посѣщеніе меня; видѣлъ у него Сокольскаго, который между прочимъ сказалъ мнѣ, что Семикъ у простолюдія называется «семеинъ день», также «тюльпою» отъ тюльпановъ по его мнѣнію. Былъ у Я. Е. Арс., нашелъ его лучше и спокойнѣе духомъ; отъ него проѣхалъ, къ имяниннику Н. Н. Бобарыкину, тамъ обѣдалъ. Послѣ обѣда опять былъ у Арсеньева и нашелъ у него Головиныхъ. Елис. Мих. показалась мнѣ очень мрачною и не-

надежною къ жизни; вокругъ ея вертѣлись племянники и повидимому съ матушкою провожали во гробъ. Всенощную слушалъ въ Страстн. монастырѣ.

10. Обѣдню слушалъ у Адр. и Нат.; потомъ навѣстилъ больного П. В. Грушевскаго и протоп. Матвѣя Ник., побесѣдовалъ съ нимъ о 1812 г. и Августинѣ; онъ жаловался мнѣ на сутяжничество Троицк. священника И. Ст. Отъ него прошелъ я къ вдовѣ Щеголевой, у которой я давно не бывалъ; она была мнѣ рада. Потомъ къ Мальцову; обѣдалъ у него и видѣлъ вдову Савину, дочь Лунина, особу очень любезную. Зашелъ у меня споръ съ Капит. Мих. о Филаретѣ, котораго она защищаетъ, называетъ меня снигиремъ двуязычнымъ; я далъ ей почувствовать, что она хочетъ меня ввести въ пословицу и сдѣлать смѣшнымъ предъ другими, она почувствовала это и извинялась предъ мною. Сынъ ея разсказывалъ, что Сандуновъ проситъ отца его вмѣсто надгробнаго памятника вылить изъ чугуна кучу . . . съ надписью, что здѣсь лежитъ оберъ-секретарь сенатскій и профессоръ университетскій.

11. Послалъ при письмѣ къ архіеп. Псковскому Евгенію I тетр. переработанной Жизни м. Платона. Послѣ лекціи у кн. Черкасской и въ Унив. Панс. заѣхалъ сперва къ П. Ѳ. Степанову навѣстить его въ болѣзни; онъ принялъ меня ласково и обѣщалъ быть у меня, а потомъ къ А. П. Татар. и провелъ съ нимъ и сыномъ его Констан. остатокъ вечера въ разговорахъ, въ музыкѣ.

12. Заѣзжалъ къ кн. Шаликову; послѣ лекцій въ Унив. и у Бобар. училъ и обѣдалъ у княжны Черкасской, женщины очень умной и тонкой; она мнѣ показывала свою церковь; воспитанница ея Лиза очень мила и умна. Вечеръ дома за цензурою и чтеніемъ журнала. Въ 1 часу попол. заѣзжалъ къ Я. Е. Арс. и, заставъ его спящимъ, отдалъ женѣ его просфору отъ схимницы Хотьк. мон. Ѵпраксіи.

13. Послѣ уроковъ въ В. Д. занимался словесн. съ кандидатками. Обѣдалъ у А. А. Писарева вмѣстѣ съ генер. Хитровымъ, который обѣщалъ мнѣ доставить Платонову Псалтырь и жизнь, имъ самимъ писанную.

14, 15 и 16. Протекли въ обыкновенныхъ занятіяхъ.

17. На нашей улицѣ былъ праздникъ: Троицынъ день. Обѣдалъ съ Свиньинымъ у Бобарыкиной, гдѣ видѣлъ и Пелагею Лук. Бобар.

18. Обѣдню слушалъ на Тр. подворьѣ, гдѣ служилъ самъ Филаретъ; послѣ обѣдни поѣхалъ къ генералу Писареву, которому читалъ свою статью о скудельняхъ; онъ ее очень хвалилъ и просилъ представить въ Ист. Общество; я просилъ его напередъ показать Филаре-

ту для разсмотрѣнія, какъ почетн. члену нашему, на что онъ и согласился.

19. Послѣ лекціи въ Унив. заѣхалъ къ Я. Е. Арсеньеву, который былъ мнѣ радъ и сбирался со мною на богомолье. Я его нашелъ лучше, утѣшалъ его. Послѣ урока и обѣда у Бобар. далъ урокъ у кн. Черкасской. По пріѣздѣ моемъ домой хотѣлъ было заняться своими дѣлами, но пріѣхали ко мнѣ генералъ Дурасовъ съ Н. В. Посниковымъ и посидѣли у меня часа съ два, доставивъ мнѣ удовольствіе своею бесѣдою и ласкою; гуляли у меня въ саду и простились пріятельски.

21. Послѣ лекціи въ Унив. далъ урокъ Бобар., обѣдалъ у нихъ и вмѣстѣ съ Толстымъ поѣхалъ къ Свиньину, съ которымъ и поѣхали на Бутырскій хуторъ, гдѣ осматривали съ Аглич. Рожеромъ, смотрителемъ сего заведенія, землед. орудія и поля, засѣваемыя по новой системѣ плодоперемѣнной; тутъ же съ нами былъ сенаторъ Мечниковъ, большой хозяинъ, который спорилъ съ Агличаниномъ. Оттуда я проѣхалъ съ Св. прямо къ Полевому, котораго застали за его журналомъ; разговаривали о журналистахъ и распряхъ. Полевой отдалъ мнѣ стихи для доставленія кн. Шаликову.

22. Послѣ уроковъ въ В. Д. обѣдалъ у Черняв. въ Пансіонѣ, гдѣ послѣ урока зашелъ къ Давыдову и завелъ съ нимъ разговоръ о вѣроломствѣ и злословіи, доказывая ему, сколь они гнусны и отвратительны въ просвѣщенномъ.

23. Послѣ уроковъ въ В. Д. обѣдалъ у Дурасова; время провели очень пріятно. Утромъ заѣзжалъ я къ Нечаеву, гдѣ засталъ отъѣзжающаго А. Бестужева, съ которымъ мы пріятно встрѣтились и простились. Нечаевъ жаловался мнѣ на неблагодарность кн. Шаликова, увѣряя, что онъ не хочетъ гнѣвомъ сквернить своего сердца. Я просилъ у него піесъ для старика Гаврилова; онъ обѣщалъ выпросить у Броневскаго и самъ дать. Отъ него заѣхалъ по дорогѣ съ Георгіев. къ Свиньину, въ которомъ замѣтили какую-то измѣнчивость. Ввечеру ко мнѣ заѣзжалъ А. А. Писаревъ, отъ Филар., къ коему ѣздилъ съ моею тетрадкою объ уб. дом. и не засталъ, погулялъ у меня въ саду, пилъ чай и бесѣдовалъ объ исторіи. Всенощн. на Тр. подв., гдѣ встрѣтилъ Далматскую, которая увѣряла, что будто дочь ея чахнетъ по мнѣ. Слушай!

24. Послѣ обѣдни пришли ко мнѣ ученики мои за логич. тетр. Потомъ пошелъ къ инст. протоіерею, который убѣдилъ меня обѣдать у него; послѣ обѣда читалъ мнѣ двѣ свои проповѣди; я ему поручилъ прочитать съ тестемъ его 1 тетр. Плат. Жизни, что̀ обѣщалъ онъ сдѣлать.

25. Утромъ занимался дома своими дѣлами. Пообѣдавъ отправился къ кн. Черкасской, которой отвезъ цвѣтовъ изъ своего сада по обѣщанію. Отъ нея проѣхалъ въ Унив. Панс., послѣ урока зашелъ въ Никитск. мон. къ вечернѣ, гдѣ священ. Николай просилъ меня найти ему случай познакомиться съ Поливановымъ, которому онъ хочетъ жаловаться на своего сосѣда Ланга, притѣсняющаго его; я обѣщалъ ему. Мать Магдалина зазвала меня къ себѣ и угощала чаемъ и просфорами; отъ нея зашелъ я къ Гаврилову и отдалъ ему Нечаеву піесу о Клапр. путешествіи и анекдоты, за что онъ благодарилъ. Въ собраніе Общ. Истор. я первый разъ вступилъ какъ секретарь. Предсѣдатель читалъ свою піесу о Рязан. монетѣ, да я свою о скудельницахъ, которую Калайдовичъ очень хвалилъ, сказавъ, что грамотою царя Алексѣя Мих. убогій домъ отданъ былъ Греческоку Никол. мон. во владѣніе. У Каченов. зашелъ споръ съ Погодинымъ насчетъ печатанія и цензуры его перевода Эверса; кончили тѣмъ, что поручили оный цензуровать Давыдову.

30. Былъ экзаменъ для выпуска кандидатовъ въ В. Д.: посѣтителей было довольно; прис. профессора Цвѣтаевъ, Мерзляковъ и директоръ гимназіи Дружининъ, также С. Д. Нечаевъ. Я экзаменовалъ изъ Росс. словесности; отличились Тат. Өедор., которая въ заключеніе читала стихи благод., и Наталья Алекс. Посѣтители, повидимому, занимались моимъ экзам. Шредеръ благодарилъ за стихи, кои заставили нѣкоторыхъ плакать. Кандидатки сами экзаменовали воспитанницъ 2 и 3 кл. изъ Франц. и Нѣм. языковъ, изъ исторіи и географіи, хорошо. Экзаменъ кончился въ 4 часу попол. Протоп. Г. Молчановъ разсказывалъ примѣры благочестія и любви къ отечественнымъ обрядамъ и обычаямъ въ Платонѣ, который каждую Субботу въ Виөаніи дѣлалъ поминовеніе и въ богадѣльнѣ съ богадѣл. ѣлъ блины и пироги, кои раздавалъ и приходившимъ туда ребятамъ. Виөанія была у него родъ села скудельнича. Субботы Вселенскія двѣ для поминовенія усопшихъ: 1-я предъ Сырною недѣлею, 2-я предъ Св. Пятидес., а 3-я—Дмитровская, уставленная нашею церковію, такъ какъ и частный, мѣстный обрядъ въ Семикъ погребать странныхъ. Принцъ Бухгау вѣрно на это мѣтитъ, говоря, что въ Россіи три раза погребаютъ въ годъ. Надобно узнать, кто упоминаетъ о Платонѣ въ исторіи о походахъ 1812. Протопопъ обѣщалъ справиться и дать знать. Послѣ экзамена завтракъ. Безъ меня былъ Шаликовъ, чтобы звать въ Люблино.

31. Поутру былъ Матвѣевъ, студ. Ростовцовъ, которому я отдалъ тетрадь о Логикѣ, и учит. гимн. Кудрявцовъ за своей исторіею, которую я обѣщалъ ему доставить въ Четвергъ съ отмѣтками своими.

Послѣ обѣдни, слушанн. на Тр. подв., я отправился въ Симон. монастырь къ архим. Герасиму отдать ему его письмо къ Фотію; онъ былъ мнѣ радъ, разсказывалъ о причинахъ ссоры и примиреніи Платона съ Гавріиломъ. Свидѣвшись въ 1797 году съ Платономъ, въ послѣдній разъ въ Спб. бывшимъ, Гавріилъ сказалъ ему: «Преосв.! Вы, можетъ быть, сердитесь на меня, мѣряя здѣшнія дѣла на Московскій аршинъ; мы должны были глядѣть на два угла» (т. е. угождать Императрицѣ и Великому Князю). Платонъ въ знакъ примиренія поклонился въ ноги, и Гавріилъ также со слезами. Одинъ былъ властолюбивъ и пылокъ, а другой—хитеръ и хладнокровенъ. Это разсказывалъ ему свидѣтель Петерб. архим. Іоанникій, коего арх. Герасимъ заставлялъ нѣсколько разъ при всѣхъ это повторять. Онъ сказывалъ также, что Августинъ въ 1812 г. писалъ къ Растопчину: «Я почитаю для себя преступленіемъ безъ позволенія начальства и ѣхать изъ Москвы и оставаться». Изъ Сим. мон., гдѣ былъ на могилѣ Николая Лук. Боб. и бросилъ на нее цвѣтовъ, поѣхалъ къ Татар. въ Тюфел. рощу.

Іюнь. 1. Посидѣвъ поговоривъ и закусивъ съ П. М. Дружининымъ, далъ урокъ у кн. Черкасской и въ Унив. Пансіонѣ.

2. Послѣ лекцій поѣхалъ къ Татар. на имянины въ Тюфелеву рощу; тамъ обѣдалъ и сидѣлъ до вечера. Съ Титовымъ разговаривалъ о библ. Общества. Алекс. Иван. шутя со мною бранился и ревновалъ къ женѣ своей. Жаль добраго старика, что онъ себя не бережетъ. Ввечеру я тихонько уѣхалъ; гроза начиналась, однако меня не захватила.

3. Послѣ лекцій въ В. Д. обѣдалъ у Дурасова; отъ нихъ зашелъ въ Кремль помолиться.

4. Въ Унив. классѣ для экзамена былъ у меня въ классѣ проф. Чумаковъ и челов. 10 успѣлъ спросить, отложивъ остальныхъ до слѣдующаго раза.

5. Послѣ лекцій В. Д. съ Чернявск., Перевощ. и панс. свящ. обѣдалъ у Давыдова, который праздновалъ свое рожденіе и имянины своего воспитанника Аполл. Болтина.

Тутъ обрывается Дневникъ И. М. Снѣгирева за 1825-й годъ. Въ нашемъ распоряженіи нѣтъ его и за слѣдующіе годы до 1833-го включительно. П. Б.

КАФТАНЪ ІОАННА ГРОЗНАГО.

Въ одну изъ поѣздокъ въ Троицкую Сергіеву Лавру царь Іоаннъ Грозный забылъ свой кафтанъ въ покояхъ, которые онъ тамъ занималъ. Монахи помѣстили его въ ризницу и съ этого времени показываютъ этотъ кафтанъ всѣмъ осматривающимъ ризницу (два раза въ день, между ранней и поздней обѣдней и послѣ вечерни).

Подлинность кафтана царя Грознаго не подлежитъ никакому сомнѣнію: такъ непосредственно идетъ преданіе о немъ отъ братіи къ братіи.

Кафтанъ изъ шелковой желтой матеріи съ такою же, только нѣсколько болѣе темною, подкладкою, теплый. Спереди онъ не на пуговицахъ, а завязывается золотыми шнурами.

Въ историческомъ отношеніи кафтанъ этотъ можетъ имѣть значеніе для опредѣленія роста и сложенія царя Грознаго.

11 Іюня сего 1902 года, благодаря любезности завѣдующей ризницею братіи, я имѣлъ возможность сдѣлать измѣреніе этого кафтана, при чемъ оказалось. Длина всего кафтана, сзади, начиная отъ вершины до конца подола=133 сантиметра. Длина рукава сверху, начиная отъ того мѣста, гдѣ онъ вшитъ, до конца=77 сантиметровъ. Длина между лопатокъ, начиная сзади отъ одного рукава, гдѣ онъ вшитъ, до другого = 59 сантиметровъ; спереди, начиная отъ того мѣста, гдѣ измѣрялась грудь сзади, 56 сантиметровъ. Ширина подола 144 сантиметра.

Такимъ образомъ Іоаннъ Грозный скорѣе былъ средняго роста, чѣмъ высокаго. Грудь представлялась у него меньше развитою; такъ борты кафтана далеко заходятъ одинъ на другой на шнуркахъ. Таліи въ этомъ кафтанѣ нѣтъ, но онъ сверху уже, а книзу расширяется.

Д. М. Глаголевъ.

Родъ великаго господина святѣйшаго Ермогена патріарха Московскаго и всея Русіи.

Въ вопросѣ о происхожденіи патріарха Ермогена можетъ имѣть значеніе синодикъ его рода. Отыскивая такой синодикъ, я обратился въ библіотеку Троицкой Сергіевской Лавры, и здѣсь, благодаря крайне любезному и просвѣщенному содѣйствію библіотекаря этой лавры, отца Ипполита, удалось найти синодикъ подъ № 814, гдѣ на стр. 78 значится:

„Родъ великаго господина святѣйшаго Ермогена патріарха Московскаго и всея Русіи. Павла. Ксеніи. Димитрія. Иноки Евгеніи. Инока Сергія. Елены. Инока Іова. Иноки Анисіи. Инока Мисаила. Священно-іерея Θеодора. Василія. Симеона. Василія. Никиты. Анны младенца. Антониды младенца. Евдокіи младенца. Мавры младенца. Матвѣя младенца. Симеона. Ксеніи. Михаила“.

Синодикъ подъ № 814 отличается отъ другихъ, разсмотрѣнныхъ нами синодиковъ, именно тѣмъ, что въ немъ изложеніе поминаемыхъ идетъ по родамъ, тогда какъ въ другихъ имена идутъ по званіямъ, напр. великихъ князей, митрополитовъ, патріарховъ.

Представленный въ синодикѣ подъ № 814 родъ патріарха Ермогена можетъ быть подтвержденіемъ мнѣнію проф. С. Θ. Платонова о происхожденіи патріарха изъ незнатнаго рода, но не даетъ права заключать, что патріархъ Ермогенъ былъ изъ податного сословія. Скорѣе онъ былъ изъ духовнаго званія: священноіерей Θеодоръ прямо значится въ его родѣ. Кромѣ того въ его роду значится пять лицъ иноческаго званія. Изъ этого перечня рода патріарха нельзя заключить, кто были родители его, какъ ихъ имя, и кто доводились упоминаемые въ синодикѣ младенцы патріарху; но несомнѣнно, что родители патріарха были изъ числа лицъ, упоминаемыхъ въ синодикѣ.

Д. М. Глаголевъ.

Синодикъ № 814, стр. 78.

Родъ великаго г҃дна ст҃ѣйшаго Ермогена патріарха Московскаго и всея Русіи. Павла. Ксеніи. Димитріа. иноки Евгеніи. инока Сергіа. Елены. инока Іова.. иноки Анисіи. инока Мисаила. сщенно-іерея Θеодора. Василіа. Симеона. Василіа. Никиты. Анны мл҃ца. Антониды мл҃нца. Евдокіи мл҃ца. Мавры мл҃нца. Матвѣа мл҃ца. Симеона. Ксеніи. Михаила.

ОПИСЬ СТОЛБЦОВЪ МАКАРЬЕВА МОНАСТЫРЯ

(Нижегородской епархіи).

Въ Церковномъ Древнехранилищѣ при Нижегородской Духовной Семинаріи хранится „Опись столбцовъ Макарьева монастыря, что̀ въ Нижегородской епархіи“ съ краткимъ изложеніемъ ихъ содержанія. Столбцы обнимаютъ періодъ времени съ 1614 по 1737 г. Нѣкоторыя изъ записей, при всей своей краткости, содержатъ въ себѣ историческія данныя для сужденія какъ объ эпохѣ, предшествовавшей реформамъ Петра I-го, такъ и о преобразовательномъ времени. Самые столбцы въ Макарьевѣ монастырѣ не хранятся: какъ значится на заглавномъ листѣ описи, они „по предписанію его преосвященства, Іакова епископа Нижегородскаго, отосланы ему въ 1847 г.“ Дальнѣйшая судьба ихъ малоизвѣстна.

Подъ 1655 годомъ значится

Росписка въ полученіи сухарей, крупъ, масла коровьяго для отправленія къ Смоленску. Росписка въ полученіи въ Смоленскѣ въ государевы житницы хлѣба и сухарей съ Макарьева монастыря. (Такихъ росписокъ, свидѣтельствующихъ о жертвахъ, къ которымъ было привлечено населеніе по случаю военнаго тяжелаго времени, въ „Описи“ значится нѣсколько. Изъ нихъ видно, что въ Смоленскую губернію отправляли для войска даже уксусъ и прочія хозяйственныя мелочи).

1666 г. Списокъ съ царской грамоты о томъ, чтобы Лысковцы сломали кабаки на Волжскомъ перевозѣ, построенные близь монастырской часовни и что Лысково состояло за бояриномъ Морозовымъ.

1668 г. Запись Григорія Мостинина, по которой онъ отдалъ въ монастырь, при архимандритѣ Пахоміи, крестьянскую вдову Дарью и съ сыномъ; тутъ же подклеенъ и указъ, которымъ подтверждается такая уступка.

1669 г. Запись, въ которой показано, что архимандриту Макарьева монастыря дозволено въ 1669 году служить съ рипидами царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ.

Челобитье царю крестьянъ Макарьева монастыря о томъ, чтобы онъ приказалъ отпустить ихъ изъ Москвы домой, куда они взяты для провоза изъ Макарьева монастыря государевыхъ хлѣбныхъ стругов.

Запись, по которой Шиповъ уступилъ архимандриту Макарьева монастыря Павлу съ братіею дѣвку Пашку и крестьянина Кондрашку.

1678 г. Росписка въ полученіи ружей, карабиновъ, винтовокъ и другихъ орудій.

1681 г. Списокъ съ царской грамоты о томъ, чтобы никакихъ питейныхъ домовъ, харчевень, ни амбаровъ на монастырскомъ Волжскомъ берегу не было, а были бы только часовня, да монастырскія избы.

(Эта царская грамота повторяется въ „Описи" тоже нѣсколько разъ).

1682 г. Росписка въ полученіи въ казну ямскихъ и полоняничныхъ денегъ.

Прошеніе Антропки Данилова архіерею, что шурья его хотѣли бѣжать изъ монастырской вотчины отъ того, что посельскій старецъ Тихонъ у нихъ женъ отбиваетъ.

1683 г. Запись, по которой Краюшкинъ продалъ Макарьеву монастырю крѣпостныхъ своихъ Татаръ.

1685 г. Запись, въ которой значится, что на ярмаркѣ собрано пошлинныхъ денегъ 10,673 рубля.

1686 г. Указъ митрополита Павла архимандриту Сергію, чтобы онъ смирялъ братію Макарьева монастыря, такъ она во многомъ ослушается его и чинитъ мятежъ.

Дѣло объ имѣніи Никиты Минина.

Письмо митрополиту Филарету отъ Мироносицкаго попа Евфимія, въ которомъ онъ проситъ разрѣшенія продать золотыя.

Указъ митрополита Филарета Мироносицкому попу Евфимію о томъ, чтобы допустить къ служенію архимандрита и игумена Имеретинскаго царя Арчила.

1687 г. Запись, по которой Коряга обязался разобрать въ Нижнемъ монастырское строеніе и доставить оное водою въ Макарьевъ монастырь.

1686 г. Указъ великихъ государей о томъ, чтобы брать пошлины за перевозъ со всѣхъ людей безъ исключенія.

Списокъ съ указа о томъ, чтобы всѣ подавали записи о бѣглыхъ людяхъ, а гдѣ таковые найдутся, то приводили бы ихъ въ съѣзжую избу.

1690 г. Донесеніе царямъ архимандрита съ братією, что на Макарьевской ярмаркѣ плохого серебра не объявилось.

1693 г. Расходъ денегъ на поѣздку въ Алатырь, къ сыщику Ивану Семенову Чаадаеву.

1694 г. Росписка въ полученіи 50-ти золотыхъ отъ архіепископа Сибирскаго и Тобольскаго Симеона для соборнаго колокола въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ поминокъ прежняго митрополита, схимонаха Ѳеодосія.

Челобитье архимандриту Сергію гостя Лузина о томъ, что гость Ушаковъ по записи не отдалъ ему на ярмаркѣ 5000 пудовъ соли.

1696 г. Челобитная архимандрита Филарета царю на Никифора Степанова въ томъ, что онъ хотя и уступилъ монастырю крестьянъ своихъ, но владѣютъ ими его родственники, а подати требуются съ монастыря.

1697 г. Слѣдственное дѣло о дѣвкѣ Антонидкѣ, привезенной изъ Москвы въ Макарьевскій монастырь къ ссыльному епископу Арсенію.

Списокъ съ царской грамоты о томъ, чтобы таможенную пошлину на ярмаркѣ сбирать въ пользу монастыря.

Челобитная казначея Евфимія, въ которой показываетъ онъ, что стольникъ Соловцовъ, поѣхавшій въ Москву, оставилъ кабалу и отпускныя, но въ Москвѣ померъ, оставивъ письмо къ нему казначею, въ которомъ проситъ отдать кабалу и отпускныя по принадлежности, но что онъ не знаетъ, дѣйствительно ли письмо послано Соловцовымъ, а потому безъ разрѣшенія властей раздать документовъ не смѣетъ.

1698 г. Списки съ указовъ компаніи Иларіона, митрополита Псковскаго о томъ, чтобы готовили матеріалы для кораблей.

Письмо архимандрита Сергія къ митрополиту, въ которомъ проситъ наставленія въ томъ, что̀ дѣлать ему и что келарь Серапіонъ просится въ Нижній и сказываетъ за собою государево дѣло.

Челобитная архимандрита Сергія на Ивана Никитина Грекова, будто онъ, не показывая никакого царскаго указа, назвался государевымъ конюхомъ и дѣлалъ великое насильство въ конской продажѣ, не приказывая никому продавать лошадей кромѣ него.

1700 г. Челобитная царю братіи Макарьева монастыря о томъ, чтобы сбирать пошлины на Макарьевской ярмаркѣ на монастырь, согласно прежнимъ царскимъ грамотамъ.

1701 г. Перечень пушекъ, бочекъ пороху, мушкетантовъ и другихъ орудій.

Черновое донесеніе митрополиту Исаіи о томъ, что работникъ Ѳедька въ монастырѣ принятъ и письмо архимандриту Герману съ Московскаго подворья, въ которомъ пишутъ, что изъ монастыря хотятъ взять денегъ 2000 рублей и стряпчій съ Москвы уже за ними отправленъ.

Челобитная архимандрита Германа съ братіею царю на разбой Лысковскихъ крестьянъ вотчины Имеретинскаго царя Арчила Вахтангеевича.

Показаніе іеродіакона Печерскаго монастыря Александра стольнику Вельяминову о томъ, откуда взята церковная утварь въ Печерскомъ монастырѣ, которой не значится въ описи, и куда дѣвалась утварь, показанная въ описи, гдѣ между прочимъ показано, что три колокола сняты и высланы въ Москву для пушекъ.

Запись, по которой значится, что̀ взялъ разбоемъ въ Подлѣсовской заставѣ приказный человѣкъ царя Арчила Вахтангеевича и сына его царевича Александра Арчиловича Имеретинскихъ съ Лысковскими крестьянами.

Запись, въ которой значится, что дворцовое село Лысково въ 1700 году дано Имеретинскому царю Арчилу Вахтенгеевичу и сыну его вмѣсто корму и питья, но Великовскаго и Отрепьевскаго ухожья къ тому селу не дано, а потому и дѣло объ этомъ еще производится, въ которомъ означено, когда былъ споръ у Лысковцевъ за тѣ ухожья.

Жалоба царю, что Лысковскіе крестьяне рубятъ монастырскій лѣсъ и бьютъ монастырскихъ старцевъ, которые не дозволяютъ рубить имъ лѣсъ.

1702 г. Наказъ о томъ, чтобы взять изъ Макарьева монастыря хорошихъ лошадей подъ драгуновъ и списокъ тѣмъ лошадямъ.

Указъ митрополита Исаіи архимандриту Аврамію съ препровожденіемъ крестьянина Дементія въ монастырь для постриженія за то, что онъ оговоренъ въ убійствѣ и приговоренъ къ смертной казни, а по постриженіи держать его въ желѣзцахъ, заставлять трудиться и приводить всегда въ церковь.

Указъ архимандриту Аврамію о томъ, что за подводы, недоставленныя въ 1701 году для Свейскаго дѣла, взыскать съ монастыря по 2 рубля пени за каждую подводу и сверхъ того выслать въ Москву по двѣ подводы за каждую подводу недоставленную.

1702 г. Письмо келаря Петровскаго монастыря къ келарю Антонію, въ которомъ онъ спрашиваетъ, не отмежевалъ ли Плещеевъ Макарьеву монастырю лишней земли.

Списокъ съ царской грамоты, которою стольнику Борятинскому поручается завѣдывать всѣми вотчинами въ Нижегородской епархіи, и списокъ съ памяти отъ Барятинскаго Печерскому служкѣ, чтобы объявилъ онъ о сей грамотѣ во всѣхъ вотчинахъ.

Наказъ о розыскѣ: дѣйствительно ли раскольники поселились въ вотчинныхъ угодьяхъ Макарьева монастыря и дѣйствительно ли владѣли монастырьскими угодьями.

Челобитная царю о томъ, что крестьяне Головина отбиваютъ у монастыря Волжскій перевозъ, перевозя на Макарьевскую ярмарку пассажировъ въ своихъ „завозняхъ".

Письмо архимандриту Аврамію отъ стряпчаго Волкова, въ которомъ извѣщаетъ онъ, что нужно денегъ въ компанскія пять пушекъ съ вотчинъ Макарьевскаго монастыря.

1703 г. Росписка въ томъ, что подводы съ вотчинъ Макарьевскаго монастыря до великаго Новгорода были подъ артиллеріею.

1704 г. Наказъ, чтобы сборы на Макарьевской ярмаркѣ дѣлать въ казну, а не въ монастырь, и прошеніе братіи Макарьева монастыря, чтобы сборы на ярмаркѣ оставить за монастыремъ, иначе монастырь лишится большихъ выгодъ: ибо ему изъ казны было выдаваемо 2000 рублей, а нынѣ предоставляется распоряжаться всѣмъ этимъ губернатору Семеновской канцеляріи Александру Даниловичу Меньшикову.

1706 г. Росписка въ полученіи войлоковъ и денегъ драгунамъ.

Росписки въ полученіи хлѣбныхъ запасовъ для отпуска въ Азовъ и житничныхъ денегъ.

Запись, по которой подводчики Макарьева монастыря, бывшіе подъ пушками, свинцомъ, порохомъ и ядрами, отпущены изъ Козьмодемьянска въ свои домы.

1707 г. Росписка въ полученіи въ казну 200 рублей драгунамъ.

1708 г. Челобитная крестьянина Григорія Ермолаева о томъ, чтобы доправить ему потраченныя имъ деньги за недоставку къ Смоленску трехъ казенныхъ лошадей.

Челобитная архимандрита съ братіею царю на Михаила Мошкова, будто онъ, взявши насильно монастырскихъ крестьянъ въ Юрьевъ и моривши тамъ ихъ голодомъ, взялъ съ нихъ запись, что они жили не въ Нижегородскомъ уѣздѣ, а въ Юрьевскомъ, и такимъ образомъ хотѣлъ тѣхъ крестьянъ отбить отъ монастыря безъ слѣдствія.

Дѣло о томъ, что Шевскіе крестьяне не доставили подводъ въ Смоленскъ, хотя и подрядялись доставить и деньги взяли.

Росписка въ полученіи въ казну овса на кормъ воинскихъ лошадей, по случаю Башкирскаго смятенія.

Письмо отъ старца села Ратова Антонія, въ которомъ извѣщаетъ онъ, что въ церквахъ Вознесенской пустыни все описано; пишетъ также, что съ монастырской вотчины требуются люди для посылки на работы въ Петербургѣ.

1709 г. Показаніе казначея, что за монастыремъ слугъ и подъячихъ нынѣ нѣтъ, а которые были, тѣ отданы въ солдаты.

1714 г. Челобитная царю на то, что игуменъ Пименъ построилъ на монастырской землѣ два монастыря и поставилъ многія деревни.

Слѣдственное дѣло, по донесенію выборнаго Шемяки, о томъ, что будто бы Матвѣй Скобелинъ дѣлаетъ самъ мѣдныя деньги.

1716 г. Росписка въ полученіи денегъ на кормъ Петербургскимъ работникамъ. Росписка въ томъ, что рабочіе для Петербурга присланы и съ рабочими припасами.

1718 г. Росписка въ полученіи въ казну 114 руб. 12 алт. и 4 денегъ за троихъ Петербургскихъ работниковъ.

1719 г. Списокъ съ царскаго указа о томъ, чтобы въ заповѣдныхъ лѣсахъ не рубить деревъ, годныхъ для корабельнаго строенія, а кто сдѣлаетъ порубку, тому рвать ноздри.

1737 г. Запись, въ которой значится, что Черемисинъ Кирсанъ Исановъ приходилъ молиться въ монастырь и сказалъ, что въ сновидѣніи велѣно ему креститься въ Макарьевомъ монастырѣ и крещенія онъ желаетъ.

Содержаніе бумагъ, въ которыхъ не означено года.

Черновое донесеніе архимандрита епископу Питириму о посѣщеніи Макарьева монастыря государемъ императоромъ Петромъ I-мъ.

Опись церковнаго имущества, въ которой значится, что три колокола посланы въ Москву въ 1701 году.

Письмо архимандрита Сергія царю о томъ, чтобы Греческаго епископа Арсенія, бывшаго подъ началомъ въ Новоспасскомъ монастырѣ и присланнаго подъ началъ же въ Макарьевъ монастырь, перевесть въ другой монастырь; потому что во время ярмарки, за многолюдствомъ, бывающимъ въ монастырѣ, смотрѣть за епископомъ некогда.

Челобитье архимандрита Сергія царю о томъ, что Лысковцы, въ противность царскимъ указамъ, строютъ на Волжскомъ берегу кабаки, харчевни, амбары и другія строенія.

Показаніе ризничаго Иларіона о томъ, какихъ признаковъ былъ Аврамій, первый игуменъ Макарьева монастыря.

Письмо архимандрита изъ Нижняго въ Макарьевъ монастырь казначею, въ которомъ между прочимъ приказывается выслать 2 пуда меду хорошаго, вмѣсто худого, присланнаго ему для подноса въ почесть; пишетъ также и о томъ, чтобы онъ никуда не отпускалъ старцевъ безъ вида, а бѣглыхъ крестьянъ и солдатъ изъ монастырской вотчины выслалъ бы всѣхъ вонъ.

Челобитная села Петровскаго попа Симеону архіепископу Сибирскому и Тобольскому о томъ, чтобы онъ пожертвовалъ сколько нибудь въ погорѣвшую въ томъ селѣ церковь.

Челобитная архимандрита Сергія патріарху Адріану о томъ, чтобы далъ онъ грамоту на Великовскіе луга и ухожи, которыми владѣетъ монастырь съ 1629 года и чтобы не велѣлъ вступаться въ сіи луга властямъ Благовѣщенскаго монастыря.

Запись, въ которой означено, сколько сбирается денежнаго побору въ годъ съ монастырскихъ вотчинъ, именно 913 рублей 10 алтынъ и 3 деньги.

Письма къ разнымъ лицамъ отъ Арсенія, епископа Пелопонскаго острова, Андрусскія епархіи, бывшаго подъ началомъ въ Новоспасскомъ монастырѣ. Во всѣхъ письмахъ проситъ онъ себѣ вспоможенія, многимъ посылаетъ части Животворящаго Древа и жалуется, что его оклеветали Іерусалимскій архимандритъ Хрисанѳъ и Іерусалимскій патріархъ. На многихъ письмахъ Греческая подпись: Арсеніосъ, епископосъ Андрусисъ; а на иныхъ прибавляется еще: „проскинѫ“.

Запись, сколько на Макарьевской ярмаркѣ сбиралось конскаго сбору; въ ней значится сбору сего 1204 рубля 16 алтынъ.

Запись, по которой значится, что Симеонъ, архіепископъ Сибирскій сдѣлалъ вкладу въ монастырь на 128 рублей, Пушниковы на 223 рубля, Ѳеодосій же схимонахъ, бывшій митрополитъ Филаретъ, сдѣлалъ вкладу на 450 рублей.

*

Рукопись, изъ которой приведены выписки, писана четко и составлена, какъ видно изъ полистовой подписи, при Печерскомъ архимандритѣ Варлаамѣ.

Ѳ. Кудринскій.

ДВѢ ЗАПИСКИ (ГРАФА) М. Н. МУРАВЬЕВА

I.

Объ учрежденіи приличнаго гражданскаго управленія въ губерніяхъ отъ Польши возвращенныхъ и уничтоженіи началъ, наиболѣе служившихъ къ отчужденію оныхъ отъ Россіи.

Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ управленія Могилевскою губерніею, вникая въ духъ и характеръ ея обывателей, я старался, по непрестаннымъ сношеніямъ оныхъ съ Литовскими губерніями, познать прочія отъ Польши возвращенныя области, вліяніе коихъ и на самую Бѣлоруссію столько еще значительно, что мятежныя въ оныхъ происшедшія событія произвели даже въ Бѣлоруссіи нѣкоторое колебаніе въ мнѣніяхъ.

Благодѣтельною волею всемилостивѣйшаго Государя главныя начала сего политическаго отчужденія Бѣлоруссіи уже пресѣчены, и нужны лишь окончательныя распоряженія Правительствующаго Сената для совершеннаго и точнаго исполненія оной.

Случаю угодно было, чтобы я былъ въ продолженіе болѣе трехъ мѣсяцевъ употребленъ по волѣ бывшаго главнокомандующаго резервною арміею къ содѣйствію въ прекращеніи мятежей въ Минской и Литовскихъ губерніяхъ и водворенію гражданскаго управленія въ Самогитіи; а потому, исполняя возложенную на меня обязанность, я старался со вниманіемъ слѣдовать за всѣми связями тайныхъ крамолъ мятежниковъ и сколько возможно вникать въ характеръ обывателей и истинныя причины, произведшія толикія бѣдствія.

Опытъ достаточно доказалъ, что совершенно необходимо безъ замедленія стараться общими правительственными распоряженіями уничтожить тѣ начала, которыя наиболѣе способствовали къ развитію мятежа, смирить умы мѣрами предусмотрительнаго и дѣятельнаго управленія и, пользуясь нынѣшнимъ утомленіемъ мнѣній, измѣнить весь составъ и порядокъ внутренняго управленія сими губерніями, основавъ оный на началахъ прочныхъ и соотвѣтственныхъ обстоятельствамъ, посредствомъ энергическихъ дѣйствій котораго могли бы всегда быть остановлены при самомъ началѣ всякія предпріятія и тайныя крамолы къ нарушенію тишины. Но какъ самый составъ общаго

таковаго управленія для удобства дѣйствій долженъ наиболѣе быть сосредоточенъ, то я полагалъ бы необходимымъ:

О намѣстникѣ.

1. Подчинить каждыя двѣ изъ сихъ губерній временно намѣстнику, который былъ бы снабженъ особыми инструкціями въ руководство тѣхъ преобразованій, которыя должны быть сдѣланы; ибо въ сихъ областяхъ наиболѣе нужны сосредоточенная власть и предусмотрительныя гражданскія политическія распоряженія, истекающія отъ высочайшей воли.

2. Дѣйствія намѣстника въ отношеніи совершеннаго усмиренія и преобразованія края не должны быть подвергнуты общему раздробительному распоряженію высшаго начальства, кромѣ обыкновенной текущей переписки, а зависѣть прямо отъ благодѣтельной воли Его Императорскаго Величества, и по мѣрѣ надобности отъ высочайшаго соизволенія даются намѣстнику особыя наставленія и права.

3. Не смѣя входить въ подробности сего предположенія, полагалъ бы однакожъ, что для единообразнаго сосредоточенія всѣхъ распоряженій касательно предстоящихъ коренныхъ преобразованій въ сихъ областяхъ, было бы полезно учредить особый комитетъ, котораго меморіи исполнялись бы съ высочайшаго утвержденія, кромѣ случаевъ не выходящихъ изъ обыкновеннаго порядка дѣлъ.

4. Всѣ раздробленныя части управленія въ губерніяхъ должны, на основаніи Учрежденія о губерніяхъ, хотя временно совокуплены быть въ лицѣ намѣстника области и получать отъ него приличныя направленія, соотвѣтственно высочайше данной ему власти и инструкцій, кромѣ финансоваго управленія, получившаго уже вездѣ прочное и единообразное основаніе.

О гражданскомъ губернаторѣ.

5. Гражданскіе губернаторы, опредѣленные въ сіи губерніи, должны быть коренные Русскіе и не имѣть родственныхъ связей въ тѣхъ губерніяхъ. Нравственныя качества, усердіе къ благу службы, дѣятельность, способность и знаніе края должны служить руководствомъ къ назначенію оныхъ.

6. Дѣйствія гражданскихъ губернаторовъ должны быть подчинены лишь наблюденію намѣстника и права ихъ болѣе или менѣе распространены по мѣрѣ особой высочайшей воли; ибо благо службы въ таковыхъ важныхъ случаяхъ требуетъ умноженія власти и правъ по мѣрѣ встрѣчающихся мѣстныхъ политическихъ надобностей, которыя не всегда удобно впередъ опредѣлены быть могутъ.

О прочихъ губернскихъ чиновникахъ.

7. Всѣ губернскіе чиновники должны быть преимущественно замѣщены изъ коренныхъ Русскихъ, извѣстныхъ своими нравственными свойствами, знаніемъ дѣла и совершенно обезпечены приличнымъ содержаніемъ.

8. Предоставя выгоду въ чинахъ и содержаніи и сдѣлавъ вызовъ благонамѣренныхъ лицъ изъ Россіи, никакого нѣтъ сомнѣнія, что съ пособіемъ намѣстника области и благонамѣреннаго губернатора чиновники изъ самыхъ лучшихъ фамилій, для блага отечества, примутъ на себя сіи обязанности.

9. Гражданскія палаты однѣ, по мнѣнію моему, могутъ сохранить своихъ предсѣдателей изъ туземцевъ, но съ тѣмъ, чтобы совѣтникъ и половинное число засѣдателей были бы назначены отъ короны. Уголовныя же палаты должны быть безъ исключенія составлены изъ Русскихъ самоблагонамѣренныхъ чиновниковъ, ибо отъ справедливаго дѣйствія уголовной палаты много зависитъ порядокъ въ губерніи.

10. Какъ таковыми распоряженіями насчетъ чиновниковъ отъемлется на нѣкоторое время возможность туземцамъ занимать въ губерніяхъ своихъ коронныя мѣста, то и полезно было бы доставить имъ возможность служенія внутри Россіи, послѣ котораго, если нѣкоторые изъ нихъ окажутся достойными довѣрія начальства, то могутъ получить мѣста въ своей губерніи; но таковую мѣру, по мнѣнію моему, публиковать не должно. Предусмотрительность намѣстника можетъ весьма легко косвеннымъ образомъ многихъ на сіе склонить, и сіе даже необходимо относительно людей нѣсколько опасныхъ.

О почтовыхъ чиновникахъ.

11. Почтовыя конторы и прочіе чиновники почтоваго вѣдомства должны также зависѣть отъ намѣстника области и немедленно замѣщены быть коренными Русскими. Опытъ доказалъ, сколько даже мелочные почтовые чиновники, опредѣленные изъ туземцевъ, были вредны, ибо они съ удобствомъ со всѣхъ станцій болѣе или менѣе распространяли въ краю мятежныя извѣстія.

О образованіи полицій въ городахъ и уѣздахъ.

12. Полиціи въ городахъ и уѣздахъ должны быть также основаны совершенно на иныхъ началахъ. Въ народѣ, въ коемъ обыватели болѣе или менѣе раздѣляютъ преступныя намѣренія, необходимо сколько возможно раздробить и усилить вліяніе, наблюденіе и отвѣтственность полицій, избравъ для сего людей достойныхъ довѣрія правительства, и наконецъ-возложивъ на самыхъ значительнѣйшихъ владѣльцевъ и даже ксендзовъ-плебановъ *), имѣющихъ наиболѣе вліяніе въ приходахъ своихъ, непосредственную строжайшую отвѣтственность за малѣйшее допущеніе въ оныхъ какихъ-либо безпорядковъ, злонамѣренныхъ скопищъ и крамолъ. Опытъ доказалъ, что однимъ симъ способомъ полицейскаго нарафіальнаго раздѣленія и управленія уѣзда, имѣющаго удобство раздробительности и строгой отвѣтственности, можетъ прочнымъ образомъ обезпечиться спокойствіе края.

---

*) Хотя въ общихъ политическихъ распоряженіяхъ необходимо уменьшить вліяніе ксендзовъ, но до того времени, не возлагая на нихъ служебныхъ обязанностей, должно воспользоваться ихъ вліяніемъ въ приходахъ, и заставить отвѣчать за допущеніе противозаконныхъ скопищъ; ибо безъ участія ихъ ничего въ приходахъ обывателями не предпринимается.

13. Главное полицейское управленіе въ уѣздахъ должно быть поручено предсѣдательству исправниковъ, назначенныхъ изъ самоблагонадежныхъ коренныхъ Русскихъ чиновниковъ, совершенно обезпеченныхъ въ своемъ существованіи; прочіе члены земскаго суда должны быть также изъ Русскихъ, и число ихъ умножено соображаясь съ населеніемъ и обширностію уѣзда.

14. Для избѣжанія самоуправныхъ дѣйствій въ политическомъ наблюденіи за уѣздомъ, необходимо возложить на обязанность особаго дворянскаго чиновника, или самого предводителя, дѣлать обще съ земскимъ исправникомъ распоряженія насчетъ спокойствія и тишины въ уѣздахъ. Всѣ общія обыкновенныя распоряженія земскаго суда должны идти на извѣстномъ основаніи Учрежденія о губерніяхъ.

15. Подробности сего парафіальнаго управленія, основаннаго на взаимной отвѣтственности главнѣйшихъ лицъ въ уѣздахъ и опредѣленіи правъ и обязанности инструкціями, требуютъ особаго изложенія, которое можетъ быть сдѣлано, ежели благоугодно будетъ правительству принять сію систему парафіальнаго полицейскаго управленія. Удобство сего управленія, временно введеннаго мною съ разрѣшенія г. главнокомандовавшаго въ Самогитіи, достаточно уже на опытѣ доказано.

16. Таковымъ образомъ устроенныя полицейскія управленія, непосредственно зависящія отъ благоразумной распорядительности намѣстника области и начальника губерніи, безъ всякаго сомнѣнія, произведутъ значительную пользу и пресѣкутъ зло при самомъ началѣ, ежели въ составъ оныхъ будутъ входить лица, соотвѣтствующія благонамѣренной цѣли учрежденія, и при томъ судъ и расправа за нарушеніе вѣрноподданнической присяги, до нѣкотораго времени, будутъ производиться по силѣ военныхъ законовъ, въ таковыхъ случаяхъ совершенно необходимыхъ; ибо всякій бунтъ есть моральное зло и болѣзнь, которую при самомъ началѣ должно пресѣкать и предупреждать мѣрами сильными.

17. Городскія правленія должны также быть составлены изъ коренныхъ Русскихъ, измѣнивъ совершенно составъ полицейскихъ командъ и внутренней стражи, которыя доселѣ, бывши наполнены туземцами, были въ уѣздахъ первымъ основаніемъ успѣха мятежниковъ.

18. Утвержденіе чиновниковъ назначаемыхъ отъ выбора дворянства, не исключая даже и губернскаго предводителя, должно, не ограничиваясь двумя кандидатами, зависѣть отъ намѣстника, и онъ долженъ въ семъ случаѣ сообразоваться съ нравственнымъ и политическимъ расположеніемъ умовъ и въ особенности самихъ избранныхъ лицъ.

О судебныхъ присутственныхъ мѣстахъ въ уѣздахъ.

19. Судебныя присутственныя мѣста въ уѣздахъ должны также, по мнѣнію моему, какъ и гражданскія палаты, частію составлены быть изъ коренныхъ Россійскихъ чиновниковъ, въ магистратахъ же и ратушахъ допу-

щены къ засѣданію и именитые Евреи, усиленіе вліянія коихъ въ семъ краѣ для правительства нашего совершенно еще необходимо.

Вообще о канцеляріяхъ губернскихъ и уѣздныхъ судебныхъ и полицейскихъ мѣстъ.

20. Канцеляріи всѣхъ полицейскихъ правительственныхъ мѣстъ въ губерніяхъ и уѣздахъ должны быть, на первый случай по крайней мѣрѣ, на половину наполняемы Русскими, а въ особенности безъ исключенія должны быть ими заняты всѣ должности секретарей, столоначальниковъ и повытчиковъ, оставивъ лишь нѣсколько производителей изъ туземцевъ для переводовъ Польскихъ документовъ. Канцелярскіе сіи чиновники должны также быть обезпечены въ своемъ содержаніи и легко могутъ быть выписаны изъ Россіи, съ нѣкоторыми предоставленными выгодами на счетъ чиновъ.

О чиновникахъ для особыхъ порученій при намѣстникахъ и начальникахъ губерній.

21. По причинѣ необходимаго бдительнаго присмотра за порядкомъ полицейскаго управленія, должно назначить начальнику губерніи по крайней мѣрѣ четырехъ благонадежныхъ Русскихъ чиновниковъ для особыхъ порученій, а къ намѣстнику по усмотрѣнію его, сколько надобность въ томъ востребуетъ по обширности ввѣренной ему области, обезпечивъ чиновниковъ сихъ какъ при намѣстникѣ, такъ и гражданскомъ губернаторѣ особымъ отличнымъ содержаніемъ и выгодами по службѣ; ибо отъ усердія, благонамѣренности и дѣятельности оныхъ во многомъ будетъ зависѣть успѣхъ новаго устройства и порядка въ губерніи.

О способахъ опредѣленія въ губерніи чиновниковъ.

22. Вообще всѣ чиновники, опредѣляемые въ губернію, какого бы они вѣдомства ни были, должны непосредственно зависѣть отъ намѣстника, который отвѣчаетъ за ввѣренную ему область предъ Государемъ, а потому и не можетъ быть стѣсняемъ въ назначеніи оныхъ, и помимо его никто опредѣленъ быть не долженъ. Награжденіе чиновниковъ должно также непосредственно производиться по его представленіямъ прямо къ Государю Императору; ибо тогда только можетъ быть успѣхъ въ управленіи губерніи, когда власть намѣстника будетъ сосредоточена.

О военной силѣ въ губерніяхъ.

23. Всякая губернія и область, до совершеннаго окончанія коренного преобразованія, должна имѣть опредѣлительное число постоянной военной силы, непосредственно зависящей въ губерніяхъ отъ начальниковъ оныхъ, а вообще въ области отъ намѣстника.

24. Команды сіи должны преимущественно состоять изъ легкой конницы, способной для содѣйствія полицейскому управленію и малаго числа

пѣхоты. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что съ благовременною помощію оныхъ всякое малѣйшее нарушеніе тишины и спокойствія будетъ при самомъ началѣ прекращено, и для сего нужно вдесятеро менѣе войскъ при соотвѣтственномъ гражданскомъ устройствѣ, нежели сколько употреблено было для укрощенія мятежей.

О устройствѣ секретной полиціи при гражданскихъ губернаторахъ и намѣстникахъ.

25. Независимо отъ общихъ мѣръ принимаемыхъ высшимъ правительствомъ для наблюденія за умами обывателей, необходимо, чтобы намѣстникамъ и начальникамъ губерній даны были способы къ таковому же наблюденію за дѣйствіями обывателей, что̀ весьма легко устроить въ губерніяхъ отъ Польши возвращенныхъ, ибо самый характеръ Поляковъ къ сему способствуетъ, и притомъ въ оныхъ есть много населеній: раскольниковъ, Евреевъ, Татаръ, разныхъ иноземцевъ, туземцевъ, Кальвинистовъ, и наконецъ Прусскихъ выходцевъ, которые всегда съ усердіемъ готовы служить нашему правительству, лишь бы мѣстное начальство умѣло употребить оныхъ и, не полагаясь на неосновательныя извѣстія, обращало бы преимущественно вниманіе на открытіе тайныхъ дѣйствій и внушенія лицъ зловредныхъ, предупреждая ихъ мѣрами благоразумными, не раздражая умовъ, до чего весьма легко достигнуть можно съ народомъ Польскимъ.

26. Важный предметъ предполагаемаго мною предварительнаго новаго преобразованія управленія въ губерніяхъ отъ Польши возвращенныхъ, здѣсь лишь вкратцѣ положенъ въ главныхъ своихъ началахъ, которыя должны быть примѣняемы и даже измѣняемы по обстоятельствамъ мѣстнаго моральнаго и политическаго положенія областей.

27. Внимательный опытъ доказалъ необходимость сего преобразованія, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что безъ учрежденія помянутаго выше сего гражданскаго управленія нельзя отвѣчать за спокойствіе края, а еще менѣе приступать къ какимъ-либо кореннымъ политическимъ преобразованіямъ совершенно необходимымъ для уничтоженія всѣхъ элементовъ, произведшихъ толикія бѣдствія и упрочившихъ отчужденіе края сего отъ Россіи.

II.

О политическомъ преобразованіи губерній отъ Польши возвращенныхъ и уничтоженіи тѣхъ началъ, которыя постепенно довели край сей до совершеннаго отчужденія отъ Россіи.

Не касаясь общихъ причинъ, ускорившихъ и приготовившихъ умы къ возстанію противозаконной власти, происходящихъ отъ общихъ правительственныхъ долговременныхъ распоряженій относительно Царства Польскаго, поддержанія духа полонизма во всѣхъ губерніяхъ отъ Польши возвращенныхъ, образованія Польскаго и Литовскаго отдѣльнаго войска и иныхъ важ-

нѣйшихъ причинъ, довольно уже извѣстныхъ правительству, обращусь лишь къ тѣмъ предметамъ, которые по мнѣнію моему собственно должны быть измѣнены въ губерніяхъ отъ Польши возвращенныхъ, не дерзая входить въ обсужденіе общихъ правительственныхъ распоряженій, требующихъ государственнаго соображенія и потому превышающихъ способности и возможности мои.

О необходимости преобразованія всѣхъ судилищъ и производства дѣлъ на основаніи Россійскихъ узаконеній.

1. Литва, какъ и Бѣлоруссія, получила впослѣдствіи времени подтвержденіе правъ своихъ въ отношеніи удержанія въ оной законовъ Польскихъ и Литовскихъ, въ существѣ своемъ служащихъ лишь къ запутанности дѣлъ и отчужденію края сего отъ Россіи.

2. Уничтоженіе Литовскаго Статута, по крайней мѣрѣ въ способахъ процедуры, вовсе несообразныхъ съ существомъ хода дѣлъ во всемъ государствѣ, есть по мнѣнію моему, совершенно необходимо и можетъ быть исполнено, а въ особенности нынѣ (знавши духъ Литовцевъ) безъ особаго затрудненія. Различіе мѣръ осторожности противу Бѣлоруссіи должно состоять только въ томъ, чтобы предварительно привести въ извѣстность весь многочисленный классъ скитающихся въ Литвѣ адвокатовъ, служившій основаніемъ къ распространенію мятежа и потому опасный и вредный. Адвокатовъ сихъ необходимо постепенно благоразумными мѣрами отвлечь къ разнымъ должностямъ внутрь Имперіи, въ мѣста безопасныя, но отнюдь не въ столицы, гдѣ и безъ того служитъ слишкомъ много Поляковъ по разнымъ отраслямъ правительственнаго управленія.

3. Съ удаленіемъ адвокатовъ Литовское дворянство, въ существѣ своемъ мало образованное, а въ Самогитіи отличающееся особою грубостію и тупостію въ понятіяхъ, и наконецъ во всей Польшѣ всегда уступчивое и покорное при мѣрахъ благоразумной рѣшительности, безъ всякаго сомнѣнія безмолвно будетъ покорствовать и равнодушно смотрѣть на всѣ преобразованія, о которыхъ лишь могло говорить и думать, когда были люди способные внушать оному подобныя понятія.

4. Внимательное наблюденіе бывшаго мятежа въ Литвѣ достаточно обнаружило ничтожный характеръ Литовцевъ, и потому можно утвердительно сказать, что, при благоразумномъ и дѣятельномъ управленіи намѣстника, устройствѣ приличнаго полицейскаго внутренняго порядка и предварительномъ отстраненіи главныхъ элементовъ, возродившихъ мятежъ въ Литвѣ, весьма удобно будетъ сдѣлать въ оной всѣ тѣ преобразованія, которыя угодны будутъ правительству, и Литовцы примутъ оныя едва ли даже не съ большею покорностію, нежели въ Бѣлоруссіи, особенно послѣ случившихся событій. Но для сего необходимо:

Объ уничтоженіи Виленскаго университета.

5. Рѣшительно уничтожить гнѣздилище Литовскаго вольнодумства, раскассированіемъ Виленскаго Университета по разнымъ училищамъ во внутрь Имперіи, преобразовавъ постепенно всю учебную часть на основаніи Россійскихъ учебныхъ заведеній и отнявъ у духовенства право заниматься образованіемъ юношества. Все сіе должно предоставить благоразумному распоряженію намѣстника области и дать ему достаточныя средства и власть къ приведенію въ исполненіе сего предпріятія. Преобразованіе внутреннихъ училищъ въ Литовскихъ губерніяхъ, равно и духовныхъ, можетъ быть произведено постепенно, дабы тѣмъ временемъ не затруднить воспитанія юношества и не произвести безнужнаго ропота. Рѣшительное же раскассированіе и уничтоженіе навсегда Виленскаго университета можетъ быть приведено немедленно въ исполненіе; ибо университетъ сей теперь существуетъ лишь по одному имени, и большая часть воспитывавшагося въ ономъ юношества и даже много учителей разошлись и толпами пристали къ бунтовщикамъ.

6. Мѣра сія, по мнѣнію моему, совершенно необходима, но по важности предмета требуетъ благоразумнаго примѣненія и исполненія.

7. Виленскій Университетъ, столь прославляемый въ общемъ мнѣніи Поляковъ, сколько я могъ замѣтить (имѣвши въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ весьма часто случаи видѣть людей въ ономъ образованныхъ) вовсе не есть источникъ должнаго просвѣщенія. Литовское дворянство, какъ бы по нѣкоему предубѣжденію, посылаетъ туда своихъ дѣтей, которыя, проводя дни въ праздности и вольнодумствѣ, не обучаясь ничему основательному, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ праздношатанія, возвращаются домой, получивъ въ ономъ нѣкій наружный блескъ вреднаго полупросвѣщенія и рѣшительное основаніе вольнодумства. Одно сословіе шляхты и разночинцевъ пріобрѣтало при томъ же вольнодумствѣ нѣкоторыя знанія, а въ особенности по части духовной, медицинской и адвокатской, также дѣти экономовъ, коммисаровъ и прочихъ бѣднѣйшихъ сословій пользовались нѣкоторыми выгодами онаго, но съ тѣмъ вмѣстѣ пріобрѣтали еще болѣе духа вольнодумства, безвѣрія и разврата.

Сокращеніе власти Римскаго духовенства.

8. Римское духовенство, пользуясь толикими привиллегіями подъ правленіемъ Россіи, наиболѣе имѣетъ способовъ вредить оной чрезмѣрнымъ вліяніемъ своимъ на умы обывателей, которыхъ оно не престанетъ побуждать къ возстанію противъ правительства, доколѣ не будетъ лишено главныхъ къ сему способовъ богатствомъ своимъ и правомъ воспитывать юношество.

9. Никакія милости и благодѣянія правительства не въ силахъ привязать сословія сего къ Россіи; ибо Римское духовенство чувствуетъ, что отдѣльнымъ Санктпетербургскимъ коллегіальнымъ управленіемъ оно отчуждается отъ власти Папы Римскаго, а потому со временемъ должно лишиться

многихъ духовныхъ правъ, несовмѣстныхъ въ благоустроенномъ самостоятельномъ государствѣ.

10. Духовенство въ коренныхъ понятіяхъ своихъ связываетъ существованіе католицизма съ независимостію Польши, и потому дотолѣ будетъ возбуждать обывателей къ мятежу, пока рѣшительными мѣрами (не касаясь впрочемъ до обрядовъ религіи) не уменьшится вліяніе его лишеніемъ тѣхъ богатствъ, которыя даютъ оному толикое надъ прочими преимущество, и не отымется право вселять въ юныя сердца воспитывающихся отчужденіе отъ всего Русскаго.

11. Мѣры отнятія духовныхъ имѣній и лишеніе права воспитывать юношество суть совершенно необходимы, но должны быть приведены въ исполненіе съ большою осторожностію и въ особенности въ Самогитіи, въ которой духовенство вліяніемъ своимъ пріобрѣло почти неограниченную власть надъ обывателями.

12. По мнѣнію моему, къ сему приступить должно теперь, пока умы еще поражены и утомлены неудачею въ мятежѣ, лишая постепенно сихъ правъ тѣ монастыри и костелы, въ которыхъ по сдѣланному изысканію наиболѣе распространился духовенствомъ духъ мятежа, и какъ въ таковыхъ преступныхъ дѣйствіяхъ едвали хотя одинъ кляшторъ или костелъ не участвовалъ, то, дабы не поразить мнѣній крутою мѣрою, благоразумное мѣстное начальство можетъ обратить силу сего распоряженія на болѣе опасныя и вольнодумныя конгрегаціи, сначала будто бы временно лишивъ богатѣйшіе монастыри и кляшторы недвижимыхъ имѣній, когда же впослѣдствіи времени къ сей мысли пріобыкнутъ, то рѣшительно отнять вообще всѣ духовныя имѣнія.

13. Таковымъ же образомъ можно поступить и относительно воспитанія юношества, замѣнивъ съ тѣмъ вмѣстѣ духовныя училища свѣтскими, на общемъ основаніи.

О разныхъ иныхъ мѣрахъ необходимыхъ для уменьшенія вліянія католическаго духовенства.

14. Кромѣ сихъ главныхъ двухъ предположеній есть еще много иныхъ частныхъ мѣръ, которыя необходимо предпринять намѣстнику къ обезпеченію области отъ вреднаго вліянія Римскаго духовенства, какъ-то: ограниченіе числа онаго въ монастыряхъ и приходахъ, прекращеніе празднощатанія ихъ безъ надлежащихъ видовъ по губерніи, строгое воспрещеніе принимать въ сословіе свое разныя лица безъ вѣдома мѣстнаго начальства, часто весьма подозрительныя и даже изъ Царства Польскаго и проч., проч., которые безпорядки, допущаемые умышленно мѣстнымъ главнымъ католическимъ духовенствомъ, вовсе независящимъ отъ гражданскаго управленія, умножаютъ самовольное вредное онаго вліяніе на умы обывателей.

О уменьшеніи числа шляхты и принятіи мѣръ къ истребленію вреднаго вліянія оной въ краю.

15. Многочисленное сословіе шляхты, издревле буйное и развратное, не взирая на всѣ предоставленныя оному льготы, было, есть и всегда будетъ первымъ орудіемъ и оплотомъ мятежа, ежели не будутъ приняты рѣшительныя мѣры къ коренному преобразованію политическаго и гражданскаго бытія онаго.

16. Сіе сословіе тунеядцевъ, по большей части неосѣдлое и привыкшее къ праздношатанію, по духу и характеру своему всегда буйное, дотолѣ не будетъ спокойно, пока правительство не сдѣлаетъ оному надлежащаго разбора и не переселитъ въ отдаленныя охранныя пограничныя линіи тѣхъ изъ нихъ, которые, не имѣя осѣдлости и не доказавъ дворянства своего, мечтаютъ получить права и преимущества посредствомъ мятежей или иныхъ политическихъ переворотовъ.

17. Опытъ доказалъ, что въ Литовскихъ и Минскихъ мятежахъ неосѣдлая шляхта составляла самыя буйныя, постоянныя и злобныя толпища мятежниковъ, и даже во времена спокойныя большая часть разнаго рода преступленій въ губерніяхъ производится лицами изъ сего же сословія.

18. Сіе неосѣдлое сословіе людей, язва всякаго края, должно быть немедленно для благоустройства въ губерніяхъ, по сдѣланному разбору правъ ихъ на дворянство, частію, какъ выше сказано, переселено, а осѣдлые и недоказавшіе свое шляхетство въ герольдіи принуждены къ избранію приличнаго образа жизни, приписавъ тѣхъ, которые имѣютъ опредѣленную осѣдлость, но не доказали своего дворянства, къ разнымъ городскимъ обществамъ.

19. Для точнаго исполненія сего преобразованія необходимо положить кратчайшій срокъ, послѣ котораго уже не допускать вновь образованія сего пагубнаго сословія изъ бродягъ и иныхъ лицъ, которыя понынѣ оное безпрестанно умножаютъ. Важный предметъ сего преобразованія шляхты требуетъ отдѣльнаго изложенія, которое особо препровождено, вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія, къ управляющему Министерствомъ Юстиціи.

Разныя иныя политическія мѣры, необходимыя для окончательнаго преобразованія края сего.

Кромѣ всѣхъ выше поименованныхъ главныхъ предметовъ, долженствующихъ по мнѣнію моему войти въ составъ политическаго преобразованія губерній, отъ Польши возвращенныхъ, есть еще много иныхъ второстепенной важности, которыя не должны однако выходить изъ цѣли и вниманія намѣстниковъ тѣхъ областей, какъ-то: введеніе Россійскихъ наименованій мѣстъ и должностей, писаніе на Россійскомъ языкѣ всѣхъ служебныхъ бумагъ, умноженіе Русскихъ семействъ въ Литвѣ, сколько возможно доставле-

ніе имъ прочной осѣдлости, словомъ, даже всѣхъ тѣхъ мелочныхъ оттѣнковъ, которые отдѣльно сами по себѣ не составляютъ, кажется, особой важности, но въ сложности съ прочими безъ всякаго сомнѣнія произведутъ впослѣдствіи времени полезное вліяніе и будутъ служить къ истребленію существующаго еще понынѣ отчужденія сихъ областей отъ Россіи.

Важный предметъ, мною вкратцѣ здѣсь описываемый, требуетъ внимательнаго и подробнаго изложенія способовъ и времени постепеннаго онаго примѣненія; но какъ цѣль сего писанія есть лишь представленіе правительству настоящихъ элементовъ и недостатковъ, наиболѣе способствовавшихъ по мнѣнію моему къ развитію мятежа въ губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ, и при томъ настоящая причина допущенія сего была и понынѣ еще есть недостатокъ въ коренномъ составѣ и образованіи мѣстнаго управленія (что̀ можетъ быть на всякомъ шагу доказано неоспоримыми событіями), то и ограничиваюсь въ сей запискѣ изложеніемъ способа того управленія, которое, по слабому разумѣнію моему, совершенно необходимо къ огражденію края сего отъ подобныхъ же бѣдствій и къ упроченію на будущія времена посредствомъ политическихъ коренныхъ преобразованій спокойствія и совершеннаго слитія онаго съ Россійскою Имперіею.

Подписалъ: Могилевскій гражданскій губернаторъ М. Муравьевъ. Съ подлиннымъ вѣрно: начальникъ отдѣленія канцеляріи Комитета Министровъ Н. Селифонтовъ.

„ИВАНЪ ВЫЖИГИНЪ“ И „МЕРТВЫЯ ДУШИ“.

Сопоставленіе „Ивана Выжигина“ Булгарина съ „Мертвыми Душами“ Гоголя было уже отчасти сдѣлано Н. А. Энгельгардтомъ въ его статьѣ „Гоголь и романы двадцатыхъ годовъ“ (см. Истор. Вѣстн., Февр. 1902 г.). Энгельгардтъ указалъ на сходство отдѣльныхъ эпизодовъ и лицъ (картина уѣзднаго города, среда чиновниковъ, помѣщичій бытъ, Россіяниновъ и Костанжогло); но, помимо того, что имъ исчерпанъ далеко не весь матеріалъ (что́, вѣроятно, и не входило въ его задачу), замѣчанія его такъ кратки, что мы считаемъ нелишнимъ болѣе подробно остановиться на разсмотрѣніи затронутаго имъ предмета.

Кромѣ сходства эпизодовъ и лицъ, „Мертвыя Души“ и „Иванъ Выжигинъ“ имѣютъ прежде всего много общаго въ самомъ замыслѣ (въ схемѣ, если не въ исполненіи).

„Иванъ Выжигинъ“, „первый оригинальный Русскій романъ“ (см. предисловіе, стр. VIII, т. I, Полнаго собр. соч. Ѳаддея Булгарина въ типогр. Н. И. Греча, Спб. 1829), съ претензіей на реализмъ и сатиру, вышелъ въ свѣтъ въ концѣ двадцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія, т. е. уже въ эпоху отцвѣта ложно-классицизма, разлагавшагося подъ вліяніемъ новыхъ литературныхъ вѣяній. Сентиментализмъ, нашедшій себѣ такое яркое выраженіе въ творчествѣ Карамзина, еще не совсѣмъ отжилъ свой вѣкъ, но, очевидно, тоже становился скучнымъ: пріѣлись и ходульныя совершенства, и слезливая „чувствительность“, такъ мало соотвѣтствовавшія дѣйствительной жизни; ощущалась потребность въ чемъ-нибудь свѣжемъ, новомъ, оригинальномъ. Попыткою удовлетворить эту нарождающуюся потребность и является „Иванъ Выжигинъ“ Булгарина. Вотъ оправданіе его появленія въ свѣтъ и успѣха. Прежніе герои стали „приторны“. Отчего? „Отъ совершенства, въ которомъ ихъ представляютъ. Это ангелы, а не люди“ (см. предисл., стр. VIII). Пора ихъ оставить, пора выпустить на сцену живого человѣка, какъ онъ есть. Люди не совершенства, не надо ихъ и изображать такими; обыкновенная жизнь не богата событіями выдающимися, не надо и насиловать правды. „Выжигинъ мой — человѣкъ, какихъ мы видимъ въ свѣтѣ много и часто. Происшествія его жизни такого рода, что могли бы случиться со всякимъ, безъ прибавленій вымысла“.

Итакъ, безыскусственность фабулы и изображеніе героя „существомъ добрымъ отъ природы, но слабымъ въ минуты заблужденія“, вотъ что считаетъ авторъ достоинствами своего романа.

Читая это предисловіе, невольно вспоминаешь извѣстное лирическое отступленіе перваго тома „Мертвыхъ Душъ", объясняющее, почему именно не взятъ въ герои „добродѣтельный человѣкъ". „А потому не взятъ, что пора, наконецъ, дать отдыхъ бѣдному добродѣтельному человѣку; потому что праздно вращается въ устахъ слово *добродѣтельный человѣкъ;* потому что обратили въ лошадь добродѣтельнаго человѣка, и нѣтъ писателя, который бы не ѣздилъ на немъ, понукая и кнутомъ, и всѣмъ, чѣмъ ни попало; потому что изморили добродѣтельнаго человѣка до того, что теперь нѣтъ на немъ и тѣни добродѣтели, а остались только ребра да кожа, вмѣсто тѣла; потому что не уважаютъ добродѣтельнаго человѣка. Нѣтъ, пора, наконецъ, припрячь и подлеца. Итакъ, припряжемъ подлеца!" (глава XI).

Мотивы въ сущности одни и тѣже, потому что Булгаринское „существо слабое" есть тотъ же Гоголевскій подлецъ. И опасенія обоихъ авторовъ тоже, до извѣстной степени, одинаковы. Подобно Гоголю, Булгаринъ боится, что „не признáетъ современный судъ" его заслуги. „Понравится ли", говоритъ онъ (см. предисловіе, тамъ же), „моимъ читателямъ эта простота въ происшествіяхъ, не знаю. Пусть простятъ недостатки ради благой цѣли..." И онъ предвидитъ нападенія со стороны закоренѣлыхъ старовѣровъ литературы (и просто, личныхъ своихъ недоброжелателей), увѣряя въ тоже время, что чувствуетъ себя выше ихъ предполагаемой хулы: „Пусть литературные мои противники бранятъ Выжигина; они будутъ имѣть сугубое удовольствіе бранить и не получать отвѣта". И для Булгарина ясно, какъ тернистъ путь правдиваго сатирика, которому, какъ сѣтовалъ Гоголь, „не собрать народныхъ рукоплесканій". Въ этомъ отношеніи особенно любопытно предисловіе Булгарина къ „Петру Выжигину", представляющему продолженіе Ивана: тамъ есть строки, имѣющія поразительное внутреннее и даже внѣшнее сходство съ Гоголевскимъ „Счастливъ писатель...", только довольно пошлыя. Надо, впрочемъ, замѣтить, что предисловіе это написано въ 1843 г., т. е. уже по выходѣ въ свѣтъ „Мертвыхъ Душъ", и что ничего общаго съ ними этотъ романъ не имѣетъ *). Но между тѣмъ какъ „Мертвыя Души" были, дѣйствительно, вполнѣ оцѣнены только судомъ потомства, опасенія Булгарина не оправдались: успѣхъ „И. Выжигина" былъ выдающійся, хотя и эфемерный. Въ годъ своего появленія въ печати онъ выдержалъ два изданія, а въ слѣдующемъ, 1830 г., изданъ въ третій разъ, и между 1829—33 г. переведенъ на всѣ почти Европейскіе языки (см. Геннади, Справочный слов. о Русск. писат. и учен., Берлинъ 1876 г., т. I, стр. 114; также вышеупомянутую статью Н. А. Энгельгардта, стр. 577).

---

*) „Кто взялся однажды за сатирическую кисть, тотъ долженъ пещись объ одномъ: чтобъ совѣсть его была чиста, на все прочее быть готовымъ, какъ воинъ на полѣ битвы. Вольному воля. Писатель! Если хочешь спокойствія, Меценатовскихъ обѣдовъ и мѣстечка въ гостиныхъ, пиши мадригалы, похвальныя оды и нѣжныя сказки. Но если въ душѣ твоей кипитъ страсть къ добру, если ты хочешь содѣйствовать къ водворенію правды на землѣ и къ истребленію пороковъ, къ провозглашенію полезныхъ, хотя горькихъ, истинъ: будь твердъ, мужайся, терпи, молчи и не жалуйся на судьбу. Ты долженъ былъ прежде знать, что̀ ждетъ тебя въ борьбѣ за правду". (Полное собр. сочин. Спб. въ тип. Жернакова, т. IV, предисл. стр. II).

Это явленіе объясняется, по нашему мнѣнію, тѣмъ, что Булгаринъ былъ новаторомъ и реалистомъ скорѣе съ виду, больше по пріемамъ, чѣмъ по внутреннему содержанію. До настоящаго реализма большая публика тогда еще и не доросла, о чемъ свидѣтельствуетъ самая благосклонность ея къ „Выжигину“.

Припрягая, подобно Гоголю, „подлеца“, Булгаринъ на самомъ дѣлѣ и не хотѣлъ, и не сознавалъ этого. Въ немъ не было ни достаточной смѣлости, чтобы рѣшительно выступить на новую дорогу, ни той „глубины душевной“ и таланта, которыхъ много надо, „чтобы озарить картину, взятую изъ презрѣнной жизни, и возвести ее въ перлъ созданія“. Чтобы угодить вкусамъ публики, Булгаринъ снабдилъ Ивана Выжигина всѣми атрибутами „добродѣтельнаго человѣка“ (запасомъ громкихъ словъ и возвышенныхъ чувствъ), но, изъ стремленія къ ложно понятому реализму, подмѣшалъ ко всѣмъ „приторнымъ“ достоинствамъ его малую толику и такихъ „слабостей“, коимъ, по справедливости, „единая награда на землѣ—висѣлица“. Въ общемъ, это образъ самый безжизненный, какъ и большинство другихъ дѣйствующихъ лицъ романа (взять хотя бы друга Выжигина, Миловидина, тоже „честнаго человѣка“, торгующаго своей женой, или капитана-исправника Штыкова). Особенно неестественны утрированные злодѣи, которые сперва наслаждаются сознаніемъ собственной подлости, а въ концѣ концовъ умираютъ въ страшныхъ мученіяхъ и отправляютъ свою душу въ адъ, подобно Сумароковскому Самозванцу.

Если прибавить къ этому, что въ романѣ сохранена манера Екатерининскихъ временъ давать дѣйствующимъ лицамъ фамиліи по отличительнымъ ихъ качествамъ (Вороватинъ, Плутяговскій, Миловидинъ и т. п.), то сдѣлается совершенно понятною вся глубина Булгаринскаго реализма.

Чтó касается схемы, общей у „Ивана Выжигина“ и „Мертвыхъ Душъ“, то она не нова и принадлежитъ типу такъ называемыхъ „мошенническихъ“ романовъ (gusto picaresco), появившихся впервыя въ Испаніи въ XVI в. (Лазарильо-де-Тормесъ Мендозы). Они завоевали себѣ широкую популярность и быстро распространились по всему Западу Европы, вызывая многочисленныя подражанія. Во Франціи наиболѣе яркимъ представителемъ этого типа является „Жиль Блазъ“, въ Германіи „Simplicius Simplicissimus“. Ихъ успѣхъ объясняется тѣмъ живымъ интересомъ, съ которымъ народная масса всѣхъ временъ и національностей относится къ разсказамъ и сказкамъ о ворахъ и мошенникахъ всякаго рода. Порожденные на Западѣ особыми историческими условіями среднихъ вѣковъ, эти новеллы и романы обратились тамъ въ добродушную, но и довольно ѣдкую сатиру, осмѣивающую пороки высшихъ слоевъ общества, вслѣдствіе чего въ нихъ всегда торжествуютъ мошенники низкаго происхожденія. Но и помимо этого, народъ всегда больше симпатизируетъ пронырливой хитрости, чѣмъ простодушной глупости. (Ср. наши Русскія сказки о волкѣ и лисѣ, о ворахъ. Аѳанасьевъ, Русск. нар. сказки, т. I, стр. 1 и слѣд., т. II, стр. 341 и сл.). Изъ Франціи эти романы перешли и къ намъ. Ихъ схема очень удобна для автора, желающаго раз-

вернуть широкую картину жизни и вывести на сцену побольше действующихъ лицъ, не обременяя себя въ тоже время слишкомъ большою путаницей ихъ взаимныхъ отношеній. Нить разсказа развертывается постепенно, какъ бумажная лента, намотанная на катушку; эпизоды и лица смѣняютъ одни другіе, группируясь постоянно вокругъ одного только движущагося центра, героя романа. По этой схемѣ построенъ „Иванъ Выжигинъ"; она же лежитъ и въ основѣ „Мертвыхъ душъ".

Подобно Чичикову Выжигинъ пробивается снизу вверхъ (въ началѣ онъ всѣми презираемый „сиротка", мальчикъ на побѣгушкахъ у помѣщика Гологордовскаго); онъ стремится къ пріобрѣтенію земныхъ благъ, не пренебрегая для этого даже профессіей шулера, и чего, не удается болѣе реальному Павлу Ивановичу, дѣйствительно достигаетъ, по волѣ автора, послѣ разныхъ перипетій, той высшей ступени общественной лѣстницы, на которую только можетъ поставить человѣка богатство (дѣлается милліонеромъ). Останавливаться на его приключеніяхъ мы не будемъ, замѣтивъ, однако, что они вовсе не такъ обыкновенны, какъ обѣщаетъ въ предисловіи авторъ. Нѣкоторыя изъ нихъ очень напоминаютъ собою эпизоды изъ странствованій Чичикова по бурнымъ волнамъ „житейскаго моря".

Какъ романъ сатирическій, „Иванъ Выжигинъ" изобилуетъ преимущественно отрицательными типами (если только они заслуживаютъ этого названія), и значительная часть его дѣйствующихъ лицъ носитъ фамиліи, образованныя отъ всѣхъ глаголовъ, означающихъ грабежъ, воровство и надувательство (образчики см. выше); но какъ романъ пошло-нравоучительный, какъ сатира „благонамѣренная", не только карающая, но и поучающая, гдѣ рядомъ съ наказуемымъ порокомъ непремѣнно должна быть и торжествующая добродѣтель, онъ стремится дать и рядъ типовъ положительныхъ, изобразить и честнаго чиновника, и дѣльнаго помѣщика (въ этомъ отношеніи „Иванъ Выжигинъ" уже отступаетъ, и, надо сказать, отступаетъ неудачно, отъ своего прототипа, мошенническаго романа, гдѣ добродѣтели не полагается). Таковъ „безпокойный человѣкъ" Петръ Петровичъ Виртутинъ, одержимый несчастною склонностью говорить одну только правду; капитанъ-исправникъ Штыковъ, приходящій въ ярость чуть ли не при одномъ упоминаніи слова „взятка"; помѣщикъ Россіяниновъ и др. Всѣ они, конечно, блѣдны, какъ лица выдуманныя; но, при посредственности цѣлаго, они не вносятъ въ романъ никакого особаго диссонанса. Промышленникъ литературы, Булгаринъ очень легко раздѣлывается съ ними общими мѣстами, между тѣмъ какъ для неумѣвшаго искажать правду Гоголя столкновеніе съ идеальными людьми оказалось прямо фатальнымъ.

Вотъ тѣ изъ дѣйствующихъ лицъ Булгаринскаго романа, сходство которыхъ съ Гоголевскими типами можно объяснить только существованіемъ генетической связи между ними.

Таковъ, во-первыхъ (уже указанный Н. А. Энгельгардтомъ) Россіяниновъ, будущій Констанжогло второго тома „Мертвыхъ Душъ". Съ нимъ Иванъ Выжигинъ знакомится такъ. Добродѣтельный капитанъ-исправникъ

Штыковъ, задержавшій въ Оренбургѣ героя и пріятеля его Миловидина, для удостовѣренія ихъ личности и скоро съ ними подружившійся, предлагаетъ имъ, для развлеченія и назиданія, проѣхаться съ Петромъ Петровичемъ Виртутинымъ въ гости къ одному его знакомому помѣщику. Они отправляются. Подъѣзжая къ деревнѣ Россіянинова, „помѣщика, какихъ дай Богъ болѣе на Руси", путешественники уже всюду замѣчаютъ слѣды его полезной дѣятельности.

„Проѣхавъ верстъ пятнадцать, мы замѣтили удивительное различіе въ обработкѣ полей. Вездѣ на низкихъ мѣстахъ выкопаны были канавы для стока излишней воды съ пашней. Поля были порядочно размежеваны и унавожены, луга очищены отъ кочекъ и безполезныхъ кустарниковъ. На берегу крутаго ручья (sic), на пастбищѣ сдѣланъ былъ мощеный камнемъ спускъ для поенія стадъ, чтобы скотина не вязла въ грязи и не засыпала землею источника. Дорога по обѣимъ сторонамъ усажена была деревьями, мостики были въ исправности и топкія мѣста устланы фашинами. „Примѣчаете ли", сказалъ Петръ Петровичъ, „что мы въѣхали во владѣнія порядочнаго человѣка?" Пріѣхавъ въ деревню, Миловидинъ всплеснулъ руками отъ удивленія и воскликнулъ: „Вотъ какова можетъ и должна быть цѣлая Россія!" Деревянныя прочныя избы выстроены были въ одинъ рядъ по обѣимъ сторонамъ дороги. Окна обложены были рѣзными украшеніями, дворы всѣ загорожены высокими заборами, съ красивыми воротами съ навѣсомъ. Домы построены были на нѣкоторое разстояніе одинъ отъ другого, изъ предосторожности отъ пожара. Между домами находились садики съ плодовыми деревьями. Позади крестьянскихъ дворовъ были овощные огороды, а за ними гумны. Въ концѣ деревни возвышалась прекрасная каменная церковь, осѣненная высокими липами. Домъ священника отличался чистотою и красивою наружностью. Возлѣ церкви находилось нѣсколько домиковъ для общественной пользы. Въ одномъ изъ нихъ была учреждена госпиталь и аптека, въ другомъ богадѣльня для безродныхъ, хворыхъ и престарѣлыхъ, въ третьемъ запасный сельскій магазинъ и лавка съ товарами, необходимыми въ крестьянскомъ быту и съ первыми потребностями (sic) жизни; въ четвертомъ сельское училище и Словесный Судъ. Поселяне обоего пола имѣли здоровый видъ, и молодыя женщины отличались красотою, ибо наружная красота бываетъ слѣдствіемъ довольства. Мы не встрѣчали на улицѣ ни грязныхъ дѣтей, ни оборванныхъ бабъ, ни пьяныхъ мужиковъ. Крестьянскія лошади и скотъ были отличной породы, упряжь и земледѣльческія орудія въ исправности" (стр. 122).

„Вокругъ крестьянскаго двора былъ навѣсъ, гдѣ стояли телѣги, сани, сохи и бороны, и гдѣ ставили лошадей на время. Въ концѣ двора были хлѣва и конюшни, а за домомъ баня. Я спросилъ у хозяйки, чѣмъ они зимою освѣщаютъ избу. „Сосѣди наши", отвѣчала она, „крестьяне другихъ помѣщиковъ, жгутъ лучину, батюшка, а мы освѣщаемъ избу ночникомъ съ конопляннымъ масломъ. Вѣдь коноплянного-то масла не покупать-стать, родимой мой; а у насъ всякая баба сама дѣлаетъ масло изъ сѣмени."—„Есть ли у васъ въ селѣ питейный домъ?" спросилъ Миловидинъ.—„Избави Богъ отъ этого, отцы родные!" отвѣчала поселянка". И т. д. (стр. 123).

Въ этомъ описаніи нетрудно узнать деревню Костанжогло. (См. Мертвыя Души, т. 2, гл. III).

Но сравненіе самого Россіянинова съ Костанжогло отнюдь не убѣдитъ насъ въ тождествѣ этихъ двухъ лицъ. „Деревянный“, какъ справедливо называетъ его Н. А. Энгельгардтъ, Гоголевскій помѣщикъ все же гораздо правдивѣе и выдержаннѣе Булгаринскаго. Россіяниновъ, какъ свидѣтельствуетъ о томъ самая его фамилія, чистокровный Русакъ. Этого требуютъ и узкопатріотическія возрѣнія автора, и самая мораль: надо показать, что именно Русскій человѣкъ, а не иностранецъ способенъ быть идеальнымъ хозяиномъ на Руси. Гоголь, наоборотъ, хорошо сознавалъ, что въ типичномъ Русскомъ человѣкѣ нѣтъ качествъ, необходимыхъ, по его мнѣнію, для хорошаго помѣщика: нѣтъ достаточной твердости характера, энергіи, пылкости, потребныхъ для борьбы съ „вѣчными несовершенствами жизни“. Поэтому его Костанжогло, въ которомъ все это есть, и не Русскій, а южанинъ; судя по фамиліи, Грекъ или Армянинъ. Зато онъ Русскій по убѣжденіямъ, учиться у иностранцевъ считаетъ лишнимъ и другого языка, кромѣ Русскаго не знаетъ. Россіяниновъ, напротивъ, желаетъ быть „гражданиномъ міра“, „прежде человѣкомъ, а потомъ уже Русскимъ“; онъ и самъ учился за границей, и къ дѣтямъ нанимаетъ иностранныхъ гувернеровъ, „вперяя“ въ нихъ въ тоже время „безпредѣльную привязанность ко всему отечественному“ съ помощью „Исторіи и Статистики Россіи“ (стр. 125). Его кабинетъ, „пахнущій Европою“, показываетъ, что онъ слѣдитъ за всѣми отраслями западной науки. Естественно изъ всего этого заключить, что такой космополитъ Русской жизни совершенно не знаетъ и долженъ бы хозяйничать на „Англійскій или Нѣмецкій манеръ“; между тѣмъ оказывается, что онъ, „слѣдуя совѣтамъ тестя“, сообразуется „и съ нашимъ климатомъ, и съ почвою земли, и обычаями“. Но что̀ именно дѣлаетъ г-нъ Россіяниновъ, какъ работаетъ онъ, это такъ и остается для насъ неизвѣстнымъ. „Усердные труды“ и „благословеніе Божіе“—вотъ и все объясненіе его благополучія. Правда, онъ „удобряетъ поля“, „усовершаетъ имѣніе постепенно, занимаясь сперва существеннымъ“ (стр. 127); правда, „добрые его крестьяне скоро постигли, что онъ желаетъ имъ добра и принялись усердно помогать ему“ (стр. 128); но все это слишкомъ отвлеченно, слишкомъ отзывается не реализмомъ, а все тѣмъ же торжествомъ добродѣтели.

Изъ этого видно, что помимо назначенія являть собою идеалъ помѣщика, идиллическій Россіяниновъ и желчный Костанжогло ничего общаго не имѣютъ. Но зато космополитизмъ Россіянинова послужилъ, повидимому, основою для другого Гоголевскаго типа, полковника Кошкарева. Весьма вѣроятно, что именно Россіяновскія общеполезныя постройки (аптека, богадѣльня, лавка съ товарами, сельское училище и т. д.) обратились у Гоголя въ классическія *„депо земледѣльческихъ орудій“*, *„комитетъ сельскихъ дѣлъ“*, *„школу нормальнаго просвѣщенія поселянъ“* и т. д.; изъ кабинета Россіянинова „съ химическими аппаратами, физическими инструментами, моделями разныхъ машинъ, съ глобусами, съ собраніями минераловъ“ (стр. 124) вышло Кошкаревское книгохранилище съ чучелами животныхъ и „книгами по всѣмъ

частямъ"; крестьяне, которые у Россіянинова постигаютъ въ сельскомъ училищѣ грамоту и „обязанности въ отношеніи къ Богу, къ Государю, къ помѣщику и къ своимъ равнымъ", у Кошкарева уже „кончаютъ университетскій курсъ" и поступаютъ на службу въ „Комитетъ сельскихъ дѣлъ".

Другая черта характера Россіянинова, его чувствительность, осмѣяна Гоголемъ въ Маниловѣ. Вотъ сцена вполнѣ во вкусѣ Манилова.

„Послѣ обѣда мы всѣ вышли въ садъ, и въ ожиданіи кофе помѣстились подъ тѣнью густыхъ липъ. Вдругъ у Миловидина навернулись слезы на глазахъ. Всѣ обратили на него вниманіе съ участіемъ, и хозяева пришли въ безпокойство. „Вамъ грустно?" сказала хозяйка.—„Нѣтъ, сударыня, это слезы умиленія, а не грусти. Я восхищаюсь семейнымъ вашимъ счастіемъ, благополучіемъ вашихъ крестьянъ, порядкомъ, устройствомъ вашего имѣнія, и радуюсь, что вы Русскіе!" Хозяинъ пожалъ руку Миловидину и примолвилъ: „Ваша правда; мы, или по крайней мѣрѣ я, счастливъ моимъ семействомъ!" Г-жа Россіянинова, вмѣсто отвѣта, съ нѣжностью поцѣловала своего мужа, дѣти бросились ему на шею, восклицая: „папенька, ты составляешь все наше счастье, всю нашу радость!" Одинъ изъ отставныхъ офицеровъ пожалъ руку г-на Россіянинова, другой возвелъ взоры на небо и перекрестился; воспитанницы бросились цѣловать руки почтенныхъ супруговъ. Старшій служитель, принесшій кофе, прослезился въ молчаніи" (стр. 126).

Такъ дифференцировался Булгаринскій Россіяниновъ, выдѣливъ у Гоголя въ особый типъ черты, которыя стояли въ явномъ противорѣчіи съ основной его идеей.

Тоже случилось и съ „удалымъ помѣщикомъ". Силой Миничемъ Глаздуринымъ, будущимъ Ноздревымъ и Пѣтухомъ вмѣстѣ.

Выжигинъ и его пріятели встрѣчаются съ Глаздуринымъ совершенно неожиданно, на возвратномъ пути отъ Россіянинова. Въ погонѣ за лисицей, Сила Миничъ налетаетъ со своими борзыми на ихъ бричку и опрокидываетъ ее въ ровъ. Когда они выкарабкались изъ-подъ нея, виновникъ этого злоключенія подошелъ къ нимъ и, „прохохотавъ громко, сказалъ: Извините, господа! Виноваты мои борзыя. Не будь я Сила Глаздуринъ, если въ цѣлой Россіи есть такія собаки, какъ мой *Залетъ* и моя *Винтовка*. Проклятая лисица бросилась подъ ноги вашихъ лошадей, а *Залетъ* и *Винтовка*, хоть изъ волчьихъ челюстей, добудутъ дичь!" Въ утѣшеніе онъ сообщаетъ потерпѣвшимъ, что нѣтъ „рва и ямы на двадцать верстъ кругомъ, гдѣ бы онъ не валялся" (стр. 130), а затѣмъ потчуетъ ихъ *анисовкой* и приглашаетъ къ себѣ. Когда хозяинъ съ ватагой охотниковъ вваливается въ домъ, то и у него, какъ у Ноздрева, обѣдъ не готовъ. За ѣдой онъ усиленно налегаетъ на наливки, которыми былъ уставленъ столъ, хвастается своими собаками. Вечеромъ „пускается въ *картежъ*" и проигрываетъ въ ночь нѣсколько тысячъ рублей, коляску и шестерку лошадей. На другой день гости встрѣчаютъ его на дворѣ, возлѣ конюшни. „Охриплымъ голосомъ онъ подозвалъ насъ къ себѣ и насильно потащилъ въ конюшню, гдѣ мы должны были выслушать повѣствованіе о качествахъ каждой лошади и быть свидѣтелями, какъ онъ цѣловалъ и стегалъ хлыстомъ каждую изъ нихъ. Потомъ онъ по-

велъ насъ въ комнаты къ завтраку, гдѣ мы нашли уже всѣхъ гостей, блѣдныхъ, съ красными глазами. Дрожащею рукой принялись они за разноцвѣтныя водки и соленыя закуски, и вскорѣ крѣпость спирта возстановила разслабленныя ихъ силы. Какъ уже поздно было выѣзжать на охоту, то положили до обѣда скакать на лошадяхъ" (стр. 134).

Всѣ эти сцены, несомнѣнно, очень напоминаютъ Ноздрева и пріемъ, оказанный имъ Чичикову.

И характеръ Глаздурина, и наружность его очерчены очень грубо, примитивно (охотникъ, собачей, пьяница, игрокъ и мотъ, рожа красная, усы какъ два бѣличьихъ хвоста и т. п.). Поэтическія стороны ноздревщины совершенно отсутствуютъ.

Съ другой стороны, въ Глаздуринѣ есть качества совсѣмъ и не Ноздревскія: онъ не забулдыга не „историческій человѣкъ", какъ Ноздревъ, а баринъ, спускающій свое имѣніе въ веселый часъ и въ пріятной компаніи. Онъ гостепріименъ и честенъ; онъ скорѣе самъ станетъ жертвою мошенничества, чѣмъ обманетъ другого. Онъ живетъ не на шерамыжку, какъ Ноздревъ, а на широкую ногу, какъ Пѣтухъ. Какъ у Пѣтуха, у Глаздурина большая дворня, которою онъ любитъ и умѣетъ командовать. Вотъ сцена, уже и съ чисто-внѣшней стороны напоминающая распорядительнаго Пѣтуха.

„Гей народъ! Оботрите травою грязь съ господъ. Филька *сиволапый*, Сенька *косой* и Митька *рыжій*, ступайте пѣшкомъ домой. Лаврушка *постр*ѣ*лъ*, скачи въ лѣсъ, да труби позывъ. Собакъ смыкай и домой! Мужики пусть также идутъ по домамъ, а послѣ завтра, чѣмъ свѣтъ, всѣ въ поле. Надобно обступить рощу, что̀ за Сидоровымъ полемъ, да пустить собакъ. Петрушка видѣлъ свѣжій волчій слѣдъ три дня сряду. Подавай лошадей. Господа въ походъ!" (стр. 130). Нельзя не замѣтить, что и форма рѣчи, и даже самые „постоянные" эпитеты очень сходны здѣсь съ выраженіями, которыя употребляетъ Пѣтухъ въ сценѣ рыбной ловли (Мертвыя Души, т. 2, гл. III). Подобно Пѣтуху, Глаздуринъ развлекаетъ своихъ гостей хоровымъ пѣніемъ, но только не гребцовъ, а Цыганъ. Пѣніе это и пляска такъ увлекаютъ его, что онъ похаживаетъ вокругъ пляшущихъ и прикрикиваетъ: „Славно, славно, лихо, чудо, шибче!" (стр. 133), и этимъ онъ напоминаетъ Пѣтуха, пригаркивавшаго и поддававшаго „гдѣ у хора не хватало силы".

Указанное сходство между „Выжигинымъ" и „Мертвыми Душами" врядъ ли слѣдуетъ считать случайнымъ. Выжигина въ то время читали всѣ, навѣрно читалъ и Гоголь. Очень возможно, поэтому, что мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло съ отголосками идей, характеровъ и сценъ, наиболѣе понравившихся Гоголю въ свое время въ „Иванѣ Выжигинѣ" и потому лучше другихъ сохранившихся въ его памяти. Создавая свои Мертвыя Души, Гоголь воспользовался, вѣроятно, частью сознательно, частью безсознательно этими реминисценціями. Какъ бы то ни было, и мы, подобно Н. А. Энгельгардту, не думаемъ обвинять его въ плагіатѣ. Если это и заимствованіе, то такое, которое ничего общаго съ плагіатомъ не имѣетъ; являясь высокимъ усовершенствованіемъ, оно только еще яснѣе раскрываетъ передъ нами все могущество таланта Гоголя.

Ю. Ф.

ПИСЬМО КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО НА ОСТРОВЪ КИПРЪ *).

1850.

Je vous remercie bien pour le vin de Chypre que vous venez de m'envoyer et j'ai remis à m-r Zacharoff l'argent réclamé pour cet envoi.

Veuillez bien dire aux révérents pères de l'église Grécque de St. Lazare que je me suis occupé à mon rentrée ici de la négociation dont ils m'avaient chargé et que le ministre des affaires étrangères Ali-pacha m'a témoigné ses bonnes dispositions pour règler cette affaire à leur satisfaction, quand elle sera portée à la connaissance du Conseil. Comme je suis à la veille de mon départ pour la Russie, j'ai prié notre premier drogueman m-r Argiropulo de s'intéresser au succés de cette affaire, et c'est à lui que les membres du clergé devront s'adresser à l'avenir, si quelque nouvel accident venait mettre obstacle à la réalisation de leurs voeux. En tout cas je vous prie d'exprimer aux respectables prêtres et procureurs de l'église de St. Lazare combien je suis touché de la confiance qu'ils veulent bien me témoigner et combien je m'estimerai heureux si le bon succès de cette affaire répondit à mon zèle et au désir que j'éprouve d'être de quelque utilité aux intérêts de notre Sainte Église Orthodoxe.

Remerciez aussi, je vous prie, l'archimandrite Thesée pour la proposition qu'il me fait d'acheter une statue en marbre découverte à Basso et dites lui que pour le moment je n'ai ni les moyens, ni le désir de faire cette acquisition. Rappelez moi au bon souvenir de m-r Louis Pezzer, de la famille Marsei et de toutes les personnes qui m'ont offert un acceuil si prévenant à mon passage par Larnaca, dont je conserverai toujours un agréable et reconnaissable souvenir.

Veuillez bien recevoir, monsieur, l'assurance de mes sentiments distingués.

(*Сообщено графомъ С. Д. Шереметевымъ*).

---

*) Черновой подлинникъ этого письма сохранился въ Остафьевскомъ архивѣ, въ альбомѣ, на которомъ рукой князя П. А. Вяземскаго означено: „Константинопольскія и Палестинскія бумаги". Тутъ же его замѣтка: „Письмо мое на островъ Кипръ. Въ проѣздъ мой духовенство просило меня исходатайствовать имъ позволеніе звонить въ колокола. При мнѣ звонили. Я говорилъ Али-пашѣ. Не знаю, чѣмъ кончилось." Къ кому писано это письмо, намъ неизвѣстно. Въ Константинополѣ тогда нашимъ посломъ былъ В. П. Титовъ, а совѣтникомъ посольства князь Павелъ Петровичъ Вяземскій. П. Б.

НѢМЕЦЪ НА ЧУЖБИНѢ.

Реформы Петра I-го, быстро вводимыя въ Россіи во всѣхъ слояхъ тогдашняго Русскаго общества, требовали многихъ работниковъ, проводниковъ этихъ реформъ. Петру нужны были не только президенты, генералиссимусы, сенаторы, инквизаторы и пр., но и разные мелкіе люди, непримѣтно осуществлявшіе на практикѣ тѣ или другіе замыслы реформатора. Исторія поступаетъ по отношенію къ послѣднимъ несправедливо: она твердо помнитъ Меншиковыхъ, Долгорукихъ, Шафировыхъ... но не считаетъ нужнымъ знать историческихъ лицъ низшаго ранга, такъ сказать „историческихъ мелкихъ сошекъ". Съ одною изъ личностей послѣдняго рода мы желаемъ познакомить нашихъ читателей, пользуясь для этого рукописнымъ матеріаломъ архива Нижегородской Духовной Консисторіи.

Какъ извѣстно, въ 1721 году Петромъ Первымъ былъ изданъ радикальный указъ о томъ, чтобы крестьяне снимали свой хлѣбъ съ полей не серпами, а косами. Великій преобразователь, испытавшій на себѣ лично всю невыгоду излишней траты рабочей энергіи, нашелъ доморощенный серпъ малопроизводительнымъ сельскохозяйственнымъ орудіемъ и пожелалъ изгнать его „указомъ", въ непоколебимую силу котораго твердо вѣровалъ. Да и не онъ одинъ вѣровалъ въ канцелярскій указъ. Не даромъ кто-то изъ публицистовъ того времени называлъ указъ „чудодѣйственнымъ жезломъ Моисеевымъ, которымъ можно творить дивныя чудеса". Но, издавая тѣ или другія предписанія, касавшіяся непосредственной практической жизни, преобразователь, какъ извѣстно, не всегда сообразовался съ силой вкоренившагося преданія, съ обычаемъ, представлявшимъ значительное противодѣйствіе его замысламъ. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Крестьяне XVIII вѣка не вполнѣ внимали „указу о косѣ".

Но преобразователь былъ настойчивъ. Онъ хотѣлъ, чтобы „дѣла не на столѣ только вершались, но самимъ дѣйствомъ по указомъ исполнялись". Замѣчая слабое примѣненіе указа о косѣ, онъ, между прочимъ, велѣлъ разослать въ нѣкоторыя области Нѣмцевъ, для наученія Русскихъ крестьянъ новому способу уборки хлѣба съ полей.

Въ Нижній Новгородъ присланъ былъ для этого 24-лѣтній Нѣмецъ изъ г. Риги, нѣкто Леессъ Питиръ Вилопсъ *), во главѣ цѣлой партіи Нѣм-

---

*) Вѣроятно Латышъ. П. Б.

цевъ, привыкшихъ убирать хлѣбъ косами. Не знаемъ, на какихъ условіяхъ были командированы Нѣмцы въ Нижній-Новгородъ и какъ учили они Нижегородцевъ употребленію косы... Извѣстно только, что Вилопсъ имѣлъ указъ на свою миссію отъ самого Петра I-го за собственноручною его подписью. „Царева посла“ въ Нижнемъ приняли съ почетомъ... Изъ казны ему отпускались харчи на пропитаніе. Должно быть, Нѣмцу не дурно жилось въ Нижнемъ, потому что, поселившись здѣсь въ 20-хъ годахъ XVIII столѣтія, онъ и не думалъ уѣзжать, не смотря на то, что въ наказѣ, данномъ ему, было приказано, по обученіи крестьянъ, возвратиться въ отечество свое. Пріѣхавъ въ Нижній неимущимъ человѣкомъ, Вилопсъ неизвѣстно откуда разбогатѣлъ, женился, зажилъ „своимъ дворомъ“ и открылъ цирюльню. Безъ особыхъ непріятностей прожилъ Вилопсъ въ Нижнемъ съ 1720 до 1740 годовъ, эпохи усиленнаго иностраннаго вліянія на Русь. Въ 1741 году на Русскій престолъ взошла Елисавета Петровна, царствованіе которой ознаменовано было перевѣсомъ Русскаго вліянія надъ иностраннымъ. Новый „курсъ“ сказался и въ провинціи нѣкоторымъ притѣсненіемъ иностранцевъ. Отъ Вилопса потребовали присоединенія къ Православію. Нѣмецъ нѣкоторое время сопротивлялся, но потомъ согласился... и изъ Леесса Питира превратился въ Филиппа Петрова. Его приписали къ Воскресенскому православному приходу. Затѣмъ послѣдовало присоединеніе и его семьи.

Въ 1745 году происходила „генеральная ревизія“, и Нѣмецъ-выходецъ оказался не приписаннымъ ни къ какому сословію. Ему предложено было записаться въ подушный окладъ и „для таковаго причисленія повелѣно пріискать себѣ господаря“. Нѣмецъ долго хитрилъ-мудрилъ и, наконецъ, надумалъ приписаться къ Нижегородскому архіерейскому дому. Съ этою цѣлью онъ, между прочимъ, подалъ извѣстному въ исторіи Русской церкви Димитрію Сѣченову (въ то время епископу Нижегородскому и Алатырскому) такое прошеніе.

„Великому господину... бьетъ челомъ Нижегородскій обыватель Филиппъ Петровъ... Въ прошломъ 1721 году Мая 11 дня, по именному высокославныя и вѣчнодостойныя памяти Государя Императора Петра Перваго за подписаніемъ собственныя Его Императорскаго Величества руки указу, посланъ я нижайшій изъ Риги съ протчими въ Нижегородскую губернію для обученія Русскихъ мужиковъ къ сниманію хлѣба противъ обыкновенія, въ Курляндіи и въ Лифляндіи и въ Пруссахъ имѣющагося, вмѣсто серповъ малыми косами нарочито съ граблями, при которомъ обученіи и имѣлись мы въ Нижнемъ-Новгородѣ и учили мужиковъ обыкновенному сниманію хлѣба... за что и хлѣбъ, намъ положенный, выдавался по царскому повелѣнію. А по обученіи велѣно насъ уволить во отечество наше. А я нижайшій отечество свое имѣлъ въ Лифляндіи, имя себѣ имѣлъ Леессъ Питиръ Вилопсъ и, бывъ при вышеозначенномъ обученіи, воспринялъ вѣру Греческаго исповѣданія и затѣмъ обратно въ отечество свое не возвратился, жительство имѣю въ Нижнемъ-Новѣ-градѣ, въ Воскресенскомъ приходѣ, своимъ

дворомъ, а пропитаніе имѣю цирюленнымъ мастерствомъ. При нынѣшней генеральной ревизіи опредѣляютъ меня нижайшаго въ подушной окладъ, и для причисленія повелѣно пріискать господаря, а я нижайшій желаю быть причисленъ къ дому преосвященства вашего. Того ради всепокорно прошу, дабы повелѣно было меня нижайшаго принять и подушнымъ окладомъ причислить къ дому вашего преосвященства".

„Къ сему прошенію, вмѣсто онаго Филиппа Петрова, по своему прошенію, Балахонецъ посацкой человѣкъ Иванъ Трубниковъ руку приложилъ". Прошеніе подано 18 Ноября 1745 года.

Для удостовѣренія дѣйствительности своихъ обязательствъ, Вилопсъ представилъ „по себѣ поручную отъ крѣпостныхъ дѣлъ запись съ порукою".

Нѣмецъ не безъ основанія выбралъ себѣ „господаремъ" преосвященнаго. Приписанные къ архіерейскому дому крестьяне состояли издавна на нѣсколько привилегированномъ положеніи сравнительно съ помѣщичьими крестьянами. Архіерейскіе люди могли быть освобождаемы отъ нѣкоторыхъ земскихъ повинностей.

Преосвященный Димитрій Сѣченовъ написалъ на прошеніи Вилопса резолюцію: „Обсудивъ, поименованнаго принять, если не встрѣтится къ тому какихъ-либо законныхъ препятствій" (Резолюція 1745 года, № 1070). Затѣмъ прошеніе съ резолюціей поступило на обсужденіе въ „домовую преосвященнаго Нижегородскаго и Алатырскаго казенную контору". Контора оказалась въ нѣкоторомъ недоумѣніи: до сихъ поръ къ архіерейскому дому не приписывался еще ни одинъ иностранецъ. За этого иностранца опредѣленно, впрочемъ, говорило его прошедшее. Такое обстоятельство, какъ собственноручно подписанный императоромъ Петромъ I-мъ указъ, данный Филиппу Петрову, не могло остаться безъ вліянія. Характерно однако, что, не смотря на такую протекцію, контора не сразу рѣшилась признать Вилопса достойнымъ быть приписаннымъ къ дому преосвященнаго. Она предварительно забрала обстоятельныя справки на счетъ личности Нижегородскаго цирюльника: кто онъ такой, каковъ его родъ, не водится-ли онъ съ подозрительными личностями, не держитъ ли у себя пришлыхъ и бѣглыхъ людей, не торгуетъ ли какими-либо заповѣдными товарами? и т. п.

Надъ Вилопсомъ былъ учрежденъ надзоръ. Къ нему стали приходить разные канцеляристы за необходимыми справками и свѣдѣніями...

Разошелся слухъ въ городѣ, что Вилопса посѣщаютъ разные „канцелярскіе люди". Популярность и гласность дѣла сослужили Нижегородскому цирюльнику плохую службу: къ нему перестали ходить бриться и стричься, и его ремесло начало падать. А между тѣмъ, дѣло о причисленіи Вилопса къ архіерейскому дому медлилось въ своемъ окончательномъ рѣшеніи.

Вилопсъ вынужденъ былъ въ виду этого подать преосвященному Димитрію второе прошеніе, въ которомъ горько жаловался, что онъ „отъ того

дѣла уже испроѣлся и мастерство свое цирюльное въ убытокъ пошло. Того ради всепокорнѣйше прошу по тому дѣлу мнѣ нижайшему милостивую резолюцію учинить".

По всей вѣроятности, дѣло тормозили сами канцеляристы, измышлявшіе для Нѣмца новыя статьи необходимыхъ справокъ и свѣдѣній и пользовавшіеся этимъ для того, чтобы извлечь изъ кармана просителя возможное...

Въ 1746 году ходатайство Вилопса было уважено. Его причислили къ архіерейскому дому, но при этомъ заставили дать особую подписку, которою были регламентированы для Нѣмца всевозможные случаи нарушенія имъ принятыхъ обязательствъ. Заслуживаетъ вниманія текстъ этой подписки.

Нѣмецъ обязывался, между прочимъ, въ томъ, что „по причисленіи по желанію его съ нынѣшнія генеральныя ревизіи мужескаго пола душъ въ домъ его преосвященства, положенной подушной окладъ и протчія государственныя подати будетъ платить за себя безостановочно и бездоимочно; такожде и житіе ему препровождать благочестно и безподозрительно и безъ отпуску изъ Нижняго никуда не отлучатися и съ подозрительными людьми не знатися, и бѣглыхъ и пришлыхъ никакихъ людей у себя не держать и заповѣдными товарами никакими не торговать. А ежели онъ Филиппъ подушнаго платежа и протчихъ государственныхъ податей платить не будетъ или учинитъ какое непотребство и дому его преосвященства убытокъ, и то все взыскать на немъ и на порутчикахъ его по силѣ указу безъ упущенія".

Прибавимъ, что поручителями Вилопса были тѣ именно „канцеляристы конторы", которые приводили его въ негодованіе проволочкою дѣла и которые заставляли подать второе прошеніе. Подъ бумагою поручителями значатся: „пѣвчій его преосвященства Ѳедоръ Третьяковъ", „канцеляристъ Павелъ Поповъ", „канцеляристъ Василей Сани (?)", „подканцеляристъ Иванъ Ивановъ" и еще „протопопъ"... (подписи нельзя разобрать).

Въ данномъ эпизодѣ заслуживаетъ вниманія недовѣріе и осторожность, съ какими Русскій историческій человѣкъ*) относился къ иностранцу, хотя бы пріѣхавшему съ благими намѣреніями и „по государеву приказу". Въ иностранцѣ Русскій человѣкъ видѣлъ особу, „житіе препровождающую неблагочестно" и потому опасную для Русскаго общества.

Ѳ. Кудринскій.

*) Преосвященный Дмитрій Сѣченовъ былъ происхожденія Венгерскаго. Отъ его сестры (Маловой) ведутъ свой родъ Калачовы, и въ обликѣ покойнаго профессора Н. В. Калачова было что-то Венгерское. П. Б.

ИЗЪ ПИСЕМЪ КОНСТАНТИНА ЯКОВЛЕВИЧА БУЛГАКОВА КЪ БРАТУ ЕГО АЛЕКСАНДРУ ЯКОВЛЕВИЧУ*).

1808.

17 (29) Іюля (1808).

Поццо рѣдкій человѣкъ и умомъ, и нравомъ, и сердцемъ. Этихъ, братъ, немного. Милаго батюшку за угощенье, Поццу сдѣланное, благодарю сердечно. Это также доказываетъ, что онъ меня любитъ, а я подлинно Поццо много обязанъ. Безъ него бы не перенести мнѣ, можетъ быть, болѣзни одному посреди моряковъ и сраженьевъ, когда я двигаться не могъ. Не повѣришь, какъ я о немъ безпокоился, когда онъ на шканцахъ командовалъ лагеремъ. Всякой разъ, что приносили раненаго, все думалъ, что онъ, а онъ поминутно присылалъ мнѣ сказать, что онъ живъ. Какая блаженная для меня минута была его послѣ сраженія увидѣть!

*

Вѣна, 27 Іюля (8 Августа) 1808.

Поццо не можетъ нахвалиться всѣми вами, а ты знаешь, что ежели онъ кого полюбитъ, то порядочно. Son amour est comme sa haine. А въ сей послѣдней далъ онъ доказательства. Отъ батюшки онъ въ восхищеніи. Хотѣлъ къ вамъ сегодня писать; надѣюсь, что пришлетъ письмо. Il a repris ses anciennes habitudes и видно, что счастливъ, что попалъ въ Вѣну, которую онъ любитъ и которую, какъ ты самъ знаешь, нельзя не любить.

*

---

*) Читатели уже знакомы съ К. Я. Булгаковымъ по письмамъ къ нему старшаго его брата, равно какъ и со многими лицами, о которыхъ говорится въ теперь печатаемыхъ выдержкахъ; и потому примѣчанія къ симъ послѣднимъ были бы повтореніемъ того, что уже появилось на страницахъ „Русскаго Архива“ нынѣшняго и прошлыхъ годовъ. Замѣтимъ только, что Константинъ Яковлевичъ, будучи много занятъ службою, не имѣлъ досуга, которымъ пользовался братъ его, и не владѣлъ даромъ неутомимаго писательства, благодаря которому въ письмахъ Александра Яковлевича сохранилась для исторіи живая картина современной ему Русской общественной жизни. Оба они лица историческія, а взаимная ихъ любовь братская поучительна. П. Б.

Вѣна, Августа 20 (Сентября 1) 1808.

Дай Боже, чтобы Фасту досталось что-нибудь отъ Павла Матвѣевича [1]); но сумнѣваюсь. Нестеровы не промахи. А, чай, вся фамилія уже собралась къ умирающему. Ему же счастья нѣтъ.

*

Vienne, le 7 (19) Octobre 1808.

Papa avait parfaitement raison de vous faire rester encore 18 jours avec lui. Que feriez vous à Pétersbourg? Vous avez vu que c'était aussi ce que je vous avais conseillé.—Czartorysky a passé par ici, il ne s'est arrêté que deux jours. Il a vieilli. Il a été rejoindre son père en Italie et puis reviendra en Russie, n'ayant qu'un semestre.—Чѣмъ тебя я огорчила est ma chanson favorite. На кораблѣ еще мы пѣли, и здѣсь ее всѣ поютъ, а Лунина [2]) какъ ангелъ—т. е. поетъ ее. Entre autres elle m'a dit que vous ne l'avez jamais entendu. Il n'y a pas moyen d'écrire, on m'interrompe à tout moment. A propos de Manso: его секретарь Servo съ нимъ поссорился и пріѣхалъ сюда на него доносить, что въ наслѣдствѣ Скавронской [3]) утаилъ онъ отъ наслѣдниковъ множество вещей и денегъ. Онъ предложилъ княгинѣ дать ему полномочіе и обѣщалъ все выручить. Полномочіе дано; увидимъ, что̀ выйдетъ изъ этого. Что̀ однакоже еще сквернѣе отъ Манзы: Серво Дмитрію Павловичу доказалъ, что Manso и у него утянулъ болѣе 10.000 дукатовъ, вексель за него подписывалъ и множество подобныхъ проказъ дѣлалъ. Татищевъ погубить его не хочетъ, но ежели Manso не согласится добровольно ему возвратить деньги его, то худо ему будетъ. Каковъ молодецъ? Но и Серво хорошъ. Il le laissait faire jusqu'à ce qu'il s'est brouillé avec lui. Дмитрій Павловичъ былъ боленъ лихорадкою, которая схватила его очень круто, и вотъ отъ чего. Ему присовѣтовали пить Эмскія воды, но съ ними ходить очень много надобно, чтобы онѣ прошли, а онъ пилъ стакана по три въ постелѣ, безъ всякаго моціона, et alors c'est très nuisible. Нарышкина совсѣмъ было собралась отсюда въ Парижъ, но обрѣзали у нея у кареты ремни, и она объявила, что надобно три мѣсяца, чтобы это починить. Je suis sûr que ce n'est qu'un prétexte pour rester. Elle avait même déjà ses passeports. Quelle extravagante! Бѣдный Боголюбовъ такъ

---

[1]) Нестерова. Другъ Булгаковыхъ Фавстъ Петровичъ Макеровскій (впослѣдствіи директоръ Горнаго Правленія въ Москвѣ) происходилъ отъ Петра Матвѣевича Нестерова, сестра котораго была за адмираломъ Спиридовичъ.

[2]) Позднѣе графиня Риччи, умершая въ глубокой старости въ селѣ Раменскомъ подъ Москвою у пріютившаго ее князя А. Ѳ. Голицына-Прозоровскаго.

[3]) Скончавшейся въ Неаполѣ. Она была по мужу теткою проживавшей въ Вѣнѣ княгини Багратіонъ.

навьюченъ, какъ верблюдъ, pour ne pas dire autre chose. Совѣстно просить его брать посылки, ибо имѣетъ четыре серебряныя вазы къ Румянцову, но для тебя согласился онъ взять баульчикъ, который уже уложенъ. Онъ однакоже пустой; ибо купецъ не хотѣлъ никакъ, чтобы въ немъ что-нибудь было, увѣряя, что какъ бы осторожно онъ ни уложилъ, все бы могъ испортиться.

*

Вѣна, 8 (20) Октября 1808.

Сегодня умерла Биллера экс-министра жена. Сегодня получили мы также извѣстіе, что на его мѣсто въ Мюнхенъ назначенъ Барятинскій. Татищевъ говоритъ, что онъ ему большой пріятель и что ежели некуда будетъ тебѣ дѣваться, то можно съ нимъ быть въ Мюнхенѣ; но мнѣ кажется, что Дмитрію Павловичу самому скоро дадутъ мѣсто, какъ ни крѣпись. Сегодня ждутъ сюда графа Толстого, Парижскаго посла бывшаго. Онъ ѣдетъ въ Молдавію къ арміи. Жена его съ ума сходитъ съ радости.

*

Вѣна, 27 Октября (8 Ноября) 1808.

Жить въ Парижѣ такъ, говорятъ, дорого, что смыслу нѣтъ. Вотъ еще пунктъ меня безпокоящій, ибо здѣсь живу я славно тѣмъ, что̀ имѣю, а ѣхать въ Парижъ*), чтобы всего себя лишать въ городѣ, гдѣ общество не представляетъ никакихъ рессурсовъ, не стоитъ труда. Но со всѣмъ тѣмъ я рѣшился, et Dieu fera le reste. Жаль, что у васъ домъ Луниныхъ отнятъ. Я часто къ нимъ забѣгаю. Они очень меня трактуютъ хорошо, и намъ дочь поетъ *дѣвицу-красавицу*. Я въ восхищеніи отъ этой пѣсни. Ты мнѣ повторяешь, что князь можетъ мнѣ много добра сдѣлать. Онъ можетъ, но ты знаешь, что по сіе время ничего мнѣ не удавалось; но и то правда, что я никогда ничего не просилъ. Увидимъ, что̀ при перемѣщеніи меня или оставленіи здѣсь для меня сдѣлаютъ. Разувѣрь пожалуй батюшку (и непремѣнно), что я, говоря о здѣшней дороговизнѣ, не имѣлъ цѣлью прибавки мнѣ денегъ. Я чрезвычайно доволенъ тѣмъ, что̀ имѣю и болѣе никакъ не желаю. Je ne veux pas qu'il me prenne pour indiscret. Я знаю, что и то давая онъ себя лишаетъ. Пожалуй разувѣрь его непремѣнно.—Manso твой надѣлалъ пакости. Татищевъ мнѣ тоже говорилъ, что это тебя удивитъ; ибо, говоритъ онъ, мы всегда полагали его честнѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ. Княгинины деньги и вещи согласился онъ тотчасъ отдать въ консульскую канцелярію, пишетъ къ ней, что самъ сюда будетъ:

---

*) Т. е. съ княземъ А. Б. Куракинымъ, посломъ въ Вѣнѣ, который перемѣщенъ былъ оттуда въ Парижъ.

видѣлъ, что ему ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ все вручить Серво тотчасъ и не доводить до суда. Князь непремѣнно дня черезъ три-четыре сбирается уѣхать. Тогда поотдохну. Вообрази, что по сіе время не знаемъ, кто сюда будетъ. Я бы очень желалъ, чтобы то былъ графъ Толстой, но этому не бывать. Я съ нимъ познакомился немного покороче. Просидѣлъ вчерашняго утра часа съ два съ нимъ. Молодецъ и премилый человѣкъ. Государь не очень расположенъ перемѣщать въ Парижскую миссію изъ нашей. Ты все это лучше меня узнаешь въ Петербургѣ. Я же не говорилъ еще князю о томъ положительно, чтобы дѣла не испортить. Напередъ посмотрѣть нужно въ Петербургѣ, рѣшитъ ли Государь согласиться на его требованіе, въ чемъ сомнѣваюсь, тѣмъ болѣе, что Парижская миссія и такъ велика и Государь ею доволенъ. Впрочемъ, не будетъ ли сюда посломъ Татищевъ? Здѣсь сильно объ этомъ говорятъ. Онъ же совсѣмъ собрался ѣхать и опять остался.

*

4 (16) Ноября 1808.

Не первый уже разъ батюшка уничтожаетъ свои обѣды по положеннымъ днямъ, ибо всегда наѣдетъ народъ ему непріятный. На эти обѣды надобно бы ему назначить, кого онъ разъ навсегда имѣть хочетъ, и никого не дожидаться, а не то пожалуй тотчасъ трактиръ изъ его дома сдѣлаютъ. Посолъ уѣхалъ 2 (13) сего мѣсяца. Анстетъ остался повѣреннымъ въ дѣлахъ. Я, наконецъ, могу поотдохнуть. J'en avais grand besoin. При отъѣздѣ повторилъ онъ мнѣ, что не надолго разстаемся и прибавилъ, что теперь надѣется, что Государь не откажетъ ему въ послѣдней просьбѣ, о коей онъ писалъ, какъ ты видѣлъ изъ копіи съ его реляціи. Князь много плакалъ. А какъ вспомнилъ я, что можетъ быть мнѣ самому придется скоро выѣзжать отсюда, такъ стало грустно, что описать тебѣ не могу. Самъ я смертельно бы желалъ въ Москву съѣздить, но не вижу теперь возможности. Ежели меня переведутъ въ Парижъ, то весною или лѣтомъ оттуда выпрошусь курьеромъ, а на годъ ѣдучи не миную Вѣны, хотя порожнякомъ поѣду. Но лучше напередъ плановъ не дѣлать, ибо они никогда мнѣ не удавались. О твоемъ отъѣздѣ изъ Москвы я и подумать боюсь, особливо для маменьки, при слабомъ ея положеніи. Ce n'est que du moment dont j'ai peur; послѣ, когда успокоишься, увѣренъ, что Фавстъ ея не оставитъ. О Татищевѣ я тебѣ выше говорилъ. Не выѣдетъ онъ отсюда à moins que ce ne soit par dépit. Ты объ этомъ ему не пиши, но не повѣришь, до какой степени онъ влюбленъ: живмя живетъ у Без. и не хочетъ никому признаваться. Кауницъ запалъ, его нигдѣ не видать. Сюда пріѣхалъ изъ Парижа графъ Метернихъ на нѣсколько дней.

Теперь я сижу дома до 11 часовъ всякое утро. Какое благополучіе! Но не продлится. Кто-то сюда будетъ? Намъ сулятъ и пугаютъ насъ многими. Я думаю, что до пріѣзда Р.[1]) въ Петербургъ никого не назначутъ. На сихъ дняхъ m-r Degar, Uhrmacher, выдумавшій летать съ крыльями, первый разъ подымался въ Пратерѣ и очень удачливо, не думаю, однакоже, чтобы выдумка его была полезною. Управлять собою не можетъ и летать куда хочетъ также не можетъ. Мнѣ любопытна показалась только механика его крыльевъ и какъ онъ ихъ двигаетъ посредствомъ пружинъ. Я послалъ рисунокъ батюшкѣ.

*

Вѣна, 14 (26) Декабря 1808.

Долженъ тебѣ разсказать, что̀ со мною третьяго дня случилось. Передъ обѣдомъ сижу у княгини[2]). Пріѣзжаетъ Дм. Пав., говоритъ, что имѣетъ нужду съ нею наединѣ поговорить, пошелъ къ ней въ спальню; мы всѣ сидѣли въ гостиной; нѣсколько минутъ спустя вызываютъ Малько; потомъ всѣ они пришли назадъ. Сѣли обѣдать. Послѣ обѣда по моему обыкновенію сижу у камелька и думаю. Княгиня выходитъ съ Уваровымъ, потомъ приходитъ назадъ, зоветъ меня къ себѣ. «Mon cher chevalier, je vous félicite». Что такое? Надѣваетъ на меня Мальтійскій крестъ и подаетъ на лентѣ. Tout cela a été combiné d'une manière très aimable de la part de m. Il avait reçu la patente le matin. Il a su trouver le vrai moyen de me rendre la chose bien agréable, en me faisant payer cette preuve de son amitié par les mains de la femme que j'aime le plus dans le monde. Alors j'ai deviné ce que voulaient dire tous leurs *a parté* avant dîner. Je remerciais T. comme le premier et unique auteur de cela. Il m'a dit que je pouvais porter la croix, et qu'il suffirait que je vous envoyais une copie du chinographe légalisé pour me faire agréer à Pétersbourg. Là voici; faites en ce que bon vous semblera et dites moi ce que j'ai à faire, car, malgrès ce qu'on en dit, je ne porterai pas la croix tant que les choses ne sont pas tout-à-fait en regles.

Напиши мнѣ, что̀ батюшка скажетъ, и пожалуй устрой все съ Мезоннёвомъ или съ кѣмъ нужно. Надобно, говорятъ, внести въ календарь. Ты все это лучше знаешь comme ancien chevalier.

Карнавалъ приближается, но въ семъ году не важенъ будетъ. Никто не сбирается давать балы. Будетъ ихъ нѣсколько во дворцѣ. Ce n'est pas ce qu'il y a de plus amusant. Les redoutes seules me

[1]) Канцлеръ графъ Н. П. Румянцовъ ѣздилъ тогда въ Парижъ для переговоровъ съ Наполеономъ.—[2]) Багратіонъ.

dédommageront de tout cela. Il y en avait une hier, mais bien mauvaise, et pourtant je m'y suis amusé. J'ai trouvé des masques qui se sont occupées de moi. J'ai dîné chez Sapieha hier. Nous avons fait un excellent dîner et surtout très gai. Il n'y avait pas de femmes. Nous avons bien mangé, bien bu.

Наполеонъ вошелъ въ Мадридъ 4-го, но опять выѣхалъ на другой день въ Парижъ, а безъ него его брата поколотятъ.

Князю Парижъ не нравится. Онъ нездоровъ и духомъ, и тѣломъ. Сожалѣетъ о Вѣнѣ. Князь поссорился съ Румянц. и никакъ не хочетъ въ Парижѣ остаться, но не говоритъ объ этомъ.

1809.

Le 3 Janvier 1809.

Наконецъ, представленіе князево произвело свое дѣйствіе, и мои Дарданельскіе труды не остались безъ награжденія. Теперь, чистосердечно тебѣ признаюсь, одна мысль портитъ мое удовольствіе, а именно что для тебя ничего не сдѣлали, хотя ты гораздо болѣе меня заслужилъ. Непремѣнно надобно, чтобы Татищевъ вновь представилъ прямо Государю. Я съ нимъ поговорю и счастливъ буду, ежели тебя поздравлю скоро кавалеромъ. Мы все шли вмѣстѣ; больно бы мнѣ было имѣть знакъ, котораго бы ты не имѣлъ.

*

Вѣна, 1 (13) Января 1809.

По сіе время не рѣшена загадка, кто сюда будетъ посломъ. Здѣсь теперь цѣлый соборъ пословъ и министровъ. Строгановъ также пріѣхалъ умножить ихъ число. Какое-то ему будетъ мѣсто? Графиня Самойлова также здѣсь, je ne l'ai pas vu, mais on dit qu'elle est encore belle. Vous trouvez donc, m-r, que rien ne peut être comparé au chant de la princesse Nathalie? J'y conviens, et je vois que vous êtes attendri.

Вашъ купецъ Simson батюшкѣ навралъ о Парижской дешевизнѣ. Всѣ пишутъ, что мочи нѣтъ. Карета (je vous cite cela comme l'article que votre négociant dit être un des moins chers) стоитъ 25 луидоровъ въ мѣсяцъ. Князь сильно жалуется на дороговизну. Описываетъ намъ иныя статьи, кои съ Вѣною сравнить нельзя. Я вѣрю, что въ Парижѣ можно жить даромъ, но чтобы дешево было жить, это пустяки, кои всѣми опровергаются, кои тамъ и оттуда пріѣзжаютъ.

Карнавалъ начался. Баловъ немного будетъ въ нынѣшнемъ году, редуты начались, а въ Аполлоновой залѣ въ послѣднее Воскресенье

было до 7000 человѣкъ. Я тамъ пробылъ только до 11 часовъ и поѣхалъ въ редутъ, который меня гораздо болѣе веселитъ.

*

Вѣна, Января 11 (23) 1809.

Мы сами теперь, хотя и не по уши въ веселія, comme voi altri, но поздно очень ложимся: то редуты, то маленькіе балики, то вечеринки, но никогда прежде двухъ часовъ домой не приходишь. Баловъ, кажется, немного будетъ. Естергази, Лихтенштейнъ не сбираются веселить публику. Il faut donc se consoler avec les redoutes, et je m'y amuse comme un roi. Всегда находили во мнѣ съ тобою много сходства. Недавно еще Лизакевичъ хотѣлъ меня увѣрить, что я проѣзжалъ чрезъ Кальяри. Je l'accepte toujours avec reconnaissance. Я неоднократно тебя просилъ отъ меня Урусовымъ кланяться. Онъ человѣкъ весьма добрый, а она премилая женщина*). J'espère qu'elle a de l'amitié pour moi; quant a moi, je lui suis très sincèrement attaché. Д. П. опять вдругъ собрался отсюда вонъ. Хотѣлъ черезъ недѣлю непремѣнно ѣхать застать Карповыхъ въ Венеціи и Миланѣ. Il parlait de passeports. Je l'ai laissé dire et faire, devinant la raison. Era inturbidato il Cielo. Il paraît que le nuage est passé et quoiqu'il parle encore de son départ, mais très faiblement. J'ai eu une très longue conversation à votre sujet avec lui. Les résultats sont. «Je crois, me dit-il, que votre frère aurait tort de quitter la Russie tant qu'il n'y a rien de décidé pour moi. Au contraire il devrait y rester pour être là au moment qu'on me nommera à quelque poste. Alors il peut sur-le-champ demander à être placé avec moi. Ceci ne tardera pas à venir, et je crains, s'il n'est pas dans ce moment là en Russie, qu'on ne nomme un autre. Vous savez combien j'aime Alexandre et vous. Vous imaginerez bien combien j'en serais désolé!» Потомъ много мнѣ говорилъ о дружбѣ его къ тебѣ и кончилъ, какъ обыкновенно, разсказывая нѣсколько анекдотовъ о вашемъ житьѣ въ Палермѣ. Я все надѣюсь, что онъ отсюда не уѣдетъ; но мнѣ кажется, хотя нахожу примѣчаніе его весьма справедливымъ, что ежели бы ты имѣлъ обѣщаніе, но положительное, что тебя съ нимъ пошлютъ, гдѣ бы онъ ни былъ, то могъ бы сюда съѣздить. Онъ самъ увѣренъ, что ты въ Москвѣ влюбленъ, но знаешь ли что? Я самъ начинаю ему вѣрить. Et je l'approuve, pourvu que cela n'aille pas trop loin.

Écoutez, mais encore ce n'est que pour vous seul: Stakelberg сюда назначенъ; это вѣрно, ибо самъ о семъ пишетъ. Ежели чуть мое Па-

*) Сестра Д. П. Татищева, съ которымъ А. Я. Булгаковъ служилъ въ Неаполѣ.

рижское дѣло замѣшкается, то я весною или лѣтомъ хочу пріѣхать къ вамъ мѣсяца на два. Ежели ты еще въ Петербургѣ будешь, то вмѣстѣ поѣдемъ въ Москву и утѣшимъ нашихъ любезныхъ, собравшись всѣ вмѣстѣ къ нимъ. Ce projet est difficile à effectuer, mais mon désir est si grand que je saurais applanir toutes les diffucultés. Съ Божьею помощью все устрою; но прошу тебя о семъ не говорить никому, не для того, чтобы желалъ я имъ сдѣлать сюрпризъ, но чтобы не подать пустой надежды. Изъ Парижа пишутъ напротивъ, что графъ Румянцовъ не сбирается еще въ Петербургъ. Я получилъ отъ князя предружеское письмо, на которое также сегодня отвѣчать долженъ.

Генер.-маіоръ[1]), у котораго Гагаринъ отбилъ невѣсту, даетъ балъ, который (говорятъ) долженъ ему стоить 3000 р., ce qui n'est pas probable. Графъ Разумовскій также хочетъ дать балъ въ своемъ новомъ домѣ. Celui-là sera magnifique. Les piquenicks de la redoute sont très jolis. Comme il n'y a pas de bals, tout le monde y va et y danse. Cobenzl va mieux, mais ne s'éloigne pas de la mort. Стакельбергъ писалъ Анстету, чтобы ему домъ найти, но не назначилъ еще времени своего пріѣзда. Voyons ce que c'est. Je le plains de succéder au prince. Вечеромъ я познакомился съ графиней Самойловой. Ну, братъ, какъ она перемѣнилась! Mais je ne m'étonne pas, quand je pense à la fête du corps des cadets grecs, où elle était dans toute sa beauté et nous n'étions que des marmots. Elle parait être une très bonne femme; mais qui a fait ma conquète en plein, c'est le baron Strogonoff[2]). Il est impossible d'avoir une meilleur tournure et d'être plus aimable que lui.

*

Вѣна, Генваря 21 (Февраля 2) 1809.

Ты жалуешься на балы, и у насъ, братъ, не лучше: всякій день танцуемъ до упаду. Балы начинаются поздно, продолжаются до 6, 8 часовъ, а иногда еще два три бала въ день, такъ что мочи нѣтъ, а отказать нельзя; къ тому же редуты, пикники, а мнѣ по моимъ обстоятельствамъ вездѣ быть должно. Какъ успѣваю, не могу самъ понять, а еще удивительнѣе, какъ сношу все это. О несчастіяхъ Вѣны повторять тебѣ не буду, писалъ о семъ подробно батюшкѣ, съ тобой же поговорю о веселіяхъ. Графъ Разумовскій даетъ славный балъ на этихъ дняхъ. Другой у княгини Любомирской, у графини Пальфи, у Балша etc. etc. etc. Во дворцѣ всякую недѣлю преславный балъ. Всякій разъ сбираюсь не танцовать, но никакъ нельзя. Я ангажированъ

[1]) Глазенапъ? Говорится про князя Павла Павловича Гагарина.

[2]) Григорій Александровичъ, впослѣдствіи графъ.

на всѣ *tempêtes* съ графиней Траутмансдорфъ, а во дворцѣ всегда ихъ танцуютъ.

Мы завеселились и напугались: Дунай такъ расшутился, что сталъ мосты срывать и топить городъ. Сейчасъ получили мы отъ Штакельберга письмо. Онъ пишетъ, что еще официальнаго назначенія не получилъ, но уже заказываетъ здѣсь ливреи. Basile Dolgorouky a repassée par ici pour aller à Jassi. Il a maigri et est très bien. Il s'est beaucoup amusé à Paris. J'ai reçu des lettres de Grégoire, qui est toujours le même excellent garçon qu'il a été. Le prince m'écrit aussi des lettres très amicales et pleines de bonté. C'est un excellent homme et le meilleur chef du monde. Княгиня, слава Богу, здорова. Была на послѣднемъ придворномъ балѣ всѣхъ лучше, и всегда гдѣ бываетъ первая. Она очень похудѣла, и къ ней это пристало. Теперь походитъ она на пятнадцатилѣтнюю дѣвушку.

Вообрази, что на дняхъ былъ я на балѣ у графа Коловрата, который кончился завтракомъ въ $9\frac{1}{2}$ часовъ утра. Je parie que cela n'arrive pas à Moscou.

Княгиня съ Манзо еще не кончила. Все еще есть крючки. Сегодня долженъ ко мнѣ быть Servo, чтобы окончить разбирательство реестра, присланнаго отъ Карпова и который не согласенъ съ запискою Манзы.

*

Вѣна, 10 (22) Февраля 1809.

Ну, братъ, ты меня обрадовалъ, прослезилъ, отъ восхищенія видѣть батюшку довольнаго, спокойнаго, а тебя счастливаго. Можемъ ли мы менѣе для него сдѣлать, какъ посвятить дни наши на его спокойствіе; можемъ ли чѣмъ-нибудь въ свѣтѣ заплатить ему за всѣ его милости, за его любовь, ежели не старательствами о его благополучіи? Можетъ ли для него быть что-нибудь утѣшительнѣйшаго, какъ видѣть одного изъ насъ при себѣ? И эту-то часть долга ты, милый другъ, уплачиваешь? Ежели бы я могъ тебѣ въ чемъ завидовать, то въ этомъ; но надѣюсь, что вы недолго безъ меня будете, и что хоть на время присоединюсь я къ вамъ, милые моему сердцу, безъ счастья коихъ я не могу быть счастливъ. Но теперь поговоримъ о дѣлѣ не столь важномъ, но которое меня сильно занимаетъ. Я совершенно съ батюшкою согласенъ, что службу покидать не надобно, но не вижу, чтобы въ Архивѣ для тебя была малѣйшая польза служить. Занимавшись важнѣйшими дѣлами, мудрено посвятить себя развертыванію столбцовъ. Неужели не найдется въ Москвѣ мѣста выгоднѣйшаго? Въ семъ мо-

жетъ тебѣ мой благодѣтельный князь*) быть полезнымъ. Его покровительство много значитъ, а исходатайствовать оное я беру на себя. Онъ такъ часто мнѣ повторялъ и повторяетъ, что желаетъ мнѣ быть полезнымъ, чтобы считалъ я на его дружбу, и столько мнѣ давалъ опытовъ своего милостиваго расположенія, что я не сомнѣваюсь въ его содѣйствіи.

Третьяго дня, выходя изъ театра, нашелъ я въ сѣняхъ на скамейкѣ сидящую старуху. Казалось, что она была нездорова. Мы подошли къ ней. Она попросила чаю. Буфетъ уже былъ запертъ; пока побѣжали въ кофейный домъ за чаемъ, пока нашли лекаря, умерла она на нашихъ рукахъ. Ея человѣкъ тутъ былъ, мы велѣли принести носилки и отнесли ее совсѣмъ уже мертвую домой. Ей было 76 лѣтъ, имѣетъ прекрасный домъ и оставила болѣе нежели на два милліона имѣнія. Всегда была здорова; весь тотъ день была весела, поѣхала въ театръ, выслушала всю піесу; выходя оттуда, сдѣлалось ей дурно и умерла отъ удара. Нельзя веселѣе на тотъ свѣтъ отправиться.

*

Вѣна, Февраля 26 (Марта 10) 1809.

Только и говорятъ о войнѣ. Всѣ идутъ сражаться. Князья (а ты знаешь, что̀ это здѣсь значитъ), у которыхъ по полумилліону дохода, оставляютъ семьи свои, дѣтей и идутъ служить поручиками и командовать баталіонами. Сверхъ арміи, которая теперь ужасна, сверхъ милиціи, Венгерской инсурекціи, состоящей изъ 80 т. человѣкъ, изъ коихъ 24 конницы, поминутно слышишь, что тотъ даетъ 1000, тотъ 500 человѣкъ вооруженныхъ. Въ Вѣнѣ даже ремесленники оставаться не хотятъ, всѣ идутъ служить. Изъ милиціи въ одной ротѣ служатъ 4 брата, а какъ тѣмъ, коихъ обстоятельства требуютъ, чтобы они остались, сіе позволено, напримѣръ, отцамъ семействъ: то капитанъ и объявилъ четыремъ братьямъ, что ежели одинъ изъ нихъ захочетъ остаться, то сіе онъ устроитъ, и велѣлъ имъ спроситься у отца и принести отвѣтъ на другой день. Вмѣсто отвѣта приходитъ отецъ съ пятымъ сыномъ и говоритъ, что вмѣсто того, чтобы взять изъ службы защитника отечества, пришелъ онъ предложить пятаго своего сына, а какъ онъ самъ вдовецъ, то проситъ, чтобы и его взяли. Отца сдѣлали унтеръ-офицеромъ, и онъ самъ поведетъ къ непріятелю всѣхъ своихъ дѣтей. Другой себя продалъ канонику въ солдаты, дабы брату своему, который въ инсурекціи и не имѣлъ лошади, доставить способъ оную купить. Энтузіазмъ превеликій. Изо всего дворянства двое только мо-

*) А. Б. Куракинъ.

лодые люди не служатъ, потому что отецъ не хочетъ; они же въ отчаяніи. Здѣсь теперь ходитъ подписка, по коей женщины складываются, дабы доставить женамъ милиціонныхъ пропитаніе, пока мужья ихъ въ полѣ; въ сей подпискѣ только женщины, между прочимъ и императрица. Дамасъ хотѣлъ подписаться, но какъ сіе однѣ могутъ женщины, то и написалъ онъ la comtesse Roger de Damas 25 fr. par mois.

*

Вѣна, Марта 5 (17) 1809.

Ежели удастся тебѣ попасть въ камеръ-юнкеры, очень будетъ хорошо. Я надѣюсь, что удастся, а это сладить дѣло женское, такъ ты хорошо дѣлаешь, что взялъ эту дорогу. Видно, нашему доброму князю въ Парижѣ не заживаться. Я очень радъ, что мое перемѣщеніе не сбылось. Оставить хорошее и вѣрное мѣсто на столь неосновательное была бы совершенная глупость. У меня одно желаніе, чтобы князя опять сюда посломъ назначили; тогда всѣ будутъ довольны. Ему не хочется тамъ оставаться. Вчера получилъ я отъ него письмо, гдѣ онъ тоже мнѣ повторяетъ, et comme cela arrange tout le monde, je ne serais pas étonné de le voir ici dans deux ou trois mois.

*

Вѣна, 13 (30) Апрѣля 1809.

Ты, я чаю, зналъ генерала Линденау, который всегда гулялъ по Пратеру въ мундирѣ и примѣчателенъ былъ по своей странной фигурѣ. Онъ былъ съ эрцгерцогомъ Людвигомъ, и ему приписываютъ оплошное его поведеніе. Говорятъ, что эрцгерцогъ, когда его поколотили, спросилъ у Линденау: Was wird man denn von uns in Wien sagen? Линденау отвѣчалъ: dass sie ein junger Prinz und ich ein alter Esel bin.— Ежеминутно ожидаютъ новыхъ извѣстій, кои я вамъ тотчасъ напишу. Впрочемъ императоръ не только не робѣетъ, но будетъ воевать до послѣдняго человѣка. А для того, что генералиссимусъ потерялъ нѣсколько тысячъ человѣкъ и свою позицію оставилъ, неужели Австрія погибла, Австрія, у которой 26 милліоновъ подданныхъ? Непріятно только то, что, можетъ быть, война, будетъ производиться не въ Имперіи, а у самихъ границъ, а можетъ и въ границахъ здѣшнихъ; но и сіе еще не рѣшено, ибо эрцгерцогъ въ Камѣ съ болѣе нежели 100 т. войска, Гиллеръ въ окрестностяхъ Браунау съ 60 т. Сегодня выходятъ баталіоны милиціи 30 т. человѣкъ, а Французы безсомнѣнно сильно ослаблены потерями въ Италіи, Тиролѣ, побѣдою Гиллера, да и самимъ сраженіемъ съ эрцгерцогомъ.

Ежели паче чаянія Французы разобьютъ совершенно армію Австрійскую и придутъ сюда, то напередъ всѣмъ иностранцамъ, и стало

и дипломатическому корпусу придется оставить Вѣну; вотъ что̀ мнѣ бы весьма непріятно было, не имѣя теперь денегъ; но и сіе можетъ поправиться, когда ты, милый другъ, будешь въ Москвѣ: ибо батюшка мнѣ пишетъ, что тебя только ждетъ, чтобы мнѣ ихъ прислать. Ну, братъ, здѣсь все становится дороже, а мнѣ еще труднѣе жить тѣмъ, что̀ теперь имѣю; но о семъ я тебѣ уже довольно говорилъ. Поговоримъ-ка о твоихъ дѣлахъ. Мое нетерпѣніе узнать, какъ ты въ Петербургѣ все кончилъ и какъ главное твое дѣло идетъ,—чрезвычайно. Не могу дождаться твоихъ писемъ, но надѣюсь всякій день не лечь безъ нихъ спать, ибо ты вѣрно изъ Петербурга еще писалъ ко мнѣ по почтѣ, ежели не имѣлъ курьерской оказіи.

Въ промежутокъ времени, раздѣляющій эти письма, скончался въ Москвѣ Яковъ Ивановичъ Булгаковъ, а младшій сынъ его покинулъ Вѣну.

*

Петербургъ, 9 Августа (1809).

Милый, любезный, безцѣнный братъ. Не хочу пропустить первой почты, не описавъ тебѣ всего, что́ со мною было съ несчастной той минуты, когда я съ тобою разстался. Je suis parti, comme vous le savez, après minuit, j'ai été extrêmement vite, mais c'est le voyage le plus penible que j'ai fait de ma vie. Quel but! Et puis l'idée de vous avoir abandonnée peut-être à des desagréments momentannés que je n'avois pas partagé avec vous me tourmentait extrêmement. Enfin je suis arrivé ici le 8, au soir. Tourguéneff n'était pas à la maison. Je l'ai envoyé chercher et je me suis encore une fois persuadé que s'il y a des méchants dans ce monde, il y a aussi des bons, et nous avons des amis.: Tourgueneff a pris un intérêt amicale à notre malheur et au desagrément qui l'a suivi de si près. Je me suis habillé. J'ai envoyé P. chez Alexéyeff pour le prévenir de mon arrivée et lui demander un moment d'entretien. Alexéjeff a été extrêmement étonné de la raison qui m'a fait entreprendre ce voyage. Il avait beaucoup de monde, il jouait, mais il voulut abandonner tout cela pour me voir, chose à laquelle P. n'a pas consenti, mais il l'a prié de m'assigner une heure pour le lendemain. A. lui répondit qu'il resterait pour moi toute la matinée à la maison pour que nous puissions bien couler à fond toute l'histoire. À huit heurs j'étais chez lui. Je n'ai pas besoin de vous dire combien nous avons été touchés tous les deux de notre entrevue. Après bien des larmes et des embrassements il me fit asseoir et après avoir pris haleine tous les deux, il me demande donc comment tout s'était passé, les demarches que A. P. avait fait etc. *) Il ne l'a pas crû pen-

---

*) У братьевъ Булгаковыхъ былъ дядя Петръ Ивановичъ, въ это время уже покойный. Онъ имѣлъ трехъ дочерей: дѣвицу Александру, бездѣтную вдову Анну Кол-

dant longtemps. Il ne pouvait pas entrer dans son coeur une action aussi noire que celle-la. Ensuite il me dit: будьте спокойны, это предпріятіе гнусное и дерзкое, которое имъ кромѣ стыда ничего нанести не можетъ. Доказательства ваши такъ явны; впрочемъ кому не извѣстно, что батюшка для васъ только и жилъ, всегда вами былъ доволенъ и вами восхищался. Всѣ его письма ко мнѣ симъ наполнены. Указъ былъ написанъ весьма деликатно, какъ Государыня обыкновенно дѣлала. Мнѣ все кажется, что должна быть духовная батюшкина гдѣ-нибудь, тогда тотчасъ бы можно остыдить безсовѣстную А. П. Впрочемъ и эта духовная хотя недописанная, но вся писана его рукою, всему свѣту извѣстною, слѣдовательно и воля его несумнительна; а что вы его дѣти, кто можетъ это оспорить и кто знаетъ это лучше А. П.? Можетъ ли она не признаться, что это не рука ея батюшки? Слѣдовательно, чего она можетъ надѣяться? Ничего кромѣ стыда. Надобно попытаться тотчасъ прекратить зло въ его началѣ, а для сего просить Государя. Въ случаѣ же ежели онъ сего и не сдѣлаетъ, то для васъ только можетъ быть, признаться, весьма непріятный процессъ, но который кончится въ вашу пользу. Непріятенъ, потому что пойдетъ съ малыхъ судовъ, а тамъ всякій толковать будетъ по своему; а когда дойдетъ сюда, то неоспоримыя вы имѣете права.

Я ему говорилъ объ указѣ о Стрекаловыхъ. За нимъ послали, но это совсѣмъ другое. Стрекаловъ сдѣлалъ завѣщаніе. Мы и положили писать къ Государю. Послѣ обѣда я къ нему пріѣзжалъ; онъ мнѣ сказалъ, что онъ еще обдумалъ дѣло, спрашивалъ, сдѣлала ли А. П. какой-нибудь шагъ, кромѣ разговора съ нами. Я ему отвѣчалъ, что не думаю. А въ семъ случаѣ нельзя подавать письма, ибо въ сихъ дѣлахъ нельзя поступать легкомысленно. Государь можетъ спросить, что̀ соперники за подвигъ сдѣлали, а она можетъ отпереться, ибо только еще съ нами говорила. А мы, прибавилъ онъ, будучи здѣсь, мнѣ только вашъ братецъ напишетъ, что она что-нибудь сдѣлала, тотчасъ можемъ за дѣло приняться; а между тѣмъ надобно приготовить тѣхъ, кои дѣйствовать будутъ и помогать могутъ. Противу столь справедливаго разсужденія нечего было говорить, тѣмъ болѣе, что я совершенно съ нимъ согласенъ. — Потомъ онъ мнѣ сказалъ: А. П. ко мнѣ писала, я ей признаться и отвѣчать не хотѣлъ; вотъ ея письмо. Она, говоря Н. А. о *ея* позорѣ и *ея* огорченіи, проситъ у него продолженія дружбы его къ батюшкѣ и на нее съ сестрою, про-

---

товскую и княгиню Щербатову, послѣ которой остался сынъ князь Николай. Въ пользу свою, своей сестры и малолѣтняго племянника Колтовская предъявила права на имѣнія Якова Ивановича.

ситъ позволенія къ нему писать, и просить его совѣта, какъ ей поступать! И. А. на сіе сказалъ мнѣ: я ей буду отвѣчать и написалъ тотчасъ письмо, которое можетъ служить правиломъ и ее отвести отъ ея намѣренія. И. А. ожидаетъ отъ сего письма, что она образумится. Начиная весьма учтивымъ образомъ, говоря о дружбѣ къ батюшкѣ, о сожалѣніи о его кончинѣ, благодаря за ея къ нему довѣренность, говоритъ ей: а какъ вы требуете отъ меня совѣтовъ, то я себѣ долгомъ поставляю слѣдующее вамъ сказать. Дошло до меня, будто бы вы имѣете намѣреніе оспаривать права у дѣтей вашего дяди и благодѣтеля на имѣніе, отъ него имъ оставленное. Я сему не могу вѣрить; но ежели вы его и имѣете, то сіе предпріятіе, которое не можетъ имѣть для васъ никакого успѣха, покроетъ васъ только стыдомъ и отвратитъ отъ васъ участіе всѣхъ честныхъ людей. Кто лучше васъ знаетъ, что они его дѣти; кто можетъ это оспорить? Это всему свѣту извѣстно. Извѣстно также, что его намѣреніе было никому кромѣ ихъ всего своего имѣнія не отдавать. Сіе доказано духовною, которая хотя и не подписана, написана вся его рукою и будетъ имѣть неоспоримую силу, и сверхъ того долженъ я вамъ сказать, что у меня въ рукахъ множество тому доказательствъ, противу которыхъ ничего устоять не можетъ. Итакъ я вамъ совѣтую оставить въ покоѣ прахъ почтеннаго вашего дядюшки и не дѣлать никакого подвига, о коемъ вы только сожалѣть будете, ибо не получите никакой отъ него пользы; вы только отвратите отъ себя участіе А. Я. и К. Я., которое вамъ нужно. Cette grande lettre était toute dans ce sens. A. croit que cela l'empêchera de faire quelque démarche par devant les tribunaux.

En attendant, ne pouvant pas sortir hier moi-même pour chercher Levouschka*) et ayant passé presque toute la journée chez A, j'ai envoyé Tourguéneff qui l'a détiré. Ce bon a pris notre affaire à coeur avec une vivacité dont une âme sensible et noble est seule capable. Il parlera à sa tante et viendra me porter sa réponse, si je dois lui porter moi-même la lettre ou la lui remettre en cas que je ne puisse pas la voir seule.

A propos, envoyez-moi ma copie de la gramota de l'emp. Paul à papa à Vilna, où il lui dit: да узрятъ сыны сыновъ вашихъ etc. Plus il y a de documents, et mieux c'est. Левушка обѣщалъ въ первые дни говорить своей теткѣ et employer tout pour qu'elle se charge de nous; il était persuadé qu'elle de son côté ferait tout.

*

---

*) Т. е. Льва Александровича Нарышкина, племянника многосильной тогда Маріи Антоновны.

16-го Августа.

Вчера поутру И. А. писалъ ко мнѣ, чтобы пріѣхалъ я къ нему для переговора по причинѣ свиданія его съ кн. Лопухинымъ. Я явился; онъ сказалъ мнѣ, что ѣздилъ нарочно къ князю, дабы объясниться съ нимъ. Князь, не смотря что былъ занятъ, принялъ его и говорилъ болѣе часа о нашемъ дѣлѣ. «Что нужно сіе прекратить вначалѣ, что онъ съ своей стороны все сдѣлаетъ, что̀ отъ него зависитъ. Надобно подать письмо. Государь, вы знаете, самъ не рѣшится утвердить по оному правъ ихъ, а надобно упросить его, чтобы отдалъ дѣло въ Совѣтъ. Тамъ же, по моему сужденію, не можетъ справедливость дѣла подлежать сомнѣнію. Вы знаете, прибавилъ онъ, что просьбы подаются чрезъ Молчанова, но я охотно беру на себя эту поднести *самъ* Государю и при семъ случаѣ сказать все, что̀ для нихъ можетъ быть полезно. Я Якова Ивановича зналъ, вмѣстѣ съ нимъ учился. Впослѣдствіи мы только разстались служеніемъ нашимъ, онъ будучи въ чужихъ краяхъ» Алексѣевъ весьма доволенъ симъ расположеніемъ князя, который нраву холоднаго, но за сіе дѣло берется, кажется, охотно, а что̀ всего лучше берется подать самъ просьбу, чего онъ никогда не дѣлаетъ и что̀ великое сдѣлаетъ вліяніе и на прочихъ членовъ Совѣта, когда узнаютъ, что онъ столько старался; онъ же будетъ и по сему ходатаемъ нашимъ въ Совѣтѣ, чтобы доказать Государю, что онъ въ справедливомъ дѣлѣ интересовался. Не надобно давать простыть въ немъ сему расположенію. Алексѣевъ велѣлъ мнѣ тотчасъ изготовить прошеніе, привезти его къ нему для поправки, а потомъ отправить къ тебѣ для подписанія. Ехъ, ежели бы у меня былъ отъ тебя бланкетъ, тотчасъ бы это свихляли, пока нѣтъ здѣсь Румянцова, который одинъ, можетъ быть, будетъ иначе разсуждать.

А. поговоритъ съ Завадовскимъ, съ коимъ онъ очень хорошъ и который съ батюшкой коротокъ былъ. Я съѣзжу къ князю Куракину и всѣхъ будемъ къ сему дѣлу приготовлять, дабы оно имъ было извѣстно и прежде собранія въ Совѣтѣ.

Всѣ предложенія Анны Петровны вздорны, и мнѣ кажется, одни козни, а что она поддерживаема священникомъ, то сіе не удивительно: во всякомъ званіи есть изверги. Имъ же будетъ стыднѣе.

Пересмотри еще разъ всѣ бумаги и все что̀ найдется касательно до сего дѣла или какіе бруліоны ихъ писемъ о насъ, или что̀ въ журналѣ*) не сказано ли о насъ, то списавъ все, а бруліоны въ подлинникѣ пришли ко мнѣ.

---

*) Намъ неизвѣстно, гдѣ находится этотъ журналъ Якова Ивановича Булгакова.

За какого Миллера выходитъ Волкова? Уже не за пріятеля ли моего егерскаго генерала Ивана Ивановича, что̀ былъ раненъ пулею въ шею, и который былъ въ Вѣнѣ? Я бы очень этому радъ былъ. Онъ весельчакъ и очень добрый человѣкъ.

*

20 Августа 1809.

Я былъ вечеромъ у Новосильцова, съ которымъ долго говорилъ. Онъ также увѣренъ, что все сдѣлается какъ мы сего желаемъ и велѣлъ мнѣ къ себѣ ѣздить.

Не повѣришь, какой помощи для меня милый Тургеневъ.

*

24 Августа 1809.

Алексѣевъ велѣлъ тебѣ написать, чтобы ты постарался какъ можно, чтобы въ судѣ проволокли, чтобы позже о дѣлѣ докончили и чтобы позже къ тебѣ было требованіе. Сіе легко сдѣлать можно, и я увѣренъ, что ты уже и самъ о семъ подумалъ. Ежели же ты получишь требованіе, то отвѣчай на вопросъ, по какому праву вступилъ во владѣніе? По праву дѣтей, въ силу указа отъ такого-то года (тотъ же, на который столь мерзкимъ образомъ А. П. ссылается), что мы были введены имъ въ свѣтъ, ознакомлены, введены въ службу, какъ его дѣти и всему свѣту дѣтьми его извѣстны; что сверхъ всего сего есть духовная, которая послана въ Петербургъ и представлена на высочайшее утвержденіе.

*

26-го Августа 1809.

Письмо перемѣнено въ одномъ только мѣстѣ, по причинѣ приложенія свидѣтельства. Вмѣсто «сверхъ сего мы совершенно удостовѣрены и пр.» Ив. Алек. написалъ «сверхъ сего всѣ прочіе родственники наши, въ томъ числѣ родная сестра нашего родителя съ дѣтьми своими и нѣкоторые его друзья, вѣдавшіе истинное и всегдашнее его о насъ намѣреніе, письменно волю его подтверждаютъ въ свидѣтельствѣ, всеподданнѣйше у сего подносимомъ. Одна только изъ дочерей дяди нашего, вдова надворнаго совѣтника Колтовская, облагодѣтельствованная милостями отца нашего, забывъ благодарность и совѣсть, обнаружила желаніе завладѣть правами намъ однимъ принадлежащими».

Присланныя тобою два письма, изъ Эдикуля писанныя, въ случаѣ могутъ быть полезны. Спасибо тетушкѣ, что она хотѣла писать къ Государю въ пользу нашу.

Un de ces jours nous irons avec Alexéeff chez le prince Lopouchine, pour lui porter la lettre qui est déjà écrite. Il ne tardera sûrement pa,

l'ayant promis à A. de la présenter à l'Empereur avec ses réflexions. En outre il faut vous dire que S. M. est un peu informé de cette affaire et que j'ai trouvé le moyen d'intéresser plusieurs personnes. Voyons ce que cela deviendra. Le moment décisif n'est plus éloigné.

Графу Строганову говорилъ И. Н. Новосильцовъ. Они оба находятъ наше дѣло справедливымъ, и Новосильцовъ мнѣ сказалъ: Soyez tranquille, tout est pour vous excepté... L'Empereur peut décider la chose, c'est son plus beau privilège. Je ne doute point du succès.

*

31 Августа 1809.

Рѣшеніе тетушки*) оставить свѣтъ меня сильно огорчаетъ. Батюшка всегда сему противился; хоть этимъ ее склоните остаться, по крайней мѣрѣ не исполнить своего намѣренія до моего пріѣзда. Постарайтесь объ этомъ и моимъ именемъ ее попросите. Надобно ей тамъ совершенно быть спокойной, слѣдовательно надобно, чтобы и дѣла ея были въ порядкѣ; мы постараемся ихъ устроить. Надѣюсь, что семья наша, отдаливъ отъ себя фурію и получа вмѣсто ея *ангела*, будетъ теперь жить подлинно родственнически.

*

10 Сентября 1809.

Фастъ писалъ мнѣ о новомъ мерзкомъ поступкѣ Анны Петровны, которая не устыдилась напечатать въ газетахъ, чтобы должники батюшкины являлись къ ней. Хороши они будутъ, ежели только отъ нея имѣютъ надежду въ уплатѣ. Она, право, съ ума сошла. Я бы желалъ знать, что̀ она имъ скажетъ, ежели дѣйствительно явятся? Иванъ Алексѣевичъ однакожъ совѣтуетъ напечатать и съ нашей стороны въ газетахъ à peu près dans ce sens, что мы съ крайнимъ удивленіемъ усмотрѣли изъ такого-то номера «Московскихъ Вѣдомостей» вызовъ, учиненный такою-то, имѣющимъ претензію на покойнаго нашего родителя; для отвлеченія, однакоже всякаго недоразумѣнія и неудовольствія отъ тѣхъ особъ объявляемъ мы, что она въ имѣніи покойнаго не наслѣдница и чтобы являлись къ намъ. Faites arranger cet article par quelqu'un qui s'y entend, pour que l'on ne puisse pas s'y accrocher.

*

Сентября 14-го 1809.

Дѣла не скоро дѣлаются. Наше, признаться, идетъ препорядочно, но еще въ Совѣтѣ, потомъ должно идти на разсмотрѣніе къ Государю; у всякаго свой докладной день, слѣдовательно и Вейдемейеръ, который

*) Мавры Ивановны Приклонской, родоначальницы старшей нынѣ вѣтви князей Голицыныхъ.

по Совѣту докладываетъ разъ въ недѣлю, долженъ дождаться своей очереди и докладывать по порядку. Оттуда, ежели апробуется, Вейдемейеръ сообщаетъ волю Государеву министру юстиціи, который изготовляетъ указъ, представляетъ его Государю, а отъ него уже идетъ въ Сенатъ. Вотъ ходъ дѣла; поэтому ты можешь посудить, скоро ли я его окончу; но этимъ огорчаться нечего: надобно имѣть терпѣніе, лишь бы кончить все порядочно, а сверхъ терпѣнія надобно большую дѣятельность и стараться выигрывать сколь возможно времени. Ты можешь быть увѣренъ, что я здѣсь не зѣваю.

*

Сентября 21-го 1809.

Vous me donnez le conseil de faire parler à Spéransky. Je vous en remercie, mais je n'attrubue pas cela à une supposition de votre part que je néglige quelque chose. Dès mon arrivée il a été informé de l'affaire, l'a trouvé parfaitement juste et s'est beaucoup intéressé à la faire aller plus vite.

Spéransky est occupé de la partie des loix, et même sous ce rapport il a expliqué notre affaire en notre faveur.

*

22 Октября 1809.

Weydemeyer a tardé 6 semaines à présenter à l'Empereur la décision du Conseil, et puis probablement pour faire sa cour au comte Roumanzoff dont il a besoin, il aura proposé à Sa Majesté à demander aussi l'opinion de R. Celui-ci, d'après son principe de ne jamais être d'accord avec le Conseil, a écrit une voix qui ne nous est pas favorable. Mais il n'est pas dit pour cela que Sa Majesté l'écoutera de préférance à tout le Conseil. En attendant j'ai écrit une lettre très forte à madame Narichkine et sans lui parler de l'opinion de R., je l'ai combattu; j'ai parlé du retard qui nous ruine et lui ai décrit notre position d'une manière desespérante. J'espère que cette lettre sera lue par Sa Majesté et fera de l'effet. Vous voyez qu'il n'y a encore rien de désespérant, mais peut-être votre présence ici sera nécessaire; tenez vous donc dans la possibilité de partir quand je vous l'écrirai, mais au nom de Dieu ne dites rien à personne pour le moment, évitez même à votre femme et à nos amis une perte peut-être momentannée. Dites le pourtant à Wolkoff, car cela vous soulagera. Ne vous desespérez pas, mon cher ami, ayez toute confiance en Dieu, dans la justesse de notre cause et dans mes soins à détourner l'orage.

*

22 Октября 1809.

Alexéjeff, sa femme et le prince Galitzine, qui s'intéresse chaudement à notre affaire, croyent que vous feriez très bien de venir ici. Ne croyez pas, mon cher, qu'il soit arrivé quelque chose de nouveau; je vous donne ma parole d'honneur que je ne vous ai rien caché. Spéransky même est de l'opinion que la voix de R. ne produira pas d'effet; car il écrit toujours contre le Conseil et qu'ordinairement c'est comme s'il n'avait rien dit.

*

6-го Апрѣля 1810.

Я смѣялся надъ твоей скрибоманіей, любезный и милый братъ, а теперь самъ пришелъ ранѣе домой, чтобы начать къ тебѣ писать. Смертельно безъ тебя мнѣ грустно, а особливо мучительно мнѣ подумать, въ какихъ ты обстоятельствахъ возвращаешься, сколько непріятностей тебя ожидаютъ, которыхъ и я раздѣлить не могу! Что̀ дѣлать? Мы уже привыкли терпѣть, и видно для того только и рождены, но авось не всегда такъ дурно будетъ, авось и мы оттерпимся. Итакъ, отложимъ размышленія, кои только усугубляютъ печаль, и поговоримъ о дѣлѣ. Больно мнѣ было разставаться съ тобою; отъ этой печали, кажется, судьба могла бы меня избавить, но видно не хотѣла. Слава Богу, что Нарышкинъ съ тобою поѣхалъ, по крайней мѣрѣ не даетъ онъ тебѣ раздумываться, а не то бы было съ чего съ ума сойти. Разставшись съ тобою, былъ я у Волковой; сидѣлъ за столомъ, но не обѣдалъ. Послѣ обѣда ѣздилъ прощаться съ Бутурлиной, которая сегодня къ вамъ поплыла. Какъ-то вы мои милые доѣдете! Потомъ былъ у Пушкиныхъ; нашелъ всѣхъ въ величайшей грусти по насъ. Добрая графиня и ея дочери плакали, и мнѣ же приходилось ихъ утѣшать. Спрашивали много о тебѣ. Уѣзжая оттуда, принужденъ я былъ обѣщать имъ, что опять къ нимъ возвращусь ужинать; я было обѣщалъ Екатеринѣ Даниловнѣ, но не могъ и отъ Пушкиныхъ отговориться и такъ часть вечера провелъ у почтенной Волковой, гдѣ я весьма тронутъ былъ участіемъ доброй ея дочери, а ужиналъ у Пушкиныхъ. Графъ меня три часа держалъ, такъ что я домой пріѣхалъ въ величайшей усталости, отъ горести, отъ ѣзды, отъ разговоровъ. Тургеневъ уже спалъ на твоей постели. Право, какъ взошелъ въ комнату, какъ ножемъ въ сердце кольнуло отъ мысли, что тебя нѣтъ. Вотъ какъ кончился вчерашній печальный день!

Сегодня поутру говорятъ мнѣ, что Екатерина Даниловна у воротъ и желаетъ меня видѣть. Что за добрая женщина; видно, что она мать Александра. У ней кто-то былъ изъ дѣловыхъ людей и далъ ей для насъ совѣтъ, и для того только она трудилась ко мнѣ пріѣхать. Право,

братъ, есть добрые люди на свѣтѣ. Совѣтъ былъ не пустой. Я ѣздилъ обѣдать съ милымъ Тургеневымъ къ нашему благодѣтелю. Авг. Васильевна не обѣдала дома. Я говорилъ съ нимъ о совѣтѣ Екатерины Даниловны, и они совершенно апробовали, а именно препоручить Николаю Дмитріевичу Волкову ввести насъ во владѣніе деревней.

По сіе время ни Мих. Мих. ни другой кто мнѣ ничего не говорилъ. Онъ не былъ вчера въ Совѣтѣ, у Ив. Ал. его не видѣлъ.

Я былъ въ концертѣ Ромберга. Народу было множество, и я на нѣсколько времени забылъ свои горести. Играетъ онъ безподобно; всѣ были отъ него въ восхищеніи, а онъ, я думаю, доволенъ приходомъ. Оттуда пилъ я чай съ Боголюбовымъ и пришелъ домой рано, чтобы и тебѣ написать. Пришелъ, ибо тотчасъ отпустилъ карету, чтобы избавиться лишнихъ издержекъ. Никто по крайней мѣрѣ не попрекаетъ мнѣ, чтобы я что-нибудь сдѣлалъ противъ совѣсти и разсудка, а безсовѣстно тратилъ болѣе нежели имѣлъ. Rien n'est privative pour moi. La mer m'a habitué à me passer de tout, même du nécessaire. Я не могъ не сдѣлать размышленія, какъ непремѣнно должно родителямъ дѣтей своихъ опредѣлять въ такую службу, гдѣ бы они могли узнать нужду. Это на всю жизнь ихъ научаетъ все переносить и всѣмъ обходиться.

*

Апрѣля 11 1810.

Вчера я въ первый разъ ужиналъ у милаго Оленина. Сожалѣю искренно, что давно того не сдѣлалъ. Провелъ препріятный вечеръ.— Государь былъ нѣсколько дней нездоровъ. У него болѣла щека; не слышно и по вчерашній день, чтобы онъ выходилъ. Говорятъ, что князь Алексѣй Борисовичъ сдѣланъ оберъ-камергеромъ. Не знаю правда ли, но я думаю этотъ слухъ произошелъ отъ того, что ему послали мундиръ придворный шитый по всѣмъ швамъ, такъ какъ оберъ-камергерскій. Вотъ всѣ наши новости.

Мой Тургеневъ сбирается говѣть; говоритъ, что говѣетъ, но вспоминаетъ о семъ только ввечеру, когда цѣлый день ѣлъ скоромное. Сегодня мы обѣдали у Уварова.

*

14 Апрѣля 1810.

Наконецъ вчерашняго утра назначилъ мнѣ графъ *) свиданіе. Я былъ у него, и вотъ содержаніе нашего разговора. Я описалъ ему наше положеніе, невозможность имѣть до окончанія дѣла другихъ доходовъ, кромѣ жалованья, а оно слишкомъ мало для содержанія себя,

*) Графъ Н. П. Румянцовъ.

qu'il m'avait donné sa parole de nous protéger et que j'étais venu la réclamer. «Je ne puis pas aller à une mission quelquonque dans l'étranger, tant que l'affaire dure. Vous savez que tout y est cher, et il me serait impossible de vivre d'une manière décente avec mes appointements. Je puis vivre dans la misère dans mon pays, car ici je serais confondu dans la foule; mais à une mission je veux vivre d'après mon grade, ma place et d'une manière digne de ma nation. Et puis outre toutes ces considérations, je ne peux pas m'éloigner trop de mon frère; notre affaire pourrait exiger ma présence ici d'un moment à l'autre, il faut que je soie informé de chaque démarche que mon frère fait ou que nos adversaires feront contre nous, et les communications avec l'étranger sont lentes et couteuses. Je dois donc chercher une place qui réunisse les deux avantages, celui de ne pas m'éloigner trop de mon frère et d'avoir mes appointements avec le change. Je vous demande donc d'être placé en Moldavie auprès du commandant en chef et s'il est possible une augmentation d'appointements. En huit jours je puis être auprès de mon frère toutes les fois que ma présence sera nécessaire. Mais avant d'aller à ce poste vous me permetterez de passer un ou deux mois à Moscou pour mettre en train le procès». Il me répondit: Vous pouvez être persuadé que j'ai un besoin de vous être utile à tous les deux et que je m'en occupe sans cesse. Vous savez qu'il y a auprès du comte Kamensky un m-r Bloudoff, qui est moins ancien que vous?—M-r le comte, je mets une condition sine qua non, c'est que m-r Bloudoff restera et que ma présence ne lui portera le moindre préjudice. Je suis un peu lié avec lui et puis je n'ai jamais de ma vie fait la moindre chose contre ma consciance. Celle-là ne me permet pas de faire du tort à qui que ce soit. Je ne veux donc pas avoir sa place, je veux simplement être attaché au général à qui je pourrais être utile, connaissant bien les affaires de la Moldavie par la correspondance avec nos chefs, que j'ai conduite pendant tout le temps que j'ai été à Vienne.—La seule difficulté me dit-il, qu'il y aurait à cette nomination c'est votre ancienneté, mais s'il est possible d'arranger la chose de manière à ce que Bloudoff garde sa place et que vous y fussiez sans dépendre que du général-chef de la chancellerie, je le ferai. Donnez moi le temps d'y penser, demain je vais chez l'Empereur, je lui en parlerai, je metterai en avant vos services, votre position et je tâcherai de combiner le tout d'après votre désir. Pour ce qui regarde les deux mois que vous désirez passer à Moscou, il s'y rencontre une autre difficulté c'est que probablement les affaire de la Turquie ne dureront plus longtemps; nous espérons que le général Kamensky y mettera une activité qui amenera bientôt la paix. Les Turcs ont très peu de troupes.

Revenez, je vous prie, après demain, je pourrai vous dire quelque chose de plus positif, j'aurai du temps devant moi pour y penser et pour combiner tout pour le mieux. Encore une assurance du besoin qu'il a de nous être utile.—Et mon frère, m-r comte, que ferez-vous pour lui? —Quel est son projet?—Étant marié, établi à Moscou, il peut difficilement quitter cette ville où sa présence est indispensable pour notre affaire. Du reste ses ressources pécuniaires ne lui permettraient pas de vivre ailleurs.—Pour l'affaire, vous avez des amis à Moscou et pourvu qu'il reste en Russie il peut également la conduire. J'ai pensé à lui, car il faut vous dire que je m'occupe continuellement de votre sort. M-r Lwoff*), qui est auprès de moi, a perdu sa femme, il me tourmente pour quitter le service, je donne cette place à votre frère s'il veut l'accepter. C'est une place, je crois, de 2500 rbl. Croyez vous qu'il consente à la prendre? Prenez des informations sur cette place.—M-r le comte, je ne sais pas si mon frère a les connaissances qu'exige une place de cette importance?—Je le guiderai, j'y mettrai six mois et plus s'il le faut; la seule chose dans laquelle je ne puis lui être utile c'est dans la connaissance de la marche des affaires dans l'intérieur qui s'acquiert par la routine et la pratique.—M-r le comte, permettez moi de ne pas vous répondre sur cet article avant d'avoir écrit à mon frère.—Oui, demandez lui son opinion, je lui conserve cette place.—Après cela nous avons parlé de quelques ducats que j'ai à réclamer du Collège, et il m'a dit de prier Gervais de le lui rapeller avant d'aller chez l'Empereur.— Vous savez, dit-il, que Sa Majesté s'était refusé dans le commencement, mais je lui parlerai encore, et je tacherai de les obtenir. Revenez Vendredi et comptez sur mon zèle etc. etc. etc.

Я не могу вспомнить всѣ увѣренія которыми наполнилъ онъ промежутки нашего разговора. Тургеневъ въ восхищеніи отъ мѣста, которое тебѣ предлагаетъ графъ, да и подлинно оно весьма важно, ежели оставятъ его на томъ же положеніи, на которомъ имѣлъ его Львовъ. Совѣтовать трудно; принять ли тебѣ его. Мѣсто Львова—правитель канцеляріи по министерству комерціи, и жалованія онъ, кажется, 3000 ежели не болѣе получаетъ. Тургеневъ и Уваровъ думаютъ, что его никакъ упускать не должно. Подумай о семъ хорошенько. Не будетъ ли и для дѣла полезно, ежели ты будешь здѣсь? Не будетъ ли тебѣ пріятнѣе на нѣсколько времени удалиться отъ Москвы? Завтра я еще спрошу у графа, писать ли къ тебѣ объ этомъ, а пишу для того, чтобы ты болѣе имѣлъ времени передъ собой порядочно все обдумать. Тургеневъ обѣщался подробнѣе тебѣ писать о семъ мѣстѣ и его выго-

*) Ѳедоръ Петровичъ, отецъ извѣстнаго композитора и Ѳ. Ѳ. Львова, которому столь много обязано Московское Строгановское Училище. П. Б.

дахъ. Ежели же ты его не захочешь, то не имѣешь ли другого како-го въ виду? Надобно о семъ подумать, посовѣтоваться съ друзьями. Я ходилъ теперь къ Ив. Ал., чтобы съ нимъ посовѣтоваться, но никого не нашелъ дома. Жаль очень! О всемъ, что̀ я тебѣ писалъ, не надобно разглашать.

Я просился въ Молдавію по всѣмъ вышеупомянутымъ причинамъ. Ежели подлинно дѣла тамъ идутъ къ окончанію, то при мирѣ могу и я себѣ получить какую-нибудь выгоду, а между тѣмъ жалованье тамъ дается серебромъ, слѣдственно и я бы имѣлъ, вмѣсто одной, три тысячи. Не вбивай себѣ въ голову, чтобы тутъ были какія-нибудь другія причины, зная мою страсть къ военной службѣ. Это все хорошо бы было въ счастливое время, а не тогда, когда я долженъ стараться всячески облегчать твою участь.

*

Апрѣля 18-го 1810.

Я къ тебѣ писалъ съ прошедшею почтою о свиданіи моемъ съ графомъ; въ другомъ письмѣ прибавилъ тебѣ, что онъ съ Государемъ говорилъ и все устроилъ такъ, какъ я сего желалъ, т. е., чтобы ни канцелярія графа Каменскаго отъ меня не зависѣла, ни я отъ нея, я былъ бы просто при главнокомандующемъ при особенныхъ препорученіяхъ. Такъ оно и сдѣлано.

Молдавскія дѣла вѣроятно скоро кончатся, а тогда и я свободенъ буду, сдѣлавъ свой долгъ. Между тѣмъ не брани меня, милый братъ, что я рѣшился съ тобою не посовѣтоваться: это сдѣлалось такъ скоро, что я не успѣлъ.

У меня есть до самой Молдавіи товарищъ, докторъ Мазаровичъ, который также туда опредѣленъ. Мы и въ Москву съ нимъ ѣдемъ; я думаю, что ему можно будетъ у насъ прожить то время, что я съ вами буду.

*

21-го Апрѣля 1810.

A propos, намъ весьма полезна можетъ быть грамота покойнаго Государя къ батюшкѣ; даже мы можемъ на ней упереться. Тамъ сказано *сыны сыновъ* вашихъ. Не написалъ бы Государь сего, ежели бы у батюшки насъ не было, это стоитъ признанія; сказанное Государемъ святымъ и ненарушимымъ почитается, а также грамоту должно всегда толковать благодѣтельнымъ образомъ для того, кто такія услуги оказалъ отечеству, какъ батюшка, и для дѣтей его. Всѣ здѣсь этой мысли. Я препоручилъ гр. Алек. Ив. поговорить о семъ съ Кошелевымъ и далъ ему копію съ грамоты.

Генер.-адъют. Уваровъ ѣдетъ въ Молдавію. Князю Александру Борисовичу сдѣлалось такъ дурно на церемоніи бракосочетанія *), что его вынесли. Онъ, не смотря на свою подагру, хотѣлъ присутствовать и очень отъ этого занемогъ. Марья Алексѣевна, говорятъ, ѣдетъ въ половинѣ Мая въ чужіе края.

Апрѣля 25-го.

Я намѣренъ въ Пятницу поутру оставить несносный для меня Петербургъ и скоро послѣ того быть въ объятіяхъ вашихъ. Вели приготовить двѣ кровати, для меня и моего товарища. Сегодня былъ я въ канцеляріи и взялъ записку къ государ. казначею для полученія дорожныхъ денегъ; послѣ-завтра поутру возьму отъ графа письмо къ Каменскому и съ благодѣтелемъ своимъ, съ вторымъ отцомъ прощусь, а тамъ уже меня ничто здѣсь не будетъ держать и ежели не въ Четвергъ, то въ Пятницу *вѣрно* выѣду. Вчерась получилъ я отъ Оленина наши бумаги безъ всякаго другого отвѣта. Я ихъ отдалъ на сбереженіе И. А. до дня моего отъѣзда, а онъ мнѣ показывалъ письмо графа Завадовскаго къ графу Гудовичу. И. А. говорилъ, что онъ не могъ бы болѣе интересоваться о своихъ дѣлахъ, и мы ожидаемъ великую отъ этого письма пользу. Я его съ собою привезу. Я ужиналъ вчера у Оленина съ Ремановъ, который скучаетъ по Москвѣ. Послѣ обѣда заѣзжалъ я къ Екатеринѣ Даниловнѣ, а обѣдалъ у Гриши Гагарина. Этотъ добрый, милый малый ежедневно даетъ мнѣ доказательства искренней дружбы.

У бѣднаго Уварова украли два перстня брилліантовые въ 2500 рублей, что̀ его чрезвычайно разстраиваетъ.

*

28 Апрѣля 1810.

А Нева еще не прошла!
А я еще здѣсь!

Я бы еще вчера или сегодня отсюда выѣхалъ, милый и любезный братъ, но по сіе время не могу добиться моихъ дорожныхъ денегъ. Канцлеръ сообщилъ министру финансовъ 22-го числа, чтобы мнѣ выдать на проѣздъ 300 р.; съ тѣхъ поръ я все за ними бѣгаю и получить не могу, ибо надобенъ подписной указъ Государя, а Гурьевъ сегодня только съ докладомъ ѣздилъ.

Ты забылъ, что я получаю 1000 фр. съ курсомъ, т. е. по 50 штиверовъ, а рубль теперь не болѣе двѣнадцати штиверовъ, слѣдовательно и мало класть, такъ мнѣ 4000 фр., да 20 fr. на мѣсяцъ столовыхъ, тожъ составятъ слишкомъ 2000. Куда мнѣ ихъ дѣвать, ежели не раздѣлить съ тобою? Да захочу ли я ихъ на что иное употребить?

---

*) Т. е. въ Парижѣ, гдѣ Наполеонъ вѣнчался съ Маріей Луизой.

ИЗЪ СОБРАНІЯ АВТОГРАФОВЪ, ПРИНАДЛЕЖАВШИХЪ А. С. НОРОВУ.

Петра Великаго.

1.

Min Her.

Какъ вамъ сіе письмо дойдеть, тотчасъ изволь послать полкъ в Питербургъ какъ возможно скоряя. Piter.

Ізъ Полоцка, въ 28 д. іюня 1705.

2.

Господинъ камендантъ.

Отправлены отсель с корабля Ляѳерма Аглинской морской капитанъ Порнель, а с нимъ морскихъ служителей и матросовъ двѣсти двадцать одинъ человѣкъ; и когда оные въ Перновъ приѣдутъ, то отправьте ихъ до Риги такимъ же образомъ, какъ и первыхъ, кои отсель прежде отправлены, давъ имъ на дорогу до Риги правианту.

Подписано: Петръ.

С карабля С. Екатерины, Июня въ 23 день 1714 г. Отъ Ревеля.

По сложеніи пакетомъ, имѣетъ надпись: Господину каменданту Перновскому Панину*).

3.

Указъ уряднику Петру Ртищеву.

Ѣхать тебѣ на заставу і тамъ обрѣтающего офицера взять і привести с собою, а судно Івана Михайловича, которая, сказываютъ, задержено отправить сюды. Петръ.

Ізъ Астрахани, въ 4 д. Іюля 1722.

4.

Статы нужъныя господину Брюсу:

1. Чьтобъ подъ 6 і 3 ѳунтавыя пушьки здѣлать сани, на которыхъ поставить іхъ станками безъ калесъ, чьтобъ мочьно сътрелять зимнимъ временемъ, такъже на 12 мартироѳъ здѣлать сани жъ.

2. Ста три іли четыре ізготовить лѣсницъ, штормовыхъ добрыхъ і сани, на чемъ вѣзть, покърытыя лубьямъ, чьтобъ была не знать іхъ.

---

*) Ивану Васильевичу, женатому на племянницѣ Меншикова, Аграфенѣ Васильевнѣ Еверлаковой. Это родители славныхъ графовъ Никиты и Петра Ивановичей. П. Б.

3. Мѣшъкоѳъ щить (такъ: вм. сшить) холшевыхъ съ 50 іли 60 в диаметре по 7 і по 10 ѳутовъ аглинскихъ, а длиною по 4 іли болше сажень ручьныхъ; такъже і обыкновенныхъ мешкоѳъ надѣлать, за которыми бы могъ человѣкъ схоронитца і нести.

Екатерины I-й.

Господинъ полковникъ і камендантъ.

Известуемъ вамъ, что противъ 8-го числа сего мѣсяца всемогущій Господь Богъ меня отъ имѣвшаго бремени милостиво освободилъ и любезнѣйшею насъ дщерью даравалъ, которой наречено имя Маргарита; и сею новорожденною царевною вамъ поздравляемъ. Впротчемъ пребываемъ Царица Екатерина.

Въ день Сентября 1714 г. Изъ Санктъ-Питербурха.

Надпись: Господину полковнику и каменданту Панину. Въ Перновѣ. *Все письмо, подпись и надпись писаны одною рукою.*

Анны Іоанновны.

Анна Михайловна.

Поѣхалъ вашъ мужъ къ Москвѣ по васъ, также и для покупки мнѣ, и вы все исправя пріѣзжайте въ Митаву къ моему рожденью; и я послала тебѣ на дорогу и на прогоны пятдесятъ рублей, да еще Лискѣ десять рублей на прогоны ея и на проѣздъ; также я тебѣ послала тридцать рублей на соболи, купи себѣ соболи двѣ пары на шею; также послала деньги сорокъ рублей, купи мнѣ шелковъ сученыхъ Китайскихъ и несученыхъ; а сколько купить, при семъ роспись прилагаю. А будетъ у Лиски ребенокъ живъ, вели его взять съ собою. Есмь вамъ доброжелательная Анна.

Изъ Митавы 1 день Декабря 1724 году.

Анютка здравствуй.

Отдай мои письма Хвощенской Матронѣ карлицѣ кармилицѣ Степановнѣ и Савишнѣ. Прочти Савишнѣ сама письмо сіе. Поговори брату своему, чтобъ онъ поговорилъ Боскакову о Хвощенской, чтобъ ее въ моностырѣ не обижали, она ужъ человѣкъ старой.

По сложеніи пакетомъ, надпись: Аннѣ Михайловнѣ Казатавлевой*).

Цесаревны Анны Петровны.

Господинъ.

При сей оказіи намѣреніе мы возымѣли вамъ объявить, что мы за помощію Вышняго въ Киль сего Августа 15 съ его королевскимъ

*) Это мать министра внутреннихъ дѣлъ при Александрѣ I-мъ, Осипа Петровича Козодавлева. П. Б.

высочествомъ съ любезнымъ моимъ супругомъ прибыли благополучно. Впрочемъ пребываю доброжелательная вамъ. *Подписано:* Анна.

Киль, Августа 21 ч. 1727 году.

Помѣта: Получено Сентября въ 9 день чрезъ Семена Петровича Нарышкина отъ цесаревны Анны Петровны.

Князя Багратіона.

Милостивый государь мой Петръ Григорьевичъ.

Мнѣ сказывали, что вы въ Бухарестѣ и ужъ въ отставкѣ. Я прошу васъ дружески пріѣхать ко мнѣ въ Житомиръ. Очень, право, хорошо бы въ мѣстѣ пожили. Мнѣ очинъ жалъ, что до сихъ поръ не могу получить отъ васъ журнала моего. Прошу съ нарочнымъ прислать или при оказіи. Я увѣренъ, что вы пожелаетѣ бросить скверный климатъ и къ намъ пожалуите. И такъ прощайтѣ, въ ожиданіи вашемъ имѣю честь быть вашъ милостивый государь покорнѣйшій слуга кн. Багратіонъ.

Житомиръ.

Это письмо къ П. Г. Буткову, которымъ и помѣчено сверху: Получ. въ Осинов. 31 Октября 1811.

А. П. Ермолова *).

Милостивая государыня Варвара Егоровна.

Искренно-добрый другъ мой, позволивъ мнѣ жить у себя, доставилъ мнѣ честь принадлежать обществу вашему, и я въ благосклонномъ и обязательномъ обращеніи вашемъ не только не нашелъ упрека въ неловкости стараго солдата, напротивъ большое весьма снисхожденіе. Всего легче было вамъ замѣтить во мнѣ человѣка исполненнаго совершенной признательности, менѣе умѣющаго высказывать ея нежели чувствовать. Всѣ неудобства жизни, къ которой до престарѣлыхъ лѣтъ моихъ не сдѣлалъ я привычки, изчезали въ бесѣдѣ вашей при постоянно благосклонномъ пріемѣ и дружескомъ вниманіи. Избалованный имъ я началъ уже допускать смѣлую мысль, что я не всегда скучалъ вамъ собою. Въ этомъ заимствовалъ я свое успокоеніе, въ которомъ почтенный Авраамъ Сергѣевичъ, при нескончаемыхъ занятіяхъ его и бумагахъ, не могъ взять большаго участія, и оно принадлежитъ вамъ. Женщина одна способна это сдѣлать съ подобною ловкостію и вмѣстѣ съ деликатностію.

Имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и неограниченною

*) Къ В. Е. Норовой, супругѣ Авраама Сергѣевича.

преданностію милостивой государыни покорнѣйшій слуга Алексѣй Ермоловъ.

22 Марта 1855. Москва*).

Три письма А. Х Востокова

1. *Кіевскому митрополиту Евгенію.*

Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивый государь и архипастырь!

Праздники Успенія Богородицы Августа 15-го и Рождества Богородицы Сентября 8-го во всѣхъ извѣстныхъ мнѣ древнихъ Мѣсяцословахъ Словянскихъ означены. Въ Остромировомъ Евангеліи упомянуто о нихъ слѣдующими словами:

На листѣ 216: **и҃ Мц҃а. того** (Сентября 8) **на рожьство ст҃ѣи бц҃и ҁаоутра. се же г҃лн. и къ проуадъ праздьникъі юже. про҃. гла҃. д҃. Сказа г҃ь сп҃сен ѥг҃и. Къ спонт: ева҃. отъ лоу҃. гла҃. г҃. Къ дьни оны въставши марию иде въ горьница съ тъщаниѥмъ въ градъ июдовъ** и т. дал.

А се на литоургии: ева҃. отъ лоу҃. гла҃ рк҃в. Въ врѣмѧ оно вънидe іс҃ въ вьсь етерѫ жена же етера именемь марѳа приѩтъ и въ домъ свои и т. д.

На листѣ 286: **Къ тъ҃ дьнь** (Августа 14) **наксуерие прѣст҃ыѩ бц҃ѧ. еі Мц҃а то҃. прѣставлениe ст҃ѣи бц҃и. ева҃. отъ лоу҃: Къ врѣ҃ оно. вънидe іс҃ въ вьсь. пи҃. и҃. септ҃ѧ.**

Оба праздника сіи безъ сомнѣнія уже существовали въ Греческой церкви во время перевода церковныхъ книгъ на Словянскій языкъ, почему и не могли быть пропущены ни въ одномъ Словянскомъ мѣсяцословѣ. А что они уставлены прежде XII-го вѣка и даже прежде XI-го, сіе доказывается мѣсяцословомъ Греческимъ, писаннымъ до 984 г. при Василіи Порфирородномъ и напечатанномъ въ Урбинѣ 1727 года (Menologium Graecorum jussu Basilii Imperatoris graece olim editum etc. Urbini. 1727 fol). Тамъ помѣщены сіи праздники:

Том. I стр. 24: *τὸ γενέσιον τῆς ὑπεραγίας* etc. Том. III стр. 203: *ἡ κοίμησις τῆς ὑπερενδόξου Δεσποίνης ἡμῶν Θεοτόκου.*

Прилагаю при семъ еще для вашего высокопреосвященства выписку изъ Годескардовыхъ житій святыхъ о времени установленія праздниковъ Рождества и Успенія Богородицы въ Латинской и въ Греческой церкви. Я не выписалъ одного мѣста изъ этой же книги, гдѣ сказано, что въ Сиріи и Египтѣ и въ нѣкоторыхъ западныхъ цер-

*) А. П. Ермоловъ ѣздилъ въ Петербургъ, на похороны Николая. Онъ останавливался у боевого Бородинскаго товарища своего А. С. Норова, министра народнаго просвѣщенія. Московскій Университетъ купилъ тогда у А. П. Ермолова его библіотеку, книги которой переплеталъ онъ самъ (и большею частію въ бархатныя и шелковыя ткани). Жуковскій подарилъ ему свои сочиненія съ подписью: на чтеніе и въ переплетъ. П. Б.

квахъ день Успенія Богородицы полагаемъ былъ 18-го Января, и что въ послѣдствіи уже перенесли сей праздникъ на 15-е Августа. Можетъ быть все это извѣстно уже вашему высокопреосвященству?

Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть вашего высокопреосвященства всепокорнѣйшій слуга Александръ Востоковъ.

С.-Петербургъ, 26 Апрѣля 1829.

Vie des pères, des martyrs et des autres principaux saints etc., ouvrage traduit de l'anglais de m. Alban Butler par l'abbé Godescard. Paris 1785. tome VII. pag. 303: La fête de l'Assomption se célébrait avec une grande solemnité avant le sixième siècle dans l'Église et dans l'Église grecque, ce qui se prouve par les anciens Sacramentaires qui existent avec des Calendriers complets, avant le temps du pape Serge, comme le Pontifical en fait foi, et avant le règne de l'Empereur Maurice, comme on le montre par l'autorité de Nicéphore. *l. 17 c. 28.* Voyez Baronius *Annot. in martyr.* Mabillon, *in Liturg. gallic. l. 2. pag. 118.* Pagi in *Brev. gest. Rom. Pontif. in Sergio n. 26.* Martene, *de antiq. Eccles. disciplina in dif. Offic. celebr. c. 33. n. 25.* Thomasin etc.

pag. 304: Nicéphore Calixte dit, l. 7. c. 28., qu'en 602 l'Empereur Maurice ordonna le célébrer le 15 d'août, *le Repos* de la Sainte Vierge. Les Capitulaires rédigés à Aix-la-Chapelle, en 817, sous le Débonnaire, fixent, *l. 1. c. 186.*, cette fête au 18 avant les calendes de septembre, c'est à dire, au 15 d'août.

t. VIII. pag. 361: Il y a plus de mille ans que la fête de la Nativité se célèbre dans l'Église avec beaucoup de solemnité. Il est parlé dans *l'ordre Romain* des Homélies et de la Litanie qu'on y devoit lire, suivant ce qui avoit été décidé par le pape Serge en 688, ainsi que d'une Procession qui s'y faisoit, de l'Église de saint Adrien, à la Basilique Libérienne, connue aujourd'hui sous le nom de Sainte Marie Majeure. — — Les Grecs (comme on le voit par l'Édit de l'Empereur Emmanuel Comnène), les Coptes d'Egypte et tous les chrétiens de l'Orient la célébroient autrefois et la célèbrent encore avec une grande solemnité.

pag. 362: Voyez sur l'histoire de cette fête Flerentinius et Fronteau dans leurs Notes sur les anciens Calendriers qu'ils ont publiés; Martene, *l. de antiq. Eccles. discipl. in div. officiis c. 34. n. 1.* Tillemont, *note 4 sur la vie de la Sainte Vierge*; Baillet, *Histoire de cette Fête*; Pagi, *Brev. gest. Rom. pontif. in vita Innoc. IV. n. 18.* Thomassin, *Tr. des fêtes l. 2. c. 20.* et surtout le card. Prosper Lambertini *part. 2. de festis B. M. Virg. c. 131.... 136.*

Schmidius *Prolus marian.* objecte inutilement qu'il n'est point parlé de cette Fête dans les capitulaires de Charlemagne, puisq'on la célébroit en Italie longtemps avant ce prince. Qu'on ne dise pas non plus que, suivant Thomassin, Falbert de Chartres est le premier qui en ait fait mention en 1000. Elle est expressément marquée au 8 de Septembre dans le céfèbre Calendrier manuscrit qui se garde au Trésor de la Cathédrale de Florence, et qui est de l'an 813 (Voyez Léonard Ximénès *del gnomene Fiorentino*, imprimé à Florence en 1757). Walter ou Gauthier, évêque d'Orléans, parle de la fête de la nativité de la Sainte Vierge, comme établie en France en 871. *Conc. Labb. t. VIII. p. 648.*

2. Графу Н. А. Протасову.

Его сіятельству, господину оберъ-прекурору Святѣйшаго Сѵнода, генералъ-адъютанту графу Николаю Александровичу Пратасову.

Намѣренъ былъ издать въ свѣтъ составленный мною списокъ съ древнѣйшей Словянской рукописи, хранящейся въ здѣшней Императорской Публичной Библіотекѣ,—съ Остромирова Евангелія, писаннаго въ 1056 году, къ которому я приложилъ Греческій текстъ Евангелій и грамматическія объясненія, я покорнѣйше прошу ваше сіятельство исходатайствовать мнѣ отъ Святѣйшаго Сѵнода дозволеніе къ напечатанію сего списка. Цѣль изданія сего есть ученая, относящаяся къ изслѣдованію древняго Словянскаго языка и къ удовлетворенію желанія любителей древностей. Статскій совѣтникъ А. Востоковъ.

18 Ноября 1840 года. Его сіятельству графу Н. А. Пратасову *).

3. К. С. Сербиновичу.

Милостивый государь Константинъ Степановичъ!

Имѣю честь препроводить къ вашему превосходительству при семъ рукопись мою Остромирова Евангелія со сдѣланнымъ къ предисловію дополненіемъ по указаніямъ митрополита Филарета Московскаго. Я показывалъ предварительно это дополненіе высокопреосвященному Филарету, и онъ изволилъ одобрить оное. Также и то мѣсто въ предисловіи мною исправлено, на которое изволилъ указать его сіятельство господинъ оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Сѵнода. Мнѣ остается покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, поспѣшить теперь представленіемъ этой рукописи въ Сѵнодъ и въ Духовную Цензуру, дабы я могъ скорѣе приступить къ печатанію.

---

*) Извѣстно, что изданіе Остромирова Евангелія сопряжено было съ большими затрудненіями цензурными и долгою канцелярскою проволочкою. П. Б.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою А. Востоковъ.

6 Февраля 1842 г. Его превосходительству К. С. Сербиновичу.

И. И. Дмитріева *).

Милостивый государь Абрамъ Сергѣевичъ!

Спѣшу изъявить вамъ чувствительную благодарность мою за пріятное ваше письмо и подарокъ двумя книгами; еще болѣе за прекрасный вашъ переводъ Ермака. Нельзя ближе быть къ подлиннику, и я увѣренъ, что одинъ только землякъ, и притомъ самъ поэтъ можетъ перевести съ такою вѣрностью и силою.

Вѣроятно вы уже не однажды видѣлись съ к. Вяземскимъ. Прошу васъ сказать ему мое почтеніе. Теперь нѣтъ у насъ въ Москвѣ ни одного поэта изъ линейнаго войска; осталась одна внутренняя стража.

Примите искреннее увѣреніе въ чувствахъ совершеннаго почтенія и преданности, съ коими навсегда имѣю честь пребыть вашъ милостиваго государя покорнѣйшій слуга. *Подписано*: Иванъ Дмитріевъ.

Москва, 1823 Іюня 23-го.

К. Н. Батюшкова.

1. Ѣду сію минуту въ Москву, оттуда въ Одессу. Черезъ Москву ѣду нарочно съ тѣмъ чтобы отдать брата въ пенсіонъ. Если тебѣ нельзя, то пришли его въ коляскѣ, на своихъ, съ людьми надежными; вели имъ остановиться на хорошемъ постояломъ дворѣ и отыскать меня въ домѣ Московской гимназіи у директора оной Петра Михайловича Дружинина. Мнѣ будетъ пріятно увидѣться съ тобою, но, скажу чистосердечно, въ Москвѣ по пріѣздѣ Государевомъ будетъ такъ шумно и столько хлопотъ у меня, что лучше поберечь себя, и тебѣ тѣ деньги, которыя издержишь въ Москвѣ, употребить на брата. Вотъ мой совѣтъ чистосердечный. А тебѣ совѣтую проводить Помпея до Ярославля и тамъ пожить съ сестрою или взять ее въ деревню, до тѣхъ поръ пока не устроятся ихъ дѣла: необходимо ей узнать васъ и привыкнуть къ вамъ. Брату изготовь бѣлье нужное и поболѣе. Человѣкъ ему, полагаю, не будетъ нуженъ, но если бы нянька его согласилась годъ пробыть въ Москвѣ, то было бы это не худо. Впрочемъ не могу ничего сказать рѣшительнаго, не видавшись съ содержателемъ пенсіона. О деньгахъ за пенсіонъ не безпокойся, я заплачу за полгода, но изъ тѣхъ, кои даны тебѣ Ив. Сем., пришли мнѣ, на издержки, платье и проч.; дай серебреную ложку, это водится, и все что придумаешь. Людямъ

*) Къ А. С. Норову.

ѣдущимъ съ братомъ, именемъ моимъ закажи пить и скажи, чтобы вели себя исправно. Прости, болѣе писать не въ силахъ. Все укладываютъ, лошади готовы, и я уже заранѣе усталъ, такъ захлопотался! Сестрамъ усердно кланяюсь.

Спб. 11 Мая 1818.

По сложеніи пакетомъ имѣетъ надпись: Ея высокоблагородію милостивой государынѣ Александрѣ Николаевнѣ Батюшковой. Въ Череповцѣ.

2. К. N. проситъ Г. А. приказать купить для него склянку жасмину или резеды, цвѣтной бумаги зеленой и розовой; листокъ—золотой и серебряной.

Записка эта написана карандашемъ Г. А. Гревенсу.

В. А. Жуковскаго.

1. Здравствуйте любезный дядюшка Леонтій Васильевичъ *), я надѣялся самъ нынѣшнею осенью обнять васъ; анъ нѣтъ, живи не такъ, какъ хочется, а такъ, какъ Богъ велитъ. Жена больна, и я принужденъ переселиться въ Баденъ, отдать ее на руки Гуггерта, и между тѣмъ жить, скрѣпя сердце, посреди бунта, всякаго рода пакостей и завидовать тѣмъ, которые ушли отъ этого волкана въ покойное пристанище нашей Святой Руси.—Прошу васъ переслать приложенное письмецо Фонъ деръ Бриггену. Прошу такъ же обо мнѣ помнить съ вашею прежнею благосклонностію; а чтобы вѣрнѣе остаться въ вашей памяти, я поручилъ передать вамъ отпечатанные томы новаго изданія моихъ сочиненій; въ нихъ найдете многія вамъ неизвѣстные стихотворныя грѣхи мои; между прочимъ и Одиссею. Вы получите вашъ экземпляръ отъ Родіонова; онъ же доставитъ вамъ послѣ и слѣдующіе томы. Благоволите взять отъ него еще экземпляръ и переслать его Ф. д. Бриггену отъ меня. Простите, дядюшка; будьте здоровы и помните преданнаго вамъ Жуковскаго. Мой адресъ: à Bade Bade, maison Kleinmann.

10 (22) Октября 1848.

2. Доску вашу получилъ и постараюсь что-нибудь и какъ-нибудь на ней нацарапать. Важное NB: дурнаго, то есть весьма дурного, не дамъ; полудурное съ Богомъ. Вашъ преданный Жуковскій.

3. Постараюсь исполнить ваше желаніе, но какъ скоро не знаю и ничего не могу обѣщать. Дождусь минуты вдохновенія. Ж.

---

*) Дубельтъ.

И. М. Снѣгирева [1]).

1. Почтеннѣйшій Иванъ Петровичъ.

Съ искреннимъ удовольствіемъ я получилъ вашу книгу, единственную въ своемъ родѣ, и читалъ весьма благопріятные отзывы журналистовъ: она возбудила общее вниманіе новостью и близостью къ душѣ предмета. Не ослабѣвайте продолжать свой трудъ и пользоваться благонамѣренными замѣчаніями къ усовершенствованію онаго. Другой вашъ трудъ, коимъ вы предупредили г. Коркунова, дѣлаетъ вамъ большую честь. Съ своей стороны я постараюсь сдѣлать вамъ угодное; но Ученыя Записки, подобно прочимъ изданіямъ университ., прекратились. Новаго еще своего ничего не сдѣлали, а прежнее хулятъ. За Сильвіо Пелико весьма благодаренъ г-ну переводчику.

При семъ честь и долгъ имѣю препроводить къ вамъ экземпляръ I выпуска *Русскихъ Праздниковъ*; а другой прошу вручить достопочтенному В. Г. Анастасевичу. Онъ вѣрно вмѣстѣ со мною поскорбитъ о кончинѣ истиннаго мецената, Кіевскаго Евгенія, моего благодѣтеля и, смѣю сказать его же словомъ, друга: онъ кончилъ многотрудную и общеполезную жизнь свою 23 Фев. Его память драгоцѣнна для отечественнаго просвѣщенія. Въ послѣднемъ письмѣ своемъ за нѣсколько дней до смерти онъ вспоминалъ объ васъ и вашемъ трудѣ доброжелательно.

Прошу поклониться отъ меня г. Краевскому, которому я писалъ два письма и отправлю свою книжку, если вы увѣдомите объ адресѣ его; потому что квартиры перемѣняются. Онъ, по моему предубѣжденію, не перемѣнится подобно вамъ: вблизи и вдали одинаковы. (Его знакомый г. Строгановъ отправляется въ С.-П. нынѣ). Есть люди, которые, обидѣвъ другихъ, хотятъ оправдаться мнимымъ обвиненіемъ обиженныхъ. Когда тяжко, нельзя не вздохнуть. Но правосудіе Божіе не дремлетъ; обида обращается на голову обидчика [2]).

Извините это отступленіе, невольно вырвавшееся изъ подъ пера. Вы это повѣрите. Сами искушены были, можете и искушаемымъ помощи.

Прощайте. Будьте счастливы и успѣшны. Чему сердечно порадуется преданный вамъ И. Снѣгиревъ.

П. П. Соизволеніе г. министра У. получено на посвященіе ему моей книги 1833 г., а нынѣ мною исполнено.

Москва. Марта 9, 1837 г.

---

[1]) Къ И. П. Сахарову.

[2]) Противъ словъ: „Есть люди... на голову обидчика“ написано на полѣ: „скажу мимоходомъ и для васъ только“.

2. Достопочтенный Иванъ Петровичъ!

Ваше пріятное письмо обновило въ памяти моей ваше благорасположеніе, коимъ я столько времени пользуюсь, что могу уже назвать васъ старымъ пріятелемъ. По моему мнѣнію, ваше предпріятіе не есть одно удовлетвореніе библіоманской страсти, но, по выраженію Погодина, *при всеобщемъ храпѣніи Русской литературы*, можетъ быть полезнымъ и важнымъ подвигомъ. Сколько станетъ силъ и способностей у меня, я готовъ вамъ содѣйствовать, если вы опредѣлите мнѣ предметы моей дѣятельности, чтобы не было столкновенія. Матеріалы у меня есть для біографій и книгъ. Г. Коркунову я сообщилъ было любопытное извѣстіе о рукописи подъ заглавіемъ: «Во ру҃-мъ году мѣсяца Маия в н҃ день в црствующемъ градѣ Москвѣ, по смерти цря Θеодора Алексіевича бысть чюдо преславно и ужасно». Она современникъ XVII вѣку и собору въ Грановитой палатѣ 1682 г. Г. Коркуновъ писалъ, что, по нѣкоторымъ причинамъ, она не можетъ быть напечатана въ Журн. М. Н. Пр. Если онъ не отдалъ ее кому либо другому: то не угодно ли отъ моего имени взять у него сію рукопись для разсмотрѣнія, и если угодно, для помѣщенія въ вашемъ изданіи. О послѣдующемъ меня увѣдомьте, между тѣмъ я поосберусь и пооглянусь и вамъ тогда сообщу свѣдѣніе о предметахъ, кои имѣю въ виду и подъ руками. Я желалъ бы имѣть для себя планъ вашего изданія.

Въ свою очередь позвольте мнѣ попросить васъ доставить мнѣ:

1. Свѣдѣніе, въ какомъ № и гдѣ Пчелы помѣщена ваша статья о лубочныхъ картинкахъ, а ежели есть, то и экземпляръ ея.

2. Ваши памятники народной Русской жизни т. 1, и ежели есть, и 2. Мои книги всѣ засѣли у Ширяева.

Отъ всей души желая вамъ успѣховъ на поприщѣ полезной вашей дѣятельности, съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою И. Снѣгиревъ.

Москва. Марта 4, 1844 г.

(*Сообщено П. И. Савваитовымъ*).

ПИСЬМА ИЗЪ ОРЕНБУРГА 1833 ГОДА.

Сестра моя, Евгенія Захаровна Воронина, ѣздила въ 1833 году въ Оренбургъ вмѣстѣ съ семьей Шелашниковыхъ. Семья эта состояла въ то время изъ отца, Петра Ивановича, камергера, Самарскаго помѣщика и откупщика; жены его, Варвары Степановны, рожденной Мельгуновой, и двухъ дочерей *). Старшая изъ нихъ, Софья Петровна, была чрезвычайно красива; вторая, Аделиада Петровна, была не такъ хороша, но жива и остроумна. Обѣ онѣ были очень умныя и образованныя дѣвушки. Софья Петровна вышла впослѣдствіи замужъ за барона Гюндфроди, который былъ посланникомъ въ Петербургѣ отъ какого-то Нѣмецкаго двора, и уѣхала съ нимъ въ Германію. Аделаида Петровна была замужемъ за княземъ Михаиломъ Андреевичемъ Оболенскимъ, жила и скончалась въ Москвѣ. Дѣвицы Шелашниковы были очень дружны съ моей сестрой, и мать моя отпустила ее съ ними на три мѣсяца въ Оренбургъ. Письма моей сестры въ Самару къ ея пріятельницѣ Е. Л. Энгельке и къ нашей матери сохранились до сихъ поръ и, можетъ быть, черезъ 69 лѣтъ получили нѣкоторую цѣнность. Изъ этихъ писемъ видно, какой былъ тогда Оренбургъ и его окрестности, изъ кого въ то время состояло общество и какъ оно проводило время.

Послѣднее изъ писемъ, гдѣ говорится о Пушкинѣ въ Бердахъ, я посылала въ концѣ Марта 1899 года, въ виду приготовлявшихся Пушкинскихъ праздниковъ, Леониду Николаевичу Майкову. Онъ воспользовался имъ для своей книги „Пушкинъ“, которую тогда печаталъ. Онъ же и посовѣтовалъ мнѣ сдѣлать изъ этихъ писемъ нижеслѣдующія извлеченія для печати.

Вѣра Воронина.

1.

Оренбургъ 25-го Сентября 1833 года, Понедѣльникъ.

17-го Сентября съ восходомъ солнца оставили мы Самару, а только 20-го въ Середу, часа въ два пополудни, прибыли въ Оренбургъ. Путешествіе наше потому было такъ продолжительно, что мы ни одной ночи не ѣхали, и разставались съ своимъ ночлегомъ не ранѣе семи часовъ утра. Мы проѣзжали по большой части казацкими станицами.

*) У Петра Ив. Шелашникова была еще старшая дочь, Екатерина Петровна, которая была уже тогда замужемъ за флигель-адъютантомъ Лачиновымъ, и три сына, Степанъ, Николай и Валентинъ Петровичи. Я знала только старшаго, Степана Петровича, который потомъ былъ женатъ на княжнѣ Аннѣ Борисовнѣ Лобановой-Ростовской, замѣчательной красавицѣ. Дочь ихъ, Марья Степановна, замужемъ за генераломъ Роопомъ.

На каждой станціи экипажи наши, по обыкновенію, преслѣдовались ребятишками, потомъ окружались толпою всѣхъ возрастовъ; насъ съ любопытствомъ разсматривали, указывали на насъ пальцами, толковали между собой. Потомъ являлся казацкій атаманъ въ полномъ мундирѣ, сопровождаемый нѣсколькими казаками, и отдавалъ честь Петру Ивановичу. Насъ очень забавляло, когда онъ, приложивъ руку къ козырьку кивера, бормоталъ что-то о благополучномъ состояніи казацкаго войска, потомъ, притопнувъ ногой, дѣлалъ «налѣво кругомъ». На слова Петра Ивановича, что онъ напрасно безпокоился и чтобы онъ пошелъ и скинулъ свой мундиръ, всегда былъ отвѣтъ: «Ничего, ваше превосходительство», и онъ все время оставался «при формѣ». Квартиры для ночлеговъ были прекрасныя; намъ всегда приходилось ночевать въ какой-нибудь крѣпости, и мы останавливались въ атаманскихъ домахъ. Первую ночь провели мы въ Барской крѣпости въ домѣ Марычева, въ которомъ живутъ теперь только двѣ старухи. Одна изъ нихъ, какъ видно, домоправительница, одѣта какъ дворовая женщина, болтушка ужасная; видно, что всѣ барыни, у которыхъ служила она, любили отъ скуки потолковать съ ней; она очень въ себѣ увѣрена, во все вмѣшивается, обо всемъ судитъ, но притомъ услуживаетъ, какъ нельзя лучше, и предупреждаетъ всѣ желанія. Другая, вѣрно работница, въ сарафанѣ изъ претолстой полосушки, съ лицомъ злой колдуньи, съ ухватками и разговоромъ ханжи, вертѣлась около чайнаго стола и преумильно поглядывала въ сахарницу.

Оренбургъ довольно хорошенькій городокъ. Мнѣ всего больше нравится его земляное укрѣпленіе, стѣна его окружающая. Когда мы подъѣхали къ перевозу, отстоящему на шесть верстъ отъ Оренбурга, глазамъ нашимъ открылись прелестные виды: быстрый, но неширокій на этомъ мѣстѣ Уралъ; на немъ огромный паромъ, привязанный къ толстому канату; около прелестные лѣсочки на горѣ. Переправившись и поднявшись на гору, мы увидали съ правой стороны Оренбургъ; съ лѣвой, вдали, виднѣлись шпицы мечетей и крыши домовъ Татарской слободы; вблизи Тептярскія кузницы, какіе-то сараи, кой-гдѣ разбросанные домики. Подъ самымъ городомъ дача военнаго губернатора Перовскаго, принадлежавшая прежде графу Сухтелену *). Правда, она издавна переходитъ отъ губернатора къ губернатору. Весь этотъ видъ очень пріятенъ для глазъ, особливо послѣ такой пустынной дороги, что отъ станціи до станціи нѣтъ ни селеній, ни горъ, ни

*) Генералъ-адъютантъ, графъ Павелъ Петровичъ Сухтеленъ былъ съ 1830 г. Оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ и начальникомъ Оренбургскаго корпуса. Скончался скоропостижно въ 1833 г. въ Оренбургѣ и похороненъ тамъ, въ оградѣ военной Петро-Павловской церкви. Былъ очень образованный человѣкъ для своего времени.

лѣсовъ: все пусто, все гладко, степь сливается съ небомъ. Квартира въ Оренбургѣ у насъ прекрасная: залъ огромный, славныя гостиная и диванная; полы и стѣны раскрашены; комнаты высокія, окна большія. Все чисто, ново, свѣтло, помѣстительно какъ нельзя болѣе. У насъ трехъ совсѣмъ отдѣльныя четыре комнаты; даже съ особеннымъ крыльцомъ.

На другой день нашего пріѣзда, первый кого мы увидали изъ Оренбургскихъ жителей былъ Дурасовъ, дальній родственникъ Шелашниковымъ, камеръ-юнкеръ, служитъ у Перовскаго. Онъ пріѣзжалъ утромъ, и когда вошелъ, показался намъ какимъ-то иностранцемъ, и мы послѣ долго этому смѣялись. Онъ былъ и вечеромъ этого дня; мы прозвали его между собой Sans soucis; а здѣсь его зовутъ «хозяйкой» Перовскаго. Онъ такой толстенькій, маленькій, съ беззаботнымъ видомъ и безпрестанно нюхаетъ табакъ. Однако, не смотря на беззаботную наружность, онъ большой хлопотунъ, и часто заботится о меблировкѣ домовъ для многихъ пріѣзжающихъ сюда чиновниковъ, разумѣется тѣхъ, которые поважнѣе. Теперь онъ хлопочетъ о перевозкѣ вещей военнаго губернатора изъ дома нами занимаемаго. Это была прежде квартира Перовскаго, а для Петра Ивановича Шелашникова нанятъ домъ Егора Николаевича Тимашева; но такъ какъ домъ Тимашева для Шелашниковыхъ тѣсенъ, а домъ Балкашина для Перовскаго слишкомъ просторенъ, то они и помѣнялись квартирами. Къ намъ присылаютъ диваны, комоды, зеркала съ дачи Перовскаго, который не болѣе трехъ дней какъ переѣхалъ въ городъ. Въ Пятницу обѣдали у насъ нѣсколько постороннихъ: генералъ Стеллихъ, прелюбезный человѣкъ, безпрестанно разсказываетъ анекдоты, и мы прозвали его «Фризель» (дядя Луизы въ романѣ «Поѣздка въ Германію).

Дня два мы никого не видали; вечера намъ казались безконечными, мы скучали смертельно. Третьяго дня вечеромъ сидѣли мы въ нашей комнатѣ; Петръ Ивановичъ и Варвара Степановна были въ диванной. У Варвары Степановны болѣли зубы, и она закутанная лежала на диванѣ. Софьѣ Петровнѣ только дошили новое платье изъ темно-синяго тернò; она надѣла его и пошла показаться своимъ папенькѣ и маменькѣ; повертывалась передъ ними... Намъ вдругъ докладываютъ о какомъ-то генералѣ, который въ тоже мгновеніе и входитъ. Софья Петровна опрометью бросилась изъ диванной, прибѣжала запыхавшись въ нашу комнату и разсказываетъ, какъ неожиданно и внезапно было появленіе этого генерала, который долженъ быть Глазенапъ (такъ ей по крайней мѣрѣ послышалось, когда о немъ докладывали) и что онъ вѣрно видѣлъ ее, хотя она и очень проворно прыгнула въ дверь. Мы немного погодя пошли туда. Я увидала человѣка

средняго роста, крѣпко-сложеннаго, хотя и худощаваго, съ густыми, темными, курчавыми волосами, съ небольшими глазами, самаго свѣтлаго сѣраго цвѣта, но они одушевлялись необыкновенной живостью, въ нихъ блисталъ умъ. Ему казалось лѣтъ тридцать пять.

— Вы вѣдь знаете Глазенапа [1]), точно ли это онъ? Спросила меня Софья Петровна.

— Или я не помню его хорошенько, или онъ очень перемѣнился, отвѣчала я. Этотъ также безпрестанно крутитъ усы, какъ и Глазенапъ; но усы у того были рыжеватые, а у этого темные. Кто бы это былъ такой?

Мы довольно долго находились въ такомъ недоумѣніи; наконецъ изъ разговоровъ съ нимъ Петра Ивановича, узнали, что это Перовскій. Онъ просидѣлъ почти цѣлый вечеръ; его пригласили обѣдать въ слѣдующій день. Онъ просилъ, чтобы обѣдъ былъ домашній, потому и были званы только самые приближенные къ нему особы: Глазенапъ, Стеллихъ, Дурасовъ, Корфъ и генералъ Энгельгартъ, гигантскаго роста старикъ, лѣтъ семидесяти; гладенькая, сѣденькая головка, красное лицо, толстый, огромный носъ багроваго цвѣта: настоящій, состарѣвшійся Скалозубъ. Онъ, кажется, выговариваетъ: «Мнѣ все равно, лишь только бы усѣсться». Глазенапъ, олицетворенное добродушіе, только врядъ ли долго прогоститъ на землѣ: очень слабъ здоровьемъ; говорятъ, у него аневризмъ. Онъ тотчасъ узналъ меня и началъ говорить, какъ благодаренъ онъ нашему семейству за данный ему пріютъ въ нашемъ домѣ, когда онъ въ такое дурное время, проѣзжалъ черезъ Самару съ маленькими дѣтьми [2]).

Въ Воскресенье утромъ пріѣзжало множество мужчинъ, въ томъ числѣ и Струковъ Дмитрій Николаевичъ, но мы его не видали. Занъ [3]) что-то совсѣмъ не показывается.

---

[1]) Оренбургскій комендантъ въ это время.

[2]) Въ Самарѣ не было гостиницъ, и обыватели, сжалясь надъ безпріютными путешественниками, принимали ихъ въ свои дома.

[3]) По словарю Брокгауза и Ефрона „Занъ (Ѳома) былъ Польскій писатель, извѣстный не столько своей литературной дѣятельностью, сколько тѣмъ огромнымъ вліяніемъ, которое онъ имѣлъ въ 20-хъ годахъ нашего (теперь прошлаго) столѣтія на Виленскую университетскую молодежь и на Мицкевича. Его дѣятельность и по своему значенію, и по характеру напоминаетъ роль Станкевича въ кружкѣ Бѣлинскаго. Ѳома Занъ происходилъ изъ бѣдной дворянской семьи, родился въ 1791 году, кончилъ курсъ въ Виленскомъ Университетѣ по физико-математическому факультету. Познакомившись съ Нѣмецкой литературой, Занъ явился насадителемъ въ Вильнѣ романтической поэзіи. Онъ писалъ баллады, передѣлалъ „Ленору“ Бюргера, и хотя его произведенія не блещутъ поэтическими достоинствами, тѣмъ не менѣе они пробудили геній Мицкевича. Соединенный узами дружбы съ лучшими представителями учащейся Виленской молодежи, Занъ затѣялъ тайное научно-нравственное общество, члены котораго назывались „Филаретами“ (любящіе добродѣтель). Когда это общество было раскрыто, всѣ участники его были арестованы и

Сегодня Варвара Степановна съ Софьей Петровной дѣлали визиты, но еще не всѣ кончили. Завтра хотѣлось бы имъ совсѣмъ отдѣлаться, чтобы въ Четвергъ сдѣлать вечеръ.

Мы ѣздили на Мѣновой Дворъ, но тамъ теперь нечего смотрѣть: часовъ въ десять утра бываетъ тамъ маленькій караванъ, который потомъ уходитъ въ степь.

Пушкина мы уже не застали здѣсь: онъ уѣхалъ наканунѣ нашего пріѣзда. Цѣль его путешествія—собрать свѣдѣнія о Пугачевѣ, котораго исторію онъ намѣревается писать. Верстахъ въ семи отъ Оренбурга есть деревня Берды, гдѣ живетъ одна старуха, которая знаетъ много подробностей о Пугачевѣ, и Пушкинъ ѣздилъ туда ее разспрашивать. Она разсказывала ему много любопытнаго и даже пѣла ему нѣсколько Пугачевскихъ пѣсенъ.

2.

27-е Сентября, Середа.

Утро. Я проснулась, приподнялась на постели, и мнѣ бросилась въ глаза кровля, покрытая снѣгомъ. Какъ ясно, свѣтло! А было очень ненастно нѣсколько дней сряду. Вчера еще шелъ весь день проливной дождь; однако, не смотря на непогоду, Петръ Ивановичъ и Варвара Степановна побывали въ домахъ двадцати, и сегодня надобно еще съѣздить ко многимъ: хочется имъ познакомиться со всѣми, для назначеннаго въ Четвергъ бала. Третьяго дня никто не посѣтилъ насъ, и мы довольно поскучали, потому что нѣтъ ни книгъ, ни фортепіанъ. Не знаю, удастся ли достать здѣсь то и другое; безъ всякаго занятія тоска. Къ тому же все надобно сидѣть съ Петромъ Ивановичемъ; онъ также очень скучаетъ: привыкъ заниматься дѣлами или быть въ обществѣ, а здѣсь занятій ему никакихъ нѣтъ, съ обществомъ еще не знакомились хорошенько и потому, хотя и нашлись бы охотники и въ карточки поиграть, и поѣсть, и попить, въ чемъ у Шелашниковыхъ не нашли бы недостатка, но какъ бы совѣстятся еще бывать каждый день, не смотря на усердныя приглашенія. Вчера мы также приготовлялись скучать цѣлый вечеръ... Вдругъ является Занъ; весь въ черномъ, красовалась только голубая незабудочка булавки, которой былъ

разосланы по разнымъ мѣстамъ Россіи, Занъ былъ сосланъ въ Оренбургъ. Здѣсь онъ находился въ довольно благопріятныхъ условіяхъ и между прочимъ оказалъ благотворное вліяніе на Авдѣева, какъ его учитель. Въ Оренбургѣ же, по приказанію губернатора, Занъ устроилъ мѣстный музей. Въ 1830 году онъ былъ переведенъ библіотекаремъ въ Петербургъ, въ Горный Институтъ. Умеръ на родинѣ въ 1855 году".

Въ этой біографіи Зана есть маленькая неточность или недомолвка: если Занъ былъ переведенъ въ Петербургъ въ 1830-мъ году, то зачѣмъ онъ былъ въ Оренбургѣ въ 1833-мъ году и даже былъ тамъ одно время подъ арестомъ, какъ будетъ видно изъ этихъ писемъ?

заколоть его шейный платокъ. Черное платье придавало ему совершенно оригинальный видъ. Первыя слова его были, что «Дивъ» замучилъ его, не даетъ совершенно ему покоя и сюда долго не пускалъ; что онъ по возвращеніи съ Сѣрныхъ водъ [1]) живетъ пустынникомъ, нигдѣ не бываетъ и даже у Жемчужниковыхъ былъ только два раза. Аделаида Петровна показывала ему разныя окаменѣлости; долго толковали о камушкахъ, бабочкахъ, букашкахъ. Варвара Степановна засадила его гадать въ карты, но занятіе это было прервано возвращеніемъ Петра Ивановича отъ Перовскаго; онъ привезъ съ собой Дурасова, и вечеръ прошелъ очень пріятно.

Послѣ обѣда. Нынѣшнее утро безпрестанно пріѣзжали отдавать визиты. Прежде всѣхъ была m-me Стеллихъ съ двумя дочерьми (одна незамужняя, другая за Верстовскимъ); она въ траурѣ по старшей дочери, бывшей за Матерно. Потомъ пріѣхала Черкесова, урожденная Габе, премиленькая, маленькая дамочка, съ умнымъ личикомъ. Послѣ нея явилась ея мать, Балкашина, хозяйка занимаемаго нами дома, женщина уже пожилая, умная, очень любезная; но мнѣ показалось смѣшно, что она, вмѣсто обыкновеннаго поклона, присѣдаетъ, какъ молоденькая дѣвушка. Мужа ея я еще не видала; но, говорятъ, онъ такъ молодъ, что можно почесть его за ея сына. Былъ Артюковъ [2]) съ женой; она урожденная Неплюева. Пріѣзжала жена доктора Бидермана съ m-me Даль, и въ одно время съ ними полковница Павлова, бывшая Камашева, Людмила Николаевна. M-me Даль мила, какъ нельзя болѣе: миньятюрненькая, голосокъ тоненькій, звонкій; ну точно колибри эта интересная Нѣмочка. Мужъ ея литераторъ; это онъ пишетъ подъ именемъ Казака Луганскаго. Онъ служитъ у Перовскаго, женатъ не болѣе двухъ мѣсяцевъ; свадьба и остановила его въ Петербургѣ, а то бы онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ Перовскимъ. Пріѣзжалъ плацъ-маіоръ Скрябинъ съ женой Калмычкой, за которой взялъ, говорятъ, милліонъ приданаго, достоинство непослѣднее! Только что проводили всѣхъ этихъ дамъ, входятъ двое мужчинъ: одинъ военный, дюжій, высокій; другой статской молодой человѣкъ средняго роста, одѣтый въ самомъ послѣднемъ вкусѣ, въ очкахъ, очень пріятной наружности; но какое-то уныніе разливалось по его лицу. Это были, пол-

---

[1]) Воды эти находятся недалеко отъ Самары. Туда съѣзжалось очень много посѣтителей въ 30-хъ и 40-хъ годахъ.

[2]) Полковникъ Артюковъ былъ всѣми любимый, добрѣйшій и популярнѣйшій человѣкъ. Во время несчастнаго похода въ Хиву при Перовскомъ (1840 г.) онъ, не смотря на свое крѣпкое здоровье, возвратился съ изнурительной лихорадкой, которая вскорѣ и свела его въ могилу.

ковникъ Цѣлковскій [1]) и графъ Красновскій, Полякъ, присланный въ Оренбургъ послѣ возмущенія въ Польшѣ; онъ оставилъ на родинѣ жену и, кажется, грустить ужасно. Жемчужниковы не пріѣзжали; не знаю, будутъ ли и на балу; у нихъ, говорятъ, боленъ любимый сынокъ, Николенька, который слыветъ маленькимъ, но уже мальчикъ лѣтъ шестнадцати [2]).

Петръ Ивановичъ приглашалъ всѣхъ на балъ по билетамъ, а какъ довольно трудно въ незнакомомъ городѣ разсылать ихъ съ своими людьми, то онъ послалъ просить полиціймейстера Трофимова (женатаго на Олимпіадѣ Никаноровнѣ Струковой) разослать ихъ съ казакомъ. Но къ удивленію Петра Ивановича, полиціймейстеръ отказался разсылать билеты и не принялъ посланные для него самого. Прежде было взялъ, но потомъ съ грубостью возвратилъ ихъ посланному, сказавъ: «Не нужно мнѣ этого». Вчера вечеромъ, когда были Дурасовъ и Занъ, Петръ Ивановичъ разсказалъ имъ это. «Вѣрно вы послали не въ часъ», сказали они въ одинъ голосъ. Это значитъ, что онъ ужаснѣйшій пьяница: «какъ не бьется, а къ вечеру напьется». Жаль бѣдную жену! Комендантъ Глазенапъ съ большимъ удовольствіемъ взялся развести эти билеты.

3.

30-е Сентября, Суббота.

Третьяго дня я по почтѣ отправила къ тебѣ письмо, а сегодня опять пишу. Къ Петру Ивановичу пріѣхалъ нарочный по откупнымъ дѣламъ его и ѣдетъ теперь прямо въ Самару; какъ же пропустить случай увѣдомить тебя о себѣ? Балъ въ Четвергъ былъ очень веселый. Танцовали много. Дурасовъ растанцовался и разлюбезничался донельзя. Струковъ острилъ по прежнему. Корфъ былъ черезчуръ веселъ и не пропускалъ случая насмѣхаться надъ всѣми. Дамы и дѣвицы были всѣ разряжены и, кажется, очень довольны. Кузьминская ѣздила съ отцомъ въ Бугульму на ярмарку, и прошелъ слухъ, будто она выходитъ за Бугульминскаго помѣщика, Пасмурова, за котораго

---

[1]) Когда В. А. Перовскій уѣзжалъ на военно-губернаторство въ Оренбургъ, Николай Павловичъ предупреждалъ его, чтобъ онъ построже смотрѣлъ за сосланнымъ туда по мятежу 1831 года Цѣлковскимъ. Сей послѣдній, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, успѣлъ такъ подольститься къ начальнику края, что въ Хивинской экспедиціи 1839 года походные верблюды очутились въ его распоряженіи, и они падали сотнями, въ чемъ потомъ самъ Перовскій обвинялъ Цѣлковскаго. (Слышано отъ Александра Михаиловича Жемчужникова, которому говорилъ о томъ самъ Перовскій, его дядя). Позднѣе Цѣлковскій сдѣлался Русскимъ помѣщикомъ и, какъ слышно, убитъ былъ своими крестьянами. П. Б.

[2]) Тутъ говорится о семьѣ генералъ-лейтенанта, начальника 26-й пѣхотной дивизіи Аполлона Николаевича Жемчужникова.

была помолвлена Обухова. Они возвратились въ Оренбургъ часовъ въ шесть послѣ обѣда, а въ восемь Александра Васильевна уже явилась на балъ, и такая что-то разнѣженная, жеманная и туманная. Ей, кажется, очень хотѣлось прослыть невѣстой. Молодые люди, особливо Глазовъ, смѣялись надъ ея женихомъ ей въ глаза, и такъ дерзко, что я не могла надивиться; она же только повторяла на распѣвъ: «перестаньте, перестаньте!» и смѣялась вмѣстѣ съ ними. Пасторскія дочки, румяненькія, бѣленькія, свѣженькія, выплясывали отъ души. Струковъ назвалъ ихъ цыплятками. Черкесова безпрестанно вертѣла головкой съ большимъ кокетствомъ, хотя съ опущенными глазками. Тутъ былъ новый адъютантъ генерала Жемчужникова, пресмѣшной: настоящая маріонетка, весь въ безпрерывномъ движеніи; молоденькій мальчикъ, но увѣренъ, что соединяетъ въ себѣ всѣ достоинства. Военный губернаторъ игралъ въ карты и иногда приходилъ лорнировать танцующихъ. Онъ говоритъ, что не можетъ терпѣть танцевъ и никогда въ жизни своей не танцовалъ. Философъ Занъ былъ моимъ кавалеромъ въ мазуркѣ и кружился въ котильонѣ съ обыкновенной своей мѣрной медлительностью. Графъ Красновскій, какъ Полякъ, не отказался участвовать въ своемъ національномъ танцѣ. Изъ Жемчужниковыхъ былъ только старшій сынъ Аполлонъ Аполлоновичъ, женатый на Колокольцовой, молодой человѣкъ, очень любезный и неутомимый танцоръ. Балкашинъ, мужъ пятидесятилѣтней жены, никакъ не старѣе двадцати пяти лѣтъ, молодецъ собой, высокаго роста, стройный, прекрасно танцуетъ и нерѣдко цѣлуется съ милой половиной своей. Софья Николаевна Глазенапъ, также какъ и мужъ ея, тотчасъ узнали меня, спрашивали обо всемъ семействѣ нашемъ, здоровы ли всѣ дѣти, и съ горестнымъ вздохомъ сказала: А я лишилась моей Анюты! Струковъ сказывалъ, что сестра его, Лидія Николаевна, осталась въ Илецкой Защитѣ до Марта мѣсяца и непремѣнно будетъ въ Оренбургѣ. Онъ пресмѣшно разсказывалъ, какъ за Лидіей Николаевной, когда она ѣхала съ отцомъ въ Защиту, гнался какой-то молодой знатный Калмыкъ со своей свитой. Она высунулась изъ окна кареты, чтобы посмотрѣть на эту дикую кавалькаду и такъ поразила ихъ своей Калмыцкой красотой*), что они скакали за ихъ каретой, заглядывая въ окна, цѣлую станцію; а тамъ объявили ея отцу, что готовы отдать все, что̀ имѣютъ, чтобы получить въ жены своему начальнику такую красавицу.

*) Лид. Ник. Струкова, одна изъ сестеръ Дм. Ник. Струкова и бывшаго Владимирскаго губернатора, Владимира Николаевича Струкова, была желтовато-смуглая брюнетка съ яркимъ румянцемъ. У нея были блестящіе, узкіе, черные глаза и очень выдающіяся скулы.

Нынѣшнимъ утромъ мы были въ Музеумѣ. Занъ ожидалъ насъ тамъ и показывалъ все достойное примѣчанія; но надо быть нѣсколько разъ, чтобы разсмотрѣть все подробно, а въ одинъ разъ можно замѣтить только тѣ вещи, которыя больше бросаются въ глаза, да и то осмотришь ихъ поверхностно. При входѣ вниманіе обращается на огромную кость, часть головы какого-то допотопнаго звѣря; она лежитъ на столѣ прямо противъ двери. По сторонамъ стоятъ куклы въ ростъ человѣческій въ разныхъ, очень богатыхъ Азіатскихъ костюмахъ, по четыре съ каждой стороны. Въ одномъ ряду Мордовка, Калмычка, Киргизка и Уралка, въ платьяхъ замужнихъ женщинъ; въ другомъ двѣ дѣвушки, Уралка и Киргизка; Калмыкъ въ казацкомъ мундирѣ и Сибирскій Шаманъ. Около развѣшаны кольчуги, сѣдла, чепраки и разныя одежды, въ томъ числѣ рубашка, сшитая изъ рыбьихъ пузырей, претонкая и прозрачная; надѣвается совсѣмъ съ головой. Такія рубашки носятъ женщины Самоѣдки; она защищаетъ тѣло отъ укушенія разнаго рода насѣкомыхъ. Тутъ находится портретъ альбиноса, съ розовыми глазами и волосами бѣлыми, какъ самый бѣлый сырецъ. Онъ проѣзжалъ здѣсь въ 1831 году, 29 лѣтъ отъ роду, тогда и подарилъ онъ въ музеумъ портретъ свой, внизу котораго положено подъ стекло немного чудныхъ его волосъ. Онъ изображенъ въ Европейскомъ платьѣ; черный фракъ, бѣлый жилетъ, черный платокъ на шеѣ; но волосы предлинные, распущенные по плечамъ и большіе бакенбарды, совершенно сходящіеся на подбородкѣ. Имя его Варлей (Warley); онъ родился въ Лондонѣ отъ матери Англичанки, все это подписано подъ портретомъ. Въ стеклянныхъ шкапахъ и ящикахъ разложены каменья, раковины и проч. На полкахъ помѣщены чучелы небольшихъ звѣрьковъ и птицъ. Аделаида Петровна сдѣлала замѣчаніе, что чучело филина имѣетъ удивительное сходство съ Заномъ, и въ самомъ дѣлѣ. Замѣчателенъ уродъ-теленокъ, величиной съ кошку, но толстъ ужасно, шерсть премохнатая, на коротенькихъ ножкахъ съ рыломъ, болѣе всего похожимъ на собачье. На стѣнахъ портреты знаменитыхъ особъ Оренбургскихъ: военнаго губернатора Неплюева, основателя училища, въ которомъ и находится Музеумъ и которое названо въ честь его Неплюевскимъ, и многихъ другихъ. Пока мы были въ Музеѣ, классы въ училищѣ кончились, и къ Петру Ивановичу привели 10-ти лѣтняго сына хана Киргизскаго, который отданъ учиться по-русски, но еще ничего не говоритъ и не понимаетъ даже. Петръ Ивановичъ дѣлалъ ему нѣкоторые вопросы посредствомъ своего лакея Ивана, который знаетъ всѣ Азіатскія нарѣчія здѣшняго края.

Въ этотъ вечеръ всѣ мужчины были приглашены къ Перовскому, и онъ просилъ собираться къ нему каждую Субботу. Это еще въ первый разъ; онъ прежде никогда не дѣлалъ никакихъ пирушекъ.

4.

Понедѣльникъ, 2-го Октября.

Мы сегодня сдѣлали очень пріятную прогулку: ѣздили за Уралъ въ садъ, гдѣ долго ходили. Виды тамъ прелестные. Садъ, который возрастила сама природа, а искусство только расчистило, расположенъ на берегу Урала, который протекаетъ подъ самымъ городомъ. Изъ сада видна часть городского вала и гора, совершенно красная; на ней церковь и еще нѣсколько красивыхъ строеній. Въ саду сдѣлано много хорошенькихъ бесѣдокъ и мостиковъ; а въ концѣ одной аллеи декорація за̀мка, отъ которой послѣ длинной аллеи сдѣланъ подъемный мостъ. Вчера утромъ пріѣзжала старшая Жемчужникова, Жанета Аполлоновна, съ теткой, Софьей Ивановной; но я не видала ихъ, въ Четвергъ обѣщались онѣ быть. Военный губернаторъ не очень здоровъ. утромъ пріѣзжалъ извиниться, что не можетъ обѣдать. Обѣдало у насъ довольно много, въ томъ числѣ и дамы: m-me Стеллихъ съ дочерью и m-me Даль; мужъ ея былъ занятъ, не могъ быть на обѣдѣ, но пріѣхалъ къ вечеру. Наружность его очень мало обѣщаетъ. Его надобно, такъ сказать, расшевелить, чтобы онъ заговорилъ, а очень пріятно слушать его, когда разговорится. Въ этотъ вечеръ какой-то фокусникъ (Гейгфишъ) давалъ представленіе, и мы со всѣми гостями отправились смотрѣть его штуки; но это такъ было продолжительно, что мы возвратились домой, не дождавшись конца. Оттуда многіе опять къ намъ явились.

5.

8-го Октября, Воскресенье.

Обѣдалъ у насъ военный губернаторъ. Онъ привезъ съ собой Даля, Дурасова и Калустова. Въ Субботу утромъ мы ѣздили кататься и заѣхали въ Татарскую мечеть, но тамъ не нашли ничего примѣчательнаго. Это просто огромная пустая комната; полъ устланъ зеленымъ сукномъ; противъ входа въ стѣнѣ впадина, куда во время службы ставится высокое кресло съ тремя или четырьмя ступенями, обитыми краснымъ бархатомъ. Мулла, сидя на немъ, читаетъ коранъ. На этотъ разъ кресло стояло въ углу. Возвращаясь оттуда, замѣтили мы вдали нѣсколько всадниковъ, Киргизцевъ, въ красныхъ одеждахъ, что̀ означало, что они непростого званія. Петръ Ивановичъ велѣлъ ѣхать тише, чтобы съѣхаться съ ними. Мы остановились посмотрѣть на нихъ; они тоже остановились, вѣроятно также изъ любопытства. Ихъ было семеро; впереди четверо въ рядъ: одинъ въ красной одеждѣ, родъ мантіи, но съ рукавами; на головѣ бѣлая шапка; другой въ пестрой одеждѣ и въ красной шапкѣ съ галунами; потомъ мальчикъ лѣтъ десяти въ платьѣ розоваго цвѣта, и еще какъ бы служитель ихъ, одѣ-

тый очень просто. Сзади, въ нѣкоторомъ отдаленіи, ѣхали верхомъ двѣ женщины; одна изъ нихъ богато одѣтая, тоже въ красной мантіи; на головѣ, выложенная галунами, высокая шапка, накрытая бѣлой кисеей, которой обвязывалось и лицо, выключая, лобъ и глаза, такъ что можно было видѣть, что это молодая женщина. Спутница ея пожилыхъ лѣтъ, съ непокрытымъ лицомъ и, судя по ея одеждѣ, должно быть прислужница. Подлѣ нихъ, какъ-бы евнухъ, ѣхалъ старый Киргизецъ. Удовлетворивъ наше любопытство, мы обогнали ихъ и отправились посѣтить нѣкоторыхъ знакомыхъ. Заѣзжали къ Кузминскимъ, къ Далю, къ Глазенапъ, но никого не застали и воротились домой къ самому обѣду, предовольные своей прогулкой. Вечеромъ танцевали, но въ этотъ разъ не такъ было много, какъ въ прошедшій Четвергъ; особливо кавалеровъ гораздо меньше. Одни занемогли, другіе отлучились изъ города по дѣламъ службы; въ числѣ послѣднихъ Глазовъ и Жемчужниковъ. Корфъ отправился съ полкомъ своимъ въ Уфу.

Въ Пятницу послѣ обѣда ѣздили мы опять прогуливаться и прошлись по валу, съ котораго открываются очень хорошенькіе виды: въ этой необозримой степи, вдалекѣ отъ города видны то рощицы, то горы, на которыхъ расположены лагери или деревеньки, тамъ дача военнаго губернатора съ хорошенькимъ домикомъ, тутъ лентой извивающійся Уралъ и наконецъ Мѣновой Дворъ, строеніе огромное, одинокое посреди степи; все это дѣлаетъ видъ прекраснымъ.

Вчера утромъ Петръ Ивановичъ, по приглашенію многихъ здѣшнихъ охотниковъ, ѣздилъ на охоту. Вечеромъ былъ онъ у Перовскаго, а мы просидѣли однѣ; но у насъ есть теперь занятія: Калустовъ прислалъ намъ свое фортепіано, Занъ добылъ намъ книгъ.

Полночь.

Вечеръ провели мы очень пріятно. Сначала явился Дурасовъ, потомъ Перовскій съ Далемъ и его женой. Перовскій уѣхалъ ранѣе всѣхъ, тогда Даль послалъ за своими сказками и прочелъ намъ двѣ изъ нихъ, презабавныя и прекрасно написанныя въ самыхъ народныхъ Русскихъ выраженіяхъ. Одна подъ названіемъ «О ворѣ и бурой коровѣ», другая: «Дочь Строева или коровушка-буренушка». И онъ читалъ ихъ очень хорошо. Потомъ начали пѣть: прежде Дурасовъ, который поетъ прекрасно, потомъ жена Даля препріятнымъ голоскомъ; наконецъ составили тріо: Дурасовъ и Даль съ женой пѣли Русскія пѣсни прелестно.

16 Октября, Понедѣльникъ.

Недавно пріѣхалъ сюда Гёкъ, любимецъ покойнаго графа Сухтелена. Онъ провожалъ дочь графа въ Петербургъ и потомъ ѣздилъ

къ королю Шведскому; не умѣю вамъ сказать хорошенько, зачѣмъ онъ ѣздилъ, а кажется для увѣдомленія короля о кончинѣ графа [1]).

6.

25-ое Октября, Вторникъ.

18-го мы ѣздили въ Илецкую Защиту, но только вчетверомъ: Петръ Ивановичъ съ дочерьми и я, а не въ большомъ обществѣ, какъ собирались за недѣлю до этого: кто сдѣлался боленъ, кого задержали дѣла. Одинъ Артюковъ хотѣлъ сопровождать насъ, но въ утро нашего отъѣзда Перовскій долго задержалъ его у себя съ дѣлами, и мы, боясь опоздать, уѣхали безъ него. Въ Илецкой Защитѣ остановились мы въ домѣ Григорія Никаноровича Струкова [2]), который принялъ насъ со свойственнымъ ему радушіемъ. Было около пяти часовъ пополудни, и Петръ Ивановичъ, желая воспользоваться прекрасной погодой, которая къ слѣдующему утру могла измѣниться, просилъ Григорія Никаноровича показать намъ поскорѣе, пока свѣтло разработку соли. Мы отправились туда пѣшкомъ въ сопровожденіи Григорія Никаноровича и Лидіи Николаевны. Въ это время рабочіе уже расходились, но Струковъ послалъ сказать, чтобы снова вступили въ работу нарочно для пріѣзжихъ. Я не въ состояніи описать вамъ разработку соли; надобно видѣть эту картину, чтобы имѣть объ ней понятіе; скажу только: я видѣла неисчерпаемое богатство природы. Вырабатывается большое, широкое и открытое пространство соляного грунта, съ одной только стороны вырыто десять саженъ въ глубину, и эта, какъ бы закоптѣвшая и почернѣвшая отъ времени стѣна имѣетъ видъ необыкновенный.

Утромъ встали мы очень рано, погода сдѣлалась праненастная; однако, несмотря на то поѣхали опять съ Григоріемъ Никаноровичемъ въ его каретѣ отдать послѣднюю дань нашему любопытству, взглянуть еще на разработку соли. Потомъ отправились осматривать пещеры единственной горы въ этомъ степномъ мѣстѣ, на которую любовались мы наканунѣ. На вершинѣ ея зубчатая ограда, куда прежде сажали преступниковъ. Въ пещерахъ этихъ лѣтомъ, въ самый силь-

---

[1]) Это предположеніе можетъ быть вѣрно, потому что отецъ Сухтелена, инженеръ-генералъ Петръ Кирилловичъ, былъ посланникомъ при Шведскомъ дворѣ въ 1810 году, когда Бернадотъ, подъ именемъ Карла Іоанна, былъ объявленъ наслѣдникомъ Шведскаго престола. П. К. Сухтеленъ сопровождалъ кронъ-принца въ походахъ противъ Французовъ и Датчанъ, и Бернадотъ долженъ былъ знать его сына, отличившагося уже тогда въ нѣсколькихъ кампаніяхъ.

[2]) Д. ст. сов. Струковъ, управляющій Илецкаго конторою Соленаго Правленія, жилъ въ 30-хъ годахъ въ Самарѣ. Уѣзжая оттуда, онъ подарилъ городу свой садъ, который до сихъ поръ носитъ названіе Струковскаго сада.

ный жаръ, образуется ледъ, а зимой напротивъ очень тепло, и многіе тамошніе жители испросили позволенія построиться около этой горы, чтобы имѣть погреба, не требующіе никакого попеченія.

Снабженные Григоріемъ Никандровичемъ разными вещицами, выдѣланными изъ сердцевины соли, отправились мы обратно въ Оренбургъ, предовольные нашимъ путешествіемъ.

Едва кончила я писать къ вамъ, какъ Петръ Ивановичъ прислалъ сказать, чтобы мы скорѣе собирались ѣхать смотрѣть входящій караванъ. Когда мы пріѣхали, онъ только еще показывался; мы прошли пѣшкомъ весь Мѣновой Дворъ и далеко въ степь на встрѣчу ему. Караванъ состоялъ изъ 250 верблюдовъ, которые, тяжело навьюченные, медленно тянулись одинъ за другимъ. Странное было зрѣлище: въ необозримой степи тянется цѣпь такихъ огромныхъ, безобразныхъ животныхъ съ сѣдоками и вожатыми, мало разнящимися отъ нихъ въ умственныхъ способностяхъ, и физіономія ихъ дикая и безобразная, также замѣчательна въ своемъ родѣ, какъ и верблюжья. Небрежно раскинувшись, какъ на самомъ спокойномъ креслѣ, сидитъ безпечный дикарь съ трубкой въ зубахъ на навьюченной спинѣ добраго животнаго, между двумя горбами его, и только покачивается, понуждаемый къ этому движенію мѣрной, тяжелой походкою верблюда. Встрѣтивъ караванъ, мы вошли въ сарай, находящійся въ срединѣ Мѣноваго Двора, гдѣ снимаютъ съ верблюдовъ вьюки съ товарами. Вожатый только дернетъ за веревку продѣтую сквозь ноздрей верблюда, и онъ въ одно мгновеніе, съ престраннымъ, громкимъ, жалобнымъ крикомъ упадетъ на колѣна; неимовѣрно быстро его развьючиваютъ, онъ проворно вскакиваетъ и проходитъ на площадь Мѣноваго Двора. Такимъ образомъ проводятъ каждаго изъ нихъ черезъ сарай, изъ котораго они бодро выступаютъ одинъ за другимъ, сложивъ съ себя тяжелыя ноши, и располагаются отдыхать на площади. Петръ Ивановичъ просилъ таможеннаго начальника (Хребкова) дать знать, когда разложатъ товары, и мы опять поѣдемъ туда.

7.

30-е Октября, Понедѣльникъ.

Самая важная здѣсь новость есть та, что г-нъ Середа женился въ Середу, и m-elle Немятова сдѣлалась наконецъ m-me Середа *).

---

*) Одинъ изъ нашихъ Симбирскихъ поэтовъ, Корепевъ, увидавъ m-me Середу на Сѣрныхъ Водахъ, написалъ слѣдующее стихотвореніе.

День черный, Пятница, твердитъ
Нашъ суевѣръ, покорный страху,
И повѣрнетъ жизни бытъ
По Брюсовскому альманаху.

Свадьба эта совершилась очень тихо и почти тайно: никто не зналъ, въ какой именно день будутъ они вѣнчаться. Перовскій былъ посаженымъ отцомъ жениха. Въ Четвергъ Перовскій оставался у насъ болѣе обыкновеннаго, и хотя никогда не ужинаетъ, но провелъ все время ужина за однимъ изъ столовъ, любезничая съ дамами (замужними), у которыхъ отъ такой рѣдкости были, кажется, у́шки на маку́шкѣ. Особенно Щербачова (мимоходомъ замѣтить, несносная педантка) пришла въ совершенный восторгъ. Шольнеръ (я, кажется, уже писала тебѣ, что Перовскій прозвалъ дергуна, адъютанта Жемчужникова, Шольнеромъ) сильно скучалъ, потому что не было дочерей пастора, которыхъ онъ находитъ такими красавицами, какихъ въ жизнь свою онъ еще никогда и нигдѣ не встрѣчалъ.

Погода стоитъ прелестнѣйшая. Варвара Степановна въ Субботу утромъ взяла меня съ собой прогуляться, и я ходила въ моемъ тепломъ капотѣ, въ которомъ мнѣ въ комнатѣ не бываетъ жарко; и это въ концѣ Октября!

На вечерѣ у Жемчужниковыхъ, Шольнеръ занималъ своими любезными разговорами меня и Софью Петровну. Онъ говорилъ намъ, что занимается поэзіей и въ разговорахъ своихъ употребляетъ самыя поэтическія выраженія. Напримѣръ, являясь съ докладомъ къ своему генералу, говоритъ: «Я къ вамъ явился, какъ метеоръ». Былъ онъ въ одномъ домѣ, гдѣ размалевывали комнаты; малеванье это восхитило его, какъ нельзя болѣе, и онъ всѣмъ разсказывалъ, что видѣлъ въ Оренбургѣ «науки и художества въ лирическомъ вкусѣ». Не правда ли, что онъ долженъ быть поэтъ, полный вдохновенія! Жемчужниковы обѣщали намъ промыслить его стихи*).

Такъ Вяземскій въ своихъ стихахъ
Сказалъ однажды, можетъ въ шутку,
Но суевѣрный объялъ страхъ
Меня на перекоръ разсудку.
Боялся Пятницы и я.
Но все идетъ своей чредою,
И нынче милые друзья,
Я началъ бредить Середою.
О, други! Мнѣ грозитъ бѣда,
Не жду отъ Водъ я исцѣленья,
Затѣмъ что эта Середа
Гораздо лучше Воскресенья.

*) Обѣ Жемчужниковы, Жанета и Ольга Аполлоновны, кончили жизнь ужасной смертью. Обѣ онѣ не были замужемъ и долго жили съ братомъ своимъ, Александромъ Аполлоновичемъ Жемчужниковымъ, который въ 40-хъ годахъ былъ удѣльнымъ управляющимъ въ Самарѣ, потомъ вышелъ въ отставку и жилъ недалеко отъ Самары въ имѣніи своей жены, рожденной Тимашевой. Въ 80-хъ годахъ дѣвицы Жемчужниковы переѣхали

8.

6-е Ноября, Понедѣльникъ.

Занъ, бѣдный Занъ, взятъ подъ стражу по какому-то доносу! Это случилось 26-го Октября, въ Четвергъ. Онъ, говорятъ, совсѣмъ готовъ былъ отправиться къ намъ на вечеръ, когда его взяли. Я сначала не знала ничего, потомъ не рѣшалась написать тебѣ, потому что все дѣлалось такъ таинственно, всѣ объ этомъ только шептались. Теперь всѣ громко говорятъ объ этомъ и увѣряютъ, что доносъ былъ совершенно ложный и всѣ арестованные Поляки освободятся. Вчера графъ Красновскій, который не былъ въ подозрѣніи, сказывалъ, будто Занъ уже въ своей квартирѣ, но не знаю свободенъ ли онъ. Доносъ состоялъ въ томъ, что находящіеся здѣсь Поляки возмутили всѣхъ окружныхъ Азіатцевъ и полки изъ нихъ состоящіе. Въ условное время, должны были сдѣлать нападеніе на Оренбургъ и завладѣть имъ, напередъ перерѣзавъ измѣннически ночью всѣхъ начальниковъ, начиная съ военнаго губернатора. Открытіе ужасное, нельзя было не принять строжайшихъ мѣръ. Захватили всѣхъ Поляковъ. Перовскій дѣлалъ неусыпныя изслѣдованія, и доносъ оказывается не справедливымъ. Говорятъ, любовь была причиной этого злобнаго лжесвидѣтельства. Доносчикъ, тоже Полякъ, влюбился въ дочь атамана какой-то крѣпости, верстахъ за сто отъ Оренбурга и просилъ у отца руки ея; но тотъ отвѣчалъ искателю, что если бы онъ успѣлъ заслужить чѣмъ нибудь у начальства награду и повышеніе въ чинѣ, то онъ отдалъ-бы за него дочь свою, а что теперь онъ очень мало значитъ. И будто они вмѣстѣ придумали это ужасное средство къ выслугѣ передъ начальствомъ. Но злоумышленія всегда открываются, хотя къ сожалѣнію иногда слишкомъ поздно!

9.

20-ое Ноября, Понедѣльникъ.

Сегодня празднуется восшествіе на престолъ Государя Императора, и по этому случаю былъ торжественный обѣдъ у военнаго губернатора; а вечеромъ «имѣетъ быть» блистательнѣйшее собраніе, куда въ большомъ количествѣ наберется все прыгающее, просто ходящее и даже, вѣроятно, еле-двигающееся въ Оренбургѣ.

вдвоемъ на житье въ Самару. Знакомы онѣ ни съ кѣмъ не были; иногда только посѣщали ихъ родственники, проѣздомъ черезъ Самару въ имѣніе къ ихъ брату. Одинъ изъ ихъ племянниковъ, Жемчужниковыхъ, приплылъ рано утромъ на пароходѣ и подъѣхалъ на извозчикѣ къ ихъ, еще запертымъ, воротамъ. Долго стучался онъ, но ему не отпирали. Сосѣди, разбуженные стукомъ, сообщили ему, что уже дня два какъ изъ дома никто не выходилъ, и ворота не отпирались. Ихъ выломали, вошли въ домъ и увидали на полу, уже начинавшіе разлагаться, трупы несчастныхъ Жемчужниковыхъ. Видно было, что онѣ страшно боролись съ своими убійцами.

Сюда еще прибылъ танцоръ, Аничковъ, адъютантъ чей-то, да еще какой-то путешественникъ, молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати шести; должно быть Нѣмецъ, хотя по-русски говоритъ, какъ Русскій. Онъ, сказываютъ, бывалъ здѣсь уже нѣсколько разъ, а теперь пробирается въ Китай.

Въ Пятницу былъ у насъ опять небольшой музыкальный вечеръ. Былъ Стеллихъ съ дочерьми и съ зятемъ, Верстовскимъ, который фантазировалъ на фортепіано, потомъ акомпанировалъ Дурасову, пропѣвшему нѣсколько Итальянскихъ арій и романсовъ; а въ заключеніе къ нему присоединились Даль съ женой *) и пѣли Русскія пѣсни очаровательно.

M-me Даль разсказывала, какъ всѣмъ дамамъ хотѣлось видѣть Пушкина, когда онъ былъ здѣсь. Онъ пріѣзжалъ ненадолго и бывалъ только у нужныхъ ему по его дѣлу людей или у прежнихъ знакомыхъ. Двѣ ея знакомыя барышни узнали отъ нея, что Пушкинъ будетъ вечеромъ у ея мужа, и что они будутъ вдвоемъ сидѣть въ кабинетѣ Даля. Окно этого кабинета было высоко, но у этого окна росло дерево; эти барышни забрались въ садъ, влѣзли на это дерево и изъ вѣтвей его смотрѣли на Пушкина, слѣдили за всѣми его движеніями, видѣли, какъ онъ отъ души хохоталъ; но разговора не было слышно, такъ какъ рамы были уже двойныя.

26-ое Ноября, Воскресенье.

Выпалъ снѣгъ, и мы вчера ѣздили въ Берды, къ старушкѣ, которая разсказывала Пушкину о Пугачовѣ. Мы посѣтили ее съ тою-же цѣлью. Взяли съ собой бумаги и карандашъ, чтобы записывать, если она будетъ намъ, какъ и Пушкину, пѣть пѣсни. Вошедши въ избу, мы увидѣли ее сидящую на печи, окруженную молоденькими дѣвочками и маленькими дѣтьми. Я сначала не думала, чтобы это была она: старуха свѣжая, здоровая, даже не беззубая, а говоритъ, что при Пугачовѣ была лѣтъ двадцати. Петръ Ивановичъ сказалъ ей, что мы къ ней пріѣхали, такъ какъ слышали, что она помнитъ Пугачова. «Да, батюшка», отвѣчала она проворно слѣзая съ печи и низко кланяясь, «нечего грѣха таить, моя вина».—«Какая же это вина, старушка, что ты знала Пугачова?»—«Знала, батюшка, знала; какъ теперь на него гляжу: мужикъ былъ плотный, здоровенный, плечистый; борода русая, окладистая; ростомъ не больно высокъ и не малъ, немного

*) Это была первая супруга Владимира Ивановича Даля, Француженка, отъ которой родился единственный его сынъ, Левъ Владимировичъ, даровитый архитекторъ. П. Б.

пониже вашего благородія [1]). Какъ же! Хорошо знала его и присягала ему вмѣстѣ съ другими. Бывало, онъ сидитъ, на колѣни положитъ платокъ, на платокъ руку; по сторонамъ сидятъ его енаралы; одинъ держитъ серебряный топоръ, того и гляди что срубитъ, другой—серебряный мечъ; супротивъ висѣлица, а около мы на колѣнахъ присягаемъ; присягнемъ, да поочереди, перекрестившись, руку у него поцѣлуемъ, а межъ тѣмъ на висилицу-то безпрестанно вздергиваютъ. Видишь все это ,скрѣпя сердце. Ужъ никого намъ такъ жалко не было, какъ коменданта [2]): предобрый былъ баринъ; всѣ мы его любили, словно отца родного. Какъ его повѣсили, такъ мы и залились слезами всѣ до единаго, куда и страхъ дѣвался! Жена его также была барыня добрая, прекрасная; ее да ея брата, барина молодого, Пугачовъ взялъ къ себѣ, съ мѣсяцъ держалъ ихъ у себя, а тамъ и велѣлъ разстрѣлять изъ двѣнадцати ружей, да чтобъ больше ихъ напугать, велѣлъ прежде выстрѣлить мимо, а въ другой разъ застрѣлить ужъ до смерти. Батюшка мой также былъ въ службѣ у Пугачова, а которымъ онъ приказалъ разстрѣливать-то, у моего отца были подъ начальствомъ, такъ ужъ онъ ихъ упросилъ, застрѣлить несчастныхъ сразу. На другой день батюшка пошелъ на это мѣсто, чтобы поплакать надъ ними и похоронить какъ-нибудь,—что же бы вы думали? Когда ихъ разстрѣливали, то разставили таки далеко другъ отъ дружки, а тутъ батюшка нашелъ ихъ обнявшись. Видно, ихъ не до смерти убили, такъ они сползлись, обнялись, да такъ и померли».

Много еще она намъ разсказывала, какъ ихъ, молодыхъ дѣвушекъ, когда нагрянула шайка Пугачова, попрятали въ сусѣки, просомъ засыпали... Все это происходило въ крѣпости Озерной, гдѣ жила тогда разсказчица наша. Эта крѣпость нѣсколько времени была резиденціей Пугачова; онъ жилъ тамъ въ мирное время, отъѣзжалъ только иногда въ Уральскъ къ своей «барынѣ», какъ говорила старуха. Потомъ сказывала намъ сочиненныя въ то время пѣсни, и мы записали ихъ. Начавши говорить намъ эти пѣсни, она вдругъ сказала со слезами на глазахъ: «Я говорю, а сердце-то у меня не на мѣстѣ: Кто знаетъ, зачѣмъ вы разспрашиваете меня о Пугачѣ? Онамедни тоже пріѣзжали господа, и одинъ все меня заставлялъ разсказывать; а другія бабы пришли да и говорятъ: «Смотри, старуха, не наболтай на свою голову, вѣдь это—Антихристъ». Мы старались ее разувѣрить: «Да и

[1]) Въ Ревелѣ въ Провинціальномъ Музеѣ на Морской улицѣ хранится прекрасно писанный портретъ Пугачова, имѣющій всѣ признаки сходства. Его писалъ одинъ изъ адъютантовъ генерала Михельсона, которой поймалъ мнимаго Петра III-го. П. Б.

[2]) Капитана Сурина.

я думаю такъ: вѣдь я говорю правду, не выдумываю, такъ, кажись, что тутъ за бѣда? Онъ же—дай Богъ ему здоровья—наградилъ меня за разсказы. Да тутъ же съ нимъ былъ и пріятель нашъ, полковникъ Артюковъ; ужъ онъ бы не захотѣлъ ввести насъ въ бѣду. А бабы-то какъ было меня напугали! Много ихъ набѣжало, когда тотъ баринъ меня распрашивалъ, и пѣсни я ему пѣла про Пугача. Показалъ онъ патретъ: красавица такая написана. «Вотъ», говоритъ «она, станетъ твои пѣсни пѣть». Только онъ со двора, бабы всѣ такъ на меня и накинулись. Кто говоритъ, что его подослали, что меня въ тюрьму засадятъ за мою болтовню; кто говоритъ: «Антихриста видѣла, когти-то у него какія! Да и въ писаніи сказано, что Антихристъ будетъ любить старухъ, заставлять ихъ пѣсни пѣть и деньгами станетъ дарить.» Слегла я со страху, велѣла телѣгу заложить везти меня въ Оренбургъ къ начальству. Такъ и говорю: «смилуйтесь, защитите, коли я чего наплела на свою голову; захворала я съ думы». Тѣ смѣются, «не бойся», говорятъ: «это ему самъ Государь позволилъ о Пугачѣ вездѣ разспрашивать. Ну, ужъ я и успокоилась, никого не стала слушать».

Концерта сегодня не было, а назначенъ въ Середу, а въ Четвергъ будетъ у насъ вечеръ уже послѣдній! Увы!... Въ Николинъ день назначенъ маскарадъ, гдѣ мы, я думаю, будемъ; а на другой день предполагаемъ выѣхать. Жалко мнѣ такъ скоро оставить Оренбургъ. Я еще ни одного мѣста такъ не любила. Не разсердитесь на меня за это! Согласитесь, что Самара несносна...

Сообщено г. Алмазовымъ.

ДѢЛО О ПОЛЯКАХЪ ВЪ ОРЕНБУРГѢ 1833 ГОДА.

(По архивнымъ даннымъ).

Мѣщанинъ Стариковъ, содержавшійся въ Оренбургскомъ тюремномъ замкѣ [1]), 26-го Октября 1833 года донесъ словесно, а на другой день письменно коменданту Оренбурга генералъ-маіору Глазенапу, что въ 12 часовъ ночи содержащійся съ нимъ въ замкѣ рядовой 5-го линейнаго батальона Людвигъ Мейеръ [2]) объявилъ, что служащіе во 2-мъ и 3-мъ батальонахъ нижніе чины изъ Поляковъ, будучи огорчены несчастнымъ исходомъ Польской революціи, положили между собою непоколибимое намѣреніе сдѣлать какъ въ Оренбургѣ, такъ и по всей линіи мятежъ. Главными предводителями назначались: устроитель музея Неплюевскаго Военнаго Училища Занъ, бухгалтеръ пограничной комиссіи Сузинъ, портупей-прапорщикъ Витькевичъ, унтеръ-офицеры Ивашкевичъ и Ковальскій, неизвѣстный рядовой изъ разжалованныхъ Польскихъ офицеровъ [3]).

Мятежники предположили сдѣлать 27-го или 28-го Октября ночью слѣдующее. Раздѣлясь на пять или болѣе партій, напасть на значительные дома, лишить жизни военнаго губернатора, дивизіоннаго и бригаднаго генераловъ, коменданта, плацъ-маіора, полиціймейстера и другихъ чиновниковъ, въ которыхъ встрѣтятъ сопротивленіе[4]). Завладѣвъ городомъ, установить свое начальство, а потомъ продолжать возмущеніе, увѣряя всѣхъ, что великій князь Константинъ Павловичъ несправедливо показанъ умершимъ; ибо онъ во время Польской революціи уѣхалъ во Францію, огорчась тѣмъ, что императоръ Николай Павловичъ взошелъ на престолъ не по старшинству, и что нынѣ великій князь, командуя Французскими войсками, имѣетъ уже компанію съ королемъ Прусскимъ, пробираясь въ предѣлы Россіи для восшествія на престолъ; Поляки же всѣ поддеживаютъ его права.

При этомъ Мейеръ присовокупилъ, что единомышленниками мятежа являются всѣ нижніе чины изъ Поляковъ, служащіе въ батальонахъ и конной артилеріи, а также изъ Русскихъ солдатъ до 30-ти человѣкъ; что незадолго предъ этимъ чиновникъ Занъ ѣздилъ по Оренбургскому краю подъ видомъ

---

[1]) Содержался за обнесеніе бывшаго Оренбургскаго гражданскаго губернатора Дебу взяткобрателемъ.

[2]) Судился за побѣгъ въ Киргизскую степь и имѣніе при себѣ фальшиваго рубля.

[3]) По слѣдствію таковаго не оказалось, а былъ военноплѣнный дворянинъ Пилавскій.

[4]) Невольно вспоминается Великій Четвергъ 1794 г. П. Б.

ботаническихъ занятій и собиранія минераловъ, а между тѣмъ настоящая цѣль была та, чтобы всѣхъ служащихъ по Оренбургской линіи Поляковъ и другихъ нижнихъ чиновъ склонить къ мятежу; что недавно пріѣзжали къ Зану для совѣщанія о мятежѣ двое Поляковъ, и что въ Москвѣ и Петербургѣ всѣ бунтуютъ.

Когда же 25-го Октября рядовой изъ Татаръ, неизвѣстный по прозванію, приходилъ къ нимъ въ казематъ, то на вопросъ Мейера: „Скоро ли пойдутъ въ Бухарію и начнется война?“ отвѣчалъ, что всѣ уже въ готовности и скоро начнется дѣло. Послѣ этого Мейеръ сказалъ, что этотъ рядовой участникъ возмущенія вмѣстѣ съ другими 30-ю Русскими, и что подъ словомъ „Бухарія“ разумѣется бунтъ. Въ заключеніе Мейеръ добавилъ, что пятый уже день приходящіе въ караулъ Поляки съ нимъ прощаются, говоря: „Пришло время начать мятежъ; не знаемъ, кто въ сраженіи будетъ живъ“.

Объ этомъ донесеніи комендантъ тотчасъ довелъ до свѣдѣнія военнаго губернатора, Василія Алексѣевича Перовскаго, и по его приказанію тогда же были взяты подъ стражу Занъ, Сузинъ, Витkевичъ, Ивашкевичъ, Ковальскій и Бернатскій; одни потому, что поименованы въ доносѣ, другіе, что имѣли входъ въ квартиры Зана и Сузина. Занимаемыя первыми пятерыми квартиры были запечатаны, и на другой день, т. е. 27-го Октября, сдѣланъ былъ обыскъ, при которомъ найденныя разныя бумаги взяты для разсмотрѣнія. Между ними оказались слѣдующія письма:

1) Портупей-прапорщика Витkевича къ Зану отъ 7-го Мая 1833 года: „Кепъ Стемпсивскій доселѣ еще не отдалъ писемъ моихъ, что̀ меня весьма безпокоитъ. Всѣ наши планы лопнули; дай Богъ, чтобъ все это кончилось безъ бѣды“.

2) Унтеръ-офицера Кивальскаго къ Зану отъ 3-го Мая 1833 года, въ которомъ Витkевичъ приписалъ: „Дѣла доселѣ не въ лучшемъ положеніи“.

3) Витkевича къ Зану въ 1832 году: „Ѣздилъ я на недѣлю времени въ степь съ Генсомъ, но нынѣшнее мое пребываніе тамъ не принесло мнѣ никакой пользы“.

4) Зана къ Витkевичу въ 1833 году: „Думаю о способахъ и возможности, какъ осуществить то, о чемъ между нами говорено; надобно бы только найти какую-либо опорную точку“.

5) Іосифа Ежевскаго къ Зану: „Хоткевичъ насказалъ мнѣ много хорошаго о Витkевичѣ; онъ здоровъ, смѣлъ, стоекъ, ловокъ; ежели хорошо знаетъ по-татарски, то пусть старается узнать лучше, нежели доселѣ знаетъ, Бухарію и именно Узбекъ. Разумѣется, что напередъ надлежало бы ознакомиться съ лучшими описаніями. Если онъ узнаетъ край этотъ, проникнетъ въ глубину онаго, если позволитъ узнать себя,—увидимъ, что̀ дѣлать должно“.

6) Отъ графа Хоткевича къ Витkевичу отъ 28-го Марта 1833 года на Французскомъ языкѣ: „Воротимся къ положительному. Я начинаю тѣмъ, что умоляю васъ, любезный Витkевичъ, по крайней мѣрѣ на сей годъ отказаться отъ изученія Арабскаго языка; путь этотъ слишкомъ невѣренъ, слишкомъ опасенъ, въ него слѣдуетъ броситься только тогда, когда всѣ надежды къ

производству исчезнутъ. Прошу васъ, любезный другъ, бросьте это столь ненадежное, столь опасное предпріятіе; откажитесь отъ него на одинъ только годъ, откажитесь если не по убѣжденію, то по крайней мѣрѣ изъ дружбы ко мнѣ: это будетъ самое большое доказательство вашей дружбы ко мнѣ. Къ тому же время, которое вы бы провели въ Оренбургѣ, отнюдь не будетъ потеряно; посвятите его вполнѣ наукамъ, тѣлеснымъ упражненіямъ".

27-го Октября явился къ Глазенапу рядовой Кживицкій и объявилъ, что онъ знаетъ обстоятельства, относящіяся къ злоумышленнымъ намѣреніямъ Поляковъ, а 29-го письменно показалъ, что портупей-прапорщикъ Виткевичъ, будучи въ Мартѣ 1832 года въ крѣпости Таналыкской и видя проходящихъ черезъ нее Поляковъ, нуждающихся въ платьѣ, вручилъ ему 50 рублей для раздачи имъ и находящимся въ крѣпости. Во время прогулки за крѣпостью Виткевичъ, между прочимъ, сказалъ, что крѣпости Кизильская и Орская кажутся ему очень важными по имѣющейся въ нихъ артилеріи, при чемъ спросилъ: „Есть ли въ нихъ надежные Поляки?" Кживицкій отвѣтилъ: „Не знаю". Виткевичъ продолжалъ, что Полякамъ нѣтъ надежды къ возвращенію; надобно имъ жить дружно и всѣ силы употребить къ избѣжанію неволи, привлекая на свою сторону Киргизовъ, съ языкомъ которыхъ онъ хорошо знакомъ.

По переводѣ въ крѣпость Красногорскую Кживицкій квартировалъ вмѣстѣ съ рядовымъ Домбровскимъ. 27-го Декабря 1832 года черезъ крѣпость проходили Поляки для опредѣленія на службу; изъ нихъ Дорошевскій, Бутковскій, Высоцкій и Искупа остановились у Домбровскаго и къ вечеру достаточно выпили. Домбровскій, угощая Кживицкаго водкой, говорилъ: „Будешь подлецъ, если не выпьешь" и, обращаясь къ Дорошевскому, добавилъ: „Кживицкій хорошъ; что̀ онъ, то я; онъ заслуживаетъ наше довѣріе". Дорошевскій, будучи пьянъ, говорилъ: „Виткевичъ хорошій Полякъ; онъ имѣетъ большое вліяніе и довѣренность у начальства; а благодаря этому, исполнитъ наше желаніе, надобно только согласіе и вѣрность". Когда же Дорошевскій прощался съ Домбровскимъ, то первый говорилъ: „Пиши къ Виткевичу, можетъ быть, онъ самъ скоро будетъ на линіи; но помни 7-е Мая, т. е. праздникъ Троицы".

Вскорѣ послѣ этого Кживицкій поссорился съ Домбровскимъ, перешелъ на другую квартиру, а потомъ переведенъ былъ въ Оренбургъ. Все это время онъ старался перехватить переписку своихъ земляковъ, но безуспѣшно.

Принявъ во вниманіе всѣ эти доносы, В. А. Перовскій образовалъ подъ своимъ предсѣдательствомъ слѣдственную комиссію, въ составъ которой вошли: комендантъ Глазенапъ, генералъ-маіоръ Стеллихъ, полковникъ Павловъ, адъютантъ военнаго губернатора гвардіи ротмистръ Геке, чиновникъ особыхъ порученій Даль, впослѣдствіи извѣстный писатель, и аудиторъ Слапагузовъ. Комиссіи предложено было начать свои дѣйствія немедленно и заниматься ежедневно, „доколѣ надобность въ томъ будетъ", въ домѣ коменданта. Всѣ тѣ изъ Поляковъ и другихъ, на которыхъ падало подозрѣніе или которые были показаны участниками въ заговорѣ, должны быть, послѣ предваритель-

наго доклада предсѣдателю, арестованы и содержаны порознь другъ отъ друга подъ строжайшимъ наблюденіемъ.

Вотъ что показали о себѣ въ слѣдственной комиссіи Сузинъ, Виткевичъ и Занъ, названные главными двигателями заговора.

1) Сузинъ Адамъ Д[illegible]ьяновъ съ 1815 по 1819 годъ обучался въ Гродненской гимназіи, а потомъ поступилъ въ Виленскій Университетъ, гдѣ въ теченіе четырехъ лѣтъ „обучался всѣмъ наукамъ по физико-математическому отдѣленію и сверхъ того всеобщей исторіи, Польской, Латинской и Французской словесности". Окончивъ Университетъ со степенью кандидата философіи, Сузинъ привлеченъ былъ къ дѣлу объ обществѣ „Филаретовъ", по которому и присланъ въ Оренбургскій край.

О взведенномъ на него обвиненіи Сузинъ писалъ: „Самъ я въ такомъ гнусномъ замыслѣ участвовать не могъ никогда, ибо онъ не согласенъ ни съ моими чувствами, ни съ поведеніемъ, въ которомъ начальники всегда изъявляли мнѣ свою признательность. Въ продолженіе десятилѣтнихъ страданій въ здѣшнемъ краѣ и пятилѣтняго нахожденія на службѣ всѣми поступками и всевозможнымъ усердіемъ старался я доказывать мою преданность къ престолу и чистоту моихъ правилъ. Нынѣ-же мнѣ весьма горестно, что начальство, отъ котораго будущая моя судьба зависитъ, могло хотя на минуту подумать о возможности, чтобъ я питалъ столь гнусныя и развратныя намѣренія. Я Полякъ и не могу желать зла ни моимъ землякамъ, ни родной странѣ; я съ горестью смотрѣлъ на опустошительную войну, уничтожавшую ея прежнее спокойствіе и благосостояніе. Но всегда былъ я твердо увѣренъ, что единственный способъ, которымъ бы Польша могла достичь благополучія, есть совершенная и искренняя преданность Россійскому Монарху, отъ котораго судьба ея всегда должна зависѣть. Въ мнѣніи томъ еще болѣе упрочили меня послѣднія гибельныя происшествія. Всякое новое покушеніе какъ въ самой Польшѣ, такъ болѣе еще въ каждой иной странѣ Россіи, по моему мнѣнію, можетъ быть дѣломъ развѣ только сумасшедшихъ, развѣ враговъ и недоброжелателей Польши".

2) Виткевичъ Иванъ Викторовъ—дворянинъ Виленской губерніи, Шавельскаго уѣзда, обучался въ Кроженской гимназіи, принадлежавшей къ округу Виленскаго Университета. Былъ судимъ военнымъ судомъ, учрежденнымъ въ Вильнѣ подъ предсѣдательствомъ генералъ-лейтенанта барона Розена, за принадлежаніе къ тайному обществу „Черныхъ Братьевъ", составившемуся между учениками Кроженской гимназіи, и въ раздачѣ возмутительныхъ писемъ и стиховъ, за что былъ приговоренъ въ рядовые и сосланъ въ Орскій баталіонъ. Въ 1830 году произведенъ въ унтеръ-офицеры и прикомандированъ къ Оренбургской пограничной комиссіи. Въ 1831 году произведенъ въ портупей-прапорщики съ оставленіемъ при комиссіи.

Относительно участія въ заговорѣ Виткевичъ показалъ: „О томъ, имѣютъ ли Поляки возвратиться на родину, я никогда не разсуждалъ. Это совершенно противно моему образу мыслей, который, я надѣюсь, достаточно оправданъ трехлѣтнею службой при Оренбургской пограничной комиссіи; къ

тому я неоднократно исполнялъ разныя возлагаемыя на меня въ Киргизской степи порученія, и если-бы хотя одна изъ приписываемыхъ мнѣ Кживицкимъ идей могла быть моею, то безъ сомнѣнія я бы не рисковалъ жизнью, поймавъ давно оглашаемаго въ недоброжелательствѣ правительству и скрывающагося нѣсколько лѣтъ султана Мендіяра, тѣмъ болѣе, что я сдѣлалъ сіе, не имѣвъ особеннаго на то повелѣнія, а единственно по собственному желанію исполнять всегда, сколько отъ меня зависитъ, всѣ виды правительства".

3) Занъ Томашъ Королевъ—дворянинъ Минской губерніи, Вилейскаго уѣзда, Молодечанскаго уѣзда, окончилъ курсъ со степенью магистра на физико-математическомъ отдѣленіи Виленскаго Университета. За основаніе при Университетѣ тайнаго общества „Филаретовъ" присланъ въ Оренбургъ съ выдержаніемъ подъ арестомъ въ теченіе года. Геогностическія изысканія въ Оренбургской губерніи обратили на него вниманіе графа Сухтелена, по ходатайству котораго Занъ пожалованъ чиномъ 14-го класса и въ 1831 году, по предписанію Сухтелена, опредѣленъ устроителемъ музеума при Неплюевскомъ Училищѣ.

Относительно заговора Занъ писалъ: „Что я не могъ имѣть и дѣйствительно не имѣлъ никакихъ намѣреній нарушать общественное спокойствіе, могутъ удостовѣрить слѣдующія обстоятельства. Имѣя счастье вступить въ службу по собственному желанію и выбору подъ начальствомъ столь благодѣтельнаго графа Сухтелена и продолжать оную подъ достойнымъ его наслѣдователемъ, облеченнымъ высокою довѣренностью Государя Императора, поставленъ я на дорогѣ всѣхъ возможныхъ выгодъ службы, занимаюсь порученіями и предметами самыми пріятными моему расположенію природному и науками пріобрѣтенному, пользуюсь милостивымъ вниманіемъ начальства, нахожусь безпрестанно на виду онаго, пользуюсь хорошимъ мнѣніемъ и благорасположеніемъ всего высшаго общества въ Оренбургѣ, въ коемъ судьба велѣла мнѣ находить новую родину, въ коемъ созрѣли чувства способныя основать меня навсегда въ семъ городѣ. Столь хорошо и спокойно чувствовалъ я себя въ ономъ, что упрашивалъ отца моего перенестись здѣсь жительствовать со мною и получилъ обѣщаніе его удовлетворить вскорѣ сему сыновнему желанію".

„Первѣйшими особами, коихъ извѣтъ поименовалъ къ лишенію жизни, обласканъ я и облагодѣтельствованъ. Видали онѣ на всякомъ шагу, какъ искалъ я быть за все это чистосердечно благодаренъ по возможности словомъ и дѣломъ. Сколь безкорыстные, сколь любящіе имѣлъ я виды въ предметахъ, касающихся общей пользы сего края, доказываютъ и мои записки, подаваемыя графу Сухтелену, какъ зрѣлый плодъ наблюденій и размышленій, и остающіяся недоконченными въ моихъ бумагахъ начертанія. Всѣ труды мои, коими наполнялась всякая минута здѣшней жизни, отпечатлѣны привязанностью равною для края и до обязанностей службы. И послѣ десятилѣтней пробы миролюбиваго, мягкосердечнаго, созерцательнаго бытія и человѣколюбиваго и благоразумнаго, когда здоровье по слабости отъ натуры организаціи упадаетъ, и привычки становятся непреклоннѣе, могъ-бы я рѣ-

шиться на вздорныя, безразсудныя, кровавыя намѣренія, въ коихъ вѣрно и ощутительно долженъ бы я всѣ вышесказанныя выгоды и блага неоцѣненныя потерять и пожертвовать оными славѣ изверга и сумасшедшаго злодѣя? О, никогда я не измѣнилъ имени честнаго Поляка, добраго человѣка и ревностнаго и вѣрнаго слуги Его Императорскаго Величества!"

„Несправедливость и невѣроятность взведеннаго на меня доноса можно также видѣть и въ томъ, что меня именуютъ главнымъ предводителемъ мятежа. Извѣстно, что я никакихъ не имѣю ни свѣдѣній, ни опытовъ въ военномъ искусствѣ, не умѣю владѣть ни лошадью, ни оружіемъ, не упражнялъ силъ своихъ гимнастикою, непривыченъ переносить трудовъ и неудобствъ походовъ. Медленно и трудно текутъ мои размышленія и рѣчи, робкій мой голосъ и весь характеръ, слабое тѣло, пугливое сердце. Одинъ взглядъ пристальный на меня достаточенъ снять съ меня сіе невѣроятное, нелѣпое и безразсудное предводительство".

Относительно выдержекъ изъ писемъ, найденныхъ и арестованныхъ при обыскѣ, Виткевичъ и Занъ показали, что всѣ онѣ имѣютъ отношеніе исключительно къ служебному и имущественному положенію обвиняемыхъ, особенно Виткевича, который страшно тяготился своимъ положеніемъ.

Слѣдственная комиссія, соображая все дѣло, нашла, что „хотя мѣщанинъ Стариковъ донесъ со словъ рядового Мейера о злоумышленномъ заговорѣ нѣкоторыхъ изъ Поляковъ, но они въ такомъ заговорѣ не сознались, и по изслѣдованію комиссіи не открылось никакихъ обстоятельствъ, относящихся къ ихъ обвиненію, почему 26-го числа Ноября опредѣлила: всѣхъ содержащихся по сему дѣлу, кромѣ доносителя рядового Кживицкаго, изъ подъ караула освободить и употребить попрежнему на службу".

На докладѣ слѣдственной комиссіи военный губернаторъ положилъ нижеслѣдующую резолюцію:

„Какъ рядовой 5-го баталіона Людвигъ Мейеръ не доказалъ ничѣмъ своего доноса о злоумышленномъ заговорѣ Поляковъ, живущихъ въ городѣ Оренбургѣ, то сей поступокъ его присоединить къ дѣлу, производимому надъ нимъ при 3-мъ линейномъ Оренбургскомъ баталіонѣ для совокупнаго обсужденія съ первымъ".

„Рядового изъ дворянъ 4-го баталіона Бонифатія Кживицкаго за недоказаніе выводимаго имъ подозрѣнія на портупей-прапорщика Виткевича и другихъ нижнихъ чиновъ изъ Польскихъ плѣнныхъ относительно замышляемаго ими неблагонамѣреннаго заговора, хотя слѣдовало бы подвергнуть строгому взысканію по законамъ, но въ уваженіе молодыхъ лѣтъ его, а равно и того, что, быть можетъ, доносъ сей сдѣланъ имъ былъ съ добрымъ намѣреніемъ—вмѣнить ему въ наказаніе содержаніе его подъ арестомъ двухъ мѣсяцевъ съ употребленіемъ попрежнему на службу въ томъ же баталіонѣ".

„Штабсъ-капитану Пелевину за непредставленіе къ начальству бумагъ, найденныхъ у бывшаго въ его ротѣ рядового Домбровскаго, сдѣлать строгій выговоръ".

И. С. Шукшинцевъ.

ПОТЬЕ-ДЕ-ЛА-ФРОМАНДІЕРЪ.

Въ „Русской Старинѣ“ 1878 г. печатались письма г-на Пикара къ князю Александру Борисовичу Куракину, въ которыхъ Пикаръ, бывшій его воспитателемъ и оставшійся въ его домѣ въ качествѣ его друга, сообщалъ своему бывшему питомцу, находившемуся за границею въ 1781—1782 гг., новости придворной и общественной жизни Петербурга.

Въ письмѣ отъ 12 Января 1782 г. Пикаръ сообщаетъ, что „въ Воскресеніе праздновали въ Эрмитажѣ свадьбу кавалера де-ла-Фромандіеръ, aide-mojor кадетскаго корпуса, съ дѣвицею Звѣревой, воспитанницею „Смольнаго института“ и при этомъ замѣчаетъ, что „участіе принимаемое Ея Императорскимъ Величествомъ въ судьбѣ этой дѣвицы, будетъ безъ сомнѣнія способствовать къ повышенію г-на де-ла-Фромандіера, достоинство и способности коего всѣми признаны“. Составитель примѣчаній къ письмамъ Пикара П. Н. Петровъ счелъ почему-то нужнымъ отмѣтить, что дѣвица Звѣрева вѣнчана 9-го Янв. 1782 г. при дворѣ не съ Фромандіеромъ, а съ капитаномъ Шляхетскаго кадетскаго корпуса Петромъ Нелидовымъ и что будто бы изъ офиціальныхъ свидѣтельствъ видно, что Пикаръ перепуталъ и соединилъ въ одно два разныя дѣла.

Оказывается, что ошибся не Пикаръ, писавшій о дѣйствительно происходившемъ, а г-нъ Петровъ, который, не имѣя подъ руками ни метрическихъ, ни послужныхъ списковъ фамилій Нелидовыхъ и Потье-де-ла-Фромандіеровъ, позволилъ себѣ поправить Пикара.

Упоминаемый въ письмахъ Пикара Петръ Петровичъ Потье-де-ла-Фромандіеръ родной дѣдъ моей матери Софіи Павловны Булацель, урожденный Потье-де-ла-Фромандіеръ. Какъ изъ послужныхъ списковъ моего прадѣда, такъ равно изъ мемуаровъ княгини Амаліи Гуріеловой и изъ бумагъ, оставшихся послѣ смерти брата моей матери Могилевскаго губернскаго предводителя дворянства А. П. Потье-де-ла-Фромандіера (умершаго въ 1902 году) видно, что жена генералъ-маіора Петра Петровича Фромандіера есть та самая дѣвица Звѣрева, которую г-нъ Петровъ почему-то въ своихъ примѣчаніяхъ обвѣнчалъ съ Петромъ Нелидовымъ.

Петръ Фромандіеръ (Pierre Potier de-la-Fromandière), какъ сообщили намъ наши дальніе родственники Морандіеры (de-la-Morandière), понынѣ еще владѣющіе во Франціи нѣсколькими имѣніями и замкомъ „Ружу“, долженъ былъ покинуть Францію вслѣдствіе дуэли, на которой онъ убилъ своего противника. Въ 1773 году онъ поступилъ на Русскую службу въ одинъ

изъ армейскихъ пѣхотныхъ полковъ и участвовалъ въ дѣлахъ противъ Турокъ подъ Рущукомъ и Журжевымъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, состоя на службѣ уже въ Ахтырскомъ гусарскомъ полку, онъ согласно желанію уволенъ отъ службы, при чемъ въ паспортѣ отъ 14 Сентября 1779 года за подписью князя Потемкина сказано, что увольненіе послѣдовало въ виду выраженнаго Фромандіеромъ желанія вернуться на родину во Францію.

Однако это желаніе не было имъ приведено въ исполненіе, и въ 1780 году Петръ Петровичъ Потье-де-ла-Фромандіеръ вступаетъ уже вторично на Русскую службу въ Императорскій Сухопутный дворянскій кадетскій корпусъ. Съ этого времени начинается его быстрое возвышеніе. Два года спустя Петръ Петровичъ женился на Серафимѣ Николаевнѣ Звѣревой, питомицѣ Смольнаго Монастыря, пользовавшейся особеннымъ расположеніемъ императрицы Екатерины II.

Серафима Николаевна окончила курсъ въ Смольномъ монастырѣ въ 1776 году и „удостоена большой серебрянной медали съ ежегоднымъ полученіемъ награжденія по сту пятидесяти рублей по смерть свою“. Этотъ дипломъ, выданный ей въ Маѣ 1776 г. на пергаментѣ за подписью начальницы Смольнаго монастыря Sophie-de-Lafont и членовъ совѣта графа Эрнеста Миниха, Ивана Бецкаго и Петра Завадовскаго, сохранился до сихъ поръ въ родовомъ имѣніи Фромандіеровъ „Нѣмковичи“, въ Могилевской губерніи Рогачевскаго уѣзда.

Петръ Нелидовъ, товарищъ и другъ Петра Петровича Фромандіера, былъ у него на свадьбѣ шаферомъ, а извѣстная фрейлина Екатерина Ивановна Нелидова была пріятельницею Серафимы Николаевны, съ которой она и сохраняла нѣжную дружбу до самой ея смерти.

Петръ Петровичъ Фромандіеръ съ 1793 года, будучи инспекторомъ Шляхетскаго Кадетскаго корпуса, сдѣлался старшимъ начальникомъ этого заведенія, и неоднократно принималъ императрицу Екатерину, а впослѣдствіи и Павла I, любившаго посѣщать Кадетскій корпусъ.

Къ этому времени относятся историческіе анекдоты, о которыхъ упоминается въ семейныхъ бумагахъ Фромандіеровъ.

Такъ, напримѣръ, однажды Павелъ I былъ въ Смольномъ на публичномъ актѣ. Въ числѣ бывшихъ воспитанницъ Смольнаго монастыря онъ увидѣлъ жену Петра Петровича Фромандіера Серафиму Николаевну, урожденную Звѣреву, и, подойдя къ ней, спросиль ее, не завидуетъ-ли она молоденькимъ институткамъ. Серафима Николаевна сказала Государю, что вообще она не завистлива, но теперь завидуетъ ему, Государю, и на вопросъ почему, смѣло отвѣчала: „Потому, что при разъѣздахъ кареты подаютъ по чинамъ, и Вашему Величеству не приходется ждать, а мнѣ будетъ очень скучно дожидаться, пока дойдетъ очередь до моей кареты“. Государь улыбнулся и приказалъ подать карету г-жи Фромандіеръ вслѣдъ за своею каретою.

Въ 1797 году П. П. Фромандіеру пожаловано командорство, изъ трехъ деревень Петербургской губерніи Гдовскаго уѣзда (Борки, Филева и Заручье). Жалованная грамота на это командорство написана на простой бумагѣ съ

собственноручною подписью императора Павла; а въ 1798 году состоялся указъ Сената о пожалованіи Фромандіеру въ вѣчное и потомственное владѣніе имѣнія „Нѣмковичи“ въ Бѣлорусской губерніи.

Въ томъ же году П. П. де-ла-Фромандіеръ произведенъ въ генералъ-маіоры, а черезъ два года внезапно и навсегда уѣхалъ изъ Петербурга съ двумя дочерьми и маленькимъ сыномъ Павломъ въ свое имѣніе „Большіе Нѣмки“ въ Могилевскую губернію. Повидимому причиною отъѣзда послужило то обстоятельство, что императоръ Павелъ заинтересовался старшею дочерью Петра Петровича Маріею и выразилъ желаніе, чтобы она была представлена ко двору. Ей было въ то время всего 17 лѣтъ, и она была дѣвушкою поразительной красоты. Узнавъ объ этомъ, отецъ немедленно покинулъ со всѣмъ семействомъ столицу. Въ 80 верстахъ отъ Петербурга его нагналъ курьеръ отъ Двора и передалъ посылку отъ Государыни Маріи Θеодоровны и письмо отъ 18 Іюня 1800 года на имя дѣвицы Маріи Потье-де-ла-Фромандіеръ отъ Екатерины Ивановны Нелидовой на Французскомъ языкѣ слѣдующаго содержанія:

Je vous envoye, mon aimable Марія Петровна, une petite agraffe, que Sa Majesté l'Impératrice m'avait chargée de vous remettre de sa part en vous témoignant toute l'estime que votre conduite et votre charmant caractère lui donnent pour vous. Mademoiselle Cilbereisen vient de nous apprendre, que vous êtez obligés de vous arrêter pour quelque tems chez le baron Tscherkassoff. Je suis bien sincerement fâchée que ce soit pour un sujet aussi triste que la maladie de mon cher petit amoureux Paul. Je souhaite du fond de mon coeur qu'il se rétablisse bientôt. Dieu veuille conserver ce charmant enfant. Dites bien des choses aimables de ma part à votre bon papa. Il ne doute certainement pas de mon tendre intérêt à ce qui le concerne. J'embrasse Sophie et vous, ma chère et bonne Macha du fond de mon âme. Votre sincère et bien affectionnée servante C. Nelidoff *).

Въ запискахъ своихъ, сохранившихся въ имѣніи Нѣмкахъ, княгиня Амалія-Викторія Ивановна Гуріелова, урожденная Сестренцевичъ-Богушъ, близкая родственница извѣстнаго митрополита Римско-Католическихъ церквей Станислава Сестренцевича-Богушъ, упоминая о томъ, что въ 1802 году при посѣщеніи Императоромъ Александромъ I города Могилева былъ данъ дворянствомъ блестящій балъ, пишетъ: L'épouse du gentilhomme de la cour Bibicoff avec sa soeur la comtesse Sologoub étaient des connaissances de Sa Majesté, qui surtout a beaucoup causé et dansé avec m-elle de Fromandière, une jeune per-

*) „Я вамъ посылаю, милая Марія Петровна, маленькую брошь, которую Государыня поручила мнѣ передать вамъ отъ нея въ знакъ глубокаго уваженія, которое она питаетъ къ вашему поведенію и прелестному характеру. Госпожа Сильберейзенъ только что намъ сообщила, что вы вынуждены остановиться на нѣкоторое время у барона Черкасова. Я очень огорчена, что эта остановка вызвана такимъ печальнымъ событіемъ, какъ болѣзнь моего маленькаго любимчика Павла. Дай Богъ, чтобы онъ скорѣе поправился. Пожалуйста передайте вашему отцу мой привѣтъ; онъ конечно не будетъ сомнѣваться въ глубокомъ моемъ сочувствіи. Цѣлую Софію и васъ, моя милая, добрая Маша, отъ всей души. Ваша, искренно васъ уважающая и преданная вамъ Е. Нелидова“.

sonne charmante qui arrivait de Pétersbourg avec son respectable père, qui a ses biens dans ce gouvernement. Elle mourut quelques années après *).

Мужъ Амаліи Ивановны князь Иванъ Гуріеловъ или Гурьяловъ (какъ онъ самъ подписывался) родился въ 1771 году въ Россіи и былъ сыномъ князя Стефана Христофоровича Гуріэль отъ брака его съ Анной Суровцевой. Онъ происходилъ изъ владѣтельнаго рода князей Гуріи.

Восьмилѣтнимъ мальчикомъ князь Иванъ Стефановичъ Гурьяловъ былъ зачисленъ въ списки арміи и съ 1787 года принималъ участіе въ кампаніяхъ Турецкой и Польской подъ начальствомъ Суворова; онъ участвовалъ также во многихъ сраженіяхъ въ теченіе Отечественной и Французской кампаній съ 1812 по 1815 годъ, но никогда не былъ раненъ и вѣрилъ, что его сохраняетъ отъ опасности чудотворный образокъ съ мощами Св. Стефана, который онъ всегда носилъ на груди. За свои воинскіе подвиги и за участіе въ Бородинской битвѣ онъ былъ награжденъ генералъ-маіорскимъ чиномъ, имѣлъ золотую саблю, украшенную алмазами съ надписью „За храбрость". Когда Кутузовъ былъ генералъ-губернаторомъ въ Вильнѣ, князь Иванъ Стефановичъ Гурьяловъ въ его отсутствіе въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ исполнялъ обязанности генералъ-губернатора. Умеръ онъ въ 1818 году сорока семи лѣтъ отъ роду, а единственная дочь его Дарья Ивановна княжна Гурьялова вышла замужъ за единственнаго сына Петра Петровича Потье-де-ла-Фромандіера Павла Петровича, служившаго въ гвардіи полковникомъ въ Финляндскомъ полку.

Во время Бородинской битвы Павелъ Петровичъ Фромандіеръ находился въ отрядѣ князя Ивана Стефановича Гурьялова и когда послѣ сраженія, одинъ изъ адъютантовъ Кутузова назвалъ ему фамилію Павла Петровича, Кутузовъ тотчасъ же вызвалъ Фромандіера изъ фронта и выразилъ радость, что онъ остался невредимъ въ этомъ кровопролитномъ сраженіи, обнялъ, поцѣловалъ его и сказалъ: „Передай твоему отцу, что Кутузовъ его помнитъ и по прежнему любитъ". Кутузовъ, какъ извѣстно, имѣлъ страсть къ картамъ и эта страсть однажды едва не погубила его блестящую карьеру въ царствованіе Императора Павла I, если бы его не выручилъ Петръ Петровичъ Фромандіеръ. Подробности этого происшествія могли бы наложить тѣнь на имя Русскаго героя, если бы съ другой стороны не свидѣтельствовали, что Кутузовъ, какъ всѣ истинно даровитые и заслуженные люди, умѣлъ не только увлекаться, но и помнить оказанныя ему услуги.

Кромѣ расположенія Кутузова Петръ Петровичъ Фромандіеръ и его семейство пользовались неизмѣннымъ дружескимъ расположеніемъ графа Карла Ѳедоровича Толя, который самъ разсказывалъ моему дядѣ Александру Павловичу Фромандіеру, когда послѣдній, будучи еще мальчикомъ, былъ ему представленъ своимъ отцомъ Павломъ Петровичемъ, что если бы Петръ

*) Супруга камергера Бибикова и сестра ея графиня Соллогубъ были знакомы Государю. Онъ очень часто разговаривалъ и танцовалъ съ дѣвицею Фромандіеръ, молодою красавицею, прибывшею изъ Петербурга съ своимъ почтеннымъ отцомъ, у котораго имѣніе въ здѣшней губерніи. Она черезъ нѣсколько лѣтъ умерла.

Петровичъ де-ла-Фромандіеръ не похвалилъ его Павлу І-му, какъ лучшаго изъ кадетъ, то онъ бы не сдѣлалъ такой блестящей карьеры.

Случилось, что во время посѣщенія Павломъ І-мъ Кадетскаго Корпуса инспекторъ корпуса Фромандіеръ объяснилъ Государю, что очень огорченъ тѣмъ, что не можетъ представить Государю лучшаго своего ученика кадета Толя, такъ какъ онъ лежитъ больной въ лазаретѣ. Государь пожелалъ пройти въ лазаретъ и, увидя Толя, поздравилъ его съ производствомъ въ офицерскій чинъ. Съ этого времени началось быстрое возвышеніе Толя. Онъ былъ прикомандированъ къ отряду Суворова, участвовалъ въ походѣ черезъ Альпы, а впослѣдствіи отличился въ Отечественной войнѣ 1812 г. и при штурмѣ Варшавы въ 1830 году, а въ 1829 году за участіе въ Турецкой войнѣ возведенъ въ графское достоинство.

Графъ Толь зналъ и любилъ Россію, ибо по воспитанію своему, полученному въ Кадетскомъ Корпусѣ, не былъ похожъ на тѣхъ питомцевъ Балтійскихъ школъ, для которыхъ Нѣмецкіе интересы Балтійскаго края дороже чести и славы Россіи. До самой своей смерти онъ сохранилъ глубокую привязанность къ своему воспитателю П. П. Потье-де-ла-Фромандіеру, о чемъ свидѣтельствуетъ сохранившееся письмо графа Толя къ сыну его Павлу Петровичу, помѣченное 1834 годомъ: „Вы можете, дорогой Павелъ Петровичъ, разсчитывать на мою неизмѣнную дружбу, которая для меня священный долгъ, такъ какъ вашъ отецъ когда-то былъ для меня вторымъ отцомъ“.

Петръ Петровичъ Фромандіеръ скончался въ своемъ имѣніи „Нѣмки“ или „Большіе Нѣмковичи“ въ Могилевской губерніи въ 1825 году 76 лѣтъ, а сынъ его Павелъ умеръ 80 лѣтъ отъ роду и погребенъ въ томъ же имѣніи.

Фамилія князей Гурьяловыхъ пресѣклась, по крайней мѣрѣ въ архивѣ Департамента Герольдіи Правительствующаго Сената хранится дѣло, изъ котораго видно, что княгиня Амалія Ивановна Гурьялова хлопотала о дарованіи княжескаго титула Павлу Петровичу Фромандіеру, мужу ея единственной дочери Даріи Ивановны Фромандіеръ и о присоединеніи къ фамиліи Потье-де-ла-Фромандіеръ фамиліи князей Гурьяловыхъ. У Даріи Ивановны было двѣ дочери и четыре сына. Старшій сынъ ея Николай погибъ при штурмѣ Карса во время Крымской Кампаніи. Второй сынъ, Могилевскій губернскій предводитель дворянства, Александръ Павловичъ Фромандіеръ умеръ въ 1902 г. холостымъ въ возрастѣ 75 лѣтъ. Третій сынъ генералъ-лейтенантъ Иванъ Павловичъ Фромандіеръ умеръ скоропостижно въ 1900 году въ возрастѣ 69 лѣтъ. Старшая дочь ея Серафима Павловна Фромандіеръ умерла такъ же въ преклонномъ возрастѣ. Она была замужемъ за Черниговскимъ помѣщикомъ предводителемъ дворянства Мглинскаго уѣзда А. И. Жоравко-Покорскимъ. Въ живыхъ же остались въ настоящее время изъ всѣхъ дѣтей Даріи Ивановны Фромандіеръ только двое, а именно младшая дочь Софія Павловна бывшая замужемъ за моимъ покойнымъ отцемъ Славяносербскимъ предводителемъ дворянства Екатеринославской губерніи Ѳедоромъ Николаевичемъ Булацелемъ и сынъ Петръ Павловичъ де-ла-Фромандіеръ генералъ-маіоръ въ отставкѣ, старый холостякъ, живущій въ своемъ родовомъ имѣніи въ Могилевской губерніи.

Павелъ Булацель.

СОДЕРЖАНІЕ
ВТОРОЙ КНИГИ
«РУССКАГО АРХИВА»
1902 года.
(выпуски 5, 6, 7 и 8).

Зимняя поѣздка въ Бѣлозерскій край графа Павла Шереметева. Москва, 1902, въ 4-ку, 180 стр.

Книга эта дѣлаетъ большую честь Синодальной типографіи въ отношеніи типографскомъ. У насъ изящное печатаніе еще такъ рѣдко, что нельзя не отмѣтить съ особымъ удовольствіемъ всякій шагъ въ смыслѣ усовершенствованія типографскаго дѣла. Не только шрифтъ очень чётокъ, скатный, какъ выражались нѣкогда, но онъ изященъ. Прекрасные заголовки и отлично расположенныя многочисленныя виньетки, о которыхъ надо сказать, что онѣ гораздо лучше чѣмъ внѣ-текстныя изображенія (исключая впрочемъ снимковъ съ кружевъ, приложенныхъ въ концѣ книги: эти послѣдніе переданы вполнѣ хорошо). Большая часть книги занята записанными графомъ Шереметевымъ произведеніями народнаго устнаго творчества и разными заговорами, значеніе каковыхъ для науки должны оцѣнить спеціалисты. Намъ представляется, однако, что не совсѣмъ удобно соединеніе повѣствованія о приключеніяхъ во время случайно предпринятой поѣздки съ матеріаломъ научнаго свойства, пользованіе которымъ затрудняется перетасовкою его съ лёгкими путевыми замѣтками, тогда какъ эти послѣднія тоже теряютъ отъ тяжеловѣсной въ нихъ вставки того, что̀ для легкаго чтенія вовсе не годится. Начало разсказа отдѣляется отъ конца многосложной вставкою записаннаго, такъ что трудно получить цѣлостное впечатлѣніе объ описанномъ краѣ. Само̀ зимнее время, въ которое поѣздка совершена авторомъ, мало способствовало живому о немъ представленію: зима, облекая природу снѣговымъ саваномъ, сковываетъ и обиходъ людской необходимостью ютиться по домамъ, гдѣ тѣснота отнимаетъ возможность у жизни съ особенностями развернуться во всю ширь. Тѣмъ не менѣе графъ Шереметевъ успѣлъ внести въ свой разсказъ живыя бытовыя картины; укажемъ напр. на сцену, гдѣ играетъ главную роль сельскій дьячокъ, страстный охотникъ, прозванный дѣвками - загонщицами „церковной задвижкой“. Любопытенъ также и передовой интеллигентъ изъ крестьянской среды, Егоръ Чернышовъ. Это одинъ изъ типовъ, которые интеллигенты высшаго пошиба, напр. земскіе желали бы видѣть пріумноженными въ тёмной доселѣ крестьянской массѣ. Егоръ Чернышевъ зажиточный крестьянинъ и церковный староста. Онъ почитатель земства, идущаго чрезъ школу просвѣщенія, и почитаетъ за „нѣкій тормазъ“ то, что ему не позволили распространять книги, полученныя отъ Комитета Грамотности. По мнѣнію автора, Чернышовъ, сѣтующій на господство произвола, „ясно объяснилъ“ корень онаго—это соединеніе въ одномъ лицѣ судебной и полицейской власти. Такіе типы, все болѣе и болѣе развивающіеся, являются представителями индивидуализма и слѣд. противниками общиннаго быта. Чернышовъ видитъ въ общинѣ „зло“; въ немъ же самомъ многіе изъ читателей усмотрятъ, на оборотъ, представителя того просвѣщеннаго возрѣнія, которое давно произнесло приговоръ надъ общиной и стремится надѣлить Россію такими крестьянскими интеллигентами, которые будутъ всѣ личными землевладѣльцами и достойными членами земскихъ собраній. Въ числѣ заговоровъ замѣчателенъ названный „Святымъ письмомъ“, хотя его въ точномъ смыслѣ нельзя назвать „заговоромъ“. Любопытно, что въ немъ обѣщается стодневное отпущеніе грѣховъ: мотивъ чисто-латинскій и идущій, можетъ быть, отъ Новгорода и дѣйствовавшихъ тамъ „Варяжскихъ поповъ“. Есть также заговоръ, который кажется, лучше бы не печатать. Называется онъ „противъ невладѣнія“ (стр. 44). Нѣтъ сомнѣнія, что, при распространенности заговоровъ, они имѣются на всѣ потребы житейскія; но какъ не все житейское совершается на̀ людяхъ, такъ и не все, касающееся „прикровенной стороны“ обихода, подлежитъ обнародованію; особенно въ книгѣ, которая, какъ иллюстрированная, и къ тому же изящно, можетъ попасть въ руки тѣхъ, кому такихъ вещей читать не подобаетъ.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1902 года.

(Годъ 40-й).

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1902 году, за **двѣнадцать выпусковъ**, съ пересылкой и доставкой **девять** рублей; для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива» на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“ для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» прошлыхъ лѣтъ получаются по слѣдующимъ цѣнамъ: **1874** годъ, съ двумя гравированными на стали портретами (Ѳ. И. Тютчева и князя В. Ѳ. Одоевскаго), за 6 р., съ пересылкою 7 р.; годы **1877, 1879, 1884** и **1886—1889** по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р.; годы **1890—1892, 1894** и **1895** по 6 р., съ пересылкою по 7 р.; годы **1898—1901** по 8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Оставшіеся въ розбити выпуски можно получать по **1 р.** съ перес.

Роспись содержанію Русскаго Архива за первыя 30 лѣтъ изданія (1863—1892) съ Азбучнымъ Указателемъ. М. 1894. 240 стр. Цѣна **три** рубля.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногороднаго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный—**90** копѣекъ; иногороднаго на Московскій—**40** копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, отъ 9 часовъ утра до 5 часовъ по полудни.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ**.